(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

1.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1906

Профессоръ А. Н. Филипповъ. Бумаги Кабинета Министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы 104, 106, 108, 111, 114, 117 и 120).

Бумаги Кабинета Министровъ, собранныя профессоромъ Московскаго Университета А. Н. Филипповымъ изъ важнѣйшихъ нашихъ архивовъ (Государственнаго, общаго архива Министерства Императорскаго Двора, Архива Министерства Юстиціи и Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), составляютъ нынѣ уже VII томовъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Онѣ касаются самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдѣнія Кабинета Министровъ. Кабинетъ этотъ при Аннѣ сосредоточивалъ въ себѣ верховное управленіе надъ всею Россіею и оттѣснилъ собою на второй планъ Правительствующій Сенатъ. На основаніи изданныхъ нынѣ впервые бумагъ Кабинета Министровъ можно безъ преувеличенія сказать, что ни одинъ сколько-нибудь важный *именной* указъ не выходилъ въ свѣтъ, не бывъ *предварительно* составленъ и обсужденъ въ Кабинетѣ (Императрица писала „апробую" и снабжала своею подписью). Указовъ этихъ, а равно и высочайшихъ повелѣній, прошедшихъ чрезъ Кабинетъ, напечатано въ названномъ нами собраніи проф. А. Н. Филиппова *нѣсколько сотъ*, при чемъ *ни одинъ* изъ нихъ не попалъ въ соотвѣтствующіе, по годамъ, томы Перваго Полнаго Собранія Законовъ. Неудивительно поэтому, что всѣ изслѣдователи, которые черпали свои свѣдѣнія о царствованіи Анны Іоанновны и объ ея Кабинетѣ изъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ получали весьма недостаточное, а иногда и прямо превратное понятіе о предметѣ, такъ какъ громадный матеріалъ законодательной и административной дѣятельности Кабинета, заключенный въ указанныхъ архивахъ и только недавно извлеченный изъ нихъ проф. Филипповымъ, оставался совершенно имъ неизвѣстенъ, что, конечно, не могло способствовать вѣрному представленію о Кабинетѣ и его отношеніи къ самодержавной императрицѣ. Вопросъ о Кабинетѣ Министровъ имѣетъ не только историческое, но также и практическое значеніе, такъ какъ этотъ Кабинетъ нынѣ возрождается (хотя и при иныхъ совсѣмъ условіяхъ) подъ видомъ *Совѣта Министровъ* и ему предстоитъ, вѣроятно, большая роль въ нашемъ верховномъ управленіи. И такъ слѣдуетъ ближе посмотрѣть, чѣмъ былъ Кабинетъ при самодержавной государынѣ, разорвавшей „зловредныя письма, какъ она на престолъ взошла" (т. е. вынужденныя у нея немногими лицами ограниченія державныхъ ея правъ), но потомъ зорко слѣдившей за неприкосновенностью своей царской власти.

Исторіи образованія Кабинета при Аннѣ Іоанновнѣ, а равно и вопросу объ устройствѣ Кабинета, его правамъ и дѣятельности посвящено обширное введеніе, составленное проф. Филипповымъ (оно помѣщено въ 104-мъ томѣ названнаго Сборника И. Р. Ист.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1906.

I.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

> Умное и мужественное *уваженіе* къ нашимъ *предкамъ* выражается не въ суевѣрной преданности тому, что они дѣлали при другихъ условіяхъ, а тому, что они сдѣлали бы въ нашемъ положеніи.
>
> *Маколей.*

1906.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1906.

ИМЕННЫЕ УКАЗЫ, ОБЪЯВЛЕННЫЕ СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ И НЕ ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ «ПОЛНОМЪ СОБРАНІИ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ»

Собранные Н. И. Григоровичемъ *).

Царствованіе императора Петра III.

1.

Указъ нашему Синоду.

Сколь нужно есть для прямого истиннаго благочестія вѣры созидать храмы Божіи къ приношенію безкровныхъ жертвъ, столь болѣе надлежитъ устроенные вообще для всѣхъ соборы и приходскія церкви сохранять съ подобающимъ благолѣпіемъ; ибо не умноженіе, но благочиніе и содержаніе оныхъ полезно, что̀ зависитъ отъ числа потребнаго къ тому прихожанъ и доброхотнодателей подаянія. А какъ здѣсь въ Петербургѣ великое число въ домахъ партикулярныхъ людей построено церквей, то не можно и надѣяться, чтобъ обще-народные соборы и церкви съ должнымъ благоголѣпіемъ сохраняемы были; потому что всякой о своей, а не общей попеченіе прилагаетъ. И для того нашему Синоду высочайше повелѣваемъ о семъ по должности своей разсмотрѣть и немедленно намъ представить, а впредъ безъ соизволенія нашего въ партикулярныхъ домахъ церквей строить не дозволять. *Петръ.*

Марта 5 дня 1762 году.

2.

Указъ нашему Синоду.

Съ великимъ удивленіемъ увѣдомились мы, что послѣ того какъ подтвердительный отъ насъ указъ данъ, чтобы учительное ея величест-

---

*) Правописаніе возстановлено, какъ принято въ настоящее время, при печатаніи документовъ XVIII вѣка. Печатается настоящій сборникъ съ разрѣшенія товарища об.-прокурора Святѣйшаго Синода Юрія Васильевича Толстого, которому принадлежатъ біографическія примѣчанія объ іерархахъ. Н. Г.

вомъ, государынею императрицею Елисаветою Петровною (нашею всемилостивѣйшею теткою, вѣчныя памяти) еще въ 1751 году о монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинахъ распоряженіе немедленно самымъ дѣламъ исполнено было; слѣдовательно, вѣдая уже объ ономъ, нѣкоторые изъ архіереевъ и самыхъ синодскихъ членовъ отважились послать въ вотчины нарочныхъ, дабы съ крестьянъ собрать въ самой скорости разные поборы и подъ разными названіями старыхъ недоимокъ и тому подобнаго, что̀ и по слѣдствію оказалося. Сего ради наистрожайше чрезъ сіе Синоду повелѣваемъ: 1) крѣпчайше запретить, чтобы болѣе таковыхъ поборовъ отнюдь чинено не было, подъ опасеніемъ неминуемаго взысканія и нашего гнѣва; 2) гдѣ и сколько съ Февраля мѣсяца сихъ поборовъ собрано, оные всѣ велѣть содержать въ наличности, никуда въ расходъ не употребляя, и о томъ собравъ вѣдомости немедленно подать и 3) о семъ нашемъ указѣ дать знать во всѣ епархіи немедленно, дабы отъ оныхъ и во всѣ монастыри для равномѣрнаго исполненія знать дано было. *Петръ.*

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 4 дня 1762 года.

Св. Синодъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 8 Марта 1762 г. доносилъ: «Имяннымъ В. И. В. за подписаніемъ собственныя руки, даннымъ Синоду въ 5 день сего Марта, о великомъ числѣ церквей здѣсь въ С.-Петербургѣ у партикулярныхъ людей въ домѣхъ построенныхъ, высочайшимъ указомъ повелѣно Синоду по должности своей, разсмотря, немедленно В. И. В. представить, а впредь безъ соизволенія В. И. В. въ партикулярныхъ домѣхъ церквей строить не дозволять. Во исполненіе онаго В. И. В. высочайшаго указа Синодъ всеподданнѣйше В. И. В. представляетъ, что хотя таковое у мірскихъ людей въ партикулярныхъ домѣхъ церквей построеніе еще въ прежнія времена Духовнымъ Регламентомъ отречено и оное за излишнее и укорительное почтено *), и имѣть оныхъ никому у себя въ партикулярныхъ домѣхъ не дозволено; но понеже имянными блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1722 г. Апрѣля 12 и 1723 г. Октября 14 указами оныя имѣть знатнымъ персонамъ въ случаѣ старости и немощи, до церкви ходить не допущающей, дозволено; вслѣдствіе чего таковыя дозволенія отъ епархіальныхъ архіереевъ и даваны, и таковыхъ въ партикулярныхъ домѣхъ у разныхъ персонъ церквей здѣсь въ С.-Петербургѣ, по взнесенной отъ синодальнаго члена преосвященнаго Веніамина, архіепископа С.-Петербургскаго, вѣдомости, по дозволеніямъ

*) Содержаніе Регламента слѣдующее: „Отселѣ не быть у мірскихъ ни у кого (кромѣ фамиліи Царскаго Величества) въ домѣхъ церквамъ и крестовымъ попамъ, ибо сіе лишнее есть, и отъ единой спѣси дѣется и духовному чину укорительное. Ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ и не стыдились бы быть братіею, хотя и крестьянъ своихъ, во обществѣ христіанстѣмъ: *о Христѣ бо Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь*, глаголетъ Апостолъ“.

прежнихъ С.-Петербургскихъ архіереевъ, числомъ тридцать состоитъ. Того ради кому изъ оныхъ персонъ въ партикулярныхъ своихъ домѣхъ церкви имѣть дозволено, или и всѣмъ генерально отречено будетъ, оное зависитъ отъ высочайшаго В. И. В. соизволенія; чего ради съ той вѣдомости для высочайшаго В. И. В. усмотрѣнія подноситъ Синодъ при семъ копію. А что касается до того, чтобы отнынѣ впредъ, безъ соизволенія В. И. В., въ партикулярныхъ домѣхъ церквей строено не было, то объ ономъ изъ Синода во всѣ епархіи къ архіереомъ подтверждено будетъ указами, съ тѣмъ, чтобъ о числѣ имѣющихся понынѣ въ партикулярныхъ домѣхъ церквей, а особливо о состоящихъ въ Москвѣ, присланы были въ Синодъ для разсмотрѣнія вѣдомости, со обстоятельнымъ, когда оныя, и по чьему дозволенію, и для каковыхъ виномловій построены, показаніемъ».

Вѣдомость сколько въ С.-Петербургѣ и у кого имянно въ партикулярныхъ домѣхъ состоитъ церквей и въ какое имянованіе.

Генералъ-фельдмаршала, действительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, военной коллегіи президента, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковника, и кавалера, князь Никиты Юрьевича Трубецкого, Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго образа.

Канцлера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, дѣйствительнаго камергера и кавалера, графа Михайла Ларіоновича Воронцова, Св. Климента папы Римскаго *).

Покойнаго генералъ-фельдмаршала, сенатора и кавалера, графа Петра Ивановича Шувалова, Казанскія пресвятыя Богородицы.

Покойной свѣтлѣйшей княгини Гессенгомбургской, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Дѣйствительной статсъ-дамы, графини Марьи Андреевны Румянцовой, Святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

Вдовствующей фельдмаршальши, Аграфены Леонтьевны Апраксиной, Воскресенія Христова.

Вдовствующей генеральши, княгини Ирины Михайловны Юсуповой, Димитрія митрополита Ростовскаго, новоявленнаго чудотворца.

Генералъ-аншефа, Е. И. В. оберъ-камергера и кавалера, графа Петра Борисовича Шереметева, Святыя Великомученицы Варвары.

Генералъ-прокурора, генералъ кригсъ-комисара и кавалера Александра Ивановича Глѣбова, Маріи Магдалины.

Ихъ Императорскихъ Величествъ духовника, Московскаго Благовѣщенскаго протоіерея, Ѳедора Дубянскаго, Преображенія Господня.

Покойнаго оберъ-гофмаршала и кавалера Дмитрія Андреевича Шепелева, Преображенія Господня.

Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, святаго Іоанна Предтечи.

Генералъ-порутчика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, графа Ивана Симоновича Гендрикова, Сошествія Святаго Духа.

---

*) Празднуется 25 Ноября, т. е. въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны, въ коемъ графъ М. Л. Воронцовъ принималъ непосредственное участіе. Въ Москвѣ на Пятницкой улицѣ построена прекрасная церковь во имя того же святого. См. „Архивъ Князя Воронцова“. П. Б.

Генералъ-порутчика, мануфактуръ-коллегіи президента и кавалера, графа Гаврила Ивановича Головкина, Всемилостиваго Спаса, Нерукотвореннаго образа.

Дѣйствительнаго камергера и кавалера, графа Сергѣя Павловича Ягушинскаго, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Генералъ-порутчика, двора Е. И. В. гофмейстера, дѣйствительнаго камергера и кавалера, князя Бориса Александровича Куракина, Рождества Пресвятыя Богородицы.

Тайнаго совѣтника, Московскаго генералъ-полицимейстера и кавалера Ивана Ивановича Дивова, Святаго Николая Чудотворца.

Генералъ-порутчика, сенатора, Санктпетербургскаго коменданта и кавалера Ивана Ивановича Костюрина, Живоначальныя Троицы.

Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, дѣйствительнаго камергера и кавалера, графа Петра Григорьевича Чернышева, святаго Николая Чудотворца.

Адмирала и кавалера Александра Ивановича Головина, святаго апостола Андрея Первозваннаго.

Генералъ-порутчика и кавалера, графа Андрея Ивановича Яфимовскаго, Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго образа.

Коммерцъ-коллегіи президента и кавалера Якова Евреинова, Казанскія Пресвятыя Богородицы.

Вдовствующей генеральши Евѳиміи Мельгуновой, Пресвятыя Богородицы, всѣмъ скорбящимъ Радость.

Покойной генеральши, княгини Бѣлосельской, святаго Николая Чудотворца.

Двора Е. И. В. камергера Сергѣя Наумовича Синявина, Всемилостиваго Спаса происхожденія честныхъ древъ.

Бригадира Михайла Яковлева, святаго Николая Чудотворца.

Статскаго совѣтника Василья Бакунина, святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

Санктпетербургскаго гарнизона Ямбургскаго полку полковника Александра Римскаго-Корсакова *), Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитана порутчика принца Грузинскаго, Введенія Пресвятыя Богородицы.

Да сверхъ оныхъ Санктпетербургскаго купца золотой и галантерейной фабрики содержателя Семена Роговикова, святаго Николая Чудотворца, построена ради немалаго числа мастеровыхъ людей.

Итого тридцать церквей.

*

Въ Апрѣлѣ, 24 дня 1762 г., Д. Волковъ, письмомъ на имя преосвященнаго Димитрія, объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

Его Императорское Величество всемилостивѣйше указалъ, чтобъ въ домѣ ея превосходительства госпожи генералъ-фельдмаршальши Аграфены Леонтьевны Апраксиной для ея матери домовую церковь имѣть попрежнему дозволено было.

---

*) Дѣда Александры Ивановны Васильчиковой. П. Б.

Царствованіе императрицы Екатерины Великой.

1.

Нашему Святѣйшему Синоду.

По власти Всемогущаго Бога и по желанію всѣхъ сыновъ Россійскихъ, воспріяли мы Всероссійскій Императорскій престолъ, о чемъ по всей нашей Имперіи наиторжественнѣйше присягу намъ учинили. Того ради манифестъ и присягу прилагая при семъ*), повелѣваемъ оные тотчасъ обнародовать и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ наиторжественнѣйше къ присягѣ привесть и по исполненіи намъ репортовать. Данъ въ С.-Петербургѣ. Іюня 28 дня 1762 года. *Екатерина.*

1-го Іюля 1762 года, Св. Синодъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ доносилъ Императрицѣ слѣдующее: „По состоявшемуся Вашего Императорскаго Величества, 28 числа Іюня, о всерадостнѣйшемъ Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Императорскій престолъ восшествіи высочайшему указу, Синодъ усерднѣйше и ревностнѣйше учинилъ того жъ числа исполненіе, а именно: приложенные при ономъ манифестъ и присяга въ С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ при собраніи духовныхъ персонъ многому собравшемуся народа числу обнародованы и благодарственныя Всемогущему Богу молебныя пѣнія во всѣхъ здѣшнихъ церквахъ отправлены, а 30 числа и во всѣ епархіи и прочія мѣста о томъ же указы съ нарочными въ Москву посланы“.

2.

Святѣйшій Синодъ.

Бывшая подъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода Канцелярія Экономіи для сборовъ надлежащихъ съ Синодальныхъ изъ-за опредѣленныхъ вотчинъ доходовъ, для должнаго тѣхъ соблюденія и для протчихъ во оной бывшихъ дѣлъ производствъ, неотмѣнно продолжаться потребна, до того время, пока для штатовъ духовнаго чина комиссія надлежащее производство и исполненіе учинитъ. Того ради повелѣваемъ, чтобы во оной Канцеляріи Экономіи, какъ и прежде, съ духовными и свѣтскія персоны присутствовали, и нынѣ присутствовать, въ должности совѣтника, Мануфактуръ Коллегіи совѣтнику Ивану Киселеву въ должности прокурора, главнаго комисаріата прокурору Алексѣю Дубенскому, которымъ и при прежнихъ своихъ мѣстахъ быть. Данъ въ Санктпетербургѣ. Августа 16 дня 1762 году. *Екатерина.*

---

*) Манифестъ съ приложеніемъ присяги на вѣрность подданства Екатеринѣ II-й при Павлѣ выдирался и уничтожался. Онъ помѣщенъ въ 1-мъ т. П. С. З. Р. И. № 11. 582. Перепечатанъ въ 1-й книгѣ Сборника „Осмнадцатый Вѣкъ“. П. Б.

3.

Указъ Святѣйшему Синоду.

Повелѣваемъ Синодальному члену и Новгородской епархіи архіепископу Димитрію[1] *именоваться оной же епархіи митрополитомъ. Октября 8 ч. 1762. Екатерина*[2].

4.

Указъ нашему Синоду.

Бывшей долгое время при дворѣ нашемъ въ службѣ Устиньѣ Горелкиной всемилостивѣйше позволяемъ мы не токмо жить въ Новодѣвичьемъ въ Москвѣ монастырѣ, но и постричься, когда она похочетъ, повелѣвая при томъ давать ей по смерть на содержаніе по триста рублевъ на годъ изъ экономическихъ доходовъ. *Екатерина.*

День 29 Октября 1762 года.

5.

Святѣйшій Синодъ.

Я, разсматривая поданной мнѣ отъ васъ о епископѣ Иракліи, объ архимандритѣ Іовѣ и о протчихъ показанныхъ церковнослужителяхъ докладъ, повелѣваю епископу Ираклію, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, впредъ до опредѣленія на порожные мѣста въ епархію, быть въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ настоятелемъ и исполнять должное по узаконеніямъ со тщаніемъ.

А о архимандритѣ Іовѣ и о протчихъ въ томъ же дѣлѣ оказавшихся учинить Святѣйшему Синоду надлежащія опредѣленія; а чтобы всегда какъ наискорѣе съ лучшими успѣхами обиды, зависть и безпокойства прекращаемы, а доброе согласіе и справедливость предпочитаемы были, прошу Бога, чтобы въ вашихъ о томъ должныхъ стараніяхъ вспомоществовалъ. Екатерина[3].

Нояб. 5 ч. 1762 г.

6.

Нашему Святѣйшему Синоду.

Указы наши словесные принимать повелѣваемъ въ силу указа отъ 3

---

[1] *Димитрій Сѣченовъ* изъ архим. Свіяжскихъ. 1742 еп. Нижегородскій. 1748 уволенъ за болѣзнію въ Казанскую Раифскую пустынь. 1752 еп. Рязанскій. 1757 архіеп. Новогородскій. 1762 митрополитъ. 1767 Дек. 11 † въ Москвѣ, погребенъ въ Новгород. Софійскомъ соборѣ.

[2] Весь указъ собственноручный.

[3] Весь указъ собственноручный; онъ былъ вложенъ въ пакетъ, адресъ на которомъ написанъ рукою Екатерины II слѣдующимъ образомъ: „*Отдать оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю Алексѣю Козловскому*“.

числа Іюля 1762 года [1]) *отъ членовъ Святѣйшаго Синода, отъ генералъ-прокурора, и оберъ-прокурора Синодскаго, отъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ и отъ правящаго нашимъ Кабинетомъ. Екатерина* [2]).

7.

Указъ нашему Синоду.

Вслѣдствіе распорядковъ о духовныхъ имѣніяхъ, которые теперь нами учреждаются черезъ особливую при Дворѣ нашемъ комиссію для богоугодныхъ дѣлъ и пользы всенародножелаемой, установили мы нынѣ Коллегію Экономіи духовныхъ имѣній, опредѣля въ оную президентомъ Двора нашего гофъ-мейстера, князя Бориса Куракина и прочихъ членовъ, а на какомъ основаніи оной Коллегіи быть, о томъ дадимъ знать особливою отъ насъ той Коллегіи инструкціею. И до того времени повелѣли мы ей вступить въ прямое ея дѣло. О чемъ Сенату нашему и указъ данъ публиковать во всемъ Нашемъ государствѣ [3]). Екатерина.

1763 года Маія 12 дня.

8.

Указъ нашему Синоду.

Какову инструкцію мы учрежденной отъ Насъ прошлаго Мая 12 числа Коллегіи Экономіи духовныхъ имѣній сего 6 числа дали, съ оной прилагаемъ при семъ точную копію для исполненія [4]). Екатерина.

Іюня 6 дня 1763 года.

9.

Указъ нашему Синоду.

Какой мы указъ Конторѣ нашего Синода сего Августа 9-го дня дали, увѣщевая оную должнѣйше распоряжать свои поступки по дѣламъ Экономической духовныхъ имѣній Коллегіи, съ онаго для вѣдома Синоду прилагаемъ копію, и притомъ хотя Мы оной же Конторѣ и повелѣли для близости какъ наискорѣе дать знать во всѣ епархіальныя конси-

---

[1]) 3 Іюля состоялся именный указъ Сенату: „о непремѣнномъ исполненіи высочайшихъ повелѣній словесно объявляемыхъ сенаторами, генералъ-прокуроромъ и президентами первыхъ трехъ коллегій, и о представленіи Ея Величеству еженедѣльно точныхъ копій съ словесно объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній, съ надлежащею отмѣткою объ исполненіи". См. 1-е П. С. З. Р. И. № 11.592.

[2]) Весь указъ собственноручный.

[3]) Именный указъ Сенату отъ 12 Мая „объ учрежденіи Коллегіи Экономіи, для управленія доходами съ церковныхъ имѣній" напечатанъ въ 1-мъ П. С. З. Р. И. № 11.814 подъ другой редакціею.

[4]) Инструкція напечатана въ 1-мъ П. С. З. Р. И. № 11.844. Выписываемъ здѣсь содержаніе указа „Московской Синодской Конторѣ", какъ не напечатаннаго въ П. С. З. Р. Имперіи, такъ и по важности его содержанія.

сторіи и ставропигіальныхъ монастырей властямъ о всемъ томъ, что̀ до исполненія нашей воли принадлежитъ, и въ томъ указѣ именно упомянуто, однакожъ для вящшаго уваженія повелѣваемъ нашему Синоду о томъ же во всѣ тѣ мѣста своими указами еще подтвердить. Екатерина.

Августа 11 дня 1763 года.

(—)

Къ немалому удивленію нашему усмотрѣли мы изъ представленій Экономической Коллегіи дѣйствія Синодальной Конторы, испровергающія наши богоугодныя намѣренія, которыя мы для пользы церкви и народа по благочестію нашему предпріяли. Мы видимъ, что оная Контора довольно понимаетъ ревностное стараніе Коллегіи о всемъ томъ, что̀ инструкціею отъ насъ ей предписано: но, не имѣя другого оружія къ воспященію усердія коллежскаго и къ защищенію прежнихъ бывшихъ отъ властей духовныхъ таковыхъ же упорствъ, старается перво всего испровергнуть преимущество Коллегіи, которымъ мы оную оградить для вящшаго въ дѣлахъ благопоспѣшенія восхотѣли. И для того превращаетъ разумъ помянутой нашей инструкціи такими толкованіями, каковаго въ ней не находится, не взирая на указъ 722 года Апрѣля 17 дня, которымъ нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, Государь Императоръ Петръ Великой подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва повелѣваетъ въ чистомъ, невымышленномъ и непревратномъ понятіи всѣ свои повелѣнія толковать.

А именно: 1-е) когда мы Коллегіи Экономической предписали быть государственною коллегіею и расписали ей точно, въ чемъ она Синоду, въ чемъ Сенату подвластна, въ чемъ дѣйствуетъ сама собою и въ каковыхъ случаяхъ нашего соизволенія ожидать одолжается: то не довольно ли уже того къ чистому и ясному понятію о уваженіи сего мѣста, что оное чрезъ то самое не уравнено нами консисторіямъ епархіальнымъ архіерейскимъ, но власть имѣетъ требовать указомъ, а за неисполненіе взыскивать съ угроженіемъ приказнымъ служителямъ и другимъ управляющимъ штрафа, какъ то и прежде (хотя Коллегія Экономіи или еще и Канцелярія съ такими преимуществами не состояла) въ томъ поступаемо бывало съ великою строгостію? Напротивъ же того, не ясно ли уже въ инструкціи коллежской разумѣется и то, что исполнители повелѣній должны рапорты присылать, а не промеморіями съ мѣстомъ имянемъ нашимъ повелѣвающимъ сноситься; въ подкрѣпленіе чего Контора Синодская, ежели бы только захотѣла, могла бы удостовѣриться и указомъ Іюля 12 дня 1726 года покойной нашей бабки Императрицы Екатерины Алексѣевны, въ которомъ тоже довольно объяснено, или по крайней мѣрѣ послѣдовать тому учрежденію, которое Синодомъ вслѣдствіе сего указа въ 1736 году учинено? Но все то она или въ невѣдѣніи оставила,

или, какъ видимъ изъ представленій коллежскихъ, въ которыхъ прописаны точныя слова Синодской Конторы, называетъ и прежнія таковыя распоряженія и по нимъ исполненія не въ сходственность будто съ указами, которые она силою къ намѣренію своему привлекаетъ, и для того и нашу данную Коллегіи инструкцію, по своему хотѣнію, а не по нашей мысли, толкуетъ—2-е) Имѣнія послѣ умершихъ архіереевъ когда уже велѣно описывать и въ присмотръ брать Коллегіи, то казалось бы, ясно разумѣется, что и всѣ тѣ, какія найдутся въ духовномъ смотрѣніи до сего собранныя и какія впредь окажутся. А хотя бы изъ оныхъ что либо и нами самими повелѣно употребить на утварь или на иное что церковное (какъ то мы недавно о лампадахъ въ Петропавловской Санктпетербургской соборъ повелѣли) то сіе не нарушаетъ нами единожды учрежденнаго порядка, чтобъ все что не было въ вѣдомствѣ Коллегіи, и сколько, куда, чего и на что взято, она бы не вѣдала и отчету намъ не давала. Тѣмъ паче Мы аппробуемъ, что Коллегія по долгу своему требуетъ теперь не токмо послѣ смерти недавно умершихъ архіереевъ, но и что̀ прежними годами собрано и гдѣ бы оно ни было изъ таковыхъ имѣній, въ свое точно смотрѣніе, правильно понимая силу нашей инструкціи, а не такъ какъ Контора Синодская оное теперь толкуетъ, якобы, по состоявшейся инструкціи, имѣнія собирать послѣ умершихъ духовныхъ коллегія только одолжается, а до прежде собранныхъ ей дѣла нѣтъ, понеже-де того въ Инструкціи именно не написано. 3-е) Невѣдомо же, изъ чего и то называетъ оная Контора новымъ и небывалымъ учрежденіемъ, что Коллегія вмѣстѣ съ духовнымъ и свѣтскому правительству предписываетъ описи имѣній таковыхъ дѣлать; которое учрежденіе хотя бы и совсѣмъ небывалое, но когда оно къ доброму порядку и къ лучшему всего сбереженію слѣдуетъ, то и испровергать его неприлично, толь наипаче, что таковый порядокъ не токмо не новый, но и по имяннымъ указамъ прежде бывалый и употребляемый, такъ какъ и послѣ Ѳеофана, архіепископа Новгородскаго, въ 1736 году генералъ-маіоръ Измайловъ, плацъ-маіоръ Перфильевъ и капитанъ князь Кропоткинъ, къ тому были опредѣлены, о чемъ, уповательно нѣкоторые изъ членовъ сей Конторы и сами извѣстны. 4-е) При наклоненіи такого разума нашей инструкціи къ своему намѣренію, таже Контора дѣлаетъ свой новый и несходственный съ самимъ дѣломъ распорядокъ, а именно: чтобъ о умершихъ духовныхъ Коллегія собою извѣстія не получала ни откуда, пока все имѣніе духовными самими не будетъ описано, разобрано и роздано, яко бы по завѣщаніямъ. И сіе разумѣется, дабы Коллегія сама собою ничего не предохраняла и не отыскивала, но ожидала того только, что̀ послѣ расхищенія, какъ то и прежде всегда бывало, отдано ей будетъ. Такое мнѣніе было бы совсѣмъ

не по Регламенту Духовному, ниже по нашему намѣренію, но Коллегія все что по сему учинить намѣрена теперь въ Бѣлогородской епархіи, мы аппробуемъ, а напротиву того конторское опредѣленіе совсѣмъ отдалено отъ нашей мысли. 5-е) Въ присылкѣ отъ епархій вѣдомостей мы по сіе время не токмо медленность и многія переписки къ потерянію времени усматриваемъ, но увидѣли, что и умышленно двоекратно присылаются неисправныя къ испровержению нашего намѣренія, дабы все только наше учрежденіе многими затрудненіями показать невозможнымъ, а отъ того и деньги немалою суммою доимочныя въ казну по сіе время не входятъ, и жалобъ крестьянскихъ рѣшить Коллегіи никакъ невозможно. Словомъ: все сіе конторское дѣйствіе, яко неожидаемое, намъ до свѣдѣнія дошло, такъ какъ мы оное изъ указовъ насланныхъ Конторою въ нашу Коллегію Экономическую сами усмотрѣли.

Сего ради, видя такія Синодскою Конторою предпріятыя дѣла, не къ благопоспѣшенію дѣлъ богоугодныхъ, но будто какъ бы къ отвращенію ихъ, чрезъ сіе матерински оную увѣщеваемъ понимать силу нашихъ указовъ въ точномъ ихъ разумѣ, и съ Коллегіею Экономіи соглашаться тою же ревностію и усердіемъ въ исполненіи благонамѣренной воли нашей, которая сколь далеко въ насъ, яко въ помазанницѣ Божіей простирается, духовнымъ то наипаче должно быть извѣстно по Слову Божію. И для того симъ Нашимъ указомъ точнѣйше повелѣваемъ дать знать во всѣ консисторіи епархіальныя и ставропигіальныхъ монастырей властямъ, дабы въ дѣлахъ тѣхъ, которыя возложены на нашу Коллегію Экономіи, такъ какъ въ инструкціи ей то именно росписано, принимали отъ нея указы и сами репортовали, исполняя ею предписанное безъ всякихъ излишнихъ переписокъ, а приказные служители и управители опасались бы налагаемыхъ отъ нея штрафовъ за неисполненіе; ибо безъ того въ дѣлѣ не будетъ никакой прочности. Также послѣ умершихъ духовныхъ такія бы и тѣмъ порядкомъ описи были дѣланы вездѣ, какъ оная Коллегія предпишетъ; почему, какъ скоро гдѣ какой власти духовной не станетъ, о томъ бы прямо въ Коллегію репортовали изъ епархій, опечатавъ прежде совокупно съ свѣтскими того мѣста правительствами все оставшееся ихъ имѣніе, а въ присылкѣ требуемыхъ вѣдомостей отнюдь никакой бы излишней переписки и затрудненія, а паче вымысловъ, къ продолженію времени не дѣлали; но когда всего вдругъ невозможно, то хотя бы по частямъ присылали одно за другимъ. Конторѣ же Синодальной милостиво напоминаемъ всему тому споспѣшествовать что̀ Богъ намъ на сердце положилъ къ установленію въ Имперіи нашей благихъ и богоугодныхъ дѣлъ, опасаяся за неисполненія нашего Императорскаго гнѣва.

Екатерина.

Августа 9 дня 1763 года. Въ Санктпетербургѣ.

10.

Указъ нашему Синоду.

Повелѣли мы въ Синодѣ безперерывно при текущихъ дѣлахъ, а особливо при собраніяхъ, быть нашему камеръ-юнкеру *Григорію Потемкину* *) и мѣсто свое имѣть за оберъ-прокурорскимъ столомъ съ тѣмъ, дабы онъ слушаніемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что̀ онъ къ пользѣ своей за потребно найдетъ, навыкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту для отправленія дѣлъ, ежели впредъ, смотря на его успѣхи, мы заблагоусмотримъ, его опредѣлить къ дѣйствительному по сему мѣсту упражненію. Чего ради, по довѣренности въ допущеніи къ дѣламъ, привести его повелѣваемъ къ присягѣ. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Августа, 1763 года.

11.

Указъ нашему Синоду.

Мы отъ 4-го Іюня сего года повелѣли оставшейся въ Москвѣ Синодской Конторѣ имѣть аппеляцію надъ ближайшими къ Москвѣ епархіями, не возбраняя при томъ челобитчикамъ аппеллевать и въ Синодъ, ежели кто пожелаетъ. Нынѣ же оставляемъ мы сіе отправлять одному только Синоду, а Конторѣ Синодской отъ сего времени точнѣйше повелѣваемъ быть на томъ основаніи, какъ она прежде до состоянія вышеписаннаго нашего указа была. Екатерина.

Октября 29 дня 1763 г.

12.

Указъ нашему Синоду.

Въ новостроющійся Санктпетербургскій Воскресенскій дѣвичій монастырь чрезъ сіе повелѣваемъ во игуменьи произвесть изъ Новодѣвичьяго Московскаго монастыря монахиню Эльпидифору Кропотову.

Екатерина.

Августа 4 дня 1764.

(—)

*) Слова „Григорію Потемкину“ вписаны рукою Императрицы. См. „Русскій Архивъ“ 1869 г. № 9, ст. 1329—1351, стат. свящ. М. Я. Морошкина „Записка о крамолахъ враговъ Россіи“, въ которой изложены причины и цѣль учрежденія должности „чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ“, на которую первымъ былъ опредѣленъ Потемкинъ. Инструкція, данная ему, помѣщена въ той же статьѣ. Послѣднія слова указа начиная со словъ „чего ради“ и до конца, въ статьѣ Морошкина пропущены, и не сказано, что имя и фамилія Потемкина вписаны рукою Екатерины.

Въ 1764 году, 14 Іюня былъ высочайше конфирмованъ докладъ «отъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ комиссіи» при которомъ представлялся «штатъ о содержаніи въ С.-Петербургскомъ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ игуменьи и прочихъ чиновъ». На содержаніе 33 человѣкъ по штату было назначено 4.752 рубли.

Игуменья Кропотова была избрана преосвященнымъ Димитріемъ, митрополитомъ Новгородскимъ, которымъ въ Апрѣлѣ 1764 года была предложена Св. Синоду записка, слѣдующаго содержанія: «Ея И. В. въ будущее празднество высочайшаго своего восшествія на Всероссійскій престолъ, т. е. Іюня 28 дня, намѣреніе воспріять соизволила въ С.-Петербургской Воскресенской дѣвичей монастырь ввести игуменію и отъ двѣнадцати до шестнадцати старицъ, а притомъ за первый случай шестьдесятъ малолѣтнихъ дѣвицъ дворянскихъ дочерей, для воспитанія въ томъ же монастырѣ, которыхъ опослѣ до 100 будетъ. Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе состоитъ въ томъ, чтобъ игуменія была честнаго и добраго житія, такъ какъ и всѣ старицы, изъ которыхъ званіе нѣкоторымъ опредѣлится обыкновенныхъ старическихъ властей, а нѣкоторыя во время службы Божіей пѣть должны на крылосахъ, и притомъ за больными дворянскими дочерьми, которыя въ монастырѣ будутъ воспитываться, ходить. Надобно притомъ же, чтобъ помянутыя старицы были, ежели можно, изъ дворянокъ и житія и обхожденія благороднаго и опрятнаго, которыхъ Ея Императорское Величество повелѣлѣваетъ искать прежде изъ Смолянокъ».

13.

Указъ нашему Синоду.

Нотный копіистъ Михайла Крыловъ драку учинилъ съ своею женою, послѣ которой вскорѣ ей смерть приключилася. А понеже изъ слѣдствія оказалося, что онъ не токмо намѣренія не имѣлъ къ убійству жены своей, но и въ сумнительствѣ осталася прямая причина смерти ея, то мы отъ приговореннаго Юстицъ-Конторою наказанія (которое изъ приложенія при семъ явствуетъ) его, Крылова, всемилостивѣйше освобождаемъ, а вмѣняемъ ему за то учиненное уже при слѣдствіе тѣлесное истязаніе. Для очищенія же совѣсти его повелѣваемъ нашему Синоду заключить его, Крылова, подъ церковное покаяніе, по окончаніи котораго обязать по законамъ подпискою. Екатерина.

Декабря 29 дня 1764 года.

(–)

При указѣ приложена выписка, озаглавленная «изъ Юстицъ-Конторы, дѣйствительному статскому совѣтнику Григорью Николаевичу Теплову», слѣдующаго содержанія: «При сообщеніи отъ вашего превосходительства прислано въ Юстицъ-Контору изъ слѣдствія о приключившейся Италіянской компаніи нотного кописта Крылова женѣ, чрезъ посредство съ мужемъ ея ссоры и бою смерти, приложеніе съ подписанными притомъ законами и съ требованіемъ, чтобъ Юстицъ-Контора благоволила усмотря подписать свое мнѣніе, для донесенія Ея Императорскому Величеству, какими законами и къ чему сей убойца осуж-

дается. Вслѣдствіе сего Контора, разсматривая помянутого приложенія, изъ котораго видимо: 1-е) что жена Крылова невоздержными издавна своими поступками, чрезмѣрно епьянство и крикъ начинщицею съ мужемъ къ ссорѣ и дракѣ была, 2-е) какъ мужъ ее прежде легкими побоями за то наказалъ, то есть выбилъ по щекамъ, то она не воздержалась и шумѣла болѣе, чѣмъ невольно и понудила отъ оконичной рамы небольшою палочкою ударить нѣсколько, но она и послѣ шумѣла и тѣмъ самымъ явно доказываетъ, что причина смерти не отъ побой приключилась, 3-е) хотя при анатоміи явившееся на вискѣ большое пятно, поврежденіе по вскрытіи съ черепа кожи мяса и разлитіе крови по толкованію на воинской 154 артикулъ къ смертнымъ ранамъ и причитаются, но Контора примѣчаетъ, что тобъ малою палочкою такого поврежденія произвести было невозможно, 4-е) изъ приложенія видно, что она послѣ ссоры и какъ мужъ ея ходилъ для писанія нотъ и по приходѣ его въ другомъ покоѣ уснулъ, а по разбуженіи отъ сна, найдена оная жена его лежащая на полу и хотя какимъ образомъ она упала, о томъ и не видно, но естественно понимается, что и силою тогожъ неумѣреннаго пьянства пасть и жестоко вискомъ разбиться могла, а отъ того и разліенію подъ черепомъ крови причину подало. 5-е) умысла жъ его, Крылова, къ смертному убивству, поелику онъ изъ нещаднаго батожьемъ сѣченія утвердился, не явствуетъ, и обличенія въ томъ ни отъ кого на него нѣтъ, то по мнѣнію Юстицъ-Конторы за умышленного убійцу почесть его не можно: однако жъ что онъ женѣ своей пьяной наказаніе чинилъ, а и смерть ей вскорѣ случилась, почему и слѣдуетъ его какъ неимѣющаго умысла къ убивству по силѣ воинского артикула 157 и 163-го пунктовъ наказать шпицърутеномъ и заключить подъ церковное покаяніе и потомъ по силѣ уложенного 21 главы 69 пункта, чтобъ онъ впредь того не чинилъ, обязать его поруками съ записью.

14.

Нашему Синоду.

Троицкой лавры Семинарскаго ректора іеромонаха Варлаама*), повелѣваемъпроизвести архимандритомъ въ Троицкую Санктпетербургской епархіи пустыню, что̀ по Петергофской дорогѣ, о чемъ Синодъ объявить имѣетъ Санктпетербургскому архіерею. Екатерина.

Маіа 10 дня 1765 года Сарское Село.

(—)

27 Мая 1765 года, Св. Синодъ всеподданнѣйше репортовалъ Императрицѣ: «Ко исполненію имяннаго В. И. В. даннаго Синоду сего Маія 10 числа высочайшаго указа Синодомъ опредѣлено и посланными въ надлежащія мѣста указами велѣно Троицкой Сергіевой лавры семинарскаго ректора іеромонаха Варлаама, для произведенія въ Троицкую, Санктпетербургской епархіи, по Петергофской дорогѣ пустыню въ архимандрита отъ Московской Синодальной Конторы истребовавъ на ту его отправу изъ Коллегіи Экономіи надлежащее денегъ число, въ Санкт-

*) Варлаамъ Синьковскій въ 1761 г. префектъ, а съ 1762 по 1765 ректоръ Семинаріи Троице-Сергіевой лавры.

петербургъ немедленно, и по пріѣздѣ сюда для того въ архимандрита произведенія явиться ему синодальному члену, преосвященному Гавріилу, архіепископу Санктпетербургскому».

22 Іюня 1765 года, въ собраніи Св. Синода, іеромонаху Варлааму былъ объявленъ указъ.

15.

Указъ нашему Синоду.

Чрезъ сіе даемъ дозволеніе, генерала полнаго Ивана Глѣбова женѣ Прасковьѣ Ивановой, по ея къ намъ о томъ всеподданнѣйшему прошенію и по согласію мужа ея на то, принять чинъ монашеской, въ Кіевской епархіи, въ Вознесенскомъ Фроловскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и Синодъ о постриженіи ея послать имѣетъ нашъ указъ къ епархіальному митрополиту. Екатерина.

Февраля 20 дня 1766 года.

16.

Нашему Синоду.

Умершаго штурманскаго ученика Ивана Сазонова жена, вдова Прасковья Иванова, поданнымъ доношеніемъ въ С.-Петербургскую Духовную Консисторію, про ея о постриженіи своемъ, а напослѣдокъ и къ намъ самимъ присланнымъ изъ Староладожскаго дѣвичья монастыря челобитьемъ, доносила такія важности на игуменью того же монастыря, каковыя по слѣдствію въ самомъ дѣлѣ не нашлися. Того ради, за ея клеветы и безпокойное житіе, повелѣваемъ оную сослать въ дальній отсюда монастырь по усмотрѣнію Синода и, не постригая въ монахини, а оставя въ бѣлицахъ, опредѣлить къ работѣ монастырской вмѣсто наказанія. Игуменью же и прочихъ кто по ея сему доносу забраны и содержатся въ Санктпетербургской Консисторіи, отпустить всѣхъ на прежнія мѣста немедленно. Екатерина.

Маія 24 дня 1766 года.

17.

Указъ нашему Синоду.

Поданнымъ намъ Синодъ нашъ докладомъ представляетъ: 1-е) чтобъ состоящему въ Москвѣ Николаевскому Греческому монастырю быть въ собственномъ Синодальномъ вѣдомствѣ, 2-е) въ сходственность жалованной въ 7177 году отъ царя Алексѣя Михайловича Аѳонскія горы въ Иверскій монастырь грамоты, какъ нынѣ находящихся въ томъ Греческомъ монастырѣ изъ Греческой націи монашествующихъ оставить, такъ и впредь высылающимся на перемѣну ихъ быть на прежнемъ основаніи, то есть не опредѣлять къ нимъ изъ Великороссійскихъ

монастырей монашествующихъ; и 3-е) положенную по штату на тотъ монастырь денежную сумму изъ Коллегіи Экономіи въ оной монастырь отпускать въ надлежащее время, всю сполна, не требуя отъ неполнаго монашествующихъ и прочихъ служителей числа остатковъ и не чиня въ той штатной суммѣ по иностранству ихъ и незнанію Великороссійскихъ обрядовъ никакихъ счетовъ, мы оной Синода нашего докладъ по прописаннымъ въ немъ резонамъ симъ всемилостивѣйше конфирмуемъ, повелѣвая о исполненіи по сему, куда надлежитъ, дать знать.

Екатерина.

17 Іюля 1766 г. Петергофъ.

(—)

Царь І. В. Грозный, по сильнымъ домогательствамъ пріѣзжавшихъ изъ Палестины въ Россію Аѳонскихъ монаховъ, пожаловалъ имъ, въ 1556 году, Николаевскую обитель съ церковью и строеніями въ подворье для пріѣзда и временнаго пребыванія ихъ; за тѣмъ царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ Греческому архимандриту Діонисію, въ 1654 (7162 гг.) грамоту на всегдашнее владѣніе Московскимъ Николаевскимъ, *что за иконнымъ рядомъ*, монастыремъ, чтò и вновь подтверждено было грамотою 1669 года Мая 9 дня, и съ этого собственно времени обитель эта получила прочное устройство. Въ 1764 году, когда Греческій монастырь включенъ былъ въ число штатныхъ монастырей 2 класса, «послѣдовали», какъ выражался архимандритъ Греческаго монастыря Иннокентій, «отъ Московской Духовной Консисторіи многія къ намъ по иностранству нашему несносныя неудобности». Включеніе монастыря въ штатъ, такъ сказать, обусловливало его и содержать извѣстное число монашествующихъ, согласно отпускаемой на него суммы; но на самомъ дѣлѣ монастырь содержалъ монашествующихъ менѣе противъ штатомъ опредѣленнаго числа 8-ю человѣками. Вслѣдъ за тѣмъ, когда имяннымъ указомъ повелѣно было укомплектовывать монастыри, въ которыхъ есть ваканціи, то Московская Консисторія, указомъ своимъ 1766 года Іюля 21 дня, повелѣла Греческому монастырю «укомплектовать монашествующихъ противъ штата въ полное число» и вмѣстѣ представить списокъ лицъ вновь опредѣленныхъ въ монастырь; что же касается за оставшейся неизрасходованной суммы, то объ ней говорилось: «естли куда въ неуказный расходъ употреблена быть имѣетъ взысканіемъ съ того архимандрита съ братіею». Архимандритъ монастыря Иннокентій, въ донесеніи своемъ Консисторіи, отъ 4-го Октября 1765 года, между прочимъ писалъ, что онъ не можетъ исполнить консисторскаго указа, въ настоящее время, самъ по себѣ, на томъ основаніи, что въ Греческій монастырь настоятели и монашествующіе присылаются изъ Иверскаго Аѳонскаго монастыря, куда онъ и писалъ, ожидая отвѣта, до полученія котораго просилъ, чтобы сумма изъ Коллегіи Экономіи отпускалась на наличное число монашествующихъ, а остававшая неизрасходованная сумма была хранима въ цѣлости и ни на какіе расходы не употреблялась. Ни Коллегія Экономіи, ни Иверскій монастырь не отвѣчали на посланныя къ нимъ бумаги: Коллегія Экономіи по неизвѣстнымъ причинамъ, а Иверскій монастырь «за дальностью и приключившеюся въ Царьградѣ моровой язвою». Всѣ эти обстоятельства Тимофей, митрополитъ Московскій 9 Января 1766 г. представилъ Св. Синоду,

Въ томъ же мѣсяцѣ и архимандритъ Греческаго монастыря доносилъ Св. Синоду, ссылаясь на грамоты 1654 и 1669 годовъ, что архимандритъ и прочіе монашествующіе имѣютъ жительство въ томъ монастырѣ поперемѣнно «черезъ четыре года» и всегда состояли въ вѣдомствѣ, прежде святѣйшихъ Московскихъ патріарховъ, а потомъ Св. Синода, «потому наипаче, что пріѣзжающіе на перемѣну того Иверскаго монастыри монашествующіе имѣютъ о себѣ свидѣтельствующія отъ святѣйшаго патріарха Цареградскаго (въ ставропигіи коего оной Иверскій монастырь состоитъ) грамоты не къ другому какому мѣсту, но собственно къ лицу самого Св. Прав. Всероссійскаго Синода, отъ котораго, какъ тѣ патріаршескія грамоты конфирмуются, такъ и вновь пріѣхавшіе по нимъ Греческой націи монашествующіе въ томъ Николаевскомъ монастырѣ опредѣляются, а прежде бывшіе пріемля рекомендацію обратно въ Аѳонскую гору отправляются, единственно жъ отъ Св. Пр. Синода». За тѣмъ Иннокентій уже слишкомъ откровенно писалъ С. Синоду, что въ 1748 г. Московская Консисторія прислала указъ, которымъ повелѣвалось на священнослуженіяхъ упоминать Московскаго архіерея, что̀ они и дѣлали; но когда это узнала Иверская обитель, то вновь прибывшему на чреду архимандриту Аѳанасію обитель поручила просить Св. Синодъ уволить Николаевскій монастырь отъ вѣдомства Московской епархіи. Аѳанасій подалъ просьбу въ Москвѣ Св. Синода Конторѣ въ Іюлѣ 1752 года, «но токмо по оному въ Св. Пр. Синодѣ рѣшенія еще не послѣдовало». Въ заключеніе архимандритъ проситъ, чтобы на основаніи грамотъ Николаевскій Греческій монастырь «въ собственномъ Св. Синода вѣдомствѣ оставить и изъ числа протчихъ Московской епархіи монастырей выключить». Св. Синодъ опредѣленіемъ своимъ, отъ 20 Января 1766 г., призналъ просьбу архимандрита правою, а потому и приговорили: поднесть Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія. «Состоящій въ Москвѣ Николаевскій Греческій монастырь по данной въ 7177 году отъ государя царя и великаго князь Алексѣя Михайловича Аѳонскія горы въ Иверской монастырь грамотѣ (съ которой прислана въ Синодальную Контору Иностранной Коллегіи изъ конторы копія) пожалованъ оного Иверскаго монастыря архимандриту съ братіею въ подворье и тѣмъ монастыремъ имъ владѣть и жить и службу Божію Греческаго языка въ немъ отправлять велѣно. Въ силу которой жалованной грамоты съ того времени тотъ Николаевскій монастырь Греческимъ именуется, потому что въ оной архимандритъ и монахи присылаются изъ той Аѳонской горы и перемѣняются чрезъ четыре и пять лѣтъ, и тѣ пріѣзжающіе на перемѣну архимандритъ и монашествующіе въ тотъ монастырь опредѣляются, а прежніе изъ Россіи отпускаются не инако, какъ по собственнымъ свѣдѣтельствующимъ отъ Константинопольскаго патріарха прямо къ Синоду присылаемымъ грамотамъ, почему оной монастырь и въ собственномъ Синода вѣдомствѣ состоялъ. А какъ въ 1742 г. учреждена Московская епархія и всѣ Московскіе монастыри, въ томъ числѣ нѣкоторые и ставропигіальные, на время Московскому тогдашнему архіепископу были поручены, то потому уже съ 1748 года подъ указами Московской Духовной Консисторіи оной монастырь состоять сталъ, а о точномъ оному монастырю въ вѣдомствѣ Московской епархіи бытіи ни указовъ никакихъ, ни опредѣделеній Синодскихъ не было. Чего ради того Николаевскаго Греческаго монастыря архимандритъ Аѳанасій, въ силу присланнаго изъ означеннаго Иверскаго монастыря приказанія, еще въ 1752 году въ Сино-

дальной Конторѣ просилъ, и оная Контора Синоду представляла, что тому Греческому монастырю для прописанныхъ въ доношеніи оной Конторы резоновъ пристойнѣе быть въ собственномъ Синода вѣдомствѣ. По каковымъ обстоятельствамъ и нынѣ Синодомъ разсуждается, что хотя при сочиненіи всѣмъ духовнымъ мѣстамъ штатовъ оной Николаевскій Греческій монастырь во второмъ классѣ между монастырями Московской епархіи и включенъ, но только единственно по тому резону, что оной монастырь внутрь Москвы состоитъ, чего ради и число монашествующихъ и прочихъ служителей и на нихъ жалованная сумма равно противу прочихъ второго класса монастырей положена. До утвержденія жъ тѣхъ штатовъ (какъ по справкѣ съ дѣлами явствуетъ) оной Греческой монастырь какъ пожалованною деревнею въ 86 душахъ состоящею владѣлъ, такъ потомъ по особливому имянному 739 году Ноября 7 дня указу опредѣленное пяти-сотно-рублевое жалованье пріѣзжающіе въ тотъ монастырь архимандриты съ братіею, получая изъ доходовъ Коллегіи Экономіи, въ расходъ употребляли по собственнымъ своимъ распоряженіямъ, а никаковаго никуда въ той суммѣ отчета отъ нихъ требовано не было. Нынѣ означеннаго Греческаго монастыря архимандритъ Іоанникій съ братіею прошеніемъ своимъ объявляетъ, что указомъ изъ Московской Духовной Консисторіи велѣно имъ тотъ Греческой монастырь штатнымъ числомъ укомплектовать оставшими за штатомъ Россійскими монахами, и оставшую жъ сумму на всякіе расходы не употребляя содержать въ наличности подъ опасеніемъ взысканія той суммы съ него, архимандрита; точію-де Россійскихъ монаховъ содержать имъ крайне неудобно потому что они, не зная Греческаго языка къ бываемымъ въ томъ монастырѣ ихъ обрядомъ, Греки же къ Россійскимъ привыкнуть не могутъ, а сумма, коя напредъ сего за бываемыми въ томъ монастырѣ расходы оставалась и впредъ оставаться будетъ, употребляется ими вопреки бываемыхъ изъ Аѳонской горы перемѣнъ на дорожные проѣзды (которой въ оба пути безъ мала до трехъ тысячъ рублевъ исходитъ) и на платежъ за Иверской монастырь положенной отъ Агарянъ дани, и просятъ, чтобъ ихъ оставить на прежнемъ основаніи и въ положенной по штату суммѣ отчетовъ и остатковъ отъ нихъ не требовать и быть имъ единственно въ Синодскомъ вѣдомствѣ. Хотя Московской митрополитъ присланнымъ въ Синодъ доношеніемъ и представляетъ, что Московская Консисторія таковое Греческому монастырю понужденіе чинитъ по указомъ изъ Коллегіи Экономіи, но какъ тому монастырю на необходимые во время перемѣнъ ихъ въ томъ отдаленномъ пути расходы особливой суммы не положено, то потому и просьба архимандричья о бытіи оному монастырю на прежнимъ основаніи признается быть правильная; но понеже Синоду самому собою по тому ихъ прошенію учинить не можно, того ради Синодъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляетъ, не соизволите ль Ваше Императорское Величество изъ высокоматерняго своего милосердія всемилостивѣйше указать: 1-е) оному Николаевскому Греческому монастырю для вышеписанныхъ резоновъ быть въ собственномъ Синодальномъ вѣдомствѣ, 2-е) въ сходственность упомяненной 7177 году грамоты, какъ нынѣ находящихся въ томъ монастырѣ изъ Греческой націи монашествующихъ (коихъ и съ архимандритомъ нынѣ на лицо десять человѣкъ состоитъ) оставить, чтобы и впредъ высылающимся на перемѣну ихъ быть на прежнемъ основаніи, то есть не опредѣляя къ нимъ для вышеписанной неудобности изъ Великороссійскихъ монастырей монашествующихъ, 3-е) положенную по штату на

тотъ монастырь денежную сумму изъ Коллегіи Экономіи въ оной монастырь отпускать въ надлежащее время всю сполна, не требуя отъ неполнаго монашествующихъ и прочихъ служителей числа остатковъ и не чиня въ той штатной суммѣ по иностранству ихъ и незнанію Великороссійскихъ обрядовъ никакихъ счетовъ; ибо они (какъ и выше показано) тѣми остатками и пріѣзды въ Россію и возвращеніе изъ оной имѣть должны, а сверхъ того означеннаго Аѳонской горы Иверскаго монастыря, въ которой оной Николаевскій монастырь по упомяненной 7177 года грамотѣ отданъ и изъ онаго всегда имъ перемѣны бываютъ, настоятели въ тѣхъ остаткахъ, какъ небезъизвѣстно, отчетовъ отъ нихъ требуютъ; болѣе же все оное предаетъ Синодъ въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе».

Почти пять мѣсяцовъ докладъ Св. Синода оставался неутвержденнымъ Императрицею, т. е. до 17 Іюля 1766 года.

18.

Нашему Синоду.

Коломенской епархіи церковники, Василій Тимофеевъ и Иванъ Ивановъ подали намъ въ запечатанныхъ пакетахъ, надписанныхъ въ собственныя наши руки, жалобы на Синодъ, и въ тѣхъ же самихъ пакетахъ Василій Тимофеевъ включилъ прошеніе, къ Синоду надлежащее, священника Коломенской же епархіи, села Верхотлянъ Ивана Петрова; а Иванъ Ивановъ донесъ къ Намъ на Синодъ отъ семинариста Тверской епархіи Данилы Тупицына въ обидахъ и притѣсненіи. А понеже мы, разсмотря все сіе съ учиненными по тому справками, нашли жалобы и доносы ихъ неправильными: то жалобщики на Синодъ отсылаются головою для учиненія съ ними, что̀ самъ Синодъ заблагоразсудитъ. а съ прочими поступить въ разсмотрѣніи и рѣшеніи ихъ дѣла по указамъ. Чего ради какъ челобитныя ихъ, такъ и тѣхъ самихъ, кто подавали, мы повелѣли отослать въ нашъ Синодъ. *Екатерина.*

Октября 25 дня 1766 года.

(—)

Св. Синодъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, 15 Ноября 1766 года. доносилъ Императрицѣ между прочимъ слѣдующее: Синодъ «опредѣлилъ оныхъ дьячковъ и семинариста, яко за ихъ пороками къ бытію въ церковномъ причтѣ негодныхъ, для опредѣленія въ военную службу, въ дальные гарнизоны въ солдаты отослать въ Военную Коллегію (и отосланы), а дѣла о нихъ какъ здѣсь, такъ и въ епархіяхъ имѣющіяся оставить безъ дѣйствія, а чтобъ и въ другихъ епархіяхъ таковые ябедники отъ продерзностныхъ поступковъ воздержались, о томъ для надлежащаго вѣдома и всѣмъ священноцерковнослужителямъ объявленія въ епархіи къ преосвященнымъ, также въ Московскую Синодальную Контору и въ ставропигіальные лавры и монастыри, указы посланы».

19.

Указъ нашему Синоду.

Чрезъ сіе повелѣваемъ нынѣшняго епископа Воронежскаго Тихона [1]), за показанными во всеподданнѣйшемъ его къ намъ прошеніи причинами, отъ правленія епаршескаго уволить и дозволяемъ ему жить въ тамошнемъ же какомъ-нибудь монастырѣ, а на пропитаніе повелѣваемъ изъ Коллегіи Экономіи производить ему въ годъ по пяти сотъ рублей. На мѣсто же его въ ту Воронежскую епархію перевести викарія Тихона [2]) епископа Сѣвскаго и Брянскаго, а въ Сѣвскую епархію викаріемъ Московскимъ всемилостивѣйше повелѣваемъ посвятить въ епископы Кирилла [3]), Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря архимандрита. *Екатерина.*

Декабря 17 дня 1767 года.

(—)

Преосвященный Тихонъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи, отъ 23 Августа 1767 г. писалъ слѣдующее: «Прошлаго 1763 года, въ Февралѣ опредѣленъ я нижайшій, указомъ Вашего Императорскаго Величества въ Воронежскую епархію епископомъ, гдѣ и понынѣ нахожусь въ той должности, а понеже отъ самаго того вступленія моего въ епархію за приключившеюся мнѣ внутреннею болѣзнію въ слабости находился, а нынѣ и въ бо̀льшую пришелъ слабость такъ, что уже и дѣлъ исправить не могу: того ради всеподданнѣйше и всепокорнѣйше Ваше Императорское Величество прошу повелѣть меня отъ епархіи уволить, а въ здѣшней епархіи въ какомъ-нибудь монастырѣ жить и для пропитанія какую-нибудь милостыню высокомонаршимъ Вашего Императорскаго Величества благоутробіемъ опредѣлить».

20.

Нашему Синоду [4]).

Двора Нашего мундшенкъ Михайла Ушаковъ и другой служитель подбакъ-мейстеръ Данило Ивановъ, возжелали принять монашескій чинъ и просили насъ всеподданнѣйше: Ушаковъ, чтобъ мы ему дозволили постричься въ Кіевской Печерской лаврѣ, а Данило Ивановъ въ Соловецкомъ монастырѣ, на что мы всемилостивѣйше и соизволяемъ.

Генваря 14 дня 1768 года.

---

[1]) Святый Тихонъ (Соколовъ) изъ архим. Отроча мон. и ректоровъ Тверской семинаріи. 1761 еп. Кексгольмскій, вик. Новгородскій 1763 еп. Воронежскій. 1767 уволенъ на покой, по обѣщанію въ Задонскій мон. † 1783 Авг. 13.

[2]) Тихонъ Якубовскій изъ архим. Спасо-Ярославск. мон. 1764 еп. Сѣвскій, вик. Московскій. 1767 еп. Воронежскій. 1775 еп. Суздальскій. 1786. Апр. 4 †.

[3]) Кириллъ Флоринскій изъ архим. Новоторжскаго Борисоглѣбскаго мон. 1767 еп. Сѣвскій, вик. Московскій. 1778 уволенъ на пребываніе въ Кіевскій Золотоверхо-Михайловскій мон. 1795 Сент. 24 †.

[4]) При дальнѣйшихъ указахъ слова: „нашему Синоду" и „указъ нашему Синоду" для краткости отпускаются, равно какъ и подпись, одинаковая при всѣхъ указахъ. П. Б.

21.

Къ присутствующимъ нынѣ членамъ въ Синодѣ Гавріилу [1]), архіепископу Санктпетербургскому, и Симону [2]), архимандриту Новоспасскому, которому только на нынѣшній одинъ годъ присутствовать опредѣляется, повелѣваемъ членами же въ Синодѣ присутствовать: Иннокентію [3]), епископу Псковскому и Троицкой Сергіевой Лавры архимандриту Платону [4]), да гвардіи нашей протопопу отцу Андрею [5]); а въ Конторѣ Синодской, въ Москвѣ, присутствовать имѣютъ Сильвестръ [6]), епископъ Переславскій и Знаменскій архимандритъ Варѳоломей, да собора Успенскаго протопопъ отецъ Александръ [7]).

Генваря 16 дня 1768 года.

22.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ: преосвященнаго Амвросія [8]), архіепископа Крутицкаго, перевести въ епархію Московскую.

Генваря 18 дня 1768 года.

23.

Изъ Синодскихъ по штату остальныхъ денегъ, которыя въ наличности теперь, всемилостивѣйше жалуемъ мы преосвященному Амвросію, архіепископу Московскому, тысячу рублей.

Генваря 18 дня 1768 года.

---

[1]) Гавріилъ Кременецкій изъ архим. Новоспасскихъ. 1749 еп. Коломенскій. 1755 еп. Казанскій. 1762 архіеп. С.-Петерб. и Шлиссельбургск. 1770 митропол. Кіевскій. † 1783 Авг. 8.

[2]) Симонъ Лаговъ изъ архим. Новоспасскихъ. 1769 еп. Костромскій. 1778 еп. Рязанскій. 1792 архіепископъ. 1804 Янв. 17 †.

[3]) Иннокентій Нечаевъ изъ намѣстниковъ Троице-Сергіевой лавры. 1763 Февр. еп. Кексгольмскій, вик. Новгородскій. 1763 Мая 28 вик. Тверскій. 1763 Окт. 4 вик. Псковскій. 1779 архіепископъ. уволенъ на покой. 1799 Янв. 24 † въ С.-Петербургѣ.

[4]) Платонъ Левшинъ изъ архим. Троице-Сергіевой лавры. 1770 архіеп. Тверскій. 1775 архіеп. Московскій. 1787 митрополитъ. 1812 Ноября 11 †.

[5]) Андрей Михайловъ, протоіерей Л.-Гв. Преображенскаго полка.

[6]) Сильвестръ Старогородскій изъ архим. Пересл. (Залѣсск.) Никитскаго монаст. 1761 еп. Переславскій (Залѣсск.). 1768 еп. Крутицкій. 1771 уволенъ на покой сперва въ Угрѣшскій мон., потомъ (1785) въ Воскресенскій (Новоіерусал.) и наконецъ (1788) въ Андроніевъ. 1802 Окт. 19 †.

[7]) Александръ Левшинъ, протоіерей Успенскаго собора.

[8]) Амвросій Зертисъ-Каменскій изъ архим. Воскресенскаго (Новоіерусал.) мон. 1753 еп. Переславскій Дмитровск. 1761 архіеп. Сарскій и Подонскій. 1764 архіеп. Крутицкій. 1768 архіеп. Московскій. 1771 Сент. 16 убіенъ отъ черни и погреб. въ Донскомъ мон.

24.

Чрезъ сіе повелѣваемъ преосвященнаго Сильвестра, епископа Переславскаго перевести въ епархію Крутицкую, и быть ему на сей годъ членомъ въ Синодальной Конторѣ, такъ какъ о томъ послѣднимъ нашимъ указомъ Синоду дано уже знать.

Февраля 4 дня 1768 года.

25.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ на праздное въ Переславльской епархіи архіерейское мѣсто посвятить въ епископы Московскаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря ректора Геннадія [1]). Екатерина.

17 Марта 1768. С.-Петербургъ.

26.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ посвятить во епископы въ Тобольскую епархію архимандрита Варлаама [2]) Новоторжскаго.

Сентября 4 дня 1768 года.

27.

Синодъ имѣетъ дать указъ немедленно епископу Переяславскому Гервасію [3]), чтобы онъ переѣхалъ изъ Переяславля въ Кіевъ, и остался тамъ до указу Синодскаго, а о причинахъ сего переѣзда увѣдомленъ будетъ Синодъ отъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ [4]).

Сентября 29 дня 1768 года.

28.

Симъ повелѣваемъ присутствовать по прежнему членомъ въ Синодѣ, Новоспасскому архимандриту Симону [5]), чрезъ наступающій тысяча семь сотъ шестьдесятъ девятый годъ.

Декабря 22 дня 1768 года.

---

[1]) Преосв. Переславскій (Залѣсск.) Геннадій Границкій † 16 Авг. 1773.

[2]) Варлаамъ Петровъ, съ 1792 г. архіепископъ Тобольскій † въ Дек. 1802.

[3]) Гервасій Линцевскій изъ архим. Китайскаго Пекинскаго мон. 1757 еп. Переяславскій и Бориспольскій. 1768 отрѣшенъ отъ епархіи. 1769 Дек. 22 †.

[4]) Увѣдомленія отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ не послѣдовало.

[5]) См. прим. 15, указъ 21.

29.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ посвятить въ епископы на Бѣлогородскую епархію Кіевскаго Николаевскаго монастыря архимандрита Самуила [1]).

Декабря 22 дня 1762 года.

30.

Чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ Новоспасскаго архимандрита Симона [2]) посвятить во епископы въ Костромскую епархію.

Царское Село. 1769 года. Августа 28 дня.

31.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Синодѣ членомъ преосвященному Гавріилу [3]), епископу Тверскому.

32.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ Богоявленскаго собора, что̀ въ Морской, протопопа Іоанна Памфилова [4]), котораго мы опредѣлили быть нашимъ духовникомъ, перевести въ протопопы Московскаго Благовѣщенскаго собора.

33.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ намѣстника Троицкія Сергіевы лавры, іеромонаха Іоанна, посвятить въ Московскій Новоспасскій монастырь во архимандриты.

Апрѣля 3 дня 1770 года.

---

[1]) Самуилъ Миславскій изъ архим. Кіево-Николаев. мон. 1768, еп. Бѣлогородскій. 1771, еп. Крутицкій. 1776, еп. Ростовскій. 1777, архіепископъ. 1783, митрополитъ Кіевскій. 1796 Янв. 5 †.

[2]) См. прим. 15, указъ 21.

[3]) Гавріилъ Петровъ изъ архим. Заиконоспасскихъ. 1763, еп. Тверскій. 1770, архіеп. С.-Петербургскій и Ревельскій. 1775, еп. Новгородскій и С.-Петербургскій. 1783, митрополитъ, 1796, первый изъ духовныхъ кавалеръ Св. Андрея Первозван. 1799, митр. Новгородск. и Олонецкій. 1800 уволенъ отъ управленія. 1801, Янв. 26 † и погреб. въ Новгород. Софійскомъ соборѣ.

[4]) Панфиловъ, Іоаннъ Іоанновичъ, духовникъ императрицы Екатерины II.

34.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ перевести въ Кіевскую епархію въ митрополиты преосвященнаго Гавріила [1]), архіепископа С.-Петербургскаго, а въ С.-Петербургъ во архіепископы преосвященнаго Гавріила [2]), архіепископа Тверскаго, такъ какъ и преосвященному Иннокентію [3]), епископу Псковскому быть во Псковѣ архіепископомъ, а притомъ посвятить во архіепископы въ Тверскую епархію Троицкія Сергіевы лавры архимандрита Платона [4]); слѣдующихъ же четырехъ во епископы, а именно: Ставропигіальнаго Заиконоспаскаго Училищнаго монастыря архимандрита и Московской Академіи ректора Антонія [5]) въ епархію Архангелогородскую; Казанской епархіи Свіяжскаго Богородицкаго монастыря архимандрита Іеронима [6]) въ епархію Владимірскую, Саввинскаго архимандрита Θеофила [7]) въ Черниговскую и Бѣлградской епархіи Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандрита Іова [8]) въ Переяславскую; преосвященному же Гавріилу, митрополиту Кіевскому, именоваться Синодальнымъ членомъ, а С.-Петербургскому Гавріилу [9]) и Тверскому Платону [10]) архіепископамъ присутствовать по прежнему членами въ Синодѣ, *а архіепископу Платону остаться притомъ по прежнему и архимандритомъ Троицкія лавры* [11]).

35.

Крутицкой епархіи преосвященный епископъ Сильвестръ [12]) всеподданнѣйше насъ просилъ, чтобъ за слабостію здоровья уволить его на обѣщаніе и опредѣлить для жительства въ штатный монастырь на какомъ либо содержаніи. Мы всемилостивѣйше соизволяя на его прошеніе,

---

[1]) См. прим. 14, указъ 21.

[2]) См. прим. 31, указъ 31.

[3]) См. прим. 16, указъ 21.

[4]) См. прим. 17, указъ 21.

[5]) Антоній Зыбелинъ, изъ архим. Заиконоспасск. 1770, еп. Архангелогородскій. 1773, еп. Нижегородскій. 1782, архіеп. Казанскій. 1785, увол. съ управленіемъ Нижегородскаго Желтоводскаго мон. 1797 Сент. 27 †.

[6]) Преосв. Іеронимъ Владимірскій † 3 Авг. 1783.

[7]) Преосв. Θеофилъ (Игнатовичъ) Черниговскій † 27 Сент. 1788.

[8]) Преосв. Іовъ (Базилевичъ) Переяславскій † 2 Мая 1776.

[9]) См. прим. 31, указъ 31.

[10]) См. прим. 17, указъ 21.

[11]) Послѣднія слова указа, приписаны собственноручно Государыней.

[12]) См. прим. 19, указъ 21.

увольняемъ его вѣчно отъ епархіи и повелѣли Коллегіи Экономіи производить ему по смерть по пяти сотъ рублей на годъ, а по благоусмотрѣнію Синодскому опредѣлить ему Синодъ имѣетъ для жительства какой либо штатный монастырь, которому монастырю и быть въ его смотрѣніи и управленіи.

Февраля 24 дня 1771 года.

1) Всеподданнѣйшее прошеніе преосвященнаго Сильвестра не извѣстно; но извѣстно, что онъ еще въ 1764 и 1769 годахъ просилъ Св. Синодъ объ увольненіи отъ дѣлъ. Вотъ причины, выраженныя имъ въ доношеніи Св. Синоду. 6 Ноября 1769 года: «По указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елизаветъ Петровны, 1761 года Декабря 23 дня, произведенъ я въ Переславскую епархію во епископа, въ которой и былъ шесть лѣтъ; прошлаго жъ 768 года Февраля 4 числа переведенъ въ Крутицкую епархію, а всего въ епископскомъ послушаніи понынѣ находился безъ мала восемь лѣтъ. Но какъ я напредъ того издавна былъ слабосильнаго состоянія, въ каковомъ и на производство въ епископское званіе, противъ склонности своей, за едину волю команды повинулся; то чрезъ минувшее въ означенномъ званіи время отъ епаршескихъ трудовъ, и при немъ стороннихъ, о коихъ вашему святѣйшеству небезъизвѣстно, въ конечное пришелъ изнеможеніе, такъ что по свидѣтельству совѣсти моей ни къ правленію дѣлъ епаршескихъ себя довольнымъ, ни къ исправленію церковныхъ должностей, чего настоящее званіе во многихъ и частыхъ случаяхъ безотлагательно требуетъ, способнымъ далѣе не нахожу.

Того ради вашего сіятельства всепокорнѣйше прошу отъ епархіи меня за неспособность мою уволить и дозволить имѣть жительство въ какомъ нибудь монастырѣ приватно. Но понеже я сіе предпріемлю не по лѣности каковой, а единственно отъ неудобности настоящаго званія при слабосиліи, самою необходимостію убѣждаюсь; то и отъ послушаній впредъ сходственныхъ съ уединенностью жизни, къ изобрѣтенію вашего святѣйшества, на каковомъ либо притомъ содержаніи, по мѣрѣ силъ моихъ не отрекаюсь».

Св. Синодъ не уволилъ преосвященнаго Сильвестра и въ указѣ къ нему 14 Декабря 1769 года постановилъ написать: «Что хотя его преосвященство еще въ прошломъ 1764 году увольненія отъ епархіи просилъ, однако съ того времени отъ него о томъ просьбы и во исправленіи по епархіи дѣлъ никакихъ остановокъ и объ ономъ ни отъ кого просьбъ и жалобъ не было, да лѣты его еще не престарѣлыя, почему Св. Синодъ надѣется, что его преосвященство порученную ему отъ Бога и Ея Императорскаго Величества и Св. Синода епископскую должность при помощи Божіей еще несть будетъ въ состояніи».

Вслѣдствіе высочайшаго указа, Св. Синодъ, опредѣленіемъ 24 Февраля 1769 года, между прочимъ опредѣлилъ: «Означеннаго преосвященнаго Сильвестра, епископа Крутицкаго отъ епархіи уволить, а для жительства его преосвященству опредѣлить Московской епархіи 3 классной Николаевской Угрѣшской монастырь на такомъ во всемъ основаніи, какъ вышеписаннымъ Е. И. В. высочайшимъ указомъ повелѣно».

Въ 1775 году, Императрица, будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ, 15 Сентября подписала указъ Коллегіи Экономіи, слѣдующаго содержа-

нія: «Сверхъ пенсіи производимой погодно епископу Сильвестру, всемилостивѣйше повелѣваемъ выдавать ему содержаніе и жалованье по мѣсту имъ управляемому архимандрита монастыря Воскресенскаго.

Екатерина.

Въ монастырѣ Воскресенскомъ, Сентября 15, 1775 года.

Въ 1788 году, какъ означено въ Исторіи Россійской Іерархіи, преосвященный Сильвестръ былъ переведенъ въ Московскій Андроніевъ монастырь, въ которомъ онъ и скончался 19 Октября 1802 года «пополуночи въ 6 часовъ».

36.

Чрезъ сіе повелѣваемъ Бѣлогородскаго епископа Самуила [1]) перевести въ епархію Крутицкую, и какъ оному Крутицкому, такъ и епископу Суздальскому Геннадію [2]) присутствовать обоимъ членами въ Московской Синодальной Конторѣ, съ которыми такъ же присутствовать въ оной Конторѣ имѣетъ Новоспасскаго монастыря архимандритъ Іоаннъ, а епархіи Московской быть вѣдомой впредъ до указу въ Конторѣ Синодальной Московской. На Бѣлгородскую же епархію представить намъ кандидатовъ.

Сентября 24 дня 1771 года С.-Петербургъ.

37.

Изъ поднесеннаго намъ отъ Синода доклада усмотрѣли мы, что Бѣлградской епархіи Миропольскаго Николаевскаго монастыря архимандритъ Гавріилъ Спичинскій, по учиненнымъ въ Московской Синодальной Конторѣ слѣдствіямъ, во многихъ непорядочныхъ и безпокойныхъ поступкахъ оказался, а напослѣдокъ въ присланныхъ къ Бѣлградскому епископу, что̀ нынѣ Крутицкой, Самуилу, доношеніи и репортѣ на указы изъ Синода, такое на Синодъ, на Московскую онаго Контору и на двухъ Воронежскихъ епископовъ ругательство и поношеніе написалъ, что въ силу святыхъ правилъ долженъ онъ быть за то лишенъ не токмо архимандричества, но и монашества, и сверхъ того отосланъ быть въ гражданскій судъ, гдѣ по законамъ учинить бы ему надлежало тяжчайшее наказаніе. Но мы изъ природнаго нашего милосердія всемилостивѣйше освобождаемъ его отъ наказанія по строгости законовъ, а вмѣсто того повелѣваемъ Синоду лишить его, Гавріила

---

[1]) См. прим. 29, указъ 29.

[2]) Геннадій Драницынъ изъ архим. Волоколамскаго Іосифова мон. 1761, еп. Суздальскій. 1775, Апр. 11. † въ Москвѣ.

Спичинскаго, архимандричества и отослать простымъ монахомъ въ Соловецкій монастырь на послушаніе, гдѣ ему и жить неисходно. Изъ имѣнія же его, что кому онъ долженъ, то возвратить, а остальное ему отдать.

Октября 25 дня 1771 года.

38.

Пріѣхавшему въ Россію изъ Турецкой области подъ наше покровительство архіепископу Сербскому Василію Іоаннову повелѣваемъ жить въ Москвѣ, и считаться между чужестранными архіереями, состоящими на опредѣленномъ имъ годовомъ жалованьи, подъ вѣдомствомъ Синода; а для пропитанія его всемилостивѣйше Мы повелѣли уже Коллегіи Экономіи ему, архіепископу Василію, производить въ годъ по пятисотъ рублей и опредѣлить свободную квартиру въ какомъ-либо, въ Москвѣ, архіерейскомъ или монастырскомъ подворьѣ, по усмотрѣніи той Коллегіи; при чемъ не возбраняется ему, архіепископу Василію, и отправлять въ Москвѣ церковнослуженіе на такомъ основаніи, какъ и прочіе, чужестранные архіереи службу церковную тамъ отправляютъ.

Декабря 2 дня 1771 года.

39.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ посвятить во епископы въ Иркутскую епархію Тобольскаго Знаменскаго монастыря архимандрита и семинаріи ректора Михаила *).

Августа 2 дня 1772 года. Въ Петергофѣ.

40.

Возвратившемуся нынѣ изъ Архипелага епископу Анатолію повелѣваемъ опредѣлить для жительства его въ Малой Россіи Глуховской Петропавловской монастырь, который ему и препоручить въ правленіе; а находящагося нынѣ въ томъ Петропавловскомъ монастырѣ архимандрита перевести въ ставропигіальный монастырь второго класса, Крестовоздвиженской Бизюковъ. Притомъ не возбраняется ему, епископу Анатолію, и отправлять церковнослуженіе въ томъ монастырѣ и въ Глуховѣ, на такомъ основаніи, какъ Грузинскіе архіереи въ Москвѣ

---

*) Епископъ Михаилъ Тобольскій † 1789 Авг. 1.

отправляютъ. Что же касается до его содержанія, о томъ отъ насъ дано наше повелѣніе Коллегіи Экономіи [1]).

Сентабря 25 дня 1772 года.

41.

Повелѣваемъ въ пріобрѣтенныхъ нами нынѣ отъ Польши провинціяхъ къ Имперіи Россійской провинцію Витебскую, Полоцкую и Двинскую причислить къ епархіи Псковской, а провинціи Могилевская, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская быть должны епархіею Могилевскою до указу, въ которой остаться имѣетъ епархіальнымъ архіереемъ нынѣшній Могилевскій епископъ Георгій [2]), и оной епархіи именоваться Могилевскою, Мстиславскою и Оршанскою; а содержаніе сего епископа быть должно на прежнемъ основаніи до указу.

Декабря 14 дня 1772 года.

42.

Прошлаго 1771 года Февраля отъ 22 дня даннымъ указомъ поручили мы покойному преосвященному Московскому разсмотрѣть дѣло Степаниды Никоновой, которая называетъ себя законною женою покойному генералу графу Андрею Ефимовскому, и потому повелѣли производимое о семъ въ Юстицъ-Коллегіи дѣло отослать къ нему, а ему всѣ касающіяся до показываемаго бракосочетанія и слѣдующія ко оному обстоятельства собрать и разсмотрѣть по самой Богу угодной истинѣ, и сдѣлавъ окончательное рѣшеніе на основаніи правилъ святыхъ отецъ и государственныхъ законовъ, намъ донесть. На сей указъ получили Мы отъ онаго преосвященнаго докладъ и неокончальное его о семъ дѣлѣ рѣшеніе; но нашедъ оное во многомъ недостаточно, за нужно почли не столько снисходя на прошеніе помянутой Никоновой, какъ наблюдая сохраненіе правосудія во ввѣренной намъ отъ Бога Имперіи, отослать оной докладъ и рѣшеніе преосвященнаго въ нашъ Синодъ, повелѣвая оное рѣшеніе разсмотрѣть, находящіеся въ немъ недостатки дополнить, и такъ какъ отъ насъ покойному преосвященному приказано было, со мнѣніемъ намъ представить.

7 Генваря 1773 года. С.-Петербургъ.

---

[1]) См. Русскій Архивъ за 1870 годъ, кн. 4 и 5, ст. Н. И. Григоровича: „Анатолій Мелесъ, епископъ".

[2]) Георгій Конисскій изъ архим. Кіево-Братскаго мон. и ректоровъ Кіевской академіи. 1755 еп. Могилевскій. 1772 еп. Могилевскій, Мстиславскій и Оршанскій. 1783 архіепископъ. 1795 Февр. 13 †.

43.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ Нижегородскаго епископа Θеофана *), по всеподданнѣйшему его къ намъ прошенію, уволить отъ правленія епархіи, и дозволяемъ ему жить по его желанію въ Кіевской Печерской лаврѣ, опредѣляя ему келліи и прочее въ монастырѣ, такъ какъ онъ въ прошеніи его къ намъ написалъ. А для содержанія его мы ему опредѣлили повсегодной пенсіи изъ Коллегіи Экономіи по пятисотъ рублей по смерть его и всемилостивѣйше пожаловали ему на проѣздъ отъ епархіи до того монастыря тысячу рублей; о семъ и указъ отъ насъ данъ Коллегіи Экономіи.

1 Іюля 1773. С.-Петербургъ.

(—)

Въ прошеніи преосвященный Θеофанъ, отъ 25 Мая 1773 года, изъ Нижняго Новгорода, писалъ: «Родомъ я изъ Малой Россіи. Обучался Словено-латинскимъ наукамъ въ Кіевской Академіи, гдѣ въ 1733 году окончивъ Богословію, вступилъ въ Кіевопечерскую лавру для постриженія въ монашество. Но какъ тогда указомъ никого не дозволено было постригать, то въ ожиданіи дозволенія жилъ въ той же лаврѣ бѣльцомъ и 1734 годъ. Когда жъ и въ то время не послѣдовало дозволенія къ постриженію, то отъѣхалъ въ Москву, гдѣ въ 1735 году по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода опредѣленъ въ Московскую Академію учителемъ. Въ семъ званіи находился восемь лѣтъ, обучая Грамматикѣ, Синтаксимѣ, Піитикѣ, а при томъ въ воскресные дни и Катихизису, временемъ же и въ проповѣди Слова Божія трудился.

Въ монашество постриженъ я въ 1740 году. По увольненіи въ концѣ 1742 года отъ учительства, произведенъ въ 1743 году игуменомъ въ Серпуховской Владычній монастырь. Оттуда въ 1744 году переведенъ игуменомъ же въ Подмосковскій Угрѣшскій монастырь. Въ окончаніи того года, по имянному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны всевысочайшему указу переведенъ въ Свято-Троицкую-Сергіеву лавру, въ которой сперва былъ казначеемъ, потомъ келаремъ, а въ 1749 году Ея жъ Императорскаго Величества именнымъ всевысочайшимъ повелѣніемъ въ присутствіи Ея Величества въ оной лаврѣ пожалованъ въ намѣстника. Въ той должности находился до половины Марта мѣсяца 1753 года, всего жъ въ Троицкой лаврѣ въ вышеозначенныхъ послушаніяхъ былъ восемь лѣтъ. А какъ преосвященный Арсеній, бывшій тоя лавры архимандритъ, присутствовалъ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ и потому рѣдкое имѣлъ пребываніе въ лаврѣ, то все оныя правленіе. а особливо по увольненіи его преосвященства отъ лавры и епархіи въ Малую Россію, на меня возложено было.

Вышеозначеннаго 1753 года Марта 14 дня по именному жъ Ея Императорскаго Величества всевысочайшему указу изъ намѣстниковъ Троицкой лавры произведенъ я въ Нижегородскую епархію въ епископа, которое иго со всякимъ по силѣ моей раченіемъ и прилежаніемъ, не

---

*) Преосв. Θеофанъ (Чарнуцкій) † 8 Марта 1780.

перемѣняя епархіи, несу уже двадцать первый годъ. А всего въ Великой Россіи при разныхъ должностяхъ потрудился я тридцать восемь лѣтъ безъ всякаго порока. Нынѣ же по старости лѣтъ, коихъ мнѣ отъ рожденія семьдесятъ три, началъ я ослабѣвать въ силахъ: притупляется зрѣніе и уменьшается слышаніе мое. Почему опасенъ я, чтобъ подъ правленіемъ моимъ чего худаго не учинилось, или бы и самъ я по забвенію и оскудѣнію силъ моихъ не погрѣшилъ въ чемъ на старости предъ Богомъ, предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и предъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ.

Того ради Ваше Императорское Величество всенижайше прошу уволить меня богомольца Вашего отъ правленія епархіи, а остаточное житія моего время повелѣть окончать въ Кіевопечерской лаврѣ, гдѣ и дать мнѣ для жительства три келіи и поваренку, на истопленіе ихъ дрова, троимъ служителямъ пищу братскую. Также и надо мною самимъ, по примѣру собратій моихъ преосвященныхъ архіереевъ, которые въ подобныхъ случаяхъ отъ Вашего Императорскаго Величества получили довольное снабдѣніе, показать высокомонаршую Вашего Императорскаго Величества милость, чтобъ я при старости моей безъ пищи и одежды не остался. А какъ Кіевопечерская лавра отъ Нижняго Новагорода разстояніемъ болѣе тысячи верстъ, почему и на проѣздъ до оныя немалаго требуется иждивенія: то паки Ваше Императорское Величество всенижайше прошу на проѣздъ мой отъ Нижняго Новагорода до Кіева изъ особливой Вашего Императорскаго Величества всевысочайшей милости чѣмъ либо меня пожаловать, что̀ все, какъ и самого себя, въ матернее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе предаю».

44.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ въ Нижегородскую праздную епархію перевести Архангелогородскаго епископа Антонія.

9 Іюля 1773. Петергофъ.

45.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ на Архангелогородскую праздную епархію посвятить въ епископа, Тверской епархіи, первоклассйаго Колязина монастыря архимандрита и Тверской семинаріи ректора Арсенія *).

9 Декабря 1773. С.-Петербургъ.

46.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ на праздныя епархіи Переяславскую и Бѣлогородскую посвятить въ епископы, на первую Новогород-

*) Арсеній Верещагинъ изъ архим. Калязина мон. 1773. еп. Архангелогородскій, 1775 еп. Тверской, 1783 еп. Ростовскій, 1785 архіепископъ, 1786 арх. Ярославскій и Ростовскій, 1798 членъ Синода, 1799 Дек. 23 † въ С.-Петербургѣ, погреб. въ Ростовѣ.

ской епархіи второкласснаго Николаевскаго Вяжицкаго монастыря архимандрита Антонія [1]), а на вторую первокласснаго Нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандрита Аггея [2]).

27 Декабря 1773. С.-Петербургъ.

47.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ Сѣчевыхъ Запорожскихъ церквей начальника и іеромонаха Владимира Сокальскаго, по всеподданнѣйшему прошенію и удостоинству нашего Низоваго Запорожскаго войска, посвятить въ архимандриты, которому и быть при Запорожскихъ церквахъ начальникомъ на ихъ войсковомъ содержаніи.

21 Іюня 1774. Петергофъ.

48.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ нашему духовнику, Благовѣщенскаго собора, протоіерею Іоанну присутствовать въ нашемъ Синодѣ.

49.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ нашему духовнику, протоіерею Іоанну съ пожалованія его въ синодальные члены производить жалованья по тысячѣ рублей на годъ изъ доходовъ Коллегіи Экономіи.

30 Сентября 1774. С.-Петербургъ.

50.

По отбытіи нашемъ въ Москву, повелѣваемъ въ оставшейся здѣсь Синодальной Конторѣ присутствовать преосвященному Пареенію [3]), епископу Смоленскому, Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря, архимандриту Виктору, да здѣшняго Петропавловскаго собора протопопу Василію Алексѣеву, съ такимъ по ихъ чинамъ жалованьемъ, какое нынѣ въ Московской Синодальной Конторѣ члены получаютъ.

30 Сентября 1774. С.-Петербургъ.

51.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть архіепископу Санктпетербургскому Гавріилу совокупно и архіепископомъ въ Новгородской епар-

---

[1]) Антоній Румовскій, изъ архим. Новгор. Николаев. Вяжицкаго мон., 1773 еп. Переяславскій, 1776 еп. Астраханскій, 1785 архіепископъ, 1786 Ноябр. 9 †. До полученія извѣстія объ его кончинѣ, онъ былъ назначенъ къ переводу на епархію Бѣлогородскую 28 Ноября 1786.

[2]) Преосв. Аггей (Колосовскій) Бѣлогородскій, увол. на покой въ 1786, † 24 Окт. 1792, въ Переяславлѣ.

[3]) Пареерій Сапковскій, изъ архим. Новгор. Хутынск. мон., 1759 еп. Кексгольмскій, вик. Новгородск., 1761 еп. Смоленскій, 1795 Марта 7 †.

хіи. Чего ради и именоваться ему отъ нынѣ архіепископомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ.

1 Генваря 1775. С.-Петербургъ.

52.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ мы преосвященному архіепископу Тверскому Платону быть архіепископомъ Московской епархіи, оставляя его при томъ и архимандритомъ Троицы-Сергіева монастыря.

21 Генваря 1775. Тверь.

53.

Указъ Нашему Синоду.

Дознавъ твердо невинность преосвященнаго Веніамина [1], *архіепископа Казанскаго по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ бездѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе его добродѣтели удовлетворяя тѣмъ и самое правосудіе, всемилостивѣйше повелѣли именоваться ему отъ нынѣ митрополитомъ Казанскимъ и носить по обычаю бѣлый клобукъ.*

Екатерина [2].

Ген. 26 ч. 1775 г.

54.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовавшимъ въ здѣшней Синодальной Конторѣ членамъ епископамъ Самуилу Крутицкому и Геннадію Суздальскому, Новоспасскому архимандриту Іоанну, да Успенскаго собора протопопу Александру Левшину, именоваться отъ нынѣ синодальными членами, производя имъ изъ Коллегіи Экономіи и жалованье, какое они по Конторѣ получали.

Въ Москвѣ, Февраля 17 дня 1775 года.

55.

Заштатный Перервинскій монастырь повелѣваемъ. для учрежденія въ немъ училища и содержанія бѣдныхъ учениковъ, приписать къ здѣшнему Чудову монастырю, а сочиненіе штата какъ для пристойнаго содержанія того монастыря, такъ и для училища изъ получаемыхъ нынѣ того монастыря доходовъ поручили мы здѣшнему преосвященному архіепископу Платону.

27 Февраля 1775 г. Москва.

---

[1]) Веніаминъ Пуцекъ Григоровичъ, изъ архим. Спасо-Казанск. мон., 1748 еп. Нижегородскій, 1753 еп. Тверскій, 1758 Псковскій, 1761 архіеп. С.-Петербургскій, 1762 арх. Казанскій, 1775 митрополитъ, 1782 уволенъ съ управленіемъ Казанск. Седміезерской пустыни, гдѣ †.

[2]) Весь указъ собственноручный.

56.

Повелѣваемъ въ здѣшнемъ Чудовѣ монастырѣ отъ нынѣ быть намѣстнику съ жалованьемъ противъ намѣстника Александровскаго монастыря, о чемъ Синодъ имѣетъ дать знать Коллегіи Экономіи.

27 Февраля 1775. Москва.

57.

Синодъ имѣетъ большое Евангеліе Успенскаго собора. Прислать ко мнѣ *Екатерина* [1]).

Мар. 3 ч. 1775 г.

58.

Извѣстно намъ, что монастырь Нилова пустыня, сколько благоустроеніемъ, такъ и по большому числу всегда къ оному притекающихъ богумолитвенниковъ, есть отличенъ отъ другихъ духовныхъ обителей; чего ради высочайше повелѣваемъ отъ нынѣ впредъ быть начальникомъ въ ономъ архимандриту. Но какъ сей монастырь въ штатѣ не состоитъ, то и опредѣляемымъ въ оной архимандритамъ содержать себя изъ доходовъ, собираемыхъ отъ подаянія въ тотъ монастырь.

Августа 4 дня 1775 года. Въ селѣ Царицынѣ.

59.

Для учрежденія женскаго работнаго дома, повелѣваемъ отдать въ вѣдомство здѣшней полиціи испраздненный Андреевскій монастырь.

Августа 12 дня 1775 года.

60.

Въ Ниловскую пустыню архимандритомъ всемилостивѣйше повелѣваемъ посвятить соборнаго Кіевопечерскаго іеромонаха Маркіяна Потемкина [2]).

Въ Москвѣ 1-го Сентября 1775 года.

61.

Константинопольскому патріарху Серафиму всемилостивѣйше повелѣваемъ по разсмотрѣнію Синода опредѣлить въ Малороссіи монастырь къ удобному его пребыванію, а на содержаніе его по двѣсти рублей на мѣсяцъ указали мы выдавать ему изъ доходовъ Коллегіи Экономіи.

Декабря 2-го 1775 года, въ Москвѣ.

---

[1]) Весь указъ собственноручный. Это, вѣроятно, знаменитое Евангеліе.

[2]) Вѣроятно это родственникъ Г. А. Потемкина, съ которымъ Екатерина не задолго передъ тѣмъ вступила въ негласный бракъ. П. Б.

62.

При настоящемъ отбытіи нашемъ въ С.-Петербургъ всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствіе имѣть въ Синодѣ архіепископамъ: Новгородскому Гавріилу, Московскому Платону и Иннокентію Псковскому, да протопопамъ—духовнику и Преображенскому. Въ Москвѣ, въ Конторѣ Синода епископамъ Рязанскому и Крутицкому архимандриту Новоспасскому и протопопу Успенскаго собора, позволяя между тѣмъ архіепископу Московскому пробыть въ Москвѣ до Великаго поста, и во время сего пребыванія засѣдать ему въ здѣшней Конторѣ.

Въ Москвѣ (Декабря) 20 1775 года.

63.

Митрополитъ Патроскій Парѳеній, предававшійся покровительству нашему, въ минувшей войнѣ подвизался отъ усердія къ вѣрѣ и съ отличною ревностію на пользу службы Нашей, и сими движимъ будучи, прибылъ наконецъ въ нашу Имперію, оставя свое отечество. И потому, въ воздаяніе подъятыхъ имъ трудовъ и заслуги отличной, всемилостивѣйше повелѣваемъ дать ему монастырь къ пребыванію въ Московской епархіи по разсмотрѣнію тамошняго архіепископа; о выдачѣ жъ на содержаніе ему по пяти сотъ рублей въ годъ, да на проѣздъ и заведеніе дому двухъ тысячъ рублей, данъ отъ насъ указъ Коллегіи Экономіи.

Генваря 6, 1776 года, въ С.-Петербургѣ.

64.

Парѳенію, епископу Смоленскому, всемилостивѣйше дозволяемъ въ его епархію отъѣхать, оставляя ему навсегда титулъ члена Синода.

Генваря 9, 1776 года, въ С.-Петербургѣ.

65.

Состоящихъ въ разныхъ епархіяхъ церковниковъ, которые по послѣдней ревизіи показаны выбылыми въ церковные чины, а по опредѣленію въ Синодѣ, въ 7 день Іюля 1774 года учиненному, исключены изъ числа церковнослужителей для высылки на прежнія ихъ жилища къ положенію въ подушный окладъ, повелѣваемъ оставить, не высылая, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они при церквахъ находилися, и въ подушный окладъ не полагать до будущей ревизіи и нашего о томъ указа, и о таковомъ нашемъ соизволеніи Синоду сообщить и въ нашъ Сенатъ.

Іюня 28 дня 1777 года, въ Петербургѣ.

66.

Всемилостивѣйше пожаловали мы преосвященнаго Самуила, епископа Ростовскаго, въ архіепископы.

Въ С.-Петербургѣ, 22 Сентября 1777 года.

67.

Мы при должномъ благодареніи Господу Богу за благополучное разрѣшеніе отъ бремени нашей любезной невѣстки, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини, и дарованіе Ихъ Императорскимъ Высочествамъ перво-роднаго сына, а намъ внука Александра Павловича, что учинилося во 12-й день сего мѣсяца, повелѣваемъ въ церковномъ служеніи, гдѣ прилично, воспоминать Его Императорское Высочество именуя: Благовѣрнымъ Государемъ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ. Рожденіе его праздновать по выше-писанному сего Декабря 12-го дня, а тезоименитство 30-го Августа, въ день Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и сіе наше опредѣленіе публиковать во всѣхъ Имперіи нашей епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 23 дня 1777 года.

68.

Епископа Рязанскаго Палладія [1]) по прошенію его, за слабостію здоровья всемилостивѣйше увольняемъ отъ присутствія въ Синодальной Конторѣ и отъ епархіи съ произвожденіемъ ему изъ Коллегіи Экономіи на годъ по шести сотъ рублей; а Синоду повелѣваемъ дать ему для жительства Печерскій, что̀ въ Нижнемъ, монастырь, которому и быть въ его смотрѣніи и управленіи; но покуда состоящій тамъ архимандритъ въ другое сходное мѣсто переведенъ будетъ, помянутому епископу, имѣя въ томъ монастырѣ пребываніе, получать изъ той же Коллегіи Экономіи содержаніе и жалованье по окладу первокласснаго архимандрита, на мѣсто же его Синоду выбравъ кандидатовъ намъ представить.

Въ С.-Петербургѣ, Марта 20 дня 1778 года.

69.

Изъ представленныхъ намъ отъ Синода кандидатовъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ Костромскаго епископа Симона перевесть въ Рязанскую епархію, а на мѣсто его, въ епископы Костромскіе посвятить ставропигіальнаго Донскаго монастыря архимандрита Павла [2]).

---

[1]) Палладій изъ архим. Нижегор. Печерск. мон. 1758, еп. Рязанскій. 1778, уволенъ съ управленіемъ Нижегородск. Печерскаго мон. 1789 Дек. 2 †.

[2]) Павелъ Зерновъ изъ архим. Донскаго мон. 1778, еп. Костромскій. 1800, еп. Тверскій. 1801, архіепископъ. 1803, Казанскій.

70.

Московской епархіи викарія епископа Сѣвскаго Кирилла увольняемъ отъ правленія епархіи, назначивая ему мѣсто для пребыванія въ Кіевскомъ Золотоверхомихайловскомъ монастырѣ съ производеніемъ ему на содержаніе изъ Коллегіи Экономіи по триста рублей на годъ: на мѣсто же его Синоду повелѣваемъ избрать кандидатовъ и намъ представить.

Въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 26 дня 1778 года.

71.

Изъ представленныхъ намъ отъ Синода кандидатовъ во епископы Сѣвскіе всемилостивѣйше повелѣваемъ посвятить здѣсь ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря архимандрита и Московской Академіи ректора Амвросія *).

Въ Царскомъ селѣ, Мая 8 дня 1778.

72.

Игнатій, митрополитъ Готѳейскій и Кефайскій подвигомъ усердія своего къ намъ, вышедъ изъ Крыма въ вѣчное подданство Россіи, находится теперь съ знатнымъ числомъ обоего пола людей паствы своея въ Азовской губерніи на назначенныхъ для поселенія мѣстахъ, въ разсужденіи чего и повелѣваемъ нашему Синоду: 1) Согласно со всемилостивѣйше жалуемою всему поселяемому тамъ Греческому обществу привиллегіею, оставя всѣхъ выводимыхъ имъ Грековъ въ собственной его паствѣ, состоять ему по смерть его безпосредственно подъ Синодомъ; священникамъ же вышедшимъ нынѣ, оставаясь каждому при своемъ приходѣ, зависѣть отъ него, коихъ онъ и впредъ по разсмотрѣнію своему и по мѣрѣ надобности въ паствѣ своей рукополагать имѣетъ. 2) Именоваться ему по смерть его митрополитомъ Готѳейскимъ Кефайскимъ и имѣть мѣсто подъ архіепископомъ Херсонскимъ и Сливенскимъ. 3) На содержаніе его со всѣмъ домомъ указали мы Коллегіи Экономіи производить ему по три тысячи рублей на годъ. На основа-

*) Амвросій Подобѣдовъ изъ архим. Заиконоспасскихъ. 1778 еп. Сѣвскій, вик. Московскій. 1782 еп. Крутицкій. 1785 архіеп. Казанскій. 1799 архіеп. С.-Петербургскій, Эстляндскій и Финляндскій. 1800 архіеп. Новогородск. и С.-Петербургск. 1801 митрополитъ.

нiи чего и имѣетъ нашъ Синодъ учинить надлежащее по всему оному исполненiе.

Марта 14 дня 1779 года [1]).

73.

Синодъ нашъ усердными своими ко Всемогущему Богу принесенными молитвами воспрiялъ уже участiе въ радостномъ происшествiи низпосланномъ намъ отъ благодати Господней умноженiемъ Императорскаго нашего дома, даровавъ намъ въ 27 день Апрѣля, втораго внука рожденнаго отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ нашихъ любезныхъ сына и невѣстки, великаго князя, нареченнаго Константиномъ. Соизволяемъ потому, чтобъ Его Императорское Высочество новорожденный отъ нынѣ въ церковныхъ служенiяхъ, гдѣ прилично, воспоминаемъ былъ со именованiемъ: Благовѣрнымъ Государемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Рожденiе праздновать по вышеписанному 27-го, а тезоименитство 21-го Мая въ день святаго Равноапостольнаго царя Константина, и о семъ для исполненiя обнародовать во всѣхъ Имперiи нашей епархiяхъ, монастыряхъ и церквахъ.

Въ Царскомъ Селѣ, Мая 5 дня 1779 года.

74.

Снисходя на прошенiе Евгенiя [2]), архiепископа Славянскаго и Херсонскаго въ разсужденiи слабаго его здоровья и глубокой старости, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленiя ввѣренной ему паствы, повелѣвая, производить ему по смерть, сверхъ получаемой имъ по указу нашему, отъ 1771 года Iюля 23 дня, по тысячѣ по пяти сотъ рублей на годъ пенсiи, еще по пяти сотъ рублей изъ доходовъ нашей Коллегiи Экономiи.

Мая 5 дня 1779 года, Сарское село.

75.

Снисходя на прошенiе Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря архимандрита Варлаама, всемилостивѣйше увольняя его отъ того мо-

---

[1]) Указъ этотъ частiю напечатанъ въ Ист. Росс. Iерар. Т. I, ч. 1, стр. 41, а отсюда перепечатанъ въ томъ же видѣ въ книгѣ „Сочиненiя Гаврiила, архiепископа Тверскаго и Кашинскаго“, Москва 1854 г., ч. II, 74—76.

[2]) Евгенiй Булгаръ изъ Греческихъ iеромонаховъ, 1775 архiепископъ Словенскiй Херсонскiй, 1779 увол. на покой, 1806 Мая 27 † и погреб. въ Александро-Невской лаврѣ.

настыря, позволяемъ по слабости здоровья выѣхать ему изъ Россіи куда самъ пожелаетъ, и повелѣваемъ производить ему по требованіямъ его вездѣ гдѣ находиться будетъ пожалованной ему отъ насъ въ 1775 году пенсіонъ по тысячѣ рублей на годъ. На мѣсто же его опредѣляемъ въ означенной монастырь Володимірской епархіи, Царя-Константиновскаго монастыря архимандрита Доровея на томъ же самомъ основаніи, какъ и архимандритъ Варлаамъ тамъ находился.

Іюля 8 дня 1779 года, Петербургъ.

76.

Состоящей по Петергофской дорогѣ Троицкой Сергіевой пустыни архимандриту Іоасафу [1]) всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Синодѣ.

Марта 11 дня 1780 года, въ С.-Петербургѣ.

77.

Псковской епархіи въ Святогорскомъ монастырѣ повелѣваемъ быть отъ нынѣ архимандриту, оставляя однакожъ онаго на положенномъ въ штатѣ игуменскомъ содержаніи.

Въ Полоцкѣ, Мая 22-го 1780.

78.

Снисходя на представленное намъ отъ Синода прошеніе Новгородской епархіи викарія, епископа Олонецкаго Іоанникія [2]), всемилостивѣйше увольняемъ его по немощамъ его отъ управленія епархіею и отъ всякія службы, пожаловавъ ему по смерть пенсію по пяти сотъ рублей на годъ и повелѣвая Синоду нашему назначить ему удобное мѣсто къ спокойному его пребыванію, на ваканцію же сію представить намъ кандидатовъ.

Въ Санктпетербургѣ, Марта 10 дня 1782.

(—)

Св. Синодъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, 3 Марта 1782 года, доносилъ Императрицѣ: «Новгородской епархіи Іоанникій, епископъ

---

[1]) Іоасафъ Заболоцкій изъ архим. Троицко-Сергіевской пуст. (на Петергофской дорогѣ), 1782 еп. Нижегородскій, 1783 еп. Тверскій, 1785 архіепископъ, 1788 Февр. 13 †.

[2]) Іоанникій изъ архим. Новгор. Юрьева мон. 1775, еп. Олонецкій, вик. Новгородскій 1782, уволенъ на покой сперва въ Хутынскій, а потомъ въ Юрьевъ мон. 1785 Нояб.†

Олонецкій, присланнымъ въ Синодъ сего 1782 года Февраля отъ 17 дня прошеніемъ представилъ, что онъ, проходя налагаемыя на него съ 1750 года разныя послушанія со всевозможнымъ своимъ усердіемъ, а съ 1775 будучи во оной Олонецкой епархіи епископомъ, съ 1779 года подверженъ сдѣлался различнымъ и тяжкимъ болѣзнямъ, а именно: отеку ножному, непрестанной одышкѣ, лишенію настоящаго зрѣнія въ глазахъ, которыми при огненномъ свѣтѣ почти ничего да и при дневномъ свѣтѣ чрезъ очки читать мало видѣть можетъ, и всечаснымъ почти обморокамъ, отъ чего въ такую слабость и безсиліе пришелъ, что по кельѣ пройтить и на стулѣ мало посидѣть силъ въ себѣ не находитъ, почему наложенныя на него епископскія должности къ понесенію признаетъ себя нынѣ быть не въ состояніи и проситъ, чтобъ его отъ епархіи и отъ прочихъ всѣхъ званій уволить. А какъ объ оной болѣзни и прежде онъ епископъ Синоду не однократно представлялъ, а по умножившейся нынѣ въ немъ слабости и благоуспѣшнаго правленія епаршескихъ дѣлъ ожидать отъ него ненадежно: того ради Вашему Императорскому Величеству Синодъ всеподданнѣйше представляетъ, не соизволите ли Ваше Императорское Величество повелѣть онаго Олонецкаго епископа Іоанникія за показанными болѣзнями и неспособностію отправленія епаршескихъ и другихъ послушаній уволить; а на какомъ содержаніи ему остаться, оное Синодъ предаетъ всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества благоволенію, и на сіе проситъ высочайшаго указа».

(—)

Просилъ насъ преосвященный Веніаминъ, митрополитъ Казанскій, объ увольненіи его за старостію и болѣзнями отъ управленія епархіею. Мы не токмо всемилостивѣйше снисходимъ на сіе его прошеніе, но еще во уваженіе долговременной и радѣтельной его службы Престолу Божію и нашему Императорскому Величеству восхотѣли оказать ему отличное наше благоволеніе: вслѣдствіе чего по смерть его опредѣляемъ ему на собственное и съ домомъ его содержаніе ежегодную пенсію по четыре тысячи по четыреста по десяти рублей. Для спокойнаго пребыванія ему назначаемъ монастырь третьяго класса въ Казанской епархіи, именуемый Богородицкая Семиезерская пустыня, который и оставить въ его управленіи; на мѣсто же его въ Казанскую епархію Синоду избравъ намъ представить кандидатовъ.

Въ Санктпетербургѣ, Марта 17 дня 1782 года.

*

Всемилостивѣйше повелѣваемъ перевесть въ Крутицкую епархію епископомъ Конторы Синода нашего члена Московской епархіи викарія, епископа Сѣвскаго Амвросія, а на его мѣсто викаріемъ епископомъ Сѣвскимъ пожаловали мы Конторы Синода нашего члена ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря архимандрита и Московской Ака-

деміи ректора Дамаскина [1]), котораго въ епископскій санъ посвятить въ Санктпетербургѣ.

Въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 28 дня 1782 года.

79.

Изъ представленныхъ намъ кандидатовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ перевесть въ Казанскую епархію архіепископомъ Нижегородскаго епископа Антонія, въ Нижегородскую епархію епископомъ жалуемъ Синода нашего члена, Троицкой Сергіевой пустыни архимандрита Іоасафа, оставляя при немъ званіе члена Синода; Новгородской епархіи викаріемъ, епископомъ Олонецкимъ, пожаловали мы Новгородскаго Юрьева монастыря архимандрита Виктора [2]); и сихъ обоихъ посвятить въ епископскій санъ въ Санктпетербургѣ.

Въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 25 дня 1782 года.

80.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку протоіерею Симеону Коронацкому присутствовать въ нашемъ Синодѣ на такомъ же основаніи, какъ онаго полку бывшій протоіерей Андрей Михайловъ присутствовалъ.

Въ Санктпетербургѣ, Генваря 8 дня 1783 года.

81.

По представленіямъ нашего Синода и генерала-поручика, правящаго должность генерала-губернатора Пермскаго и Тобольскаго Кашкина, повелѣваемъ состоящій въ Тобольской епархіи монастырь Невьянскій перенести въ село Абалакъ, въ двадцати пяти верстахъ отъ Тобольска лежащее, предоставляя епархіальному архіерею и помянутому генералу-поручику сдѣлать надлежащія распоряженія къ исполненію сего.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 11 1783 года.

82.

Всемилостивѣйше пожаловали мы Синода нашего члена Новгородскаго и С.-Петербургскаго архіепископа Гавріила митрополитомъ,

---

[1]) Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, изъ архим. Заиконоспасскихъ 1782, еп. Сѣвскій вик. Московскій, 1783, еп. Нижегородскій, 1794 увол. въ Моск. Покровскій мон., 1795 Дек. 18 †.—(Онъ написалъ біографію Ломоносова. П. Б.).

[2]) Викторъ Онисимовъ изъ архим. Новгор. Юрьева мон. 1782, еп. Олонецкій, вик. Новгородск., 1783, еп. Владимирскій, 1788, еп. Суздальскій и Владимирскій, 1799, еп. Владимирскій и Суздальскій, 1800, увол. на покой въ Юрьевъ мон.

Могилевскаго епископа Георгія въ архіепископы, повелѣвая имъ оставаться въ прежнихъ мѣстахъ, а архіепископу Георгію именоваться Синода нашего членомъ.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 22, 1783.

83.

Всемилостивѣйше пожаловали мы Синода нашего члена архіепископа Ростовскаго Самуила митрополитомъ Кіевскимъ, оставляя ему именованіе Синода члена; на мѣсто его въ Ростовскую епархію повелѣваемъ перевесть епископа Тверского Арсенія, въ Тверскую епархію Синода члена, епископа Нижегородскаго Іоасафа, въ Нижегородскую епархію Московской епархіи викарія, Сѣвскаго епископа Дамаскина, во Владимирскую епархію Новгородской епархіи викарія епископа Олонецкаго Виктора.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 22 1783 года.

84.

Препровождая симъ договоръ, заключенный съ Карталинскимъ и Кахетинскимъ царемъ Иракліемъ Вторымъ о принятіи его въ наше покровительство съ признаніемъ верховной власти нашей и преемниковъ престола нашего Императорскаго надъ царями и царствами Карталинскимъ и Кахетинскимъ, повелѣваемъ Синоду нашему постановленное въ осьмомъ артикулѣ того договора о мѣстѣ назначаемомъ первенствующему архіепископу Грузинскому, такъ называемому Католикосу, объ именованіи его Синода членомъ исполнять, каковъ же будетъ составленъ особый артикулъ объ управленіи Грузинскія церкви и объ отношеніи ея къ нашему Синоду, оный въ свое время присланъ будетъ.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 29 1783 года.

85.

По прошенію архіепископа Казанскаго Антонія за болѣзнями его всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія епархіею, опредѣляя для пребыванія ему Нижегородской епархіи второклассный Желтоводскій Макаріевъ монастырь и препоруча оный въ полное его управленіе; а притомъ, сверхъ жалованья по званію настоятеля того монастыря, производить ему по смерть по тысячѣ рублей на годъ; на мѣсто же его представить намъ кандидатовъ.

С.-Петербургъ, Марта 5, 1785.

(—)

Св. Синодъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, 21 Марта 1785 года, писалъ: «Февраля отъ 3 Сентября 1785 года Антоній, архіепископъ Ка-

занскій доношеніемъ Синоду представилъ, что 1779 года въ Ноябрѣ мѣсяцѣ приключилась ему сильная простуда въ лѣвомъ слухѣ, отъ которой, при всѣхъ употребленныхъ врачами средствахъ, не только не получилъ исцѣленія, но лишился вовсе слышанія онымъ: сія жъ-де самая болѣзнь третій тому годъ оказавшаяся и въ правомъ слухѣ, ослабивъ нервы, угрожаетъ равнымъ первому слѣдствіемъ несчастнымъ: ибо отъ прошедшаго Октября мѣсяца 1784 года по настоящее время съ трудностію можетъ слышать онымъ гораздо громкій разговоръ въ близости стоящаго съ нимъ, съ просителями же по епархіальнымъ дѣламъ не иначе говоритъ, какъ по пересказыванію ему его человѣкомъ. Не хотя же упустить возложенную на него должность и публику города оставить въ неудовольствіи, безъ пощаденія себя въ холодныя и сырыя времена года, прежде хотя и выѣзжалъ онъ для служеніевъ въ отличные дни, но всегда оное было съ чувствительнымъ умноженіемъ означенной болѣзни; нынѣ же, не имѣя уже болѣе силъ выходить на вольный воздухъ, принужденъ оставить городъ и соборъ служеніемъ и въ самые нарочитые праздники, дабы не подвергнуть себя всеконечному лишенію чувства, что̀, по самой истинѣ доноситъ, свидѣтельствуясь всевидящимъ Богомъ, христіанскою совѣстію и архіерейскимъ саномъ. А сверхъ того по бытности его въ Нижнемъ и въ Казанѣ начальствующіе и другіе почетные благородствомъ, духовенство и граждане лучшіе довольно о болѣзни его извѣстны и засвидѣтельствовать могутъ. А по таковымъ обстоятельствамъ не въ силахъ будучи продолжать болѣе возложенное на него служеніе, проситъ, чтобы его отъ управленія Казанскою епархіею уволить, а о препровожденіи послѣднихъ дней жизни его по примѣру прочихъ архіереевъ уволенныхъ отъ ихъ епархій, и въ разсужденіи понесенныхъ имъ для пользы святыя церкви и общества трудовъ, не оставить милостивымъ призрѣніемъ, опредѣля ему для всегдашняго пребыванія Нижегородской епархіи, второклассный Троицкій Желтоводскій Макаріевъ монастырь въ полное его управленіе, на основаніи ставропигіальныхъ монастырей.

А какъ Синоду довольно извѣстно, что оный архіепископъ Антоній налагаемыя на него послушанія исполнялъ будучи въ Московской Академіи съ 759 года проповѣдникомъ, префектомъ и ректоромъ со всевозможнымъ усердіемъ, а съ 1770-го былъ въ Архангелоградской, 773 въ Нижегородской, а съ 732-го въ Казанской епархіяхъ епископомъ и архіепископомъ, употребляя всегда служеніе свое къ пользѣ святыя церкви съ отмѣннымъ раченіемъ, умножившуюся нынѣ въ немъ болѣзнь и Синодъ почитаетъ ко исправленію архіерейской должности крайнимъ препятствіемъ: того ради вашему Императорскому Величеству Синодъ всеподданнѣйше представляетъ, не соизволите ли ваше Императорское Величество повелѣть онаго Казанскаго архіепископа Антонія за показанною болѣзнію отъ епархіальнаго правленія уволить, и по примѣру прочихъ уволенныхъ отъ епархій архіереевъ для жительства опредѣлить ему согласно съ его желаніемъ вышеозначенный второклассный Троицкій Желтоводскій Макаріевъ монастырь въ полное его управленіе на основаніи ставропигіальныхъ монастырей и съ положеннымъ на тотъ монастырь штатомъ, но доколѣ изъ онаго монастыря архимандритъ въ другое праздное мѣсто переведенъ будетъ, до того архимандричье жалованье получать тому архимандриту; того же на какомъ содержаніи означенному архіепископу Антонію быть, оное также и все сіе Синодъ предаетъ всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества благоволенію и на сіе проситъ высочайшаго указа».

*

86.

Пріемля за благо представленіе Синода нашего относительно опредѣленнаго нами для управленія монастырями и церквами православнаго нашего исповѣданія въ Польшѣ, коадъютора митрополіи Кіевской, повелѣли мы министерству нашему доставить чрезвычайному и полномочному нашему послу при королѣ и Рѣчи Посполитой Польской, тайному совѣтнику графу Стакельбергу, надлежащія повелѣнія, на основаніи доклада Синода, о твердомъ защищеніи означенныхъ монастырей и церквей съ исповѣдающими законъ нашъ благочестивый; не меньше съ удовольствіемъ видя, что Синодъ нашъ въ наставленіи сему коадъютору изъяснилъ надобность, для вящшаго утвержденія православія и просвѣщенія народнаго, имѣть училище, указали мы отпускать на содержаніе семинаріи при епископѣ Переяславскомъ въ мѣстѣ его пребыванія по двѣ тысячи рублей на годъ, соизволяя, чтобъ для преподаванія ученій сей семинаріи свойственныхъ, церкви и народу полезныхъ присвоенъ былъ образъ для всѣхъ училищъ въ Имперіи нашей узаконенный; чего ради Синодъ нашъ и востребуетъ въ томъ нужнаго пособія отъ Комиссіи объ установленіи народныхъ училищъ. Впрочемъ надѣемся, что помянутый епископъ приложитъ радѣніе о заведеніи малыхъ школъ и по другимъ мѣстамъ при монастыряхъ или церквахъ нашего исповѣданія, заимствуя и для оныхъ тѣже правила.

Въ Царскомъ Селѣ, Мая 15 1785 года.

87.

По прошенію епископа Сильвестра при управленіи ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря находящагося, за старостію и слабостію здоровья всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія того монастыря, позволяя для спокойнаго его пребыванія избрать мѣсто, какое онъ пожелаетъ. О производеніи же ему по смерть какъ той пенсіи, которая ему прежде отъ насъ пожалована, такъ и получаемаго имъ по мѣсту настоятеля Воскресенскаго монастыря жалованья, данъ указъ нашъ дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу прокурору, князю Вяземскому.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 3, 1785 года.

88.

Епископа Бѣлоградскаго Агея по болѣзнямъ его всемилостивѣйше увольняемъ отъ управленія епархіею и отъ всякихъ дѣлъ, повелѣвая производить ему пенсію по смерть по тысячѣ по двѣсти рублей,

и назначить для его пребыванія одинъ изъ второклассныхъ монастырей по способности и по сходствію съ его желаніемъ; на мѣсто его перевесть въ епархію Бѣлоградскую архіепископа Астраханскаго Антонія [1]), оставляя ему лично прежніе его степень и содержаніе; въ Астраханскую епархію помѣстить архіепископа Славенскаго Никифора [2]), а Екатеринославскимъ и Херсониса Таврическаго архіепископомъ всемилостивѣйше жалуемъ епископа Олонецкаго Амвросія.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 28, 1786 года.

89.

По благополучномъ выздоровленіи любезныхъ внуковъ Нашихъ Великихъ Князей и Великихъ Княженъ отъ кори и отъ привитой оспы двумъ старшимъ Великимъ Княжнамъ, принося достодолжное наше благодареніе Богу Всемогущему, сохраняющему невредимо Императорскій нашъ домъ, соизволяемъ, чтобъ какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всей Имперіи въ церквахъ отправлено было благодарное же Господу моленіе.

Въ Полтавѣ, Іюля 8, 1787 года.

90.

Всемилостивѣйше пожаловали мы архіепископу Екатеринославскому и Херсониса Таврическаго крестъ, повелѣвая ему носить оный на черномъ клобукѣ.

Въ Полтавѣ, Іюля 8, 1787 года.

91.

Имеретинскому католикосу Максиму, желающему остаться въ предѣлахъ Имперіи нашей, повелѣваемъ Синоду нашему назначить мѣсто пребыванія по своему усмотрѣнію; для содержанія же его указали мы производить ему по тысячи по двѣсти рублей на годъ изъ государственныхъ казначействъ.

Въ С.-Петербургѣ, 13 Ноября 1787 года.

92.

Изъ представленныхъ намъ отъ Синода кандидатовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ перевесть епископа Воронежскаго Тихона [3]) въ томъ же званіи въ Тверскую епархію; въ Тамбовскую епархію, Новгород-

---

[1]) Преосв. Антоній скончался въ Астрахани 9 Ноября 1786 года за 19 дней до состоянія сего указа.

[2]) Никифоръ Ѳеотоки, іеромонахъ, уроженецъ остр. Корфу. 1779 архіепископъ Словенскій и Херсонскій. 1786 архіеп. Астраханскій. 1792 уволенъ на покой. 1800 Мая 31 † въ Моск. Даниловѣ мон.

[3]) Тихонъ Малининъ изъ архим. Колязина мон. 1775 еп. Воронежскій. 1788 еп. Тверскій. 1792 архіеп. Астраханскій. 1793 Ноября 14 †.

ской епархіи викарія, епископа Старорусскаго Θеофила [1]), въ епископы пожаловали мы Воронежскимъ, Санкпетербургской епархіи, Троицкой Сергіевой пустыни архимандрита и Александроневской семинаріи ректора Иннокентія [2]); Орловскимъ и Сѣвскимъ, ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря архимандрита Аполлоса [3]); викарными епархіи: Новгородской, епископамъ Старорусскимъ, архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря Аѳанасія [4]), и Московской — епископамъ Дмитровскимъ, архимандрита Московскаго Богоявленскаго монастыря Серапіона [5]). Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря архимандриту Иринею [6]) присутствовать въ нашемъ Синодѣ.

Въ Царскомъ Селѣ, Мая 6, 1788 года.

93.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ нашей гвардіи Преображенскаго полку протоіерею Лукіану присутствовать въ нашемъ Синодѣ, на томъ же основаніи какъ присутствовалъ предмѣстникъ протоіерей Симеонъ Коронацкій. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, Мая 21 1788 года.

94.

По прошенію, поданному намъ Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, Клинцовскаго посада, отъ купца Якова Желѣзникова разсматривали мы собранныя свѣдѣнія касательно уничтоженія заведенной имъ въ Клинцовскомъ посадѣ для печатанія книгъ типографіи. И какъ онъ

---

[1]) Θеофилъ Раевъ изъ архим. Новгор. Хутынск. мон. 1786 еп. Старорусскій, вик. Новгородскій. 1788 еп. Тамбовскій. 1794 Февраля 6 назначенъ къ перемѣщенію въ Астрахань, но по прошенію оставленъ Марта 11 въ Тамбовѣ. 1799 еп. Тамбовскій и Шацкій.

[2]) Преосв. Иннокентій (Полянскій) Воронежскій † 15 Апр. 1794.

[3]) Аполлосъ Байдаковъ изъ арх. Воскресенскаго (Новоіерусалимск.) мон. 1788 еп. Орловскій. 1798 еп. Архангелогородскій. 1799 еп. Архангельскій и Холмогорскій. 1801 Мая 14 †.

[4]) Аѳанасій Волоховскій изъ архим. Новгор. Юрьева мон. 1788 еп. Старорусскій, вик. Новгородскій. 1795 еп. Могилевскій и Полоцкій. 1797 уволенъ на покой въ Мюрскій Любенскій мон. 1801 Янв. 1 † въ Полтавѣ.

[5]) Серапіонъ Александровскій изъ арх. Моск. Богоявленск. мон. 1788 еп. Дмитровскій, вик. Московскій. 1799 Окт. 16 назначенъ въ Калугу, но 21 числа того же мѣсяца пожалованъ во архіепископа Казанскаго. 1803 митрополитъ Кіевскій.

[6])Ириней Клементьевскій, изъ архим. Новгор. Юрьева мон. 1792 еп. Тверскій. 1796 архіеп. Тверскій и Кашинскій. 1798 архіеп. Псковскій и Рижскій. 1799 архіеп. Псковскій, Лифляндскій и Курляндскій. Подробный біографическій очеркъ его напечатанъ Н. И. Григоровичемъ по неизданнымъ документамъ въ „Русскомъ Архивѣ“, за 1869 г., №№ 7 и 8, по поводу опроверженія мнѣнія о пожалованіи ему будто бы императоромъ Павломъ генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ.

показываетъ, что въ той его типографіи до запретительнаго о печатаніи церковныхъ книгъ въ вольныхъ типографіяхъ указа нашего отъ 27 Іюля 1787 года церковныя книги печатаны имъ были съ церковныхъ же печатныхъ книгъ по указу Новгородско-Сѣверскаго Намѣстническаго Правленія и съ дозволенія Суражскаго Нижняго Земскаго Суда, да и по справкѣ съ Сvнодомъ оказалось, что таковыхъ печатныхъ до того запретительнаго 1787 г. указа книгъ изъ типографіи его отобрано весьма малое количество, какъ то часовникъ со святцами одинъ, да букварей ко изученію дѣтскому принадлежащихъ шестьдесятъ: то по сему и повелѣваемъ оныя книги оставить въ пользу его Желѣзникова, равнымъ образомъ и отобранные съ той его типографіи инструменты ему жъ возвратить съ такимъ притомъ подтвержденіемъ, что какъ указомъ нашимъ, состоявшимся въ 1787 году Іюля 27 дня церковныхъ книгъ кромѣ Сvнодальной или и иныхъ духовныхъ типографій подъ вѣдомствомъ Сvнода состоящихъ печатать не велѣно, то бъ, слѣдуя сему, онъ Желѣзниковъ отнюдь ихъ не печаталъ; а что̀ принадлежитъ до печатанія книгъ, какія и прочимъ вольнымъ типографіямъ позволены, въ томъ ему поступать по изданнымъ отъ насъ установленіямъ.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 18 1789 года.

95.

Въ Екатеринославской губерніи и епархіи указали мы учредить монастырь на Витовкѣ [1]), что̀ близъ устья рѣки Ингула, при которомъ устроено будетъ общество послушническое изъ инвалидовъ, офицеровъ и солдатъ, и сіе по соизволенію нашему произведено будетъ въ дѣйство по сношенію нашего генералъ-фельдмаршала, Екатеринославскаго, Харьковскаго и Таврическаго генералъ-губернатора князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго съ преосвященнымъ архіепископомъ Екатеринославскимъ. Степень сему монастырю назначаемъ бывшаго Симонова монастыря, присвояя архимандриту онаго енгальпіонъ [2]) и служеніе Кіевопечерской лавры, но впрочемъ состоя въ зависимости отъ архіепископа Екатеринославскаго. Въ санъ архимандрита повелѣваемъ произвесть находящагося при арміи нашей игумена Моисея.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 6 1789 года.

96.

По покореніи оружію нашему княжества Молдавскаго указали мы нашему генералъ-фельдмаршалу главнокомандующему войсками, про-

---

[1]) Одновременно съ основаніемъ Николаева, князь Потемкинъ (въ память взятія Очакова 6 Дек.) основалъ монастырь. Обзоръ учрежденія въ Россіи правосл. монастырей, 1764—1869 г. Сочин. Н. М. См. Григоровича. СПб. 1869 г. стр. 5—10.

[2]) Енкалпіонъ, собственно набедренникъ, у насъ въ Россіи называется панагіею и составляетъ принадлежность архіерейскаго сана. См. въ томъ же сочиненіи, стр. 9, прим. 3.

тиву врага имени Христіанскаго дѣйствующими, князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, на праздное мѣсто митрополита Молдовлахійскаго избрать изъ тамошней націи особу въ вѣрности испытанную и потребныя къ тому достоинства имѣющую, а Синоду нашему повелѣваемъ возложить на преосвященнаго архіепископа Екатеринославскаго Амвросія посвященіе сего избираемаго митрополита.

Въ С.-Петербургѣ, Августа 23, 1789 года.

97.

Имеретинскому католикосу Максиму, по прошенію его, всемилостивѣйше позволяемъ имѣть пребываніе въ Астраханѣ, съ тѣмъ содержаніемъ, какое ему прежде отъ насъ назначено.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 22, 1789 года.

98.

Паству митрополіи Молдовлахійской указали мы препоручить находящемуся при арміи нашей архіепископу Екатеринославскому Амвросію, какъ мѣстоблюстителю помянутой ексархіи; въ помощь же ему посвятить епископомъ Бѣлградскимъ и Бендерскимъ изъ Молдавскихъ уроженцевъ архимандрита Гавріила, о чемъ и предписано отъ Насъ генералу-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, а Сvноду нашему повелѣваемъ о томъ же послать указъ помянутому архіепископу.

Въ С.-Петербургѣ, 22 Декабря, 1789 года.

99.

По случаю воздвигнутаго отъ недоброжелательствующихъ гоненія въ Польшѣ на православную нашу церковь, коей пастырь тамъ епископъ Переяславскій и коадъюторъ митрополіи Кіевскія Викторъ претерпѣваетъ невинное заключеніе, многіе изъ духовенства той церкви спасаются въ Екатеринославскую епархію. Мы,—по единовѣрію и человѣколюбію желая дать имъ въ областяхъ нашихъ убѣжище и покровительство, соизволяемъ, чтобъ отъ Синода нашего предоставлено было архіепископу Екатеринославскому таковыхъ приходящихъ въ его епархію изъ помянутого духовенства людей достойныхъ принимать и къ церквамъ опредѣлять по его разсмотрѣнію.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 16, 1790 года.

100.

Дѣйствительному статскому совѣтнику и прокурору Сvнодальной Конторы Петру Гурьеву всемилостивѣйше повелѣваемъ къ получаемому имъ нынѣ жалованью прибавить по пяти сотъ рублей на годъ изъ прибыльной типографской вѣдомства сvнодальнаго суммы.

Въ С.-Петербургѣ, 23 Августа 1791 года.

101.

Разсмотрѣвъ просьбу Молчанской Софроніевой пустыни архимандрита Ѳеодосія и собранныя по содержанію оной справки, повелѣваемъ мы Сенату нашему подтвердить куда слѣдуетъ, дабы означенная Софроніева пустыня оставлена была по прежнему на томъ основаніи, въ какомъ оная по указамъ нашимъ отъ 31 Марта 1764 года и отъ 12 Генваря 1779 года состояла, со всѣми приписанными къ ней землями и угодьями, исключая бывшихъ за сею пустынею Черкасъ съ землею ими владѣемою, которые по примѣру прочихъ монастырей въ казенномъ вѣдомствѣ быть должны; равнымъ образомъ и причисленную къ Софроніевой Григорьевскую пустыню, въ Херсонскомъ уѣздѣ состоящую, съ присоединенными къ ней отъ покойнаго генерала-фельдмаршала, Екатеринославскаго и Таврическаго генерала-губернатора князя Потемкина-Таврическаго въ томъ уѣздѣ дачами и съ заведеніями монастырскими оставить по прежнему при той же пустынѣ.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 29, 1792 года.

102.

На праздное архіерейское мѣсто въ епархіи Екатеринославской и Херсониса-Таврическаго, всемилостивѣйше опредѣляемъ Молдовлахійскаго митрополита Гавріила *).

Въ С.-Петербургѣ, Мая 10, 1793 года.

103.

Тамбовской епархіи въ Саровской пустынѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ быть больницѣ для десяти человѣкъ престарѣлыхъ монашествующихъ, сверхъ того числа, какое нами по докладу Духовной Коммиссіи 1764 года, Марта въ 31 день, утверждено, коихъ содержать изъ доходовъ тойже пустыни.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 13, 1793 года.

104.

По прошенію епископа Нижегородскаго Дамаскина, всемилостивѣйше увольняемъ его за болѣзнями отъ управленія епархіею, повелѣвая Синоду по разсмотрѣнію своему назначить для пребыванія его монастырь. А о производженіи ему пенсіи по восьми сотъ рублей на годъ, данъ указъ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу-прокурору Самойлову.

Въ С.--Петербургѣ, Генваря 12, 1794 года.

---

*) Гавріилъ Бодони, митрополитъ Молдо-Влахійскій (Ясскій). 1793 митроп. Екатеринославскій и Херсониса Таврическаго. 1799 митроп. Новороссійскій. 1799 митроп. Кіевскій. 1803 уволенъ на покой въ Одессу съ 3 тыс. р. пенсіи.

Въ прошеніи на высочайшее имя, преосвященный Дамаскинъ 7 Декабря 1793 г. писалъ: «Родомъ я изъ Великороссіянъ, священнической сынъ. Обучась словесной грамотѣ у отца своего, вступилъ въ Московскую Словено-Греколатинскую Академію Генваря въ первыхъ числахъ 1750 года и обучался преподаваемымъ тамъ наукамъ и языкамъ окончанія 1760 года. Въ 1761 году опредѣленъ былъ къ Крутицкую семинарію учителемъ Реторики и Греческаго языка и префектомъ всей семинаріи въ небытность тогда ректора, которою, обучая Реторикѣ и Греческому языку, управлялъ чрезъ цѣлые четыре года. Въ 1765 году въ Августѣ мѣсяцѣ, уволенъ будучи отъ семинаріи и отъ Крутицкой епархіи съ аттестатомъ и пашепортомъ, отправился въ Санктпетербургъ для посылки въ иностранные университеты по имянному Вашего Императорскаго Величества указу. Изъ Санктпетербурга въ 1766 году отправленъ въ Германію въ Геттингскій университетъ съ порученными мнѣ четырьмя студентати въ смотрѣніе инспекторомъ, выслушалъ тамъ вмѣстѣ съ показанными студентами всѣ предписанныя намъ въ инструкціи науки и языки, обучась при томъ по-нѣмецки и по-французски и употребя въ свою пользу и другія науки, кои намъ и не предписаны были, какъ-то исторію литеральную, политическую и церковную, познаніе тамошней огромной и многочисленной библіотеки, физику експериментальную и нѣкоторыя части математики, на что имѣю и профессорскіе аттестаты. Отъ туда возвратясь въ Февралѣ мѣсяцѣ 1773 года, екзаменованъ былъ вмѣстѣ съ посланными со мною студентами, профессорами Императорской Академіи Наукъ, собранными въ Невскій монастырь въ присутствіи нынѣшняго преосвященнѣйшаго Гавріила Новгородскаго и Санктпетербургскаго, преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Псковскаго и Рижскаго и тайнаго совѣтника сенатора и кавалера Григорья Николаевича Теплова. По екзаменѣ я нижепоименованный аттестованъ былъ профессоромъ исторіи и философіи съ полученіемъ въ годъ жалованья по 600 рублей; прочіе студенты магистрами съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ, что и имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ подтверждено. Послѣ сего, въ 1775 году, опредѣленъ я былъ указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода въ Московскую Академію префектомъ и философіи профессоромъ, а въ 1778 году архимандритомъ ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря, Академіи ректоромъ, богословія профессоромъ и членомъ Конторы Святѣйшаго Правительствующаго Синода, обучая, кромѣ предъупомянутыхъ наукъ, во всѣ сіи годы еще Нѣмецкой классъ, по 1782 годъ. Въ семъ году мѣсяца Маія позванъ бывшій въ Санктпетербургъ, Іюля 5 дня въ присутствіи Вашего Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ произведенъ былъ во епископа на Сѣвскую епархію, которою правилъ годъ и два мѣсяца, а въ 1783 году переведенъ въ Нижегородскую епархію, управлялъ оною цѣлыя десять лѣтъ, безъ всякаго моего порока и подозрѣнія, въ чемъ ссылаюсь на Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сvнодъ. Но при всей моей къ службѣ Вашего Императорскаго Величества ревности и охотѣ нынѣ оною управлять въ несостояніи по причинѣ недавно приключившейся мнѣ тяжкой болѣзни, открывшейся сперва ежесекундною икотою и продолжавшеюся безпрерывно цѣлые трои сутки, не давая мнѣ ни на одинъ часъ уснуть; а потомъ несноснымъ изверженіемъ крови густой и черной изъ гортани и премножества мокроты густой смѣшанной съ кровью. Въ семъ случаѣ хотя и старались два здѣшніе медицыны доктора мнѣ помочь, однако не совсѣмъ еще помогли, и теперь

изрѣдка вырывается кровь изъ гортани, и они опасаются, дабы и паки такогожъ приключенія не воспослѣдовало при многочисленныхъ епаршескихъ дѣлахъ. Я же опасаюсь, дабы и хуже чего такого не воспослѣдовало. Сіе и дѣлаетъ меня уже не способнымъ къ управленію епархіи. И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и уволить меня отъ епархіи, а для пребыванія моего, равно какъ и для излеченія или по крайней мѣрѣ для облегченія моей болѣзни пособіемъ искусныхъ въ Москвѣ докторовъ и исправныхъ аптекъ, поручить мнѣ Московскій Новоспасскій монастырь въ управленіе, дабы при вспоможеніи статныхъ тамъ служителей было кому въ моей болѣзни подать мнѣ нужную услугу, а при томъ хотя не за многопонесенные мною труды вышеупомянутые, а изъ единого матерняго Вашего милосердія и снисхожденія пожаловать мнѣ пенсію по сту рублей на мѣсяцъ по причинѣ годъ отъ году возвышающейся дороговизны всѣхъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ же дозволить мнѣ, когда въ состояніи буду и безопасности, изрѣдка служить литургію. наипаче для пріобщенія святыхъ Христовыхъ таинъ. Отъ роду мнѣ пятьдесятъ седмой годъ.

Всеавгустѣйшая Монархиня! Всемилостивѣйшая Государыня! Прошу Ваше Императорское Величество на сіе несчастное мое состояніе воззрѣть милостивымъ и матернимъ окомъ и приказать, гдѣ надлежитъ, о семъ моемъ прошеніи учинить благоразсмотрѣніе и рѣшеніе».

105.

Всемилостивѣйше пожаловали мы придворной нашей церкви священника Савву Исаева Московскаго Благовѣщенскаго собора протоіереемъ, повелѣвая ему быть нашимъ духовникомъ.

Въ С.-Петербургѣ. Февраля 11, 1795 года.

106.

Упраздненный указомъ нашимъ отъ 6 Маія 1788 году первоклассный Московскій ставропигіальный Симоновъ монастырь, котораго содержаніе по тому же указу перенесено на назначенный Синодомъ для пребыванія викарнаго архіерея Московской епархіи Богоявленскій монастырь, всемилостивѣйше повелѣваемъ обратить въ прежнее его состояніе и во всемъ на основаніи утвержденнаго нами въ 1764 году штата; а на означенный Богоявленскій монастырь производить штатное содержаніе по второму классу, въ коемъ онъ и прежде состоялъ, включая оное въ принадлежащее викарному Московской епархіи архіерею и на домъ его жалованье, по точной силѣ вышепомянутаго указа нашего, Маія отъ 6 дня 1788 года.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 4, 1795.

*

Напомнимъ читателю, что при Екатеринѣ духовныя лица говорили по Воскресеньемъ проповѣди въ дворцовой церкви. Она писала Гримму 8 Іюня 1778 г.: „Ищущій епископства получаетъ его не по своему краснорѣчію или знанію, но по тому, на сколько въ проповѣди, которую онъ произноситъ въ моемъ присутствіи, проглядываетъ сердечной доброты. Что бы онъ ни говорилъ, но выдастъ себя, потому что это, безъ его воли и вѣдома, скажется всюду. Оттого у насъ много епископовъ, какихъ трудно сыскать во всѣхъ другихъ странахъ. П. Б.

Царствованіе Императора Павла.

1.

Духовнику нашему, придворной церкви, протоіерею Исидору Петрову повелѣваемъ присутствовать въ нашемъ Синодѣ. Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 16 дня 1796 года.

2.

По происшедшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослушаніямъ крестьянъ противу своихъ помѣщиковъ оказалося, что многіе изъ священниковъ и церковнослужителей, вмѣсто того, чтобъ по долгу, ихъ правилами церковными и Регламентомъ Духовнымъ преднаписанному, наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ надъ ними постановленнымъ, сами къ противному сему подавали поводъ: а въ Великолуцкомъ уѣздѣ погоста Оконъ священникъ простеръ до такой степени свое неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ особѣ Государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ. Предавъ виновныхъ надлежащему суду, не можемъ оставить безъ примѣчанія Синоду нашему о наблюденіи какъ отъ онаго, такъ и отъ епархіальныхъ архіереевъ за подчиненными имъ духовными, дабы въ санъ сей поступали люди надежные, всякаго буйства чуждые и въ поведеніи безпорочномъ испытанные, которые и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали бы духовныхъ чадъ своихъ въ спокойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ, дабы люди развратные въ таковомъ званіи терпимы не были. Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ, Февраля 19, 1797 года.

3.

Состоящій Литовской губерніи въ губернскомъ городѣ Вильнѣ благочестивый мужской монастырь повелѣваемъ счислять второкласснымъ, устроя оный противу прочихъ таковыхъ же; положенное же по штатамъ на оный содержаніе указали мы генералъ-фельдмаршалу князю Репнину отпускать изъ доходовъ нашихъ Литовской губерніи. Павелъ.

Въ Вильнѣ, Мая 19, 1797 года.

4.

По представленному намъ докладу отъ Сvнода, находящагося въ ономъ оберъ-секретаремъ статскаго совѣтника Рудановскаго, за старостію и болѣзньми, всемилостивѣйше увольняемъ отъ всѣхъ дѣлъ, а въ разсужденіи долговременной его безпорочной службы повелѣваемъ производить ему по смерть нынѣшнее его жалованье по тысячѣ по пяти-

сотъ рублей на годъ изъ суммы пенсіонной, по вѣдомству Сѵнода опредѣленной. На мѣсто же его быть оберъ-секретаремъ въ Сѵнодѣ исправляющему въ ономъ секретарскую должность коллежскому совѣтнику Савицкому. Павелъ.

Въ Павловскѣ, Августа 1797 года.

5.

По прошенію епископа Могилевскаго и Полоцкаго Аѳанасія, увольняемъ его отъ управленія тою епархіею, повелѣвая Сѵноду назначить ему пребываніе въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ сходно съ его желаніемъ, но безъ управленія тѣмъ монастыремъ. Павелъ.

Въ Гатчинѣ, Августа 27, 1797 года.

6.

Сверхъ опредѣленнаго, по указу нашему отъ 22 Декабря 1796 г., числа священно и церковнослужительскихъ дѣтей на статныя священно- и церковнослужительскія мѣста и въ учители въ духовныхъ училищахъ и въ городовыхъ школахъ по губерніямъ учрежденныхъ, повелѣваемъ имѣть особенно на всякой годъ до пятидесяти человѣкъ семинаристовъ кои пріобрѣли успѣхъ въ словесныхъ наукахъ, для помѣщенія оныхъ во врачебныя училища, которыхъ и отдавать туда по требованіямъ Медицинской Коллегіи, для обученія врачебной наукѣ на укомплектованіе нашихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ и прочихъ мѣстъ искусными врачами. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Августа 28 дня 1797 г.

7.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ епископа Новгородско-Сѣверскаго Иларіона *) перевесть въ томъ же званіи къ управленію епархіею Могилевской; Епархію Новгородско-Сѣверскую причислить попрежнему къ епархіи Черниговской; Кіевскую епархію долженствуютъ составлять части по ту сторону Днѣпра лежащія, а прочія отшедшія отъ Кіевской въ Малороссійскую губернію не будутъ учреждены особою епархіею, которую поручить въ управленіе коадъютору Кіевской митрополіи. Архіерейской домъ бывшаго епископа Новгородско-Сѣверскаго оставить монастыремъ сь опредѣленіемъ въ оный архимандрита, а быть ему въ чи-

*) Иларіонъ Кондратковскій изъ архим. Калязина мон., 1777 еп. Переяславскій и Бориспольск., 1785 Новгородо-Сѣверскій, 1797 назначенъ 1 Сент. въ Могилевъ, но за болѣзнію уволенъ на покой съуправленіемъ Новгородо-сѣверскаго Спасскаго мон.

слѣ первоклассныхъ монастырей съ содержаніемъ, какое для прочихъ таковаго класса монастырей по штатамъ положено. О чемъ всемъ Сѵноду учинить надлежащія распоряженія. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Сентября, 1797 года.

8.

По разсмотрѣніи представленнаго намъ отъ Сѵнода доклада о преступленіяхъ митрополита бывшей Прославской епархіи Кирилла, повелѣваемъ послать его на пребываніе въ одномъ изъ монастырей Казанской губерніи подъ началъ, съ запрещеніемъ архіерейскаго служенія. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Сентябрь 1797 года.

2 Сентября 1797 года, Св. Сѵнодъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ доносилъ Государю слѣдующее: «Въ 1792 году Августа 23 дня именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно митрополиту бывшей Прославской епархіи Кириллу во уваженіи на вѣрность его и усердіе къ Россіи производить пенсію по 600 рублей на годъ съ позволеніемъ имѣть ему пребываніе въ Кіевѣ. И какъ съ сего высочайшаго указа въ Сѵнодъ для надлежащаго со стороны его распоряженія доставлена отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника нынѣшняго канцлера, князя Безбородка копія, то вслѣдствіе сего и предписано было отъ Сѵнода митрополиту Кіевскому отвесть сему митрополиту Кириллу пристойныя сану его въ Печерской лаврѣ или другихъ Кіевскихъ монастыряхъ келліи, не возбраняя ему, когда пожелаетъ, и исправленія священнослуженія. Но въ 1794 году Генваря 4-го именнымъ же высочайшимъ указомъ дозволено оному митрополиту Кириллу остаться въ Дубосарахъ и имѣть тамъ пребываніе съ произвожденіемъ той всемилостивѣйше пожалованной ему пенсіи, такъ какъ онъ за старостію лѣтъ и слабостію здоровья далѣе ѣхать не въ состояніи.

Сей митрополитъ Кириллъ, имѣя тамо пребываніе, въ 1793 году посвятилъ самольно безъ дозволенія мѣстнаго епархіальнаго архіерея въ священнослужительскіе чины самому ему неизвѣстныхъ людей двухъ человѣкъ. И когда о семъ Сѵноду донесено было отъ митрополита Екатеринославскаго Гавріила, и онъ Кириллъ во взятомъ отъ него объясненіи въ томъ произведеніи священнослужителей признался, извиняясь, что оное учинено имъ отъ взятковъ по его бѣдности: то Сѵнодомъ опредѣлено, что хотя означенное его митрополита Кирилла преступленіе по правиламъ святыхъ отецъ есть немаловажное, а причина сему показана въ большее ему предосужденіе, почему и надлежало бы его за то оштрафовать примѣрно лишеніемъ епархіи, если бъ оную имѣлъ, но поелику признаніе онъ въ томъ сдѣлалъ съ раскаяніемъ, и то преступленіе учинено имъ до изданія еще всемилостивѣйшаго манифеста 1793 Сентября во 2-й день, то въ разсужденіи сего, его, Кирилла, простить, что̀ и исполнено, и подтверждено ему съ обязаніемъ его подпискою, чтобъ онъ, возчувствовавъ таковое снисхожденіе, приносилъ предъ Богомъ всегдашнее свое раскаяніе, оберегаясь впредъ всемѣрно отъ толь предосудительнаго поползновенія подъ опасеніемъ неизбѣжнаго по правиламъ святыхъ отецъ сужденія. Но и за симъ онъ Кириллъ, какъ Сѵнодъ отъ Екатеринославскаго митрополита минувшаго Августа отъ 10 числа извѣщенъ, вмѣсто должнаго раскаянія въ прежде дѣянномъ имъ

преступленіи, паки самовольно безъ его дозволенія пришедшихъ къ нему изъ неизвѣстнаго званія людей произвелъ шесть человѣкъ во священники изъ единаго, какъ они показываютъ, корыстолюбія и далъ нѣкоторымъ изъ нихъ отъ себя, а другимъ отъ имени находящагося на его мѣстѣ въ Бессарабіи за Днѣстромъ Прославскаго митрополита Парѳенія грамоты за своею печатью.

Сѵнодъ, видя нераскаянность поступленія его на таковое жъ новое поползновеніе, опредѣлилъ нынѣ запретить ему, митрополиту Кириллу, архіерейское служеніе, а тѣхъ произведенныхъ имъ во священники шести человѣкъ лишить священства въ Екатеринославской Консисторіи, и потомъ отослать ихъ, дабы не могли остаться въ праздности, въ гражданскія куда слѣдуетъ правительства для опредѣленія въ такой родъ жизни, какой сами себѣ изберутъ. А поелику онаго митрополита Кирилла по таковымъ его поступкамъ Сѵнодъ за нужное почитаетъ для удобнѣйшаго надъ нимъ присмотра перевесть изъ Дубосаръ на пребываніе въ Кіевскую епархію, гдѣ ему и прежде оное назначено было, но онъ тамо жительство имѣетъ по высочайшему повелѣнію: то Сѵнодъ, не осмѣливаясь самъ собою приступить къ переведенію его. Кирилла, въ ту епархію для жительства, а предая сіе высочайшему Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣнію, проситъ отъ Вашего Императорскаго Величества на сіе высочайшаго указа».

9.

Изъ поданнаго намъ отъ Сѵнода доклада не видимъ Мы никакой надобности, чтобъ опредѣленнаго въ Сѣверную часть Америки Кадьякскимъ епископомъ архимандрита Іоасафа *), для посвященія въ сей санъ вызывать въ Санктпетербургъ, для того что пріѣздъ его сюда по дальности разстоянія инако учиниться не можетъ какъ съ убыткомъ или его, или же казеннымъ; и для того повелѣваемъ о посвященіи его въ Иркутскѣ исполнить по прежнему указу. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Октября 13, 1797 года.

10.

Снисходя на прошеніе епископа Могилевскаго Иларіона, всемилостивѣйше увольняемъ его за слабостію здоровья отъ службы, повелѣвъ производить ему по смерть нынѣшнее его жалованье изъ казначействъ нашихъ и предоставляя Сѵноду позволить ему имѣть пребываніе въ Новгородско-Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ съ управленіемъ онымъ; на мѣсто же его епископомъ Могилевскимъ всемилостивѣйше пожаловали мы Сѵнода члена, Московскаго первокласснаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря архимандрита Анастасія. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Октября 24, 1797 года.

---

*) Іоасафъ изъ архимандритовъ назначенъ въ 1796 г. еп. Кадьякскимъ викаріемъ Иркутскимъ, но на пути въ Кадьякъ съ кораблемъ потонулъ.

11.

По принесенной намъ жалобѣ отъ Могилевскаго помѣщика Ярошевскаго и жены его изъ фамиліи Закржевскихъ на рѣшеніе Синода, коимъ уничтоженъ бракъ ихъ три года уже существующій, мы разсматривали истребованную отъ Синода по сему дѣлу справку. Не входя въ опровержение обстоятельствъ, на коихъ основалъ Синодъ таковое рѣшеніе, не можемъ однакожъ взять на свою совѣсть того, чтобы мужъ и жена, пользовавшіеся толь долгое время правомъ супружества, были напослѣдокъ отвержены отъ онаго; а потому и полагаемъ, что разрушеніе сего брака теперь уже мѣста имѣть не можетъ, что̀ и предоставляемъ на разсужденіе Синода. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. С.-Петербургъ 31, 1797 года.

12.

Разсмотрѣвъ справку, истребованную отъ Синода по поводу дошедшей къ намъ просьбы отъ бывшаго въ Ладожскомъ мушкатерскомъ полку священника Григорьева, замѣтили мы изъ оной, что помянутый Григорьевъ опредѣленъ въ Ладожской полкъ въ такое время, когда уже за разныя преступленія присужденъ былъ епархіальнымъ архіереемъ къ лишенію священства, и по милостивымъ только манифестамъ оставленъ при своемъ званіи, понеся другія приговоренныя наказанія; слѣдственно отъ него, Григорьева, иного и ожидать было нельзя какъ новыхъ безпокойствъ и новыхъ преступленій. Въ отвращеніе впредь подобнаго опредѣленія въ армію священниковъ худого поведенія, а наипаче такихъ, которые уже подъ судомъ находились, повелѣваемъ Синоду сдѣлать по своему вѣдѣнію надлежащія распоряженія. Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Октября 31, 1797 года.

13.

Полученное нами прошеніе отъ Тотемскаго градскаго главы Кузнецова относительно обрѣтенныхъ въ Тотемскомъ Спасо-Преображенскомъ Суморинѣ монастырѣ при копаніи мощей Ѳеодосія Тотемскаго чудотворца, препровождаемъ у сего въ оригиналѣ для пріобщенія онаго къ тому дѣлу, которое о сихъ мощахъ въ Синодѣ производится. Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ. Ноября 12, 1797 года.

14.

Вдовѣ бывшаго въ Синодѣ оберъ-секретаремъ статскаго совѣтника Рудановскаго всемилостивѣйше повелѣваемъ изъ того пенсіона, который указомъ нашимъ минувшаго 1797 года Августа 4-го пожалованъ былъ умершему мужу ея, производить половинное число по смерть ея.

Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ. Генваря 12, 1798 года.

15.

По разсмотрѣнію доклада, поднесеннаго намъ отъ Синода, хотя соглашаемся мы съ мнѣніемъ онаго о надобности въ Архангельской епархіи по примѣру прочихъ имѣть одинъ женскій монастырь; но по обстоятельствамъ, въ томъ же докладѣ изъясненнымъ, нельзя согласиться на оставленіе по прежнему штатнымъ упраздненнаго Холмогорскаго женскаго монастыря и по ветхости его, и по невыгодности мѣстоположенія онаго. А естьли Синодъ изберетъ въ Архангельской епархіи другой какой монастырь, хотя бы то былъ изъ заштатныхъ мужскихъ, тогда о введеніи онаго въ штатное положеніе и объ отпускѣ на содержаніе его потребной суммы мы не оставимъ дать наше повелѣніе.

Павелъ.

Въ Павловскѣ. Маія 4, 1798 года.

16.

Утверждаясь на рапортѣ, полученномъ нами отъ Святѣйшаго Синода, о явленіи чудотворныхъ мощей въ Вологодской епархіи, въ Тотемскомъ Спасо-Суморинскомъ монастырѣ, преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго, ознаменовавшихся благодатію въ исцѣленіи недугъ всѣхъ съ твердымъ усердіемъ къ нимъ прибѣгающихъ, пріемлемъ мы явленіе сихъ святыхъ мощей знакомъ отличнаго благословенія Господня, на царство наше, и возсылая за то наше теплое моленіе и благодареніе Благодѣтелю въ вышнихъ, препоручаемъ Святѣйшему Синоду учинить о семъ знаменитомъ явленіи оглашеніе повсемѣстное, въ государствѣ нашемъ по обрядамъ и преданіямъ Церкви и Святыхъ отцовъ.

Павелъ.

Красное Село. Сентября 28 дня 1798 года.

17.

Разсмотрѣвъ поднесенный намъ докладъ Синода и Новгородской и Московской епархіяхъ, въ отвращеніи неудобствъ въ управленіи тамошними церквами, повелѣваемъ: 1-е) Новгородскому викарному епископу поручить въ управленіе церкви отшедшія нынѣ, по упраздненіи губерніи Олонецкой, отъ епархіи Архангельской въ губернію Новгородскую, а викарію Московскому отдѣлить всѣ церкви, находящіяся въ губерніи Калужской; 2-е) пребываніе, тѣмъ викарнымъ имѣть въ тѣхъ же самыхъ монастыряхъ, Новгородскому въ Новгородскомъ Хутынѣ, а Московскому въ Московскомъ Богоявленскомъ; 3-е) какъ симъ викарнымъ епископамъ, такъ равно митрополиту Московскому и епископу

Архангельскому имѣть впредъ тѣже самыя наименованія, кои нынѣ они имѣютъ *). Павелъ.

С.-Петербургъ. Октября 5 дня 1798 года.

18.

Преосвященный Иннокентій архіепископъ Псковскій и Рижскій, просилъ насъ уволить его за старостію и болѣзнями отъ Синода и отъ управленія епархіальнаго. Мы не токмо всемилостивѣйше снисходимъ на сіе прошеніе его, но еще въ несомнѣнный знакъ уваженія долговременнаго и радѣтельнаго его служенія Престолу Божію и нашему императорскому, восхотѣвъ оказать ему наше отличное благоволеніе, повелѣваемъ производить ему по смерть изъ суммъ, на духовную часть положенныхъ, безъ малѣйшаго изъятія, все то, что онъ получалъ донынѣ, оставляя для всегдашняго его пребыванія то самое Псковское подворье, которое онъ нынѣ занимаетъ, на мѣсто же его, Синоду мы предоставляемъ, избравъ кандидатовъ, представить ихъ на утвержденіе наше.

Павелъ.

С.-Петербургъ. Октября 9 дня 1798 года.

19.

Апробуя поднесенный намъ отъ Сvнода докладъ о состоящемъ въ Архангельской епархіи Холмогорскомъ женскомъ монастырѣ, повелѣваемъ Сvноду находящійся въ городѣ Холмогорахъ бывшій архіерейскій домъ принять по прежнему въ свое вѣдомство и, помѣстя въ немъ помянутый монастырь, ввесть его въ штатное положеніе, съ производженіемъ на содержаніе онаго противъ прочихъ таковыхъ же монастырей штатной со всѣми послѣдовавшими прибавками суммы съ начала нынѣшняго 1798 года. Павелъ.

Санктпетербургъ, Октября 26 дня 1798 года.

20.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ архіепископу Ростовскому Арсенію и Новгородской епархіи Антоніева Римлянина монастыря архимандриту Ѳеофилакту быть членами Святѣйшаго Сvнода. Павелъ.

Санктпетербургъ, Ноября 5 дня 1798 года.

---

*) Новгородскій викарный, епископъ Старорусскій *Досиѳей* (Ильинъ)—Московскій викарный епископъ, Дмитровскій *Серапіонъ* (Александровскій). Митрополитъ *Платонъ* (Левшинъ) именовался Московскимъ и Калужскимъ съ 1775 до 1799 г. Епископъ *Веніаминъ* (Румовскій) именовался Архангельскимъ и Олонецкимъ съ 1775 до 1798 г.

21.

Апробуя поднесенный намъ докладъ Сѵнода, всемилостивѣйше повелѣваемъ члену онаго Московскаго Большого Успенскаго Собора протопресвитеру Лукіану присутствовать въ Московской Сѵнодальной Конторѣ, имянуясь по прежнему Сѵнода членомъ, жалованья жъ производить ему ежегодно, какое онъ получаетъ нынѣ по Сѵноду, по семи сотъ по три рубли по 82¼ коп. и сверхъ того прибавочныхъ къ положенному по штату 1764 года Успенскаго собора окладу, по пяти сотъ рублей, по примѣру его предмѣстника, умершаго протопресвитера Левшина.

Павелъ.

Санктпетербургъ, Января 19 дня 1799 года.

22.

Придворнаго собора нашего діакона Ивана Скородумова всемилостивѣйше жалуемъ въ протодіаконы. Павелъ.

Санктпетербургъ, Апрѣля 10 дня 1799 года.

23.

Переяславской епархіи Лубенскаго второкласнаго монастыря настоятеля архимандрита Дамаскина по прошенію его отъ должности увольняя, дозволяемъ ему возвратиться въ отечество его Валахію съ братомъ его и при немъ однимъ человѣкомъ ихъ націи, выдавъ ему вмѣсто получаемаго имъ пенсіона единовременно на проѣздъ тысячу рублей. Павелъ.

Петергофъ, Іюля 23 дня 1799 года.

24.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ преосвященному Арсенію архіепископу Ростовскому на покупку дому княгини Мещерской и на устроеніе въ немъ домовой церкви выдать двадцать тысячъ рублей изъ остатковъ отъ суммы, на духовный департаментъ опредѣленной. Павелъ.

г. Гатчина, Августа 23 дня 1799 года.

25.

Казанскому и Симбирскому архіепископу Амвросію повелѣваемъ быть архіепископомъ Санктпетербургскимъ, а на мѣсто его избрать Сѵноду кандидатовъ и представить ихъ на утвержденіе наше. Преосвященный же Гавріилъ остается Новгородскимъ и Олонецкимъ. Павелъ.

г. Гатчино, Октября   день 1799 года.

26.

Санктпетербургской епархіи въ третьекласномъ Валаамскомъ монастырѣ и Псковской въ Никандровой пустынѣ повелѣваемъ число монашествующихъ умножить до тридцати въ каждомъ, оставляя впрочемъ обители сіи въ разсужденіи содержанія ихъ во всемъ настоящемъ ихъ основаніи. Павелъ.

Октября 20 дня 1800 году

27.

Всемилостивѣйше позволяемъ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику князю Куракину 1-му имѣть въ домѣ его церковь, что̀ на Старой Басманной въ Москвѣ, во имя святыхъ Апостолъ Петра и Павла. Павелъ.

Генваря 7 дня 1801 года въ С.-Петербургѣ.

28.

Въ изъявленіе благоволенія нашего къ ревностному служенію первенствующаго въ Сѵнодѣ нашемъ члена, Новгородскаго и Сенктпетербургскаго архіепископа Амвросія, всемилостивѣйше пожаловали мы ему бѣлый клобукъ для ношенія по обычаю, повелѣвая отнынѣ именоваться ему митрополитомъ. Павелъ.

Въ Михайловскомъ Замкѣ, Марта 10 дня 1801 года.

НИКОЛАЙ ӨЕДОРОВИЧЪ ӨЕДОРОВЪ.

IV. Мыслитель *).

8.

„Природа—врагъ временный, а другъ вѣчный: ибо нѣтъ вражды вѣчной. Устраненіе же вражды временной—наше дѣло".

„Не природа—Богъ, и не въ природѣ Богъ, а съ нами Богъ, и черезъ насъ будетъ и въ природѣ".

Предыдущее изложеніе, надѣемся, съ достаточною убѣдительностью выяснило, что основную первопричину человѣческихъ бѣдствій и страданій надо искать не въ экономическомъ положеніи людей, не въ искусственно-возникающей бѣдности, а *въ естественномъ пауперизмѣ всего человѣческаго рода*, въ необезпеченности для совокупнаго человѣчества въ удовлетвореніи даже самыхъ насущныхъ его потребностей: питанія, здоровья и жизни. Если же это положеніе вѣрно, должно быть признано вѣрнымъ и его слѣдствіе: также *естественная бѣдность есть первопричина вражды между людьми*. Необезпеченность основныхъ условій здоровой тѣлесной и духовной жизни для всѣхъ и отсутствіе радикальныхъ средствъ установить ихъ для всѣхъ заставляетъ отдѣльныя личности или обособленныя группы лицъ обращаться къ искусственнымъ средствамъ доставить себѣ и своимъ ближайшимъ въ преимущественной степени (то-есть въ ущербъ остальнымъ) то, чего не хватаетъ въ достаточной степени для всѣхъ. Таково происхожденіе корыстолюбія и властолюбія, орудій и опоръ основной животной страсти—сластолюбія, этой противоположности, но вмѣстѣ и спутницы слабости и нужды, порождаемыхъ общимъ безсиліемъ человѣчества въ его то хищническихъ, то рабскихъ отношеніяхъ къ природѣ. И такъ какъ этотъ основной источникъ вражды между людьми оставляется ими до сихъ поръ въ полной силѣ, то неудивительно, что и гибельныя слѣдствія его оказываются непреодолимыми ни для какихъ мѣръ: политическихъ, юридическихъ и экономическихъ. Вотъ почему, несмотря на всѣ призывы къ добру, на всѣ предупредительныя и карательныя мѣры противъ зла, оно, какъ миѳическая гидра, тотчасъ же возрождается, новымъ—по формамъ, по внѣшнему виду, старымъ, но не дряхлѣющимъ—по сущности; ибо всѣ его видо-

*) См. „Русскій Архивъ" 1904 и 1905 г.

измѣненія только безчисленные варіанты одного и того же грѣха: неродственнаго отношенія людей другъ къ другу, раздора сыновъ, забывшихъ объ отцахъ и потому переставшихъ быть и братьями.

При сохраненіи въ силѣ первоисточника вражды, зло раздора не только не будетъ искореняться, но должно еще умножаться количественно и усиливаться качественно. Если бы отношенія людей къ природѣ ограничивались даже простымъ равнодушіемъ, одною бездѣятельностью, то и этого было бы уже достаточно для роста зла, такъ какъ, при несоотвѣтствіи стремленій природы человѣческимъ потребностямъ и при ея наклонности къ непроизводительной (съ нашей точки зрѣнія) тратѣ силъ и запасовъ, уменьшеніе природныхъ богатствъ, иными словами, естественное обѣднѣніе природы неизбѣжно при отсутствіи противодѣйствія этому со стороны разумныхъ существъ. Если же послѣднія сами превращаются въ существа неразумныя, если, проявляя къ природѣ уже не апатію, а злую волю, переходящую въ злыя дѣйствія, въ хищническую эксплоатацію естественныхъ богатствъ: то этимъ, ясное дѣло, значительно ускоряется истощеніе природы, умножаются, слѣдовательно, и поводы ко злу, къ борьбѣ изъ-за даровыхъ богатствъ. Жажда скорѣйшаго и наибольшаго обогащенія у наиболѣе дѣятельныхъ и рѣшительныхъ въ этомъ смыслѣ не только создаетъ искусственное, экономическое обѣднѣніе остальныхъ, но и приводитъ весь родъ человѣческій къ естественному банкротству, къ несостоятельности природы, насилуемой и расхищаемой кѣмъ угодно и какъ попало. Не видя мудрыхъ хозяевъ, подвергаясь только непрестанному, безпощадному грабительству алчныхъ эксплоататоровъ, природа, рано или поздно, гораздо раньше, чѣмъ думаютъ „дѣльцы“, откажется не только обогащать, но и кормить своихъ вымогателей-насильниковъ, а вмѣстѣ съ ними и неповинныхъ жертвъ ихъ жадности; именно превращеніе всего въ золото заставитъ будущихъ Мидасовъ умирать съ голоду. И отъ этой перспективы не въ силахъ спасти никакіе перевороты въ способахъ производства, никакое равноправіе въ раздѣлѣ цѣнностей, даже если бы дружелюбная разверстка и оказалась возможною при усиливающихся поводахъ къ зависти и корысти.

Исходъ изъ неизбѣжно возрастающаго страданія можетъ быть, слѣдовательно, только одинъ: *перемѣна отношеній прежде всего не людей другъ къ другу, а людей къ природѣ.* Прежде, чѣмъ ссориться изъ-за долей призрачнаго богатства, надо всѣмъ, не исключая и воображаемыхъ богачей, убѣдиться во всеобщей, всечеловѣческой дѣйствительной нищетѣ. Вмѣсто того, чтобы враждовать изъ-за власти, дающей перевѣсъ въ погонѣ за призрачнымъ счастьемъ, за матеріальною наживою, надо познать всемірное рабство людей передъ слѣпою силою, одаряющею насъ реальнымъ физическимъ и нравственнымъ несчастьемъ. *Надо опредѣлить, въ чемъ наша нужда и въ чемъ зло, и кто или что̀ ихъ виновникъ, то-есть кто нашъ дѣйствительный, общій врагъ.* Долговременный раздоръ до такой степени пріучилъ людей смотрѣть другъ на друга какъ на враговъ, что настоящаго врага они уже почти не замѣчаютъ.

„Хотя врага этого мы и встрѣчаемъ и въ себѣ, и внѣ себя, „горѣ и долу“, надъ собою и подъ собою и вокругъ себя, вездѣ и всегда, мы тѣмъ не менѣе не умѣемъ опознать его, какъ врага общаго и единственнаго, первоначальнаго и даже еще преклоняемся передъ нимъ, словно передъ Богомъ“ (статья „Природа—врагъ временный, другъ вѣчный“).

„Этотъ врагъ—Природа“, предоставленная себѣ самой, невольному, стихійному ходу своихъ слѣпыхъ, неразумныхъ силъ. Этотъ врагъ то явный, то скрытый, не всегда и не вездѣ обнаруживаетъ свою вражду къ намъ, вражду спѣшимъ оговориться) безсознательную и неумышленную, происходящую изъ силы, не дающей себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Сплошь и рядомъ природа кажется переполненною благосклонности, попеченій и щедротъ къ намъ; но эта обманчивая благосклонность не менѣе вредна, чѣмъ явная вражда. (Тамъ же). Сколько приманокъ и соблазновъ, сколько чаръ для извлеченія на путь страстей и похотей, нужныхъ стихійной силѣ, гибельныхъ существамъ разумнымъ и нравственнымъ! Сколько обольщающаго дарового, отвлекающаго отъ того труда, отъ того усилія, что̀ искупаетъ изъ рабства, спасаетъ отъ гибели! Сколько манящаго къ будто бы беззаботному наслажденію, за мимолетностью котораго сторожитъ долгое страданье!.. Почти непреодолимая сила затаенныхъ, безотчетныхъ, инстинктивныхъ влеченій, пестрая смѣна впечатлѣній, прелесть свѣта и тѣни, вдумчивость тишины и властная гармонія звуковъ, чары движенья, нѣга покоя, мистическая грёза созерцанья, жажда новаго, неиспытаннаго, отвага и беззаботность молодости, пышный разцвѣтъ тѣлесной красоты, коварная затаенность недуговъ, старости и смерти, и, чтобы затуманить сознаніе близости конца, ликованье вѣчноюныхъ жизненныхъ силъ „у гробового входа“,—все, все слилось въ одинъ вакхическій призывъ отдаться „естественнымъ“ влеченьямъ, „слѣдовать Матери-Природѣ“, „жить одною жизнью съ нею“, „согласной жизнью части съ цѣлымъ“...

Едва ли и понынѣ постигло человѣчество, какой глубокій трагизмъ лежитъ въ этомъ призывѣ и въ сочувственномъ откликѣ на него; едва ли даже ничтожной части изъ почитающихъ себя мудрецами ясно, до какой степени во всѣхъ ужасахъ нескончаемой лѣтописи нашихъ страданій виновно ложное представленіе объ отношеніяхъ природы къ намъ и нашихъ къ ней. Именно въ наше время наклонность къ оправданію ея стремленій и къ согласію съ ними жизни физической и нравственной получила настолько рѣшительный перевѣсъ надъ противоположнымъ міровоззрѣніемъ, что выступать съ противорѣчіемъ природѣ, идти наперекоръ ея установившимся путямъ и внушеніямъ кажется уродливымъ отступленіемъ отъ нормальнаго настроенія чувствъ и образа мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ—дерзостью, какимъ-то оскорбленіемъ величества и чуть не хулою на Творца.

Всю силу этого предубѣжденія отлично сознавалъ нашъ мыслитель, сознавалъ настолько, что, выражаясь его собственными словами, „не надѣялся,

чтобы въ наше время недуманія и недѣланія вопросъ о всеобщемъ дѣлѣ, о регуляціи природы разумомъ и волею человѣчества могъ обратить на себя вниманіе“ (письмо ко мнѣ отъ 17 Іюня 1901 г.). Свои мысли по этому предмету онъ писалъ „подъ вліяніемъ полной безнадежности“ (письмо отъ 28 Іюня 1901 г.), „зная, что никому эти писанія не нужны (письмо отъ 15 Іюля 1902 г.), что „ученіе объ активномъ отношеніи къ природѣ со всѣми его слѣдствіями будетъ отвергнуто одними какъ діатриба изъ временъ невѣжества, другими—какъ невѣріе“ (письмо ко мнѣ отъ 15 Дек. 1899 г.) „Есть отъ чего прійти въ отчаяніе“, восклицаетъ онъ, „среди такой полной безнадежности, среди такого духовнаго одиночества въ 74 года!“ (письмо отъ 10 Дек. 1898 г.). Но на этого богатыря мысли отчаяніе налетало развѣ лишь на краткія мгновенія, какъ бѣгущее облако въ ясный день на непоколебимую горную вершину, болѣе близкую къ небу и солнцу, чѣму туманы ущелій и тѣни глубокихъ долинъ. Онъ страдалъ въ эти минуты, не за себя конечно, не за свою неизвѣстность, а за человѣчество заблуждающееся, не распознающее своей гибели, страдалъ не тщеславіемъ непризнаннаго пророка, а сердцемъ отца, котораго не понимаютъ дѣти. Но облако сомнѣнья слетало съ хмураго чела, и снова добродушно и ясно горѣлъ во взорѣ святой огонь убѣжденья въ истинѣ мысли, въ чистотѣ порыва, въ правдѣ рѣшенья. Возраженія мало его огорчали; напротивъ вызывали только на новыя разъясненія любимыхъ положеній. „Моя увѣренность и дерзость“, писалъ онъ мнѣ, „растутъ вмѣстѣ съ непризнаніемъ и отрицаніемъ моихъ убѣжденій“ (письмо отъ 15 Апр. 1899 г.). Онъ зналъ, что не то зерно, что̀ всходитъ раньше всѣхъ, даетъ наиболѣе долговѣчный ростъ и самые обильные плоды; онъ убѣжденъ былъ даже, что ученіе, слишкомъ опередившее общій уровень развитія своего вѣка, осуждено на временную неудачу, что оно должно быть похоронено иногда надолго, но что со временемъ оно также неизбѣжно должно воскреснуть, чтобы быть признаннымъ и усвоеннымъ тамъ, гдѣ оно нѣкогда вызывало только насмѣшку или улыбку сомнѣнія. И потому, не смущаясь ничѣмъ, онъ развивалъ свое ученіе хотя и въ глубокомъ одиночествѣ, но такъ, чтобы сдѣлать его способнымъ выдержать натискъ всевозможныхъ возраженій. Перейдемъ же и мы къ разсмотрѣнію этихъ положеній, не смущаясь ихъ необычностью, ихъ противорѣчіемъ взглядамъ упрочившимся, почти что общепринятымъ. Мало ли что̀ въ наукѣ и въ философіи казалось эксцентричнымъ, чуть не нелѣпымъ? Не сочтено ли было за безуміе и само Христіанство?..

Чтобы правильнѣе освѣтить значеніе этого новаго взгляда на отношеніе людей къ природѣ, было бы въ высшей степени поучительно съ культурно-исторической точки зрѣнія прослѣдить шагъ за шагомъ ходъ развитія преобладавшаго до сихъ поръ ошибочнаго въ данномъ отношеніи міровоззрѣнія. Къ сожалѣнію, такой анализъ заставилъ бы вдаваться въ слишкомъ многочисленныя подробности, и потому намъ приходится ограничиться разсмотрѣніемъ указаннаго предубѣжденія по существу, позволяя себѣ однако, гдѣ

надо, при случаѣ, попутно, подкрѣплять выводы историческими соображеніями и примѣрами.

Пассивное, или (какъ охотнѣе выражаются многіе) сочувственное отношеніе къ природѣ оправдывается различными аргументами, но всѣ они сводятся къ двумъ основнымъ: либо къ убѣжденію въ *цѣлесообразности* дѣйствій природы, либо въ ихъ *необходимости*, неизбѣжности. Разсмотримъ поочередно то и другое. Но прежде всего оговоримся, что рѣчь о томъ и другомъ должна идти здѣсь не иначе, какъ въ смыслѣ отношеній природы къ человѣку, какъ существу сознающему, чувствующему, страдающему и обладающему, по крайней мѣрѣ на настоящей ступени его развитія, извѣстными, большинству людей свойственными нравственными требованіями. Иными словами: разсматривая вопросъ о цѣлесообразности и необходимости въ природѣ, мы неизбѣжно принуждены рѣшать его съ той простой, естественно принимаемой большинствомъ нормальныхъ людей точки зрѣнія, которую мы въ правѣ назвать жизненною (такъ какъ на ней основываются обычныя жизненныя отношенія), въ отличіе отъ другой, утонченно-философской, свойственной только людямъ отвлеченнаго мышленія, а не дѣйствія; ибо даже и ученѣйшіе скептики, по признанію самого Юма, принуждены, какъ только они переходятъ отъ созерцанія къ жизни активной, довольствоваться практически тѣми же взглядами на необходимость и свободу, на причинность и цѣлесообразность, какъ и „самые обыкновенные“ люди. Какъ бы пренебрежительно ни смотрѣлъ критическій скептицизмъ на такія общепринятыя начала, называя ихъ, не безъ ироніи, „философіей заурядняго смысла“, „Sens Commun“, у напрасно забытаго начинателя этого направленія аббата де Линьяка (Le Goff, La philosophie de l'abbé de Lignac, Paris, 1863) и у ея не по талантамъ важнаго, ординарнаго профессора Кузена; „Common-Sense“—у ея скромныхъ, но заслуженныхъ изслѣдователей, Шотландцевъ,—юная еще только развивающаяся Русская философская рѣчь, вѣроятно, въ силу общаго тяготѣнія нашей философской мысли болѣе въ сторону жизни, нежели къ школьнымъ отвлеченностямъ, была, мы полагаемъ, совершенно права, когда пренебрежительный терминъ *„заурядняго смысла“* замѣнила высоко-почтеннымъ названіемъ *„здраваго смысла“*. Какъ бы научно-обольстительными ни казались ведущія къ отрицанію антиноміи чистаго разума и доводы скептическаго критицизма о несоотвѣтствіи субъективныхъ, феноменальныхъ представленій о вещахъ съ объективною дѣйствительностью, все же люди, для которыхъ жизнь и дѣйствіе не менѣе, а болѣе необходимы, чѣмъ отвлеченное мышленіе, не поколеблятся считать болѣе здравою, хотя бы и заурядную вѣру въ реальность знанія, въ наличность воли и въ возможность воздѣйствія ихъ на дѣйствительность, нежели ученое сомнѣніе, считающее и знаніе и волю недоказуемыми, объективную дѣйствительность—непознаваемою, а слѣдовательно, и цѣлесообразное воздѣйствіе на нее невозможнымъ.

Но, что̀ всего важнѣе, къ какому бы изъ двухъ мнѣній мы ни пришли,—все равно, конечнымъ выводомъ въ обоихъ случаяхъ должно быть признаніе

не согласія, а разногласія насъ, какъ сознательныхъ и нравственныхъ существъ, съ природою; ибо, если мы станемъ на точку зрѣнія жизненной активной вѣры въ реальность и силу знанія и воли, мы тѣмъ самымъ допустимъ возможность и необходимость воздѣйствія человѣчества на природу, слѣпую и безвольную; если же, съ ученымъ невѣріемъ въ объективное знаніе и въ реальную волю, мы признаемъ несоотвѣтствіе нашихъ, *фактически однако несомнѣнныхъ,* стремленій къ тому и другому съ абсолютною объективною дѣйствительностью, мы тѣмъ самымъ обнаружимъ и подтвердимъ глубочайшій разладъ между природою и нами, между дѣйствительностью сущею и дѣйствительностью желательною, проективною. Такимъ образомъ, даже и въ этомъ, крайнемъ случаѣ, о согласіи человѣка съ природою, о совпаденіи *его* мыслей и дѣйствій съ *ея* путями и цѣлями, даже если бы послѣднія и имѣли въ ней мѣсто, не можетъ быть и рѣчи, если только человѣку не угодно будетъ, ради такого согласія, отречься отъ *своего* сознанья и отъ *своей* воли, внѣ которыхъ однако для него не дано возможности *никакого* мышленія и *никакого* дѣйствія.

Мы знаемъ, что въ религіозной философіи Востока и въ свѣтской метафизикѣ Запада такое отреченіе, ради возсоединенія съ „Великимъ Безсознательнымъ и Непознаваемымъ“, было не только допускаемо, но, порою, и возводилось въ высшую будто бы мудрость. Однако жить на этой мудрости, приводящей къ недуманію, недѣланію, непротивленію злу и къ небытію, и признавать такую мудрость *здравымъ* смысломъ нашего существованія *общечеловѣческій смыслъ* у огромнаго большинства людей рѣшительно отказывается, несмотря на угрозу быть сочтеннымъ за смыслъ *заурядный* умами высшаго разбора. Если же, глумясь надъ ребяческими грезами о свѣтѣ и свободѣ близорукихъ пигмеевъ, скованныхъ цѣпями необходимости въ объятіяхъ необъятнаго цѣлаго, избранные провидцы безнадежности нашего бытія, вздумаютъ встрѣтить усилія „обыкновенныхъ“ людей саркастическими восклицаніями: „забавляйтесь призраками знанія, желаній и свободы дѣйствій! Природа ихъ не знаетъ и знать ни ихъ, ни вашихъ стремленій и цѣлей не хочетъ!“ тогда пусть уже не пигмей, а титанъ-Прометей—идоловерженецъ, но не боговерженецъ (ибо Безсознательное и Безцѣльное Богомъ быть не можетъ!) пусть онъ отвѣтитъ громко и смѣло: „даже ваша насмѣшка есть уже признаніе моего права на борьбу! Да, воистину, природа, *внѣ насъ* безсознательная и безвольная, не знаетъ и знать не можетъ ни нашего сознанія, ни нашей воли, и потому-то именно, въ этомъ смыслѣ, мы и не можемъ быть съ нею солидарными; поэтому именно она не другъ, а врагъ намъ, хотя и невмѣняемою враждою проникнутый! Поскольку же, хотя бы и ничтожная по силамъ и размѣрамъ часть ея, *въ насъ* воплощенная, пришла случайно (какъ вѣруютъ невзыскательные матеріалисты) или приведена Высшимъ Разумомъ и Высшею Волею къ сознанію и волѣ, мы, одаренные тѣмъ и другимъ, уже не хотимъ вернуться къ безсознательности и безволію; мы хотимъ знать и себя, и ее, приводя и ее, въ насъ и черезъ насъ, къ совершенствованію, къ благу.

И прежде, чѣмъ отречься отъ надежды на успѣхъ, прежде, нежели счесть такую регуляцію природы за бредъ спѣсиваго безсилія, посмотримъ, *съ нашей* точки зрѣнія (ибо въ данномъ случаѣ иная для не-исповѣдующихъ слѣпую вѣру въ еще недоказанное, непріемлема) не призрачны ли ваши противоположные доводы пассивнаго міровоззрѣнія въ защиту необходимости согласія съ природою!“

Мотивы эти, какъ уже сказано, — цѣлесообразность дѣйствій природы или же необходимость ихъ, либо соединеніе того и другого. Итакъ,—сначала *о цѣлесообразности!* О ней смѣшно и говорить, если вносить ее въ существо безсознательное и безвольное! *Цѣле-сообразность* предполагаетъ *соображеніе* (разумное согласованіе) *дѣйствія съ цѣлью*, то есть наличность и сознанія, и воли. Въ безсознательномъ и безвольномъ можетъ, въ лучшемъ случаѣ, быть только совпаденіе благопріятнаго результата дѣйствія съ непроизвольнымъ ходомъ послѣдняго, но такое совпаденіе, какъ непреднамѣренное и невольное, не подходитъ подъ то, что здравый смыслъ человѣческій понимаетъ подъ цѣлесообразностью. И если матеріалисты и эволюціонисты вздумаютъ и здѣсь повторить свой любимый припѣвъ: „какое дѣло природѣ до *вашего* смысла, до *вашихъ* цѣлей у нея нѣтъ ни цѣли, ни смысла, а есть только потребности, и, какъ-бы то ни было, она свои потребности удачно удовлетворяетъ“,— на это не рабы, а сыны свѣта и свободы отвѣтятъ: „какое *намъ* дѣло до ея потребностей, если ихъ удовлетвореніе не удовлетворяетъ *насъ*, сознающихъ *свои* потребности и, сообразно имъ, ставящихъ *свои* цѣли? Даже допуская, что совершающееся ею кому-нибудь или чему-нибудь полезно,—*для насъ* оно не благо, а зло, зло ощущенія нами лишеній, слабости, болѣзненности, боли, утраты, зло нашихъ страданій, зло, наконецъ, нашей гибели! И какъ бы призрачны или близоруки ни были наши разсужденія о злѣ, его ощущеніе до ужаса реально, и въ этомъ смыслѣ есть *фактъ* ничѣмъ не опровержимый“.

Вотъ почему телеологія въ ея установившемся смыслѣ такая невыносимая софистика! Вольно желающимъ, сознающимъ, что слѣпая сила ежеминутно причиняетъ имъ зло, тѣмъ не менѣе или именно вслѣдствіе этого, боготворить ее! Культъ злой силы злыми или безсильными, рабами и трусами или же, наконецъ, невѣждами—заурядное явленіе! Но пусть не оправдываютъ, не обѣляютъ того, что, по свойствамъ своимъ, лежитъ по ту сторону добра и зла! Пусть не вносятъ смысла въ безсознательное! Телеологія, приписывающая неразумной и безвольной силѣ цѣлесообразные акты, превращаетъ слѣпо дѣйствующую природу не только въ раціонально сложившуюся и планомѣрно функціонирующую машину, но даже въ существо, не чуждое нравственнаго побужденія, благодѣянія человѣку. Изъ творенія природа превращается въ Творца, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ любящую и заботливую мать. Правда, телеологія христіанская, въ отличіе отъ языческой, признавая надъ природою благого и всевѣдующаго Отца Небеснаго и Его непостижимый, но безошибочный промыслъ, избѣгаетъ этого искаженія понятій въ основной мысли. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что, не только судя по историче-

скому опыту, но и принципіально, даже и въ Христіанскомъ міро—и жизневоззрѣніи телеологія, доведенная, до мелочного, спеціальнаго и субъективнаго изъясненія дѣйствительности, наталкивается на непреодолимыя трудности. для обнаруженія которыхъ не требуется даже быть Кантомъ, а достаточно быть только живымъ, чувствующимъ человѣкомъ, чтобы *испытать* насколько въ этомъ, пока еще не „лучшемъ изъ возможныхъ міровъ“, далеко не все обстоитъ вполнѣ благополучно, хотя бы докладъ объ этомъ представленъ былъ солиднѣйшимъ изъ философовъ-утѣшителей, самимъ миротворцемъ Лейбницемъ. Возраждающіяся то съ одной, то съ другой стороны затрудненія, выдвинуты въ этомъ отношеніи неуловимою діалектикою великаго скептика Бэйля, авторъ „Теодицеи“ могъ и долженъ былъ разрѣшить не сложными соображеніями своей апологетики, извиняющей существованіе зла, а добросовѣстнымъ открытымъ признаніемъ *не кажущагося лишь, а дѣйствительнаго зла, но не въ вѣчномъ, а въ устранимомъ смыслѣ.* „Адвокатъ Бога вполнѣ достигъ бы цѣли, если бы указалъ, что Богъ, создавъ природу, то-есть слѣпую силу, творящую зло, создалъ и разумную, и что лишь по бездѣйствію послѣдней творитъ зло первая“ („Агатодикцея Соловьева и Теодицея Лейбница“). Недостаточно для „оправданія зла“ ссылаться на непостижимость высшаго плана; „О, altitudo!..“ убѣдительно для вѣрующихъ, но не для сомнѣвающихся. Съ другой стороны, недостаточно и одного философскаго истолкованія зла, чтобы съ нимъ примириться. „Все понять“, быть можетъ, еще значитъ „все простить“, но не значитъ не чувствовать страданія и гибели. „Неужели же землѣ дано печальное преимущество только постигать зло, но не искоренять его? Не по причинѣ ли именно этого ошибочнаго мнѣнія и достигло зло высшей силы?“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Не дерзая вѣрить въ торжество разума и воли существъ сознательныхъ и нравственныхъ и не имѣя возможности отрицать наличности страданій и бѣдствій, причиняемыхъ людямъ стихійными силами природы, сторонники пассивно-сочувственнаго отношенія къ ней, послѣ неудачныхъ усилій оправдать ее, ищутъ *примиренія со зломъ,* стараясь то убѣдить въ его ничтожествѣ, даже призрачности съ какой-то высшей точки зрѣнія, то закалить противъ ощущеній зла, или же анестезировать, гипнотизировать и наконецъ парализировать существо, чувствующее страданіе и сознающее зло этого ощущенія и его слѣдствій. Исторія религіозныхъ и философскихъ ученій потеряла счетъ этимъ опытамъ жалостливаго самообмана, возобновлявшимся въ разныхъ формахъ отъ начала страданій на землѣ до нашихъ дней, отъ первобытнаго дикаря, утоляющаго свою боль нашептываніемъ и заговоромъ до „великаго писателя земли Русской“, убаюкивающаго страданіе увѣреніемъ, что смерть не зло, что смерти нѣтъ. Воспитательное вліяніе этихъ попытокъ во что бы то ни стало „согласиться“ съ природою не только на строй философскаго міровоззрѣнія, но и на историческую судьбу человѣчества было такъ широко и глубоко, вліяніе это до такой степени вошло въ плоть и кровь и понынѣ преобладающаго у интеллигенціи взгляда на природу, что намъ необходимо

окинуть хотя бы бѣглымъ взглядомъ, главнѣйшіе моменты развитія этой тенденціи человѣческой мысли и, еще болѣе, человѣческаго чувства. Такой анализъ въ значительной степени облегчитъ намъ разобрать сколь многое въ этомъ упрочившемся убѣжденіи и настроеніи слѣдуетъ отнести на долю традиціи, привычки, наслѣдственной безсознательной передачи и, наконецъ, на долю временныхъ, и мѣстныхъ условій, изъ которыхъ не малая часть является отжившею, чуждою и, при безпристрастномъ отношеніи къ вопросу, несвойственною нашему времени и еще болѣе будущему.

Магическое, чудодѣйственное средство, общее всѣмъ цѣлителямъ реальныхъ страданій мечтою, есть рожденная невѣдѣніемъ, апатіей или безсиліемъ вѣра въ правильность, а по другому мнѣнію даже и въ благость существующаго строя и дѣйствій силъ природы. Основываясь почти всегда на пантеистическомъ міровоззрѣніи, это убѣжденіе полагаетъ въ самомъ корнѣ предѣлъ мятежнымъ стремленіямъ человѣческой мысли и воли вырваться изъ рабскихъ оковъ, возложенныхъ на него природою. Не къ превознесенію надъ „Единымъ-Всемъ“ зоветъ эта вѣра, а къ согласію съ нимъ, къ сліянію ничтожной части съ необъятымъ Цѣлымъ не для того, чтобы сохранить въ немъ свою эфемерную самоличность, а, напротивъ чтобы этотъ призракъ мимолетнаго сознанія и воли въ одномъ изъ безчисленныхъ воплощеній великаго Цѣлаго, эта „тѣнь его тѣни въ ряду его вѣчно измѣнчивыхъ сновъ“, (Цертелевъ) потонула въ необъятности, безразличной и къ волѣ, и къ сознанію. Тамъ, гдѣ пантеистическое міровоззрѣніе стало преобладающимъ, какъ въ Индіи, противопоставленіе человѣка природѣ, воздѣйствіе его на нее, видоизмѣненіе ея сообразно съ разумными и нравственными требованіями стало принципіально невозможнымъ; пассивное отношеніе къ природѣ получило освященіе религіи, воплотилось въ общественномъ характерѣ и бытѣ и, переживши тысячелѣтія, составляетъ и понынѣ основную черту индусской жизни. Великая реформа Будды, смѣнившая въ другихъ отношеніяхъ преданія браманизма, не только не упразднила этого взгляда на природу, а, напротивъ, только усилила его, перемѣстивши центръ тяжести изъ космогоническаго и космологическаго ученія въ нравственное. Сметая съ понятія Божества послѣднія, давно поблѣднѣвшія черты антропоморфизма, видя въ вочеловѣченіи не благодать, а испытаніе и наказаніе, въ личности, въ субъективности источникъ страданія, а въ сознаніи и волѣ—основу личности. „Ученіе Великой Жалости“ проявило себя не въ активной помощи борьбѣ съ общимъ врагомъ, а въ призывѣ къ апатіи, къ недѣланію, къ непротивленію злу; и такъ какъ зло отъ одной проповѣди не мѣняется и не уменьшается и природа передъ бездѣйствіемъ не капитулируетъ, буддизмъ предложилъ человѣческой мысли и воли самимъ сдаться безусловно на милость всесильной природы, которая къ познавшимъ мудрость „великаго покоя“, къ отрѣшившимся отъ желанія, безразличнымъ къ наслажденію и страданію, къ личной жизни и смерти, и проявляетъ свою милость въ дарованіи имъ покоя... въ уничтоженіи ихъ самихъ! Торжествомъ разумнаго, волевого существа надъ неразумною при-

родою является сознательный и добровольный отказъ человѣка отъ разума и воли; побѣда надъ смертью выражается не въ одолѣніи ея, а въ уничтоженіи своего сознанія, а съ нимъ и ощущенія страданія. „Ученіе Великой Жалости“ было „Ученіемъ Великаго Покоя“, но пріобрѣтаемаго добровольнымъ отказомъ отъ жизни.

Такой исходъ философскаго разслѣдованія отношеній человѣка къ природѣ былъ прежде всего порожденіемъ свойствъ тропической природы Индіи, гдѣ грозныя воздушныя и подземныя силы и даже растительныя и животныя формы принимаютъ колоссальные, чудовищные размѣры, гдѣ все проявляется въ сказочной быстротѣ роста, въ мощности порывовъ, въ безпощадности столкновеній другъ съ другомъ и въ стремительной смѣнѣ отлетѣвшихъ воплощеній жизни новыми. Безпомощность человѣка передъ ураганомъ и ливнемъ, передъ землетрясеніемъ и горнымъ обваломъ, передъ удавами и хищниками джунглы, передъ неудержимою зарослью тропическаго лѣса, отбивающею обратно чуть не въ одно лѣто пашню, отвоеванную у него долгимъ тяжелымъ трудомъ, наконецъ, безпомощность передъ тепличною жарою, разслабляющею тѣло и волю, и передъ заразами, уносящими многія тысячи жизней—вотъ естественная почва, на которой выросло древо познанія буддійской мудрости, „Ученіе Великаго Отчаянія“, замѣнившее Индіи и сопредѣльнымъ съ нею странамъ Благую Вѣсть всеобщаго спасенія.

Но по той же самой причинѣ, въ силу *иныхъ* свойствъ природы въ *иныхъ* краяхъ, мудрость апатіи человѣка и покорности его стихіямъ не могла встрѣтить сочувственнаго отклика въ колыбели классической античной философіи, подъ кроткимъ небомъ Малоазійскихъ, Греческихъ и Италійскихъ побережій, обвѣянныхъ нѣжнымъ дыханіемъ масличныхъ, лавровыхъ и олеандровыхъ рощей и ласковыхъ волнъ Средиземнаго моря. Правда, и здѣсь, въ первую пору античной философіи, дума сосредоточилась прежде всего на природѣ, пытаясь сдѣлать изученіе ея предшествіемъ всякаго знанія. Когда первые Эллинскіе мудрецы говорили: „все изъ воды“ или „изъ огня“ или же „все—движеніе и борьба“, они, какъ и ихъ восточные предшественники, удостовѣряли фактическое преобладаніе природы надъ человѣкомъ; но свойства ея самой и ея отношеній къ нему представлялись имъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ мудрецамъ Востока. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, именно здѣсь антропоморфическое стремленіе оказывало смягчающее дѣйствіе на представленія о стихійныхъ силахъ. Свойственное по преимуществу Греческому генію отвращеніе ко всему чрезмѣрному, крайнему вносило и въ этотъ кругъ понятій облагораживающее, смягчающее начало. Кроносъ еще пожиралъ своихъ дѣтей; Зевесъ еще былъ громовержцемъ, ниспровергавшимъ титановъ и пытавшимъ Прометея; Нептунъ и Плутонъ еще поглощали дерзкихъ нарушителей ихъ владѣній; но даже и грознымъ божествамъ были уже не чужды страсти и чувства, связующія ихъ съ богоподобнымъ человѣчествомъ; а вокругъ цѣлая плеяда божествъ уже прямо кроткихъ и благотворныхъ являлась союзницею, покровительницею растущему въ своей смѣлости сыну земли. Самыя

слабости и пороки человѣкоподобныхъ боговъ уже въ значительной степени уменьшали страхъ передъ ними, а Dii minores, низшія божества, и герои-полубоги еще болѣе сглаживали переходъ отъ человѣческаго къ сверхчеловѣческому, сближали стремленія людей съ силами природы. Послѣдняя, казалось, уже не давила, не поглащала человѣка, а включала его въ свои объятія, какъ что-то ей близкое, родное. Конечно, то были не всегда только чистыя ласки Матери-Деметры; то были объятія и чувственной Афродиты, и божественнаго Хмеля-Діониса, и чаровницы Цирцеи, превращающей богоподобный образъ человѣка въ звѣро - и ското-подобный! Но если возможность пониженія до послѣдняго уровня была на каждомъ шагу, рядомъ раскрывалась возможность парить и вверхъ, къ Божественному, и уже не одною противоположностью, не однимъ диссонансомъ среди безобразной, хаотической борьбы стихійныхъ силъ могло биться сердце человѣка, но и гармонично-согласнымъ созвучіемъ съ художественно-стройнымъ космосомъ.

Въ эту сторону само собою направилось Эллинское мировоззрѣніе. Природа, бытъ, искусство, все манило къ жизнерадостному настроенію; упоеніе мигомъ настоящаго мѣшало вдаваться въ тревожныя думы о будущемъ, о слишкомъ близкомъ концѣ блаженства бытія и облегчало воспоминанія о прошломъ, о пережитыхъ уже утратахъ. Углубляться въ мучительные вопросы о смыслѣ цѣли жизни, о тайнѣ и ужасѣ смерти не было охоты, какъ не было уже и первоначальнаго желанія разобраться въ тайнахъ природы. Человѣчность, страждущая, эфемерная, но и блаженная, самодовольная и самодовлѣющая, въ минуты забвенія своей трагической краткодневности сосредоточила на себѣ самой чувства живущихъ и задернула завѣсою туманнаго сомнѣнія судьбу умершихъ. Да и къ чему дума, отрава наслажденія, и безъ того слишкомъ краткаго?.. Ученіе о рокѣ, о неизбѣжной необходимости всего совершающагося возвела конечный фатализмъ человѣческихъ дѣйствій въ суровый міровой законъ. Когда же его жесткость стала не подъ силу для широко-развернувшейся, вольнолюбивой личности, Греческіе трагики попытались внести въ понятіе фатума нравственное начало протеста разумнаго существа противъ гнета сверхчеловѣческой силы, не сообщивши однако элементу борьбы никакой надежды на побѣду и оставляя невыясненнымъ: не лучше ли безсильнаго бунта Эдипа, Антигоны и Прометея вдумчивая покорность непреодолимой и непостижимой міровой силѣ, отъ велѣній которой не свободны и сами свѣтлые Олимпійцы? Войти въ предѣлы возможнаго, примириться съ ограниченіями неизбѣжными и успокоиться, довольствуясь даннымъ, пока ликующее утро жизни не смѣнится сумракомъ безразсвѣтной ночи...—вотъ преобладающій аккордъ мелодіи древне-греческой жизни.

Въ критическую пору перехода Эллинскаго міровоззрѣнія отъ миѳологическаго, антропоморфическаго натурализма къ этическому раздался Сократовъ кличъ „познай самого себя!“ не только опредѣлившій на долгіе вѣка, какъ было указано выше, направленіе философіи, но и придавшій нравственную санкцію сейчасъ изложенному взгляду на пассивное положеніе человѣка въ мірозданіи и

космическомъ процессѣ. Въ тройномъ смыслѣ упрочилъ сократизмъ это направленіе: во 1) сосредоточеніемъ философской мысли почти всецѣло на человѣкѣ онъ пагубно ослабилъ и безъ того не сильный интересъ къ изученію внѣчеловѣческой природы, обособилъ такимъ образомъ философію отъ естествознанія, разсужденіе отъ наблюденія и опыта, создалъ отчужденіе человѣка отъ природы, такъ сказать, его *рознь и одиночество въ пространствѣ*; во 2) сосредоточеніемъ личности на самой себѣ онъ распространилъ эту отчужденность и разрозненность у людей и на имъ подобныхъ; онъ изолировалъ субъекта, разорвалъ связь настоящаго съ прошлымъ и такимъ образомъ создалъ *отчужденіе во времени*; и наконецъ, въ 3) усмотрѣвши результатъ этихъ двухъ разрывовъ, то-есть безсиліе человѣка, взятаго въ отдѣльности, онъ призналъ его ограниченность нормальною, неустрашимою, возвелъ несовершенное знаніе и еще болѣе недостаточное дѣйствіе въ норму существа, дѣйствительно неизбѣжно смертнаго *при такихъ условіяхъ*. Замѣна безсмертія органическаго, полнаго, безсмертіемъ частичнымъ, безсмертіемъ души, вмѣненная Сократу и ученику его Платону въ такую заслугу не одной философіей, но и христіанскимъ богословіемъ, оказалась слабымъ утѣшеніемъ въ жизни, но сильною помѣхою развитію активнаго отношенія къ природѣ. Конечно, не съ цинизмомъ Гейне, предпочитавшаго „поцѣлуй толстыхъ губъ кухарки на навозной кучѣ безсмертію на Олимпѣ героя, воспѣтаго хотя бы самимъ Гомеромъ", а съ тихимъ элегическимъ сожалѣніемъ о земной жизни силился античный умъ отодвинуть, насколько можно, въ туманную область невыясненнаго тревожную думу не только о смерти, но и о жизни загробной, думу, смущавшую классическое міросозерцаніе несравненно больше, чѣмъ мы привыкли утверждать. (Кромѣ превосходнаго труда Rohde. Psyche, Tübingen. 1903. см. изящную работу графини Caetani-Lovateli. Thanatos. Roma. 1888; Kaufmann. Die Jenseitshoffnungen der Griechen und Römer nach den Sepulcralinschriften. Freiburg i. B. 1897 и др.). Изученіе относящихся сюда надгробныхъ надписей и изображеній разъясняетъ намъ смыслъ того таинственнаго оттѣнка мечтательной грусти, что, словно мимолетное облако въ сіяющій лѣтній полдень, легло на чело совершеннѣйшихъ твореній античнаго рѣзца: и у жизнерадостнаго Діониса, и у Венеры Капитолійской, и у юнаго „Генія Ватикана". Ни побѣдный вѣнокъ Олимпіи, ни гимны Пиндара, ни бесѣды Федона о *духовномъ* безсмертіи не могли въ чувственной душѣ древняго Грека развѣять печали о гибели жизни, взятой во всей ея реалистической полнотѣ...

А между тѣмъ къ отказу отъ надеждъ на возможность такого *полнаго* безсмертія и вела спиритуалистическая доктрина. Если задача искусства есть созданіе только *подобій* дѣйствительности, жизни,—Платонъ, безспорно, величайшій не изъ мудрецовъ, а изъ художниковъ! Но если задача искусства не ограничивается твореніемъ подобій, а возвышается до истиннаго творчества, доступнаго человѣку, то-есть до *возсозданія* дѣйствительности (ибо *созданіе исперва, твореніе* въ строгомъ смыслѣ слова—дѣло Божье, а не человѣческое), то и спиритуалистическое безсмертіе, созданное Платономъ, несмотря

на всю философскую красоту свою, было не содѣйствіемъ, а, скорѣе, противодѣйствіемъ завоеванію дѣйствительнаго, реальнаго безсмертія, немыслимаго безъ побѣды разумной и нравственной силы надъ слѣпою и незнающею нравственности природою. Спиритуалистическая философія, создавая храмъ Музъ, дочерей Памяти, открывала духовнымъ взорамъ міръ идей, „воспоминаній внѣ-мірнаго существованія", и такимъ образомъ, облагораживала и возвеличивала одну изъ сторонъ человѣческаго организма, но въ ущербъ стремленію воздѣйствовать знаніемъ и волею на міръ реальный. Самая красота міра идеальнаго заставляла пренебрежительнѣе относиться къ міру реальному, а взглядъ на матеріальную его сторону какъ на несущественную отнималъ охоту къ активному отношенію къ природѣ. Все благородное стремленіе поднять человѣка отъ праха въ область духовной красоты, вся этика и эстетика идеализма не избавляли отъ гнета грубой, безжалостной дѣйствительности надъ величавою мечтою. Философъ - идеалистъ, задолго до аскета-отшельника, стремился, въ своихъ умозрѣніяхъ, стать человѣкомъ „не отъ міра сего", оставляя міръ „во злѣ лежать", а съ нимъ и себя, и всю гордую мудрость свою...

Правда, въ античной философіи, рядомъ съ этимъ преобладавшимъ пассивнымъ отношеніемъ къ природѣ, пробивалось наружу и другое, исходившее изъ направленія наблюдательнаго и эмпирическаго. Въ лицѣ Аристотеля оно сразу сдѣлало колоссальный шагъ впередъ. Среди стольких заслугъ трезваго ума великаго Стагирита, быть можетъ, высшею слѣдуетъ считать убѣжденіе въ необходимости *универсальнаго знанія.* Ему было ясно, что только полное, всеобъемлющее вѣдѣніе можетъ стать совершеннымъ знаніемъ. Отсюда энциклопедическое, полигисторское направленіе его дѣятельности; отсюда столь сосредоточенное вниманіе даже на такихъ кажущихся мелочахъ въ жизни природы, снисходить до которыхъ считалось недостойнымъ мудреца у болѣе тщеславныхъ умовъ; отсюда же, наконецъ, высшая оцѣнка опыта, доведеннаго до активнаго воздѣйствія на силы природы. Знаменательныя слова Аристотеля: „Мы совершенно знаемъ только то, что̀ сами можемъ сдѣлать" проникаютъ уже въ центральную точку конечной задачи всякаго званія, всей науки: *возвысить совершенное познаніе природы (дѣйствительности) до способности возсоздать бывшее, безсознательно природою рожденное и ею же безсознательно разрушенное, возсоздать сознательно и добровольно.* Къ сожалѣнію, это, уже *активное* по своимъ пріемамъ *знаніе* не имѣетъ у Аристотеля *активнаго назначенія,* совершенное знаніе не переходитъ въ совершенное дѣло. Надъ міромъ человѣческой мысли и воли разстилаются неизмѣнныя, вѣчныя небесныя сферы; и если смѣлый раціонализмъ Стагирита задумывается надъ вопросомъ о существованіи руководящаго начала даже въ космической дали, эта „правящая интеллигенція"—не наша человѣческая мысль и не наша воля. Арабскіе и средневѣковые комментаторы Аристотеля населятъ необъятную ширь и высь пространства ангелами и имъ поручатъ регуляцію небесныхъ міровъ; о завоеваніи же и водительствѣ ихъ силами человѣчества не мечтали ни классическая древность, ни средневѣковье.

Наоборотъ, какъ разъ за подъемомъ - пониженіе, упадокъ! За вдохновленными полетами мысли идеалистовъ, за кропотливымъ, но бодрящимся трудомъ эмпиризма—разслабленность софистовъ и скептиковъ, безжизненная догматика стоиковъ и столь же самоувѣренныхъ, столь же бездоказательныхъ „пресмыкающихся по-низу“ матеріалистовъ—эпикурейцевъ. Всѣ три теченія въ разныхъ смыслахъ благопріятствуютъ упроченію пассивнаго отношенія къ природѣ. Откуда взяться иному, дѣятельному, у тѣхъ, кому все: и міръ, и самъ человѣкъ, и дѣйствительность, и мысль, стали вопросомъ?.. А стоицизмъ? Въ области античной мысли и съ соотвѣтствующими различіями, это - параллель къ пантеистическому фатализму буддизма, только съ болѣе мужественною окраскою, продуктъ не столько созерцательной неподвижности, сколько усилія характера подчинить личность желѣзному закону общаго распорядка, какъ разъ въ духѣ Рима, гдѣ и нашла себѣ практическое примѣненіе эта философія. Сообразно съ такой тенденціей, космическая сила, великое невѣдомое и безсознательное дремотнаго Востока здѣсь, на политически-взволнованномъ Западѣ, въ пору крушенія царствъ и разложенія устоевъ древняго общества, превратилось въ міровую душу, въ сокрытый среди кажущагося хаотическаго броженія ненарушимый порядокъ міровыхъ законовъ, съ которыми, безпомощная въ своей внѣшней судьбѣ, человѣческая личность могла вступить въ согласіе однако лишь путемъ сходнымъ съ восточнымъ аскетизмомъ: пренебреженіемъ ко всему внѣшнему, побѣдою воли надъ желаніемъ и принесеніемъ личнаго Я въ жертву невѣдомому, но будто бы правильно (чтобы не сказать справедливо) дѣйствующему цѣлому. Вотъ на чемъ, въ конечномъ исходѣ единичныхъ, разрозненныхъ усилій заранѣе, слѣдовательно, обреченныя на безуспѣшность борьбы съ насиліемъ неразумія и зла, успокоиваются настрадавшіяся души мудрецовъ дряхлѣющаго Рима,—поразительное теоретическое отрицаніе зла, боли, страданія при ежеминутныхъ встрѣчахъ съ ними, неестественныя, театральныя усилія доказать ничтожество смерти вмѣсто истинно-мужественной задачи обезпечить благо жизни,—настоящая философія упрямой въ своемъ безсиліи старости...

И рядомъ, совсѣмъ уже лѣнивый, умственно и нравственно поверхностный матеріализмъ, эта осмѣивающая суевѣріе совсѣмъ слѣпая вѣра апатичнаго разума въ слѣпую же, неразумную силу, живущую фатально, дѣйствующую безцѣльно и однако будто бы создающую явленія, формы, организмы въ концѣ концовъ цѣлесообразные, вѣра въ силу, слагающую изъ случайныхъ сочетаній атомовъ стройное и стойкое мірозданіе!.. Словомъ: апоѳеоза стихійной силы природы и вѣрноподданническая присяга ея безумному и безжалостному величію послѣ столькихъ безуспѣшныхъ усилій бѣжать отъ ударовъ или укрыться отъ нихъ подъ дырявымъ рубищемъ философской тоги!..

Языческое, оправдательно - сочувственное отношеніе къ природѣ, послѣ могучей и долговременной реакціи противъ него со стороны христіанства (о чемъ—ниже) воскресло въ вѣка Возрожденія, не только обновившаго античныя, преимущественно нравственно - философскія опоры его, но и усилив-

шаго ихъ развитіемъ новаго фактора, *эстетическаю*, который и понынѣ остается, быть можетъ, самымъ общедоступнымъ союзникомъ пассивнаго міровоззрѣнія. Но именно популярность и вліятельность этого соблазна обязываютъ къ разоблаченію его обаятельной лжи.

Несомнѣнно, изумительное, всестороннее расширеніе интереса къ жизни въ безпримѣрно-бодрую пору Возрожденія отозвалось глубоко и на отношенія къ природѣ. Въ то самое время, когда человѣческая личность, вырвавшись, какъ юноша, на волю изъ тѣсныхъ предѣловъ традиціоннаго быта и педантическихъ формулъ мысли, сбросила съ себя вериги подвижничества и самоотрѣшенія, разсѣялась и мистическая дымка средневѣковаго міросозерція, облекавшая природу въ таинственную загадку или затѣнявшая ее, вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ, мракомъ проклятія (слѣдствія грѣхопаденія) и міръ реальный, осязательный, ликующій страстью красоты и жаждою наслажденія, „въ сіяньи весны благовонной", улыбнулся вновь человѣку во всей полнотѣ своего чувственнаго соблазна. Въ утомленьи сомкнулись духовныя очи, смотрѣвшія въ потусторонній міръ; но шире раскрылись очи тѣлесныя, и не они одни, но и всѣ ожившія чувства отдались наслажденію природой. Незамѣчаемая доселѣ арена жизни отнынѣ входитъ въ усладу существованія: на ней останавливается и любознательный, и художественный взоръ его; ею любуются; надъ нею задумываются... (Biese. Die Entwickelung des Naturgefühls im Mittelalter und in der Neuzeit. Leipzig. 1888, 125 ff. и нестарѣющая Буркгартова „Культура Возрожденія". гл. 4). Ландшафтъ, уродливый, сжатый, довольствующійся одними почти символическими намеками въ средневѣковомъ искусствѣ (Kaemmerer. Die Landschaft in der deutschen Kunst bis zum Tode Dürers. Leipzig. 1880) входитъ въ свои права у художниковъ Итальянскаго Возрожденія и если еще не успѣваетъ обособиться у нихъ въ самостоятельный отдѣлъ искусства, то потому именно, что воспріятіе красотъ природы въ эту пору стремится вступить въ гармоническую связь со всею полнотою наслажденья жизнью; это лишь одно изъ созвучій пѣвучаго сложнаго аккорда блаженства бытія. вѣрнѣе,—блаженства мига. Таковъ смыслъ пейзажа у Боттичелли, у Лоренцо-ди Креди, у Перуджино, даже еще у Рафаэля; это еще только полунаивный, немногосложный привѣтъ художественной души внѣшней красотѣ природы. Но рядомъ,—уже зачатки и болѣе вдумчиваго отношенія, романтическаго, у Ліонардо-да-Винчи, мѣстами—у Тиціана („Убіеніе мученика Петра") и въ своемъ, особомъ смыслѣ у Корреджіо. Природа здѣсь уже не просто сценарій, не одно обрамленіе жизни; здѣсь уже художественное прозрѣваніе во внутреннюю жизнь ея, мечтательная грёза объ ея предполагаемомъ согласіи съ настроеніемъ души человѣческой, стремленіе постигнуть окружающій міръ сочувственно и сородственно человѣку. Это, если хотите, возрожденіе старой антропоморфизаціи естественныхъ силъ, но не въ драматичноэпической или пластической формѣ, какъ въ древней миѳологіи, а въ новой, лирической, прихотливо-субъективной. Такому направленію необходимо обиліе и разнообразіе впечатлѣній: „художнику надо быть всеобъемлющимъ, одина-

ково любить всѣ вещи" (Vinci. Trattato della Pittura, cap. 9); только въ богатомъ выборѣ разнородныхъ внѣшнихъ воспріятій найдетъ творческая мечта художника отзвучіе на мелодію своей души и претворитъ то и другое въ гармоническое созвучіе, въ произведеніи искусства. Эти поиски оригинальнаго и содержательнаго, эти загадки романтическаго взгляда на жизнь естественныхъ силъ мы и встрѣчаемъ въ Ліонардо, то-есть въ томъ самомъ геніи, который пытался разслѣдовать пути природы и какъ ученый, точнымъ наблюденіемъ, опытомъ и выработкою индуктивнаго метода познаванія. Обаятельное воплощеніе романтики тѣней и свѣта на его картинахъ и портретахъ доказываетъ, что эта сторона стихійной жизни природы нашла въ немъ уже наблюдателя полнаго не одною вдумчивостью, но и любовью, жаждущею вырвать у природы ея сокровенныя тайны, чтобы тѣснѣе и сочувственнѣе слиться душею съ нею. Она уже дорогà ему во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, даже въ своихъ вычурностяхъ (о страсти къ „il bizarro"—Vasari. Vita di L. da Vinci), даже въ уродствахъ („Медуза"; карикатуры); онъ ищетъ въ ней проявленій не одной красоты, но и безобразія, ужаса, а съ другой стороны, юмора, этого эпигона сложнѣйшихъ настроеній человѣческой психики. Природа ему неизсякаемый родникъ творческой фантазіи (Trattato della Pittura, cap. 16). Оттого и такъ любо ему уединеніе: въ Madonna dei lago, въ S. Famiglia con S-ta Anna онъ впервыя раскрываетъ передъ зрителемъ романтическую прелесть тѣхъ пріальпійскихъ озеръ, тѣхъ горныхъ ущелій, отъ которыхъ, какъ отъ слѣдовъ проклятія надъ грѣшною землею, въ ужасѣ или отвращеніи уклонялись взоры средневѣковаго человѣка.

Отъ поэта таинственныхъ вечернихъ полутѣней Леонарда до поэта ликующаго свѣта Корреджіо—одинъ только шагъ, но шагъ многозначительный: поиски художественно-сочувственнаго сліянія человѣческаго настроенія съ природою находятъ здѣсь уже какъ бы свое желанное успокоеніе. Нѣтъ болѣе ни колебаній, ни раздумья! Наивнымъ и нѣжнымъ влеченьемъ сливаясь, какъ Іо, со стихійно манящею властью природы, отдается человѣкъ въ объятія наслажденія блаженствомъ бытія, мигомъ настоящаго, безъ воспоминаній о прошломъ, безъ тревожной думы о будущемъ: обоготвореніе юности, здоровья и тѣлесной красоты въ лучахъ привѣтливаго свѣта ("Il Giorno" S-ta Famiglia con S. Girolamo" въ Пармской Академіи), чередующихся съ полупрозрачною тѣнью, млѣющею въ ласкахъ тепла, въ затишьи цвѣтущей лѣсной поляны (Св. Катерина, Неаполь); Madonna della Scodella, Répos en Egypte (въ „Уффиціяхъ", Луврская „Антіопа")—поэзія покоя и тѣлеснаго довольства, полный возвратъ къ языческому пониманію жизни...

За идиллическою и вакхическою грёзою чувственнаго блаженства стихійныхъ порывовъ природы Возрожденіе не замѣчало ихъ трагической стороны, несмотря на то, что не могло быть поры, которая болѣе бы этой превратностями счастья, необезпеченностью жизни и почти непрекращавшимися повальными моровыми повѣтріями напоминала о разрушительныхъ, губящихъ силахъ природы. Напрасно третій великій выразитель генія Возрожденія, Ми-

кель-Анджело, поэтъ сдержанной энергіи („Моисей"), томящейся въ оковахъ силы („Рабы") и раздумья („Il Penseroso") надъ неизбѣжною усталостью бытія („Ночь"), неминучею дряхлостью („Сивилла Кумейская") и смертью („Парки"), взывалъ легкомысленному вѣку: „Rider non posso mentre il mondo piange!" (смѣяться не могу, когда вокругъ весь міръ рыдаетъ). Вопль скорби заглушался призывомъ Лоренцо Медичи къ веселью въ силу именно неувѣренности за день грядущій („Chi vuol'esser lieto, sia! Di doman'non c'é certezza!" Poesie di Lorenzo de'Medici. Firenze 1859, 423 sq). Отъ „божественнаго хмеля жизни" не отрезвляли ни общественныя, ни стихійныя бѣдствія, ни голодъ, ни чума, превращавшая города въ пустыри. Вмѣсто борьбы со всеобщимъ врагомъ отъ него или трусливо бѣгутъ или малодушно жмурятъ передъ нимъ очи, маскируютъ его или дѣлаютъ видъ, что его не замѣчаютъ. Народные „плачи" по поводу „Великаго Мора" полны скорби о погибшихъ (La Pestilenza di 1348. Rime antiche di Antonio Pucci. Firenze 1884, 8—11); литераторы же (Боккаччіо въ предисловіи къ Декамерону, Петрарка Epistolae de rebus familiaribus) и философы (Marsilii Ficini Epidemiarum antidotus. Basileae 1549, 275 и 374) полны совѣтовъ бѣжать отъ бѣды, не думать о ней, искать забвенія въ удовольствіяхъ!..

Вѣрное этимъ внушеніямъ, искусство стремится ввести въ обманъ относительно болѣзни, старости и самой смерти, замаскировать ихъ безобразныя, претящія, ужасъ наводящія черты, и даже, насколько возможно, облагородить ихъ. Едва ли кто превзошелъ Микель-Анджело въ мастерствѣ вдумчиво и съ любовью передавать рѣзцомъ и кистью человѣческую старость. Но изъ длиннаго ряда незабываемыхъ его твореній, сюда относящихся („Предки Христа", „Пророки и Сивиллы" Сикстины, „Моисей"; „Вечеръ" на гробницѣ Медичисовъ и др.) среди стольких воплощеній тѣлесной силы и духовной энергіи преклоннаго возраста, какъ рѣдки, какъ исключительны характеристики одряхлѣнія тѣла, увяданія духа, регресса, преддверія конца! Да и въ нихъ не столько запугивающаго, сколько ободряющаго. Развѣ не втягивающе-прекрасны усталость въ „Ночи" и въ „Вечерѣ" или сонъ изнеможенія въ библейскихъ группахъ консолей Сикстины? Развѣ нѣтъ заката величія даже въ „Кумейской Сивиллѣ", согбенной подъ старческою тяжестью своего когда-то богатырскаго тѣла и подъ ярмомъ минувшихъ лѣтъ? развѣ трагическая красота не просвѣчиваетъ даже изъ всклокоченныхъ сѣдинъ и беззубаго рта, изъ мутнаго, насмѣшливаго взора „Парокъ"? А старцы картинъ Ліонарда, Тиціана и Джорджіоне, не говоря уже о жуирахъ Веронезовыхъ „Пировъ"!..

Маскируя старость, Возрожденіе чурается и болѣзней: Рафаэлю мотивъ пораженія параличемъ (Ананія въ Картонахъ Ковровъ) даетъ поводъ изобразить не муки корчей и судорогъ, а красоту напряженной мускулатуры, точно также, какъ „Ослѣпленіе Симона Мага" служитъ предлогомъ къ этюду живописной эксцентричности походки и жеста, и даже фигура бѣсноватаго (въ „Преображеніи") воспроизводитъ эффектъ драматично, но и изящно перекинутаго, гибкаго юнаго тѣла. Пронженный стрѣлою умирающій Св. Сева-

стіанъ Содомы (Uffizi. № 1279.) полонъ граціи и легкой сентиментальности въ своихъ мученіяхъ, а другое изображеніе пытки того же страдальца доходило въ своей чувственной прелести до того, что ревнивые мужья страстныхъ Флорентинокъ просили отцовъ республики убрать его изъ храма, чтобы не смущать пылкаго воображенія ихъ женъ (Gruyer. Fra-Bartolommeo. p. 67—69). Подъ карандашомъ Леонардо (картонъ битвы при Ангіери) и Рафаэля (Битва при Мильвійскомъ мосту; Разрушеніе Трои въ Станцахъ), сцены сраженій и даже избіенія младенцевъ дышатъ не ужасомъ, а красотою движеній, пластичностью позъ и гармоніей группировки. На открытыхъ тогда памятникахъ античнаго искусства, на Лаокоонѣ, на Ніобидахъ, на „Умирающемъ Гладіаторѣ“ хотятъ, совсѣмъ по-эллински, постигнуть красоту самой смерти. Леонардо полагалъ, что „сила живописи проявляется въ способности изобразить даже умершихъ смѣющимися“ (Lomazzo. Trattato dell'arte. L. VI. cap. 33); а художникъ-мыслитель, отдавшій скорби о смерти свои глубокія поэтическія думы („На смерть отца и брата“ Rime e Lettere di Michelagnolo Buonarroti. Firenze 1860, 261—4 и другія стихотворенія) силился, какъ ваятель, воплотить красоту не самой смерти, конечно, а замирающей жизни въ „Фавнѣ“ и въ неподражаемомъ скованномъ юномъ „Рабѣ“ съ гробницы папы Юлія (Лувръ). Да и сама гробница съ фигурою умершаго стала для художниковъ этой поры поприщемъ соревнованія въ мастерствѣ превратить юдоль скорбей въ источникъ красоты! (Объ этой эволюціи надгробнаго памятника см. Burger. Geschichte des florentinischen Grabmals von den ältesten Zeiten bis Michel Angelo. Strassburg. 1904. и Schubring Das italienische Grabmal der Frührenaissance. Berlin 1903). И до того ненасытна была жажда ея, что люди того времени шли въ поискахъ ея дальше подобій смерти въ искусствѣ; у нихъ хватало эстетическаго дурмана, чтобы любоваться кажущеюся прелестью ея даже въ дѣйствительности. Одинъ изъ лѣтописцевъ Перуджіи, Матарацци сохранилъ намъ изумительное по живости и наивности описаніе, какъ даже въ минуты кровавыхъ уличныхъ междоусобій многіе останавливались въ восхищеніи, любуясь *красотою тѣлъ убитыхъ* юношей-атлетовъ Асторре, Симонетто и Грифонетто Бальони (Cronaca Perugina di Matarazzo въ Archivio Storico Italiano. Vol. XVI). Но уже не одинъ лѣтописецъ, а цѣлый рядъ ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой всеобщій восторгъ повергла жителей Рима и „пришельцевъ издалека, словно на богомолье“, *прелесть трупа* (вѣроятно мумифицированнаго) молодой Римлянки, открытаго въ 1485 г. среди античныхъ развалинъ и сохранившаго, по отзывамъ очевидцевъ, „совершенно неописуемую красоту“. (Infessura. Diariodi Roma. 1890, 178—180. Nantiporto. Diario у Muratori Rer. Ital. Script. III, 1094. Matarazzo. II, 180).

Маскировка болѣзни, старости и смерти перешла отъ Возрожденія къ нашему времени съ тою разницею, что пора, душою которой было искусство, пыталась достигнуть этой цѣли пріемами художественными, тогда какъ вѣкъ промышленно-торгашескій предпочитаетъ средства иныя, ему болѣе сродныя, предпочитаетъ иллюзіи художественнаго подобія, дешевую фальсификацію са-

мой дѣйствительности. Прихорашиваніе свойственно даже и дѣтской порѣ развитія человѣчества, но подмолаживаніе по преимуществу любимо эпохами одряхлѣнія, и если бы по одному этому признаку позволительно было заключать о старости человѣчества, мы были бы въ правѣ назвать наше время глубочайшимъ старчествомъ, впадающимъ уже въ слабоуміе, уподобляющимся младенчеству по легкомыслію и забавамъ. Когда литература рекламы дождется историка, достойнаго ея важности, она представитъ изумительную картину пошлости вѣка, считающаго себя и положительно-научнымъ, и серьезно-дѣловымъ, и чрезмѣрно-занятымъ, и въ которомъ однако находятся и время, и охота, и отзывчивость для обмана другихъ и самихъ себя фальшивою молодостью, притворнымъ здоровьемъ и подложною красотою. Непонятнымъ тогда покажется, какъ въ вѣкъ реализма вообще и реалистическаго искусства въ частности могли съ широкимъ успѣхомъ обращаться въ обществѣ и превращаться въ источникъ крупной наживы воззванія гримёрнаго, парфюмернаго, парикмахерскаго и ортопедическаго искусствъ, обѣщающія парализовать всѣ признаки старости, всѣ слѣды болѣзней, всѣ уродства и безобразія, при благосклонномъ участіи то химіи, то хирургіи, то пластики по уродливому и живописи по ветшающему и даже по мертвому тѣлу, такъ какъ бюро похоронныхъ процессій, не желая отставать отъ „ученыхъ и гигіеническихъ лабораторій Красоты“ предлагаютъ уже подрумянивать и покойниковъ! („Вопросъ о братствѣ, ч. IV“). Проще, разумѣется, было бы какъ можно скорѣе избавляться отъ ихъ докучливаго присутствія среди „жизнью пользующихся живущихъ!“ Такъ и дѣлаетъ занятой и жизнерадостный, высоко-культурный Западъ, въ отличіе отъ наивныхъ дикарей Новаго Свѣта, удивлявшихъ Испанскихъ конквистадоровъ храненіемъ своихъ умершихъ на деревьяхъ, осѣнявшихъ шалаши живыхъ, и въ противоположность педантамъ-Китайцамъ, также не разстающимся съ могилами отцовъ и затягивающимъ до невѣроятныхъ размѣровъ отпѣваніе и похороны (Kia-li. Livre des rites doméstiques chinois de Tchou-Hi. trad. par Harlez. Paris 1889, 69—127. Ch. 8. Rites du deuil). Не намъ однимъ, конечно, доводилось быть свидѣтелями съ какимъ виртуознымъ проворствомъ скрываютъ и „эвакуируютъ“ въ фешенебельныхъ курортахъ (въ Ниццѣ, въ Каннахъ) покойниковъ, тайкомъ, ночью, безъ пѣнія, безъ шума, по узкой „черной“ лѣстницѣ, иногда не давши даже ближнимъ проститься съ умершимъ, и все это—„чтобы не смущать больныхъ“, а главное,—чтобы не опечаливать здоровыхъ.

На томъ же трусливомъ желаніи избѣжать претящаго впечатлѣнія смерти основывается прикрытое неискренними или неосновательными санитарными соображеніями предпочтеніе кремаціи погребенію („Вопросъ о братствѣ“), хотя ужасы сожиганія труповъ, на которые желающіе могутъ любоваться черезъ окно калорифера въ Парижскомъ крематоріи (поразительное описаніе долговременныхъ корчей и „метанья покойника“ въ накаленныхъ потокахъ воздуха духовой камеры дано было года два тому назадъ въ „Русск. Вѣдомостяхъ“), ни чуть не уступаютъ ужасамъ картины постепеннаго разложе-

ніи, доведенной до потрясающей иллюзіи въ угоду любителямъ сильныхъ ощущеній въ „Кабачкѣ Смерти“, который недавно „заработывалъ“ хорошія деньги въ томъ же Парижѣ этимъ сквернымъ фарсомъ.

Но рядомъ съ такими „техническими“ стараніями ослабить впечатлѣнія, вызываемыя старостью, болѣзнью и смертью, мы видимъ широкія къ тому же направленныя стремленія и въ современномъ искусствѣ. Одинъ изъ поучительнѣйшихъ примѣровъ въ этомъ отношеніи—ненасытная, можно сказать, эксплуатація драматическимъ и сценическимъ искусствомъ эффекта самоубійства, отчасти, быть можетъ, потому, что этому печальному проявленію болѣзненности и слабой воли очень нерѣдко свойственно стремленіе къ своего рода позировкѣ, бьющей на тотъ или иной эффектъ („Вопросъ о братствѣ“, часть IV). Какъ бы то ни было, если сравнить жалобы статистики на возрастаніе случаевъ самоубійствъ въ современной жизни съ ихъ обиліемъ на сценѣ, приходится признать, что искусство въ этомъ случаѣ идетъ далеко впереди дѣйствительности, и недоумѣвающему зрителю остается вывести заключеніе, что съ художественной точки зрѣнія добровольная смерть въ нашей горькой жизни еще недостаточна распространена, что ей подобаетъ расти и множиться и опустошать землю. Какое воспитательное вліяніе должны оказывать на сыновъ и дочерей „нашего нервнаго вѣка“ эти эффектные примѣры „расчетовъ съ жизнью“, понятно само собою, особенно если принять во вниманіе, что изображеніе смерти на сценѣ достигаетъ уже будто бы „клинической точности“.

Несомнѣнно также, что разработка психіатрическихъ эффектовъ драматическою и повѣствовательною литературою стала характерною чертою новѣйшаго эстетическаго направленія. Внушая иногда благородныя чувства и серіёзныя думы по этому поводу, искусство въ большинствѣ случаевъ слишкомъ продолжительнымъ и охотнымъ воспроизведеніемъ всевозможныхъ духовныхъ и нравственныхъ аномалій, ослабляетъ ихъ ужасы, притупляетъ впечатлительность къ нимъ и пріучаетъ считать ихъ, эти вопіющія ненормальности, за явленіе настолько обычное, что оно кажется уже нормальнымъ. Граница между здоровымъ и больнымъ уже теряется въ области художественнаго воспріятія, также, какъ въ области медицинскаго и юридическаго. Къ *вырожденію* уже такъ приглядѣлись, настолько съ нимъ освоились и сроднились, что у многихъ увядаетъ надежда на *возрожденіе* здороваго организма усиліями знанія и воли. Знаменательно и то, что художественный парафразъ того же понятія вырожденія съ приданнымъ ему новымъ смысломъ *декадентства* претендуетъ съ широкимъ успѣхомъ на значеніе нѣкоего, а по мнѣнію иныхъ знатоковъ, даже крупнаго достоинства. Какъ бы глубоки ни были тайны до сихъ поръ неподдающагося точному опредѣленію „Новаго Стиля“, сокрытыя подъ символами „Скорпіоновъ“, „Грифовъ“ и другихъ іероглифовъ, интереснѣйшею загадкою остается пока уже самый фактъ, какъ могло общество, одержимое маніей прогресса, соединить свои симпатіи съ эффектами регресса, „декадентства“, придать похвальное значеніе тому, что̀ оно само же первона-

чально обозначило терминомъ вырожденія, упадка (décadence)?.. Но пока это недоразумѣніе разъясняется на „Вѣсахъ“ новой эстетики, новое искусство, съ усердіемъ и виртуозностью, достойными лучшаго примѣненія освоиваетъ насъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ такихъ аномалій и уродствъ мысли, чувствъ и воли, которыя прежнему, менѣе развязному въ своихъ вольностяхъ искусству казались безобразіемъ, претящимъ и нравственному, и эстетическому восприятію. Magna Charta libertatum новаго искусства въ своемъ „разрѣшеніи на вся“ дошла (по мѣткому замѣчанію А. Басаргина) до поистинѣ „больного протеста противъ здоровья“ (Пшибышевскій. Pro domo mea M. 1905. 9.), до воспѣванія эротическихъ порывовъ даже къ мертвецамъ!! (невыносимо дерзкое Rapture of Mary, (Magdalene въ The Pageant of Man даровитаго G. Barlow); тотъ же сюжетъ не чуждъ, къ стыду ея, и Русской новѣйшей лирикѣ; онъ нашелъ даже панегириста въ лицѣ В. Розанова: „Тутъ есть нѣкая тайна“. „Вѣсы“, 1904. кн. 2.).

Но рядомъ съ этими помоями, сквернящими искусство, какое широкое поле въ новой литературѣ отведено серьезной полуфилософской идеализаціи смерти! Не „прославляетъ ли“ Леопарди красоту смерти, „вѣчно юной, вѣчно дѣвственной, непобѣдимо могучей, дружелюбной и жалостливой къ семьѣ людской, смерти—единственной нашей надежды въ безконечности вселенной“ „въ безконечной, тщетѣ всего сущаго“ (Leopardi. Amore e Morte и A se stesso). А новѣйшее время?.. „Тотъ, кто будетъ обозрѣвать современную словесность съ точки зрѣнія проблемы смерти“, говоритъ одинъ Нѣмецкій критикъ, „тотъ будетъ пораженъ удивленіемъ, до какой степени именно теперь смерть составляетъ центральный пунктъ литературнаго созерцанія всѣхъ народовъ, съ какою тайною и нѣжною вдумчивостью отдаются ему величайшіе поэты и художники всѣхъ націй“. (Bornstein. Der Tod in der modernen Litteratur. Berlin. s. anII). „Каждое столѣтіе“, говоритъ поэтъ Бáрло, „мыслило и чувствовало что либо новое о смерти; но для нашего вѣка, загроможденнаго знаніемъ, для насъ, вѣнчающихъ властью мысль, и только мысль одну, для насъ, сумѣвшихъ счесть звѣздные міры и дать анализъ солнца, для насъ безбрежная загадка смерти встаетъ въ своей непостижимой тайнѣ печальнѣе и изумительнѣе, чѣмъ прежде!“ (G. Barlow. A Lost Mother. London. 1892, St. 208—210). И чѣмъ она печальнѣе, тѣмъ больше въ искусствѣ усилій развѣять эту печаль, затуманить ужасъ смерти, преобразить ее въ усыпляющемъ страхъ смыслѣ. Прислушаемся къ этимъ новымъ характеристикамъ. „Смерть божественная (Leconte de Lisle. Poèmes antiques. Paris. Lemerre. p. 314), смерть сладостная (Guyau. Vers d'un philosophe. P. 1896, 41), тихая, добрая, могучая, какъ все прекрасное“ (Пшибышевскій. Сыны Земли), даже „благоухающая!..“ (... „la balsamique Mort“ y Mallarmé. Vers et Proses. P. 1893, 18), „Смерть, любящая насъ единственною неизмѣняющею любовью“ (Henry de Regnier. Episodes. P. 1891. 143). „Рожденная изъ порывовъ Діониса и Афродиты“, въ видѣніяхъ поэтовъ нашихъ дней уже не безобразный костякъ-скелетъ средневѣковой угрюмой фантазіи: она то „дѣва красоты, скользящая надъ міромъ легкою, побѣдоносною поступью, увѣнчанная гіацинтами и розами“ (Regnier.

Sonnets. éd. cit. 161), то „юный воинъ въ причудливо-сверкающемъ вооруженіи“ (Wertheimer, Komödie des Todes“), полководецъ въ тріумфальномъ шествіи по міру ей подвластному (Голенищевъ-Кутузовъ. Пѣсни и Пляски Смерти). „Она ведетъ нашу жизнь, и нѣтъ у этой жизни иной цѣли, кромѣ смерти“ (Метерлинкъ). „Тайна жизни сокрыта въ могилахъ, и безъ смерти, которая ничто, ничто не существовало бы“ (Leconte de Lisle, le secret de la vie, Poèmes tragiques. P. 1886, 152—3) *). Но не однимъ роковымъ могуществомъ смерти оправдываетъ новая поэзія свое благоговѣніе передъ нею, какъ и не однимъ старымъ, заигранным мотивомъ видѣть въ ней исходъ изъ неизцѣлимыхъ страданій. Она уже не просто избавитель, освободитель несчастныхъ, посылаемый небомъ (у христіанина Ламартина) или рокомъ природы (у язычника Леопарди); она уже, по крайней мѣрѣ для пессимистовъ, вообще „божественный освободитель“ отъ ига существованія, „возвращающій насъ въ спокойную бездну, гдѣ засыпаетъ тщета (суета) того, что было нѣкогда временемъ, количествомъ, пространствомъ“ (Leconte de Lisle, La dernière vision и Dies irae). У тѣхъ же, кто не совсѣмъ еще утратилъ смыслъ цѣны жизни, смерть изображается вѣщею наставницею самой жизни. Только въ соприкосновеніи со смертью становится человѣкъ способнымъ подняться надъ себялюбіемъ до уровня высшей, любвеобильной нравственной красоты (таковъ смыслъ пьесы Метерлинка Aglavaine et Sélysette). „Въ каждый мигъ побѣды мужества надъ трусостью среди опасностей, какъ и въ каждый мигъ величайшаго наслажденія, мы обвѣяны могучимъ дыханіемъ смерти“, возвышающей надъ всѣмъ будничнымъ, заурядным, мелочнымъ и бездарнымъ (Wertheimer, Die Komödie des Todes). Она „великій богъ души человѣческой, открывающійся въ каждый дѣйствительно величавый мигъ ощущенія человѣкомъ своего родства и единенія со вселенною“ (Hofmannsthal, Der Thor und der Tod. Leipzig 1904, 25—26.).

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей (увѣряютъ насъ), „сыны вѣка уже не боятся болѣе смерти“ (Bornstein, 41) и привѣтствуютъ ее какъ обновительницу жизни. „Самой смерти, то есть уничтоженія, чего же бояться? Это отрицательная величина. Скорбѣть о потерѣ другихъ—другое дѣло! Но такой страхъ уже не имѣетъ прямого отношенія къ своему „я“. Не страхъ смерти подкрадывается, а чувство неизбѣжности конца. Никто вѣдь не застрахованъ... Но и это никого (??) не смущаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, да *это* и напомнитъ о себѣ; но жить не мѣшаетъ, не мѣшаетъ думать, работать, подводить итоги, которые близятъ тебя къ неизбѣжному концу. Даже, напротивъ!“ (Боборыкинъ, Передъ событіями. Рус. Вѣдомости № 198. 1905 г.) Такъ поучаетъ Русскій беллетристъ - фотографъ, великій мастеръ въ изображеніи поверхностныхъ струекъ въ теченіи современной жизни, сумѣвшій и въ этомъ отношеніи настолько стать въ уровень съ вѣкомъ будто бы альтруизма, что страхъ за гибель

*) Много раньше, восхвалялъ смерть нашъ Баратынскій въ прекрасныхъ стихахъ. Н. П.

другихъ, по его признанію, „уже не имѣетъ прямого отношенія къ своему „я"!.. Цѣнность жизни, увѣряютъ жрецы новаго искусства, не уменьшается отъ ея краткости, ни отъ того, что наслажденье въ ней такъ обильно перемѣшано съ страданьемъ (Hofmannsthal, 28—31). Но и этого мало! Пробуждая жажду жизни, „страсть цѣпляться за комъ земли, за часъ одинъ существованья" (тамъ же, 29, 43), новое искусство ставитъ энергію самой жизни въ прямую зависимость отъ наличности смерти, „обновительницы жизни". Эту проблему воплощаетъ въ поэтическихъ образахъ Вильбрандтъ въ своей замѣчательной драмѣ „Пальмирскій зодчій", герой которой, олицетвореніе титанически-непреклонной жажды сохранить навсегда энергію жизни физической и духовной, въ концѣ концовъ принужденъ признать, что „безконечная жизнь можетъ превратиться въ безконечное раскаяніе, въ проклятіе своего же существованія", ограниченнаго ничтожными рессурсами единичныхъ силъ, недостаточныхъ и самихъ по себѣ, и истощающихъ притомъ подъ гнетомъ времени. „Ужели вы думаете, безумцы (восклицаетъ Смерть), что Строитель міровъ способенъ проматывать сокровище жизни настолько, чтобы дозволить ему истлѣвать въ дряблыхъ, хрупкихъ сосудахъ? Опасть должна увядшая листва, чтобъ почки новыя налились и дали бы ростки!.." (Wilbrandt, Der Meister von Palmyra 8 Aufl. Stuttgart. 1899, II). Жаждѣ безсмертія, „упорству косиѣть въ самомъ себѣ" противопоставляется „готовность умереть, чтобъ возвратиться къ жизни снова, чтобъ странствовать отъ одной формы къ другой, являясь отраженіемъ вѣчно вновь воплощающейся жизни и безсознательно встрѣчаясь въ нихъ съ Безсознательнымъ, до тѣхъ поръ, пока не завершится Божіе твореніе" (тамъ же, 26).

Знаменательнымъ явленіемъ надо признать тотъ фактъ, что сходное съ вышеизложеннымъ отношеніе къ смерти замѣчается и въ наиболѣе распространенномъ, пожалуй, и наиболѣе прогрессирующемъ искусствѣ нашего времени,—въ музыкѣ. Пляска смерти, излюбленный сюжетъ средневѣковой живописи, а иногда даже и пластики (Fernandez Merino. La Danza Macabre. Madrid 1884. Vigo. Le danze macabre in Italia. Bergamo 1901. Vallardi. Trionfo e danza della Morte a Clusone. Milano. 1859 и др.), ставшій сравнительно рѣдкимъ въ современномъ изобразительномъ искусствѣ, охотно разрабатывается музыкою. Создавая иногда поразительное лирическое настроеніе (въ циклѣ Пѣсенъ Мусоргскаго на стихи Голенищева - Кутузова), иногда превращаясь въ изящное скерцо, отлично сочетающееся съ блескомъ нряднаго концертнаго зала (какъ въ Danse Macabre Сенъ-Санса), эти музыкальныя характеристики юмора смерти даже въ лучшихъ своихъ образцахъ, даже и тамъ, гдѣ онѣ способны внушить настоящій ужасъ, клонятся все же къ прославленію торжества смерти, къ тріумфу ея силы надъ всѣми и всѣмъ, и ужъ конечно не къ бодрому протесту и борьбѣ, а къ смиренію призываютъ онѣ Не отставая отъ новой поэзіи, современная музыка силится ближе освоиться съ темою смерти, чтобы примириться съ нею. И вотъ, послѣ прежнихъ, почти всегда сжатыхъ изображеній ея лирическими чертами („Klärchen's Tod"

въ Бетховенскомъ „Эгмонтѣ“, „Прощанье съ солнцемъ“ и „Смерть Манфреда“ у Шумана), новѣйшая „идейная“ музыка отважилась взяться за трудно осуществимую, но типичную для духа времени задачу дать широко задуманную, изъ философскихъ убѣжденій выведенную музыкальную характиристику смерти. Нельзя не пожалѣть однако, что внушающею силою, повліявшею въ данномъ случаѣ на даровитѣйшаго изъ музыкальныхъ новаторовъ, Рихарда Штрауса, оказалась философія Ницше (сочувствіе которой композиторъ выразилъ и прямо въ своей музыкальной поэмѣ „Also sprach Zarathuschtra“), то-есть именно мудрость наименѣе способная содѣйствовать развитію активнаго отношенія человѣка къ природѣ, его побѣдѣ надъ нею. Неудивительно поэтому, что въ двухъ своихъ произведеніяхъ „Смерть и Просвѣтленіе“ и „Жизнь героя“, гдѣ Р. Штраусъ ницшеански—дерзкими, но, мѣстами, и геніальными музыкальными чертами изображаетъ жизнь и смерть героя - творца (въ 1-й поэмѣ) и героя-борца (во 2-й) мы встрѣчаемъ характеристику сверхчеловѣка, положимъ, не всегда согласную съ каноническими правилами гармоніи и контрапункта, но за то вполнѣ подходящую подъ Ницшеанскую программу: тратить силы на борьбу съ себѣ подобными и на освобожденіе отъ общенія съ ними, а свой досугъ—на ученую любознательность, но не примѣняя ни силъ богатырскихъ, ни воли непреклонной, ни знанія многосторонняго на борьбу съ общимъ врагомъ всѣхъ людей. Вотъ почему этотъ музыкальный герой, подобно столькимъ литературнымъ и философскимъ, при жизни, послѣ борьбы съ людьми, послѣ разрыва съ ними, „отдыхаетъ на лонѣ природы, въ ея средѣ ищетъ единственнаго возможнаго спокойнаго, величаваго служенія идеѣ, въ ней находитъ желанное самоуглубленіе“; а когда приближается врагъ общій, герой оказывается такимъ же жалкимъ рабомъ его, какъ и тѣ мелкіе людишки, брюзжащая суетливость и болтливость которыхъ такъ талантливо осмѣяны во второмъ отдѣлѣ поэмы („Жизнь героя“). Въ безсильной борьбѣ съ тѣмъ же врагомъ изнемогаетъ и другой герой, творецъ-художникъ (въ Tod und Verklärung): какъ разъ въ то мгновеніе, „когда онъ казался близкимъ къ цѣли своего творчества, раздается послѣднее роковое „Стой“, но уже не со стороны непонимающихъ его, да и имъ непонятыхъ людей, а подъ „ударомъ желѣзнаго молота смерти“. Ни этотъ грубый ударъ, разражающійся надъ нѣжной душою героя-творца, ни мягкій аккордъ валторнъ и тромбоновъ, возвѣщающій приходъ смерти герою-борцу, не знаменуютъ надежды воскресенія, а обѣщаютъ только неопредѣленное „просвѣтленіе“ въ отвлеченной безжизненной области философскихъ мечтаній объ „искупленіи міра“ властью всепоглащающей стихійной силы („Weltverklärung, Welterlösung“!) Такой результатъ способенъ былъ бы склонять слушателей не къ героическимъ подвигамъ, а къ рабской апатіи, если бы иной, болѣе чистый и глубокій родникъ Русскаго народнаго, православнаго вдохновенія, въ лицѣ „Пасхальной Утрени“ Римскаго-Корсакова, не далъ возможности со столько разъ опошленной, но все же благородной симфонической эстрады прозвучать, вмѣсто гимна туманному философскому „просвѣтленію“, дѣйствительно-свѣтлой церковной пѣсни истиннаго Воскресенія. Одинъ фактъ возможности *такого*

музыкальнаго произведенія внушаетъ уже надежду на то, что въ великомъ трудѣ будущаго „расторженія верей смертныя“ и побѣды надъ адомъ, выражающейся не въ прояснепіи одного лишь сознанія, а во всей полнотѣ реальной дѣйствительности, приметъ выдающееся участіе и то, наиболѣе имматерьяльное изъ искусствъ, которому, по его физіологическимъ и психологическимъ свойствамъ, дана преимущественная благодать сплочать чувства, сердца и воли людей въ наивысшую степень художественно-согласнаго и объединеннаго воодушевленія.

Но какъ еще необозримо далеко до такой власти звука, до истиннаго „торжества тоновъ“, преждевременно и неполно воспѣтаго Драйденомъ въ поэзіи, Генделемъ и Шпоромъ въ музыкѣ!.. Какъ далеко еще даже до поворота на путь высшаго объединеннаго и объединяющаго труда всему искусству, довольствующемуся пока, вмѣсто участія въ истинно-животворной дѣятельности, твореніемъ лишь мертвыхъ подобій? („Искусство какъ оно есть и какъ оно должно быть“). Въ сознаніи своей обязанности содѣйствовать объединенію человѣчества искусство сумѣло подняться пока лишь до приземистаго постамента не по заслугамъ превозносимой соціально-политической и экономической солидарности! (Guyau, L'art au point de vue sociologique). Сбиваясь, вмѣстѣ со всѣмъ современнымъ общественнымъ настроеніемъ, на окольные пути, искусство ставитъ себѣ ограниченную задачу *подражать природѣ*, сравняться съ нею въ подобіи, то-есть въ иллюзіи, а не дѣйствительно *возсоздать природу*, что̀ значило бы уже *превзойти природу* (безсознательную и безвольную). И въ этомъ самоограниченіи, превращающемъ искусство только въ забаву, то изящную, то пошлую, новое искусство понижаетъ свои требованія даже болѣе, чѣмъ находили допустимымъ старые мастера и теоретики искусства, которые не довольствовались однимъ подражаніемъ природѣ, „матеріи самой по себѣ безформенной, неопредѣленной, чуждой красоты“ (Lomazzo. Trattato dell'arte. L. 1 c. 1 и Vasari. Descrizione dell'opere di Tiziano) и пробовали „превосходить природу искусствомъ“ (Dolce. Della Pittura p. 176—8. Lomazzo, c. 2), „вводить въ нее красоту“ (Alberti. Della Pittura. Kleine Kunsttheoret. Schriften. Wien. 1877, 151), „выбирать наилучшее изъ видимаго, отражая и преображая въ себѣ все (Vinci. Trattato della Pitura. c. 8), извлекая изъ несовершенной дѣйствительности „опредѣленный (самимъ художникомъ) идеалъ красоты“. (Такъ Рафаэль: Grimm. Leben M. Angelo's. Hannover. 1879. I, 379 и М. Анджело: Condivi. Vita di M. Agnolo. c. 65), тогда какъ Дюреръ, низводящій все искусство на природу, „не допускающій и мысли о возможности сдѣлать что-нибудь лучше и прекраснѣе Богомъ созданной природы“ (Dürer. Proportionsbuch. Nürnberg. 1528. Prop. III, B. T. III в. Ср. Zahn. Dürers Kunstlehre. Leipzig 1866) можетъ въ этомъ отношеніи назваться отцомъ новой реалистической эстетики.

Впрочемъ, даже одно точное изображеніе искусствомъ тѣхъ золъ, тѣхъ бѣдствій, которыя испытываетъ человѣчество отъ неразумныхъ, стихійныхъ силъ природы, могло бы уже вызвать пробужденіе отъ апатичнаго отношенія

къ ней и направить, къ активному, если бы рядъ такихъ изображеній велся обдуманно и цѣлесообразно. Въ воспроизведеніи всевозможныхъ ужасовъ, порождаемыхъ злотворными силами природы, нѣтъ недостатка, и именно новѣйшее искусство съ особенною любовью вращается среди нихъ. У одного Леонида Андреева мы найдемъ художественное, по мнѣнію многихъ, описаніе развитія ужасной заразы у юноши, сожительства прокаженныхъ, рожденія урода отъ сумасшедшей матери и впадающаго въ безуміе отца. Метерлинкъ выводитъ на сцену цѣлую группу слѣпыхъ, покинутыхъ на берегу моря и ожидающихъ гибели отъ прилива бушующей стихіи. Золя достойно заканчиваетъ исторію жизни Парижской блудницы картиною начинающагося разложенія ея когда-то столькихъ соблазнявшаго тѣла... Но отчего же всѣ эти потрясающія сцены заслуженныхъ и незаслуженныхъ страданій и гибели виновныхъ и невинныхъ, вызывая столько ужаса, не заронятъ въ душахъ читателей ни одного луча надежды на возможность исхода изъ нихъ? И почему авторы столь правдивые и добросовѣстные въ изображеніи того, что̀ есть, не считаютъ нужнымъ ни единымъ намекомъ указать на то, что̀, вмѣсто этого грѣха, этого позора и этой гибели, должно быть?.. Если же, въ лучшемъ случаѣ, они и даютъ читателю поводъ самому дѣлать такое заключеніе, то настолько неопредѣленно и поверхностно, что по поводу новѣйшихъ произведеній этого рода возникаютъ горячіе споры о томъ, пользу ли или вящій соблазнъ они приносятъ?.. Ужели и здѣсь излюбленная объективность искусства тому причиною? И что̀ это за искусство, которое не знаетъ выхода изъ дилеммы: или быть пассивнымъ, равнодушнымъ къ добру и злу, стоять „по ту сторону ихъ", или же свое активное участіе въ созиданіи добра обусловливать утратою художественности, то есть самоубійствомъ искусства?.. Мы слишкомъ твердо вѣримъ въ облагораживающую силу красоты (прекраснаго), чтобы допустить неизбѣжность такой трагичной альтернативы. Но, считая сторонниковъ литературнаго позитивизма повинными въ сознательномъ художественномъ „непротивленіи злу", мы признаемъ за ними извѣстную долю права на снисхожденіе, въ силу воздѣйствія на нихъ, въ данномъ случаѣ преобладающаго общаго пассивнаго отношенія ко злу, исходящему изъ естественныхъ стихійныхъ силъ природы.

Къ несчастью, въ одномъ реалисты несомнѣнно правы: зло существуетъ; во многомъ, и притомъ существенномъ, оно всесильно! И какъ разъ та часть человѣчества, что̀ почитаетъ себя „солью земли", склоняется передъ нимъ, какъ передъ неизбѣжностью, считая, въ своемъ невѣріи, за суевѣріе безсильный протестъ меньшей братіи противъ „естественнаго" зла. Искусство только пассивный отголосокъ общей апатіи; оттого и такъ маловліятельно оно въ данномъ случаѣ. Не ради игры словъ, а съ глубокою грустью принуждены мы сказать, что если оно сейчасъ въ чемъ-либо сильно, такъ именно въ изображеніи нашего безсилія передъ природою, и тамъ, гдѣ позорный фактъ этой рабской немощи человѣчества воспроизведенъ дѣйствительно объективно, безъ тѣни потворства злу, безъ прямого или косвеннаго узаконенія

его, тамъ можно быть только благодарнымъ искусству. Этотъ захирѣлый кормилецъ земли Русской, безпомощно скрестившій руки передъ своею, градомъ побитою нивою („Послѣ града“ Яковлева въ Третьяковской Галлереѣ); эти голодные переселенцы въ выжженной зноемъ степи (тамъ же), не смотря на не перворазрядную силу дарованія, создавшаго названныя полотна, полны глубокаго трагизма, взывающаго къ странѣ по преимуществу земледѣльческой, наиболѣе зависящей отъ произвола влаги и зноя, опомниться въ своей суетѣ, покаяться въ грѣхѣ ложной культуры. Вмѣсто траты силъ на вражду людей другъ съ другомъ, ведущую къ торжеству тѣхъ же стихійныхъ силъ (замерзающіе солдаты въ „На Шипкѣ все спокойно“ и въ „Отступленіи великой арміи“, „Пирамида череповъ“ въ Средне-Азіатской знойной пустынѣ у Верещагина, пожаръ въ старомъ „Пугачевскомъ Бунтѣ“ Перова и въ новомъ „фабричномъ“), истинное искусство призываетъ вступить во всеоружіи знанія и любви въ борьбу съ врагомъ общимъ для всѣхъ. А этотъ сынъ священной Арійской земли, истерзанный и примятый къ ея лону лапою полосатаго „царя джунглы“, и эта колоссальная пальма, уходящая своею перистою вершиною въ безучастную лазурь тропическаго неба („Человѣкъ и Звѣрь“ въ серіи „Картинъ Индіи“ Верещагина),—развѣ это не торжествующій аккордъ слѣпыхъ силъ, живущихъ тою стихійною жизнью дебрей, въ таинственный міръ которыхъ съ такимъ проникновеніемъ заглянулъ Киплингъ (The Book of the Jungle)? И развѣ эта сцена безсилія разумнаго существа и передъ хищнымъ звѣремъ, и передъ буйною растительною мощью не тотъ же трагическій кличъ о помощи другого, земледѣльческаго же, мирнаго народа, въ оковахъ кормящаго своихъ поработителей-торгашей?..

Искусство, способное подняться на такую высоту, не въ правѣ на ней останавливаться. Не оправдывать рабство человѣка передъ природою и не отвлекать отъ долга сверженія этихъ оковъ должно оно, а окрылять къ борьбѣ и побѣдѣ своимъ священнымъ вдохновеніемъ. Когда же, вмѣсто того, оно ласкаетъ и голубитъ врага, облекая его чарами своей красоты, оно, хотя бы и неумышленно, предаетъ красоту, по назначенію своему безсмертную, въ объятія тлѣнія и смерти („Esser diviso non puo il bel dall'eterno. Michel Agnolo. Sonetto 6).

Мы здѣсь касаемся одной изъ главныхъ причинъ увлеченія ошибочнымъ отношеніемъ къ природѣ, одного изъ величайшихъ соблазновъ воображенія, тѣмъ труднѣе разоблачимаго, чѣмъ благороднѣе онъ для чисто-эстетическихъ, независимыхъ отъ нравственности цѣлей. Романтическое отношеніе къ природѣ, какъ и метафизическая натурфилософія, проникая въ жизнь природы не черезъ безстрастныя очи телескопа, спектроскопа и микроскопа, а черезъ причудливыя преломленія лучей воображенія, творитъ изъ природы подобія человѣческихъ идей, страстей и желаній; то путемъ аналогіи, то путемъ даже противоположности силится раскрыть въ ней либо созвучіе, либо диссонансъ съ міромъ души человѣческой, и въ обоихъ случаяхъ взываетъ къ примиренію съ дѣйствительностью, непримиримою съ нами, если вагля-

нуть на нее въ ея реальной наготѣ, но кажущеюся иною подъ мановеніемъ чаровницы, поэтической грёзы. Гуманистическая этика и пантеистическая философія направляютъ полетъ фантазіи въ сторону идеализація природы и придаютъ ей обаяніе того монизма, того единства, гдѣ усталая, настрадавшаяся внутреннимъ и внѣшнимъ разладомъ душа современнаго человѣка чаетъ найти свое успокоеніе.

Какой просторъ здѣсь чувствамъ и мечтамъ и разнообразію настроеній, отъ изящно-вдумчиваго лиризма Тютчева до окрыленной философскою думою объективности Гёте, отъ нервной, въ причудливыхъ оттѣнкахъ переливающейся вибраціи пѣсенъ Шелли до величаво-медленной, титанической поступи гимновъ Вагнера! или отъ первыхъ вѣяній романтическаго ландшафта у Ліонардо да Винчи до втягивающихъ своею вѣщею, затаенною вдумчивостью грёзъ Бёклина!.. Здѣсь, въ зачарованномъ лѣсу художественныхъ видѣній, а не въ холодныхъ, голыхъ стѣнахъ философскихъ аудиторій и лабораторій точнаго знанія ищите главную колыбель сочувственно-оптимистическаго или покорно-пессимистическаго отношенія большинства современныхъ людей къ природѣ; здѣсь—наиболѣе заманчивый и потому наиболѣе сильный родникъ оправданія, узаконенія и обоготворенія стихійныхъ силъ, воплощеній Великаго Пана. Именно въ послѣдній вѣкъ воспитаніе общественнаго настроенія сдѣлало въ этомъ смыслѣ огромные успѣхи. Сравните благодушныя и бездушныя описанія природы въ Томсоновскихъ „Временахъ года" и въ акварельно-апемичныхъ произведеніяхъ „Озерной школы" сначала—съ сентиментальною мечтательностью Ламартина, потомъ—съ гимнами и хорами геніевъ стихій въ Байроновомъ „Манфредѣ" и съ поразительною въ своей классической сжатости картиною вызыванія духовъ и съ „Лѣсною сценою" въ Гётевомъ „Фаустѣ" и наконецъ—съ „Аласторомъ", съ „Облакомъ", съ „Жаворонкомъ" и съ „Одою къ „Западному вѣтру" Шелли!.. Постепенно въ новѣйшей поэзіи любовь къ природѣ заняла настолько преобладающее мѣсто, что „стало уже невозможнымъ выражать состояніе души иначе, какъ терминами, заимствованными у міра матеріальнаго и (съ другой стороны) описывать пейзажъ, не придавая ему образовъ бытія и ощущенія, взятыхъ изъ міра нравственнаго („Vigié Lecocq. La Poésie contemporaine". P. 1897, 48).

А въ другой области, въ живописи? Здѣсь интересъ къ природѣ еще рельефнѣе выступаетъ впередъ. Ландшафтъ, сначала совсѣмъ отсутствовавшій, затѣмъ ограничивавшійся краткими, сухими намеками на дѣйствительность, а въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ возвышавшійся лишь до уровня чего-то добавочнаго, обстановочнаго, теперь царитъ въ нашемъ новомъ художественномъ творчествѣ, становится путеводнымъ двигателемъ во главѣ развитія современнаго искусства, подчиняя себѣ человѣческую фигуру, низводя ее до значенія только части въ цѣломъ, въ природѣ (Neumann, Der Kampf um die neue Kunst. 2 Aufl. Berlin 1897, 104 и сл.). И такъ тѣсно, такъ подчиненно связанъ здѣсь человѣкъ съ опредѣленнымъ складомъ и настроеніемъ природы, что внѣ этого сочетанія данное художественное воспроизведеніе его становится какъ

бы немыслимымъ, напр., у Бёклина (Niemann, R. Wagner und A. Böcklin über das Wesen von Landschaft und Musik. Leipzig. 1904, 18, 38). Сообразно съ этимъ, какая перемѣна и въ содержаніи и въ настроеніи ландшафта! Античный покой Клодъ-Лореновыхъ „Римскихъ Пейзажей“, приторно-эффектная романтика ландшафтовъ Калàма и потомъ—сельски-скромная, часто сиротливо-неприглядная, но къ душѣ льнущая простота, лишь вдумчивому взору въ своей цѣломудренной прелести понятной сѣверной природы въ правдивой передачѣ Русскихъ пейзажистовъ, и наконецъ—апоѳеоза стихійныхъ силъ у Бёклина въ ихъ многоразличныхъ, причудливыхъ проявленіяхъ: то въ мрачной грозности прибережной бури (Ruine am Meer, Meeresbrandung), то въ „игрѣ волнъ“ въ вольномъ раздольѣ, синяго моря (Nereide, Im Spiel der Wellen, Triton und Najade), то въ идиллическомъ покоѣ свѣтлой рощи (Фавнъ и Пастушка; Спящая Нимфа и Сатиры), то въ вѣщей таинственности темнаго бора (Stille im Walde), гдѣ все, отъ неподвижной тонкой былинки, отъ мухомора, пріютившагося у мшистаго подножія вѣковыхъ сосенъ и елей, до бѣлки, застывшей въ любопытствѣ въ своемъ бѣгѣ по стволамъ лѣсныхъ великановъ, до тревожно-косящаго взгляда однорогаго чудища, осторожно несущаго на лохматой спинѣ спокойную дріаду,—все полно сосредоточеннаго, благоговѣйнаго созерцанія того священнодѣйствія тишины, въ которомъ, почти незримо и неслышно, струятся волны жизни вѣчной космической силы!..

Таже эволюція и въ музыкѣ! Первоначальныя попытки музыкальнаго ландшафта въ Итальянскихъ пасторальныхъ операхъ воспроизводятъ не дѣйствительность, а напоминаютъ принаряженную, подстриженную и приглаженную природу парковъ Версаля и Тріанона и картинъ Ватто. У Генделя уже первый крупный шагъ въ сторону энергіи и правдивости. Но если энергія здѣсь подъ-часъ геніальна въ своей конденсированной сжатости и быстротѣ характеристики (Море въ „Израилѣ въ Египтѣ“; тьма („Люди, во тьмѣ сидящіе“ въ „Мессіи“), съ которыми сумѣлъ сравниться развѣ одинъ Римскій-Корсаковъ (антрактъ къ „Салтану“ (Море); зима и весна въ „Кащеѣ“; вступленіе къ „Садко“ (оперѣ),—за то стремленіе къ реализму вырождается иногда въ комически-наивное и почти карикатурное (нашествіе лягушекъ въ „Израилѣ въ Египтѣ“). У Глюка краткія, но полныя драматизма черты, характеризующія природу, вполнѣ согласованы съ его общимъ антично-сдержаннымъ изображеніемъ чувствъ и страстей, отзвучіемъ которыхъ онѣ только и являются. Даже въ широко распланированной „Пасторальной Симфоніи“ Бетховена природа все еще классически спокойный, идиллически улыбающійся пейзажъ, обрамливающій сцену „веселаго времяпрепровожденія поселянъ“ и ихъ „благодарственныя къ Богу ощущенія“ послѣ мимолетной бури. Напрасно стали бы мы искать выраженій величавой стихійности и въ гладкихъ, какъ акварель, увертюрахъ Мендельсона, въ „Фингаловой Пещерѣ“, въ „Гебридахъ“, въ „Штилѣ и благополучномъ плаваніи“ и даже въ совершенно неподражаемомъ съ музыкальной стороны „Снѣ въ лѣтнюю ночь“. Несомнѣнно романтическое настроеніе относительно природы разлито уже въ Веберовомъ

„Фрейшютцѣ“ (Увертюра; сцена въ Волчьей Долинѣ); по юношеской энергіи и свѣжей непосредственности этихъ, музыкально не старѣющихъ впечатлѣній, совершенно не соотвѣтствуетъ бѣдность банальнаго, искусственно-сказочнаго сюжета оперы. Настоящая идейная романтика природы появляется въ музыкѣ съ Шуманомъ: навѣянная стихами Новалиса, она рѣетъ въ божественной взволнованности первой части C-dur-ной Фантазіи и примиряющимъ гимномъ звучитъ въ ея величавомъ финалѣ; уясненная Байрономъ, она уже воплощается въ колоритныхъ образахъ въ антрактахъ, речитативахъ и хорахъ къ „Манфреду“ (Пѣсни четырехъ духовъ; явленіе Альпійской феи; интермеццо въ горахъ; хоръ слугъ Аримана; прощанье съ солнцемъ...) Но уже и раньше Шумана нѣжной лирической душѣ Шопена удалось подняться въ исключительномъ для своей поры совершенствѣ, до музыкальной характеристики столкновенія хрупкой человѣческой жизни съ безжалостнымъ ходомъ стихійной всеразрушающей силы. Надо ли пояснять, что я разумѣю приводящій многихъ въ недоумѣніе своей стремительною безформенностью финалъ B-moll-ной сонаты, смѣняющій торжественную печаль похороннаго шествія? Если-бы даже самъ Шопенъ не разъяснилъ намъ смысла этихъ геніальныхъ страницъ словами: „такъ вѣтеръ шумитъ на опустѣвшемъ кладбищѣ“, неподражаемая интерпретація Антона Рубинштейна (въ „Историческихъ Концертахъ“) дала-бы не только понять, но и пережить весь ужасъ этого равнодушнаго вихря космической силы, уносящаго въ бездну небытія все благородное, величавое, намъ дорогое, нами любимое... Въ тотъ Свѣтлый Праздникъ искусства музыкальныхъ тоновъ, когда оно пойметъ свое высочайшее призваніе звучать трубой побѣдной на пути завоеванія безсмертія человѣчеству, оно вернется къ этому трагическому контрасту безпомощныхъ рыданій сердца надъ гибнущею жизнью и безучастія природы къ сошедшимъ въ могилу и къ остающимся у края ея, и въ самомъ ужасѣ этой противоположности почерпнетъ вдохновеніе для Пасхальнаго призыва отъ смерти къ жизни, отъ похоронъ къ воскресенію...

Но пока, вмѣстѣ съ другими искусствами, вмѣстѣ съ пантеистической философіей, музыка явно тяготѣетъ въ иную сторону, къ идеализаціи стихійно-живущей природы. (Напомнимъ величавую рѣчь моря и неба въ поэмѣ Голенищева-Кутузова „На берегу“). Какое разнообразіе, какія чары вложили новѣйшіе композиторы именно въ эту область своего творчества! Какъ вдумчиво-нѣжно передано обаяніе росистаго степного утра въ „Разсвѣтѣ“ Чайковскаго, лунной ночи въ извѣстномъ романсѣ Давыдова, лѣсного затишья въ лѣтній полдень въ Симфоніи Калинникова? Сколько манящаго въ „Веснѣ“ Грига, ликующаго въ „Веснѣ“ Глазунова! Какой вакхическій разгулъ морской стихіи въ „Пляскѣ Водяного Царя“ въ „Садко“ (Симфоніи) или въ „Гибели Корабля“ въ „Шехеразадѣ“ Римскаго-Корсакова!.. Съ каждымъ днемъ музыка все тѣснѣе сближается съ областью ландшафта, такъ что находятъ возможнымъ говорить уже объ ихъ тожествѣ (Niemann, 34), разумѣется, тожествѣ не звукоподражательномъ, а психическомъ, о тожествѣ настроенія (38). За-

вершеніемъ этого сочувственнаго отношенія къ природѣ являются опыты музыкальнаго возвеличенія именно ея стихійности, ея неукротимой роковой властности надъ всѣмъ и всѣми. Точь-въ-точь какъ Шелли во вступленіи къ „Аластору“ бесѣдуетъ „съ возлюбленными собратьями, землею, водою и воздухомъ“, чтобы „подслушать у природы ея тайны и разгадать что̀ мы, что̀ мы такое“, такъ и нашъ Русскій композиторъ заставляетъ героя Новгородскихъ былинъ внимать шопоту ольхъ и тростниковъ на берегахъ Волхова (2-й антрактъ „Садко), а Вагнеръ, героя Германскаго эпоса таинственному говору темнаго лѣса (Waldesweben въ „Зигфридѣ“). И если первый неподражаемою колоритностью инструментовки вызываетъ изъ сѣдого тумана Славянской натуралистической миѳологіи человѣкоподобныя воплощенія временно-манящихъ и ласкающихъ животворныхъ силъ природы (въ „Снѣгурочкѣ“, въ „Младѣ“, въ „Кащеѣ“), то пѣвецъ Нибелунговъ съ никѣмъ не превзойденнымъ драматизмомъ создаетъ звуковыя воплощенія торжествующихъ разрушительныхъ силъ природы: изумительное по непрестанному росту развитія „Заклинаніе огня“ и совсѣмъ неподражаемый по неумолимо-лютой энергіи своихъ жесткихъ, рѣжущихъ и ревущихъ созвучій „Полётъ Валкирій“. Безотрадно-мрачная Скандинаво-тевтонская миѳологія, узаконяющая власть стихійныхъ силъ на гибель не однихъ людей, но и самихъ боговъ („Götterdämmerung“), миѳологія, отталкивавшая душу современнаго человѣка своею безсмысленностью и безнравственностью, обрѣла въ чарахъ Байрейтскаго генія средство подчинить себѣ художественные вкусы не только охотливыхъ до непонятнаго Нѣмцевъ, но и поклонниковъ жизнерадостной ясности—Французовъ. Вагнеръ явился вдохновеннымъ пѣвцомъ власти надъ человѣкомъ природы, обозрѣваемой съ точки зрѣнія пессимистической Шопенгауэровской философіи. „Безсознательная и слѣпая природа совершаетъ вѣчную эволюцію, побуждаемая стимуломъ нужды, основы всякаго бытія, всякаго дѣйствія. Человѣкъ не составляетъ исключенія во вселенной... Онъ ничуть не выше окружающей его природы... какъ и она, онъ не имѣетъ никакой отдѣльной миссіи; какъ и она, онъ подчиняется только закону нужды, необходимости, не имѣетъ какъ и она, никакой иной цѣли, кромѣ только себя... Правда, въ немъ безсознательная эволюція космоса дѣлается сознательною: человѣкъ сознаетъ себя, а слѣдовательно и природу; но это и все, что̀ онъ можетъ знать“; его знаніе не переходитъ въ активное воздѣйствіе на природу: „онъ можетъ быть лишь болѣе или менѣе полнымъ отраженіемъ природы; наивысшее стремленіе его мысли кончается сознаніемъ той имманентной и вѣчной необходимости, которая управляетъ вселенной и которой подчиняется онъ самъ, какъ и все существующее; его знаніе, достигнувъ своего кульминаціоннаго пункта, склоняется передъ верховною властью безсознательнаго“. (Лихтенбергеръ. Р. Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. М. 1905, 129—130). „Всѣ твари осуждены на страданіе и страдаютъ тѣмъ больше, чѣмъ онѣ выше поднимаются по лѣстницѣ существъ... Желать, то-есть жить, значитъ—страдать; поэтому нѣтъ другого пути спасенія для человѣка, какъ проникнуться сознаніемъ всеобщаго страданія и заглушить въ себѣ волю къ жизни“ (Тамъ же, 264). Если въ

послѣднемъ періодѣ своего развитія, Вагнеръ отъ этихъ пессимистическихъ выводовъ сдѣлалъ рѣшительный поворотъ въ сторону ученія о возможности искупленія и возрожденія для „падшаго“ человѣчества, включая въ этотъ процессъ не только нравственное, но и физическое совершенствованіе, то при слабомъ обоснованіи имъ послѣдняго (разумѣемъ его преувеличенныя надежды на перерожденіе свойствъ человѣка вегетаріанизмомъ и возстановленіемъ чистоты расъ (Лихтенбергеръ, 267 и сл.) и при его недовѣріи къ силѣ знанія („ученый совершенно безсиленъ въ томъ, чтобы освободить человѣчество отъ его бѣдствій“. 283 по **R. Wagner's Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig.** 1887—88. X. 86), возрожденіе человѣчества, допускаемое имъ, сводится почти всецѣло на нравственно-религіозный прогрессъ, то-есть на совершенствованіе человѣка, а не природы: „Міръ, взятый въ цѣломъ, въ своей послѣдней сущности, не мѣняется ни въ хорошую, ни въ дурную сторону“ (264), и „нельзя положить конца тѣмъ реальнымъ страданіямъ, которыя порабощаютъ человѣчество“ (281); міръ дуренъ, плохъ, и останется самъ по себѣ таковымъ, а исходъ изъ этого зла дается только религіей въ самоотрѣшеніи, въ освобожденіи себя отъ узъ, приковывающихъ насъ къ этому міру (286 по X, 212). Такимъ образомъ конечный выводъ философскихъ убѣжденій великаго западнаго реформатора музыки остается по отношенію къ природѣ проповѣдью смиренія передъ нею, а не борьбы съ нею, не побѣды надъ нею.

Наоборотъ, не простою случайностью, а, вѣрнѣе, предчувствіемъ, быть можетъ, руководящей роли Славянской лирической души въ *активной музыкѣ будущаго* (въ отличіе отъ узаконяющей апатію и гибель Тевтонской „**Zukunftsmusik**“) надо считать то, что, въ отвѣтъ на торжествующій, побѣдный хоръ слѣпой, безчувственной стихійности, Славянская, Русская душа отзывается не подчиненіемъ, а протестомъ, хотя и безсильнаго еще страданья, но все же —протестомъ! Если Чайковскій, подобно Тютчеву, сумѣлъ, какъ никто, передать ту, полную унылой прелести, осеннюю красоту Русскихъ равнинъ и лѣсныхъ далей („Октябрь“ и „Тройка“ во „Временахъ года“), гдѣ „на всемъ“ лежитъ „та кроткая улыбка увяданья, что въ существѣ разумномъ мы зовемъ возвышенной стыдливостью страданья“: то въ своей монументальной „Патетической Симфоніи“ онъ также, глубже кого либо, воплотилъ и трагическую неотвязность сознанія надвигающагося ужаса смерти, близость которой онъ самъ, какъ Тургеневъ, какъ Аміэль, какъ столькіе другіе, почти непрерывно ощущалъ и отъ которой искалъ краткаго успокоенія только въ гипнозѣ своего любимаго искусства. Тотъ, кто признавалъ „хорошимъ лишь въ поэзіи, но не въ жизни“ мысль, будто смерть, „по внушенію наставницы божественной“, есть „сладкій отдыхъ, упоительный, лучшій даръ природы всеблагой“ (Романсъ Чайковскаго на слова Мережковскаго „Если розы тихо осыпаются“), тому естественно было не только бояться ее „до ужаса“, но и спрашивать: *„Неужели она уже такъ неизбѣжна?“* (Изъ воспоминаній г. Ишхова о Чайковскомъ. „Курьеръ“ № 248, 1903 г.) Вотъ почему и его

собственное предсмертное и высшее твореніе, 6-я Симфонія („Патетическая“), включившая въ себя и похоронную пѣснь православную, звучитъ, несмотря на всю глубину разлитой въ ней печали, не напускнымъ „покоемъ упоительнымъ“, а страстною жаждою жизни непреходящей, жизни безсмертной.

Западное искусство, наоборотъ, какъ мы уже указали, и въ особенности Нѣмецкое, потому ли, что „отдаваться притягательной силѣ мысли о смерти съ какимъ-то нѣжнымъ благоговѣніемъ и ужасъ наводящимъ довольствомъ (!!) составляетъ одну изъ его характерическихъ особенностей“ (Schmid. Max Klinger. 2 Aufl. Bielefett u. Leipzig 1901, 89), или же вѣрнѣе, вслѣдствіе усиленнаго вліянія пессимистической философіи, силится во-что-бы то ни стало „оправдать“ власть смерти. Высшимъ выраженіемъ этого направленія можно считать настолько же продуманный и мастерски выполненный, насколько безотрадный въ нравственномъ отношеніи двойной циклъ гравюръ Макса Клингера „О смерти“ (Vom Tode. I und II, еще не оконченный, Berlin. Amsler und Ruthardt). Введеніемъ ко 2-й части, дающимъ однако тонъ всему ряду оригинально выбранныхъ сценъ торжества смерти служитъ символическое изображеніе Рока: огромная атлетическая мужская фигура, обнаженная, застывшая въ безстрастномъ покоѣ среди холодныхъ Альпійскихъ высотъ, съ безучастною ко всему думою на хмуромъ, лысомъ челѣ, со взоромъ устремленнымъ неподвижно впередъ, въ океанъ Вѣчности, съ распростертыми руками, спокойно подавляющими, какъ бурныя, такъ и апатичныя силы природы (вулканъ и горный ледникъ) и попирающая стопами городà и веси, храмы, дворцы и хижины, арену житейской суеты людей, представитель которыхъ, и при томъ одинъ изъ лучшихъ („Integer vitae, scelerisque purus“—надпись подъ этою гравюрою) спѣшитъ безсознательно и нетерпѣливо къ краю бездны небытія, въ которую уже низринуты одинъ за другимъ боги человѣчества... Неудивительно, что предшествующія и послѣдующія сцены, изображающія всѣхъ и всюду сторожащую и настигающую смерть, проникнуты настроеніемъ ея абсолютной неизбѣжности; неудивительно, что являющаяся людямъ бродящимъ „въ пустынѣ жизни“ надъ могилами уже разлагающихся труповъ (ракъ, сосущій сердце мертвеца!), смерть облекается въ образъ „Спасителя - Избавителя“ съ пальмовою вѣтвью мира, согласно, съ надписью на цоколѣ этой удивительной, въ видѣ античнаго саркофага задуманной композиціи: „Мы бѣжимъ отъ формы смерти, а не отъ самой смерти, ибо цѣль нашихъ высшихъ желаній—смерть (Der Tod als Heiland. Vom Tode. I, Blatt 10). Тщетны, напрасны усилія власти (Von Tode. II, Bl. 2), философской думы, ученой мысли (II, 3), художественнаго вдохновенія (II, 4); физическаго труда (II, 5), идеалистической вѣры въ побѣду жизни („Und doch!“ II, 8), нравственнаго самоотреченія („Искушеніе“. II, 10) и наконецъ усилій самой слѣпой природы удержать жизнь смѣною поколѣній (младенецъ на груди у лежащей въ гробу молодой матери-родильницы: Mutter und Kind. II, 9)! „Терпѣть, сносить свой входъ въ міръ и исходъ изъ него, быть зрѣлымъ“, готовымъ къ тому и другому (подпись подъ первоначальнымъ

наброскомъ къ листу „Смерть—Спаситель")—вотъ мудрость! Время и пространство уносятъ все, развѣваютъ прахомъ всѣхъ и все, даже и славу, даже память о минувшихъ... Въ аллегорическомъ воплощеніи этой безпощадной все уничтожающей власти времени (Zeit und Raum. II, 11) художникъ по мнѣнію его критика, достигъ наивысшаго выраженія неумолимой энергіи въ человѣческомъ образѣ" (Schmid, Klinger, 104). Какъ безотрадно однако, что такое высшее воплощеніе энергіи направляетъ свою мощь и неумолимость именно на человѣка! Вдвойнѣ безотрадно видѣть узаконеніе этого безсилія человѣка, какъ разъ у того художника, который въ изображеніи человѣка усматриваетъ высшую задачу всего искусства (M. Klinger. Malerei und Zeichnung. 1 Aufl. 40 f.). Неужели человѣческій образъ нуженъ искусству въ совершеннѣйшемъ олицетвореніи силы лишь для художественной характеристики неумолимой энергіи природы и противоположной ей апатіи самого человѣка?.. Необходимость для творческой мечты прибѣгнуть все же къ человѣческому подобію для возвеличенія бездушной природы не должна ли была навести талантъ будто бы „воплотившій въ своей демонической душѣ переплетающіеся процессы броженія всѣхъ надеждъ и всѣхъ стремленій нашего времени" (Bornstein, 39) на мысль, что именно человѣку-то и подобаетъ направить стихійную энергію сообразно съ волею и разумомъ его самого? А между тѣмъ, художникъ-мыслитель не только этого не дѣлаетъ, но заканчиваетъ свою „Трагедію Рока" гимномъ „Къ Красотѣ" (Vom Tode. II, 12), къ красотѣ той самой природы, которая, среди моря смерти бездушнаго и одушевленнаго, разумнаго и слѣпого, волевого и безвольнаго, есть единственное, что̀ остается безсмертнымъ. Бренны сыны земли; мимолетна ихъ жизнь... Но вокругъ „ничто не мѣняется" (Вагнеръ l. c.): подъ согненными, скорченными старостью деревьями зеленѣетъ свѣжая трава, благоухаютъ фіалки, вѣстницы весны; впереди—широкое, раздольное, ясное море нѣжится въ ласкахъ полудня, и глубокое синее небо величаво-спокойно смотритъ на непрестанную смѣну смерти рожденіемъ... Формы мѣняются, личное бытіе минуетъ, красота обновляющагося цѣлаго остается... Да здравствуетъ красота!.. („La beauté seule survit, immuable, éternelle"... (Le conte de Lisle. Hypathia). Передъ нею, воплощенною въ круговоротѣ природы, сбросивъ съ себя всѣ покровы въ знакъ полнаго возвращенія къ материнскому лону, и преклоняется въ благоговѣйномъ смиреніи человѣкъ, готовый забыть и свою краткодневность, и гибель всего человѣчества среди неумирающаго величія, мірового Цѣлаго. (Schmid. 104—5, Mutter. Geschichte der Malerei im XIX Jahrhundert. München. III, 657. Meyer. M. Klinger's Todesphantasice въ Deutschland (Wochenschrift). 1889, и Meissner. M. Klinger, въ Die Kunst unserer Zeit. 6 Jahrg. 1 Lief.).

И здѣсь, слѣдовательно, разрѣшающій заключительный аккордъ — все тоже обольщеніе красоты, застилающее ужасъ дѣйствительности! Но чѣмъ обаятельнѣе предательская грёза, тѣмъ необходимѣе, тѣмъ настоятельнѣе разоблаченіе сладостной отравы воображаемой красоты, обнаруженіе ея реаль-

наго безобразія. И ужели это такъ трудно? Сила чаръ эстетическаго гипноза не въ нихъ самихъ, а въ сокровенныхъ побужденіяхъ къ отдачѣ души во власть ихъ. Иначе обманъ былъ бы могущественнѣе истины. Сильна не красота преображеннаго мечтою тлѣнія и скрытой гибели; непреодолимъ ужасъ смерти, сознаніе бренности, мимолетности себя самого и всего дорогого, любимаго! Вотъ что гонитъ трепещущую отъ страха или стынущую отъ тоски разлуки душу въ объятія дурмана во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, отъ грубаго опьяненія и сладострастія до утонченнаго гипноза эстетической мечты. И наша жизнь сама, и наше новое искусство полны свидѣтельствъ о неотвязности страха смерти въ душѣ современнаго человѣка, не смотря на всѣ иллюзіи, бравады и фанфаронады и о побѣдѣ надъ нимъ (Ср. Токарскій. О страхѣ смерти въ Вопросахъ философіи и о психологіи) Ноябрь—Декабрь 1897 кн. 40. Меньшиковъ. О страхѣ смерти въ книжкахъ „Недѣли". Апрѣль 1900; лекція Викторова на туже тему и разсужденія Мечникова въ „Опытахъ о природѣ человѣка"). Множество отдѣльныхъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній („Умираніе" (Sterben) Шницлера, „Смерть" Домбровскаго, „Торжество смерти" Габр. д'Аннунціо, все творчество Ибсена и Метерлинка обвѣяны дыханіемъ смерти, внушены страхомъ передъ нею. Куда уйти отъ нея, „непрошенной, назойливой, втѣсняющейся въ ходъ жизни" (L'Intruse Метерлинка), отъ безжалостной „безсмысленной и грубой" (... la bête, la brute." Verlaine)? Какъ и чѣмъ утѣшиться, ибо безъ утѣшенія жизнь невозможна?.. „Въ чемъ дѣло, въ чемъ главное дѣло?" спрашивалъ великій суесловъ XVIII вѣка Вольтеръ, изрекавшій порою и слова жизни; „да въ томъ, чтобы *утѣшить* наше жалкое существованіе!.. Вотъ почему, если бы не было Бога, его должно было бы выдумать!" И въ тѣхъ душахъ, гдѣ обиталъ не выдуманный, а вѣчно-сущій Богъ-Жизнодавецъ, тамъ, въ надеждѣ на даруемое Имъ безсмертіе, теряло свое жало и смерть (La mort, ceinte de feux, de prières, de cièrges, la mort qui fait la vie, la mort qui fait les saints! Verhaeren). Но отъ этого безсмертія отворачивается наша философія, наше искусство; для нихъ сами боги преходящи, смертны: Шенаваръ въ композиціи изумительной по красотѣ рисунка и пластичности группировки изображаетъ „Божественную Трагедію" ихъ гибели (Chenavard. Divina Tragedia въ Люксембургскомъ Музеѣ. Ср. P. Chénavard et son oeuvre par Armbruster et Peyrouton. Lyon 1887 и книгу о немъ Теофиля Готье, въ которой критикъ превзошелъ самого художника въ увлекательномъ истолкованіи величаваго сюжета); Р. Вагнеръ поетъ похоронный гимнъ „Сумеркамъ боговъ"... Но гдѣ же, на смѣну меркнущихъ старыхъ идеаловъ, найти новый родникъ утѣшенія? Въ поискахъ его истомилась душа человѣка. Наука не даетъ его: наука, смотрящая на міръ какъ фактъ, не вносящая въ безотрадную дѣйствительность проекта лучшаго міра, можетъ только констатировать царство и власть смерти. Но этотъ мертвящій выводъ знанія не въ состояніи дать успокоенія сердцу, жаждущему жизни. Отсюда-то, на первый взглядъ странное настроеніе вѣка точнаго знанія, которое выражается въ толкахъ о „банкротствѣ науки" (полемика по поводу рѣчи Брюнетьера „Наука и Религія").

И вотъ, послѣ этого разочарованія, взоры души обращаются къ единственному остающемуся утѣшенію, въ области искусства. („Tout passe! l'art robuste a seul l'éternité" Th. Gautier): забыться въ гипнозѣ красоты, задушить въ ея объятіяхъ гложущую змѣю сомнѣнія, вотъ оно, послѣднее утѣшеніе безвольныхъ, разслабленныхъ поколѣній! Пусть и это иллюзія! но это „иллюзія плодотворная, священная, мать великихъ надеждъ и безконечныхъ усилій... Перестать обманывать себя значило бы перестать жить!" (Guyau. Vers d'un philosophe. Illusion féconde). И изъ всѣхъ грёзъ красоты наиболѣе манящею для больной души является поэзія природы; „она стала поэзіей самой жизни, сложной и глубокой; взоръ поэта и художника прозрѣваетъ единство жизни надъ разнообразіемъ струящихся формъ, разсѣянныхъ въ природѣ; онъ возсоздаетъ цѣлую вселенную тамъ, гдѣ предстаютъ уже не однѣ только линіи и краски, не одна игра свѣта и тѣни, но и разгадки сокровенной души вещей, отраженныхъ на таинственномъ ликѣ природы, идеи, соотношенія, соотвѣтствія далекія, но ощутимыя при помощи чаръ звуковъ и словъ" (Vigié-Lecocq. La Poësie contemporaine. 64).

Дивиться-ли тому, что сынъ земли, уставшій отъ „безсоннаго бреда исканій" тотъ, кого манитъ „дѣва-тишина, жизнь безъ жажды и безъ шума" (Брюсовъ), дивиться ли тому, что онъ поэзіей стихій, „земною красотою сладко заколдованъ", что жертва жизни кажется ему „свѣтлымъ путемъ къ безпредѣльной всемірной Радости", что ему представляется „не только нестрашнымъ отдавать свою малую отдѣльную личность неутолимому Великому но и кажется желаннымъ все мѣнять и измѣнять въ себѣ во имя цвѣтной Міровой Ткани, безъ конца отдаваться творящему Потоку Жизни"?... (Бальмонтъ. Поэзія стихій въ „Вѣсахъ" 1905. № 1, 15, 20).

Но что такое эта прихотливо-узорчатая, радужно-цвѣтная міровая ткань, манящая мечту поэта и художника своею бѣгучею, то вспыхивающею, то потухающею красотою? Будемъ имѣть мужество взглянуть на нее не издали, не бѣглымъ взоромъ и не сквозь призму воображенія, а чрезъ отрезвляющій свѣтъ лупы, микроскопа, телескопа, спектроскопа, пристально лицомъ, къ лицу! Приблизимся со скальпелемъ анатома (какъ на вдумчивой картинѣ Габріэля Макса „Анатомъ") и со всѣмъ лабораторнымъ арсеналомъ гистолога и бактеріолога къ „цвѣтной міровой ткани", и мы увидимъ, что ея красота реальна *только въ творческой*, то-есть *проективной* мечтѣ, тогда какъ въ дѣйствительности, взятой какъ цѣлое, въ ея несовершенствѣ, нѣтъ красоты, да и быть не можетъ, потому что красота болѣзней, уродства, умиранія, разложенія и тлѣнія немыслима, недопустима! Пусть *временно*, для отрезвленія отъ чаръ красоты *призрачной*, воображаемой, но въ стремленіи къ осуществленію будущей красоты *истинной*, красоты *не тлѣнія, а безсмертія*, эстетическая иллюзія смѣнится холоднымъ анализомъ точнаго знанія. Да не смущаютъ насъ глумленія новѣйшихъ эстетовъ (вышедшихъ, по ихъ собственнымъ признаніямъ, „совершенно изъ области такъ называемаго нормальнаго мышленія, изъ области жизни въ дѣйствительности") надъ „глупымъ нормальнымъ мозгомъ, неповоротливымъ, трусливымъ, неотесаннымъ, тупымъ, буржуазнымъ, плебей-

скимъ", который хочетъ познать, разъяснить и понять „банальный внѣшній міръ" (Пшибышевскій, Pro domo mea, 1—3)! Чтò ни говорили бы отчаявшіеся въ наукѣ и знаніи новые пророки величавыхъ „дерзкихъ, отважныхъ, титаническихъ стремленій, разрущающихъ въ своей необузданной гордости всѣ нормы и законы" (Пшибышевскій. Ultima Thule. Соч. II, 325), сзади нихъ, этихъ новыхъ исполиновъ самомнѣнія, высится фигура мелкаго бѣса стараго зла, Мефистофеля, злорадно восклицающаго: „Лишь отрекись отъ разума и знанья, отъ высшей силы смертнаго созданья, тогда, навѣрное, ты безусловно мой!.." Въ призывѣ къ отрезвленію отъ чаръ красоты, ведущихъ къ гибели, нѣтъ кощунства передъ святыней красоты!

Наука безжалостна и безпощадна не къ ней, не умирающей въ стремленіяхъ духа человѣческаго, не къ красотѣ несомнѣнной, живущей въ насъ проективно и уже воплощающейся въ творчествѣ; наука неумолима лишь къ тому обману красоты, чтò готовъ приносить нескончаемыя жертвы жизни „неутомимому" безсознательному Цѣлому, природѣ, закрывая очи на боли страданій, на ужасъ утраты, на гибель всего въ безобразіи тлѣнія, въ развратѣ гніенія" (Пшибышевскій, 324). Путь, усѣянный такими жертвами, наука не смѣетъ назвать „свѣтлымъ путемъ къ безпредѣльной всемірной радости". И если бы даже на собственномъ пути науки не свѣтила надежда будущей зари, торжества всесильнаго знанія, способнаго превратить творческую мечту объ истинной нетлѣнной красотѣ въ дѣйствительность, даже и тогда наука была-бы обязана не обольщать насъ коварными призраками, а разоблачать и обличать безобразіе тлѣнія, позоръ смерти. Чары обманной красоты распадаются только предъ безстрашными очами точнаго знанія. „Для нихъ блистательное солнце—не Богъ, несущій жизнь и мечъ, а просто „желтый шаръ центральный, планетъ сферическая печь" (Бальмонтъ, Поэзія стихій. 5); падающія звѣзды—космическая пыль разрушенныхъ міровъ, стремящихся въ бездну „пожирающаго пространства" (Guyau, Étoiles filantes). Въ томъ небѣ, гдѣ вдохновенному взору мечтателя являлись сонмы свѣтлыхъ боговъ, спектральный анализъ открываетъ тѣже вещества, чтò мы, жалкіе сыны Земли, попираемъ своими слабыми стопами... Гармонія небесныхъ сферъ—только трескъ исполинскихъ костровъ въ безотвѣтной пустынѣ пространства... Вселенная не знаетъ оригинальности; бѣдная и безплодная въ своей громадности, безцѣльно рождая подъ небомъ печальнымъ свѣтила, осужденныя на смерть, она только жалко повторяетъ самоё себя; и если есть въ ней стремленіе къ цѣли, оно отъ вѣка не приводило ни къ чему; и если былъ въ ней когда либо идеалъ, онъ кажется такимъ же потухшимъ, какъ и угасшія звѣзды (Guyau, L'analyse spectrale). Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти умирающіе и умершіе, эти падающіе и распадающіеся міры, развѣнчанные въ своей красотѣ, „взываютъ къ дѣлу спасенія отъ гибели, неизбѣжно грозящей и всему міру, если разумное существо не станетъ въ надлежащее отношеніе къ слѣпой силѣ, то-есть не будетъ управлять ею" („Нѣсколько предположеній по поводу Ноябрьскихъ падающихъ звѣздъ" въ газетѣ „Асхабадъ" 1899 г. № 298). „Не въ

насъ ли зиждется надежда всей вселенной? Не наша-ль мысль, прозрѣвшая иное и лучшее, должна осуществить его?.. И если это лучшее предстаетъ нашей мысли какъ возможное, трепещетъ въ нашемъ чувствѣ, какъ желанное, рѣетъ въ нашихъ творческихъ мечтахъ, словно уже существующее, какъ можемъ, какъ смѣемъ мы удовлетворяться меньшимъ, чѣмъ дѣйствительное воплощеніе нашихъ идеаловъ, нашихъ желаній?.. При меньшемъ и красота абсолютная, достойная этого названія, невозможна!

Откуда взяться красотѣ цѣлаго при безобразіи составныхъ частей, Какъ могутъ стоны и корчи ихъ, поочередно непрестанно умирающихъ, слагаться въ вакхическ-восторженные гимны всемірной радости?.. „Какъ ликовать, когда вокругъ весь міръ рыдаетъ?..“ (Michel-Angiolo). Чтобы отдаться хмелю красоты въ объятьяхъ смерти, нужно не видѣть ужаса дѣйствительности, не слышать вздоховъ и стоновъ страданія, не чувствовать волны времени, несущей и насъ въ бездну небытія, не чувствовать наконецъ и утратъ, утратъ всего и всѣхъ, что̀ были намъ и до̀роги, и милы. Манфредъ молилъ подземныхъ боговъ лишь о забвеньи, чтобы имѣть возможность жить послѣ невозвратимой утраты. Онъ вѣрно опредѣлилъ условіе! При безнадежности возврата утраченнаго для существа нравственнаго нѣтъ иного исхода изъ скорби осиротѣвшаго существованія и цѣлаго міра осиротѣвшаго, какъ забвеніе! Но можно ли признать нравственною жизнь, купленную цѣною забвенія тѣхъ, кто уже лишенъ жизни, и прежде всего тѣхъ, кому мы сами, еще живущіе, обязаны ею?.. Сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ мгновенію: „остановись, ты такъ прекрасно!“ существо нравственное могло бы только одновременно съ другимъ кличемъ: „воскресните, мертвые!“ (Карамзинъ). Вотъ почему способные въ чаду забвенья невозвращенныхъ утратъ жизни наслаждаться красотою безсознательной и невмѣняемой виновницы всѣхъ утратъ, приносятъ на ея кровавый жертвенникъ не свою лишь жизнь, на что̀ они еще кое-какъ могли бы предъявлять право, но и жизнь другихъ, на что̀ уже нѣтъ никакихъ оправданій!

Такъ, передъ безстрастнымъ лучемъ точнаго знанія и строгимъ испытующимъ окомъ нравственнаго долга распадается обаятельное марево эстетическаго воззрѣнія на природу, соблазнъ, основанный не на ея собственной реальной прелести, а на *идеальной, изъ творческаго преображенія* человѣкомъ несовершенной и равнодушной къ намъ *дѣйствительности* въ художественную и ему въ нѣкоторомъ смыслѣ сродную. „Природа никогда не свободна отъ *нашей* любви или *нашей* фантазіи... ничто не свободно отъ *нашей* окраски, *нашей* поэзіи... Отъ цвѣтка у нашихъ ногъ до отдаленнѣйшихъ звѣздъ *прекрасный* міръ не что иное, какъ единая великая поэма нашего сердца“ (Haberlandt. Die Welt als Schönheit. Gedanken zu einer biologischen Aesthetik. Wien. 1905, 111—113). Если бы природа могла отзываться на наши запросы, она ищущимъ сближенія съ нею отвѣтила бы словами Духа Земли Фаусту: „ты сходенъ съ духомъ тѣмъ, котораго *ты* постигаешь, а не со мной!“ Но, въ противоположность Фаусту, отрекшемуся отъ знанія изъ жажды чув-

ственныхъ наслажденій, существу нравственно не омертвѣвшему, нечего оскорбляться этимъ несходствомъ (Nicht dir!.. Wem denn? Ich, Ebenbild der Gottheit! Und nicht einmal dir!..“), какъ нечего и жалѣть о разрушенной этимъ иллюзіи красоты міра („O weh, o, weh! Du hast sie zerstört, die schöne Welt! Sie stürzt, sie zerfällt!“). Сознаніе, просвѣтленное точнымъ знаніемъ и нравственнымъ чувствомъ вскрываетъ подъ миражемъ красоты позорныя узы рабства, неволи разумнаго существа въ когтяхъ необходимости и насилія. И къ чести современнаго искусства должно сказать, что, хотя изрѣдка, оно начинаетъ уже прозрѣвать эту истину. Въ серіи настолько же оригинальныхъ, насколько вдумчивыхъ рисунковъ А. Шнейдера (12 Zeichnungen von Sascha Schneider. 2 Aufl. Leipzig. Weber, въ Meisterwerke der Holzschneide-Kunst. Neue Folge, Heft. 3), представивши безсиліе стремленія къ свободѣ въ символическихъ образахъ корыстолюбія („Мамонъ и его рабъ“), властолюбія свѣтскаго („Повелитель земли“) и духовнаго („Sein Schiksal“: первосвященникъ на тронѣ съ фигурою дьявола позади) и наконецъ, ничѣмъ необуздываемаго, ни передъ чѣмъ не отступающаго крайняго индивидуализма (Анархистъ, мечущій бомбу въ двухъ колоссовъ на глиняныхъ ногахъ, въ государство и церковь), послѣ этихъ порывовъ къ абсолютной независимости художникъ-мыслитель показываетъ намъ того же своевольника стоящимъ съ рабски поникшимъ челомъ, съ безпомощно опущенными, цѣпью скованными руками, приниженнаго „чувствомъ зависимости“ отъ природы, лицомъ къ лицу съ ея смертоносною, знать насъ не хотящею силою. Невозможно было создать болѣе трагичной реалистической (хотя и облеченной въ символическіе образы) противоположности къ Клингеровой идеализаціи эстетической притягательной силы природы („An die Schönheit“). Чаровница, съ которой сорванъ вносимый въ нее нами самими соблазнъ красоты, стихійная сила, безсмысленная, безстрастная и безвольная, тупая и невмѣняемая въ своемъ ненасытимомъ пожираніи жизней, предстаетъ здѣсь въ видѣ исполинскаго жабоподобнаго гада, приземистаго, жирнаго, рыхлаго, облѣзлаго, слизистаго, медленно, медленно ползущаго и неспѣша охватывающаго огромными лапами стоящую передъ нимъ скованную человѣческую жертву, смакуя ее заранѣе беззубымъ, слюнявымъ ртомъ и въ упоръ устремленнымъ на него неподвижнымъ зловѣщимъ взоромъ, чуждымъ даже гнѣва, даже сознанія своей власти, полнымъ одной лѣнивой, скотской похоти, которая губитъ безстрастно и безучастно, одинакова чуждая и ненависти, и состраданію („Das Gefühl der Abhängigkeit“). И если затѣмъ, воспроизведя передъ нами величайшую и святѣйшую изъ земныхъ скорбей, скорбь сына, неутѣшно склонившагося надъ умершимъ отцомъ („Der Gram“), художникъ, наконецъ, изображаетъ въ послѣдній разъ сына земли у подножія темной фигуры Сфинкса (загадки о смыслѣ жизни), со взоромъ восторженно устремленнымъ къ полуночному небу, полному кружащими въ немъ планетами и звѣздами,—онъ указываетъ намъ единственный выходъ изъ гнетущихъ насъ чувствъ зависимости и скорби смертной. Это выходъ къ истинной, полной свободѣ, къ той, которой не даютъ ни корысть, ни власть надъ себѣ подобными, ни разнузданность чувствъ и опья-

невіе самоволіемъ, ни даже, увы! сама крестная проповѣдь Любви передъ задыхающимися въ чаду фабричныхъ трубъ жертвами всѣхъ этихъ страстей („Едино на потребу!" и „Торжество Тьмы", Сатана у гроба Христа). Побѣда и невозможна до тѣхъ поръ, пока призывъ къ братству не перейдетъ въ дѣло исполненія сыновняго долга, въ дѣло побѣды надъ смертью („Совершившася!", паденіе Сатаны, съ костью мертвеца въ рукѣ, вмѣсто скиптра, передъ воскресающимъ Спасителемъ). Указывается въ этой глубокомысленной символикѣ и средство побѣды, подчиненіе природы человѣку полнымъ знаніемъ для разумнаго и нравственнаго руководства его и для превращенія силы смертоносной въ живоносную; указывается, наконецъ, и „путь ко всемірной радости", радости воскресенія и безсмертія, путь, „возводящій отъ земли на небо", путь черезъ звѣздное пространство къ далекимъ, невѣдомымъ мірамъ, которые должны однако стать знаемыми и близкими нашей родной землѣ, неразрывно съ ними связанной, безъ чего, то-есть безъ братства міровъ создаваемаго полнотою знанія и любви, безобразная гибель жизни въ угоду безконечнымъ новымъ, на смерть же обреченнымъ рожденіямъ, не превратится въ единую, непрерывающуюся жизнь безсмертную („Вопросъ о причинахъ")...

А между тѣмъ въ такой только жизни и можетъ найти себѣ достойное и дѣйствительное, не мечтою или гипнозомъ, а трезвымъ дѣломъ создаваемая красота. *Какъ и цѣлесообразность, красота* реальная и остающаяся, „неотдѣлимая", по слову Микель-Анджело, „отъ вѣчнаго", красота всеобщая, цѣлостная, всеобъемлющая,—*не даръ случайный*, который, въ силу случайности, былъ бы и даромъ *напраснымъ; она созданіе и торжествующій вѣнецъ труда самого Человѣчества*, вдохновленнаго любовью, просвѣтленнаго знаніемъ, могучаго силами непринужденнаго родственнаго единства.

Владимиръ Кожевниковъ.

Нѣкоторые читатели „Русскаго Архива" выражали удивленіе тому, что на его страницахъ появляются прекрасныя и при всемъ глубокомысліи ясныя статьи В. А. Кожевникова о Н. Ѳ. Ѳедоровѣ и объ его ученіи. Но если историческій сборникъ нашъ полонъ свѣдѣніями о достопамятныхъ *Русскихъ* людяхъ на всевозможныхъ поприщахъ ихъ дѣятельности, то какъ же намъ не радоваться появленію у насъ *умственной* біографіи великаго *Русскаго* мыслителя? П. Б.

О ШЕРЕМЕТЕВСКОЙ КАЛМЫЧКѢ.

Въ «Архивѣ Князя Воронцова» (кн. IV) напечатано письмо «дѣвицы», жившей въ домѣ графини Анны Карловны Воронцовой (урожденной графини Скавронской). На основаніи переписки Калмычки Анны Николаевны съ графомъ Петромъ Борисовичемъ [1]) надо полагать, что упоминаемая здѣсь Калмычки «Катинька» та самая, что̀ подписывалась «Катерина Куракина», т. е. вторая Калмычка изъ воспитанницъ графини Варвары Алексѣевны Шереметевой (дочери канцлера кн. Черкасскаго).

Черезъ этихъ Калмычекъ поддерживалась связь между двумя домами, Воронцовыхъ и Шереметевыхъ, помимо личныхъ, добрыхъ отношеній Петра Борисовича съ графомъ Мартыномъ Карловичемъ Скавронскимъ (братомъ канцлерши гр. Воронцовой). Такъ, графиня Анна Карловна въ письмѣ за-границу къ дочери своей, баронессѣ Аннѣ Михайловнѣ Строгоновой, сообщая ей, 13 Февраля 1761 г., придворныя извѣстія, говоритъ: «Анна Петровна Шереметева—фрейлиной, только дома живетъ» [2]). Слѣдовательно она назначена фрейлиной еще императрицей Елисаветою.

Различіе лѣтъ между двумя Аннами (Михайловной и Петровной) было незначительно. Судьба связала ихъ впослѣдствіи съ именемъ графа Никиты Ивановича Панина; но въ то время никто не могъ предвидѣть рокового исхода этихъ сближеній [3])...

Любопытно сообщеніе графини Анны Карловны Воронцовой отъ 21 Мая 1761 г. [4]). «Я нонче имѣю знакомство съ Азіатскими народами: у насъ обѣдала Калмыцкая княгиня Дундукъ-Амбо вдова. Я на нее воистину не нарадовалась: какая почтительная женщина, и Катюшка въ какихъ чинахъ передъ нею была!»»

Слѣдовательно Екатерина «Борисовна» (ибо несомнѣнно рѣчь о ней) предстала передъ своей Калмыцкой княгиней (Дундукъ-Амбо) не какъ чужая, а какъ лицо ей извѣстное, путемъ столь близкаго къ Калмыцкимъ дѣламъ канцлера князя А. М. Черкаскаго, который не только

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1905, II, 51.

[2]) „Архивъ Князя Воронцова“, кн. 4, стр. 460.

[3]) Н. И. Панинъ, которому не задолго передъ тѣмъ отдана была на руки надежда Россіи, правнукъ Петра Великаго, только что вышедшій изъ младенческаго возраста Павелъ, былъ друженъ съ единственною дочерью канцлера графа М. Л. Воронцова графинею Анною Михаиловной Строгоновой, которая разошлась съ своимъ супругомъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ. Позднѣе Панинъ задумалъ жениться на старшей дочери графа П. Б. Шереметева, но она скончалась, какъ говорили, смертью неестественною. П. Б.

[4]) „Архивъ Князя Воронцова“ кн. 4, стр. 46-я).

пріютилъ ее у себя, но и передалъ на воспитаніе своей единственной дочери княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ. Вотъ письмо жившей въ домѣ Воронцовыхъ дѣвицы 12 Іюня: (1761, изъ подгородной дачи въ Петербургъ)

«Скажи, матушкѣ голубушкѣ поклонись. Не прогнѣвайся, матушка: оя долго не писала затѣмъ, что и вы мнѣ долго не писали. Скажи, на пиши: *дѣдушка* ѣдетъ въ Питербургъ, два дни жить станетъ, одинъ разъ Пятницу дѣдушка ѣдетъ. Антуанина одинъ разъ у насъ была; вонъ она чень хорошо танцуетъ въ крестьянскомъ платьѣ: я не видала, люди мнѣ-сказывали. А оттудова Бакунипъ, мусю Убри пріѣхали недавно. Скажи я начала молъ писать. Ну, напиши, скажи, матушка: мы съ Антуаниной гуляли въ лѣсу, а тутъ Павелъ Петровичъ Великій Князь гулялъ, изволилъ прокатываться. Скажи, на что вы пеняли, я не писала письма? Я много писала, вы мнѣ не писали. Почта придетъ, я спроси: есть письма отъ матушки?—все нѣтъ. Напиши, скажи, мы съ дѣдушкой третьяго дни на приморскій дворъ ѣздили.

Насъ Государыня видѣла; мы думали, Государыня насъ оборотить велитъ: мы боялись. Компасе поѣхалъ съ нами. Дѣдушка и Бакунинъ вчера гулять ѣздили; привезли Чухонской приборъ и ленты. Скажи, молъ, Питербургъ въ сторонѣ, много жару было. Напиши, вчера съ Марьей Яковлевной Марья Артемьевна, дочь Артемія Волынскаго, Воронцова въ гости пріѣхали у насъ. Скажи, вчера носили два дни во дворецъ кохту графинину. Государыня изволила надѣть, сказала: хорошенько, здорово жить, знаешь? Напиши, Государыня изволила гулять, на часокъ кататься, знаешь—на двухъ скамеечкахъ, какъ называется, фрейлины ѣздятъ домой. Я стала на дворѣ стоять, Государыня мнѣ изволила сказать: лацканъ криво, знаешь лацканъ, передникъ вонъ. Напиши, я благодарила. Скажи, Ваше Величество, я благодарствую. Я, бабушка, съ ней спать буду сегодня. Скажи, напиши: я всякій день сплю: два кресла покрыты простынею, словно каравати. Помнишь, я прошлаго года на полу лежала, а я нонче на полу не лежу. Напиши: мнѣ дѣдушка платье привезетъ оттудова изъ Питербурга. Скажи: оно голубое. Скажи, вонъ видишь, вы меня браните, я мало пишу, такъ вотъ я теперь много пишу; я не хорошо пишу. Вамъ веселѣе было; скажи что хочешь—я буду дѣлать. Скажи, молъ: постой, приказала Броунша поклониться. Напиши: Александру Сергѣевичу поклониться и Фишинькѣ. Напиши Фишинькѣ, она мнѣ не пишетъ, я ей пишу. Она спѣсива нынче, ваша Фишинька. Савичу поклонъ отдаю. Число напиши, Катерина Борисьевна. Катинка».

---

[1]) „Архивъ Князя Воронцова", книга 4-я, стр. 473.

ЛЮДИ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ.

Изъ разсказовъ Вѣры Ивановны Анненковой и другихъ старожиловъ.

Дѣда своего по матери, Өедора Марковича Полторацкаго, Вѣра Ивановна называла *ужаснымъ* человѣкомъ. Она чувствовала къ нему страхъ и отвращеніе, онъ казался ей олицетвореніемъ сатаны въ человѣческомъ образѣ. Съ демоническою наглостью глумился онъ надъ всѣмъ, что дорого и свято христіанину, проявляя при этомъ ошеломляющій цинизмъ и дерзко пользуясь для своихъ разбойничьихъ цѣлей, природною ловкостью и блестящимъ умомъ на изобрѣтеніе средствъ вредить своимъ ближнимъ, начиная отъ женъ своихъ и дѣтей и кончая тѣми изъ постороннихъ, которыхъ ему казалось выгоднымъ ограбить или совсѣмъ стереть съ лица земли, всѣми способами, не останавливаясь передъ насиліемъ, съ поджогами и ядомъ включительно.

Карьеру свою цивилизованнаго интеллигентнаго разбойника, Ө. М. Полторацкій началъ очень рано. За какія именно дѣянія былъ онъ проклятъ матерью, неизвѣстно; но проклятіе это нисколько не мѣшало ему благоденствовать и съ помощью поистинѣ неестественной энергіи и смекалки наживать на рубль сотню другихъ, примѣняя къ дѣламъ познанія пріобрѣтенныя и на родинѣ, и за границей, гдѣ онъ чувствовалъ себя какъ дома, въ средѣ такого рода пособниковъ и друзей, съ которыми никогда еще Русскимъ дворянамъ за границей не приходилось сближаться.

Житейское свое поприще началъ онъ, подобно другимъ, службою въ блестящемъ гвардейскомъ полку, но вскорѣ, убѣдившись, что даже при удачѣ поприще это слишкомъ узко для его способностей и апетитовъ, онъ вышелъ въ отставку, поѣхалъ учиться въ Берлинскій университетъ и, вернувшись оттуда съ дипломомъ того самаго короля, котораго Великая Екатерина называла Иродомъ, принялся за аферы. Какія именно, осталось отчасти тайною; но за то результаты ихъ вскорѣ проявилась такъ явно, что оставалось только руками развести отъ изумленія. Земельная собственность Өедора Марковича увеличивалась не

по днямъ, а по часамъ; его домà, фабрики, заводы, лавки выростали какъ грибы всюду, куда бы онъ ни явился со своими проектами. Появились, благодаря ему, въ нашихъ захолустьяхъ такіе товары, о существованіи которыхъ до него никто не имѣлъ понятія, а подъ наблюденіемъ его изготовлялись такіе сукна, экипажи, мебели, и въ домахъ его устроивались такія хитроумныя приспособленія для топки, освѣщенія и провода воды, такіе зимніе сады и оранжереи, что издалека стекались любоваться этими диковинками. Въ Чернянкѣ, имѣніи его въ Курской губерніи, была зала со стѣной изъ цѣльнаго стекла въ зимній садъ, отапливаемый посредствомъ трубъ, проведенныхъ въ стѣнахъ; у него былъ дорожный дормёзъ, вмѣщавшій въ себѣ, рядомъ съ сидѣніемъ для барина и для его слуги, съ важами для вещей, сундуками для провизіи и прочихъ дорожныхъ принадлежностей, такое множество потайныхъ ящиковъ, искусно скрытыхъ, что онъ провозилъ въ этомъ дормёзѣ на много тысячъ контрабанды изъ чужихъ краевъ, и контрабанда эта наивыгоднѣйшимъ образомъ продавалась въ лавкахъ его въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Всѣхъ диковинокъ, какія онъ изобрѣталъ, не перечесть, и все это производилось въ его имѣніяхъ, руками его крѣпостныхъ, подъ наблюденіемъ заграничныхъ мастеровъ, которыхъ онъ отсылалъ обратно на родину послѣ того, какъ Русскіе люди заимствовали отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія; потому что, какъ онъ часто говаривалъ: «смышленнѣе Русскаго мужика нѣтъ существа на свѣтѣ; надо только умѣть имъ пользоваться». Замѣчу здѣсь кстати, что, не взирая на строгость, граничившую съ жестокостью и на полнѣйшее отсутствіе сердечности, Өедоръ Марковичъ былъ не только цѣнимъ, но и любимъ своими крѣпостными: такъ много доставлялъ онъ имъ выгодъ возможностью выучиться заграничнымъ мудростямъ и столькихъ вывелъ онъ въ люди и сдѣлалъ богатыми, заставляя на себя работать. Окончившимъ при немъ науку людямъ цѣны не было въ глазахъ пытавшихся ему подражать помѣщиковъ, и многіе изъ этихъ доморощенныхъ мастеровъ, откупившись на волю при его наслѣдникахъ, открыли свои заводы и мастерскія. Впрочемъ, онъ и при жизни многихъ отпустилъ на волю за хорошую плату, и это служило однимъ изъ крупнѣйшихъ источниковъ его богатства *).

---

*) Между прочими нововведеніями, которыми онъ себя обезсмертилъ, была знаменитая „ресторація“, построенная имъ въ Курскѣ, о которой упоминаетъ и Пушкинъ („Полторацкаго таверна“). До Ө. М. Полторацкаго о такихъ затѣяхъ въ Русскихъ городахъ, за исключеніемъ Москвы, Петербурга и Одессы, не имѣли понятія, и путешествующіе, у которыхъ не было знакомыхъ между мѣстными жителями, останавливались на постоялыхъ дворахъ.

Упомянувъ объ этой положительной сторонѣ его дѣятельности, ничего больше не остается сказать въ этомъ смыслѣ про человѣка, вся энергія, вся дѣятельность котораго была обращена на зло во всѣхъ видахъ. Почти столѣтняя его жизнь изобилуетъ приключеніями одно любопытнѣе другого. Женатъ онъ былъ три раза, при живыхъ женахъ, не принимая въ соображеніе никакихъ законовъ, не заботясь ни о разводѣ, ни о какихъ бы то ни было формальностяхъ, которыя хотя бы косвенно давали бы ему извѣстное право нарушать эти законы. Сильный наглостью и умѣніемъ пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, человѣкъ этотъ служитъ образцомъ того, чѣмъ можетъ сдѣлаться существо, сбросившее съ себя иго совѣсти и страха Божьяго. По уму, по способностямъ, по силѣ воли и стойкости характера, другого такого человѣка въ Россіи, по всей вѣроятности, не было, и жутко даже себѣ представить что̀ было бы, если бъ такихъ даровитыхъ нравственныхъ уродовъ народилось у насъ, въ его время, много [1]).

Женился онъ очень молодымъ человѣкомъ на дѣвушкѣ изъ хорошей дворянской семьи и заперъ ее въ деревню, съ цѣлымъ гаремомъ любовницъ [2]). Несчастная женщина умерла бы отъ тоски и страха въ такой гнусной средѣ, если бъ въ нее не влюбился блестящій гвардеецъ Есаковъ, у котораго было имѣніе по сосѣдству. Гдѣ встрѣтились они въ первый разъ и какимъ образомъ имъ удалось сблизиться, Вѣрѣ Ивановнѣ Анненковой (внучкѣ героини этого своеобразнаго романа) не удалось узнать: въ то время семейные скандалы свято хранились въ тайнѣ, особенно отъ близкихъ по крови виновниковъ этихъ скандаловъ, и разспрашивать у постороннихъ о «срамныхъ» поступкахъ бабушки не всякая бы внучка рѣшилась. Но у моей старой пріятельницы сохранился портретъ бабушки, и на немъ она представлена молодой красавицей, съ огненными карими глазами и довольно крупными, чувственными губами, въ бѣломъ платьѣ фасона ампиръ, со спущенной съ плечъ красною Турецкою шалью; волосы не напудрены и въ густыхъ черныхъ локонахъ. Судя по костюму, портретъ этотъ (миньатюра на кости въ медальонѣ) сдѣланъ уже послѣ ея бѣгства отъ мужа и, вѣроятно, переисланъ, нѣсколько лѣтъ спустя, ея дѣтямъ, изъ за границы, гдѣ влюбленные скрывались до конца жизни отъ мести страшнаго мужа. Красивое лицо первой супруги Ѳедора Марковича дышетъ сладострастіемъ и властной, вызывающей отвагой. Впрочемъ, она и должна была быть отважной и съ сильной волей, чтобъ рѣшиться на такой отчаянный и опасный по-

[1]) Вышло бы тогда то, что̀ мы видимъ теперь, въ 1905 году.

[2]) По Родословной Книгѣ кн. Лобанова Ѳ. М. Полторацкій (р. 1764) женатъ былъ на Варварѣ Аѳанасьевнѣ Брянчаниновой, имѣлъ отъ нея сына и дочь и съ нею разошелся въ 1797 г. Съ 1821 г. онъ женатъ былъ на Елисаветѣ Францовнѣ Беніонъ. П. Б.

ступокъ, какъ бѣгство отъ такого мужа, какъ тотъ, съ которымъ связала ея судьба. Съ Ѳедоромъ Марковичемъ шутки были плохи настигни онъ бѣглецовъ, онъ не задумался бы закопать ихъ въ землю живыми, или подвергнуть ихъ какой либо еще болѣе мучительной казни. Бѣжала она отъ него, оставивъ двухъ дѣтей, мальчика лѣтъ трехъ и дѣвочку у кормилицы. Дѣвочку эту звали Елисаветой Ѳедоровной; отецъ далъ ей хорошее воспитаніе и выдалъ замужъ за Ивана Яковлевича Бухарина, отъ котораго у нея было двое дѣтей, сынъ Николай и дочь Вѣра, впослѣдствіи Анненкова.

Про г. Есакова Вѣра Ивановна ничего не могла мнѣ разсказать но, судя по его дѣйствіямъ, можно заключить, что это была идеальная, романтичная натура, съ рыцарскими понятіями о чести и любви. Ни передъ какими жертвами не остановился онъ, чтобъ спасти любимую женщину отъ обладавшаго ею нравственнаго урода, отказался для этого отъ блестящей карьеры и связей, навсегда покинулъ родину и обрекъ себя на печальное существованіе скитальца по чужимъ землямъ, въ качествѣ незаконнаго супруга любимой женщины, которая, безъ сомнѣнія, не переносила изгнаніе такъ терпѣливо, какъ онъ. Не взирая на заботы, которыми окружалъ ее избранникъ сердца и на двухъ дочерей, которыхъ она отъ него имѣла, разлука съ первыми дѣтьми, оставленными въ Россіи, такъ ее терзала, что она два раза ѣздила тайно въ Москву, чтобъ украдкой на нихъ взглянуть. Надо взять въ соображеніе свирѣпый нравъ ея бывшаго мужа, его неумолимую мстительность и ни передъ чѣмъ неостанавливавшуюся наглость въ преслѣдованіи желанной цѣли (не говоря ужъ о томъ, что и законныя власти были въ этомъ случаѣ на его сторонѣ), чтобъ понять, чему она подвергалась: самое меньшее, что̀ съ нею могли сдѣлать, это заключить ее въ монастырь на всю жизнь, еслибы пребываніе ея въ Россіи сдѣлалось извѣстно.

Нелегче жилось добровольнымъ изгнанникамъ и за границей. У Ѳедора Марковича всюду были подкупленные приспѣшники и шпіоны. Чтобъ спастись отъ преслѣдованія и не подвергнуться смерти или насильственному возвращенію на родину, Исаковъ поселился съ своею возлюбленной въ окрестностяхъ Берлина, принялъ Прусское подданство, купилъ маленькое имѣніе, гдѣ и жилъ съ семьей тихо и уединенно, занимаясь хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Съ похищенной женой Полторацкаго онъ обвѣнчался, гдѣ и кѣмъ, осталось тайной; да и самый этотъ бракъ, при живомъ мужѣ и безъ развода, юридическаго значенія не представлялъ; тѣмъ не менѣе, благодаря блестящему воспитанію, красотѣ и талантливости, обѣ дочери Есакова заняли довольно выдающееся мѣсто въ высшемъ Берлинскомъ обществѣ и сдѣлали хорошія партіи

Въ тридцатыхъ годахъ, вернувшись изъ за-границы, Государь Николай Павловичъ, въ разговорѣ съ Вѣрой Ивановной Анненковой, сказалъ ей, между прочимъ: «J'ai fait la connaissance de vos tantes à Berlin; elles sont charmantes, surtout la cadette» *). Въ то время мужъ Вѣры Ивановны состоялъ начальникомъ штаба при В. К. Михаилѣ Павловичѣ, и она имѣла случаи часто видѣться съ Государемъ, который до конца своей жизни не оставлялъ ее своимъ благоволеніемъ.

Лишившись своей первой жены, Ѳедоръ Марковичъ не долго пробылъ соломеннымъ вдовцомъ и преспокойно обвѣнчался съ дѣвицей Брянчаниновой, отъ которой имѣлъ много дѣтей, а когда она ему опостылѣла, онъ поселилъ ее въ другомъ городѣ, самъ же привезъ себѣ изъ Парижа третью жену, Француженку, нисколько не смущаясь тѣмъ, что обѣ первыя его супруги здравствовали, одна въ Пруссіи, а другая въ Москвѣ. Тѣмъ временемъ, дѣти отъ двухъ первыхъ браковъ выросли, и старшую дочь свою онъ выдалъ за Ивана Яковлевича Бухарина, хорошо извѣстнаго старожиламъ Москвы и всѣми любимаго за остроуміе, веселый нравъ и добродушіе.

Однако, въ молодости Бухаринъ не отличался семейными добродѣтелями и не сумѣлъ оцѣнить сокровище кротости, самоотверженія и любви, доставшееся ему въ лицѣ Елисаветы Ѳеодоровны, этой круглой сироты при живыхъ родителяхъ, выросшей въ страшныхъ душевныхъ мукахъ при звѣрѣ - отцѣ, среди многочисленной дворни, трепетавшей передъ грознымъ бариномъ. Единственнымъ ея утѣшеніемъ было мечтать о покинувшей ее матери; сердце жаждало любви и ласки, которыхъ она была лишена съ младенчества, и она страстно привязалась къ мужу. Тяжело ей было разочароваться въ томъ, на кого она смотрѣла, какъ на ангела-избавителя и которому беззавѣтно предалась всѣмъ своимъ существомъ; но у нея было ужъ двое дѣтей, когда, разорившись на безпутную жизнь съ вѣтренными друзьями и модными прелестницами, супругъ предложилъ ей поселиться въ деревнѣ, въ то время, какъ самъ онъ, подъ предлогомъ устройства дѣлъ и исканія службы, продолжалъ вести разсѣянную жизнь въ столицахъ. Елисавета Ѳеодоровна безропотно покорилась желанію мужа.

Въ новой роли воспитательницы дѣтей и хозяйки разстроеннаго и обремененнаго долгами имѣнія, молодая женщина не растерялась и впродолженіе многихъ лѣтъ выказывала чудеса терпѣнія, стойкости, материн-

) Я познакомился въ Берлинѣ съ вашими тетушками; онѣ прелестны, особенно меньшая.

ской любви и хозяйственныхъ способностой. Благодаря этому послѣднему качеству, унаслѣдованному отъ отца, ей удавалось сводить концы съ концами и даже удѣлять отъ скудныхъ доходовъ деньги на книги для себя и на учебныя пособія для дѣтей, воспитаніемъ которыхъ она занималась со старой Француженкой-эмигранткой (изъ тѣхъ, которымъ въ то время многія дѣти въ дворянскихъ семьяхъ обязаны были хорошимъ воспитаніемъ).

По временамъ, тихая, монотонная жизнь Елисаветы Ѳедоровны нарушалась внезапнымъ появленіемъ супруга, пріѣзжавшаго въ деревню большею частью для того, чтобъ спастись отъ ретиваго кредитора или отъ назойливой прелестницы, и, можно себѣ представить, какимъ мучительнымъ волненіямъ подвергалась внутренняя жизнь бѣдной страдалицы, при мимолетныхъ свиданіяхъ съ дорогимъ и, ни на что не взирая, страстно любимымъ мужемъ! Сколько затаенной обиды, ревности и, увы, эфемерныхъ надеждъ воскресало въ ея сердцѣ и какъ трудно было, послѣ его отъѣзда, снова налаживаться на прежнюю жизнь, казаться счастливой, чтобъ не нарушать душевнаго спокойствія дѣтей, не затемнять въ нихъ сомнѣніями любовь и уваженіе къ отцу!

Дочь спала въ ея спальнѣ и часто, проснувшись ночью, слышала, какъ мать ея ведетъ, прерываемую рыданіями, тихую бесѣду съ ихъ старой Француженкой; а затѣмъ, оставшись одна, Елисавета Ѳедоровна опускалась на колѣни передъ кіотомъ, съ теплившейся передъ образами лампадой и горячо молилась... о ниспосланіи ей терпѣнія и покорности, безъ сомнѣнія, потому что послѣ такихъ ночныхъ сценъ, домашніе видѣли ее спокойнѣе и веселѣе обыкновеннаго.

Вотъ какъ боролись наши бабки съ домашними невзгодами! Короткую свою жизнь Елисавета Ѳедоровна окончила трагично. Выносила она свое тяжелое положеніе безропотно и даже по временамъ чувствовала себя почти счастливой, до тѣхъ поръ, пока съ нею были дѣти, но когда ее съ ними разлучили, чтобъ отдать мальчика въ лицей, а дѣвочку въ Смольный институтъ, тяжесть ниспосланнаго ей креста стала невыносима, и несчастная женщина, въ припадкѣ умоизступленія, рѣшила самовольно прекратить свою пытку. Она выбросилась изъ окна, сломала себѣ ногу, во избѣжаніе гангрены пришлось ей сдѣлать ампутацію, послѣ которой положеніе ея было признано безнадежнымъ. И вотъ, въ одинъ ненастный осенній день, воспитанницу Бухарину позвали къ начальницѣ, которая объявила ей, что мать ея очень больна и что Императрица разрѣшила ей ѣхать ее навѣстить.

Вѣрѣ Ивановнѣ было тогда лѣтъ пятнацнать. Можно себѣ представить, съ какими чувствами ѣхали она, съ классной дамой и въ придворной каретѣ, въ родительскій домъ! Ей было извѣстно, при какихъ исключительныхъ условіяхъ дозволялось, въ то время, воспитанницамъ выѣзжать изъ института, а сомнѣваться въ томъ, что обожаемой ея матери грозитъ смерть, она не могла. И дѣйствительно, она застала ее при послѣднемъ издыханіи. На колѣняхъ передъ постелью рыдалъ ея отецъ, прижимая къ губамъ руку страдалицы, которая твердымъ голосомъ и въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ утѣшала его, умоляя не предаваться отчаянію и беречь себя для дѣтей, которыхъ она благословила, завѣщевая имъ любить и уважать отца, а затѣмъ приказала ихъ увезти изъ дому, чтобы избавить отъ печальнаго зрѣлища наступавшей агоніи. Желаніе ея было исполнено, и вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда она скончалась.

Катастрофа эта отрезвляющимъ образомъ подѣйствовала на Бухарина. Все остальное время жизни относился къ дѣтямъ своимъ съ нѣжною заботливостью; они уважали и горячо любили его.

Вспоминая о смерти матери, Вѣра Ивановна съ особеннымъ чувствомъ благодарности, останавливалась на милостивомъ вниманіи, оказанномъ ей императрицей Маріей Ѳедоровной. Въ то время въ Смольномъ жила знаменитая Екатерина Ивановна Нелидова, и личность эта страстно интриговала воспитанницъ своею таинственною загадочностью и почетомъ, которымъ окружали ее институтское начальство и вся царская фамилія.

«Словно теперь вижу я, какъ крадется вдоль стѣнъ, во время нашихъ экзаменовъ, странное маленькое существо въ сѣромъ платьѣ, пробираясь къ мѣсту позади начальницы и какъ намъ было жутко, когда она останавливала на которой нибудь изъ насъ пристальный взглядъ своихъ большихъ серьезныхъ черныхъ глазъ», говорила Вѣра Ивановна. «Мы прозвали ее сѣрой мышкой и когда насъ собирали для какого нибудь торжества въ большую залу, мы съ нетерпѣніемъ ждали появленія «сѣрой мышки». Пріѣзжала Императрица и, поздоровавшись съ нами, садилась на приготовленное для нея мѣсто, а «сѣрая мышка» къ ней прокрадывалась и умащивалась на скамеечкѣ у ея ногъ. Императрица ласково гладила ее по головѣ, подолгу оставляла свою ручку въ ея рукахъ, пригибалась къ ней, чтобъ дѣлиться съ нею своими впечатлѣніями и вообще выказывала ей такую любовь и вниманіе, что послѣ этихъ, довольно часто повторявшихся сценъ, таинственный престижъ «сѣрой мышки» возрасталъ въ нашихъ глазахъ до баснословныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе понятныхъ, что причина этого страннаго явленія намъ не

могла быть извѣстна, и мы только видѣли, какъ щедушную старую дурнушку, одѣтую до смѣшнаго просто и старомодно, ласкаетъ Царица и какъ милостиво относится она къ ея фамильярному обращенію. Болтать про «сѣрую мышку» было у насъ строго запрещено и, разумѣется, запрещеніе это разжигало наше любопытство; воображеніе разыгрывалось, и однимъ изъ величайшихъ нашихъ удовольствій было передавать другъ другу шопоткомъ и съ жуткимъ страхомъ всевозможныя сказки про эту загадочную личность. Между прочимъ всѣ были, почему-то, убѣждены, что она ужасно горда, считаетъ себя выше всѣхъ и никого къ себѣ не приближая, никого ни о чемъ не разспрашивая, все знаетъ и что отъ ея проницательности ничто не можетъ укрыться.

Чтобъ кончить съ воспоминаніями Вѣры Ивановны объ институтѣ, разскажу про бунтъ, поднятый глупыми дѣвочками послѣ кончины императрицы Маріи Өедоровны. Ее въ институтѣ такъ обожали, что примириться съ тѣмъ, что ее на землѣ нѣтъ и что другая заняла ея мѣсто дѣти никакъ не могли и на собранномъ самовольно совѣщаніи, ночью въ дортуарѣ, единогласно рѣшили «не любить и не признавать» ея преемницы. И нелѣпое это рѣшеніе не только взволновало все заведеніе, начиная отъ воспитанницъ и кончая институтскимъ начальствомъ, но какимъ-то образомъ проникло во дворецъ (можетъ быть, черезъ «сѣрую мышку») и привело въ большое смущеніе новую Императрицу, Александру Өедоровну. Она сознавалась своимъ приближеннымъ, что ѣдетъ въ институтъ въ страхѣ за ожидающій ее тамъ пріемъ, а когда на крыльцѣ ей встрѣтился Жуковскій, она повторила ему это опасеніе: «мнѣ страшно туда ѣхать одной, безъ maman; говорятъ дѣти что-то такое злое противъ меня замыслили», сказала она ему со своей очаровательной улыбкой, но съ такимъ печальнымъ выраженіемъ въ глазахъ, что на поэта нашло вдохновеніе, и онъ обезсмертилъ эту встрѣчу въ одномъ изъ своихъ прелестнѣйшихъ стихотвореній. По случаю какого-то праздника, она сняла трауръ, который носила по свекрови и была вся въ бѣломъ, а отъ душевнаго смятенія лицо ея поблѣднѣло, и выраженіе его было такъ трогательно-прекрасно, что Жуковскій вполнѣ искренно ее успокоивалъ, увѣряя, что стоитъ только ей показаться, чтобъ завоевать всѣ сердца. Такъ и вышло: при ея появленіи всѣ злыя и глупыя мысли разсѣялись, и дѣти кинулись цѣловать ей руки и край ея платья, можетъ быть еще съ бо̀льшимъ и искреннѣйшимъ восторгомъ, чѣмъ при встрѣчѣ съ ихъ покойной покровительницей. У многихъ были слезы на глазахъ, и сама Императрица прослезилась, обнимая ихъ. Нелѣпая затѣя была забыта, и проказницы должны были сознаться, что новую Императрицу *нельзя* не любить.

Возвращаюсь къ Ѳедору Марковичу.

Враждуя со всѣми, кто имѣлъ несчастіе становиться на его пути, съ родственниками, съ сосѣдями и съ родными дѣтьми, съ каждымъ днемъ богатѣя и поднимая противъ себя цѣлые вороха судебныхъ дѣлъ, благодаря его изворотливости остававшихся безъ движенія, онъ жилъ довольно мирно съ третьей своей женой, Француженкой *), въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, невзирая на свои преклонные годы, имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей, но затѣмъ, онъ началъ и съ нею ссориться и послѣ громкихъ скандаловъ, прогремѣвшихъ на всю губернію, удалилъ ее, съ малолѣтними дѣтьми, въ Курскъ, гдѣ у нея былъ домъ, подаренный ей имъ въ то время, когда она не успѣла еще ему прискучить. Но ему этого было недостаточно, и онъ продолжалъ ее мучить своими посѣщеніями, отъ которыхъ бѣдняжка уже потому не могла избавиться, что другихъ средствъ къ существованію, кромѣ того, что̀ онъ ей давалъ, у нея не было; связанной малолѣтними дѣтьми, безъ друзей и знакомыхъ, да еще вдобавокъ иностранкѣ, ей ничего больше не оставалось, какъ терпѣть. А онъ, между тѣмъ, только и думалъ, какъ бы отъ нея совсѣмъ избавиться. Однажды явился онъ къ ней предобрый и преласковый, съ подарками для нея и для дѣтей, спрашивалъ не нужно ли ей чего изъ деревни и, между прочимъ, предложилъ прислать ей ящикъ восковыхъ свѣчей съ своего завода. Ничего дурнаго не подозрѣвая, бѣдняжка съ радостью согласилась воспользоваться такою неожиданною любезностью и вскорѣ получила ящикъ восковыхъ свѣчей, который приказала поставить подъ свою кровать. И вотъ, въ ту же ночь, она была разбужена и сброшена съ кровати страшнымъ взрывомъ: постель ея пылала, и вся комната наполнилась огнемъ. На ея счастье, пожаръ удалось, энергичными усиліями прибѣжавшей прислуги, потушить, и въ полицію былъ представленъ какой-то странный, наполненный порохомъ, снарядъ, найденный въ обгорѣломъ ящикѣ съ растопившимися свѣчами. Скрыть покушеніе на убійство посредствомъ поджога, было невозможно; возникло уголовное дѣло, длившееся нѣсколько лѣтъ и прекратившееся вмѣстѣ со множествомъ другихъ (изъ коихъ самое меньшее должно было повлечь за собою ссылку обвиняемаго въ Сибирь) за смертью его.

Ѳедоръ Марковичъ почти столѣтнимъ старцемъ предсталъ на судъ Всевышняго и до послѣдняго дня своей жизни пользовался изумительнымъ здоровьемъ, сохранивъ всѣ свои, какъ умственныя, такъ и физи-

*) Француженку эту онъ вывезъ изъ Парижа въ гувернантки къ одной изъ своихъ дочерей, которая просила его объ этомъ, но вмѣсто желаемой наставницы у ея дѣтей оказалась „новая бабушка", подарившая ихъ сонаслѣдниками.

ческія, способности. За три дня до смерти объѣзжалъ онъ самъ пару лошадей своего завода, до такой степени бѣшеныхъ, что никто съ ними не могъ сладить. До послѣдняго издыханія радовался онъ содѣянному, въ продолженіи всей своей жизни злу и посѣяннымъ раздорамъ между близкими и дѣтьми. Крупное свое состояніе онъ постарался распредѣлить такимъ образомъ, чтобъ ссоры и ненависть, посѣянныя имъ между его дѣтьми и внуками, разгорѣлись съ новой силой и много лѣтъ не прекращались. «До гробовой доски будутъ грызться изъ-за наслѣдства, которое отъ меня получатъ», говаривалъ онъ, съ злорадной усмѣшкой потирая себѣ руки. Въ ожиданіи своемъ нравственный извергъ не ошибся: всѣ статьи духовнаго его завѣщанія были такъ перепутаны, изобиловали такими умышленными оговорками, противорѣчіями и незаконными условіями, что распрямъ, сварамъ и процессамъ при дѣлежѣ долго не было конца, и богатствомъ, скопленнымъ поистинѣ геніальнымъ въ изобрѣтеніи зла дѣдушкою, воспользовались почти только одни подъячіе крючкотворцы, съ которыми самъ онъ всю свою жизнь возился и съ помощью которыхъ замазывалъ и заметалъ свои безчисленныя преступленія противъ Бога и людей.

Вотъ что̀ разсказывала мнѣ Вѣра Ивановна Анненкова про своего ужаснаго дѣда; тоже самое слышала я и отъ одной изъ его другихъ внучекъ, Агаѳоклеи Александровны Воейковой, рожденной Полторацкой, а также и отъ многихъ другихъ. Но еще больше любопытныхъ разсказовъ можно было бы собрать про мать Ѳедора Марковича, Агаѳоклею Александровну Полторацкую, рожденную Шишкову. Мужъ ея былъ однимъ изъ пѣвчихъ, вывезенныхъ изъ Малороссіи вслѣдъ за знаменитымъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы и, благодаря своей характерной и дѣятельной супруги, всю свою жизнь оставался въ тѣни всепокорнѣйшимъ слугой властной и даровитой своей половины, которая сумѣла, при весьма ничтожномъ состояніи, состоявшимъ изъ небольшого имѣнія въ Тверской губерніи, создать себѣ и богатство, и почетъ, нагоняя при этомъ страхъ на всѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось имѣть дѣло. Разсказываютъ между прочимъ про нее слѣдующее. Лѣтъ пятнадцати отроду, въ первый годъ замужества, у нея умеръ дальній родственникъ, на состояніе котораго она почему-то имѣла виды, но такъ какъ завѣщаніе его было сдѣлано не въ ея пользу или вовсе не сдѣлано, она смастерила подложное, по которому и получила желаемое. Но подлогъ былъ открытъ, и юной преступницѣ грозила бѣда, если бъ не вступились за нее близкіе люди и не повліяли бы на властей подкупами, мольбами, хлопотами въ Петербургѣ у сильныхъ міра сего и вообще всѣми тѣми средствами, которыя

были тогда въ ходу, въ гораздо болѣе откровенной и грубой формѣ, чѣмъ теперь. Но вдругъ такія дѣлишки не обдѣлывались, и молодая женщина находилась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ страхѣ и досадѣ за исходъ дѣла. И вотъ, во время этого душевнаго томленія, раскаявшись, должно быть, въ содѣянномъ, черезчуръ дерзкомъ поступкѣ, а можетъ быть, чтобъ никогда больше впослѣдствіи не впадать въ искушеніе съ такими непріятными послѣдствіями, она дала торжественное обѣщаніе Богу: никогда, во всю свою жизнь, не брать пера въ руки и ничего не писать и не подписывать. И обѣщаніе это она такъ свято исполнила, что заставила всѣхъ своихъ близкихъ забыть то время, когда она умѣла писать, и внуки ея выросли въ убѣжденіи, что она безграмотна. Очень можетъ быть, что и сама она, за недостаткомъ практики, разучилась читать и писать; какъ бы тамъ ни было, но при ней всегда находился секретарь, прочитывавшій ей получаемыя ею письма и отвѣчавшій на нихъ за нее.

Переписка же у нея была очень обширная; дѣтей у нее было множество, дочери выходили замужъ, сыновья женились, все это обзаводилось семьями и свивало себѣ гнѣзда по всему Русскому царству, но связи съ бабушкой Аграфеной Марковной прерывать никто не осмѣливался, и къ ней возили на поклонъ внуковъ и внучекъ, съ мужьями ихъ, женами и дѣтьми. Со свойственною ей проницательностью, умѣла она при первомъ взглядѣ безошибочно опредѣлить способности каждаго новаго зятя, каждой новой невѣстки, чтобъ использовать эти способности въ свою пользу: первыхъ обременяла она хлопотами по безчисленнымъ ея тяжбамъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а вторыхъ заставляла торговать издѣліями и продуктами своихъ имѣній, провѣрять ея агентовъ, вести счеты и, въ назначенное время, пріѣзжать къ ней съ отчетами. Всѣ члены ея многочисленной семьи, за исключеніемъ Ѳедора Марковича, трепетали передъ нею и всѣми силами старались заслужить ея благоволеніе; но удавалось это не многимъ; ея строгости и взыскательности не было границъ и угодить ей было почти невозможно. Даже въ то время, когда людей съ непреклонным характеромъ и большимъ умомъ было столько же, сколько здоровыхъ тѣломъ и съ сильными нервами, выдѣлялась она крайностями своихъ душевныхъ свойствъ и слыла жестокою. Разсказываютъ, что при воцареніи Государя Александра I, когда вся Россія торжествовала возникновеніе новой благодатной эры, и новому вѣнценосцу приписывали все свѣтлое, доброе и справедливое, что только могла измыслить народная фантазія, пронесся слухъ, что Государь, прознавъ о тиранствѣ Полторачихи, приказалъ публично наказать ее на лобномъ мѣстѣ и будто бы сама виновница этого слуха, пребывая въ это время

у одной изъ своихъ внучекъ въ Петербургѣ, сидѣла рано утромъ у открытаго окна на улицу, и, увидавъ бѣгущій мимо народъ, останавливала его вопросомъ: «куда, православные, бѣжите?» «На площадь, смотрѣть какъ Полторачиху будутъ сѣчь», отвѣчали ей. А она на это, нимало не смущаясь, и можетъ быть даже забавляясь легковѣрностью глупаго народа, повѣрившаго, что ее можетъ постичь кара за чтобы то ни было, съ добродушнымъ смѣхомъ кричала имъ вслѣдъ: «Бѣгите, бѣгите скорѣе!» Много про нее подробностей можно найти у зятя ея, сенатора Мертваго, въ его талантливыхъ и интересныхъ запискахъ и, отсылая читателей къ этимъ запискамъ, скажу только, что изъ всѣхъ слышанныхъ про нее разсказовъ и сопоставляя эти разсказы съ тѣмъ, что̀ я слышала про ея сына, Ѳедора Марковича, я вывела такое заключеніе: многое заимствовалъ онъ у матери, а коварствомъ, безсердечностью, наглостью и безсовѣстностью даже превзошелъ ее, равно какъ и талантливостью и любознательностью. Но въ ней, при отсутствіи любви къ дѣтямъ, не было его ненависти и, по своему, она заботилась объ ихъ благосостояніи, а воспитаніе, по тогдашнему времени, дала имъ даже блестящее. Но въ чемъ еще ярче проступаетъ разница между нравственнымъ обликомъ матери и сына, это въ религіозномъ отношеніи. Ѳедоръ Марковичъ былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, сыномъ своего вѣка, Волтерьянецъ до мозга костей и безбожникъ всю свою жизнь, и умеръ, не проявляя ни раскаянія, ни сомнѣнія въ правильности своихъ атеистическихъ воззрѣній; мать же его, страшная, жестокая и непреклонная въ мщеніи Агафоклея Александровна, не только съ поистинѣ изумительною послѣдовательностью всю свою долгую жизнь исполняла обѣщаніе, данное Богу пятнадцатилѣтней женщиной и не взирая ни на что, ни разу не поддалась искушенію его нарушить, но и проявила свою вѣру передъ смертью такъ явно и своеобразно, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что злому началу, дѣйствовавшему въ ней всю ея жизнь, не удалось вполнѣ загасить въ душѣ ея искру Божьяго Духа.

Надо сказать, что задолго до смерти съ нею случилось несчастье, лишившее ее навсегда владѣнія рукъ и ногъ. Во время одной изъ частыхъ ея поѣздокъ въ Москву, гдѣ она вела дѣятельную торговлю деревенскими продуктами и издѣліями своихъ крѣпостныхъ, экипажъ ея скатился съ крутизны въ оврагъ, и ее извлекли изъ подъ него всю изувѣченную. По типичному выраженію ея близкихъ, всѣ кости у нея были поломаны на малые куски и болтались въ тѣлѣ ея, какъ орѣхи въ мѣшкѣ. Въ такомъ видѣ Агафоклея Александровна прожила, не поднимаясь съ постели много лѣтъ, продолжая распоряжаться дѣлами и управлять своими имѣніями по прежнему и, не взирая на ея безпомощность, никто не

осмѣливался противиться ея распоряженіямъ и не исполнять ихъ также ретиво, какъ и тогда, когда она была здорова и каждую минуту могла самолично убѣдиться, повинуются ли ея приказаніямъ. Страданія свои она выносила съ изумительною стойкостью, никогда никому не жаловалась, и ничѣмъ нельзя было ее больше разгнѣвать, какъ выраженіемъ участія и сострадания. Почувствовавъ приближеніе смерти, наступавшей со страшными страданіями, она запретила окружающимъ молиться объ облегченіи этихъ мукъ и громко взывала къ Богу, чтобъ муки эти были сильнѣе, дабы ими очистилась ея грѣшная душа, а за нѣсколько часовъ до смерти приказала оповѣстить весь народъ по сосѣдству, чтобъ приходили и пріѣзжали съ нею проститься. Затѣмъ, она приказала перенести себя на кровати въ большую залу съ хорами. Народу собралось такое множество, что и дворъ, и лѣстницы, и всѣ покои дома имъ наполнились; тогда она приказала растворить всѣ окна и двери и начала громогласно каяться въ великихъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

И вотъ тутъ-то открылись всѣ ея преступныя тайны. Долго продолжалась, произносимая громкимъ и твердымъ голосомъ, исповѣдь. Къ воротамъ то и дѣло подъѣзжали экипажи съ запоздавшими гостями, а изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей толпами прибѣгали мужики; все тѣснѣе и тѣснѣе становилось на широкомъ дворѣ и въ обширномъ домѣ, а умирающая все продолжала каяться. Казалось, что испытываемыя ею тѣлесныя страданія усиливали мощь ея духа; такъ ясны были ея воспоминанія и такъ глубоко запечатлѣвалось каждое ея слово въ сердцахъ слушателей. Мало-по-малу, на оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса лицахъ стало пробиваться умиленіе, на глазахъ навертывались слезы, сердца невольно смягчались, колѣна подкашивались, и горячая молитва объ отпущеніи грѣховъ кающейся великой грѣшницы вознеслась къ Небу изъ всѣхъ устъ. На послѣдній крикъ, воплемъ вырвавшійся изъ ея груди: «Православные, простите меня грѣшную»! раздался единогласный и искренній отвѣтъ: «Богъ проститъ!» Стоявшій у ея изголовья священникъ произнесъ отпускую молитву, причастилъ ее святыхъ Таинъ, и она испустила свой, такъ долго державшійся въ діавольскихъ когтяхъ, духъ *).

Не знаю сохранился ли въ многочисленномъ потомствѣ Агаѳоклеи Александровны Полторацкой ея портретъ; что же касается до портрета Ѳедора Марковича, мнѣ посчастливилось его видѣть пять лѣтъ тому назадъ, у Вѣры Ивановны Анненковой, и нѣтъ словъ выразить, до какой степени была я поражена этимъ портретомъ, такъ мало отвѣчающимъ представленію, которое я себѣ дѣлала объ этомъ человѣкѣ, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ о немъ разсказовъ. Вмѣсто могучаго богатыря

*) См. два письма къ ней Филарета въ бытность его Тверскимъ архіепископомъ, „Русскій Архивъ“ 1868, 137—140. П. Б.

съ разбойничьей физіономіей, въ родѣ какого нибудь Фрадіаволо, я увидала моложавое, женственное лицо, съ правильными, тонкими чертами и съ красивыми, задумчивыми глазами мыслителя. Однѣ только блѣдныя, узкія, съ капризнымъ изгибомъ, губы выдавали макіавелизмъ этого загадочнаго существа, въ напудренномъ парикѣ и въ изящномъ костюмѣ конца восемнадцатаго вѣка.

6 Декабря 1905 г.

Романъ бабушки Вѣры Ивановны Анненковой съ г-мъ Есаковымъ, напомнилъ мнѣ другой романическій эпизодъ въ томъ же родѣ, но съ другой развязкой, происшедшій тоже въ началѣ прошлаго столѣтія.

Отецъ мой, по выходѣ изъ школы колонновожатыхъ, поступилъ на службу къ великому князю Константину Павловичу и послѣ Польскаго возстанія, благодаря близкому знакомству съ княземъ Петромъ Михаиловичемъ Волконскимъ, получилъ мѣсто управляющаго удѣлами въ Саратовской губерніи, гдѣ женился и гдѣ родились всѣ его дѣти. Здѣсь ближайшими къ нему людьми были его сослуживцы по службѣ въ Польшѣ, которыхъ судьба въ разное время закидывала въ Саратовъ, какъ напримѣръ генералъ Петръ Христофоровичъ Граббе, Иванъ Гавриловичъ Костіевскій (старикъ, бывшій нѣкогда пажемъ Екатерины II, разсказы котораго про его дежурство у гробовъ этой Императрицы и супруга ея Петра III такъ поразилъ мое воображеніе въ дѣтствѣ, что они до сихъ поръ живы у меня въ памяти), а третьимъ другомъ отца въ то время былъ полковникъ Энгельманъ, про котораго я и поведу рѣчь, какъ о типичнѣйшемъ представителѣ тогдашнихъ нравовъ и взглядовъ на супружескую честь.

Въ то время Энгельману было за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ казался старше, благодаря всегда серьозному и озабоченному выраженію лица и какому-то странному равнодушію ко всему, что̀ волновало и занимало окружающихъ. Съ нами только, дѣтьми, улыбался онъ, лаская насъ и слушая разсказы нашей старой няни-Француженки о Французской революціи, которой она была свидѣтельницей и, можетъ быть, участницей.

И отецъ нашъ, и друзья его, относились къ Энгельману съ большимъ дружелюбіемъ, съ глубокимъ уваженіемъ и состраданіемъ, какъ къ человѣку, поставленному судьбой въ исключительно-тяжелое положеніе.

Онъ велъ въ Петербургѣ какой-то таинственный процессъ, длившійся около двадцатипяти лѣтъ, отъ окончанія котораго, должно быть, зави-

сѣли счастье и покой остальной его жизни, потому что другого способа болѣе или менѣе сносно устроиться на землѣ, ни самъ онъ, ни тѣ, кто его зналъ, даже и представить себѣ не могли.

Отдохнуть душой, сбросить съ себя мучительный гнетъ, подъ которымъ онъ влачилъ тяжелое и тоскливое существованіе лучшіе годы своей жизни, могъ онъ тогда только, когда судебное его дѣло кончится. По временамъ онъ ѣздилъ въ Петербургъ и возвращался оттуда въ еще болѣе угнетенномъ настроеніи, чѣмъ при отъѣздѣ и когда генералъ Граббе или Костіевскій спрашивали у нашего отца: «Ну, что Энгельманъ?» отецъ съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ, что все по прежнему и что волокита продолжается.

Подробности этого дѣла мы, дѣти, разумѣется не знали, и лишь по отрывкамъ, долетавшимъ до нашихъ ушей изъ разговоровъ между старшими, могли мы заключить, что полковникъ Энгельманъ былъ кѣмъ-то въ молодости оскорбленъ и до тѣхъ поръ не будетъ имѣть покоя, пока не смоетъ пятна, наложеннаго этимъ оскорбленіемъ на его честь.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день открылось и остальное: стало извѣстно, что справедливость восторжествовала, крапивное сѣмя побѣждено, и приговоръ надъ виновными приведенъ въ исполненіе. И тутъ мы узнали, что нашъ полковникъ былъ женатъ и что четверть вѣка тому назадъ жена измѣнила ему, съ его товарищемъ по полку, съ которымъ бѣжала за границу. Но это не остановило преслѣдованіе оскорбленнаго мужа. Чтобъ достигнуть цѣли, предать виновныхъ суду и подвергнуть ихъ заслуженному наказанію, онъ вышелъ въ отставку и всѣ свои силы, всю энергію посвятилъ на то, что считалъ *возстановленіемъ своей попранной чести.* Онъ добился выдачи преступниковъ Русскимъ властямъ, добился преданія ихъ суду и, наконецъ, ихъ осужденія на пожизненное заключеніе: ее въ женскій, а его въ мужской монастырь. Лучшую часть своей жизни посвятилъ онъ этой цѣли; началъ это дѣло двадцатипятилѣтнимъ блестящимъ полковникомъ, всеобщимъ любимцемъ за доброту, умъ, храбрость, благородства чувствъ и мыслей, а конца страшной нравственной пытки, которой онъ самовольно себя подвергнулъ во имя чести, дождался только пятидесятилѣтнимъ старикомъ, нищимъ: все состояніе его ушло на процессъ, и существовалъ онъ лишь маленькой пенсіей. И ни разу, въ продолженіе этого искуса, не поколебалась въ немъ воля, ни разу не усумнился онъ въ правотѣ своихъ стремленій, не поддался искушенію прибѣгнуть къ софизмамъ, ради покоя, удобства и усыпленія совѣсти. Для него честь была честью, законъ

закономъ, справедливось справедливостью, и никакихъ компромиссовъ для этихъ понятій онъ не допускалъ.

Добившись цѣли, возстановивъ свою поруганную честь, онъ разрѣшилъ себѣ взять наконецъ отъ жизни хоть маленькій кусочекъ счастья, котораго лишила его злая судьба.

Года два передъ тѣмъ въ городъ пріѣхала изъ Николаевскаго Института, въ гувернантки къ дѣтямъ одного чиновника, дѣвушка восемнадцати лѣтъ, круглая сирота и ничего, кромѣ миловидности, собою съ перваго взгляда не представляющая. Маленькаго роста, деликатнаго сложенія, съ большими, добрыми синими глазами, очень просто одѣтая и застѣнчивая, пришла она къ намъ въ одно Воскресенье, чтобъ представиться нашей гувернанткѣ, кончившей курсъ въ одномъ заведеніи съ нею, но лѣтъ десять до ея поступленія туда. Марья Игнатьевна всѣмъ намъ понравилась, и ее пригласили бывать у насъ чаще. Она была умна, тактична, ровнаго добродушнаго нрава, съ сильной душой и съ горячимъ любящимъ сердцемъ.

Полковникъ Энгельманъ сталъ къ ней присматриваться, а такъ какъ онъ по лѣтамъ годился ей въ дѣды, то на его покровительственное чисто-отцовское вниманіе, Марья Игнатьевна отвѣчала восторженною благодарностью, которую, въ невинности сердца, и не думала скрывать: когда она къ намъ приходила, первымъ ея вопросомъ былъ о полковникѣ, здоровъ ли онъ и обѣщалъ ли пріѣхать къ намъ въ этотъ день? А когда онъ входилъ, сгорбленный, въ потертомъ военномъ сюртукѣ, съ длинными сѣдыми усами и съ лысой головой, она вспыхивала отъ радости и дѣлалась прехорошенькой отъ невиннаго смущенія.

Первое время они видѣлись только у насъ, но впослѣдствіи онъ познакомился съ семьей, въ которой она жила и разговаривалъ съ нею въ присутствіи дѣтей этой семьи и ихъ матери. А когда дѣло его кончилось, онъ потребовалъ свиданія съ нею наединѣ, разсказалъ ей подробно про свое несчастье и предложилъ ей сдѣлаться его женой, на что она, ни минуты не задумываясь, съ радостью согласилась.

Помню, какъ всѣ радовались этой свадьбѣ, какъ поздравляли Марью Игнатьевну съ тѣмъ, что ей выпала на долю завидная участь скрасить послѣдніе годы человѣка, такъ много выстрадавшаго на своемъ вѣку и какъ сама она просто и здраво относилась къ своему новому положенію.

Я видѣла ее полковницей Энгельманъ, въ крошечной, чистенькой и свѣтленькой квартиркѣ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, съ боль-

шимъ садомъ, въ бѣломъ кисейномъ капотѣ и въ чепцѣ съ розовыми лентами; съ восхищеніемъ распространялась она о своемъ хозяйствѣ, водила насъ по всему дому, по саду, по огороду, въ то время, какъ полковникъ сидѣлъ на балкончикѣ въ халатѣ и съ трубкой въ зубахъ посматривалъ на свою маленькую жонку смѣющимися глазами.

Жизнь повели они замкнутую, видѣлись только съ людьми, знавшими его до катастрофы, перевернувшей вверхъ дномъ всю его жизнь, а такихъ было въ городѣ очень мало. Памятно мнѣ восторженное выраженіе, съ которымъ она говорила нашей гувернанкѣ: «Еслибъ вы только знали, какъ онъ добръ, какъ благороденъ, какая у него нѣжная душа, какъ онъ умѣетъ любить и какъ онъ былъ всю свою жизнь несчастливъ!»

Не ошибся онъ въ выборѣ второй жены: эта его оцѣнила.

Въ то время было много такихъ людей. Въ то время правда была еще голая и понятіе о чести и совѣсти было доступно каждому ребенку. Въ то время и злодѣи знали, что они злодѣи и никакими лжетолкованіями не объясняли своихъ дѣйствій, никакими лицемѣрными плащами невмѣняемости, сантиментальности и гуманности не прикрывались. Въ то время зло называлось зломъ, а добро—добромъ, и жилось на свѣтѣ легче, вопреки существованію такихъ нравственныхъ и крупныхъ уродовъ, какимъ былъ Өедоръ Марковичъ Полторацкій, котораго, не взирая на богатство и жизненныя удачи, никто не считалъ порядочнымъ человѣкомъ и который и самъ себя къ хорошимъ людямъ не причислялъ.

Надежда Мёрдеръ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И КАРАМЗИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ЕГО ДНИ.

Ихъ переписка.

Покойная Екатерина Николаевна Муромцова передала намъ изъ архива своего дѣда-дяди князя А. Н. Голицына два подлинныхъ письма Карамзина, одно къ нему, другое къ Императору Николаю Павловичу, въ царствованіе котораго исторіографъ жилъ около полугода. Печатая здѣсь эти письма, присоединяемъ къ нимъ и другія два письма его, какъ и отвѣты на нихъ, заимствуя ихъ изъ книги М. П. Погодина (М. 1866).

31 Октября 1825 года, на вечерѣ у императрицы-матери Карамзинъ читалъ выдержку изъ XII-го тома своей исторіи, про осаду Троицкой лавры. На чтеніи присутствовалъ великій князь Николай Павловичъ, и оно произвело на него сильное дѣйствіе. 15 Ноября Карамзинъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, а 14 Декабря провелъ почти весь день въ Зимнемъ дворцѣ и на Дворцовой и Исакіевской площадяхъ, куда императрица-мать посылала его въ мундирномъ одѣяньи, въ башмакахъ, шелковыхъ чулкахъ, узнавать о ходѣ роковаго событія. Въ него кидали камнями. Къ концу дня онъ изнемогъ и уже не былъ въ силахъ исполнить желаніе новаго государя о составленіи статьи для Сѣверной Почты о происходившемъ и указалъ для того на Д. Н. Блудова. За тѣмъ императрица-мать ежедневно звала его къ себѣ, и тутъ онъ въ присутствіи Николая Павловича говорилъ смѣло и рѣшительно про ошибки предыдущаго царствованія, долженъ былъ вступать въ споры съ Маріею Ѳеодоровною. Эти поѣздки въ Зимній дворецъ подорвали здоровье Карамзина, и хотя потомъ онъ оправлялся нѣсколько, но 22 Марта 1826 года написалъ къ Государю слѣдующее письмо.

Всемилостивѣйшій Государь.

Въ началѣ пріимите еще отъ слабаго Исторіографа невольно слабое выраженіе чувства сильнаго: живѣйшей сердечной благодарности за трогательные для меня знаки вашего участія въ моей тяжкой болѣзни... И въ какіе дни! Вы дѣлали то, что̀ дѣлалъ Александръ. Эта мысль еще болѣе умиляла меня.

Оправляюсь, но тихо: чувствую еще раздраженіе въ груди, кашляю и буду кашлять долго, какъ говорятъ медики, если *нынѣшнимъ лѣтомъ*

не удалюсь отсюда въ климатъ лучшій, и, по моему собственному чувству, необходимый для возстановленія физическихъ силъ моихъ. Третьяго года я здѣсь умиралъ, прошлаго изнемогалъ и худѣлъ, а нынѣ былъ въ опасности, и въ первую зиму или осень могу снова имѣть воспаленіе въ груди, уже разстроенной. Медики рѣшительно совѣтуютъ мнѣ *пожить во Флоренціи*; но съ семействомъ многочисленнымъ [1]) и состояніемъ недостаточнымъ [2]), особенно съ того времени, какъ наши крестьяне, подобно другимъ, худо платятъ оброкъ, не могу и думать о путешествіи. Есть однакожь способъ, и зависитъ единственно отъ вашего соизволенія, безъ всякаго ущерба или убытка для казны. Резидентъ нашъ во Флоренціи, г. Сверчковъ, будучи весьма слабаго здоровья, думаетъ, какъ мнѣ сказывали, *скоро* оставить свое мѣсто, котораго смиренно, но убѣдительно прошу для себя у Вашего Императорскаго Величества, уже изъявивъ причину: надежду дѣйствіемъ хорошаго климата спастися тамъ отъ чахотки, и, можетъ быть, преждевременной смерти. Безъ нескромности, кажется, могу сказать, что имѣю понятіе о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ державамъ Европейскимъ, и не хуже другаго исполнилъ бы эту должность.

23 года, *по волѣ* Императора Александра, я неутомимо писалъ Исторію, назывался *Государственнымъ* Исторіографомъ, но не получалъ никакого жалованія отъ Государства и никакихъ денежныхъ наградъ, кромѣ суммы, выданной мнѣ въ 1816 году изъ кабинета для платежа типографщикамъ за печатаніе десяти первыхъ томовъ, и кромѣ двухъ тысячъ пенсіи (ассигнаціями), опредѣленной мнѣ, какъ почетному члену Московскаго Университета. Я жилъ плодами своихъ трудовъ; но теперь уже дописываю послѣдній томъ: съ нимъ кончится и моя дѣятельность и мой важнѣйшій доходъ.

Если Ваше Императорское Величество милостиво исполните мою всеподданнѣйшую просьбу, то это будетъ для меня величайшимъ благодѣяніемъ: другихъ желаній и видовъ не имѣю. Неисполненіе, признаюсь, огорчитъ меня; но да будетъ воля Божія! Ничто не охладитъ въ душѣ моей истинной любви къ вамъ и признательности за благоволеніе и лестную довѣренность, которыя вы мнѣ уже оказали.

---

[1]) У Карамзина было четыре сына и три дочери. Ему шелъ 61-й годъ. Въ 1823 г. родился у него послѣдній сынъ Владиміръ. П. Б.

[2]) Самъ Карамзинъ былъ бѣденъ; за второю супругою своею онъ получилъ Нижегородское помѣстье, около тысячи душъ, но, кажется, никогда не былъ тамъ. Въ Петербургѣ жилъ онъ скромно, но проживалъ много. Дочь его Елисавета Николаевна разсказывала, что за покупками чаю, сахару и пр. онъ самъ ходилъ въ лавки. П. Б.

Могу ли ждать отвѣтъ? По крайней мѣрѣ мысль о долговременной неизвѣстности, въ теперешнемъ моемъ физическомъ состояніи, нѣсколько тревожитъ мое воображеніе.

Государь отвѣчаетъ 6 Апрѣля 1862, изъ Царскаго Села:

Ежели не ранѣе вамъ отвѣчалъ, любезный Николай Михайловичъ, то не полагайте, чтобы то было изъ забывчивости, но напротивъ изъ желанія о всемъ дать отвѣтъ удовлетворительный. Я искалъ приладить желаніе ваше съ возможностью, и полагаю, что можетъ успѣлъ въ томъ. Предлагаю вамъ слѣдующее, но напередъ благодарю васъ сердечно, и за довѣренность, и за содержаніе письма вашего; жалѣю сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня въ возможность вамъ оказать, клонится къ тому, чтобъ васъ удалить отъ всѣхъ насъ. Вы повѣрите надѣюсь, безъ труда, что съ сердечнымъ прискорбіемъ убѣждаюсь, что сіе временное удаленіе необходимо. Но такъ видно Богу угодно, и должно сему покориться безъ ропота. Однако покуда я, бывъ здѣсь, привелъ въ порядокъ ваше лѣтнее квартированіе*) въ надеждѣ, что пригодится.

Но обратимся къ дѣлу. Вамъ надо ѣхать въ Италію—вотъ что хотятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, т. е. покойнѣйшій, какъ туда доѣхать: моремъ ли до Италіи или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи, не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто во Флоренціи еще не вакантно, но Россійскому Исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особенно Флорентійской. Словомъ я прошу васъ не безпокоиться объ этомъ, и, хотя мнѣ въ угожденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку.

Про Стутгартъ я вамъ и не говорю; хотятъ, чтобы вы были въ Италіи; стало, туда и ѣхать должно. Прошу васъ только увѣдомить меня, какъ и куда рѣшитесь ѣхать, а прочее я *все* устрою.

Повторяю, что мнѣ больно слышать и вѣрить, что вамъ надо ѣхать; дай Богъ, чтобы здоровье ваше скоро возстановилось и возвратило бы васъ къ тѣмъ, кои васъ искренне любятъ и уважаютъ; причтите меня къ этимъ. Васъ искренне любящій Николай.

На другой день вотъ что написалъ Карамзинъ Государю. Это письмо впервыя появляется въ печати. Оно сохранилось въ бумагахъ князя А. Н. Голицына, которому было вѣроятно передано Государемъ.

---

*) Т. е. въ одномъ изъ Китайскихъ домиковъ Царскаго Села. П. Б.

С.-Петербургъ, 7 Апрѣля 1826.

Всемилостивѣйшій Государь!

И любезнѣйшій! прибавляю отъ глубины сердца. Какое неизъяснимо трогательное и гораздо болѣе, нежели милостивое, письмо! Нѣтъ словъ для выраженія моей благодарности: она, пока дышу, будетъ однимъ изъ живѣйшихъ чувствъ моей души. Пишу это сквозь сладкія слезы, съ умиленіемъ необыкновеннымъ. О! какъ буду желать скорѣе оправиться, чтобы скорѣе возвратиться въ отечество. И въ чужой землѣ надѣюсь безпрестанно заниматься Россіею: во-первыхъ, думаю кончить послѣдній томъ Исторіи во Флоренціи; во-вторыхъ, буду читать съ жадностью о всѣхъ дѣйствіяхъ вашего царствованія и ежедневно молить Бога, чтобы Онъ даровалъ успѣхъ всѣмъ вашимъ намѣреніямъ для государственнаго блага ввѣренной вамъ отъ Него державы. Смѣю сказать простосердечно, что вы, императрицы и все ваше августѣйшее семейство постояннымъ изъявленіемъ ко мнѣ благоволенія и ласки сдѣлались какъ бы родными для моего сердца. Но чтобы наслаждаться счастьемъ быть при васъ, должно быть здоровымъ; а внутреннее чувство мое, еще болѣе всѣхъ медиковъ, удостовѣряетъ меня, что дѣйствительнѣйшее къ тому средство есть путешествіе и перемѣна климата, не лекарства.

Вы приказываете мнѣ съ истинно отеческимъ участіемъ, сказать: какъ мы хотимъ ѣхать? Вотъ нашъ планъ: въ Іюнѣ сѣсть со всѣмъ семействомъ на корабль въ Кронштадтѣ и плыть до *Бордо* (плаваніе, совершаемое обыкновенно недѣли въ 3); тамъ выйти на берегъ, сухимъ путемъ ѣхать до Марселя и въ ней сѣсть снова на корабль, чтобы плыть въ Ливорну. Вы говорите: Я все устрою! Читая и повторяя это слово, умѣю только плакать. Безъ заботъ и сомнѣній предаюсь въ волю Божію и вашу... между тѣмъ смотрю на портретъ Александровъ съ любовію, которую имѣлъ къ нему живому: онъ оставилъ мнѣ богатое наслѣдство въ вашей ко мнѣ милости. Вы, мой второй хозяинъ Царскосельскій, подумали о приготовленіи и тамошняго нашего жилища. Къ сожалѣнію сборы путешествія не дадутъ мнѣ времени пожить еще до отъѣзда въ мѣстѣ столь великихъ и трогательныхъ воспоминаній. Но если бы нашелся въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ Таврическому дворцу, уголокъ скромный, сухой и теплый для исторіографа съ семействомъ, то мы могли бы еще недѣли три подышать тамъ лучшимъ городского воздухомъ, занимаясь въ тоже время и нашими сборами.

Повергаю себя къ вашимъ стопамъ съ благоговѣніемъ и любовію. Вѣрноподданнѣйшій Николай Карамзинъ.

18 Апрѣля.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ!

Отнимаю перо у жены, чтобы написать къ вашему сіятельству нѣсколько строкъ отъ души. Я отдался въ волю Государеву въ разсужденіи его благодѣяній: принимаю съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія и признательности. Завтра соберусь съ силами и напишу къ Государю. Потомъ изъявляю вашему сіятельству особенную, живѣйшую благодарность за доказательства вашего столь обязательнаго и столь искренняго ко мнѣ благорасположенія. Слабость предписываетъ мнѣ лаконизмъ; но вы повѣрите языку сердца.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорный слуга Николай Карамзинъ.

Хотя мужъ мой и отнялъ у меня перо, но я не хочу, чтобы это письмо было отправлено къ вамъ безъ выраженія моей личной благодарности, почтеннѣйшій князь Александръ Николаевичъ, за всѣ ваши обязательныя предложенія. Надѣюсь имѣть еще, прежде нашего отъѣзда, сердечное удовольствіе увѣрить васъ изустно, и въ этой благодарности, и въ чувствахъ уваженія, съ которыми имѣю честь быть вамъ преданная К. Карамзина.

Тогда же, кажется, Карамзину были даны и деньги на путешествіе, которое онъ думалъ начать въ Іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ первыхъ числахъ Мая Карамзины переѣхали въ Таврическій дворецъ. Докторъ объявилъ, что онъ не въ состояніе будетъ перенести путешествіе. Тогда Жуковскій принялся ходатайствовать, и 13 Мая, т. е. за 9 дней до кончины Карамзина принесли ему послѣднее письмо Государя съ указомъ министру финансовъ о пенсіи ему и послѣ него семейству его по 50 тысячъ рублей въ годъ.

Николай Михайловичъ.

Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скорѣе возвратились къ намъ съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали до нынѣ. Въ тоже время и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете своею жизнію, какъ гражданинъ, своими трудами, какъ писатель. Александръ

сказалъ вамъ: *Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію.* Исторія вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что̀ желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе Александра. Желаю, чтобы путешествіе вамъ было полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный, Николай.

Послѣднее письмо Карамзина.

Всемилостивѣйшій Государь!

Рескриптъ, которымъ вы осчастливили меня третьяго дни, написанный столь трогательно, съ такимъ благоволеніемъ, воспоминаніе въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, хвала смиренному исторіографу сверхъ его достоинствъ, омочилъ слезами блѣдное лицо мое. Прочитавъ же указъ къ министру финансовъ, я не повѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе выше мѣры. Никогда скромныя желанія такъ далеко не простирались. Но изумленіе скоро обратилось въ умиленіе живѣйшей благодарности; если самъ не буду пользоваться плодами такой царской безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно; судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ монарховъ, заслужила имя *вѣрной*, ревностной къ Царскому дому. О, какъ желаю выздоровѣть, чтобы послѣдніе дни мои посвятить вамъ, безцѣнный Государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать, и нынѣ голова моя очень слаба. Видомъ, говорятъ, я поправлюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности. Повергаю себя къ стопамъ вашимъ со всѣмъ семействомъ. Душею и сердцемъ вѣрноподданный. Николай Карамзинъ.

С.-Петербургъ, 15 Мая 1826 г.

Скончался Карамзинъ 22 Мая. Николай Павловичъ на другой день пріѣзжалъ поклониться его тѣлу и заливался слезами. Одинадцать лѣтъ спустя, онъ плакалъ о Пушкинѣ, посылалъ Наслѣдника къ тѣлу его и раннимъ утромъ, когда еще было темно, приходилъ къ дому князя Волконскаго, на Мойку и спрашивалъ дворника о здоровьѣ поэта. П. Б.

ПИСЬМА Д. В. ДАШКОВА КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ [1]).

С.-Петербургъ, 18 Іюля 1827.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Я точно долженъ радоваться, получивъ отъ васъ столь лестную благодарность за посильныя мои старанія о сочиненіи г. Андросова. Конечно мнѣ бы еще должно было благодарить васъ за доставленіе мнѣ случая сдѣлать что-либо вамъ угодное; но вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте мнѣ посѣтовать, что вы не мнѣ изволили поручить стараніе объ опредѣленіи въ иностранную коллегію молодаго Засѣцкаго, равно какъ третьяго года поручали мнѣ опредѣлить туда старшаго его брата. Я не считаю себя въ большой милости у гр. Нессельроде, но ваше имя и тогда, и нынѣ, превозмогло всѣ затрудненія. Впрочемъ, если бы когда нибудь поручаемое вами дѣло было выше силъ моихъ, то я передалъ бы его другому, или извѣстилъ бы васъ откровенно о своемъ безсиліи. Въ усердіи моемъ, смѣю надѣяться, вы никогда не усумнитесь. По дѣлу Андросова к. А. Н. Г. [2]) подлинно хлопоталъ, желая вамъ услужить. За то я благодарилъ его отъ вашего имени, и онъ принялъ сіе съ удовольствіемъ. Я кланялся также отъ васъ почтенному графу Каподистріи. Онъ уѣхалъ отсюда третьяго дня и просилъ меня васъ увѣрить въ искренней и всегдашней къ вамъ преданности.

О ливрезонахъ В. я навѣдывался у Блудова. Онъ очень жалѣетъ, что Измайловъ, не понявъ его письма, навелъ вамъ напрасное безпокойство. Дѣло шло не о *послѣднихъ* ливрезонахъ, а о *послѣдне полученныхъ*. Изданіе продолжается по проспектусу, и остальныя тетради будутъ непремѣнно къ вамъ доставляемы, по мѣрѣ полученія. Блудовъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и будетъ самъ писать. Онъ живетъ теперь въ Павловскомъ, *въ ходу*, но все боленъ и мраченъ. Ему необходимо надобно отвязаться отъ дѣлъ и помыкаться по бѣлому свѣту. Но когда же удастся!

---

[1]) Сообщено Өедоромъ Михайловичемъ Дмитріевымъ, внучатнымъ племянникомъ поэта. П. Б.

[2]) Т. е. князь А. Н. Голицынъ. П. Б.

Я былъ увѣренъ въ томъ сердечномъ удовольствіи, которое доставитъ вамъ свиданіе съ Карамзиными, не смотря на грустныя воспоминанія. Какъ бы желалъ и я быть теперь въ Москвѣ и провести нѣсколько пріятныхъ недѣль съ вами и съ ними! Богъ знаетъ за что мы всѣ такъ размытарены по всѣмъ концамъ земли! Грустныя мысли жмутъ сердце, когда вспоминаетъ о тѣхъ, кто ему милы. Всѣмъ друзьямъ нашимъ горько отъ судьбы досталось. Наталья Яковлевна [1]) не изъ послѣднихъ страдальцевъ. Я ее рѣдко вижу, но, право, всякое свиданіе горестно. Она васъ точно не забыла, но рѣшилась ни къ кому не писать, и все больше и больше мертвѣетъ.

Покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, о доставленіи прилагаемаго у сего письма Вяземскому, съ чувствами сердечнаго почитанія и неизмѣняемой преданности имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою, Д. Дашковъ [2]).

*

С.-Петербургъ, 6 Сентября 1829.

Боюсь очень, чтобы долгое мое молчаніе не навлекло на меня неудовольствія вашего высокопревосходительства и не показалось вамъ знàкомъ забвенія, непростительнаго съ моей стороны и, скажу больше, невозможнаго. Съ самаго моего возвращенія сюда, безпрестанно возобновляющаяся болѣзнь и безпрестанныя занятія отнимали у меня всѣ силы и все время. Даже и теперь я еще чувствую слѣды несчастной Булгарской лихорадки, отъ которой избавиться могъ бы я только развѣ посредствомъ совершеннаго на нѣсколько мѣсяцевъ покоя, а какъ получить его? Если бы Блудовъ не былъ такъ боленъ, то я съ начала лѣта сталъ бы проситься въ отпускъ; но вмѣсто того мнѣ досталось дѣлать и его дѣло по части иновѣрныхъ исповѣданій и свое. Къ счастію онъ пишетъ, что ему лучше и что возвратится сюда въ концѣ Сентября; тогда по крайней мѣрѣ будетъ время заняться какъ должно труднымъ управленіемъ, собственно мнѣ (хотя и на 4 только мѣсяца) порученнымъ. Сіе управленіе по нынѣшнему порядку гораздо труднѣе и безпокойнѣе нежели прежде: М. Ю. [3]) кругомъ запутано, и сверхъ того я окруженъ людьми, на коихъ не могу полагаться, и коихъ однакоже, какъ временный начальникъ и не настоящій хозяинъ, перемѣнить не могу. Вы изволили спрашивать у Франка, кто заступилъ мѣсто Люминарскаго? Еще никто; да и конечно ни одинъ порядочный чело-

---

[1]) Жившая во дворцѣ фрейлина Плюскова. П. Б.

[2]) Въ дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и окончанія опускаются. П. Б.

[3]) Министерство Юстиціи. П. Б.

вѣкъ не пойдетъ ко мнѣ, пока теперешнее état provisoire продолжится, и пока будетъ въ перспективѣ возвращеніе кн. Долгорукаго, коего первое стараніе тогда будетъ, изъ одной ко мнѣ личности, переломать все, что̀ бы я ни сдѣлалъ. Волею или неволею, а надобно терпѣливо ждать конца.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, хотя въ замѣну за сіи не совсѣмъ пріятныя вѣсти обо мнѣ, покорнѣйше просить у васъ нѣсколькихъ строчекъ объ васъ и о вашемъ здоровьѣ. Позвольте также принести вамъ усерднѣйшее мое поздравленіе съ наступающими днями вашего рожденія и именинъ, и пожелать вамъ провести ихъ спокойно и пріятно въ кругу Московскихъ друзей вашихъ. Петербургскіе очень хотѣли бы раздѣлить сіе удовольствіе, въ числѣ ихъ и Н. Я. Плюскова, которая сегодня нарочно присылала ко мнѣ, зная мое намѣреніе къ вамъ писать, съ просьбою не забыть ее въ письмѣ моемъ. Съ ней я вижусь, къ сожалѣнію, очень рѣдко, какъ и вообще со всѣми, кромѣ просителей и еще почтенныхъ моихъ сочленовъ по комитетамъ, о нихъ же нѣсть глаголати подробнѣ.

Карамзины будутъ на дняхъ изъ Ревеля. Ихъ выгнала оттуда дурная погода и болѣзнь бѣднаго Андрюши. Онъ очень страдаетъ глазами, и мать въ большомъ страхѣ.

Покорнѣйше прошу о продолженіи ко мнѣ столь драгоцѣнной всегда благосклонности вашей по принятіи искреннѣйшаго увѣренія въ сердечномъ почитаніи и неизмѣняемой преданности, съ коими имѣю честь быть.

*

Имѣю честь препроводить у сего къ вашему высокопревосходительству по условію: 1) проектъ манифеста, для васъ исключительно и 2) отчетъ Французскаго Министерства Юстиціи для поручаемаго г. Дегаю труда. Я очень буду ему благодаренъ, если онъ приготовитъ мнѣ къ 1 Октября формы Русскихъ отчетовъ, какъ по уголовной, такъ и по гражданской части, по Сенату и по губернскимъ мѣстамъ, формы дѣльныя, полезныя и особливо нетрудныя для исполненія въ губерніяхъ. Можно бы даже въ семъ послѣднемъ отношеніи приготовить два рода формъ: однѣ полегче и простѣе для начала, а другія на будущее время и уже болѣе Европейскія.

Желаю вамъ совершеннаго здоровья и прошу принять искреннѣйшее увѣреніе въ неизмѣняемой моей къ вамъ преданности. Сего утра уѣзжаемъ.

Середа утромъ.

Позвольте мнѣ, такъ давно къ вамъ не писавшему и виноватому передъ вами безъ оправданія, воспользоваться прошедшимъ днемъ вашего рожденія и наступающими именинами, и сколько нибудь загладить вину свою принесеніемъ вамъ искренняго и усерднѣйшаго моего поздравленія. Въ кругѣ дѣйствія, превышающаго силы мои и еще увеличеннаго свыше мѣры несчастными обстоятельствами, я иногда могу невольно погрѣшить неисполненіемъ своего долга передъ любезными сердцу ближними, въ числѣ которыхъ почти съ дѣтства привыкъ и васъ ставить. Но въ одномъ покорнѣйше прошу васъ быть всегда твердо увѣреннымъ: въ неизмѣняемости чувствъ моихъ. Нынѣшній годъ былъ для меня особливо тяжелъ: я лишился матери, которую за мѣсяцъ передъ тѣмъ оставилъ въ совершенномъ по ея лѣтамъ здоровьѣ, лишился двоюроднаго брата и друга, былъ самъ нѣсколько разъ боленъ и видѣлъ болѣзнь жены, хотя наконецъ и утѣшился недавно благополучными ея родами. Но даже и съ нею не могу быть такъ часто, какъ бы хотѣлось.

Франкъ конечно увѣдомилъ въ свое время ваше высокопревосходительство о помѣщеніи удостоенныхъ вашего покровительства Каратѣева и Правиковыхъ. Найти случай сдѣлать вамъ угодное будетъ для меня всегда сердечнымъ удовольствіемъ.

С.-Петербургъ, 25 Сентября 1831.

М. г. Катеринѣ Андреевнѣ свидѣтельствую мое почтеніе, а кн. Вяземскому посылаю дружескій поклонъ. Пора бы имъ возвращаться сюда. Холера дѣйствуетъ здѣсь очень слабо, хотя сегодня ночью еще умеръ отъ нея старинный знакомецъ вашъ докторъ Реманъ.

*

Имѣвъ честь получить почтеннѣйшій отвѣтъ вашего высокопревосходительства отъ 2 Октября, я увидѣлъ изъ него съ истиннымъ прискорбіемъ неудовольствіе ваше за неисполненіе просьбы вашей о г. Пальчиковѣ, и особливо о вашемъ племянникѣ. Я самъ всегда очень помню, что послѣднее представленіе ваше по званію министра юстиціи было о помѣщеніи меня за оберъ-прокурорскій столъ; благодарность моя ко всѣмъ бывшимъ начальникамъ, а къ вамъ преимущественнѣе всѣхъ, соразмѣрялась не одними полученными черезъ нихъ выгодами по службѣ, но еще болѣе благосклоннымъ ихъ ко мнѣ вниманіемъ и дружбою. Съ Пальчиковымъ я познакомился лично; онъ мнѣ очень понравился, и я перезывалъ его на службу къ себѣ, въ Петербургъ, но за отказомъ его оставить Псковъ, ему назначено тамъ мѣсто прокуро-

ра, куда и будетъ онъ скоро опредѣленъ, по окончаніи въ Сенатѣ разсмотрѣнія поступковъ нынѣшняго прокурора Леонтьева. Сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о немъ уже сдѣлано.

Что̀ касается до помѣщенія вашего племянника за оберъ-прокурорскій столъ, то дѣло не такъ легко, какъ оно представляется. По штату 1818 года положено такихъ чиновниковъ по два въ каждомъ департаментѣ; но комитетъ, учрежденный для составленія новыхъ штатовъ, предположилъ оставить ихъ только по одному; и хотя предположенія сего комитета еще не получили утвержденія, и даже по части губерній еще не совсѣмъ готовы, но Государь, считая самъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ мало полезными для службы, изъявилъ желаніе оставлять сіи мѣста, по мѣрѣ вакансій, незамѣщенными, пока число чиновниковъ не уменьшится до одного на департаментъ, особо въ Петербургѣ, и особо въ Москвѣ. Отъ того и оставляются мною, уже около двухъ лѣтъ, сіи вакансіи праздными, несмотря на множество искателей, изъ коихъ назову вамъ князя Юрія Трубецкого, одного родственника графа Кочубея и сына Н. А. Оленина, и кои всѣ вѣроятно на меня сѣтуютъ. Теперь мнѣ самому необходимо было бы за предположеннымъ уничтоженіемъ моей канцеляріи опредѣлить директора оной за оберъ-прокурорскій столъ; но не знаю, удастся ли мнѣ склонить на сіе Государя.

Въ безпрестанномъ ожиданіи рѣшительнаго по сему постановленія и въ надеждѣ, что вы не изволите усумниться въ моемъ усердіи, я ничего не отвѣчалъ вамъ, и въ томъ конечно виноватъ. Но я все имѣлъ въ виду поѣздку въ Москву для несдѣланнаго за прошлогоднею холерою осмотра Московскаго Сената, чего не могъ исполнить донынѣ. Но къ 1 Ноября надѣюсь увидѣться съ вами, и еще поговорить о вашемъ племянникѣ. Если не удастся помѣстить его по желанію, то можетъ быть удастся выпросить ему награду, которая поравняла бы его съ другими.

С.-Петербургъ. 19 Октября 1831.

*

Съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ имѣю честь извѣстить ваше высокопревосходительство, что Государь Императоръ, изъ уваженія къ вашему имени и къ отличной службѣ племянника вашего Михаила Александровича, соизволилъ пожаловать его въ званіе камергера. Высочайшее о томъ повелѣніе будетъ мною сего же дня объявлено министру двора, князю Волконскому.

22 Ноября 1831. Москва.

*

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства, по долговременномъ странствованіи, наконецъ дошло до меня въ половинѣ Дека-

бря еще въ деревню; но я не могъ имѣть чести немедленно отвѣчать вамъ, въ незнаніи когда и какими путями удастся мнѣ добраться до Петербурга. Я былъ тогда въ перепискѣ со всѣми окружными губернаторами и съ кн. Д. В. Голицынымъ, и даже думалъ быть самъ въ Москвѣ. Наконецъ мнѣ пришлось ѣхать въ объѣздъ, и вотъ уже три дня, какъ мы сидимъ съ женою въ карантинѣ, который къ несчастію, продолжается 14 дней и не позволитъ намъ быть въ Петербургѣ ближе половины Января. Слѣдовательно и работу г. Дегая могу я получить только тамъ, и прошу его усердно прислать мнѣ оную поскорѣе черезъ почту, въ особомъ отъ другихъ дѣлъ пакетѣ, и съ надписью: въ собственныя руки. Тутъ же я бы покорнѣйше просилъ и васъ, милостивый государь, вложить въ запечатанномъ конвертѣ заповѣдное твореніе, которое осталось у васъ въ проѣздъ мой черезъ Москву, и которое я весьма желалъ бы получить обратно отъ васъ самихъ, при вашемъ о немъ мнѣніи. Но что же дѣлать, когда судьба, вмѣсто пріятныхъ бесѣдъ, осудила меня слушать въ самый Новый годъ перекличку часовыхъ и трескъ избы карантинной отъ ночного мороза!... Я полагаю, что Московскій Почтамтъ началъ уже принимать для отправленія самые толстые пакеты, и что по сему все можетъ быть отправлено ко мнѣ г. Дегаемъ безъ малѣйшаго затрудненія; но во всякомъ случаѣ И. А. Рушковскій вѣрно не откажется переслать въ Петербургъ къ Булгакову какой бы то ни было пакетъ на мое имя; стóитъ только его отъ меня попросить.

Неудача вашего племянника столько же меня удивила, сколько и огорчила. Не понимаю, какъ пропустилъ это Дмитрій Николаевичъ, коему я сдалъ представленіе кн. Дмитрія Владимировича и другія бумаги съ напоминаніемъ и просьбою. Правда, что по нынѣшнему порядку опредѣленіе предсѣдателей зависитъ прямо отъ Сената, но все дѣло сіе не могло миновать министра по дальнѣйшему своему теченію. Не было ли тутъ какой-нибудь штуки со стороны канцеляріи, воспользовавшейся моимъ отсутствіемъ? Но какъ бы сіе ни случилось, поправить испорченное теперь не въ моей власти; только я не желалъ бы, чтобы справедливое огорченіе Михайла Александровича довело его до отставки. У кого же не было неудачъ? И въ его лѣта можно всего ожидать отъ будущаго. Съ моей стороны, я готовъ къ его услугамъ при всякомъ случаѣ, и буду всегда принимать въ немъ участіе, какъ въ человѣкѣ вамъ близкомъ.

Принося вамъ мое и жены моей искреннѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ, и пр.

С.-Петербургъ, 16 Января 1833.

Чѣмъ больше я виноватъ предъ вашимъ высокопревосходительствомъ въ неисправности, тѣмъ чувствительнѣе для меня было благо-

склонное вниманіе, изъявленное въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 5 Января. Примите, милостивый государь, искреннюю и глубокую мою благодарность за двойное поздравленіе ваше, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усерднѣйшее мое желаніе вамъ здоровья, спокойствія и всѣхъ возможныхъ благъ въ продолженіе наступившаго года. Намъ обѣщаютъ давно ожидаемое удовольствіе видѣть васъ нынѣшнею весною въ Петербургѣ; если же сіе не сбудется, то я все однакоже имѣю надежду увидѣть васъ лѣтомъ или въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь въ Симбирской губерніи, куда мнѣ очень нужно съѣздить для устройства приданаго имѣнія жены моей. Да и здоровье мое требуетъ настоятельно 3-хъ или 4-хъ мѣсячнаго отдыха, который я полагаю лучше употребить на берегахъ родимой вашей Волги, нежели въ Карлсбадѣ, или Теплицѣ. А тамъ отъ Самары или Корсуня до Сызрани недалеко.

Д. Н. Блудовъ все попрежнему хвораетъ, но не перестаетъ трудиться. Отъ добраго вашего Жуковскаго писемъ вовсе не получаемъ, но молодой великій князь имѣлъ недавно отъ него довольно хорошія извѣстія изъ окрестностей Веве на Женевскомъ озерѣ. Въ будущемъ Маѣ или Іюнѣ онъ полагаетъ возвратиться въ Россію.

Теперь можетъ открыться случай къ помѣщенію племянника вашего по изъявленному мнѣ вами въ Москвѣ желанію, и какъ скоро представится, то я не премину онымъ воспользоваться.

Карантинъ при Шошѣ,
31 Декабря 1831 года.

*

Поспѣшаю сообщить вашему высокопревосходительству пріятное извѣстіе, что Государь изволилъ согласиться на мое представленіе о помѣщеніи вашего племянника*) за оберъ-прокурорскій столъ въ Московскій Уголовный Департаментъ, съ жалованьемъ по положенію, и что указъ о семъ уже подписанъ, хотя будетъ изданъ только завтра. Что же касается до его чина, то дѣло будетъ очень скоро приведено къ окончанію обыкновеннымъ порядкомъ; чрезъ Министерство Двора уже испрошено по установленной формѣ высочайшее соизволеніе, и Сенатъ подноситъ докладъ, не забывая полагать старшинство со дня выслуги въ прежнемъ чинѣ. Такимъ образомъ все дѣло будетъ улажено согласно съ желаніемъ вашимъ, а сверхъ того Михаилъ Александровичъ не войдетъ въ число получившихъ въ семъ году особенную награду.

---

*) Это Михаилъ Александровичъ, сынъ Александра Ивановича Дмитріева, переводчика „Лузіады Камоенса", отецъ попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа Ѳедора Михаиловича. П. Б.

Принося вамъ, милостивый государь, какъ отъ себя, такъ и отъ всего семейства Пашковыхъ *) искреннее поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ и сердечное желаніе вамъ здоровья и спокойствія, имѣю честь быть всегда съ и пр.

С.-Петербургъ, 1 Апрѣля 1833.

*

Я имѣлъ честь получить при почтеннѣйшемъ письмѣ вашего высокопревосходительства двѣ записки по дѣламъ въ Симбирской губерніи производящимся, и не премину дать тамошнему прокурору надлежащее предписаніе тотчасъ по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ.

Мы собираемся выѣхать изъ Москвы завтра, но я всячески постараюсь быть еще у васъ поутру и проститься лично. Между тѣмъ покорнѣйше прошу принять искреннѣйшее увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго почтенія и пр.

29 Августа 1833. Москва.

---

*) Супруга Д. В. Дашкова, Елисавета Васильевна, была урожденная Пашкова. П. Б

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ДОЧЕРИ ЕГО КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ.

Читатели помнятъ переписку братьевъ Булгаковыхъ, напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ“ (1898—1904). Старшій изъ нихъ Александръ Яковлевичъ по матери своей Французъ, проведшій года молодости въ Неаполѣ, былъ человѣкъ необыкновенно живой и подвижный. Князь Вяземскій говорилъ о немъ („Р. Арх.“ 1868, стр. 1440), что „отъ него такъ и несло шумомъ и движеніемъ Кіаіи и близостью Везувія; а Жуковскій писалъ ему (тамъ же, стр. 1444): „Ты рожденъ гусемъ, т. е. все твое существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали съ утра до вечера писать очень любезныя письма“. Внука его, Александра Александровна Львова, урожденная княжна Долгорукая, почтила наше изданіе позволеніемъ напечатать нижеслѣдующія выдержки изъ писемъ ея дѣда къ младшей его дочери княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ Долгорукой. П. Б.

Moscou, le Mai 1831.

Rien de nouveau, а только что покрали казначейство третьяго дня; говорили, что на два милліона, а выходитъ, что на 180 т. рублей. Выломали стѣнку, должно быть свои; ничего еще не отыскали; ежели не найдутъ, то прійдется князю Дмитрію Владимировичу [1]), Небольсину [2]) и Брусилову внести свои деньги въ казну. Ce n'est pas plaisant. Il y a des nouvelles de l'armée, vous les lirez à gr.-maman. Je vous envoie le rapport. Le maréchal avoue 4000 tués et blessés; l'affaire a été très-chaude et belle, mais ne mène à rien. Paskewitch est parti pour l'armée; on dit que Dibitch va aux eaux. Il court du bruit comme si le choléra était à Pétersbourg, mais cela n'est pas; on assure que beaucoup de dames se disposent à partir pour Moscou et que la p-sse Galitzine, née Apraxine [3]), qui est déjà ici, forme l'avant-garde des émigrées; on assure que la cour même viendra ici [4]). Все это пустяки, то не вѣрьте, ежели дойдетъ до васъ. Въ Петербургѣ умерла въ два дня молодая Альбрехтъ, урожденная Яковлева, дочь богача; on l'a dit jolie; elle laisse beaucoup d'enfants [5]).

*

[1]) Голицыну, Московскому генералъ-губернатору. П. Б.

[2]) Московскому гражданскому губернатору. П. Б.

[3]) Княгиня Наталья Степановна. П. Б.

[4]) Въ томъ числѣ Ольга Карловна Рейтернъ, впослѣдствіи достопамятная директриса Николаевскаго Сиротскаго Института въ Москвѣ. П. Б.

[5]) Ее называли хорошенькой; послѣ нея осталось много дѣтей.

Москва, Май 1831 г.

Это не весело. Есть извѣстія изъ арміи, прочтите ихъ бабушкѣ. Посылаю вамъ донесеніе. Фельдмаршалъ признается, что убитыхъ и раненыхъ 4000; сраженіе было очень

Moscou, 16 Juin 1831.

Moscou est bien triste, il n'y a que des figures allongées, on débite de toutes nouvelles: tantôt le choléra saute à Wilna, tantôt c'est le choléra qui est à Pétersbourg. La mort de Dibitch a fait une grande impression. C'est affreux pour un militaire de mourir de choléra dans un moment où les balles sifflent autour de lui et peuvent lui offrir une plus belle mort. L'Empereur a ordonné que l'armée porte trois jours le deuil pour le défunt maréchal. Paskevitch est parti le 5 sur un pyroscaphe et va débarquer à Libau. Nous avons eu hier la visite du bon amiral Greigh, qui est déjà parti pour Nikolaeff; il a fait de grands yeux en voyant Катинька [1]), mais ses yeux ont encore grossis, quand il a appris que m-lle Olga était mariée; il est très fâché de partir sans vous avoir vu.

La présence ici de Michel Orloff exite beaucoup la curiosité; il m'a dit hier qu'il allait chercher sa femme; donc il a la permission d'habiter Moscou. La police distribua des affiches, dont je vous envoie copie; il paraît qu'elle tourne autour du pôt et n'ose pas nommer le choléra, mais pense que ce mal a reparu ici de nouveau. Moi je ne crois à rien de tout cela; mais il y a de fameuse peur dans la ville. Maman sourit de moi de l'oeil; en attendant elle ne voit pas le moment de quitter Moscou; sa santé se remet visiblement, elle dort bien, et le rémède de Schubert va de pair avec les côteletes du fameux Éfimofsky [2]).

*

жаркое и славное, но ни къ чему не привело. Паскевичъ уѣхалъ въ армію; говорятъ, Дибичъ ѣдетъ на воды. Ходитъ слухъ, будто въ Петербургѣ была холера, но этого не было; увѣряютъ, что многія дамы намѣреваются уѣхать въ Москву и что княгиня Голицына, рожд. Апраксина, уже здѣсь составляетъ авангардъ эмигрантокъ; увѣряютъ, что даже Дворъ прибудетъ сюда.

[1]) Это старшая дочь А. Я. Булгакова, впослѣдствіи Саломирская. П. Б.

Москва, 16 Іюня 1831.

[2]) Москва весьма печальна, только и видны вытянутыя лица. Передаютъ всякія новости: то холера перескочила въ Вильну, то въ Петербургѣ холера. Смерть Дибича произвела большое впечатлѣніе. Ужасно для военнаго умереть отъ холеры въ то время, когда вокругъ него свистятъ пули, могущія предоставить ему болѣе славную смерть. Государь приказалъ, чтобы армія была три дня въ траурѣ по покойномъ маршалѣ. Паскевичъ уѣхалъ 5-го числа на пароходѣ и высадится въ Либавѣ. Вчера насъ посѣтилъ добрѣйшій адмиралъ Грейгъ, который уже уѣхалъ въ Николаевъ; увидавъ Катеньку, онъ глаза выпучилъ, но еще бо́льшіе глаза сдѣлалъ, когда узналъ, что Ольга замужемъ: онъ очень жалѣлъ, что уѣзжалъ не повидавъ васъ. Пребываніе здѣсь Михаила Орлова вызываетъ большое любопытство; вчера онъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ за своей женой; слѣдовательно имѣетъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ. Отъ полиціи разослано объявленіе, копію съ котораго посылаю вамъ; кажется, она говоритъ обиняками и не смѣетъ назвать холеру, но думаетъ, что это бѣдствіе снова появилось здѣсь. Я ничему этому не вѣрю, но въ городѣ разносятся страхи. Матушка глазами усмѣхается надо мной, пока не находитъ удобнымъ покидать Москву; здоровье ея явно возстановливается, она спитъ хорошо, и лѣкарство Шуберта идетъ наравнѣ съ котлетками знаменитаго Ефимовскаго.

17 Juin.

Ну, слава Богу. Сперва пришли сказать, что Волынскій изъ Шеметова [1]) пріѣхалъ; я ну бѣжать къ нему. Спитъ, боровъ, наѣвшись; я ну ждать, чтобы изволилъ проснуться; выходитъ гора съ заспанными глазами, цѣлуетъ меня. Слава Богу, вы всѣ здоровы; писемъ нѣтъ, но я узнаю отъ Волынскаго, что то Дишка [2]), чмокъ Ольгу, то Ольга чмокъ Дишку, любо смотрѣть: ce sont les propres expressions de Wolynsky, chez lequel je suis resté une heure. Il m'a fait l'éloge de tout Шеметово. Je lui ai parlé de l'inquiétude de notre bonne princesse à la quelle les affaires avaient fait perdre tout le calme; mais W. me répondit [3]): да я право не воображалъ, чтобы дама могла быть такъ аккуратна, какъ княгиня.

Отъ него я поскакалъ на почту, встрѣчаю почтальона верхомъ; онъ меня останавливаетъ. Что такое? Архангельская почта, есть пакетъ къ в. п-ву. Ахъ ты мой архангелъ, а не почтальонъ, подавай скорѣе, и вотъ тебѣ два двугривенныхъ. Je me suis arrêté dans la rue pour parcourir votre lettre du 9. Les passants auront cru que c'était quelque victoire. Ну, слава Богу! Me voilà heureux et tranquille. J'ai couru d'abord dans la maison de la p-sse [4]), тамъ живописцы цѣлой вселенной расписываютъ потолки.

Катинька еще спитъ. Voici sa lettre cachetée déjà hier; le soir elle a gigoté chez la Dimitrieff. Elle était superbe au dire de tout le monde, c'était un petit bal; были: Киндякова, Горскина, Кашкина, Бартенева, Лазаревы, двѣ

---

[1]) Подмосковная близъ Сергіевой Лавры, принадлежавшая графинѣ Васильевой. Тамъ проводили лѣтнее время дочь ея княгиня Долгорукая и внукъ съ своею супругою, дочерью А. Я. Булгакова. П. Б.

[2]) Семейное прозвище князя Александра Сергѣевича Долгорукаго. П. Б.

[3]) Это подлинное выраженіе Волынскаго, у котораго я пробылъ часъ. Онъ хвалилъ мнѣ все Шеметово. Я говорилъ ему о тревогѣ нашей доброй княгини, которую дѣла совершенно лишили спокойствія; но Волынскій отвѣтилъ мнѣ:

[4]) Я остановился на дорогѣ, чтобы пробѣжать ваше письмо отъ 9-го. Прохожіе, вѣроятно, подумали, что пришло извѣстіе о какой-нибудь побѣдѣ. Ну, слава Богу! Вотъ я и счастливъ, и покоенъ. Сначала я побѣжалъ въ домъ княгини, тамъ живописцы цѣлой вселенной расписываютъ потолки. Катинька еще спитъ. Вотъ ея письмо, запечатанное еще вчера; вечеромъ она отплясывала у Дмитріевой. По общему отзыву, она была безподобна; былъ маленькій балъ, были... Было очень весело, и мы уѣхали въ 3 часа; былъ тамъ новопріѣзжій, Смирновъ Альбиносъ, пріѣхавшій сюда съ маленькимъ Россети. Братъ сообщаетъ мнѣ, что нашъ посолъ въ Берлинѣ, графъ Алопеусъ, умеръ 1 (13) Іюня.

17-е Іюня.

Что вамъ сказать новаго? Еще не знаютъ, каковы дѣйствія Паскевича; но дѣлà Поляковъ, по ихъ собственнымъ донесеніямъ, плохи; начальники поссорились, и дѣло идетъ о назначеніи князя Чарторижскаго регентомъ. Посылаю вамъ „Инвалидъ“; вы увидите тамъ все малое вознагражденіе за холеру. Моя любимица, Пушкина, только-что родила дочь Машеньку, а мужъ ея за холеру сдѣланъ титулярнымъ совѣтникомъ. Въ данный моментъ у меня письмо брата отъ 13; но ничего нѣтъ новаго.

хозяйки, сестра твоя. C'était fort gai, et nous sommes partis à 3 heures; il y avait là un nouveau débarqué, Smirnoff Albinoss [1], qui est venu ici avec le petit Rossetti. Mon frère m'annonce que notre ministre à Berlin le c-te Alopeus est mort le 1 (13) Juin. Кого-то туда пошлютъ?

Всѣ адъютанты Дибича перешли къ Паскевичу, а трое пожалованы во фл.-адъютанты къ Государю, а именно Баратынскій, Крузенштернъ и гр. Протасовъ. Сказываютъ, что будетъ или есть уже карантинъ въ Твери, гдѣ будто двое умерли холерою. Маркусъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ, однакоже не умѣлъ заставить Петербургскихъ медиковъ принять мнѣніе, что холера *не прилипчива*.

*

Moscou, le 17 Juin 1831.

Que vous dire de nouveau? On ne sait pas encore ce qui en est des opérations de Paskevitch; mais les affaires des Polonais vont mal d'après leurs propres rapports; les chefs sont brouillés entre eux, et il s'agit de nommer le p-ce Chartorijsky régent. Je vous envoie l'Invalide, vous y trouverez toute la petite recompense pour le choléra. Ma favorite m-me Pouchkine vient d'accoucher d'une petite Машинька, et son mari a été fait титулярный совѣтникъ. Pour le choléra j'ai dans le moment une lettre de mon frère du 13; mais rien de nouveau, а только Сакенъ и Курута разбили корпусъ Гельгута, который пробирался было къ Волыни, но не удалось. Главною его цѣлью было увезти оттуда извѣстную красавицу Любовь Петровну, но послѣ пораженія своего онъ узналъ, что она жительство имѣетъ гдѣ-то подъ Троицкой Лаврою, забыла о своемъ отечествѣ, а занималась токмо какимъ-то Корсаковымъ. Тиньковъ пишетъ сюда, что онъ самъ лично гонялся очень долго за гр. Платершею, которая набрала войска тысячи 4 и воюетъ, мастерица ѣздить верхомъ. Онъ говоритъ, что у нея не лошадь, а стрѣла. Онъ не могъ ее догнать, но загналъ въ лѣсъ, который наши окружили и надѣются взять эту Амазонку негодную.

*

Lundi, le 22 Juin 1831.

De l'armée les nouvelles sont bonnes. Gelgud a été battu près de Wilna et obligé de fuir; le p-ce Etienne Hilkoff s'est extrêmement distingué. Le c-te Pierre Tolstoy est allé lui-même à la poursuite des fuyards [2].

*

---

[1]) Николай Михайловичъ Смирновъ, котораго пріятель его А. С. Пушкинъ звалъ красноглазымъ кроликомъ. П. Б.

[2]) Понедѣльникъ, 22 Іюня 1831.

Изъ арміи извѣстія хороши. Гельгутъ былъ разбитъ около Вильны и принужденъ бѣжать; князь Степанъ Хилковъ чрезвычайно отличился. Графъ Петръ Толстой пошелъ самъ въ погоню за бѣглецами.

Moscou, 24 Juin 1831.

La gran le nouvelle, c'est la mort du monseigneur le grand-duc Constantin, qui a succombé au choléra en très peu de temps à Witebsk. C'est encore un secrêt, personne ne le sait ici; mais je m'imagine que demain il y aura déjà le manifeste. Je le sais depuis deux jours par mon frère. Benkendorf devait aller chercher le corps et l'amméner à Pétersbourg; mais il est tombé malade, et c'est Опочининъ qui est chargé de cette besogne. Il me semble que S. A. I. a bien fait de mourir, car son existence était devenu bien triste. Il avait aussi de belles qualités, et Dieu accordera repos à son âme. Le cholèra est faible à Pétersbourg et ne fait pas de progrès. Mon frère a pris des mesures très-efficaces contre le mal dans son département, et il n'a pas de malades. Au reste, comme vous le verrez dans l'Invalide, il n'y en a que 4 malades et 2 morts, и то не настоящая холера.

П. В. Кутузовъ отправляется въ Нижній; тамъ будетъ устроенъ карантинъ. Дамы всѣ носъ повѣсили, да много трусовъ и между кавалерами въ Петербургѣ. Государь въ Петергофѣ, тамъ кн. А. Н. Голицынъ, Волконскій, Меншиковъ, Нессельроде и Бенкендорфъ.

Que vous dire encore? On a arrêté une 20 de mauvais sujets, qui se rassemblaient chez un m-r Сунгуровъ, qui louait une campagne à Тюфелева роща [1]). Чортъ знаетъ, что̀ было у нихъ въ головѣ, только не хорошее; идетъ слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ князя Дм. Вл.; тутъ сидятъ также губернаторъ, Апраксинъ, комендантъ и Мухановъ, а полиц. Микулинъ дѣлаетъ слѣдствіе. Много замѣшали эти канальи молодежи изъ университетскихъ. Тошно въ Москвѣ, душно, пыльно и грустно [2]).

*

Moscou, 27 Juin 1831.

Figurez vous que le pauvre кн. Сер. Иван. Голицынъ est tombé malade de cholèra le 20, et le soir il n'était plus [3]). Cela a extrêmement affecté mon

---

[1]) Москва, 24 Іюня 1831.

Важная новость—смерть великаго князя Константина, который быстро скончался отъ холеры въ Витебскѣ. Пока, это еще секретъ, никто здѣсь не знаетъ объ этомъ; но я думаю, завтра уже будетъ манифестъ. Я знаю объ этомъ уже два дня, черезъ брата. Бенкендорфъ долженъ былъ ѣхать за тѣломъ и привезти его въ Петербургъ, но онъ заболѣлъ, и обязанность эта возложена на Опочинина. Мнѣ кажется, что Е. И. В. хорошо сдѣлалъ, что умеръ, потому что существованіе его стало очень печально. И онъ имѣлъ прекрасныя качества, упокой Господи душу его! Въ Петербургѣ холера слабая и не усиливается. Мой братъ принялъ очень дѣйствительныя мѣры противъ заболѣванія въ его департаментѣ, и у него больныхъ нѣтъ. Впрочемъ, какъ увидите въ „Инвалидѣ“, всего-то 4 больныхъ и 2 умерло, и то не настоящая холера.

[2]) Что̀ еще вамъ сказать? Арестовали 20 негодяевъ, собиравшихся у нѣкого Сунгурова, нанимавшаго дачу въ Тюфелевой рощѣ.

[3]) Это двоюродный братъ А. Я. Булгакова, сынъ его родной тетки Марѳы Ивановны Приклонской. П. Б.

frère, et la famille du défunt est dans le déssepoir. Je vous envoye ci-joint les deux bulletins du cholèra, ils exagèrent excessivement le mal. Les bulletins du général-gouverneur Essen passent encore, mais d'après les rapports de Zakreffsky le nombre des malades est presque double[1]). Obreskoff[2]), a été chez moi, il est inquiet sans Pauline, qui est alleé avec Катенька à Троица, il craint qu'elles ne soyent coupées d'ici, car il assure que 6 personnes sont mortes de cholèra à Тарасовка; mais je ne veux pas trop croire à cette nouvelle qu'il dit cependant tenir de Мухановъ[3]). Ce serait une nouvelle entrave à notre réunion. Nous sommes presque au 1 de Juillet, jour si heureux pour moi et que j'aurai tant voulu passer avec vous. J'envie le sort du Горчаковъ qui part dans deux jours et passera avec vous le 1-er du Juillet. Влѣзъ бы къ нему въ карманъ, ежели бы можно было. J'ai eu hier la visite d'Alexandre Tourguéneff toujours le même, distrait, glouton, ayant tellement peur du cholèra qu'il a manqué à Pétersbourg s'embarquer pour Lubeck; il a compté fleurette à votre soeur et meurt d'envie de vous voir; не только въ Петербургѣ, dit-il, но и въ чужихъ краяхъ наслышался я о твоихъ красавицахъ. P. P. Novossilzoff a été aussi chez moi et nous a beaucoup parlé de mon frère. Il y a enfin ce manifeste de la mort du grand-duc Constantin. S. A. I. était parti pour Pétersbourg, mais il a été obligé de rebrousser chemin et mourut bientôt après être arrivé à Witebsk. Il y a deuil pour six mois, и все, черныя ленты, крепъ очень вздорожалъ. Vous autres heureux mortels à la campagne, cela ne vous regarde pas. Je ne vous donne pas les petites nouvelles de la ville, car Катя vous a préparé tout un cahier. Je parie, mon cher Alexandre, que vous allez devenir chasseur enragé et que bientôt il n'y aura plus un moineau aux environs de Шеметово. Je ne puis vous rien dire encore sur un projet de campagne. Il faudra avant aller s'installer maîtres à Горбово[4]) mais c'est Шеметово et Smerdino[5]) que j'ai surtout sur le coeur. Patience, cela viendra un jour. Point de nouvelles de l'armée; à Pétersbourg on est encore plus triste qu'ici. On croit que la cour ira s'établir à Царское Село. Прощайте, мои друзья, покуда. Это письмо наканунѣ; завтра, запечатывая, припишу, что̀ случится. Une personne arrivée de Pétersbourg dit que le cousin Serge a mangé, ayant eu chaud, six portions de glace. Avec l'air qui est au cholèra il ne faut pas s'étonner qu'il soit mort. Au reste, c'était écrit là-haut! Son heure avait sonné. Ici on

---

[1]) Эссенъ — Петербургскій генералъ-губернаторъ Закревскій — министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Шуринъ А. Я. Булгакова, женатый на сестрѣ его супруги, Прасковьѣ Васильевнѣ (ур. княжнѣ Хованской). П. Б.

[3]) Тогдашній Московскій оберъ-полицеймейстеръ. П. Б.

[4]) Горбово по Можайской дорогѣ, село съ суконною фабрикою, унаслѣдованное супругою А. Я. Булгакова отъ ея отца В. А. Хованскаго.

[5]) Сельцо Смердино, подъ Троицкою Лаврою, имѣніе Булгаковыхъ. П. Б.

n'entend pas parler de malades. Pauline est revenue de Троица hier, elle a cependant dû faire un detour pour éviter Тарасовка où il y a des malades *).

*

Moscou, le 29 Juin 1831.

Остатокъ корпуса Гельгута разбитъ подъ Ковною, и онъ такъ бѣжитъ усердо, что не успѣваетъ мостовъ жечь. Я полагаю, что ни одинъ не спасется. Костя поѣхалъ вмѣсто меня съ П. П. Новосильцевымъ къ имяниннику Вяземскому въ Остафьево, будетъ назадъ ночевать. Новаго не слышно ничего, кромѣ смерти актера Сабурова, который, кажется, спился. Я понемногу оправляюсь: вчера и сегодня прокатывался, былъ у Волкова. Прилагаю при семъ эмблематическую конфеточку, которую прошу отдать Любовь Антоновнѣ; понеже

---

*) Москва, 27 Іюня 1831.

Представьте себѣ, бѣдный князь Сергій Ивановичъ Голицынъ заболѣлъ холерою 20-го числа, а къ вечеру его уже не стало. Это чрезмѣрно опечалило моего брата, а вся семья покойнаго въ отчаяніи. Посылаю вамъ прилагаемые два бюллетеня о холерѣ, они крайнѣ преувеличиваютъ бѣду; эти бюллетени генералъ-губернатора Эссена еще туда-сюда, но по донесеніямъ Закревскаго число больныхъ почти вдвое больше. Былъ у меня Обрѣзковъ; онъ безпокоится о женѣ, которая уѣхала съ Катенькой къ Троицѣ; боится, чтобъ онѣ не очутились отрѣзанными отсюда, такъ какъ, увѣряетъ, будто въ Тарасовкѣ умерло отъ холеры 6 человѣкъ; я не особенно вѣрю этому извѣстію, хотя онъ говоритъ, что получилъ его отъ Муханова. Это было бы новымъ препятствіемъ нашему свиданію. Вѣдь уже почти 1-е Іюля, день для меня столь счастливый и который я такъ бы желалъ провести съ вами. Завидую судьбѣ Горчакова, который черезъ два дня уѣзжаетъ и проведетъ 1-е Іюля съ вами. Вчера былъ у меня Александръ Тургеневъ, все тотъ же разсѣянный, обжора, до такой степени боящійся холеры, что въ Петербургѣ чуть было не сѣлъ на пароходъ въ Любекъ; онъ любезничаетъ съ твоею сестрою и сгораетъ желаніемъ увидать тебя; не только въ Петербургѣ, говоритъ, но и въ чужихъ краяхъ наслышался я о твоихъ красавицахъ. П. П. Новосильцевъ тоже былъ у меня и много намъ разсказывалъ о моемъ братѣ. Наконецъ вышелъ манифестъ о кончинѣ в. к. Константина. Е. в. выѣхалъ въ Петербургъ, но былъ принужденъ вернуться обратно и скончался вскорѣ по пріѣздѣ въ Витебскъ. Наложенъ шестимѣсячный трауръ, и все, черныя ленты, крепъ очень вздорожало. Вы, счастливцы, живущіе въ деревнѣ, васъ это не касается. Не передаю мелкихъ городскихъ новостей, такъ какъ Катя приготовила вамъ цѣлую тетрадь. Готовъ спорить, дорогой Александръ, что вы сдѣлаетесь страстнымъ охотникомъ и что скоро въ окрестностяхъ Шеметова не останется ни одного воробья. Пока еще не могу ничего вамъ сказать относительно деревенскаго житья. Спачала нужно будетъ основаться въ Горбовѣ, а у меня сердце больше всего лежитъ къ Шеметову и Смердину. Терпѣніе, это придетъ еще. Изъ арміи никакихъ извѣстій; въ Петербургѣ всѣ еще болѣе печальны, чѣмъ здѣсь. Думаютъ, что дворъ водворится въ Царскомъ Селѣ. Лицо, пріѣхавшее изъ Петербурга, разсказываетъ, что кузе́нъ Сержъ, будучи разгоряченнымъ, съѣлъ 6 порцій мороженаго. При теперешней наклонности къ холерѣ нечего дивиться тому, что онъ умеръ. Впрочемъ, такъ назначено было ему свыше! Часъ его пробилъ. А здѣсь не слышно о больныхъ. Полина вернулась вчера отъ Троицы, впрочемъ, ей пришлось дѣлать объѣздъ, чтобы миновать Тарасовку, гдѣ есть больные.

не могу прогуливаться съ нею въ самомъ дѣлѣ по лѣсочкамъ, то дѣлаю сіе на картинкѣ мысленно, а ежели и прійдется мнѣ съ нею ходить по доламъ и горамъ, то не иначе буду пускаться на такіе страхи, какъ съ пистолетомъ въ карманѣ, ибо въ нынѣшнія времена страшно быть съ Полькою наединѣ.

*

Moscou, le 30 Juin 1831.

Ce qui se passe partout n'est pas fait pour amuser. L'émeute de Pétersbourg a été apaisée, mais elle a fait une profonde impression sur tout le monde; cela a coûté la vie à plusieurs médecins. Vous verrez toute l'histoire dans les №№ de l'invalide que je vous envoye ci-joint. L'Empereur est encore revenu à Pétersbourg le 26. Sa présence a tout calmé. Avec son courage et sa fermeté habituelle il a paru tout d'un coup sur la place de la Сѣнной, a harangué le peuple, l'a vertement réprimandé, disant: кайтесь Богу и мнѣ! На колѣни! et tout le monde s'est mis à genoux. Il a ensuite chanté un Te-Deum à l'église de la Сѣнной, a fait mettre un piquet de soldats devant l'hôpital saccagé, et il est reparti pour Péterhoff. Le peuple s'est dispersé en le bénissant. Beaucoup de mesures sévères pour le choléra ont été radoucies. J'ai toujours dit qu'on faisait d'une mouche un éléphant et que cela amenerait des suites fâcheuses, et c'est ce qui est arrivé. On dit que ce sont d'infames Polonais qui ont organisé tout cela à Pétersbourg: on est à leur recherche *). По прилагаемому объявленію увидишь, что нашу Москву ставятъ въ примѣръ; но ежели бы оцѣпленіе продолжалось здѣсь еще надолго, то Богъ знаетъ, что̀ вышло бы и здѣсь. Тамъ завидуютъ нашему спокойствію, а мы завидуемъ вамъ деревенскимъ. Впрочемъ здѣсь благополучно и мало слышно о болѣзняхъ; однакоже говорятъ, что бѣдная Соѳ. Ал. Корсакова (femme de Serge) занемогла отчаянно холерою, выпивъ, разгорячась, стаканъ холоднаго меду: она же во̀ды пьетъ къ тому. Берегитесь, ради Бога, напитковъ холодныхъ и не купайтесь; очень это вредно.

*

Moscou le 3 Juillet 1831.

C'est affreux ce qu'on raconte. Ouvaroff écrit à sa femme que Moudroff s'est enfermé prudemment chez lui, car on en voulait à sa vie: mais un autre

---

*) То, что̀ творится повсюду, не веселитъ. Петербургскій мятежъ былъ усмиренъ, но онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ; это стоило жизни многимъ докторамъ. Вы найдете описаніе всей исторіи въ прилагаемыхъ №№ Инвалида. Государь еще разъ былъ въ Петербургѣ 26-го числа. Его присутствіе все успокоило. Со свойственнымъ ему мужествомъ и твердостью, онъ вдругъ появился на Сѣнной площади, обратился съ рѣчью къ народу, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, говоря: Кайтесь Богу и мнѣ! На колѣни!, и всѣ стали на колѣни. Затѣмъ онъ отслужилъ молебенъ въ церкви на Сѣнной, приказалъ поставить пикетъ солдатъ передъ разрушенной больницей и уѣхалъ обратно въ Петергоѳъ. Народъ разошелся, благословляя его. Многія строгія мѣры по холерѣ были смягчены. Я всегда говорилъ, что изъ мухи дѣлаютъ слона и что это приведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ; это и случилось. Говорятъ, будто бы все это организовали въ Петербургѣ какіе-то гнусные Поляки. Ихъ ищутъ.

médecin d'un hôpital nommé Blanc a été jeté par la fenêtre d'un troisième étage dans la rue. C'est affreux! Il paraît cependant que l'ordre s'établit et qu'on a saisi les instigateurs de tous ces désordres.

Vous verrez dans l'Invalide les promotions qu'il y a eu le 25; beaucoup de юнкеръ faits officier; entre autre le petit Orloff-Denisoff, celui qui s'est distingué, le petit Chtetwertinsky etc. Паша Волковъ a eu une благодарность de l'Empereur pour l'affaire de Жолтково. Tous les aides-de-camp du feu le Césarevitch ont été avancés et fait aides de-camp de l'Empereur. Wassiltchikoff Лар. Вас. a le commandement des troupes qui sont à Petersbourg, et Alexis Orloff et le p-ce Troubezkoy ont été nommés pour ce temps gouverneurs militaires de Pétersbourg, и у всякаго, кромѣ Эссена, своя часть города. Bilinsky la Polonaise est mêlée dans l'affaire des Polonais auxquels elle a donné de l'argent; mais ici on a déjà ajouté que Basil Bobrinsky est aussi mêlé dans tout cela et qu'on l'a déjà coffré. On a saisi beaucoup de perturbateurs à Pétersbourg, il y a des Polonais parmi eux, et on a établi une commission d'enquête pour les juger. Le vieux comte Roumianzoff est très-malade, mais il a 80 ans. Il s'est campé dans un quatrième étage, en disant: народы, которые живутъ на горахъ и на высокихъ мѣстахъ, всегда долѣе живутъ. Stanislav Potozky est aussi malade; il a rendu une pierre, les Stsherbatoff ont dit à votre soeur qu'il était mort de choléra: voilà deux mensonges au lieu d'un *).

*

Москва 11 Іюля 1831.

La lettre de mon frère est assez triste, mais il me raconte une anecdote qui m'a beaucoup amusé et que je vous rapporterai pour vous faire rire aussi.

---

*) Москва, 3 Іюля 1831.

Ужасно что разсказываютъ. Уваровъ пишетъ своей женѣ, что Мудровъ благоразумно скрылся у него, такъ какъ покушались на его жизнь; а другой госпитальный врачъ, по имени Бланкъ, былъ выброшенъ изъ окна третьяго этажа на улицу. Это ужасно. Впрочемъ, кажется, порядокъ возстанавливается, а подстрекатели всѣхъ этихъ безпорядковъ схвачены. Вы увидите въ Инвалидѣ повышенія, объявленныя 25-го числа; много юнкеровъ произведено въ офицеры, между прочимъ маленькій Орловъ-Денисовъ, отличившійся, маленькій Четвертинскій и др. Паша Волковъ получилъ благодарность Государя за дѣло въ Жолтковѣ. Всѣ адъютанты цесаревича получили производство и назначены адъютантами Государя. Васильчиковъ, Лар. Вас., командуетъ войсками, находящимися въ Петербургѣ, а Алексѣй Орловъ и князь Трубецкой были назначены на это время военными губернаторами Петербурга, и у всякаго, кромѣ Эссена, своя часть города. Полька, Билинская замѣшана въ дѣло Поляковъ, которымъ она давала деньги; а здѣсь уже прибавили будто Василій Бобринскій тоже замѣшанъ во все это и что его уже посадили въ тюрьму. Много смутьяновъ схвачено въ Петербургѣ, есть между ними Поляки; учредили слѣдственную Коммисію для суда надъ ними. Старый графъ Румянцевъ очень боленъ, но вѣдь ему 80 лѣтъ. Онъ помѣстился на четвертомъ этажѣ, говоря: народы, которые живутъ на горахъ и на высокихъ мѣстахъ, всегда долѣе живутъ. Станиславъ Потоцкій тоже боленъ, изъ него вышелъ камень; Щербатовы сказали вашей сестрѣ, будто онъ умеръ отъ холеры: вотъ уже двѣ лжи вмѣсто одной.

On était à table chez Zakrefsky; tout d'un coup le papa comte Tolstoy met la main sur le ventre en criant: батюшки, жжетъ, корчитъ, холера! Помогите! La comtesse Z. tombe sans connaissance, on l'emporte. Zakrefsky fait mettre le beau-père sur une couchette, on le déshabille vite, et on le trouve tout mouillé. Il portait dans ses culottes (выбралъ мѣсто!) un flacon d'un esprit très fort, le bouchon se détache, et le liquide, en se répandant, lui brûlait le ventre; sur cela il s'est mis à crier, et vous pouvez vous figurez quels éclats de rire succédèrent aux larmes et au désespoir de m-me Zakrefsky. Une chose pareille ne pouvait arriver qu'à Tolstoy *).

Ив. Ал. Нарышкина поймалъ я въ воровствѣ; увидя меня, подошелъ и только что не плачетъ. Vous savez, m-me Géltouchine ne viendra pas ce soir.—Pourquoi?—Elle a mal aux dents.—C'est malheureux, et d'autant plus que qui se décidera à arracher d'aussi belles dents? Входитъ мужъ. Д. къ нему навстрѣчу.—M-me Geltouchine не будетъ? у нея зубы болятъ.—Какое несчастіе! Тѣмъ болѣе, что такіе прекрасные зубы и вырвать жаль; скажите ей это *отъ меня*. Каково! Танцовали подъ клавикорды.

*

Moscou, le 18 Juillet 1831.

La grande nouvelle du jour, la seule dont Moscou soit occupée maintenant, c'est la mort du prince Ioussoupoff. Il se portait très-bien Mardi encore, soupa de très-bon appetit et mangea beaucoup de pêches, du raisin et du melon. La nuit il se plaignit de maux d'estomac. Les gens qui craignaient que cela ne fût le chόlèra envoyèrent chercher Loder et d'autres médecins, le vieux Ramich étant malade. Vinrent ensuite les vomissements. Les gens, voyant que les médecins avaient une grande peur, envoyèrent chercher le prêtre qu'on tint caché à côté du malade: quand on proposa au malade les services de la religion, il y consentit avec joie, il fut confessé et communié. Il se sentit plus mal après et à six heures du matin il n'était plus. On suppose que les médecins ayant arrêté la diarrhée, ce qui amena un coup d'apoplexie; mais le fait est qu'à 83 ans on meurt pas de maladie, mais tout bonnement de vieillesse. Voilà Borinka immensément riche. 24 тысячи душъ, девять подмосковныхъ

*) Москва, 11 іюля 1831. Письмо моего брата довольно печальное: но онъ разсказываетъ анекдотъ, который меня очень забавилъ; передамъ его, чтобы и васъ насмѣшить.

Всѣ сидѣли за столомъ у Закревскаго, какъ вдругъ папенька, графъ Толстой, кладя руку себѣ на животъ, кричитъ: „батюшки, жжетъ, корчитъ, холера! Помогите!" Графиня Закревская падаетъ въ обморокъ, ее уносятъ. Закревскій велитъ положить тестя на кушетку, его быстро раздѣваютъ и находятъ совершенно мокрымъ. Онъ носилъ въ брюкахъ (выбралъ мѣсто!) флаконъ какого-то очень крѣпкаго спирта, пробка выскочила и разлившаяся жидкость жгла ему животъ; къ тому же онъ началъ кричать, и вы можете себѣ представить, что за взрывы хохота поднялись вслѣдъ за слезами и отчаяніемъ Закревской. Такая вещь могла случиться только съ Толстымъ.

Вы знаете, Желтухина не будетъ сегодня вечеромъ. Почему? У нея зубы болятъ. Это прискорбно и тѣмъ болѣе, что кто же рѣшится вырвать такіе прекрасные зубы?

Входитъ мужъ, Д. къ нему навстрѣчу, а m-me Желтухина не будетъ? у нея зубы болятъ.

брильянты, картины, бронзы, фабрики. мраморы, дворцы, музыканты, балеты. Чего хочешь, того просишь. Теперь рушится это обширное Кремлевское министерство, и будетъ очень просто экспедиція. Вѣроятно мѣсто это дадутъ кн. Урусову. Le Gédéonoff, Bergmann etc., tout cela pleure leur chef. Il a fait un testament au moi de Mars, il laisse beaucoup de lègs à différentes personnes, entre autre 5000 rb. à Sibileff [1]).

*

Moscou, le 24 Juillet. 1831.

J'arrive dans le moment d'un enterrement. Savez-vous qui est mort? La pauvre m-me Щербининъ [2]). Les d-lles sont livrées au chagrin le plus noir, car que vont-elles devenir sans état et même sans nom. Cela fesait peine à les voir. Je leur ai dit que si vous aviez été ici, Catherine certes, vous les eussiez assisté dans leur malheur, que Olga était dans un état à devoir éviter toute émotion désagréable. On dit que la défunte a fait un testament, mais comme le bien est héréditaire, on regarde cet acte comme nul, et le bien ira aux deux comtes Woronzow. Cela me console beaucoup, car je suis sûr que le comte Michel [3]) et Vanich [4]) certes ne laisseront pas ces pauvres Scherbinine et rempliront le voeux de la défunte. Je compte même demain écrire dans ce sens au comte Michel à Londres. La famille Soldan a assisté ces d-lles à l'enterrement, и онѣ пошли за гробомъ пѣшкомъ до Новоспасскаго монастыря.

Графъ В. В. [5]) отъ тебя въ восхищеніи и очень мнѣ тебя расхваливалъ;

---

[1]) Москва, 18 іюля 1831.

Великое событіе дня, единственно чѣмъ теперь занята Москва, это смерть князя Юсупова. Во вторникъ еще онъ былъ совсѣмъ здоровъ, поужиналъ съ большимъ апетитомъ, съѣлъ много персиковъ, винограду и дыни. Ночью жаловался на боли въ желудкѣ. Люди, боясь какъ бы это не холера, послали за Лоденомъ и другими докторами, такъ какъ старый Рамихъ самъ боленъ. Затѣмъ появилась рвота. Люди, видя, что доктора въ большомъ страхѣ, послали за священникомъ, котораго держали спрятаннымъ рядомъ съ комнатой больного; когда больному предложили исполнить долгъ церкви, онъ съ радостью согласился и его исповѣдали и причастили. Послѣ этого онъ почувствовалъ себя еще хуже, а къ 6-ти часамъ утра его уже не стало. Предполагають, что доктора остановили поносъ, что и вызвало ударъ; но дѣло въ томъ, что въ 83 года умирають не отъ болѣзни, а просто на просто отъ старости. Вотъ когда Боринька будетъ страшно богатъ. Гедеоновъ, Бергманъ и проч. все это оплакиваетъ своего хозяина. Онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ Мартѣ, многое отказалъ разнымъ лицамъ, между прочимъ 5000 рублей Сибилеву.

[2]) Бездѣтная дочь княгини Дашковой, Настасья Павловна Щербинина, воспитывала лѣвыхъ дѣтей своего брата и дала имъ имя своего супруга. Однимъ изъ этихъ дѣтей былъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ. Онъ былъ облагодѣтельствованъ двоюроднымъ братомъ своего отца, княземъ М. С. Воронцовымъ, сынъ котораго князь Семенъ Михайловичъ не захотѣлъ принять отъ него уплаты по векселю на большія деньги. Щербининъ прислалъ въ „Русскій Архивъ" цѣлую о томъ статью, но князь С. М. Воронцовъ воспротивился напечатанію ея. П. Б.

[3]) Князь М. С. Воронцовъ. П. Б.

[4]) Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ-Дашковъ.

[5]) Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ женатый на теткѣ князя А. С. Долгорукаго (Дишки), графинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ ур. графинѣ Васильевой. П. Б.

однакоже, какъ я ни люблю и почитаю, но Дишкѣ не далъ благословенія везти тебя къ нему въ деревню. Зачѣмъ тебѣ рисковать, особенно въ первой беременности? Дишка сказалъ графу при мнѣ: Вотъ дяденька! А. Я. не пускаетъ Ольгу къ вамъ, l'oncle a parfaitement approuvé mon refus. Je suis très-content que le voyage n'eût pas lieu, car il m'aurait tourmenté. Quel urgence de le faire? Et Dieu seul sait quels incidents imprévus peuvent arriver, et où? Sur le grand chemin! Non, ma chère, ne faites pas cela, je vous en prie. On a fait chanter les Цыганки; tous les Orloff, т. е. Орловъ, орелъ, орлицы и орленки въ восхищеніи отъ пѣнія ихъ, а Костя [1]) только на стѣны не лѣзетъ. Après la petite soirée improvisée par Александръ, je suis allé avec Костя aux Trois Montagnes chez les Киндяковъ. Votre frère a joué aux petits jeux, fait l'aimable, il a chanté, вторилъ Бартеневой Цыганскія пѣсни et très-bien. Il y avait là une d-lle Ratchinsky, qui n'a pas l'étendue de voix de la Barténeff, mais qui a une jolie petite voix très agréable, douce, touchante et qui ne chante pas mal du tout. Tout le monde a demandé de vos nouvelles, et on a vanté le chant de m-lle Catherine. Были Вяземскій, Тургеневъ, Норовъ, Циціановъ, Смирновъ. M-me Крузъ m'a dit qu'elle venait d'envoyer une sage-femme à votre cousine Sophie [2]) à la campagne qui n'accouche que dans un mois et demi ou deux; on lui payera 500 roubles par semaine [3]).

*

---

[1]) Второй сынъ А. Я. Булгакова Константинъ Александровичъ. П. Б.

[2]) Графиня Софья Васильевна Толстая, ур. граф. Орлова-Денисова. П. Б.

[3]) Москва, 24 іюля 1831.

Я пріѣхалъ какъ разъ ко времени похоронъ. Знаете кто умеръ? Бѣдная Щербинина. Барышни предались самой глубокой скорби; что̀ будетъ съ ними, оставшимися безъ положенія и даже безъ имени? Тяжело было смотрѣть на нихъ; я имъ сказалъ, что будь ты здѣсь, разумѣется Катинька, ты бы помогла имъ въ ихъ горѣ, а что Ольга находится въ положеніи, требующемъ избѣгать всякихъ непріятныхъ волненій. Говорятъ, покойница сдѣлала завѣщаніе, но такъ какъ имѣніе наслѣдственное, завѣщаніе считается недѣйствительнымъ и имѣніе достанется двумъ графамъ Воронцовымъ. Это меня очень утѣшаетъ, такъ какъ я увѣренъ, что графъ Михаилъ и Иванъ, конечно, не оставятъ этихъ несчастныхъ Щербининыхъ и исполнятъ волю покойницы. Я даже думаю завтра написать въ этомъ смыслѣ графу Михаилу въ Лондонъ. Семья Soldan помогала барышнямъ на похоронахъ, и онѣ пошли за гробомъ пѣшкомъ до Новоспасскаго монастыря... и дяденька вполнѣ одобрилъ мой отказъ. Я очень радъ, что поѣздка не состоялась, а то бы она меня измучила. Какая необходимость въ ней? Одному Богу извѣстно какія непредвидѣнныя обстоятельства могутъ случиться и гдѣ же? На большой дорогѣ! Нѣтъ, дорогая моя, не дѣлай этого, пожалуйста.

Заставили цыганокъ пѣть; всѣ Орловы, т. е. Орловъ, орелъ, орлица и орленки въ восхищеніи отъ пѣнія ихъ, а Костя только на стѣны не лѣзетъ. Послѣ маленькаго вечера, сочиненнаго Александромъ, я поѣхалъ съ Костей на Три горы, къ Киндяковымъ. Твой братъ игралъ въ игры, любезничалъ, пѣлъ, вторилъ Бартеневой Цыганскія пѣсни и очень хорошо. Была тамъ нѣкая барышня Рачинская, у которой нѣтъ такого объёма голоса какъ у Бартеневой, но за то красивый, небольшой и очень пріятный, нѣжный голосокъ и поетъ она совсѣмъ не дурно. Всѣ спрашивали о тебѣ и хвалили пѣніе Катиньки.

Москва 25 Іюля 1831.

Насъ перепугалъ было Брокеръ [1]), коего привезли очень больного изъ Машина; накушался бездѣлицы: восемь яицъ, ботвиньи съ рыбою, сливки, фруктовъ, квасу холоднаго; мудрено ли, что сдѣлались и рвота, и поносъ, и корчи? Il avait fait même ses dispositions pour la mort, en donnant tout à sa femme, mais grâce à Dieu le voilà sauvé: il ne lui reste qu'une grande faiblesse. Il est avec sa femme ici et compte repartir à la première possibilité. Une mort singulière, c'est celle d'un des domestiques de la princesse Hilkoff, qui s'est jeté dans l'intérieur d'un vilain trou. C'est affreux! On dit que c'est un accès de fièvre blanche [2]).

*

Moscou, le 1 Août 1831.

Il y a eu quelques désordes dans les colonies militaires de Старая Руса à cause d'un colonel, qui est Polonais et que les soldats suspectaient de trahison. Il y eut du sang répandu. On envoya d'abord Serge Stroganoff et puis Alexis Orloff; la tranquillité fut rétablie. L'empereur y vint lui-même. Ayant réçu à Novgorod la nouvelle de l'heureuse délivrence de l'Impératrice, S. M. expédia un courrier ici et partit lui-même sur-le-champ pour Царское Село. Mon frère me dit qu'après une horrible secheresse ils ont enfin de la pluie; figurez-vous, что отъ засухи всѣ лѣса горятъ около Петербурга, гдѣ былъ ужасный смрадъ и такой дымъ, что солнце затмевало? Однакоже это очистило воздухъ и было полезно для холеры, которая упадаетъ видимо. По рапортамъ 26 числа, въ тотъ день занемогло 34 человѣка, выздоровѣло 90, а умерло 11. Скажите доброй княгинюшкѣ, чтобы она не вѣрила распускаемымъ вздорнымъ слухамъ, а здѣсь отъ Голицына было объявленіе печатное, что все, что́ ни разсказывали объ отравахъ воды и пищи сущій вздоръ, что всѣ слѣдствія полиціи доказали, что не было ничего похожаго на правду и что онъ проситъ всѣхъ жителей Московскихъ быть покойными и не вѣрить разсказамъ. Ceux qui avant craignaient se moquent maintenant de toutes ces fables, et il paraît qu'on cesse même d'en inventer [3]). Пашковой пишетъ мужъ, что между

Были Вяземскій, Тургеневъ, Норовъ, Цыціановъ, Смирновъ. Г-жа Крузъ говорила мнѣ, что только-что отправила акушерку въ деревню къ твоей кузинѣ Сонѣ, которая должна родить черезъ полтора или два мѣсяца; ей будутъ платить 500 рублей въ недѣлю.

[1]) Шведъ Адамъ Ѳомичъ Брокеръ. Записки его въ „Русскомъ Архивѣ" 1875 г. П. Б.

[2]) Москва, 25 Іюля 1831.

Онъ даже сдѣлалъ распоряженія на случай смерти, отдавъ все женѣ, но, слава Богу, теперь онъ спасенъ, осталась лишь большая слабость. Онъ съ женой здѣсь и разсчитываетъ уѣхать обратно при первой возможности. Но вотъ странная смерть одного изъ лакеевъ княгини Хилковой, который бросился въ помойную яму. Это ужасно! Говорятъ, это былъ припадокъ бѣлой горячки.

[3]) Москва, 1-е августа 1831.

Были нѣкоторые безпорядки въ военныхъ поселеніяхъ Старой Руссы изъ-за полковника, поляка, котораго солдаты подозрѣвали въ измѣнѣ. Было кровопролитіе. Сначала послали Сергѣя Строганова, а потомъ Алексѣя Орлова, спокойствіе возстановлено. Госу-

убитыми Поляками находятъ много женщинъ, большая часть въ мужскомъ платьѣ, а иныя одѣты Амазонками. Экія головы! У одной изъ нихъ нашли въ карманѣ письмо запечатанное, которое, видно, не успѣла отправить въ Россію; оно адресовано къ Любовь Антоновнѣ, которую приглашаютъ явиться на службу, обѣщая ей вдругъ капитанскій чинъ.

Не имѣлъ что тебѣ писать, а имѣлъ охоту и время съ вами болтать, мои милые, списываю здѣсь шутку, написанную Хомутовою *), и которую она мнѣ дала съ тѣмъ, чтобы никому не сообщать. Je ne vois là rien de nouveau, mais respecte la volonté de l'auteur: ne laissez donc pas copier à personne ce qui suit.

Des locations de l'armée quartier-général des Trois Montagnes, le 6 Août 1831.

Le corps de Bagovout, connu par son courage, se portait avec rapidité vers Sophie et s'imposait à de nouveaux dangers.

Le corps du p-ce Repnine était constamment porté devant Catherinengrad qu'il espère faire capituler par ses manoeuvres.

Le corps du p-ce Mestchersky s'approchait très-méthodiquement d'une petite forteresse qu'il veut prendre à la longue d'après toutes les règles de l'art.

Le corps léger de Swistounoff se porte de tous les côtés et se montrait à demi-vaincu devant une triple rangée de forteresse assez mal approvisionnée, mais tout cela pour mieux vaincre à son tour.

Le corps Saxon de Wagner essayait de fréquentes attaques, mais elles étaient toujours repoussées sans succès.

Le petit corps de Noroff était en observation.

Le corps Italien du c-te Litta n'avait point de poste fixe et se retira de bonne heure du champ de bataille, suivi par le corps de Smirnoff, qui a pris de bons quartiers d'hiver.

Le corps de Rocetti convoyait adroitement sans se laisser entraîner. Le corps de Zizianoff était en pleine déroute et trouva d'ailleur le terrain occupé par le corps de Swistounoff.

Le corps de Tourguéneff, qui venait de faire une marche forcée, se livrait au repos et dormait sur les lauriers.

Le corps d'élite de la guarde de Samoïloff excitait par sa belle tenue l'envie de tous les corps d'armée, et fort de sa gloire il dédaignait de prendre part aux opérations et s'amusait à jeter quelques bombes dans un petit bourg qui ne demanda pas mieux que de capituler.

дарь самъ прибылъ туда. Получивъ въ Новгородѣ извѣстіе о счастливомъ разрѣшеніи Императрицы отъ бремени, Его Величество отправилъ курьера сюда, а самъ тотчасъ поѣхалъ въ Царское Село. Братъ пишетъ, что, послѣ страшной сухости, у нихъ, наконецъ, дождь; вообрази что отъ засухи и т. д.

Кто прежде боялся, теперь смѣются надо всѣми баснями и, кажется, ихъ перестаютъ даже сочинять.

*) Дѣвицею Анною Сергѣевной, сестрою командира лейбъ-гусаровъ и потомъ Донскаго Атамана. Ея Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1877 г. П. Б.

Le corps du c-te Bobrinsky, composé de tirailleurs et voltigeurs, évitait les engagements sérieux et se portait où le besoin l'exigeait.

Le corps de Bulgakoff-père se réjouit de pouvoir encore dans l'occasion combattre à côté du jeune guerrier. Le corps de Boulgakoff-fils, nouvellemeut formé, s'élance avec ardeur dans la carrière, en faisant sa première arme sous Élisabethgrad.

On venait, dans le moment de recevoir au quartier-général un rapport du corps volant du Wiazemsky, chargé d'une expédition secrète. Il a atteint et combattu les Amazones modernes; après les avoir cernées et mis à contribution, il les a désarmées et envoyées à Ostafievo sur parole.

У княгини умеръ братецъ дорогой Сергѣй Вас. Толстой. Il faudra que nous allions avec Костя lui faire une visite de condoléance. Vous vous rappellez du fameux chambellan le c-te Chwostoff. Son père, le poête, est mort aussi à Pétersbourg du cholèra; au reste, la maladie cesse déjà, et mon frère me dit que bientôt on chantera le Te-Deum о прекращеніи холеры.

На мѣсто Юсупова назначенъ слѣпой Гагаринъ сенаторъ, князь Сергій Ивановичъ, choix qui ne rejouit personne. C'est fâcheux que ce ne soit pas Ouroussoff*).

*

---

*) Москва, 15 Августа 1831.

Я не вижу въ ней ничего новаго, но уважаю волю автора; такъ не давайте же никому списывать нижеслѣдующее:

Извѣстный своей храбростью корпусъ Баговута быстро двинулся къ Софіи, подвергая себя новымъ опасностямъ. Корпусъ князя Репнина постоянно двигался передъ Екатеринеиградомъ, который онъ надѣется своими маневрами заставить капитулировать. Корпусъ князя Мещерскаго очень методично подходилъ къ маленькой крѣпости, которую онъ хочетъ взять со временемъ по всѣмъ правиламъ искусства.

Легкій корпусъ Свистунова бросался во всѣ стороны и оказывался полупобѣжденнымъ передъ тройнымъ строемъ довольно плохо снабженной провіантомъ крѣпости но все это лишь для того, чтобы въ свою очередь побѣдить. Саксонскій корпусъ Вагнера пугалъ частыми атаками, но всегда онѣ бывали отбиты, не имѣвъ успѣха. Маленькій корпусъ Норова высматривалъ. Итальянскій корпусъ Литта не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія и рано удалился съ поля битвы въ сопровождедіи корпуса Смирнова, который сталъ на хорошія зимнія квартиры.

Корпусъ Росетти искусно прикрывалъ, не давая себя увлечь. Корпусъ Циціанова былъ въ полномъ разстройствѣ и къ тому же нашелъ мѣсто занятымъ корпусомъ Свистунова. Корпусъ Тургенева, только-что сдѣлавшій усиленный переходъ, предавался покою, и почивалъ на лаврахъ. Отборный корпусъ гвардіи Самойлова своей прекрасной выправкой вызывалъ зависть всѣхъ корпусовъ арміи и сильный своей славой, онъ презиралъ принимать участіе въ дѣйствіяхъ и забавлялся метаніемъ нѣсколькихъ бомбъ въ маленькій городокъ, который не желалъ ничего лучшаго какъ капитулировать. Корпусъ графа Бобринскаго, состоящій изъ стрѣлковъ и застрѣльщиковъ, избѣгалъ серьезныхъ схватокъ и двигался туда, куда требовала необходимость.

Корпусъ Булгакова-отца радуется имѣть возможность при случаѣ сражаться рядомъ съ молодымъ воиномъ. Вновь составленный корпусъ Булгакова-сына, вновь образованный,

Le 15 à minuit.

Un événement aussi triste qu'inattendu m'a privé du plaisir de passer toute la journée avec Alexandre. Faste est au deséspoir: sa fille Véra a le cholèra. On est venu me chercher pendant que je dînai avec Alexandre, Swistounoff, Bobrinsky, Serge Pachkoff, Alexis Galitzine et Gortchakoff. J'ai trouvé la malade dans un état horrible, tourmentée par des crampes violentes. On est parvenu à la faire transpirer; elle m'a reconnu et m'a parlé, elle sent une oppression affreuse à la poitrine. Je suis venu vous écrire ces lignes, mes chers enfants, et je retourne coucher chez Faste, il fait peine à voir, j'ai l'espoir que Véra sera sauvée; car notre Авдотья était bien autrement malade que cela, et elle est sur pied [1]). Все въ рукахъ Божіихъ, но между тѣмъ Вѣрочку причастили, она сама желала этого. Nous avons été avec Костя chez la princesse Hélène. On y fesait l'éloge de la Charlotte-mère, de la manière adroite dont elle a annoncé â la princesse la mort de son frère: Княгиня, я знаю, что ты христіанка; что же касается до болѣзни, то я тебѣ клянусь, что Сергѣй Васильевичъ умеръ не холерою. Какъ, братъ умеръ?— Да, но горячкою, а не холерою; ты ея боишься; но я, право, тебя не обманываю: онъ не холерою умеръ, и здѣсь очень уменьшается et elle prononça plus de 20 fois ce mot de cholèra qui seul donne des crampes à la princesse [2]).

*

съ жаромъ кинулся въ дѣло и сдѣлалъ первую кампанію подъ Елисаветградомъ. Въ то время въ главной квартирѣ только-что былъ полученъ рапортъ летучаго корпуса Вяземскаго, на который была возложена тайная экспедиція. Онъ нагналъ современныхъ амазонокъ и сразился съ ними. Окруживъ ихъ и наложивъ контрибуцію, онъ ихъ разоружилъ и отправилъ на слово въ Остафіево.

У княгини умеръ братецъ, дорогой Сергѣй Вас. Толстой. Нужно будетъ намъ съ Костей быть у нея, чтобы выразить ей соболѣзнованіе. Помнишь знаменитаго камергера, графа Хвостова. Отецъ его, поэтъ, тоже умеръ въ Петербургѣ отъ холеры. Впрочемъ болѣзнь уже прекращается и братъ говоритъ, что скоро будутъ служить молебенъ о прекращеніи холеры. На мѣсто Юсупова назначенъ слѣпой Гагаринъ, сенаторъ, князь Сергѣй Ивановичъ; этотъ выборъ никого не радуетъ. Досадно, что не Урусовъ.

[1]) 15-е число, полночь.

Событіе столь же печальное, сколь неожиданное, лишило меня удовольствія провести весь день съ Александромъ. Фастъ въ отчаяніи: у дочери его, Вѣрочки, холера. За мной прислали въ то время, какъ я обѣдалъ съ Александромъ, Свистуновымъ, Бобринскимъ, Сергѣемъ Пашковымъ, Алексѣемъ Голицынымъ и Горчаковымъ. Я нашелъ больную въ ужасномъ состояніи, мучимую жестокими судорогами. Удалось заставить ее пропотѣть; она меня узнала и говорила со мной; чувствуетъ страшное стѣсненіе въ груди. Я пріѣхалъ, чтобы написать къ вамъ, дорогія мои дѣти, эти строки, и вернусь ночевать къ Фасту, на него тяжело смотрѣть; у меня есть надежда, что Вѣрочка будетъ спасена, такъ какъ наша няня Авдотья была и не такъ еще больна, а теперь она на ногахъ. Все въ рукахъ Божіихъ, но между тѣмъ Вѣрочку причастили, она сама желала этого. Мы были съ Костей у княгини Елены. Тамъ расхваливали Шарлоту-мать за ловкій способъ, которымъ она сообщила княгинѣ смерть ея брата; княгиня и т. д. И она болѣе 20 разъ произнесла слово холера, отъ котораго у княгини дѣлаются судороги.

[2]) Это княгиня Е. В. Хованская, мачиха супруги А. Я. Булгакова. П. Б.

Moscou le 17 Août

De Pétersbourg on ne me mande rien si non que le corps du grand-duc Constantin devait arriver le 12 et être enterré dans la forteresse le 16 au 17. Le p-ce Galitzine Алекс. Ник. écrit à mon frère de Zarskoe-Sélo: J'ai été chez la princesse Lowicz que j'ai trouvé très intéressante, s'énonçant parfaitement bien, mais très-délicate et d'une pauvre santé.

Je vous envoie à chacune un exemplaire de la biographie que j'ai faite du feu mon père: il y a un exemplaire encore que je vous prie de remettre à la comtesse Wassilieff, comme à une amie du feu papa [1]).

*

22 Августа.

Новости армейскія увидите изъ газетъ, кои посылаю. Поляки стали вѣшаться между собою: худой знакъ. Армія ихъ заперлась въ Варшавѣ; я думаю, что сія столица нечестивыхъ сдастся безъ драки, покоряясь милосердію Государеву. Это всего бы лучше, тогда можно бы простить ихъ. развѣ за исключеніемъ *Сосницкой*, которую наказать предоставятъ пусть мнѣ. Ив. Ал. Нарышкинъ душитъ меня порядочно, и теперь явился человѣкъ отъ него съ обыкновенными фразами: Чтò новаго? Пожалуйте газеты; взята ли Аршава?

Mon frère a été à l'enterrement du grand-duc Constantin, foule de monde, il y a trouvé toutes ces personnes qu'il n'avait pas vues depuis la quarantaine établie à Zarskoe Sélo, comme le prince Pierre W., le p-ce Galitzine, son chef etc. Il dit qu'il paraît que la p-sse Lowicz va s'établir à Pétersbourg. Время безподобное, въ соборѣ была бездна народу, и Филаретъ говорилъ прекрасную проповѣдь avec calme et éloquence [2]).

Le 3 Septembre, 1831.

La grande nouvelle c'est le mariage de Sophie Ouroussoff. Mon frère m'en parlait l'autre jour comme d'une chose qui se bâclait, mais aujourd'hui il me dit que c'est déclaré à Pétersbourg. A peine j'ai eu mon paquet de la poste que je suis courru chez la p-sse Ек. Павл. Elle me félicitait avec la poste,

---

[1]) Москва, 17 августа 1831.

Изъ Петербурга мнѣ ничего не сообщаютъ кромѣ того, что тѣло великаго князя Константина Павловича должно было прибыть 12-го числа и будетъ похоронено въ крѣпости 16-го или 17-го. Князь Голицынъ, Алекс. Ник., пишетъ брату въ Царское Село: я былъ у княгини Ловіецъ, которую нашелъ очень интересною, отлично изъясняющеюся, но очень хрупкаго и слабаго здоровья. Посылаю каждой изъ васъ по экземпляру біографіи покойнаго отца, написанной мною; еще одинъ экземпляръ прошу васъ передать графинѣ Васильевой, какъ другу покойнаго отца.

[2]) Братъ былъ на похоронахъ великаго князя Константина Павловича; была бездна народу; онъ видѣлъ тамъ всѣхъ, кого не видѣлъ со времени сорокового дня въ Царскомъ Селѣ, какъ, напримѣръ, князя В., князя Голицына, его начальника и проч. Онъ говоритъ, что, видимо, княгиня Ловіецъ поселится въ Петербургѣ. Время безподобное, въ соборѣ была бездна народу, и Филаретъ говорилъ прекрасную проповѣдь спокойно и краснорѣчиво.

et moi avec le beau-fils. Comment, est-ce que vous savez cela donc? Mais sûrement: mon frère me le mande. Alors elle me conta toute l'histoire que Radziwill était amoureux, qu'il s'était proposé, qu'il avait plu aussi, mais que la princesse Sophie n'osait rien dire sans le consentement de ses parents; que le p-ce et la p-sse avaient envoyé leur oui par le frère, qui partit d'ici avec le grand duc, qu'il était donc arrivé, et la chose fut alors déclarée. Elle me pria de lui faire tenir plus vite ses lettres. Si la p-sse Sophie a longtemps attendu, au moins ce n'était pas en vain. Radziwill est jeune, beau, aide-de-camp de l'Empereur, un excellent garçon et immensément riche. Il est par sa mère parent à la famille régente de Prusse, voila donc Sophie alliée à notre famille impérial, хотя и седьмая вода на киселѣ. R. vient de perdre son père. Je suis enchanté, car j'aime beaucoup la p-sse Sophie. Je suis charmé d'avoir été le premier à anoncer cette nouvelle à ses parents. L'Empereur a dit à la princesse qu'il donnerait à Radziwill une commission pour Moscou pour qu'il y aille faire la connaissance du p-ce, son futur papa et de la p-sse. Olga va faire grande rumeur à la cour. Voilà une vacance que les demoiselles seront avides d'occuper, mais qui sera difficilement remplacée. L'Empereur visitera Bobrouisk, Smolensk, Kieff, Чугуевъ, Курскъ (où Démidoff prépare déjà sa fête qui doit lui coûter dit on, 300 mille rbls.), Orel, Toula. Le 24 nous aurons le bonheur de voir S. M. I. ici; mais, comme je l'ai entendu de sa propre bouche, pour peu de jours. Voilà le bruit de la ville *).

*

Moscou, le 15 Mai 1832.

Mon frère me dit qu'un courrier arrivé de Londres a apporté la nouvelle de la retraite du lord Grey. C'est une grande nouvelle et qui aura des suites importantes. Lord Willington triomphe; s'il est mis à la tête des affaires, il soutiendra sans doute le roi de Hollande, qui a eu le nez fin. A présent son obstination s'explique, car dans un article de la gazette de la   il ne ménage personne; il dit tout crûement qu'abandonner la cause, c'est abandonner tous les rois pour soutenir la révolution. Le bill de la réforme n'est pas passé. C'est à présent qu'une guerre est possible; je prévoie que Talleyrand

---

*) 3 сентября 1831.

Большая новость—свадьба Сони Урусовой. Братъ на дняхъ писалъ мнѣ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, которое на мази, а сегодня онъ говоритъ, что объ этомъ въ Петербургѣ объявлено. Только-что я получилъ пакетъ съ почты, тотчасъ побѣжалъ къ княгинѣ Ек. Павл. Она поздравила меня съ почтой, а я ее съ зятемъ. Какъ, развѣ вы объ этомъ знаете? Да конечно, братъ мнѣ это сообщаетъ. Тогда она разсказала мнѣ всю исторію о томъ, что Радзивиллъ былъ влюбленъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе, что онъ понравился, но что княжна Sophie не смѣла ничего сказать безъ согласія родителей; что князь и княгиня послали утвердительный отвѣтъ съ братомъ, который поѣхалъ отсюда съ великимъ княземъ; что онъ уже пріѣхалъ и тогда дѣло было объявлено. Она просила меня доставлять ей поскорѣй ея письма. Если княжна Sophie долго ждала, по крайней мѣрѣ не напрасно. Радзивиллъ молодъ, красивъ, адъютантъ Государя, прекрасный малый и

sera rappelé et que la belle amitié de la France et de l'Angleterre se dissoudra. M-r Philippe a de très-grands embarras maintenant. Aujourd'hui se décide l'affaire du maréchal de la noblesse d'ici *). Тамъ все кричатъ, шумятъ.

страшно богатъ. По матери онъ въ родствѣ съ семействомъ регента Пруссіи, вотъ и Sophie соединена узами родства съ нашей Императорской Фамиліей, хотя и седьмая вода на киселѣ. Р. только-что потерялъ отца, я въ восторгѣ, такъ какъ очень люблю княжну Sophie. Я очень радъ, что первый объявилъ эту новость ея родителямъ. Государь сказалъ княгинѣ, что дастъ Радзивиллу порученіе въ Москву, дабы онъ поѣхалъ познакомиться съ будущимъ своимъ папенькой и княгиней. Ольга вызоветъ большую молву при дворѣ. Вотъ вакансія, которую барышни будутъ жаждать занять, но которую будетъ трудно замѣстить.

Государь посѣтитъ Бобруйскъ, Смоленскъ, Кіевъ, Чугуевъ, Курскъ (гдѣ Демидовъ уже готовитъ чествованіе, которое, говорятъ, должно ему стоить 300 тысячъ), Орелъ, Тулу. 24-го числа мы будемъ имѣть счастье видѣть Его Величество здѣсь; но, какъ я слышалъ изъ собственныхъ устъ его, только на нѣсколько дней. Вотъ слухъ, ходящій по городу.

*) Москва, 15 Мая 1832.

Братъ сообщаетъ, что курьеръ изъ Лондона привезъ извѣстіе объ отставкѣ лорда Грея. Это большая новость, которая будетъ имѣть важныя послѣдствія. Лордъ Виллингтонъ торжествуетъ; если его поставятъ во главѣ дѣлъ, онъ безъ сомнѣнія поддержитъ короля Голландскаго, у котораго было тонкое чутье. Теперь объясняется его упорство, потому что въ одной статьѣ газеты онъ никого не щадитъ; онъ говоритъ совершенно напрямикъ, что оставить дѣло значитъ покинуть всѣмъ королей, чтобы поддержать революцію. Билль реформы не прошелъ. Вотъ теперь война возможна; я предвижу, что Талейранъ будетъ отозванъ и что дружба Франціи съ Англіей расторгнется (уничтожится). Теперь у Филиппа большія затрудненія. Сегодня рѣшается дѣло здѣшняго предводителя дворянства. Тамъ все кричатъ, шумятъ.

ПОДВИГЪ ГРАФА БОРИСА ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА.

Voicÿ un petit tableau qui a été dessiné dans le tems que l'armée était a Pruth, à l'occasion d'une action particulière de feu mon père, laquelle si vous le jugez à propos, monsieur, pourra-t-être adjoutée dans la mémoire de sa vie, comme une anecdote de son courage et de son amour pour le soldat.

L'armée s'étant garantie par des cheveaux de prise, comme on étoit obligé de faire dans cette guerre, il voyoit qu'un soldat d'un détachement, qui devant l'armée était en mains avec un détachement des ennemis se trouvant séparé de sa trouppe, était sur le point d'être sabré par un Turc. Il se fit ouvrir la barriere, courait tout seul à son secour, tua d'un coup de pistolet le Turc, attrappa son cheval, dont il fit présent à l'Impératrice Catherine, et conserva pour souvenance son gigit, qui se trouve encore le jour d'aujourdhui dans ma rustkammer.

Il y a aussi sous ce tableau une description exacte des forces des deux armées, qui a été faite également sur les lieux de même que la personne de mon père fort ressamblante, avec l'habit tel qu'il l'a porté en ce moment et la couleur du cheval qu'il a monté. J'ai entendu dire, que même Pierre 1, ayant cru que mon père s'était trop exposé, a donné un ordre que dorenavant ont ne le passe plus sortir hors des cheveaux de prise.

Переводъ.

Вотъ маленькая картина, писанная въ то время когда войско было на Прутѣ, по поводу одного личнаго дѣйствія моего покойнаго отца. Если вы найдете приличнымъ, можно было бы прибавить этотъ разсказъ къ исторіи его жизни, какъ примѣръ его храбрости и любви къ солдату.

Армія была снабжена рогатками, такъ какъ принуждены были ихъ употреблять въ эту войну. Одинъ отрядъ вступилъ въ рукопашный бой съ непріятельскимъ отрядомъ, въ виду всей арміи. Мой отецъ увидалъ солдата, который отдѣлился отъ своихъ товарищей и котораго одинъ Турокъ собирался убить саблей сейчасъ же. Онъ велѣлъ открыть загородку, одинъ бросился къ нему на помощь, убилъ Турка изъ пистолета, поймалъ лошадь, которую подарилъ императрицѣ Екатеринѣ, а себѣ на память оставилъ джигита, который и сегодня находится въ моей рюсткамерѣ.

Подъ этой картиной находится точное описаніе силъ обѣихъ армій, сдѣланное на мѣстѣ, такъ же какъ и портретъ моего отца, который очень похожъ; платье совершенно такое какъ то, которое было на немъ надѣто и лошадь той же масти, какъ та, на которой онъ ѣздилъ. Я слышалъ что даже Петръ I находилъ что мой отецъ слишкомъ подвергался опасности и приказалъ впредь не пускать его за рогатки.

*

(Копія съ разсказа графа Петра Борисовича Шереметева, имъ доставленная историку Миллеру и хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Министра Иностраныхъ Дѣлъ).

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯГО.

(26 Февраля 1845 г.—2 Марта 1861 г.)

(Изъ матеріаловъ по исторіи Императора Александра Третьяго).

Въ день своего рожденія, 26 Февраля 1845 г., Императоръ Александръ III, тогда еще Великій Князь, былъ назначенъ шефомъ Астраханскаго Кабардинскаго полка, съ зачисленіемъ въ списки л.-гв. Гусарскаго, Преображенскаго и Павловскаго полковъ. Его отецъ, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, встрѣтивъ въ этотъ день караулъ отъ л.-гв. Павловскаго полка, сказалъ начальнику караула прапорщику Гершельману: «сегодня Богъ далъ мнѣ сына, и Государь повелѣлъ зачислить его къ вамъ въ полкъ; когда прійдешь въ казармы, передай полковому командиру объ этой новой милости Его Величества для объявленія по полку». Въ томъ же году, 7 Іюня новорожденный назначенъ шефомъ л.-гв. Финляндскаго стрѣлковаго батальона, а 28 Января 1848 г., въ день пятидесятилѣтняго юбилея генералъ-фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Павловича, Александръ Александровичъ назначенъ состоять по гвардейской конной артиллеріи.

Въ 1851 г. Александръ Александровичъ несъ впервыя служебныя обязанности: 1 Августа, одѣтый въ форму рядового л.-гв. Павловскаго полка, онъ стоялъ на часахъ у открывавшагося въ Гатчинѣ памятника Императору Павлу Первому.

26 Февраля 1852 г., въ день семилѣтія со дня рожденія, Александръ Александровичъ, державною волею императора Николая I, пожалованъ въ прапорщики, а равно черезъ годъ—въ подпоручики. 22 Іюля 1855 г. онъ зачисленъ въ стрѣлковый полкъ императорской фамиліи, а 24 Декабря того же года, «за успѣхи въ наукахъ, оказанные на экзаменѣ въ присутствіи Ихъ Величествъ, произведенъ въ поручики». 26 Февраля 1856 г. онъ зачисленъ въ л.-гв. Конный полкъ, а 17 Апрѣля назначенъ шефомъ Переяславскаго драгунскаго полка, 26 Февраля 1859 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны, 26 Февраля 1862 г., въ капитаны, 30 Августа 1862 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и 6 Сентября 1863 г. произведенъ въ полковники.

Въ 1864 г., Александръ Александровичъ впервые отбывалъ лагерный сборъ при Красномъ Селѣ, командуя стрѣлковою ротою учебнаго пѣхотнаго батальона. Въ этомъ же году, 6 Августа, онъ получилъ первый орденъ за личную свою службу, Св. Владимира 4 ст.

За кончиною своего старшаго брата, манифестомъ 12 Апрѣля 1865 г. Александръ Александровичъ объявленъ наслѣдникомъ престола. 29 Мая того же года онъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и шефомъ л.-гв. Атаманскаго казачьяго и 3-го уланскаго Смоленскаго полковъ и поселеннаго № 9-го Выборгскаго стрѣлковаго батальона и зачисленъ въ л.-гв. Кавказскіе казачьи эскадроны собственнаго его величества конвоя, въ л.-гв. Уральскій казачій дивизіонъ и въ л.-гв. Донскую казачью батарею. Въ день принятія присяги, 20 Іюля, Цесаревичъ Александръ зачисленъ въ полки Кавалергардскій, л.-гв. Семеновскій, Кираспрскій Его Величества, Измайловскій, Гатчинскій, Уланскій Его Величества и Гренадерскій, въ батальоны л.-гв. Стрѣлковый и Саперный, въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду и въ гвардейскій экипажъ.

Съ 22 Іюля по 7 Августа 1865 г., Цесаревичъ Александръ находился вторично въ лагерномъ сборѣ, командуя 1-мъ батальономъ л.-гв. Преображенскаго полка, а 30 Августа того же года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Въ лагерномъ сборѣ 1866 г. Цесаревичъ Александръ командовалъ л.-гв. Преображенскимъ полкомъ; 28 Октября того же года онъ назначенъ вторымъ шефомъ всѣхъ полковъ и частей гвардіи, шефомъ которыхъ состоялъ императоръ Александръ II-й; 6 Октября 1867 г., онъ назначенъ состоять при войскахъ гвардіи, 18 Апрѣля 1868 г.—генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству; съ 22 Апрѣля по 19 Мая 1868 г. временно командовалъ 2-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею, съ 3 Іюня по 19 Іюля бригадою изъ л.-гв. Уланскаго и Гусарскаго Его Величества полковъ и 24 Сентября произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

23 Февраля 1870 г. Цесаревичъ Александръ назначенъ командовать 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, 23 Апрѣля назначенъ шефомъ 145 пѣхотнаго Новочеркасскаго полка; 30 Іюля пожалованъ орденомъ Св. Владимира 2 ст. и 25 Ноября, зачисленъ вторымъ шефомъ 1-й Его Величества батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады. 22 Августа 1871 г. назначенъ вторымъ шефомъ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка, 30 Сентября—таковымъ же шефомъ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, 26 Апрѣля 1872 г. назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной

дивизіи, 11 Августа—шефомъ л.-гв. Донской конно-артиллерійской батареи, 6 Мая 1873 г. зачисленъ въ списки л.-гв. резервнаго пѣхотнаго полка, 26 Февраля 1874 г. назначенъ вторымъ шефомъ полковъ Его Величества: 68-го лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго, 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго, 2-го лейбъ-уланскаго Курляндскаго и 2-го лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго, а также 1-го Павловскаго и 3-го Александровскаго военныхъ училищъ, 30 Августа 1874 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и генералы отъ кавалеріи, съ назначеніемъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

21 Іюля 1875 г. Цесаревичъ Александръ зачисленъ въ полки л.-гв. Литовскій и Гродненскій гусарскій, а 26 Іюля 1877 г., на основаніи приказа главнокомандующаго дѣйствующею арміею отъ 22 Іюля, вступилъ въ командованіе Рущукскимъ отрядомъ. Во время командованія этимъ отрядомъ, Александръ Александровичъ участвовалъ: 12 Октября—въ усиленной рекогносцировкѣ непріятельскаго расположенія и 30 Ноября—въ сраженіи у Трестеника и Мечки. 15 Сентября онъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 1 ст. съ мечами при рескриптѣ, въ которомъ, между прочимъ было изложено: «Благоразумныя распоряженія Вашего Императорскаго Высочества во время командованія отдѣльнымъ значительнымъ отрядомъ въ дѣйствующей арміи, вполнѣ соотвѣтствующія видамъ главнокомандующаго и общему плану кампаніи, даютъ Вамъ право на особенную Нашу признательность; предводительствуемыя Вами храбрыя Наши войска неоднократно отражали всѣ нападенія превосходившаго ихъ численностію непріятеля и выказали притомъ свои превосходныя качества». 30 Ноября Цесаревичъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Георгія 2 ст. Въ данномъ по этому случаю рескриптѣ было, между прочимъ, приведено: «Рядомъ доблестныхъ подвиговъ, совершенныхъ храбрыми войсками ввѣреннаго Вамъ отряда блистательно выполнена трудная задача, возложенная на Васъ въ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій; всѣ усилія значительно превосходившаго численностію непріятеля прорвать избранныя Вами позиціи, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, оставались безуспѣшными и, наконецъ, 30 Ноября сего года отчаянныя атаки на Мечку мужественно отбиты подъ личнымъ Вашимъ предводительствомъ». 3 Декабря онъ назначенъ шефомъ 2-го пѣхотнаго Софійскаго полка, съ 10 по 13 Января 1878 г, участвовалъ въ наступленіи войскъ Сѣвернаго отряда подъ личнымъ своимъ начальствомъ и преслѣдованіи Турецкой арміи отъ Коло-Ламъ къ кр. Шумлѣ, а 26 Февраля того же года ему пожалована золотая, бриллiантами украшенная, сабля съ надписью: за отличное командованіе Рущукскимъ отрядомъ.

Цесаревичъ Александръ, принимая видное участіе въ послѣдней

Русско-Турецкой войнѣ и получивъ за нее три боевыхъ награды, возвратился въ Петербургъ 6 Февраля 1878 г., пробывъ въ отсутствіи безъ двухъ дней десять мѣсяцевъ (Онъ выѣхалъ въ Кишиневъ совмѣстно съ Императоромъ Александромъ II-мъ 8 Апрѣля 1877 г.).

1 Марта 1879 г. Александръ Александровичъ назначенъ вторымъ шефомъ 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка, 30 Августа—таковымъ же шефомъ 16-го стрѣлковаго Его Величества баталіона, съ 4 по 25 Мая 1880 г. временно командовалъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, 22 Іюля—зачисленъ въ л.-гв. Кирасирскій Ея Величества полкъ, 17 Августа—назначенъ командующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а 2 Марта 1881 г. вступилъ на Всероссійскій престолъ.

(Сообщилъ Михаилъ Соколовскій).

ЗАПИСКА БУРНАШОВА О КНИГѢ ДЛЯ КАДЕТСКАГО ЧТЕНІЯ.

(1836 г.).

Съ Іюля мѣсяца 1836 г., подъ главнымъ завѣдываніемъ Я. И. Ростовцова началъ издаваться Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Направленіе этого журнала и общій характеръ помѣщенныхъ въ немъ статей были изложены въ моей брошюрѣ „Кадетскій журналъ полъвѣка назадъ". Хотя въ подробно разработанномъ планѣ изданія журнала не было означено, для какого именно возраста предназначаются статьи его, однако изъ разсмотрѣнія этихъ статей слѣдуетъ заключить, что онъ предназначался для старшаго и средняго возрастовъ. Отсутствіе статей для младшаго возраста побудило В. Бурнашова, при письмѣ отъ 18 Октября 1836 г., препроводить на разсмотрѣніе Я. И. Ростовцова приводимый ниже проектъ. Къ сожалѣнію, желанію Бурнашова не суждено было осуществиться, и 13 Января 1837 г. Ростовцовъ писалъ ему, что хотя имъ и раздѣляется мнѣніе о пользѣ, которую могла бы принести кадетамъ низшихъ классовъ книга спеціально для нихъ составленная, и даже признается неизлишнимъ подобное изданіе при Журналѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, тѣмъ не менѣе таковое изданіе не можетъ быть осуществлено за отсутствіемъ необходимыхъ къ тому денежныхъ средствъ. Потерпѣвъ неудачу, Бурнашовъ не оставилъ зародившейся въ немъ мысли и 27 Января 1837 г. снова обратился къ Ростовцову, съ просьбою удѣлять статьямъ для кадетъ низшаго возраста $1^1/_2$ или 2 печатныхъ листа въ издававшемся кадетскомъ журналѣ. Но и тутъ предложенію Бурнашова не суждено было осуществиться.

Проектъ Бурнашова любопытенъ тѣмъ, что написанъ въ эпоху зачаточнаго состоянія Русской дѣтской литературы.

М. С.

Нельзя не согласиться въ недостаткѣ книгъ съ спеціальною цѣлью въ той отрасли нашей литературы, которая посвящена образованію ума и сердца дѣтей посредствомъ чтенія, соотвѣтствующаго ихъ воз-

расту и ихъ понятіямъ. Недостатокъ этотъ, важный для общественнаго воспитанія, не можетъ однакоже быть отнесенъ къ нерадѣнію тѣхъ особъ, которыя посвятили литературные труды свои этому почтенному и полезному поприщу, потому что частный человѣкъ можетъ издавать лишь такія дѣтскія книги, которыя будутъ читаны дѣтьми различныхъ возрастовъ, сословій, состояній, дѣтьми обоихъ половъ, дѣтьми съ различными понятіями, съ различными мнѣніями, иначе книга не будетъ имѣть литературнаго успѣха, часто, къ сожалѣнію, основаннаго на однихъ лишь видахъ корыстныхъ. Лучшія Русскія этого рода книги приняты для чтенія въ малолѣтнихъ возрастахъ нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеній, но чтеніе ихъ не достигаетъ вполнѣ предназначенной цѣли тѣмъ болѣе, что это довольно рабскіе и не всегда правильные переводы иностранныхъ авторовъ, вовсе не заботившихся о Россіи и о Русскихъ дѣтяхъ, а имѣвшихъ въ виду, держа перо въ рукѣ и сидя въ своихъ кабинетахъ, дѣтей своихъ соотечественниковъ; по чему разъ двадцать говорятъ имъ о вѣкѣ Людовика XIV, о Вандомской колоннѣ, о Телѣ, Густавѣ-Адольфѣ, Франклинѣ, Вильямѣ-Пеннѣ и проч. Все это прекрасно, но все это не Русское. Дайте намъ Русскаго, своего, отечественнаго: эта же естественно-духовная пища будетъ полезнѣе всѣхъ этихъ иностранныхъ воспоминаній, о которыхъ достаточно говорится въ исторіи и о которыхъ наши Русскіе дѣти прочтутъ и послѣ; это не бѣда. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ имѣютъ частную или относительную пользу. Такъ напримѣръ, произведенія Бульи очень хороши для женскихъ учебныхъ заведеній, но со всѣмъ тѣмъ все-таки не для нашихъ Русскихъ заведеній. Мужскія же наши учебно-воспитательныя заведенія и этого пособія не имѣютъ: въ нихъ воспитанники читаютъ или иностранныя книги, или ихъ плохіе переводы, или, что̀ всего хуже, безграмотныя передѣлки иностранныхъ писателей на Русскіе нравы, людьми, которые полагаютъ, что, если они перемѣнили иностранныя имена людей и мѣстъ на Русскія, то уже исполнили вполнѣ цѣль передѣлки иностранныхъ тёсокъ на отечественные нравы, а того не вѣдаютъ, что настоящія передѣлки несравненно труднѣе, чѣмъ написать повѣсть оригинальную, потому что тутъ требуется совершенная переработка предмета и, такъ сказать, пересадка его въ новую для него почву. Недавно еще мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ, когда кто-то, передѣлывая на Русскіе нравы одну прелестенькую Французскую дѣтскую книжечку, вздумалъ мѣсто дѣйствія перенести съ береговъ Сены на берега Невы, не измѣнивъ свойствъ первой, почему наша зеркальная Нева вдругъ превратилась въ рѣку, клубящую свои желтыя струи. Послѣ этого можно ли давать этого рода книги дѣтямъ? Ихъ юныя понятія легко получатъ фальшивое и вредное для будущности впечатлѣніе.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я убѣдился въ необходимости изданія для нашихъ, спеціальную цѣль имѣющихъ, заведеній какого-нибудь такого чтенія, которое, будучи вполнѣ проникнуто духомъ патріотизма и народности, могло бы принести существенную пользу воспитанникамъ, конечно, не высшихъ классовъ находящихся въ которыхъ молодыхъ людей трудно заставить заниматься внѣ ученія тѣмъ или другимъ, но низшихъ и среднихъ классовъ, ученики которыхъ, составляя двѣ трети всей училищной численности, должны обращать на себя въ особенности тщательное вниманіе воспитателей: понятіе, сердца и умы ихъ—мягки, какъ нѣжнѣйшій воскъ и чрезвычайно легко принимаютъ всѣ и хорошія, и дурныя формы. Я знаю, что въ заведеніяхъ вообще и въ военныхъ въ особенности, радѣютъ о томъ, чтобы дѣти, высочайше порученные подъ надзоръ ихъ, не пріобрѣтали дурныхъ свойствъ; но трудно, да и невозможно, всѣмъ воспитателямъ усмотрѣть за сотнями воспитующихся. Для этого надобно, чтобы умы этого малолѣтняго многочисленнаго общества безпрестанно были заняты чѣмъ-либо хорошимъ, назидательнымъ, служащимъ къ повторенію, такъ сказать, ихъ класснаго ученія, къ возбужденію въ нихъ воспоминанія объ евангельскихъ истинахъ, предлагаемыхъ имъ законоучителемъ. Чтеніе это должно быть изложено, хотя и простымъ языкомъ, но чистымъ, яснымъ и, колико возможно, въ заманчивомъ и интересномъ видѣ.

Убѣжденный въ благонамѣренности начальства нашихъ военно-учебныхъ заведеній и зная на собственномъ опытѣ просвѣщенную готовность его къ пріобрѣтенію, для подвѣдомственныхъ ему училищъ, книгъ, могущихъ доставить собою воспитанникамъ чтеніе сколько полезное, столько пріятное и занимательное, я осмѣливаюсь предложить услуги мои для составленія такого чтенія, о какомъ выше изложилъ мои мысли.

Въ названіи книги часто выражается цѣлая мысль сочиненія, и поэтому я полагаю назвать книгу эту—Кадетское Чтеніе. Въ этомъ названіи, мнѣ кажется, ярко выразится вся спеціальность цѣли доставить маленькимъ воинамъ такое чтеніе, которое, соотвѣтствуя ихъ понятіямъ, могло бы сверхъ того безпрестанно питать ихъ чувствомъ любви къ ихъ будущему предопредѣленію и заставлять прилѣпиться къ мысли, что безъ труда ни до чего нельзя достигнуть на поприщѣ военномъ.

Кадетское Чтеніе не должно выйти единовременно книгою томовъ въ пять, или шесть. По моему мнѣнію, оно должно являться первое число каждаго мѣсяца, въ видѣ маленькой книжечки отъ 5 до 6 печат-

ныхъ листовъ. Все то, что заключается въ этой небольшой книжкѣ, будетъ, безъ сомнѣнія, скоро прочтено любопытствующими и любознательными мальчиками; но надобно редактору такъ располагать статьи, чтобы онѣ большею частію были помѣщены въ двѣ книжки и сверхъ того, можно и должно въ сильной степени не только возбудить внимательность, но и развить мышленіе дитяти, помѣщая статьи такого рода, чтобы, по существу своему, какая-нибудь повѣсть была бы кончена, но чтобы она невольнымъ образомъ произвела дѣйствіе на вниманіе маленькихъ читателей, которые, подвергнувъ тщательному разсмотрѣнію и разбору дѣла лицъ, которыя драматизированы тутъ, начали бы разсуждать по этому поводу, хваля или порицая то, что сдѣлали вымышленные актеры. Эти мнѣнія драгоцѣнны для наблюдателя дѣтскихъ чувствъ, и эти-то мнѣнія редакторъ долженъ собирать отъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ корпусныхъ воспитателей, съ которыми будетъ поставленъ въ сношенія по этому предмету. Замѣтить надобно, что это не должно быть извѣстно дѣтямъ, которыя иначе не будутъ такъ откровенно передавать своихъ наивныхъ мнѣній, дичась посторонности; но тѣмъ имъ интереснѣе будетъ видѣть въ слѣдующемъ номерѣ опроверженіе мнѣнія, какое имѣлъ такой-то, соглашеніе съ тѣмъ, которое имѣлъ другой, и т. д. Это совершенно новая, свѣжая мысль, предлагаемая мною, съ полною увѣренностью въ полезности ея.

Кадетское Чтеніе, выходя небольшими книжками, должно быть чрезвычайно разнообразно, заключая статьи слѣдующихъ разрядовъ:

1. Маленькія повѣсти и разсказы, въ которыхъ всегда дѣйствующими лицами были бы, разумѣется, дѣти, и чтобы въ каждой являлись бы воспитанники разныхъ Русскихъ учебныхъ заведеній и въ особенности военно-учебныхъ. Въ этихъ статьяхъ могутъ быть описываемы нѣкоторыя примѣчательнѣйшія заведенія во всѣхъ отношеніяхъ. Иногда, и даже почаще, можно переносить время дѣйствія въ какую-нибудь отдаленную эпоху, при чемъ всегда можно описывать бытъ того времени съ различными, свойственными дѣтскимъ понятіямъ подробностями, и особливо относительно состоянія корпусовъ въ то время, съ описаніемъ (одно слово въ рукописи не разобрано) и вооруженія войскъ.

Эта часть будетъ такъ мною обработываться, что драматическій ходъ дѣйствія въ повѣствованіяхъ болѣе или менѣе романическихъ будетъ прерываться объясненіями какого-нибудь предмета, матеріальнаго или идеальнаго, легко встрѣчающагося при самомъ изложеніи. Напримѣръ, маленькій кадетъ увѣряетъ въ чемъ-нибудь своею честію: тутъ-же краткій, ясный, вразумительный и сильный эпизодъ о чести—дѣло не-

обходимое. Другой мальчикъ любитъ очень театръ—опредѣлить, что такое театръ, съ краткою исторіею этого общественнаго учрежденія и пр. Въ какой-нибудь повѣсти можетъ случиться, что зайдетъ рѣчь хоть о картофелѣ или о ржаномъ хлѣбѣ, или о чемъ-нибудь подобномъ,—разсказать объ этомъ тутъ, право, недурно.

2. Историческія воспоминанія различныхъ примѣчательныхъ отечественныхъ событій съ подробнымъ очертаніемъ картины того вѣка, въ который это происходило. Тутъ не послѣднее мѣсто должны занимать описанія различныхъ кадетскихъ празднествъ, воспоминанія о которыхъ должно извлекать изъ кадетскихъ архивовъ.

3. Біографическіе очерки знаменитыхъ Русскихъ людей и въ особенности тѣхъ, которые основали какое-либо военное учебное заведеніе или въ одномъ изъ нихъ получили воспитаніе.

4. Анекдоты, наиболѣе нравственные, о такихъ великихъ людяхъ.

5. Прогулки по разнымъ примѣчательнымъ мѣстамъ нашего отечества, съ указаніемъ на нѣкоторыя изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ въ чужихъ краяхъ, на наши похожихъ. Напримѣръ, посѣщая Крымъ, можно сдѣлать краткій очеркъ Италіи; описывая Кавказскія воды, вспомнить о минеральныхъ водахъ всего земного шара и. т. д. При этихъ прогулкахъ воспоминанія о военныхъ событіяхъ должны занимать одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ.

6. Разные краткіе разсказы о важнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ по части искусства и ремеселъ, и въ особенности по части военнаго дѣла. Такъ напримѣръ, можно поговорить объ изобрѣтеніи и составѣ пороха, о началѣ артиллеріи, о стѣнобитныхъ орудіяхъ, о минахъ, о началѣ штыковъ и пр. Эти статейки предварительно будутъ разсматриваемы особою, свѣдующею въ военномъ дѣлѣ.

7. Этнографическіе очерки разныхъ, въ Россіи обитающихъ, народовъ, которые не войдутъ въ составъ прогулокъ по отечеству.

8. Описаніе различныхъ физическихъ, химическихъ, механическихъ, ариѳметическихъ и гимнастическихъ игръ и увеселеній, свойственныхъ юношескому возрасту, съ объясненіемъ причинъ ихъ дѣйствія.

9. Маленькія піески театральныя, состоящія изъ комедій, драмъ и даже водевилей въ прозѣ, а иногда и въ стихахъ легкихъ и пріятныхъ, удобно заучиваемыхъ на память. Піески эти должны быть таковы, чтобы

можно было легко ихъ представлять безъ особенныхъ хлопотъ и издержекъ. Дѣйствующими лицами большею частію должны быть военные люди, а иногда и воспитанники военно-учебныхъ заведеній.

10. Описаніе разныхъ достопримѣчательностей, у насъ въ отечествѣ находящихся, какъ-то заведеній разнаго рода, правительственныхъ учрежденій, художественныхъ и мануфактурныхъ выставокъ, галлерей, мюнц-кабинетовъ и разнородныхъ собраній рѣдкостей, назидательныхъ для юныхъ умовъ и пр.

Такъ какъ это вовсе не журналъ, а только книжки, выходящія въ извѣстные сроки, то я полагаю, что редакторъ ни малѣйшей не имѣетъ надобности стѣсняться рубриками, изъ которыхъ впрочемъ въ каждой книжкѣ долженъ помѣщать хотя по одной статьѣ, не оговаривая, что эта статья изъ того или другого отдѣленія, проектомъ предназначеннаго.

Шесть книжекъ составляютъ томъ, листовъ въ 30 и болѣе, который переплетается отдѣльно, съ особымъ оглавленіемъ и даже съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ словъ, напечатанныхъ курсивомъ: а такихъ должно быть очень много для вящшаго уразумлѣнія дѣтей.

Все это само по себѣ разумѣется, должно носить печать любви къ православной церкви, къ царю и къ отечеству, безъ чего никакія въ свѣтѣ свѣдѣнія не могутъ имѣть мѣста нигдѣ, а наиболѣе въ сочиненіи, издаваемомъ съ цѣлью доставить назидательно-нравственное чтеніе юношеству, воспитывающемуся подъ высочайшимъ покровомъ и приготовляющемуся къ почтенному военному поприщу, которое составляетъ незыблемый оплотъ царя и отечества.

(Сообщилъ Михаилъ Соколовскій).

ВЫДАЧА ИЗЪ КАЗНЫ ДЕНЕГЪ ЗА УРОДЦЕВЪ.

Находящагося въ Кронштадтѣ Морской артиллеріи унтеръ-офицера жена родила двухъ младенцевъ мужескаго пола чудеснаго вида: головы, руки и ноги и прочія части тѣла каждаго отдѣлены по себѣ, но животами одинъ съ другимъ сросшись единымъ тѣломъ и руками обнявшись. Дыханіе имѣли каждый свое; были живы болѣе двухъ часовъ, потомъ померли: кои обальзамированы и хранятся въ тамошней госпитали въ анатоміи. Указомъ 1718 года Февраля 13 дня повелѣно: и за человѣчьи уроды, коихъ приносить въ каждомъ городѣ къ комендантамъ, давать по 10 р. за мертвыхъ, а за живыхъ 100 руб.: а ежели и гораздо будетъ чуднѣе, то давать и болѣе».

4 Марта 1802 года.

Высочайше повелѣно дать сто рублей.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРЕПНИНЪ.

(Род. 10 Янв. 1841 † 20 Сент. 1905).

А. И. Черепнинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ областныхъ ученыхъ и дѣятелей, къ которымъ мѣстные обыватели относятся съ почтеніемъ, близкіе окружающіе съ любовью и признательностью, столичные и университетскіе спеціалисты съ вниманіемъ, но... вся горечь утраты ихъ, все значеніе дѣятельности и пребыванія въ излюбленномъ ими кругу оцѣниваются лишь послѣ смерти. Работаетъ человѣкъ, отзывается на всѣ запросы мѣстнаго общества и на обращенія столичныхъ собраній, и всѣ принимаютъ это какъ должное, сроднились съ этимъ, а привычка находить въ данномъ мѣстѣ и отъ даннаго человѣка (который ничѣмъ не блещетъ, наружно ничѣмъ не выдѣляется, не дипломированъ) всѣ нужныя справки, указанія, помощь притупляетъ чувство и поводъ сравненія съ другими областными мѣстами, гдѣ такого человѣка нѣтъ, гдѣ отношенія иныя. И только когда смерть «сниметъ» ученаго работника, а мѣсто его останется пусто (ибо смѣны не откуда ждать) вдругъ становится очевиднымъ для всѣхъ, какая сила здѣсь дѣйствовала и какъ велика и незамѣнима потеря.

На окраинѣ гор. Рязани, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, въ старинномъ вкусѣ съ колоннами, вѣчно толпился самый разнообразный посѣтитель. Мужичекъ съ старыми мѣдяками, старьёвщикъ съ кучею разнороднаго хлама, старая дворянка съ старинною жалованною прадѣду реликвіею, банковскій или казначейскій служака съ вѣстью о поданной туда какимъ-либо сборщикомъ рѣдкостной монетѣ, духовное лицо съ обтрепанной книжицей,—всякъ шелъ твердою поступью въ этотъ домъ, чтобы сбыть находку, чтобы получить совѣтъ (куда пристроить книжицу), чтобы разобраться въ хламѣ (авось отберется что цѣнное), чтобы разсказать про курганъ либо могильникъ или кладъ... Всѣхъ одинаково привѣтливо принималъ и выслушивалъ добрякъ-хозяинъ дома, всѣхъ необыкновенно терпѣливо и участливо удовлетворялъ, не сердясь въ случаѣ недовѣрія къ его словамъ (что вещь ничего въ археологи-

ческомъ отношеніи не стóитъ). Бывало, вчужѣ негодуешь на назойливость скаредной старушонки или сермяжнаго обывателя, а Черепнинъ неизменно спокоенъ и ласковъ, будто и не замѣчаетъ пустой траты дорогого времени. Онъ не разъ, какъ бы въ свое оправданіе, говаривалъ, что иначе не могъ бы хорошо узнать про Рязанскую старину, не могъ бы слѣдить за археологическими находками и повѣрьями, не могъ бы предотвратить исчезновеніе или варварскую передѣлку археологическихъ цѣнностей. Въ сознаніи археологическаго, такъ сказать, долга, онъ не тяготился докукою, не жалѣлъ затраченнаго досуга. А въ досугѣ онъ, хилый старикъ, нуждался, и покой при его слабомъ сердцѣ ему былъ болѣе чѣмъ необходимъ!

Свои *археологическія* познанія А. И. вообще не жалѣлъ расточать. Кромѣ случаевъ болѣзни онъ неизмѣнно и аккуратно по праздничнымъ днямъ являлся въ археологическій музей Рязанской Губернской Ученой Архивной Комиссіи и давалъ обстоятельныя научныя объясненія коллекцій. Слушателями его были преимущественно учащаяся молодежь и простолюдины. Кто слыхалъ эти объясненія-лекціи, навѣрно не забудетъ о нихъ. Коллекціи подъ любовнымъ словомъ Черепнина оживали, становились вещественными доказательствами историческаго повѣствованія, переставали быть только совокупностью гармонично расположенныхъ предметовъ, претворялись какъ бы въ отдѣльные параграфы интересной книги. Любовь къ родинѣ и старинѣ невольно передавалась отъ лектора слушателямъ и не одинъ изъ нихъ подъ вліяніемъ этихъ научныхъ бесѣдъ сталъ впослѣдствіи участникомъ археологическихъ или архивныхъ развѣдокъ. Тутъ дѣйствовала глубокая вѣра А. И. Черепнина въ необходимость и общественную пользу ихъ. Онъ не былъ и не желалъ быть лишь собирателемъ рѣдкостей, коллекторомъ старины: онъ былъ глубокій знатокъ старины и *изслѣдователь* научный. Старина интересовала его не сама по себѣ, а какъ показатель прежней жизни, бытовыхъ, племенныхъ и колонизаціонныхъ условій. Онъ съ жаромъ и юношеской энергіей спѣшилъ захватить старину всюду, гдѣ ожидалась или грозила ей утрата или видоизмѣненіе. Его раскопки подземной старины отличались педантическою аккуратностью, щепетильною осторожностью и полнотою: онъ велъ превосходные археологическіе дневники, на каждомъ шагу себя провѣряя; не опущая зноя и дождя, онъ всегда доводилъ раскопку непрерывно до конца. Это были строго научныя, планомѣрно веденныя раскопки и изслѣдованія по напередъ обдуманному плану, чѣмъ не часто отличаются работы, предпринимаемыя археологами, особенно областными.

Мнѣ вспоминается между прочимъ слѣдующій эпизодъ. Когда въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» изд. Брокгауза и Эфрона появилась въ 1896 г. статья о П. Н. Милюковѣ, которому приписывалось творческое участіе въ организаціи и системѣ археологическихъ раскопокъ въ Рязанской губ., то въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» тогда же напечатано было письмо г. Милюкова, гдѣ сообщалось, что онъ принималъ участіе лишь въ осуществленіи раскопокъ и археологическихъ разслѣдованій по плану, составленному до переѣзда его въ Рязань А. И. Черепнинымъ на много лѣтъ впередъ, утвержденному и систематически ежегодно выполняемому по постановленію Рязанской Губернской Ученой Архивной Комиссіи подъ руководствомъ Черепнина. Помню, П. Н. Милюковъ въ томъ же письмѣ присовокуплялъ, что находитъ планъ и систему дѣйствій Черепнина глубоко продуманными и вполнѣ цѣлесообразными.

До какой степени былъ строгъ къ себѣ и объективенъ А. И., можно сослаться, напр., на то, что, какъ правило, онъ старался въ мѣстѣ раскопокъ своихъ оставить кое-что нетронутымъ (о чемъ дѣлалъ отмѣтки въ дневникѣ), дабы впослѣдствіи можно было еще разъ, если понадобится, провѣрить всѣ подробности новою раскопкою. Онъ не жалѣлъ труда на провѣрку раскопокъ произведенныхъ другими лицами (даже напр., гр. Уваровымъ) ранѣе него, и почти всегда дѣлалъ тамъ новыя находки, обнаруживалъ новыя подробности. Болѣе 30 лѣтъ онъ отдавался этому дѣлу, и вся совокупность его знаній сдѣлала его имя извѣстнымъ на археологическихъ съѣздахъ, среди столичныхъ археологовъ.

Въ послѣднія годы А. И. принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ и письменной старины. Онъ и никогда не уклонялся отъ изученія *архивныхъ* матеріаловъ, но въ послѣднее время видимо увлекся идеей подобрать изъ архивовъ приходорасходныя и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, за осуществленіе которой принялись едва ли не всѣ губерн. ученыя архивныя комиссіи. Цѣлью этой коллективной работы (см. напр. доклады В. И. Сторожева и Н. А. Рожкова 2-му областному историко-археологическому съѣзду, въ Твери, въ 1903 г.) должно служить изученія и сводка историко-экономическихъ данныхъ и цифровыхъ матеріаловъ для освѣщенія по областямъ хозяйства помѣщичьяго и крестьянскаго въ разныя эпохи. Въ «Трудахъ» Рязанской Архивной Комиссіи А. И. Черепнинъ напечаталъ изъ этого рода данныхъ: «Приказы старостамъ» (1904 г. № 1), расходная книга казначея Солотчинскаго монастыря за 1596 г. (1904 г. № 2), «приходо-расходная тетрадь» по имѣнію гг. Гвоздевыхъ за 1780-е годы и др.

Особенно цѣнился всѣми А. И. Черепнинъ, какъ *нумизматъ*. У него былъ въ высшей степени интересный свой, цѣнимый въ нѣсколько де-

сятковъ тысячъ рублей, подборъ денежныхъ знаковъ и медалей. Но и здѣсь онъ не увлекался самыми монетами и ихъ рѣдкостностью. Онъ ихъ собиралъ и изучалъ съ цѣлью взглянуть глубже въ нашу древнюю денежную систему и въ особенности въ сравнительную цѣнность Русскаго рубля въ разныя эпохи. Онъ стремился въ дополненіе къ тому, что̀ уже внесено въ разрѣшеніе этого вопроса другими учеными, прибавить вѣсовыя отношенія Русскихъ монетъ (на что̀ ранѣе Черепнина никто, кажется, не обращалъ должнаго вниманія). Результатъ этихъ изслѣдованій выразился въ солидныхъ работахъ А. И.: «О гривенной денежной системѣ по древнимъ кладамъ» (Труды Московскаго Нумизматическаго Об-ва, т. 2) и «Опытъ перевода древнихъ денежныхъ единицъ на современныя деньги» (Труды Рязанской Губ. Архив. К-сіи, 1905 г. № 1).

Въ этихъ изслѣдованіяхъ пересмотрѣна и подвергнута подробной критикѣ вся литература предмета, внесенъ огромный новый матеріалъ и предложены цѣнныя и фундаментальныя поправки къ тезисамъ г.г. Заблоцкаго, Ключевскаго и др. Не одинъ десятокъ лѣтъ А. И. Черепнинъ производилъ свои выкладки, не одну тысячу вычисленій сдѣлалъ, и все-таки не успѣлъ сказать своего слова, не успѣлъ напечатать работы своей жизни. Благодаря нескончаемому пріему посѣтителей и затратѣ времени на переписку, поступавшую къ нему почти ежедневно, онъ успѣлъ только вчернѣ изложить свой капитальный трудъ: «О цѣнности Русскаго рубля и его отношеніи къ монетной системѣ». На сколько серьезный и самостоятельный былъ Алексѣй Ивановичъ Черепнинъ нумизматъ, можно подтвердить хотя бы ссылкою на предисловіе П. Н. Милюкова ко второму изданію первой части его «Очерковъ по исторіи Русской культуры». Въ этомъ предисловіи (писано оно въ Рязани) отмѣчено, что весь текстъ переиздаваемой книги имъ просмотрѣнъ и «введены при помощи Рязанскаго нумизмата А. И. Черепнина нѣкоторыя поправки къ прежнимъ мнѣніямъ о цѣнности стариннаго Русскаго рубля». Отъ А. И. и самого П. Н. Милюкова мнѣ извѣстно, что послѣдній ввелъ поправки на основаніи бесѣды и вычисленій Черепнина, сдѣланныхъ тогда по поводу свѣдѣній въ первомъ изданіи книги, съ которыми А. И. не вполнѣ соглашался о чемъ и сказалъ автору Очерковъ, предоставивъ ознакомиться со своими черновыми рукописями.

Немудрено, что подобный областной работникъ мало-по-малу завоевалъ къ себѣ довѣріе въ кругахъ дипломированныхъ специалистовъ и столичныхъ ученыхъ обществъ и музеевъ, отчасти даже за границей. Къ нему за указаніями и разъясненіями обращались отовсюду, часто вовсе лично съ нимъ незнакомые ученые специалисты и организаціи, присылая ему для оцѣнки и для заключенія монеты и памятники древ-

ности. И вотъ эта-то переписка на ряду съ пріемомъ посѣтителей и веденіемъ мѣстнаго историческаго музея и отрывали А. П. отъ личной ученой работы.

Мнѣ хочется подчеркнуть значеніе той самоотверженной отзывчивости на всѣ обращенія къ нему спеціалистовъ и профановъ, серьезно интересующихся знаніемъ и праздно любопытствующихъ, какая отличала всегда А. П. Черепнина и какой часто недостаетъ подобнымъ ему ученымъ подвижникамъ. И для большой публики, и для столичныхъ ученыхъ великое удобство, неизмѣримое и безцѣнное—наличность «на мѣстахъ», т. е. по областямъ, знатоковъ исторіи края въ родѣ Черепнина, которые, такъ сказать, впитывая въ себя всѣ соотвѣтствующія знанія и свѣдѣнія, позволяютъ въ тоже время желающимъ выжимать изъ нихъ всѣ справки, матеріалы. Эта самоотверженность и великодушіе мѣстныхъ ученыхъ (а ихъ немало на Руси), поразительны, чуть не сверхъестественны. Нельзя предполагать, чтобы они не сознавали для себя возможности выбраться изъ глуши въ центръ, не чувствовали бы въ себѣ достаточнаго запаса силъ; нельзя отрицать и того, что постоянная неизбѣжность тратить время и силы на удовлетвореніе всевозможныхъ запросовъ приводили къ размѣну ихъ ученаго капитала на гроши, къ расходованію по мелочамъ. И несмотря на такое положеніе и подобное сознаніе, они не чувствуютъ тяжести его, не стремятся вырваться на широкую дорогу. Про одного изъ нихъ не такъ давно біографъ писалъ: «А. А. Дмитріевъ имѣлъ всѣ шансы посвятить себя подготовленію къ профессорской дѣятельности... Но чуждый по натурѣ честолюбивыхъ мечтаній, искренно любящій свою науку саму по себѣ, независимо отъ тѣхъ внѣшнихъ выгодъ, которыя она можетъ дать своему жрецу, и увлекаемый любовью къ своему родному краю, онъ ищетъ скромнаго учительскаго мѣста... непремѣнно на родинѣ, чтобы скромно работать на научной почвѣ на пользу ея» (Труды Пермской Губ. Учен. Архивн. К-сіи, т. 5). Въ послѣдніе годы усилія и положеніе подобныхъ благородныхъ патріотовъ облегчены открытіемъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій (законъ 13 Апр. 1884 г.), которыя поставили себѣ именно тѣ задачи культивированія мѣстныхъ историческихъ знаній для населенія данной области и для исполненія порученій изъ ученыхъ центровъ по вопросамъ областной исторіи въ широкомъ объемѣ этого понятія, какія осуществляли въ розницу Черепнины и ему подобные подвижники. Самоотверженность областныхъ ученыхъ подвижниковъ, какъ А. П. Черепнинъ, сообщилась и архивнымъ комиссіямъ (неудачное прозвище), въ которыхъ они составляютъ всегда крупную силу, а иногда и центральную, всеопредѣляющую фигуру. И вотъ тамъ, гдѣ открыта

уже губернская ученая архивная комиссія, дѣятельность Черепниныхъ не заглохнетъ и не порвется. Съ ихъ смертью она на худой конецъ развѣ замнется, ослабѣетъ на время, пока комиссія оправится отъ понесенной утраты. Но зато тамъ, гдѣ Черепнины не успѣли создать комиссіи, ихъ смерть оставляетъ пустоту на долгіе, долгіе годы.

А. И. Черепнинъ умеръ 20 Сентября 1905 г. въ Рязани. Смутные дни, переломное время! И смерть его прошла незамѣченною и неотмѣченною. Какъ скромно онъ жилъ, такъ же скромно и погребенъ. Даже не всѣ друзья его узнали своевременно о его смерти, а кое-гдѣ и доселѣ не знаютъ, что Черепнина уже нѣтъ. Рязанская Губернская Ученая Архивная Комиссія, коей онъ состоялъ предсѣдателемъ, намѣрена, какъ мнѣ стало извѣстно, издать особый сборникъ въ память А. И. Черепнина. Тамъ и будетъ конечно полнѣе и глубже обрисована эта милая личность, эта ученая величина, этотъ общественный дѣятель.

*

Алексѣй Ивановичъ Черепнинъ родился 10 Января 1841 г. въ г. Холмѣ Псковской губ. Въ 1847 г. его отецъ переселился въ Рязань. За какіе-то стихи на гимназическое начальство А. И. былъ исключенъ изъ гимназіи, но приготовился къ Университету (въ Москву), откуда однако въ 1861 г. уволенъ за участіе въ первомъ студенческомъ бунтѣ. Въ качествѣ учителя дѣтей онъ жилъ затѣмъ въ семьѣ К. въ Тульской губ., а въ 1866—1869 г. прослушалъ курсъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Нѣсколько лѣтъ занимался онъ сельскимъ хозяйствомъ. Къ археологіи и нумизматикѣ пристрастился не позже 1870 г., а съ 1879 г. бросилъ сельское хозяйство и весь отдался наукѣ.

А. И. Черепнинъ состоялъ корреспондентомъ Главн. Физической Обсерваторіи, членомъ Тамбовской губ. учен. архивн комиссіи, членомъ Московск. нумизматич. о-ва, предсѣдателемъ и хранителемъ историч. музея Рязанской губ. учен. архивной к-сіи.

13 Ноября 1905.
Москва.

В. С. Малченко.

ДРЕВНОСТИ ВЪ ЦЕРКВИ СЕЛА ДРОСКОВА.

(Мало-архангельскаго у. Орловской губ.).

Церковь построена въ 1763 году. Старая живопись очень аляповатая. Древнихъ иконъ нѣтъ. Старыя книги. Сѵнодикъ, на немъ надпись священника «1818 года Іюня 1-го дня совершилось сему Сѵнодику сорокъ семь лѣтъ» такимъ образомъ появленіе его должно быть отнесено къ 1771-му году. Форматъ въ поллиста. Состоитъ изъ 1) предисловія, заключающаго краснорѣчивое назиданіе о пользѣ поминанія усопшихъ; 2) 37 картинъ и 3) собственно Сѵнодика, т. е. поминанья царей, царицъ, преосвященныхъ «Крутицкихъ» митрополитовъ, епископовъ Воронежскихъ и Орловскихъ, и наконецъ священнослужителей Дросковской церкви съ ихъ семействами. Начинается поминанье съ Петра Перваго. Картины въ поллиста, первая картина изображаетъ мертвую голову со стихами сбоку:

Кости зракъ—
Смерти знакъ,
Зри се всякъ
Будешь такъ.

Слѣдующія три картины съ стихотворными надписями, сюжеты картинъ и стихи о пользѣ поминовенія душъ усопшихъ; затѣмъ семь картинъ изображенію св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Аѳанасія Великаго, Іакова брата Божія, св. митрополита Филиппа и Ангела-хранителя; всѣ, кромѣ св. Филиппа, съ стихотворными подписями; подъ портретомъ І. Златоуста стихи:

„Великій архіерей Іоаннъ Златоустъ
Велитъ по усопшихъ давать сорокоустъ,
Да тѣхъ усопшихъ души отъ мукъ свободятся
И вѣчныхъ оныхъ благъ тамо насладятся“.

Тутъ же картина, изображающая приключеніе св. Макарія съ черепомъ; затѣмъ аллегорическая «картина разсужденія повседневнаго и зерцало христіанина правовѣрнаго», съ объяснительными стихами. Далѣе пять картинъ, изображающихъ разные моменты смерти, погребенія, поминанія усопшаго и раздачи милостыни. Далѣе пять картинъ изображаютъ скитанія души послѣ смерти, съ стихотворными надписями.

Слѣдующія 10 картинъ изображаютъ три разсказа о томъ, какую пользу приноситъ душамъ поминовеніе ихъ живыми. Затѣмъ картина о томъ, какъ голова разбойника, отрубленная отъ туловища, помощью и предстательствомъ св. Богородицы заговорила и исповѣдывала свои грѣхи. Затѣмъ аллегорическая картина «зерцало грѣшнаго»: человѣкъ нагой сидитъ на креслѣ и въ него вонзается крестъ, на крестѣ пять мечей. Послѣдняя 37-я картина изображаетъ большой черепъ съ стихами подъ нимъ:

„Зря человѣче сію главу, сердцемъ умилися,
И, помышляя псаломскую рѣчь, въ себѣ прослезися;
Человѣкъ, яко трава, въ вѣкъ исчезаетъ,
Якоже цвѣтъ на селѣ скоро оцвѣтаетъ,
Ибо духу, изшедшу изъ него, не быватъ,
Къ тому мѣста своего въ мірѣ не познаетъ".

Всѣ картины сдѣланы тушью и чернилами, какъ обыкновенно въ старыхъ богослужебныхъ книгахъ. Рисунки череповъ очень отчетливы. Другая замѣчательная по древности книга Апостолъ 1695 г. Какъ говорится на послѣдней страницѣ этой книги, издана она въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, при правленіи за патріарха архіепископа Адріана, при архимандритѣ Кіево-Печерской Лавры Мелетіѣ Вуяцевичѣ и «за счастливаго владѣнія ихъ царскаго пресвѣтлаго величества обоихъ сторонъ Днѣпра войскъ Запорожскихъ гетмана благороднаго Іоанна Стефановича Мазепы». Въ книгѣ съ десятокъ картинъ очень древней живописи и съ малоразборчивыми подписями. Другихъ замѣчательныхъ древностей въ Дросковской церкви нѣтъ. Третья древняя книга, которую я купилъ въ томъ же селѣ Дросковѣ у одного крестьянина, это псалтырь, изданія Мелетія Вуяцевича, посвященнаго, какъ извѣстно, въ архимандриты Кіево-Печерской лавры въ 1690 г. и умершаго 6-го Февраля 1697 г. Въ началѣ книги содержится «предословіе до ихъ царскаго пресвѣтлаго величества», заключающее въ высшей степени риторическое и пышное посвященіе книги Петру Первому и Іоанну Алексѣевичу; ихъ авторъ титулуетъ между прочимъ «всеизряднѣйшими истины евангельской рачителями». Къ сожалѣнію 1-й и 2-й листы этого предословія такъ истрепаны, что почти ничего невозможно разобрать. Далѣе авторъ желаетъ здоровья царямъ и царевичу Алексѣю Петровичу, сравниваетъ славу и величіе ихъ съ божьими и благословляетъ ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ второе «предословіе къ читателю», гдѣ авторъ убѣждаетъ его читать псалтирь, въ которомъ по его словамъ «содержится вся истина евангельская» и уподобляетъ чтеніе его книги бесѣдѣ съ Христомъ. Потомъ во всю книгу портретъ царя Давида, играющаго на гусляхъ, и подъ нимъ стихи:

„Тихо кроткій царь Давидъ въ гусли брацаетъ,
Мирно славословити Бога поучаетъ.
Хотяй же чести псалтири праведна пророка,
Блюдися иматъ всяка грѣховна порока".

Передъ каждымъ псалмомъ находится коротенькое «предословіе» автора, т. е. собственно издателя, гдѣ содержится идея псалма, краткое содержаніе его или обстоятельства, по поводу которыхъ онъ написанъ Давидомъ.

С. Дросково.

Влад. Птицынъ.

РѢДКАЯ КНИГА.

Remarques sur la langue Russienne et sur son alphabet. Avec des pièces relatives à la connoissance de cette langue, publiées et augmentées par Théodore Karjavine, ancien interprête pour Roi à la Martinique. A Saint-Pétersbourg 1791.

(Замѣтки о Русскомъ языкѣ и его азбукѣ съ приложеніемъ статей, относящихся къ знанію этого языка, изданныя и дополненныя Ѳедоромъ Каржавинымъ, бывшимъ толмачемъ у короля Мартиникскаго 1791).

Книга посвящена Маргаритѣ Шарлоттѣ Рамбуръ.

Въ своемъ предисловіи Ѳедоръ Каржавинъ говоритъ, что эти замѣтки о Русскомъ языкѣ были составлены его дядей Ерофеемъ Каржавинымъ въ Парижѣ въ 1755 г. при содѣйствіи ученыхъ Делиль*), Бюашъ и Барбо, а такъ какъ въ Парижскихъ типографіяхъ не нашлось Русскаго шрифта, то книга и осталась тогда ненапечатанной.

Составленіе этого руководства было предпринято по просьбѣ Французскихъ историковъ и географовъ, интересовавшихся Россіей и не имѣвшихъ никакихъ хорошихъ пособій для изученія Русскаго языка. До сего времени Французскіе ученые, говоритъ Каржавинъ, пользовались лишь атласомъ, изданнымъ въ 1745 г. Петербургской Академіей Наукъ на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, но тамъ приложены были только очень краткія указанія о произношеніи; Каржавинъ же въ своемъ руководствѣ даетъ общее представленіе о Русскомъ языкѣ, сравнивая его съ другими болѣе извѣстными во Франціи. Онъ разбираетъ каждую букву въ отдѣльности, говоритъ о ея Греческомъ или древнеславянскомъ происхожденіи и объясняетъ произношеніе. Затѣмъ составитель обращаетъ вниманіе на измѣненія Славянскаго алфавита сначала Св. Кирилломъ, а потомъ Петромъ Великимъ, при которомъ окончательно выработались употребляющіяся до-нынѣ буквы. При этомъ онъ дѣлитъ согласныя буквы на четыре класса и, смотря по звуку, указываетъ на различіе между Е. Ѣ. Э. и т. д., давая краткія грамматическія свѣдѣнія по этимологіи, синтаксису и просодіи.

---

*) Знаменитый ученый. Первый королевскій географъ. Особенно извѣстенъ своею новою физико-географическою системою † 1773 г.

Приводя интересный „похвальный отзывъ“ Парижской Академіи, выданный Ероѳею Каржавину въ 1757 г., Ѳедоръ Каржавинъ говоритъ, что любовь къ знаньямъ была внушена Ероѳею Государемъ и чтобы заниматься наукой и литературой какъ слѣдуетъ, онъ счелъ необходимымъ поѣхать въ Парижъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся дать достойное образованіе своему племяннику Ѳедору Васильевичу. Признательность же и уваженіе къ двумъ націямъ побудила его предпринять этотъ трудъ.

Послѣ этого предисловія идетъ краткій историческій очеркъ, уже составленный Ѳед. Вас. относительно распространенія письменной литературы въ Россіи. Далѣе приводится письмо Славянскихъ князей, обратившихся съ просьбой къ Греческому императору Михаилу, чтобы онъ прислалъ къ нимъ людей свѣдущихъ и ученыхъ. Очеркъ заканчивается восхваленіемъ Екатерины II, какъ много потрудившейся для Русской литературы.

Въ этой же книгѣ между прочимъ помѣщена диссертація о болѣе точномъ произношеніи нѣкоторыхъ Русскихъ буквъ. Диссертація эта была представлена во Французскую Академію профессоромъ исторіи и политики Ж. Л. Барбо де-ла-Брюйэръ, въ Мартѣ 1762 г. и исправлена потомъ Ѳедоромъ Каржавинымъ въ 1789 году. „Remarques“ напечатаны въ 8-ю безъ нумераціи страницъ, но со счетомъ по тетрадямъ, каждая въ 8 стр. Всѣхъ тетрадей 26. На первомъ листѣ находится своеручная надпись Ѳедора Каржавина подписаннаго се Ивану Варпицину въ знакъ благорасположенія 18 Сентября 1807 года

Краткія біографическія свѣдѣнія о Ѳедорѣ Васильевичѣ Каржавинѣ (1745—1818) помѣщены въ энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и болѣе подробно какъ о немъ, такъ и о его отцѣ Васильѣ и дядѣ Ероѳеѣ въ Русской Старинѣ т. XII, стр. 272 и 655.

Мы же съ своей стороны можемъ дополнить, что Ѳ. Каржавинъ принималъ участіе и въ Московскихъ работахъ извѣстнаго архитектора В. И. Баженова, построившаго въ Кремлѣ зданіе Сената, арсенала и дома Пашкова (гдѣ теперь Румянцовскій музей). Онъ же перевелъ и совмѣстно съ Баженовымъ (какъ его архитекторскій помощникъ) издалъ архитектуру Марка Веструвія Полiона, въ 10 книгахъ съ планами и чертежами (СПб. 1790—1797).

Послѣ Ѳ. Каржавина осталось еще нѣсколько сочиненій по разнымъ предметамъ, но они большею частью утрачены; нѣкоторыя изъ рукописей по архитектурѣ мы видѣли въ одной частной библіотекѣ.

Ростовъ-Великій. 1905. Декабря 6.

А. Титовъ.

СТИХИ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Посланіе къ С. П. Шевыреву [1].

Мюнхенъ, 13 Іюля (1830).

Любезный другъ Шевыревъ!

Описать тебѣ хочу я
Почему, о милый мой,
Къ вамъ пріѣхать не могу я
Изъ Баваріи пивной,
Здѣсь держи лишь востро ухо
И глаза впери горѣ:
Мудрствовать не будешь сухо
Для жильцовъ Буасере [2].
Гередитокъ очи черны
На меня устремлены;
Пухты, Шеллинги и Шорны [3])
Чуть въ меня не влюблены,
На меня лишь уповаетъ
Славный Тиршъ въ ученой прѣ,
И слюну свою пускаетъ
Госпожа Буасере.
Мнѣ прославиться на свѣтѣ,
Если здѣсь пробуду я,
И великій скажетъ Гёте
Всей Европѣ по меня:
„Вотъ студентъ, рекомендую!
„Что ни день, то на зарѣ
„Голову его младую
„Мочитъ другъ Буасере“.

Твой оплеванный Н. Р.

Соболевскій и Кирѣевскіе тебѣ кланяются.

ПОПРАВКИ.

Въ статью о Н. Е. Баратынскомъ („Руссій Архивъ 1905, кн. 7-я) вкралась опечатка. Тамъ сказано: „Алкалъ я звуковъ вдохновенной арфы А принимался за *постыдный* трудъ“. Надо: „за *постылый* трудъ“.

---

[1]) Послано въ Римъ, гдѣ тогда жилъ Шевыревъ. П. Б.

[2]) Буасере—славный въ то время знатокъ искусствъ. Ему покровительствовалъ Гёте. У него въ Мюнхенѣ отдавались въ нижнемъ этажѣ комнаты для студентовъ, въ числѣ которыхъ были Н. М. Рожалинъ и братья Кирѣевскіе. Стихи писаны отъ имени Рожалина. П. Б.

[3]) Мюнхенскіе знаменитые профессора.

Общества [1]). Изъ этого введенія видно, при какихъ обстоятельствахъ создался Кабинетъ, какъ складывался кругъ его вѣдѣнія и какъ постепенно забиралъ онъ въ свои руки всѣ государственныя дѣла, подчинивъ себѣ и Святѣйшій Синодъ, и Правительствующій Сенатъ, не говоря уже о прочихъ учрежденіяхъ въ государствѣ.

Кромѣ указовъ и высочайшихъ повелѣній, вышедшихъ изъ Кабинета, въ указанномъ изданіи помѣщены *журналы* Кабинета и *реестры* входившихъ въ него отовсюду доношеній, рапортовъ и пр. Если журналы даютъ возможность слѣдить за дѣятельностью Кабинета изо дня въ день, то реестры указываютъ наглядно, какія дѣла вносились въ Кабинетъ, чѣмъ онъ интересовался и на что обращалъ наибольшее вниманіе, такъ какъ нерѣдко (это видно изъ самихъ реестровъ) доношенія и рапорты поступали въ Кабинетъ о тѣхъ или иныхъ вопросахъ „по указу Кабинета", т. е. по его требованію. Характерно также, что дѣла собственно кабинетскія не были выдѣлены изъ дѣлъ государственныхъ, почему Кабинетъ съ одинаковымъ участіемъ занимался законодательствомъ и управленіемъ, какъ и заботился напр., о наборѣ пѣвчихъ для двора, устройствѣ звѣринцевъ, дворцовъ и т. п.

[1]) См. также брошюру А. Н. Филиппова „Кабинетъ Министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. (Юрьевъ, 1898 г.).

ЗАМѢТКА.

Въ первой книжкѣ „Русской Старины" за 1906 годъ напечатанъ дневникъ Краковскаго возстанія въ 1794 г. [2]), при чемъ ни переводчику, ни издателю, очевидно, не было извѣстно, что этотъ дневникъ Цѣшковскаго, лично подаренный мнѣ въ Львовѣ о. Антоніемъ Петрушевичемъ, съ его согласія, со всѣми примѣчаніями и предисловіемъ, мною напечатанъ еще въ 1904 г. въ „Русскомъ Архивѣ". Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ помянуть о филологическомъ словарѣ о. Петрушевича: весь этотъ колоссальный трудъ теперь уже находится въ Императорской Академіи Наукъ, о чемъ еще въ 1903 году было мной напечатано въ „Извѣстіяхъ" Вольфа (№ 10—11).

А. Титовъ.

[2]) Историческіе и бытовые очерки Западной старины, стр. 174—188.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ; отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

2.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

К. В. Харламповичъ. Архимандритъ Макарій Глухаревъ. По поводу 75-ти лѣтія Алтайской миссіи. Съ портретомъ и факсимиле Макарія. С.П.Б. 1906. 8-ка 129 стр.

Мы имѣемъ уже нѣсколько жизнеописаній этого удивительнаго человѣка (1792—1847); но наиболѣе потрудился для того К. В. Харламповичъ, собравшій и особо издавшій большое число писемъ его. Миссіонеръ Макарій человѣкъ народный; онъ зажигалъ сердца своею бесѣдою, случалось, что за нимъ ходили цѣлыя толпы слушателей, и по всей Россіи имѣлъ онъ искреннихъ приверженцевъ. Не было въ немъ ничего претительнаго, чего не чуждъ былъ и великій наставникъ его Филаретъ, котораго онъ и превосходилъ, конечно не глубиною ума и пастырскаго державства, но разносторонностью знаній и пламенемъ сердца.

Бѣдный монастырь подъ городомъ Болховымъ *) служилъ Макарію мѣстомъ ссылки, такъ какъ и свѣтскому и духовному правительству былъ онъ не удобенъ; первому за сношенія съ Декабристами въ Сибири, а второму за избытокъ свободы въ мнѣніяхъ и отзывахъ, которые казались тѣмъ рѣзче, что въ нихъ не слышалось ничего самолюбиваго. Изъ глубины Сибири посылалъ онъ упреки Св. Синоду за то, что имъ допущено запрещеніе Библейскихъ обществъ по Россіи. Этому закрытію приписывалъ Макарій бѣды постигавшія Россію, Петербургское наводненіе, 14 Декабря, сгорѣвшій съ людьми масляничный балаганъ на площади передъ Зимнемъ дворцомъ и пр. Вмѣсто Слова Божія, писалъ онъ про послѣдніе годы Александровскаго царствованія, Россія зачитывалась словъ, „часто гнилыхъ, но для ветхаго человѣка необычайно сладостныхъ“. Но Макарій способенъ былъ цѣнить и безпримѣрную красоту Пушкинской поэзіи. Онъ самъ былъ поэтъ по природѣ. Такъ носился онъ съ мыслью о храмѣ Божіемъ въ Россіи съ тремя алтарями: нашимъ, католическимъ и протестантскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Русская народная память не перестанетъ относиться съ благодарственнымъ умиленіемъ къ Макарію Глухареву.

Книжка г-на Харламповича достойна всякой похвалы. П. Б.

*) Послѣдній вѣчевой колоколъ снятъ былъ, по распоряженію полиціи въ Болховѣ, въ концѣ царствованія Александра Павловича.

А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія, публичныя чтенія, статьи и замѣтки. С.-Пб. 8-ка, 891 стр.

Сенаторъ Кони составилъ себѣ репутацію выдающагося оратора, какъ на судебномъ поприщѣ, такъ и въ области обще-культурной; извѣстенъ онъ также и какъ даровитый писатель. Вездѣ и всегда проглядываетъ у него широкая и разностороння образованность въ связи съ тонкимъ эстетическимъ развитіемъ. Эти качества особенно выступаютъ у него при чтеніи его рѣчей. Ораторы, увлекающіе слушателя однимъ лишь краснорѣчіемъ, часто очень разочаровываютъ читателя въ напечатанномъ ви-

САМУИЛЪ МИСЛАВСКІЙ НА РОСТОВСКОЙ КАѲЕДРѢ.

(1776—1783).

Семь лѣтъ пробылъ архіепископъ Самуилъ на Ростовской каѳедрѣ, но къ сожалѣнію областная литература и мѣстные историки мало говорятъ объ этомъ достопамятномъ пастырѣ. Даже трудолюбивый историкъ Ярославской іерархіи въ своемъ почтенномъ трудѣ «Іерархи Ростовско-Ярославской паствы» почти ничего не сказалъ о тогдашней дѣятельности Самуила, упоминая болѣе подробно лишь о посѣщеніи церквей и произнесенныхъ имъ проповѣдяхъ.

Еще менѣе сказалъ о немъ, какъ о Ростовскомъ архіереѣ, Ѳед. Рождественскій въ своемъ прекрасномъ и обстоятельномъ трудѣ «Самуилъ Миславскій, митрополитъ Кіевскій». Авторъ, имѣя подъ руками богатый матеріалъ, находящійся въ Кіевскихъ архивахъ, обрисовалъ главнымъ образомъ дѣятельность Самуила, какъ преподавателя въ Кіевской академіи и какъ Кіевскаго митрополита. Затѣмъ въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» (1904 г.) помѣщена біографія Самуила, но она также почти не касается трудовъ Самуила въ Ростовѣ. Авторъ «Бѣлогородскихъ архіереевъ» А. С. Лебедевъ ограничилъ очеркъ дѣятельности Самуила одной Бѣлогородской епархіей.

За послѣднее время старшій представитель знаменитой исторической семьи князь Ѳ. А. Куракинъ въ своемъ превосходномъ изданіи «Архивъ села Надеждина» обнародовалъ рядъ писемъ Самуила, преимущественно какъ Ростовскаго архіерея, къ князю Александру Борисовичу Куракину (съ 1776 по 1778 гг.) и кромѣ того любезно сообщилъ намъ въ копіи письма доселѣ неизвѣстныя съ предоставленіемъ права напечатать ихъ. Принося глубокую благодарность князю Ѳедору Алексѣевичу, мы помѣщаемъ ниже письма этого замѣчательнаго іерарха Екатерининскаго времени, предпославъ къ нимъ и біографію его, какъ Ростовскаго архіепископа.

Самуилъ (въ мірѣ Симеонъ) Миславскій, родился 24 Мая 1731 года. Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ представилъ его въ Кіевскую школу

его отецъ, священникъ Глуховскаго полка, села Полошева. Студентомъ Кіевской академіи Самуилъ принялъ монашество, и въ 1756 г. онъ префектомъ академіи, въ 1762 г. посвященъ въ архимандриты Кіево-Братскаго монастыря и опредѣленъ ректоромъ академіи и членомъ Кіевской консисторіи. Въ должности ректора Самуилъ преподавалъ разные предметы. «Учебная практика, говоритъ одинъ изъ его біографовъ *) выработала изъ него всесторонне-образованнаго мужа, отличнаго богослова, искуснаго и тонкаго діалектика, образцоваго ректора-проповѣдника и замѣчательнаго лингвиста, свободно изъяснявшагося на Латинскомъ, Польскомъ и Французскомъ языкахъ».

Независимо отъ обширныхъ занятій (говоритъ другой его біографъ, Ѳ. Рождественскій), которыя выполнялъ Самуилъ, онъ еще завѣдывалъ преподаваніемъ «инструкціи великой и малой» и ревностно относился къ своему дѣлу. Онъ не довольствовался учебными руководствами, которыя часто были невразумительны, темны, и старался упрощать, или же и совсѣмъ замѣнять своими. Для учениковъ первыхъ трехъ классовъ онъ, напримѣръ, составилъ новую Латинскую грамматику вмѣсто пресловутой грамматики Альвара, принятой изъ западныхъ школъ. Впослѣдствіи, именно въ 1765 г., она и была напечатана, по распоряженію митрополита Арсенія, въ Кіевѣ.

Такая дѣятельность въ связи съ учеными занятіями скоро выдвинула Самуила изъ ряда обыкновенныхъ преподавателей и вызвысила его во мнѣніи самой академической корпораціи. Ученики любили его и съ удовольствіемъ слушали его лекціи, а глубокое уваженіе къ нему наставники выразили въ избраніи его, 7 Ноября 1751 года, префектомъ въ то время, когда въ академіи, по лѣтамъ служенія, были болѣе почтенныя лица, какъ Константинъ Крыжановскій и Викторъ Ладыженскій. Новая должность принесла съ собою и новыя обязанности. На попеченіи Самуила теперь лежала не только учебная сторона академіи, но и экономическая. Хорошія, обезпеченныя, матеріальныя средства въ немалой степени облегчаютъ и подкрѣпляютъ студентовъ въ трудахъ и занятіяхъ. Новый префектъ хорошо понималъ это. Болѣе всего его озабочивало плохое помѣщеніе академіи.

По словамъ Ѳ. Рождественскаго, «архимандритъ Самуилъ, по порученію митрополита Арсенія, ѣздилъ въ С.-Петербургъ, чтобы поздравить императора Петра Ѳедоровича съ восшествіемъ на престолъ. 26

*) Бѣлогородскіе архіереи. А. С. Лебедева, стр. 163.

Іюля 1762 года онъ снова былъ въ Петербургѣ и приносилъ поздравленіе Екатеринѣ II. Послѣдняя поѣздка имѣла большое значеніе для Самуила. Екатерина, умѣвшая узнавать людей, замѣтила краснорѣчиваго оратора, говорившаго ей поздравительную рѣчь. Впослѣдствіи, именно 21 Августа 1768 года, она повелѣла вызвать его въ Синодъ на чреду служенія въ то время, когда Самуилъ былъ архимандритомъ Пустыно-Николаевскаго монастыря, оставаясь попрежнему въ должности ректора академіи. Въ Петербургъ онъ прибылъ, по всей вѣроятности, въ послѣднихъ числахъ Октября 1768 г., потому что 9 Ноября онъ говорилъ рѣчь Императрицѣ съ заявленіемъ преданности великой монархинѣ. Какъ видно, проповѣдническій талантъ его понравился Императрицѣ. Самуилъ получилъ повелѣніе сказать двѣ проповѣди въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ и въ воскресный день 1 Февраля 1769 г. Проповѣди эти произвели впечатлѣніе при дворѣ, особенно первая, сказанная 21 Декабря 1768 г. «объ исполненіи своего званія». Императрица, слыша похвалы этой проповѣди, пожелала ее прочесть. Вскорѣ, именно 28 Декабря, Самуилъ въ придворной церкви рукоположенъ въ епископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго, и 15 Февраля 1769 г. онъ уже отправился къ своей паствѣ. Тогда же начинается знакомство его съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, начавшееся письмомъ Самуила. Павелъ Петровичъ воспользовался этимъ случаемъ, какъ самымъ удобнымъ для сближенія съ «достойнымъ и украшеннымъ добродѣтелями мужемъ». Знакомство, начавшееся случайно, со временемъ переходитъ почти что въ дружбу. Друзья утѣшаютъ другъ друга въ минуты испытаній надеждою на помощь Божію, взаимно дѣлятъ радости и скорби. Каждый праздникъ, каждый торжественный случай даютъ имъ поводъ переписываться. Эта дружба усилилась послѣ личнаго свиданія въ Москвѣ въ 1775 году.

Біографу Миславскаго не было извѣстно, что расположеніе великаго князя Павла къ Самуилу произошло благодаря князю Александру Борисовичу Куракину, очень близкому съ наслѣдникомъ престола.

На Бѣлогородской епархіи Самуилъ пробылъ около трехъ лѣтъ. Изъ труда профессора А. С. Лебедева мы узнаёмъ, что въ Харьковскомъ коллегіумѣ онъ завелъ учителя Француза, «дабы ученики, упражняясь во Французскомъ діалектѣ, черезъ всегдашнее съ учителемъ обращеніе, могли затвердить самую Парижскую прононсію, изучать литературу въ талантливыхъ представителяхъ (Руссо, Вольтеръ), съ тѣмъ, чтобы изъ сочиненій сихъ двухъ краснорѣчивыхъ и остроумныхъ мужей выбирать такія, которыя ничего не заключаютъ въ предосужденіе нашей вѣры и благочестія». Будучи образованнымъ человѣкомъ, Са-

муилъ, очевидно, не позволялъ себѣ дѣлать то, чѣмъ богата хроника его предшественниковъ.

Послѣ убіенія въ Москвѣ архіепископа Амвросія императрица Екатерина указомъ 24 Сентября 1771 года, даннымъ на имя Синода, повелѣла перевести Самуила на каѳедру Крутицкую. Но для того, чтобы онъ могъ дѣйствовать на Московское епархіальное управленіе, она повелѣла присутствовать ему (вмѣстѣ съ Геннадіемъ, еп. Суздальскимъ, и съ Новоспасскаго монастыря архимандритомъ Іоанномъ) въ Синодальной Конторѣ и имѣть мѣсто по старшинству своей епархіи; Московскую же епархію оставила безъ пастыря, подчинивъ управленіе ею Синодальной Конторѣ. Въ тоже время указомъ на имя Коллегіи Экономіи Екатерина повелѣла выдать Самуила 1000 р. на проѣздъ въ Москву. Изъ писемъ Екатерины и Павла Петровича видно, что царскій домъ возлагалъ большія надежды на присутствіе Самуила въ Москвѣ. Екатерина торопитъ его пріѣздомъ въ Москву. «Бога для, «преосвященный, пишетъ она, поспѣшайте своимъ пріѣздомъ въ Москву». А цесаревичъ Павелъ Петровичъ выражаетъ радость, что его другу предстоитъ случай оказать услуги отечеству. «Переведеніе ваше въ Москву, говоритъ онъ, служитъ мнѣ новымъ побужденіемъ писать къ вамъ и чрезъ то изъявить вамъ мою радость о семъ, зная настоящее тамошнее безпокойное положеніе, и потому сколько присутствіе ваше нужно; но совсѣмъ тѣмъ не могу же и не безпокоиться о вашей персонѣ по причинѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ; остается надѣяться на Божій Промыслъ и притомъ на благоразумныя ваши собственныя предосторожности».

Въ Октябрѣ 1771 г. Самуилъ прибылъ въ Москву и принялъ въ управленіе Крутицкую епархію.

Приводя въ порядокъ епархіальныя дѣла, очищая зараженныя церкви, которыя были запечатаны, Самуилъ производилъ и постройки. Имъ возобновленъ Крутицкій архіерейскій домъ и, по повелѣнію Императрицы, онъ приступилъ къ возобновленію Московскихъ соборовъ 3 Іюня 1772 г. и прежде всего Архангельскаго. Работа произведена была быстро. Въ Октябрѣ того же года Самуилъ доносилъ Императрицѣ, что возобновленіе иконописи уже окончено. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ соображенія о возобновленіи сѣни надъ престоломъ и украшеній на гробахъ царей и великихъ князей. Екатерина, изъявляя Самуилу признательность за его труды и утверждая его соображенія, выразила надежду, что «подъ его наблюденіемъ изъ старыхъ сокровищъ при передѣлкѣ ничто утрачено не будетъ», и повелѣла выдать на возобновленіе сѣни 2000 р. 8 Ноября 1772 года и 15 Августа 1773 г.

происходило освященіе соборовъ, съ большимъ торжествомъ, по особому чину, составленному самимъ Самуиломъ. За эти труды Императрица, прибывъ въ Москву, пожаловала его 15 Февраля 1775 г. членомъ Св. Синода, а 14 Іюня алмазною панагіею.

17 Марта 1776 г. Самуилъ переведенъ на Ростовскую епархію и привѣтствованъ по прибытіи, по обычаю того времени, Музами:

Кто сей во почестяхъ монарха,
Власы сребристы, покровенъ?
Въ десной нося жезлъ іерарха,
Въ священны ризы облеченъ?
Пріятность взоръ его являетъ,
Видъ, поступь, важность, простоту,
Почтенье слово привлекаетъ
Явя душевну красоту...
Явился, гдѣ Ростовъ почтенный
Возлегъ покойно на лугахъ,
Залогъ имѣя драгоцѣнный
Святыхъ останки на рукахъ.
На небо взоры возвышаетъ,
Свою благословляя часть,
Благодаренье возсылаетъ
Ему, что дало кротку власть...
Рѣкою льется рѣчь златая
Евангельска изъ устъ твоихъ,
И истина сама святая
Тебѣ похвальный пишетъ стихъ.
И такъ во счастьи, во блаженствѣ
Да мирно жизнь твоя течетъ,
За благодѣтель долгоденство
На тя Творецъ да изліетъ!

«Состояніе Ростовской епархіи», по словамъ Ѳ. Рождественскаго, «было не въ блестящемъ видѣ. Неправосудіе, лихоимство, стѣсненное положеніе народа,—вотъ общіе недостатки, глубоко пустившіе корни въ Ростовскомъ и Ярославскомъ обществѣ, а неблагопристойное поведеніе, кляузы при взиманіи платы за требоисправленіе, были недостатками въ духовенствѣ».

Какъ видно, Самуилъ дѣйствовалъ на общество словомъ. Такъ въ первой своей проповѣди 6 Августа 1776 г. въ соборной Успенской церкви о томъ, что основаніемъ и примѣромъ христіанской жизни должна быть жизнь Спасителя, онъ говоритъ противъ гордости, невѣрія, супружеской невѣрности, корыстолюбія священниковъ. «Ничто столько

не опорочиваетъ духовный санъ», говоритъ проповѣдникъ, «какъ корыстолюбіе и алчба къ сквернуприбытчеству. Довольны будите свои оброки».

Особенно было обращено имъ вниманіе на суевѣріе и крайнее невѣжество духовенства и простого народа. Изъ уцѣлѣвшихъ указовъ извѣстенъ, между прочимъ, одинъ по поводу посылки нѣкоторыми священниками женщинамъ-родильницамъ молитвъ, начитанныхъ въ шапку. Впрочемъ, этотъ указъ повторялся и преемниками Самуила, и начитывать въ шапку случалось до конца XIX столѣтія.

4 Декабря 1777 года послѣдовало открытіе Ярославскаго намѣстничества. Въ соборной Успенской церкви, послѣ литургіи, это благое учрежденіе Самуилъ привѣтствовалъ словомъ «о великихъ предметахъ высочайшихъ учрежденій» Екатерины II; Проповѣдникъ, разсматривая всѣ законодательства ея относительно образованія, торговли, правосудія, указываетъ на ихъ великое достоинство и, въ заключеніе, призываетъ православныхъ чадъ церкви къ содѣйствію ей *). Что касается до него самого, то онъ, убѣжденный въ плодотворности преобразованій, оказывалъ всевозможныя услуги исполнителямъ царской власти. Мельгуновъ, прибывшій въ качествѣ намѣстника въ Ярославль, встрѣтилъ два затрудненія: не оказалось удобнаго зданія для присутственныхъ мѣстъ и обнаружился недостатокъ въ канцелярскихъ чиновникахъ. Въ обоихъ случаяхъ помогъ Самуилъ. Для присутственныхъ мѣстъ онъ уступилъ на время семинарію, а для пополненія чиновниковъ уволилъ въ приказное званіе множество семинаристовъ, дьячковъ и пономарей. Не меньшее содѣйствіе Самуилъ оказалъ Мельгунову при учрежденіи Ярославскаго Сиротскаго дома. Въ свою очередь Мельгуновъ оказывалъ Самуилу разнообразныя услуги, помогалъ въ постройкахъ и т. п. Мало того, онъ отзывался о Самуилѣ Императрицѣ, какъ о человѣкѣ, «порываемомъ всегда споспѣшествовать общему благу». Самуилъ получилъ въ 1777 г. высочайшій рескриптъ и званіе архіепископа.

Памятниками заботъ Самуила о духовенствѣ служатъ основанныя имъ въ 1776 г. училища въ Ростовѣ и Угличѣ, равно и заложенный имъ на новомъ мѣстѣ домъ для семинаріи.

Въ письмахъ къ князю Александру Борисовичу Куракину Самуилъ жаловался на нерасположеніе къ нему С.-Петербургскаго митрополита

---

*) Слово это отпечатано, по повелѣнію Императрицы, на Русскомъ, Латинскомъ, Греческомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

Гавріила, котораго онъ называетъ «камбалой», и въ особенности на Московскаго Платона, почти вездѣ называемаго имъ «фаворитомъ камбалы или прямо фаворитомъ». По его словамъ Гавріилъ съ своимъ фаворитомъ гонитъ его ужаснымъ образомъ, желая выжить изъ Синодальной Конторы, гдѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ и оставался членомъ и получивъ Ростовскую каѳедру. «Не знаю», говоритъ онъ, «что̀ и предпринять: хотятъ не допустить, чтобы я присутствовалъ въ Конторѣ. Вообразите, какой ударъ для меня удалиться; такъ я награжденъ за мою ревность и страданіе во время бывшей заразительной болѣзни. Прошу васъ все сіе изъявить въ благопристойное время великому князю, точію такъ, чтобы фаворитъ митрополита Гавріила никакъ не могъ свѣдать. Не оставьте и его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу [1]) о семъ же подать нѣкоторое понятіе, не войдетъ ли хотя его сіятельство въ нынѣшнее мое горестное состояніе и не изыщетъ ли средствъ, служащихъ къ отвращенію ихъ намѣренія. Для меня одно только нужно, чтобъ я могъ присутствовать попрежнему въ Конторѣ безсмѣнно. Я о семъ великаго князя просить не осмѣлился, а только изобразилъ свою перемѣну, препоручая навсегда себя въ неотъемлемую милость. Я, поживъ нѣсколько въ епархіи, буде присутствовать въ Конторѣ не допустятъ, вознамѣрился идти въ отставку неотмѣнно, давъ симъ образомъ моимъ благодѣтелямъ мѣсто удовольствія. Васъ прошу сохранить ко мнѣ непреклонную свою милость и любовь, гдѣ ни буду я обращаться. Прошу увѣдомить о полученіи моего письма, и письмо свое доставить мнѣ чрезъ руки ея сіятельства княгини Александры Ивановны» [2]).

Во второмъ письмѣ Самуилъ говоритъ: «Я рѣшился, по совѣту графа Петра Васильевича [3]), поѣхать только въ епархію на одинъ мѣсяцъ. Хочется такъ сдѣлать, чтобъ отъ меня о томъ никакой просьбы не произошло, дабы не подать причины моею просьбою ко удаленію меня. Я могу на поѣздку мою употребить каникулярные дни; на сіе есть законъ. Кажется, сіе предпріятіе для меня полезно. Фаворитъ митрополита Гавріила всѣ мѣры предпріемлетъ ко удаленію меня изъ Москвы; но по обстоятельствамъ видно, что его желанію успѣхъ не со-

---

[1]) Графу Панину

[2]) Куракиной, достопамятной женщинѣ, жившей въ Москвѣ. Это сестра братьевъ графовъ Паниныхъ, родная бабка князя Александра Борисовича Куракина. Къ ней можно отнести мѣткое выраженіе покойной княгини Мещерской про нашу современницу Екатерину Сергѣевну Шереметеву: „шолковыми возжами держитъ въ рукахъ цѣлое племя“. П. Б.

[3]) Завадовскаго, который былъ тогда въ полной силѣ при Екатеринѣ II-й. П. Б.

отвѣтствуетъ. Да воздастъ ему Господь Богъ по дѣломъ его, или паче, да исправитъ его; а сіе уже неоспоримо, что въ нюже мѣру мѣритъ, возмѣрится ему. Небо и земля мимо идутъ, а словеса Божія никогда не мимо идутъ» (8 Мая 1776 г.).

Въ другомъ письмѣ Самуилъ пишетъ: «Слышу, что фаворитъ Гавріила писалъ еще къ здѣшнему своему пріятелю, изъясняя, что церковь клонится къ паденію, когда ея столпъ и подпора (т. е. Гавріилъ) поколебались; однако, копій съ онаго не могъ получить. Вотъ какая слѣпая привязанность! Говорятъ у насъ, что для государя великаго князя избираютъ невѣсту; дай Богъ скоро и благополучно. Я думаю, что опять надобенъ будетъ учитель. Желательно, чтобы такое дѣло иному уже было препоручено. Если по-французски надобно толковать, то всѣхъ лучше Евгеній архіепископъ: онъ прямо ученъ и во Французскомъ языкѣ достаточенъ. Если же по-нѣмецки и по-французски, то Московской академіи префектъ іеромонахъ Дамаскинъ къ тому способенъ *). Онъ человѣкъ не молодъ, степенный, природный Россіянинъ, учился въ Германіи, а именно въ Геттингенѣ, однако на рѣчахъ не бойкій, но простъ, со всѣмъ тѣмъ основателенъ и честенъ. Есть еще третій іеромонахъ, въ Голстиніи лѣтъ около пятнадцати, о коемъ, уповаю, его высочество извѣстенъ, да и его сіятельство графъ Никита Ивановичъ свѣдомъ довольно; человѣкъ не молодъ и по-нѣмецки совершенно знающій. Далъ бы Богъ, чтобы изъ сихъ трехъ человѣкъ употребленъ былъ хотя одинъ. Для чего я сего столь ревностно желаю, сами, ваше сіятельство, легко отгадать можете» (26 Мая).

Затѣмъ въ письмѣ отъ 4 Октября Самуилъ писалъ: «Фаворитъ Гавріила опять великъ; онъ пишетъ къ своимъ, что хочетъ быть по зимней дорогѣ въ Москву. Не желалъ бы я сего: онъ предпріимчивъ. Уже отзывается, что нѣтъ нужды быть толикому числу архіереевъ здѣсь. Боюсь, чтобъ онъ чего-нибудь паки не затѣялъ; удача ему соотвѣтствуетъ. Тако изъясняюсь съ вами, полагаясь на вашу чистую душу и доброе ко мнѣ сердце. Если найдете какія средства къ пользѣ моей, прошу оныя мнѣ открыть».

«Московскій преосвященный здѣсь. Ему велѣно именнымъ высочайшимъ указомъ присутствовать въ Конторѣ Синодской чрезъ цѣлый

*) Желаніе не исполнилось: учителемъ новой великой княгини Натальи Алексѣевны былъ тотъ же Платонъ, про котораго Екатерина отзывалась: блудливъ какъ кошка, труслив какъ заяцъ. Если справедливо то что разсказываетъ о немъ графъ Ѳ. Г. Головкинъ въ своихъ Запискахъ, то придется повѣрить и отзывамъ Самуила о немъ. Смотри „Русскій Архивъ“ 1904 г., на обложкѣ 5-й тетради. П. Б.

годъ. Неприятно ему было сюда ѣхать, а паче въ Калугу для открытія намѣстничества; но обстоятельства жизни и поведенія его требовали сего. Онъ теперь весьма тише и снисходительнѣе. Однако правило сіе «положи, Господи, храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ», съ его нравомъ несовмѣстно. Онъ на сихъ дняхъ возвратился изъ Калуги. У него неладно было и съ г. Кречетниковымъ [1]), но не знаю, чѣмъ кончилось. О Камбалѣ никогда ничего не говоритъ и будто-бы ранѣе его не зналъ. Со всѣми началъ обходиться скромнѣе, но поздно: однажды поселившихся мыслей худыхъ ничѣмъ перемѣнить не можно. Ко мнѣ благосклоненъ, однако желаетъ и всѣ мѣры предпріемлетъ, чтобы вовсе выжить изъ Москвы. Время больше откроетъ.

P. S. Я не сомнѣваюсь, что Петръ Васильевичъ г. Завадовскій вамъ добрый другъ и пріятель; по сей причинѣ прошу васъ съ нимъ по разсужденіи моихъ обстоятельствъ объясниться. Онъ хотя и пишетъ ко мнѣ, однако весьма рѣдко. Можетъ быть, иногда встрѣчаются такія обстоятельства, которыя могутъ удержать его перо отъ начертанія оныхъ. По всему городу нашему разнесся давно уже слухъ, да изъ Петербурга тоже подтвердили, якобы мнѣ ѣхать въ Синодъ; но совсѣмъ тѣмъ ничего понынѣ рѣшительнаго нѣтъ. Признаюсь, что сіе для меня не лестно. Слабость моего здоровія съ вашимъ климатомъ несовмѣстна; но какъ фаворита Камбалы намѣреніе стремится удалить меня отъ Москвы совсѣмъ, то я, конечно, соглашусь лучше къ вамъ поѣхать, нежели быть жертвою его прихотей и злобы. Не оставьте о семъ открыться Петру Васильевичу [2]), такъ какъ г. Акчурину [3]); нашему оберъ-прокурору нельзя сего дѣла повѣрить: онъ съ фаворитомъ Камбалы одна душа и все дѣлаетъ къ его удовольствію, хотя рѣдко успѣваетъ. Я бы желалъ, чтобъ и Петръ Васильевичъ въ разсужденіи моихъ обстоятельствъ г. Акчурину или мало, или вовсе ни въ чемъ не вѣрилъ. Связь сихъ двухъ персонъ весьма странная; нынѣ объ оной не могу изъясниться. Я, такое положеніе моихъ обстоятельствъ воображая и соображая, думаю на цѣлое лѣто попроситься для осмотра епархіи до Сентября мѣсяца; но

---

[1]) Кречетниковъ Михаилъ Никитичъ, генералъ-поручикъ, генералъ-губернаторъ Калужскій, Тульскій и Рязанскій 1776—1780. До 1799 г. Калуга входила въ составъ Московской епархіи.

[2]) Завадовскому, который тогда былъ ближайшимъ лицомъ къ Императрицѣ.

[3]) Акчуринъ 1774—1786. Бывши оберъ-прокуроромъ, онъ очень дорожилъ хорошими отношеніями съ сильными и вліятельными архіереями, засѣдавшими въ Св. Синодѣ и былъ даже „угодливъ и низкопоклоненъ" предъ ними, за что, по ходатайству митрополита Гавріила и Платона, получилъ отъ Екатерины Анненскую ленту, чинъ тайнаго совѣтника и деревню. (Оберъ-прокуроры Св. Синода, Ѳ. В. Благовидова, стр. 263).

боюсь, чтобы мои благодѣтели сего случая не употребили въ свою пользу, а мнѣ во вредъ. Итакъ, непрестанно волнуюсь мыслями, за что приняться. Меня и то тревожитъ, что насъ нынѣ трое въ Конторѣ архіереевъ, болѣе, нежели въ Синодѣ, чего никогда не бывало. Небезопасно, чтобъ иногда не сказали и безъ просьбы убираться въ свое мѣсто. У насъ еще увѣряютъ, что въ епархіи моей, въ городѣ Ярославлѣ, сего года неотмѣнно откроется намѣстничество. При такомъ торжественномъ случаѣ мнѣ неминуемо должно быть. Все сіе, кажется, клонится къ тому, что мнѣ можно въ епархіи пожить до Сентября мѣсяца, и симъ образомъ не удастся ли отвратить то предпріятіе, которое простирается къ совершенному удаленію меня отъ Москвы? Фаворитъ Камбалы, можетъ быть, чрезъ сіе успокоится и противоборствовать больше не станетъ, а когда зима наступитъ, то онъ паки къ вамъ возвратится, а меня оставитъ здѣсь въ покоѣ. Все сіе открываю вамъ по вашей ко мнѣ любви и искренности. Дружба ваша не допуститъ никого въ семъ дѣлѣ участвовать кромѣ Петра Васильевича. И что̀ онъ по сему заблагоразсудитъ въ пользу мою, буду ожидать посредствомъ вашего увѣдомленія» (31 Января 1777 г.).

Къ этому письму сдѣлано P. S. «Прошу не говорить оберъ-прокурору нашему. Вотъ вамъ исторія. Запросъ былъ обо мнѣ изъ Кабинета, получаю ли я равное съ синодальными членами, т. е. Петербургскими, жалованье. Онъ отвѣчалъ, что получаю по штату, синодальнымъ членамъ въ Москвѣ положенному, умолчавъ нарочно, что не равное по Москвѣ и по Петербургу положено жалованье; а запросъ посланъ былъ нарочно, чтобъ узнать, равное ли я съ Петербургскими за присутствіе получаю жалованье. Недовольно сего: онъ еще написалъ въ отвѣтѣ своемъ мнѣніе, котораго отъ него не требовали, что такое мое требованіе есть излишнее, ибо-де въ Москвѣ должно по конторскому штату жалованье получать; сверхъ того прибавилъ: «А Московскій-де архіерей, будучи въ Москвѣ, получаетъ противъ Петербургскихъ полное жалованье по особливому указу». Вотъ его усердія ко мнѣ знаки! Онъ думалъ, что я о семъ никогда не свѣдаю; нѣсть тайна, еже не откроется. И такъ на семъ остановилось мое дѣло. Одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, да и десять не вынутъ; но я надѣюсь на Бога, что и въ семъ пунктѣ не буду обиженъ. Прошу сіе сохранить для одного себя: ежели свѣдаетъ, то злоба умножится. Его подстрекаютъ тѣ, съ коими онъ ежеденную испиваетъ чашу. Дай Богъ ему какого хочетъ мѣста, только не у насъ».

«Повѣрьте, что я еще и понынѣ не забылъ Калужскихъ обстоя-

тельствъ: мнѣ они очень памятны [1]). Вы удивитесь, если услышите, что теперь тоже происходитъ въ Москвѣ, что̀ было въ Калугѣ. Фаворитъ Камбалы со всѣми разсорился и творитъ чудеса, приносящіе ему не честь, но поруганіе. Такъ меня пріѣзжающіе къ намъ увѣряютъ. Онъ, осмотрѣвъ свою епархію, возвратился въ Москву церемоніальнымъ образомъ таковымъ: карета дорожная утыкана была цвѣтами, напереди его семь дьячковъ верхами, у колеса, по правой и лѣвой сторонѣ, по три священника и дьякона верхами, за каретою одинъ заказчикъ [2]) и протопопъ верхомъ. Послѣ слѣдовали повозки. Народъ весь сбѣжался и смотрѣлъ на сіе странное происшествіе съ великимъ смѣхомъ. Онъ, не ѣдучи на свое подворье прямо, ѣхалъ городомъ и остановился у Заиконоспасскаго монастыря; тамъ, нѣсколько бутылокъ Аглицкаго очиствъ, во-свояси тѣмъ же порядкомъ отправился. Вообразите, какое отъ сего духовному чину происходитъ предосужденіе! Благодарю Бога моего, что я нынѣ не въ Москвѣ. Видя такое сумасбродство, я-бъ сокрушилъ себя и безвременно жизни лишился. Къ стыду нашего чина и вѣка сіе дѣлается. Онъ, будучи въ Конторѣ пьянъ, вступилъ въ споръ съ Рязанскимъ [3]), и едва дѣло не дошло до драки, ибо и сей съ похмѣлья едва видѣть свѣтъ могъ. Что̀, если бъ я тамъ былъ? Или бы сего вовсе не было, или бы я, ушедъ, далъ симъ людямъ свободу исполнить свое желаніе. A propos: вотъ его братецъ, протопопъ Успенскій [4]), у васъ. Онъ поѣхалъ въ надеждѣ на Камбалу, повезъ сына своего, чтобъ его выпустили офицеромъ изъ гвардіи, а при томъ чрезъ Камбалу ищетъ: 1) чтобъ ему дозволено носить въ служеніи архимандричью шапку, 2) Чтобъ его имя въ ектеніяхъ возносимо было въ соборѣ. Такія требованія не суть ли плодъ сумасшедшаго человѣка? Вы сами на мѣстѣ больше услышите, а я сожалѣю, что такими нелѣпостями утрудилъ васъ.

«Я недавно имѣлъ честь просить васъ о поднесеніи моего искреннѣйшаго поздравленія его императорскому высочеству со днемъ его рожденія. Оное отправилъ я прежде полученія вашего письма. Я здоровьемъ весьма слабъ, и для того мнѣ жизнь моя нынѣшняя со дня на день пріятнѣе становится. Жаль только, что я лишаюсь лицезрѣнія моихъ благодѣтелей, которыхъ милостивыя и ласковыя бесѣды для меня

---

[1]) Самуилъ намекаетъ на исторію, которая произошла на торжествѣ открытія Калужскаго намѣстничества между намѣстникомъ Кречетниковымъ и Платономъ. Въ то время Калужская губ. принадлежала къ Московской епархіи и была выдѣлена только въ 1799 году.

[2]) Т.-е. благочинный. П. Б.

[3]) Палладіемъ Юрьевымъ.

[4]) Александръ Левшинъ.

всего дороже. Неблагомыслящіе люди теперь торжествуютъ, что я удалился; но если живъ буду, возвращуся къ Новому году, когда фаворитъ Камбалы къ вамъ отправится. Вы его не узнаете: рожа престрашная сдѣлалась и весьма растолстѣлъ. Сіе произвело дѣйствіе Аглицкаго пива; оно, сказываютъ, очень хлѣбенно. Прошу обо мнѣ съ Акчуринымъ никогда ничего не говорить: онъ мой открытый злодѣй, какъ я къ вамъ прежде писалъ. Онъ совсѣмъ мое дѣло не только остановилъ, но и испортилъ. Онъ одного сорту съ фаворитомъ Камбалы; удовольствіе его ежеминутное—Аглицкое пиво. Всѣ знаютъ даже при дворѣ, но Камбала его поддерживаетъ» (23 Сентября).

«На сихъ дняхъ я получилъ извѣстіе изъ Москвы, что съ преосвященнымъ Московскимъ послѣдовало приключеніе непріятное. Пришелъ къ нему челобитчикъ для подачи просительной бумажки и впущенъ былъ въ залъ; стоялъ у дверей тѣхъ, откуда архіерей изъ внутреннихъ покоевъ выходитъ. Какъ только архіерей, на сей случай будучи ногами боленъ, выступилъ изъ дверей, у которыхъ чугунная доска стояла большая и примѣрная для пола, то проситель палъ къ ногамъ и уронилъ свою бумажку. Межъ тѣмъ доска упала на больныя ноги, архіерей сильно закричалъ, а проситель, спужавшись, изъ залы убѣжалъ. Служители всѣ спужались и побѣжали къ больному, а просителя вовсе не стало, и кто и гдѣ дѣвался, неизвѣстно: архіерей отъ удара и отъ страха кровь кинуть принужденъ былъ. Вотъ какое странное приключеніе» (15 Ноября).

«Московскій преосвященный изъ Москвы въ Троицкую лавру отправился Февраля 14, изъ оной въ Петербургъ 23 Февраля: уповаю, нынѣ у васъ. Онъ теперь совсѣмъ не тотъ: и старъ, и сѣдъ, и слабъ, и проч., однако языкъ у него таковъ же, какъ и прежде былъ» (19 Февраля 1778).

Не питая пріязни къ Платону, Самуилъ не щадилъ и его брата. «Я уповаю, вамъ неизвѣстны нѣкоторыя здѣшнія происшествія. Оныя суть слѣдующія. Вы нѣкоторое имѣете понятіе о качествахъ Успенскаго протопопа Александра [1]). Его высокомѣріе простиралось до безпредѣльности... Онъ всѣхъ обижалъ, кого хотѣлъ; наконецъ, прошедшаго Іюня 23 дня, во время крестнаго хода, въ моемъ присутствіи, обидѣлъ онъ несноснымъ образомъ протопопа Архангельскаго [2]). Сей имѣлъ право

---

[1]) Левшина.

[2]) Петръ Алексѣевъ, врагъ Платона. Къ этому времени относится и прошеніе протопресвитера Архангельскаго Петра къ Платону, въ которомъ онъ писалъ, что „посылае-

жалобу свою вездѣ приносить и рѣшился просить, гдѣ надлежало. Но вдругъ, противъ всякаго чаянія, оное дѣло ихъ, протопоповъ, дошло до высочайшаго свѣдѣнія, и присланъ именной высочайшій указъ князю Михайлѣ Никитичу Волконскому, въ коемъ Архангельскій протопопъ оправданъ, а Успенскій обвиненъ, и велѣно ему выговоръ учинить, однако съ тѣмъ, что на сей случай ему еще прощается. Слава Богу, что гордости рога сокрушены; но въ скорости, какъ я примѣчаю, онъ возвратится на первое: каковъ въ колыбели, таковъ и въ могилку. Я съ моей стороны не участвовалъ въ семъ дѣлѣ ни прямымъ, ни стороннимъ образомъ, какъ возможно скромностью прикрывалъ; но нѣсть тайно, еже не откроется. Adieu» (31 Іюля 1775 года).

И о другихъ архіереяхъ Самуилъ былъ не лучшаго мнѣнія. Вотъ что писалъ онъ о Рязанскомъ епископѣ Симонѣ Лаговѣ. «О присутствіи въ Конторѣ преосвященному Симону*) нѣтъ еще указа, и велѣно только его перевесть на другую епархію. Желательно, чтобъ однимъ онъ воспользовался жребіемъ. О качествахъ его никто столько не знаетъ, какъ его превосходительство Григорій Николаевичъ г. Тепловъ; да, кажется, онъ извѣстенъ и его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу Панину. Подлинно онъ ученъ, но просвѣщеніе его затмевается чрезвычайнымъ суевѣріемъ въ разсужденіи раскольниковъ и Татаровъ. За сіе-то егокупцы выжили изъ Костромы. Онъ, будучи архимандритомъ, присутствовалъ въ Синодѣ, но при дворѣ былъ почти вовсе нетерпимъ.

мыми изъ Московской Дух. Консисторіи въ Московскій Архангельскій соборъ указами приписано мнѣ прозваніе протопопъ, которое сложное рѣченіе по предшествующей частицѣ *прото* съ Греческаго языка значитъ первый, а вторая часть *попъ* мнѣ невразумительна; ибо по произведеніи меня въ Москов. Архангельскій соборъ настоятелемъ, священнодѣйствующій архіерей именовалъ меня протопресвитеромъ, да и всѣ чины церковные, начавъ съ епископа и до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, какими они произведены. Наприм. никто не осмѣливается архіерея называть архипопъ, понеже попъ есть рѣченіе варварское, въ грубыя времена сюда вошедшее, ничего приличнаго христіанскому пресвитеру въ себѣ не заключающее и въ священномъ писаніи неупотребительное". Затѣмъ Алексѣевъ просилъ, „дабы благоволено было сіе гнусное слово протопопъ вовсе уничтожить". Платонъ на это прошеніе наложилъ резолюцію: „прото-первый и попасъ-отецъ, батюшка, коимъ малыя дѣти по нѣжности выраженія родителей своихъ именуютъ. Прошеніе это есть дерзновенное. Да и при пожалованіи ему протопопу креста писано именемъ Ея Императорскаго Величества: и онъ протопопъ названъ *протопопомъ*".

*) Симонъ Логовъ изъ Вологодскихъ крестьянъ. Пѣвчій въ хорѣ Вологод. преосвящ. Амвросія Южневича; 1769 г. Еп. Костромской; 1778 г. Рязанскій; пожалованъ въ 1792, въ архіепископы; ум. 1804 г. Обучался онъ въ Новгородской семинаріи, гдѣ былъ въ 1758 г. префектомъ и въ 1759 г. ректоромъ.

Напамятуйте кому-нибудь архимандрита маленькаго, лицомъ страннаго и проповѣди непріятно сказывавшаго; тотчасъ придетъ онъ на память каждому. Однимъ словомъ, можно о немъ съ Французами сказать тако: «Il a beaucoup d'esprit, mais peu de jugement». Со всѣмъ тѣмъ я всегда такъ располагаю образъ своей жизни, чтобъ и съ ненавидящими мира быть мирнымъ».

Но не такъ отзывался Самуилъ о свѣтскихъ властяхъ. Особенно онъ дружилъ и очевидно заискивалъ у Ярославскаго намѣстника А. П. Мельгунова [2]). «Я былъ на самое кратчайшее время въ Ярославлѣ. Городъ прекрасный какъ положеніемъ своего мѣста, такъ и благорастворенiемъ воздуха. Можно о немъ по справедливости сказать: «рѣчныя устремленія веселятъ градъ сей». Нашелъ я въ немъ благолѣпіе церквей рѣдкое и вниманіе достойное: едва остается какая церковь, которая бы не имѣла жемчужной утвари. По сей то причинѣ старая пословица Ярославля тако гласитъ: «Городъ Ярославль богомольемъ взялъ». Раскольниковъ въ городѣ почти нѣтъ, не болѣе пяти человѣкъ, кои скоро, уповаю, придутъ въ разумъ истины. Если мнѣ въ семъ городѣ жить, то можно здоровымъ быть, а въ Ростовѣ никакъ не можно. Только въ Ростовѣ домъ архіерейскій славный и почти какъ Кремль въ Москвѣ. Не думаю, чтобы въ Россіи подобный другой домъ архіерейскій могъ сыскаться. Есть и въ Ярославлѣ домъ архіерейскій, но весьма ветхъ и по многимъ причинамъ къ пребыванію вовсе неспособенъ. Алексѣй Петровичъ г. Мельгуновъ на самое краткое время занялъ было оный, но по причинѣ сырости и ветхости оставилъ. Стоитъ на горѣ при самой Волгѣ на самомъ прекраснѣйшемъ мѣстѣ. Жители города Ярославля отмѣнные люди, ласковые и набожные. Счастливъ Алексѣй Петровичъ г. Мельгуновъ: его всѣ полюбили. Онъ своимъ тихимъ и кроткимъ поведеніемъ и благоразумными распоряженіями привлекъ къ себѣ ихъ сердца и заслужилъ любовь. Признаюсь, что и я его обращеніемъ со мною весьма доволенъ и больше желать не могу. Продолженіе нашего обращенія съ нимъ, уповаю, еще насъ тѣснѣе соединитъ. У меня не было и не будетъ такихъ несогласій, каковы произошли между г. Кречетниковымъ и Московскимъ преосвященнымъ; я во всемъ споспѣшествую общему благу. Г. Мельгуновъ отправился къ вамъ. Если онъ вамъ знакомъ и друженъ, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе» (6 Іюля 1777 г.).

---

[2]) См. прекрасную статью Ѳ. Н. Фортунатова о Мельгуновѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. П. Б.

А. П. Мельгуновъ одинъ изъ умныхъ государственныхъ людей Екатерининскаго времени. Онъ, бывъ Ярославскимъ и Вологодскимъ намѣстникомъ, много сдѣлалъ для Ярославля*). Онъ далъ Ярославлю видъ Европейскаго города, распланировалъ широкія и прямыя улицы, насадилъ загородный садъ и сдѣлалъ много каменныхъ построекъ. Онъ оказалъ большія услуги и церкви. Когда Ярославскій Спасскій монастырь не могъ поправиться послѣ пожара 1768 года, онъ перевелъ туда присутственныя мѣста, при чемъ каменные обгорѣлые корпусы были поправлены на счетъ казны, и построилъ новыя деревянныя зданія, которыя по выводѣ присутственныхъ мѣстъ остались въ пользу монастыря. Когда понадобился Ростовскому архіерею домъ въ Ярославлѣ, то по ходатайству Мельгунова было пожаловано Императрицей 25000 р. Съ его разрѣшенія въ 1785 г. состоялись въ Ярославлѣ богословскія публичныя чтенія, при дѣятельномъ участіи Борисоглѣбскаго архимандрита и учителя семинаріи Иринея Клементовскаго, въ послѣдствіи архіепископа Псковскаго и Рижскаго (1792—1818). Мельгуновымъ былъ устроенъ Домъ призрѣнія ближняго, одно изъ наилучшихъ благотворительныхъ учрежденій въ Ярославлѣ, существующее до настоящаго времени. Мельгуновъ, какъ образованный человѣкъ, немало сдѣлалъ и для провинціальной печати. При его посредничествѣ была открыта въ Ярославлѣ компанейская типографія, членъ которой Уваровъ былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, и онъ много содѣйствовалъ къ распространенію изданій этой типографіи. При его же участіи въ Ярославлѣ издавались журналы: «Уединенный Пошехонецъ» и затѣмъ «Ежемѣсячное сочиненіе». Мельгуновымъ была основана въ Ярославлѣ и Масонская ложа. Къ сожалѣнію о составѣ этой ложи нами болѣе подробныхъ свѣдѣній не отыскано, равно какъ и письменныхъ документовъ. Остался лишь рукописный переводъ «Чудесности неба и ада, планетныхъ и звѣздныхъ міровъ, описанныя Эмануиломъ Сведенборгомъ; переведено съ Латинскаго языка на Французскій Г. А. Ж. П., съ онаго же на Россійскій *Николаемъ Малышкинымъ*, т. 1-й». Въ библіотекѣ Ярославскаго ученаго В. П. Лѣствицына этотъ заглавный листъ былъ печатный и, судя по именамъ Ярославцевъ Ивана Филатьева и Николая Малышкина, переводъ былъ сдѣланъ въ Ярославлѣ. При поддержкѣ Мельгунова ложа процвѣтала, и масоны представляли тогдашнюю интеллигенцію. Но однако большинство гражданъ всѣхъ сословій относилось къ нимъ враждебно, какъ къ безбожникамъ и разрушителямъ народной жизни. Это доказывается и распространенными въ то время рукописями «Изъявле-

*) Генералъ-губернаторскій домъ въ Ярославлѣ. В. Лѣствицына. Яросл. 1880.

ніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ дѣлъ проклятыхъ сборищевъ Ѳранкмасонскихъ». Ложа помѣщалась въ устроенномъ Мельгуновымъ Домѣ призрѣнія ближняго. По запискамъ Ярославскаго историка Серебреникова «масоны имѣли присягу и клялись по таковой формѣ: «я клянусь передъ лицемъ Великаго Зиждителя вселенной, что никогда не открою таинствъ масонскихъ и масонства ни прямо, ни околичностью, ни устно, ни на письмѣ, ни видомъ, ни какимъ инымъ образомъ; въ противномъ случаѣ буди отсѣчена глава моя, выколоты очи мои, пронзена грудь моя, исторжено сердце мое и выкинуты чревы мои, и буди тѣло мое сожжено и въ прахъ обращено и развѣяно вѣтромъ по землѣ, и буди память моя на вѣки истреблена отъ земли живыхъ. Въ томъ да поможетъ мнѣ Богъ и Святое Евангеліе! Аминь».

Открытіе Ярославскимъ намѣстникомъ ложи и покровительство масонамъ не нравились Императрицѣ, и Мельгуновъ 10 Марта 1786 г. получилъ высочайшій рескриптъ, «чтобы въ Ярославлѣ въ благотворительномъ заведеніи не было допускаемо все колобродное, обманомъ или невѣжествомъ выдуманное». Однако Мельгуновъ ложу не закрылъ, а перевелъ ее въ свой губернаторскій домъ, что не переставало служить предметомъ нелестныхъ для него разговоровъ, особенно въ Москвѣ. Это отчасти можно видѣть изъ письма Самуила. «Какъ нашъ Алексѣй Петровичъ по прибытіи своемъ въ Петербургъ принятъ, и съ какимъ успѣхомъ его тамъ дѣла идутъ, съ нетерпѣливостью желаю знать. Я его благосклонностью и пріятствомъ, съ откровенностью соединеннымъ, весьма былъ доволенъ. Ничего онъ не опустилъ къ удовольствію моему служащаго во всю бытность мою въ Ярославлѣ. Одно только—Москва наша ужасно критикуетъ его дѣла; но повѣрьте, что несправедливо, и я неоднократно нашелъ случай заградить многимъ уста. Я самоличнымъ почти всегда былъ свидѣтелемъ его поступковъ. Да и кто на нашу Москву угодить можетъ? Она такъ расположена, чтобы никого безъ критики не оставить» (1778 г. 19 Февраля).

О Мельгуновѣ преосвященный Самуилъ упоминаетъ почти въ каждомъ письмѣ. Любопытно его письмо отъ 9 Октября 1777 года. «Долгомъ усердія и дружбы обязаннымъ себя нахожу донести вамъ, что наше намѣстничество благополучно открылось сего Декабря 4 числа. Проповѣдь моя, кажется, соотвѣтствовала ожиданію стекшихся для оной. Алексѣй Петровичъ и вся публика просвѣщенная (ибо есть и Пошехонцы, т. е. живущіе въ лѣсахъ и на болотахъ) весьма довольны были. Я употребилъ всѣ мѣры ко внѣдренію имъ великихъ намѣреній нашей Самодержицы и открылъ цѣну выгодъ, оттуда происходящихъ, сколько

силы ума моего дозволили. Теперь остается сказать еще поученіе при окончаніи церемоніи, которая совершится, уповаю, 17 числа, судьямъ, основанное на одной морали. Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобъ я никому онаго слова не сообщалъ, доколѣ не увидитъ онаго Ея Величество. И такъ, извините меня, что не могу вамъ скоро сообщить. Алексѣй Петровичъ хочетъ утруждать Государыню, чтобъ оной проповѣди нѣсколько сотъ экземпляровъ напечатано и прислано было къ нему для раздачи дворянству. Изъ сего я заключаю о совершенномъ его удовольствіи въ разсужденіи моей проповѣди. Еще стараюсь всѣми силами здѣсь прославить торжество государя великаго князя. Дай Богъ скоро и благополучно о разрѣшеніи великой княгини получить извѣстіе. Я хочу здѣсь дождаться въ Ярославлѣ. У насъ довольно увеселеній и нѣтъ никакой скуки. Собраніе чрезвычайное, не менѣе 700 человѣкъ дворянъ. Есть весьма изрядные и отличные. Здѣсь и волонтеры есть изъ Петербурга, а именно: флигель-адъютантъ Ея Величества Александръ Ѳедоровичъ г. Уваровъ. Онъ, возвратясь, увѣритъ всѣхъ о всемъ: уповаю, нарочно для того отправленъ *). Я возвратиться въ Москву намѣренъ въ Январѣ мѣсяцѣ. Московскій, какъ слышу, сбирается въ Петербургъ; видно, что перемѣнилъ свои мысли или получилъ рѣшеніе своего прошенія, не соотвѣтствующее его желанію. Алексѣй Петровичъ съ Наталіей Ивановной поѣдутъ въ Февралѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, обо всемъ сами изъясниться не оставятъ».

«Имѣю честь поздравить ваше сіятельство со всеобщею нашею неизреченною радостію, т. е. съ Богомъ дарованнымъ намъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Вы не можете вообразить, какою радостью и восхищеніемъ я объятъ былъ, получивъ о семъ увѣдомленіе; но мы еще и понынѣ не имѣемъ совершеннаго возвѣщенія, т. е. ни высочайшаго манифеста, ни изъ присутственныхъ главныхъ мѣстъ указа. Уповаю, нарочные во всѣ мѣста отправлены будутъ. Я, горячностью радостныхъ моихъ чувствій движимый, разсудилъ, не ожидая, покуда вѣстникъ къ намъ пріѣдетъ, предварительно поздравить съ сею

---

*) Насъ не касаются раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ:
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.
У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпать,
Любви и дружества желанья
Между собой цвѣты срывать. (Державинъ I, 42).

Божіею столь великою благодатью государя нашего великаго князя. Покорно прошу сіе мое искреннѣйшее поздравленіе поднесть Его Императорскому Высочеству. Окончаніе нашего открытія намѣстничества совершилось 21 Декабря. Я съ однимъ и тѣмъ же курьеромъ, съ коимъ послалъ г. Алексѣй Петровичъ свое доношеніе къ Ея Величеству, отправилъ и мой всеподданнѣйшій репортъ. Все благополучно у насъ происходило. Въ Февралѣ мѣсяцѣ г. Алексѣй Петровичъ васъ самолично обо всемъ увѣрить можетъ. Проповѣди мои обѣ отъ г. Алексѣя Петровича посланы къ Ея Величеству *). Я долженъ еще помѣшкать въ Ярославлѣ. Ожидаю совершенно возвѣщенія о нашей радости, хочу вмѣстѣ торжествовать сей благознаменитый праздникъ съ Алексѣемъ Петровичемъ и прославить оный, сколько слабыя силы ума моего дозволятъ, моимъ краткимъ словомъ».

Во время пребыванія своего на Ростовской каѳедрѣ Самуилъ немало употреблялъ усилій для борьбы съ расколомъ. Главная секта, съ которой считался еще Св. Димитрій Ростовскій (†1709), была Ѳедосѣевщина, и съ ней болѣе всего препирался Самуилъ. Въ собраніи рукописей И. А. Вахрамѣева (№ 1028) сохранились «вопросы предводителямъ Ѳедосѣева согласія отъ Самуила, архіепископа Ростовскаго». Въ этой рукописи всѣхъ вопросовъ предложено 30. Начинаются они вступленіемъ. «Отцы и братія, главнѣйшіе предводители пресловутаго Ѳедосіева согласія, прошу васъ и молю воспріяти ниже писанные отъ меня вопросы и на оные сотворите мнѣ законное отвѣтствіе». Вопросы заканчиваются также мольбой «изыскавъ со всякимъ испытованіемъ, явить правду, какому согласію, Дьяконовщинѣ, Поповщинѣ, Филипповщинѣ или вамъ Ѳедосѣевщинѣ можно послѣдовать» «и если вы, заключаетъ Самуилъ, не изъявите мнѣ сего по самой справедливости, то дадите отвѣтъ Богу за мою душу въ день страшнаго Его суда».

Какой послѣдовалъ отвѣтъ Ѳедосѣевскихъ наставниковъ, намъ неизвѣстно; но надо полагать, что Ѳедосѣевцы отвѣчали, такъ какъ по множеству раскольническихъ сочиненій этого времени, сохранившихся въ рукописяхъ, наставники-безпоповцы были большіе начетчики и острословы.

Переведенный 22 Сентября 1783 г. въ Кіевъ, Самуилъ тринадцать

*) Слово о великихъ предметахъ учрежденій Имп. Екатерины С.-Пб. 1777 и Москва 1778 г. и о побужденіяхъ къ принятію должности судей. М. 1778. Эти проповѣди изд. въ переводѣ на Греч., Латин. и Нѣмецк. языкахъ. М. 1778 г.

лѣтъ пробылъ на Кіевской митрополіи и 5 Января 1796 года скончался 65 лѣтъ. Погребалъ его Кіевскій викарій Амфилохій.

«Жилъ одинъ старецъ, говоритъ въ своихъ Запискахъ Ф. Ф. Вигель (лично знавшій Самуила), ознаменованный небесною благодатью, и молитвы его конечно низводили ее на ввѣренную ему паству. Святитель Самуилъ управлялъ тогда древнѣйшей епархіей въ Россіи. Онъ былъ выраженіе всего, что̀ есть прекраснаго въ ученіи Христовомъ, олицетворенная христіанская любовь и, если смѣю сказать, воплощенное слово Божіе; смотря на него, можно было постигнуть высоту, на кою христіанскія добродѣтели возводятъ человѣка, посвятившаго себя единственно небу. Не за долго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности: не было ни катафалка, ни балдахина. Я не спускалъ глазъ съ усопшаго праведника; но что̀ было со мною, когда знаменитый Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился ко гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ»! Говорилъ Леванда еще лучше, нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ; слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трога-поплеменникъ его тельнаго часа».

Часть библіотеки Самуила по смерти его передана въ собственность Кіевской Академіи, а другая въ библіотеку Кіевскаго Софійскаго собора. Въ своемъ завѣщаніи Самуилъ также отказалъ Академіи и денегъ 2000 р. Говоря о любви Самуила къ Академіи, современникъ и одноземецъ В. Г. Рубанъ выразился такъ:

„И Кіевскій Парнасъ возобновленъ тобою.
Блаженствовалъ хвалясь, ведя счастливы дни,
Монаршихъ и твоихъ щедротъ цвѣтя въ тѣни.

Всѣ помѣщаемыя ниже письма архіепископа Самуила относятся ко времени служенія его на Ростовской каѳедрѣ.

А. Титовъ

Изъ писемъ преосвященнаго Самуила къ князю А. Б. Куракину.

1.

1778 г. Декабря 3. Москва.

Имѣю честь поздравить ваше сіятельство съ торжествомъ наступающимъ рожденія государя великаго князя Александра Павловича. Да благословитъ Всевышній и высокихъ родителей, и рожденнаго, и Россію новыми съ нетерпѣливостью ожидаемыми щедротами! Препровождаю при семъ искреннѣйшее мое поздравленіе государю великому князю; покорнѣйше прошу въ свое время его высочеству со изъявленіемъ глубочайшаго моего благоговѣнія поднесть *).

Московскій преосвященный прибылъ къ намъ Ноября противъ 30 дня. Онъ несказанное чувствуетъ удовольствіе, что уволенъ въ епархію, хотя только на одинъ годъ; онъ радъ никогда къ вамъ не возвращаться. Я остаюсь здѣсь; по лѣту хочу на малое время поѣхать въ Ростовъ.

2.

1778 г. Декабря 28. Москва.

Полагаясь на отличное вашего сіятельстна ко мнѣ благоволеніе и любовь, осмѣливаюсь сего подателя вручить вашему покровительству и ходатайству. Онъ человѣкъ добродѣтельнаго поведенія, отличной прилежности, учился съ хорошимъ успѣхомъ въ Университетѣ Московскомъ, наконецъ, рекомендованъ мною въ сенатскіе здѣшніе департаменты, но по сиротству своему нѣсколько уже лѣтъ лишается всякаго производства и закоснѣваетъ въ одномъ и тóмъ же званіи. Товарищи его давно пользуются лучшею участью, ему только одному судьба не благопріятствуетъ. Воззрите, милостивый государь, на сего бѣднаго человѣка ми-

---

*) На другое поздравленіе Самуила, съ днемъ имянинъ, переданное кн. Куракинымъ, Наслѣдникъ прислалъ собственноручное письмо: „Ваше преосвященство! Письмо, которымъ вы меня поздравляете съ имянинами моими, получилъ я и благодарю за оное. Желанія ваши весьма мнѣ драгоцѣнны, ибо содержатъ въ себѣ все то, безъ чего мнѣ въ жизни морально обойтись нельзя. Что же касается до долговременной разлуки нашей, то утѣшаюсь тѣмъ только, что надѣюсь дожить до того времени, гдѣ мы другъ друга будемъ чаще видать и другъ другу въ подвигахъ нашихъ помогать. До тѣхъ поръ сохраните ко мнѣ расположеніи ваши и будьте увѣрены, что я пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ. Павелъ. Царское Село. Іюля 31 дня 1778 года“.

лосердымъ окомъ, и по врожденному своему человѣколюбію исходатайствуйте ему то, чтò можетъ спѣшествовать благополучію его жизни. Я васъ о немъ прошу пророческими сими словами: тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ. Не сомнѣваюсь, что вы моего прошенія безъ удовольствія не оставите; несравненныя ваши добродѣтели и искренно ко мнѣ расположенное ваше сердце въ томъ меня совершенно увѣряютъ. О дѣлѣ своемъ онъ самъ пространно изъяснится.

3.

1779 г. Января 17. Москва.

Отличныя вашего сіятельства добродѣтели столь суть привлекательны, что плѣняютъ сердца знающихъ цѣну оныхъ. Сіе есть единственною причиною, что податель сего Университета Московскаго господинъ профессоръ Матеи ищетъ пріобрѣсть ваше къ себѣ благоволеніе. Я, пользуясь всегда вашею благосклоннѣйшею ко мнѣ любовью, не сомнѣваюсь, что вы ему сдѣлаете удовольствіе, соотвѣтствующее вашей добродѣтельнѣйшей душѣ. Добрыя качества сего ученаго человѣка и долговременное знакомство со мною достойны вашего воззрѣнія. Примите его, милостивый государь, съ тѣми благородными чувствами, коими всегда преисполнено ваше сердце. Сіе будетъ новымъ опытомъ вашихъ ко мнѣ милости и любви.

4.

1779 г. Февраля 10. Москва.

Несказанно сожалѣю, что не могу самолично вручить вамъ того чтò я по вашему совѣту исполнилъ. Глаза мои еще хуже противу вчерашняго сдѣлались. Препровождаю при семъ и письмо, и оду г. Туманскаго *). Покорно прошу поднесть ихъ императорскимъ высочествамъ, прочіе экземпляры роздать, кому вы заблаgоразсудите. Сообщаю при семъ и Московское сочиненіе. Въ немъ найдете стихи похвальные, достойные вашего вниманія.

Къ сожалѣнію моему, въ матерію не переплетены данные отъ меня экземпляры. Итакъ, не знаю, чтò дѣлать; поспѣшить никакъ не можно. Если годятся приложенные, прошу поднесть оные.

---

*) Туманскій Ѳедоръ Осиповичъ, членъ Академіи Наукъ, цензоръ иностранныхъ книгъ при Рижской таможнѣ, издатель разныхъ журналовъ. Извѣстна его поэма „Котъ во Адѣ". † 1805 г.

5.

1779 г. Февраля 21. Москва.

По причинѣ бывшихъ между нами разговоровъ сообщаю вамъ записку. Она послужитъ вамъ нѣкоторымъ образомъ къ пріобрѣтенію свѣдѣнія о томъ, о чемъ вы меня спрашивали. О сей матеріи на словахъ изъясниться не можно: она подвержена великому пространству и затрудненіямъ. Можно о ней сказать сіи слова: сіе море великое и пространное; тамо гады, ихъ же нѣсть числа.

О себѣ доношу, что я съ самаго того времени, какъ имѣлъ честь видѣть васъ, и понынѣ боленъ глазами и простудою, сижу дома и никуда не выѣзжаю, почему не былъ понынѣ ни у ея сіятельства княгини Александры Ивановны, ни у его сіятельства графа Петра Ивановича. На великодушіе ваше надѣясь, покорно прошу по дѣлу братскаго Кіевскаго монастыря, если можно, сдѣлать милость. Дѣло оное, уповаю, у генерала-рекетмейстера. Оный имѣетъ споръ съ Кіевскими монастырями Межигорскимъ и Михайловскимъ о землѣ. Я привязанъ къ Братскому монастырю: въ немъ состоитъ Академія, въ которой я учился, училъ, былъ префектомъ, ректоромъ и архимандритомъ. Сіе мѣсто весьма полезно для отечества. Я бы желалъ, чтобъ отъ прочихъ монастырю отданы были [1]). Онъ учрежденъ для просвѣщенія юношества и для содѣланія хорошихъ гражданъ, а въ прочихъ монастыряхъ живутъ тунеядцы. Простите мнѣ, что я такъ откровенно изъясняюсь: движеніе сердца и расположеніе моихъ мыслей было побудительною причиною къ начертанію сего.

6.

1779 г. Марта 18. Москва.

Радуюсь несказанно, что моя записка послужила къ вашему удовольствію. Если Богъ продлитъ мою жизнь, я потщусь еще отыскать нѣкоторыя обстоятельства, достойныя вашего свѣдѣнія. Неизреченное

---

[1]) Однако въ 1786 г. и Братскій монастырь высочайшимъ указомъ былъ упраздненъ, всѣ деревни и недвижимыя имѣнія его навсегда отошли въ казенное вѣдомство. На Академію вмѣсто отобранныхъ вотчинъ положено 8400 р., а Академія переведена въ Кіевопечерскую лавру. Но при посѣщеніи Екатериной Кіева, митрополитъ Самуилъ упросилъ ее оставить Академію въ Братскомъ монастырѣ, при чемъ позволено также Академіи завести гражданскую типографію для печатанія книгъ на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ, содержа эту типографію при Кіевопечерской лаврѣ.

чувствую утѣшеніе и отраду, что его императорское высочество принялъ мое письмо съ высочайшимъ благоволеніемъ. Милостивѣйшаго отвѣта ожидаю съ нетерпѣливостію [1]). Государыню великую княгиню да благословитъ Всевышній благополучнымъ изліяніемъ щедротъ, ожидаемыхъ отъ ея обстоятельствъ.

Весь великій постъ я былъ въ покояхъ. Много я въ семъ случаѣ долженъ моею благодарностью его сіятельству графу Петру Ивановичу, удостоившему меня неоднократно своимъ посѣщеніемъ.

Какъ вамъ показалось сочиненіе г. Туманскаго? Прошу открыть свои мысли.

7.

Москва, 1779 Мая 2.

Всевышній услышалъ горячія молитвы сыновъ Россійскихъ, даровалъ августѣйшей Екатеринѣ второго внука, а ихъ императорскимъ высочествамъ второго сына. Симъ неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ къ Россіи имѣю честь поздравить ваше сіятельство.

Покорно прошу препровождаемое при семъ мое всеусерднѣйшее поздравленіе съ засвидѣтельствованіемъ моего искреннѣйшаго усердія поднесть его императорскому высочеству [2]).

Мое здоровье нѣсколько поправилось; для подкрѣпленія онаго спѣшу на сихъ дняхъ посѣтить мою паству на одинъ только мѣсяцъ, и вмѣстѣ съ моими овцами пролiять ко Господу благодарственныя молитвы ко всещедрому Творцу неба, толико благодѣйствующему и покрывающему Россію.

---

[1]) Наслѣдникъ отвѣчалъ: „Ваше преосвященство! Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ получилъ послѣднее письмо ваше, съ каковымъ принимаю все то, что̀ отъ васъ ко мнѣ приходитъ. Равномѣрно благодарю васъ за присылку ко мнѣ сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ и за ожиданіе ваше нѣкотораго извѣстія, которое не замедлю повидимому прислать. Пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ. Павелъ. С.-Петербургъ, Марта 17 дня 1779 года“.

[2]) Самуилъ получилъ отвѣтъ: „1779 г. Апрѣля 29, Царское Село. Ваше преосвященство! Уже конечно вы извѣстны о рожденіи сына моего Константина. Теперь остается мнѣ только отдать долгъ дружбы вамъ, дабы вы, принявъ мое собственное извѣщеніе, вмѣстѣ со мною сорадовались и вмѣстѣ со мною мысленную принесли жертву Богу, Который не по заслугамъ моимъ наградилъ меня. Жена моя, мучившись только 1 ^{3} : часа, слава Богу, здорова, равномѣрно какъ и Константинъ. Теперь остается мнѣ васъ просить принести теплыя благодарственныя молитвы мои ко Господу упованія моего, прося васъ при томъ и не сумнѣваться о дружбѣ, съ которою пребуду навѣки вашимъ вѣрнымъ. Павелъ“

8.

1779 г. Іюля 4. Москва.

Возвратясь въ Москву до Іюня уже прошедшаго, нашелъ я всѣхъ моихъ благодѣтелей вашему сіятельству извѣстныхъ въ благополучномъ состояніи. На сихъ дняхъ сбираемся ѣхать на кушанье въ Михалково къ его сіятельству графу Петру Ивановичу. Я несказанно за то порадовался, что ваше сіятельство не лишили вашей любви и милости преосвященнаго Ѳеофилакта, епископа Переяславскаго *). Онъ мнѣ нелицемѣрный другъ и ближайшій по епархіи сосѣдъ, человѣкъ прямо просвѣщенный и трудолюбивый и всѣми пастырю свойственными добродѣтелями украшенный. Прошу и впредь свою къ нему продолжить милость. Я какъ государя великаго князя, такъ и ваше къ нему начертаніе читалъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Я теперь въ Москвѣ остаюсь одинъ, а преосвященный Московскій уѣхалъ въ лавру Троицкую на цѣлый мѣсяцъ для поправленія своего здоровья, весьма приключившимся ему случаемъ отъ купанья въ рѣкѣ Москвѣ поколебавшагося. Я уповаю, о семъ происшествіи вы совершенно и давно извѣстны. Онъ мнѣ самъ пересказывалъ всѣ свои обстоятельства по прибытіи моемъ въ Москву.

P. S. Ужасное было его приключеніе! Онъ самъ говоритъ, что былъ въ водѣ полчаса, а сторонніе утверждаютъ; что до двухъ часовъ. Его катали долго, вытаскавъ изъ воды; иные говорятъ на бочкѣ, покудова кровь хлынула ртомъ, носомъ и ушами; видно, что весьма крѣпкаго сложенія человѣкъ. Кажется уже свое злоключеніе забываетъ; но въ публикѣ и народѣ такія скверныя и дурныя дѣлаются заключеніи, что ихъ и начертать страшно. Можно сказать, что его положеніе пренесчастливое; дай Богъ хорошій конецъ, о которомъ онъ и самъ часто сомнѣвается.

9.

1779 г. Іюля 21. Москва.

Копію съ извѣстнаго письма при семъ препровождаю. Господинъ Матей упражняется въ сочиненіи обстоятельнаго каталога или реестра всѣмъ рукописнымъ Греческимъ книгамъ, въ Патріаршей библіотекѣ

*) Ѳеофилактъ Горскій изъ архимандритовъ Кіево-Межигорскаго монастыря, Переяславскій 1776. Коломенскій 1788 Мая 6 †1788 Сент. 12. Авторъ книги Догматы Христіанской православной вѣры на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ съ посвященіемъ в. к. Натальѣ Алексѣевнѣ 1773 г.

хранящихся; оный уже имъ и сочиненъ [1]). Какъ въ числѣ оныхъ книгъ имѣются весьма рѣдкія и такія, коихъ во всѣхъ Европейскихъ библіотекахъ отыскать не можно, то онъ желаетъ ихъ издать въ свѣтъ. Содержаніе оныхъ книгъ по большей части или церковное, или историческое, однако достопамятное. Онъ страстенъ къ Греческому языку и чрезвычайные въ ономъ получилъ успѣхи: есть такіе манускрипты, что и природный Грекъ просвѣщенный не можетъ не только разобрать, но ниже прочитать; а онъ безъ всякой нужды древнее письмо, называемое палеографіею, не только читаетъ, но и переводитъ на Латинскій языкъ. Я съ нимъ давно не видался: всѣ профессора по причинѣ каникулярныхъ дней теперь въ отпускѣ. Сыскавъ удобное время, навѣдаюсь обстоятельно о его трудахъ.

О себѣ доношу, что я живу на Крутицахъ для чистаго воздуха и пользуюсь движеніемъ. Теперь я одинъ; долгъ имѣю почаще быть въ исправленіи священнослуженія и крестныхъ ходовъ, равномѣрно и другихъ церемоній. Уповаю къ первому числу Августа возвратится изъ лавры преосв. Московскій.

Ваше сіятельство, уповаю, слышали, что̀ Московскій преосв. сдѣлалъ. Онъ приказалъ государя великаго князя письмо читать въ Вознесенскомъ монастырѣ протодіакону послѣ обѣдни на амвонѣ. Когда князь Волконскій [2]) услышавъ о семъ отъ бывшихъ тамъ, писалъ къ высочайшему двору; но чѣмъ дѣло рѣшилось, я не знаю. Многія дѣлаются разныя заключенія. Думаю, что сей его поступокъ не покажется его императорскому высочеству, особливо потому, что въ ономъ письмѣ весьма дружескія выраженія. Копія съ онаго письма есть здѣсь въ Ростовѣ и въ Ярославлѣ, а въ Москвѣ во всякомъ домѣ. Сказываютъ, что онъ просилъ князя Волконскаго, чтобы о томъ не писалъ; но уже поздно его просьба послѣдовала; не знаю, что̀ услышу о семъ по пріѣздѣ въ Москву. Прошу сіе сохранить для себя.

P. S. По содержанію вашего письма объ извѣстныхъ вамъ обстоятельствахъ могу только то донесть, что они точно и въ самомъ существѣ были. Я по прибытіи моемъ о томъ совершенно и отъ всѣхъ увѣренъ. Даже и та особа, отъ которой произошло, сама мнѣ откро-

---

[1]) Маттеи Христіанъ Фридрихъ, профессоръ словесныхъ наукъ Московскаго Университета, Саксонецъ, род. 1744. Особенно извѣстенъ по разработкѣ и описанію древнихъ Греческихъ рукописей въ библіотекѣ Св. Синода и Синодальной типографіи.

[2]) Князь Михаилъ Никитичъ, Московскій генералъ-губернаторъ.

венно изъяснялась, бывъ въ такомъ положеніи, которое основывается на сихъ словахъ: и вино веселитъ сердце человѣка. Объ ономъ происшествіи точно писано такъ и туда, какъ я прежде имѣлъ честь васъ увѣдомить; чѣмъ кончилось, закрыто, гаданій много, но съ достовѣрностью сказать ничего не можно. Онъ писалъ трижды къ к. П. [1]) и просилъ о покровительствѣ, но отвѣта, сказываютъ, не получилъ; слышно, что будто безъ уваженія оставлено по ходатайству к. П. Преосв. Новгор. писалъ къ нему, чтобы онъ не безпокоился, сему комиссія отъ него поручена была, но я онаго письма не видалъ. Мнѣ весьма удивительно, какъ сіе столь долго до вашего свѣдѣнія не дошло; видно, что нарочно скрыто. Здѣсь и въ окольныхъ мѣстахъ весьма громко разносилось и произвело разныя и странныя заключенія. Теперь говорятъ, что уже сіе дѣло кончилось приличнымъ выговоромъ, но я утвердительно не знаю. Прочіе слухи, относящіеся къ поступкамъ его, суть многоразличны и безчисленны: нѣтъ того ни мѣста, ни общества, гдѣ бы чего нибудь на его счетъ не говорили; не желаю я никому быть въ такомъ положеніи; послѣдній казусъ, вамъ уже извѣстный, т. е. купанье въ рѣкѣ, съ великимъ ущербомъ его чести соединенъ. Разныя заключенія дѣлаютъ, но я купаться въ рѣкѣ никогда не буду.

Ея сіятельство княгиня Александра Ивановна [2]) была у Троицы для богомолья, но принята еще холоднѣе, нежели прошлаго года: ниже чашки чаю не поднесли; помѣшкавъ съ четверть часа, возвратилась на квартиру.

Когда онъ имѣлъ шествіе въ лавру, то производились пушечная пальба и колокольный звонъ; бывшіе при томъ случаѣ привезли сію вѣсть въ городъ и провели вездѣ, отчего придались новыя заключенія. Теперь онъ велитъ для себя пѣть сей концертъ: «Боже! хвалы моея не премолчи». Сыщите псаломъ 108-й, и прочтите: отгадаете легко, что̀ сіе значитъ. У него архимандриты дежурятъ вездѣ, гдѣ онъ находится, поочередно; все сіе публика знаетъ и полагаетъ свои разсужденія. Прошу всѣ сіи бумажки по прочтеніи изодрать и все сіе хранить въ своихъ мысляхъ, не сообщая никому; а притомъ вѣрно ли сіе письмо дойдетъ до васъ, не оставьте безъ увѣдомленія: я помню апостольскія слова: «Искупуйте время, яко дніе лукави суть».

---

[1]) Князю Потемкину.

[2]) Куракина, урожд. Панина. Столовая комната Страннопріимнаго Куракинскаго дома, въ Москвѣ, украшена превосходно исполненнымъ бюстомъ этой достопамятной благочестивой женщины. П. Б.

10.

1779 г. Августа 18. Москва.

Третій день, какъ у насъ сдѣлалась погода чрезвычайно холодная, а прежде нѣсколько дней сряду жары были. Княгиня Александра Ивановна еще пребываетъ въ вашемъ дому, однако въ окончаніи сего мѣсяца намѣрена переселиться въ прежній домъ. Князя Николая Васильевича Репнина ожидаемъ къ 20 числу сего мѣсяца изъ Орла. У насъ несчастное приключеніе сдѣлалось вчера, то-есть въ ночи противъ 17 числа: убили или паче зарѣзали князя Василія Ѳедоровича Мещерскаго [1]) его люди въ Москвѣ въ его дому, состоящемъ на Срѣтенкѣ. Двое пойманы, а прочіе ушли. Завтра будетъ печальная церемонія погребенія. Слышно, что онъ золъ былъ и чрезвычайно наказывалъ людей. Князя Михаила Никитича [2]) и Архарова нѣтъ въ городѣ: первый отпущенъ на мѣсяцъ въ деревню, а другой куда-то на время уѣхалъ. Вотъ до чего доводитъ неумѣренная строгость и удаленная отъ человѣчества! Если мы будемъ противъ своихъ подчиненныхъ немилосердны, то и они тѣже противъ насъ примутъ мѣры. Не знаю, что-то впослѣдствіи откроется, а вся публика увѣряетъ, что сіе произошло отъ нестерпимаго наказанія, произведеннаго надъ людьми.

11.

1779 г. Сентября 9. Москва.

Княгиня Александра Ивановна переѣхать изволила въ прежній возобновленный домъ [3]). Я имѣлъ честь сего Сентября 8-го дня у ея сіятельства обѣдать на новосельи. Графъ Петръ Ивановичъ живетъ въ городѣ; но голова у него нездорова; видно, его гемороиды обезпокоили по причинѣ бывшихъ чрезвычайно жаркихъ дней; особливо его тронула и кончина покойной графини Румянцевой [4]). Теперь у насъ начинаются и паки жаркіе дни, какъ въ Іюлѣ.

Надѣюсь на ваше отличное ко мнѣ благоволеніе и усердіе, осмѣливаюсь приложить при семъ записку; покорнѣйше прошу, если можно,

---

[1]) Кн. Вас. Ѳед., сынъ генералъ-маіора кн. Ѳедора Васильевича, коменданта С.-Пб. крѣпости † 1756. Какую занималъ должность, свѣдѣній нѣтъ (Родосл. Сбор. Руммеля II. 53. № 16).

[2]) Волконскаго.

[3]) Этотъ домъ, съ обширнымъ дворомъ, въ послѣднее время принадлежалъ г. Ромейко-Гурко. Онъ рядомъ съ церковью Гребенской Божьей Матери, по Лубянскому проѣзду. Домъ П. И. Панина—нынѣ Липгарда на Мясницкой. П. Б.

[4]) Графиня Екатерина Михайловна, супруга Задунайскаго, любопытныя письма которой къ ея супругу издалъ особою книгою покойный графъ Д. А. Толстой.

по оной приказать списать копію съ указа и присылкой оной одолжить меня: для встрѣтившихся нѣкоторыхъ обстоятельствъ мнѣ оная весьма нужна. Отпустите мнѣ ваше сіятельство великодушно, что я васъ моими просьбами отягощаю.

12.

1779 г. Октября 30. Москва.

Записку о копіи съ указа для меня нужную при семъ препровождаю. Если можно, покорнѣйше прошу доставить мнѣ оную. По Малороссійской Коллегіи я не могъ оной отыскать: извиняются, что во время бывшаго въ прежнихъ годахъ пожара всѣ дѣла истреблены. Копія съ того указа нужна мнѣ для бѣднаго человѣка, которому я хочу помощь въ его обстоятельствахъ подать.

Извѣстная особа [1]) изъясняется, что ей желательно остаться еще здѣсь на годъ, и будетъ уже о томъ послано прошеніе. О справедливости сего изъясненія не увѣряю; время откроетъ. Можетъ быть, къ сему побужденіемъ есть то, что мы не на сію, но на будущую зиму ожидаемъ къ себѣ васъ съ нетерпѣливостью.

Портретъ вашъ гравированный [2]) я имѣлъ честь выпросить у ея сіятельства княгини Александры Ивановны; я оный храню какъ такой особы, къ которой я привязанъ сердечнымъ и душевнымъ моимъ почтеніемъ.

Нѣтъ ли великаго князя и великой княгини гравированныхъ портретовъ? Одолжите меня ими, ваше сіятельство.

13..

1779 г. Декабря 5. Москва.

Искренне сожалѣю, что я обезпокоилъ ваше сіятельство моею просьбою о доставленіи мнѣ копіи съ извѣстнаго указа; онъ точно послѣдовалъ, вездѣ въ дѣлахъ прописывается, но во время бывшаго пожара въ Глуховѣ съ прочими дѣлами истребленъ. Я думаю, что онъ прямо изъ Кабинета былъ посланъ, а не чрезъ Сенатъ, потому въ сенатскомъ архивѣ и не могъ отыскаться. Тогда была въ Глуховѣ министерская канцелярія. Извините меня великодушно, что столь много хлопотъ сія просьба вамъ принесла; сердечно желалъ бы я, чтобы вы на

[1]) Платонъ.

[2]) Рисовалъ Росманъ, гравир. Радигъ (Ровинскій, стр. 367).

меня возложили комиссію, которою бы я вамъ могъ благодарность мою хотя нѣкоторымъ образомъ доказать.

Преосвященный Московскій испросилъ высочайшее дозволеніе остаться еще здѣсь на годъ, о чемъ и указъ уже полученъ; изъясняется, что онъ радъ бы никогда уже въ Петербургъ не возвращаться.

14.

1779 г. Декабря 26. Москва.

Препровождая при семъ его императорскому высочеству усерднѣйшее мое поздравленіе, покорнѣйше прошу поднесть съ засвидѣтельствованіемъ моего глубочайшаго благоговѣнія, а вамъ, милостивый государь, въ Новый годъ посылаю старинный подарокъ: мои проповѣди на разные языки преложенныя. О благосклонномъ принятіи не сомнѣваюсь. Мое желаніе есть представить ихъ государю великому князю и великой княгинѣ, но безъ вашего совѣта и наставленія къ сему приступить не осмѣливаюсь. Одолжите меня о семъ своимъ увѣдомленіемъ, а экземпляры готовы.

15.

1780 г. Апрѣля 6. Москва.

Слухъ у насъ разнесся, что князь Михаилъ Никитичъ Волконскій послалъ прошеніе съ нарочнымъ объ отставкѣ его, но о справедливости сего дѣла увѣрить точно не могу; уповаю, комиссія сія препоручена г. Архарову. Я у его сіятельства бываю, но о намѣреніи его ничего не слыхалъ, хотя прежде сего неоднократно онъ мнѣ о томъ изъяснялся. Преосвященный Ѳеофилактъ Переяславльскій весьма обрадованъ: на строеніе его дома пожалована двѣнадцатитысячная сумма.

16.

Ростовъ, 1780 г. Апрѣля 24 дня.

О себѣ имѣю честь донести вамъ, милостивый государь, что наслаждаюсь покоемъ, нѣсколько чувствуя подкрѣпленія въ здравіи моемъ. Утѣшаютъ меня въ уединеніи письма его сіятельства графа Петра Ивановича Панина; онъ доставляетъ мнѣ новыя книги въ свѣтъ выходящія, изъ коихъ мнѣ чрезвычайно полюбилась книжка небольшая, сочиненная его величествомъ Прусскимъ королемъ о Нѣмецкихъ словесныхъ наукахъ и пр. Въ Ярославль ѣхать не охотно, тамъ сѣверная и физическая и моральная весьма холодная погода продолжается; по слабости

моего здравія боюсь, чтобы не быть подверженнымъ простудѣ, которая часто дѣйствуетъ надъ моимъ корпусомъ.

17.

Москва, 1780 г. Іюля 15 дня.

Поздравляю васъ съ предводительствомъ С.-Петербургскаго дворянства. Отъ всего сердца желаю, чтобъ сей случай послужилъ руководствомъ къ достиженію вышнихъ новыхъ чиновъ.

О себѣ доношу, что я весьма изнемогаю; по сей причинѣ рѣшился я въ Августѣ мѣсяцѣ отлучиться въ Ростовъ. Можетъ быть перемѣна воздуха и движеніе поправятъ состояніе здравія моего.

Ея сіятельство княгиня Александра Ивановна была въ Ростовѣ и имѣла квартиру въ моемъ домѣ, но сожалѣю, что безъ хозяина. Вчерашняго дня изволила меня посѣтить.

18.

Москва, 1780 г. Декабря 3 дня.

Препровождаю при семъ мое поздравленіе его императорскому высочеству со днемъ рожденія государя великаго князя Александра Павловича. Покорнѣйше прошу его императорскому высочеству поднесть съ засвидѣтельствованіемъ глубочайшей моей преданности *).

Преосвященному Московскому велѣно и на будущій годъ остаться въ Москвѣ; по сему многіе заключаютъ, что Московская губернія открытіемъ не замедлится.

19.

Ростовъ, 1781 г. Іюля 30 дня.

Государь великій князь удостоилъ меня своимъ увѣдомленіемъ о предпріемлемомъ имъ путешествіи. Сей отличный его благоволенія ко

---

*) Какъ на это письмо Самуила, такъ и на слѣдующее поздравительное съ новымъ годомъ Наслѣдникъ отвѣчалъ: „Ваше преосвященство! Письмо ваше, которымъ поздравляете вы меня съ новымъ годомъ, есть новый залогъ дружбы вашей ко мнѣ, вы въ ономъ представляете мнѣ не ласкательныя мечты, упражняющія воображеніе, но проходите все пространство должностей моихъ и занимаете разсудокъ мой, а заключаете самымъ тѣмъ, что нужно предохранить духъ мой отъ сопряженныхъ съ ласкательствомъ заблужденій и съ другой стороны отвратить отъ него уныніе, могущее родиться отъ трудностей неотъемлемыхъ отъ исполненія должностей въ теченіе жизни человѣческой. Нѣтъ, конечно, лучшаго пожеланія на новый годъ, какъ то, чтобъ Богъ послалъ силу и разумъ для понесенія бремени жизни каждому по своему состоянію. Сего я равномѣрно при семъ случаѣ и вашему преосвященству желаю, прося быть увѣрену, что на всякомъ мѣстѣ и владычествѣ найдете во мнѣ ту дружбу, съ которою пребываю вашимъ вѣрнымъ. Павелъ. С.-Петербургъ. Декабря 31 дня 1780 года“.

мнѣ знакъ принявъ съ наичувствительнѣйшею благодарностью, поспѣшаю принесть мои желанія о ниспосланіи ему Божіей благодати, соблюдающей его во всѣхъ путяхъ. Все сіе начерталъ я въ препровождаемомъ при семъ письмѣ; не сомнѣваюсь, что по вашей ко мнѣ искренности, не лишится оно равномѣрно счастливаго, какъ и прежнія, жребія. Я слышу, что и ваше сіятельство будете соучаствовать въ семъ путешествіи. Молю благость Божію, да препояшетъ васъ силою Своею свыше совершить предлежащій путь благополучно, къ несказанному порадованію моему и всѣхъ истинно любящихъ васъ.

Заложенная его императорскимъ высочествомъ церковь и каменное строеніе для бѣдныхъ престарѣлыхъ вдовъ морскихъ офицеровъ есть такой предметъ, который долженъ не только тронуть, но и плѣнить всякое чувствительное сердце. Сіе совершенно удостовѣряетъ всѣхъ сыновъ отечества его человѣколюбіе и доказываетъ, сколь велико его усердіе и вѣра къ Богу; ибо, по апостолу, «вѣра чиста и нескверна предъ Богомъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ». Я твердо уповаю, что Богъ умножитъ лѣта жизни его, умножитъ еще и паче въ непорочной его душѣ сіи святыя дѣйствія. Архимандритъ Бѣлоезерскій мнѣ знакомъ. Подлинно онъ имѣетъ внутреннія хорошія дарованія, но природа, произведя его въ свѣтъ, лишила того, почему бы можно было узнавать ихъ цѣну.

Съ нетерпѣніемъ желаю знать, когда именно государя великаго князя послѣдуетъ путешествіе, какою дорогою и сколько можетъ оно продолжиться. Слухъ носится, что велѣно всякое приготовленіе сдѣлать по той дорогѣ, по которой шествовалъ графъ Фалькенштейнъ. Слѣдовательно и Кіевъ будетъ имѣть счастіе видѣть столь великаго и вожделѣннаго гостя *). Но, думаю, краткое время не дозволитъ обозрѣть все тамъ достопомятное. Прошу покорно ваше сіятельство о тамошнемъ училищѣ, или вообще называемой академіи, внушить государю великому князю; я въ оной былъ и учителемъ, и ректоромъ, и братскимъ

---

*) Въ 1775 году въ Подолѣ вспыхнулъ большой пожаръ. Сгорѣла бурса, а затѣмъ въ 1780 г. и академическая библіотека, состоявшая изъ 12.000 томовъ. Это была невознаградимая потеря, такъ какъ было много рѣдчайшихъ изданій и цѣнныхъ рукописей. Павелъ и Марія Ѳеодоровна прибыли въ Кіевъ 11 Октября и послѣ цѣлаго ряда торжествъ, устроенныхъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, отбыли 15 Октября. Чума въ Кіевѣ появилась 3 Сентября 1770 г. и приняла угрожающій размѣръ. Академическаго бурса первая подверглась заразѣ, такъ что начальство 24 Сентября распустило школу. Митрополита Гавріила въ Кіевѣ не было; онъ только въ 1771 году выѣхалъ изъ Петербурга и прожилъ около года въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, въ Кіевъ вернулся только 4 Марта 1772 г.

архимандритомъ; но жаль, что бывшая въ Кіевѣ чума, привела оное училище въ крайній упадокъ, да и попеченія о возстановленіи онаго не имѣютъ. Особливо бывшій пожаръ въ прошломъ году истребилъ славную тамошнюю библіотеку, которой подобной почти въ Россіи не было.

О себѣ еще донесть осмѣливаюсь, нынѣшняя моя жизнь мнѣ полюбилась, особливо въ разсужденіи здравія моего; желалъ бы еще на нѣкоторое время остаться въ моей паствѣ, но срокъ мнѣ назначенъ до 1-го Января будущаго 1782 г., я бы попросился еще на годъ, но, боюсь, чтобы не подвергнуть себя гнѣву. Если высочайшій дворъ на будущій годъ не будетъ въ Москву, то, конечно, хочу вызваться съ просьбою; однако долженъ я въ семъ случаѣ сообразоваться положенію обстоятельствъ могущихъ впредъ встрѣтиться, въ чемъ, если можно, прошу ваше сіятельство, по своей любви и милости ко мнѣ, снабдить меня своимъ совѣтомъ и наставленіемъ. Весьма жалѣю, что Николай Ивановичъ господинъ Салтыковъ, будучи въ Ростовѣ, не засталъ меня дома: я былъ въ нѣкоторыхъ городахъ епархіи моей для обозрѣнія оныхъ. Покорно прошу его высокопревосходительству засвидѣтельствовать мое истинное почтеніе и увѣреніе о моемъ усердіи.

*

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія съ графомъ и графинею Сѣверными, князь А. Б. Куракинъ, какъ извѣстно, подвергся опалѣ за нескромность своей переписки и слишкомъ десять лѣтъ провелъ вдали отъ двора. Продолжалъ ли переписываться съ нимъ Самуилъ, намъ неизвѣстно. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ДАВНО ПРОШЕДШАГО ВРЕМЕНИ.

Кому неизвѣстно, что всѣ рѣзкіе случаи въ жизни человѣка, которые, по свойству своему, касались ли васъ самихъ лично, или же относились къ другимъ лицамъ, но сдѣлались вамъ извѣстными,—одинаково остаются въ памяти на всю жизнь. Особенно памятна ребяческая жизнь, проведенная подъ родительскимъ кровомъ до начала ученія. Вотъ мнѣ почти 75 лѣтъ отъ рожденія, но ребяческая жизнь на столько сохранилась въ моей памяти со всѣми подробностями, что какъ будто все это происходило вчера.

Родился я отъ сельскаго священника, у котораго, кромѣ меня, еще было три сына и три дочери. При такомъ семействѣ, родителю нашему было весьма трудно воспитывать насъ; поэтому мы и не испытали привольной жизни, и насъ ни въ чемъ не баловали: лѣтомъ, напримѣръ, мы почти постоянно бѣгали въ однѣхъ самотканныхъ рубашенкахъ и босикомъ, а если иногда и случалось, что мало-мальски обряжали насъ, такъ это когда мы ходили въ церковь, или же брали насъ куда нибудь въ гости. Бывало, весной, лишь только начинало таять, мы, нисколько не задумываясь, бѣгали по снѣгу босикомъ на проталину, для того собственно, чтобы тамъ играть шаромъ или въ козлы, и все это проходило благополучно, нисколько не отражаясь на нашемъ здоровьѣ. Правда, послѣ босоногой бѣготни немало приводилось терпѣть отъ ранъ на ногахъ, называемыхъ въ простонародьѣ цыпками, но и это скоро залѣчивали намъ смазываніемъ ногъ сметаною съ какимъ-то составомъ.

Первоначальной грамотѣ обучала насъ родительница, потому что родителю нашему совершенно не было свободнаго времени заниматься съ нами: онъ почти всегда находился въ отлучкѣ изъ дома съ разными требами по приходу, состоявшему изъ нашего села и еще изъ четырехъ деревень, расположенныхъ въ пяти, семи, девяти и двѣнадцати верстахъ. Да кромѣ того онъ состоялъ еще членомъ Лукояновскаго Духовнаго Правленія, что̀ вынуждало его, хотя и не каждодневно, но и туда путешествовать за двѣ версты отъ дома. Такимъ образомъ первоначальное воспитаніе наше окончательно зависило отъ родительницы нашей. Эта была трудолюбивая и энергичная женщина, и вездѣ она успѣвала. Кромѣ веденія всего хозяйства по дому, она всѣхъ насъ обшивала, включительно до всякой мелочи. Мало того, для

хозяйства она своими же руками натыкàла и нѣсколько холстовъ; при этомъ, впрочемъ, надобно сказать, что пряжа для холстовъ, большею частію, изготовлялась на вечеринкахъ приглашаемыми въ домъ крестьянскими женщинами и дѣвицами. А надобно сознаться, что мать иногда сильно и пронимала насъ. Бывало за каждую провинность, чуть кто либо изъ насъ чтò спалитъ, она, безцеремонно, ущемя голову виновника между ногъ и спустивши штанишки его, выдернутымъ изъ вѣника прутомъ сильно нахлыщетъ.... Да при этомъ доставалось не только одному виновному, но и всѣмъ остальнымъ,—дескать, чтобы неповадно было, и тогда, при такой вспышкѣ, уже наровишь, если лѣтомъ, то убѣжать на улицу и укрываться тамъ до того времени, когда совсѣмъ пройдетъ гнѣвъ ея; зимой же укрывались на палатяхъ, устроивъ тамъ баррикаду изъ своихъ тулупишекъ, не допускавшую къ намъ доступа; при домогательствѣ же достать насъ кочергами и ухватами, то и ихъ перебирали туда же, и значитъ уже находились внѣ всякой опасности.

Обучившись читать по Славянской и гражданской печати я 8 или 9 лѣтъ былъ уже представленъ въ Арзамасское Духовное Училище. Вотъ съ этого времени пошла иная жизнь,—жизнь озабоченная, безпокойная и сопряженная съ разными непріятностями. Педагогика была въ то время весьма грубая и деспотическая, сопровождавшаяся сильными истязаніями учениковъ, отъ чего, естественно, въ нихъ поселялся сильный страхъ и заглушались всѣ способности. Были такіе наставники, которые наказывать учениковъ розгами считали какъ будто бы необходимымъ для себя развлеченіемъ, и были случаи, что наказаніе иногда производилось ни за что ни про что; однимъ словомъ, какъ говорится, перевернешься бьютъ и не довернешься бьютъ.

А вотъ каковъ у насъ былъ въ 3-мъ классѣ учитель Снѣжницкій, чисто тиранъ, который во время наказыванія ученика, подошедши къ самой головѣ его, съ такою злобою смотрѣлъ на эту операцію, что лицо у него дѣлалось раскаленнымъ, а голова тряслась какъ у контуженнаго, и въ довершеніе всего кричалъ исполнителю „крѣпче! рѣже!“ и „наконецъ брось!“ При этомъ казалось, что онъ даже готовъ былъ зубами загрызть несчастнаго. Всего только одинъ разъ случилось испытать и то лишь одну плягу (какъ онъ это самъ называлъ), т.-е. одинъ ударъ, и то было такъ горячо, что мнѣ представилось, какъ будто бы меня раскаленнымъ желѣзомъ обожгло. Интересно было бы знать, чтò сдѣлали бы въ настоящее время ученики, имѣя у себя подобнаго учителя? А мы тогда въ школѣ-то вовсе не считали для себя обидными такіе пустячки, какъ, напримѣръ, услышать отъ учителя: „оселъ, дуракъ, мерзавецъ, подлецъ“, или же получить оплеуху всей пятерней по лицу, или же корешкомъ книги по головѣ. Однакоже и въ наше время были удальцы-ученики. Слышно было, что мучителя Снѣжницкаго нѣсколько дюжихъ учениковъ, подкарауливъ зимой ночью, ѣхавшаго изъ города въ слободу (гдѣ у него была квартира), чуть-чуть не утопили въ рѣкѣ, и спасло его только то, что тутъ было не очень глубоко, и поэтому не могли его упрятать подъ

ледъ. А вѣдь этотъ кровопійца впослѣдствіи сдѣлался священникомъ. И какъ его не могла мучить совѣсть при совершеніи Евхаристіи! Вѣдь извѣстно, что Господь не разрѣшилъ и Давиду устроить храмъ, сказавъ ему, что отъ войнъ у тебя руки въ крови, и пусть уже выстроитъ храмъ сынъ твой Соломонъ.

Не смотря на всѣ строгости въ училищѣ, все-таки были не только такія шалости, которыя вообще свойственны ребяческому возрасту, но и такія, какъ, напримѣръ, зимой кулачные бои съ мѣщанскими мальчишками, а что всего еще хуже, такъ это кражи у своихъ товарищей: денегъ, лепешекъ и даже учебныхъ книгъ, за что, разумѣется, строго наказывалось, когда доходило объ этомъ до свѣдѣнія инспектора или учителя. Были еще своего рода и взяточники,—это лучшіе ученики, называемые нотаторами, которымъ ввѣрялось по нѣскольку учениковъ для выслушанія заданнаго урока и которыми потомъ о степени знанія отмѣчалось въ каталогѣ противъ каждаго ученика Латинскими словами, въ сокращенномъ видѣ, такъ: sc (sciens знающій), er (erranter съ погрѣшностію), nb (non bene не хорошо), nt (non totum не все), ns (non sciens незнающій). Такая метода вовсе не побуждала учениковъ къ знанію урока, а напротивъ, во многихъ поселяла даже лѣность и нерадѣніе; въ самихъ же нотаторахъ воспитывала своего рода взяточничество, въ виду того, что учителю, по большому количеству учениковъ, не было никакой возможности провѣрять правильность сдѣланныхъ въ каталогѣ отмѣтокъ, такъ какъ онъ въ продолженіе всего класса занимался только тѣмъ, что производилъ расправу, или, проще сказать, порку тѣхъ учениковъ, которые значились по отмѣткамъ не вполнѣ, или вовсе незнающими урока. Давались взятки пятаками или же лепешками. Наприм., мальчикъ-нотаторъ изъ перваго класса, не знающій еще Латинскихъ названій и дѣлающій въ каталогѣ отмѣтки только по изученнымъ знакамъ, узнавши, что у ученика изъ его нотаты имѣются лепешки, говоритъ ему: „дай мнѣ, — я тебѣ сіенецъ запишу“. Брали еще взятки старшіе,—это лучшіе изъ учениковъ 4-го класса, которымъ ввѣрялось наблюденіе за нравственностію учениковъ какъ въ ихъ квартирахъ, такъ и внѣ ихъ.

Въ свою очередь и наши педагоги не считали для себя предосудительнымъ получать подачки отъ нашихъ болѣе состоятельныхъ родителей, какъ-то: гусями, утками, поросятами, а иногда даже и деньгами, за то, чтобы на ихъ сыновей было обращаемо больше вниманія; при первоначальномъ же представленіи своихъ сыновей въ училище, такіе родители считали даже своею непремѣнною обязанностію побывать съ подачками у смотрителя и учителя того класса, въ который зачисленъ его сынъ. Да и самые ученики такихъ родителей, по прибытіи изъ дому послѣ вакацій или Рождественскихъ праздниковъ, при явкѣ къ учителю, давали ему денегъ не менѣе 20 к., а послѣ Пасхи, кромѣ денегъ, еще одинъ или два десятка яицъ.

Неудивительно, что люди, свыкшіеся еще съ ребячества со взяточничествомъ, становились потомъ отъявленными взяточниками, каковыми были

въ то время священники въ роли благочинныхъ и членовъ духовныхъ правленій и консисторій, а также на гражданской службѣ секретари и столоначальники, въ средѣ которыхъ, какъ извѣстно, преимущественно находились лица изъ духовнаго званія.

Ученики-взяточники отъ своихъ товарищей отличались тѣмъ, что у нихъ очень часто можно было видѣть калачи, гречушники, пышки, орѣхи и пряники. Они иногда даже изъ класса, во время перемѣны, бѣгали, или кого-нибудь посылали за калачами къ Никерькѣ, находившемуся отъ училища саженяхъ въ пятидесяти. Это былъ старикъ лѣтъ 70, но еще крѣпкаго тѣлосложенія, имя его было Никифоръ Иванычъ. Онъ имѣлъ лавку съ хлѣбнымъ товаромъ и разными вещами, собственно приноровленныя къ потребностямъ учениковъ и продаваемыми по весьма доступнымъ цѣнамъ, и преимущественно лишь за одинъ грошъ, составлявшій 2 к. ассигн. и равнявшійся теперешней $^1/_2$ к. сер. Однакоже грошъ этотъ въ то время имѣлъ такую цѣнность, что на него, напримѣръ, можно было купить 1 ф. говядины, а баранины 2 ф. А еще надобно сказать, что Никеръ Ивановичъ и самъ покупалъ у учениковъ, или обмѣнивалъ на куски пшеничнаго хлѣба, испеченнаго изъ самаго низшаго сорта муки, разную рухлядь, какъ напримѣръ: испорченные замки, отдѣльные ключи и проч., да не отказывался принимать и краденыя учебныя книги, и за всякую вещь, большею частію, всегда давалъ тоже грошъ. Да прибавь, Никеръ Иванычъ, просилъ ученикъ,—грошъ—грошъ—грошъ. Но если же требованія прибавки были черезчуръ настойчивы, да и самая вещь по соображенію Никерки стоила дороже, тогда онъ бралъ грошевый кусокъ пшеничнаго хлѣба, и предварительно обмакнувъ его въ подонки постнаго масла, скопившіеся подъ кувшиномъ съ масломъ на желѣзномъ листѣ съ загнутыми къ верху краями, передавалъ ученику со словами „вотъ тебѣ еще въ придачу", и послѣ этого дѣло уже слаживалось.

А вотъ изъ моей школьной жизни въ г. Арзамасѣ сохранилось въ памяти еще одно курьезное событіе—это выборъ октавы для духовнаго пѣвческаго хора Благовѣщенской церкви; а такъ какъ въ этомъ хорѣ участвовало нѣсколько учениковъ изъ Духовнаго Училища, то отъ нихъ мнѣ и сдѣлалось извѣстнымъ это обстоятельство со всею подробностію. Хоръ этотъ содержался на средства старосты этой церкви купца Федула Викулыча Скорнякова и находился подъ управленіемъ регента изъ купеческой же среды, торговца желѣзнымъ товаромъ Петра Михеича Заишникова. Этотъ регентъ былъ еще мальчикомъ въ какомъ-то хорѣ, а потомъ нѣсколько времени пѣлъ уже теноромъ, поэтому изучилъ Итальянскую ноту и мало-мальски приспособился задавать тонъ для пѣнія аккордомъ. Взялся онъ за это дѣло безъ всякой для себя мзды, а собственно изъ усердія къ храму Божію и изъ любви къ искусству. Разумѣется, при такомъ регентѣ нельзя было ожидать хорошаго и правильнаго пѣнія; но можно сказать, что и большой-то надобности въ этомъ не было, потому что не только тогда, вообще можно сказать въ простоватое время, но даже и теперь, по понятіямъ купцовъ, или вообще

разныхъ торговцевъ, вся суть пѣнія заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше было крику, особенно въ басовой партіи. Ты смотри, нынѣ за всенощной „узримъ то свѣтъ“ (въ славословіи), тяпни хорошенько, говорилъ одинъ изъ любителей пѣнія басу, давая вмѣстѣ съ этимъ ему копѣекъ 10 или 15 для того, чтобы тотъ для бо̀льшей храбрости хватилъ передъ всенощной извѣстную порцію горлодерцу, т. е. водки. Такія лица тихое, медленное пѣніе (адажіо) вовсе не уважаютъ: что̀, говорятъ, это за пѣніе, одна волокита только; толи дѣло: прежде переборы-переборы-переборы, а потомъ ляпо̀къ или два ляпка [1]). Такъ какъ Благовѣщенскій хоръ былъ единственный по всему городу, то туда къ каждой праздничной службѣ валомъ-валили граждане, чтобы слушать пѣвчихъ. Послѣ службы, выходя изъ церкви, многіе говорили: „Федулъ Викулычъ, важнѣюще поютъ у васъ пѣвчіе“. Отъ такихъ похвалъ у Федула Викулыча, какъ говорится, бывали ушки на маковкѣ.

Не знаю, самому ли Федулу Викулычу захотѣлось, или же кто посовѣтовалъ ему, для большей красоты пѣнія, имѣть въ хорѣ октаву, и онъ окончательно рѣшился, во что бы ни стало, обзавестись ею, хотя эта октава впослѣдствіи ему и доставила много непріятностей, но разумѣется, впередъ предвидѣть этого было невозможно. Прежде присматривались, что не найдется ли октавы въ самомъ городѣ или окрестностяхъ, однакоже не нашлось; потомъ Федулъ Викулычъ просилъ нѣкоторыхъ изъ торговцевъ присматривать въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ они бываютъ съ своими товарами. Но и тутъ долго шло дѣло безуспѣшно. Наконецъ объявилась октава въ г. Саранскѣ, Пензенской губ., слишкомъ за 200 верстъ отъ Арзамаса. Это былъ семинаристъ, исключенный за безуспѣшность въ наукахъ, весьма большого роста, съ физіономіею рябою и опухшею, вѣроятно вслѣдствіе усерднаго поклоненія Бахусу; но на это Федулъ Викулычъ не обратилъ вниманія, а былъ весьма радъ, что наконецъ объявилась октава, да такая, что и въ разговорѣ-то какъ немазаная телѣга дерябила. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и по совѣту регента Михеича въ этотъ же день, вечеромъ, назначена проба, при общей спѣвкѣ всего хора.

Вѣсть о прибытіи октавы тотчасъ распространилась по всему городу; всѣ только и говорили про октаву и въ домахъ, и при встрѣчахъ на улицѣ, При встрѣчѣ же съ Федуломъ Викулычемъ еще издалека кричалъ какой-нибудь знакомый купецъ: „Федулу Викулычу наше почтеніе, съ октавкой имѣемъ честь поздравить“ [2]). Да-съ, да-съ, отвѣчалъ тотъ, при этомъ даже чмокалъ губами отъ удовольствія, какъ будто бы сейчасъ только покушалъ чего-нибудь сладкаго; да-съ, октава здоровенная; регентъ Михеичъ говоритъ,

---

[1]) Ляпо̀къ, т. е. сильный ударъ голоса, преимущественно баса.

[2]) Говорить привѣтствіе во множественномъ числѣ и до сихъ поръ въ обычаѣ у купцовъ.

что онъ такой октавы отродясь не слыхивалъ, просто пучина; а ноты-то, ноты-то какъ „помилуй мя Боже“ читаетъ, вотъ въ праздники услышите. При такомъ пріятномъ настроеніи по отношенію къ октавѣ, онъ тотчасъ же послѣ первой спѣвки постарался заключить съ нею условія. Сдѣлка скоро была закончена на такихъ условіяхъ, что жалованье 10 р. въ мѣсяцъ и кромѣ того квартира и содержаніе, но только въ общей артели съ его молодцами-приказчиками; къ большимъ праздникамъ будутъ подарки, но обмундировка должна быть своя; въ заключеніе же всего, по Русскому обычаю, помолились Богу и ударили по рукамъ, а октава, въ свою очередь, попросила задаточка въ три рубля, въ чемъ ей и не было отказано. Это было устроено дня за четыре до праздника Рождества Христова; поэтому, находившійся при сдѣлкѣ Михеичъ, прямо сказалъ октавѣ, чтобы она съ нынѣшняго же вечера являлась каждый день на спѣвку, дескать въ праздникъ-то какъ можно больше нужно доставить прихожанамъ удовольствія пѣніемъ.

Однако вышло не такъ; не даромъ говорится, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ назначенное для спѣвки время всѣ пѣвчіе явились, но октавы не было; подождали съ полчаса, но напрасно, и такимъ образомъ спѣвка состоялась безъ октавы; октава же, получивши въ задатокъ три руб., не могла удержаться, чтобы не поздравить себя съ началомъ дѣла, и вслѣдствіе этого явилась домой часовъ въ 10-ть вечера, уже, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ. Федулъ Викулычъ отдалъ строгое приказаніе своимъ молодцамъ, чтобы октаву съ завтрашняго дня никуда не выпускать изъ дома, а на спѣвку одному которому-нибудь изъ молодцовъ провожать и оттуда, по окончаніи спѣвки, съ нею же тотчасъ возвращаться домой. Это хорошо говорить, но не всегда возможно сдѣлать. Такъ удобно поступить съ мальчикомъ, котораго, взялъ въ охапку, и неси куда угодно; но что̀ сдѣлаешь съ такимъ человѣкомъ, который безъ водки часа пробыть не можетъ, а по своей физической силѣ легко можетъ управиться съ тремя. Пьяная октава всю ночь спала безъ просыпа, а проснувшись утромъ, первымъ ея долгомъ было потребовать водки для похмѣлья, грозя въ противномъ случаѣ не идти на спѣвку. По неволѣ пришлось ей дать опохмѣлиться. И что же вышло? Октава, опохмѣлившись, пустилась на хитрость, притворившись снова спящею, съ сильнымъ даже храпомъ, для того, чтобы этимъ отстранить наблюденіе за собою со стороны молодцовъ, что̀ ей и удалось. Молодцы, считая ее уснувшею, одинъ за другимъ удалились изъ комнаты; тогда октава преспокойно ушла изъ дома никѣмъ незамѣченная. Такой поступокъ произвелъ сильный переполохъ во всемъ домѣ: всѣ засуетились, но не знали что̀ дѣлать, а одинъ изъ молодцовъ, впопыхахъ, вбѣжалъ къ хозяину, и чуть не со слезами началъ ему говорить: „Батюшка, Федулъ Викулычъ, прости ты насъ, мы не досмотрѣли, вѣдь октава то сбѣжала со двора, а куда неизвѣстно“.—„Искать, искать! съ сильнымъ гнѣвомъ сказалъ хозяинъ, искать по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ и непремѣнно привести домой“. Спрашиваютъ въ первомъ заведеніи: была здѣсь октава? Была, отвѣтили. Что̀ она дѣлала? Выпила косушку водки

и ушла, а куда, неизвѣстно. Точно также сказали во второмъ, да еще во скольких-то заведеніяхъ, и наконецъ ее нашли, уже безъ всякихъ чувствъ, валяющеюся на улицѣ, и въ такомъ видѣ доставили домой. Скорѣе въ баню, въ баню, чтобы паромъ выгнать весь хмѣль, закричалъ своимъ молодцамъ Ф. В., а потомъ отвести на спѣвку и не давать ни капли водки. Въ банѣ она дѣйствительно протрезвилась, снова, для похмѣлья, запросила водки, но ей не дали. А! вы мнѣ не даете, такъ я самъ найду, и ушелъ, предварительно давши нѣсколько тумаковъ тѣмъ молодцамъ, которые вздумали было задерживать его. Снова уже не отыскивали его по питейнымъ заведеніямъ, и Ф. В. прямо уже приказалъ своимъ молодцамъ, что какъ только октава явится, то ее тотъ часъ же гнать въ шею изъ дома. Чрезъ нѣсколько часовъ октавистъ дѣйствительно явился домой и началъ говорить молодцамъ такъ: „Вы кто? Вы сволочь, сволочь и самъ хозяинъ! Вы всѣ моей подметки не стоите! А я артистъ, я художникъ, я во многихъ архіерейскихъ хорахъ былъ, въ Москвѣ въ купеческомъ, да меня было въ придворный хоръ принимали, но я не пошелъ туда, знаю почему!“.. Почему? Знамо за водку, послышался голосъ изъ артели. Нѣтъ! не за водку, я еще тогда и пилъ ее немного, а за то я туда не попалъ, что такому же молодцу, какъ ты, немного въ сторону скулу направилъ“.—„Да ты много-то не ерохорся“, послышался снова изъ артели голосъ, „вѣдь хозяинъ сказалъ, что если ты не уйдешь по добру, то онъ велѣлъ тебя изъ дома въ шею гнать“.—„Какъ, меня въ шею! Ну-ка выходи, кто изъ васъ смѣлѣй! Ни одного зуба во рту не оставлю, всю рожу подъ орѣхъ раздѣлаю, ни одного цѣльнаго ребра не оставлю и до послѣдней косточки все разнесу! Ну что же выходите, вѣдь я одинъ на всѣхъ! А, небось струсили! Да я отъ-сюдова не уйду до тѣхъ поръ, покудова мнѣ на проѣздъ и на харчи денегъ не дадутъ“.—„Ну ужъ выбралъ себѣ хозяинъ гуся лапчатаго! сказали молодцы. Что намъ съ нимъ теперь дѣлать?“ Долго еще съ нимъ путались, и въ концѣ-концовъ уже устроили такъ, что для этой знаменитой октавы наняли подводу до самаго г. Саранска, снабдивъ ее достаточнымъ количествомъ денегъ какъ за провозъ, такъ и на путевые расходы.

Вѣсть объ отъѣздѣ октавы снова распространилась по всему городу. Въ церкви, когда Ф. В. спрашивали объ отсутствіи въ хорѣ октавы, онъ умышленно показывалъ себя занятымъ, раздавая свѣчи и получая за нихъ деньги. Всего же больше доставалось ему непріятностей отъ сорванцовъ-учениковъ Духовнаго Училища. Братцы, братцы! кричали мальчишки изъ толпы, когда вблизи ихъ проходилъ Ф. В., нѣтъ ли у кого октавки? Другой кричитъ: Ф. В., изъ Москвы пріѣхала здоровенная октава, вотъ бы тебѣ въ хоръ-то, и водки-то пьетъ немного, не больше полуштофа въ день; затѣмъ еще кричатъ: Федулъ, что губы надулъ, или со двора октава сбѣжала? Идетъ Ф. В. въ трактиръ, чтобы съ пріятелемъ чайку попить, и тутъ, какъ съ неба свалившійся мальчишка кричитъ ему вслѣдъ: Что не захватилъ съ собою октаву, вѣдь ей опохмѣлиться хочется; въ лавку приходитъ для какой-либо покупки, и тутъ въ отворенную дверь снова ему кричатъ: Или для

октавки къ празднику подарочекъ покупаешь. Идетъ домой отдохнуть и опять великое огорченіе: на воротахъ мѣломъ крупными буквами написано „октава“; вынимаетъ изъ кармана носовой платокъ, и тутъ записка съ тою же надписью.

Ф. В. уже не иначе выходилъ изъ дома, какъ только въ сопровожденіи своего молодца-артельщика, который слѣдовалъ за нимъ въ отдаленіи, какъ будто бы совсѣмъ посторонній человѣкъ, и слѣдилъ за мальчишками. Вотъ такимъ-то способомъ легко и удалось поймать виновнаго мальчишку и представить его къ инспектору училища, которымъ, разумѣется, и была дана достаточная порка. Этому инспектору была фамилія Прудентовъ, но мы его называли Плюдентовъ потому, что имъ въ разговорахъ буква р, всегда замѣнялась буквою л. Фраза: „я тебя мельзавца до смельти заполю“ была его излюбленная и всегда имъ произносимая при всѣхъ гнѣвныхъ его проявленіяхъ.

Наконецъ прекратилось и мое пребываніе въ Арзамасскомъ училищѣ, за переходомъ уже въ Семинарію, а изъ нея потомъ на службу въ Нижегородскую Палату Государственныхъ Имуществъ, гдѣ мнѣ воочію пришлось ознакомиться съ разными характерами взяточниковъ и убѣдиться, что всѣ тѣ столоначальники и секретари, происходящіе изъ духовнаго званія и обучавшіеся въ духовныхъ школахъ, были по взяточничеству гораздо смѣлѣе, настойчивѣе и даже можно сказать безсовѣстнѣе, какъ свыкшіеся еще съ мальчишества брать пятаками и лепешками, чѣмъ чиновники не обучавшіеся въ этихъ школахъ; первые съ просителями торговались, какъ на балчугѣ, и прямо назначали для себя цѣну десятками и даже сотнями рублей, а вторые довольствовались тѣмъ, что̀ имъ давали.

Въ вѣдѣніи Палаты Государственныхъ Имуществъ былъ еще третій сортъ взяточниковъ. Это лѣсные чины, которые поступали въ этомъ дѣлѣ замаскированно, иногда прикрываясь законными условіями. Они и отъ себя давали взятки не открыто, а такъ сказать подъ спудомъ. Лѣсничій, подойдя напримѣръ къ столоначальнику Палаты, и тутъ, при любезномъ съ нимъ разговорѣ, секретно подсунетъ подъ дѣло или бумагу одинъ, или нѣсколько кредитныхъ билетовъ. Точно также лѣсничіе поступали и по отношеніи къ губернскому лѣсничему и лѣснымъ ревизорамъ, подкладывая имъ деньги въ шнуровыя книги во время ревизіи. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, и самая ревизія производилась только для виду, и всѣ ревизующіе чины никогда не заглядывали во внутрь лѣсныхъ дачъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что̀ усматривалось на пути при проѣздѣ въ казенный домъ лѣсничаго, находившагося въ дачѣ, и въ которомъ, такимъ образомъ, и заканчивалась вся ревизія при обильномъ изливаніи винъ и изысканныхъ яствъ. Лѣсному же ревизору Р. и такая метода ревизіи казалась неудобною, и онъ никогда не ѣздилъ въ Макарьевскія лѣсничества, а всѣхъ лѣсничихъ вызывалъ къ назначенному сроку, по сосѣдству, въ г. Василь, чрезъ своего пріятеля, та-

мошняго помощника исправника Ф. Л. С., къ которому въ назначенный день являлся и самъ. Всѣ лѣсничіе пріѣзжали съ своими шнуровыми книгами, и разумѣется, по заведенному порядку, не забывали вкладывать въ каждую изъ нихъ приношенія. Въ книгахъ дѣлались ревизіонныя надписи, и изъ нихъ выбирались вложенныя деньги, а затѣмъ уже начиналась дружеская бесѣда.

Сначала все шло чинно, разговоровъ было немного, и всѣ держали себя съ достоинствомъ. По мѣрѣ же усиленія выпивки, мало-по-малу оживлялись и разговоры; начались другъ противъ друга шуточки и остроты, пѣніе романсовъ, и даже самъ ревизоръ Р., какъ лютеранинъ, комично копировалъ въ произносимой рѣчи Нѣмецкаго пастора; вакханалія же между тѣмъ окончательно вступила въ свои права, съ обиліемъ изысканныхъ винъ и разнородныхъ закусокъ. И вотъ при такихъ обстоятельствахъ вдругъ, какъ точно при Вавилонскомъ столпотвореніи, всѣ заговорили на разныхъ языкахъ, не понятныхъ другъ для друга. По случаю же сильнаго опьяненія, ноги совсѣмъ отказывались повиноваться, и нѣкоторые уже падали, какъ подстрѣленные. Такая вакханалія продолжалась иногда сутокъ до трехъ, и въ ней, разумѣется, принималъ участіе и самъ хозяинъ. На прощаніи же всегда произносился спичъ, ревизоромъ Р., приблизительно въ такомъ смыслѣ: „Милостивые государи, любезные товарищи! Всѣмъ намъ извѣстно, что въ сей богоспасаемый градъ привели насъ не корысть какая и не страхъ чего-либо, а братскія чувства любви и желаніе получить въ дружескомъ общеніи удовольствіе, и этого мы вполнѣ достигли. Не было между насъ ни гордости, присущей при неравенствѣ ранговъ, ни противорѣчія: чего желалъ одинъ, тому сочувствовали и всѣ прочіе. При такой солидарности, кулинарное дѣло было доведено у насъ до совершенства, особенно услаждала нашъ вкусъ Сурская стерлядь. Великій трудъ доставляло намъ дѣло по размѣщенію нашихъ припасовъ въ предназначенныя мѣста, нѣсколько разъ доводившее насъ до великаго изнеможенія; но при энергичной и дружной работѣ, это трудное дѣло доведено теперь нами до конца. Всѣ эти трофеи нашихъ побѣдъ (указывая на опорожненныя отъ вина бутылки), освобожденныя нами отъ гнетущей ихъ влаги и теперь уныло взирающія на нашъ отъѣздъ, суть нѣмые свидѣтели великой нашей дѣятельности. А этотъ мужъ (указывая на хозяина), образецъ добродѣтеля, какъ Авраамъ принявшій, насъ, странниковъ подъ свой кровъ, почти неотлучно присутствовалъ съ нами, и въ тоже время помогалъ намъ въ общей работѣ по размѣщенію припасовъ по мѣстамъ. Да будетъ же эта чара наполненная нектаромъ (стаканъ съ Шампанскимъ) для его сердца веселіемъ и отъ насъ благодарностію, съ пожеланіемъ ему многолѣтняго здравія. Ура! Ура! Ура! Этимъ закончилась ревизія Макарьевскихъ лѣсничествъ.

Вотъ такія-то ревизіи и породили въ грандіозныхъ размѣрахъ самовольныя порубки лѣса въ казенныхъ дачахъ, а въ лѣсничихъ развили страсть

къ широкимъ корыстнымъ дѣйствіямъ, какъ напримѣръ. Одинъ изъ нихъ по фамиліи Л., разбивая дачу въ своемъ лѣсничествѣ на кварталы, въ которыхъ, по положенію, просѣки должны быть шириною всего лишь въ три сажени, устроилъ ихъ въ тридцать сажень, преслѣдуя при этомъ двѣ цѣли: одну ту, что, разумѣется, чрезъ это увеличивалось въ большихъ размѣрахъ количество вырубаемаго лѣса, а другую ту, что это доставляло больше простора промышленникамъ-птицеловамъ разставлять сѣти для ловли рябчиковъ. Другой лѣсничій доносилъ Палатѣ, что къ его лѣсничеству, расположенному при сплавной рѣкѣ Ветлугѣ, прибыло нѣсколько плотовъ строевого лѣса, на которыхъ не оказалось ни хозяевъ, ни рабочихъ, и неизвѣстно кому принадлежащіе. Однакоже по произведенному слѣдствію выяснилось, что этотъ лѣсъ и есть вырубленный на просѣкахъ трехсаженной ширины, расположенныхъ въ верху рѣки. Плоты эти, какъ не имѣющіе на сплавъ билетовъ, были остановлены этимъ лѣсничимъ, и по его же совѣту оставлены на произволъ судьбы въ тѣхъ видахъ, чтобы во 1-хъ не обнаружить виновнаго въ этомъ дѣлѣ лѣсничаго, а во 2-хъ и для ихъ хозяевъ гораздо лучше вовсе отступиться отъ нихъ, чѣмъ быть привлеченными къ суду и подвергнуться штрафу въ большомъ количествѣ. А вотъ еще лѣсничій, который, будучи уже въ отставкѣ,самъоткровенно и комично разсказывалъ про такой курьезный случай, устроенный имъ, благодаря невѣдѣнію и простотѣ крестьянъ.

Въ моемъ лѣсничествѣ, говорилъ онъ, по игрѣ природы, росла черная береза, которая, какъ рѣдкостная и находившаяся при проѣзжей дорогѣ, всѣмъ бросалась въ глаза. Долго она тутъ стояла невредимо, но наконецъ, кто-то ее срубилъ. Вотъ тутъ-то и началось дѣло. Вызвавши въ лѣсничество изъ сосѣднихъ селеній выборныхъ отъ крестьянъ, я, говоритъ, повелъ съ ними такую рѣчь: „Вы знали, ребята, растущую вотъ тутъ-то при дорогѣ черную березу, вѣдь ее срубили, а кто срубилъ,—неизвѣстно! Что-то теперь будетъ моей головушкѣ, вѣдь эта береза была единственная во всей Россіи и даже извѣстна самому Государю; теперь меня засудятъ и запрячутъ въ острогъ, да и вамъ, какъ сосѣдямъ, не легко будетъ: пожалуй всѣхъ сошлютъ въ Сибирь. Ахъ, ребятушки! Если вамъ нужно было дерево, то вы мнѣ бы сказали, и я бы вамъ сто деревъ отпустилъ задаромъ; только не трогали бы эту березу“. Послѣ такого монолога крестьяне сильно струсили, вышли въ сѣни для совѣщанія между собою, и вернувшись въ комнату положили передъ лѣсничимъ на столъ нѣсколько золотыхъ монетъ и съ грустью сказали: „ты, родимый, пожалѣй и не губи насъ, и ужъ какъ нибудь замни это дѣло“. Лѣсничій же какъ будто бы и не замѣчаетъ положеннаго на столъ золота, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, поджавши животъ руками и все охаетъ и твердитъ: „что-то теперь будетъ моей головушкѣ!“ Крестьяне вновь выходили въ сѣни для совѣщанія и къ прежнимъ золотымъ монетамъ еще прибавили столько же. Тогда лѣсничій, увидавши, что на столѣ его уже составилась довольно солидная кучка золота, самымъ жалобнымъ тономъ сказалъ крестьянамъ: „Ужъ только жалѣя васъ, я постараюсь заглу-

шить это дѣло, но смотрите никому ни гугу про эту березу, а то всѣмъ намъ весьма плохо будетъ".

А такъ какъ всѣ лѣсные чины суть воспитанники Лѣсного Института, то у нихъ между собою и обхожденіе товарищеское, не принимая въ расчетъ ни различія ранговъ, ни самаго служебнаго положенія, и поэтому имъ всегда непріятно было, если кто-либо изъ другой среды вторгался въ ихъ сферу и дѣлалъ какія-либо непріятности. И вотъ однажды былъ такой случай, что губернскій лѣсничій, будучи не доволенъ контролёромъ М. И. Ф., за его придирки къ лѣсничимъ при ревизіи шнуровыхъ книгъ, да еще своимъ дѣлопроизводителемъ (эта должность секретарская) Иваномъ Димитріевичемъ Городецкимъ за то, что онъ держалъ себя весьма глубокомысленно, и всегда на его столѣ находилось нѣсколько томовъ законовъ, сидя на своемъ мѣстѣ, и какъ будто бы только самъ про себя, но однакоже во всеобщее услышаніе, обоихъ обрисовалъ такимъ каламбуромъ: „какой-нибудь контролёрикъ на высокинькихъ коблучкахъ вертится, какъ бѣсъ передъ заутренею, или же какой-нибудь секретарь, обложившись кругомъ законами, воспѣваетъ: вскую мя отринулъ еси". Контролёръ Ф. былъ дѣйствительно весьма юркій и на все падкій; разговоръ его былъ однотонный, скорый и трепщащій, какъ у жаворонка; хватался за разныя дѣла, но скоро оставлялъ ихъ, по неумѣнію ими управиться. Онъ мнилъ себя ученымъ; по физикѣ напримѣръ, самодѣльно устроилъ изъ стекляннаго кувшина съ выбитымъ дномъ и установленномъ на двухъ бутылкахъ, электрическую машину; а по ботаникѣ, развелъ у себя въ комнатахъ цѣлую оранжерею цвѣтовъ, съ ярлыками Латинскихъ названій, стараясь, по свойству ихъ, приспособить къ разной температурѣ, и ставя ихъ то у печей, то на окнахъ, то у стѣнъ. Потомъ брался управлять духовнымъ хоромъ пѣвчихъ, заводилъ кирпичный заводъ; но все шло безуспѣшно. Въ концѣ-концовъ ему удалось жениться на потомственной дворянкѣ съ приданымъ въ 40 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и на управленіе и полное распоряженіе этими крестьянами получить отъ своей жены полную довѣренность. Вотъ тутъ-то онъ и обнаружилъ всю свою удаль и поступилъ въ этомъ дѣлѣ, можно сказать, по варварски, именно тѣмъ, что всѣхъ мужчинъ, годныхъ къ военной службѣ, продалъ въ рекруты (тогда въ рекруты сдавать было можно до 40-лѣтняго возраста). Такимъ образомъ этотъ фиктивный помѣщикъ, уничтоживши въ имѣніи своей жены всѣхъ годныхъ къ труду мужчинъ, заставилъ семьи ихъ терпѣть великую нужду и голодъ. Дѣлопроизводитель же И. Д. Г. совсѣмъ не таковъ, какъ этотъ торопыга контролёръ, а человѣкъ умный и весьма ученый; онъ окончилъ курсъ Духовной Академіи магистромъ и состоялъ довольно долгое время профессоромъ Духовной Семинаріи, поэтому онъ и на службѣ, въ Палатѣ, держалъ себя, по привычкѣ, какъ профессоръ, не стѣсненно, даже съ управляющимъ Палатою всегда объяснялся свободно, нагнувшись и закинувши руки назадъ и разставивши ноги врозь, за что и называли его гордымъ и за это, вѣроятно, онъ дальше дѣлопроизводительской должности VIII класса не до-

стигъ, не смотря на свою ученость и пріобрѣтенное службою потомственное дворянство. Онъ былъ своего рода реформаторъ, именно потому, что когда, съ поступленіемъ на службу въ Палату, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, по своему образованію, онъ получилъ прямо чинъ коллежскаго асессора, тогда онъ началъ ходатайствовать о зачисленіи ему всей его семинарской службы, такъ какъ въ то время всѣ профессора и учителя семинарій не считались на государственной службѣ и чинами не пользовались, а числились всѣ въ духовномъ званіи. Это ходатайство его было уважено, и вмѣстѣ съ этимъ установлена въ семинаріяхъ для всѣхъ наставниковъ государственная служба, съ полученіемъ чиновъ. Съ зачисленіемъ же Ивану Димитріевичу семинарской службы, у него старшинство на чинъ коллежскаго асессора составилось до 1845 года, т. е. когда этотъ чинъ доставлялъ потомственное дворянство, каковое получилъ и Иванъ Дмитріевичъ. Теперь читатель видитъ, что надъ такою личностію, каковая была Ивана Димитріевича, губернскому лѣсничему стыдно бы было эхидно подтрунивать. Аминь!

В. И. Глоріантовъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. М. РОЖАЛИНА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Николай Матвѣевичъ Рожалинъ принадлежалъ къ немалому числу даровитыхъ Русскихъ людей, которые угасли „во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ, ихъ не свершивъ еще для свѣта". Отъ него остался въ нашей печати только прекрасный переводъ Гётевыхъ „Страданій молодаго Вермера" (Москва, 1829, 2 ч.). Отецъ его былъ статскимъ совѣтникомъ, а въ „Азбучномъ указателѣ именъ Русскихъ дѣятелей" (С.-Пб. 1888) онъ названъ внукомъ Козьмы Ѳедоровича Рожалина, доктора медицины Лейденскаго университета, писателя, преподававшаго медицинскія науки въ Петербургскомъ Госпиталѣ (1767—1774) и скончавшагося въ сумашествіи послѣ 1786 года. Можетъ быть, отъ дѣда унаслѣдовалъ Николай Матвѣевичъ трудолюбіе и живую любовь къ просвѣщенію. Онъ помогалъ Погодину въ изданіи „Московскаго Вѣстника" 1827 и 1828 годовъ. Въ Москвѣ онъ сошелся съ такъ называемыми архивными юношами и съ братьями Кирѣевскими. Мать ихъ, приснопамятная Авдотья Петровна Елагина, оказывала ему всякое покровительство (С. А. Соболевскій любилъ вспоминать, какъ любила она Рожалина). Въ Москвѣ же сдружился онъ съ С. П. Шевыревымъ. Оба они поѣхали въ чужіе края учителями, одинъ при князѣ А. Н. Волконскомъ, другой при дѣтяхъ извѣстнаго генерала Паисія Сергѣевича Кайсарова въ Дрезденѣ. Позднѣе онъ слушалъ лекціи въ Мюнхенѣ, а затѣмъ переселился въ Римъ, въ домъ княгини Зинаиды Александровны Волконской, которая, по кончинѣ его, посвятила ему одинъ изъ памятныхъ камней на своей извѣстной Римской дачѣ. Нижеслѣдующія письма (полученныя нами отъ Бориса Степановича Шевырева) даютъ понять, что̀ за человѣкъ былъ Рожалинъ. П. Б.

Карльсбадъ, 19 Іюня (1829).

Милый Шевыревъ, много я изъѣздилъ мѣстъ съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобой разстались, былъ въ Прагѣ, пировалъ съ Славянами на праздникѣ Св. Непомука, патрона Богеміи, видѣлъ много веселья, и было бы что разсказать тебѣ, но голова право занята не тѣмъ, спѣшу говорить о дѣлѣ. Дѣло это тебѣ ужъ извѣстно. Мы пробудемъ здѣсь четыре недѣли, потомъ еще мѣсяцъ въ Дрезденѣ, а тамъ-тамъ неизвѣстность и отчаяніе. Кайсаровой до смерти хочется къ мужу, и она уже расположила всѣ свои дѣла сообразно съ этимъ намѣреніемъ. Ки-

рѣевъ *) поѣдетъ съ нею въ Россію: мать не захочетъ оставить его сиротою; да признаюсь, я бы и самъ не желалъ имѣть этого мальчика на своей отвѣтственности. Наташа Кайсарова оставляется на рукахъ у доктора Каруса, мнѣ же придется выбрать одну изъ двухъ крайностей: или ѣхать въ Москву, или жить въ Дрезденѣ для Наташи, жить *самому по себѣ*, за тысячу рублей въ годъ. Но Богъ знаетъ, дадутъ ли и столько. Во всякомъ случаѣ одно стоитъ другого. Существовать въ Дрезденѣ тысячью рублями весьма мудрено; роль Латинскаго учителя, который остается въ чужихъ краяхъ для дѣвочки, смѣшна. И что жъ я выиграю? Одну зиму, а тамъ опять ѣхать за Кайсаровыми туда же, т. е. въ Россію. Вотъ ужасъ! Теперь у меня одна цѣль послѣдняя—усовершенствоваться по части исторіи и древней литературы и быть въ этомъ дѣлѣ сколько можно полезнѣе. Надѣюсь, что это достаточно наполнитъ всю мою жизнь. Но я вѣдь только что началъ, а чего стóитъ одно начало? Тутъ нужны и способы, какихъ не найду въ Россіи, и покой, котораго еще меньше найду тамъ. Все это говорю тебѣ для того, чтобы ты еще разъ хорошенько обо мнѣ подумалъ и подумалъ о томъ, сколько теперь отъ тебя зависитъ. Ты видишь, время терять некогда. Говори съ княгиней скорѣе, откровеннѣе, безъ обиняковъ, и проси убѣдительно. Она такъ деликатна, что, можетъ быть, приметъ слова твои за простые намеки: увѣрь ее, что я не ищу выгодъ, не думаю о деньгахъ и даже не хочу ихъ. Пусть только позволитъ жить въ своемъ домѣ, и за это благодѣяніе, *великое благодѣяніе*, я принимаю на себя всѣ должности, какія ей угодно будетъ возложить на меня, и останусь признательнымъ на всю жизнь. *Всѣ должности*, говорю, *безъ исключенія*. Смотри, не измѣни, говори опредѣлительнѣе. Я конечно не нуженъ ей, и она откажетъ, если пойметъ слова твои не такъ какъ мнѣ хочется. Проси, чтобъ она позволила мнѣ жить съ тобою. Сообщи скорѣй ея рѣшительное *да* или *нѣтъ*. Покуда это письмо дойдетъ къ тебѣ, протечетъ, быть можетъ, половина времени, которое тебѣ остается жить здѣсь, твой отвѣтъ будетъ идти также долго, а тамъ мнѣ нужно еще распорядиться своими дѣлами. Во всякомъ случаѣ здѣсь поспѣшность не мѣшаетъ. Спѣши же, мой милый. Я даю тебѣ порученіе весьма непріятное, но думаю, что не нужно извиняться. Чтò дѣлать? Всѣ друзья мои хлопотали за меня по очереди, теперь пришла твоя пора. Тяжело обременять людей собой, но дружба крѣпится одолженіемъ и благодарностью, и я не потерялъ надежды когда-нибудь заплатить вамъ

---

*) Позднѣе супругъ знаменитой красавицы Александры Васильевны, человѣкъ отлично образованный и оставившій по себѣ добрую память. П. Б.

за все ваше доброе не простымъ безплоднымъ участіемъ, но дѣломъ. Вы еще не совсѣмъ знаете вашего Рожалина.

Не забудь написать, лучше ли княгинѣ и каковы всѣ вы? Во все это время я почти не былъ на мѣстѣ, и потому не могъ купить нотъ для княгини; но скоро ворочусь въ Дрезденъ, и тогда все выполню. До сихъ поръ на почтѣ не было писемъ ни къ кому изъ васъ. Поклонись отъ меня князю и Владиміру *) и разцѣлуй ихъ. Да что Соболевскій? Какъ онъ поживаетъ? Поздоровайся съ нимъ безъ меня. Онъ писалъ ко мнѣ одинъ разъ изъ Флоренціи; но его письмо застало меня жестоко больнымъ: это было въ концѣ Марта, а покуда я поправлялся, прошло недѣли три, а меня тамъ замучили письма изъ Россіи и отвѣты въ Россію, которыхъ несбывшуюся цѣль ты знаешь. Онъ не долженъ сердиться на мое молчаніе. Я очень, очень люблю его, и дѣйствительно немногіе знаютъ цѣну этому пузу; но кто умѣлъ его понять, тотъ любитъ его. Онъ манилъ меня во Флоренцію росписью винъ, стихами съ новою рифмою и говорилъ мнѣ:

Въ вечерній часъ, вдоль брега тихой Арно
Пошли бы мы съ прекрасными попарно.

Скажи ему, что коли онъ ходитъ съ прекрасными попарно, то я ему не пара; что я здѣсь совсѣмъ вылеченъ отъ всякаго волокитства и что мой теперешній предметъ есть Facciolati Lexicon totius latinitatis

Дрезденъ, 19 Августа (1829).

Милый Шевыревъ, ты вѣрно думаешь, что я уже въ дорогѣ, и ждешь меня каждый день; увы, я все еще въ Дрезденѣ. Два письма твои застали меня въ Карлсбадѣ за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ оттуда, въ то самое время, какъ я былъ въ досадной нерѣшимости на свой счетъ и какъ они были мнѣ особенно нужны. Какая княгиня добрая! Не смѣю ее благодарить письменно, и покуда не могу лично, поручаю тебѣ, моему безцѣнному адвокату, увѣрить ее, что я очень живо чувствую ея одолженіе и буду вѣчно за него благодаренъ. Ея позволеніе выводило меня изъ большихъ хлопотъ. Увѣренность, что могу летѣть къ вамъ немедленно, дала мнѣ твердость говорить рѣшительно съ Кайсаровой. Что жъ ты думаешь? Дѣло кончено? Дилижансъ нанятъ? Нѣтъ, опять жестокая остановка. Выслушавъ меня, Кайсарова просила

*) Т. е. молодому князю Волконскому и пріемышу его матери Владиміру Дмитріевичу Павѐ (Pavé по-французски мостовая; говорили, что онъ найденъ княгинею въ Лондонѣ на мостовой). Это былъ человѣкъ отличныхъ нравственныхъ достоинствъ. П. Б.

comme une grâce de ma part, остаться въ Дрезденѣ на зиму для ея дочери. На такую просьбу кто имѣетъ право отказывать? *Je vous demande cela comme une grâce*, были ея собственныя слова, которыя сообщаю тебѣ на ухо. Я просилъ только подождать моего отвѣта до половины Сентября, ибо хочу знать, чтò ты на это скажешь и чтò подумаетъ княгиня. Но я почти увѣренъ, что она не назоветъ этого измѣной. Я не могу быть ей очень нуженъ: въ Италіи учители дешевы, можно найти хорошихъ, лучше меня, и ты же у нея. Вотъ почему я бы совсѣмъ не прочь отъ дома Гагариныхъ*), если я имъ точно могу быть полезенъ, и если мои теперешнія затѣи не удадутся. Съ моей стороны нѣтъ затрудненій: обыкновенныя удобства и три тысячи—вотъ всѣ мои условія. Хотѣлось бы знать, чего хотятъ Гагарины. Развѣдай и сообщи мнѣ, т. е. ежели это возможно, не имѣя отъ меня никакого положительно обѣщанія. Я не хочу ихъ останавливать: пусть ищутъ человѣка; но, быть можетъ, не найдутъ къ Апрѣлю, а тогда Кайсарова ужъ воротится, и если воротится съ тѣмъ, чтобы везти дочь въ Россію, то я свободенъ. Теперь же не пустое ребяческое непостоянство заставляетъ меня какъ будто отказываться отъ того, о чемъ я самъ просилъ и чего желалъ больше всего другого. А затѣи, о которыхъ я говорю, вотъ какія. Я, разумѣется, сказалъ Кайсаровымъ, что, оставаясь у нихъ на зиму, теряю нѣкоторыя средства, которыя мнѣ представлялись пробыть еще нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ. И Кайсаровы обѣщали стараться дать мнѣ эти средства, а именно: опредѣлить меня при посольствѣ въ Дрезденѣ на мѣсто убывшаго князя Мещерскаго. Кайсаровъ ужъ говорилъ съ Нессельродомъ и пишетъ мнѣ: дѣло о Н. М. въ ходу, имѣю надежду, что онъ будетъ опредѣленъ съ 600 р. серебромъ. Жуковскій также хлопочетъ; я жду въ Сентябрѣ Шрёдера, назначеннаго сюда министромъ на мѣсто Ханыкова, и авось дѣло сладится. По крайней мѣрѣ оно рѣшится зимой. А если бъ сладилось, то было бы хорошо. Не думай, чтобы служба меня ослѣпляла; нѣтъ! Она въ Дрезденѣ самая пустая, но потому-то мнѣ и нравится. Я бы могъ вмѣстѣ удовлетворить желаніе своихъ родныхъ и оставаться въ Германіи, сколько захочу, никого не безпокоя. Что жъ, каково здоровье княгини? Полезны ли были воды Искіо? И чтò ты дѣлаешь? Каково живется въ Италіи? Не началъ ли чего изучать? Не задумываешь ли чего новаго? Чтò твой Вильгельмъ Тель? Ахъ, Шевыревъ! Ты теперь на классической землѣ; каждый твой шагъ вводитъ тебя въ древность; ты же піита, для тебя ни одно занятіе не потеряно, а для меня какъ бы отрадно

*) У князя Григорія Ивановича (тогда посланника при папѣ) и его супруги Екатерины Петровны, ур. Соймоновой. П. Б.

было знать, что ты работаешь въ одной области со мной и что мы навсегда сосѣди!

Помнишь ли что̀ сказала княгиня, когда мы ѣхали въ Веймаръ? *) Что ей пуще всего хотѣлось бы видѣть сына профессоромъ или ученымъ. Если бъ это желаніе исполнилось, вѣрно была бы новая эпоха на Руси. Волконскій профессоръ! Я объ этомъ думалъ, и быть можетъ, тутъ много отъ тебя зависитъ. Позволь вмѣшаться въ твое дѣло и сообщить нѣсколько мыслей. Княгиня иногда отчаевается въ сынѣ, и ты иногда можешь быть недоволенъ; но сохрани тебя Богъ раздѣлять ея отчаяніе. Повѣрь мнѣ, князь сдѣлаетъ все, чего отъ него желаютъ; только возьмитесь за него нѣжно. Что онъ имѣетъ способности, это доказываютъ его успѣхи въ Русскомъ языкѣ, которыхъ я не ожидалъ, но природа не дала ему горячаго характера, и онъ никогда не будетъ имѣть пылкой стремительности; смотрите, чтобъ недовѣрчивость къ себѣ не погасила въ немъ всякую страсть. Съ нимъ надо много снисхожденія, а подъ снисхожденіемъ я разумѣю вотъ что. Не терзайте его въ *разныя стороны*, позвольте его силамъ ограничиться сначала въ одномъ уголкѣ, и когда онъ овладѣетъ *имъ*, тогда, будьте увѣрены, пойдетъ дальше самъ собою и зайдетъ, быть можетъ, туда, гдѣ никто не ожидалъ его видѣть. Начнёте тотчасъ такъ называемымъ универсальнымъ образованіемъ, захотите дать ему общія понятія обо всѣхъ наукахъ: разумѣется, у него закружится голова, особенно если станете требовать, чтобы онъ все видѣлъ, все понялъ. Каждая наука такъ обширна, страшна, имѣетъ столько тонкостей; каждый человѣкъ, котораго онъ видитъ въ вашемъ обществѣ, превосходитъ его знаніями; передъ всякимъ онъ долженъ смиряться; тутъ и геній опуститъ крылья, это лучшій способъ привести молодого человѣка въ отчаяніе. Съ нимъ нужна *другая* метода. Предположите, *напримѣръ*, что онъ сталъ бы заниматься *преимущественно* Римскою древностью, что вы только въ этой области стали бы пріучать его къ возможной точности, а прочее стали бы передавать ему слегка. Онъ скоро бы обогатилъ свою голову фактами, изострилъ бы свой умъ сужденіями не отвлеченными, но опредѣленными, вещественными, а потому доступными, сродными молодому человѣку, и нѣтъ сомнѣнія скоро встрѣтитъ людей, которые въ этой части знаютъ меньше его. Тутъ бы въ первый разъ воскресла въ немъ довѣрчивость къ себѣ и бодрость идти дальше. Первые успѣхи, когда ихъ почувствовалъ, имѣ-

*) Когда единственный сынъ княгини Зинаиды, князь Александръ Никитичъ Волконскій (1811—1878) былъ еще ребенкомъ, она поручала аббату Николю составить записку о воспитаніи его. (См. о немъ статью В. В. Ильина въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878, III, 251). П. Б

ютъ магическую силу надъ самыми флегматическими характерами. Стоило бы ему въ счастливый часъ оглянуться на себя, прочесть хорошее общее обозрѣніе, онъ бы тотчасъ увидѣлъ, чего ему недостаетъ; увидѣлъ-бы *на пр.*, что нельзя совершенно знать Римскія древности, не зная Римской исторіи, а Римской исторіи безъ всеобщей; общая исторія завлекла бы его во всѣ науки. Такимъ образомъ онъ пошелъ бы мало-по-малу, но вѣрно, самъ собой, безъ всякихъ побужденій и увѣщаній. Твое дѣло и дѣло учителей было бы только облегчать ему дорогу. Эта метода имѣетъ, мнѣ кажется, ту выгоду, что можетъ сдѣлать человѣка по крайней мѣрѣ совершеннымъ знатокомъ *одной* части, слѣдств. полезнымъ человѣкомъ; универсальная же метода или отвратитъ молодого человѣка отъ наукъ или сдѣлаетъ его только тѣмъ, что̀ называютъ bon parleur. Вѣрно княгиня не этого хочетъ отъ своего сына.

Теперь другой вопросъ. Какую жъ науку выбрать, чтобъ ограничить ею князя? Ограничить не значитъ *бросить* все прочее. Напротивъ того, Русскимъ языкомъ напр. его должно занимать какъ можно больше: пусть онъ будетъ для него средствомъ давать себѣ отчетъ во всемъ; пусть князь нашу словесность сдѣлаетъ себѣ какъ-бы домомъ и привыкаетъ сносить туда всѣ пріобрѣтаемыя сокровища. А какихъ сокровищъ искать въ Италіи, ты вѣрно уже догадался. Неокружены ли вы памятниками, древностями и искусствами? Не въ той ли вы землѣ теперь живете, гдѣ археологія въ обширномъ смыслѣ recht zu Hause *), гдѣ въ этой части безпрестанно дѣлаются и могутъ дѣлаться новыя открытія, и гдѣ она, думаю, составляетъ главный предметъ разговоровъ въ образованномъ мужскомъ обществѣ? И самый домъ княгини не наполненъ ли воздухомъ художествъ и древностей? Мнѣ кажется, легко бы было завлечь князя въ эту сторону: сколько я могъ замѣтить, онъ уже имѣетъ къ ней склонность и, шутя, зашелъ бы въ ней далеко. Сколько жъ онъ имѣетъ и способовъ къ этому! Имѣетъ важнѣйшій—состояніе, безъ котораго тутъ и предпринимать почти нечего. Эта же часть у насъ во младенчествѣ: успѣвши въ ней, князь могъ бы пріобрѣсти громкое имя, и если бы наши грёзы исполнились и онъ сдѣлался бы профессоромъ или ученымъ, то онъ бы сдѣлалъ двойную эпоху на Руси. Археологія наука фактическая, слѣд. занимательная и не страшная: за одно съ княгиней, окружили бы вы князя атмосферой древности, сосредоточили бы въ этомъ кругу его самолюбіе, заставили бы участвовать его въ открытіяхъ, разысканіяхъ, разговорахъ по этой части, и дѣло было бы сдѣлано. Чтожъ тутъ труднаго? По-латински князь уже знаетъ порядочно

*) По истинѣ дома.

и будетъ много читать на этомъ языкѣ. Греческаго (который необходимъ для Археологіи) онъ не любитъ, потому что слишкомъ труденъ. Но всѣ эти трудности исчезнутъ съ привычкою: не давай ему только забывать извѣстнаго, читай съ нимъ все легкое, Ксенофонта, Геродота, Павзанія, Гомера; изъ трудныхъ писателей заставляй его только переводить цитаты, когда гдѣ ихъ встрѣтите. Слѣд. по моему мнѣнію, онъ имѣетъ довольно средствъ, чтобы начать заниматься древностью, а умножаться эти средства будутъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Дѣйствительныя трудности могутъ встрѣтиться только тогда, когда онъ замѣтитъ, что вы его снаряжаете въ археологи. Но развѣ нельзя этого избѣжать? Напр. ежели бы ты, сообразивъ, что это можетъ быть полезно и для тебя и для Россіи, сталъ раздѣлять занятія князя по этой части, то тебѣ бы пришлось начать съ того же, съ чего и ему: вы бы трудились или, лучше сказать, играли вмѣстѣ, и такимъ образомъ въ тѣ часы, когда ты былъ его товарищемъ, ты былъ бы ему полезнѣе, нежели въ часы настоящихъ уроковъ. Ты пишешь, что у васъ не почему учиться, т. е. что нѣтъ общихъ руководствъ. Этой бѣдѣ пособить можно. На дняхъ обѣщались мнѣ доставить случай переслать, что̀ захочу въ Римъ: вмѣстѣ съ нотами для княгини я пришлю тебѣ нѣсколько дѣльныхъ книгъ, только съ условіемъ прочесть ихъ всѣ съ терпѣніемъ студента. Надѣюсь, что ты примешь ихъ отъ меня, какъ знакъ дружбы. Но ты скажешь, что вѣдь и археологія обширна, и спросишь, съ чего же начать? Только не съ общаго, а то съ чего хотите; выбирай наудачу, но выбравъ, держись крѣпко за одно и не сворачивай далеко ни вправо, ни влѣво. Вы теперь въ Римѣ, для чего бы не прочесть вамъ, какъ будто отъ нечего дѣлать Nordini Roma antica de Antonio Nibby 1820? Le Mura di Roma disignata de Sir Villiam Tell, illustrata de Nibby, 1820, и прочія подобныя книги, которыя въ Римѣ достать вѣрно очень легко? Въ числѣ обѣщанныхъ мной книгъ будетъ и Крейцера очень полная литература Римскихъ древностей, и весьма важное разысканіе Отфрида Миллера объ Этрурцахъ, которое я почти вызубрилъ отъ начала до конца. Если ты прочтешь его хорошенько, то я увѣренъ, что она затащитъ тебя въ Этрурію.

Хотѣлъ я тебѣ сказать нѣсколько мыслей, а написалъ длинную и запутанную диссертацію. Ты простишь мнѣ это маранье; если въ немъ хоть что-нибудь есть дѣльнаго, то оно сказано кстати, ибо вы теперь съ княземъ начинаете, и надобно съ самаго начала опредѣлить свою методу. Если же все вздоръ, то ты посмѣешься, и между тѣмъ увидишь, что я точно думалъ дѣйствовать съ тобою за одно для князя. Отвѣчай мнѣ поскорѣй и скажи, какъ обо всемъ думаешь. Давай постоянно

сообщать другъ другу свои мысли: авось что-нибудь изъ этого выйдетъ. По крайней мѣрѣ, это насъ сблизитъ въ этой отдаленности.

Теперь хотѣлось бы писать еще, и все о томъ же предметѣ, но и некуда, и я усталъ до смерти. И такъ до другого раза. Ежели бы ты нашелъ что-нибудь основательное въ моемъ письмѣ и сообщилъ бы это княгинѣ отъ себя и своими словами, болѣе складными и связными, то мнѣ хотѣлось бы знать, что̀ она на это скажетъ. Покуда прощай, обними князя и Владимира.

Съ Мицкевичемъ я видѣлся нѣсколько дней въ Карлсбадѣ: онъ тамъ остался недѣли на четыре пить воды, но теперь вѣроятно выѣхалъ, ибо тамъ ждутъ великаго князя Константина. Мицкевичъ ѣдетъ къ вамъ, но не рѣшился въ выборѣ дороги, черезъ Веймаръ ли, чтобы видѣть Гёте, или черезъ Минхенъ? Я жду каждый день Петра Васильевича *); боюсь только, что онъ не найдетъ меня. Я живу въ деревнѣ, довольно далеко отъ города, и это мнѣ ужасно во всемъ мѣшаетъ, хотя природа кругомъ меня и прекрасная. Не получалъ ли ты какихъ-нибудь важныхъ извѣстій съ Руси? Что̀ дѣлаетъ Соболевскій? Какъ бы мнѣ хотѣлось его увидѣть! Не забудь поклониться ему дружески отъ меня, когда будешь писать. Прощай, мой другъ, обнимаю тебя. Вѣчно твой Рожалинъ.

Дрезденъ, 12 Октября (1829).

Милый Шевыревъ, сколько *мѣсяцевъ* я дожидаюсь твоего отвѣта; писалъ къ тебѣ въ Августѣ, а теперь ужъ половина Октября. Не знаю, что̀ заключить изъ твоего молчанія, и это меня тревожитъ. Отъ Соболевскаго недавно я получилъ письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что ты мое письмо получилъ и ему показывалъ, что вы съ нимъ обо мнѣ толковали, ничего не рѣшили, и каждый остался при своемъ мнѣніи. Онъ не совѣтуетъ мнѣ бросать дѣло касательно помѣщенія моего на службу, доказываетъ все очень подробно и оканчиваетъ вотъ какъ: «Теперь прочти письмо Шевырева и выбирай любое». Гдѣ жъ это письмо? Стало быть, оно было отправлено вмѣстѣ съ письмомъ Соболевскаго и пропало. Если такъ, то вѣроятно отъ того, что это письмо было, такъ какъ и всѣ прежнія, написано на клочкѣ и слѣдов. легко могло затеряться на вашей почтѣ, не весьма, я думаю исправной. Позволь попенять тебѣ *не во гнѣвъ* за эту привычку, перенятую у Погодина. Не повѣришь, какъ досадно получить *изъ Италіи отъ тебя* лоскутокъ съ четырьмя

*) Кирѣевскаго. См. его письма въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 и 1905 годовъ.

строчками. Но главное дѣло въ томъ, что я теперь нетерпѣливо жду отъ тебя отвѣта обстоятельнаго, извѣстія обо всемъ, что у васъ дѣлается, думается на счетъ вашъ и на счетъ мой. А о себѣ имѣю сказать вотъ что: Кайсарова уѣхала седьмого числа этого мѣсяца, и я, дожидавшись напрасно твоихъ совѣтовъ, далъ ей слово остаться въ Дрезденѣ эту зиму при ея дочери; теперь этого перемѣнить невозможно. И дѣлать нечего. Хотѣлъ я знать, сердится ли на меня княгиня. Не считала ли она навѣрное, что я буду у нея, слѣд. не разстроилъ ли я какъ-нибудь вашихъ дѣлъ, и ничего этого не знаю до сихъ поръ. Сдѣлай Божескую милость, напиши: тогда, сообразно съ твоими извѣстіями, мнѣ можно будетъ, если это нужно, по крайней мѣрѣ извиниться передъ княгиней на письмѣ. Подумай же хорошенько, нужно ли это, и прилична ли будетъ моя письменная благодарность княгинѣ; посовѣтуйся даже съ Соболевскимъ.

Теперь, какъ я заперъ себѣ дорогу къ вамъ, мнѣ вдвое любопытнѣе знать, что ты дѣлаешь, что видѣлъ, какъ началъ съ Волконскимъ? Мало ли о чемъ тебѣ есть писать ко мнѣ? У меня былъ П. В. Кирѣевскій, здоровый, веселый, нетерпѣливый слышать Шеллинга и его Минхенскую братію. Пріѣхалъ онъ къ концу Августа, а выѣхалъ 13 Сентября. До сихъ поръ еще не писалъ ко мнѣ, вѣроятно отъ того, что хлопочетъ съ квартирою, Университетомъ, профессорами, знакомыми и много пишетъ къ своимъ. Я многаго ожидаю отъ его твердаго, постояннаго и умѣреннаго характера, которому Минхенъ придастъ электричества. Планъ его—учиться политическимъ наукамъ, особенно Исторіи, и особенно Средней Исторіи. Смотри же: *Литература* и особенно *древняя* (Шевыревъ); древняя Исторія (Рожалинъ); средняя Исторія (Кирѣевскій); Русская Исторія (Погодинъ) и когда бъ князь Волконскій прибавилъ: *изящныя искусства и древности*! Не правда ли это было бы славно?

Не знаешь ли чего объ Авдотьѣ Петровнѣ? Она ужъ давно ко мнѣ не писала. Отъ И. В. Кирѣевскаго также ни слуху, ни духу. Но они теперь вѣрно очень безпокоятся о Петрѣ Кирѣевскомъ. Пишу несвязно и глупо отъ того, что спѣшу. На эту зиму не ожидай отъ меня писемъ умнѣе. Отвѣчаю за одно, что не будутъ коротки. Много думать надъ ними не имѣю времени. Въ Октябрѣ мы переѣхали изъ Плауена въ Дрезденъ. Я расположилъ свое время математически и очень занятъ. По утру читаю что-нибудь по-гречески; потомъ мой книгопродавецъ присылаетъ мнѣ новыя книги, которыя спѣшу пересматривать и откладываю годныя для прочтенія или для покупки. Сегодня напр. я купилъ Георгія Синкелла и оставилъ себѣ читать les Mélanges de Villemain,

гдѣ очень много любопытнаго. Особенно манятъ меня двѣ огромныя пiесы: Lascaris и Aissai historique sur l'état des Grecs depuis la conquête musulmanne. Потомъ бѣгу опять читать въ Королевской библiотекѣ; потомъ до самаго обѣда дѣлаю чтò случится; тамъ 2 часа урока Наташѣ Кайсаровой, тамъ чтенiе журналовъ, питье чаю, а остатокъ вечера до *десяти* проходитъ или за работой, или въ театрѣ, или ты вѣрно догадаешься гдѣ, но въ такомъ случаѣ мой вечеръ продолжается до 12-ти.

Кстати о театрѣ, я видѣлъ Фауста, который данъ былъ превосходно. Повѣришь ли, что онъ чудесенъ на сценѣ? Чтò есть въ немъ *трагическаго*, то производитъ эффектъ огромный; прочiя сцены улетаютъ отъ вниманiя.

Мицкевичъ долженъ быть уже у васъ; онъ, кажется, былъ въ Веймарѣ въ то самое время, какъ и тамъ давали Фауста, слѣдов. разскажетъ тебѣ подробнѣе и лучше меня объ этомъ представленiи. Обними его отъ меня какъ можно крѣпче. Обними и князя, и Владимира, и если мнѣ *не нужно* писать самому къ княгинѣ, напомни ей обо мнѣ и представь мое почтенiе. Здорова ли она? Помогли ли ей воды? Прощай, мой другъ, обнимаю тебя. Соболевскому надѣюсь писать завтра. Покуда обними и его дружески отъ меня. Рожалинъ.

Адресъ: A monsieur, monsieur de Chévireff. Monte Sorianza, № 20, Palazzo Ferucci, Rome. Italien.

22 Генваря 1830 года (Дрезденъ).

Милый мой Шевыревъ, давно я не писалъ къ тебѣ, отъ того, что хворалъ и занятъ былъ нѣкоторыми дѣлами, не совсѣмъ прiятными. Въ такихъ случаяхъ я не долженъ писать писемъ, хочу сдѣлать себѣ это закономъ. Между тѣмъ я никуда почти не выходилъ, мало читалъ газетъ, мало получалъ писемъ, и потому сообщить тебѣ было вовсе нечего. Да и теперь новостей немного. Итакъ пожалуйста не сердись за мое молчанiе. Важнѣйшая новость та, что Иванъ Васильевичъ долженъ скоро быть сюда. Сейчасъ получилъ я письмо отъ брата, который пишетъ, что онъ уже выѣхалъ, но не сказываетъ, когда. Жду его съ нетерпѣнiемъ: во-первыхъ потому, что отмѣнно хочется узнать, въ какомъ онъ теперь расположенiи ума, съ какими ѣдетъ планами; во-вторыхъ потому, что имѣю многое переговорить съ нимъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. А именно вотъ что: съ каждымъ днемъ мнѣ больше и больше хочется быть вблизи Университета, вблизи отличныхъ и многихъ профессоровъ; для этого не нахожу мѣста выгоднѣе Мюнхена.

Хотѣлось бы также хоть на годъ освободиться отъ всѣхъ должностей и отношеній и посвятить это время одному предмету. Я имѣю столько денегъ, что могъ бы прожить годъ, быть можетъ и больше въ Минхенѣ. Остается узнать одно: есть ли мнѣ вѣрное средство воротиться въ Россію, когда будетъ надобно. И объ этомъ-то надѣюсь достать вѣрныя свѣдѣнія отъ Ивана Васильевича. Ты недавно писалъ мнѣ о Муравьевыхъ, но я ни отъ кого и никакого не получалъ приглашенія, и думаю, что Соймоновъ ошибся. Да если и нѣтъ, такъ, признаюсь тебѣ, что 3 тысячи мнѣ не очень лестны. Лестно быть близко къ тебѣ; но привыкать къ новой должности, къ новымъ занятіямъ, ребятамъ и дому— это можетъ все отравить. Къ тому же надобно обязаться на нѣсколько лѣтъ. Если Муравьевы точно хотятъ зазывать меня, то я радъ, что медлятъ: ибо теперь не могъ бы отвѣчать ни да ни нѣтъ. Иванъ Васильевичъ привезетъ мнѣ рѣшимость. Ты вѣрно не осудишь моей нерѣшимости, а кромѣ ея, нѣтъ препятствій. Карѣеву присланы деньги отъ Кайсаровыхъ на уплату долговъ; они пишутъ, что имъ бы хотѣлось имѣть меня въ своемъ домѣ для своей дочери, но какъ не могутъ требовать, чтобы я на это согласился за тысячу въ годъ, то и даютъ мнѣ на выборъ: или ѣхать въ Россію съ Кирѣевымъ, или дождаться весны. Тогда пріѣдетъ Кайсаровъ на недѣлю и возьметъ меня съ собой. Я не обѣщалъ ничего, но остался на зиму, въ качествѣ человѣка свободнаго воспользоваться первымъ случаемъ ѣхать куда хочу. Правда, что Кирѣеву не достало денегъ на долги, но какъ я въ его дѣла не вхожу, то и думаю, что это не стѣсняетъ моей свободы. И ты сталъ скупъ на письма. но вѣрно по другимъ причинамъ. Думаю, что ты больше моего владѣешь собой и своимъ временемъ и, хотя безъ библіотекъ, безъ современной литературы и книгъ, работаешь и производишь. Это меня утѣшаетъ въ моемъ бездѣйствіи. Но что жъ ты именно дѣлаешь? Что̀ твой Ромулъ? Какъ бы мнѣ было любопытно узнать о немъ что-нибудь. Покуда онъ не конченъ, не хочу сказать тебѣ, что̀ я объ немъ думаю. Помни, это будетъ рѣшительный отвѣтъ и для тебя, и для меня. А если ужъ что-нибудь написано, то не можешь ли прислать мнѣ въ письмѣ хоть страничку изъ этой піесы, чтобъ я имѣлъ понятіе о томъ? Впрочемъ напередъ объявляю, что не скажу тебѣ своего мнѣнія, покуда не все кончено. А писали ли тебѣ, что Вильгельмъ-Тель былъ ужъ данъ на Петербургскомъ театрѣ и принятъ отлично хорошо. Зачѣмъ это не твой? Поторопись по крайней мѣрѣ съ Валенштейномъ. Твой переводъ отниметъ у другихъ переводчиковъ дерзость уродовать хорошее. Въ глазахъ литераторовъ твои переводы не потеряютъ ничего тѣмъ, что явятся позже, но въ глазахъ публики и книгопродавцевъ потеряютъ очень много. Ты знаешь нашихъ читателей. Коли ужъ имъ извѣстна

скука піесы, такъ больше ничего и не надо, и все кончено. Многіе ли въ состояніи судить о слогѣ и наслаждаться каждымъ стихомъ и выраженіемъ?

Я все боялся, что мои книги не дойдутъ къ тебѣ и теперь спокоенъ. Но какая это цѣна выставлена на конвертѣ? Вѣрно деньги за пересылку. Я книгопродавцу заплатилъ за все, а тебя прошу принять эти книги въ знакъ того, что я о тебѣ думаю и люблю тебя; очень будетъ досадно, если за это ты захочешь платить мнѣ деньгами. Княгинѣ я подарковъ дѣлать не смѣю, но ноты, ей присланныя, стоютъ всего 17 талеровъ: такъ стоитъ ли такую бездѣлицу, которая разстроить моихъ финансовъ не можетъ, пересылать по почтѣ или черезъ банкира? Пожалуйста, когда она вспомнитъ обо мнѣ, засвидѣтельствуй ей мое почтеніе, поклонись и князю, и Владиміру. Почти все это время сидѣлъ я дома, то и не (знаю), что̀ новаго въ литературѣ. Ты, можетъ статься, подумаешь, что я тѣмъ больше корпѣлъ надъ древними. Нѣтъ! Что̀ мѣшало, о томъ покуда ни слова; а если я дѣлалъ въ это время что путнаго, такъ учился по польски, и надо прибавить съ большимъ удовольствіемъ. Я думаю, что доброму, вѣрному мужу точно такъ же должно быть пріятно увидѣть жену-красавицу въ новомъ нарядѣ, и замѣтить еще разъ, что она точно красавица. Я нахожу, что Польскій языкъ сильнѣй нашего, нахожу впрочемъ... да правда, объ этомъ еще рано; ибо хоть я ужъ довольно свободно читаю по польски и прочелъ много, однакожъ надобно очень много, гораздо больше, чтобы произнести сужденіе о цѣломъ языкѣ. Лучше сказать тебѣ вотъ что: Польскій языкъ мнѣ будетъ очень полезенъ самъ по себѣ, и тѣмъ еще, что всѣ прочіе Славянскіе послѣ него нетрудны. Въ другой разъ скажу, почему мнѣ хотѣлось-бы и надо бы, разумѣется, со временемъ узнать всѣ эти языки; теперь прибавлю только то, что читаю Нарушевича Польскую Исторію. Мицкевича берегу для десерта и прошу за меня обнять его по крѣпче. Напиши мнѣ о немъ все, что̀ знаешь. Прощай покуда. Твой Рожалинъ.

15 Февраля 1830 (Дрезденъ).

Милый Шеверевъ, ей Богу я не виноватъ. Я отвѣчалъ тебѣ подробно на письмо, въ которомъ ты говорилъ о Муравьевыхъ, и отвѣчалъ скоро. Не понимаю, отчего жъ до сихъ поръ не дошелъ отвѣтъ мой. Еще меньше понимаю, что̀ заставляетъ тебя искать самыхъ дурныхъ причинъ моему мнимому молчанію. Почему ты не думаешь, что я боленъ, разсѣянъ, лѣнивъ? За что мнѣ на тебя сердиться? Самъ говоришь, что не знаешь. Стало-быть, я сумасшедшій! И еще грозишь

послѣднимъ словомъ въ жизни!!! Это черезчуръ строго. Я слышалъ отъ одного достовѣрнаго человѣка, что Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ человѣкъ совсѣмъ нехорошій и капризный... Я имѣю столько денегъ, чтобы прожить независимо и покойно въ Минхенѣ, гдѣ все очень дешево. Авдотьѣ Петровнѣ хотѣлось бы этого, Петру Васильевичу также; скажи самъ, безпристрастно и безъ гнѣва, не все ли должно клонить меня въ эту сторону? Я высчитаю только слѣдующія причины. Чего мнѣ хотѣлось, когда я просилъ тебя похлопотать о принятіи меня въ домъ княгини? Дружбы, снисхожденія и покоя. Тогожъ хочется и теперь. Въ Минхенѣ же я найду то, чего мнѣ до сихъ поръ недоставало: руководителей, и ученѣйшихъ въ Германіи, притомъ добрыхъ, ласковыхъ. Петръ Васильевичъ ненахвалится Шеллингомъ, Океномъ и Тиршемъ: послѣдній, теперешній ректоръ, отворилъ ему всѣ университетскія библіотеки и даже право брать книги на домъ. У каждаго изъ этихъ господъ Петръ Васильевичъ бываетъ разъ въ недѣлю и принятъ какъ нельзя дружелюбнѣе. Не завидно ли это? А въ Италіи, не говоря о другомъ, я вѣдь былъ бы оставленъ опять на самого себя; слѣдов. къ своей цѣли долженъ былъ бы идти крюкомъ. Всего вдругъ имѣть нельзя. Видѣть Италію очень полезно, но я предпочитаю стать твердою ногою въ наукѣ и критикѣ. И такъ, вѣрно съ твоего одобренія, мнѣ остается подумать объ одномъ: въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ не буду ли я обузой для Кирѣевскихъ? буду ли напр. имѣть способъ воротиться въ Россію? Знаю, что меня не бросятъ. Но какой же человѣкъ захочетъ разстраивать обстоятельства такихъ людей, каковы Кирѣевскіе и Елагины. Правда, Погодинъ зазывалъ меня въ Вѣстникъ, но вѣдь и его успѣхъ не вѣренъ. Мнѣ же и совѣстно просить съ него что нибудь. Вотъ трудности. Всѣ онѣ, надѣюсь, рѣшатся при нашемъ свиданіи съ Иваномъ Васильевичемъ, котораго жду скоро. Мнѣ пишутъ, что онъ выѣхалъ 8 Генваря. Между тѣмъ, жду и отъ тебя совѣта и мнѣнія, обдуманнаго, безгнѣвнаго, дружескаго, и сколько ты на меня сердишься, столько я бѣшусь на почту, по милости которой я этого совѣта долженъ еще дожидаться. Кстати о Погодинѣ. Онъ прислалъ мнѣ зазывное письмо въ Вѣстникъ, самое учтивое и холодное. Имѣлъ право принимать со мной эдакой тонъ. Ему конечно должно быть досадно, что въ полтора года ничего не прислалъ для его журнала и даже не писалъ къ нему. Быть можетъ, онъ думаетъ, что я въ состояніи дѣлать что-нибудь только изъ выгодъ. Вотъ поэтому-то мнѣ и не хотѣлось бы входить съ нимъ въ условія, хотя онъ и соглашается предварительно на все. Ты просишь вѣстей объ Авдотьѣ Петровнѣ. Она очень печальна; письма пишетъ прегрустныя; разлука съ двумя сыновьями ей непривычна и тягостна. Буду писать къ ней вдвое чаще: Иванъ Василье-

вичъ уже въ Петербургѣ, живетъ покуда у Жуковскаго, а вѣроятно ужъ давно оттуда выѣхалъ. Онъ долженъ пробыть мѣсяцъ въ Берлинѣ. Потомъ проѣдетъ въ Дрезденъ, увидиться со мною, отсюда въ Минхенъ къ брату, а оттуда поскачетъ въ Парижъ. Быть можетъ, мы въ Минхенѣ поѣдемъ вмѣстѣ. Обо всемъ повѣщу тебя въ первый же день нашего свиданія съ Кирѣевскимъ.

За Ингирàми я тебѣ очень благодаренъ; но покуда держи его у себя. Пересылка стоитъ дорого, да и Богъ знаетъ, застанетъ ли онъ меня въ Дрезденѣ.

Прощай, мой милый Шевыревъ. Крѣпко обнимаю тебя и прошу вѣрить, что люблю тебя искренно, не имѣю и не предвижу причинъ, которыя могли бы разстроить нашу связь, нашу дружбу, основанную не на личныхъ выгодахъ и не на самолюбіи. Жду отъ тебя отвѣта. Твой Рожалинъ.

Минхенъ, 1 Ноября (1830).

Лучше бъ я ни слова не писалъ тебѣ о Кирѣевскихъ, милый мой Шевыревъ, и лучше бъ ты не радовался! Ихъ ужъ нѣтъ въ Минхенѣ, они поѣхали въ Россію! Вотъ какъ это сдѣлалось. Написавши къ тебѣ прошлое письмо, я черезъ нѣсколько дней отправился съ Петромъ Васильевичемъ въ Вѣну, гдѣ мы и пробыли цѣлый мѣсяцъ. Иванъ Кирѣевскій полѣнился собираться въ дорогу и остался въ Минхенѣ. Между тѣмъ пришли извѣстія о моровой язвѣ въ Россіи, черезъ газеты и письма, одно страшнѣе другого, и напугали его тѣмъ больше, что онъ былъ совершенно одинъ. Не дождавшись насъ, онъ поскакалъ прямо въ Москву. Мы бы и не простились, если бъ какая-то судьба не свела насъ въ Пассавѣ. Тамъ мы встрѣтились по самой странной случайности. Пробыли вмѣстѣ всего четверть часа, едва успѣли сказать другъ другу важнѣйшее, и разъѣхались, каждый своей дорогой. Это было 25. Въ слѣдующіе два дни Петръ Васильевичъ колебался, ѣхать ли вслѣдъ за братомъ или оставаться, рѣшился было наконецъ на послѣднее, нанялъ квартиру, какъ вдругъ мы прочли въ газетахъ, что холера морбусъ уже въ Москвѣ, и что Государь пріѣхалъ туда. Тутъ мы опять встрепенулись. Тотчасъ хотѣли ѣхать оба, но сосчитавши деньги, увидѣли, что это невозможно. У насъ оставалось всего 600 гульденовъ съ небольшимъ. Такимъ образомъ я сѣлъ здѣсь. Петръ Васильевичъ отправился 28 Октября. Пишу тебѣ все это наскоро для извѣстія. Вѣрно все покажется тебѣ очень странно, страшно, горестно. Я и самъ еще не совсѣмъ опомнился. Такъ то судьба шутитъ надъ нами! Нечего сказать

не очень насъ жалуетъ. Между тѣмъ я долженъ тебѣ сказать вотъ что. Если будешь писать въ Росію къ своимъ, или къ Авдотьѣ Петровнѣ, или къ людямъ знакомымъ съ ней или съ ея знакомыми, то не упоминай объ отъѣздѣ Кирѣевскихъ: она должна узнать о немъ не прежде какъ дня за два или за три до ихъ прiѣзда. Мы сообразно съ этой цѣлью все разочли и устроили, а съ тобой изъ-за этого разстоянья намъ мудрено было бы расчесть въ точности всѣ дни, которыя будетъ пробѣгать каждое письмо. Богъ знаетъ, и намъ удастся ли штука. Твои родные въ Саратовѣ; не правда ли? Смотри, не встревожься и ты: тамъ холера совсѣмъ утихла, такъ же какъ и въ Симбирскѣ. Знаю это не только по газетамъ, но и по сказкамъ Языкова, у котораго у самого тамъ родные. За то она идетъ очень быстро на Западъ и на Сѣверъ: сегодня я прочелъ въ газетахъ, что въ 10 верстахъ отъ Петербурга протянутъ кордонъ. Но авось и тутъ скоро пройдетъ. Ахъ, зачѣмъ мы теперь не вмѣстѣ? Буду сообщать тебѣ немедленно всѣ извѣстiя, какiя самъ получу.

Да вотъ еще что. Кирѣевскiе принуждены были забрать съ собою всѣ почти деньги, какiя мы съ собой имѣли. Они поручили мнѣ просить Соболевскаго выслать немедленно свой долгъ имъ въ Минхенъ на мое имя. Самъ я не могу писать къ нему, потому что они забыли оставить мнѣ его адресъ. Такъ пожалуйста напиши ты, какъ скоро получишь мое письмо. Да прибавь, что я буду въ *большомъ* затрудненiи, если онъ немедленно не вышлетъ этихъ, не знаю 400 или 300 франковъ. У меня съ малостью 100 гульденовъ, и ими я не продержусь больше мѣсяца, потому что теперь долженъ заплатить профессорамъ за будущiе курсы и пр. Извини пожалуйста еще разъ, что больше ничего писать не стану теперь: надѣюсь больше написать въ слѣдующiй. Прости, моя душа, крѣпко обнимаю тебя и благодарю за твое послѣднее, милое письмо которое я получилъ за день до выѣзда изъ Вѣны. Отвѣчать буду скоро. Между тѣмъ пиши ко мнѣ. Да напоминай обо мнѣ княгинѣ и князю Алексадру. Твой Рожалинъ.

10 Ноября (1830. Мюнхенъ).

Съ нетерпѣнiемъ жду появленiя въ свѣтъ пятаго тома Нѣмецкой исторiи Людена: изъ четырехъ вышедшихъ одинъ лучше другого. Вышло еще двѣ части переписки Шиллера съ Гёте, весьма любопытныя; всѣхъ теперь пять; будетъ еще три или четыре, какъ сказываютъ. Въ изящной Нѣмецкой литературѣ нѣтъ ровно ничего, даже посредственнаго. Теперь приступаютъ въ Лейпцигѣ къ изданiю славнаго лексикона Стефана: Thesaurus linguae Graecae. Мнѣ прислали пробный листъ: изданiе

прекрасное! До сихъ поръ этотъ лексиконъ стоитъ больше 50 гиней; теперь будетъ стоить талеровъ 100, и притомъ дополненъ примѣчаніями Диндорфа, славнаго Лейпцигскаго филолога. Но отпечатается онъ не скорѣе какъ лѣтъ въ семь: открыта подписка, и каждая livraison стоитъ подписчикамъ 2 тал. 16 грошей. Всѣхъ livraisons будетъ сорокъ. Вотъ интересная новость. Данковскій, извѣстный профессоръ Греческаго языка въ Пресбургѣ, выдалъ книгу: Homerus slavicis dialectis cognata lingua scripsit. Fol. 1. liados lib. 1. 1—150. slavice et graece idem sonans et significans, adjecta nova versione latina et commentario graeco-slairco. Vindobonae et Posonii. 1829. Можешь представить себѣ, что я вспрыгнулъ чуть не до потолка, прочитавъ на дняхъ объявленіе объ этой книгѣ. И тотчасъ послалъ за ней. Что-то будетъ! Читалъ ли ты l'historie des Gaulois, par Aug Thierry? Здѣсь очень ее хвалятъ: она вышла въ концѣ прошлаго года, и я хочу ее выписать. Тьери и Деппинга намъ надо непремѣнно имѣть въ своихъ библіотекахъ. Вышли еще: Geschichte der Troubadours; Alcuin's Leben; Geschichte des Angelsächsischen Rechts. Журналы отзываются о нихъ очень хорошо, но эти журналы я читалъ только вчера, не записалъ имени авторовъ и теперь не помню. Если тебѣ нужно которое-нибудь изъ этихъ сочиненій, то напиши: сообщу тебѣ полныя заглавія. Такой списокъ будешь получать отъ меня въ каждомъ письмѣ. Покуда продолжать некогда. Поклонись князю и Владиміру. Тебя крѣпко обнимаю. Твой Рожалинъ. Ты спрашиваешь, какія были игры у Римлянъ. Описывать долго. Прочти Светонія, который часто говоритъ о нихъ, а покуда вотъ тебѣ реэстръ ихъ, сколько я ихъ знаю. Эти игры, какъ тебѣ самому извѣстно, были 3 классовъ: ludi scenici, gladiatorii, circenses. Каждый имѣлъ свои подраздѣленія. Вотъ какія принадлежали къ circenses. 1) Ристаніе на колесницахъ; 2) гимнастическія, т. е. бѣганье, скаканье, кулачный бой, борьба и jactus disci. 3) Ludus Troyae, прекрасно описанный Виргиліемъ. Aen. V, 553, Светоній также часто ихъ описываетъ, 4) Venatio; 5) примѣрныя сраженія конныхъ и пѣшихъ; 6) Примѣрныя морскія сраженія (Naumachia). См. Tacit. Ann. XII, 56.

17 Ноября (1830, Мюнхенъ).

...Ты все сердишься. Какой странный! Не самъ ли ты выронилъ золотое слово: все пойдетъ хорошо, сдѣлаемъ много, *только не ссориться*! Беру себѣ это за правило, и ни теперь, ни впередъ отбраниваться не стану. Слишкомъ хорошо знаю тебя, и то, сколько люблю тебя.

Отъ нашихъ Кирѣевскихъ я получилъ извѣстіе только изъ Вѣны. Тогда они были здоровы; что̀ съ ними теперь, и гдѣ они, не знаю. Думаю, что не скоро съѣдутся, а крайне бы желалъ этого. На-

гнать брата было одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ Петра Кирѣевскаго немедленно ѣхать. Вдвоемъ они были бы спокойнѣе и потому благоразумнѣе, безопаснѣе. Сначала я сожалѣлъ, что нельзя мнѣ было ѣхать вмѣстѣ съ ними и теперь жалѣю, но единственно потому, что очень боюсь за Кирѣевскихъ. Впрочемъ, обдумавшись, я увидѣлъ, что сдѣлалъ бы глупость. Въ Москвѣ опасность [1]) прошла. Кирѣевскій прокатилъ это ужасное разстояніе совершенно попусту, и я, пріѣхавши, сталъ бы навѣрное проклинать неблагоразумную тревогу, которая, быть можетъ, навсегда отняла бы меня отъ здѣшнихъ средствъ. Кирѣевскіе сдѣлаютъ семейству огорченіе своимъ пріѣздомъ. Я отъ Авдотьи Петровны, въ ихъ уже отсутствіе, получилъ два длинныя письма самаго успокоительнаго содержанія, и притомъ согласнаго съ извѣстіями здѣшнихъ газетъ. Въ Москвѣ опять всѣ домы отворены, кареты стучатъ по прежнему, все оживилось, и зараза прошла во всѣхъ мѣстахъ Россіи, которыя до сихъ поръ посѣщала. Еще не брошены однакожъ предосторожности, потому что она пошла дальше на Сѣверъ. Говорятъ, будто открылась въ Петербургѣ, и Царь поспѣшно укатилъ туда. Боятся ея возвращенія. Авось за то выгонимъ ее совсѣмъ изъ Россіи. Вѣроятнѣе, что она пожалуетъ къ намъ. Но и въ такомъ случаѣ я ни съ мѣста. Да и тебѣ совѣтую не тревожиться. Съ осторожностью бояться нечего. Къ письмамъ Авдотьи Петровны приложены и свидѣтельства Рамиха, который увѣряетъ, es sei keine Gefahr mehr vorhanden [2]). Изъ всѣхъ сотенъ его больныхъ умерло только два человѣка. Жду не дождусь дальнѣйшихъ писемъ отъ Кирѣевскихъ. Какъ получу, такъ сообщу тебѣ: ты вѣрно также будешь за нихъ безпокоиться.

Касательно слѣпковъ я получилъ отвѣтъ. Здѣсь есть одинъ художникъ, именемъ Künstler, который всю жизнь посвятилъ сниманью слѣпковъ и въ этомъ дѣлѣ, говорятъ, дошелъ донельзя. За каждую фигуру Эгинскихъ памятниковъ онъ требуетъ 150 гульденовъ (300 р.), а всѣхъ фигуръ штукъ 15. Я адресовался было къ одному молодому скульптору съ необыкновеннымъ талантомъ, лучшему изъ здѣшнихъ, Шванталеру; но онъ такъ занятъ собственной работой, что не берется; къ тому же онъ признался, что это дѣло требуетъ особеннаго навыка, и рекомендовалъ упомянутаго Кюнстлера. Но вотъ бѣда: онъ же сказалъ, что король ни подъ какимъ видомъ не позволилъ снять слѣпковъ съ Эгинскихъ памятниковъ. Министръ Шанкъ просилъ было снять копію съ одной Паллады, которая подвижная, но король и тутъ отказалъ. Ежели это

---

[1]) Холеры. П. Б.

[2]) Нѣтъ больше никакой опасности.

вамъ покажется невѣроятно, то вы теперь имѣете въ Римѣ человѣка, который это дѣло долженъ знать лучше всѣхъ, а именно великаго Корнеліуса; неужели вы съ нимъ незнакомы? Вотъ еще что. По красотѣ Эгинскіе памятники никакъ не могутъ стать на ряду съ позднѣйшими произведеніями скульптуры. Они дѣйствительно почти не что иное какъ памятники извѣстнаго стиля, господствовавшаго въ извѣстную эпоху. Пятнадцать фигуръ такого рода не слишкомъ ли будетъ несоразмѣрное число для собранія княгини *), которое все-таки никоимъ образомъ не обнимаетъ всей исторіи искусства во всѣхъ его эпохахъ и переходахъ. Не лучше ли бы княгинѣ заказать слѣпокъ съ нашего Фавна, котораго она вѣрно помнитъ: весь онъ такъ необыкновенно прекрасенъ и оригиналенъ, что его теперь ставятъ наряду съ Бельведерскимъ Аполлономъ, Лаокономъ и прочими первоклассными статуями, а иные даже предпочитаютъ. Такъ думаетъ и Шванталеръ. Эта колоссальная фигура будетъ стоить въ слѣпкѣ 300 гульденовъ, т. е. 600 р. Да неужели Корнеліусъ не такого же мнѣнія? Во всякомъ случаѣ посовѣтоваться съ нимъ не лишне. Онъ коротко знаетъ нашу глиптотеку. Фавнъ, о которомъ я говорю, и всѣ Эгинисты имъ реставрированы. Если княгиня рѣшится что-нибудь здѣсь заказать, то для этого надо непремѣнно писать самому королю, и, какъ меня увѣряли лучше отъ имени какого-нибудь публичнаго заведенія, напр., Академіи или Университета. Вотъ еще обстоятельство, которое необходимо войдетъ въ ваши расчеты. Этотъ Кюнстлеръ не берется ничего сдѣлать скоро, и ему на Фавна надо будетъ полгода, а на Эгинистовъ года два времени. Другимъ, по общему мнѣнію всѣхъ здѣсь извѣстныхъ мнѣ художниковъ, нечего и заказывать: ихъ работа не передастъ оригинала.

Теперь прежде всего надо говорить съ тобой объ одномъ важномъ дѣлѣ, касающемся до тебя. Ты вѣдь знаешь, что Мерзляковъ умеръ? А на его мѣсто просился Давыдовъ, которому на своемъ никогда не сидится. Ему отказали, между тѣмъ какъ милая Авдотья Петровна не упустила случая и хлопотала, разумѣется, за тебя. Жуковскій объявилъ, что ты *непремѣнно* получишь это мѣсто, только захоти. Все теперь зависитъ отъ тебя. Рѣшайся, какъ можно скорѣе, и пиши положительно къ Авдотьѣ Петровнѣ. Вотъ славность-то! Неужели, милый Шевыревъ, ты станешь раздумывать? Вѣдь ты въ Россіи нигдѣ не можешь такъ огромно дѣйствовать, какъ съ каѳедры. Махни-ка, грянь, обрадуй сердца, создай намъ достойныхъ словесниковъ.

---

*) Зинаиды Александровны Волконской, у которой жилъ С. П. Шевыревъ. П. Б.

Ты бы вѣдь не проѣхалъ мимо нашего Мюнхена. Ужъ съ какимъ бы я восхищеніемъ тебя обнялъ! Какъ бы значительно мы роспили бутылку Шампанскаго, съ весельемъ и горемъ. Впрочемъ столько разнородныхъ случаевъ и извѣстій такъ странно скипаются теперь вмѣстѣ, что у меня умъ заходитъ за разумъ. Не смѣю позволить себѣ ни радоваться, ни печалиться. Все нервно, страшно. — Да вотъ хоть бы въ этомъ дѣлѣ объ твоей каѳедрѣ—тысяча сомнѣній. Княгиня тебя не отпустила и не *можетъ* отпустить. И она, и мы всѣ знаемъ, и ты самъ, что ей замѣнить тебя некѣмъ. Иностранца она послѣ тебя не захочетъ, а гдѣ найти Русскаго? Жаль бросить князя Александра: того и гляди, что ты останешься. Надо переговорить это дѣло со всѣхъ сторонъ, чтобы ты скорѣе могъ рѣшиться. Потому не дожидаюсь твоего вызова. Ты, можетъ быть, оставляя княгиню, станешь разсчитывать на меня. Ахъ, Шевыревъ, ей Богу мнѣ страшнѣе на твое мѣсто къ княгинѣ, чѣмъ тебѣ на мѣсто Мерзлякова, такъ что нѣтъ и сравненія. Напередъ знай, что если тебѣ хочется на каѳедру, если княгиня въ замѣну тебѣ не найдетъ никого лучше меня (лишь бы это только было собственною ея мыслію), то ты останавливаться не долженъ. Я для тебя готовъ сдѣлать эту жертву. Но жертвой это будетъ, и большой. Знаю доброту княгини и то, что они, можетъ быть, будутъ въ Германіи, и со всѣмъ тѣмъ—поѣду скрѣпясь съ сердцемъ. Я не созданъ для ея дома, и послѣ тебя вся моя негодивость будетъ вдвое виднѣе. Это сказано безъ *всякихъ причудъ*, совершенно *искренно* и *обдумано*. Но, если я бросилъ случай жить у княгини съ тобою, для того чтобы услужить Кайсаровымъ, то само собою разумѣется, что теперь брошу все, чтобы услужить тебѣ, если только это необходимо. Подумай лучше, какъ бы миновать меня. Можетъ быть, ты хотѣлъ, чтобъ я вмѣсто всѣхъ этихъ расчетовъ сказалъ тебѣ *просто* и *прямо* свое мнѣніе, принимать тебѣ каѳедру или нѣтъ. Я тебя еще въ Москвѣ зналъ человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ предпочтительнымъ Мерзлякову и способнымъ быть полезнымъ университетской молодежи. Чтожъ теперь? Ты сталъ богаче познаніями, больше образовалъ свой талантъ и пр. Впрочемъ всякій человѣкъ судитъ по себѣ, и я въ этомъ случаѣ, вѣроятно, ошибся бы. Вотъ для чего, признаюсь, начинавши писать, было не хотѣлъ тебя ни уговаривать, ни отговаривать. Задай самъ себѣ вопросъ: доволенъ ли ты своею опытностью, своими познаніями? Если да, то не медля ни минуты, просись; если же не совсѣмъ, то не жертвуй ничѣмъ для каѳедры. Отбрось тщеславіе и получишь славу. Человѣкъ съ твоими способностями всегда найдетъ себѣ мѣсто, а я не меньше другихъ желаю тебѣ и блеска, и счастья. *Одна* причина можетъ заставить тебя поспѣшить: то, что не принадлежишь къ университету. *Послѣ*, можетъ быть, тебѣ труднѣе будетъ взять

профессорство. А быть профессоромъ ты непремѣнно когда-нибудь долженъ.

Вотъ, милый Шевыревъ, все, что я покуда могъ придумать. Разбери все хладнокровно, со всѣхъ сторонъ, поговори съ княгинею, да и рѣшайся скорѣй. Я почелъ за долгъ сказать тебѣ все, что думаю. Дѣло важное для насъ и для Россіи. Не обидься же ничѣмъ. Пуще всего не ищи за моими словами дурныхъ побужденій. Ихъ совершенное отсутствіе есть единственная вещь, которою могу гордиться. Да неужели Погодинъ ничего не писалъ тебѣ объ этомъ? Неужели онъ ничего не знаетъ? А коли писалъ, такъ ты уже вѣрно обдумалъ и рѣшился; пиши скорѣе на что.

Кстати о Погодинѣ. Вѣдь онъ ужъ не ѣдетъ сюда. Какъ жаль! Очень бы хотѣлось съ нимъ увидѣться. Я передъ нимъ много виноватъ за плошлое, и хотѣлось бы заставить его забыть все это. А какъ ему полезны были бы чужіе краи, особенно Германія. Онъ совершенно созрѣлъ для нихъ и, имѣя вѣрную цѣль въ области наукъ, не сталъ бы теряться и терять времени въ разнородныхъ покушеніяхъ, а только что пріобрѣталъ бы. Безцѣнная вещь Нѣмецкіе университеты. На что ты теперь ни рѣшишься,—побывать въ нихъ надо, а князю Александру я совѣтовалъ бы провести въ нихъ нѣсколько годиковъ. Ты пишешь: какъ трудно Русскому не сдѣлаться Нѣмцемъ, Французомъ. Нѣтъ, Русскій никогда не будетъ Нѣмцемъ, а Французомъ только пустой Русскій. Характеръ мы имѣемъ, да его не знаемъ, и слава Богу: это значитъ, что идемъ впередъ, что не упрямимся, что готовы занимать все хорошее. А занимать у Нѣмцевъ надо почти *все*, безъ страха: все само собою въ умной головѣ перельется въ Русское. Я здѣсь почти изъ каждаго класса выхожу съ множествомъ новыхъ понятій или, по крайней мѣрѣ, вопросовъ, съ удивленіемъ къ прочному зданію Нѣмецкой учености, съ досадою на себя, съ сожалѣніемъ о теперешней Россіи, съ намѣреніемъ заплатить ей за бѣдную милостыню ученія, которую она подала намъ, *дѣльными* трудами и съ твердою увѣренностью, что ей суждена самая блестящая роль во всѣхъ наукахъ,—чувство самое безпокойное, а между тѣмъ близкое къ вдохновенію. Дай Богъ намъ только твердости, великодушія, отсутствія мелкихъ расчетовъ. Вѣдь и науки, такъ же какъ царства, созидаются только героями. Шеллингъ теперь необыкновенно интересенъ. Онъ читаетъ философію миѳологіи, до сихъ поръ показалъ намъ только необходимость этихъ разысканій, отношеніе миѳологіи къ натурѣ, къ философіи, религіи, исторіи, и въ эти двѣ лекціи наговорилъ бездну поэтическаго. Жаль,

что ты не слышишь. А что обѣщаетъ? Начнетъ рѣшеньемъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ—о началѣ рода человѣческаго въ первобытномъ его состояніи.

Моего Тирша также не брани: славный такой. Онъ теперь толкуетъ намъ Пиндара, а знаешь ли? Для человѣка, коротко знакомаго съ языками (древними) онъ легче Горація. Одно въ немъ трудно: найти связь между частями. Но наши Нѣмцы нашли ее, и Тиршъ показываетъ ее превосходно. Пиндаръ полонъ намековъ и совсѣмъ не такой бурный, какъ мы его воображали: напротивъ, онъ больше эпикъ, чѣмъ лирикъ. Коли ты его читалъ, такъ скажи-ка свое мнѣніе. Спрашиваешь, не втиснулъ ли Тиршъ (Пиндара) въ кандалы метрики? Да какъ же иначе? Метрика не Нѣмецкая выдумка: она передана намъ древними. Лучшее сочиненіе объ этомъ Германа Doctrina metrica. Законы ея, кромѣ грамматикъ Mattiae, Бутмана и Тирша, прекрасно также изложены въ Греческомъ лексиконѣ Пассова.

Немудрено однакожъ что ни одно изъ этихъ сочиненій не удовлетворило тебя. Все это законы, которые надо знать наизустъ, все анализисъ, все отвлеченности, законы безъ причинъ. Причины должны быть и есть. Въ своемъ Русскомъ (теперешнемъ) ты знаешь только ударенія, а долгота слоговъ совсѣмъ особая вещь и до сихъ поръ уцѣлѣла въ нѣкоторыхъ Славянскихъ языкахъ, въ Богемскомъ. У нихъ до сихъ поръ ведется поэзія метрическая. *Наши* эксаметры конечно однообразнѣе нашихъ ямбическихъ или хореическихъ стиховъ; но не всегда жъ такъ было. Да наши пѣсни развѣ поются по удареніямъ? Вотъ въ томъ-то и штука, что древняя поэзія тѣсно связана съ музыкой, что рапсоды читали речитативомъ, а въ томъ-то и бѣда наша, что мы съ тобой не занимались музыкой. Да ужъ я когда-нибудь примусь за нее. Во мнѣ предчувствіе, что ею все объяснится. Не прежде однакожъ позволю себѣ эту шалость, какъ хорошенько научившись по гречески.

Видишь—конецъ листу. Принуждаю себя кончить, потому что времени моему конецъ. Для бесѣдъ съ тобою у меня еще много этакихъ тетрадокъ. Обнимаю тебя, прощай. Однакожъ еще слово—о твоей каѳедрѣ. Я тебѣ наговорилъ о ней кучу, а ты пожалуйста забудь *все* это и дѣйствуй по своему. Этакъ лучше. Неравно станешь послѣ раскаиваться: тогда у меня на совѣсти будетъ лежать бремя во всю жизнь и рано или поздно мои глупые совѣты, можетъ быть, разстроили бы даже нашу связь. Дѣйствуй по вдохновенію: оно къ тебѣ пристало. Обнимаю еще разъ.

*

Наконецъ я получилъ отъ тебя отвѣтъ. Спасибо, и я больше не сержусь. Но неужели княгиня сказала только, что я непостояненъ? Не твои ли, полно, эти слова, которыми ты хочешь дать знать, что она очень обидѣлась, разсердилась? Конечно, я заслужилъ это: не мучь меня двусмысліемъ; скажи просто, что она точно сердита. А между тѣмъ, какъ и ты мою мнимую измѣну приписываешь непостоянству, то я хочу оправдаться *передъ тобою*. Я, видно, по обыкновенію, глупо написалъ свое письмо, и ты не хорошо меня понялъ. Когда я говорилъ съ тобой въ Лейпцигѣ, ты знаешь, какіе были планы Кайсаровой: она осенью хотѣла ѣхать въ Россію *вмѣстѣ съ дочерью*, и слѣд. вы одни могли мнѣ дать средства остаться еще нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ. Кто зналъ тогда, что этотъ планъ перемѣнится, и что Кайсарова, оставляя дочь здѣсь, будетъ считать меня необходимымъ для нея человѣкомъ? Впрочемъ я отказывался рѣшительно, и вся вина моя состоитъ въ томъ, что я не имѣю довольно твердости и не могу долго сопротивляться просьбамъ. Разочти хорошенько всѣ обстоятельства, и ты увидишь, что такъ. Быть учителемъ латыни и Русскаго при 14-ти лѣтней дѣвочкѣ—что тутъ лестнаго. И какія же выгоды могли соблазнить меня? Денежныя? Но я не получаю ни копѣйки лишней, а быть можетъ, напротивъ, теряю кой-что въ этомъ случаѣ. Служба, которая такъ испугала тебя? Но она была дѣломъ совершенно побочнымъ: о ней говорено было послѣ всего, и я самой Кайсаровой объяснилъ, что смотрю на дипломатическое мѣсто, какъ на средство пробыть долѣе въ чужихъ краяхъ. Служба эта льстила мнѣ такъ мало, что я даже уступалъ ее Кирѣеву, которому также хотѣлось къ миссіи. Да не пугайся: ни я, ни онъ не добьемся этого мѣста; оно ужъ отдано Кочубею, сыну министра. Прибавь къ этому, что я Кайсаровыхъ любить не могу, что у меня съ ними нѣтъ ни малѣйшей симпатіи, что, оставаясь при ихъ дочери, большой и 14-лѣтней, я беру на себя страшную отвѣтственность, пропасть хлопотъ: что я долженъ возиться съ Кирѣевымъ, который день ото-дня хуже, моталъ, должалъ и вдался во всѣ крайности, что я этимъ шагомъ заперъ для себя домъ княгини и слѣд. отнялъ у себя средство жить въ чужихъ краяхъ, сколько бы мнѣ хотѣлось; что этимъ же шагомъ я показалъ себя какимъ-то вѣтренникомъ и т. д. Разочти все это, и засмѣйся, коль хочешь: но только не подозрѣвай въ пустыхъ расчетахъ, въ эгоизмѣ и т. д. А глупцомъ можешь назвать меня: я самъ часто себя такъ называю. Ты не одобряешь моего плана на счетъ князя и сообщаешь мнѣ свой. Твой очень хорошъ, таковъ, какого я ожидалъ отъ тебя; но только ужъ цѣль его совсѣмъ другая. Ты хочешь вооружить князя всѣми доспѣхами и потомъ пустить: пускай выходитъ на что хочетъ! Это умнѣе, потому что

успѣхъ почти вѣрный, и съ такимъ планомъ ты никогда не будешь имѣть досады видѣть, что трудился понапрасну. А мой планъ былъ Iезуитскій: втащить его, *непремѣнно для него самого*, въ особенную часть; сдѣлать его невольнымъ ея знатокомъ и любителемъ, и потомъ рѣшительно зажечь его самолюбіе, давши способъ удивить другихъ своими познаніями. Вотъ *тогда-то* бы надобно сказать ему: не хотите ли быть профессоромъ? И авось онъ бы отвѣчалъ: *пожалуй*. А не теперь. Я не хвалю тебя за то, что ты открылся ему на этотъ счетъ: онъ будетъ опасаться, что ты его заманиваешь, а наконецъ, быть можетъ, и смѣяться надъ твоими усиліями. Еще бы ты сказалъ ему: князь, не хотите ли быть антикваріемъ? Посмотрите на Калайдовича. Вотъ святая цѣль жизни! Ну что передъ нимъ генералы? Конечно изъ Римскихъ древностей трудно вывести математику, хотя стóитъ только прочесть страницы двѣ Витрувія, чтобы присѣсть за геометрію; но вѣдь я не говорилъ, чтобы для древностей бросить все; нѣтъ, пусть все идетъ чередомъ своимъ, а древности пусть будутъ только главнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, цѣлью всѣхъ прогулокъ и т. д. Да, впрочемъ ты правъ: это черезъ-чуръ хитро; чѣмъ проще, тѣмъ лучше.—Кстати о древностяхъ. Ты пишешь, что найдены рѣдкости въ Этруріи: не можешь ли увѣдомить, въ чемъ онѣ именно состоятъ, сколько ихъ числомъ, нѣтъ ли на этихъ вазахъ рисунковъ, чтò они изображаютъ, къ которому времени относятъ эти древности, или, по крайней мѣрѣ, нельзя ли гдѣ-нибудь объ этомъ прочесть? Не давно узналъ я также, что въ Помпеѣ найдено нѣсколько папирусовъ съ Латинскимъ переводомъ; не изданы ли рисунки съ этихъ папирусовъ? Не изданы ли переводы? Сообщи мнѣ объ этомъ, чтò узнаешь, коль тебѣ есть время. Открытіе важное.

Ты хочешь прочесть въ эту зиму древнихъ историковъ. Коли такъ, то начинай между Греческими съ труднѣйшаго: Өукидида. Въ числѣ книгъ, которыя отъ меня получишь, будетъ и превосходное изданіе Өукидида, хотя не пышное. Пожалуйста не сердись, что долго заставляю тебя ждать. Франкировать посылокъ въ Италію здѣсь не возможно, потому что онѣ идутъ черезъ Австрію: по крайней мѣрѣ, мой книгопродавецъ не берется. А не понимаю я, зачѣмъ вы адресуетесь къ Фогелю, не къ Флейшеру, первому книгопродавцу Лейпцигскому, который имѣетъ сношенія со всѣмъ свѣтомъ, печаталъ бездну на свой счетъ въ Лондонѣ и Парижѣ и въ дѣлахъ со мною всегда былъ очень честенъ, хотя я бывалъ съ нимъ неостороженъ.

Ты за мою посылку хочешь мнѣ отплатить Пигирàми: это славная вещь и рѣдкость, но зачѣмъ ты тратишь деньги? Вѣдь на эти 150 р. сколько бы ты могъ купить полезнаго для себя? Чтò я тебѣ

посылаю, то и 30 талеровъ не стоитъ; а вѣдь я получаю больше твоего. Надобно же немножко экономіи во всемъ. Были бы мои книги тебѣ на что-нибудь годны; вотъ ужъ мнѣ и отплата. И такъ, коль тебѣ самому Ингирами нуженъ, не посылай его мнѣ.

Впрочемъ я буду говорить съ другими книгопродавцами касательно постоянной къ вамъ пересылки книгъ, и лишь только узнàю что-нибудь опредѣлительное, тотчасъ напишу тебѣ. Да не велишь ли ты мнѣ сообщать тебѣ реестръ всего любопытнѣйшаго и важнѣйшаго, чтò здѣсь выходитъ? Вѣдь я читаю всѣ журналы. Какъ я радъ, что Италія, Римъ и пр. тебѣ нравятся! И могло ли быть иначе? Ахъ, если бъ зналъ, какъ глубоко я иногда вздыхаю о Помпеѣ, Неаполѣ, Ватиканѣ и Этруріи! Какъ бы мнѣ хотѣлось иногда побольше денегъ, чтобы объѣхать и хорошенько освидѣтельствовать развалины древнихъ городовъ Италіи, особенно Этруріи, все еще не совсѣмъ удовлетворительно разсмотрѣнныя! Замѣчанія твои насчетъ національности Виргилія и Рафаэля должны быть справедливы. Георгики непереводимы, говоришь ты. Скажи больше: все, чтò достойно перевода, т. е. все превосходное въ поэзіи, непереводимо. Всякій великій поэтъ націоналенъ (разсуждаемъ мы, отвлеченные Нѣмцы); перевести изъ него вѣрно можно только то, чтò онъ имѣетъ общаго съ духомъ другихъ народовъ, а національность въ немъ или искажается при переводѣ, или пропускается. Впрочемъ вѣдь тутъ ни слова о твоемъ Валленштейнѣ. Ты хочешь обработать жизнь Ромула въ видѣ драмы? Быть можетъ ты разсердишься, но я, привыкши видѣть въ ней басню, нѣкотораго рода аллегорію, совѣтовать тебѣ этого не могу. Покуда только не торопись, а прочти Beaufort-а и Нибура, и я увѣренъ, что у тебя охота отпадетъ. Предположи даже, что ты, какъ піита, имѣешь право видѣть въ Ромулѣ дѣйствительное, а не вымышленное лицо, то довольно ли подробностей нашло твое воображеніе въ исторіи Ливія и даже въ Италіи, чтобы разгадать вполнѣ странное основаніе Рима? Для этого, мнѣ кажется, недостаетъ одного: ты не былъ еще въ плѣну у Итальянскихъ бандитовъ. При томъ стихіи, изъ которыхъ составился народъ Римскій, слились всѣ не при одномъ Ромулѣ, а сливались долго, очень долго, и то, чтò піитически приписано Ромулу, вѣроятно, происходило долго, очень долго. Правда, всякій судитъ по своимъ силамъ, и вотъ почему никто не имѣетъ права совѣтовать поэтамъ; всѣхъ меньше я, иже совсѣмъ не піита.

Между тѣмъ я хочу отплатить тебѣ также секретомъ: сообщить *свой* планъ, который, быть можетъ, также пустая вспышка. Мнѣ хочется доказать, что Рюрикъ никогда не существовалъ, и это сдѣлать будетъ легче, нежели тебѣ обработать жизнь Ромула. Вообще у меня накопляются за-

мѣчанія и на Россійскую исторію, которыя покуда лежать смирнехонько, какъ простыя догадки, но будутъ важны, ежели, воротившись въ Россію, оправдаю ихъ лѣтописями. Все это тебѣ на ухо. Мнѣ стыдно говорить про свои планы. Странно! Что за противорѣчія въ моемъ характерѣ! Я школьникъ, и еще грубый невѣжда во многомъ, а планы всегда есть, и одинъ огромнѣе другого. Быть можетъ, и отъ этого я дѣлаю много глупостей. Напр., лѣтомъ, читая въ Карлсбадѣ Одиссею, я нашелъ въ Греческомъ языкѣ такія разительныя сходства съ Русскимъ, которыя еще не знаю, чѣмъ объяснить. А когда бы удалось, то покраснѣли бы Камме съ своими Vervandschaft der deutschen und griechischen Sprachen. Но штука, т. е. трудность, вотъ въ чемъ: нельзя сравнивать Греческій съ однимъ Русскимъ, а надобно со всѣми Славянскими. И такъ видишь, куда это завлечь можетъ! Попробуй выучиться Славянскимъ нарѣчіямъ: того и гляди, заѣдешь въ исторію Славянъ и т. д. и т. д. Чортъ знаетъ, что̀ за треволненіе! Смѣйся, да никому не сказывай. Покуда я стараюсь хорошенько узнать Греческій языкъ, а все прочее служитъ мнѣ игрушкою. Но покуда и кончить пора. Да вотъ еще что: Максимовичъ издаетъ альманахъ и проситъ у тебя стиховъ; пришли ему *какъ можно поскорѣе* или вели отдать нѣкоторые изъ посланныхъ уже тобою въ Россію.

12 Декабря (1830, Мюнхенъ).

Въ эти послѣдніе двѣ недѣли здѣсь овладѣла всѣми страшная нравственная горячка. И офиціальныя извѣстія, и темные слухи, издали и изблизи, словно повѣтріе, налетали на насъ одно за другимъ, и здѣсь всѣ были не свои, особенно я. Разсказывать не стану. Что̀ офиціально, то знаешь; напр. о чудесахъ Польскихъ. А слухи такъ ужасны, что покуда не подтвердились, не хочу тебя и пугать ими. И какъ нарочно, теперь-то и нѣтъ вѣстей отъ Кирѣевскихъ! Тѣмъ отраднѣе было мнѣ получить твои два письма, милый Шевыревъ, а теперь сажусь отвѣчать тебѣ, чтобы хоть нѣсколько разсѣять тотъ чадъ, которымъ мы здѣсь страдаемъ. Начну отвѣтомъ на порученія. О книгахъ я справлялся. Маммертова Географія Греціи и Италіи продаются особо: первая стоитъ 9, а вторая 8 гульденовъ, т. е. 32 р. съ небольшимъ. Шеллинговы Weltalter еще не выходили, да и Богъ знаетъ, когда выйдутъ. Кирѣевскіе нѣсколько разъ спрашивали его самого объ этомъ, но онъ очень сухо отвѣчалъ, что еще не обработалъ предисловія.

Такъ ты думаешь отказаться отъ каѳедры? Великую ты приносишь жертву, которую конечно всѣ почувствуютъ и оцѣнятъ, хоть и нельзя безъ досады подумать о Каченовскомъ-уродѣ, повторяющемъ старыя враки нѣсколькимъ сотнямъ Русской молодежи. Ты лучше насъ знаешь,

куда тебя тянетъ природа. Кто жъ станетъ съ тобой спорить, что усовершенствованіе вкуса публики посредствомъ театра не такъ важно, какъ дѣйствіе профессора съ каѳедры? Къ тому жъ такого рода рѣшительные опыты, даже и неудачные, полезнѣе всего на свѣтѣ для человѣка; что жъ, когда все ручается за успѣхъ? Какъ ты меня обрадовалъ, приславши отрывки своего перевода изъ Тасса! Я давно собирался бить челомъ твоей милости снабдить меня стишками, которыхъ отъ тебя ужъ Богъ знаетъ какъ давно не видалъ. Такъ вотъ наконецъ сбылась моя давняя надежда: явятся на Руси стихи силлабическіе! Они имѣютъ много преимуществъ передъ нашими обыкновенными: разнообразнѣе, проще, натуральнѣе. Я часто завидовалъ Полякамъ. Попробуй перевести Мицкевичевы сонеты ямбами; мнѣ кажется, будетъ или слабо или напыщенно; переведи ямбами нѣкоторыя его баллады, куда дѣнется вся ихъ грація? Такъ и съ Тассомъ и съ Кальдерономъ и съ пр. Твой опытъ прекрасенъ, особливо, если хочешь представить его какъ опытъ новаго стихосложенія, а не какъ опытъ перевода. Въ послѣднемъ случаѣ я пожелалъ бы, можетъ быть, невозможнаго: нѣсколько больше простоты; у Тасса проще. я аккуратно сличалъ. Высчитывать не буду: неравно надоѣлъ бы. Со всей твоей системой стихосложенія совершенно согласенъ: всѣ элизіи отмѣнно удачны и никакъ не оскорбятъ самаго строгаго слуха; только для собственнаго наслажденія желалъ бы слышать, какъ ты эти стихи читаешь. Да присылай пожалуйста почаще эдакихъ гостинцевъ! Какъ нестыдно, что ты напр. не попотчуешь меня ни сценкой изъ Ромула. На мою старую скрытность положиться можешь, а меня до смерти разбираетъ любопытство узнать, что́ за славная вещь твой Ромулъ. Только знаешь ли что? Мнѣ кажется, ты работаешь надъ нимъ слишкомъ учено. слишкомъ систематически, à la Schiller. Захочешь въ одну раму втѣснить все: произведешь, если цѣлое, то обозримое для одного тебя. Но вотъ ужъ я завираюсь и забылъ, что не нашему брату сухимъ людямъ проникать въ тайны поэтовъ. Однакожъ вотъ еще замѣчаніе чисто-филологическое. Зачѣмъ ты въ своемъ переводѣ изъ Тасса всетаки слишкомъ смахиваешь на чистые ямбы? Дай себѣ еще больше воли, будетъ еще лучше. Будь рѣшительнѣе, и рѣшительно откроешь новую дорогу не только нашей просодіи, но и нашей поэзіи.

Ты пишешь, что, можетъ быть, съ весною повезешь князя Александра въ Германію. Если такъ, то теперь же присади его хорошенько къ древнимъ языкамъ, потому что въ Нѣмецкихъ университетахъ все на нихъ основано, и безъ нихъ шагу ступить нельзя. Притомъ же надобно, чтобъ онъ пріѣхалъ съ истинной охотой учиться: ты не можешь вообразить, сколько ходьба на лекціи поглощаетъ времени, и какой привычки рабо-

тать эти лекціи требуютъ для того, чтобы ими хорошо воспользоваться. Тебѣ эта поѣздка будетъ очень, очень полезна. Ты перемѣнишь свое мнѣніе о Нѣмецкой учености, только поживи здѣсь подольше. Кто жъ тебѣ говорилъ объ Астахъ и Бахманахъ? Каково бы тебѣ было, если бы кто-нибудь сталъ судить о Русскихъ по Лихонину? Мнѣ кажется, Лихонинымъ дай не только ученость, но даже геній, и тотъ нагадятъ. Впрочемъ есть, есть большіе грѣхи за Нѣмцами, точно какая-то жесткость, сухость, холодная геометричность. Вотъ напр. Тиршъ помѣшался на томъ, что всякое литературное произведеніе древнихъ раздѣлено на пять актовъ!!! А пуще всего, пріѣдешь въ Германію, не сходись сейчасъ ни съ однимъ профессоромъ: здѣсь будутъ тебя мѣрить не по душѣ, а 1) по чину, 2) по деньгамъ, 3) по числу словъ, которыя знаешь наизустъ. Вотъ этотъ самый Тиршъ, котораго я такъ уважаю, есть самая тщеславная скотина на свѣтѣ, и душенка самая обыкновенная. Но Богъ съ ними!

Ты пишешь еще, что эта холера можетъ быть разстроитъ всѣ ваши планы. Чудно! Неужели, боясь холеры, княгиня поѣдетъ къ ней навстрѣчу? Да знайте еще обстоятельство: теперь нѣтъ мѣста для житья безопаснѣе Рима, во всѣхъ отношеніяхъ. Во Францію Русскихъ теперь не пустятъ, въ Германіи прежній порядокъ вещей на послѣдней ниточкѣ, а на Руси Богъ знаетъ что̀, только не холера; она миновалась. Въ случаѣ бѣды, которой теперь вездѣ дожидаться надобно, изъ Рима бѣжать можно, а изъ Германіи и Россіи некуда.

Этими днями я серьезно подумалъ о томъ, что̀ ты мнѣ сообщилъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ. А именно: какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ нашему брату скитаться по Европѣ одному нѣсколько жутко и надо подъ чье нибудь крылышко, то Гагарины были бы мнѣ очень кстати. Эти обстоятельства и вызовъ Гагариныхъ могли бы мнѣ послужить извиненіемъ передъ моими родными. Имъ безъ меня скучно: они же въ правѣ ждать отъ меня утѣшенія и именно такого, какое они оцѣнить могутъ; а мнѣ, не имѣя способовъ служить и пустившись одинъ разъ дорогою науки, не безумно ли было бы воротиться теперь? Видишь, не завидное положеніе. Пришлось лгать и вертѣться. Давай, попробуемъ Гагариныхъ, коль я еще могу имъ быть нуженъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что я бы хотѣлъ кончить въ Минхенѣ теперешній курсъ, но я ничего не могу предпринять, покуда не узнаю, что̀ сталось съ Кирѣевскими, покуда не спишусь съ Авдотьей Петровной и своими; да и непредвидѣнныя обстоятельства могутъ случиться. Короче—мнѣ бы хотѣлось знать, надобенъ ли я Гагаринымъ; а свободенъ я, кажется, не прежде Апрѣля. Если же ты всѣхъ этихъ причинъ и отлагательствъ понять не можешь, то не говори обо мнѣ ни слова.

Во всякомъ случаѣ обяжешь меня крайне, если избавишь отъ переписки съ Гагариными, на которую не достало бы ни умѣнья, ни времени. Что̀ дѣлать! Болтливое письмо не вмѣщается въ листъ. Я позабылъ отвѣчать тебѣ, вышли ли остальные части Гётевой переписки съ Шиллеромъ. Вышли всѣ шесть частей. Остальныхъ томовъ его сочиненій мы ждали къ новому году, но вѣроятно ихъ не увидимъ. Гёте сильно занемогъ, и медики выдаютъ уже отчаянные бюллетени.

Напиши мнѣ, что̀ дѣлаетъ теперь милый и бѣдный Мицкевичъ? Или лучше, что̀ съ нимъ дѣлается! Ему теперь вѣрно не до меня, а то бы я попросилъ обо мнѣ напомнить. Засвидѣтельствуй мое почтеніе княгинѣ и князю Александру и Власовой *), обними Владимира. Да скажи, гдѣ Соболевскій? Не случилось ли съ нимъ чего въ Туринѣ?

Вотъ и я съ тобой проговорилъ до полночи! Не сердись, коль надоѣлъ. Это мнѣ дѣло необходимо: вѣдь я опять въ хандрѣ. Избѣгаю всякаго общества: во-первыхъ, потому что здѣсь сумасшедшая оспа бросается на всѣхъ безъ разбору и схватила уже человѣкъ 30 студентовъ; во-вторыхъ, потому что всѣ, не выключая профессоровъ, стали бы приставать за новостями изъ Польши и Россіи, а здѣсь есть шпіоны, и посланникъ того и гляди выслалъ бы меня изъ Баваріи во свояси; да въ-третьихъ и время нѣтъ. Никакъ меня не достаетъ на все. Ахъ, когда бъ я въ Россіи побольше зналъ! Особенную жъ тоску наводитъ на меня и то, что съ самаго Октября не имѣю писемъ ни отъ брата, ни отъ прочихъ своихъ. Нельзя ли тебѣ узнать черезъ Погодина, что̀ сталось съ моимъ братомъ? Да теперь ты могъ бы написать къ нему и объ отъѣздѣ Кирѣевскихъ. Попроси узнать, гдѣ они, и помочь имъ какъ-нибудь, втайнѣ отъ ихъ семейства, съѣхаться другъ съ другомъ. Сдѣлай это поскорѣй, не медля. На всякій случай сообщи мнѣ адресъ Погодина. Ну, прощай, дорогой мой Шевыревъ, обнимаю тебя крѣпко. Твой Рожалинъ.

15 Февраля (1831).

Не сердись пожалуйста, милый другъ Шевыревъ, что давно не пишу къ тебѣ. Вотъ три недѣли, какъ хвораю, Богъ знаетъ отчего, вдругъ сдѣлалось воспаленіе въ груди и совсѣмъ меня разстроило, особенно разстроили страшныя кровопусканія. Писать и нагибаться было невозможно, да и теперь мнѣ запрещено. Недѣли полторы тому назадъ я совсѣмъ было приготовился на тотъ свѣтъ, чуть не плакалъ, что долженъ околѣть не во время и такимъ сиротой, однакожъ выздоравливаю и боюсь только умереть со скуки. Не пришлешь ли друже-

*) Это сестра княгини Волконской. П. Б.

ской грамотки? За прошлое письмо очень благодарю тебя: оно пришло, когда ужъ я разнемогался не на шутку, и было тѣмъ отраднѣе, также какъ и Соболевскаго, полученное мной нѣсколько позже. Ты также отвѣчалъ мнѣ не вдругъ и тѣмъ снисходительнѣе будешь теперь. Писать вамъ обоимъ должно; примусь черезъ нѣсколько дней, а теперь поблагодари отъ меня и Соболевскаго за его смѣшные стихи, которые на дняхъ отправлю въ Москву [1]). Отъ Кирѣевскихъ я ужъ два раза имѣлъ извѣстія: у нихъ все спокойно и всѣ здоровы, только они все такіе жъ чудаки: прислали мнѣ билетъ въ 400 франковъ, по которому имъ бы слѣдовало получить отъ меня деньги. Непонятная ошибка! Да они теперь безъ памяти рады, что между своими и далеко отъ Нѣмцевъ; а я радъ, что они далеко отъ бурь, и ихъ семейство отъ страха. Надъ нашей Европой собрались такія тучи, что не миновать самой ужасной бури. Мой докторъ велитъ мнѣ быть спокойнымъ, а въ этомъ-то и трудность. Теперь боюсь за васъ съ Соболевскимъ: ужъ у васъ, говорятъ, вспыхнуло. А получили ли вы письмо мое, присланное вамъ обоимъ въ Римъ на имя Соболевскаго, въ началѣ Генваря, poste restante? Тамъ я разсказывалъ, какъ меня со всѣми иностранцами, благодаря глупости здѣшнихъ студентовъ и короля, чуть было не выгнали изъ университета и Баваріи?

О себѣ сказать тебѣ больше нечего, да и писать покуда больше не могу. Такъ досадно! Мои занятія прервались этой болѣзнью, и я могъ читать только Геродота: по крайней мѣрѣ его первую книгу прочелъ хорошо и съ критикой. Беретъ охота перевести кой-что для образчика и переслать тебѣ. Но ужъ это въ слѣдующій разъ. Мнѣ бы хотѣлось узнать, согласенъ ли ты съ понятіемъ, которое я себѣ составилъ о слогѣ Геродота. Обними за меня Соболевскаго [2]) и засвидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ вашимъ.

Минхенъ, 27 Марта (1831).

Милый Шевыревъ, вчера я получилъ письмо Соболевскаго съ вашими общими совѣтами, за которые вамъ очень благодаренъ. Читая въ газетахъ исторію Итальянскихъ смутъ и какъ у васъ на дорогахъ грабятъ и рѣжутъ, я было потерялъ надежду имѣть отъ васъ отвѣтъ на свое письмо, и уже рѣшился именно на то, что̀ вы совѣтуете. А теперь, съ вашего благословенія пропала и послѣдняя нерѣшимость. Жду пуще всего отвѣта Веневитинова. Зачѣмъ же вы не ѣдете въ Неаполь? Вѣдь въ случаѣ войны, мятежа черни, оттуда можно скорѣе уплыть

---

[1]) Вѣроятно это стихи напечатанные выше, на стр. 176. П. Б.

[2]) Въ это время С. А. Соболевскій сошелся съ бывшей королевой Гортенсіей и по ея порученію отвлекъ ея двухъ сыновей отъ сношеній съ революціонерами. П. Б.

куда-нибудь съ кораблями, чѣмъ изъ Рима. А война будетъ непремѣнно. Все къ ней приготовлено въ исправности. Дибичу плохо. Онъ отступилъ. Главное то, что онъ опоздалъ вступленіемъ въ Польшу. Его побѣда подъ Прагой, стоившая по крайней мѣрѣ 10000 Русскихъ, не принесла никакой пользы. Теперь, хоть свѣжія войска безпрестанно подходятъ изъ Россіи, военныя дѣйствія возможно не начнутся прежде конца Апрѣля; а тогда ужъ Французы будутъ въ Германіи. Каша будетъ крутая. Прощай, милый, дорогой Шевыревъ, желаю быть здоровымъ и завѣщаю тебѣ просьбу беречь свое здоровье пуще всего. Больше писать теперь не могу, а напишу, вѣроятно, еще разъ или два до отъѣзда, если мнѣ не будетъ хуже. Прости. Крѣпко обнимаю.

21 Апрѣля (1831, Мюнхенъ).

Вчера получилъ твое письмо и Соболевскаго, другъ Шевыревъ. Ты требовалъ росписи лекцій. Вотъ главныя по отдѣленью философскому. *Шеллингъ* 1) публично отъ 7—8 утра разъ въ недѣлю Methodologie des Academischen Studims, 2) privatim, отъ 7—8 утра, вторую часть философіи миѳологіи. *Тиршъ* 1) Платонова Протагора четыре раза въ недѣлю, продолженіе исторіи Греческой литературы, четыре раза. *Астъ* Платонова Федона и Цицерона. De natura serum, продолженіе. *Шернъ* Исторію новѣйшаго искусства отъ 7—8 утра 5 разъ. *Герресъ* Исторію новѣйшую послѣ Гогенштауфеновъ. *Мосманъ*, Тацитову Германію и исторію Нѣмецкой литературы отъ четвертаго до десятаго вѣка, три раза поутру. *Шпенгель* (отличный молодой профессоръ) лучшую рѣчь Демосѳена περὶ ξεγάνων. Францъ Гармонію Греческихъ хоровъ, Аристофановыхъ Всадниковъ, Цицероновы рѣчи post reditum, Латинскій синтаксисъ. Вотъ тебѣ всѣ лучшіе профессора въ словесномъ отдѣленіи (прибавь еще Франка, который читаетъ Санскритъ, Арабщину и пр.); остальные всѣ дрянь, хуже Снегирева и даже Бекетова. Касательно политическихъ наукъ, то частный курсъ ихъ сдѣлать очень возможно и легко, потому что онѣ не имѣютъ здѣсь ни одного профессора умнѣе Малова.

Третьяго дня я получилъ письмо отъ Кирѣевскихъ; къ счастью вижу, что Авдотья Петровна не опасно была нездорова. Жаль, что все что-то печальна. Они крѣпко зовутъ назадъ. Погодинъ оставляетъ университетъ года на три! Знаешь ли это? И знаешь ли еще что? Онъ имѣетъ великодушіе оставаться въ Москвѣ и ждать моего отвѣта: онъ предлагаетъ мнѣ свое мѣсто въ университетѣ и не хочетъ, чтобы другіе его заняли. Какъ мнѣ ни лестно это, какъ ни трогаетъ поступокъ Погодина, а я все таки прямо на каѳедру исторіи не брошусь, особливо послѣ Погодина. Да впрочемъ я увѣренъ, что если мнѣ судьба

позволить заниматься такъ, какъ я занимался эту зиму, если можно будетъ идти моей любимой дорогой, т. е. ходомъ тихимъ и постепеннымъ, то я и черезъ два-три года найду въ Россіи непремѣнно если не университетскую каѳедру, такъ хорошее мѣсто при какой - нибудь гимназіи, и какъ подумаю о своей груди, то мнѣ очень улыбается напр. Симферополь. Но это опять мечты и глупости. Твой Рожалинъ.

*

Другъ Шевыревъ, я давно отвѣчалъ тебѣ. Странно, что письма ходятъ такъ медленно. Деньги я получилъ и благодаренъ. Мнѣ стало лучше, и хоть это лучше, смотря по погодѣ, мѣняется иногда на *хуже*, однакожъ ни разу еще не доходило до перваго *худа*, и потому я рѣшился ждать отвѣтъ отъ Карамзиной или Веневитинова. Авось дождусь къ концу Мая. Поблагодари какъ можно крѣпче княгиню за ея добрый вызовъ снабдить меня деньгами на дорогу. Крайне, крайне ей обязанъ; но нужды въ деньгахъ не имѣю. У меня ихъ довольно, чтобы доѣхать до Рима, даже и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, считая съ теперешняго числа. Кирѣевскіе въ Россіи работаютъ шибко. Иванъ встаетъ рано, послѣ обѣда не спитъ и безпрестанно пишетъ; что̀, не знаю. Петръ уже и привелъ кой-что къ окончанію.

Ты намекалъ о путешествіи въ Германію. Состоится ли оно? Ужъ какъ бы я этого желалъ! Да поживи здѣсь подольше. Съ твоей дѣятельностью изъ тебя здѣсь выйдетъ чудо учености. Въ прошломъ письмѣ я сообщалъ тебѣ о каталогѣ здѣшнихъ лекцій. Для наукъ политическихъ здѣшній университетъ не годится. Поѣзжайте въ Гейдельбергъ или, еще лучше, въ Берлинъ. Прощай, обнимаю тебя. Засвидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ. Твой Р.

*

Что за несравненная женщина эта Авдотья Петровна! Какъ она обо всѣхъ печется! Какъ любитъ, и какъ все крѣпко пристаетъ къ ея сердцу! А ужъ какъ мило все дѣлаетъ! Въ томъ же письмѣ какъ-будто мимоходомъ говоритъ: вѣдь у насъ и не одна, а двѣ каѳедры гуляютъ; Гавриловская еще не нашла себѣ человѣка. Не смотря на этотъ намекъ, я теперь о профессорствѣ не хочу еще и думать. Лучше сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ къ наукѣ, чѣмъ *сѣсть* на каѳедрѣ. Слишкомъ и теперь хорошо знаю, что̀ значитъ *хорошій* профессоръ, *дѣльный* ученый.

Авдотья Петровна пишетъ мнѣ о тебѣ въ такомъ тонѣ, какъ будто бы давала порученіе, проситъ у тебя скораго приговора общему всѣхъ желанію—видѣть тебя преемникомъ Мерзлякова. Какъ бы я былъ радъ, если бъ ты согласился! Да неужели Погодинъ ничего не писалъ тебѣ

объ этомъ? Неужели онъ ничего не знаетъ? А коли писалъ, такъ ты ужъ вѣрно обдумалъ и рѣшился; пиши скорѣе, на что. Кстати о Погодинѣ; вѣдь онъ ужъ не ѣдетъ сюда. Какъ жаль! Очень бы хотѣлось съ нимъ увидѣться. Я передъ нимъ много виноватъ за прошлое, и хотѣлось бы заставить позабыть все это. А какъ ему полезны были бы чужіе края, особенно Германія! Онъ совершенно созрѣлъ для нихъ и, имѣя вѣрную цѣль въ области наукъ, не сталъ бы теряться и терять времени въ разнородныхъ покушеніяхъ, а только что пріобрѣталъ бы. Безцѣнная вещь Нѣмецкіе университеты. На что бы ты теперь ни рѣшился, побывать въ нихъ надо, и князю Александру я совѣтовалъ бы провести въ нихъ нѣсколько годиковъ.

Минхенъ 27 Марта (1832).

Итакъ, ѣду въ Россію. Жду пуще всего отвѣта Веневитинова [1]). Не помню, сообщалъ ли я вамъ условія, на которыхъ обѣщался вступить къ Карамзиной? Вотъ они: отдаю каждый день цѣлое утро отъ 7 часовъ до 1 часу, за исключеніемъ одного дня въ недѣлю, который прошу оставить мнѣ въ полное распоряженіе; отказываюсь отъ надзирательства за маленькими дѣтьми, принимаю гувернерство съ старшимъ сыномъ [2]), хотя только внутри дома, и за это заломилъ 4000. Впрочемъ я уполномочилъ Веневитинова, если мои требованія испугаютъ Карамзину, спустить цѣны, сколько заблагоразсудитъ. Теперь даже раскаиваюсь, что дѣлалъ *какія нибудь* условія. Лучше бы абсолютно согласиться на все: мнѣ теперь все равно. По полученіи отвѣта Веневитинова, подожду еще до половины Мая (о чемъ я также предувѣдомилъ), а тогда и прощусь съ чужими краями. Путешествія, которыя мнѣ совѣтуютъ сдѣлать Соболевскій, суть вещь для меня и физически, и нравственно невозможная. Физически потому, что Веневитиновъ именно требуетъ поспѣшности, и половина Мая есть уже весьма дерзкая отсрочка. Нравственно потому, что путешествовать надо было бы на чужой счетъ. Развѣ, развѣ что рѣшусь недѣли на двѣ въ Тріестъ, чтобы подышать теплымъ воздухомъ, но и то врядъ ли. А до смерти хотѣлось бы въ Римъ, чтобы обнять тебя, посмотрѣть на то, чтó ты сдѣлалъ, хоть предчувствіемъ увидѣть все то, чтó ты еще сдѣлаешь, да и проститься хорошенько навсегда. Я серьезно не надѣюсь тебя видѣть. Мнѣ не хуже, только и не лучше, а это всего хуже. До сихъ поръ я весь обсаженъ шпанскими мухами, ѣмъ одинъ супъ да вареную говядину, а толку нѣтъ никакого. Писать и наклоняться почти совсѣмъ не могу и пр. и пр., это скучно

---

[1]) Рожалинъ въ Москвѣ былъ друженъ съ братомъ А. В. Веневитинова, поэтомъ. П. Б.

[2]) Андреемъ Николаевичемъ. У Е. А. Карамзиной въ это время было четыре сына, изъ которыхъ двое остались послѣ отца младенцами. П. Б.

и читать и разсказывать. Берегись и ты грудной боли: тебя спасаетъ теперь Италія, но не забудь, что тебѣ жить вѣкъ въ Россіи и что ты *обязанъ* сохранить себя для нея, слѣдовательно лучше лѣнись цѣлые 24 часа, чѣмъ изнурять себя: изъ твоей и лѣни, изъ празднаго лежанія, изъ прогулки что нибудь да выйдетъ полезное и прекрасное. А больной человѣкъ и безполезенъ, и себѣ въ тягость; эту аксіому повторяю теперь en connaissance de cause [1]). Вотъ почему я очень радъ, что ты, по твоимъ словамъ, начинаешь склонять свой слухъ и сердце къ профессорству. Каѳедра дастъ тебѣ постоянныя, опредѣленныя, ограниченныя занятія, въ которыхъ тебѣ можно будетъ сосредоточиться, на которыя будешь смотрѣть какъ на главное дѣло; для трагедій, для поэзіи всегда останется вдохновеніе, которое не можетъ же быть постоянно, а приходитъ именно часами, между дѣломъ. Да и дѣйствіе твое будетъ двойное: 1) *вѣрное*, на молодежь все таки нѣсколько образованную, жаждущую истины и не такую перемѣнчивую и глупую, какъ театральная публика и 2) дѣйствіе, если хочешь, истинно-поэтическое, *на всѣхъ*, хотя на всякаго по своему, и по тому невѣрное, и это послѣднее дѣйствіе будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, поэзія твоя будетъ тѣмъ чище, чѣмъ невольнѣе, чѣмъ менѣе ремесленна она будетъ. Да и въ нашъ вѣкъ, да и въ Россіи особливо, едва ли возможно быть чѣмъ нибудь *однимъ*, всего меньше *трагикомъ*.

Недавно прочелъ я здѣсь Пушкинскаго Бориса. Знаешь ли, что ужъ онъ мнѣ не совсѣмъ нравится? Это какъ будто начало какой нибудь другой пьесы: катастрофа такъ неожиданна, такъ черезъ чуръ быстра, что не производитъ никакого дѣйствія; и вообще многое мнѣ кажется дурно приготовленнымъ, хотя всему виною, можетъ быть, пропуски [2]). Да ты правъ, что всего труднѣе на свѣтѣ быть Русскимъ. Богъ насъ знаетъ, къ чему мы назначены. Странно, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ ничего оригинальнаго, а вѣдь золотая эпоха политическаго бытія нашего, кажется, миновалась. Ты говоришь, что мы эклектики; если это правда (чему охотно вѣрю), то мы совсѣмъ не поэты. За то можемъ быть величайшими учеными въ мірѣ и въ исторіи. И это слава не пустая. Только и въ ней я частенько отчаяваюсь, какъ подумаю о Русскомъ обыкновенномъ легкомысліи, нетерпѣливости, непостоянствѣ. Развѣ только ты разувѣришь меня въ этомъ, если судьба приведетъ увидѣть тебя въ полномъ твоемъ дѣйствіи въ Россіи. Твоя мысль о каѳедрахъ (Франціи, Италіи, Англіи, Германіи) отзывается всей живостью твоего воображенія и потому меня навѣрно бы оживила, если бы

---

[1]) Съ знаніемъ дѣла.

[2]) Т. е. цензурныя. П. А.

я серьезно не записался въ мертвецы. Развѣ выручитъ Иванъ Васильевичъ. Онъ пишетъ, что работаетъ и что это ужъ теперь не просто опытъ или желаніе, а намѣреніе и твердое. Впрочемъ и у него здоровье изъ хлопчатой бумаги: того и гляди, что порвется. Послѣднія письма ихъ какъ-то печальны, возбудили во мнѣ злыя предчувствія, а ихъ молчанье съ тѣхъ поръ еще болѣе. Авдотья Петровна была нездорова и, кажется, не въ шутку, хотя и выздоровѣла; обѣщались писать черезъ двѣ недѣли, но онѣ прошли, а письма нѣтъ. Петръ Васильевичъ лежалъ также больной; пишетъ, будто расшибъ себѣ руку; но это очевидно, что выдумка. Я опять начинаю подумывать о холерѣ и жестоко трусить за нихъ, тѣмъ болѣе, что Авдотьѣ Петровнѣ именно запрещено всякое волненіе и приказано совершенное спокойствіе. Бѣда и горе со всѣхъ сторонъ. Я, право, почти въ отчаяніи. Я теперь увѣренъ, что, воротясь въ Россію, буду встрѣченъ какимъ нибудь новымъ, неожиданнымъ ударомъ.

Кстати: сейчасъ былъ у меня мой докторъ, по имени Вальтеръ, имѣющій славу перваго въ Минхенѣ. Онъ вздумалъ объявить мнѣ, что я не долженъ ѣхать въ Петербургъ, а долженъ ѣхать въ Ниццу. Я очень благодаренъ ему за этотъ приговоръ, потому что онъ показываетъ мнѣ мое настоящее положеніе. Впрочемъ повиноваться этому приговору и жить для того, чтобы лѣчиться, я ненамѣренъ. Да и умереть ужъ лучше на Руси. И такъ въ Петербургъ.

О болѣзни моей не сказывай и не пиши никому.

21 Апрѣля (1832. Мюнхенъ).

За ваши совѣты, вызовы очень благодаренъ вамъ; но сдаться на нихъ могу не прежде, какъ 1) спросивши моего доктора, не однимъ ли я воображеніемъ боленъ, 2) дождавшись рѣшительнаго отвѣта отъ Веневитинова. Первое хочется сдѣлать въ отмщеніе вамъ за ваши шутки надъ моею трусостью, т.-е. мнимою. Впрочемъ, къ счастью, я имѣю здѣсь человѣка, который былъ свидѣтелемъ всей моей здѣшней жизни въ прошлую зиму и въ продолженіе всей моей болѣзни навѣщалъ меня каждый день и теперь навѣщаетъ часто: онъ стóитъ того, чтобы вы когда-нибудь узнали его коротко и близко. Отъ него узнаете, просто ли я *мнилъ*, какъ Алексѣй Андреевичъ *) и, несмотря на рѣдкое ко мнѣ участіе этого человѣка, онъ не солжетъ вамъ. Я это распространяюсь объ Врангелѣ и очень радъ, что нашелъ случай тебѣ о немъ сказать что-нибудь. Онъ изъ Ревеля и съ энтузіазомъ готовитъ себя дѣйство-

*) Елагинъ, вотчимъ братьевъ Кирѣевскихъ. П. Б.

вать въ Россіи, которою онъ умѣетъ гордиться, а ремесло его—живопись. Все это тѣмъ удивительнѣе, что онъ изъ военныхъ, изъ гвардейскихъ улановъ, маіоръ, 27 лѣтъ и человѣкъ съ отличнымъ талантомъ.

Но къ дѣлу. Мнѣ лучше, хотя и не совсѣмъ хорошо. Можетъ быть лучше *въ самомъ дѣлѣ* или отъ того, что погода перемѣнилась: кто же это знаетъ? Можетъ быть, пойдетъ все лучше и лучше; надо посмотрѣть. Предосторожности мною всѣ взяты. Трубка брошена еще съ начала Генваря; кофе, вино, пиво еще прежде; ослиное молоко тяну каждый день: подождать можно и надобно. Если Карамзина согласится на всѣ мои условія, то мнѣ у ней будетъ довольно покойно: заниматься съ дѣтьми буду только каждое утро. Къ тому же она хочетъ поселиться въ Ревелѣ*), гдѣ климатъ морской и гораздо умѣреннѣе Московскаго, гдѣ жизнь тихая, гдѣ авось можно будетъ держаться системы строгой и не нарушать ни одной полезной для здоровья привычки. А какъ же можно расчитывать на Герена или что-нибудь подобное? Что же въ немъ сходнаго съ Выжигинымъ? Да и не важно ли спокойствіе и увѣренность, что имѣешь надежное мѣсто? Много ли и что̀ хорошаго сдѣлаешь въ Римѣ, въ зависимости отъ журнальныхъ статей? И при незнаніи, долго ли тамъ пробудешь и что̀ придется дѣлать послѣ? Однакоже рѣшусь на это, если Карамзина откажетъ. Отъ Веневитинова уже имѣю отвѣтъ, но весьма темный: по его словамъ все дѣло идетъ черезъ Павла Муханова, къ которому твое письмо и доставлено, а онъ въ Польшѣ и будетъ писать Карамзиной о моемъ согласіи вступить къ ней и о моихъ условіяхъ. Между тѣмъ будто бы вмѣшались въ дѣло какія-то новыя обстоятельства. Короче, я получу окончательный отвѣтъ не прежде, какъ недѣли черезъ три. До тѣхъ поръ буду въ Мюнхенѣ. Кажется, иначе нельзя.

Всѣ молодые профессоры наши большіе охотники давать частные уроки, и ни одинъ не беретъ дороже гульдена, т.-е. 2 рублей, иные по 50 крейцеровъ, что̀ еще меньше.

*

12 Марта (1832, Римъ).

Пишу, милый Шевыревъ, только для того, чтобы не слишкомъ опоздать отвѣтомъ на твой вопросъ о выписываемыхъ книгахъ. Впрочемъ я отвѣчать могу только одно: всѣ онѣ или важны или интересны, а выбралъ ты ихъ, вѣроятно, сообразно съ твоими цѣлями. Итакъ, разумѣется, выписывай.

Новаго сказать нечего. Не такъ давно я получилъ письмо отъ Петра Васильевича, который сообщаетъ мнѣ кой-какія извѣстія о

*) На мѣстѣ своего рожденія и по близости отъ своихъ тетокъ, дочерей ея матери, и отъ Баусигофа, гдѣ нѣкогда жилъ графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. П. Б.

литературѣ Русской. Напр., Жуковскій издалъ новый томъ стихотворныхъ сочиненій и переводовъ; въ нихъ, говорятъ, явился совсѣмъ новымъ человѣкомъ и далеко оставилъ за собой прежняго Жуковскаго. Погодинъ написалъ новую трагедію Петръ I, въ которой цѣлый актъ хорошъ, Хомяковъ трагедію *Дмитрій Самозванецъ* въ прежнемъ лирическомъ тонѣ; Пушкинъ выдалъ много повѣстей въ прозѣ, но все это ты вѣрно ужъ знаешь. Выходитъ еще новая граматика и лексиконъ Греческаго языка, какого-то Степанова, знатока своего дѣла, образовавшаго себя въ Германіи и теперь пьющаго учителемъ въ Витебской гимназіи. У насъ княгиня и всѣ довольно здоровы. О своемъ здоровьи, какъ о предметѣ мнѣ, по общему приговору, вовсе неизвѣстномъ, говорить не хочу. Повинуюсь и ѣду въ Россію, за чѣмъ? Не мое дѣло. Пожалуйста, попроси извиненія у Кошелева и Соболевскаго не гнѣваться, что не отвѣчалъ имъ. Одинъ видъ бумаги мнѣ такъ противенъ, что стóитъ большого труда писать даже къ нимъ. Впрочемъ буду писать и непремѣнно и скоро. Княгиня обѣщалась довезти меня до Итальянской границы. Если что-нибудь не помѣшаетъ ей исполнить этого обѣщанія, то быть можетъ увидимся въ Инспрукѣ. Если позволитъ касса, то здѣшняго Исіода куплю непремѣнно. Оттуда я черезъ Мюнхенъ на Гамбургъ, если не задержатъ въ карантинахъ. Обнимаю тебя, Колешева и Соболевскаго. Адресъ: Monsieur, Monsieur Chevirew. Rue de l'hôtel de ville, chez madame la baronne de Brou, à Génève.

*

Это письмо застанетъ васъ, вѣроятно, ужъ на мѣстѣ, дорогіе наши путешественники. Каково жъ вамъ на первый разъ въ этой Женевѣ? Впрочемъ, ваша примѣрная акуратность, которой дивлюсь не только я лѣнивецъ, но даже и княгиня, спасаетъ ее отъ всякаго безпокойства. Въ домѣ княгини всѣ (къ которымъ принадлежать теперь имѣю счастіе и я), забывши Римъ, смотрятъ безпрестанно на вашъ маршрутъ, начертанный на предлинномъ листѣ, и спрашиваютъ себя съ нетерпѣніемъ, когда жъ мы будемъ въ Женевѣ? Когда съ почтой поскачемъ оттуда въ Россію? Не смотря на то, что между дождемъ здѣсь проглядываютъ ясные весенніе дни, весь Римъ хвораетъ и кашляетъ. Марья Александровна, Владиміръ и всѣ въ домѣ раздѣлили общую болѣзнь.

Гансъ проситъ довести до князя его просьбу о неоставленіи переводомъ остальной части «Горе отъ ума» и о скорѣйшей, буде можно, пересылкѣ онаго перевода въ Римъ. Мнѣ задаетъ задачу: написать ему небольшую статью объ исторіи Русской драмы. Будьте здоровы и веселы, обнимаю отъ души васъ обоихъ. Вашъ Рожалинъ.

Рим (1832).

Милый друг Шевырев, давно уж я получил милое письмо твое с приложенным от Кирѣевскаго.

Ей Богу, у меня мало своего времени. Я называю счастливым тот день, когда могу прочесть стихов 200 в Гомерѣ и страниц 10 в Винкелеманѣ. Гагарины, к которым все еще таскаюсь каждый день, портят всѣ мои занятія; знаешь ли, что они наконец поставили на своем, и я у них обѣдаю? Тут воротишься домой часов в 8 и с сердцов ляжешь в постель. Когда их Бог вынесет?

Секретное и важное письмо Кирѣевскаго касалось до обстоятельств моего семейства, которых ты еще не знаешь, которыя грустны и о которых говорить не хочется *). Радость получить письмо от Кирѣевских послѣ шести мѣсяцев их молчанія, была однакож так велика, что я, к стыду своему, печальныя извѣстія принял не так к сердцу, как бы в другом случаѣ. Но о журналѣ своем Иван Васильевич не говорит ни слова. Он насчет всѣх его подробностей отсылает меня к тебѣ. И так, сдѣлай милость, сообщи все, что об этом знаешь. В каждом номерѣ Сѣверной Пчелы я ищу объявленія о нем, но до сих пор не было ни слова, хотя уж возвѣщены два новых журнала, один в Петербургѣ на Французском языкѣ, имѣющій сообщать Россіи извлеченія из всѣх иностранных журналов, объявлять обо всѣх важнѣйших, выходящих и имѣющих выйти сочиненіях в Европѣ (иногда даже за нѣсколько мѣсяцев до их выхода в свѣт) и для того находящійся в сношеніи с большей частію журналистов и книгопродавцев Европейских. Другой журнал, Радуга, издается Бюргером, моим университетским товарищем, в Ревелѣ, и по-русски. Булгарин величает издателя Русским по душѣ и Европейцем просвѣщенным. Я помню только его нахальную рожу и весьма посредственные успѣхи. Собственное объявленіе Бюргера (котораго часть выписана Сѣв. Пчелой) написано глупо. Он теперь старшим учителем Ревельской гимназіи и дѣлает педагогику существенным и особым отдѣлом своего журнала. Не надѣюсь ничего отличнаго от его подвигов; но пріятно видѣть, что ***Русскій*** журнал может издаваться в Эстляндіи и что этот край русѣет, и потому от всей души желаю успѣха своему бывшему товарищу.

Из альманахов объявлены до сих пор Сѣверные Цвѣты и Альціона Розена. Послѣдній очень хвалят; но из твоих ***мыслей***, вы-

---

*) Отец Рожалина на старости лѣт женился. П. Б.

рванныхъ изъ записной книжки, нѣкоторыя показались Булгарину вовсе не имѣющими *смысли*. Надѣюсь, что ты простишь ему, что онъ ихъ не понялъ.

Вотъ всѣ новости, какія могу сообщить изъ Рима. Съ твоего отъѣзда я совсѣмъ не пользовался Римомъ. Поутру я всегда долго, съ 12 до 4-хъ, шляюсь по урокамъ. Только недавно былъ въ галлереѣ Фéша, вспоминалъ тебя, глядя на прекрасные Гвидо, и подышалъ Нѣмецкой атмосферой, любуясь отличными Рембрантами, Теньеромъ и Рюисдалями; скоро надѣюсь увидѣть кабинетъ Кестнера, гдѣ, по словамъ княгини, недавно его видѣвшей, бездна интереснаго и куда она обѣщала взять меня съ собою. Третьяго дня въ филармоникѣ, гдѣ иногда бываю, я слышалъ чудеса: очаровательную игру одного Legnani на гитарѣ; это Паганини на своемъ инструментѣ, безъ преувеличенія. Только южный человѣкъ можетъ влить въ такой бѣдный инструментъ такую душу, огонь. Отворили мнѣ библіотеку Французской Академіи. Къ моему горю библіотека открыта именно отъ 10 до 4-хъ. Словомъ всѣ свои учебные планы отлагаю до весны; покуда мало дѣлаю путнаго; прочелъ безъ тебя 9 пѣсень изъ Гомера, дочитываю Винкельмана, и вотъ все тутъ. Съ удовольствіемъ думаю, что ты, въ раздольѣ времени и въ роскоши занятій, посмѣешься надо мною. Какъ до сихъ поръ не напишешь, чтó дѣлаешь, надъ чѣмъ работаешь? Попрошу тебя еще разъ не строго считаться со мною письмами: я никогда не былъ на нихъ акуратенъ, а теперь съ своей грудью пуще прежняго боюсь многого и частаго писанія. Послалъ ли ты какую статью Кирѣевскому или стиховъ. Напиши, чтó именно. Я теперь рѣшительно не могу ничего для него сдѣлать. Развѣ весною. Впрочемъ я самъ еще не увѣренъ, останусь ли здѣсь. Грудь бы этого требовала. Зима проходитъ безъ замѣтной пользы для моего здоровья: всякая перемѣна погоды, малѣйшая усталость отзываются болью. Урокамъ я также бывалъ нѣсколько разъ одолженъ недѣльными страданіями. Но такъ какъ все это нѣсколько разъ проходило, и я даже чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, то и не прихожу еще въ отчаяніе: напротивъ, надѣюсь, что здѣсь климатъ могъ бы исцѣлить меня. Съ другой стороны, оставшись здѣсь еще надолго, между тѣмъ какъ дóма у меня горе и плачъ, боюсь исказиться душевно. И такъ ничего не рѣшено. Брани, только не сердись.

A monsieur Chévireff, rue de l'hôtel de ville N 74.

Chez m-me la baronne de Brou, à Genève.

1 Генв. (1833, Римъ).

Милый Шевыревъ, такъ какъ это письмо приспѣетъ въ Женеву къ самому времени нашихъ Русскихъ праздниковъ, то и поздравляю съ ними: тебя, нашего милаго князя, Кошелева и Соболевскаго. Будьте веселы. Между несчетными благами, которыхъ каждому изъ васъ желаю по одиночкѣ, есть одно, котораго желаю всѣмъ вмѣстѣ: во весь будущій годъ, да не будетъ женатъ ни одинъ изъ васъ! Если съ Соболевскимъ не разстался его старый старый демонъ, да если онъ заманитъ васъ выпить, то не забудьте и моей старой доли. Распейте за меня. Это значитъ, выпейте вдвое. Наконецъ я ожилъ, получилъ письмо отъ Авдотьи Петровны. Представь, что она была при смерти и два раза! Теперь, къ счастью, пріѣхалъ Жуковскій, и его присутствіе много помогаетъ ея выздоровленію. А знаешь ли чудо? Иванъ Васильевичъ— издатель журнала! Программа уже выдана. Жуковскій на первый номеръ даетъ сказку. Баратынскій и Вяземскій готовятъ стиховъ. Помнишь, какъ ты доказывалъ мнѣ необходимость такого предпріятія. Теперь пріѣдешь въ Москву на готовый журналъ *).

20 Декабря (1833, Римъ).

Милый Шевыревъ, давно пора мнѣ поблагодарить тебя за доброе слово, которое ты не упустилъ случая замолвить обо мнѣ Уварову, и также давно пора поздравить съ успѣхомъ, который ожидалъ тебя при первомъ твоемъ шагѣ въ Москву. Сама судьба взялась исполнить то, чтó казалось тебѣ невозможностью и мечтою и отвлекла тебя къ той цѣли, для которой ты единственно созданъ. Скажи мнѣ, чтó знаешь о Кирѣевскихъ и всемъ семействѣ Елагиныхъ и обними всѣхъ ихъ, также и Погодина. Княгиня здорова, и всѣ въ ея домѣ. Твой Н. Р.

Погода у насъ несравненно холоднѣе, чѣмъ прошлой зимой, а мнѣ отъ нея тяжко приходится.

М. П. Погодинъ въ дневникѣ своего пребыванія въ Римѣ записалъ про Римскую виллу княгини Волконской: „Тамъ, подъ сѣнію кипариса стоитъ урна въ память о нашемъ незабвенномъ Дмитріѣ Веневитиновѣ; близъ него камень съ именемъ Николая Рожалина, который прожилъ въ Римѣ три года въ домѣ княгини, занимаясь классическими языками и древностями, и возвратился, наконецъ, въ отечество съ цѣлью искать мѣсто профессора, но умеръ на другой день послѣ своего прибытія на пароходѣ. Всѣ бумаги его присланы были въ Москву и сгорѣли въ конторѣ дилижансовъ, такъ что отъ него не осталось ничего, какъ будто и не существовалъ онъ на свѣтѣ“.

Намъ обѣщаны письма Рожалина къ А. П. Елагиной. П. Б.

---

*) С. П. Шевыревъ возвратился въ Москву въ Сентябрѣ 1832 г. и въ Ноябрѣ получилъ каѳедру Русской словесности. П. Б.

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ѲЕДОРОВЪ.

Мыслитель *).

Эстетическое побужденіе относиться къ природѣ пассивно оказалось неосновательнымъ. Разсмотримъ теперь другую опору этого отношенія, ту, которую принято называть *этическою*, нравственною. Необходимо однако тотчасъ же оговориться, что понятіе этическаго допустимо здѣсь лишь въ смыслѣ одностороннемъ, то есть примѣнительно только къ человѣку, какъ существу нравственному, и совершенно непримѣнимо къ природѣ, какъ силѣ безсознательной и безвольной, а слѣдовательно и не входящей, по существу своему, въ область жизни нравственной.

Разсужденіе въ пользу пассивно-сочувственнаго отношенія къ природѣ сводится на слѣдующія положенія: влеченія внушаемыя природою человѣку, естественны, нормальны, полезны, хороши, а потому не только позволительно, но и должно имъ слѣдовать; жить сообразно съ ними значитъ жить естественною, непридуманною, реальною, истинною нравственностью.

Въ этомъ разсужденіи столько произвольнаго и недоказаннаго, что успѣхъ его, періодически повторяющійся въ широкихъ размѣрахъ на пространствѣ тысячелѣтій, могъ бы служить доказательствомъ изумительной логической невзыскательности человѣчества, если бы это не объяснялось тѣмъ, что на выборъ нравственныхъ правилъ для поведенія вліяютъ не столько разсудочная убѣдительность или очевидность ихъ, сколько соотвѣтствіе темпераменту, наклонностямъ чувствъ и складу характера съ одной стороны и бытовыя и историческія условія жизни—съ другой. Не логическая, не раціональная убѣдительность, а чувственная привлекательность: вотъ что̀ составляетъ силу натуралистической этики. Въ человѣкѣ не только на низшихъ ступеняхъ его личнаго и общественнаго развитія, но и на тѣхъ, что̀ признаются вершиною цивилизаціи и культурности, такъ много животнаго, и это животное въ немъ столь сильно, что бо̀льшая или меньшая наклонность къ оправданію этого нача̀ла въ человѣкѣ почти никогда не вымираетъ. Вотъ почему натуралистическая этика, всецѣло исходящая изъ матеріалистическаго взгляда на природу человѣка, прежде всего какъ на животную, находитъ себѣ

*) См. выше, стр. 63.

столь легкій доступъ и въ ту область (нравственную), которая, по самому смыслу своему, должна обуздывать животныя наклонности и стремленія.

Нѣтъ ничего понятнѣе, слѣдовательно, преобладанія такого рода „естественныхъ“ влеченій въ состояніи несовершеннолѣтія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общежитій, народовъ первобытныхъ, признаваемыхъ мало или низкокультурными. Каковы бы однако ни были изъяны и несовершенства цивилизаціи, одного достоинства у нея нельзя отрицать, а именно: усилія противодѣйствовать безотчетнымъ стихійнымъ, естественнымъ стремленіямъ тамъ, гдѣ таковыя оказываются несогласимыми съ требованіями духовнаго и нравственнаго развитія и даже съ практическими потребностями общежитія. Безъ всякаго парадокса можно сказать, что человѣку, возвысившемуся надъ уровнемъ чисто-животнаго организма, вполнѣ *естественно противодѣйствовать* цѣлому ряду *только естественныхъ* влеченій, то-есть внушеніямъ одной природы, не регулируемой сознаніемъ и чувствомъ человѣка. Даже больше. Сама природа наталкиваетъ насъ на такое реагированіе противъ своихъ безсознательныхъ общихъ процессовъ, идущихъ сплошь и рядомъ въ разрѣзъ съ нашими частными человѣческими интересами. Реакція сознанія и воли противъ стихійныхъ влеченій есть conditio sine qua non самого нашего существованія; безъ нея человѣку, родящемуся слабымъ, нѣжнымъ, обнаженнымъ, тѣлесно-безоружнымъ, медленно растущимъ сравнительно съ животными, не вынести бы борьбы за существованіе, не выбиться бы побѣдителемъ изъ густого лѣса обступающихъ его отовсюду опасностей.

Откуда же однако при такихъ обстоятельствахъ могло родиться недовѣріе къ правильности, казалось бы, столь убѣдительнаго взгляда на необходимость противодѣйствія природнымъ влеченіямъ? Конечно, только изъ неудовлетворительности результатовъ этого образа мыслей, неудовлетворительности, причину коей слѣдуетъ искать *въ неправильномъ примѣненіи* къ жизни *принципа* по существу своему *вполнѣ правильнаго*. Силы, могущества, свободы и счастія люди искали на кружныхъ путяхъ: юридическихъ, политическихъ и экономическихъ, путяхъ сложныхъ и сбивчивыхъ, заросшихъ сорными травами суеты, покрытыхъ пылью легкомыслія, либо грязью корысти и сластолюбія, окровавленныхъ враждою и насиліями; тогда какъ Cardo Maximus, прямой, основной, „царскій путь“ нравственной чистоты, дѣтской, сыновней, братской, соединенной съ полнотою знанія, этотъ путь „истины, дѣлающей свободными“ и любви, для которой „все возможно“, былъ покинутъ, забытъ или предоставленъ труженикамъ немногимъ, разрозненнымъ, а потому и безуспѣшнымъ. Въ то время какъ лабиринтъ ошибочныхъ, перекрещивающихся, извилистыхъ тропинокъ, манящихъ къ призрачному благу, приводилъ къ безднѣ, „откуда нѣтъ ужъ возвращенія“, „нравственное паденіе доходило до того, что нравственнаго по отношенію къ природѣ не умѣли уже отличать отъ нравственнаго для человѣка“ („Вопросъ о братствѣ“), „забывали, что природа—сила вовсе не нравственная, а только физическая, что она ника-

кого понятія о долгѣ не имѣетъ и имѣть не можетъ" („Историческій Очеркъ"). Между тѣмъ на сознаніи долга *передъ своею жизнью, передъ родителями* давшими жизнь, *передъ братьями* - сотрудниками въ исполненіи долга, и, наконецъ, *передъ природою*, дающею силы и средства къ тому, на условіи усовершенствованія ея самой,—на сознаніи этого долга, говоримъ мы, для человѣка основывается и развивается вся нравственность. Когда же не выполненіе общаго долга, а только личное счастіе и даже просто наслажденее возводится въ конечную цѣль существованія, тогда, разумѣется, нарушается правильное отношеніе къ природѣ: трудъ, облегчающій крѣпостную зависимость отъ природы, міровая тяга, тягло жизни становятся бременемъ неудобоносимымъ; его жаждутъ сбросить, какъ рабскія цѣпи, и, не сознавая заблужденія въ выборѣ, бросаются въ заманчивыя объятія дѣйствительной неволи, отдаются игу слѣпыхъ силъ природы. Здѣсь-то и возникаетъ потребность въ философскомъ и будто бы этическомъ оправданіи такого соглашенія, такого примиренія съ нею. Зло, неизбѣжно вырастающее на ложныхъ путяхъ къ истинной цѣли или на прямой дорогѣ къ цѣли ложной, относится на счетъ уклоненія отъ внушеній природы, а послушный возвратъ къ ней объявляется единственнымъ исходомъ изъ тѣснинъ заблужденій и страданій.

Призывъ этотъ, *психологически* всегда одинаково или сходно обоснованный, въ своихъ *историческихъ* разновидностяхъ опирается на побужденія и убѣжденія довольно разнообразныя. Вотъ почему необходимо окинуть хотя-бы бѣглымъ взглядомъ главнѣйшіе типы этихъ перевоплощеній натуралистической этики.

Древне-греческій натурализмъ былъ первою попыткою слить сложное душевное и физическое настроеніе въ упрощенное гармоническое созвучіе едва зарождавшагося естествознанія, антропоморфическихъ фантазій миѳологіи, богоподобныхъ грёзъ искусства и наконецъ нравственности, отождествлявшей себя съ естественною красотою. Этотъ полнозвучный тетрахордъ былъ обаятеленъ именно своею простотою, ясностью и тѣмъ художественнымъ соблазномъ, который придавала ему выше нами разсмотрѣнная иллюзія эстетическаго натурализма. Въ этомъ сочетаніи и главнымъ образомъ благодаря свойственному античному генію чутью мѣры, ограничивавшему во-время порывы чувственности, не допускавшему ихъ вырождаться въ грубыя крайности, Эллинскій натуралистическій гуманизмъ остался и для нашихъ, далекихъ отъ него временъ какъ бы идеаломъ нравственности, согласованной съ велѣніями природы.

Но „умеръ Великій Панъ", заснули многовѣковымъ сномъ боги и богини Эллады, и съ высоты Креста, обагреннаго кровью Праведника, Любовь, полагающая душу свою за други своя, возвѣстила міру иной нравственный идеалъ, противоположный прежнему. Мы постараемся дальше показать, что въ своей глубочайшей сущности и въ своей конечной цѣли этотъ новый идеалъ не только не былъ враждебенъ развитію жизненной энергіи, но именно

къ спасенію и укрѣпленію жизни и направлялся, и что только непониманіе его могло исказить проповѣдь Спасителя жизни и Воскресителя въ ученіе аскетическое, въ проповѣдь самоумерщвленія. Несомнѣнно однако (какъ опять увидимъ ниже), что-то активное, нравственно-совершенствующееся отношеніе къ природѣ, которое составляетъ существенную черту истинно-христіанскаго міровоззрѣнія, широко расходилось съ пассивно-сочувственнымъ отношеніемъ античной культуры къ природѣ. Послѣднему не было *правовою* мѣста въ христіанскомъ взглядѣ па жизнь уже съ самаго начала; когда же отрицательное аскетическое направленіе въ христіанской нравственности возобладало надъ положительнымъ, активнымъ, тогда натуралистическая этика подверглась жестокой духовной карѣ и была всецѣло оттѣснена въ область преступной похоти, въ царство грѣха. „Отреченіе отъ міра, ото всего земного было основнымъ принципомъ средневѣковой этики, золотымъ правиломъ всей средневѣковой культуры, путеводною звѣздою Церкви и идеаломъ христіанской жизни". (Eicken. Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart. 1887, 323, 355). Но чувственность неистребима, да и не должна быть истребляема въ качествѣ стимула физической, а отчасти даже и духовной энергіи; она только должна быть направляема на цѣли нравственныя, благородныя. Связанная же уздою одного только внѣшняго предписанія, по средневѣковой поговоркѣ: „Vivere sub meta Lex praecipit atque Propheta" (Carmina Burana. Stuttgart. 1847, 5), чувственность, не находя себѣ правового и дѣлового исхода, разливается въ буйный, разнузданный протестъ противъ узкой, искусственно-установленной морали. Воплощеніемъ такого протеста, полнаго юношескихъ силъ, но и всякой нечистоты, явились „бунтовскія пѣсни" средне-вѣковыхъ бродячихъ школяровъ, голіардовъ (Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder des Mittelalters и Bartoli, I Precursori de Rinascimento. Firenze. 1877), „ничего не боящихся, не стѣсняющихся никакими узами, неудержимыхъ никакими преградами" (Carmina Burana 67). Рядомъ съ безконечными воззваніями къ презрѣнію міра (извѣстнѣйшее принадлежитъ папѣ, тогда еще кардиналу, Иннокентію III, 1198 г. Ср. De Contemptu mundano у Du Méril. Poésies populaires latines du Moyen Age. Paris. 1847, 125), рядомъ съ плачами о суетѣ и бѣдствіяхъ жизни (тамъ же 108 и д.), призывъ къ чувственному наслажденію вспыхиваетъ здѣсь яркимъ заревомъ надъ сумракомъ аскетическаго міровоззрѣнія и сразу находитъ свое оправданіе въ старой натуралистической этикѣ, съ ея правилами слѣдовать внушеніямъ природы. „Животный человѣкъ", „animalis homo" (Carmina Burana, 14), созданный изъ матеріи, изъ праха („factus de materia, cinis elementi", тамъ же 67), жаждущій наслажденій болѣе, чѣмъ спасенія, омертвѣвшій душою и заботящійся только о своей шкурѣ („voluptatis avidus magis quam salutis, mortuus in anima, curam gero cutis". 68), признающій брюхо своимъ богомъ („Venter meus deus erit! 72 и Du Méril, 207), этотъ „животный человѣкъ" убѣжденъ, что „желательно и дозволительно дѣлать только то, что нравится, то-есть отдаваться тѣлесному наслажденію („licuit et labuit facere quod placuit, juxta voluntatem currere, peragere carnis voluptatem. 8). И оправданіемъ всего

этого разгула страстей и произвола указывается именно природа: „ею сплетена ткань міра, ею же мудро изъясняется все и предусматривается то, чтò надо дѣлать“ (129). Вотъ почему „столь трудно, побѣждать природу“ (Res est arduissima vincere naturam, 68). Да и не надо! Несравненно „прекраснѣе слѣдовать ея мудрымъ и сладостнымъ внушеніямъ (130): она сама возлагаетъ на каждаго посильныя задачи и каждаго одаряетъ свойственными ему дарами (69 и Du Méril. 206). Да будетъ же верховнымъ закономъ нашимъ: „такъ повелѣваетъ Природа!“ (Du Mèril. 233) прочь всякій страхъ, всѣ стѣсненія, даже всѣ строгія, серьезныя думы (Carmina Burana, 67, 68), и да здравствуетъ беззаботная радость бытія! Ave, mundana laetitia!“ (Bartoli. 49).

То, чтò въ Средніе вѣка казалось бунтомъ разнузданной чувственности противъ черезчуръ строгаго монашески-аскетическаго міровоззрѣнія, то въ пору рѣшительной замѣны послѣдняго свѣтскимъ, языческимъ гуманизмомъ облекается въ формы болѣе умѣреннаго и спокойнаго, но и болѣе вліятельнаго убѣжденія, подкрѣпляемаго уже не личнымъ настроеніемъ, а доводами философскими. Къ этическому натурализму въ пору Возрожденія въ разныхъ видахъ и съ различными оправданіями тяготѣютъ самые разнородные умы и характеры этой великой эпохи, воспитавшей первые ростки новой Западно-европейской культуры.

Уже отецъ Итальянскаго возрожденія“ „Петрарка“, не смотря на всю свою нравственную строгость и даже (во второй половинѣ жизни) склонность къ аскетическому міровоззрѣнію, проникнутъ настоящимъ благоговѣніемъ къ „нашей общей великой матери-природѣ, которой надо повиноваться во всемъ“ (Petrarca. Lettere delle cose familiari. Firenze. 1863. III, 124, 298. I. 484). „Правильная жизнь и есть согласіе съ природою; но это согласіе Петрарка превозноситъ потому лишь, что включаетъ въ „естественное поведеніе“ разсудительность, умѣренность и добровольность (IV, 50), то есть качества, свойственныя человѣку, а не остальной природѣ. Надѣливши „общую матерь“ этими воображаемыми достоинствами, онъ не останавливается и передъ другимъ крупнымъ заблужденіемъ, передъ признаніемъ безопасности пассивнаго къ ней отношенія. „Конечно“, говоритъ онъ, „мы не властвуемъ ни надъ землею, ни надъ моремъ; но этого и не требуется для счастливой жизни: людямъ умѣреннымъ вполнѣ достаточно жить сообразно съ природою, законы которой не мѣняются отъ усилій ума человѣческаго“ (II, 311, I, 484); „слушаться ея лучше, чѣмъ съ нею спорить“. (Sonetto 81—309. Rime Firenze. 1883, 297).

Невозможно было дать болѣе простого, но и болѣе фальшиваго тона для отношенія въ природѣ, какъ тотъ, который въ этихъ краткихъ словахъ данъ дѣйствительно всему Возрожденію его начинателемъ и наставникомъ. И если къ такому пассивному настроенію призываетъ мыслитель самъ по себѣ чрезвычайно дѣятельный и нравственно-строгій, то чего же ждать отъ менѣе взыскательныхъ? Не диво, что у его ученика Боккаччіо выполненіе „простѣй-

шихъ законовъ нашей матери-природы, этой наилучшей поставщицы всего" (Boccaccio. Lettere edite e inedite. Firenze. 1877, 79, 152, 166—7) и есть та общедоступная „естественная философія" (106—7), наглядным воплощеніемъ которой являются нравы, иллюстрируемые „Декамерономъ".

Къ намѣченному взгляду на природу съ большимъ или меньшимъ энтузіазмомъ присоединяются разнообразные и, часто, лучшіе дѣятели Возрожденія. Гуманисты величають ее „матерью и создательницею міра [1]), закономъ неизмѣннымъ, которому необходимо слѣдовать [2]), потому что наиболѣе естественное есть и наиболѣе правильное [3]), закономъ божественнымъ, нарушеніе котораго равносильно оскорбленія самого Бога" [4]). Эти взгляды раздѣляютъ ученые полигисторы Л. Б. Альберти [5]), Ліонардо да Винчи [6]) и даже серьезные богословы, напр. кардиналъ Виссаріонъ [7]), не говоря уже о художникахъ, литераторахъ и критикахъ. Природа имъ—„учительница учителей, наставница величайшихъ мастеровъ" [8]), „доброта безконечная, посылающая намъ только одно хорошее [9]) и стремящаяся все къ большему совершенству" [10]). Никто, кажется, въ ту пору не выразилъ этой вѣры въ этическій натурализмъ съ такою рѣшительностью, какъ вліятельный въ свое врем Пьетро Бембо: „все естественное (утверждаетъ онъ) хорошо (Degli Asolani. L. II. Prose scelte. Milano 1880, 87), ибо „вещь несомнѣннѣйшая, что природа не можетъ дѣлать никакого зла и все, изъ нея происходящее, можетъ быть только хорошимъ" (p. 77); а „такъ какъ она заблуждаться не можетъ, то и естественныя желанія, слѣдовательно, всегда хороши" (L. III, p. 113), иначе къ нимъ не призывала бы природа (128). Даже слабости и пороки должны оказываться въ концѣ-концовъ цѣлесообразными" (Castiglione I, 105). Если сомнѣнія на этотъ счетъ поднимаются иногда у нѣкоторыхъ болѣе строгихъ философскихъ умовъ и они указываютъ не только на всемогущество природы, но и на ея безжалостность къ живущему (такъ Джіано Анизіо въ стихотворномъ обращеніи къ Помпонію Лету, напоминающемъ Леопарди по мрачной силѣ своего пессимизма (у Fiorentino, B. Telesio. Firenze. 1874. II, 421—422), то другіе спѣшатъ успокоить, что съ этою силою, соединяющею

---

[1]) L. Brnni. Epistolae. Hamburgi 1724, 113. [2]) Franc. Barbari et aliorum Epistolae. Brixiae. 1743. 47, 107, 219. [3]) Iov. Pontani. De Fortitudine. Opera. Venetiis. 1501. 7, 3, 6, 41. [4]) Georg. Trapezuntii Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis. Venetiis 1523, Lib. III, cup. 15. [5]) „E bene obbedire a la natura, chè noi avvertisce bene". Alberti. Della Architettura. L. V, c. 17. Milano 1833, 177. [6]) Міровая „необходимость есть повелительница, наставница и создательница природы, вѣчный предѣлъ и вѣчное правило", но вмѣстѣ съ тѣмъ и „изумительная справедливость Перваго Двигателя"; „пути природы, прекраснѣйшіе, легчайшіе, кратчайшіе изъ всѣхъ возможныхъ, и человѣкъ, одушевленное, могущественное орудіе природы-художницы, обязанъ повиноваться законамъ, Богомъ и временемъ даннымъ его создательницѣ-природѣ". Seailles. Vinci. Paris. 1892. 316, 317, 223, 329 по рукописямъ Винчи. [7]) „Cur non sequimur Naturam, ducem optimam et magistram?" Oratio contra Turcas. Bessarionis Opera. Migne T. 161, 664. [8]) P. Aretini. Lettere. Parigi. 1609. I, 280, II, 49; сходно—Вазари, часто [9]) Berni. Capitolo della Peste Opere. Milano. 1887, 84. [10]) B. Castiglione. Il libro del Corteggiano. Milano. 1803, II, 23.

въ себѣ и уравнивающею всѣ кажущіяся противорѣчія (гимнъ Антонія Телезія къ природѣ, тамъ же. I, 47), никакіе личные счеты человѣка невозможны, такъ какъ (говоритъ скептикъ Помпонацій) „пренебрегая частью и меньшимъ благомъ, она заботится о цѣломъ и о бо̀льшемъ благѣ" (P. Pomponatii Opera. Basileae. 1567, 261. De Incantationibus. C. 12). Нечего, слѣдовательно, предъявлять нравственныхъ требованій къ естественнымъ процессамъ: „нѣтъ закона для побужденій природы; ихъ не устранить ни словами, ни убѣжденіями! (De Fato L. I, c. 17. p. 519—520). Въ естественномъ нѣтъ ни похвальнаго, ни предосудительнаго: пороки, какъ и добродѣтели— неизбѣжны, фатальны (c. 14 p. 486); человѣку свойственно поступать и хорошо, и дурно; но послѣднее, повидимому, болѣе естественно, чѣмъ первое; пороки многочисленны, добродѣтели же рѣдки; но въ этомъ люди не виноваты и невмѣняемы" (c. 16 (—15) p. 512—515). Природа наилучшимъ образомъ согласовала фактъ существованія извѣстныхъ явленій съ возможностью и условіями ихъ существованія; признать эту неизбѣжность, подчиниться ей и „слѣдовать естественнымъ влеченіямъ", лучшее средство быть согласнымъ и съ людьми, и съ самимъ собою (P. Pomponatii Tractatus acutissimi, utilissimi et mere peripatetici. S. l. et an. De nutritione et augmentatione. L. I. c. 28. fol. 132 et v.). Такъ легко и послѣдовательно этическій натурализмъ переходитъ въ абсолютный фатализмъ и въ нравственный индифферентизмъ у наиболѣе скептическаго и проницательнаго философскаго ума Возрожденія. Не диво, что мыслители менѣе точные и взыскательные въ своихъ разсужденіяхъ приходятъ къ тому же оправданію природы, какъ, напр., платонизирующій Христофоръ Ландинъ (ср. Della Torre. Storia dell' Accademia platonica fiorentina. Firenze 1902), который, хотя и производитъ высшее благо не изъ даровъ природы, а изъ существа Божія (Chr. Landini Quaestiones Camaldulenses. d. II. fol. D. II IV v.), однако „считаетъ нечестіемъ обвинять природу за несовершенство міропорядка (C. III), такъ какъ „дурного, въ сущности, ничего нѣтъ (E. V), и природа, въ концѣ-концовъ, тяготѣетъ къ благу, „никогда (по существу и по цѣли) не заблуждаясь" (D. III v.). Наконецъ, наиболѣе смѣлый и содержательный изъ гуманистовъ Лаврентій Валла, впервыя послѣ древнихъ, выступаетъ съ открытою апологіею „снисходительнѣйшей, добрѣйшей матери-природы" въ трактатѣ „О наслажденіи и истинномъ благѣ" (О значеніи этого сочиненія и полемики о немъ см. Mancini. Vita di L. Valla. 1891, 42 sqq. и Wolff. L. Valla Leipzig. 1893, 13). Не закрывая глазъ на ея несовершенства и на бѣды, отсюда проистекающія для человѣка (De Voluptate ac de Vero Bono. Cap. 8, L. Vallae Opera. Basileae 1543, 904) и допуская, что „природа во многихъ отношеніяхъ могла бы быть измѣнена къ лучшему (cap. 9 p. 905), Валла, совсѣмъ не оцѣнивая громадной важности послѣдней мысли, предпочитаетъ, какъ истый риторъ, славить „мудрость природы, всѣ замыслы и формы которой святы и достойны хвалы" (906), и „доброту ея, даровавшую намъ столько источниковъ наслажденій" (908—9). „Природа—Богъ или почти что Богъ. Недостойно разумнаго существа ставить этой благодѣтельницѣ въ вину на-

ше собственное безумiе, выражающееся въ неумѣнiи переносить неизбѣжныя бѣды и скорби (910) и прежде всего—смерть. Для жизнерадостнаго гуманиста мудрость въ томъ и состоитъ, чтобы пользоваться благами природы и бѣжать отъ причиняемыхъ ею бѣдъ, если это возможно, а если нельзя, то мужественно сносить ихъ или же игнорировать. Невозможно откровеннѣе воплотить и защищать себялюбиво-лѣнивое и сластолюбиво-апатичное отношенiе къ природѣ, какъ въ этомъ малодушномъ призывѣ „не упускать, изъ за думъ и заботъ о печальномъ, поводовъ къ радости и веселью." Пусть вокругъ тебя бушуетъ грозная морская стихiя; ты же съ насмѣшкою любуйся ея бѣшеною игрою съ высоты безопаснаго берега! Пусть нужда заставляетъ другихъ денно и нощно изнемогать отъ труда ради хлѣба насущнаго; ты же стремись къ наслажденiю въ тиши совершеннаго покоя! Пусть неурожаи и моровыя повѣтрiя опустошаютъ родину; ты же бѣги въ иные края, „гдѣ веселѣе складываются условiя жизни!" (910). Если же тебя смущаетъ дума о томъ, что небезсмертнымъ ты родился, вспомни, что природа не можетъ тебѣ дать несвойственнаго ей самой, да и невозможнаго, такъ, что и говорить о такой нелѣпости не должно" (909). Вполнѣ послѣдовательнымъ поэтому является заключенiе, что человѣкъ, какъ ничѣмъ не отличающiйся отъ животныхъ, и, подобно имъ, всецѣло умирающiй (960), долженъ отдавать природному влеченiю къ наслажденiю, безъ котораго невозможна охрана жизни, рѣшительное предпочтенiе передъ неестественнымъ сближенiемъ съ добродѣтелью, съ этимъ пустымъ, безсильнымъ и бездоказательнымъ понятiемъ и словомъ, безъ котораго жить можно (921. l. I cap. 36). Удивительно ли, что конечнымъ выводомъ такой упрощенной морали является столь характерное для культуры Возрожденiя убѣжденiе, что „все въ мiрѣ и всѣ люди созданы ради свободной отъ всякихъ оковъ личности (p. 982. l. III c. 16), которая, сбросивъ съ себя всѣ стѣсненiя, подобно своимъ средневѣковымъ предшественникамъ голiардамъ, восклицаетъ: „да здравствуютъ всевозможныя и непрестанныя наслажденiя!" (L. I, cap. 26. p. 918).

Этому хмельному призыву матери новой культуры Италiи шлютъ восторженный откликъ нарождающаяся новая Германiя въ прославленномъ возгласѣ Гуттена „Es ist eine Lust zu leben!.." и Францiя устами чувственнаго сатирика Раблэ („Fay ce que vouldras!" Gargantua, ch. 57) и вдумчиваго скептика Монтэня, для котораго, въ безконечной путаницѣ сомнѣнiй мысли и противорѣчiй жизни, есть, пожалуй, одно только непоколебимое убѣжденiе: „природа—настолько же прiятный, насколько благоразумный и справедливый руководитель". (Montaigne. Essais L. 3. ch. 12); въ послѣдованiи ей ошибка невозможна; высшее правило—согласоваться съ нею" (тамъ-же); искажать ея законы несправедливо, да и невозможно: не мы ею правимъ, а она нами!" (l. I, ch. 19).

Призывъ къ этическому натурализму, встрѣтившiй такое широкое сочувствiе въ обществѣ Возрожденiя, сталъ быстро замирать съ половины XVI

вѣка. Съ одной стороны ему противодѣйствовало обновленное Реформаціей сознаніе грѣховнаго начала въ человѣкѣ, которое измѣнило взглядъ на природу въ строгомъ пессимистическомъ смыслѣ. Кальвинизмъ, пуританство, а позднѣе Шпенеровъ піэтизмъ въ протестантскомъ мірѣ, янсенизмъ и контрреформаціонное послѣ. Тридентинское направленіе, въ католическомъ, не смотря на всѣ различія между собою, сходились въ этомъ суровомъ отношеніи къ природѣ. Подъ вліяніемъ богословія и этика, и право отказались признавать доброкачественность ея внушеній при ея настоящемъ „испорченномъ“ положеніи, находя, что безупречною природа могла быть только въ первоначальномъ „состояніи невинности („status innocentiae et incorruptae humanae naturae), отъ котораго дѣйствительность чрезвычайно отдалилась“ (такъ Винклеръ въ Principiorum Juris libri V. Lipsiae. 1615, Мевій въ Prodromus Jurisprudentiae gentium 1671 и Альберти въ Compendium Juris Naturae Orthodoxae Theologiae conformatum Lipsiae 1678). Съ другой стороны развитіе и вліяніе придворной великосвѣтской жизни, гдѣ все было условно, расчетливо, показно, искуственно, все опредѣлялось внѣшними приличіями, модою, этикетомъ, приводило также къ отчужденію отъ природы.

Однако именно возрастаніе всего этого до крайностей вызвало съ теченіемъ времени новую реакцію въ сторону естественности. Вѣкъ напудренныхъ париковъ, глубокихъ реверансовъ и чинныхъ менюэтовъ, полированнаго ложно-классическаго стиля и Версальскихъ и Тріанонскихъ парковъ, и ландшафтовъ Ватто („la nature parée à la française“)—этотъ вѣкъ долженъ былъ наконецъ начать вздыхать по естественности и простотѣ настоящей природы, хотя бы въ силу потребности противорѣчить прискучившему. Подготовленный долговременнымъ и очень постепеннымъ переходомъ, натурализмъ воскресаетъ съ новою силою у Французскихъ „философовъ“ XVIII вѣка. Онъ носится въ воздухѣ уже и ранѣе Руссо. Уже Кондильякъ, этотъ безцвѣтный систематикъ сенсуализма, объявляетъ, что „природа всему положила начало и всему—хорошо“ и внушаетъ, что „истину эту надо какъ можно чаще повторять“ (Condillac. Essai sur les connaissances humaines. 1 part., sect. 1, ch 1); тогда какъ отецъ „просвѣщенной юриспруденціи и политики“ предреволюціоннаго періода Монтескье добавляетъ: „голосъ природы—самый сладостный; кроткая, любезная, очаровательная, она съ избыткомъ надѣлила насъ наслажденіями (Esprit des lois. L. 26, ch. 4); она—первоисточникъ всякой нравственности“. То, что другіе высказывали слегка и мимоходомъ, Дидро провозгласилъ съ энтузіазмомъ пророка, съ необдуманною дерзостью фанатика. Его „Философскія мысли“ (1746)—настоящій освободительный манифестъ естественныхъ влеченій, которымъ „невозможно, непозволительно противиться“ (Le Prosélyte); природа всегда права, и не она, а нашъ разсудокъ, наши ошибочныя разсужденія вводятъ насъ въ обманъ. Циникъ Ламеттри требуетъ возможно-большаго опрощенія въ натуралистическомъ смыслѣ, съ устраненіемъ всего высшаго развитія, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ первичныхъ физіологическихъ инстинктовъ надъ духовными по-

требностями, съ низведеніемъ человѣка на уровень настоящаго животнаго. На почвѣ того же фаталистическаго натурализма педантъ Гольбахъ строитъ свою „Систему природы", сопровождаемую „Естественною всемірною нравственностью" и „Естественною Политикою", въ которыхъ человѣкъ, низведенный, какъ и у Ламеттри, до уровня „настоящей машины" (Système de la Nature, 1 part. ch. 9), совершенно обезличенный, признанъ безусловно зависимымъ отъ врожденныхъ естественныхъ склонностей.

И наконецъ, Руссо, это изысканно-искусственное „дитя природы", этотъ страстный проповѣдникъ ея вольностей и правъ, затмившій всѣ знаменитости вѣка, всѣхъ увлекшій за собою потому именно, что, въ противоположность предшественникамъ, развѣнчивавшимъ человѣка, принижавшимъ его до уровня животнаго, „онъ возвратилъ человѣчеству утраченный имъ титулъ человѣческаго достоинства" (Brizard въ предисловіи къ Contrat social). Этотъ подвигъ Руссо совершилъ однако также на почвѣ этическаго натурализма, но подкрѣпленнаго основнымъ религіознымъ убѣжденіемъ, что „природа хороша потому, что она исходитъ изъ рукъ Творца (Émile, l. I). Человѣкъ благороденъ и прекрасенъ не по своей высокой культурѣ, а по своимъ природнымъ качествамъ, свойственнымъ ему изначала, по существу. „Все то, что̀ есть въ насъ природнаго—вотъ что́ достойно восхищенія и удивленія"; не природа создала насъ дурными, „самъ человѣкъ исказилъ и обезобразилъ себя" (Oeuvres et corréspondance inédites de Rousseau, publiées par Streckeisen Moulton. Paris. 1861, 355). „Оставимъ нашъ пагубный прогрессъ, отбросимъ созданное человѣкомъ; вернемся къ велѣніямъ природы, и все станетъ хорошо" (Émile, l. IV). „Природа, нѣжная природа! возстанови свои утраченныя права.. долгъ, честь, добродѣтель не говорятъ мнѣ болѣе ничего, если идутъ наперекоръ твоимъ велѣніямъ!" (Nouvelle Héloise. 6 part. lett. 6).

Натурализмъ Руссо, какъ извѣстно, оказалъ глубокое вліяніе на развитіе не только практической морали, но и теоретической философіи. Успѣхъ этотъ однако объясняется не убѣдительностью самого ученія, а своевременностью протеста противъ односторонняго и уже претившаго обществу склада и мысли, и жизни. Въ области практической простота и непринужденность естественной нравственности являлись желанною противоположностью искусственности и условности быта и слишкомъ осложненной культуры. Въ области же философской выдвинутое Руссо на первый планъ начало чувства, совѣсти, нравственнаго долга открывало новыя свѣтлыя дали передъ изсохшимъ, омертвѣвшимъ раціонализмомъ XVIII вѣка. Вотъ почему къ Руссо примкнули не одни философы чувства (Гаманнъ, Якоби), но и критическая философія въ лицѣ Канта, признавшаго, что выходъ изъ отрицаній чистаго разума въ сторону нравственнаго категорическаго императива открылъ ему Руссо („Rousseau hat mich zurecht gebracht").

Какъ бы ни велика была эта заслуга Руссо въ перевоспитаніи философской мысли, мы не въ правѣ преувеличивать ея значенія. Нельзя

забывать, что этическій оптимизмъ Руссо основываетъ себя всецѣло *на субъективной убѣжденности, а не на объективной доказательности;* сущность всего его ученія (нравственное начало) отдана на произволъ внутренняго чувства, непререкаемаго въ моментъ восприятія для ощущающаго его, но невидимаго и недоказуемаго для неиспытывающаго такого же ощущенія. Философія чувства предполагаетъ вѣру въ Бога и въ изначальное добро, воплощающееся въ природѣ, и, черезъ ея внушенія, говорящее и въ сердцѣ, въ совѣсти, въ чувствѣ человѣка. Но насколько вѣра въ божественный источникъ добра не подлежитъ сомнѣнію (разъ мы только вообще признаёмъ Бога), настолько же произвольно предположеніе о всецѣлой, изначальной, неизмѣнной, совершенной доброкачественности и благотворности дѣйствій и внушеній природы, предоставленной себѣ самой. Это послѣднее убѣжденіе, принятое Руссо и его послѣдователями совершенно аксіомически, требуетъ, наоборотъ, строжайшей провѣрки, а такъ какъ таковая оказывается рѣшительно не въ его пользу, то и само положеніе это должно быть *безусловно отвергнуто*, если будемъ примѣнять его къ природѣ взятой въ ея настоящемъ несовершенствѣ, безъ воздѣйствія на нее разума и воли человѣчества. Въ противномъ же случаѣ благотворность и доброкачественность природы можетъ быть признана *лишь потенціально и условно*, то-есть какъ возможное и осуществимое только при условіи сознательнаго, активнаго воздѣйствія на природу со стороны разумныхъ и нравственныхъ существъ, безъ чего произвольно, да и прямо ошибочно, признавать нравственныя тенденціи въ природѣ. Основное положеніе этическаго натурализма Руссо „всѣ побужденія природы правильны", слѣдовательно, вовсе не аксіома, а напротивъ того, въ примѣненіи къ человѣку есть величайшій софизмъ, какъ скоро мы здѣсь разумѣемъ природу, предоставленную однимъ своимъ безсознательнымъ влеченіямъ, своимъ стихійнымъ процессамъ. Если, тѣмъ не менѣе, этическій натурализмъ Руссо оказалъ временно отрадное вліяніе на ходъ развитія Европейской нравствености, то объяснять это надо во-1) вышеуказаннымъ его противодѣйствіемъ другому заблужденію, а во-2) тѣмъ, что начало нравственнаго чувства, облагороженное Руссо, стоитъ неизмѣримо выше той животной чувственности, которую защищалъ грубый натурализмъ Ламеттри, Гольдбаха и ихъ далекихъ предшественниковъ. Бѣда только въ томъ, что всякая этика, опирающаяся исключительно на чувство, основана на зыбкомъ пескѣ и грозитъ быстрымъ вырожденіемъ или въ безсильную, анемичную сентиментальность или же въ энергичную, но дикую чувственность. XVIII вѣкъ доказалъ по отношенію къ Руссо то и другое въ лицѣ чувствительныхъ душъ Вертеровскаго типа съ одной стороны и разнузданныхъ „штюрмеровъ" съ другой; а Французская революція, также вдохновлявшаяся натурализмомъ Руссо („Эмиль" былъ настольною книгою Робеспьера), раскрыла и общественныя его опасности въ чудовищныхъ размѣрахъ, хоть и не искоренила стремленія къ нему

Натурализмъ воскресъ еще разъ съ романтикой, усилившей его привлекательность чарами соблазна эстетическаго. Разсмотрѣнная нами выше

романтическая идеализація силъ природы должна была привести, и дѣйствительно привела мечтательныя и страстныя души къ желанію воспринимать и отражать въ своей жизни эти таинственныя стихійныя силы съ возможно-большею живостью и полнотою. Фаустъ Гёте и Донъ-Жуанъ Байрона воплощаютъ если не положительную въ нравственномъ смыслѣ, то все-же оптимистическую сторону этой ненасытной жажды всевозможныхъ ощущеній, а Чайльдъ-Гарольдъ и Манфредъ—отрицательную, неудовлетворенность избыткомъ впечатлительности, чувственности или любознательности. Отсюда поиски новаго, неизвѣданнаго, блужданіе въ области уже необычнаго, увлеченіе аномаліей, болѣзненными осложненіями или извращеніями чувствъ, страстей, воли.

Какой тропически-стремительный и эксцентричный всходъ далъ въ наши дни этотъ посѣвъ „цвѣтовъ зла“ съ легкой руки Эдгара По и Бодлэра („Fleurs de mal“)! Хотя и выхоленныя въ теплицахъ черезчуръ осложнившейся, видимо, уже дряхлѣющей культуры (не даромъ Малларма группируетъ ихъ подъ заглавіемъ „Serres chaudes“!), эти причудливыя орхидеи чувства все-же выращены изъ гибридныхъ сѣмянъ стараго натурализма. Какъ гигантская раффлезія раскрываетъ свои огненные, труннымъ запахомъ насыщенные лепестки надъ тлѣющими стволами исполиновъ тропическихъ дебрей, такъ и эти „цвѣты зла“, выраженіе его оправданія, коренятся все въ томъ-же поклоненіи стихійности природы. Природу столько славили какъ мать заботливую, нѣжную и благотворную, что настала пора возвеличить и ея злую, дурманящую („Дурманъ“ Лохвицкой), тлѣтворную, губительную силу, не ради только контраста или оригинальности, а въ силу послѣдовательности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить въ „Потонувшемъ Колоколѣ“ Гауптмана глубокомысленно-художественное изображеніе трансформацій и переходовъ естественнаго влеченія чувства отъ невинной, чистой искренности и безотчетности (Раутенделейнъ) до игривой юношеской чувственности (Лѣшій), до грубой, въ грязи пресмыкающейся похоти (Водяной) и кончая злою „волею къ власти“, не отступающею даже передъ преступленіемъ (Вѣдьма),—сочетаніе темныхъ силъ, передъ которыми оказываются безпомощными какъ сухая теоретическая мораль (Пасторъ), такъ и живое, но слабое въ своей разрозненности нравственное чувство (жена и дѣти героя) и разбиваются въ прахъ даже творческіе порывы художника-борца, мечтающаго о неограниченной свободѣ и могуществѣ сверхчеловѣка, презирающаго мелочныхъ собратьевъ по труду (Гномы) и не замѣчающаго своего собственнаго рабства у общаго врага всѣхъ, великихъ и малыхъ, одаренныхъ и обездоленныхъ... Какою бы противоположностью ни казались идеалистическій натурализмъ Руссо или сентиментальность Вертера сравнительно съ изысканною преступною чувственностью героевъ Гюисманса и Оскара Уйльда: въ дѣйствительности до пропасти, ведущей отъ одного къ другому, всего лишь шагъ, и мы не боимся взвести клевету на автора „Эмиля“ и „Элоизы“, если скажемъ, что тотъ, кто призналъ „*всѣ* влеченія природы *правильными*“, повиненъ не „въ блаженствѣ соучастія“, но во грѣхѣ хотя бы и непонятаго содѣйствія тому безумному шабашу разнузданныхъ страстей, который, съ такою любовью къ не-

чистому, воспроизводятъ *будто бы въ искусствѣ* новѣйшіе жрецы этически-художественнаго (?) натурализма („La-Bas" „A-Rébours" Гюисманса, „Доріанъ Грэй" О. Уйльда, „Художникъ-Дьяволъ" Бальмонта).

Иначе и быть не можетъ. Или все, или ничего! Нерѣшительность и непослѣдовательность и здѣсь, какъ вездѣ, обречены на безсиліе и безплодіе. Если *всѣ* влеченія природы правильны, закономѣрны, тогда нормальны, правильны и пороки, правоспособны и всѣ, какъ ліаны извилистые, изгибы сплетеній пороковъ. Чтобы стать на сторону этого положенія, поклонникамъ природы нѣтъ надобности перечитывать діатрибу Мандевилля о необходимости и пользѣ пороковъ (Mandeville. The Fable of the Bees съ четырехтомнымъ комментаріемъ къ ней); нѣтъ надобности вдохновляться и многочисленными воспроизведеніями соблазна грѣха въ новѣйшей живописи („Грѣхъ" и „Die Sphynx" Штука, „Au bord du gouffre" Memoz и пр., и пр.); достаточно проникнуться однимъ стихомъ Байрона („О грѣхъ, по-истинѣ ты привлекательная вещь!"), да своимъ правомъ отдаваться „съ искренностью, крайнею, послѣднею" *всѣмъ* влекущимъ къ себѣ встрѣчнымъ впечатлѣніямъ и страстямъ, чтобы „соблазнъ демона извращенности" пересталъ быть страшнымъ и запретнымъ и чтобы сынамъ естественной свободы открылся доступъ не только „ко всему величію, но и ко всему буйству, ко всѣмъ низостямъ жизни" (В. Брюсовъ. „Священная Жертва" въ „Вѣсахъ" 1905 г. № 1. Стр. 29 и 26). „Буйство декадентовъ", не что иное, какъ смѣлое, хотя сплошь-и-рядомъ *не искреннее*, а форсированное „во что бы то ни стало" (тамъ же) завершеніе гуманистической этики, для которой „ничто не чуждо" не только человѣческое, но и животное, но и звѣрское; ибо въ человѣческомъ, какъ понимаетъ его натурализмъ, рядомъ съ божественнымъ уживается правомѣрно и животное („animalis homo" голіардовъ) и звѣрское (homo homini lupus Гоббса, „La Bête humaine Золя). Гуманизмъ, не считающій дурнымъ ничего естественнаго, долженъ быть признанъ непослѣдовательнымъ и незаконченнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не узаконитъ въ человѣкѣ и животнаго - скота, и звѣря-хищника. „Гуманизмъ, какъ признаніе права на жизнь („Memento vivere!") при забвеніи долга жизни, гуманизмъ, какъ требованіе права для инстинктовъ природы на полное проявленіе въ жизни, есть именно начало этики небожественной, природной, животной. Неопредѣленный въ своихъ требованіяхъ относительно такъ называемой „чистой человѣчности", „онъ имѣетъ очень опредѣленное значеніе въ смыслѣ движенія или перехода къ животности"; его требованіе реабилитаціи физической природы человѣка прямо къ животности и приводитъ (статья „Человѣчность или животность?"): отрицая божественное начало въ человѣкѣ, какъ противорѣчащее началу животному, гуманизмъ, какъ скоро онъ сочтетъ свое ученіе доказаннымъ, eo ipso уравняетъ „чистую человѣчность" съ подлинною животностью во всей ея природной нечистотѣ" (тамъ же).

„Нравственность *гуманистическая*, какъ отрицаніе нравственности *теоантропической*, есть по этому самому нравственность *зооантропическая*" („О

двухъ нравственностяхъ“). На уровнѣ двойственной природы, средне-пропорціональной по отношенію къ обоимъ крайнимъ типамъ нравственности, удержаться нѣтъ возможности: человѣкъ или долженъ стремиться возвыситься до божественнаго, или онъ обреченъ ниспадать до животнаго; или „горѣ имѣемъ сердца, ко Господу!“ или... „Venter deus meus erit!“ Tertium non datur, не смотря на всѣ изысканныя переряживанія скота и звѣря въ „чистую человѣчность“. Такъ называемая *„чистая“* человѣчность есть отвлеченное понятіе; но если бы она и могла стать реальностью, она не въ состояніи была бы остаться *нравственно-чистою.* Ея идеалъ—неограниченное развитіе личности, выражающееся въ максимальной полнотѣ потребностей и ихъ максимальномъ же удовлетвореніи; а это начало крайняго индивидуализма несогласимо съ началомъ высшей солидарности, истиннымъ выраженіемъ коей является родственность. „Святѣйшее изъ званій“ не человѣкъ, а сынъ человѣческій, то есть сынъ не только живущихъ, но и умершихъ отцовъ, понятіе полное и глубочайшаго смысла, и благороднѣйшаго чувства: любви и единства сыновъ съ отцами, любви, раскрывающей и долгъ нравственный („О двухъ нравственностяхъ“): отрицательно, въ смыслѣ прекращенія всякой розни, и положительно, въ смыслѣ объединенія сыновъ для блага всѣхъ отцовъ („Сынъ, человѣкъ и ихъ синтезъ—Сынъ Человѣческій“). Въ изолированіи человѣчества отъ сыновства и отечества дана или отвлеченная идеализація безсодержательнаго понятія, *идеолатрія,* или практическая, эгоистическая матеріализація жизни, *идололатрія,* возвращеніе къ чувственному, къ животному или вещевому вожделѣнію. Первое направленіе, выдержанное до отдаленнѣйшихъ своихъ слѣдствій, можетъ довести до крайняго спиритуализма, до а-космизма, отрицающаго реальность міра (міръ, какъ мое представленіе), до монизма чистаго разума, до отвлеченнагое диства, отрицающаго всякое реальное множество. Второе направленіе способно довести до матеріализма, отрицающаго духъ, Бога и безсмертіе (тамъ же). Наоборотъ, приложеніе къ сыновству (или, правильнѣе, къ сынамъ), человѣчности, какъ свойства, отличающаго отъ животности, отъ звѣрства и скотства, отъ взаимнаго пожиранія и отъ половой чувственности (также сводящейся на умерщвленіе другихъ похотью или на самоумерщвленіе аскетизмомъ), указываетъ на замѣну взаимнаго пожиранія объединеніемъ и полового влеченія воскрешеніемъ черезъ регуляцію внутреннюю и внѣшнюю слѣпой силы, внѣ насъ и въ насъ дѣйствующей. Для сыновъ человѣческихъ нѣтъ ни грубаго матеріализма, ни отвлеченнаго спиритуализма, а есть только одинъ путь къ истинѣ и благу: превращеніе идеальнаго, субъективнаго въ проективное, а реальнаго, объективнаго—въ исполненіе этого проекта, въ дѣло (тамъ же).

Если такимъ образомъ, въ лицѣ гуманизма, оказывается несостоятельнымъ завершеніе натуралистической этики, ея результатъ: то столь же несостоятельною должно признать и ея основу—бездоказательную вѣру въ нравственную правильность и благость внушеній природы. „Откуда возмутся эти качества въ природѣ, когда она—сила не нравственная, а физи-

ческая, никакого понятія о долгѣ не имѣющая?“ („Историческій очеркъ“); а между тѣмъ именно на сознаніи *долга* и основывается все нравственное. Вѣдь первоначально, по правамъ рожденія, въ насъ нѣтъ ничего своего, а все—*даровое*, то есть *долговое*. *Жизнь наша—вовсе не наша*: мы въ долгу за нее передъ родителями-воспитателями нашими. Рождаемость—еще не свободность! Должники по самому существу своему, мы таковые же и по условіямъ нашего существованія: земля наша—не наша собственность, доколѣ мы всѣ—крѣпостные солнца; только выходъ изъ природной крѣпостной зависимости даровалъ бы намъ свободу.

Этотъ выходъ и открывается передъ нами *въ регуляціи природы*. („Вопросъ о братствѣ“). *Единственное правильное наше отношеніе къ природѣ должно, слѣдовательно, быть во 1) отношеніе учащагося, поучающагося, изучающаго природу, а во-2), по мѣрѣ наученія*, пріобрѣтеніе знанія, *отношеніе сознательнаго, благонамѣреннаго и благотворнаго хозяина* (Lester Ward. Dynamic Sociology. New York. 1883. I, 11), *хозяина-руководителя къ общему благу какъ совокупнаго человѣчества, такъ и самой природы*. „Эта регуляція, поставляющая себѣ не эксплуатаціонныя, не корыстныя, не эгоистически-утилитарныя цѣли, а цѣль прежде всего нравственную (съ которою, впрочемъ, совпадаетъ и общее благо), эта регуляція должна быть всеобщею тягою, какъ и жизнь всеобщимъ тягломъ.“ („Вопросъ о братствѣ“). Наслажденіе, слѣдовательно, не можетъ быть (какъ мнится натуралистической этикѣ) цѣлью жизни, и даже счастіе является только слѣдствіемъ исполненной высшей цѣли.

Но и съ чисто-физической точки зрѣнія ошибочно подчинять жизнь человѣческую велѣніямъ природы, не контролируемой разумомъ и нравственно-мотивированною волею. Вѣра въ правильность *всѣхъ* естественныхъ влеченій и внушеній *въ физическомъ отношеніи* есть также предразсудокъ, вредный самообманъ, частію бездоказательный и во многомъ опровергаемый опытомъ, точнымъ знаніемъ и теоретическимъ разсужденіемъ. Мы могли бы имѣть *нѣкоторое* основаніе заключать въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ о правильности влеченій и внушеній природы тогда лишь, когда было бы установлено несомнѣнное полное соотвѣтствіе между потребностями природы и средствами и способами ихъ удовлетворенія вообще, а въ частности, если бы было доказано совершенство организаціи растительнаго, животнаго и человѣческаго типовъ примѣнительно къ нуждамъ природы въ цѣломъ и къ потребностямъ данныхъ организмовъ въ отдѣльности. Но ни того, ни другого наука ничуть не обнаруживаетъ; напротивъ того, она во множествѣ случаевъ констатируетъ факты какъ разъ противоположные, факты несоотвѣтствія между потребностью и ея удовлетвореніемъ, факты дисгармоніи, несовершенства, а иногда и прямого нецѣлесообразнаго противорѣчія. „Въ природѣ не существуетъ слѣпой тенденціи къ прогрессу“, говоритъ Мечниковъ (Études sur a nature humaine. 2 éd. Paris. 1903. 1 part. Ch. 2. p. 93). Рядомъ съ процессомъ совершенствованія въ ней встрѣчаются явленія несомнѣннаго ре-

гресса, замѣчаетъ другой извѣстный естествоиспытатель (Weissmann. Ueber den Rückschritt in der Natur. Aufsätze über Vererbung und verwandte biologische Fragen. Iena. 1892. 547 и слѣд.). И, что особенно важно, этотъ регрессъ „играетъ очень значительную роль“ въ жизни природы, являясь могучимъ вспомоществовательнымъ орудіемъ самого ея прогресса, а именно, какъ средство устранять оказавшіяся неудачными или ставшія для общихъ физическихъ потребностей природы ненужными либо вредными частныя свойства тѣхъ или иныхъ организмовъ или условій ихъ существованія (тамъ же, 549, 553, 554). Одинъ этотъ фактъ служитъ уже яснымъ доказательствомъ того, что даже въ своихъ наиболѣе общихъ безсознательныхъ стремленіяхъ природа, какъ сила неразумная, не только *не всегда* дѣйствуетъ правильно, а напротивъ *никогда* не ведетъ своихъ процессовъ планомѣрно и безошибочно, что она идетъ ощупью и своихъ, далеко не абсолютныхъ, успѣховъ по отношенію къ главнымъ потребностямъ, достигаетъ дорогою цѣною гибелью безчисленныхъ усилій, попытокъ и приспособленій и безжалостною жертвою еще болѣе многочисленныхъ ихъ результатовъ, живыхъ существъ.

Уже этого одного достаточно для отрицанія предполагаемой, всегдашней, фантастической, какой-то предустановленной гармоніи между потребностью и дѣйствительностью въ природѣ. Наоборотъ, „рядомъ съ самыми совершенными соотвѣтствіями, нѣтъ недостатка въ фактахъ, доказывающихъ несовершенное приспособленіе или даже полное его отсутствіе“ (Metchnikoff, p. 37), тогда какъ съ другой стороны можно констатировать „занятіе излишнимъ при равнодушіи къ необходимому“ (Fabre, Souvenirs entomologiques. 4-e série p. 47), заботы о невѣроятномъ будущемъ одновременно съ пренебреженіемъ необходимыхъ нуждъ настоящаго (Metchnikoff, 43). Эти біологическія „дисгармоніи“, какъ называетъ ихъ Мечниковъ, являются источникомъ многочисленныхъ неудобствъ и настоящихъ золъ для животныхъ и человѣка: сплошь и рядомъ такъ называемыя „естественныя потребности“, по причинѣ несовершенства строенія или полнаго отсутствія надлежащаго органа, принуждены оставаться неудовлетворенными, либо искать себѣ исхода способами анормальными, искаженными. Наоборотъ, во многихъ другихъ случаяхъ переживаніе организаціей былыхъ потребностей, постепенно атрофировавшихся, создаетъ въ животномъ или растеніи присутствіе органовъ и приспособленій, ставшихъ имъ уже ненужными, излишними, являющихся праздною тяготою или вредною помѣхою, дефектомъ въ измѣнившейся организаціи. Эти-то изъяны строенія являются источникомъ неправильныхъ отправленій организма, искаженій его нормальныхъ потребностей, и служатъ такимъ образомъ особенно сильнымъ опроверженіемъ вѣры въ правильность всѣхъ внушеній природы. „Задолго до появленія человѣка были уже въ природѣ существа счастливыя и несчастныя въ силу свойствъ своей организаціи“ (Мечниковъ, 48). Они есть и понынѣ; одно изъ такихъ существъ самъ человѣкъ, физически столь несовершенный, что на 15 органовъ, постепенно въ немъ улучшившихся, Видерсгеймъ (Wiedersheim, Der Bau des Menschens,

1902) насчиталъ у него 17 органовъ вырождающихся и до 107 рудиментарныхъ, ставшихъ ему ненужными при несомнѣнномъ однако крупномъ дефицитѣ во многомъ желательномъ.

Строеніе, столь несовершенное по природѣ, пока оно не находитъ себѣ воспособленія въ умственныхъ силахъ самого человѣка, „въ искусствѣ, часто далеко превосходящемъ природу“ (Metchnikoff, 77), не можетъ и функціонировать безупречно. Вотъ почему во всемъ животномъ мірѣ и въ человѣкѣ, какъ существѣ физическомъ, неправильности и аберраціи въ инстинктахъ, въ потребностяхъ и въ способахъ ихъ удовлетворенія—фактъ настолько же общеизвѣстный, насколько печальный. Не говоримъ уже о *количественныхъ заблужденіяхъ естественныхъ потребностей*: питаніе, сонъ, половой инстинктъ, покой—все это „естественное“ ежеминутно переходитъ предѣлы умѣренности, уклоняясь въ нездоровыя, гибельныя излишества у животныхъ и человѣка. Но и *качественныя заблужденія природныхъ инстинктовъ*—явленія заурядныя. Припомнимъ распространеніе противоестественыхъ половыхъ пороковъ даже въ мірѣ животныхъ, искаженія семейнаго и расоваго инстинкта, пожираніе самками самцовъ, пренебреженіе или уничтоженіе родителями своего потомства, нарушеніе наконецъ инстинкта основного, чувства самосохраненія: самосожиганіе насѣкомыхъ въ лампахъ, птицъ въ маякахъ, самопотопленіе саранчи, леммингов, не говоря уже о „вѣнцѣ творенія“, далеко превзошедшемъ животныхъ въ безумномъ проматываніи силъ, здоровья и жизни!..

Какъ бы гибельны ни были всѣ подобныя явленія, они, по справедливому замѣчанію Летурнò, „при всей своей анормальности, не перестаютъ быть естественными“; но за то они-то и обнаруживаютъ полную несостоятельность примѣненія натурализма, то-есть предполагаемыхъ нормъ естественныхъ влеченій къ нравственности даже съ чисто-физической стороны. Вотъ почему эти нормы непозволительно называть законами, въ особенности же примѣнительно къ человѣку, которому настолько же невыгодно, насколько позорно, да наконецъ и неестественно, подчиняться этимъ естественнымъ влеченіямъ. „*Человѣкъ несомнѣнно—произведеніе не одной природы, но и искусства*“ („Чѣмъ должно быть искусство?“) „Если и признать его созданіемъ только природы, то все-таки въ человѣкѣ она получила сознаніе своего несовершенства и ощутила потребность къ устраненію послѣдняго. Вотъ почему человѣкъ въ строгомъ смыслѣ *не созданіе* природы, *а недосозданіе*, результатъ лишеній, естественнаго пауперизма; онъ не вѣнецъ творенія, а парія, родящійся слабымъ, беззащитнымъ, безпомощнымъ передъ природою и потому требующимъ *сторонней помощи* сначала *отъ себя подобныхъ* (въ дѣтствѣ), затѣмъ—*самопомощи* (въ періодѣ роста и развитія тѣлеснаго и умственнаго) и наконецъ *взаимопомощи* въ пору нравственной зрѣлости. Вотъ почему сама первоначальная слабость его есть источникъ и залогъ его будущей мощи и величія („Предисловіе къ письму Ѳ. М. Достоевскаго“ въ газетѣ „Донъ“ 1897 г. № 80).

Естественнымъ, слѣдовательно, будетъ для человѣка не коснѣніе въ природномъ несовершенствѣ и недоразвитіи, а преодолѣніе ихъ. Только въ низшихъ стадіяхъ своего развитія (утробнаго) повторяетъ человѣкъ генетическую исторію своего животнаго прошлаго, изученіе котораго, столь полезное, конечно, должно имѣть однако цѣлью не возвращеніе къ низшему, не атавизмъ, а совершенствованіе, переходъ къ дальнѣйшему лучшему; только при этомъ условіи память о частію уже побѣжденномъ ничтожествѣ становится вдохновеніемъ, ведущимъ къ полной силѣ, къ полной побѣдѣ. И если это такъ по отношенію къ отдѣльному человѣку, то тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ совокупному человѣчеству. Общество людей складывается по типу животнаго организма только въ состояніи несовершеннолѣтія („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"); приближеніе къ совершеннолѣтію знаменуется именно побѣдою надъ животностью, замѣною безсознательнаго естественнаго внушенія и слѣпыхъ генетическихъ процессовъ болѣе совершенными и сознательными и волевыми дѣйствіями (тамъ же. Ср. Lester Ward. Dynamic Socilogy. I. Preface, p. VIII); окончательнымъ же выходомъ изъ несовершеннолѣтія была бы полная побѣда вторыхъ надъ первыми.

И это *не только условіе нашего человѣческаго благополучія, но и наша обязанность передъ самою природою.* В. Соловьевъ ошибся, когда сказалъ, что мы не отвѣтственны за ея слѣпоту и безжалостность. Наоборотъ! Природа казнитъ за невѣжество всевозможными бѣдствіями и смертью, и казнитъ не безъ основанія; ибо, какъ мы уже говорили, грѣхи невѣдѣнія суть грѣхи смертные (имѣющіе своимъ слѣдствіемъ смерть), хотя и не всегда вмѣняемые, причемъ однако невмѣняемость не избавляетъ отъ исполненія приговора. „Смертная казнь за невѣжество это самый естественной законъ", законъ не нравственной справедливости, а физической необходимости, „наказывающій разумныя существа за недостойное употребленіе ими разума не для познаванія неразумной смертоносной силы и не для управленія ею въ цѣляхъ общаго спасенія, а для взаимнаго истребленія („Добавленія къ Пасхальнымъ вопросамъ"). Для выхода изъ этого общаго, можно сказать, первороднаго грѣха, для замѣны слѣпоты сознаніемъ и безжалостности благотворностью мы и созданы, и въ этомъ-то превращеніи безсознательнаго, безвольнаго и безнравственнаго (не-нравственнаго) и состоитъ заразъ и высшій долгъ, и высшее благо человѣчества („О двухъ нравственностяхъ, теоантропической и зооантропической").

Вотъ, почему мы не можемъ признать истинно-нравственною ту философію (В. Соловьева), которая, доводя себялюбіе до гордости, надменно говоритъ природѣ: „я—не тоже что ты; я *сверхъ* тебя; я—не родъ (твой), хотя и отъ рода; я—не genus, a genius. Я хочу и могу быть безконечнымъ и безсмертнымъ, но *не въ тебѣ* только, а *самъ* по себѣ". (Добавленія къ статьѣ „О двухъ нравственностяхъ"). Позорно раболѣпствовать передъ природою, но недостойно нравственнаго величія человѣка и уподобляться ей, не знаю-

щей нравственности, въ безжалостности, и пренебрегать тѣмъ, отъ чего первоначально исходятъ и наши силы, наша потенціальная способность къ возвышенію. „Природа слѣпа и безразсудна („Die Welt ist blind, die Welt ist dumm, das kümmert mich gar wenig!“ Heine); но ужели для насъ, познавшихъ это несовершенство, притомъ же и на насъ самихъ глубоко отзывающееся, безразлично—будетъ ли оно длиться или будетъ устранено... „Природа безжалостна“ (Hugo, „1793“; Золя въ рѣчи къ Французской молодежи по поводу „банкротства науки“); слѣдуетъ ли отсюда, что и мы должны быть безжалостными ко всему творенію (включающему въ себѣ и насъ), совокупно стенающему и мучащемуся и молящему объ освобожденіи отъ рабства тлѣнію, которому оно притомъ покорилось не добровольно, а по безпомощности и слабости (Римл. 8, 19—22)? Или вступившіе въ царство свободы смѣютъ забывать о томящихся въ рабствѣ?..

Но, независимо отъ *безнравственности* такого отношенія къ природѣ, здѣсь есть прежде всего *физическая невозможность*. Даже и „вѣнцу творенія“, даже и „царю природы“ нельзя выйти *изъ предѣловъ* природы, стать *сверхъ нея*, возвыситься *„только самому по себѣ“* безъ участія и ея въ нашемъ возвышеніи. *„Человѣкъ не созданіе только природы, но и не создатель ея и самого себя независимо отъ нея;* онъ *недосозданъ природою и призванъ досоздать себя, пересозидая ее и себя въ ней“*. (Предисловіе къ письму Достоевскаго). „Не природа Богъ и не Богъ въ природѣ“. Съ другой стороны, и человѣкъ не червь и не рабъ, но и не Богъ! *„Человѣкъ не слѣпой природы порожденіе, а Божіе черезъ насъ продолжающееся и совершенствующееся твореніе“* („Эпиграфы къ Пасхальнымъ вопросамъ“), твореніе и совершенствованіе *реальное*, а потому и возможное только *въ предѣлахъ силъ и способностей, потенціально и проективно въ природу Богомъ заложенныхъ*. „Человѣка въ его пути къ совершенству Господь создаетъ черезъ него самого“ („Безсмертіе, какъ привилегія сверхчеловѣковъ“); но *это прогрессирующее самодосозиданіе осуществимо лишь въ неразрывной связи съ совершенствованіемъ (регуляціей) природы человѣкомъ*. Только просвѣщая и облагораживая ее, получаетъ онъ и самъ возможность возвышаться; только освобождая природу отъ слѣпоты и безвольности, становится и самъ онъ сыномъ свѣта и свободы. Не перейти за предѣлы природы и за предѣлы добра и зла въ фантастическую область сверхчеловѣчности должны мы; мы должны, пребывая сынами человѣческими, искоренить зло и создать благо въ области природы, въ ея необозримо-способныхъ къ расширенію силахъ и возможностяхъ, дабы и природа, и мы сами стали наконецъ тѣмъ, чѣмъ должны быть: живымъ храмомъ Бога Живого.

Но совершенное знаніе, какъ и истинная свобода, не даются единичнымъ усиліямъ не только зараженныхъ „волею къ власти“ сверхчеловѣковъ, но и вдохновленныхъ „волею къ воскрешенію“ сыновъ человѣческихъ разрозненныхъ и взятыхъ въ отдѣльности („12-членная схема ученія о долгѣ и дѣлѣ воскрешенія“). Побѣда возможна *только при полнотѣ согласныхъ, добровольныхъ*

усилій всѣхъ людей, сознающихъ и чувствующихъ себя братьями, то-есть, всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединенныхъ всеобщею любовью къ отцамъ, ибо лишь по отцамъ мы братья. Братство, понимаемое *такъ*, реально, а не отвлеченно-гуманистически, не только нравственно выше всѣхъ другихъ идеаловъ, оно и могущественнѣе всѣхъ ихъ. Безъ возврата къ нему безсиленъ всякій прогрессъ, невозможна никакая побѣда надъ зломъ въ жизни, надъ несовершенствомъ въ природѣ. Всего же менѣе возможна побѣда при ограниченіи задачъ жизни, задачъ поведенія человѣчества нормами чисто-натуралистическими, указаніями одной природы, взятой въ ея независимости отъ силы разумной и нравственной.

Но если несостоятельна *старая* натуралистическая этика, потому одному уже, что природа не знаетъ *никакой* этики: нѣтъ надобности открывать и вводить какую либо *новую*, еще неиспытанную этику для современнаго человѣчества, какъ не нужны ему и новые пророки, новые мессіи. Путь спасенія полнаго и всеобщаго, единственный непреложный, уже указанъ: онъ указанъ сынамъ человѣческимъ ихъ Спасителемъ, называвшимъ Себя Самого Сыномъ Человѣческимъ. Не въ звѣроподобной борьбѣ съ себѣ подобными обрѣтемъ мы право свое на спасеніе! Не матеріалистическій индивидуализмъ и не зооантропическій коллективизмъ приведетъ насъ къ благу и счастію! Не всестороннее себялюбивое совершенствованіе личности, согласно съ правиломъ гуманистической этики, и не принудительное уравненіе въ эксплуатаціи производствъ и распредѣленіи благъ вещественныхъ (при сохраненіи всеобщаго рабства людей у врага общаго, у силы стихійной, безсознательной и безвольной), дастъ намъ свободу, и миръ, и счастіе! Сѣющіе въ тлѣніе пожнутъ только тлѣнное; плоды же свободы и мира достаются лишь „сѣющимъ въ жизнь вѣчную", освобождающимъ самую жизнь отъ рабства тлѣнію знаніемъ и совершенствованіемъ всеобщимъ, совокупнымъ, объединеннымъ и взаимнымъ, включающимъ въ себя не только всѣхъ людей, какъ сыновъ общаго земного и общаго Небеснаго Отца, но и ихъ общую физическую мать-природу, слишкомъ долго, по ихъ невѣдѣнію и злой волѣ, остававшуюся не матерью любящею, а лихою мачехою. Въ кровавомъ заревѣ несущійся боевой кличъ къ борьбѣ съ себѣ подобными изъ-за благъ, не уничтожающихъ общей природной бѣдности, „*пролетаріи* всѣхъ странъ, объединяйтесь!", этотъ крикъ долженъ быть замѣненъ безкровнымъ призывомъ къ миру всего міра: „*сыны человѣческіе, объединяйтесь* для завоеванія богатства неветшающаго, спасенія общаго, жизни безсмертной для всего рода человѣческаго, для *пролетаріевъ вселенной*, способныхъ стать своими и ея избавителями отъ гибели!" Безсильное, безплодное и гордое велѣніе гуманистической этики: „*совершенствуйся и будь совершенъ!*" должно быть замѣнено Евангельски-кроткимъ, божественно-мощнымъ словомъ спасенія: „*будите* какъ дѣти, *будите* вси едини, *будите совершени во-едино*, будите совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть!"

Остается разсмотрѣть послѣднюю опору пассивнаго отношенія къ природѣ, выводимаго изъ предубѣжденія о цѣлесообразности ея дѣйствій, а именно опору *религіозную*, ту которая многими почерпается въ области христіанскаго убѣжденія о *зависимости всего совершающагося вообще, а слѣдовательно и всѣхъ дѣйствій природы отъ воли и мудрости Божіей*. То, чего для ума, требующаго нравственнаго смысла въ міровой и человѣческой жизни, нельзя оправдать слѣпымъ, безсмысленнымъ фатализмомъ, то является будто бы оправданнымъ съ высшей точки зрѣнія, признающей конечное руководительство міра его Творцомъ и жизни отеческимъ Провидѣніемъ. Отъ глубокихъ сомнѣній по вопросу о причинѣ зла и страданія, возбужденныхъ въ дни сѣдой древности мудрецомъ Авситидійскимъ, до устраненія ихъ довѣріемъ любящаго, дѣтски-чистаго сердца къ Отцу Небесному въ свѣтлые дни Галилейской проповѣди и до суроваго упрека Павла вновь колеблющемуся уму: „а ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ?“ не было и быть не могло болѣе простого рѣшенія этого труднѣйшаго изъ вопросовъ міровой этики, какъ рѣшеніе его *вѣрою*, но (не забудемъ этого) именно *вѣрою, не доказательствомъ разсудочнымъ*, рѣшеніе порывами, запросами, требованіями сердца, нравственнаго чувства, а не доводами разума. Нѣтъ болѣе благороднаго *предположенія* и быть не можетъ, какъ предположеніе о конечномъ *нравственномъ* основаніи, а слѣдовательно, и оправданіи того, что̀ кажется несовершенствомъ и зломъ; безъ этого предположенія при сохраненіи пассивнаго отношенія къ природѣ сама жизнь въ нравственномъ смыслѣ стала бы невозможною. И все же... предположеніе, не доказательство! И тамъ, гдѣ вопросъ съ пламенѣющаго жертвенника сердца переносится въ холодную лабораторію ума, все величіе, вся святыня вѣры не замѣнятъ ограниченнаго въ своихъ силахъ и способностяхъ, но самостоятельнаго въ своихъ правахъ и требованіяхъ человѣческаго разума. Безконечно дорога̀ самобытная и потому совершенно недоступная дерзкимъ набѣгамъ разсудочнаго сомнѣнія твердыня вѣры, охраняющая и нравственное разрѣшеніе проблемы зла въ мірѣ; но внѣ окоповъ этой твердыни, на беззащитной равнинѣ простого разсужденія битва съ сомнѣніями по данному вопросу была бы при помощи однихъ орудій чистаго мышленія безнадежною. Здѣсь не только вѣра остается мертвою безъ дѣла, здѣсь и разумъ настолько же безсиленъ безъ доказательства *дѣломъ же*. Нравственная причина временнаго несовершенства міра и необязательнаго присутствія въ немъ зла изъ недоказуемой разсужденіемъ самодовлѣющей интуиціи вѣры, изъ неразрѣшимой вѣрою антиноміи чистаго разума, можетъ превратиться въ очевидность одинаково убѣдительную, какъ для вѣрующихъ, такъ и для невѣрующихъ лишь самимъ *фактомъ* или, выражаясь точнѣе, *актомъ совокупной человѣческой воли, которая несовершенство природы превратитъ въ совершенство и, не оправдывая зла, не называя его скрытымъ или непонятнымъ добромъ, замѣнитъ его несомнѣннымъ благомъ, высшею справедливостью, очевидною красотою*. Лишь когда „упразднится послѣдній врагъ, смерть“ „оправдана будетъ и премудрость чадами ея“; то есть мудрость плана, оставленнаго несовершеннымъ для того, чтобы онъ могъ быть усовершенство-

ванъ самими сынами мудрости, будетъ доказана результатомъ дѣяній ихъ, вѣрою, воплотившеюся въ дѣлѣ любви, и мыслью и знаніемъ, ставшими изъ пассивныхъ и отвлеченныхъ активными и реальными. Только встрѣчая зарю Свѣтлаго дня всеобщаго воскресенія, воскликнемъ мы всѣ съ историческимъ Ѳомою столь же убѣжденно, столь же благодарно, какъ онъ: „Господь нашъ и Богъ нашъ!“ и не будетъ уже нужды взывать, какъ въ часы передразсвѣтные: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“!

Но если такъ, если „не тщетнà наша вѣра“ и чтобы не была она тщетнà, мы должны почерпать въ ней основанія не для пассивнаго, а для активнаго міро-и жизне-воззрѣнія. И да не сбиваетъ насъ въ этомъ смыслѣ съ праваго пути ошибочное пониманіе какъ историческаго, такъ и принципіальнаго смысла Христіанства!

Реакція противъ языческаго отношенія человѣка къ природѣ начата была именно христіанствомъ первоначальнымъ. Въ противоположность фаталистически-оптимистическому взгляду древнихъ на природу, оправдывавшему ея несовершенства, узаконявшему ихъ и взывавшему къ согласію съ нею, первые христіане были убѣждены, что „весь міръ во злѣ лежитъ“ (Іоан. 5, 19) разумѣя несомнѣнно подъ этимъ не только міръ человѣческихъ отношеній, но и природу, ставшую подъ вліяніемъ грѣхопаденія несовершенною, заключенною подъ проклятіе, „грѣха ради“. Грѣхомъ, то есть нарушеніемъ совершенства и всевозможными слѣдствіями грѣха, то есть недостатками, пороками полонъ міръ, полонъ „похоти очесъ, похоти плотской“. Оттого Апостолъ Любви и взываетъ „не любить міра, ни всего, что̀ въ мірѣ“: ибо „кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей“. Здѣсь зародыши христіанскаго аскетизма, пренебреженія къ матеріальному, къ тѣлесному; ибо „плоть и кровь не могутъ наслѣдовать Царствія Божія“. Въ мірѣ матеріальномъ, каковъ онъ есть (послѣ грѣхопаденія и при грѣховности людей), проявленія благодати Божіей оттѣснены, затемнены проявленіями зла, исказившаго первоначальное твореніе: здѣсь подвизаются „духи тьмы, власти, начальства“ міра матеріальнаго, то есть именно стихійныя силы, облекаемыя тогдашнимъ Еврейскимъ міровозрѣніемъ въ формы демоническія.

О согласованіи съ природою для христіанской нравственности не могло, слѣдовательно, быть и рѣчи; такого согласованія, свойственнаго „безсловеснымъ животнымъ, *водимымъ природою*“ (I Петр. 2, 12), ищутъ „сыны вѣка“, потворствующіе своимъ похотямъ, понимающіе и свободу какъ угожденіе плоти; сынамъ же свѣта подобаетъ искать Царствія Божія, которое не въ пищѣ и питіи, не въ одеждѣ или богатствѣ, а въ святости и радости во Святомъ Духѣ. „Помышленія плотскія—смерть (Римл. 8, 6); по сему живущіе по плоти (по внушеніямъ природы) Богу угодить не могутъ“ (8). Вотъ почему „рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ“ (I, Іоан. 5, 4). Мало того! Противопоставленіе человѣческаго духа природѣ („помышленія духовныя—жизнь и міръ“, Римл. 8, 6) облечено въ форму высшаго нравственнаго пра-

ва: мы не обязаны подчиняться неразумной, ненравственной силѣ; въ противоположность языческой этикѣ, внушавшей „отдавать долгъ природѣ" какъ чему-то родному, материнскому (Homo sum...). христіанская этика, на первыхъ же порахъ своего развитія, устами именно Апостола язычниковъ, обращаясь именно къ центру языческаго міра, къ Риму, объявляетъ, что *„мы не должники плоти*, чтобы жить по плоти" (Римл. 8, 12); *вы не приняли духа рабства*, (т. е. подчиненія природѣ), чтобы *жить въ страхѣ* (передъ неразумною силою, (15); ибо „всѣ, водимые Духомъ Божіимъ", не сыны природы, а сыны Божіи, принявшіе Духа усыновленія", которымъ взываемъ: Авва, Отче!.. А если мы дѣти Божіи, то и наслѣдники Божіи, сонаслѣдники Христу (14—17), а не рабы природы.

Но, вызывая реакцію противъ поклоненія природѣ, Христіанство *не по существу* своему, *а въ томъ направленіи, которое оно исторически приняло*, не смогло облечь этого противодѣйствія въ надлежащую форму, разойдясь въ этомъ, какъ ниже увидимъ, съ духомъ своего Основателя. Вопреки Его главной *по-воскресной* заповѣди: „шедше, *научите вся* языки", при самомъ открытіи всемірнаго объединительнаго шествія, долженствовавшаго быть „свѣтомъ, просвѣщающимъ *всѣхъ*", мы встрѣчаемъ въ проповѣдникахъ-учителяхъ отрицаніе самой способности знанія въ человѣкѣ, отрицаніе достаточныхъ для знанія силъ разума. Такъ по крайней мѣрѣ поняли отношеніе Христіанства къ разуму позднѣйшіе толкователи канонической письменности, хотя и сами пользовались, при этихъ толкованіяхъ, тою же способностью, которой они не давали мѣста въ христіанскомъ дѣлѣ. Можно, конечно, и даже слѣдуетъ полагать, что, осуждая мудрость, бывшую въ язычествѣ (дѣйствительно заносчивую, не признававшую опыта и остававшуюся при мысленныхъ только средствахъ и потому неспособную служить дѣлу христіанскому) каноническая письменность отвергла лишь не-по-заслугамъ гордое ученіе Греческаго города. Во всякомъ однако случаѣ не видно, чтобы тогдашнее Христіанство имѣло намѣреніе знаніе (обратившееся въ умозрительную, умственную и нравственную заносчивость городского просвѣщенія, презиравшаго природу) направить на должный путь, къ селу, для изученія господствующихъ надъ человѣкомъ естественныхъ силъ, заставляющихъ его служить матеріи. Потому-то Христіанство и придало ограниченный лишь смыслъ заповѣди „научите!"; потому-то оно и бичевало стольких, одаренныхъ сильными умственными способностями, не указывая дѣла, въ которомъ эти таланты могли бы найти приложеніе; потому-то, наконецъ, и само Христіанство (*историческое*), вмѣсто указанія дѣйствительныхъ способовъ къ освобожденію отъ зависимости у небесныхъ и земныхъ силъ, усвоило лишь гордый взглядъ на матерію и природу, уча, по-ветхозавѣтному, не покланяться ничему, что на небѣ, на землѣ и подъ землею. Иногда-же Христіанство даже не признавало эти силы только бездушными, слѣпыми, какъ бы слѣдовало, а считало ихъ за демоновъ, поступая такимъ образомъ уже совсѣмъ не по-христіански, а вмѣстѣ съ тѣмъ узаконяя и невѣжество. Іустинъ не вступилъ въ школу

платониковъ потому, что для этого требовалось знаніе геометріи, и это свидѣтельствуетъ, конечно, что геометрія не расширила смысла послѣдователей Платона настолько, чтобы не требовать отъ приходящихъ готоваго знанія геометріи, а учить этому знанію. Христіанство было шире: оно не отказывало въ принятіи никому, оно приняло и Іустина. Но Іустинъ, перейдя въ Христіанство, не отказался отъ язычества; ибо, вмѣсто полудобрыхъ боговъ, каковы языческіе, онъ призналъ совсѣмъ злыхъ, каковы демоны, въ которыхъ онъ вѣрилъ. Признавши въ силахъ природы демоновъ и въ этомъ оставаясь языческимъ, Христіанство, правда, считало нужнымъ бороться съ ними, и въ этомъ оно проявляло себя истиннымъ Христіанствомъ; но боролось оно съ ними лишь знаками символическими (каково, напримѣръ, крестное знаменіе), въ которыхъ признавало магическую силу". („Вопросъ о братствѣ часть 3-я „Историческій очеркъ. Примѣчаніе 21").

Печальныя слѣдствія такого взгляда на природу для судьбы науки и просвѣщенія народнаго слишкомъ хорошо извѣстны, равно какъ и обвиненія, воздвигавшіяся отсюда на Христіанство не только въ его историческомъ развитіи, но и по существу. Не трудно однако изобличить несостоятельность послѣдняго обвиненія, основаннаго на слишкомъ извѣстной ошибочной привычкѣ смотрѣть на происшедшее, какъ на единственное возможное, и изъ того, что̀ было, заключать о томъ, что̀ иначе и быть не могло. *Сущность и смыслъ Христіанства опредѣляются не* тѣми *толкованіями и примѣненіями*, которыя давались ему въ ту или другую пору, при тѣхъ или иныхъ историческихъ условіяхъ, *а нравственнымъ и идейнымъ содержаніемъ основныхъ ученій и дѣяній самого его Основателя*, Его рѣчей и поступковъ, взятыхъ притомъ не на выборъ, не въ разрывѣ съ цѣлымъ, а непремѣнно въ единомъ, цѣльномъ, стройномъ, живомъ, жизненномъ и животворномъ образѣ. И можетъ ли быть, при такомъ взглядѣ на сущность Христіанства, даже малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что *Христосъ былъ Учителемъ просвѣщенія, а не невѣжества*, свѣтомъ міру, просвѣщающимъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, да вси сынами свѣта будутъ"? Не взывалъ ли Онъ „бѣжать тьмы" и „ходить во свѣтѣ?" и не *соединилъ* ли *обѣтованія свободы съ заповѣдью овладѣть знаніемъ*, то-есть истиною, когда сказалъ: „познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными?" (Іоан., 8, 32).

Важнѣе же всего то, что просвѣщеніе, *знаніе, Онъ разумѣлъ не языческое, созерцательное и отвлеченное, пассивное, а дѣятельное, жизненное и живоносное*. Конечною цѣлью человѣческаго знанія у Него *не* было, какъ у иныхъ мудрецовъ, *знаніе лишь ради знанія, а знаніе какъ средство всеобщаго спасенія* отъ несовершенствъ и бѣдствій, угнетающихъ людей. Это очевидно изъ того, что Онъ, Которому ученики приписывали всевѣдѣніе (Іоан., 21, 17 и 2, 24—25), утверждалъ Свое посланничество отъ Бога не на мудрости, а на благотворительности Своей, не на всевѣдѣніи, а на всемилосердіи. Такъ, посламъ Іоанна, вопрошавшаго: Онъ ли Обѣщанный или ждать иного? Онъ, вмѣсто доказа-

тельствъ разсужденіями и умозаключеніями, ограничился указаніемъ на дѣла Свои (Матѳ., 11, 4—5, Іоан. 5, 36. Іоан. 10, 38 и 14, 11), то-есть далъ доказательство не отвлеченное, а активное, дѣлами, и притомъ дѣлами именно благотворенія, избавленія отъ бѣдствій, причиняемыхъ слѣпыми силами природы и грѣхами невѣдѣнія и раздора между людьми, вслѣдствіе чего и остается въ своей слѣпотѣ природа, наказывая насъ не за одну рознь, но и за невѣдѣніе; ибо грѣхи невѣдѣнія, вообще грѣхи невольные безсознательные, на которые мы привыкли смотрѣть столь снисходительно, суть, какъ уже было сказано, грѣхи смертные, то-есть наказуемые смертью, сила коей поддерживается именно человѣческимъ невѣдѣніемъ природы. („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра. Въ чемъ наша задача?“).

Если невѣдѣніе и рознь—союзники и орудія гибели, смерти, то дѣятельность *Спасителя*, наоборотъ, всецѣло направлена была къ *спасенію* отъ гибели, къ избавленію отъ смерти, къ жизни, къ безсмертію и воскресенію. Попеченія Его объ алчущихъ и болѣзнующихъ, накормленіе голодающихъ, включеніе просьбы о хлѣбѣ насущномъ въ молитву къ Отцу Небесному и въ исполненіе воли Его на землѣ, исцѣленія больныхъ тѣломъ и духомъ, изгнаніе изъ организма злого, болѣзнотворнаго начала (олицетворявшагося въ тогдашнемъ народномъ пониманіи въ силахъ демоническихъ), все это только подготовка, только часть высшаго спасительнаго дѣла *избавленія отъ смерти*. Именно побѣда надъ нею, *воскрешеніе, было высшимъ проявленіемъ спасающей силы Христовой*, наиболѣе убѣдительнымъ, по Его собственному указанію („пойдите, скажите Іоанну, что̀ слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, *мертвые воскресаютъ*“. Матѳ., 11, 4—5), и по мнѣнію учениковъ Его, и по приговору самихъ сомнѣвавшихся и всего народнаго множества, которое „потому и встрѣтило Его, что слышало, что Онъ сотворилъ это знаменіе (воскресилъ Лазаря), ради чего многіе изъ Іудеевъ увѣровали въ Него“ (Іоан. 12, 17—18 и 11) и встрѣтили Его какъ царя, какъ Мессію, даже въ самомъ гнѣздѣ невѣрія и ненависти къ Нему, въ Іерусалимѣ.

Проповѣдь жизни, безсмертія и воскресенія—вотъ сущность ученія Спасителя. Отца Небеснаго Онъ называетъ „Богомъ отцовъ“, то-есть умершихъ, но въ тоже время „Богомъ *не мертвыхъ, а живыхъ*“ (Марк., 12, 26—27), то-есть имѣющихъ ожить, воскреснуть; ибо „Богъ *смерти не создалъ*“, не хочетъ погибели *ни единаго* (Іоан., 6, 39), хочетъ „*всѣмъ* спастися и *всѣмъ* въ разумъ истины прійти“. Заповѣдь Божія есть *жизнь вѣчная*“ (Іоан., 12, 50); соотвѣтственно сему и „обѣтованіе“ Спасителя есть также „жизнь вѣчная“ (1 Іоан. 2, 25). Оттого и говоритъ Онъ о Себѣ: „Я есмь *воскресеніе и жизнь*“ (Іоан. 11, 25); „какъ Отецъ имѣетъ „*жизнь* въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ *имѣть жизнь* въ Самомъ Себѣ“ (Іоан. 5, 26); „вѣрующій въ Него *не умретъ* во вѣкъ“, или, выражаясь иначе, „если и умретъ, *оживетъ*“ (Іоан. 11, 26 и 25), „не погибнетъ“ слѣдовательно, а „будетъ имѣть *жизнь вѣч-*

ную (Іоан. 3, 16). Условіемъ же жизни и безсмертія Спаситель, смерти Побѣдитель, Воскреситель ставитъ вѣру въ Него и въ Пославшаго Его и воплощеніе этой вѣры *въ дѣлахъ,* уподобляющихся Его дѣламъ (Лук. 6, 46 и сл. Матѳ. 7, 21, 22. Іоан. 14, 12). Это и есть служеніе Богу въ духѣ и истинѣ, служеніе *дѣломъ въ жизненномъ смыслѣ (въ духѣ) и въ знаніи (въ истинѣ)* („Вопросъ о причинахъ"...), *высшимъ выраженіемъ чего должно быть наконецъ, умертвленіе и самой смерти,* какъ самаго крайняго выраженія вражды, невѣжества, слѣпоты и неродственности", словомъ—антихристіанства (тамъ же), что подтверждаетъ и Павелъ („послѣдній же врагъ истребится смерть". 1 Кор. 15, 26). Призывая *всѣхъ* къ спасенію отъ гибели, Спаситель указываетъ на Свою объединительную, просвѣтительную и цѣлительную, словомъ—живоносную дѣятельность, какъ на задачу для всеобщаго подражанія, завѣряя притомъ и въ успѣшности такихъ усилій: „истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня дѣла, которыя творю Я, *и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ"* (Іоан. 14, 12). Запомнимъ это: *не только эти* дѣла, *но „и больше ихъ"!!...*

Отсюда, и только отсюда разрѣшается величайшій изъ вопросовъ телеологіи, должнымъ образомъ поставленной, вопросъ неизбѣжный для всѣхъ, не утратившихъ сознанія необходимости искать и находить смыслъ въ жизни, вопросъ *„чесо ради созданъ бысть человѣкъ?"*, правильно поставленный и разрѣшенный скромною, но глубокою думою и нашей родной древней Руси (См. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Кіевъ. 1901). Если Богъ смерти не создалъ, а создалъ жизнь, если Богъ есть Богъ не мертвыхъ, а живыхъ, не хотящій погибели ни единаго, и если Христосъ не есть *„Оправдатель"* только въ протестантскомъ смыслѣ, а есть, въ православномъ и народномъ смыслѣ, *Спаситель, смерти и ада (царства смерти) Побѣдитель,* если Онъ—*Воскреситель,* „безсмертія источникъ, житія новаго, вѣчнаго Начало": то и подвигъ Христовъ не есть лишь оправданіе, то-есть только *мысль;* онъ есть *дѣло,* дѣло возсозданія жизни, *всеобщаго воскрешенія.* Это съ изумительною глубиною и выражено вдумчивою православною иконописью, которая съ очевидностью указываетъ на связь крестнаго подвига (пожертвованія жизнью, кровью, какъ выраженія сыновней любви) со всеобщимъ воскрешеніемъ, ибо въ лицѣ Адама (Адамовой головы со скрещенными костями у подножія Креста), въ лицѣ останковъ праотца человѣческаго рода, орошаемыхъ кровью изъ прободеннаго ребра Спасителя, представляются всѣ умершіе, весь прахъ, „имѣющій возстати", а во имя Христа-Спасителя и Его крестнаго подвига объединяются и всѣ живущіе для общаго дѣла всеобщаго спасенія, воскрешенія („Вопросъ о братствѣ", часть 1).

Только искаженіе этого существеннаго смысла дѣла Христова могло придать подвигу Спасителя иное, отвлеченное, умозрительное, *богословское* значеніе, вмѣсто прямого, жизненнаго, *богодѣйственнаго.* „Оправданіе, искупленіе, возрожденіе, освященіе, примиреніе—все это лишь отвлеченныя выраже-

нія воскрешенія... Искаженіе Православія Католицизмомъ состоитъ въ томъ, что онъ замѣнилъ воскрешеніе дѣлами оправданія, хотя остается непонятнымъ, почему слѣдствіемъ такого подвига можетъ быть воскрешеніе, такъ какъ *правда* сама-по-себѣ не можетъ быть причиною возвращенія къ жизни, а можетъ быть (при извѣстномъ воззрѣніи на справедливость) даже причиною лишенія жизни. Съ другой стороны Протестантизмъ, отвергая *дѣла* оправданія, не сталъ *дѣломъ единымъ*, дѣломъ воскрешенія, а выродился лишь въ *мысль*. Если смотрѣть на подвигъ Христа какъ на оправданіе только, пришлось бы допустить, что умилостивить всевѣдущее, всемогущее Существо могутъ только страданія невиннаго существа; если же это не такъ, придется признать, что *въ самомъ подвигѣ спасающемъ заключается соединеніе знанія и силы, возвращающей жизнь*, и тогда, то-есть въ послѣднемъ случаѣ, подвигъ будетъ исполненіемъ требованія со стороны Бога *полнаго уподобленія Ему, а не однимъ лишь умилостивленіемъ Его*". Вотъ почему мы въ правѣ сказать, что „въ системѣ оправданія есть только мнимое безсмертіе, а не дѣйствительное воскрешеніе". („Вопросъ о братствѣ", ч. I). Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ и В. Соловьевъ, „Христіанство есть именно религія *воплощенія* Божія и *воскрешенія плоти*". („Проектъ соединенія церквей" статья Николая Ѳедоровича). А если такъ, и если непремѣнное условіе всеобщаго спасенія есть полное уподобленіе вѣрующаго Христу, выражающееся *не въ одной вѣрѣ* въ Спасителя и въ Бога отцовъ (Бога живыхъ, Бога, смерти не создавшаго), *но и въ дѣлѣ спасенія*, то яснымъ становится, что и человѣкъ, дѣлаясь *исполнителемъ* воли Божіей и ученикомъ Христа, будетъ *орудіемъ не смерти, а жизни* („Вопросъ о братствѣ", ч. I), исполнителемъ заповѣди, призывающей „быть совершенными, какъ Отецъ Небесный, призывающей къ тому, чтобы возсозданіемъ и воскрешеніемъ быть подобными самому Творцу", разумѣется, въ предѣлахъ возможнаго для творенія, конечно, не равносильнаго самому Творцу („Супраморализмъ").

Если оправданіе состоитъ въ уподобленіи человѣка Христу, какъ образцу высшей добродѣтели, то подъ добродѣтелью, очевидно, надо разумѣть добро не отвлеченное, а воскрешеніе, какъ полное выраженіе братства сыновъ и любви къ отцамъ; ибо Христосъ есть *воскреситель*, и въ этомъ весь смыслъ Его. „Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ", говоритъ Писаніе, „и если Христосъ не воскресъ,... то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша... Ибо если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ... то и вѣра ваша тщетна... Если мертвые совсѣмъ не воскресаютъ, то для чего и крестятся для мертвыхъ?" (1 Кор. 15, 13—17 и 29). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ воскрешеніи—весь смыслъ и послѣднее, высшее слово нравственности. Ставшее уже вопросомъ для невѣрующихъ и остающееся еще глубокою тайною для вѣрующихъ, Христово воскресеніе можетъ разрѣшиться только всеобщимъ воскрешеніемъ, для чего необходимо соединеніе тѣхъ, для коихъ все—только вопросъ (людей знанія) съ тѣми, кому все—тайна (люди дѣла, труда, народъ); необходимо соединеніе ихъ въ знаніи и въ общемъ дѣлѣ спа-

сенія человѣчества, въ дѣлѣ, завершеніемъ коего и будетъ воскрешеніе". „Христіанство не было бы Христіанствомъ, то-есть любовью всемірною, все наполняющею, неописанною (какъ выражается Церковная пѣснь о Христѣ, отождествляя Его вездѣсущность съ безпредѣльностью любви Его), если бы оно не было всеобщимъ воскрешеніемъ". „Воскресеніе Христа требуетъ всеобщаго воскрешенія. Другого оправданія для насъ нѣтъ, ибо Христіанство есть общее дѣло воскрешенія, а не мысль только, и никакимъ другимъ дѣломъ оно замѣнено быть не можетъ" („Вопросъ о братствѣ").

Раскрывая передъ человѣкомъ величавую и святѣйшую цѣль, Христіанство тѣмъ самымъ упраздняетъ радикально пассивное, подневольное, рабское отношеніе человѣка къ природѣ, разрушая въ самомъ корнѣ всѣ его основанія. Начало по преимуществу активное и оптимистическое, Христіанство по существу своему есть полная противоположность натуралистическаго и пессимистическаго фатализма; дѣятельное по основному побужденію и по конечной цѣли, оно не можетъ быть инымъ и по средствамъ, ведущимъ къ цѣли. И только трудно - преодолимымъ воздѣйствіемъ долговременныхъ традицій, только угнетающимъ рефлексомъ Восточной апатіи, Еврейскаго покоя (субботы) и античнаго языческаго, себялюбиваго матеріализма, предпочитавшаго наслажденіе блаженствомъ настоящаго въ „согласіи съ природой" борьбѣ съ нею ради будущаго всеобщаго блага,—только силою давленія всего этого наслѣдія вѣковъ и привычкою къ упрочившемуся на немъ міровоззрѣнію можно объяснить себѣ широкій успѣхъ того ошибочнаго взгляда на Христіанство, который призывъ къ дѣятельности, къ непрестанному труду освобожденія отъ неразумныхъ и безнравственныхъ силъ подмѣняетъ смиреннымъ на видъ, въ дѣйствительности же только лѣнивымъ и непродуманнымъ равнодушіемъ къ несовершенству и злу, будто бы отъ насъ независящимъ, и оправдываетъ собственное недѣланіе ссылками на верховную волю Творца, безъ воли Котораго не спадаетъ ни единый волосъ съ главы человѣческой.

Это наслѣдственное тяготѣніе къ безволію и бездѣйствію нашло себѣ оправданіе въ вышеочерченномъ воззрѣніи на Спасителя и Воскресителя какъ на Оправдателя и Примирителя съ Богомъ, при чемъ возобладаніе второго взгляда надъ первымъ стоитъ также въ генетической связи съ предшествующимъ Еврейскимъ и языческимъ понятіемъ о первенствующемъ значеніи искупительнаго (жертвеннаго) начала въ подвигѣ спасенія. Какъ бы вдумчиво и нравственно ни было психологическое побужденіе къ такому (черезъ посредство Искупителя) спасенію отъ грѣха и его слѣдствія (смерти) оно вдавалось въ пагубную односторонность, какъ скоро у однихъ слишкомъ принижало, а у другихъ и совсѣмъ упраздняло значеніе активнаго участія самого человѣчества въ дѣлѣ спасенія. Излишне, конечно, и говорить о томъ, что для Творца всемогущаго возможно осуществленіе всеобщаго спасенія и безъ самостоятельнаго участія спасаемыхъ; но едва ли требуется доказывать, насколько

ниже *въ нравственномъ смыслѣ* былъ бы планъ *дарового спасенія*, не заслуженнаго ни разумнымъ выборомъ, ни добровольнымъ рѣшеніемъ, ни любвеобильнымъ согласіемъ, ни сознательнымъ и нравственнымъ усиліемъ рода человѣческаго. Всѣ основы нравственности изчезали бы изъ такого плана; жизнь, съ точки зрѣнія справедливости, теряла бы смыслъ и цѣль и превращалась бы въ фатальный процессъ съ заранѣе опредѣленнымъ, неизмѣняемымъ исходомъ, въ пассивную со стороны людей эволюцію, въ которой нѣтъ мѣста силамъ сознанія и воли. Не таковъ планъ спасенія истинно-христіанскаго! Въ ученіи, призывающемъ всѣхъ къ свободѣ („къ свободѣ призваны вы, братія!" Гал. 5, 13) „познаете истину, и истина сдѣлаете васъ свободными". (Іоан. 8, 32) и всѣхъ къ разуму истинному („да всѣ въ разумъ истины пріидутъ!"), активное участіе человѣчества въ дѣлѣ его спасенія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. *Оно необходимо не по физической необходимости*, конечно, ибо могло бы быть совершено и одною божественною силою; *оно необходимо какъ выраженіе величайшей мудрости и высочайшей нравственности*, какъ выраженіе полноты любви и благости Бога, Отца нашего", къ людямъ какъ выраженіе, наконецъ, почтенія Творца къ достоинству Его созданія („Проектъ соединенія церквей!") Превращеніе міра еще несовершеннаго (лишь потенціально-предназначеннаго къ совершенствованію) въ совершенный Богомъ черезъ насъ („Вопросъ о братствѣ"), ничуть не умаляя Творца, неизмѣримо возвышаетъ твореніе исполненіемъ воли Отца Небеснаго на землѣ и на небѣ (въ иныхъ мірахъ), исполненіемъ заповѣди Сына Единороднаго уподобляться Ему дѣлами, которыя Онъ творилъ, дѣлами спасенія и возвращенія жизни. Осуществленіе человѣкомъ христіанскаго плана всеобщаго спасенія не будетъ ли осуществленіемъ полноты любви и къ Богу, и къ ближнимъ, къ Отцу Небесному и къ земнымъ отцамъ и братьямъ? А міръ, такою любовью преображенный, не станетъ ли выраженіемъ самого Бога любви и согласія, Бога Тріединаго?"... („Вопросъ о братствѣ", ч. II).

Восхищаясь этимъ величавымъ взглядомъ нашего мыслителя на Христіанство, В. С. Соловьевъ, назвавшій ученіе, на этомъ взглядѣ основанное, „*первымъ шагомъ послѣ Христа*" (въ письмѣ, имѣющемъ быть опубликованнымъ мною), но не сумѣвшій самъ или, вѣрнѣе, не насмѣлившійся дать ему достаточно ясное и опредѣленное выраженіе въ своемъ собственномъ ученіи, признаетъ (въ „Рефератѣ о средневѣковомъ міросозерцаніи" *), что „христіанство предполагаетъ дѣйствіе Божіе и вмѣстѣ съ тѣмъ *требуетъ и дѣйствія человѣческаго*", что „оно есть *дѣло, на насъ возложенное*, задача, которую должны разрѣшить *мы*". „Христіанство есть *дѣло, дѣло жизни* для человѣчества"; стало быть, дѣло, отъ котораго зависитъ наше существованіе, и не временное, конечно, а вѣчное. „Своею смертью и воскресеніемъ *Хри-*

---

*) Вліяніе на этотъ „Рефератъ" предшествовавшихъ ему бесѣдъ Владимира Сергѣевича съ Николаемъ Өедоровичемъ можно считать доказаннымъ.

стосъ (говоритъ В. Соловьевъ) *спасъ міръ въ принципѣ*, въ корнѣ, въ центрѣ, *а распространить это спасеніе на весь (!) кругъ человѣческой и міровой (!) жизни, осуществить начало спасенія во всей нашей дѣйствительности*—это Онъ можетъ сдѣлать *уже не одинъ а лишь со всѣмъ человѣчествомъ*". Такъ выражаетъ мысль Николая Ѳедоровича нашъ прославленный философъ, несомнѣнно читавшій, и притомъ „съ восторгомъ", изложеніе его ученія и принимавшій (по крайней мѣрѣ одно время) его главныя положенія „безусловно" (указанія на это—въ вышеназванномъ письмѣ Соловьева и въ уже опубликованномъ (въ № 3-мъ „Русскаго Архива" за 1904 годъ) письмѣ Достоевскаго, что подтверждается и личными бесѣдами Соловьева съ Н. Ѳ—чемъ). Болѣе вдумчивый и осторожный въ заключеніяхъ, невѣдомый философскому міру мудрецъ, вдохновившій эти смѣлыя строки уже знаменитаго Русскаго мыслителя, предусмотрѣлъ опасность обмолвки Соловьева въ словахъ „*лишь* со всѣмъ человѣчествомъ" и отклонилъ опасность. „Нѣтъ", возражаетъ учитель ученику, „нѣтъ, дѣло спасенія *можетъ* быть совершено *и одною Божескою силою*! Спасеніе *не только можетъ, но и произойдетъ помимо участія людей, если только они не объединятся въ общемъ дѣлѣ; но это спасеніе будетъ только для отдѣльныхъ избранныхъ;* въ отношеніи же остальныхъ оно будетъ выраженіемъ гнѣва; а потому вся наша забота, все наше вниманіе должны быть обращены на то, чтобы не прогнѣвить Господа, на то, чтобы, согласно Его желанію, можно было *всѣмъ* въ разумъ истины прійти... Вѣдь и по самому Евангелію конецъ міра настанетъ *въ томъ только случаѣ, если объединеніе не состоится*, если проповѣдь Евангелія окажется безуспѣшною; гладъ же и болѣзнь—лишь начало конца!.. Если же объединеніе въ общемъ дѣлѣ состоится, въ такомъ случаѣ и конца не будетъ, потому что въ этомъ случаѣ конецъ мірового процесса, совершающагося въ насъ и внѣ насъ, будетъ превращеніемъ слѣпого хода земли и всѣхъ міровъ въ управляемый совокупнымъ разумомъ всѣхъ оживншихъ, воскресшихъ поколѣній". („Проектъ соединенія церквей").

„Родъ человѣческій, оставаясь несовершеннолѣтнимъ, то-есть оставаясь въ розни, не объединяясь въ трудѣ познаванія слѣпой силы и подчиняясь ей, *естественнымъ путемъ* придетъ къ вырожденію и вымиранію, а путемъ *сверхъестественнымъ* можетъ ожидать лишь трансцендентнаго спасенія и воскресенія, не черезъ насъ совершаемаго, а извнѣ, помимо и даже вопреки нашей воли приходящаго, воскрешенія гнѣва, Страшнаго Суда и осужденія однихъ (грѣшниковъ) на вѣчныя муки, а другихъ (праведниковъ) на созерцаніе этихъ мукъ. Мы же, чтущіе Бога, „хотящаго *всѣмъ* человѣкамъ спастися", дабы „*всѣ* въ разумъ истинный пришли и не погибъ бы *никто*", мы не можемъ не признать такого конца въ высшей степени печальнымъ, въ высшей степени безотраднымъ.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ думать, что, пророчество о Страшномъ Судѣ *условно*, какъ пророчество Іоны (о гибели Ниневіи), какъ и вся-

кое пророчество; ибо всякое пророчество имѣетъ *цѣль воспитательную*, имѣетъ въ виду *исправленіе* тѣхъ, къ кому оно обращено, и не можетъ осуждать на гибель безусловную, и притомъ даже тѣхъ, которые еще не родились... Не забудемъ, что огорченіе пророка Іоны о неисполненіи его пророчества получило осужденіе, поставлено было ему въ вину всепрощающею Отчею Любовью. Творецъ же Апокалипсиса, новозавѣтный пророкъ, онъ же и апостолъ Любви, думается намъ, возблагодарилъ бы Господа, если бы не исполнилось его собственное (апоколипсическое) пророчество. „Апокалипсисъ есть величайшая всемірно-поучительная притча; притча же она потому, что и всѣ притчи (новозавѣтныя) имѣютъ въ виду конецъ міра, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и заключаютъ въ себѣ не угрозу, а обнадеживаніе. Но обнадеживаніе есть и въ Апокалипсисѣ, гдѣ, какъ извѣстно, не однажды, а многожды гибельный конецъ откладывается. Апокалипсисъ есть изображеніе судьбы земного Вавилона и небеснаго Іерусалима, какъ и въ Евангельскихъ притчахъ заключается изображеніе не только Царствія Божія, но и міра сего, который тотъ же Вавилонъ. Вдумавшись въ изумительное изображеніе, данное въ 18-й главѣ Апокалипсиса, мы увидимъ, что апокалипсическій звѣрь и есть—мы сами, сыны ложнаго знанія, ложной культуры, ложныхъ цѣлей нашего существованія. Апокалипсисъ, какъ притча, относится не къ отдѣльнымъ людямъ, сектамъ и даже народамъ, а ко всему человѣчеству, въ его животно - или звѣро-подобной дѣйствительности. Это изображеніе крайняго противобратскаго состоянія людей. Но снять съ себя звѣриный образъ, въ этомъ и заключается наша задача, къ выполненію коей глубокая надежда преподается намъ тою-же книгою, хотя и подъ видомъ угрозъ. Притча, очевидно, научаетъ насъ не унывать, даже когда отверста уже и 7-я печать и настала страшная тишина, когда, казалось-бы, тотчасъ и долженъ бы наступить конецъ... Однако и послѣ этого онъ еще не наступаетъ; онъ снова отложенъ... и опять являются семь ангеловъ... Не должно приходить въ отчаяніе и тогда, когда протрубитъ и седьмой ангелъ, и когда посланъ будетъ серпъ, чтобы пожать виноградъ, *не сросшійся въ одну вѣтвь*, потому что даже и тогда еще возможно спасеніе!.. Но притча научаетъ также не оставаться и въ бездѣйствіи, ибо въ семи ангелахъ, имущихъ семь язвъ *послѣднихъ*, кончается гнѣвъ Божій (статья „Соборъ“); коснѣніе, наконецъ, приводитъ къ гибели міра....

Но даже и тогда не умираетъ надежда: еще и тогда „любовь, которая всему вѣритъ, всего надѣется“ (I Кор. 13, 7), вѣритъ и уповаетъ, слѣдовательно и въ то, что нѣтъ грѣха сыновъ, превышающаго Отчее милосердіе, любовь даже и тогда, даже и для „въ единодесятый часъ пришедшихъ“ „ожидаетъ новаго неба и новой земли (2 Петр. 3, 13.)! Хиліазмъ, вѣра въ конечное водвореніе царства мира и святости, есть мистическая мечта о томъ, что̀ можетъ и должно явиться дѣйствительнымъ плодомъ реальнаго дѣла. Съ нравственной, съ христіанской точки зрѣнія, мечта эта естественная поддержка не только надежды на спасеніе людей, но и вѣры въ конечную благость Божію. Конечная *гибель* сущаго не можетъ быть заключеніемъ *благой* вѣсти

Христіанства. Какъ буддизмъ противоположенъ Христіанству, такъ противоположна и чаемая будущность, обѣщанная Христомъ, Буддійскому небытію. Нравственность Евангельская (супраморализмъ), въ противоположность буддійской нирванѣ, небытію, требуетъ отъ разумныхъ существъ полнаго раскрытія бытія, то-есть всего, чтò въ немъ было, есть и можетъ быть; иначе сказать: *разумныя существа, истинно (въ полнотѣ знанія и силы) владѣя настоящимъ, получаютъ власть и надъ прошедшимъ, власть возсоздавать то, чтò было, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлять будущее во всевозможномъ совершенствѣ.* Требуется, слѣдовательно, рай не внѣ-мірный, *Царство Божіе не по ту стороннее, а по сюстороннее;* требуется *преображеніе по сюсторонней, земной дѣйствительности, распространяемое на всѣ небесные міры* и сближающее насъ съ невѣдомымъ нами по ту стороннимъ міромъ; словомъ, *Царство Божіе не внутри лишь насъ, не мысленное только и не духовное лишь, но и видимое, осязаемое, всеощущаемое* органами, производимыми психофизіологическою регуляціей, то-есть управленіемъ душевно-тѣлесными явленіями, чтò сдѣлаетъ возможнымъ и *всей вселенной воскрешеніе и преображеніе. Царство Божіе, въ этой своей полнотѣ постигнутое, во исполненіе воли Божіей Богомъ направляемое, Имъ черезъ насъ осуществляемое, есть произведеніе всѣхъ благихъ силъ, всѣхъ благихъ способностей людей въ ихъ совокупности, результатъ полноты знанія, глубины и чистоты чувства, могущества благой воли.* Рай можетъ быть возсозданъ только самими людьми согласно волѣ Божіей и Его указаніямъ, но не порознь, не въ одиночку, а соединенными и объединенными силами людей въ ихъ совокупности. „*Мы соработники у Бога*“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „Божіе строеніе“ (I Кор. 3, 9.). И конечно этотъ *трудовой рай не* можетъ заключаться въ бездѣйствіи, въ недѣланіи, *въ вѣчномъ покоѣ* (покой—это нирвана, а не жизнь въ Богѣ и съ Богомъ); совершенство заключается *въ жизни, въ дѣятельности:* „Отецъ Мой *доселѣ* дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю“; „дѣла, Мною творимыя, и вы сотворите“: вотъ въ чемъ совершенство“ („Супраморализмъ“).

Необходимость дѣятельности (активности) и добровольности во всемъ, чтò носитъ характеръ нравственнаго, вотъ чтò, въ истинно-христіанскомъ смыслѣ, требуетъ участія людей въ дѣлѣ всеобщаго спасенія, возможнаго, какъ сказано, и безъ этого участія, но за то недостойнаго мудрости Бога и незаслуженнаго нами. Только съ этой высшей, нравственной точки зрѣнія разрѣшается кажущееся противорѣчіе между благостью цѣли, Богомъ указанной человѣчеству, и ея доселѣ несовершеннымъ исполненіемъ въ дѣйствительности, то-есть между исторіей, понимаемой какъ проектъ, и исторіей до сихъ поръ осуществлявшейся какъ фактъ. „*Какъ проектъ*, какъ слово или заповѣдь, *божественное велѣніе есть фактъ совершившійся; а какъ дѣло*, какъ исполненіе, оно *актъ еще не оконченный; какъ Божественное, оно уже рѣшено, какъ человѣческое, оно еще не произведено*“, („Вопросъ о братствѣ, ч. I). „Вся исторія, съ момента явленія „Слова Божія“, этого „*Рѣче*“, есть не что иное, какъ совершающееся, но не завершенное еще „*Бысть*“ или *осуществленіе Слова*, то-есть, *возсозданіе.* Въ этомъ „Рѣче“ было и „да будутъ едини, якоже

и Мы"; въ немъ было и „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа"; въ немъ же заповѣдано и то, чѣмъ мы должны быть въ нашей родовой совокупности, и какъ мы должны дѣйствовать согласно Божественному плану... „Рѣче" не слово только, но и дѣйствіе, подвигъ, подвигъ не безцѣльнаго непротивленія злу, не злого желанія собрать „уголье огненное" на главу дѣлавшихъ Ему (Спасителю) зло, а принятіе заушенія, оплеванія, біенія и самой смерти ради примиренія, ради соединенія всѣхъ силъ живущихъ (въ дѣлѣ устраненія всякаго зла и смерти), въ дѣлѣ возвращенія жизни во всей ея незлобной чистотѣ всѣмъ умершимъ всѣми живущими". (тамъ же). Сыны человѣческіе должны уподобиться Сыну Человѣческому и чрезъ это стать сынами Божіими, богоподобными („вы—боги!" Іоан. 10, 34.) не по безцѣльному, надмевающему пассивному знанію („будете какъ боги" древняго Соблазнителя), а по знанію и могуществу благотворному и миротворному („блажени миротворцы"). Этому-то сыновнему благочестію и предоставлено осуществить, воплотить слово въ дѣлѣ, дабы „Рѣче" во-истину стало „Бысть"!

И если въ этой безднѣ премудрости и благости Божіей средства и способы осуществленія великой цѣли указаны менѣе опредѣленно и подробно, чѣмъ представлялось бы желательнымъ умамъ слишкомъ привыкшимъ къ непрекращающейся опекѣ и къ вѣчному несовершеннолѣтію, то и эта кажущаяся недосказанность и невыясненность („родъ сей... ищетъ знаменія, и знаменіе *не дастся* ему". Лук. 11, 29; „*не скажу* вамъ, какою властью это дѣлаю". Лук. 20, 8) входитъ, конечно, въ планъ божественнаго воспитанія рода человѣческаго самостоятельнымъ, хотя бы и тяжелымъ трудомъ, самостоятельнымъ опытомъ, хотя бы и полнымъ долгихъ и тяжкихъ испытаній. Постепенности раскрытія *плана* спасенія соотвѣтствуетъ такая же постепенность уясненія и *средствъ* его осуществленія; „младенцевъ, нуждающихся еще въ молокѣ, не питаютъ твердою пищею"; воспитаніе нравственное должно предшествовать образованію научному, освященіе души, чувствъ и воли—просвѣщенію ума. Вотъ почему *до-воскресная* проповѣдь Христа по преимуществу обращается къ нравственной сторонѣ человѣка, искаженной язычествомъ въ бо́льшей степени, нежели умственная. Призывъ къ миру, къ сыновству и къ братству: вотъ первое наставленіе „Глагола Жизни", первое вѣяніе духа животворящаго, безъ котораго невозможно никакое дѣйствіе. Возжечь любовь всѣхъ и всеобъемлющую въ ощущеніи, прежде чѣмъ въ разсужденіи, возстановить родство сыновъ человѣческихъ съ Богомъ отцовъ, не мертвыхъ, а живыхъ, и чрезъ это чувство всемірнаго родства вернуть сердца сыновъ отцамъ и сердца отцовъ сынамъ, познать что „Отецъ единъ всѣмъ намъ" (Малах. 4. 6 и 2, 10. Лук. 1, 17), то есть познать въ отечествѣ и сыновствѣ братство людей, иначе и непознаваемое, („да будутъ вси едини"), создать изъ этой любви всеобъемлющей „силу побѣждающую міръ"—такова первая задача, выраженная и осуществленная Сыномъ Человѣческимъ въ Его *до-воскресной* проповѣди. Проповѣдь эта однако, будучи не

словами лишь, а и дѣлами, въ сихъ послѣднихъ преподала уже и очевидные образцы того, чтò должно быть плодами любви, по коимъ познается и она сама, и ученики Слова, то есть выясняется „чтò надо *дѣлать*, чтобы спастися“ Въ тоже самое время, когда Слово вѣщало, что „Царство Божіе внутрь насъ есть“, дѣла Слова доказывали, что Царство это не внутри лишь насъ, но и внѣ насъ, что оно не по-ту, а по-сю стороннее“ („Супраморализмъ“). До очевидности ясно было, что слово спасенія проявляется въ борьбѣ съ бѣдами, проистекающими изъ созданной грѣхомъ власти слѣпыхъ, темныхъ, губительныхъ силъ природы надъ человѣкомъ; до осязательности убѣдительно было, что осуществленіе Слова спасенія выражается въ побѣдѣ силы животворящей надъ силою умерщвляющею. „*Сжалившійся* надъ людьми, *Исцѣлявшій всякую болѣзнь и всякую немощь* въ людяхъ“ (Матв. 9, 35, 36), повелѣлъ не только возвѣщать приближеніе Царства Небеснаго, но и *больныхъ исцѣлять, прокаженныхъ очищать, мертвыхъ воскрешать*, бѣсовъ изгонять“ (Матѳ. 10, 7, 8). Даже для этой первой поры вступленія Христіанства въ жизнь становилось народу понятнымъ, что *такая* побѣда разумной благости надъ стихійнымъ зломъ есть признакъ и доказательство высшей, по-истинѣ божественной силы: „люди проникались страхомъ, видѣли и дивились, что и вѣтры и море повинуются Ему“ (Матѳ. 8, 27. Марк. 4, 41), дивились, но „и славили Бога, давшаго *такую власть человѣкамъ*“ (Матв. 9, 8). *Послѣ же воскресенія*, проявившаго эту власть въ конечной, наивысшей степени, Спаситель, въ наставленіи, данномъ Своимъ ученикамъ, продолжателямъ Своего дѣла, уже прямо *отождествляетъ* это *дѣло всемірнаго спасенія съ дѣломъ всеобщаго познанія*, сочетаетъ заповѣдь собиранія, объединенія, умиротворенія съ заповѣдью *наученія*: „шедше, *научите вся* языки, крестяще ихъ“, то есть, очищая отъ грѣха, какъ причины всякаго зла и смерти. „Не вникнувши должнымъ образомъ въ глубокій, а вмѣстѣ и простой смыслъ этой заповѣди, можно подумать, что въ ней не указано *цѣли* соединенія, сказано „научите,“ а *чему должно научить* не говорится; но если примемъ во вниманіе, что заповѣдь эта дана тотчасъ же по воскресеніи и самимъ Воскресителемъ, „Первенцемъ отъ мертвыхъ“, за воскресеніемъ Коего должно бы слѣдовать продолженіе воскрешенія: то поймемъ, что въ требованіи научить заключается повелѣніе всеобщаго, обязательнаго наученія, образованія, просвѣщенія въ смыслѣ познаванія первороднаго грѣха, сдѣлавшаго весь нашъ родъ смертнымъ, въ смыслѣ такого познаванія, которое переходитъ въ дѣло очищенія отъ первороднаго грѣха, какъ причины смерти (Римл. 6, 22—23), наконецъ, въ смыслѣ просвѣщенія, имѣющаго стать совокупнымъ дѣломъ всего человѣчества, управленіемъ всѣми силами природы, на чтò всѣ люди (въ крещеніи) и помазуются („Вопросъ о братствѣ“). Если же возвѣщенное уже Псалмопѣвцемъ всемірное владычество человѣка („и поставилъ его *надъ* дѣлы руку Твоею, *вся покорилъ* еси подъ нозѣ его“ Псал. VIII, 4—7), подтвержденное надеждою пророковъ („будутъ *всѣ* научены Богомъ“ Исайя. 54, 13) и обѣщаніемъ Апостола („*все—ваше*: или *міръ*, или *жизнь*, или *смерть*, или *настоящее*, или *будущее, все ваше*!“ 1 Кор. 3, 21, 22), если это могуще-

ство еще и понынѣ, какъ во времена Павла, остается неосуществленнымъ, ибо „и нынѣ еще не видимъ, чтобы все было ему покорено“ (Евр. 2, 8): то это доказываетъ не тщетность заповѣди, не призрачность вѣры, не обманъ надежды, а только силу заблужденія въ истолкованіи смысла Христіанства, всего же болѣе слабость любви въ его исполненіи. Если „вся тварь“ продолжаетъ „совокупно стенать и мучиться донынѣ, и не только она, но и мы сами“ (Римл. 8, 22—23), ожидая *освобожденія отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ* (21), освобожденія отъ рабства, которому тварь „покорилась *не добровольно*“ (20), если все твореніе „ожидаетъ съ надеждою“ своего спасенія отъ „откровенія (знанія) сыновъ Божіихъ (подражающихъ Спасителю жизни, то есть спасающихъ жизнь) (19), которые и сами „ожидаютъ искупленія тѣла своего“ (24), если не „истребленъ“ не только „последній врагъ—смерть“ (1 Кор. 15, 26), но даже не устранены еще и меньшія бѣды, вытекающія изъ слѣпоты природы (голодъ, болѣзни и вся неблагоустроенность стихійныхъ силъ и безсознательныхъ процессовъ), если данная Сыну Человѣческому „*власть надъ всякою плотью* для дарованія *всему жизни вѣчной* (Іоан. 17, 2), не перешла еще во власть сыновъ человѣческихъ надъ всею природою (матеріей, плотью) для той же цѣли, для жизни *вѣчной всего*, или для безсмертія живущаго и воскрешенія умершаго (ибо „тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе и смертному сему облечься въ безсмертіе“ 1 Кор. 15, 53),—то причину этого надо искать въ собственной нашей винѣ, въ нашей бездѣятельности, въ нашей розни и въ нашемъ невѣжествѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ промедленіи и проявленіе Божественной благости, желающей дать участіе *всѣмъ* въ дѣлѣ *всеобщаго* спасенія, желающей, чтобы *мы сами* стали не противниками, а исполнителями Божественной воли?.. („Проектъ соединенія церквей“).

Такъ и *Христіанство*, должнымъ образомъ понимаемое, то есть въ духѣ Своего Основателя и Его дѣятельности, *не только не даетъ никакого оправданія пассивному, рабольпному отношенію человѣка къ природѣ, но взываетъ, наоборотъ, къ активному отношенію, которому оно указываетъ высочайшую нравственную цѣль*, исходящую не изъ эгоистическихъ и утилитарныхъ побужденій, но приводящую къ единственному радикальному способу побороть зло и достигнуть всеобщаго спасенія, а, слѣдовательно, и блаженства.

Выводъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ, самыхъ искреннихъ и самыхъ любимыхъ убѣжденій Николая Ѳедоровича Ѳедорова; въ бесѣдахъ своихъ, какъ и въ перепискѣ, онъ особенно часто и настойчиво возвращался къ этому убѣжденію, отлично сознавая какъ его общую важность, такъ и его значеніе въ частности для правильной характеристики и оцѣнки собственнаго ученія. Ему, конечно, не безъизвѣстно было то обстоятельство, что нѣкоторыхъ лицъ, посвященныхъ въ это ученіе и сочувствовавшихъ въ немъ многому, смущало сомнѣніе, насколько оно согласимо съ Христіанствомъ, нѣтъ ли между ними противорѣчій. Крѣпко убѣжденный самъ какъ разъ въ

противоположномъ, то есть въ томъ, что не только нѣтъ такого противорѣчія, но, наоборотъ, существуетъ полное согласіе (что̀ и будетъ добавочно указано ниже, въ главѣ о религіозныхъ убѣжденіяхъ нашего мыслителя), онъ однако допускалъ, при недостаточномъ ознакомленіи съ его ученіемъ или при предвзятомъ предубѣжденіи относительно него, возможность неправильнаго толкованія его въ вышесказанномъ отношеніи, и не я одинъ могу засвидѣтельствовать, что опасеніе это всегда глубоко печалило его, а иногда вызывало въ немъ настоящее негодованіе. Не вдаваясь пока въ разсмотрѣніе относящихся сюда его убѣжденій и ихъ выраженій, замѣтимъ только, что по сейчасъ указанной причинѣ ему представлялось существенно-важнымъ, между прочимъ, выяснить согласіе существенной и любимой его мысли объ активномъ отношеніи къ природѣ съ духомъ истиннаго Христіанства, выраженномъ во 1) въ дѣлахъ Сына Человѣческаго (его любимое обозначеніе Спасителя), а во 2) и въ свидѣтельствахъ Св. Писанія. Самому нашему мыслителю того и другого было болѣе, чѣмъ достаточно для снятія всѣхъ вышеупомянутыхъ подозрѣній съ „ученія объ общемъ дѣлѣ“. Тѣмъ не менѣе этотъ добросовѣстный умъ понималъ, что привыкшихъ судить о Христіанствѣ если не исключительно, то преимущественно по его историческимъ проявленіямъ, могло въ данномъ случаѣ смущать *въ ходѣ историческаю развитія христіанства* отсутствіе активнаго отношенія къ природѣ. Этому недоумѣнію онъ во-1), противопоставлялъ уже упомянутое общее соображеніе о неосновательности ставить въ вину принципу ошибки и искаженія въ его примѣненіи, а во-2), сомнѣнія, возникавшія на почвѣ исторической, онъ старался развѣять историческимъ же и критическимъ анализомъ фактовъ, подававшихъ поводы къ сомнѣнію. Таковы его вдумчивыя характеристики развитія и вліянія на вопросъ объ общемъ дѣлѣ Восточнаго, Католическаго и Протестантскаго взглядовъ на смыслъ и значеніе догматовъ Троицы, искупленія, спасенія вѣрою или дѣлами и т. п. Такъ, еще въ послѣдніе годы своей жизни, заинтересовавшись вліяніемъ Ритчля на новѣйшую западную богословскую науку, онъ подвергъ новому пересмотру издавна близкій ему и глубоко продуманный вопросъ объ оправданіи искупительною жертвою или дѣятельнымъ подвигомъ (въ статьяхъ о Ритчлѣ, въ „Супраморализмѣ“, въ комментаріяхъ къ „Пасхальнымъ вопросамъ“ и др. См. ниже главу „Вѣрующій—Православный“).

Но какъ бы велико ни было вліяніе эволюціи догматической мысли на установленіе въ историческомъ Христіанствѣ пассивнаго отношенія къ природѣ на мѣсто указаннаго Основателемъ Христіанства, отношенія активнаго, еще бо̀льшее вліяніе оказало въ томъ же смыслѣ отсутствіе жизненнаго единства въ той средѣ, которая, по духу и заповѣди Христа, должна была бы стать воплощеніемъ Его ученія о всемірномъ объединеніи. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ мыслей Николая Ѳедоровича, сюда относящихся, съ цѣлью противодѣйствія тѣмъ, на почвѣ историческихъ фактовъ возникающимъ недоумѣніямъ, о которыхъ мы только что упоминали.

„Христіанство распалось прежде, чѣмъ оно (а съ нимъ и человѣческій родъ) успѣло достигнуть совершеннолѣтія, то есть, прежде, чѣмъ успѣло устроиться по образцу нераздѣльной и несліянной Троицы, чтобы приступить къ общему спасительному дѣлу. Христіанство распалось прежде даже, чѣмъ этотъ коренной догматъ (Пресв. Троицы) былъ вполнѣ сознанъ, прежде, чѣмъ онъ сталъ образовательнымъ и воспитательнымъ орудіемъ, словомъ, прежде соединенія храма со школою. Это распаденіе извѣстно подъ именемъ раздѣленія церквей, великаго грѣха противъ Нераздѣльной Троицы, грѣха до сихъ поръ неискупленнаго и неисправленнаго. Раздѣленіе же церквей, будучи вмѣстѣ и раздѣленіемъ политическимъ, было именно освященіемъ послѣдняго, благословеніемъ Запада на войну съ Востокомъ („Проектъ соединенія церквей“), на вражду, не прекращающуюся и до нашихъ дней. Въ раздѣленіи былъ однако виновенъ не одинъ Западъ, но и Востокъ, въ лицѣ Царьграда, призваннаго быть центромъ мірового объединенія, но не понявшаго и не исполнившаго своей миссіи. Исканіе мірового политическаго центра было, безспорно, приступомъ къ объединенію людей хотя бы съ внѣшней стороны. Отъ разоренія Иліона на Геллеспонтѣ до возстановленія его на Босфорѣ (Византія) древняя исторія есть, въ сущности, не что иное, какъ исканіе этого центра. Вавилонъ былъ лишь временною столицею Александра на Востокѣ, какъ и Римъ былъ на Западѣ переходною столицею цезарей, исполнявшихъ планы Александра. Центръ былъ найденъ въ Константинополѣ, и этотъ центръ сталъ могилою древняго міра, въ которой было собрано, по обычаю погребальному, все, что̀ любилъ и чѣмъ занимался умершій: обстановка быта, творенія искусства, памятники наукъ, рукописи, свидѣтели славы, трофеи... Но Константинополь получилъ силу уже тогда, когда древній міръ опоздалъ объединить человѣчество во внѣшнемъ мірѣ. Внутреннее единство древній міръ нашелъ въ Христіанствѣ; но Христіанство въ Константинополѣ не оказалось на высотѣ своего призванія къ активной животворящей дѣятельности, а стало лишь хранителемъ могилъ и общей могилы древняго міра, не переставая однако быть и внѣшнимъ собирателемъ, хотя, съ появленіемъ Ислама, собирательная дѣятельность перемѣстилась на Сѣверъ. Сѣверъ сталъ наслѣдникомъ собиранія какъ разъ въ ту пору, когда началось расхищеніе могилы древняго міра, ставшее началомъ языческаго Возрожденія для Запада. Въ Константинополѣ, какъ центрѣ, сошлись и военно-гражданская власть, и вѣстники Воскресенія (духовенство); такимъ образомъ центръ сталъ крѣпостью, а въ крѣпости воздвигнулся храмъ Премудрости Божіей (Софіи), то есть создался Кремль, иначе сказать сложилось, не въ политическомъ и гражданскомъ только смыслѣ, но и въ нравственномъ, воспитательномъ и образовательномъ, средоточіе для объединенія человѣчества въ общемъ дѣлѣ. Но Константинополь лишь проективно заключалъ въ себѣ средства спасенія, лишь проективно былъ онъ Царьградомъ. Если онъ не осуществилъ того, что̀ въ немъ дано было проективно, то, конечно, потому, что, какъ храмъ, онъ велъ постоянный диспутъ, былъ какъ бы крѣпостью воинствующей Церкви, то есть больше догматическою школою и со-

словіемъ ученыхъ, чѣмъ Церковью, а поэтому самому, какъ крѣпость, находился въ постоянной осадѣ" („Историческій Очеркъ" въ „Вопросѣ о братствѣ", часть 3, примѣч. 22). „Ошибка Византіи въ томъ и состояла, что она въ ученіи о Троицѣ, объ Искупителѣ-Воскресителѣ, о Его природѣ и волѣ видѣла только догматъ, а не заповѣдь общаго дѣйствія (неразлучнаго съ общимъ знаніемъ). Духовенство Византійское, будучи сословіемъ и признавъ только догматъ, было совершенно подобно тому ученому сословію вообще, которое не признаетъ необходимости перехода знанія, взятаго во всей его полнотѣ, въ дѣло". Центръ международныхъ сношеній, могила древняго міра, Царьградъ предназначенъ былъ стать для новаго міра колыбелью, мѣстомъ воспитанія въ международномъ знаніи и международномъ мірѣ. Но этого высокаго призванія Царьградъ не осуществилъ при жизни; „только своимъ паденіемъ, своею смертью онъ способствовалъ съ одной стороны—возрожденію древняго міра, а съ другой—открытію Новаго Свѣта, открытію *всего* міра земного, всей нашей планеты, ибо занятіе его Турками вынудило Европейцевъ искать новыхъ путей, а знаніе, перешедшее изъ него на Западъ, руководило открытіемъ этихъ путей", (тамъ же). Къ несчастью, плоды открытій, обогащеніе и раскрытіе новыхъ соблазновъ прихоти и роскоши, развитіе торговли и промышленности и воспослѣдовавшая матеріализація и секуляризація уклада частной и общественной жизни привели не къ объединенію человѣчества, а лишь къ вящему разъединенію.

Неуспѣхъ объединенія по единственному истинному образцу единства заставилъ вернуться къ опытамъ объединенія *искусственнымъ, ложнымъ, внѣшнимъ:* юридическимъ, политическимъ и экономическимъ, несостоятельность коихъ можетъ считаться доказанною для всѣхъ—исторіей, и для насъ и по существу, принципіально. Съ другой стороны неуспѣхъ побудилъ искать, съ нелучшими результатами, объединенія хотя и *внутренняго, но мнимаго:* въ философской мысли, въ отвлеченномъ знаніи, въ искусственной, будто бы общечеловѣческой этикѣ. Съ этихъ ошибочныхъ путей стремленія къ ложной цѣли долженъ былъ исказиться, и дѣйствительно исказился (или, правильнѣе сказать, значительно сузился) взглядъ на сущность и задачу Христіанства. Вступившіе на путь разъединенія не могли уже проникнуться сознаніемъ отечества и братства въ ихъ надлежащей, всѣхъ людей объемлющей полнотѣ. Въ противоположность своему Основателю, пришедшему оправдать не однихъ праведниковъ, но и грѣшниковъ спасти, Пастырю Доброму, готовому оставить 99 послушныхъ овецъ въ пустынѣ для возвращенія одной заблудшей, не отвергавшему ни мытаря, ни блудницы, ни разбойника,—ревнители Христіанства, побуждаемые ненавистью къ грѣху, все болѣе удалялись отъ міра языческаго, предоставляя сынов̌ь погибельныхъ ихъ печальной участи и заботясь не о спасеніи всѣхъ, а лишь о личномъ своемъ спасеніи и своихъ ближайшихъ. Пессимистическій взглядъ на судьбу общества, большинства человѣчества, а съ нимъ и цѣлаго земного міра, возобладалъ надъ надеждою объединенія настолько, что выходъ изъ міра, возможно-полный разрывъ съ

нимъ сталъ почти непремѣннымъ условіемъ святости и спасенія. Угнетаемая апокалипсическими видѣніями мысль, отворачиваясь въ ужасѣ отъ мерзости языческаго міра временъ Нерона, взываетъ: „Дѣти, послѣднее время!.. міръ проходитъ и похоть его!“ (1 Іоан. 2, 18 и 17). А если такъ, „если все это разрушится, то какими должно быть въ святой жизни и благочестіи вамъ?“ (2 Петр. 3, 11—12). Отвѣтъ ясенъ: „не любите міра, ни того, что̀ въ мірѣ; кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей, ибо все, что̀ въ мірѣ,.. не есть отъ Отца“ (1 Іоан. 2, и 17); міръ, насыщенный, переполненный нечестіемъ, эти „нынѣшнія небеса и земля... сберегаются огню на день суда и погибели нечестивыхъ человѣковъ“ (2 Петр. 3, 7). Примирившись такимъ образомъ съ отчужденіемъ отъ собратьевъ и даже съ гибелью ихъ, было уже не трудно примириться съ гибелью и самого міра, что̀ мы и видимъ не только въ нетерпѣливомъ ожиданіи, но и въ „желаніи пришествія дня Божія, въ который воспламененныя небеса разрушатся и разгорѣвшіяся стихіи растаютъ“ (2 Петр. 3, 12). Желаніе это разрасталось у многихъ до такихъ назойливыхъ требованій скорѣйшаго наступленія міровой катастрофы, что уже первымъ апостоламъ приходилось охлаждать эту жажду вступленія въ рай разъясненіями, что милосердіе Отца, отсрочивающаго наказаніе запоздавшимъ, дабы и они, хотя бы въ единодесятый часъ покаялись, идетъ не въ ущербъ божественной справедливости (2 Петра 3, 3 и сл.). И такъ могуча была эта первоначальная жажда отрѣшенія отъ міра, что напряженное ожиданіе его кончины сообщилось цѣлымъ поколѣніямъ, цѣлымъ обществамъ. Такъ Византія до послѣднихъ дней своихъ жила, можно сказать, подъ непрестаннымъ кошмаромъ апокалипсическихъ ожиданій. Такъ и западное средневѣковье не переставало тревожиться ожиданіемъ міровой катастрофы въ теченіе долгихъ столѣтій, пока это настроеніе не достигло крайняго напряженія около тысячнаго года. Но даже и въ наиболѣе мрачные періоды исторической жизни не изсякала окончательно надежда на возможность всеобщаго, совокупнаго спасенія. Молитва о немъ, быть можетъ, даже никогда не переставала возноситься изъ многихъ, невѣдомыхъ міру кроткихъ душъ къ престолу славы Отца милосердія. Намекъ на это мы находимъ, напримѣръ, въ упрекѣ Кирилла Александрійскаго юношамъ, уклоняющимся отъ участія въ общественномъ моленіи, чѣмъ, по словамъ Отца Церкви, замедляется наступленіе дня всеобщаго спасенія (воскресенія). Сюда же слѣдуетъ отнести умилительную и величавую молитву, сохранившуюся у Сиро-халдейцевъ и читаемую въ „Среду общественнаго моленія Ниневитянъ“, но гдѣ, вмѣсто спасенія однихъ Ниневитянъ, „испрашивается Божіе милосердіе *для всѣхъ* нашихъ враговъ и всѣхъ ненавидящихъ насъ, для всѣхъ умышляющихъ зло противъ насъ“, гдѣ „Бога всемогущаго, хотящаго *всѣмъ* человѣкамъ спастися и въ разумъ истинный пріити, молятъ не о судѣ или мученіи, а о состраданіи и спасеніи и отпущеніи *всѣхъ грѣховъ*“ (Католикосъ Востока и его народъ. Очерки церковно-религіозной и бытовой жизни Сиро-Халдейцевъ. Спб. 1898, 42—43). Если эта молитва, благодаря широкому распространенію Несторіанства въ передней Азіи и даже въ Китаѣ (ср. статью С. С. Слуцкаго „Древ-

нѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ". „Русск Вѣстникъ" 1901 г. № 1 и мою „Чему научаетъ древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ" въ „Русскомъ Архивѣ 1901 г. №), могла сдѣлаться благою вѣстью совокупнаго спасенія для Востока: то такая же, хотя въ мистическую форму облеченная, благая вѣсть прозвучала для Запада въ пророчествахъ Іоахима Флорскаго и „Вѣчнаго Евангелія", не перестававшихъ оказывать вліяніе на многія души до самого конца Среднихъ вѣковъ (см. привлекательные этюды на эту тему у Gebhart. L'Italie mystique. P. 1890, 49 ss. 183 ss. 183 ss.); а въ лицѣ Св. Бригитты (ср. Hammerich St. Brigitta, die Nordische Prophetin. Gotha. 1872, святой Катерины Сіенской, о соотношеніи ея мистическихъ тенденцій къ мыслямъ св. Бригитты, Capecelatro. Storia di St. Caterina di Siena, 4 ed, Siena. 1878. 329 sqq) и другихъ проповѣдниковъ и проповѣдницъ мира всему. міру, таже надежда перенесла свое ободряющее дыханіе и въ предѣлы поры Возрожденія. Прорицанія Іоахима Флорскаго и „Вѣчнаго Евангелія" считались воинствующимъ Католицизмомъ за ересь и даже опасную, но чувство, лежавшее въ основѣ ихъ, было, несомнѣнно, неподдѣльнымъ первоначальнымъ христіанскимъ. Вѣчное Евангеліе—не фантастическая мечта, а проективная. Простившись съ учениками на Елеонѣ, Христосъ не оставилъ ихъ сирыми и не умолкъ; „Христосъ продолжаетъ говорить чрезъ Своихъ послѣдователей; и такимъ образомъ, не разрушая стараго Евангелія, созидается новое, распространяется и глубже раскрывается. Евангеліе не закрытая, не законченная книга; вѣсть въ немъ возвѣщенная, должна становиться все радостнѣе и радостнѣе, и никогда не должно оно переставать быть новою книгою. Наставленія апостоламъ, инструкціи миссіонерскія должны ли оставаться все тѣми же?.. Число апостоловъ у Луки увеличено 70-ю, по числу признаваемыхъ тогда народовъ, какъ и первоначальные 12 соотвѣтствовали числу колѣнъ Еврейскаго народа. Евангеліе въ томъ смыслѣ вѣчно, что притчи, поученія, наставленія проявляются все въ новыхъ формахъ, по мѣрѣ того, какъ всемірный, т. е. восточный вопросъ вступаетъ въ новыя фазы. Это-то раскрытіе безконечнаго содержанія жизни Примирителя, въ полномъ смыслѣ этого слова, и есть *вѣчное* Евангеліе. Евангеліе не имѣетъ границъ ни съ какой стороны, и число апостоловъ могло бы или, вѣрнѣе, должно бы было обратиться въ 700, въ 800, словомъ, во столько, сколько языковъ. И это—только одна сторона примиренія,—только со стороны языка; миссіонеровъ же нужно столько, сколько различныхъ должностей, профессій, которыя всѣ должны быть миссіонерскими, т. е. служить не своему прибытку, а общему благу. Какъ ни прекрасны Евангельскія повѣствованія, они не могли изобразить Христа во всемъ Его величіи, ни передать всей глубины Его ученія; Іоаннъ свидѣтельствуетъ, говоря: „и самому міру не вмѣстить написанныхъ книгъ, если бы описать всю жизнь Его". Окончивъ такъ свое Евангеліе, апостолъ положилъ начало безконечному, вѣчному Евангелію, которое, занявъ центральное положеніе, какъ оракулъ въ древности, будетъ руководить, и, отчасти, даже уже руководило ходомъ всемірной исторіи". („Вопросъ о братствѣ", ч. III. Историческій очеркъ).

Параллельно съ ограниченіемъ заповѣди собиранія шло ограниченіе и заповѣди наученія. Призывъ Всевѣдущаго къ свѣту, къ вѣдѣнію постепенно замиралъ и выродился наконецъ въ пренебреженіе къ знанію, въ гоненіе на него. Неодобреніе Христомъ и апостолами мудрости языческой, надутаго пустословія, „прегордыя суеты вѣщающаго“ (2 Петр. 2, 18), неудовлетворительнаго въ нравственномъ отношеніи, не совпадающаго съ „чистымъ и непорочнымъ благочестіемъ“, порицаніе мудрости, ограничивающейся лишь пассивною любознательностью, а не жизненнымъ примѣненіемъ знанія, „слышаніемъ только слова, а не исполненіемъ его“ (Іак. 1, 27, 22), противопоставленіе „мудрости земной, душевной, бѣсовской, не доказанной на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ“, противопоставленіе этой „лжи на истину“ „мудрости сходящей свыше, чистой, мирной, скромной, послушливой, полной милосердія и добрыхъ плодовъ“, выражающихся въ установленіи мира (Іак. 3, 15, 13, 17, 18)—все это осторожное, разумно-критическое отношеніе къ несовершенному или ложному знанію, перешло въ пренебреженіе къ научному знанію вообще; не одна ложно направленная мудрость, но и всякая языческая мудрость стала казаться „бѣсовскою“, вредною, либо, по меньшей мѣрѣ, безполезною для мудрости „свыше нисходящей“. Отрѣшеніе отъ внѣшняго міра, а слѣдовательно, и отъ изученія и познанія его, стало въ вѣка расцвѣта аскетизма условіемъ успѣшнаго углубленія внутрь самого себя, развитія того высшаго внутренняго знанія, которое, какъ относящееся къ міру духовному, а не къ матерьяльному, казалось настолько же совершеннѣе знанія внѣшняго міра, насколько духовное считалось выше и благороднѣе тѣлеснаго. Знаніе природы, естествовѣдѣніе теряло значеніе сравнительно съ сердцевѣдѣніемъ, съ знаніемъ души; опытъ физическій утрачивалъ всякую цѣнность передъ лицомъ опыта психическаго, передъ дисциплиною нравственною. Оттого великіе подвижники „внутрь-смотрѣнія“, аскеты и пользовались такимъ огромнымъ вліяніемъ на людей своего времени. (С. Н. Смирновъ. Исповѣдь мірянъ передъ старцами. Богосл. Вѣстникъ 1905. Сент. 35—36). Климентъ Александрійскій называетъ ихъ поэтому „избранными изъ избранныхъ“, мужами высшаго, знанія, гностиками“. (Schiwietz. Das morgenländische Mönchthum. I B. Mainz, 1904, 17) а Макарій Египетскій свойственное имъ „озареніе“ считаетъ высшею „несомнѣнною“ ступенью знанія, превосходящею „ощущеніе и видѣніе“ (Homil VII, 5. VIII, 3. И. В. Поповъ. Мистическое оправданіе аскетизма въ твореніяхъ преп. Макарія Египетскаго. Богосл. Вѣстникъ. 1905. Янв. 29—30). Объятая жаждою пріобрѣтенія этого „внутреннѣйшаго, глубочайшаго и сокровеннаго умнаго свѣта“, аскетика не только становилась равнодушною къ физикѣ, но и принципіально стремилась идти наперекоръ ей. Нравственное воспитаніе духа, чувствъ и воли напрягало богатырскія усилія въ борьбѣ съ тѣмъ, что̀ міръ языческій признавалъ за законъ природы; но борьба велась не для побѣды разумнаго и нравственнаго надъ природою посредствомъ пересозданія ея самой *физически*, а для того, чтобы, оставляя природу въ ея злѣ, какъ неисправимую, вырвать однимъ *нравственнымъ* усиліемъ отдѣльныя усовершенствованныя, „избранныя изъ избранныхъ“ личности изъ плѣна ея

чувственныхъ соблазновъ. Сила и могущество человѣка изъ области знанія (объективнаго) всецѣло перемѣщались въ святость, и дѣйствіе силы обращалось не на природу вообще, а на поставленнаго въ исключительныя условія человѣка. Вотъ почему эта борьба съ природою, непрестанная и геройская, оказывалась физически непроизводительною: не измѣняя ничего въ общихъ физическихъ свойствахъ самой природы она, должна была возобновляться для каждаго героя духа, и всѣ предшествовавшіе тріумфы святости не облегчали вступающему на ея долгій, тернистый путь ни на одинъ шагъ (кромѣ пользы примѣра) ея трудностей. Въ идеалѣ разрозненнаго одиночнаго спасенія каждому приходилось сызнова самостоятельно выстрадать подвигъ нравственнаго возвышенія; и если, среди тучъ сомнѣній, призраковъ искушеній и непрестаннаго страха паденія и гибели, борцу свѣтилъ еще лучъ надежды, то и онъ нисходилъ къ нему не изъ земного міра, не изъ природы, а изъ „иного“ міра, сверхъестественнаго, существенно отличнаго отъ нея.

Единственнымъ вліяніемъ „лучшаго“ міра на „міръ, во злѣ лежащій“, на „юдоль скорбей“, предназначенную къ гибели, было воздѣйствіе сверхъестественное, *чудесное*. Расширеніе области чудеснаго надъ естественнымъ соотвѣтствовало росту преобладанія авторитета святости надъ авторитетомъ знанія. Жизнь подвижниковъ и окружавшей ихъ, насыщенной мистическимъ энтузіазмомъ среды была переполнена чудесами (ср. Dom I. M. Besse. Les Moines d'Orient antérieurs au Concile de Chalcédoine. Paris. 1900. Ch. 13. Le merveilleux dans la vie des moines orientaux, p. 501 et. ss.); но являвшееся здѣсь чудеснымъ оставляло и разумныя и ненравственныя стихійныя силы природы попрежнему непознанными, непонятными и непонятыми. Усилившаяся же вѣра въ возможность чудеснаго воздѣйствія на эти силы отнимала послѣднюю охоту къ познанію ихъ съ цѣлью естественнаго вліянія на нихъ: само влеченіе къ тому, равно, какъ и средства физическаго воздѣйствія, представлялись или безуспѣшными, напрасными, или же, въ случаѣ кажущагося успѣха, подозрительными и предосудительными, такъ какъ и ихъ спѣшили отнести на счетъ чудеснаго-же, но уже происходящаго изъ источника нечистаго, демоническаго. *Магическое*, волшебное воздѣйствіе на природу было естественнымъ спутникомъ воздѣйствія религіозно-чудеснаго, *тауматургическаго*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и существенною помѣхою росту естественной власти надъ силами природы въ реальномъ, положительномъ естествознаніи. Галлюцинаціи суевѣрія неуловимыми переходами сливались съ экстазомъ и гипнозомъ мистическаго настроенія; мрачные призраки первыхъ перемѣшивались съ таинственными видѣніями вторыхъ и застилали фантастическою дымкою кругозоръ даже передъ рѣдкими смѣлыми умами, пытавшимися пробиться на путь трезваго разслѣдованія тайнъ природы.

Владимиръ Кожевниковъ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Письмо В. К. Истомина къ Н. П. Барсукову.

20 Апрѣля 1897 г. Москва.

Вы опять удивитесь, дорогой и многоуважаемый Николай Платоновичъ, увидавъ посланіе за моею подписью; но дѣло въ томъ, что, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ощущеній, мнѣ хочется не только подѣлиться съ вами видѣннымъ и перечувствованнымъ, но и привести въ порядокъ собственныя мысли, для чего изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ способовъ наилучшій: способъ письменнаго отчета. Среди томительной злобы дня, сопровождаемой неизбѣжнымъ раздраженіемъ, осужденіемъ другихъ, недовольствомъ собой и проч., мнѣ вдругъ удалось перенестись въ чистый міръ религіознаго возбужденія и въ теченіе десяти дней насладиться великою силою Православія, уже какъ бы сдаваемаго въ архивъ подъ гнетомъ канцелярскаго бюрократизма. Въ патріаршихъ палатахъ [1]), озирая стѣны трапезной [2]), глубже чувствуется скорбь по угасающимъ идеаламъ. Въ современномъ обществѣ, раціоналистическомъ и, въ лучшемъ случаѣ, протестантскомъ, слышится иногда пожеланіе соединенія людей на почвѣ Христіанства при неизбѣжномъ, разумѣется, условіи уничтоженія обрядности и догматическихъ тонкостей; но о Православіи толкуютъ, изъ образованныхъ, одни оригиналы. Въ церковь заманиваютъ упорядоченіемъ пѣнія, а идею христіанства и, пожалуй, въ этомъ случаѣ, Православія распространяютъ духовными концертами, во время которымъ чувствуешь себя болѣе чѣмъ неловко, слушая сидя распѣвы: «Отчетъ нашъ», и «Херувимской». Древнія иконы изъ церковныхъ и монастырскихъ ризницъ ревнителя отечественной старины, чуть не насильственно, переселяютъ въ музеи, гдѣ уже не возжется передъ ними лампада и не исправится передъ ними молитва

---

[1]) Такъ прозвалъ Петербургскую квартиру Н. П. и А. П. Барсуковыхъ почившій архіепископъ Литовскій и Виленскій Алексій.

[2]) Всѣ стѣны столовой комнаты у братьевъ Барсуковыхъ увѣшаны портретами Россійскихъ іерарховъ.

яко кадило, а пытливый взоръ археолога только гордо отнесетъ ихъ къ XV или XVI вѣку. Въ это-то тяжелое для православнаго человѣка время, вдругъ разносится извѣстіе о прибытіи въ Россію Примаса Англиканской церкви, съ цѣлью ознакомиться съ нашимъ бугослуженіемъ, а, пожалуй, и съ сущностью нашихъ вѣрованій!!

Съ нетерпѣніемъ поджидалъ я его въ Москву, въ надеждѣ такъ или иначе съ нимъ познакомиться и убѣдиться собственнымъ наблюденіемъ, поскольку въ посѣщеніи этомъ любопытства или искреннихъ поисковъ правды. Случай неожиданно облегчилъ мнѣ эту возможность. Въ Суботу на Вербной недѣлѣ, въ самый день пріѣзда архіепископа Іоркскаго въ Москву, ко мнѣ пріѣхалъ спутникъ его Англичанинъ Биркбекъ съ письмомъ изъ Лондона отъ князя Александра Григорьевича Щербатова «съ просьбой помочь архіепископу при обозрѣніи. Я обрадовался Биркбеку, котораго зналъ немного прежде, и случайной возможности съ перваго же дня завязать знакомство съ архіепископомъ. Мы сговорились, что я въ 5-ть часовъ пріѣду къ нимъ въ Славянскій Базаръ, такъ какъ въ 4-е часа они должны были быть у митрополита Сергія.

Ровно въ 5-ть часовъ я былъ на мѣстѣ; но Англичане еще не возвращались, и я зашелъ въ контору, чтобы ихъ подождать. Черезъ 10 минутъ мимо раскрытыхъ дверей конторы прослѣдовало шествіе: впереди слуга, или по нашему келейникъ, Примаса высоко несъ серебряный крестъ, за нимъ шелъ архіепископъ Іоркскій въ полномъ облаченіи: въ пурпуровой мантіи и въ лиловомъ бархатномъ одѣяніи, напоминающемъ Католическихъ князей церкви; сзади за нимъ Биркбекъ, Англійскій пасторъ въ Москвѣ и еще кто-то. Я далъ имъ время переодѣться и пошелъ къ Биркбеку, котораго нашелъ въ полномъ восторгѣ отъ пріема митрополита. Тутъ же, сіяя радостною улыбкою, онъ показалъ мнѣ экземпляръ писемъ митрополита Филарета къ Андрею Николаевичу Муравьеву, только что полученный имъ отъ митрополита Сергія на время пребыванія въ Москвѣ. На мой вопросъ: зачѣмъ ему понадобились письма митрополита Филарета, онъ отвѣчалъ, что въ настоящее время ведетъ въ Англіи печатную полемику о «пресуществленіи Св. Даровъ» и что уже успѣлъ склонить нѣкоторыхъ членовъ епископальной церкви къ православной догмѣ, но что для дальнѣйшаго богословскаго спора ему необходимо опереться на строгость доказательствъ и авторитетъ митрополита Филарета, какъ величайшаго богослова нашего вѣка. Я замѣтилъ ему, что, за время пребыванія въ Москвѣ, онъ едва ли найдетъ время внимательно изучить столь объемистую книгу и, хотя зналъ,

что все изданіе разошлось давнымъ давно, но предложилъ услуги найти экземпляръ чрезъ букинистовъ, чему онъ былъ очень радъ.

Вслѣдъ затѣмъ мы отправились въ сосѣдній номеръ къ архіепископу. Я нашелъ въ немъ благообразнаго, не старца, а старика, съ бритымъ лицомъ и маленькими сѣдыми бекенбардами, въ длинномъ черномъ сюртукѣ лютеранскаго покроя и съ золотымъ наперстнымъ крестомъ. Архиепископъ, на Французскомъ языкѣ, началъ мнѣ разсказывать, какъ его заинтересовала Россія и какъ ему въ особенности понравилась, по первому впечатлѣнію, Москва. Тотчасъ же разговоръ перешелъ на странныя Московскія церкви, на богослуженія наши во время Страстной Седмицы и проч. Оказалось, что Биркбекъ, въ совершенствѣ знакомый съ Православнымъ богослуженіемъ и, что̀ еще удивительнѣе, съ красотою древне-церковнаго языка, составилъ ему такое росписаніе, лучше котораго не могъ бы составить ни одинъ церковнослужитель. Въ тотъ же день, несмотря на усталость послѣ безсонной, ночи проведенной въ вагонѣ, архіепископъ долженъ былъ присутствовать на всенощномъ богослуженіи въ Храмѣ Спасителя, гдѣ владыкою митрополитомъ отведена была ему вся средняя часть хоръ, противъ алтаря. Разстался я съ ними съ намѣреніемъ также пріѣхалъ ко всенощной, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на архіепископа первое богослуженіе въ Москвѣ, хотя и пожалѣлъ, что первую службу Англичанину придется видѣть не въ стѣнахъ Кремля и не въ Успенскомъ Соборѣ.

Выше я замѣтилъ, что Биркбекъ оказался знатокомъ церковнаго языка. Чтобы не быть голословнымъ, подкрѣплю мое замѣчаніе доказательствомъ: однажды у насъ, зашла рѣчь о собственноручномъ Евангеліи митрополита Алексія. Биркбекъ, говоря объ особенностяхъ сдѣланною этимъ святителемъ перевода, съ любовью остановился на І-й главѣ Евангелія отъ Іоанна, гдѣ какъ вамъ извѣстно, слова Кирилло-Меѳодіевскаго перевода: «Въ началѣ бѣ слово», замѣнены Св. Алексіемъ: «Искони бѣ слово», и по этому поводу распространился о глубокомъ смыслѣ этой замѣны.

Въ семь часовъ отправился я въ храмъ Спасителя. Не скрою: шелъ я не съ особеннымъ чувствомъ удовольствія. Храмъ этотъ мало, или вѣрнѣе ничего не говоритъ моему сердцу; думаю даже, что, въ самомъ наименованіи его храмомъ, кроется настоящее его опредѣленіе. Храмъ понятіе не христіанское, а унаслѣдованное нами отъ великолѣпія временъ языческихъ.. Не знаю, какъ другіе, но я лично никогда не испытывалъ въ немъ наслажденія молитвы, соединенной со слезами уми-

ленія. Поднявшись на хоры, я еще никого тамъ не нашелъ, но къ собственному удивленію остался весьма доволенъ общимъ впечатлѣніемъ. Во первыхъ, подъ сводими храма царилъ полумракъ, такъ какъ куполъ вовсе не былъ освѣщенъ; а во-вторыхъ, внизу буквально все было залито народомъ, стоявшимъ съ вербами и возженными свѣчами: сверху нижняя часть церкви представлялась опрокинутымъ небомъ съ безчисленнымъ числомъ ярко горящихъ звѣздъ. Пріѣхавшій архіепископъ долго не могъ оторваться отъ этой чудной картины, а Биркбекъ буквально сіялъ счастьемъ. Тотчасъ у Англичанъ въ рукахъ появились служебники, по которымъ они съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдили за мельчайшими подробностями богослуженія. Я поинтересовался взглянуть на книги и увидѣлъ, что Биркбекъ слѣдитъ по Славянскому тексту, а архіепископъ по Греческому. Утомленный старикъ нѣсколько разъ садился на приготовленное для него кресло, а Биркбекъ стойко, на ногахъ, выдержалъ продолжительность православной службы, многократно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, складывая пальцы по нашему и крестясь справа налѣво. Служилъ викарный епископъ Тихонъ, и вся служба совершалась въ полномъ порядкѣ. Благодаря безукоризненной тишинѣ многотысячной толпы молящихся, каждое слово, отъ псаломщика до архіерея включительно, было слышно на хорахъ. Когда окончился обрядъ освященія ваій, и архіерей сталъ у амвона для помазанія елеемъ и раздачи вербъ, архіепископъ Іоркскій обратился къ Биркбеку съ вопросомъ на незнакомомъ мнѣ, къ сожалѣнію, Англійскомъ языкѣ; но я догадался, что онъ желалъ знать: неужели архіерей будетъ благословлять всѣхъ находившихся въ храмѣ? Эту мою догадку подтвердилъ Биркбекъ, присовокупивъ, что онъ объяснилъ Примасу всю трогательность терпѣнія Русскихъ архипастырей и разсказалъ ему, что самъ былъ свидѣтелемъ, три года тому назадъ, во время Пасхальной заутрени въ Успенскомъ Соборѣ, какъ христосовался пристарѣлый митрополитъ Сергій съ каждымъ изъ находившихся въ церкви. Примасъ около получаса оставался еще наблюдать за раздачею вербъ, мы же съ Биркбекомъ оставались до конца. Народная толпа вела себя безукоризненно, подходя чинно безконечною вереницею къ преосвященному Тихону и ничѣмъ не нарушая торжественности минуты. Вернулся я домой въ одиннадцатомъ часу, размышляя о неисповѣдимости судебъ Божіихъ и вспоминая А. С. Хомякова, бросавшаго сѣмена, быть можетъ, назрѣвающей жатвы.

На другой день, въ Воскресенье, самъ митрополитъ служилъ литургію въ томъ же Храмѣ Спасителя. Англичане опять находились на хорахъ. Мнѣ не пришлось быть съ ними, но Биркбекъ говорилъ, что

митрополичье служеніе произвело глубокое впечатлѣніе на архіепископа. Затѣмъ я говѣлъ и временно упустилъ ихъ изъ виду. Въ Среду, во время обѣда, предъ всенощною и исповѣдью, изъ Славянскаго Базара, по телефону, отъ имени архіепископа, спрашивали, дома ли я, такъ какъ архіепископъ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать. Съ грустью долженъ былъ я отказаться отъ его посѣщенія и несомнѣнно-интересной бесѣды.

На другой день, причастившись въ церкви генералъ-губернаторскаго дома, я, вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Володей, въ часъ дня отправился въ Успенскій соборъ. Надо знать, что, по уставу собора, литургія въ Великій Четвертокъ начинается въ 12 часовъ дня, а затѣмъ митрополитомъ должно было совершаться омовеніе ногъ. Ѣхалъ я съ расчетомъ застать конецъ обѣдни, такъ какъ и я, и Володя, тоже пріобщившіеся въ этотъ день, были очень утомлены, но пріѣхавши въ соборъ, застали еще чтеніе Апостола. Затрудняюсь передать словами впечатлѣніе, которое производила на насъ обстановка богослуженія. Самый видъ собора возобновленнаго и отчищеннаго къ недавней коронаціи дѣйствовалъ неотразимо. Вся стѣнная живопись, до куполовъ включительно (двѣсти лѣтъ до того покрытыхъ копотью) переносила воображеніе во времена давно минувшія. Дивное служеніе митрополита, строгій порядокъ въ средѣ сослужащихъ и чудное пѣніе синодальнаго хора невольно заставляли вспоминать о впечатлѣніи, произведенномъ на пословъ князя Владиміра въ Константинопольской Софіи. И дѣйствительно, всѣ какъ будто проникнуты были сознаніемъ чего-то необычайнаго. Я слѣдилъ за двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ и по его восторженному вниманію понималъ побѣждающее дѣйствіе подобнаго богослуженія на подготовленныя къ воспріятію новыхъ ощущеній души. Обѣдню Англичане слушали въ діаконникѣ, справа отъ алтаря, дабы видѣть его внутренность. Вы знаете, что я большой поклонникъ служенія нашего митрополита; но мнѣ кажется, что никогда еще онъ не поднимался до такой высоты; мнѣ никогда не приходилось его видѣть такимъ. Изнеможенный годами и постомъ, восковой, почти прозрачный, онъ представлялся живымъ воплощеніемъ древней иконы. Величественность его возгласовъ и благословеній вызывала слезы и, дѣйствительно, взглядывая по сторонамъ, все время приходилось наблюдать увлажненныя лица. Переполненный народомъ соборъ какъ бы застылъ въ восторженномъ настроеніи. Въ эти минуты невольно сознавалось, что Сергій оправдалъ выборъ почившаго Государя, призвавшаго его на Московскую каѳедру, какъ послѣдняго изъ живыхъ ближайшихъ сотрудниковъ и чтителей митрополита Филарета. По окончаніи литургіи и послѣ чтенія отпускной молитвы, Англичанъ изъ діаконника перевели къ патріаршему мѣсту и

поставили у юго-восточнаго столба, гдѣ для архіепископа было приготовлено кресло, а для Биркбека скамейка. Оба они сѣли, но едва только митрополитъ появился въ царскихъ вратахъ, направляясь къ приготовленному помосту для омовенія ногъ, какъ оба поднялись со своихъ мѣстъ и уже не садились до окончанія обряда. При Англичанахъ находился іеромонахъ Трифонъ *), въ міру князь Туркестановъ, какъ знакомый съ языками и нерѣдко служащій переводчикомъ. Я стоялъ прямо противъ нихъ близъ Царскаго мѣста и могъ наблюдать каждое движеніе ихъ лицевыхъ мускуловъ. Самый обрядъ, болѣе присущій католической, нежели Православной церкви, на этотъ разъ, благодаря митрополиту Сергію, производилъ умилительное впечатлѣніе. Нельзя было равнодушно видѣть преклоннаго старца, разоблачающагося безъ всякой посторонней помощи и дрожащими руками складывающаго снятыя одежды. А когда, двѣнадцать разъ склонившись на колѣна и столько же разъ поднявшись съ неимовѣрными усиліями, онъ совершилъ омовеніе, на душѣ отлегло; ибо казалось все время, что съ нимъ сдѣлается дурно. Окончивъ обрядъ при такихъ условіяхъ, онъ съ правомъ могъ повторить слова Спасителя: «Образъ бо дахъ вамъ, да яко же азъ сотворихъ вамъ, и вы творите». Видимо взволнованный и до крайности утомленный владыка не выдержалъ во время отпуста и на словахъ «внегда умыти ноги учениковъ, даже и до креста»... у него сорвался голосъ, и онъ заплакалъ. Конечно это было краснорѣчивою проповѣдью. Мнѣ показалось, что у архіепископа навернулись слезы: по крайней мѣрѣ, онъ низко наклонился. Разоблачившись въ алтарѣ и выйдя въ мантіи для благословенія народа, митрополитъ Сергій осѣнилъ присутствующихъ, сошелъ съ амвона и направился къ архіепископу; я видѣлъ, какъ послѣдній склонился, какъ бы съ намѣреніемъ поцѣловать его руку, но Сергій быстрымъ движеніемъ отнялъ руку и троекратно поцѣловался съ архіепископомъ, а затѣмъ вернулся на свое мѣсто, чтобы благословлять выходившій народъ. Чтó выйдетъ изъ всего этого извѣстно одному Богу; но въ лѣтописи Русской церкви занесутся эти поцѣлуи Московскаго митрополита и Англійскаго примаса, на глазахъ всего народа въ Большомъ Всероссійскомъ соборѣ, ибо самъ Успенскій соборъ—Исторія.

Мы вышли изъ собора въ половинѣ 5-го, не только не чувствуя усталости, но глубоко сожалѣя, что все уже окончилось. Давно, очень давно, не помню на душѣ такого мирнаго и благодатнаго настроенія.

Вечеромъ, по искони установившемуся обычаю, чтеніе 12-ти евангелій слушалъ я дома и потому не сопутствовалъ Англичанамъ въ Храмъ

*) Нынѣ епископъ Дмитровскій.

Христа Спасителя. На другой день, въ Пятницу, послѣ выноса плащаницы въ церкви генералъ-губернаторскаго дома, я собрался въ Храмъ Спасителя. Великому Князю [1]) тоже хотѣлось пріѣхать къ богослуженію, но подняться прямо на хоры, чтобы не привлекать ничьего вниманія. Съ этою цѣлью онъ просилъ меня ѣхать впередъ и, встрѣтивши его, проводить прямо на мѣсто. Такъ мы и сдѣлали. Въ средней части хоръ, какъ и въ Вербную Субботу, опять никого не было кромѣ Англичанъ. Служилъ митрополитъ. На этотъ разъ народа почему-то было меньше чѣмъ въ Суботу, но все же довольно много. Воспользовавшись присутствіемъ отца Трифона, я спросилъ его: показалось ли мнѣ или, дѣйствительно, архіепископъ наканунѣ хотѣлъ поцѣловать руку митрополита. О. Трифонъ отвѣчалъ, что, дѣйствительно хотѣлъ, но при этомъ объяснилъ неизвѣстное мнѣ обстоятельство: по его словамъ, въ Петербургѣ, кажется, высшіе іерархи цѣловались съ архіепископомъ рука въ руку; но митрополитъ Сергій, не признавая за нимъ равнаго съ православными іерархами святительскаго значенія, не находилъ этого возможнымъ, а потому не только не допускилъ цѣлованія своей руки, вызывающаго на взаимность, но и подчиненному себѣ духовенству, а въ томъ числѣ и о. Трифону, запретилъ цѣловать руку архіепископа, а приказалъ ограничиваться почтительными поклонами. Думаю, что почившіе митрополитъ Филаретъ Московскій и архіепископъ Алексій Виленскій одобрили бы такое распоряженіе; да кстати думаю, что и сами Англичане съ бо́льшимъ уваженіемъ отнесутся къ строгому соблюденію каноновъ, чѣмъ къ заискивающей уступчивости.—Изъ подробностей служенія Великой вечерни отмѣчу только то, что во время выноса плащаницы изъ алтаря и архіепископъ, и Биркбекъ склонились на колѣна и оставались колѣнопреклоненными до возложенія ея на приуготовленное мѣсто среди храма.

Ночь съ Пятницы на Суботу, по обычаю, провелъ я въ Успенскомъ соборѣ. Служилъ преосвященный Несторъ [2]) и, не смотря на своеволіе протодіаконовъ и діаконовъ, не признающихъ викарныхъ, служеніе, благодаря подбору соборнаго клира, свершилось образцово. Чтеніе каѳизмъ происходило безукоризненно, а возстановленное въ соборѣ столповое пѣніе лишній разъ доказывало, что при желаніи можно многое вернуть изъ добраго стараго, снесеннаго волнами минувшихъ десятилѣтій, одинаково и неосмысленно уничтожавшихъ пшеницу съ плевелами. Вспоминалась мнѣ такая же ночь, проведенная, нѣсколько лѣтъ тому

[1]) Въ Бозѣ почившему Великому Князю Сергію Александровичу.

[2]) Бывшій въ то время старшимъ викарнымъ.

назадъ, въ томъ же Успенскомъ соборѣ съ графомъ С. Д. Ш, когда оскорбленные въ своемъ религіозномъ чувствѣ мы не могли достоять утрени до конца и перешли въ Вознесенскій монастырь. Теперь другое чувство, знакомое и дорогое съ дѣтства, наполняло душу. Я стоялъ недалеко отъ входныхъ дверей. Когда началось движеніе крестнаго хода, и пѣвчіе двинулись мимо меня къ выходу, кто-то изъ среды пѣвчихъ крѣпко схватилъ меня за руку; я поднялъ голову и увидѣлъ все того же Биркбека съ воспламененными взорами шептавшаго: «ah que c'est beau, ah que c'est touchant» *). Ночь какъ бы вторила настроенію: моросилъ холодный дождь, площадь была пуста и покрыта водою. Мѣрно и уныло гудѣла Ивановская колокольня, было и грустно, и жутко. Чудное пророчество Іезекіиля уже возвѣщало торжество наступающаго праздника и, возвратившись домой, мы еще долго бесѣдовали съ дѣтьми, повѣряя взаимно впечатлѣнія. Чтобы насладиться такъ, какъ удалось мнѣ насладиться въ минувшую недѣлю, надо было не только съ дѣтства и ранней юности воспріять все потрясающее величіе Страстной седьмицы, но и пережить весь ужасъ послѣдующаго: что-то невнятно бормочущихъ священниковъ, пѣвцовъ съ Итальянскими напѣвами на клиросахъ, протодіаконовъ, разоблачавшихся во время богослуженій, чтобы покурить въ сторожкѣ 12-ти Апостоловъ (фактъ) и т. д. За весь возстановленный порядокъ Москва обязана митрополиту Сергію.

Заутреню на Пасху опять въ Успенскомъ соборѣ. Тутъ уже другая, конечно, обстановка: военные, золотые и всякіе мундиры наполняютъ всю середину собора, но народа впущено на сколько возможно. Площадь и набережная залиты моремъ человѣческихъ головъ; ясно, но вѣтрено. Хотя я пріѣхалъ заблаговременно, но уже нашелъ Англичанъ помѣстившихся немного отступя отъ мѣста приготовленнаго для Великаго Князя. На вопросъ мой архіепископу, не усталъ ли онъ за время продолжительныхъ службъ, онъ отвѣчалъ, что до такой степени пораженъ всѣмъ видѣннымъ, что чувствуетъ себя совершенно бодрымъ. За 5-ть минутъ до 12 часовъ Биркбекъ, уже второй разъ встрѣчающій Пасху въ Москвѣ, повелъ его на площадь слушать первые удары Царя-Колокола. Вернулись они въ соборъ вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Чудова монастыря митрополитомъ. Я конечно не стану описывать вамъ пасхальной заутрени; скажу только, что на этотъ разъ, опять таки благодаря возстановленному порядку, крестный ходъ и богослуженіе

---

*) Ахъ какъ это хорошо; ахъ, какъ это трогательно.

производили впечатлѣніе давноминувшаго и, если бы въ соборѣ находился самъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ,—онъ остался бы доволенъ.

Возвращаясь къ Англичанамъ, отмѣчу два обстоятельства: во 1) во время полунощницы Биркбекъ просилъ меня, когда будутъ пѣть «Не рыдай мене, Мати»? и при этомъ разсказалъ, что слова этой духовной пѣсни производятъ на него невыразимое дѣйствіе и что нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему посчастливилось въ Свіяжскѣ пріобрѣсти икону этого имени, которая и составляетъ одно изъ величайшихъ его утѣшеній, и во 2) по окончаніи заутрени, когда Великій Князь похристосовался съ митрополитомъ, Биркбекъ что-то тихо сталъ говорить архіепископу, очевидно предлагая ему тоже идти христосоваться, но архіепископъ задумался и не двигался съ мѣста. Тронулись власти и мундиры. Я подошелъ ко кресту далеко не изъ первыхъ и, когда возвращался на свое мѣсто, одинъ изъ сыновей обратилъ мое вниманіе на Англичанъ, тоже направившихся къ митрополиту. Вѣроятно, въ архіепископѣ совершалась борьба, естественная въ человѣкѣ отвѣтственномъ за каждый свой шагъ, но борьба эта привела къ доброму рѣшенію. Повторилась четверговая сцена; приложившись ко кресту, Примасъ хотѣлъ поцѣловать руку митрополита, но тотъ опять отнялъ ее и трижды поцѣловалъ его.

Въ Понедѣльникъ Великій Князь пригласилъ Англичанъ къ себѣ въ церковь къ обѣднѣ, а затѣмъ къ завтраку. Служатъ у великаго князя прекрасно. Придворная обѣдня продолжается ровно часъ, и хотя для нашего брата это довольно скоро, но для непривычнаго къ стояніямъ старика могло все-таки показаться утомительнымъ; однако онъ ни разу не присѣлъ на приготовленное кресло, а при пѣніи «Отче нашъ», вмѣстѣ съ Биркбекомъ и, конечно, со всѣми находившимися въ церкви, опустился на колѣна. Послѣ завтрака онъ долго разсматривалъ альбомъ фотографическихъ снимковъ всей иконописи Кіевскаго Владимирскаго собора и, кажется искренне, восторгался Васнецовскими рисунками. Великій Князь, на память Свѣтлаго праздника, подарилъ ему чудное фарфоровое яйце съ изображеніемъ Воскресенія Христова, а Биркбеку такое же яйцо, но съ изображеніемъ Св. м. Алексія, Евангеліе котораго онъ сумѣлъ оцѣнить по достоинству. Передъ отъѣздомъ Примасъ еще просилъ разрѣшенія зайти въ церковь, чтобы хорошенько ознакомиться со стариннымъ иконостасомъ. Я былъ его путеводителемъ. Жалко, что вы не знаете этой церкви. Она достойна вниманія. Н. В. Султановъ съ замѣчательнымъ искусствомъ превратилъ обыкновенную домовую церковь, т. е. комнату съ иконостасомъ и алтаремъ, въ старинную церковъ XVI вѣка. По стѣнамъ и искусственнымъ сводамъ вся она ро-

списана фресками покойнаго Морозова, а самый иконостасъ, подлинный XVI вѣка, пріобрѣтенъ за ветхостью изъ одной деревенской церкви Ярославской губерніи.

Тутъ я простился съ архіепископомъ въ надеждѣ увидѣться съ нимъ черезъ день въ Сергіевской Лаврѣ, куда собирался ѣхать съ сыномъ, чтобы вмѣстѣ осматривать достопримѣчательности, но изъ-за боли ноги въ Лавру не попалъ и съ архіепископомъ больше не видѣлся, Биркбекъ же, по возвращеніи изъ Лавры, пріѣхалъ ко мнѣ проститься, и мы долго бесѣдовали. Я очень былъ радъ, что исполнилъ свое обѣщаніе, т. е. вручилъ Биркбеку экземпляръ писемъ Филарета, хотя и не въ собственность, а до слѣдующаго его пріѣзда въ Москву на Рождество. У букинистовъ книги не нашлось, но я досталъ единственный экземпляръ, принадлежавшій самому Андрею Николаевичу, у внучатнаго его племянника, тоже Андрея Муравьева. Среди разговора мы коснулись и Восточнаго вопроса; тогда Биркбекъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, вопросъ этотъ близокъ къ разрѣшенію и къ разрѣшенію въ единственно - возможномъ смыслѣ. Я спросилъ «въ какомъ же?» «Конечно», отвѣчалъ онъ, «въ смыслѣ возстановленія Православной Софіи и Православнаго Царя въ Константинополѣ». Далѣе мы говорили о возрастающемъ теченіи среди епископальной церкви къ сближенію съ Восточными церквами и, преимущественно, Русской; онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что съ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса тѣсно связанъ вопросъ о необходимомъ протекторатѣ Россіи надъ тремя Восточными патріархами, т. е. Константинопольскимъ, Іерусалимскимъ и Антіохійскимъ. Разстались мы съ Биркбекомъ большими друзьями.

Еще одно послѣднее слово о немъ: это несомнѣнно искренне убѣжденный и влюбленный въ Россію человѣкъ, находящійся подъ обаяніемъ Хомяковской переписки съ Пальмеромъ, имъ же изданной на Англійскомъ языкѣ съ отвѣтными письмами Пальмера, чего къ прискорбію еще не существуетъ на Русскомъ.

Теперь вы въ правѣ спросить, неужели я настолько увлекся пріѣздомъ Англійскаго архіепископа, что повѣрилъ въ возможность, и даже близкую, соединенія церквей?» Конечно нѣтъ! Разница народныхъ характеровъ слишкомъ велика. Да и пріѣхалъ архіепископъ вовсе не ради соединенія и никѣмъ не уполномоченный. Отраденъ самый фактъ единичныхъ попытокъ къ сближенію и знакомству. Уже довольно будетъ и того, если идея, развиваясь все дальше и дальше, поведетъ къ взаимному общенію. Но вотъ что болѣе всего порадовало меня въ этотъ

пріѣздъ, это надежда, что мы сами задумаемся надъ Православіемъ. Къ несчастію со временъ Петра, наше высшее общество, а тѣмъ болѣе интеллигенція, привыкло признавать у себя до́ма только то, что́ обратило на себя вниманіе Запада. Разительный примѣръ унизительнаго умственнаго рабства пережили мы недавно, оцѣнивъ и понявъ значеніе покойнаго Государя только съ разрѣшенія Европы. Вотъ, можетъ быть, и теперь, раскрывши ротъ отъ изумленія, при видѣ представителей образованнѣйшей націи, изучающихъ Православіе, какъ сохранівшееся сокровище, мы и сами зададимся вопросомъ: «Да въ чемъ же оно заключается?» А можетъ быть, и это самое главное: среди нашего высшаго духовенства, несомнѣнно зараженнаго протестантизмомъ, пробудится самосознаніе. Во всякомъ случаѣ, минувшіе десять дней, для очевидцевъ а, тѣмъ болѣе, для принимавшихъ въ нихъ душевное участіе, не пройдутъ безслѣдно. Аминь.

Начиная это письмо, я не думалъ, что оно приметъ такіе размѣры; но увлекшись постепенно разсказомъ, я писалъ, не соображая о трудѣ, который доставлю вамъ его прочтеніемъ. Очевидно, была потребность высказаться, а привыкнувъ, за многіе годы, говорить по душѣ въ патріаршихъ палатахъ, я и теперь прибѣгъ къ ихъ гостепріимной сѣни.

В. Истоминъ.

ВЪ ПАМЯТЬ О НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ БОГОЛѢПОВѢ *).

Если случится человѣку быть отвергнутымъ современнымъ ему молодымъ поколѣніемъ, такое отношеніе къ нему молодежи большею частію бываетъ равносильно потерѣ добраго имени на вѣки вѣчные. Если же ненависть къ нему въ юношеской средѣ возрастетъ до того, что найдется въ ней фанатикъ, который, жертвуя собой и исполняя волю вожаковъ, убьетъ его, тогда становится очень сомнительнымъ попытка оправдать этого человѣка имѣлъ успѣлъ. Напомню про убіеніе Коцебу Нѣмецкимъ студентомъ Зандомъ (именемъ котораго назвалась знаменитая Французская писательница въ знакъ восторженнаго одобренія его поступка). Хотя историческое изслѣдованіе о Мангеймскомъ убійствѣ доказало, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Коцебу продалъ Германію Россіи, тѣмъ не менѣе неотвязчиво напрашивается предположеніе, что ударъ кинжала былъ возмездіемъ за вредное вліяніе, оказанное имъ на общество легкомысліемъ его убѣжденій и безсовѣстнымъ отношеніемъ къ искусству, въ знаменитую эпоху великихъ Веймарскихъ писателей, противъ которыхъ онъ возсталъ такъ же, какъ и противъ романтиковъ, что̀ и послужило поводомъ обвинить его въ измѣнѣ юношескимъ идеаламъ того времени. То обстоятельство, что онъ не былъ политическимъ измѣнникомъ, не помогло ему, точно такъ же какъ не помогло оно поэту Циннѣ въ Шекспировской трагедіи «Юлій Цезарь». Разъяренная толпа приняла поэта-Цинну за заговорщика-Цинну, и его жалобные крики: «Я поэтъ Цинна, а не Цинна заговорщикъ» не спасли его». «Рвите его на клочки за плохіе стихи», ревѣла толпа. «Довольно и того, что его зовутъ Цинной; вырвите ему сердце и тогда пустите его бѣжать».

Безъ сомнѣнія хорошо, что духъ Донъ-Карлоса (Шиллеровскаго Донъ-Карлоса) все еще живетъ среди народовъ Европы, и что малѣй-

*) Переведено изъ 37 номера Берлинскаго еженедѣльнаго изданіе „Die Nation“ отъ 15 Іюня 1901 года. Написано Швейцарцемъ І. В. Видманомъ. П. Б.

шая попытка къ насилію надъ молодежью вызываетъ заступничество за нее. Надежда на непрерывное развитіе въ человѣчествѣ свободы мысли покоится на этомъ Донъ-Карлосскомъ духѣ, на этой международной солидарности, которая заставляетъ болѣе счастливые народной зорко слѣдить за тѣми странами, гдѣ основныя условія свободы нарушаются. Исторія Европы сороковыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія доказала, какъ дорого это единодушіе въ борьбѣ за свободу мысли: въ тѣ времена на самый отдаленный сигналъ народнаго возстанія всѣ остальныя націи отвѣчали вспышками. Именно этимъ признаніемъ высокаго достоинства за такимъ единодушіемъ и объясняется народное сужденіе, когда оно касается условій и лицъ, слывущихъ тормозами прогресса и свободы. Подобныя положенія и лица обречены свободомыслящими народами на гибель. Такъ издавна относятся западные народы къ Россіи. Правительству этого широко раскинувшагося государства они приписываютъ все самое дурное. Уже по одному своему географическому положенію оно представляется Западно-европейской фантазіи обреченнымъ на вѣчный застой. Такой взглядъ на Россію еще болѣе подтверждаютъ книги въ родѣ «Описаніе тюремнаго быта въ Сибири» Американца Кенана, которая переводится на всѣ языки, жадно читается всѣми и безъ всякой критики одобряется. Слишкомъ мало взвѣшиваютъ серьезныя затрудненія, возникающія отъ чрезвычайной растянутости границъ этого колоссальнаго государства, когда дѣло касается управленія его и политической эманципаціи очень разнообразнаго и многочисленнаго населенія. Чтобы основательнѣе ознакомиться со всѣмъ этимъ и пріобрѣсти болѣе ясное представленіе объ этихъ затрудненіяхъ, надо изучать дѣльныя произведенія новѣйшихъ Нѣмецкихъ историковъ, какъ напримѣръ, трехтомное сочиненіе Альфреда Штерна «Исторія Европы со времени договоровъ 1815 года и до Франкфуртскаго мира 1871 года». Этотъ свободомыслящій историкъ въ отдѣлѣ о Россіи, описывая послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I, признаетъ за тогдашними правительствующими лицами Россіи идеальныя воззрѣнія и лучшія намѣренія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ попытка воспитать въ народѣ политическій смыслъ претерпѣвала полную неудачу. Но заурядный читатель рѣдко берется за такія книги; онъ довольствуется большею частью тѣми впечатлѣніями, которыя черпаетъ изъ ежедневныхъ сообщеній газетъ. Не удивительно поэтому, что извѣстіе о томъ, что Русскаго министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, убилъ студентъ въ связи со всѣмъ до толѣ прочитаннымъ о предшествующихъ студенческихъ волненіяхъ въ Россіи и о примѣненіи къ нимъ жестокихъ наказаній, должно было привести къ заключенію, что министръ Боголѣ-

повъ во всей своей дѣятельности былъ нѣчто въ родѣ герцога Альбы, человѣкомъ жестокимъ, безсердечно-строгимъ съ молодежью, реакціонеромъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, во всякомъ случаѣ окостенѣлымъ бюрократомъ и, по всей вѣроятности, тиранической натурой.

Но я случайно познакомился лично съ этимъ человѣкомъ. Онъ права меня въ домѣ, сидѣлъ за моимъ столомъ. Если для Бедуина былъ у гостепріимства дѣлаютъ ему гостя особою священною, то и по отношенію ко мнѣ было бы достаточно этого обстоятельства, чтобы объяснить мое желаніе спасти единственное, что осталось у этого человѣка, лишеннаго жизни черезъ политическое убійство—это его нравственный обликъ. Мнѣ не даетъ покоя мыслитьть о бѣдственной смерти моего тогдашняго гостя и о полномъ крушеніи его начинаній, я, я не могу ослабодиться отъ впечатлѣнія, которое произвели на меня, при нашемъ первомъ знакомствѣ въ 1893 году, его необыкновенное благородство и возвышенный образъ мыслей. Проживъ нѣсколько недѣль на Беатенбергѣ съ женой и дочерью, на возвратномъ пути въ Россію, Боголѣповъ, въ то время ректоръ Московскаго Университета, навѣстилъ меня. Съ перваго же вечера, пока наши жены разговаривали о семейныхъ дѣлахъ, у меня съ моимъ гостемъ завязался оживленный разговоръ самого животрепещущаго свойства. Я долженъ признаться, что минутами переживалъ тоже, что кандидатъ, которому приходится держать экзаменъ по всевозможнымъ отраслямъ народнаго хозяйства, учебнаго дѣла и по государственному праву. Боголѣповъ освѣдомлялся, какъ все это обстоитъ въ Швейцарской демократіи. Его манера ставить вопросы, возражать и дѣлать замѣчанія доказывала необычайную широту умственнаго кругозора и чисто-философскую привычку не довольствоваться неполнымъ рѣшеніемъ вопроса, а напротивъ, того, во всемъ додумываться до конца и все основательно обсуждать. При этомъ онъ вносилъ въ свои вопросы столько сердечнаго интереса, что нашъ разговоръ, несмотря на свой отвлеченный характеръ, не былъ сухимъ и безжизненнымъ. Минутами я словно забывалъ, что прохаживаюсь по своему саду съ существомъ крови и плоти: этотъ прозрачно-блѣдный человѣкъ, высокаго роста, съ чѣмъ-то аскетическимъ въ спокойномъ мыслящемъ лицѣ, казался мнѣ посѣтителемъ изъ другого свѣта, чѣмъ-то въ родѣ Зоратустра или Платона, который на нѣсколько часовъ покинулъ свое, въ голубой дали лежащее, царство, чтобы немного осмотрѣться въ современномъ намъ мірѣ. По причинѣ этихъ особенностей онъ казался мнѣ старше меня, хотя ему было только 47 лѣтъ, и онъ былъ на 4 года моложе меня. Мы, Западные Европейцы, Романы въ особенности, а также южные Нѣмцы и Швейцарцы, имѣемъ въ строѣ нашихъ мыслей нѣкоторый запасъ чувственныхъ радостей, и

мы часто поддаемся опьяняющей фантазіи, заставляющій насъ воспрянуть, освѣжаетъ и обновляетъ насъ. У этого же духа горъ, какъ я про себя назвалъ своего посѣтителя, было нѣчто дѣтски-чистое и возвышенное въ лицѣ и обращеніи, такъ что я невольно возвращался къ мысли: какое было бы для меня пріобрѣтеніе, если бы этотъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ свое отечество, сдѣлался бы моимъ сосѣдомъ и удостоилъ меня своею дружбою! Однимъ словомъ, я не могъ не полюбить его, не смотря на напряженность мысли, которую вызывала во мнѣ его любознательность. Впрочемъ онъ говорилъ отлично по-нѣмецки, не искалъ словъ и всегда находилъ надлежащее выраженіе для своей мысли.

Характерно показалось мнѣ то значеніе, которое онъ придавалъ элементарнымъ народнымъ школамъ. Когда въ концѣ концовъ, главнымъ предметомъ нашего разговора стало учебное дѣло, онъ менѣе разспрашивалъ объ университетахъ и о нашихъ политехникумахъ, чѣмъ о народныхъ школахъ. «Вы, въ Швейцаріи», говорилъ онъ, «находитесь въ счастливомъ положеніи: у васъ давно уже готовы основы, на которыхъ зиждется народное образованіе. У насъ въ Россіи не такъ. Конечно мы не должны упускать изъ виду и наши университеты, тамъ предстоитъ еще много преобразованій, но на первомъ планѣ должна теперь стоять для насъ элементарная школа».

Слѣдующій день прошелъ, какъ и первый; хорошее впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ выдающимся человѣкомъ, еще усилилось. Я имѣлъ случай наблюдать его трогательную сердечность въ отношеніи къ больной женѣ и къ дочкѣ. Фанатикъ, убившій ненавистнаго человѣка, чтобы избавить общество, какъ онъ полагалъ, отъ вреднаго государственнаго дѣятеля, не принималъ въ соображеніе, какую скорбь онъ причилъ невиннымъ лицамъ, горько оплакивающимъ горячо любимаго мужа и отца.

Послѣ всего сказаннаго легко себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ я прочелъ въ Февралѣ 1898 года, въ газетѣ, извѣстіе о назначеніи Н. П. Боголѣпова министромъ народнаго просвѣщенія. Это казалось мнѣ счастіемъ для Россіи. Я видѣлъ въ немъ маркизу Позу, или даже лучше того, (вѣдь еще неизвѣстно, каковъ былъ бы какой мечтательный идеалистъ на практикѣ, а отъ Боголѣпова я именно ожидалъ самаго лучшаго). Когда мудрецъ становится королемъ, думалъ я или великимъ визиремъ, какъ это бываетъ въ восточныхъ неограниченныхъ манархіяхъ, тогда все должно идти прекрасно. Я принадлежу къ тѣмъ, которые клянутся столь излюбленной фразой: «знаніе

ведетъ къ свободѣ». Всякій другой путь къ свободѣ для народа неразвитого кажется мнѣ непрочнымъ. Наконецъ, говорилъ я себѣ, въ Россіи начнутъ снизу, съ народной школы. Настаетъ великое возрожденіе, которое медленно, но вѣрно приведетъ Русскій народъ къ зрѣлости, давно радующей остальные, впередъ ушедшіе Европейскіе народы. Никогда надежда, основанная, повидимому, на самыхъ вѣрныхъ предположеніяхъ, не была обманута столь жестоко, какъ моя. Жизнь Боголѣпова въ теченіе его трехлѣтней министерской дѣтельности обратилась въ непрерывную трагедію, ужасную во всѣхъ отношеніяхъ, которая, какъ и всякая трагедія, окончилась насильственной смертью героя. Да, можно смѣло сказать—героя. Прочитавшій мой очеркъ до конца придетъ къ убѣжденію, что этотъ человѣкъ, принесенный въ жертву, желалъ добра. Съ этимъ нельзя не согласиться, даже если смотрѣть на его дѣятельность съ точки зрѣнія студенческой молодежи, какъ на одну непрерывную цѣпь ошибокъ. Его злосчастная борьба съ молодежью возникла только оттого, что ея идеалы были другіе, чѣмъ идеалы Боголѣпова.

Еще ректоромъ, въ 1894 году, въ Московскомъ университетѣ и позднѣе попечителемъ Московскаго учебнаго округа, онъ возбудилъ нелюбовь одной части студенчества тѣмъ, что при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей въ университетѣ, руководился убѣжденіемъ, что молодые люди поступаютъ въ университетъ съ тѣмъ, чтобъ учиться, а не съ тѣмъ, чтобы заниматься политикой. Правительство, по его мнѣнію, имѣетъ право требовать отъ студентовъ строгаго исполненія своихъ обязанностей, потому что тратитъ на нихъ большія деньги (600 р. въ годъ на человѣка). Это требованіе справедливо. Недавно даже въ республиканской Швейцарской печати говорилось о томъ же, напримѣръ въ передовой статьѣ «Journal de Genève», которая потомъ была перепечатана во многихъ Швейцарскихъ газетахъ, между прочимъ и въ нашемъ Bund *). Вотъ слова этой статьи: «Женевское правительство не можетъ допустить, чтобы нашъ университетъ пересталъ быть центромъ научнаго образованія и сдѣлался бы очагомъ интернаціональной политической агитаціи. Если таково мнѣніе правителей Женевской демократіи, то нельзя считать подобное же требованіе руководителя Русскихъ университетовъ деспотичнымъ и существенно расходящимся съ дѣйствительнымъ назначеніемъ университетовъ».

---

*) Авторъ статьи состоялъ и до сихъ поръ состоитъ издателемъ Швейцарской газеты „Bund", а статью свою о Боголѣповъ онъ помѣстилъ въ Нѣмецкой газетѣ „Die Nation", потому что Швейцарская печать особенно нападала на убитаго министра.

Болѣе вѣскій упрекъ, дѣланный Боголѣпову—тотъ, что во время студенческихъ волненій онъ прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ для водворенія порядка. Мы не станемъ опровергать, что такая строгость казалась ему необходимостью и дѣйствительно требовалась имъ. Но не подлежитъ сомнѣнію (о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его заграничнаго врача), что Боголѣповъ всегда съ болью въ сердцѣ прибѣгалъ къ этимъ мѣрамъ лишь для того, чтобы скорѣе удалить главныхъ зачинщиковъ, и тѣмъ быстрѣе прекратить безпорядки и уменьшить число жертвъ. И дѣйствительно, ему удавалось въ короткое время прекращать въ Московскомъ университетѣ массовыя возстанія студентовъ, которыя причинили бы тяжелое горе во многихъ семьяхъ. Впрочемъ всѣмъ читателямъ газетъ извѣстно, что со времени смерти Боголѣпова эти студенческія волненія повторялись и повторяются въ большихъ размѣрахъ.

Я желалъ бы высказать здѣсь свое собственное мнѣніе на счетъ возстаній.

Съ дѣтства во мнѣ воспитали вѣру въ святость революціи. Къ моимъ самымъ раннимъ впечатлѣніямъ принадлежатъ сношенія съ Нѣмецкими, Венгерскими и Польскими бѣглецами. Всѣ они находили убѣжище въ бѣдномъ, но гостепріимномъ пасторскомъ домѣ моего отца, который до мозга костей былъ политикомъ. Выраженія: «убійство князей», «плавать въ крови тирана», «упиться кровью тирана» были у насъ столь же обычны, какъ масло къ хлѣбу пожалуй, даже масло бывало рѣже. Дѣтскія впечатлѣнія никогда не изглаживаются, а потому я съ тѣхъ поръ всегда сочувственно отношусь къ народнымъ возстаніямъ. Однако, чего я никогда не могъ понять—это необыкновенное негодованіе бойцовъ баррикадъ и ихъ друзей на сопротивленіе противника. Въ извѣстныхъ анекдотахъ кроется часто глубокій и прекрасный человѣческій смыслъ, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ. Когда во время Баденскаго возстанія пули долетали до Людовиковой-пристани, одинъ, въ высшей степени негодующій бюргеръ закричалъ черезъ Рейнъ: «Что вы стрѣляете, рогатые быки; развѣ вы не видите, что тутъ стоятъ люди». Несмотря на свою забавность, такая исторія клеймитъ позоромъ тотъ отвратительный фактъ, что человѣкъ прибѣгаетъ къ насилію въ борьбѣ съ другимъ человѣкомъ. Если же нельзя иначе и если я иду на улицу съ револьверомъ или съ другимъ оружіемъ въ рукахъ, чтобы присоединиться къ сотнямъ вооруженныхъ товарищей, развѣ я могу негодовать на людей, призванныхъ къ охраненію общественнаго спокойствія, когда я и они берутся серьезно за дѣло? Точно также, выходя на поединокъ, не могу претендовать, чтобы за мною однимъ было право стрѣлять, а противникъ мой былъ

бы лишенъ его; такое желаніе считалось бы въ высшей степени неприличнымъ. Такимъ образомъ и честь революціонера состоитъ въ томъ, чтобы онъ, рискуя жизнію, не жаловался, если придется обагрить мостовую своею кровью. Конечно, не всѣ уличные бунты бываютъ одинаково обставлены, и каждый случай долженъ поэтому разсматриваться отдѣльно. Въ Россіи верховые и полицейскіе военные оттѣсняютъ толпу лошадьми, при чемъ казаки безпощадно дѣйствуютъ нагайкой. Кнутъ издавна представляется намъ символомъ грубаго деспотизма, и дѣйствительно это отвратительное орудіе. Однако употребленіе его покажется менѣе суровымъ, если упомянуть о томъ, что казаки кромѣ того вооружены пиками. Вспомнимъ также, что молодой полководецъ Бонапартъ очистилъ улицы Парижа пушками. Историки даже приводятъ это какъ доказательство его необычайной рѣшительности, его военныхъ способностей и геніальной сообразительности въ выборѣ самыхъ подходящихъ средствъ въ критическія минуты. Въ сравненіи съ такимъ крайнимъ средствомъ, оттѣсненіе бунтующей толпы напоромъ на нее верховыхъ и пораненіе нѣкоторыхъ грубыми ударами нагайки, хотя и останется нежелательнымъ явленіемъ, но все-таки не столь ужасно, какъ стрѣльба изъ пушекъ. При этой казацкой и полицейской расправѣ въ Россіи подвергаются опасности обѣ стороны: такъ напримѣръ, изъ газетъ мы узнаемъ что въ Петербургѣ, во время большого студенческаго бунта на Казанской площади, первымъ раненымъ оказался казацкій офицеръ.

Боголѣповъ былъ убѣжденнымъ націоналистомъ и находилъ нежелательнымъ, чтобы Русское учащееся юношество слѣдовало во всемъ направленію западно-европейскаго умственнаго движенія. Въ нашей западной Европѣ такой образъ мыслей встрѣтитъ почти общее осужденіе, потому что число тѣхъ, кто въ состояніи произнести объективное и зрѣлое сужденіе на этотъ счетъ, не велико. Я же съ своей стороны, приведу только два довода въ пользу убѣжденія Боголѣпова. Во-первыхъ то, что онъ самъ былъ знакомъ съ теченіемъ западно-европейской мысли: вскорѣ послѣ избранія его въ доценты Московскаго университета, юридическій факультетъ послалъ Боголѣпова за границу для дальнѣйшаго научнаго образованія; два года прослушалъ онъ лекціи въ Нѣмецкихъ университетахъ, а затѣмъ въ Парижскихъ École des droits и Collège de France. Нельзя поэтому сказать, что онъ противился неизвѣстному. Затѣмъ понятно, что идеалъ всякаго патріота, принадлежащаго къ народности, имѣющей свои особенности, состоитъ въ томъ, чтобы создать государственный и общественный строй своей страны на почвѣ климатическихъ и національныхъ условій, а не съ помощью иноземнаго вліянія. Живя въ центрѣ западной Европы, мы пребываемъ въ по-

стоянномъ духовномъ общенiи съ сосѣдними культурными народами, поэтому космополитическому Нѣмцу и Швейцарцу трудно понять воззрѣнiе на этотъ счетъ Славянина, члена могущественнаго Русскаго государства. Во всякомъ случаѣ это принципiальное убѣжденiе Боголѣпова еще усилило вражду къ нему Русской академической молодежи, склонной къ интернацiональнымъ воззрѣнiямъ. Послѣдняя, разсчитывая на первенствующую роль руководительницы Русской умственной жизни, охотно заимствуетъ у западныхъ народовъ либеральныя идеи и въ особенности духовныя орудiя для борьбы съ правительствомъ, а конечная цѣль этой борьбы—переустройство Русскаго государства. Борьба Боголѣпова съ этимъ направленiемъ создала ему репутацiю неисправимаго реакцiонера, чѣмъ воспользовались его враги, чтобы еще болѣе разжечь ненависть къ нему молодежи. Но у него были враги также и между высшими и государственными дѣятелями. Своею непреклонною послѣдовательностью онъ сталъ послѣднимъ поперекъ дороги. Боголѣповъ обнаруживалъ на каждомъ шагу своей дѣятельности столько дѣловитости и столько достоинства въ исполненiи своего долга, что недостатокъ этихъ качествъ въ его противникахъ выступалъ еще ярче.

И такъ какъ подъ вѣдомствомъ другихъ министерствъ также находятся высшiя учебныя заведенiя, то врагамъ его легко было вести противъ него интригу, слѣдуя въ управляемыхъ ими заведенiяхъ противоположной политикѣ. Не стану здѣсь описывать, какое затруднительное положенiе это создало Боголѣпову и какъ такое положенiе ухудшилось отъ враждебнаго отношенiя къ нему министра финансовъ. Послѣднiй неохотно отпускалъ средства на необходимыя улучшенiя учебнаго дѣла и на увеличенiе числа школъ. Описанiе всего этого отняло бы слишкомъ много времени и притомъ могло бы быть понято только людьми, знакомыми съ условiями Русской жизни.

Въ заключенiе перечислю все сдѣланное имъ въ три года его министерской дѣятельности. При этомъ я прежде всего напомню слова, сказанныя имъ въ Бернѣ, что Россiя нуждалася болѣе въ начальныхъ народныхъ школахъ, нежели въ университетахъ. Поэтому его первыя заботы были направлены къ увеличенiю числа элементарныхъ школъ въ городахъ и деревняхъ.

Н. П. Боголѣповъ управлялъ министерствомъ ровно три года; въ день третьей годовщины, 14-го Февраля 1901 года, преступное покушенiе на его жизнь при исполненiи имъ долга службы, прекратило его энергичную и плодотворную дѣятельность. Покойный послѣдова-

тельно, осторожно и настойчиво принялся за вызываемыя самою жизнью преобразованія въ обширномъ и сложномъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и въ три года успѣлъ сдѣлать очень много полезнаго. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на недостаточность начальныхъ сельскихъ и городскихъ народныхъ школъ и въ теченіе трехъ лѣтъ усиленно и энергично хлопоталъ объ увеличеніи кредита на начальное образованіе. До него на среднія учебныя заведенія расходовалось въ два раза болѣе, чѣмъ на начальныя. Эта ненормальность была выдвинута имъ, и кредитъ на начальное образованіе увеличился въ два года на милліонъ рублей (желательное же увеличеніе было опредѣлено покойнымъ въ 2700000 рублей). Въ прошломъ году Н. П. ходатайствовалъ объ новомъ усиленіи кредита на 1300000 рублей. Помимо увеличенія количества школъ, онъ заботился объ улучшеніи школьныхъ помѣщеній, о болѣе правильномъ распредѣленіи суммъ между центральными губерніями и окраинами, о преобразованіи бывшихъ уѣздныхъ училищъ въ городскія и объ обезпеченіи старости учащихъ въ начальныхъ школахъ. При немъ выработаны положенія и правила общедоступныхъ и систематическихъ курсовъ для народа, поднятъ вопросъ объ увеличеніи учительскаго содержанія и учреждена пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ, начавшая свои дѣйствія съ 1-го Января 1901 года.

Заботясь о начальномъ образованіи, онъ немало сдѣлалъ и въ области средней и высшей школы. Помимо открытія новыхъ среднихъ школъ онъ выдвинулъ важные вопросы: о классической системѣ, объ улучшеніи строя самыхъ школъ, о большемъ вознагражденіи учительскаго труда и лучшей подготовленности преподавателей къ дѣлу обученія дѣтей. Онъ сталъ считаться съ общими жалобами на бюрократизмъ средней школы, ея формализмъ, на неправильность отношеній преподавателей и учениковъ, на преподаваніе какъ древнихъ языковъ, такъ и Русскаго языка, Русской исторіи и Русской литературы. Имъ была образована комиссія для разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ средней школы. Ему удалось отмѣтить переводные экзамены изъ класса въ классъ при удовлетворительности отмѣтокъ; допустить дѣтей, получающихъ образованіе дома, къ ежегоднымъ экзаменамъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, увеличить пенсіи служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ, облегчить изученіе древнихъ языковъ въ классическихъ гимназіяхъ, разрѣшить къ пріему въ женскій медицинскій институтъ окончившихъ курсъ семи классовъ женскихъ гимназій. Кромѣ того имъ были подняты вопросы объ обезпеченіи пенсіями содержателей, содержательницъ и учащихъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и др.

Въ области высшаго образованія покойный предполагалъ многія реформы, часть которыхъ уже проведена имъ въ университетскую жизнь. Онъ обратилъ вниманіе на болѣе правильное распредѣленіе учащейся молодежи между университетами и съ этою цѣлью рекомендовалъ ей придерживаться университетовъ мѣстныхъ округовъ. Имъ же вызвана на первый планъ необходимость большаго сближенія студентовъ между собою и съ профессорами на почвѣ учебныхъ занятій, организованы практическія занятія въ университетахъ, научные и литературные студенческіе кружки при Новороссійскомъ, Томскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ и исходатайствованы средства на открытіе студенческихъ общежитій. При немъ открыты медицинскій факультетъ въ Новороссійскомъ университетѣ и юридическій въ Томскомъ, преобразована Владивостоцкая гимназія въ Восточный институтъ, учрежденъ Томскій технологическій институтъ.

Если вспомнить, что покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія совершилось 14-го Февраля 1901 года, т. е. ровно три года по вступленіи его на этотъ постъ, то нельзя не удивляться, какъ много ума и энергіи онъ проявилъ въ своихъ созиданіяхъ и предначертаніяхъ.

Такимъ образомъ я прихожу къ выводу, что Боголѣповъ, честный, чистый и смѣлый характеръ, самоотверженный государстенный дѣятель, съ высокими задачами, палъ жертвою трагической судьбы, которой онъ не заслуживалъ; между тѣмъ какъ послѣдователи Макіавеллистическихъ воззрѣній будутъ утверждать, что партійные интересы исключаютъ установившіяся понятія и что самаго благороднаго человѣка можно устранить навсегда, если считаешь его вліяніе вреднымъ для дѣла, таинственная цѣль котораго извѣстна однимъ только скрывающимся во мракѣ руководителямъ.

СНОШЕНІЯ ПУШКИНА СЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

I.

Критическія и библіографическія замѣтки.

Переписка Пушкина съ Бенкендорфомъ, черезъ котораго шли всѣ сношенія его съ правительствомъ, давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей, какъ матеріалъ первостепенной важности для біографовъ поэта. Императоръ Николай Павловичъ, назначая графа А. Х. Бенкендорфа шефомъ отдѣльнаго корпуса жендармовъ, передалъ ему, какъ разсказываютъ, свой носовой платокъ, чтобы отирать слезы страждущихъ. Поручая тому же Бенкендорфу Пушкина, „извѣстнаго сочинителя вольныхъ стиховъ", государь хотѣлъ, должно быть, дать „двадцатилѣтнему безумцу" (хотя, Пушкину было уже 27 лѣтъ) опытнаго и разсудительнаго друга. Впослѣдствіи самъ Бенкендорфъ увѣрялъ Пушкина, что онъ порученъ ему, Бенкендорфу, не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, чтобы руководить его дружескими совѣтами.

Бенкендорфъ, по словамъ М. А. Корфа, имѣлъ лишь самое поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамотѣ не зналъ порядочно. Допуская преувеличеніе въ этомъ отзывѣ, все же по однимъ письмамъ къ Пушкину приходится признать, что Бенкендорфъ былъ не очень силенъ въ правописаніи, а въ литературномъ отношеніи—совсѣмъ незнающъ. И этого-то человѣка, насильно навязаннаго въ повѣренные всѣхъ личныхъ дѣлъ, Пушкинъ въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ (1826—1836) принужденъ былъ посвящать въ сокровенныя подробности своей жизни. Пушкину приходилось докладывать Бенкендорфу о ходѣ своихъ литературныхъ работъ, о своемъ сотрудничествѣ въ разныхъ журналахъ, объ изданіи своихъ произведеній, о своихъ отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ, о своей женитьбѣ, о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ. Какой работы стоили Пушкину, его офиціальныя письма можно заключить уже потому, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно намъ по двѣ черновыхъ! Можно сказать, что ни въ одной перепискѣ Пушкина, даже въ его перепискѣ съ женой, не отразилась такъ полно вся его жизнь, какъ именно въ обмѣнѣ письмами съ Бенкендорфомъ и его замѣстителями.

Первыя свѣдѣнія о перепискѣ Пушкина съ Бенкендорфомъ были даны П. В. Анненковымъ въ его „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина" (1 изд. въ Соч. Пушкина, т, I, СПб. 1855) и въ его книгѣ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху" (Спб. 1874 г.). Болѣе подробно эта переписка была пересказана Мих. Макс. Поповымъ въ „Рус. Старинѣ" 1874 г. (т. X. стр. 683 и сл.), въ статьѣ „А. С. Пушкинъ". М. М. Поповъ, долго служившій въ III

отдѣленіи, могъ пользоваться подлинными документами, но къ сожалѣнію большинство ихъ привелъ лишь въ извлеченіи или даже въ пересказѣ. Значительныя дополненія къ статьѣ Попова далъ М. И. Сухомлиновъ въ „Ист. Вѣстникѣ“ 1884 г. (№ 1, стр. 55 и сл.) въ статьѣ „Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“. Еще нѣсколько дополненій было сдѣлано въ „Русс. Старинѣ“ 1899 г. (т. XCVIII, стр. 247) подъ заглавіемъ „А. С. Пушкинъ и А. Х. Бенкендорфъ“. Я, въ составленной мною книгѣ „Письма Пушкина и къ Пушкину“ (Мск. 1903) напечаталъ рядъ писемъ Бенкендорфа къ Пушкину, частью уже извѣстныхъ раньше, частью тогда еще полностью неизвѣстныхъ. Одновременно съ моимъ изданіемъ появилась книга И. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ А С. Пушкина“ (С.-Пб. 1903), въ которой помѣщено нѣсколько черновыхъ писемъ Пушкина къ Бенкендорфу, изъ собранія П. В. Анненкова. П. Е. Ефремовъ, для вышедшаго, въ 1903—5 г.г. подъ его редакціей изданія Сочиненій Пушкина, получилъ разрѣшеніе отъ В. К. Плеве просмотрѣть дѣла о Пушкинѣ, хранящіяся нынѣ въ архивѣ Департамента Полиціи и списалъ тамъ всѣ подлинныя письма Пушкина къ Бенкендорфу. Наконецъ, С. Сухонину, по ходатайству А. С. Ермолова, было разрѣшено кн. П. Д. Святополкъ-Мирскимъ списать въ архивѣ Полиціи полностью всѣ дѣла о Пушкинѣ. Г. Сухонинъ напечаталъ ихъ какъ приложеніе къ журналу „Всемірный Вѣстникъ“ за 1905 г., при чемъ въ его изданіе вошла большая часть писемъ извѣстной переписки Пушкина съ Бенкендорфомъ.

Можно считать, что въ настоящее время оффиціальная переписка Пушкина съ Бенкендорфомъ и вообще съ правительствомъ извѣстна намъ почти во всемъ ея объемѣ. Однако ни одно изъ перечисленныхъ мною изданій не даетъ ее цѣликомъ. Это и понятно, если принять во вниманіе, что для знакомства съ нею существуетъ *два совершенно отдѣльныхъ источника*: одни изъ изслѣдователей, какъ М. Поповъ, М. Сухомлиновъ, авторъ статьи въ „Русс. Старинѣ“ 1899 г., П. Ефремовъ и С. Сухонинъ имѣли въ рукахъ документы, поступавшіе къ Бенкендорфу и въ III отдѣленіе. То были *подлинники* писемъ Пушкина и лишь *копіи* съ писемъ, адресованныхъ Пушкину. Напротивъ, П. Анненковъ И. Шляпкинъ и я—мы имѣли въ рукахъ документы, поступавшіе къ Пушкину или остававшіеся у него: то были *подлинники* писемъ, адресованныхъ ему и *черновые наброски* его собственныхъ писемъ.

Чтобы составить полное представленіе объ оффиціальной перепискѣ Пушкина, нельзя ограничиться документами только того или только другого происхожденія. Оба источника съ необходимостью дополняютъ другъ друга. Во-первыхъ, въ III отдѣленіи сохранились копіи не со всѣхъ писемъ, посланныхъ Пушкину Бенкендорфомъ и его сподручниками, и съ другой стороны у Пушкина сохранились подлинники не всѣхъ писемъ, извѣстныхъ намъ по копіямъ, оставшимся въ III отдѣленіи. Во-вторыхъ, черновые наброски Пушкинскихъ писемъ часто значительно разнятся отъ окончательной редакціи ихъ содержатъ свѣдѣнія и поясненія, опущенныя впослѣдствіи, и вообще даютъ немало характерныхъ чертъ для пониманія оффиціальныхъ отношеній Пушкина, Изучая матеріалы, собранные въ архивѣ Полиціи, мы узнаёмъ,

какъ правительство смотрѣло на Пушкина; по матеріаламъ, сохранившимся у Пушкина, мы узнаёмъ, какъ ему казалось, что на него смотритъ правительство. Оказывается, что эти два взгляда не вполнѣ совпадали.

Въ моихъ разрозненныхъ замѣткахъ, я намѣренъ разсмотрѣть нѣкоторыя темныя, еще нерѣшенныя стороны оффиціальныхъ отношеній къ Пушкину, равно пользуясь матеріалами того и другого происхожденія, сравнивая и сближая ихъ данныя. Я надѣюсь опровергнуть нѣкоторые установившіеся предразсудки біографіи Пушкина, провѣрить и пополнить хронологическія данныя о его жизни, а въ иныхъ случаяхъ просто поставить новый вопросъ, рѣшеніе котораго принужденъ предоставить будущимъ изслѣдователямъ. Само собой разумѣется, что при такой чисто-критической работѣ я долженъ былъ считать своихъ читателей знакомыми, какъ съ фактами біографіи Пушкина, такъ и съ тѣми вопросами, которые были подняты изслѣдователями его творчества и его литературной дѣятельности.

1. Первая встрѣча Пушкина съ Бенкендорфомъ.

Когда Пушкинъ впервыя встрѣтился съ Бенкендорфомъ?

Изъ ссылки Пушкинъ прибылъ въ Москву 8 Сентября 1826 г., и въ тотъ же день былъ принятъ Государемъ. По словамъ П. Ефремова [1]), *на другой же день*, т. е. 9 Сентября, Пушкинъ былъ отданъ подъ единоличный надзоръ А. Х. Бенкендорфа (тогда еще не шефа жандармовъ, такъ какъ отдѣльный корпусъ жандармовъ былъ учрежденъ лишь въ 1827 г.). Откуда почерпнулъ это свѣдѣніе г. Ефремовъ, намъ неизвѣстно.

Первое письмо Бенкендорфа къ Пушкину помѣчено 30 Сентября, днемъ отъѣзда Бенкендорфа изъ Москвы [2]). Бенкендорфъ извѣщалъ въ немъ Пушкина, что Государь разрѣшаетъ ему пріѣздъ въ столицу, намѣренъ самъ быть „первымъ цѣнителемъ и цензоромъ“ его произведеній и желаетъ, чтобы Пушкинъ представилъ ему свои соображенія о воспитаніи юношества. Новаго для Пушкина въ этомъ письмѣ было только разрѣшеніе на въѣздъ въ Петербургъ, что Государь, еще на пріемѣ 8 Сентября, самъ заявилъ Пушкину, что будетъ его единственнымъ цензоромъ [3]). На томъ же пріемѣ Государь выразилъ намѣреніе занять Пушкина „серьезными трудами“. Во исполненіе этого намѣренія и явилось предложеніе написать о воспитаніи юношества. Но и объ этомъ предложеніи Пушкинъ слышалъ отъ Бенкендорфа раньше его письма. По крайней мѣрѣ, получивъ отъ Пушкина въ Декабрѣ „Записку о народномъ воспитаніи“ Бенкендорфъ доносилъ Государю: „Вслѣдствіи *разговора*, который у меня былъ, по приказанію Вашего Величества съ Пушкинымъ, онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣчанія на общественное воспитаніе“ [4]). Государь въ 1826 г. выѣхалъ изъ Москвы 30 Сен-

---

[1]) Ефремовъ, Соч. Пушкина VII, 299.

[2]) Сухонинъ, стр. 19. „Письма Пушкина“, стр. 34.

[3]) Анненковъ. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, С.-Пб. 1874 г., стр. 321.

[4]) „Старина и Новизна“, кн. VI. „Записка“ Пушкина была закончена въ Михайлов-

тября въ 11 часовъ утра [1]). Очевидно одновременно съ нимъ выѣхалъ и Бенкендорфъ. Во второмъ своемъ письмѣ къ Пушкину онъ прямо говоритъ, что при отъѣздѣ изъ Москвы не имѣлъ времени лично съ нимъ переговорить. Въ Петербургъ, послѣ ссылки, Пушкинъ пріѣхалъ только въ 1827 г. Слѣдовательно „разговоръ“, о которомъ говоритъ въ своемъ донесеніи Бенкендорфъ, могъ происходить только въ Сентябрѣ 1826 г.

Помимо этого, все содержаніе перваго письма Бенкендорфа къ Пушкину показываетъ, что между ними и раньше существовали дѣловыя отношенія и встрѣчи. Письмо начинается словами: „Я ожидалъ *прихода* вашего, чтобы объявить Высочайшую волю *по просьбѣ* вашей“. Приходится полагать, что просьба (о позволеніи ѣхать въ Петербургъ) была обращена Пушкинымъ лично. По крайней мѣрѣ никакого соотвѣтствующаго „прошенія“ въ бумагахъ не сохранилось. Позднѣе, когда лѣтомъ 1827 г. Пушкинъ прибылъ въ Петербургъ, Бенкендорфъ въ первой пригласительной запискѣ [2]) писалъ, что онъ „весьма радъ будетъ *свидѣться*“ съ Пушкинымъ, а не „познакомиться“, какъ онъ написалъ бы непремѣнно, если бы предполагаемая встрѣча была первой.

Все это позволяетъ намъ утверждать, что между 9 и 29 Сентября происходили личныя встрѣчи между Пушкинымъ и Бенкендорфомъ. Но сколько было ихъ и когда именно произошла первая встрѣча, мы опредѣлить пока не можемъ.

2. Первые показанія по дѣлу о Андреѣ Шенье.

До послѣдняго времени первое показаніе Пушкина по дѣлу объ элегіи „Андрей Шенье“ печаталось въ собраніяхъ его сочиненій подъ *Сентябремъ 1826 г.* [3]). Однако П. Е. Щеголевъ, получившій возможность заняться подлиннымъ дѣломъ Алексѣева, убѣдился, что до сихъ поръ текстъ показанія печатался неточно, съ пересказа, и что въ подлинномъ показаніи поставлена дата: *27 Января 1827, Москва.* По исправному тексту показаніе напечатано у Ефремова.

Г. Ефремовъ, на основаніи неизвѣстныхъ намъ источниковъ, разсказываетъ и обстоятельства, при которыхъ сдѣлано было показаніе. „Пушкинъ былъ призванъ, говоритъ онъ, Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, который и спрашивалъ его: ему ли принадлежатъ и его ли рукою писаны *извѣст-*

скомъ 15 Ноября. Бенкендорфъ въ письмѣ къ Пушкину 9 Декабря, извѣщая о полученіи рукописи „Бориса Годунова“, ничего не говоритъ о „запискѣ“. Но въ письмѣ 14 Декабря Бенкендорфъ уже сообщаетъ Пушкину замѣчанія Государя на „Бориса Годунова“. Между тѣмъ трагедія была представлена Государю одновременно съ „Запиской“. Слѣдовательно „Записка“ была получена Бенкендорфомъ между 9 и 13 Декабря.

[1]) Рус. Арх. 1901, II, 402.

[2]) Сухонинъ, стр. 51.

[3]) Даже у Ефремова въ VII т. Соч. Пушкина, стр. 260. Подробный перечень всѣхъ матеріаловъ къ этому дѣлу см. у И. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“, стр. 339. Изложеніе дѣла у Ефремова, Соч. Пушкина, VII, 101, 259, 276, 286, VIII, 597.

ныя стихи? Пушкинъ попросилъ указать ему, какіе же это *извѣстные* стихи, такъ что они были вытребованы и потомъ предъявлены ему Шульгинымъ. Интересно при этомъ, что въ Пушкинѣ художникъ сказался прежде человѣка, которому грозила бѣда: внимательно пересмотрѣвъ присланную копію и видя въ ней искаженія своихъ стиховъ, онъ тутъ же сдѣлалъ три поправки".

Съ перваго взгляда въ противорѣчіи съ этимъ разсказомъ стоитъ то, что говоритъ о томъ же дѣлѣ въ своихъ письмахъ А. Я. Булгаковъ, хорошо знавшій семью Алексѣевыхъ.

„Наташа была у Алексѣевыхъ, писалъ Булгаковъ 30 Сентября 1826 г., и пріѣхала оттуда расплаканная. Бѣдный отецъ и мать въ прежалкомъ положеніи; я не понимаю упрямства сына старшаго. Можетъ ли быть, чтобы онъ не помнилъ, отъ кого получилъ стихи эти мерзкіе? Отецъ, къ коему былъ онъ приведенъ, угрожалъ ему проклятіемъ; какъ ни былъ онъ тронутъ, какъ ни плакалъ, а все утверждалъ, что не помнитъ. Кажется, это было не 10 лѣтъ назадъ! Всѣ утверждаютъ, что стихи Пушкина, однакоже надобно это доказать и его изобличить".

„Стихи точно Пушкина, писалъ Булгаковъ на слѣдующій день, 1 Октября. Онъ не только сознался, но и прибавилъ, что они давно напечатаны въ его сочиненіяхъ. Тутъ рѣчь о Французской революціи, только многое кѣмъ-то украшено, съ разными прибавленіями, и поставлено заглавіе: 14 Декабря. Кто этотъ трудъ взялъ на себя, неизвѣстно, а добираются. Бенкендорфъ сказывалъ Брокеру: эти стихи такъ мерзки, что вы, вѣрно, выдали бы своего сына сами, eжели бы знали, что онъ сочинитель" *).

Однако есть полная возможность согласовать эти данныя. Алексѣевъ былъ преданъ суду 25 Сентября 1826 года. Такъ какъ 1 Октября Булгаковъ уже зналъ, что „Пушкинъ сознался", то первый допросъ Пушкина по этому дѣлу долженъ былъ происходить между 26 и 29 Сентября. Пушкинъ, призванный для показаній къ Шульгину, конечно уже зналъ, о какихъ стихахъ шла рѣчь, потому что о дѣлѣ говорилъ весь городъ. Пушкинъ призналъ предсудительные стихи своими, т. е. отрывкомъ изъ своей элегіи, но призналъ *устно*, а отъ дачи *письменнаго* показанія отказался, требуя, чтобы ему предъявили подлинную рукопись или спискокъ съ нея. Рукопись, какъ и говоритъ Ефремовъ, была „вытребована" изъ Новгорода, для предъявленія Пушкину. Но конецъ Ноября и начало Декабря 1826 г. Пушкинъ провелъ въ Псковской губерніи и вернулся лишь къ Рождеству. Вотъ почему рукопись стиховъ была ему предъявлена лишь *27 Января 1827 г.*, когда онъ и далъ свое первое показаніе по дѣлу.

Такимъ образомъ надо считать, что по дѣлу объ элегіи „Андрей Шенье" Пушкинъ давалъ показанія *четыре* раза: 1) въ концѣ Сентября 1826 г. (устныя). 2) 27 Января 1827 г. 3) 29 Іюня 1827 г. и 4) 24 Ноября 1827 г.

*) Русс. Архивъ, 1901, II, 402 и 403.

3. Описка Пушкина.

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1832 г. Пушкинъ напечаталъ „Анчаръ, древо яда“. Бенкендорфовская цензура нашла стихотвореніе предсудительнымъ и Пушкину былъ посланъ запросъ, почему онъ не испросилъ на напечатаніе стиховъ Высочайшаго дозволенія.

Письмо Бенкендорфа (писанное отъ третьяго лица и безъ подписи) сохранилось въ бумагахъ Пушкина и было напечатано мною съ подлинника [1]). Подъ нимъ стоитъ дата *7 Февраля 1832 г.* Въ бумагахъ, напечатанныхъ г. Сухонинымъ, копіи съ этого письма не оказалось.

Отвѣтъ Пушкина сохранился въ архивѣ Бенкендорфа и печатается во всѣхъ собраніяхъ писемъ Пушкина [2]). Подъ этимъ отвѣтомъ стоитъ дата *7 Января 1832 г.* Та или другая дата должна быть ошибочной.

Мы полагаемъ, что описку сдѣлалъ Пушкинъ. 7 Января 1832 г. приходилось въ Четвергъ, 7 Февраля въ Воскресенье. Между тѣмъ на письмѣ Пушкина есть надпись „Въ Середу, въ 11 часовъ къ Генералу“. Врядъ ли Бенкендорфъ, получивъ отъ Пушкина въ Четвергъ или Пятницу просьбу принять его, назначилъ бы самый пріемъ почти недѣлю спустя. Напротивъ, получивъ такую просьбу въ Понедѣльникъ, онъ естественно пригласилъ къ себѣ Пушкина черезъ день, въ Среду.

Можно поставить вопросъ, почему оффиціальное письмо было написано писаремъ въ праздникъ, въ Воскресенье. Но очень вѣроятно, что Бенкендорфъ распорядился послать его еще въ Суботу, а писарь, въ виду того, что подписи генерала не требовалось, отложилъ работу до утра. Этимъ можетъ объясняться и то обстоятельство, что копіи письма въ архивѣ Бенкендорфа не сохранилось.

Описка „Январь“ вмѣсто „Февраля“ принадлежитъ къ числу самыхъ обычныхъ. Люди, пишущіе много писемъ, привыкаютъ въ теченіе мѣсяца писать одно названіе и забываютъ съ 1 числа замѣнить его другимъ. Напротивъ, описка „Февраль“ вмѣсто „Январь“ совершенно непонятна.

На основаніи этихъ соображеній мы находимъ необходимымъ письмо Пушкина, печатаемое подъ *7 Января 1832 г.*, относить къ *7 Февраля* того же года, и днемъ слѣдующей за тѣмъ встрѣчи Пушкина съ Бенкендорфомъ считать *Среду 10 Февраля.*

Валерій Брюсовъ.

---

[1]) „Письма Пушкина“, стр. 66.

[2]) Ефремовъ. Соч. Пушкина, VII, 456.

дѣ; рѣчи же г-на Кони нисколько не утрачиваютъ своей цѣны, преобразуясь въ „статьи“. Это очень важное обстоятельство въ книгѣ почти на половину состоящей изъ „рѣчей“.

Въ изданномъ нынѣ томѣ собраны многія изъ тѣхъ рѣчей автора, которыя „пріобрѣли ему въ Петербургѣ никѣмъ неоспариваемую“ почти что монополію произнесенія таковыхъ при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, особенно же при „чествованіи памяти“ различныхъ дѣятелей. Эти рѣчи вполнѣ оправдываютъ репутацію г. Кони и всегда вносятъ что-нибудь вѣское въ оцѣнку поминаемаго ораторомъ дѣятеля. Настоящая книга есть именно сборникъ большихъ и малыхъ характеристикъ „писателей и дѣятелей“; и такую книгу должно усиленно привѣтствовать у насъ, гдѣ такъ наклонны забывать людей, даже довольно крупныхъ и оставившихъ вполнѣ вѣсомое наслѣдіе писаніемъ или дѣлами.

Всего дороже и цѣннѣе въ статьяхъ, собранныхъ въ „Очеркахъ и Воспоминаніяхъ“ и подходящихъ къ типу того, что́ въ прежнихъ изданіяхъ Французскихъ авторовъ называлось éloge, это, что читатель получаетъ какъ бы нѣкій послужной списокъ прославляемаго дѣятеля, что́, въ свою очередь, даетъ обильный матеріалъ для мысленной самодѣятельности читателя: рядомъ съ сужденіемъ автора читатель можетъ изъ обильнаго матеріала, предлагаемаго авторомъ, строить свои собственныя сужденія, а это даетъ чтенію сугубый интересъ умственной самодѣятельности, а не одной, хотя и увлекательной, пассивности.

Капитальнѣйшими статьями въ книгѣ г-на Кони являются три: о Горбуновѣ, біографія д-ра Гааза (появленіе которой отдѣльной книжкой произвело сильное и благое впечатлѣніе нѣсколько лѣтъ тому назадъ) а затѣмъ рѣчь о Д. А. Ровинскомъ, этомъ истинно-замѣчательномъ человѣкѣ, который одинаково интересенъ какъ „типъ“, какъ дѣятель государственный и какъ ученый, и которому такъ много обязана наука „исторіи искусства“ по части искусства изобразительнаго. Его заслуга передъ Русскимъ народнымъ искусствомъ (лубочныя картинки) можетъ быть поставлена почти на одну доску съ тѣмъ, что́ сдѣлано было П. В. Кирѣевскимъ по части народной поэзіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы въ этой статьѣ указаніе на то, что Ровинскій, этотъ спеціалистъ судебнаго дѣла, сходился вполнѣ съ А. С. Хомяковымъ, котораго такъ часто упрекали въ практической несостоятельности“ за его требованіе „единогласія“ въ судѣ присяжныхъ (стр. 558). Хомяковъ доказывалъ, что это начало у самихъ Англичанъ происхожденія Славянскаго и совсѣмъ чуждо обще-германскимъ началамъ (въ чемъ ему вторилъ между прочимъ Кавелинъ). Нельзя не пожелать, чтобы рано или поздно у насъ пришли къ сознанію необходимости такого устройства суда присяжныхъ, которое есть и исконно-славянское, и которое имѣетъ за себя такихъ вѣскихъ сторонниковъ, каковы покойный Ровинскій и его панегиристъ, не менѣе его славный юристъ, А. Ѳ. Кони.

Д. Х.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ— Четвергъ; отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

3.

Стр.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1906.

Изданіе Великаго князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій.

Томъ 1. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ 1905. (Тоже заглавіе, какъ и всѣ жизнеописанія, по-французски). Большая 4-ка. 8 неп., съ указателемъ лицъ, жизнеописанія которыхъ помѣщены и со спискомъ художниковъ (большею частью иностранцевъ, писавшихъ портреты этихъ лицъ), 194 и 4 неп. стр.

Въ составленіи біографическихъ очерковъ участвовали слѣдующіе сотрудники: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, Б. Л. Модзалевскій, Н. Н. Чулковъ, Е. С. Шумигорскій.

Вѣрна общенародная пословица: „лице есть зеркало души“ и въ тоже время портретъ вызываетъ желаніе узнать, какова была жизнь лица.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ уже былъ отзывъ о первыхъ двухъ выпускахъ этого монументальнаго изданія (продаваемаго по безпримѣрно-дешевой цѣнѣ). Имъ не уступаютъ нынѣ появившіеся выпуски третій и четвертый. Тутъ не налюбуешься и прекрасными портретами, и мастерствомъ въ умѣніи передать вкратцѣ существенныя жизненныя черты изображеннаго лица. Это удивительная, своеобразная хроника Русской жизни (конечно не полная).

Исторію творятъ немногія лица подъ воздѣйствіемъ которыхъ находится большинство современниковъ. Личныя свойства государя отражаются въ дѣятеляхъ его царствованія. Оказывается напримѣръ общность Павла Петровича съ графомъ Растопчинымъ и Обольяниновымъ, Александра Павловича со Сперанскимъ, княземъ А. Н. Голицынымъ и Карамзинымъ; Александра Николаевича съ графомъ П. А. Валуевымъ и съ княземъ В. А. Долгорукимъ. Поэтому для историка такъ важны живыя біографіи главныхъ дѣятелей, а характеръ ихъ очень часто отражается во внѣшнемъ обликѣ.

Многое можно замѣтить о появившихся теперь жизнеописаніяхъ. Относительно Павла Петровича біографическая страница въ четвертомъ выпускѣ настоящаго изданія, по нашему мнѣнію, не вѣрна. Откуда взято, что гр. Н. И. Панинъ, въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ, не щадилъ его матери? Екатерина, избранница народа (котораго представителями были духовенство, оберегавшее православіе противъ Петра III-го, уже построившаго лютеранскую церковь въ Зимнемъ дворцѣ, и гвардія, гдѣ служили люди всѣхъ сословій), съ раннихъ поръ хорошо знавшая своего сына, готовила себѣ преемника въ старшемъ своемъ внукѣ, и въ этомъ одно изъ правъ ея на благодарность потомства. Павломъ Петровичемъ, съ устраненіемъ Порошина, завладѣли Нѣмцы, чему не-

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ АННИНСКИХЪ.

Письма А. П. Волынскаго къ Бирону*).

1.

Сіятельный графъ, превосходительный господинъ оберъ-камергеръ и кавалеръ, премилостивый государь мой патронъ. Всепокорно доношу, каковъ нынѣ посылаю репортъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества.

Въ которыя мѣста посланы для осмотру и описи и сочиненія ландкартъ, съ того для извѣстія вашему высокографскому сіятельству при семъ прилагаю копію; а до сего времени, хотя и много было труда, токмо, милостивый государь, репортовать было невозможно ни по какому образу: понеже по присланнымъ вѣдомостямъ изъ Каморъ-коллегіи и изъ Дворцовой Канцеляріи многія были затрудненія, а паче о земляхъ и о сѣнныхъ покосахъ. И для того принужденъ былъ дѣлать вновь справки, приводя къ тому, чтобъ можно было подлиннѣе узнать, гдѣ сколько земель и сѣнныхъ покосовъ. Токмо въ нѣкоторыхъ написаны сѣнные покосы десятинами, а индѣ писцовыми, индѣ укосными волоковыми, а въ другихъ мѣстахъ дворцовыми мѣрными копнами; въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показано, поскольку собирается сѣна окладнаго съ дворцовыхъ крестьянъ, а что̀ въ укосѣ бываетъ и по писцовымъ книгамъ, о томъ и вѣдомостей здѣсь нѣтъ. Также и земли индѣ по дачамъ написаны все что̀ есть, а индѣ одна только дворцовая пашня показана, а что̀ всей земли въ дачахъ, о томъ извѣстія нѣтъ же. Однако, сколько можно для исчисленія, какъ зѐмли, такъ и сѣнные покосы, исчисля по мѣстамъ, положатъ; только за подлинно еще утвердиться нынѣ невозможно, пока посланные офицеры освидѣтельствуютъ. Однакожъ,

---

*) Писано въ годъ переѣзда Анны Ивановны въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ она жила послѣ своего избранія на престолъ. Переѣздъ замедлялся до тѣхъ поръ, пока не конченъ былъ Ладожскій каналъ. Биронъ, будучи сыномъ конюха, доставлялъ хорошихъ лошадей еще императрицѣ Екатеринѣ Первой. Теперь онъ взялъ въ руки дворцовое хозяйство. Волынскому принадлежало прославившееся впослѣдствіи при графѣ Растопчинѣ Вороново подъ Москвою, и тамошніе пруды вырыты при немъ. П. Б.

милостивый государь, видится, уже и теперь безъ сумнѣнія имѣю надежду, что столько сыщется удобныхъ мѣстъ для заводовъ, сколько заводить лошадей Ея Императорское Величество соизволитъ, чему я безмѣрно радъ.

Еще жъ, милостивый государь, немалыя вотчины здѣсь подмосковныя и въ другихъ губерніяхъ патріарши, гдѣ есть довольно сѣнныхъ покосовъ; а нынѣ патріарха нѣтъ, для того и лошадямъ тамъ быть нужда не требуетъ ихъ. И такъ вижу, что оныя сѣна̀ идутъ между рукъ, также и въ городѣхъ въ Московской губерніи многіе луга изъ канцелярій отдаются въ наймы за малую цѣну, а прежде сего на конюшни Ея Императорскаго Величества принуждены были сѣна покупать великою цѣною, и то былъ напрасный убытокъ. Того ради подалъ я здѣсь въ Сенатъ о томъ доношеніе, чтобъ какъ о патріаршихъ вотчинахъ, такъ и объ отдаточныхъ въ городахъ лугахъ приказали сочинить вѣдомости обстоятельныя, гдѣ, надѣюся, немало сыщется сѣнъ, которыя пропадаютъ напрасно.

Итакъ видится, что нужнаго дѣла здѣсь есть; надѣюся въ дней десять исправить, а прочее велю и безъ себя дѣлать; а какъ поѣду по заводамъ и, конечно, нынѣшнею осенью все осмотрю, и что́ гдѣ надлежитъ поправлю; понеже сіе невеликаго моего труда требуетъ. Трудно было мнѣ выбираніе мѣстъ; къ тому жъ, какъ вижу, и офицеровъ мало такихъ, на которыхъ можно положиться въ описи и осмотрѣ мѣстъ; и для того, милостивый государь, немногихъ оставлю у себя для оной посылки, выбравъ изъ нихъ которые пообыкновеннѣе къ дѣламъ. И хотя и попродолжительнѣе будетъ оный осмотръ, однакожъ могутъ поаккуратнѣе сдѣлать; а прочихъ, которые къ тому неспособны, отошлю назадъ, откуда требовалъ.

Впрочемъ, милостивый государь, вручаю себя въ неотмѣнную вашего высокографскаго сіятельства отеческую милость и пребываю со всякимъ почтеніемъ и искренною вѣрностью, сіятельный графъ, премилостивый государь, мой патронъ, вашего высокографскаго сіятельства всепокорный и нижайшій слуга Артемій Волынскій.

Изъ Москвы, Сентября 13 дня 1732 года.

2.

Сіятельный графъ, превосходительный господинъ, господинъ оберъкамергеръ и кавалеръ, премилостивый государь, мой патронъ.

Всепокорно вашему высокографскому сіятельству милостивому го-

сударю доношу, что я въ Даниловской волости, осмотря и разобравъ лошадей, сюда пріѣхалъ; тамъ выбралъ изъ 113 кобылъ только 30 годныхъ быть въ заводѣ. Здѣсь, милостивый государь, пробуду я недѣли двѣ для исправленія коммискихъ и канцелярскихъ нуждъ, которыхъ безъ меня накопилось немало. Между тѣмъ хотѣлъ я совершенно вѣдать, чтó по конюшенной канцеляріи на волостяхъ конюшенныхъ и прочей доимки до вступленія моего въ правленіе запущено, которую въ небытность мою велѣлъ всю выписывать, и нынѣ о томъ подали мнѣ рапортъ, по которому, милостивый государь, явилось по несчастію моему, съ 130,000 р., чтó меня зѣло опечалило. Правда, есть такая доимка, что оную, конечно, править не надлежитъ, только вошла въ конюшенную канцелярію одною неочисткою отъ дворцовой канцеляріи; а другая есть и надлежащая доимка, которую сначала дворцовая канцелярія запустила, а потомъ уже и конюшенная канцелярія не взыскивала; и такъ теперь накопилось, что никакъ уже нельзя всю выбрать.

Впрочемъ, милостивый государь, по коммиссіи моей, по милости Господней, имѣю надежду, что дѣло мое будетъ небезполезно, понеже здѣсь первый изъ посланныхъ для описи и сочиненія ландкарты гвардіи поручикъ Сабуровъ двухъ селъ подмосковныхъ зе́мли, села Хорошева и Павшина, ко окончанію привелъ и нашелъ столько сѣнныхъ покосовъ, что прежде сего въ обоихъ селахъ невозможно было на тамошнемъ сѣнѣ содержать больше 100 лошадей, а нынѣ, надѣюсь, что безъ нужды можно будетъ содержать до 200 лошадей; а и въ прочихъ мѣстахъ, какъ уже видится, вездѣ можетъ сдѣлаться немалый прибавокъ. И еще сверхъ того, что нынѣшняго лѣта во всѣхъ конюшенныхъ волостяхъ предъ прошлыми годами поставлено сѣна прибавочнаго больше 500 копенъ мѣрныхъ (въ каждой вѣсу по 95 пудъ), и то сдѣлалось отъ того, что закащиками были у меня гвардіи солдаты.

Милостивый государь, чтó надлежитъ до прилежности моей, въ томъ клянусь Богомъ, что безъ всякой моей страсти и сколько постижетъ смыслъ мой, столько хочу показать рабское мое усердіе Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ, и поистинѣ ни о чемъ такъ какъ о томъ пекуся, и симъ окончавъ, предаю себя въ неотъемлемую вашего высокографскаго сіятельства милость и пребываю со всякимъ почтеніемъ, сіятельный графъ, премилостивый государь, мой патронъ, вашего высокографскаго сіятельства всепокорный и всенижайшій слуга Артемій Волынскій.

Изъ Москвы. Ноября 28 дня 1732 года.

3.

При семъ вашему сіятельству, милостивому государю моему и патрону, съ покорностію доношу. Получилъ я изъ Кабинета Ея И. Величества съ указу Ея Императорскаго Величества, каковъ состоялся на доношеніе мое и за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, въ Военную Коллегію посланъ о неопредѣленіи въ Сербскій полкъ изъ Слободскихъ полковъ, а объ укомплектованіи изъ Сербовъ же и въ дополнку изъ Малороссійскихъ казаковъ, которые сами пожелаютъ, копію, на которое вашему сіятельству, милостивому государю моему и патрону, съ покорностью моею доношу.

Ежели оный Сербскій полкъ вскорѣ надлежитъ укомплектовать, то можно оной укомплектовать изъ Малороссіи изъ полковъ гетманскаго регимента, которые называются компанейскіе; понеже и они такую жъ службу служатъ, какъ и Сербы; и люди при немъ были не худы, токмо жалованье получаютъ меньше Сербовъ. И надѣюсь, что они и сами охотно пойдутъ; однакожъ, ежели не будетъ присланъ указъ точно, чтобъ изъ нихъ выбрать, то не будетъ ли удержанія отъ ихъ командировъ? Такожъ здѣсь на Украйнѣ имѣются Волохи, которые служили въ Волоскихъ ротахъ, какъ офицеры, такъ ихъ товарищество, которымъ и деревни даны, въ томъ числѣ есть и въ Слободскихъ полкахъ, а службы никакой они нынѣ не служатъ, а надѣюсь, что у нихъ есть дѣти и свойственники. Того ради, не повелѣно ль будетъ оныхъ генералу и кавалеру господину фонъ Вейсбаху пересмотрѣть и годныхъ офицеровъ опредѣлить къ тѣмъ Сербамъ въ офицеры, а товарищество ихъ и дѣтей ихъ и свойственниковъ въ Сербы, о чемъ я и въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества къ ихъ сіятельству Андрею Ивановичу Остерману и князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому представлялъ *).

4.

Сіятельный графъ, превосходительный господинъ, господинъ оберъ-камеръ-геръ и кавалеръ, премилостивый государь мой.

Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ милости прилагаю при семъ короткой на Нѣмецкомъ языкѣ экстрактъ для извѣстія всему тому, что́ здѣсь въ прежнюю мою бытность сдѣлано и всенижайше прошу, когда вашему высокографскому сіятельству между дѣлъ свободное будетъ время, тогда оной по милости своей приказать прочесть, а потомъ всепокорно прошу при случаѣ, что́ потребно изъ того

*) Года не означено, какъ и при слѣдующемъ письмѣ. П. Б.

будетъ, *о томъ милостиво внушить Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ; понеже, что̀ посылано и подавано въ Кабинетъ, и то въ разныя времена писано пространно, а нынѣ нарочно я собралъ все въ одинъ экстрактъ* и какъ можно короче сдѣлалъ, чтобы ваше сіятельство, милостиваго государя, не утрудить тѣмъ, а о всемъ бы, какъ милостивому патрону моему, извѣстно было. Нынѣ, милостивый государь, при пріѣздѣ моемъ, жеребцовъ, кои по заводамъ, также которые и здѣсь годные есть на конюшняхъ, оныхъ къ припускамъ росписалъ и опредѣлилъ, къ которому сколько какихъ кобылъ по мнѣнію моему разсудилось, прописавъ реэстры съ нумерами всѣмъ кобыламъ и жеребцамъ именно, и съ половины сего Апрѣля начну припускать (для того поздно, что студено нынѣ время).

О строеніяхъ доношу, что фуражный дворъ и остоженную конюшню дѣлаютъ, и надѣюсь недѣли черезъ три нужные покои отдѣланы будутъ, куда съ потѣшнаго двора переведу лошадей и въ Кремлѣ конюшни, гдѣ надлежитъ, буду разбирать и ломать своды, а въ прочихъ мѣстахъ пробирать стѣны и чинить то, чтобъ нынѣшнимъ лѣтомъ отдѣлать, также и запасный каменный дворъ буду дѣлать.... (дальше говорится, что Волынскій поѣдетъ по заводамъ въ тѣ мѣста, гдѣ вновь надобно дѣлать конюшенные дворы «оные при себѣ заложу, какъ надлежитъ имъ быть построеннымъ»). И сіе доношу, предая себя въ неотъемлемую вашего высокографскаго сіятельсква милость и пребываю со всѣмъ почтеніемъ, сіятельный графъ, премилостивый государь, мой патронъ, вашего высокографскаго сіятельства всепокорный и нижайшій слуга Артемій Волынскій.

Изъ Москвы Апрѣля, 9 дня 1733 г.

(Подлинникъ въ „Государственномъ Архивѣ“ № 331).

Изъ писемъ отъ неизвѣстнаго лица къ Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину.

1.

Monseigneur.

Вашему превосходительству имѣю честь поздравить съ высокою милостію Ея Императорскаго Величества, съ пожалованіемъ васъ въ дѣйств. тайные совѣтники. Ея Величество изволила объявить сего 25 дня о повышеніи вашемъ, а заподлинно знаю, что указъ по васъ посланъ, чтобъ быть сюда къ двору; а куда васъ, то несумнѣнно (какъ прежде о томъ мнѣ извѣстно), да и вамъ, уповаю, что дано знать; прошу оное въ конфиденціи сообщить. Килникъ *) весьма боленъ въ своемъ здоровьѣ,

*) Килникъ—вѣроятно страдавшій отъ грыжи, килы. П. Б.

и скоро нѣчто объ немъ знатное объявится. Bonté проситъ на него сатисфакціи; исторія велика, только нынѣ въ томъ вамъ нужды нѣтъ, и безсумнѣнно надобно ему стремглавъ летѣть. Боже, да помози! Хотя по должности христіанской и не надлежало, только онъ за грѣхи наши былъ намъ въ наказаніе. Сколько я ради тебя, столько же и сожалѣю, dans qu'elle vaste mer vous vous exposez et à de tempète la plus terrible et combien d'ennemis à combatre, je frémis; а когда уже на то воля Божія, въ истинномъ сантиментѣ и въ христіанской должности Богъ вамъ да поможетъ; votre santé est faible pour soutenir un fardeau aussy pésent [1]), да ужъ быть такъ. Изволь отписать, какъ поѣдешь, одинъ или со всѣми сюда, куда пріѣхать, гдѣ жить, и тако, чтó могу тебѣ ко услугамъ твоимъ здѣсь чинить, я во всемъ душою радъ. Не безъ труда тебѣ оттуда и выѣхать по твоему достатку; не худо бы, ты отозвался въ Коллегію Адмиралтейскую или въ Кабинетъ прямо, что когда нынѣ лѣтомъ пойдутъ корабли отъ города [2]) сюда, чтобъ всѣ свои тягости положить, а кораблей много, а именно 5 военныхъ, 2 флейта, и то выгода.

Пріятели твои рады, а непріятели, чаю, что помолчатъ. Chaméleon противъ Килника много наряжался и искалъ оказіи показать его худое дѣло; только нынѣ, хотя и есть оказія, да молчатъ о немъ. Я мню, что не станетъ ли молчать, сумнѣваясь, что у васъ прежде было несогласно; однако, напрасно: система иная, нежели при васъ была, и тако и вамъ инако надобно быть; все оное требуетъ изустнаго разсужденія. А въ ваше мѣсто объявленъ Корфъ, камеръ-геръ, который радъ и третьяго дня благодарилъ; а какъ скоро поѣдетъ, о томъ еще ему не объявлено. По счету вашему денегъ 924 р. выдано сполна, изъ которыхъ 500 р. къ родителю вашему чрезъ Москву и отправляются, по его письму; а о достальныхъ ожидаю вашего повелѣнія; я вторично просилъ его сіятельство, гр. Остермана, и онъ тотчасъ приказалъ выдать на прошедшей недѣлѣ. Родитель вашъ, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ; а чтó онъ съ Грицкимъ прислалъ, того я за благо не разсудилъ и не для чего къ вамъ послать; да Грицкаго такожде не пошлю и Малаго, а удержу ихъ до вашего пріѣзду. Немало родителя вашего порадовало, какъ свѣдалъ о братѣ, о его повышеніи. Я сегодня нарочнаго къ нему отправилъ о васъ и о прибытіи вашемъ, которое наипаче его порадуетъ въ такой его старости и скукѣ, чего они всегда

[1]) Въ какое обширное море вы пускаетесь, страшнѣйшая буря вамъ предстоитъ и сколько одолѣть враговъ. Я трепещу. Ваше здоровье слабо, чтобы выдержать столь великую тяжесть.

[2]) Т. е. отъ Архангельска, который въ старину назывался просто „городомъ"? П. Б.

нестерпимо желаютъ, и послѣднее ваше къ нему письмо весьма обнадежило, что вы будете, ибо нынѣ ко мнѣ пишетъ, чтобъ я васъ не оставилъ, а я разсудилъ, чтобы ты меня не оставилъ. Je vous attande comme mon libérateur de toutes les meaux que je soufre [1]).

Я въ замѣшаніяхъ своей мысли не знаю, чтó къ вамъ и писать. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего письма, какъ вы поѣдете и въ какой надеждѣ; однимъ словомъ сказать, о всемъ. Боюся я Matrone, не очень ей любъ твой пріѣздъ. Ненадобно долго ѣхать, ежели надобно поспѣшать. Я чаю, что тебѣ въ указѣ именно написано. Bonté и министрамъ чужестраннымъ сказывалъ, что онъ просилъ сатисфакціи на Килника .... чаю, что все слѣдствіе поручено будетъ Chaméleon. Болѣе писать до васъ не буду, развѣ чтó отмѣниться можетъ, или чтó чрезвычайное и то, чтó въ короткихъ дѣлахъ можетъ произойтить. Adieu, Monseigneur, portez bien.

St. P. Burg., 29 Марта 1740 года.

2.

Еще при своей пастѣ 2, только ожидаютъ его Décadance [2]), и Bonté уже свое представленіе написалъ о его кондуитѣ и при томъ прошеніе о сатисфакціи, только еще дѣйство по оному не произведено; да не тѣ и дни. Отъ брата вашего получилъ письмо, отвѣтъ на мое къ нему поздравленіе, гдѣ пишетъ: рескриптъ получилъ за собственною Ея И. Величества рукою въ такихъ милостивыхъ терминахъ, что весьма ему пріятно и паче чаянія его. Болѣе писать до васъ не буду и нельзя, не застанетъ, и сіе въ Гамбургѣ получить изволите. Для вашей памяти: здѣсь лошадей сыскать купить не можете, а изъ такой земли ѣдите, гдѣ они хороши; хотя лишнюю пару купить, накладу не будетъ, хотя вамъ не нужны будутъ.

Господинъ Попъ писалъ въ Гамбургъ, что его братіи всякія услуги показали, и безъ того, думаю, что вы на нихъ благонадежны. Ваши остальные 424 р. думалъ перевесть и потомъ разсудилъ, что можете вексель на меня дать и въ такой инсерситюдѣ при томъ и остался. Корфа высылаютъ, только онъ для своихъ нуждъ перепросилъ, чтобъ могъ пробыть до 10-го сего мѣсяца, которое ему и акордовано; помогъ ему и помогалъ всегда Густавъ Биронъ. О присланномъ вашемъ письмѣ думаютъ, что отсюда было прислано, только что напечатать, а я раз-

---

[1]) Я васъ жду, какъ моего освободителя отъ всѣхъ золъ, которыя терплю.

[2]) Т. е. своей должности, и ожидаютъ его паденія.

судилъ изъ вашего письма, что вы его и сочиняли. Зятю вашему деньги 4000 р. выданы и деревню выкупили, и затѣмъ осталось 700 р., и графиня Ягужинская процентовъ не взяла, да и взять ей было нельзя, ибо отъ лица Ея И. Величества чрезъ гофъ-коммиссара были посланы. Ожидаю вашего прибытія нестерпимо; есть и пребуду toute à vous.

St. P. Burg, la 5 April 1740.

3.

Monseigneur.

Два ваши письма, одно отъ 13-го, а другое отъ 17-го прошедшаго мѣсяца получилъ чрезъ графа Головина, отъ 13-го чрезъ Курбатова, и письмо его сіятельству гр. Остерману вручилъ, который приказалъ въ Кабинетѣ счетъ отыскать и себѣ доложить, и чаю, что скоро резолюцію получу. Господину Липману ваше письмо, и съ приложеніемъ, отдалъ, только онъ мнѣ никакой резолюціи не далъ, а послѣ не видалъ, понеже на другой день уѣхалъ въ Петергофъ. Ея И. Величество сего 10-го изволила въ Петергофъ пойтить, и думаютъ, что до 20 Іюля изволятъ тамъ пробыть. Я весьма удивился, что нескоро изволили собраться, а какъ изъ письма къ родителю вашему, такъ и изъ счетовъ къ Липману усмотрѣлъ, въ какомъ состояніи вашъ оттуда выѣздъ, то управи Господи путь вашъ. Я по письму вашему о вашихъ долгахъ по выбору и въ которыхъ людяхъ сообщилъ, а многимъ за благо не разсудилъ, дабы прежде пріѣзду вашего изъ того предосудительныхъ вамъ консеквенцій не учинили, а къ защищенію справедливости едва ль найдутся. Вашъ пріѣздъ можетъ все оное, елико ваше счастье будетъ, къ поправленію лучшему привести можетъ. Единогласно всѣ въ томъ мнѣніи, что васъ посадятъ въ Кабинетъ, только при дворѣ не слышно. Bon Hotte мнѣ сказывалъ по нѣскольком времени, съ Bonté говоря объ Avantir, что, имѣя столько ума, но своею лѣнью и невоздержательнымъ житіемъ себя помянутаго мѣста лишаетъ; по что бы другихъ выписывать, ежели бъ онъ прилежность имѣлъ. Chameleon на хорошихъ ногахъ при нынѣшнихъ конъюктурахъ (о которыхъ я не распложаю); говорилъ Bon Hotte Chameleon, что вы будете и при разговорахъ включилъ, что у васъ старое несогласіе, но Bon Hotte обнадеживалъ, что съ вашей стороны крайнему забвенію предано будетъ, въ чемъ за васъ можетъ, почитай, поручиться Aveugle. Худы по нынѣшнимъ конъюктурамъ. Matrone велика. Не распространяю ни о чемъ, но желаю васъ самихъ видѣть и по приказу вашему я выѣду навстрѣчу, и пристойнѣе въ Касковѣ, нежели въ Нарвѣ; можно лишніе часы пробыть тамъ, только бы мнѣ дали знать, къ которому часу вы туда будете: ибо я не свободенъ, понеже я въ

своей экспедиціи одинъ нахожусь. Сколько есть моего дому, все до вашихъ услугъ, а безъ всякой мнѣ тѣсноты, 3 покоя до вашихъ услугъ готовы. Когда уже надобно быть, пожалуй, не мѣшкай долго, помни вашу пословицу: куй покуль горячо, ne donné point le temps à vos enemy de se metre en bon posture. Доношу вамъ, что сего 8 дня даровалъ мнѣ Богъ сына Алексѣя.., что того году и мѣсяца я буду имѣть честь васъ обнять, яко милостивца и искренняго себѣ друга, et je suis avec la vénération votre très humble et très fidelle serviteur [1]).

St-Pétersbourg, le 14 Juny 1740.

4.

Monseigneur.

Ваше отъ 18 прошедшаго Марта исправно получилъ и съ приложенными печатными письмами, которыя по приказу вашему вручилъ при вашемъ поклонѣ; взаимно васъ велѣли увѣрить своимъ почтеніемъ. О извѣстномъ къ вамъ указѣ я до васъ писалъ отъ прошедшаго 29, и нынѣ прошу дать мнѣ знать о вашемъ пріѣздѣ и повелѣніи, что̀ могу до услугъ вашихъ, къ пріѣзду вашему могу исправить; я не знаю, гдѣ вамъ жить. Мой домъ, каковъ есть, до услугъ вашихъ. Прежде писалъ, что тягости ваши могутъ положены быть на Россійскихъ корабляхъ, которые отъ города [2]) сюда поѣдутъ, о чемъ съ гр. Головинымъ говорилъ, который сказалъ, что безъ всякаго требованія можетъ своимъ ордеромъ повелѣть, ежели указъ имѣете скоро ѣхать. Не надобно мѣшкать, ибо помни свою пословицу (о желѣзѣ); къ тому жъ многіе тому не рады, что вы сюда ѣдете, и разсужденій разныхъ весьма много. N'importe, notre nation est toujours de meme [3]) Килникъ.

(Изъ Государственнаго Архива, XI, № 331).

Сообщено профессоромъ А. Н. Филипповымъ.

Анна Ивановна, какъ дочь старшаго изъ сыновей царя Алексѣя Михаиловича, считала за собою болѣе права на Русскій престолъ, нежели внукъ Петра Великаго, прозванный ею „чертушкой въ Голштиніи". Не даромъ она еще въ Москвѣ приказала сдѣлать новое прекрасное изданіе Уложенія съ портретомъ своего дѣда, а въ Петропавловско крѣпости соорудила Іоанновскіе ворота. А. П. Бестужевъ, близко ей знакомый по Курляндіи (гдѣ его отецъ былъ при ней предмѣстникомъ Бирона) вызывался въ Петербургъ съ должности министра-резидента изъ Даніи, гдѣ онъ находился нѣсколько лѣтъ и откуда могъ слѣдить за Голштинскимъ, тогда уже 12-лѣтнимъ герцогомъ, которымъ завладѣли враждебные Россіи приверженцы Швеціи. П. Б.

---

[1]) Не давайте вашимъ врагамъ времени занять хорошее положеніе. Я съ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга.

[2]) Т.-е. отъ Архангельска, который прежде назывался просто „городомъ". П. Б.

[3]) Ничего; нашъ народъ все тотъ же килникъ.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ ГРАФУ ВИТГЕНШТЕЙНУ И ЕГО СУПРУГѢ *).

1.

J'ai été bien sensible, Monsieur le Comte, à ce qu'au milieu des travaux importants qui remplissent tous vos moments, vous ayez pensé à m'en faire part vous-même. Le récit de la suite non interrompue de vos victoires et des sages mesures qui y ont contribué, m'a causé le plus vif intérêt, et je n'ai pas besoin de vous dire avec quel sentiment de satisfaction je vous entends nommer à juste titre le Sauveur de Pétersbourg et des gouvernements voisins, que vous avez préservés par votre prudence, votre valeur et celle des braves troupes que vous commandez. On nous assure que sous peu le corps qui est sous vos ordres sera renforcé et qu'il vous sera possible de vous remettre en activité. Que le Ciel vous protège dans toutes vos entreprises et qu'Il veille toujours sur votre personne, afin que vos fils apprennent un jour de vous comment on sert son Souverain et sa patrie. Je bénis plus que jamais le moment où vous avez consenti à ce que je prenne part à l'éducation de tous les six. Recevez, Monsieur le Comte, l'assurance des voeux journaliers que je forme pour vous et celle des sentiments bien distingué que je vous porte. Votre bien affectionnée Élisabeth.

Ce 31 Août 1812.

Переводъ.

Графъ, я была очень тронута тѣмъ, что, среди важныхъ трудовъ, корыте наполняютъ все ваше время, вы захотѣли сами сообщить мнѣ о нихъ. Разсказъ о непрерывномъ рядѣ вашихъ побѣдъ и о мудрыхъ мѣрахъ способствовавшихъ этимъ побѣдамъ, доставилъ мнѣ живѣйшій интересъ, и нечего говорить о томъ, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія я слышу, что васъ по справедливости называютъ Спасителемъ Петербурга и сосѣднихъ губерній, которыя вы предохранили вашей осторожностью, вашимъ мужествомъ и доблестью храбраго войска, которымъ вы командуете. Насъ увѣряютъ, что вскорѣ корпусъ, находящійся подъ вашей командой, будетъ подкрѣпленъ и вы можете возобновить активныя дѣйствія. Да поможетъ вамъ Небо во всѣхъ

---

*) Сообщены внучкою князя и княгини Витгенштейнъ, Марьею Петровною Зиновьевой, урожденной княжною Трубецкою. П. Б.

вашихъ предпріятіяхъ и да охраняетъ оно васъ постоянно, дабы сыновья ваши когда-нибудь узнали отъ васъ, какъ служать своему Государю и своей родинѣ. Болѣе чѣмъ когда-либо благословляю ту минуту, въ которую вы согласились, чтобы я приняла участіе въ образованіи всѣхъ шестерыхъ. Примите, графъ, увѣреніе въ молитвахъ, которыя ежедневно возношу за васъ, и въ отличномъ моемъ къ вамъ расположеніи. Къ вамъ благосклонная Елисавета.

31 Августа 1812.

2.

Chère Comtesse *).

J'ai été bien heureuse d'apprendre que votre pénible voyage a bien fini, que vous et tous les vôtres êtes arrivés bien portants à Toultchine, et suis plus sensible que je ne puis vous l'exprimer à la lettre que vous m'avez écrite. En la lisant il me semblait vous entendre. Ne craignez pas de jamais me paraître déraisonnée, lorsque vous me parlez de l'objet de votre douleur. Je le comprends si bien dans tous les détails que tout ce que j'ai vu et entendu de vous à ce sujet, ne me paraît que parfaîtement naturel. Laissez vous aller à l'idée consolante que celui que vous regretterez toute votre vie, vous aime encore là, où il se trouve et pense à vous; mais que cette idée serve à adoucir plutôt votre douleur, car cela ne peut que lui faire de la peine de sentir que vous souffrez tant pour lui. Si son service ou d'autres circonstances l'avaient séparé de vous dans ce monde pour plusieurs années, votre séparation ne vous aurait pas parue aussi cruelle et, cependant, vous auriez pu avec raison être tourmentée de la pensée qu'il peut lui arriver un malheur, ou qu'il peut souffrir d'une manière ou d'une autre, mais vous vous seriez nourrie de l'espoir de le revoir un jour. Cet espoir vous l'avez bien plus, certainement, à présent et pour l'éternité, et vous pouvez vous dire qu'il existe et qu'il est bien là où il est. Tout récemment j'ai lu quelque chose de bien satisfaisant sur la certitude que la religion nous permet d'avoir de notre réunion après la mort avec ceux que nous aimons. J'ai d'abord pensé à vous et j'ai chargé quelqu'un de copier ce morceau, ne pouvant pas vous envoyer le livre; mais comme je ne prévoyais pas, que j'aurais une occasion de vous écrire avant le 1-er Avril, cette copie n'a pas été achevée pour aujourd'hui. Vous la recevrez en même temps que le portrait de Stanislas; le peintre me l'a apporté la veille du jour, où j'ai reçu votre lettre. Je trouve, comme vous, qu'il est loin d'être parfait, mais c'est tout ce qu'on peut demander. Je trouve aussi que le visage n'est pas assez

*) Графиня Антуанета Станиславовна Витгенштейнъ (1779—1855) урожденная Снарская. П. Б.

ovale, le coloris, peut-être, un peu trop vif; mais ceci passera avec le temps. Quant à l'expression, quel est le portrait qui puisse jamais nous rendre entièrement l'expression de ceux que nous aimons? Quand on fait cette expérience, de manière à en être véritablement tourmenté, on finit par ne plus aimer les portraits, parce qu'on trouve toujours que c'est une mauvaise copie de ce que nous portons au fond de notre coeur.

Dites au Comte de ma part tout ce que vous pourrez trouver de plus affectueux: vous n'en direz jamais assez. Mille choses bien tendres à vos enfants, aux ainés surtout. Pour les petits je ne prétends pas même qu'ils se souviennent de moi. Donnez-moi de temps en temps des nouvelles de vous tous: c'est un besoin pour moi de savoir ce qui vous regarde. Parlez moi de vos souvenirs, de ce que vous ferez à la campagne, pour arranger la grotte de Stanislas, comme vous en aviez l'intention. Je suis si souvent avec vous en idée et je sais bien que pleurer ensemble attache encore davantage.

Adieu, chère Comtesse, soignez votre santé et que Dieu vous donne des forces. Lui seul le peut, c'est à Lui seul que vous devez avoir recours. Que cette pensée ne vous quitte pas; j'aurais voulu vous le dire en vous quittant, mais j'étais trop émue.

Adieu, de tout mon coeur. Élisabeth.

Pétersbourg, 16 Mars 1820.

Переводъ.

Дорогая графиня!

Очень счастлива была узнать, что ваше трудное путешествіе окончено и что вы и всѣ ваши пріѣхали въ Тульчинъ здоровыми; тронута вашимъ письмомъ больше, чѣмъ умѣю это выразить вамъ. Когда я его читала, мнѣ казалось, что я слышу васъ. Не бойтесь, чтобы когда-либо мнѣ подумалось, что вы поступаете безразсудно, когда говорите мнѣ о причинѣ своей скорби. Я такъ хорошо понимаю ее во всѣхъ ея подробностяхъ, что все, что видѣла и слышала отъ васъ по этому поводу, кажется мнѣ только совершенно естественнымъ. Предайтесь утѣшительной мысли, что тотъ, о комъ вы будете скорбѣть всю свою жизнь, любитъ васъ еще тамъ, гдѣ онъ находится и думаетъ о васъ; но пусть эта мысль скорѣй смягчитъ ваше горе, такъ какъ для него можетъ быть только мукою чувствовать, что вы столько за него страдаете. Если бы служба или другія обстоятельства разлучили васъ съ нимъ на нѣсколько лѣтъ на этомъ свѣтѣ, ваша разлука не показалась бы вамъ столь жестокой, а между тѣмъ вы имѣли бы основаніе терзаться мыслью, что съ нимъ могло бы случиться несчастье, или что онъ можетъ страдать такъ или иначе, но васъ питала бы надежда увидѣть его снова. Эту надежду вы имѣете, конечно, гораздо больше теперь, и навѣки, и вы можете себѣ сказать, что онъ существуетъ и что ему хорошо тамъ, гдѣ онъ находится.

Недавно я прочла очень удовлетворительную статью насчетъ убѣжденности, какую вѣра позволяетъ намъ имѣть въ томъ, что послѣ смерти мы соединимся съ тѣми кого любимъ. Я прежде всего подумала о васъ и, не имѣя возможности послать вамъ книгу, поручила кому-то переписать эту статью, но такъ какъ я не предвидѣла, что буду имѣть случай писать къ вамъ раньше 1-го Апрѣля, копія эта не была окончена къ сегодняшнему дню. Вы получите ее одновременно съ портретомъ Станислава; художникъ принесъ мнѣ его наканунѣ того дня, какъ я получила ваше письмо. Какъ и вы, я нахожу, что онъ далеко не безукоризненъ, но вполнѣ даетъ то, чего можно требовать. Нахожу также, что лицо недостаточно продолговато, цвѣтъ лица, пожалуй, слишкомъ яркій; но это со временемъ пройдетъ. Что касается выраженія, какой портретъ можетъ когда-либо всецѣло передать намъ выраженіе лица тѣхъ, кого мы любимъ? Когда доходишь до этого опытомъ настолько, что это становится дѣйствительно мучительно, перестаешь любить портреты, потому что всегда находишь въ нихъ плохую копію съ того, что̀ мы носимъ въ глубинѣ нашего сердца.

Скажите отъ меня графу все, что̀ найдете самаго сердечнаго: вы никогда не скажете достаточно. Тысячу нѣжностей вашимъ дѣтямъ, старшимъ особенно. Что̀ касается младшихъ, я не думаю даже, что они меня помнятъ. Отъ времени до времени присылайте мнѣ извѣстія обо всѣхъ васъ: мнѣ необходимо знать о томъ, что̀ васъ касается. Говорите мнѣ о своихъ воспоминаніяхъ, о томъ, что̀ будете дѣлать въ деревнѣ для устройства грота Станиславу, какъ вы предполагали. Я такъ часто мысленно съ вами и хорошо знаю, что когда вмѣстѣ плачешь, это еще больше привязываетъ людей другъ къ другу.

Прощайте, дорогая графиня, берегите свое здоровье, и да пошлетъ вамъ Господь силы! Онъ одинъ можетъ это; къ Нему одному вы должны прибѣгать. Да не покидаетъ васъ эта мысль; мнѣ хотѣлось сказать вамъ это при разставаніи, но я была слишкомъ растрогана. Прощайте отъ всего моего сердца. Елисавета.

Петербургъ, 16 Марта 1820.

3.

Ce que vous m'apprenez, ma chère Comtesse, sur la possibilité d'un établissement qui pourrait convenir à votre fille, me cause, je vous assure une joie bien réelle, parce que les renseignements que j'ai recueillis de différents côtés sur le prince Troubetzkoy[1]) et sur sa famille lui sont très-favorables. On s'accorde à dire que la mère du jeune prince est une femme de beaucoup de mérite [2]) et que ses enfants sont d'excellents jeunes gens. Ils sont parents à la comtesse Stroganoff, et les deux frères, en commençant leur service dans le régiment des Grénadiers du

[1]) Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой, впослѣдствіи Орловскій губернаторъ и Московскій сенаторъ. Въ 1829 году онъ служилъ адъютантомъ у тестя своего и привезъ въ Варшаву Государю извѣстіе о славной побѣдѣ при Кулевчѣ. П. Б.

[2]) Это княгиня Наталья Сергѣевна, урожденная княжна Мещерская, женщина сильнаго духа. Знаменитый бояринъ Матвѣевъ прямой ея предокъ. П. Б.

corps, ont été recommandés par leur mère à la comtesse Stroganoff, qui a même exercé une sorte de surveillance sur eux, par suite de cette recommandation. Elle dit que tout ce qu'elle a vu de ces deux jeunes gens prouverait de bons principes et une éducation soignée. Deux autres personnes encore, dont le témoignage est très respectable, madame Apraxine, soeur de la c-esse Stroganoff et leur belle-soeur la pr-cesse Dmitri Galitzine, connaissent trés particulièrement la pr-sse Trubetzkoy et ses enfants et font de grands éloges de toute la famille. Quant à moi, si je l'ai vue à Moscou; cela ne peuts'être borné qu'à une seule présentation, car je ne me rappelle pas avoir fait sa connaissance. Il est singulier, qu'on ne m'ait pas parlé du père, mais, sûrement, s'il y avait quelque chose de désavantageux à dire sur son compte, on n'aurait pas manqué d'en faire l'observation.

L'Empereur connaît et le jeune homme, et sa famille et en dit également du bien. Croyez, chère comtesse, que je n'ai pas fait d'indiscrétion à cet égard; il paraît que le g-al Kisseleff ou quelqu'un d'autre aura instruit l'Empereur des intentions du prince Troubetzkoy, car il le savait en arrivant ici, et cela m'a facilité les informations que je désirais avoir de lui. Puisque donc Émilie paraît disposée en faveur de ce mariage et qu'elle n'est pas séduite par une jolie figure, il faut espérer qu'avec la bénédiction de ses chers parents elle pourra être heureuse. Je suis impatiente de ce que votre prochaine lettre m'apprendra à ce sujet. Ce sera un grand point de tranquillité pour moi de savoir Émilie bien établie, et je partage en plein tous les motifs qui vous font pencher à accepter la proposition qu'on allait vous faire; mais je comprends aussi par combien d'agitations vous aurez passé, avant de vous décider, et combien vous en aurez encore, jusqu'au moment où le mariage sera conclu. Je n'ai pas besoin de vous promettre, ma chère comtesse, que j'observerai à l'égard de l'Impératrice-Mère la discretion que vous me demandez et qui est nécessaire, afin de ne pas vous compromettre.

Quoique je ne vous aie pas remerciée de vos deux dernières lettres, je n'y ai pas été moins sensible à tout ce que vous me dites et à la joie que vous me témoignez de l'heureux résultat qu'ont eu les peines infinies que l'Empereur s'est données pour rétablir l'ordre dans le Midi de l'Europe.

Le voilà enfin heureusement revenu ici depuis le 24. Il a passé par bien des fatigues et bien des peines et par une incommodité de peu

de durée et qui, grâce à Dieu, n'aura, j'espère, que de bonnes suites pour sa santé à l'avenir. Le bon accueil qu il a fait à votre fils à Laybach et dont j'étais sûre d'avance m'a cependant fait beaucoup de plaisir. J'espère que Louis est revenu chez vous en parfaite santé.

Pourquoi faut-il qu'après tant de sujets de satisfaction, dont je puis remplir ma lettre, j'aie à vous parler d'un nouveau motif d'une affliction bien juste. Votre neveu a été regretté bien vivement, non seulement par ceux qui le connaissaient de près, mais aussi par tous ceux qui savent apprécier les espérances que peut donner un jeune homme de son âge, pour le service de sa patrie. Cette analogie avec Stanislas, jointe à d'autres motifs aura renouvelé vos regrets et les aura confondus dans votre coeur. Il me semble qu'il est réuni à votre fils, et que tous deux vous entourent et sont vos anges-gardiens. Parlez moi, je vous prie, du pavillion de Stanislas et dites-moi, si vous avez choisi une inscription, ou bien celles entre lesquelles vous balancez.

J'adresse ici mille amitié à votre mari et à vos enfants. J'espere que le comte s'est bien trouvé de ses bains de fumigation, mais je crains qu'ils ne nuisent à tous les remèdes qu'on lui fait prendre, en ne se ménageant pas assez. Adieu, ma chère comtesse, de tout mon coeur. Élisabeth.

Zarskoé Sélo, 29 Mai 1821.

Переводъ.

Дорогая графиня!

То, что̀ вы сообщаете мнѣ о возможности подходящаго для вашей дочери выхода замужъ, увѣряю васъ, доставляетъ мнѣ истинную радость, потому что свѣдѣнія, которыя я получила съ разныхъ сторонъ о князѣ Трубецкомъ и объ его семьѣ очень благопріятны для него. Мнѣнія согласуются въ томъ, что мать молодого князя женщина съ большими достоинствами и что дѣти ея превосходные молодые люди. Они въ родствѣ съ графиней Строгановой, и оба брата, начиная службу въ полку корпуса гренадеровъ, были поручены матерью графинѣ Строгановой, которая вслѣдствіе этого имѣла даже нѣкоторый надзоръ надъ ними. Она говоритъ, что все, что̀ она видѣла отъ этихъ двухъ молодыхъ людей, доказывало хорошія нравственныя правила и заботливое воспитаніе. Еще двѣ особы, свидѣтельство которыхъ достойно уваженія, Апраксина, сестра графини Строгановой и ихъ невѣстка княгиня Голицына, очень хорошо знаютъ княгиню Трубецкую и ея дѣтей и весьма хвалятъ все семейство. Что̀ касается до меня, если я и видѣла ее въ Москвѣ, то это могло ограничиться однимъ лишь представленіемъ, потому что я не помню, чтобы познакомилась съ нею. Странно, что мнѣ не говорили объ отцѣ; но, конечно, если бы было что сказать невыгодное на его счетъ, не упустили бы случая это замѣтить.

Государь знаетъ и молодого человѣка, и его семью и тоже говоритъ о нихъ хорошо. Повѣрьте, дорогая графиня, что я не сдѣлала на этотъ счетъ нескромностей; кажется, генералъ Киселевъ или кто-то другой сообщилъ Государю о намѣреніяхъ князя Трубецкого; потому что онъ пріѣхалъ сюда, зная уже объ этомъ, что̀ и облегчило мнѣ справки, которыя я хотѣла получить отъ него. Такъ какъ Эмилія кажется склонна въ пользу этого брака и не обольщена красивой наружностью, нужно надѣяться, что, при благословеніи ея дорогихъ родителей, она можетъ быть счастлива. Нетерпѣливо жду, что̀ скажетъ мнѣ слѣдующее письмо ваше по этому поводу. Для меня будетъ большимъ успокоеніемъ знать, что Эмилія хорошо выдана замужъ, и я вполнѣ раздѣляю всѣ причины, заставляющія васъ склониться къ принятію предложенія, которое вамъ собираются сдѣлать; но я также понимаю сколько волненій вы переживете прежде чѣмъ согласиться и сколько у васъ ихъ будетъ еще до того времени какъ бракосочетаніе будетъ совершено. Мнѣ нѣтъ надобности обѣщать вамъ, дорогая моя графиня, что въ отношеніи Императрицѣ-матери буду хранить молчаніе, о которомъ вы меня просите и которое необходимо, дабы васъ не поставить въ неловкое положеніе.

Хоть я васъ не поблагодарила за ваши два послѣднія письма, но не была отъ этого менѣе чувствительна ко всему, что̀ вы мнѣ говорите и къ радости, какую вы мнѣ выказываете по поводу счастливаго исхода безконечныхъ трудовъ, которые Государь принялъ на себя, дабы возстановить порядокъ на Югѣ Европы.

Наконецъ-то, 24-го, онъ благополучно вернулся сюда. Онъ перенесъ большое утомленіе, много трудовъ и кратковременныя неудобства, которыя, слава Богу, надѣюсь, будутъ имѣть только хорошія послѣдствія въ будущемъ для его здоровья. Хорошій пріемъ, оказанный имъ вашему сыну въ Лайбахѣ, въ чемъ я заранѣе была увѣрена, доставилъ мнѣ, тѣмъ не менѣе, большое удовольствіе. Надѣюсь, что Людвигъ вернулся къ вамъ совершенно здоровымъ.

И зачѣмъ послѣ столькихъ пріятныхъ предметовъ, которыми я могла наполнить свое письмо, мнѣ приходится говорить о причинѣ справедливаго огорченія? О вашемъ племянникѣ очень сильно сожалѣли, не только знавшіе его близко, но и всѣ, умѣющіе оцѣнить надежды, подаваемыя молодымъ человѣкомъ его лѣтъ на службѣ своей родинѣ. Аналогія съ Станиславомъ, вмѣстѣ съ другими причинами, пробудила снова ваши печали и смѣшала ихъ въ вашемъ сердцѣ. Мнѣ представляется, что онъ соединился съ вашимъ сыномъ, и что оба окружаютъ васъ и они вашими ангелами-хранителями. Говорите мнѣ, пожалуйста, о памятникѣ Станиславу и скажите, остановились ли вы на какой-либо надписи или какія, изъ которыхъ вы выбираете.

А теперь шлю дружескіе привѣты вашему мужу, а затѣмъ дѣтямъ. Надѣюсь, что графъ чувствовалъ себя хорошо отъ паровыхъ ваннъ, но боюсь, какъ бы онъ, не щадя себя ими, не повредилъ дѣйствію тѣхъ лѣкарствъ, которыя его заставляютъ принимать.

Прощайте, дорогая моему сердцу графиня. Елисавета.

Царское Село, 29-го Мая 1821.

4.

Je vous écris aujourd'hui avec un double plaisir, ma chère comtesse, parce que c'est votre fils qui sera le porteur de ma lettre, et je me figure combien vous serez heureuse de le revoir; je le suis pour vous et pour lui de le voir partir d'ici. Il me paraît que le quartier-général de son pére lui convient mieux que la capitale, où il a perdu en grande partie l'embonpoint qu'il y avait apporté. Je le charge aussi d'une caisse où vous trouverez une pièce de satin blanc pour la robe de noce.

J'y ai joint de plus tout ce qui peut servir à achever la toilette pour ce jour-là, aux souliers près. Je ne sais quels sont vos usages pour la coiffure d'une mariée. Comme ici quelques personnes emploient de la fleur d'orranger et en Allemagne du myrthe, je vous en envoie de l'un et de l'autre; mais si vous avez un autre usage encore, vous n'aurez pas d'égard, j'espère, à mon envoi et vous n'y verrez que la fantaisie de parer Émilie, que je me suis permis de satisfaire en idée. Quant au petit fichu de blondes, qui, au fond, ne convient pas à une personne aussi jeune, je ne l'ai ajouté, que parceque je me suis rappelée que la pauvre Émilie a pleuré (ou presque pleuré) un jour au bal, parce que sa robe tombait un peu trop bas de ses épaules.

Je voudrais pouvoir vous envoyer encore avec tous ces effets des voeux et des bénédictions bien efficaces, mais Dieu les entendra, j'espère. Mille remerciements, ma chère comtesse, pour votre dernière lettre et pour toute l'amitié que vous me témoignez. Vous m'en donnez une preuve consentant à ce que je sois votre commissionaire pour la statue du pavillon de Stanislas. J'espère qu'elle pourra être faite et expédiée par le traînage. Je n'ai que la crainte qu'elle ne réussisse pas aussi parfaitement, que je le désirais. J'ai chargé Louis d'exprimer verbalement à son père et à toute sa famille les assurances d'amitié, que j'aime tant à vous répéter et je suis impatiente de le savoir heureusement arrivé.

Adieu, ma chère comtesse. Élisabeth.

Cammenoy Ostrof, 30 Septembre 1821.

Переводъ.

Дорогая графиня!

Сегодня пишу вамъ съ двойнымъ удовольствіемъ, потому что вашъ сынъ будетъ подателемъ моего письма, и я воображаю какъ вы будете рады увидѣть его; я счастлива за васъ и за него, что онъ уѣзжаетъ отсюда.

Мнѣ кажется, что главная квартира отца ему пригодна болѣе чѣмъ столица, гдѣ онъ очень спустилъ привезенную имъ туда полноту. Препоручаю ему также ящикъ, въ которомъ вы найдете кусокъ бѣлаго атласа для подвѣнечнаго платья.

Кромѣ того я присовокупила все, могущее служить къ дополненію туалета въ этотъ день до башмаковъ включительно. Не знаю, каковы ваши обычаи относительно прически у невѣсты. Такъ какъ здѣсь нѣкоторыя употребляютъ цвѣтокъ померанца, а въ Германіи миртъ, посылаю вамъ то и другое, но если у васъ существуетъ еще иной обычай, надѣюсь, вы не обратите вниманія на мою посылку и усмотрите въ ней лишь желаніе украсить Эмилію, которое я себѣ позволила мысленно исполнить. Что касается маленькой косынки изъ блондъ, которая въ сущности, не подобаетъ такой молоденькой особѣ, я прибавила ее только потому, что вспомнила, какъ однажды на балу бѣдная Эмилія плакала (или чуть не плакала) оттого, что платье ея слишкомъ низко спускалось съ ея плечъ.

Хотѣлось бы имѣть возможность послать вамъ со всѣми этими вещами горячія пожеланія и благословенія, но, надѣюсь, Богъ ихъ услышитъ. Тысячу благодарностей, дорогая моя графиня, за ваше послѣднее письмо и за дружбу, которую вы мнѣ выказываете. Вы доказываете мнѣ ее своимъ согласіемъ на то, чтобъ я исполнила ваше порученіе касательно статуи для памятника Станиславу. Я надѣюсь, что она можетъ быть сдѣлана и отправлена по санному пути. Я только одного боюсь, что она не удастся вполнѣ такъ хорошо, какъ я того желала. Я поручила Людвигу передать на словахъ отцу и всему его семейству увѣренія въ дружбы, которыя я такъ люблю вамъ повторять, и я нетерпѣлива узнать, что онъ прибылъ благополучно.

Прощайте, дорогая моя графиня. Елисавета.

Каменный Островъ, 30-е Сентября 1821.

5

A qui mieux qu'à vous, chère Comtesse puis-je parler de ce qui remplit mon coeur, vous, dont, malheureusement, la vie en grande partie est consacreé à des regrets! Aussi étiez vous une de mes premières pensées dans les premiers moments de ma douleur! Je voulais vous écrire, mais votre lettre m'a prévenue, et je puis maintenant vous parler de ma sensible reconnaissance pour un intérêt, dont j'étais sûre d'avance de votre part et de celle du comte. Vous savez ce qu'on éprouve de la perte d'un être tendrement chéri. Ma soeur était plus que soeur pour moi: elle était ma meilleure amie; jamais l'idée de lui survivre ne m'était venue, tant sa santé me paraissait robuste avant la cruelle maladie qui nous la enlevée, et j'ai presque autant souffert de devoir croire à la possibilité de la perdre que de sa perte même, qui du moins a mis fin pour elle à de grandes souffrances. Je tâche dans ma peine de m'appliquer tout ce que je vous ai souvent écrit, et, pour moi, comme pour vous, ce que je trouve de plus consolant: c'est la certitude du bonheur dont

elle jouit et l'espoir que me donne la miséricorde de Dieu de la retrouver un jour, et je me dis: *encore un peu de patience et j'arriverai à cette éternité où il n'y a plus ni peine ni séparation!*

Je ne puis assez remercier Dieu de ce qu'Il a soutenu la santé et les forces de ma pauvre mère, qui perd son troisième enfant dans un âge mûr et le cinquième de tous*). Je me reproche à cause d'elle chaque mouvement trop vif de peine, qui me fait désirer de rejoindre ma soeur; je le regarde comme une ingratitude envers la Providence, qui a daigné me conserver un bien si précieux, en conservant ma mère. Sans doute, que cela produit en moi des combats que vous comprendrez; mais notre vie entière ne se compose pas d'autre chose. Je ne vous fais pas d'excuses de vous parler longuément de tout ce que j'éprouve. Il me semble, au contraire, que je le dois à votre amitié, dont vous m'avez donné des preuves, en agissant de même à mon égard. Croyez-moi, que mes peines ne m'ont pas empêchées de recevoir vos enfants avec plaisir et d'apprendre avec le même sentiment que la santé du comte a bien supporté les fatigues survenues après son accident, et je vous remercie mille fois pour la lettre que vous m'avez écrite à ce sujet. Puissent mes voeux être exaucés et tout chagrin et toute inquiétude vous être épargnés dorénavant à tous les deux.

Adieu, de tout mon coeur, ma chère comtesse, et avec des sentiments dont je n'ai plus besoin de vous donner l'assurance. Élisabeth.

Pétersbourg, 30 Novembre 1823.

Переводъ.

Кому же больше, какъ не вамъ, дорогая графиня, могу я говорить о томъ, чѣмъ полно мое сердце, вамъ, жизнь которой, къ несчастью, переполнена печалью! Поэтому вы были одной изъ первыхъ моихъ мыслей въ первыя минуты моей скорби. Я хотѣла вамъ написать, но ваше письмо меня предупредило, такъ что теперь могу говорить вамъ о чувствительной признательнсости за участіе, въ которомъ заранѣе была увѣрена отъ васъ и графа.

Вы знаете, что̀ испытываешь при потерѣ нѣжно любимаго существа. Сестра моя была для меня больше чѣмъ сестра: она была моимъ лучшимъ другомъ; никогда мнѣ не приходила мысль, что переживу ее, настолько здоровье ея мнѣ казалось крѣпкимъ до жестокой болѣзни, отнявшей ее у насъ, и я почти столько же страдала отъ необходимости повѣрить въ возможность ея какъ и отъ самой утраты, положившей, по крайней мѣрѣ, конецъ ея тяжелымъ страданіямъ. Я стараюсь въ своемъ горѣ примѣнить къ себѣ все то, о чемъ часто вамъ писала и для себя, какъ и для васъ; самымъ утѣшительнымъ нахожу увѣренность въ счастьѣ, которое она испытываетъ и надежду,

*) Мать императрицы Елисаветы Алексѣевны, маркграфиня Баденская, пережила ее на 13 лѣтъ. П. Б.

которую мнѣ даетъ милосердіе Божіе въ томъ, что когда-либо я опять встрѣчу ее и я говорю себѣ: „еще немного терпѣнія и я войду въ эту вѣчность, гдѣ нѣтъ ни печали ни разлуки!“

Не умѣю достаточно возблагодарить Бога за то, что Онъ поддержалъ здоровье и силы моей матери, которая теряетъ третьяго ребенка въ зрѣломъ возрастѣ и пятаго изъ своихъ дѣтей. Изъ за нея я упрекаю себя за каждое слишкомъ сильное движеніе скорби, заставляющее меня желать послѣдовать за сестрой; я смотрю на это какъ неблагодарность Провидѣнію, сохранившему столь для меня драгоцѣнное благо, какъ жизнь моей матери. Безъ сомнѣнія, это вызываетъ во мнѣ борьбу, которую вы поймете; но вся наша жизнь не изъ чего другого не состоитъ. Не извиняюсь передъ вами за то, что долго говорю о томъ, что испытываю. Мнѣ кажется, наоборотъ, что я въ долгу у вашей дружбы, которую вы мнѣ доказали, поступивъ такимъ же образомъ въ отношеніи ко мнѣ. Вѣрьте, что моя печаль не помѣшала мнѣ съ удовольствіемъ принять вашихъ дѣтей и съ тѣмъ же чувствомъ узнать, что здоровье графа хорошо перенесло утомленіе послѣдовавшее за его злоключеніемъ; тысячу разъ благодарю васъ за письмо, которое вы мнѣ написали по этому поводу. Да будутъ мои молитвы услышаны и да минуютъ васъ обоихъ отнынѣ всякое горе и тревога.

Прощайте, отъ всего моего сердца, дорогая моя графиня, и съ чувствами, въ которыхъ мнѣ нѣтъ больше надобности увѣрять васъ. Елисавета.

Петербургъ, 30-е Ноября 1823.

Приложеніе.

Рескриптъ короля Прусскаго.

Madame la Feld-Maréchale, ayant toujours présents à la mémoire les services rendus par le Maréchal, votre époux, à l'intérêt des trônes et des nations pendant les dernières guerres, où il a conduit une partie de mes armées, conjointement avec celles de son Souverain, aux plus glorieux combats, je n'ai cessé de penser aux moyens de lui en exprimer ma reconnaissance et je n'ai rien trouvé qui soit plus digne de son mérite, qu'un titre qui en relève l'éclat. M'étant en conséquence assuré préalablament de l'assentiment de mon auguste allié et gendre, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, je viens de conférer à votre époux la dignité de Prince. Ce ne sera, à la vérité, qu'un titre ajouté à tous ses titres de gloire; mais je pense, que celui-ci pourra acquérir un plus grand prix à ses yeux, par la raison qu'il transmettra à l'histoire, que mon estime et ma bienveillance ont été proportionnées à ses hauts faits.

Après le plaisir d'avoir ainsi payé une dette de coeur, je n'en connois pas de plus grand, Madame la Princesse, que celui d'être le premier à vous en faire part et je puis d'autant moins me le refuser, que je trouve ainsi l'occassion de vous réitérer encore l'expression de la parfaite considération avec laquelle je suis, Madame la Feld-Maréchale,

Votre très-affectionné Frédéric Guillaume.

Berlin, le 1-er Mai 1834.

Переводъ.

Имѣя всегда въ памяти услуги, оказанныя фельдмаршаломъ, вашимъ супругомъ престолу и отечеству за послѣднія войны, гдѣ онъ велъ часть моихъ войскъ совокупно съ войсками своего Государя въ самыя славныя сраженія, и не переставая думать о способѣ выразить ему свою признательность, я не нашелъ ничего болѣе достойнаго его заслугъ, какъ титутъ, возвышающій его славу. Вслѣдствіе этого, удостовѣрившись предварительно въ согласіи моего августѣйшаго союзника и зятя, Е. В. Императора всея Россіи, я жалую вашему супругу княжеское достоинство. Правда, это будетъ только титутъ, прибавленный ко всѣмъ его славнымъ титуламъ; но, я думаю, что этотъ титулъ можетъ получить въ его глазахъ большую цѣну, передавая исторіи, что мое уваженіе и благоволеніе были соразмѣрны съ его высокою дѣятельностью.

Послѣ удовольствія такимъ образомъ заплатить долгъ сердца, не знаю большаго, княгиня, какъ первымъ сообщить вамъ объ этомъ; тѣмъ менѣе могу себѣ въ этомъ отказать, что нахожу такимъ образомъ случай повторить вамъ еще разъ увѣреніе въ истинномъ уваженіи, съ которымъ пребываю очень къ вамъ благожелательный Фридрихъ-Вильгельмъ.

Берлинъ, 1-е Мая 1834.

Супругѣ фельдмаршала, графинѣ Витгенштейнъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ДОЧЕРИ КНЯГИНѢ О. А. ДОЛГОРУКОЙ [1]).

Moscou, le 18 Mai 1832.

Bientôt va se faire la noce de m-lle Nesselrode avec le bon Chreptowitz [2]). Leibzeltern [3]) est arrivé à Pétersbourg avec sa femme pour voir ses parents; quelqu'un a dit: qu'un homme qui n'a pas d'entrailles n'a pas de parents non plus. Aujourd'hui il y a une noce, m-lle Boukharine se marie; devinez qui elle épouse? Самъ не вспомню. Oui, Annenkoff, aide-de-camp du grand-duc Michel. A sa place à elle je l'aurai épousé; mais à sa place à lui, je doute que je l'eusse fait.

Аг. Ив. Хрущова прислала человѣка просить васъ, чтобы вы *безпремѣнно* нашли ей мадамъ для дѣтей, лѣтъ въ 40 или 45 и чтобы была Швейцарка или Француженка. On dirait qu'il s'agit d'un petit pain qu'on trouve dans notre лавочка. Elle est en vérité charmante, elle envoya le domestique avec une mission comme celle-là de bouche.

Москва, 18 Мая, 1832.

Вскорѣ состоится свадьба дѣвицы Нессельроде съ добрымъ Хрептовичемъ. Лебцельтернъ пріѣхалъ съ женою въ Петербургъ повидаться съ родными; кто-то сказалъ, что человѣкъ, не имѣющій сердца, не имѣетъ и родныхъ. Сегодня свадьба: дѣвица Бухарина выходитъ, угадай за кого? Самъ не вспомню; ахъ да, за Анненкова, адъютанта в. к. Михаила Павловича. Будучи на ея мѣстѣ, и я бы за него вышелъ, но на его мѣстѣ, сомнѣваюсь, чтобъ я это сдѣлалъ.—Можно подумать, что дѣло идетъ о булкѣ, которую можно достать въ нашей лавочкѣ. Она поистинѣ прелестна—прислала человѣка съ этакимъ порученіемъ на словахъ.

Moscou, 20 Mai 1832.

La pauvre Barténeff est malade des suites de sa fausse couche. Maintenant on craint pour la pauvre Pauline, car sa mère s'est fourrée

---

[1]) См. выше, стр. 136.

[2]) Дочь графа Нессельроде, Елена Карловна.

[3]) Лебцельтернъ, женатый на дочери графа Лаваля, былъ въ 1825 году Австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Николай Павловичъ послѣ 14 Декабря пожелалъ его отъѣзда. Есть извѣстіе, что онъ происхожденія Еврейскаго.

dans la tête qu'il n'y a pas de danger pour elle tant qu'elle aurait sa fille à côté d'elle, et voilà 9 jours qu'elle la tient toujours par la main sans vouloir la lacher. Каково этой бѣдной? Chez la Bariatinsky à la campagne il y a donc scarlatine perfide, et la promise de Davidoff [1]) vient de tomber malade aussi. Давеча былъ у меня красавецъ Катинькинъ Львовъ въ страшныхъ усахъ, которые ему красы не придаютъ. Il paraît qu'il meurt d'envie de se marier. Мишка Леонтьевъ пріѣхалъ съ женою, я видѣлъ ее во Французскомъ театрѣ, и она кажется мнѣ очень подурнѣла. La nouvelle actrice m-lle Anna est petite et laide et elle chante comme une chèvre; le nouvel acteur est bon, je le préfère à Victor.

Москва, 20 Мая 1832.

Бѣдная Бартенева больна послѣдствіями преждевременныхъ родовъ; теперь боятся за бѣдную Полину, такъ какъ ея мать вбила себѣ въ голову, что опасность ей не грозитъ, пока дочь будетъ при ней, и вотъ 9 дней какъ она держитъ ее за руку, не желая отпустить. Каково этой бѣдной?—У Барятинской въ деревнѣ ложная скарлатина и невѣста Давыдова тоже только что заболѣла. Давеча былъ у меня красавецъ Катенькинъ, Львовъ, въ страшныхъ усахъ, которые ему красы не придаютъ. Кажется, ему смертельно хочется жениться. Новая актриса мамзель Анна, маленькаго роста, дурна собой и поетъ какъ коза; новый актеръ хорошъ, я предпочитаю его Виктору.

St.-Pétersbourg, 19 Juillet 1832.

Vous avez dû recevoir le 14 ma lettre, qui contenait un oukaze; car j'ai prescrit à l'exécuteur de vous envoyer mon paquet sur-le-champ par l'estafette. Молитвы ваши были услышаны, а куда много было охотниковъ на это мѣсто въ обѣихъ столицахъ! [2]) Князь А. Н. [3]) далъ теперь брату комиссію отвѣчать на всѣ письма, кои ему писали, прося наслѣдство Рушковскаго: La réponse est faite. M-r A. B. a été nommé par ordre de S. M. I.—Ici dans la maison, la conversation ne tarit pas sur vous, tant mon frère, sa femme, les enfants ou ceux qui viennent ici ne cessent de parler de vous. Les professeurs et dilettanti regrettent l'absence de Катенька. Вяземскій говоритъ, что можно бы за Катенькой послать, хоть на сутки, и отвезти опять, les postes des deux capitales étant aux deux frères, mais au même individu. Vous me manquez bien surtout toutes les deux, Olga avec son Дишка et même leur крошка et Катя avec sa maman. Je suis si complètement heureux maintenant que

---

[1]) Княжна Ольга Ивановна выходила за Владимира Петровича Давыдова (позднѣе графа Орлова-Давыдова).

[2]) Т.-е. на мѣсто Московскаго почтдиректора.

[3]) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

je n'ai rien à demander à Dieu. Je ne sais pas encore quand je partirai, je dois prêter serment au Sénat et surtout faire ma cour à l'Empereur que les grandes manoeuvres empêchent de venir en ville avant Dimanche. Je suis si avide du bonheur de le voir, ne l'ayant encore vu que de loin deux fois! La дача de mon frère est un véritable bijou, et nous sommes tous logés en princes. Quel monde il vient les Lundi et Jeudi! Moi-même tous les jours je vais tous les matins à la poste en ville apprendre, assister aux arrivées et départs des postes, et je m'équipe peu à peu, et Костя me tourmente toute la journée: сшейте себѣ это, а это [1]. Il faut être ici pour se faire une idée du luxe de Pétersbourg et surtout des femmes; il y en a bien peu de belles, et je ne sais ce qui leur arrive, mais elles sont toutes malades ou abimées de santé. Depuis que je suis ici seulement, voyez que de jeunes personnes mortes: la p-sse de Souvoroff, la Korsakoff, la belle Wittgenstein née Radziwill, la Tchertkoff, et il y a la Mordvinoff née Ermoloff, la Danilevsky, qui sont sans espoir.—La pauvre Pouchkine, née Ouroussof, a perdu l'autre jour une fille. Il y a beaucoup de personnes que je n'ai pas été voir encore; car mon frère a de l'humeur quand je vais quelque part. Cependant Dimanche j'ai fait quelques visites ici aux дачи. J'ai été avec Костя chez la tante Dolgorouky, chez князь Ал. Ник. Хованской, chez la Bobrinsky, Nicolas Gagarine et Zavadofsky, вездѣ его рекомендовалъ. Votre cher frère ne peut pas souffrir Pétersbourg. Que vous dire encore? La grande nouvelle ce sont les manoeuvres qui dureront cinq jours; il y a comme toujours deux armées, l'une attaque, l'autre se défend. Beaucoup de dames partent pour Красное Село, et Marie [2]) en a le projet aussi; voilà deux jours qu'on ne parle que de la manière d'arranger le voyage. Vous ne sauriez croire comme ces moustaches ont rendu tout le monde affreux; on ne reconnait plus personne, et je ne vois pas que cela aille qu'à ceux qui portaient déjà avant la moustache. Les militaires vont avoir un costume de tous les jours en guise de frac; ce sera une espèce de чекмень avec pantalon large et фуражка. Cela va nous rapprocher de nos anciens costumes russes. J'ai vu le débarquement de la fameuse colonne Alexandrine; la cérémonie était vraiment imposante voir cette masse du poid S. de 250 m. poudes avancer comme une poutre à un signal de l'Empereur; il y avait un monde fou, et c'etait si drôle de voir la bagarre quand elle arriva, il n'y avait que l'Emperenr qui ne bougea pas, la pluie cessa bientôt. C'était un coup d'oeil unique. Vous en lirez la description dans le journal ci-joint. L'article est de Monfer-

---

[1]) Старшій сынъ А. Я. Булгакова.

[2]) Марья Константиновна, супруга К. Я. Булгакова.

rant; только онъ много хвастаетъ, а хвастать можетъ только подрядчикъ Яковлевъ: онъ все сдѣлалъ, et il fallait le voir debout sur la colonne pendant qu'elle avançait et dirigeant les travaux. Какъ гора эта стала на землю, то Яковлевъ перекрестился, работники первые закричали ура! а тамъ и всѣ зрители. Мнѣ такъ весело съ вами болтать, что не вижу, что нѣтъ уже бумаги, да и въ городъ пора: уже 10 часовъ.

Петербургъ, 19 Іюля 1832.

Вы должны были 14-го числа получить мое письмо, содержавшее указъ, такъ какъ я предписалъ экзекутору отправить къ вамъ мой пакетъ тотчасъ съ эстафетой. Отвѣтъ данъ: А. Б. былъ назначенъ по повелѣнію Е. В. Здѣсь, въ домѣ разговоръ о васъ не прекращается: то мой братъ, то его жена, дѣти или тѣ, кто бываетъ у нихъ, не перестаютъ говорить о васъ. Профессора и диллетанты сожалѣютъ объ отсутствіи Катеньки. Вяземскій говоритъ, что можно бы за Катенькой послать, хоть на сутки, и отвезти опять, такъ какъ почта обѣихъ столицъ у двухъ братьевъ, но у одной личности. Мнѣ васъ очень недостаетъ, особенно васъ обѣихъ, Ольги съ ея Дишкой и даже ихъ крошкой и Кати съ ея мамой. Я теперь на столько счастливъ, что мнѣ не о чемъ просить Бога. Не знаю еще, когда уѣду; мнѣ надо присягать въ Сенатѣ и, главное, представиться Государю, которому большіе маневры не позволятъ вернуться въ городъ раньше Воскресенья. Я такъ жажду счастья увидѣть Государя, такъ какъ два раза видѣлъ его лишь издали. Дача брата настоящая игрушечка, и мы всѣ размѣщены по-княжески. Какое общество бываетъ по Понедѣльникамъ и Четвергамъ! Ежедневно утромъ я самъ хожу въ городъ на почту учиться, присутствую при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтъ и мало-по-малу экипируюсь. Костя весь день мучаетъ меня: сшейте себѣ это, да это! Нужно быть здѣсь, чтобы составить себѣ понятіе о роскоши Петербурга и особенно женщинъ; между ними очень мало красивыхъ, и не знаю что̀ съ ними, но всѣ онѣ больны или съ разстроеннымъ здоровьемъ. Смотрите, сколько молодыхъ особъ умерло только съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь: к-ня Суворова, Корсакова, красавица Витгенштейнъ, рожд. Радзивилъ, Черткова, а Мордвинова, рожд. Ермолова, Данилевская безнадежны. Бѣдная Пушкина, рожд. Урусова, на дняхъ потеряла дочь. У многихъ я еще не былъ, потому что братъ недоволенъ, когда я куда нибудь уѣзжаю; тѣмъ не менѣе въ Воскресенье я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ здѣсь, по дачамъ. Я былъ съ Костей у тетки Долгорукой, у князя Ал. Ник. Хованскаго, у Бобринской, у Николая Гагарина и Завадовскаго; вездѣ его рекомендовалъ. Вашъ дорогой братецъ терпѣть не можетъ Петербургъ. Что̀ сказать вамъ еще? Важнѣйшее событіе составляютъ маневры, которые продлятся 5 дней; какъ всегда, стоятъ двѣ арміи, одна атакуетъ, другая защищается. Многія дамы ѣдутъ въ Красное Село, и Маша тоже собирается туда; два дня только и говорятъ о томъ, какъ устроить эту поѣздку. Вы не повѣрите, до чего эти усы всѣхъ обезобразили; никого теперь не узнаешь, и я не нахожу, чтобы это шло кому-либо, кромѣ тѣхъ, кто носилъ усы и прежде. Военные получаютъ ежедневную форму на подобіе фрака; это будетъ нѣчто въ родѣ чекменя съ широкими шароварами и фуражкой и приблизитъ насъ къ нашимъ стариннымъ Русскимъ одеждамъ. Я видѣлъ выгрузку знаменитой

Александровской колонны; церемонія была поистинѣ величественная, видѣть, какъ эта глыба въ 250 тыс. пудовъ двигалась точно бревно по сигналу Государя; народу было безумно много, и такъ смѣшно было видѣть сумятицу; одинъ Государь не пошевельнулся. Вскорѣ дождь пересталъ. Это представляло видъ единственный въ своемъ родѣ. Вы прочтете описаніе всего этого въ прилагаемой газетѣ. Статья эта Монферрана; только онъ много хвастаетъ, а хвастать можетъ только подрядчикъ Яковлевъ: онъ все сдѣлалъ, и нужно было его видѣть стоящимъ на колоннѣ во время ея передвиженія и руководящимъ работами.

Pétersbourg, le 8 Août 1832.

Dimanche l'Empereur a eu la bonté de me recevoir seul dans son cabinet de Jélaguine et m'a gardé trois quart d'heure. J'ai fait une description détaillée à maman, qui vous lira tout cela. En me voyant et me congédiant, S. M. I. m'embrassa à plusieurs reprises. Je me bornerai à vous dire que personne de notre famille ne fut oublié et comme de raison m-lle Жукъ. L'Empereur me demande en riant: Ну, что похожа ли крестница моя [1]) на меня? Il daigna s'informer de maman, même de Pachka [2]), me demanda si vous n'étiez pas de nouveau grosse. Ensuite l'Empereur me questionna beaucoup sur Дишка [3]), s'il s'occupait; je répondis: особенной должности не имѣетъ, но занимается въ канцеляріи со всѣми. Хорошо дѣлаетъ, répondit S. M.; я очень радъ, стыдно въ его лѣта время терять; каково его здоровье? Мнѣ кажется, что онъ не очень крѣпкаго сложенія? Нѣтъ, Государь, онъ теперь началъ толстѣть. Sur cela S. M. dit: чтобы не потолстѣлъ, какъ я. Il fut question de Catherine. L'empereur me dit: зачѣмъ не привезъ красавицу вашу?—Можетъ быть будетъ въ будущемъ году съ матерью? Очень будемъ рады гостямъ, fut la réponse. Enfin j'ai été en vérité touché de l'accueil gracieux que j'ai reçu et de l'Empereur et de l'Impératrice, qui m'a encore plus questionné sur vous tous; S. M. a voulu avoir les moindres détails sur la petite Сашка et a discuté avec moi sur son âge qu'elle se trouvait mieux savoir que moi. Vous savez, dit-elle à Modène, que B. est devenu grand papa tout en dansant chez nous au bal. Les bontés furent si grandes que prenant congé de l'Impératrice j'ai osé lui dire: Madame, j'ai une grâce à vous demander.—Quoi donc?—C'est de vous baiser la main: cela me portera bonheur dans mon nouveau poste. S. M. sourit, ôta son gant et avec effort, car il était étroit et me tendit avec bonté sa superbe main. Vous saurez tout cela de maman.

---

[1]) Княжна Александра Александровна Долгорукая, нынѣ вдова Николая Николаевича Львова.

[2]) Младшій сынъ А. Я. Булгакова.

[3]) Зять А. Я. Булгакова, князь Александръ Сергѣевичъ Долгорукій.

L'Empereur est parti pour Порховъ et l'Impératrice pour Царское Село. Il y a eu quelques personnes atteintes de choléra ici; au reste je suppose que ce ne sont que des bruits sans fondement. J'ai vu hier Swistounoff enfin au jardin Stroganoff, il se plaint beaucoup de sa santé et compte venir se traiter.

Петербургъ, 8 Августа 1832.

Въ Воскресенье Государь милостиво принялъ меня одного въ своемъ кабинетѣ на Елагиномъ и продержалъ три четверти часа. Я сдѣлалъ подробное описаніе мамѣ, которая все это вамъ прочтетъ. Увидавъ меня и потомъ отпуская, Е. В. нѣсколько разъ цѣловалъ меня; ограничусь, сказавъ, что никто изъ нашей семьи не былъ забытъ, а потому, конечно и дѣвица Жукъ. Государь, смѣясь, спросилъ меня: ну, что, похожа ли крестница моя на меня? Онъ изволилъ спрашивать о мамѣ, даже о Пашкѣ, спросилъ не беременна ли ты опять. Затѣмъ Государь много разспрашивалъ меня про Дишку, занимается ли онъ; я отвѣтилъ: особенной должности не имѣетъ, но занимается въ канцеляріи со всѣми. Е. В. сказалъ: чтобы не потолстѣлъ какъ я. Была рѣчь о Катенькѣ. Государь сказалъ мнѣ: зачѣмъ не привезъ красавицу вашу? Однимъ словомъ, я поистинѣ былъ тронутъ ласковымъ пріемомъ Государя и Императрицы, которая еще больше разспрашивала обо всѣхъ васъ Ея Величество пожелала знать малѣйшія подробности о маленькой Сашкѣ и поспорила со мной объ ея возрастѣ, который, оказалось, знала лучше меня. Вы знаете, сказала она Модену, что Булгаковъ сдѣлался дѣдушкой, танцуя у насъ на балу. Императрица была настолько милостива, что, откланиваясь, я осмѣлился ей сказать: Ваше Величество, позвольте просить Васъ о милости.—Что такое?—Позвольте поцѣловать Вашу ручку: это принесетъ мнѣ счастье на новой моей должности. Ея В. улыбнулась, сняла перчатку, дѣлая усиліе (она была узка) и милостиво протянула мнѣ свою безподобную руку. Вы все это узнаете отъ мамы. Государь уѣхалъ въ Порховъ, а Императрица въ Царское Село. Здѣсь нѣсколько человѣкъ заболѣло холерой; впрочемъ, предполагаю, что такіе слухи неосновательны. Вчера, наконецъ, я видѣлъ Свистунова въ Строгановскомъ саду, онъ очень жалуется на свое здоровье и хочетъ пріѣхать лѣчиться.

St.-Pétersbourg, 13 Août 1832.

Vous savez que j'ai eu le bonheur d'être reçu de l'Empereur et de l'Impératrice à Yélaguine. Ce jour sera éternellement présent à ma pensée. Je reste ici pour la fête de Marie après quoi je ferai mes paquets. Je partirai d'ici avec un sentiment singulier, car ce sera celui de la joie et du chargin en même temps: je vole auprès de vous, mais Dieu sait quand je verrai mon frère *). Cette maison Lanskoy que vous louez me sourit beaucoup, nous serons près les uns des autres et nous pourrons nous voir tous les jours. J'ai lu votre lettre, Olga, aux enfants; cela leur a fait bien grand plaisir. Qu'il me tarde de voir Сашка,

*) Предчувствіе не обмануло А. Я. Булгакова: младшій братъ его и благодѣтель скончался вскорѣ, не успѣвъ, кажется, еще разъ повидаться съ нимъ.

Жукъ et vous tous aussi. Заживемъ припѣваючи! J'ai eu beaucoup à souffrir, mais Dieu m'a payé tout cela par une seul oukaze. La manière dont l'Empereur m'a reçu a mis le comble à mon bonheur. Personne n'a été oublié, Пашка, Сашка, объ васъ нечего уже и говорить. L'Empereur a eu la bonté de s'intéresser à la santé de Дишка qu'il ne croit pas merveilleuse. Поздравляю тебя съ тильбюри; когда нельзя Дишкѣ, я буду тебя катать. J'ai dit aux deux W., l'auteur et le musicien [1]), vos remerciments pour la mazurque. Le pauvre Wiasemsky a la fièvre et comme il fait la cour à la cousine de Marie, je lui ai dit hier qu'il avait la fièvre de Moldavie. Voici une épitre de votre frère avec lequel je bataille souvent; je désire que son entrée ait lieu plutôt; il s'émancipe furieusement et fait le grand personnage, toujours cette manière de se faufiler avec les grands et près d'autres farceurs, quoique pas mauvais. Demain je le ménerai chez le général Islénieff, son futur chef. J'ai bien fait sonner à Костя l'histoire de Gagarine, qui, dit-on, sera fait soldat. M-lle Catherine! Est-ce que la princesse vous marie toujours à l'aimable fât m-r Walinsky, qui arrange une maison déjà pour les bals que vous nous donnerez. Ici à la cour on vous a décidément marié, mais on ne nomme pas le promis; on ne dit pas si c'est un flâneur ou un bâfreur. On avait marié la petite Dolgorouky à Vaniche [2]); maintenant on la marie à m-r Wiélgorsky, je ne vois ici ni l'un, ni l'autre. Au reste rien de nouveau en ville. Les poltrons parlent de choléra apportée de Cronstadt, où il est mort 13 personnes, mais moi je ne crois à rien. Comme Moscou doit être animée maintenant que le grand-duc y est aussi. Je dîne aujourd'hui au clob anglais avec Lounine et Schzerbinine pour voir jouer Тюря [3]). Je vous écris à bâton rompu, car à chaque instant les enfants viennent m'interrompre.

Петербургъ, 13 Августа 1832.

Вы знаете, что я имѣлъ счастье быть принятъ Государемъ и Императрицей на Елагиномъ. Этотъ день будетъ вѣчно для меня памятенъ. Остаюсь здѣсь на Машины именины, послѣ чего буду укладываться. Уѣду отсюда со страннымъ чувствомъ, такъ какъ оно будетъ и радость, и горе въ одно и тоже время: лечу къ вамъ, но Богъ знаетъ когда увижу брата. Мнѣ очень улыбается наемъ вами дома Ланского, мы будемъ близко другъ отъ друга и можемъ видѣться ежедневно. Ольга, я прочелъ твое письмо дѣтямъ, это доставило имъ большое удовольствіе. Жду не дождусь, когда увижу Сашку, Жука и всѣхъ васъ. Заживемъ припѣваючи. Мнѣ пришлось много страдать, но Богъ вознаградилъ меня за все

---

[1]) Братьямъ графамъ Вельегорскимъ?

[2]) Это графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ, вскорѣ женившійся на Александрѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

[3]) Славный игрокъ на биліардѣ (его портретъ въ Москвѣ у М. И. Садовскаго).

это однимъ указомъ. То, какъ Государь меня принялъ, довершило мое счастье. Никто не былъ забытъ, ни Пашка, ни Сашка, о васъ нечего уже и говорить. Государь былъ такъ добръ, что поинтересовался Дишкинымъ здоровьемъ, которое не считаетъ крѣпкимъ. Поздравляю тебя съ тильбюри; когда нельзя Дишкѣ, я буду тебя катать. Я передалъ обоимъ В., писателю и музыканту, твою благодарность за мазурку. У бѣднаго Вяземскаго лихорадка, а такъ какъ онъ ухаживаетъ за Машиной двоюродной сестрой, я вчера сказалъ ему, что у него Молдавская лихорадка. Вотъ письмо твоего брата, съ которымъ я часто спорю; я желалъ бы, чтобъ онъ скорѣе поступилъ; онъ ужасно своевольничаетъ, разыгрываетъ изъ себя важную особу, вѣчно эта манера связываться съ знатными и другими распутниками, хотя онъ и не дурной. Завтра повезу его къ генералу Исленеву, его будущему начальнику. Я хорошо прозвонилъ Костѣ исторію Гагарина, который, говорятъ, будетъ разжалованъ въ солдаты. Катенька! А что, княгиня все еще сватаетъ тебя за любезнаго зята Волынскаго, который уже устраиваетъ домъ для баловъ, гдѣ вы будете намъ задавать ихъ. Здѣсь, при дворѣ, тебя рѣшительно выдали замужъ, только не называютъ жениха не говорятъ, зѣвака онъ или обжора. Прежде маленькую Долгорукую выдавали за Ванюшу, а ужъ теперь ее выдаютъ за Віельгорскаго; я не вижу здѣсь ни того, ни другого. Въ остальномъ ничего новаго нѣтъ въ городѣ. Трусы говорятъ о холерѣ занесенной изъ Кронштадта, гдѣ умерло 13 человѣкъ; но я ничему этому не вѣрю. Какъ должна быть теперь оживлена Москва, благодаря присутствію великаго князя. Сегодня я обѣдаю въ Англійскомъ клубѣ съ Лунинымъ и Щербининымъ, чтобы посмотрѣть на игру Тюри. Пишу урывками, такъ какъ дѣти отрываютъ меня каждую минуту.

*

Москва, 10 Сентября 1832.

La vieille princesse Woldemar [1]) est arrivée hier. Ce que c'est que les gens d'autre fois! A peine descendue de voiture, elle a eu l'honnêteté de m'envoyer remercier pour la célérité avec laquelle elle a été servie aux postes: j'irai la voir absolument ce soir, et s'il le faut je ferai même sa partie de boston et lui perdrai de l'argent. Je verrai sûrement le p-ce D. et dirai que nous avons été chez lui avec Дишка. La poste reçue dans le moment, je prends les paquets pour m-gr le grand-duc, vais les lui porter moi-même et me présenterai de cette manière sans façons. S. A. I. a été hier soir chez кн. Ек. Павл. [2]) и сидѣлъ тамъ часа два; le matin je l'ai manqué d'un déjeuner chez Башиловъ, qui a manqué mourir; on lui a appliqué 40 sangsues au ventre, il va mieux. Nous travaillons jour et nuit à arranger la maison, la chambre de toilette de maman est déjà prête, et elle est charmante, Турецкая также на дняхъ поспѣетъ, будетъ хорошо. Mais helas! ce que cela coûte d'argent! Туда

---

[1]) Такъ звали престарѣлую мать Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, который безъ позволенія не могъ садиться въ ея присутствіи.

[2]) Уруcовой, ур. Татищевой.

имъ и дорога! Il faut avoir un bon chez soi et bien manger, le reste on s'en passe plus ou moins. Катя a la rage des ouvrages en cire: elle ne fait que cela toute la journée, а Голицынъ Alexandre у нея подмастерье.

Je viens de chez le grand-duc Michel qui m'a reçu très amicalement dans son cabinet, m'a gardé presqu'une heure, a parlé beaucoup de Pétersbourg, de la colonne, du 30 Août, de Moscou etc. et m'a engagé demain à dîner chez lui. Ensuite j'ai été chez Goudovitz arranger la грамота de Костя, ensuite chez Filarète, qui m'a comblé de politesse et m'a reconduit jusqu'à l'antichambre; il m'a parlé de maman en disant un bien infini d'elle, et a ajouté: я надѣюсь, что княгиня *) успокоена на счетъ дѣла, о коемъ она мнѣ писала. Le grand-duc m'a conté beaucoup de choses drôles du cholèra. Mais je suis pressé de cacheter.

Москва, 10 Сентября 1832.

Старая княгиня Вольдемаръ пріѣхала вчера. Что значитъ человѣкъ прежнихъ временъ! Она настолько учтива, что, какъ только вышла изъ кареты, прислала благодарить меня за быстроту, съ какою ее обслуживали на почтахъ. Непремѣнно пойду къ ней сегодня вечеромъ и, если нужно, сыграю съ ней въ бостонъ и проиграю ей денегъ. Вѣроятно увижу князя Д. и скажу, что мы съ Дишкой были у него. Такъ какъ сію минуту получена почта, возьму пакеты на имя великаго князя, повезу ихъ ему самъ и такимъ образомъ представлюсь ему безъ церемоній. Его высочество былъ вчера вечеромъ у княгини Екат. Павлов. и сидѣлъ тамъ часа два. Утромъ я не засталъ его на завтракѣ у Башилова, который чуть не умеръ; ему поставили 40 піявокъ на животъ, теперь ему лучше. Мы день и ночь занимаемся устройствомъ дòма; уборная мамà уже готова и прелестна, Турецкая также на дняхъ поспѣетъ, будетъ хорошо, но увы! Какихъ денегъ это стоитъ? Туда имъ и дорога! Нужно хорошо ѣсть и имѣть свой хорошій уголъ, а безъ остального можно болѣе или менѣе обойтись. У Кати чрезмѣрная страсть къ издѣліямъ изъ воска; цѣлый день она только это и дѣлаетъ, а Александръ Голицынъ у нея подмастерье.

Только что вернулся отъ в. к. Михаила Павловича, который принялъ меня очень дружески въ своемъ кабинетѣ, продержалъ около часа, много говорилъ о Петербургѣ, о колоннѣ, о 30-мъ Августѣ, о Москвѣ и проч. и позвалъ меня завтра обѣдать у него. Затѣмъ былъ я у Гудовича, чтобъ устроить грамоту Кости, затѣмъ у Филарета, который осыпалъ меня любезностями и проводилъ до передней; онъ разговаривалъ со мной о мама, говоря о ней безконечно много хорошаго и прибавилъ: я надѣюсь, что княгиня успокоена на счетъ дѣла, о коемъ она мнѣ писала. Великій князь разсказывалъ мнѣ много смѣшного о холерѣ, но я спѣшу запечатать письмо.

*

*) Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая, за сыномъ котораго была дочь А. Я Булгакова.

Moscou le, 12 Mai 1833.

La vieille m-me Kazitzky est morte, c'est un deuil pour Pachkoff, mais cela n'epmêchera pas, je pense, à m-lle la demi-свѣтлѣйшая Dodo de devenir цѣлая свѣтлѣйшая, le jour fixé pour la noce [1]. On dit que m-me Kazitzky a beaucoup avantagé la Laval, vu qu'ils sont moins riches que la p-ce Béloselsky. Le pauvre Modène est expirant, il est tout enflé. On lui parla du piroscaphe qui doit l'emmener à l'étranger, à quoi il répondit: est-ce que vous me prenez pour un enfant, j'ai un plus grand voyage à faire. Il a fait son testament et paraît très r signé et *calme*. La cour, avec cette indifférence qui lui est si propre. pense déjà à son successeur. Voyons qui le remplacera, c'est une belle place. Habiter le palais Аничковъ sur la perspective, c'est une tres-belle perspective. Les uns croient que ce sera Gagarine Gregoire que l'Empereur a fait venir dîner chez lui à Peterhoff, d'autres que la place sera tout-à-fait abolie. Nous verrons. Mon frère songe déja à passer à la дача. La p-sse Zoé B. [2]) logera chez lui et occuppera mon appartement. Et si par le plus grand des hasards j'allai à Pétersbourg? J'ai écrit sur cela à mon frère que comme d'un côté il ne serait pas joli à moi de déloger une dame et comme il ne serait pas juste à la dame de déloger un frère, pour tout concilier nous occuperons ensemble la même chambre et coucherions dans le même lit. Alexis Orloff est arrivé à Constantinople le 23 Avril, il a été reçu comme un souverain. Le sultan a passé en revue nos troupes. Est-il galant ce Mahmed? En passant devant nos soldats, il a crié en très-bon Russe: здорово ребята! et on lui à répondu par des ура! L'amiral Roussin a eu beau se boucher les oreilles, il a fallu gober cette musique qui n'aura pas été du goût de l'ambassadeur du roi-citoyen. A propos de cela: vous faut-il des journaux? dîtes moi Дишка, *quels*? je vous les enverrai comme à la défunte comtesse [3]). Le p-ce Dm. et la p-sse Tatiana [4]) travaillent à terminer la guerre de Lopareff avec sa chère moité; il ne s'agit pas de racommodement, mais d'éviter ce procès scandaleux.

Le 13.

Vous voilà sur place en bonne santé; soignez vous, je vous en prie et point de.... Si vous faites comme la duchesse de Berry, je ferai comme

---

[1]) Это свадьба Евдокіи Петровны Сушковой (мать которой была Пашкова) съ графомъ Андреемъ Өедоровичемъ Растопчинымъ.

[2]) Багратіонъ.

[3]) Васильевой.

[4]) Т. е. Московскій генералъ-губернаторъ и его супруга.

le roi Philippe: je vous enfermerai dans une citadelle au pain et à l'eau. Il y a eu à Pétersbourg un duel entre un m-r Шалашниковъ et un officier aux gardes. Ш. est mort sur place, et l'autre aussi des suites de la blessure qu'il reçut au coeur; j'ignore le motif. Nicolas Pachkoff s'est oublié au point de dire à m-lle Catherine: cette petite fille résonne assez bien; j'ai dit à Катя de lui tourner le dos et ne jamais lui parler et si ce m-r ne se contente pas de cela, je lui dirai son fait. M-lle Alexandrine его ужасно ругала, mais que font des paroles à un cochon comme cela? Mercredi on a joué à' la banque chez les Pachkoff, c'est m-r Рахмановъ qui taillait, quand je suis parti avec Катя. Serge perdait 1000 rbles, Firce 600, ainsi de suite. Si la vieille apprend cela, elle retombera malade de nouveau.

Москва, 12 Мая 1833.

Старуха Казицкая умерла, значитъ у Пашкова трауръ; но это, я думаю, не помѣшаетъ полусвѣтлѣйшей Додо сдѣлаться въ назначенный для свадьбы день цѣлой свѣтлѣйшей. Говорятъ, что Казицкая очень одарила Лавалей въ виду того, что они не такъ богаты какъ княгиня Бѣлосельская. Бѣдный Модэнъ умираетъ, онъ весь распухъ. Когда съ нимъ заговорили о пароходѣ, на которомъ онъ долженъ отплыть за границу, онъ отвѣтилъ: развѣ вы меня принимаете за ребенка, мнѣ предстоитъ болѣе далекое путешествіе, сдѣлалъ духовное завѣщаніе и имѣетъ видъ покорный и *спокойный*. Дворъ, со свойственнымъ ему равнодушіемъ, помышляетъ уже объ его преемникѣ. Посмотримъ, кто его замѣститъ; это прекрасное мѣсто: жить въ Аничковомъ дворцѣ на проспектѣ прекрасная перспектива. Одни думаютъ, что будетъ назначенъ Григорій Гагаринъ, котораго Государь позвалъ къ себѣ обѣдать въ Петергофъ; другіе, что мѣсто будетъ совсѣмъ упразднено. Увидимъ. Братъ уже думаетъ переѣхать на дачу. Кн. Зоя Б. поселится у него и будетъ занимать мое помѣщеніе, а если ненарокомъ я поѣхалъ бы въ Петербургъ? На это я написалъ брату, что такъ какъ съ одной стороны для меня было бы некрасиво выселить даму, а для дамы было бы несправедливо выселять брата, то, дабы все примирить, мы займемъ комнату оба вмѣстѣ и будемъ спать въ одной и той же кровати. Алексѣй Орловъ пріѣхалъ въ Константинополь 23-го Апрѣля и былъ принятъ поцарски. Султанъ сдѣлалъ смотръ нашимъ войскамъ. Какой любезный этотъ Махмедъ! Проходя мимо нашихъ солдатъ, онъ крикнулъ очень правильно по-русски: здорово ребята! а ему отвѣтили ура! Адмиралъ Руссенъ хоть и затыкалъ себѣ уши, а пришлось проглотить эту музыку, которая пришлась не по вкусу посланнику короля-гражданина. Кстати: нужны вамъ газеты? Дишка, скажи, *какія*? Я буду вамъ посылать ихъ, какъ посылалъ покойной графинѣ. Князь Дм. и княгиня Татьяна работаютъ надъ окончаніемъ войны Лопарева съ его дражайшей половиной; дѣло идетъ не о примиреніи, а объ избѣжаніи скандальнаго процесса.

13-е число.

Ну, вотъ ты на мѣстѣ, въ добромъ здравіи; берегись же, прошу тебя и чтобъ не было... Если ты поступишь какъ герцогиня de Berry, я поступлю какъ король Фи-

липпъ: запру тебя въ крѣпость на хлѣбъ и на воду. Въ Петербургѣ произошла дуэль между нѣкіимъ Шалашниковымъ и однимъ гвардейскимъ офицеромъ. Ш. умеръ на мѣстѣ, а тотъ отъ послѣдствій раны, полученной имъ въ сердце. Причина мнѣ неизвѣстна. Николай Пашковъ до того забылся, что сказалъ Катенькѣ: эта дѣвочка довольно правильно разсуждаетъ. Я сказалъ Катѣ уйти отъ него и никогда не говорить съ нимъ, а если онъ не удовольствуется этимъ, я выскажу ему всю правду. Alexandrine его ужасно ругала, но что значатъ слова для такой свиньи? Въ Среду у Пашковыхъ играли въ банкъ. Когда я уѣзжалъ съ Катей, Рахмановъ снималъ, Сережа проигралъ 1000 рублей, Фирсъ 600 и такъ далѣе. Если старуха это узнаетъ, она снова заболѣетъ.

Moscou, le 17 Mai 1833.

Les détails de la mort de Modène sont touchants. Il est mort avec fermeté, en chrétien. Il a dit: si j'ai eu le malheur d'avoir des ennemis, soit que je l'ai mérité ou non, je leur pardonne et leur demande pardon aussi. Toute la famille impériale a été lui dire adieu, même l'Héritier, auquel il a donné de bons avis, usant des droits de tout homme sur le point de comparaître devant Dieu. Il a dit à l'Empereur: Après ma mort veuillez, Sire, recevoir une lettre que ma fille est chargée de vous remettre. On suppose que cela regarde André Pachkoff. Quand l'Empereur vint la dernière fois, Modène était mourant, ses yeux se fixaient tour à tour sur l'Empereur et Pachkoff avec un mouvement de tête, mais il ne pouvait plus parler. Cet Ange de Nicolas comprit ce que cela voulait dire; il daignâ prendre la main de Pachkoff et la secoua plusieurs fois devant le mourant. Sa mort a donc était douce, car il aura emporté avec lui l'espoir que son beau-fils est pardonné. Modène a fait venir tout le monde, même le chauffeur des poëles qui se jetta au pieds de son lit, lui baisant la main et lui disant adieu. Enfin je ne sais comment Modène a vécu, mais une mort comme celle-là est édifiante.

Ce qui occupe beaucoup Pétersbourg aussi, s'est la выставка, qui est superbe; dans le catalogue le drap de votre maman est en première ligne. То-то зачванится фабрикантша, surtout si cela lui vaudra la médaille. Écoutez un trait charmant. Je ne sais quelle nouvelle étoffe d'un marchand Кондрашовъ se trouvait aussi à l'exposition. Elle plut à l'Impératrice qui l'acheta. Vous savez que d'après la règle l'objet doit rester jusqu'a la fin de l'exposition et ne se rend à l'acheteur qu'après, mais l'exception fut faite en faveur de la Souveraine. En attendant, l'Empereur, enchanté des progrès de l'industrie, invita tous les marchands à venir dîner chez lui au palais, le 13. Figurez-vous la joie, le bonheur de Кондрашовъ en voyant l'Impératrice ayant une robe faite de son étoffe! Pour un homme qui a du sentiment une attention aussi délicate...

et de qui, mon Dieu,... de sa Souveraine! Le coeur du marchand ne se sentait pas de joie. Comment ne pas adorer des Souverains comme cela? L'Empereur devait partir la nuit du 15 au 16. Il paraît que la cour viendra ici en Septembre, car le 30 Août il y a donc l'inauguration de la colonne d'Alexandre; mais une grande nouvelle c'est que le prince Albert viendra passer quelque temps avec l'Impératrice. Я чаю, и сюда привезутъ.

Москва, 17 Мая 1833.

Подробности кончины Модэна трогательны. Онъ умеръ стойко, настоящимъ христіаниномъ, сказавъ: если, къ несчастію, были у меня враги, виноватъ ли я въ этомъ, нѣтъ ли, прощаю ихъ и прошу у нихъ прощенія. Вся царская фамилія ѣздила къ нему прощаться, даже Наслѣдникъ, которому онъ далъ добрые совѣты, воспользовавшись положеніемъ человѣка, готоваго предстать предъ Богомъ. Государю онъ сказалъ: ваше величество, соблаговолите послѣ моей смерти принять письмо, которое моя дочь должна вамъ передать. Предполагаютъ, что оно касается Андрея Пашкова; когда Государь пришелъ въ послѣдній разъ, Модэнъ умиралъ; движеніемъ головы глаза его останавливались то на Государѣ, то на Пашковѣ, а говорить онъ уже не могъ. Но этотъ Ангелъ Николай понялъ, что̀ это значило; онъ изволилъ взять руку Пашкова и нѣсколько разъ потрясъ ее передъ умирающимъ. И такъ смерть его была спокойная, ибо онъ уносилъ съ собой надежду, что зять его прощенъ. Модэнъ всѣхъ призвалъ, даже истопника, который бросился къ его постели, цѣлуя ему руки и прощаясь съ нимъ. Однимъ словомъ, не знаю, какъ Модэнъ провелъ жизнь, но подобная кончина назидательна. Что̀ еще занимаетъ Петербургъ, это выставка, которая безподобна; въ каталогѣ сукно вашей мамы занимаетъ первое мѣсто. То-то зачванится фабрикантша! Особенно если получитъ за него медаль. Послушайте прелестное происшествіе. Не знаю, какая новая матерія нѣкоего купца Кондрашова находилась также на выставкѣ. Она понравилась Императрицѣ, которая и купила ее. Вы знаете, что, по правиламъ, предметъ долженъ оставаться до конца выставки и отдается покупателю только потомъ, по для Государыни было сдѣлано исключеніе. Между тѣмъ, Государь, будучи въ восторгѣ отъ успѣховъ промышленности, пригласилъ всѣхъ купцовъ къ себѣ на обѣдъ, 13-го числа. Вообразите радость и счастье Кондрашова, когда онъ увидѣлъ Императрицу въ платьѣ, сшитомъ изъ его матеріи! Для человѣка чувствительнаго такое тонкое вниманіе... и отъ кого, Боже мой?.... отъ его Государыни! Купецъ былъ внѣ себя отъ радости. Ну какъ же не боготворить такихъ монарховъ? Государь долженъ былъ уѣхать въ ночь съ 15 на 16. Кажется дворъ пріѣдетъ сюда въ Сентябрѣ, такъ какъ, вѣдь, 30 Августа будетъ освященіе Александровской колонны. А вотъ большая новость, что принцъ Альбертъ пріѣдетъ провести нѣкоторое время съ Имперарицей.

Moscou, le 20 Mai 1833.

L'Empereur est partit la nuit du 15 pour sa tournée, qui sera de 15 jours, de Reval S. M. reviendra à Pétersbourg par eau. L'Impératrice va à Élaguine. On ne parle que de l'exposition et de grand dîner que

l'Empereur a donné au château aux marchands; il y avait des ремесленники et même des paysans. S. M. I. fit asseoir à sa gauche le marchand Рыбниковъ. C'était beau, dit-on, de voir toutes ces barbes, l'Empereur se levant et buvant à la santé des marchands Russes, l'Impératrice parée d'une étoffe de l'invention de Кондрашовъ et qu'elle n'avait acheté que la veille à l'exposition. Il y a 4 nouveaux sénateurs: Damien Kotchoubey, Svinine (du Conseil), le gouverneur Loubianovsky et le 4/me... devinez? le fâmeux Boutourline! Полно ему après coup предсказывать что̀ было, полно ему геройствовать, командовать изъ кабинета; à présent il va faire le scribe. Cela me fait voir que la faveur pour lui n'est pas très grande, car ce m-r visait à bien autre chose. Le comte Alexis Tolstoy s'était proposé pour épouser m-lle Kombourley. M-r Boutourline pour ne pas se donner pour bâttu dit: найдемъ, батюшка, другого и безъ васъ: и толстаго, и графа.

Москва, 20 Мая 1833.

Государь отправился въ ночь на 15-е въ объѣздъ, который продолжится 2 недѣли. Изъ Ревеля его величество вернется въ Петербургъ моремъ. Императрица ѣдетъ на Елагинъ. Только и говорятъ объ выставкѣ и о большомъ обѣдѣ, данномъ Государемъ купцамъ во дворцѣ; были тамъ ремесленники и даже крестьяне. Государь посадилъ по свою лѣвую сторону купца Рыбникова. Говорятъ, красиво было видѣть всѣхъ этихъ бородачей, Государя, встававшаго и пившаго за здоровье Русскихъ купцовъ, Императрицу, одѣтую въ матерію изобрѣтенія Кондрашова, которую она купила лишь наканунѣ, на выставкѣ. Четыре новыхъ сенатора: Демьянъ Кочубей, Свиньинъ (изъ Совѣта) губернаторъ Лубяновскій и 4-й, отгадайте кто? знаменитый Бутурлинъ! теперь онъ будетъ изображать изъ себя писаку. Въ этомъ усматриваю, что благоволеніе къ нему не очень велико, такъ какъ милостивый государь мѣтилъ совсѣмъ на другое. Графъ Алексѣй Толстой намѣревался жениться на дѣвицѣ Комбурлей... Бутурлинъ, чтобы не показаться пораженнымъ, сказалъ...

Moscou, le 6 Juin 1833.

Le prince Léon *) part pour Шеметово, c'est une живая грамота et puis si Dieu le veut, Samedi je me métamorphoserai moi-même en живая грамота; néanmoins je ne résiste pas à la tentation de vous dire deux mots, mes chers et bons enfants. J'aime à croire que vous avez un tems dans le genre du notre: beau, serein, un tems de Naples, vous jouissez de la campagne. Olga devient replète et Катя halée comme une Bohemienne; Дишка exterminant tous les animaux qui courent, et la p-sse-maman toujours bonne, toujours calme. Je lui baise les mains et lui envoie une provision de petites figures pour coler. Что̀ вамъ сказать? J'ai un charmant billet de la charmante Suédoise, qui me remercie de lui avoir annoncé que LL. MM., lors de leur séjour à Hélsinfors, ont daigné nommer sa soeur d-lle d'honneur, et y eu là un très joli bal, et l'Impé-

*) Радзивилъ.

ratrice y a dansé et admiré la quantité de jolies femmes qu'il y a. Le prince Albert est attendu pour le 8. La fete du 1-er Juillet à Péterhoff sera magnifique et coûtera 100 milles roubles. On dit que le prince Albert viendra ici avec LL. MM., de sorte que je ne conseille pas à Catherine de trop hâler et devenir paysanne. О скачкѣ вамъ разскажетъ князь Левъ. C'était beau sous le rapport des hommes, mais pas des chevaux. Московская обѣжала Петровскую на пол-аршина, а Казакъ и Жихаревской остались совсѣмъ назади.

Москва, 6 Іюня 1833.

Князь Левъ ѣдетъ въ Шеметово; это живая грамота, а затѣмъ, если Богу угодно будетъ, въ Суботу я и самъ превращусь въ живую грамоту; тѣмъ не менѣе не противлюсь искушенію сказать вамъ, дорогія мои дѣти, два слова. Хочу вѣрить, что вы наслаждаетесь деревней, что Ольга становится пухленькой, а Катя загорѣла какъ Цыганка, что Дишка истребляетъ всѣхъ попадающихся ему животныхъ, а княгиня-мать всегда добра и спокойна. Цѣлую ея ручки и посылаю ей множество маленькихъ фигуръ для наклеиванія. Что вамъ сказать? Я получилъ прелестную записку отъ прелестной Шведки, которая благодаритъ меня за то, что сообщилъ ей, что во время своего пребыванія въ Гельсингфорсѣ ихъ величества изволили назначить сестру ея фрейлиной и что тамъ былъ прелестный балъ, на которомъ Императрица танцовала и любовалась большимъ количествомъ красивыхъ дамъ, бывшихъ на немъ. Принца Альберта ждутъ къ 8-му числу. Празднество 1-го Іюля въ Петергофѣ будетъ великолѣпно и будетъ стоить 100 тысячъ. Говорятъ, что принцъ Альбертъ прибудетъ сюда съ ихъ величествами, такъ что не совѣтую Катенькѣ слишкомъ загорать и стать деревенщиной. О скачкѣ вамъ разскажетъ князь Левъ. Было красиво въ смыслѣ людей, но не въ смыслѣ лошадей.

Moscou, le 18 Juin. 1833.

Le pauvre Wolkoff est mort hier à deux heures du matin sous mes yeux. Il a fallu envoyer chercher sa femme, qui était à la campagne, lui annoncer qu'il était sans espoir, voir ses terribles adieux. Mikwitz a craint pour elle, car elle l'avait vu la veille assez bien et promenant dans le jardin . . . Elle a pleuré en le voyant, et tout s'est passé mieux qu'on ne pouvait espérer. A midi il me reconnut encore et m'embrassa, d'horribles vomissements produisirent l'inflammation dans le ventre, la gangrêne s'y mit. Vers le soir il perdit connaissance, tous ses membres étaient froids et paralysés, et il vécut dans cet état quelques heures. On l'enterre Dimanche à Simonoff. Vous pouvez vous imaginer ma douleur. Voilà un ami de mon enfance que je perds; mais laissons là cette triste conversation.

Ce n'est qu'aujord'hui que j'ai pu enfin aller faire ma visite au p-ce Kotchoubey et à m-r Dachkoff qui m'ont reçu avec beaucoup

d'amitié; le premier se rasait, et cependant il me reçut et me retint chez lui tout le temps de sa toilette. Il m'a demandé des nouvelles du domino rose *) et la p-sse de vous, Catherine. Dachkoff part demain, et le fameux Chernichoff aussi. La p-sse Woldemar et la p-sse Stroganoff viennent d'arriver. Nous attendions la grande-duchesse pour Lundi à dîner d'après le marcheroute que mon frère m'a envoyé, et aujourd'hui il m'écrit que le voyage est contremandé et remis on ne sait pour quand. On se dit à l'oreille qu'il y a quelque soupçons de grossesse; il faut donc que la chose s'éclaircisse. Espérons un petit grand-duc, puisqu'il y a grand complet de g-des-duchesses, et moi qui avait travaillé sans relâche au paravent, qui est devenu véritablement un bijou, une perfection! Maman a été enchanté. Que vous dire encore? La pauvre Scariatine Ozéroff est très mal. Ofrosimoff est tout superbe, il a gagné son procès contre Kokochkine et veut aller à Троица prier Dieu, je l'engage à vous faire une visite. Rien dans les feuilles publiques sinon le départ de la duchesse de Berry; elle s'est embarquée pour Palerme.

Москва, 18 Іюня 1833.

Бѣдный Волковъ скончался вчера въ два часа утра на моихъ глазахъ. Пришлось послать за его женой, которая была въ деревнѣ, объявить ей, что онъ безнадеженъ, видѣть это ужасное прощаніе. Миквицъ боялся за нее, такъ какъ наканунѣ она его видѣла въ довольно хорошемъ состояніи гуляющимъ въ саду. Она заплакала увидавъ его, и все обошлось лучше, чѣмъ можно было ожидать. Въ 12 часовъ дня онъ еще узналъ меня и поцѣловалъ, ужасная рвота произвела воспаленіе брюшины, сдѣлался Антоновъ огонь. Къ вечеру онъ потерялъ сознаніе, всѣ члены похолодѣли и парализовались, и въ такомъ состояніи онъ прожилъ нѣсколько часовъ. Его хоронятъ въ Воскресенье въ Симоновомъ монастырѣ. Вы можете вообразить себѣ мое горе. Я теряю друга дѣтства; но оставимъ этотъ грустный разговоръ. Только сегодня могъ, наконецъ, сдѣлать визиты князю Кочубею и Дашкову, которые приняли меня очень ласково; первый брился и тѣмъ не менѣе принялъ меня и не отпускалъ отъ себя пока не кончилъ одѣваться. Онъ спрашивалъ меня о розовомъ домино, а княгиня о тебѣ, Катенька. Дашковъ уѣзжаетъ завтра и знаменитый Чернышевъ тоже. Княгиня Woldemar и княгиня Строганова только что пріѣхали. Мы ждали великую княгиню въ Понедѣльникъ къ обѣду, по маршруту, который мнѣ прислалъ братъ, а сегодня онъ пишетъ, что поѣздка отмѣнена и отложена неизвѣстно на когда. Говорятъ другъ другу на ухо, что есть нѣкоторые признаки беременности, такъ нужно, чтобы дѣло выяснилось. Будемъ ожидать маленькаго вел. князя, такъ какъ великихъ княженъ уже большое число есть. А я то безъ отдыха работалъ надъ ширмой, которая вышла игрушечкой, совершенствомъ. Мама пришла въ восхищеніе. Что вамъ еще сказать? Бѣдная Скарятина-Озерова очень плоха. Офросимовъ безподобенъ, онъ выигралъ свой процессъ съ Кокошкинымъ и хочетъ ѣхать къ Троицѣ Богу молиться, я приглашаю его заѣхать къ вамъ. Въ газетахъ нѣтъ ничего кромѣ отъѣзда герцогини де Берри, она отправилась на пароходѣ въ Палермо.

---

*) „Розовымъ домино“ звали княгиню О. А. Долгорукую, къ которой эти письма писаны.

ПИСЬМО ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ П. В. БАКУНИНУ.

Петръ Васильевичъ.

За долгъ свой почитаю теперь по совершеніи благополучія своего изъявить вамъ благодарность свою за попеченіе и труды приложенные вами во время переписки о женидьбѣ моей; оная составляеть все благополучіе мое, и такъ не могу не почесть васъ отъ части содѣйствовавшимъ и спомогшимъ къ совершенію онаго. Желалъ бы конечно показать вамъ, что я чувствую все, что̀ вы для меня сдѣлали инымъ чѣмъ какъ письмомъ, но это единое средство имѣю въ своихъ рукахъ. И такъ прошу васъ, чтобы вы оное почли знакомъ наибольшимъ дружбы моей къ себѣ, которую пріобрѣли совершенно теперь тѣмъ, что̀ вы для меня сдѣлали. Исполняя то чѣмъ почитаю быть должнымъ вамъ. пребываю навѣки вашимъ другомъ—Павелъ.

С.-Петербургъ, Октября 11 дня 1773 года.

Въ конвертѣ безъ адреса, запечатанномъ по сургучу печатью и императорскимъ двуглавымъ орломъ. на груди коего гербы Россійскій и Дармштатскій. цѣпь ордена Св. Андрея и два ордена на лентахъ.

МОГИЛА ПОСЛѢДНЯГО ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРА.

Въ Ригѣ, въ концѣ Мирной улицы, за городомъ, рядомъ съ Лютеранскимъ кладбищемъ расположилось и Православное, Покровское. На кладбищѣ этомъ, на ряду съ Русскими и Славянскими надписями, на могильныхъ памятникахъ встрѣчается немало и Нѣмецкихъ, напримѣръ: „Erbegräbniss der Familie Blumberg“ (Фамильная могила семейства Блумбергъ); „Hier ruht in Gott Dimitri Dimitrievitsch“ (т. е. Здѣсь въ Бозѣ почиваетъ Димитрій Димитріевичъ); или на одной сторонѣ памятника: „Покойся милый прахъ“ и т. д., а на оборотной почти тоже самое на Нѣмецкомъ языкѣ: „O ruh in Gott“ и пр. Одного языка какъ-будто было недостаточно для выраженія скорби.

На этомъ кладбищѣ, рядомъ съ церковью, справа отъ входа въ нее, находится могила одного изъ выдающихся Русскихъ государственныхъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX столѣтія, *Александра Андреевича Беклешова.*

Беклешовъ происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи; род. 1 Марта 1745 г.; участвовалъ въ походѣ графа Орлова противъ Турокъ, въ десантѣ на островахъ Негропонтѣ и Мителенѣ и при взятіи и сожженіи строившихся тамъ кораблей (1771 г.); былъ затѣмъ губернаторомъ въ Ригѣ, генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ, военнымъ губернаторомъ Каменецъ-Подольска, затѣмъ Кіева. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и генералъ-прокуроромъ, а въ началѣ 1800 г. уволенъ отъ службы. Александръ I, по вступленіи на престолъ, вызвалъ Беклешова снова на службу и 16 Марта 1801 г. назначилъ снова генералъ-прокуроромъ. 8 Сентября

1802 г. Беклешовъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, оставилъ мѣсто генералъ-прокурора, „заключивъ рядъ государственныхъ чиновъ, по случаю учрежденія Министерства Юстиціи *). Въ 1804 году онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, а въ 1806 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку. Въ слѣдующемъ году, когда Россіи предстояла борьба съ Франціей, его избрали главнокомандующимъ второю областью земскаго войска, состоявшею изъ Прибалтійскихъ и Псковской губерній, и это его послѣдняя служба: 24 Іюля 1808 г. онъ скончался.

Это былъ даровитый человѣкъ и опытный правитель. По словамъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго, „Александръ I признавалъ Беклешова съ Трощинскимъ, по опытности ихъ въ дѣлахъ, знающими болѣе всѣхъ государственныхъ чиновниковъ". М. М. Сперанскій, служившій экзекуторомъ въ генералъ-прокурорской канцеляріи въ бытность Беклешова генералъ-прокуроромъ и получившій, по его ходатайству, чинъ статскаго совѣтника, впослѣдствіи во время своей ссылки въ Перми, въ бесѣдахъ съ купцомъ Поповымъ, говорилъ о четырехъ генералъ-прокурорахъ, у которыхъ служилъ: „Беклешовъ былъ изъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе; ему ничего не удавалось". Ѳ. В. Растопчинъ упрекалъ Беклешова „въ падкости дѣйствовать на ладъ филантропамъ". И. М. Снѣгиревъ называетъ Беклешова „человѣкомъ умнымъ, справедливымъ, но вспыльчивымъ". Въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ" Плюшара (т. V) о Беклешовѣ, читаемъ: „Сей вѣрный сынъ отечества и усердный слуга монарховъ былъ одаренъ необыкновенною проницательностью ума и рѣдкою способностію ко всѣмъ дѣламъ государственной службы; онъ былъ неутомимъ въ трудахъ, безпристрастенъ и безкорыстенъ, по необыкновенной, высокой правотѣ и добродушію".

На могилѣ Беклешова поставленъ памятникъ изъ сѣраго и бѣлаго мрамора. На западной сторонѣ памятника вырѣзанъ рельефный портретъ Беклешова, а на восточной вырѣзанъ гербъ Беклешовыхъ; на сѣверной же и южной сторонахъ надписи. На сѣверной кратко изложена его служба, а на южной цѣлая, можно сказать, ода, а именно:

„Въ гробѣ Беклешовъ здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но разумомъ своимъ безсмертенъ пребываетъ
Онъ въ мирѣ и въ войнѣ Отечеству служилъ,
Героемъ на моряхъ противъ Сарацинов былъ,
Искусствомъ обладалъ какъ править областями,
Усердствовалъ царямъ и былъ любимъ царями,
Богатства не искалъ, мздоимства не терпѣлъ,
Не властью, а умомъ почтенье пріобрѣлъ.
Науки самъ любилъ и уважалъ ученыхъ,
Заслугъ имѣлъ самъ тьму, но чтилъ и заслуженныхъ.
Кто честность, нравы, умъ въ семъ мужѣ точно зналъ
Тотъ Беклешовымъ быть сердечно бъ пожелалъ".

Въ Ригѣ существуютъ археологическія общества: Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands и Комитетъ епархіальнаго церковно-археологическаго музея. Эти общества, безъ сомнѣнія, обратятъ вниманіе на памятникъ надъ могилою послѣдняго генералъ-прокурора и примутъ мѣры къ защитѣ его отъ руки вандаловъ и всегубительнаго времени.

М. И. Успенскій.

---

*) Энциклопедическій лексиконъ Плюшара, т. V, стр. 202.

ПИСЬМО КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

(1839).

Гдѣ вы, дядюшка? Насилу васъ Богъ принесъ! Когда мы съ вами увидимся, Богъ вѣсть; ибо я совсѣмъ замученъ моимъ головнымъ ревматизмомъ и ѣду на 4 недѣли въ Ораніенбаумъ купаться; для сего мы наняли на горѣ домъ Шуберта. Мы васъ ждали какъ утѣшителя, какъ избавителя. Когда говорю—мы, то понимаю наши толстыя Отечественныя Записки. Читали ли вы ихъ? Чтó будетъ отъ васъ? По головкѣ или головомытіе? По крайней мѣрѣ мы служимъ вѣрою и правдою, книжки выдаемъ толстыя и всегда къ сроку, ни съ кѣмъ не бранимся и никому не отвѣчаемъ. Публика не перестаетъ подписываться, и до сихъ поръ у насъ подписчиковъ около 1500, и не прерывается подписка ни на недѣлю. Но вотъ что плохо: намъ надобно 2000 подписчиковъ, чтобы быть дома; на будущій годъ и даже къ концу года надѣемся имѣть ихъ, но до тѣхъ поръ? Свои деньги, чтó у насъ было, у меня, у Краевскаго и у Врасскаго, мы высыпали, а больше нѣтъ: между тѣмъ наборщики, фабриканты и авторы, и переводчики требуютъ денегъ тотчасъ, и слѣдственно дѣло плохо. Мы это предвидѣли и потому собрали вначалѣ еще нѣсколько денежныхъ участниковъ; они подписали условіе, но когда увидѣли, что дѣло у насъ хорошо пошло, то не разсудили дать денегъ. Мы трое внесли свое, а съ другими не процессъ же заводить? Дядюшка! Помогите и помогите отъ души, потому что дѣло задушевное; отъ 5 до 10 тысячъ насъ подымутъ на ноги, а мы ихъ вамъ возвратимъ, при началѣ подписки, т. е. въ Ноябрѣ; ибо намъ труденъ былъ только этотъ годъ: много было экстраординарныхъ издержекъ. Краевскій, комендантъ этой крѣпости, построенной на защиту отъ Татаръ и Поляковъ, будетъ къ вамъ и объяснитъ положеніе осажденныхъ всѣми возможными канальствами. Выслушайте его, дядюшка, и помогите. Дѣло не на вѣтеръ; мы трое: я, Краевскій и Врасскій за то вамъ отвѣчаемъ своею подписью. Если не будетъ помощи отъ васъ, то принуждены будемъ изданіе прекратить, и торговая братія захлопаетъ въ ладоши, а честнымъ людямъ будетъ жаль, ибо нашъ подрывъ докажетъ, что въ Россіи ни одинъ честный журналъ существовать не можетъ.

А между тѣмъ и то намъ грустно, что никто изъ *старшихъ* не порадовалъ насъ ни строчкою, а вороговъ нашихъ кормитъ не скупо! Что тутъ будешь дѣлать? По сему предмету мы толковали съ Вяземскимъ: онъ вамъ поразскажетъ, какъ порядочныхъ людей употребляютъ вмѣсто крючковъ, на которыхъ вѣшаютъ всякую пакость.

Вотъ вамъ, дядюшка, грустное, скучное, злое и длинное письмо. Чтó дѣлать? Въ дугу согнули! Что бы вамъ изъ Петергофа заглянуть въ Ораніенбаумъ? У насъ будетъ чѣмъ накормить, напоить и куда на ночь уложить. Вашъ грустикъ князь В. Одоевскій.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ БОГОЛѢПОВЪ.

I. Его записка о самомъ себѣ.

Я родился въ 1846 году 27 Ноября въ городѣ Серпуховѣ Московской губерніи. Отецъ мой происходилъ изъ духовнаго званія, служилъ въ Серпуховѣ квартальнымъ надзирателемъ. Мать моя, Нѣмка по происхожденію, по воспитанію Русская. Самъ я православнаго исповѣданія. Свѣдѣнія мои о восходящихъ родственникахъ не идутъ далѣе прадѣдовъ. Ничего выдающагося въ какомъ-либо отношеніи я о нихъ не знаю.

Отецъ мой, уже давно умершій, по его собственнымъ словамъ, былъ воспитанъ на мѣдные гроши. Принимая во вниманіе это обстоятельство, а также и невысокую степень умственнаго и нравственнаго развитія окружавшаго его уѣзднаго общества, я думаю, что онъ обладалъ недюжиннымъ характеромъ. Вспоминая теперь его открытый, симпатичный обликъ, я могу отмѣтить въ немъ: сильно развитое чувство долга, безстрашіе въ опасностяхъ служебной дѣятельности и частной жизни, строгость къ подчиненнымъ, не исключая и своихъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большую доброту, которая выражалась между прочимъ въ томъ, что онъ съ очень ранней юности и до конца своихъ дней былъ помощникомъ многочисленной нуждающейся родни.

Мать моя *) получила нѣсколько бо́льшее образованіе, чѣмъ отецъ. Она была первою моею учительницей по всѣмъ предметамъ начальнаго образованія. Для дальнѣйшаго обученія моего и моихъ братьевъ и сестеръ былъ приглашенъ лучшій въ городѣ учитель, Митрофановъ, самъ учившійся въ Московской гимназіи и, если не ошибаюсь, на филологическомъ факультетѣ Московскаго университета въ Строгановскія времена. Помню, что уроки его были и интересны и серьезны. Онъ систематически возставалъ противъ неосмысленнаго заучиванія уроковъ, которое тогда было въ большомъ ходу. Я считаю себя очень обязаннымъ этому почтенному и доброму, хотя и строгому, учителю. Во время

*) Эмилія Карловна, урожд. Фильгаберъ, скончалась въ Москвѣ, когда сынъ ея уже былъ министромъ. П. Б.

домашняго ученія я былъ очень лѣнивъ. Я оцѣнилъ его пріемы преподаванія позже, въ гимназіи, когда могъ сравнивать свою подготовку съ подготовкою другихъ учениковъ. Одиннадцати лѣтъ я поступилъ въ первую Московскую гимназію во второй классъ пансіонеромъ. Долгое время, года три, я не могъ примириться съ казарменной, холодной обстановкой тогдашней пансіонской жизни. Мои товарищи, какъ цыплята, бичевали другъ друга и особенно болѣе слабыхъ, и мнѣ доставалась таже доля, правда, не худшая чѣмъ другимъ. Хотя мнѣ подчасъ было очень горько, особенно первое время послѣ полной участія семейной жизни, однако благоразумная суровость отцовскаго режима и строгость учителя Митрофанова помогли мнѣ перенести это время безъ отчаянія. Я подтянулся, сосредоточился и послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ былъ посаженъ въ классѣ первымъ ученикомъ.

Когда я пріѣхалъ въ первый разъ домой на Рождественскія вакаціи, отецъ вообще былъ доволенъ моими успѣхами по ученію и поведенію, но только съ нѣкоторымъ упрекомъ спросилъ меня: «а зачѣмъ тутъ стоятъ двѣ четверки? Съ тѣхъ поръ чѣмъ старше я становился, тѣмъ рѣже давалъ ему поводъ дѣлать мнѣ этотъ упрекъ.

Шесть лѣтъ гимназическаго ученія и пансіонской жизни протекли однообразно. На Рождественскія, пасхальныя и лѣтнія вакаціи я ѣздилъ на родину, а остальные праздники проводилъ или въ пансіонѣ, гдѣ всегда очень скучалъ, или у родныхъ, случайно пріѣзжавшихъ въ Москву или жившихъ въ ней постоянно. Послѣдніе были добрые люди, старавшіеся по своему сдѣлать пріятнымъ мой праздничный отдыхъ; но общество, которое я встрѣчалъ у нихъ, представляло для мальчика и юноши примѣры не достойные подражанія. Вѣроятно чистота и строгость жизни моей родительской семьи спасли меня отъ увлеченія этими примѣрами.

По мѣрѣ того какъ я переходилъ въ высшіе классы, я крѣпъ физически и умственно и все чаще изъ положенія обижаемаго переходилъ въ положеніе обороняющагося, а иногда и нападающаго. Товарищи стали говорить про меня: «изъ-подъ тишки рветъ шишки». Противъ этого недостатка впослѣдствіи я долженъ былъ много бороться.

Среди гимназическихъ учителей особенно старшихъ классовъ было много способныхъ и преданныхъ дѣлу. Въ своемъ умственномъ развитіи я много обязанъ имъ. Учитель исторіи Собчаковъ *) развилъ охоту къ серьезному чтенію, а учитель русской словесности М. И. Студени-

---

*) О Владимірѣ Ивановичѣ Собчаковѣ см. „Русскій Архивъ“ 1865, стр. 1037. П. Б.

ковъ своими логическими разборами научилъ какъ надо читать серьезныя сочиненія. В. В. Григорьевъ, Я. И. Вейнбергъ преподаваніемъ естественной исторіи и физики открыли глаза на міръ, который окружалъ меня, но оставался до тѣхъ поръ непонятнымъ и неинтереснымъ. В. Г. Мальмъ, преподававшій Латинскій языкъ, научилъ отчетливости въ работѣ.

Въ концѣ моего ученія въ гимназіи умеръ мой отецъ. Я остался старшимъ изъ братьевъ и долженъ былъ самъ впредъ заботиться о своемъ существованіи, а затѣмъ и о поддержкѣ матери и младшихъ братьевъ и сестеръ. Я началъ давать уроки. Теплое участіе въ моей судьбѣ принялъ директоръ первой гимназіи, Михаилъ Аѳан. Малиновскій, который въ самые трудные для меня годы, доставляя уроки, очень облегчилъ мнѣ борьбу съ нуждой. Даже въ этой краткой біографіи я обязанъ вспомнить о покойномъ съ горячей благодарностью.

По окончаніи курса въ гимназіи въ 1864 г. съ золотой медалью я вступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Я былъ одинокъ въ Москвѣ и потому легко могъ поддаться тѣмъ вреднымъ для ума и сердца искушеніямъ, которымъ и донынѣ подвергаются молодые люди, попадающіе въ большой городъ, гдѣ у нихъ нѣтъ знакомыхъ хорошихъ семейныхъ домовъ. Но судьба была очень благосклонна ко мнѣ. М. А. Малиновскій, въ самомъ началѣ моей студенческой жизни, рекомендовалъ меня въ качествѣ учителя въ домъ князя А. К. Ливенъ, въ то время сенатора въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената. Въ этой семьѣ я встрѣтилъ такіе великіе образцы благородства и нравственной силы, что надолго былъ застрахованъ отъ всякаго дурного вліянія. Не говоря о другихъ дорогихъ для меня связяхъ съ этой семьей, я думаю, что мой нравственный складъ былъ бы иной безъ ея вліянія. Для моего научнаго образованія университетскіе годы принесли меньше пользы, чѣмъ можно было бы ожидать, несмотря на то, что у насъ было немало ученыхъ и даровитыхъ профессоровъ. Нашъ курсъ былъ такъ многолюденъ, что профессора должны были ограничиться чтеніемъ лекцій, бѣглымъ просмотромъ нашихъ сочиненій и поверхностнымъ экзаменомъ изъ прочитаннаго курса. Это преподаваніе могло дать намъ много свѣдѣній, но мало учило насъ—какъ приниматься за научную работу. Робость и неясное пониманіе цѣлей университетскаго ученія мѣшали мнѣ обращаться къ профессорамъ съ прямой просьбой задавать мнѣ какія-нибудь работы, провѣрять ихъ и вообще систематически руководить моими занятіями. Больше всего меня привлекали лекціи Б. Н. Чичерина — частью спокойной объективной

оцѣнкою различныхъ вопросовъ государственнаго права, частью личностью самого профессора, который представлялся мнѣ идеаломъ ученаго, гражданина-джентльмена. По его указанію я изучилъ нѣкоторыя, правда немногія, сочиненія по исторіи политическихъ ученій и по общему государственному праву. Кромѣ того дóма я постоянно что-нибудь читалъ, но безъ всякаго руководства и плана и потому безъ осязательнаго результата. На послѣднемъ курсѣ я писалъ на заданную факультетомъ тему (на медаль) «объ обычномъ правѣ». Сочиненіе мое было забраковано факультетомъ, и совершенно справедливо. Не говоря уже о непосильной для студентовъ темѣ, я работалъ не спросивъ ни у кого совѣта, руководясь только проспектомъ, даннымъ профессоромъ и спискомъ указанныхъ имъ сочиненій. Я обратилъ все свое вниманіе на разрѣшеніе вопроса о происхожденіи права, безъ котораго ученіе объ обычномъ правѣ казалось мнѣ невозможнымъ и, разумѣется, этого не разрѣшилъ.

По окончаніи курса въ университетѣ въ 1868-мъ году, я поступилъ на службу въ уголовный департаментъ Московскаго Сената, гдѣ оставался однако не долго. Канцелярская атмосфера была мнѣ крайне несимпатична, а въ тоже время профессора Капустинъ и Никольскій, узнавъ, что я сталъ заниматься Римскимъ правомъ, предложили мнѣ остаться при университетѣ на каѳедрѣ гражданскаго права. Весною 1869-го года я оставилъ службу въ Сенатѣ и приступилъ къ изученію Римскаго права. Такъ какъ профессоръ Крыловъ въ этомъ году вышелъ въ отставку, то моими занятіями руководилъ профессоръ Никольскій, который потребовалъ, чтобы я изучалъ пандекты непремѣнно въ связи съ чтеніемъ «Corpus juris civilis». Не смотря на то, что работа эта по моей неподготовленности была очень трудна, я очень благодаренъ покойному профессору за его требованіе знакомиться прежде всего съ самымъ предметомъ, а потомъ уже съ объясненіемъ его. Профессоръ Крыловъ далъ совершенно обратный совѣтъ: сначала изучить лучшія современныя сочиненія по Римскому праву, а потомъ уже обратиться къ источникамъ, какъ онъ выразился картинно, «разбросать цвѣтки по распаханному полю».

Въ другихъ отношеніяхъ профессоръ Никольскій, какъ я вижу теперь, былъ плохимъ руководителемъ, потому, что онъ совсѣмъ не настаивалъ на изученіи исторіи Римскаго права и даже не указалъ, какими литературными пособіями и источниками я могъ бы воспользоваться.

Одновременно съ оставленіемъ при университетѣ, я былъ приглашенъ репетиторомъ въ Военное Александровское Училище по курсу

законовѣдѣнія, которое читалъ имъ профессоръ университета Капустинъ. Года два спустя, когда профессоръ Капустинъ былъ назначенъ директоромъ Ярославскаго Юридическаго Лицея, я взялъ на себя чтеніе лекцій законовѣдѣнія, для чего мнѣ пришлось заняться и общими вопросами науки права и уголовнымъ правомъ и военно-уголовными законами.

По окончаніи магистерскаго экзамена я былъ приглашенъ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета осенью 1873-го года къ чтенію со студентами перваго курса Институцій Юстиніана. Этому чтенію я предпослалъ историческій очеркъ источниковъ Римскаго права. Въ томъ же году осенью я долженъ былъ дочитать студентамъ четвертаго курса то, что не успѣлъ докончить профессоръ Крыловъ по системѣ Римскаго права. Въ послѣдующіе годы я получилъ порученіе читать курсъ исторіи Римскаго права, не оставляя курса Институцій. Эти два курса отнимали у меня много времени, такъ что моя магистерская диссертація была готова только къ 1876-му году. Знакомство съ сочиненіемъ Voigt'a Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium etc. навело меня на мысль ознакомиться съ состояніемъ «jus gentium» во времена классическихъ юристовъ. Это изслѣдованіе и было предметомъ моей магистерской диссертаціи *). Основной ея выводъ былъ тотъ, что классическіе юристы стремились подъ названіемъ jus gentium провести въ жизнь нѣкоторыя требованія естественнаго права.

Въ томъ же 1876-мъ году я былъ избранъ доцентомъ Московскаго Университета и командированъ на два года за границу. Года полтора провелъ я въ Германіи (не считая первыхъ трехъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на лѣченіе и путешествіе въ Швейцаріи и Италіи). Въ Гейдельбергѣ я слушалъ Карлову (Исторію Римскаго права) и Куно-Фишера (Исторію новѣйшей философіи) въ Геттингенѣ Іерлига (Пандекты). По своей элементарности курсы эти имѣли для меня интересъ только съ преподавательской точки зрѣнія. Въ промежуткѣ между Гейдельбергомъ и Геттингеномъ я съѣздилъ въ Англію, которая меня манила не по своимъ ученымъ силамъ, а по національному характеру. Непосредственное знакомство съ этимъ характеромъ помогло мнѣ уяснить нѣкоторые факты изъ древне-Римской исторіи. Конецъ моей командировки я провелъ въ Парижѣ, слушая лекціи въ École du droit и въ Collège de France. И здѣсь лекціи имѣли для меня интересъ только педагогическій, такъ что я скоро перестал посѣщать ихъ.

---

*) Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ Римской классической юриспруденціи. Москва, 1876 года.

По возвращеніи изъ за границы въ 1878-мъ году я сталъ читать курсъ исторіи Римскаго права, который сравнительно съ прежнимъ былъ значительно измѣненъ мною подъ вліяніемъ занятій и размышленій во время заграничной командировки. Именно за это время для меня совершенно выяснилась необходимость не ограничиваться изложеніемъ исторіи однихъ юридическихъ правилъ и институтовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывать и ихъ связь съ требованіями Римской жизни.

Въ 1879-мъ году я женился на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Ливенъ.

Въ 1880-мъ году меня пригласили въ качествѣ инспектора въ Ермоло-Маріинское Женское Училище *). Въ 1881-мъ году я защитилъ докторскую диссертацію подъ заглавіемъ «Формулы ограниченія свободы завѣщаній въ Римской классической юриспруденціи». Москва 1881 г. Въ этой книгѣ я сдѣлалъ попытку разработать догму Римскаго права (классическаго) также въ связи съ изученіемъ потребности Римской жизни. Въ томъ же году я былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ.

Въ это время кромѣ чтенія курса исторіи Римскаго права (а временно также и гражданскаго судопроизводства) я сдѣлалъ опытъ практическихъ занятій въ обширной аудиторіи. Задавалась тема, матерьялы для которой (мѣста изъ Римскихъ юридическихъ и неюридическихъ писателей и остатки Римскихъ законовъ) изучались частью въ аудиторіи подъ моимъ руководствомъ, частью дома самостоятельно. Послѣ того слушатели писали рефераты. Одинъ или два изъ этихъ послѣднихъ читались въ присутствіи всего курса, а затѣмъ начинались пренія, въ которыхъ прежде всего допускались авторы прочихъ непрочитанныхъ рефератовъ, а иногда и остальные слушатели. Большое количество слушателей не дозволяло сдѣлать обязательнымъ дѣятельное участіе всѣхъ студентовъ въ этихъ занятіяхъ: не смотря на строго соблюдавшееся требованіе, чтобы рефераты и пренія велись въ чисто-дѣловомъ тонѣ, охотниковъ участвовать активно было много.

Въ 1883-мъ году я былъ избранъ и утвержденъ ректоромъ Московскаго университета. Съ слѣдующаго года началось постепенное введеніе новаго устава. Переходные годы значительно усложнили и безъ того трудныя обязанности Московскаго ректора. Съ 1885-го года я долженъ былъ приступить къ чтенію, кромѣ исторіи, также и догмы Римскаго права (которую до того времени читалъ профессоръ Муром-

*) Эта должность была почетная и безвозмездная. *Примѣчаніе Е. А. Боголѣповой.*

цевъ). Этотъ курсъ я долженъ былъ составлять вновь. Эти работы значительно истощили мои силы. Къ этому присоединилось въ 1887-мъ году семейное горе: въ короткое время я потерялъ всѣхъ дѣтей. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ я долженъ былъ оставить ректорство немного раньше срока.

Оправившись и отдохнувъ немного, я рѣшился приступить къ обработкѣ учебника по исторіи Римскаго права. Многолѣтній преподавательскій опытъ убѣдилъ меня, что, при существованіи дурной и трудно искоренимой привычкѣ литографировать лекціи, наша обычная манера чтенія оказывается почти безполезной тратою времени: профессоръ болѣе или менѣе быстро прочитываетъ тотъ самый учебникъ, который потомъ студенты получаютъ въ литографіи. Огромное большинство ихъ не видитъ никакой нужды въ посѣщеніи лекцій. Я полагалъ, что на лекціяхъ мы должны давать слушателямъ то, чего они не могутъ найти въ книгѣ, т. е. учить ихъ, какъ нужно пріобрѣтать научныя свѣдѣнія, а элементарныя научныя свѣдѣнія должны быть даны въ учебникѣ. Дл достиженія этой цѣли я сталъ съ 1890 года печатать «Пособіе къ лекціямъ по исторіи Римскаго права». Въ настоящее время издана половина учебника; но изданіе это пока предназначается только для моихъ слушателей.

Въ 1891-мъ году я былъ вновь назначенъ ректоромъ *).

II. Записки его супруги, Екатерины Александровны

(урожденной свѣтлѣйшей княжны Ливенъ).

1. Профессорство и ректорство въ Москвѣ.

Николай Павловичъ Боголѣповъ былъ такъ часто предметомъ осужденій Русскаго общества, что я хочу попытаться въ этомъ краткомъ очеркѣ возстановить его память въ надлежащемъ свѣтѣ. Не касаясь его ученыхъ трудовъ, которымъ я не сумѣю дать настоящую оцѣнку, буду говорить только о его профессорствѣ и ректорствѣ.

По возвращеніи своемъ изъ заграничной командировки Боголѣповъ началъ осенью 1878 года чтеніе курса исторіи Римскаго права въ Московскомъ Университетѣ.

---

*) Эта автобіографическая замѣтка появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, когда Н. П. Боголѣповъ занялъ должность попечителя Московскаго Учебнаго Округа. П. Б.

Принимаясь за свои профессорскія обязанности, онъ снова вступалъ въ тотъ періодъ дѣятельности, которая ему была всего болѣе по сердцу, а именно работа для людей и среди людей. Въ своихъ заграничныхъ запискахъ онъ говоритъ, что однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ условій счастія это неутомимая дѣятельность. «Будь неутомимо дѣятеленъ», пишетъ онъ, «и старайся, чтобы и другіе люди прониклись тѣмъ же стремленіемъ къ дѣятельности, направленной къ общему благу. Чѣмъ единодушнѣе люди организуются для работы на общую пользу, тѣмъ счастливѣе жизнь ихъ, тѣмъ меньше страданій». Какъ мы увидимъ далѣе, вся жизнь его была направлена на такую работу. Въ своей профессорской дѣятельности, кромѣ научныхъ цѣлей, Ник. Павл. имѣлъ въ виду ея педагогическое значеніе, при чемъ очень серьезно смотрѣлъ на свои обязанности преподавателя и старался трудный курсъ исторіи Римскаго права сдѣлать какъ можно болѣе доступнымъ для своихъ слушателей. Его лекціи отличались не только всестороннимъ освѣщеніемъ и разработкой изучаемаго предмета, но и большою ясностью и опредѣленностью изложенія. Студенты слушали его въ большомъ количествѣ, не смотря на то, что Ник. Павл. гнушался заискиванія и дешеваго либерализма для привлеченія вниманія слушателей и для пріобрѣтенія популярности между ними.

Съ самаго начала его профессорства его горячо занималъ вопросъ о методѣ преподаванія. Убѣдившись, что одно слушаніе лекцій въ теченіе зимы и затѣмъ спѣшное зазубриваніе пройденнаго предмета передъ самымъ экзаменомъ влекутъ за собою плохо усвоенное знаніе и неумѣніе самостоятельно работать, онъ нашелъ необходимымъ на ряду съ чтеніемъ лекцій ввести практическія занятія со студентами. Первыя попытки такихъ занятій Ник. Павл. сдѣлалъ въ обширной аудиторіи. Приступилъ онъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ. Задавалась тема, матеріалы для которой (мѣста изъ юридическихъ и неюридическихъ писателей и остатки Римскихъ законовъ) изучались частью въ аудиторіи, частью дома самостоятельно. Послѣ того слушатели писали рефераты. Одинъ или два изъ этихъ послѣднихъ читались въ присутствіи всего курса; затѣмъ начинались пренія, въ которыхъ прежде всего допускались авторы прочихъ нечитанныхъ рефератовъ, а иногда и остальные участники практическихъ занятій. Большое количество слушателей на курсѣ Римскаго права не дозволяло сдѣлать обязательнымъ дѣятельное участіе всѣхъ студентовъ въ практическихъ занятіяхъ. Не смотря однако на строго соблюдавшееся требованіе, чтобы рефераты и пренія велись въ чисто-дѣловомъ тонѣ, охотниковъ участвовать активно на рефератахъ было много. Придавая большое значеніе практическимъ за-

пятіямъ, Боголѣповъ охотно удѣлялъ имъ свободные часы, не смотря на то, что работы въ то время у него было много. Кромѣ Исторіи Римскаго права, онъ долженъ былъ еще читать за одного отсутствующаго товарища гражданское судопроизводство. Одновременно онъ писалъ свою докторскую диссертацію и исполнялъ должность инспектора въ Ермоло-Маріинскомъ женскомъ институтѣ. Къ тому же въ этотъ годъ жена его сильно хворала, и онъ много часовъ проводилъ у ея постели. На диссертацію посвящались поздніе часы вечера, при чемъ работа чаще всего продолжалась до трехъ часовъ ночи. Въ этомъ своемъ ученомъ трудѣ Боголѣповъ сдѣлалъ попытку разработать догму классическаго Римскаго права въ связи съ изученіемъ потребностей Римской жизни.

Въ 1881 г. Боголѣповъ защитилъ свою диссертацію подъ заглавіемъ «Формулы ограниченія свободы завѣщанія въ Римской классической юриспруденціи». Москва 1881 годъ. Оппоненты, послѣ обычныхъ возраженій, очень лестно отзывались объ этомъ ученомъ трудѣ, признавая въ немъ цѣнныя для науки, новыя точки зрѣнія, основанныя на точныхъ и вѣрныхъ изслѣдованіяхъ. Въ томъ же году Боголѣповъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Съ этихъ поръ онъ принималъ еще болѣе дѣятельное участіе въ университетской жизни: послѣдняя все болѣе и болѣе захватывала его вниманіе и интересъ. Въ качествѣ ординарнаго профессора онъ сдѣлался членомъ Совѣта университета и, какъ таковой, имѣлъ право голоса въ дѣлахъ управленія. Тогда дѣйствовалъ еще уставъ 1863 года, слѣдовательно Совѣтъ имѣлъ большую силу.

Члены Совѣта, при поступленіи въ него Боголѣпова, раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи, старыхъ и молодыхъ. Въ главѣ первой стоялъ ректоръ университета Н. С. Тихонравовъ *). Пріобрѣ-

---

*) По Запискамъ архіепископа Саввы видно, что Тихонравова отдали въ трактиръ на побѣгушки и оттуда извлекъ его графъ Остерманъ (вѣроятно гр. Остерманъ-Голицынъ, возвращенный декабристъ). Отецъ его, Мещовскій Калужской губерніи простолюдинъ, исполнялъ должность экзекутора въ Московской Глазной больницѣ и ссужалъ деньгами лицъ проигравшихся по близости въ Англійскомъ клубѣ. По его кончинѣ, сынъ, уличенный графомъ А. Ѳ. Ростопчинымъ въ похищеніи у М. П. Погодина писемъ графа Ѳ. В. Ростопчина къ князю Циціанову, предъявилъ унаслѣдованный вексель, чѣмъ и началось разореніе Растопчинскаго богатства. Профессоръ С. П. Шевыревъ обратился однажды къ одному изъ младшихъ товарищей Тихонравова съ просьбою усовѣстить его къ возвращенію ему книгъ, и написалъ о томъ же къ его отцу въ Глазную больницу, но получилъ отъ него въ отвѣтъ: „моему Николашѣ было 12 лѣтъ, когда я уже его проклялъ". Графъ А. С. Уваровъ посылалъ своихъ кучеровъ выручать отъ него книги свои. Будучи ректоромъ, онъ льстилъ Московскому генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову и на актѣ, съ каѳедры, въ присутствіи всего университета и попечителя князя Н. П. Мещерскаго, называлъ его настоящимъ попечителемъ студентовъ. П. Б.

тенные раньше симъ послѣднимъ среди товарищей авторитетъ и значеніе въ описываемые годы стали ослабѣвать, благодаря его двоедушію: по мѣрѣ упроченія его вліянія усиливался этотъ его недостатокъ. Такъ, напримѣръ, во время студенческихъ волненій Тихонравовъ заигрывалъ съ ними и любезно разрѣшалъ имъ запрещенныя закономъ сходки; но однажды, испугавшись ихъ возрастающихъ претензій, устроилъ имъ ловушку: когда студенты собрались въ большомъ количествѣ на сходку во дворѣ университета, Николай Савичъ велѣлъ запереть всѣ выходы двора и затѣмъ предалъ ихъ спрятавшейся въ университетѣ полиціи. Такое двоедушіе вызвало недовѣріе къ нему многихъ профессоровъ. Однако его пріятели, старые профессора, остались ему вѣрными. Особенное негодованіе въ молодыхъ членахъ Совѣта вызывалъ отказъ Тихонравова отдавать отчетъ въ университетскомъ бюджетѣ. По закону онъ обязанъ былъ это дѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открывалъ своимъ пріятелямъ широкій кредитъ изъ университетскихъ суммъ на покупку нужныхъ для ихъ курсовъ книгъ и пособій, а молодымъ своимъ коллегамъ удѣлялъ очень скромныя средства на тѣже расходы; вслѣдствіе этого послѣдніе не могли выписывать многія необходимыя для ихъ курса пособія и сочиненія. Выведенные изъ терпѣнія, молодые преподаватели рѣшились наконецъ выразить протестъ ректору и добиться отъ него отчета и выдачи имъ болѣе крупныхъ суммъ. Послѣ этого рѣшенія на первомъ же засѣданіи Совѣта Николай Павловичъ безстрашно выступилъ съ требованіемъ, чтобы всѣ расходы и доходы университета были извѣстны всѣмъ его членамъ. Такое смѣлое требованіе вызвало взрывъ негодованія со стороны Тихонравова и его приверженцевъ. До тѣхъ поръ ректоръ и его партія были всемогущими вершителями университетскихъ дѣлъ, благодаря пассивному и равнодушному отношенію къ нимъ большинства профессоровъ. Боголѣповъ рѣшился на смѣлую атаку, разсчитывая на обѣщанную поддержку товарищей, но въ рѣшительную минуту и въ самый разгаръ сраженія они упорно молчали и не сдѣлали даже попытокъ воспрепятствовать полному пораженію Николая Павловича. За то, послѣ засѣданія они каждый порознь подходили къ нему и поздравляли съ отважно произведенною атакою; нѣкоторые даже обнимали и цѣловали его.

Это поведеніе товарищей и другіе подобные случаи въ дѣлѣ университетскаго управленія сильно огорчали Боголѣпова; мало по малу они привели его къ убѣжденію, что Русскіе въ дѣлахъ самоуправленія не умѣютъ дѣйствовать единодушно и что у нихъ не достаетъ энергіи и настойчивости, чтобы твердо стоять за правое дѣло, при чемъ въ большинствѣ случаевъ верхъ берутъ нахалы.

Совершенно неожиданно для мужа его открытый образъ дѣйствія, его неуклонная энергія и настойчивость въ описанномъ случаѣ привлекли къ нему много явныхъ и тайныхъ доброжелателей; къ послѣднимъ принадлежали тѣ, которые изъ страха къ ректору не смѣли высказывать Николаю Павловичу свое расположеніе. Какъ бы то ни было, въ 1883 году, когда кончилось второе четырехлѣтіе правленія Тихонравова и наступило время выборовъ ректора, мужъ былъ избранъ на эту должность. Предварительно молодые товарищи предупреждали его, что они выдвинутъ его кандитатуру и что многіе профессора собираются положить ему бѣлые шары. Николаю Павловичу не улыбалась такая перспектива. Неувѣренный въ себѣ, сначала онъ энергично протестовалъ противъ намѣренія товарищей избрать его въ ректоры, но затѣмъ, послѣ настойчивыхъ ихъ увѣщаній, согласился, надѣясь по мѣрѣ силъ самоотверженною дѣятельностью способствовать правильному развитію академической жизни въ университетѣ. Надлежащая постановка преподаванія была всегда предметомъ неустанной его заботливости. Онъ былъ убѣжденъ, что интересъ и любовь къ наукѣ можно развить въ студентахъ не только обогащая ихъ извѣстнымъ количествомъ знаній, но и научая ихъ работать самостоятельно и умѣло владѣть научнымъ матерьяломъ. Такимъ путемъ и частыми общеніями профессоровъ со студентами по его мнѣнію, легче было бы отвлекать университетскую молодежь отъ безплодныхъ и вредныхъ имъ увлеченій политикою и подготовлять новое поколѣніе молодыхъ людей, настойчиво работающихъ на пользу родины. Какъ мы видѣли, для этой цѣли онъ ввелъ на своемъ курсѣ практическія занятія со студентами; затѣмъ въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ ними Николай Павловичъ при каждомъ удобномъ случаѣ наставлялъ ихъ, какъ надо работать; наконецъ, ректоромъ въ 1886 г., онъ сказалъ вновь вступавшимъ студентамъ рѣчь, въ которой еще болѣе обстоятельно подавалъ имъ тотъ же совѣтъ. Эта рѣчь доказываетъ, какъ горячо Боголѣповъ принималъ къ сердцу интересы университетской молодежи. Онъ началъ ее такъ: «Когда я вспоминаю свои студенческіе годы, проведенные въ этомъ университетѣ, я очень сожалѣю, что въ то время не было у меня человѣка, который бы съ отеческимъ благоволеніемъ и твердостію сказалъ мнѣ: «вотъ путь, по которому ты долженъ идти и вотъ чего ты долженъ избѣгать!» Вслѣдствіе этого много силъ было потрачено напрасно, много сдѣлано было ошибокъ, которыя пришлось поправлять позже. Всѣ вы находитесь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились нѣкогда мои товарищи и я. Какъ ректоръ, я считаю своимъ долгомъ не оставить васъ безъ указаній тѣхъ задачъ, которыя предстоитъ вамъ исполнить въ теченіе университетской жизни». Въ концѣ рѣчи, описавъ безполезность и вредъ безсмысленнаго зубренія

прочитаннаго курса передъ экзаменами и пассивнаго, почти равнодушнаго, слушанія лекцій въ теченіе зимы, Боголѣповъ говорилъ: «Ни заботы о личномъ счастіи, ни долгъ передъ своимъ народомъ не дозволяетъ продолжать такую дѣятельность. Вы не должны забывать, что университетскій дипломъ вводитъ васъ формально въ ряды образованныхъ людей, которые въ силу своего образованія по необходимости дѣлаются руководителями остальныхъ классовъ народа».

Какъ часто теперь, въ наши тревожные дни, вспоминаешь про трезвые взгляды мужа на ходъ университетскихъ занятій и на поведеніе университетской молодежи! Во все время своей профессорской и ректорской дѣятельности онъ увѣщевалъ товарищей-профессоровъ и университетское начальство дружными усиліями положить конецъ преждевременнымъ политическимъ увлеченіямъ студентовъ. Потакать ихъ стремленію принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ онъ считалъ преступнымъ. Не разъ мужъ мой смѣло высказывалъ профессорамъ свое рѣшительное мнѣніе, что содержаніемъ лекцій должны быть одни научные предметы, а что въ нихъ не слѣдуетъ касаться современныхъ политическихъ вопросовъ. Тогда никто его не слушалъ: одни считали его опасенія неосновательными и видѣли въ студенческихъ волненіяхъ однѣ ребяческія выходки; другіе считали его требованія отсталыми. А теперь, когда плотина прорвалась, когда наука упразднена изъ университетовъ, и послѣдніе стали мѣстами сборища многотысячной дикой уличной толпы, когда два или три поколѣнія учащейся молодежи испорчены, со всѣхъ сторонъ раздаются голоса (часто профессорскіе), что университетъ и среднеучебныя заведенія не могутъ быть очагами революціоннаго движенія. Бывшій Московскій профессоръ М. Ковалевскій высказываетъ теперь одинаковое съ мужемъ мнѣніе на счетъ содержанія лекцій; а было время, когда онъ и другіе профессора намеками и замѣчаніями пробуждали въ студентахъ слишкомъ горячій интересъ къ политическимъ вопросамъ.

Годъ спустя по назначеніи Боголѣпова ректоромъ, эта и безъ того трудная обязанность значительно осложнилась введеніемъ новаго устава.

Уставъ былъ встрѣченъ враждебно почти всѣми профессорами и студентами; слѣдовательно на каждомъ шагу предстояла борьба. Но Николай Павловичъ главнымъ образомъ опасался, что самое дорогое для него, правильное развитіе академической жизни будетъ пріостановлено. Желая воспитать въ студентахъ будущихъ плодотворныхъ ученыхъ государственныхъ дѣятелей и педагоговъ, онъ разсчитывалъ не только на научное, но и на воспитательное значеніе университета и потому на-

ходилъ необходимымъ нравственное воздѣйствіе профессоровъ на студентовъ. Однако съ введеніемъ новаго устава профессора считали себя устраненными отъ участія въ университетской жизни, выходившей за рамки чтенія лекцій и полукурсовыхъ зачетовъ. Дѣйствительно, самыя правила министерства указывали на такую ограниченную роль профессоровъ, отводя имъ лишь учебную часть и передавъ всѣ остальныя функціи академической жизни инспекціи и попечителю округа. Даже ректоръ, хотя и не выбиравшійся, какъ по уставу 1863, при новыхъ порядкахъ считался профессорскимъ органомъ; онъ находился въ положеніи лица, которому правительство мало довѣряетъ и котораго держатъ подъ негласнымъ надзоромъ инспектора; при чемъ послѣдній имѣлъ право прямо докладывать попечителю, минуя ректора.

Можетъ быть, покажется страннымъ, почему при такихъ условіяхъ мой мужъ не сложилъ съ себя должности ректора. Но такой поступокъ не былъ бы согласенъ съ его характеромъ. Затрудненія его никогда не запугивали. Напротивъ того, они только вызывали еще болѣе настойчивыя усилія его могучей энергіи. Ему казалось, что именно при возникновеніи большихъ затрудненій надо придти на помощь погибающему благому дѣлу. И дѣйствительно, благодаря его неутомимымъ усиліямъ, переходъ отъ устава 1863 г. къ новому уставу совершился въ Московскомъ университетѣ такъ спокойно, что, казалось, въ жизни послѣдняго не произошло никакихъ перемѣнъ. При возникавшихъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ Боголѣповъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, чтобы вникать въ каждое дѣло и удовлетворять справедливымъ требованіямъ профессоровъ и студентовъ, при чемъ свою роль посредника между попечителемъ и университетомъ онъ исполнялъ съ большимъ безпристрастіемъ и съ неизмѣннымъ желаніемъ придти на помощь нуждамъ университета. Только незаконныя притязанія заставляли его отвѣчать отказомъ, но спокойная твердость не покидала его. Во все время его перваго ректорства не было ни профессорскихъ исторій, ни студенческихъ безпорядковъ.

Однако трудныя обязанности ректора въ соединеніи съ усиленной преподавательской и ученой работой значительно истощили силы Николая Павловича. Съ 1885 года онъ долженъ былъ кромѣ исторіи Римскаго права приступить къ чтенію догмы Римскаго права (которую до того читалъ профессоръ Муромцевъ). Этотъ курсъ ему пришлось составлять вновь. Весной 1886 года онъ самъ заболѣлъ и, не дождавшись окончанія четырехлѣтія своего ректорства, отказался отъ этой должности.

Описанная дѣятельность Боголѣпова, какъ профессора и ректора, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о его постоянномъ заботливомъ участіи и интересѣ къ студентамъ. Между тѣмъ онъ навлекъ на себя нареканія въ жестокости и безсердечіи, въ немъ отрицали всякую любовь и сострадание къ учащейся молодежи. Такое ошибочное мнѣніе возникло отъ различія во взглядахъ на доброту и любовь. Современное большинство людей видитъ ихъ въ чрезмѣрной мягкости къ молодежи и въ извиненіяхъ всѣхъ ея недостатковъ и неблаговидныхъ поступковъ. Николай Павловичъ иначе смотрѣлъ на любовь къ молодежи, или, лучше сказать, иначе любилъ. Онъ готовъ былъ неотверженно работать на пользу ея, имѣя передъ собой одну цѣль ея—нравственное усовершенствованіе; для этого онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ и даже пренебрегалъ мнѣніемъ людей не понимавшихъ его и обвинявшихъ въ безсердечіи. Признавая весьма труднымъ примѣнять одну мягкость при веденіи ребенка съ колыбели, онъ считалъ такой пріемъ немыслимымъ съ четырехтысячной толпой студентовъ, большинство которыхъ получило дома плохое воспитаніе или его совсѣмъ не получало. Часто обвиняли Николая Павловича за его мнимую строгость на экзаменахъ, но это обвиненіе было клеветой. Всячески стараясь, какъ мы видѣли, облегчить студентамъ усвоеніе труднаго предмета (исторіи Римскаго права), онъ кромѣ того не упускалъ случая увѣщевать ихъ съ каѳедры и въ частныхъ бесѣдахъ заниматься въ теченіе зимы, а не только передъ экзаменомъ. Несомнѣнно его увѣщанія не остались бы безплодными, если бы его товарищи-профессора дѣйствовали заодно съ нимъ. Но вмѣсто того, чтобы заинтересовывать студентовъ исключительно научными предметами и научать ихъ самостоятельно работать на практическихъ занятіяхъ, профессора разжигали преждевременно въ нихъ политическія страсти неумѣстными намеками на недостатки Русскаго государственнаго строя. Большинство изъ нихъ льстило самолюбію студентовъ, касаясь вопросовъ, до которыхъ они еще не доросли; Боголѣповъ же напоминалъ имъ ихъ прямую обязанность учиться и работать, и, понятно, его усилія оставались тщетными. Когда же, несмотря на всѣ эти усилія, студенты обнаруживали на экзаменахъ полное незнаніе предмета и даже круглое невѣжество, онъ ставилъ имъ плохія отмѣтки. Но при этомъ Николай Павловичъ давалъ всегда право экзаменующимся вынимать два-три билета и, только удостовѣрившись, что студентъ не знаетъ болѣе половины курса, ставилъ ему плохой балъ. Дѣлалъ онъ это безъ раздраженія и не съ безсердечнымъ равнодушіемъ, а съ болью въ сердцѣ. Всякій разъ съ экзаменовъ онъ возвращался домой разогорченный и взволнованный. По его собственному признанію экзамены были для него каторгою. Вмѣстѣ съ тѣмъ ставить

удовлетворительную отмѣтку невѣждѣ возмущало его честную, правдивую натуру. Крайняя снисходительность на экзаменахъ, по его мнѣнію, была поощреніемъ невѣжества и дарила обществу безполезныхъ и даже вредныхъ дѣятелей. Справедливыя отмѣтки Боголѣпова опять-таки не возмущали бы такъ, если всѣ профессора дѣйствовали бы съ нимъ заодно; но большинство изъ нихъ изъ популярности и изъ страха къ студентамъ не скупилось на хорошіе баллы. Однако Боголѣповъ былъ всегда готовъ выслушать справедливые доводы студента, доказывающаго, что независящія отъ него обстоятельства были причиной его плохихъ отмѣтокъ. Въ такихъ случаяхъ Боголѣповъ разрѣшалъ переэкзаменовку на послѣдній день и давалъ возможность студенту собраться съ мыслями и повторять плохо пройденое. Такъ однажды, когда онъ экзаменовалъ въ университетѣ, къ нему на домъ пришелъ студентъ съ требованіемъ, чтобы его пустили къ профессору. Прислуга, отворявшая дверь, отвѣчала, что послѣдній не возвращался еще съ экзаменовъ. Тогда молодой человѣкъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ подъѣздомъ квартиры Боголѣпова. Проходивъ такъ до 11 ч. вечера, онъ наконецъ ушелъ, чтобы вернуться на другое утро въ 9 час. Этотъ разъ онъ засталъ Николая Павловича и былъ имъ принятъ. На вопросъ, что ему нужно, студентъ со слезами откровенно разсказалъ, что у него плохія способности, что отецъ его человѣкъ необразованный, грубый и жестокій, не понимаетъ, что надо сообразоваться въ ученіи съ силами учащагося, и требуетъ во что бы то ни стало успѣховъ отъ сына, какъ вознагражденія за потраченныя деньги. Притомъ, по словамъ юноши, отецъ за плохой балъ грозилъ побоями, а за неокончаніе курса изгнаніемъ изъ дома. Боголѣповъ, замѣтивъ волненіе и искренній тонъ молодого человѣка, успокоилъ его, разрѣшилъ ему переэкзаменовку и на экзаменѣ поставилъ ему переходный балъ.

Въ общемъ мужъ не считалъ желательнымъ пропускать въ университетъ людей вполнѣ неспособныхъ.

Онъ всегда порицалъ родителей, тянувшихъ въ высшія учебныя заведенія своихъ дѣтей, едва окончившихъ по неспособности среднюю школу. По его мнѣнію лучше было бы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ ремесленниковъ, нежели безполезныхъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Къ тому же неудачники въ университетѣ всегда образуютъ нежелательный элементъ. Раздраженные своими неудачами и неувѣренные въ успѣшномъ окончаніи курса, они легко примыкаютъ къ бунтующей части молодежи, въ особенности, если они еще принадлежатъ къ неимущему классу. Помимо всего этого Боголѣповъ имѣлъ случай наблюдать

нѣсколько примѣровъ, когда непосильная работа доводила молодыхъ людей до полнаго разстройства нервной системы.

Другимъ доказательствомъ добраго отношенія его къ студентамъ могутъ служить снисходительность и спокойствіе, съ которыми онъ встрѣчалъ ихъ дерзкія выходки, вызываемыя всегда его заботливыми мѣрами на ихъ же пользу. Такъ однажды въ 1890 году студентамъ вздумалось протестовать противъ практическихъ занятій, введенныхъ, какъ извѣстно, Николаемъ Павловичемъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Почему-то имъ представилось, что практическія занятія, на которыхъ ихъ заставляютъ самостоятельно работать, принижаютъ студентовъ до степени гимназистовъ. Весьма возможно, что революціонные элементы Союзнаго Совѣта студенческихъ землячествъ возбуждали молодежь къ такому протесту изъ-за своихъ цѣлей. Въ отчетахъ Союзнаго Совѣта ярко выступаетъ враждебное отношеніе руководителей къ Боголѣпову. Оно и понятно: они всячески старались увлечь молодежь по пути политическихъ протестовъ, а Николай Павловичъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ правильнаго хода студенческихъ занятій. Какъ бы то ни было, недовольные студенты (слушатели Римскаго права) подбросили на каѳедру Николая Павловича записку, въ которой на ряду съ дерзостями грозили ему публичнымъ оскорбленіемъ въ случаѣ, если онъ будетъ продолжать съ ними практическія занятія. На слѣдующей затѣмъ лекціи, Боголѣповъ показалъ собравшимся слушателямъ записку и съ обычнымъ ему спокойствіемъ обратился къ нимъ со словами: «Сейчасъ прочту вамъ записку, найденную мною на послѣднихъ занятіяхъ на каѳедрѣ». Прочитавъ ее, Николай Павловичъ сказалъ: «Въ чемъ дѣло, господа? Вы должны знать, что введенныя мною практическія занятія для меня лично кромѣ лишней траты времени ничего не представляютъ. Я ввелъ ихъ въ виду большой пользы, которую я ожидаю отъ нихъ для васъ. Вы знаете также, что эти занятія не обязательны. Я предлагаю ими помощь и услугу желающимъ усовершенствоваться въ изученіи Римскаго права. Нежелающіе могутъ не ходить; для этого угрозъ не требуется. Впрочемъ я послѣднихъ не испугался и буду попрежнему продолжать практическія занятія съ желающими; но я долженъ замѣтить, что участіе въ практическихъ занятіяхъ будетъ вліять на весенніе экзамены». Николай Павловичъ хотѣлъ этимъ сказать, что прилежное занятіе студентовъ подъ его руководствомъ въ теченіе зимы не только познакомитъ ихъ ближе съ Римскимъ правомъ, но и его съ ихъ знаніемъ, и потому онъ будетъ экзаменовать ихъ легче. Результатомъ этого разговора было посѣщеніе практическихъ занятій одной частью студентовъ, а объ исполненіи угрозъ не было болѣе и рѣчи.

Для болѣе успѣшнаго усвоенія студентами Римскаго права Боголѣповъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ еще новой мѣрѣ. Оправившись отъ большого горя и отдохнувъ немного отъ ректорскихъ трудовъ, онъ приступилъ къ обработкѣ учебника исторіи Римскаго права. Многолѣтній преподавательскій опытъ убѣдилъ его, что при существованіи дурной и трудно искоренимой привычки литографировать лекціи, обычная въ университетѣ система чтенія оказывается почти безполезной тратою времени: профессоръ болѣе или менѣе пространно прочитываетъ тотъ самый учебникъ, который студенты получаютъ потомъ въ литографіи. Огромное большинство ихъ не видитъ никакой нужды въ посѣщеніи лекцій *). Боголѣповъ полагалъ, что на лекціяхъ профессора должны давать то, что студенты не могутъ найти въ книгѣ, то-есть учить ихъ, какъ нужно пріобрѣтать знанія, а элементарныя свѣдѣнія должны быть даны въ учебникѣ. Для достиженія этой цѣли онъ сталъ съ 1890 года печатать «Пособіе къ лекціямъ по исторіи Римскаго права», но изданіе это предназначалось только для его слушателей.

Годы составленія курса протекли тихо и мирно. Николай Павловичъ могъ всецѣло предаваться своимъ научнымъ занятіямъ и профессорской дѣятельности. Часы отдыха онъ удѣлялъ семьѣ, друзьямъ и ученикамъ. Горячо заботясь объ успѣхахъ преподаванія въ университетѣ, онъ съ радостью шелъ навстрѣчу молодымъ людямъ, желавшимъ занять послѣ него каѳедру Римскаго права. Его учениками были К. Н. Доробецъ и В. М. Хвостовъ. Эти молодые люди имѣли всегда доступъ къ нему и проводили съ нимъ долгіе часы въ оживленныхъ бесѣдахъ, предметами которыхъ большею частію были вопросы права и способы университетскаго преподаванія.

Въ описываемое время Николай Павловичъ продолжалъ свои дружескія отношенія съ нѣкоторыми своими прежними товарищами, съ другими же прекратилъ ихъ, потому что разошелся съ ними во взглядахъ; между послѣдними были С. А. М., В. А. Г., А. Н. Ч. и другіе.

Предшествующая административная дѣятельность Боголѣпова, болѣе близкое знакомство его съ условіями Русской общественной жизни и съ національнымъ характеромъ разрушили его юношескія мечты о возможности близкихъ крупныхъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ Россіи. Теперь Боголѣповъ былъ убѣжденъ, что для этого нужна долгая подготовительная работа; надо, чтобы постепенно историческимъ путемъ сама

---

*) Покойный Н. П. Гиляровъ прямо говорилъ въ своихъ „Современныхъ Извѣстіяхъ", что хорошій студентъ тотъ, кто не ходитъ на лекціи. П. Б.

жизнь вылилась въ другія формы. Прежде всего успѣшному ходу Русской жизни могло способствовать, по его мнѣнію, воспитаніе въ молодомъ поколѣніи стойкости, энергіи, чувства долга и широкое распространеніе просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества въ особенности въ низшихъ. Считая самодержавіе лучшей формой правленія для современной Россіи, онъ былъ убѣжденъ, что только постепенно можно воспитать въ обществѣ способность къ самоуправленію. Съ этою цѣлью надо предоставлять больше самостоятельности мѣстному устройству. Только когда народъ научится вѣдать и править своими мѣстными дѣлами, онъ станетъ способнымъ принимать участіе въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Этимъ взглядамъ Николая Павловича не сочувствовали его упомянутые товарищи.

Всего ближе сошелся Николай Павловичъ съ Н. А. Звѣревымъ, В. А. Легонинымъ, Н. П. Некрасовымъ, Алексѣевымъ и И. И. Янжуломъ. Первые четыре всегда были готовы придти на помощь его усиліямъ водворить спокойствіе въ университетѣ и тѣмъ способствовать успѣшному ходу студенческихъ занятій. Интересы университета были ему такъ дороги, что онъ не разъ бросалъ свою мирную научную работу, чтобы попытаться предотвратить надвигавшуюся на университетъ бѣду.

Вскорѣ по уходѣ Боголѣпова изъ ректорства разыгралась знаменитая Брызгаловская исторія *), и онъ не менѣе, если не болѣе ректора Иванова хлопоталъ о прекращеніи безпорядковъ. Къ нему, по старой памяти, какъ въ бытность его ректоромъ, заходили студенты за разъясненіями различныхъ недоразумѣній и за совѣтами. Боголѣповъ убѣдительно совѣтовалъ имъ съ каѳедры и у себя дома не вѣрить преувеличеннымъ разсказамъ товарищей, напротивъ того, сдерживать послѣднихъ и самимъ не поддаваться охватившей всѣхъ ненависти къ Брызгалову,

*) Брызгаловъ занималъ должность инспектора. Какъ извѣстно, эта должность пріобрѣла при новомъ уставѣ 1884 г. большое значеніе, которое было враждебно встрѣчено большинствомъ профессоровъ и всѣми студентами. Брызгаловъ своими душевными свойствами могъ только усугубить эти враждебныя чувства. Онъ былъ ограниченъ, грубъ и безтактенъ. Впрочемъ, уже въ то время, всякій требующій отъ студентовъ исполненія ихъ обязанностей вызывалъ ихъ ненависть, его грубое обращеніе раздражало и безъ того обидчивыхъ студентовъ, избалованныхъ угодливостію профессоровъ. Встрѣчая сочувствіе послѣднихъ въ своей ненависти къ инспектору, большинство университетской молодежи рѣшило отомстить Брызгалову неслыханною дотолѣ въ Московскомъ университетѣ дерзостью, а именно нанести ему публичное оскорбленіе въ видѣ пощечины. Задуманное было приведено въ исполненіе предназначеннымъ къ этому по жребію студентомъ. Обидчикъ былъ наказанъ ссылкою въ дисциплинарный батальонъ; его товарищи продолжали еще нѣкоторое время волноваться, требуя возвращенія наказаннаго обидчика и удаленія инспектора. Брызгаловъ былъ удаленъ, но виновный не былъ помилованъ.

Однажды даже онъ попытался говорить съ разбушевавшейся толпою студентовъ въ университетѣ. Начавъ съ увѣщаній, онъ напомнилъ имъ о грозившемъ имъ наказаніи, въ случаѣ они не успокоятся; но крики и шумъ расходившейся молодежи не дали ему договорить. Онъ долженъ былъ уйти. Старанія Боголѣпова ни къ чему не привели, потому что студенческія волненія происходятъ всегда отъ сложныхъ причинъ, которыя могутъ быть удалены только единодушными усиліями профессоровъ и высшаго начальства; но этихъ единодушныхъ усилій никогда не бывало.

Послѣ Брызгаловской исторіи значительно участились студенческіе безпорядки, которые стали повторяться чуть ли не каждый годъ. Они вызывали полную растерянность въ образѣ дѣйствій инспекціи, попечителя и министерства, при торжествѣ и злорадствѣ большинства профессоровъ: послѣдніе видѣли во всемъ случившемся доказательство, что безъ нихъ академическая жизнь невозможна. Министерство вмѣстѣ съ попечителемъ дѣйствовали близоруко. Рѣшивъ прислушиваться къ голосу профессоровъ, они стали слушать не голоса болѣе благоразумныхъ, а соображенія и мнѣнія болѣе настойчивыхъ. Наступилъ періодъ безпокойныхъ уступокъ профессорамъ и студентамъ. Ректоръ Ивановъ, человѣкъ безхарактерный, настоящій типъ кабинетнаго ученаго, съ трудомъ разбирался въ путаницѣ новыхъ отношеній и исполнялъ всѣ придирчивыя, неумѣстныя требованія какъ профессоровъ, такъ и студентовъ; также и инспекторъ Добровъ, гонявшійся за популярностію, всячески угождалъ несправедливымъ притязаніямъ недовольныхъ студентовъ. Пользуясь своимъ правомъ частаго доклада попечителю помимо ректора, онъ придавалъ дѣлу желаемую окраску и успѣшно добивался своихъ цѣлей. Скромные, но добросовѣстные университетскіе дѣятели, жаждавшіе успокоенія университета, оставались въ сторонѣ.

На другой годъ послѣ Брызгаловской исторіи возобновились студенческія волненія. На этотъ разъ студенты требовали уничтоженія полугодовыхъ испытаній и зачетовъ, какъ и другихъ перемѣнъ въ Уставѣ 1884 года и открытія студенческихъ кухмистерскихъ и читаленъ.

На одномъ изъ засѣданій юридическаго факультета профессора согласились обратиться къ своимъ слушателямъ съ увѣщаніемъ, отказаться отъ своихъ требованій и вернуться къ мирнымъ занятіямъ. По поводу этихъ безпорядковъ Николай Павловичъ пишетъ въ своей записной книжкѣ: «Есть ли надежда, что мы скоро освободимся отъ этого безпокойнаго состоянія, которое не даетъ возможности вести правильное преподаваніе и даже лишаетъ спокойствія, необходимаго для соб-

ственныхъ занятій?» Отвѣтъ его отрицательный: онъ не вѣрилъ въ возможность скораго наступленія спокойнаго теченія университетской жизни. Разбирая главныя причины студенческихъ безпорядковъ, онъ видитъ ихъ три: первое, расшатанность и распущенность Русскаго общества, отразившіяся и на учащейся молодежи, которая отодвинула на задній планъ главную цѣль своего пребыванія въ университетѣ. Вмѣсто того, чтобы больше всего думать объ ученіи, она занимается вопросами о переустройствѣ университета и даже государства. Она потеряла всякую скромность и самоувѣренно толкуетъ о томъ, какіе предметы должны читать профессора и въ какомъ размѣрѣ. Вторая причина университетскихъ смутъ, по его мнѣнію, былъ новый уставъ, который представляетъ чрезвычайно сложную запутанную систему, совершенно неприноровленную ни къ количеству профессоровъ, ни къ нравамъ Русской молодежи, и который рождаетъ массу недоразумѣній. Наконецъ, третью причину студенческихъ волненій онъ видѣлъ въ пропагандѣ революціонной партіи, пользующейся университетскими неурядицами, чтобы возбуждать студентовъ къ безпорядкамъ. Правъ былъ Боголѣповъ, когда сомнѣвался въ возможности увѣщаніями остановить разбушевавшіяся претензіи университетской молодежи. Точно также справедливой оказалась его увѣренность во вліяніи революціонныхъ агитаторовъ на студентовъ.

Притязанія послѣднихъ росли по мѣрѣ успѣшнаго роста студенческихъ кружковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ землячествъ. При своемъ возникновеніи въ концѣ 70 годовъ земляческіе кружки имѣли благую цѣль оказывать матеріальную и нравственную взаимопомощь. Въ случаѣ нужды кружокъ помогалъ земляку-студенту изъ общей кассы деньгами, а также пріисканіемъ уроковъ. Нравственная помощь выражалась въ нравственной поддержкѣ и въ устройствѣ общихъ занятій и чтеній между земляками. Но не долго землячества ограничивались скромною задачею взаимопомощи: уже въ 80-хъ годовъ на нихъ начинають вліять революціонные кружки. Въ статьѣ, предназначенной для Женевскаго журнала «Съ родины на родину» членъ одного изъ Петербургскихъ землячествъ въ началѣ 80-хъ годовъ пишетъ: «Задачи Союза состояли въ слѣдующемъ: содѣйствовать и помогать общественному политическому развитію молодежи, стараясь внести среди нея пропаганду и поднимать такимъ образомъ среднюю массу до высшей степени развитія». Въ 1884 году землячества значительно увеличились въ числѣ и вскорѣ по введеніи новаго университетскаго устава составили организацію «Соединенныхъ землячествъ». Это соединеніе первоначально совершилось также съ цѣлью сліянія всѣхъ земляческихъ кассъ въ одну

и черезъ то оказанія помощи землякамъ въ бо́льшихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію только, Союзъ землячествъ послужилъ еще болѣе благопріятною средою для революціонной пропаганды: здѣсь установился болѣе постоянный и прочный обмѣнъ мнѣній и взглядовъ между студентами. Когда же соединенныя землячества создали Союзный Совѣтъ и при немъ Судебную Комиссію, революціонная партія возликовала, потому что она могла пользоваться этими двумя органами для своихъ цѣлей *).

Первоначальной задачей Союзнаго Совѣта было содѣйствовать болѣе успѣшной хозяйственной дѣятельности землячествъ, т. е. устройство студенческихъ столовыхъ, библіотекъ и кружковъ саморазвитія. Что̀ касается судебной комиссіи, она при своемъ возникновеніи вѣдала только предосудительныя дѣла товарищей-студентовъ. Революціонные руководители предвидѣли, что, благодаря мирнымъ программамъ этихъ двухъ органовъ, всѣ земляческіе кружки отнесутся къ нимъ сочувственно, при чемъ они разсчитывали устранить постепенно всѣхъ благонамѣренныхъ членовъ, враговъ безпорядковъ. И дѣйствительно, Союзный Совѣтъ расширилъ мало-по-малу кругъ своей дѣятельности: онъ собиралъ деньги на политическихъ преступниковъ и издавалъ прокламаціи съ явно революціонными программами.

Выше было сказано, какъ враждебно отнеслась большая часть профессоровъ къ университетскому уставу 1884 года. Мы также знаемъ, съ какимъ злорадствомъ одни изъ нихъ встрѣчали студенческіе безпорядки, возникшіе вскорѣ по введеніи этого устава. Ихъ враждебныя чувства выражались въ дѣйствіяхъ и словахъ; ихъ сочувствіе бунтующимъ студентамъ было очевидно. Такое настроеніе и поведеніе большинства профессоровъ вмѣстѣ съ описанною дѣятельностью соединенныхъ землячествъ довели университетъ до полной дезорганизаціи въ какія-нибудь шесть, семь лѣтъ.

---

*) Вѣрнѣе всего, что они и были созданы подъ ея вліяніемъ. Доказательствомъ такой искусной политики руководителей землячествъ можетъ служить слѣдующая выдержка изъ протокола собранія землячествъ 20 Марта 1885 года: „Депутатами отъ Смоленскаго и Сибирскаго землячествъ было заявлено, что ихъ земляки не ясно представляютъ себѣ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ „нравственными“ потребностями землячествъ. Они опасаются, что Союзный Совѣтъ, забравшій въ свои руки власть, воспользуется этимъ словомъ, чтобы толкнуть дѣятельность Союза на революціонный путь. Принимая все это во вниманіе, депутаты рѣшили замѣнить слово „нравственный“—„духовнымъ“. А между тѣмъ въ приведенной выше статьѣ „Съ родины на родину“ ясно видно, къ чему стремились руководители землячествъ. Въ другомъ мѣстѣ этой же статьи говорится: „землячества какъ бы сортировали матеріалъ не только для себя, но и для дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ, скажу попросту, „политическихъ“ организацій.

Въ 1891 году Ивановъ, по истеченіи своего четырехлѣтняго ректорства, сложилъ съ себя эту должность. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, разочарованный въ политикѣ уступокъ и колебаній, обратился за помощью къ человѣку, направленіе котораго было совершенно противоположно тому, которому слѣдовало университетское начальство за послѣдніе годы. Онъ настойчиво сталъ приглашать Боголѣпова занять мѣсто Иванова, горячо обѣщая ему свою постоянную поддержку. При этомъ попечитель высказывалъ твердую надежду, что дѣятельность Николая Павловича будетъ успѣшна. По его мнѣнію, послѣдній былъ способенъ водворить въ университетѣ спокойствіе, столь необходимое для успѣшныхъ занятій. Боголѣповъ колебался: онъ отлично зналъ состояніе университета и предвидѣлъ предстоявшую ему тяжелую борьбу. Въ это время онъ еще надѣялся, что можно умиротворить университетъ, но былъ увѣренъ, что для этого потребуются продолжительное время и усиленная борьба, и рѣшился на нее въ виду обѣщанной со стороны попечителя безусловной поддержки. Кромѣ того Боголѣповъ разсчитывалъ и на содѣйствіе благонамѣренныхъ профессоровъ. Хотя онъ не сочувствовалъ всѣмъ нововведеніямъ устава 1884 г., но думалъ, что при дружныхъ усиліяхъ преподавателей и университетскаго начальства можно сгладить недостатки устава; во всякомъ случаѣ послѣдніе, по его мнѣнію, не могли мѣшать студентамъ интересоваться наукой и съ успѣхомъ пріобрѣтать знанія. При подобныхъ взглядахъ и упомянутой надеждѣ на поддержку высшаго начальства чувство долга взяло верхъ. Однако его надежды не оправдались. Попустительство со стороны университетскаго начальства въ ректорство Иванова и вызванная имъ распущенность профессоровъ и студентовъ такъ развратили и тѣхъ и другихъ, что водвореніе порядка въ университетѣ стало немыслимымъ, тѣмъ болѣе, что попечитель дѣйствовалъ недостаточно твердо и опредѣленно. На первыхъ шагахъ своей ректорской дѣятельности Николай Павловичъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Союзнымъ Совѣтомъ. Ему хорошо были извѣстны цѣли послѣдняго: многіе документы Союзнаго Совѣта и Революціоннаго Комитета находились у него въ рукахъ. Къ этому времени Союзный Совѣтъ пріобрѣлъ уже больше силы и вліянія: онъ разрѣшалъ студенческіе бунты и безпорядки и обращался, не скрываясь, съ разнаго рода вопросами и требованіями къ профессорамъ. Въ такихъ случаяхъ къ профессорамъ являлась отъ него депутація. Однажды подобная депутація, состоявшая изъ нѣсколькихъ студентовъ, явилась и къ Николаю Павловичу. Когда депутаты объявили ему, что явились отъ Союзнаго Совѣта, мужъ отказался съ ними разговаривать, рѣшительно заявивъ, что существованіе Союзнаго Совѣта противозаконно, что его дѣятельность нарушаетъ порядокъ универси-

тетской жизни и отвлекаетъ студентовъ отъ научныхъ занятій. Депутація удалилась молча. Конечно такое заявленіе Боголѣпова, повторявшееся и въ другихъ случаяхъ, вызывало въ студентахъ все возрастающее негодованіе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые профессора терпѣливо выслушивали требованія подсылаемыхъ къ нимъ депутатовъ. Студенты возмнили себя политическими дѣятелями, способными и предназначенными добиваться крупныхъ реформъ въ Россіи, а между тѣмъ большинство этихъ мнимыхъ дѣятелей не только обнаруживали полное невѣжество на университетскихъ экзаменахъ, но даже писали безграмотно. Многія курсовыя сочиненія, подаваемыя Николаю Павловичу, грѣшили грубыми граматическими ошибками, и что еще хуже, безсмысленнымъ содержаніемъ. Послѣдній попрежнему обращался къ студентамъ не только съ протестами, но и съ увѣщаніями, но они его не слушали. Подстрекаемые революціонными вожаками и находя поддержку въ протестующихъ профессорахъ, студенты не только не слушали ректора, но подсылали ему анонимныя письма съ угрозами и дерзостями. Такъ передъ студенческимъ концертомъ Боголѣповъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ ему угрожали нанесеніемъ пощечины въ концертѣ. Не смотря на угрозу, Николай Павловичъ рѣшилъ ѣхать. Неизвѣстно, какимъ образомъ профессоръ Чупровъ узналъ о готовившемся оскорбленіи ректору. Онъ явился къ послѣднему съ просьбою не ѣхать въ концертъ. Боголѣповъ наотрѣзъ отказался исполнить его просьбу: онъ отвѣтилъ, что считаетъ въ этомъ дѣлѣ задѣтою его честь и не желаетъ показать страха передъ студентами, тѣмъ болѣе, что онъ его не испытываетъ. Когда же Чупровъ сталъ возражать ему, что онъ хлопочетъ о студентахъ, что оскорбленіе ректора повлечетъ за собою строгое наказаніе не одного виновнаго, но и всѣхъ его сообщниковъ, Николай Павловичъ спокойно замѣтилъ, что онъ оскорбленія не вызывалъ, что страхъ передъ студентами можетъ оказать больше вреда всей университетской молодежи, чѣмъ заслуженное наказаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Такой страхъ, говорилъ онъ, утвердилъ бы въ студентахъ увѣренность, что они въ правѣ терроризировать профессоровъ и ректора и тѣмъ заставлять послѣднихъ подчиняться ихъ капризамъ». Чупровъ уѣхалъ недовольнымъ, а Боголѣповъ, конечно, отправился въ концертъ. Подымаясь на лѣстницу Дворянскаго Собранія, гдѣ давался концертъ, онъ былъ встрѣченъ группой студентовъ, которые неожиданно окружили его тѣснымъ кольцомъ такъ, что никто не могъ до него дотронуться и довели его до мѣста. По окончаніи концерта тѣже студенты съ помощью того же маневра довели его невредимымъ до выходныхъ дверей. Но нѣсколько дней спустя на одной изъ лекцій Николая Павловича эти самозванные защитники дерзко заявили ему, что они защи-

щали не Боголѣпова, которому они не сочувствуютъ, а ректора. «Кара виновныхъ, прибавили они, повлекла бы за собою безпорядки». Позднѣе Николай Павловичъ слышалъ, что въ этомъ дѣлѣ студенты повиновались велѣнію Союзнаго Совѣта. Весьма возможно, что послѣдній находилъ нужнымъ попугать ректора, но считалъ безпорядки нецѣлесообразными и преждевременными. Въ описываемое время студенты были уже сильно наэлектризованы. Даже благожелательное увѣщаніе, съ которымъ Боголѣповъ обратился на одной изъ своихъ лекцій къ первокурсникамъ юристамъ, вызвало взрывъ негодованія студентовъ медицинскаго и естественнаго факультетовъ. Между тѣмъ тема этого увѣщанія была самая безобидная. Боголѣповъ въ сотый разъ съ искреннимъ участіемъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ не увлекаться разрѣшеніемъ вопросовъ, находящихся внѣ ихъ компетенціи и отвлекающихъ ихъ отъ научныхъ занятій. Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ сочувствовавшихъ Николаю Павловичу студентовъ написалъ ему письмо, въ которомъ предупреждалъ, что ему опять готовится оскорбленіе. Извѣстіе о вашей рѣчи, писалъ онъ, встрѣчено была на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ дерзкими выходками и возгласами: «мы бы ему по своему отвѣтили!» Къ счастію, и на этотъ разъ угроза не была приведена въ исполненіе.

Особенное негодованіе университетской молодежи возбуждали мѣры Боголѣпова, принимаемыя имъ противъ студенческихъ безпорядковъ. Несмотря на то, что сходки въ то время правительствомъ не дозволялись, случалось и тогда студентамъ собираться въ большомъ количествѣ въ университетѣ. На сходкахъ рѣшались слѣдующаго рода вопросы: освистать ли профессора, нанести ли ему оскорбленіе, потребовать ли отъ начальства освобожденія политическихъ неблагонадежныхъ товарищей и устроить ли безпорядки въ случаѣ неисполненія студенческихъ требованій. Когда университетское начальство долгое время не препятствовало собиранію сходокъ, революціонные агитаторы пользовались приподнятымъ настроеніемъ студентовъ, чтобы склонить ихъ къ болѣе дерзкимъ требованіямъ уже политическаго характера. Чтобы не допускать начавшемуся волненію разростаться до массоваго возстанія студентовъ, Николай Павловичъ спѣшилъ всегда положить конецъ сходкамъ. Сперва онъ прибѣгалъ къ увѣщаніямъ, съ которыми обращались къ собравшимся на сходкѣ инспекторъ студентовъ и его помощники. Послѣдніе исполняли свои обязанности, но первый никогда. Онъ постоянно заигрывалъ со студентами, расшаркивался передъ ними и даже, говорятъ, выражалъ сочувствіе ихъ желанію рѣшать интересующіе ихъ вопросы, при чемъ осуждалъ строгія распоряженія ректора. Конечно такимъ по-

веденіемъ Добровъ пріобрѣталъ большую популярность между студентами и возбуждалъ ненависть къ Боголѣпову. Послѣдній узналъ о подобныхъ разговорахъ инспектора съ молодежью отъ сочувствовавшихъ ему учениковъ, профессоровъ и студентовъ. Между послѣдними у него были и друзья, хотя конечно немного. Къ нимъ принадлежали болѣе серьезные молодые люди, интересующіеся наукой и способные понять благородныя стремленія Николая Павловича, прозваннаго ими «Римскимъ патриціемъ».

Но вернемся къ сходкамъ. Когда студенты отказывались расходиться, Боголѣповъ принужденъ былъ прибѣгать къ помощи полиціи, при чемъ почти всегда удавалось захватить зачинщиковъ волненій. Удаленіемъ послѣднихъ обыкновенно кончалось возбужденіе студентовъ. Но недовольство Боголѣповымъ среди молодежи росло и выражалось угрозами. Какъ было видно выше, угрозы не пугали Николая Павловича, но усиливающееся вліяніе Союзнаго Совѣта на студентовъ и наглость послѣднихъ при сочувствіи къ нимъ большинства профессоровъ и при бездѣйствіи высшаго начальства ослабили его энергію: онъ не вѣрилъ больше въ возможность успѣшно бороться съ начинающимся разложеніемъ университета. Борьба была не ровна. Профессора, сочувствовавшіе ему, были слишкомъ малочисленны. Инспекторъ Добровъ и большинство профессоровъ угождали студентамъ и намѣренно не вѣрили въ революціонный характеръ дѣятельности Союзнаго Совѣта. Они все еще дулись на правительство за новый уставъ. Отсюда ихъ сочувствіе студентамъ. Образъ дѣйствія Николая Павловича раздражалъ ихъ: онъ вѣдь всѣми силами хотѣлъ добиться мирнаго хода академической жизни, а они стремились доказать, что это дѣло невозможное безъ ихъ содѣйствія. Какъ извѣстно, уставъ 1884 года устранилъ профессоровъ отъ управленія университета. Боголѣповъ также сожалѣлъ объ этомъ и въ качествѣ ректора на себѣ испыталъ невыгодное положеніе, созданное ему новымъ уставомъ; но онъ не хотѣлъ, чтобы это неудовольствіе отражалось на настроеніи студентовъ. Какъ бы то ни было, враждебное отношеніе профессоровъ къ ректору привело къ столкновенію между ними. При мелочности нѣкоторыхъ изъ нихъ достаточно было для этого самаго ничтожнаго повода. Профессоръ математическаго факультета Столѣтовъ, человѣкъ раздражительный и придирчивый, наговорилъ кучу дерзостей Николаю Павловичу изъ за стирки бѣлья въ подвалахъ университета. Кажется, Столѣтовъ добивался, чтобы ректоръ снялъ запрещеніе стирать грязное бѣлье въ зданіи университета. Другой профессоръ Морковниковъ также наговорилъ непріятностей Боголѣпову изъ за какихъ-то распоряженій своихъ, касательно химической лабораторіи. Чаша тер-

пѣнія переполнилась. Убѣдившись въ безцѣльности неровной борьбы, Николай Павловичъ подалъ въ отставку.

Совершенно неожиданно попечитель настоятельно сталъ уговаривать профессоровъ подать ректору адресъ съ просьбою взять отставку назадъ. Дружественно расположенные къ Боголѣпову товарищи стали дѣйствовать въ томъ же духѣ. Всѣ профессора, исключая Морковникова, согласились. Послѣдній даже написалъ на адресѣ «совершенно несогласенъ». Въ назначенный день профессора всѣхъ факультетовъ, исключая медицинскаго, явились къ ректору на квартиру съ адресомъ [1]). На другой день пріѣхали къ Николаю Павловичу и профессора медицинскаго факультета и подали ему также записку съ просьбою остаться [2]). Попечитель и профессора стали и на словахъ просить ректора взять отставку назадъ. При этомъ ему наговорили много лестнаго, въ особенности профессора медицинскаго факультета. Мужъ счелъ неловкимъ настаивать на отставкѣ въ отвѣтъ на всѣ любезныя заявленія попечителя и товарищей. Поблагодаривъ ихъ, онъ выразилъ согласіе остаться, но мысленно рѣшилъ дождаться лѣта и послать прошеніе объ отставкѣ изъ Швейцаріи, куда онъ намѣревался ѣхать на лѣтнія каникулы. Такъ онъ и сдѣлалъ. На этотъ разъ прошеніе его было принято, и осенью 1893 года онъ ушелъ изъ ректорства.

---

[1]) „Высокоуважаемый Николай Павловичъ! Узнавъ о намѣреніи вашемъ сложить съ себя обязанности ректора, нижеподписавшіеся выражаютъ горячее сочувствіе вашей дѣятельности и единодушно просятъ васъ не покидать труднаго и отвѣтственнаго поста въ интересахъ дорогого вамъ университета. Декабря 3-го дня 1892 г.“. Затѣмъ слѣдовали подписи 74-хъ профессоровъ.

[2]) 4-го Декабря члены медицинскаго факультета, узнавъ, что высокоуважаемый Н. П. Боголѣповъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности ректора Московскаго университета, собрались въ полномъ составѣ въ квартирѣ его съ просьбой отказаться отъ принятаго рѣшенія. Просьба эта была мотивирована слѣдующими побужденіями: 1) глубокимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ къ дѣятельности Н. П. какъ ректора, основанной на строгой справедливости и законности, 2) неоцѣненными заслугами его въ проведеніи новаго устава въ жизнь университета и строгою принципіальностью согласно съ лучшими началами и преданіями Московскаго университета, 3) высокимъ значеніемъ его дѣятельности въ трудныя минуты университетской жизни, 4) желаніемъ сохранить здоровье и спокойное теченіе жизни университета. Послѣ долгихъ настойчивыхъ просьбъ и разъясненій, что нижеподписавшіеся вполнѣ готовы оказать всякое содѣйствіе въ дѣятельности Н. П., какъ ректора, Николай Павловичъ наконецъ уступилъ. Затѣмъ слѣдовали подписи 38 профессоровъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ САВВЫ АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКОГО.

Этотъ шестой томъ такъ же, какъ и первые пять, полонъ живѣйшаго интереса, а разсказанныя въ немъ событія такъ близки къ нашему времени, что современникамъ невольно приходится какъ бы вновь переживать свое прошлое. Къ сожалѣнію, Записки Саввы печатаются неполностью, и причина пропусковъ вполнѣ ясна: откровенный авторъ въ своей автобіографіи не скрывалъ правды. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вступая въ оцѣнку того или иного событія или лица, онъ въ большинствѣ случаевъ ограничивался дословнымъ приведеніемъ въ своемъ дневникѣ писемъ разныхъ лицъ къ себѣ и своихъ отвѣтовъ, или же изложеніемъ разговоровъ. И эта безыскусственная, неприкрашенная ничѣмъ передача какъ зеркало отражаетъ лица и часто осуждаетъ ихъ лучше самой ѣдкой критики. Одинъ, не такъ давно умершій профессоръ, читавшій Записки преосвященнаго Саввы въ подлинникѣ, говорилъ мнѣ, что печатать ихъ дословно въ настоящее время немыслимо: есть такія сообщенія о людяхъ, занимающихъ нынѣ высокія мѣста въ Россійской іерархіи, что оглашеніе не только невозможно допустить въ печать, но и сами эти лица, если бы прочитали, чтó о нихъ написано, навѣрно утратили бы свое Олимпійское спокойствіе, и краска стыда залила́ бы не одно безжизненно-аскетическое лицо.

Но tempus fugit... Скоро уже современники Саввы сойдутъ въ могилу, и многіе изъ насъ еще могутъ дождаться опубликованія пропущенныхъ теперь мѣстъ, которыя поднимутъ завѣсу надъ мрачными страницами изъ жизни недалекаго прошлаго. Даже и то, чтó опубликовано, заставляетъ насъ съ интересомъ прочесть Записки правдиваго и просвѣщеннаго владыки.

«8 Іюня въ 8½ ч. вечера 1879 г., заноситъ въ свой дневникъ преосвященный Савва, прибылъ я въ новый престольный градъ мой Тверь». Затѣмъ, послѣ описанія обычныхъ встрѣчъ и знакомствъ съ сослужившцами, онъ пишетъ, что «13 Іюня, между прочими бумагами, получено было мною прошеніе учредительницы Училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства Наталіи Антоновны Булахъ».

«Въ прошеніи своемъ отъ 27-го Мая Булахъ изъяснивъ, что не желаетъ далѣе оставлять за собою управленіе училищемъ, просила меня сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о принятіи отъ нея училища, при чемъ приложила подробныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи училища по отношенію построекъ, капитала, библіотеки, вещей церковныхъ, хозяйственныхъ и находящихся въ употребленіи у дѣвицъ».

«Потребовавъ изъ Консисторіи дѣло объ основаніи сего училища, я узналъ, что оно основано въ г. Ржевѣ въ Октябрѣ 1865 г. на счетъ способовъ, пожертвованныхъ собственно Московскою почетною гражданскою дѣвицею Анною Васильевною Мазуриною для 24-хъ сиротъ-дѣвицъ, преимущественно г. Ржева и его уѣзда, и, только въ случаѣ свободной вакансіи, могутъ быть принимаемы дѣти священно-церковнослужителей уѣздовъ: Зубцовскаго, Старицкаго и Осташковскаго. Булахъ же, какъ бывшая гувернантка Мазуриной, овладѣвъ ею и принадлежащими ей капиталами, присвоила себѣ и званіе учредительницы училища, и въ этомъ званіи оставила за собою, на основаніи пункта 2-го примѣчанія къ уставу училища, должность начальницы. Но чтó побудило Булахъ отказаться отъ этой должности, для меня на этотъ разъ оставалось неизвѣстнымъ».

Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, эта г-жа доставляла преосвященному немало хлопотъ. Булахъ, пользуясь за щедрыя приношенія особымъ покровительствомъ одного изъ предшественниковъ преосвященнаго Саввы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ брала деньги дѣвушки Мазуриной и, только благодаря живому участію къ этой послѣдней Т. И. Филиппова (государственнаго контролера), это возмутительное дѣло всплыло на свѣтъ Божій, при чемъ вышеупомянутая духовная персона объявилась въ весьма неприглядномъ свѣтѣ.

«27-го Іюня, пишетъ далѣе преосв. Савва, былъ у меня священникъ Калязинскаго собора Іоаннъ Бѣлюстинъ, вызванный мною для личнаго объясненія по поводу указа Св. Синода, коимъ было предписано мнѣ удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли статьи «Къ вопросу о раскольникахъ», помѣщенныя въ №№ 43 и 44 газеты «Церковно-Общественный Вѣстникъ» за 1879 годъ, составлены священникомъ Бѣлюстинымъ и, если это подтвердится, то, запретивъ ему священнослуженіе и истребовавъ отъ него объясненіе, обсудить, можетъ ли Бѣлюстинъ послѣ напечатанія сихъ статей быть оставленъ въ священномъ санѣ и о послѣдующемъ представить Св. Синоду».

«Такъ какъ Бѣлюстинъ означенныя статьи призналъ своими, то ему запрещено было священнослуженіе. Между тѣмъ, Консисторія, критически разобравъ эти статьи и принявъ во вниманіе прежніе поступки, Бѣлюстина, пришла къ слѣдующему заключенію: «Такъ какъ всѣ кроткія мѣры внушенія и вразумленія остались для священника Бѣлюстина недѣйствительными, и онъ, какъ бы въ поруганіе этихъ мѣръ, высказывалъ и продолжаетъ выказывать возрастающую дерзость и рѣзкость въ своихъ статьяхъ и какъ бы посмѣивается и надъ пастырями церкви Христовой, и надъ самою церковію, и надъ предержащею властію, покровительствующею Св. Церкви Христовой, то его, Бѣлюстина, невозможно оставить въ священномъ санѣ». Заключеніе это мною было утверждено и представлено на дальнѣйшее распоряженіе Св. Синода. Священникъ Бѣлюстинъ, при личномъ со мною объясненіи, узнавши, что его ожидаетъ запрещеніе въ священнослуженіи, смутился и высказалъ мысль о снятіи съ себя сана, но я отклонилъ его отъ этой безразсудной мысли».

О. Бѣлюстинъ уже вторично попалъ къ преосвященному, теперь уже непосредственному его начальнику: еще въ 1865 г. Саввѣ было поручено разсмотрѣть его сомнительную рукопись «Страстная недѣля», которая и была имъ исправлена по его указанію *). Благодушный владыка и тутъ ограничился одними совѣтами.

Но дѣло не прекратилось, такъ какъ изъ дневника видно, что черезъ нѣкоторое время у преосв. Саввы былъ сынъ Бѣлюстина, товарищъ предсѣдателя Спб. Окружнаго Суда, и просилъ снисхожденія къ своему отцу по дѣлу о статьяхъ. На вопросъ Саввы, зачѣмъ его отецъ занимается неумѣстными и неприличными для служителя алтаря корреспонденціями въ свѣтскія газеты, большею частію лживыми и весьма оскорбительными для чести другихъ, онъ отвѣчалъ, что къ этому побуждаетъ его недостатокъ средствъ для воспитанія дѣтей и что такія корреспонденціи хорошо оплачиваются редакціями. «Отвѣтъ, достойный современнаго ученаго юриста!»...

Черезъ годъ, бывши въ Калязинѣ, преосв. Савва встрѣтился съ о. Бѣлюстинымъ и даже вмѣстѣ съ нимъ служилъ. «Вслѣдствіе раскаянія, пишетъ Савва, разумѣется, неискренняго, онъ прощенъ и разрѣшенъ Св. Синодомъ; но исправленія ожидать отъ него конечно нельзя: такъ онъ закоренѣлъ въ своемъ превратномъ умственно-нравственномъ

*) Русскій Арх. 1905 г. I. 248.

направленіи. Онъ всѣмъ и каждому твердитъ одно: нѣсмь якоже прочіи человѣцы... Въ Калязинскомъ обществѣ, и духовномъ, и свѣтскомъ, онъ стоитъ какъ древній Измаилъ, коего руцѣ на всѣхъ и руцѣ всѣхъ на него. Онъ всѣхъ презираетъ, и отъ него всѣ отвращаются, какъ отъ опаснаго человѣка».

Любопытно письмо къ преосвященному одного виднаго синодала, директора хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ, д. с. с. А. Г. Ильинскаго, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ: «Со времени смерти преосвящ. Евсевія *), моего дяди, меня осаждаютъ нѣкоторые изъ служившихъ при немъ своими просьбами ходатайствовать предъ вашимъ преосвященствомъ объ ихъ участи. Къ таковымъ принадлежатъ бывшій секретарь преосвященнаго, Морошкинъ и келейникъ Грузинъ Павелъ. Я знаю ихъ, но очень мало; преосвященный же Евсевій, кажется, былъ ими доволенъ. Поэтому я долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше преосвященство, если оба названныя лица, по ближайшему вашему усмотрѣнію, заслуживаютъ вашего вниманія, оказать имъ участіе въ устроеніи ихъ судьбы, именно, если Морошкинъ не можетъ быть оставленъ по чему-либо въ прежней должности, то не можетъ ли онъ быть пристроенъ на должность столоначальника въ Консисторію, а келейникъ Павелъ, если также не будетъ оставленъ въ своей должности, не можетъ ли быть опредѣленъ къ какой-либо должности въ епархіи, въ которой онъ повидимому желаетъ остаться? Вообще усерднѣйше прошу ваше преосвященство обратить на этихъ лицъ благосклонное вниманіе и сдѣлать для нихъ все возможное для устройства ихъ судьбы».

Разумѣется, эта просьба вліятельной синодальной персоны была для преосвященнаго Саввы приказомъ, который онъ исполнилъ.

Намъ остается пожалѣть, что наши преосвященные такъ мало оставляютъ послѣ себя замѣтокъ съ записями о сношеніяхъ съ подобнаго рода синодалами. Намъ, впрочемъ, лично извѣстны краткія такія замѣтки о своей жизни одного престарѣлаго архіепископа, въ которыхъ помѣчены не только сношенія съ синодскими дѣятелями, но и съ отмѣтками кому и когда и за что «сколько дадено».

«Вскорѣ, пишетъ Савва, меня посѣтилъ проѣздомъ на родину во Владиміръ протоіерей Спб. Казанскаго собора Павелъ Константиновичъ Цвѣтковъ. Я пригласилъ своего гостя къ трапезѣ и немало съ нимъ

*) Предшественникъ Саввы.

побесѣдовалъ о разныхъ лицахъ и матеріяхъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ объ исторіи во Владимирской семинаріи политическаго характера, возбужденной вслѣдствіе темы, данной ревизоромъ М. ученикамъ IV класса, слѣдующаго содержанія: «Почему семинаристы стремятся въ свѣтскія учебныя заведенія?» Эта тема дала поводъ нѣкоторымъ ученикамъ осуждать духовныя школы и иронически отзываться о преподавателяхъ и преподаваніи. Затѣмъ, о. Цвѣтковъ представилъ мнѣ характеристику нѣкоторыхъ архіереевъ, его сверстниковъ по Академіи, а именно: Викторина [1]) Полоцкаго и Ѳеогноста [2]) Владимирскаго. Вотъ какими чертами онъ характеризовалъ ихъ: Викторинъ мелоченъ, Ѳеогностъ добрый пастырь».

Затѣмъ преосв. Савва замѣчаетъ: «Городскимъ духовенствомъ, и въ особенности Консисторіею, я пока доволенъ; дѣла идутъ мирно и спокойно. Въ концѣ Іюня я имѣлъ удовольствіе, или, вѣрнѣе, непріятность лично объясняться съ пресловутымъ Калязинскимъ публицистомъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что его личная со мною бесѣда не произвела на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, какое всегда производили его газетныя статьи».

«8-го Августа я отправился въ Николо-Столпенскую пустынь. Она существовала еще во времена царя Грознаго. Есть преданіе, что царь Грозный, возвращаясь изъ Новгорода, взялъ оттуда, между прочею святынею, древній рѣзной образъ Святителя Николая, вышиною 2 аршина и 2 вершка, и оставилъ его въ Столпенской пустыни, которая, вѣроятно, съ этого времени получила названіе Николо-Столпенской. Впослѣдствіи, Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій (Яновскій, 1721—1725 г.), возвращаясь однажды изъ Москвы мимо этой пустыни, хотѣлъ взять изъ нея образъ Святителя обратно въ Новгородъ и приказалъ уложить его въ деревянный ящикъ; но поелику ящикъ оказался несоотвѣтствующимъ размѣру образа, онъ велѣлъ отпилить у него ноги. Между тѣмъ, братія, воспротивившись этому похищенію святыни, принесла на архіепископа жалобу Синоду. Такимъ образомъ святыня эта осталась въ пустынѣ, и до настоящаго время образъ Святителя Николая остается съ подпиленными ногами. О недостойномъ православнаго епископа поступкѣ архіепископа находится свидѣтельство въ именномъ высочайшемъ указѣ отъ 11-го Мая 1725 года, гдѣ, между прочимъ, заключается «Объявленіе о винахъ бывшаго Новгородскаго архіерея Ѳеодосія». Здѣсь

---

[1]) Любимова, † еп. Подольскимъ 21 Августа 1882 г.
[2]) Лебедева, † митр. Кіевскимъ 22 Января 1903 г.

читаемъ: «На него жъ Θеодосія по дѣлу показано, какъ онъ ѣхалъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, тогда въ Никольскомъ монастырѣ, что на Столпѣ, распиловалъ образъ Чудотворца Николая».

Въ Ржевѣ преосвященный имѣлъ бесѣду съ городскимъ головой, бывшимъ раскольникомъ, но принявшимъ единовѣріе. Онъ увѣрялъ преосвященнаго, что если бы императоръ Николай, принявшій въ последній годъ своего царствованія нѣкоторыя репрессивныя мѣры противъ раскольниковъ, прожилъ еще полгода, расколъ въ Россіи сократился бы, по крайней мѣрѣ, на половину. Подобную мысль не разъ слышалъ я отъ разныхъ лицъ и прежде. Едва ли, прибавимъ мы, это заключеніе ренегата-раскольника справедливо; напротивъ, если бы не принимались такія возмутительныя преслѣдованія противъ истинно Русскихъ вѣрующихъ людей и если бы была тогда предоставлена свобода отправленію обрядовъ, то раскола давнымъ давно бы и не было. Раскольники были всегда тѣмъ кускомъ, которымъ лакомились и синодальное, и гражданское вѣдомство, начиная съ XVII вѣка. Изъ напечатанныхъ мной въ Чтеніяхъ (1885 г.). «Дневныхъ дозорныхъ записяхъ о Московскихъ раскольникахъ» можно отчасти усмотрѣть, какіе подкупы и преслѣдованія имѣли мѣсто въ послѣдніе годы царствованія «незабвеннаго». Обираемые, гонимые всюду, старообрядцы, не имѣя прямого доступа къ властямъ, естественно должны были искать защиты у своихъ болѣе сильныхъ единовѣрцевъ, имѣющихъ ходы по начальству, а эти въ свою очередь, собирая большія суммы на подкупы властей предержащихъ, и себя не забывали, и пользовались почетнымъ уваженіемъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Множество богатыхъ фабрикантовъ, именитыхъ купцовъ на этомъ покровительствѣ своимъ единовѣрцамъ составили себѣ крупныя состоянія. Считаясь покровителями и защитниками, они не только поддерживали расколъ, но и развивали его. Это была ихъ доходная статья, особенно для фабрикантовъ, которые своихъ единовѣрцевъ-рабочихъ на фабрикѣ безсовѣстно обирали, разыгрывая роль отцовъ-покровителей. Изъ всѣхъ дѣйствій, предпринимавшихся противъ раскола, такъ и сквозитъ мысль, весьма вѣрно выраженная однимъ чиновнымъ синодаломъ: «Уничтоженіе раскола не желательно ни для Синода, ни для духовенства, такъ какъ безсмысленно было бы зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца».

Преосвященный Савва посѣтилъ домовую церковь при упомянутомъ выше Училищѣ дѣвицъ духовнаго происхожденія. «Церковь показалась мнѣ очень красивою и благолѣпною. Изъ церкви зашелъ я и въ Училище, гдѣ все нашелъ въ добромъ порядкѣ. Я произвелъ воспитан-

ницамъ испытаніе по всѣмъ предметамъ училищной программы. Отвѣты слышались не вполнѣ удовлетворительные. Тутъ, между прочими служащими находилась и одна изъ учредительницъ, Булахъ. Не видя другой, главной основательницы училища (Мазуриной), я пожелалъ видѣть и ее; но Булахъ мнѣ сказала, что г-жа Мазурина, по причинѣ болѣзни, не можетъ ни сама выйти, ни у себя принять. Пользуясь личнымъ свиданіемъ съ г-жею Булахъ, я убѣдительно просилъ ее, чтобы она или сама продолжала быть начальницею Училища, взявши назадъ свое заявленіе отъ 27-го Мая, или указала на эту должность достойную кандидатку; но она на первое не согласилась, а отъ второго уклонилась. Такое упрямство мнѣ очень не полюбилось. Я спрашивалъ у нѣкоторыхъ Ржевскихъ гражданъ, чтó значитъ такое рѣшительное упорство со стороны Булахъ; мнѣ отвѣчали, что она оскорблена какою-то газетною статьею и потому рѣшилась отказаться отъ завѣдыванія Училищемъ, не отказываясь отъ права властвовать надъ служащими при Училищѣ. Между тѣмъ, въ Ржевѣ ходили неясные толки о какихъ-то странныхъ, непонятныхъ ни для кого отношеніяхъ Булахъ къ Мазуриной и о совершенномъ затворничествѣ послѣдней».

«Не въ далекомъ разстояніи отъ этого Училища находится другое подобное же для бѣдныхъ дѣвицъ, дочерей Ржевскихъ гражданъ, учрежденное также на средства дѣвицы А. В. Мазуриной, и при немъ также благолѣпная церковь. Я посѣтилъ и это училище съ церковію».

Прощаясь съ Ржевомъ, преосв. Савва вспоминаетъ объ одномъ, умершемъ въ 1857 г., соборномъ протоіереѣ, Матѳеѣ Константиновскомъ, какъ замѣчательномъ ораторѣ и проповѣдникѣ *).

«О. Матѳей обладалъ счастливымъ и, можно сказать, необыкновеннымъ даромъ слова. Этотъ даръ слова и вмѣстѣ даръ проповѣдничества составляли характеристическую черту его. Когда онъ говорилъ, рѣчь его лилась рѣкой. На церковной каѳедрѣ онъ былъ неистощимъ и въ высшей степени назидателенъ. Это былъ рѣдкій импровизаторъ. Таковъ онъ былъ на всѣхъ мѣстахъ своего служенія; но въ г. Ржевѣ главною его заботою, соотвѣтствовавшею и самому его назначенію, было искорененіе особенно усилившагося здѣсь въ то время раскола и распространеніе православной вѣры между заблуждающимися или удаляющимися отъ единенія съ св. церковію. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ онъ ежедневно ходилъ по домамъ раскольниковъ, весьма сильно и убѣдительно доказывалъ имъ несправедливость ихъ вѣрованія. Но, къ

*) Это духовный наставникъ Гоголя. П. Б.

сожалѣнію, этотъ проповѣдникъ истины не могъ имѣть большихъ успѣховъ. Между тѣмъ, по излишней ревности къ дѣлу Божію, онъ допустилъ себя ввесть въ такое искушеніе, которое причинило ему и его семьѣ великую скорбь, а именно: 1-го Мая 1853 г. [1]) онъ принялъ отъ неизвѣстнаго человѣка ящикъ съ какими-то мощами, будто бы главою преп. Саввы, похищенною въ 1812 г. изъ Московскаго Андроніевскаго монастыря, и внесъ эту мнимую святыню въ соборъ, гдѣ предъ оною совершилъ соборнѣ молебное пѣніе. Объ этомъ произведено было, по распоряженію Св. Синода, строгое секретное дознаніе и требовалось заключеніе отъ Московскаго митрополита Филарета. Дѣло кончилось тѣмъ, что предписано было хранить эти мнимыя мощи въ ризницѣ Тверскаго каѳедральнаго собора подъ печатію, гдѣ онѣ и до сего времени хранятся» [2]).

Владимирскій викарій Іаковъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ преосв. Саввѣ упоминаетъ, что «одинъ изъ раскольничьихъ архіереевъ Кононъ, лѣтъ 80 старикъ, давно заключенный въ Суздальской крѣпости, объявляетъ своимъ, въ Австріи и Россіи, что не желаетъ болѣе называться епископомъ, считая недостойнымъ носить высокое званіе, но не присоединяется къ Православію. Человѣкъ очень разумный и не чуждающійся насъ. Читаетъ все. Владыка говорилъ съ нимъ, но ничего не успѣлъ. Я совѣтую владыкѣ повторить свое ему увѣщаніе на письмѣ».

Исторія этого архіерея Конона правдиво описана Пругавинымъ [3]). Пойманный въ 1858 г. въ Кіевской губерніи Кононъ, по опредѣленію Св. Синода, отправленъ въ Спасо-Евфиміевскій монастырь подъ особенный надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства. Владимирскій архіерей Іустинъ, получивъ синодскую бумагу, положилъ еще болѣе краткую, безсердечную резолюцію: «помѣстить въ отдѣльной комнатѣ при арестантскомъ отдѣленіи»; а принявшій плѣнника въ свое вѣдѣніе комендантъ Суздальской крѣпости, архимандритъ Амвросій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы военный караулъ имѣлъ *особый строжайшій надзоръ*. Двѣнадцать лѣтъ томился несчастный старикъ въ этой страшной крѣпости, управляемой безчеловѣчными комендантами иноческаго чина. Въ 1870 г. онъ былъ переведенъ въ Никольскій единовѣрческій монастырь подъ присмотръ раскольническаго настоятеля-ренегата для вразумленія и въ чаяніи, что миссіонеры Русской церкви могутъ на-

---

[1]) Стало быть, черезъ годъ съ небольшимъ по кончинѣ Гоголя. П. Б.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ въ Чтен. Общ. Любит. Духов. Просв. 1861 г., Февраль.

[3]) Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка, стр. 185.

править его на путь истины. Но всѣ старанія этихъ увѣщателей остались напрасными, и вслѣдствіе закоренѣлости Кононъ опять попалъ въ мрачные казематы Суздальской обители. Только 8 Февраля 1881 года состоялось освобожденіе страдальца. Кононъ былъ такъ слабъ, что не имѣлъ силъ выйти изъ тюрьмы самъ, и его вынесли на рукахъ, при чемъ жестокосердымъ архимандритомъ у него были отобраны всѣ бумаги и записки, которыя велъ старообрядческій епископъ во время своего заключенія. Онъ умеръ 21 Января 1884 г. 92 лѣтъ отъ роду. Его страданія, его долговременное заключеніе вызываютъ невольныя чувства и жалости, и негодованія. Да и самый судъ надъ нимъ какъ бы напоминаетъ тѣ тяжелыя картины прошлаго, о которыхъ повѣствуетъ св. Маркъ въ 15-й главѣ, 14 ст., своего Евангелія.

Нетерпимость къ чужимъ религіознымъ вѣрованіямъ есть какъ бы принадлежность монашества, забывшаго вмѣстѣ со своими клятвами и евангельскія истины о любви къ ближнему. Вѣдь недаромъ же профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, г. Никольскій, въ своихъ Лекціяхъ по гомилетикѣ (стр. 151) еще въ 1904 г. напомнилъ студентамъ слова одного изъ своихъ прежнихъ слушателей, что «монахи выше Бога». Правда, это была иронія; но вѣдь всѣмъ извѣстно, какую даютъ себѣ цѣну монашествующія особы высокаго ранга. И вотъ когда, пишетъ преосв. Савва, «въ Сентябрѣ 1879 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени вступленія на службу пр. Порфирія, бывшаго викарія Кіевскаго, Совѣтъ Академіи хотѣлъ поэтому поводу почтить его возведеніемъ въ званія почетнаго члена Академіи; нѣкоторые предлагали даже поднести ему докторскій дипломъ; но намъ дано знать, что свыше на это посмотрятъ не очень хорошо. Преосв. Порфирій любитъ выставлять часто свои оригинальныя мнѣнія. Будучи въ Кіевѣ, онъ представилъ оберъ-прокурору Синода записку о штундистахъ, въ которой чуть ли не доказалъ, что штундисты-то и суть настоящіе христіане. Переданная въ Синодъ записка преосв. Порфирія привела въ недоумѣніе членовъ Синода, и на первыхъ порахъ они думали послать его не въ Новоспасскій монастырь, а въ другое мѣсто...» И только за это, прибавимъ мы, что просвѣщенный епископъ взглянулъ на людей какъ истинный христіанинъ, онъ чуть было не угодилъ въ туже святую обитель, гдѣ вразумлялись въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ и старообрядческіе епископы, и непослушные попы, и иного чина люди, осмѣлившіеся не такъ думать, какъ бы хотѣлось Христовымъ намѣстникамъ.

Дальнѣйшія письма, которыя получалъ Савва отъ разныхъ благопріятелей, полны жалобъ на потрясеніе основъ и паденіе Православія.

Такъ Владимирскій викарій жалуется, что у нихъ въ Семинаріи исключили ученика за чтеніе газеты «Начало»: не сознался, какъ попалъ къ нему запрещенный номеръ. Въ Воронежѣ семинаристы у ректора выбили стекла, а у инспектора положили въ печь пороху. Когда затоплена была печь, произошелъ взрывъ, выкинуло нѣсколько кирпичей, но, къ счастію, никому не причинило вреда. Посланъ чиновникъ произвесть ревизію. Затѣмъ со словъ одного Харьковскаго старца преосв· Савва повѣствуетъ: «Я живу среди бѣлаго духовенства и съ горестію души вижу, что́ съ нимъ дѣется. Страхъ беретъ за св. церковь. Семинаріи наши... вотъ за что пора взяться. Св. отцы тамъ заброшены, все по западнымъ богословамъ учатъ. Восточные негодны, византійство чуть не ругательное слово у бѣлаго духовенства, а того и не вспомнятъ, откуда возсіялъ нашъ лучъ вѣры. Выходятъ изъ семинарій молодые люди невѣжами. Мыслимо ли это? Посмотрите, сколько политическихъ преступниковъ выступило изъ семинарій. Молодые священники уже даютъ себя знать. Посты не для нихъ, ряса имъ въ тягость..... Теперь уже усиливаются ослабить власть архіерейскую, нападаютъ на нее. Хвалилъ я преосв. Савву за то, что молодыхъ священниковъ сдерживаетъ. Картина, какъ, видите поучительная. Вотъ Лорисъ-Меликовъ настаиваетъ, чтобы Воронежскаго владыку удалили. На Семинарію вниманія не обращаетъ!! Армянину ни почемъ православный архіерей· А преосв. Серафимъ дѣлалъ для него вечеръ! Ректору сдѣлалъ Л-съ М-въ замѣчаніе, что его не встрѣтилъ, учениками остался недоволенъ: держать себя не умѣютъ. Одинъ изъ нихъ держалъ руку на столѣ, другой заложилъ ее въ пазуху. Гражданское начальство сдѣлало гостю встрѣчу царскую».

«10-го Марта вечеромъ, пишетъ преосвященный Савва, былъ у меня пріѣхавшій изъ С.-Пб., для ревизіи духовно-учебныхъ заведеній Тверской епархіи, членъ-ревизоръ Духовно-учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, д. ст. сов. Игнатій Климентьевичъ Зинченко, магистръ XVIII курса (1857 г.) Кіевской Духовной Академіи. Я былъ очень радъ его пріѣзду въ Тверь; отъ его ревизіи ожидалъ я добрыхъ послѣдствій для разстроенной во всѣхъ отношеніяхъ здѣшней Семинаріи, благодаря ректору, протоіерею А. Соколову, не отличающемуся административнымъ тактомъ. Въ бесѣдѣ со мною г. Зинченко откровенно признавался, что онъ, при десятилѣтней практикѣ своей въ должности ревизора, пришелъ къ рѣшительному убѣжденію, что для блага духовныхъ семинарій гораздо полезнѣе ректоры-архимандриты, нежели семейные протоіереи».

Этотъ же Зинченко между прочимъ разсказывалъ исторію о наслѣдствѣ 120,000 р., оставшихся по смерти настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандрита Θеофана († въ Сент. 1871 г.). Объ этомъ наслѣдствѣ былъ споръ между монастырскою братіею и наслѣдниками умершаго. Въ этомъ спорномъ дѣлѣ принимали горячее участіе товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода Юрій Васильевичъ Толстой [1]), прокуроръ Московской Синодальной Конторы Потемкинъ и оберъ-секретарь синодскій Крыжинъ.

«24-го Апрѣля (1880) пишетъ Савва, совершилось въ Петербургѣ, въ высшемъ бюрократическомъ мірѣ, очень важное событіе: министръ народнаго просвѣщенія и об.-прокуроръ Св. Синода (по выраженію покойнаго А. Н. Муравьева, «Гогъ и Магогъ»), графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, согласно прошенію, всемилостивѣйше уволенъ отъ той и другой должности. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе во всѣхъ общественныхъ сферахъ, но не къ чести особы, оставившей въ разъ оба столь высокихъ поста. По поводу этого событія много было самыхъ живыхъ и горячихъ толковъ во всѣхъ Русскихъ газетахъ; за исключеніемъ Московскихъ Вѣдомостей, всегда бывшихъ на сторонѣ графа Толстаго, и отчасти Церковно-Общественнаго Вѣстника, органа бывшаго оберъ - прокурора, всѣ прочія газеты единодушно выразили радость по случаю выхода въ отставку графа Толстого [2]). Свѣтскія газеты занимались критическимъ разборомъ его дѣйствій и распоряженіемъ преимущественно по Министерству Народнаго Просвѣщенія; но нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности газета «Востокъ», касались его реформаторскихъ дѣйствій и по званію оберъ-прокурора Св. Синода. Время покажетъ, да уже и показываетъ, какую память оставилъ по себѣ графъ Толстой въ сферѣ церковной. Его быстрыя реформы и незрѣло обдуманныя нововведенія въ быту духовенства и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и теперь уже начинаютъ приносить не совсѣмъ добрые плоды. Много уже объ этомъ писали и продолжаютъ писать въ разныхъ, преимущественно свѣтскихъ газетахъ».

---

[1]) Конечно это было участіе самое благородное: безкорыстнѣе человѣка надо было искать днемъ да съ огнемъ. П. Б.

[2]) Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ № 115 газ. „Голосъ" отъ 26-го Апр.: „Графу Толстому, нынѣ оставившему свой постъ, пожелаемъ успокоенія отъ понесенныхъ имъ трудовъ. Успокоеніе нужно ему потому уже, что онъ сходитъ съ своего поприща, сопровождаемый далеко не благословеніями общества. Но безпристрастная исторія скажетъ, что не на него должна лечь вся тяжесть посылаемыхъ ему упрековъ. Она раскроетъ до нага истинныхъ виновныхъ, сдѣлавшихъ графа Толстого своею жертвою. Они отвѣтятъ предъ Богомъ и потомствомъ за эти блѣдныя лица, за эти слезы, за всю бездну отчаянія и скорби матерей—они, они".

Преемникъ графа Толстого по званію оберъ-прокурора Св. Синода, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, тайный совѣтникъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ встрѣтилъ во всѣхъ слояхъ общества самое живое горячее сочувствіе; всѣ, въ одинъ голосъ, превознесли его похвалами во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ ожидали отъ его просвѣщенной и вполнѣ христіанской дѣятельности на новомъ поприщѣ служенія самыхъ благихъ плодовъ. Дай Богъ!...»

2-го Іюля прибыла въ Тверь великая княгиня Александра Іосифовна съ дѣтьми. Помолившись въ соборномъ храмѣ, августѣйшіе посѣтители прибыли въ Отрочъ Успенскій монастырь. Здѣсь случилось неожиданное приключеніе, доставившее преосвященному много тяжелыхъ минутъ. Настоятель монастыря, архимандритъ Серафимъ на этотъ разъ отлучился изъ монастыря; вмѣсто его принималъ высокихъ особъ казначей іеромонахъ Игнатій. «Когда они вступили въ соборную монастырскую церковь, вмѣстѣ съ братіею вошелъ туда и іеромонахъ Сергій, который въ это время былъ въ нетрезвомъ видѣ. Его начали было выводить изъ церкви, но онъ поднялъ шумъ, и великая княгиня приказала оставить его въ покоѣ. Онъ, между тѣмъ, подошелъ къ царскимъ особамъ и началъ вмѣшиваться въ разговоръ ихъ съ казначеемъ, при чемъ произнесъ нѣсколько дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ великому князю. О столь неожиданномъ и прискорбномъ происшествіи на другой день донесъ мнѣ архимандритъ Серафимъ. Я предписалъ тотчасъ же каѳедральному протоіерею Первухину произвесть дознаніе какъ объ этомъ происшествіи, такъ и о причинѣ отлучки изъ монастыря настоятеля. По разсмотрѣніи затѣмъ Консисторіею произведеннаго дознанія опредѣлено: 1) іеромонаха Сергія послать, съ запрещеніемъ священнослуженія, въ Краснохолмскій Антоніевъ монастырь подъ особо строгій надзоръ настоятеля; 2) настоятелю Отроча монастыря, архимандриту Серафиму, поставить на видъ, что онъ, во время пребыванія въ городѣ высочайшихъ особъ, рѣшился оставить монастырь, притомъ во время богослуженія, и уѣхалъ въ городъ безъ особенной существенной надобности, и 3) объ этомъ распоряженіи епархіальнаго начальства, по важности случившагося происшествія, донести (и донесено) Св. Синоду».

Не смотря однако на этотъ случай, преосвященный получилъ приглашеніе во дворецъ. Владыка, конечно, принесъ извиненіе за прискорбное монастырское происшествіе. «Великая княгиня благодушно и милостиво повела со мною объ этомъ рѣчь, выразивши только сожалѣніе, что это случилось въ храмѣ. Эта бесѣда происходила въ присутствіи прочихъ особъ».

«Около этого времени, мнѣ случилось прочитать секретную брошюру, разосланную всѣмъ губернаторамъ и начальникамъ жандармскихъ управленій, подъ заглавіемъ: «Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, Мая 1880 г.» Я сдѣлалъ изъ этой брошюры нѣсколько извлеченій. Вотъ они:

«Убійство Харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, принадлежитъ по замыслу и исполненію всецѣло одному Григорію Гольденбергу *), купеческому сыну изъ Кіевскихъ Евреевъ. Эта преступная мысль созрѣла въ немъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ томъ, что князь Крапоткинъ былъ главнымъ виновникомъ тяжелой участи политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи (стр. 78)... 9 Февраля 1879 г. Гольденбергъ рѣшился привести въ исполненіе задуманное преступленіе. Съ этимъ намѣреніемъ, пользуясь выѣздомъ князя Крапоткина, вечеромъ 9 Февраля, онъ вмѣстѣ съ Кобылянскимъ сталъ ожидать возвращенія губернатора, вблизи дома послѣдняго. Когда, около полуночи, карета князя Крапоткина стала приближаться къ дому, Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней и, схватившись за ручку двери съ лѣвой стороны, произвелъ выстрѣлъ внутрь кареты. Въ туже ночь Гольденбергъ отправился въ Кіевъ, гдѣ сообщилъ объ убійствѣ Самарской, Орлову, Дическулло и Игнату Ивичеву. Все дѣло по убійству князя Крапоткина обошлось въ 520 р., которые даны были Зубковскимъ. По словамъ Гольденберга, онъ первый вызвался совершить преступленіе 2-го Апрѣля 1879 г., а за нимъ Кобылянскій; но ихъ предложенія не были приняты на томъ основаніи, что Гольденбергъ Еврей, а Кобылянскій Полякъ, тогда какъ признавалось безусловно необходимымъ, чтобы злоумышленникъ былъ непремѣнно Русскій. Поэтому, когда послѣ того предложилъ свои услуги Соловьевъ, его признали совершенно пригоднымъ для задуманнаго дѣла».

«Въ Іюлѣ 1879 г. назначенъ былъ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губ., съѣздъ соціально-революціонныхъ дѣятелей изъ партіи террористовъ. На этомъ съѣздѣ впервыя заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита, а также высказывалась необходимость направить убійство на Одесскаго, Кіевскаго и С.-Петербургскаго генералъ-губернаторовъ. Въ тоже время предположено было устроить мину и на Одесской желѣзной дорогѣ. Всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ запискѣ, около 670-ти. Изъ нихъ три

---

*) Гольденбергъ въ Апр. 1878 г. высланъ былъ въ Холмогоры и оттуда бѣжалъ въ Іюнѣ того же года (стр. 100). Въ Августѣ 1880 г. онъ лишилъ себя жизни въ Кіевской тюрьмѣ, повѣсившись на крюкѣ отъ лампы (Моск. Вѣд. 1880 г. № 273).

профессора: Кіевскаго университета Антоновичъ, Драгомановъ и Казанскаго Щаповъ, два священника, въ томъ числѣ Николаевскій, въ Харьковѣ, Лизогубъ Д., богатый дворянинъ Черниговской губерніи, нѣсколько семинаристовъ и одинъ студентъ Кіевской Духовной Академіи Павелъ Подолка».

10-го Іюня владыка получилъ письмо священника Кашинскаго Срѣтенскаго дѣвичьяго монастыря о. Колтыпина съ приложеніемъ брошюръ съ житіемъ Анны Кашинской, при чемъ о. Колтыпинъ жаловался, что статья Костомарова, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы» за Апрѣль 1879 г., во многихъ поколебала почитаніе къ этой будто бы мнимой святой, которой, по изслѣдованіи историка, вовсе и не существовало. Имѣя свѣдѣнія о страдальческой и подвижнической жизни великой княгини Анны, продолжаетъ священникъ, я написалъ все, что̀ могъ въ ея защиту, при чемъ онъ присовокупляетъ и устныя преданія о великой княгинѣ Аннѣ. 1) Говорятъ, что, въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія, бывшій въ Кашинѣ, деревянный Воскресенскій соборъ сгорѣлъ, при чемъ огонь коснулся и мощей великой княгини Анны; но это не ослабило благоговѣнія къ ней, такъ какъ, по изволенію Божію, сожигались и св. мощи мучениковъ. 2) При высокопр. Григоріи, архіеписк. Тверскомъ (1831—1848 г.), впослѣдствіи митрополитѣ С.-Петербургскомъ, граждане г. Кашина просили Св. Правит. Синодъ о разрѣшеніи молебныхъ пѣній и празднествъ великой княгинѣ Аннѣ; но какъ въ прошеніи не были обозначены противорѣчія лѣтописей съ рукописнымъ житіемъ Анны, потому прошеніе гражданъ не было исполнено. Вотъ преданія, относящіяся къ этому.

До XVII в. о княгинѣ Аннѣ, умершей въ 1337 г., не было и помину, и только въ 1649 г. священникъ Кашинской Успенской церкви съ гражданами довелъ до свѣдѣнія Государя о чудесахъ при гробѣ княгини Анны. Царь приказалъ Тверскому архіепископу Іонѣ открыть гробъ и освидѣтельствовать ея мощи. Былъ построенъ новый каменный храмъ. Перенесеніе мощей происходило въ личномъ присутствіи царя Алексѣя Михайловича. Было написано житіе, и въ 1650 г. установлено празднованіе. Но черезъ 27 лѣтъ объ этихъ мощахъ возникло дѣло; составилась комиссія, а затѣмъ патріархъ созвалъ соборъ, который и постановилъ, что въ житіи княгини Анны оказалось несходство съ лѣтописями, что въ чудесахъ оказались многія несогласія и неприличія, что въ житіи написано въ трехъ мѣстахъ, что «тлѣнію же не токмо мощи, но и ризы не причастны быша»; на самомъ же дѣлѣ по осмотрѣ оказалось, что мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣли и разрушились, а

риза и схима истлѣли и т. д. Соборъ тогда постановилъ гробъ, оставя въ церкви, запечатать архіерейскими печатями, но празднества не творить, молебновъ не пѣть, и образовъ не писать, а покровъ и бывшія иконы отобрать и взять въ Москву. Затѣмъ патріархомъ Іоакимомъ 1-го Января 1678 г. былъ въ Москвѣ собранъ великій соборъ, который и подтвердилъ вышеизложенное, при чемъ храмъ, созданный во имя великой княгини Анны Кашинской, велѣно переименовать во имя Всѣхъ Святыхъ *).

Попытки открывать мощи бывали и будутъ повторяться, тѣмъ болѣе, что самый опасный вопросъ, о нетлѣніи, уже разрѣшенъ въ 1903 г.: нетлѣніе вовсе не считается непремѣннымъ признакомъ для прославленія святыхъ угодниковъ.

Въ данномъ случаѣ преосв. Савва, принимая сочувственно такое посланіе о. Колтышина, не пожелалъ вспомнить о Духовномъ Регламентѣ, въ которомъ строго приказывается епископамъ о мощахъ святыхъ, «гдѣ какія явятся, быть сумнительнымъ, разыскивать, ибо много о семъ наплутано. Смотрѣть же долженъ епископъ, чего смотрѣть обѣщался съ клятвою на своемъ поставленіи; сіе есть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святыхъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, такожъ о кликушахъ, о *тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ*, и прочихъ, всего того добрѣ наблюдать».

При обозрѣніи епархіи въ 1880 г. преосв. Савва много скорбѣлъ о непорядкахъ, нетрезвости и корыстолюбіи духовенства, но особенно его огорчала монашествущая братія. Про одинъ изъ богатыхъ монастырей, подъ названіемъ «Теребенская пустынь», гдѣ одному настоятелю приходится 2500 р., не говоря объ остальной братіи, владыка пишетъ, что «столь обильныя средства не служатъ на пользу братіи. Многіе, если не большая часть изъ нихъ, злоупотребляютъ этими средствами. Съ давняго времени между монашествующими Теребенской пустыни развитъ былъ порокъ нетрезвости съ его извѣстными послѣдствіями. Къ несчастію, иные и настоятели подавали собою недобрый примѣръ братіи. Отсюда происходили разныя безчинія, буйства и даже, къ великому ужасу, убійства»...

«Не былъ утѣшенъ и я, при своемъ посѣщеніи, благоповеденіемъ Теребенской братіи. Не далѣе какъ за двѣ недѣли до моего пріѣзда въ

*) Исторія канонизація святыхъ, Голубинскаго, стр. 164.

пустынь, именно 6-го Іюля, іеромонахъ Арсеній въ запальчивости толкнулъ настоятеля, архимандрита Нила, съ лѣстницы, на что архимандритъ принесъ мнѣ письменную жалобу. Іеромонахъ Макарій, при самомъ моемъ пріѣздѣ, оказался нетрезвымъ, и на другой день подана была мнѣ на него крестьянкою жалоба на причиненіе ей обиды въ нетрезвомъ видѣ. И самъ настоятель, несмотря на преклонность лѣтъ (ему 75 лѣтъ), нечуждъ порока нетрезвости. Посему ему, какъ за это, такъ и за слабый надзоръ за братіею, внушено подать прошеніе объ увольненіи отъ настоятельства, и онъ вскорѣ былъ уволенъ. Я оставилъ Теребенскую съ грустнымъ настроеніемъ души и съ тяжелою заботою въ сердцѣ о приведеніи въ порядокъ этой, обильной матеріальными средствами, но скудной благочестіемъ обители».

Не лучше вело себя и бѣлое духовенство. При посѣщеніи большого Кушалинскаго прихода, состоящаго изъ 2,000 душъ муж. пола, владыка нашелъ: «настоятель, священникъ А. Кустовъ, студентъ, честнаго и трезваго поведенія, усердный проповѣдникъ слова Божія. Не таковъ его помощникъ, священникъ С. Садиковъ: вслѣдствіе ли вдовства, или по другимъ причинамъ, часто предается нетрезвости и потому неисправенъ по своей должности. Предъ моимъ посѣщеніемъ дошелъ до такой степени нетрезвости, что впалъ въ умопомѣшательство и былъ отвезенъ въ градскую больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ, оставивъ послѣ себя 8 безпріютныхъ дѣтей. Между тѣмъ, до моего прибытія въ село Кушалино, я не имѣлъ оффиціальныхъ свѣдѣній отъ благочиннаго ни о нетрезвости священника Садикова, ни о его тяжкой болѣзни. Такова добросовѣстность выборныхъ благочинныхъ». И такихъ примѣровъ въ путевомъ журналѣ преосв. Саввы нѣсколько.

На пьянственныя дѣла Тверской монашествующей братіи было обращено вниманіе и оберъ-прокурора Св. Синода, который писалъ преосвященному: «Не могу скрыть отъ васъ, что прискорбный случай въ Отрочѣ монастырѣ, при посѣщеніи великихъ князей и королевы Греческой, произвелъ здѣсь тяжелое впечатлѣніе, о чемъ я имѣю оффиціальное извѣщеніе и изъ III Отдѣленія Собств. Е. В. Канцеляріи. Осуждаютъ безпорядокъ монастырскаго управленія, при коемъ возможно было настоятелю отлучиться въ тотъ день, когда слѣдовало ожидать вѣроятнаго посѣщенія высочайшихъ особъ, находившихся въ городѣ, а іеромонаху, вѣдомому пьяницѣ, страдавшему запоемъ и въ хмѣлю безпокойномъ, проникнуть въ церковь и слѣдовать за посѣтителями безвозбранно. Настоятелю и грѣшно, и стыдно такое небреженіе. Вотъ какія слышатся рѣчи, и противъ нихъ возразить нечего. Монастырь Отрочъ, сколько

помню, всегда былъ не въ порядкѣ; замѣчено было это и при посѣщеніи его въ 1866 году великими князьями Цесаревичемъ и Владиміромъ, когда и я при нихъ находился. А мѣсто историческое и, конечно, посѣщается многими».

Но какія бы письма владыкамъ ни писали, какія бы мѣры ни принимались, монахи, отучнѣвшіе отъ ничего-недѣланія, всегда будутъ паразитами и нежелательнымъ въ настоящее время элементомъ, подрывающимъ религіозное чувство народа. Только коренная реформа и превращеніе монастырей въ богоугодныя или учебныя заведенія могутъ вернуть къ нимъ то уваженіе, какимъ они пользовались въ доброе старое время, когда эти монастыри, гдѣ нынѣ спасаются иноки отъ трудовой жизни, были основаны, по словамъ древняго лѣтописца, трудомъ, подвигомъ, молитвами, слезами...

26-го Іюля преосвященнаго Савву посѣтилъ профессоръ Казанской семинаріи А. Ѳ. Гусевъ, который между прочимъ говорилъ о домогательствѣ Казанскаго викарія, епископа Павла, получить должность ректора въ Казанской Академіи и объ укоризненномъ и угрожающемъ письмѣ бывшаго оберъ-прокурора Синода, графа Толстого къ Казанскому преосвященному Антонію, по поводу протеста со стороны послѣдняго противъ церковныхъ и духовно-учебныхъ реформъ.

Харьковскій акаѳистныхъ дѣлъ мастеръ, А. Ѳ. Ковалевскій *), не оставлялъ владыку и въ Твери своими благоназидательными посланіями. Скорбя въ одномъ изъ писемъ о судьбѣ благовѣрной княгини Анны Кашинской, Ковалевскій говоритъ: «Недавно былъ я въ Святогорской пустыни, именно праздновалъ тамъ праздникъ Воздвиженія Креста. Извѣстный туристъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, въ свое время ѣдкимъ перомъ своимъ описавшій Соловки, теперь тѣмъ же почтилъ и Святогорье. Въ «Русской Рѣчи» помѣщена эта не Русская рѣчь о Русскомъ Аѳонѣ, цѣль которой понятна: это глумленіе надъ всѣмъ тѣмъ, что̀ чтитъ и чѣмъ дорожитъ Русскій народъ. Старцы Святогорскіе впрочемъ очень мирно и по евангельски отнеслись къ этой новой на нихъ клеветѣ, и даже защищаться отнюдь не желаютъ. О. архимандритъ Германъ, тоже выведенный въ этой статьѣ въ очень непривлекательномъ видѣ

*) Ковалевскій написалъ очень много акаѳистовъ разнымъ святымъ и такъ этимъ дѣломъ прославился, что получалъ изъ епархій заказы. Одинъ профессоръ академіи объ этой плодовитости сказалъ, что удивляться нечему: это также просто, какъ и составленіе либретто; стоитъ только прочитать хорошенько содержаніе предмета, а подогнать ритмъ недолго.

какого-то дурочка-идіота, удивляется только тому, что, не видя въ глаза Немировича-Данченка, не имѣя съ нимъ никогда никакихъ разговоровъ, печатно удостоился этой чести [1]). И это гласность нашего времени! А вотъ если совсѣмъ снимутъ съ писателей узду всякой цензуры (о чемъ такъ громко теперь заговорили газеты), еще больше народится разныхъ подобныхъ пасквилей».

Очевидно благочестивому Александру Ѳеодоровичу не понравилась VII глава сочиненія краснорѣчиваго писателя [2]), такъ живо изобразившаго этихъ «монастырскихъ дамъ» и существованіе «женской больницы при мужской Святогорской обители». Не понравилась ему и бѣсѣда писателя съ о. Серапіономъ, повѣствовавшимъ слишкомъ откровенно «о сихъ сластолюбивыхъ Венерахъ, могущихъ принимать на себя и не такіе еще виды». Удивляться и негодовать на это однако особенно нечего: если въ мужскихъ монастыряхъ живутъ Венеры, то вѣдь и въ женскихъ обителяхъ пребываютъ Аполлоны, да еще по указамъ Синода, что можно видѣть изъ 245 стр. офиціальнаго синодскаго изданія: «Составъ Св. Синода и Россійской церковной іерархіи на 1905 г.»

Изъ числа нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ преосв. Саввой по поводу выхода въ отставку графа Д. А. Толстаго, приведемъ письмо одного провинціальнаго протоіерея, всего болѣе характеризующее взгляды нашего духовенства: «Назначеніе новаго оберъ-прокурора, какъ ожиданное, не произвело большой сенсаціи. О новомъ мало говорятъ, и о старомъ не жалѣютъ. Изъ Петербурга впрочемъ слышатся вѣсти, что новый человѣкъ благочестивый и высказывался въ томъ смыслѣ, что не будетъ допускать противоцерковныхъ реформъ. Но будутъ ли церковныя реформы, какія и скоро ли, Господь вѣсть; а, кажется, время къ тому уже идетъ».

3-го Октября преосв. Савва получилъ отъ одного законоучителя письмо, въ которомъ описывалось торжественное служеніе въ гимназической церкви Уфимскаго преосвященнаго Никанора [3]). Послѣ обѣдни владыка говорилъ слово объ истинной христіанской мудрости, о вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанскихъ. Слово направлено противъ современной программы гимназій по классическимъ наукамъ. Ученый ораторъ изобразилъ, какъ воспитанники переводятъ изъ Гомера, какъ они знакомятся съ языческою миѳологіею. Въ проповѣди немалое мѣсто зани-

---

[1]) Увѣряютъ, что г-нъ Немировичъ-Данченко никогда не бывалъ въ Соловкахъ. Н. Б.

[2]) Святыя горы, гл. VIII. Монастырскія дамы. Женская больница.

[3]) Никаноръ Боровковичъ, потомъ архіеп. Одесскій † 1890 г.

маетъ, какъ бѣгали, дрались и ухищрялись другъ противъ друга герои Троянской войны изъ-за прекрасной Елены, какъ участвовали въ интригахъ ихъ языческіе боги и богини. «Не лучше ли было бы заняться переводомъ Блаженнаго Августина «О градѣ Божіемъ», перевесть нѣкоторыя творенія св. отцовъ церкви, заняться переводомъ св. Евангелія съ Греческаго на Русскій языкъ?» Проповѣдь вообще очень хороша; но что̀ это такое? Два года тому назадъ была отпечатана его же проповѣдь за классицизмъ, современный, гимназическій, сказанная имъ въ одной изъ гимназій около Ростова на Дону. Въ этой проповѣди онъ выхвалялъ систему настоящаго классическаго образованія гимназій, прославлялъ его дѣятелей. Савва на это письмо отвѣтилъ: «Рѣчь вашего владыки я читалъ въ Церковномъ Вѣстникѣ (№ 42), и немало я подивился его рѣшимости произносить ее съ церковной каѳедры. Для такой рѣчи мѣсто въ стѣнахъ гимназической актовой залы, а не въ храмѣ Божіемъ. Оставайся въ живыхъ покойный владыка Московскій Филаретъ, такая рѣчь не могла бы безнаказанно или, по крайней мѣрѣ безупречно появиться на страницахъ церковной газеты съ именемъ церковной встрѣчи. O tempora, o mores!»...

Въ Запискахъ преосв. Саввы часто попадаются замѣтки весьма характернаго содержанія. Напримѣръ, одинъ изъ его посѣтителей сынъ секретаря Кіевской Духовной Консисторіи, бывшаго при митрополитѣ Евгеніи (Болховитиновѣ), передавалъ, что Евгеній занимался составленіемъ алфавитнаго указателя церковныхъ законовъ и что онъ, при всей учености своей, не чуждъ былъ мздоимства. Такъ, онъ принялъ въ даръ отъ генеральши Удомъ карету съ шестернею лошадей, и за это обѣщалъ ей рѣшить, въ угодность ея, дѣло о признаніи ея дочери законнорожденною; но рѣшенію въ такомъ смыслѣ дѣла воспротивился секретарь Матвѣевъ. Митрополитъ такъ былъ раздраженъ сопротивленіемъ секретаря по этому дѣлу, что пораженъ былъ смертельнымъ апоплексическимъ ударомъ. Это было 23 Февраля 1837 года.

Другой знакомый Саввы А. Н. Ладыженскій, доцентъ Ярославскаго Лицея, между прочимъ, сообщалъ, что ректоръ Московскаго Университета Н. С. Тихонравовъ изъ трактирныхъ мальчиковъ взятъ былъ графомъ Остерманомъ и отданъ имъ въ гимназію, откуда поступилъ въ Университетъ.

Намѣстникъ Невской лавры, архимандритъ Симеонъ, поздравляя съ праздникомъ, между прочимъ сообщалъ выдающіяся новости. Ожидаются реформы въ духѣ сдержанности и осторожности, въ ограниченіе свободолюбія, въ поддержаніи монашества, въ сокращеніе рвенія къ классициз-

му, въ несочувствіи къ выборному началу. Оберъ-прокуроръ съ нашимъ владыкою пребываютъ во взаимной любви и уваженіи другъ къ другу, а это для блага церкви немало... «Много зла внесло это начало, писалъ въ отвѣтъ преосвященный Савва, и въ наши учебныя заведенія, и въ епархіальную область. Здѣсь свѣтскія лица выборныхъ благочинныхъ не иначе называютъ какъ ширмами, за которыми укрываются отъ взоровъ архіереевъ всякія безчинія и пороки бѣлаго духовенства. И это совершенная правда. А сколько безчинія и всякихъ безобразій происходитъ при самомъ выборѣ благочинныхъ, и при томъ гдѣ же? Въ храмѣ Божіемъ! Подобныя безчинія при выборахъ дворянскихъ и земскихъ совершаются, по крайней мѣрѣ, внѣ храма. Тверь на сихъ дняхъ была свидѣтельницею этихъ безобразій и низкихъ интригъ, происходившихъ въ Дворянскомъ собраніи».

И такъ недолго просуществовали выборные благочинные.

Еще въ 1864 г. И. С. Аксаковъ писалъ *), чтобы благочинные непремѣнно избираемы были самимъ духовенствомъ, и мы рѣшительно не понимаемъ, что̀ могло препятствовать опредѣленію выборныхъ благочинныхъ. Неужели недовѣріе къ недостаточному развитію духовенства? Но вѣдь крестьяне выбираютъ же изъ среды себя выборныхъ представителей своего сословія. Неужели уровень развитія нашего духовенства ниже уровня развитія ихъ прихожанъ?

Антагонистъ Саввы, о. Бѣлюстинъ къ этому добавлялъ: «Да неужели духовенство безсмысленнѣе всякаго мѣщанина, что не умѣетъ выбрать дѣльнаго благочиннаго. Дайте же духовенству право выбирать изъ среды себя благочинныхъ и выбирать на три года не больше, и исчезнетъ нечестивое племя злочинныхъ». «Несмотря на всѣ доказательства, писалъ также профессоръ Ростиславовъ, что благочинные должны выбираться духовенствомъ, епархіальныя власти не очень охотно соглашаются; хотя нѣсколько архіереевъ и ввели въ своихъ епархіяхъ выборное начало, но большинство владыкъ не хотятъ разстаться съ своими прежними правами. Да и что, впрочемъ, можно ждать отъ выбора благочиннаго духовенствомъ? Вѣдь при архіереяхъ остаются прежніе письмоводители, податчики, лакеи, экономы и вся челядь, а въ консисторіи—тоже ненасытное полчище взяточниковъ, тѣже члены безъ значенія, тотъ же бичъ духовенства—секретарь. Что же при такомъ положеніи дѣлать выборному благочинному? Удовлетворять всѣхъ взяточниковъ изъ своего кармана? Не достанетъ денегъ; придется разо-

*) День, № 31.

риться. Не расплачиваться же съ Консисторіею и архіерейской челядью невозможно: замучатъ придирками, оклевещутъ передъ владыкою, подвергнутъ суду, и выборному благочинному придется сдѣлаться взяточникомъ или мученикомъ. Благочинные дѣйствительно должны быть избираемы самимъ духовенствомъ, но они составляютъ низшую ступеньку лѣстницы; надобно въ одно время вычистить среднія и верхнія ступеньки. Гдѣ же тотъ Геркулесъ, который бы для чести не только духовенства, но и всего человѣчества своею палицею уничтожилъ полчище взяточниковъ и получилъ за то Георгія 1-й степени!?» Это было писано Ростиславовымъ за 15 лѣтъ до вышеупомянутаго письма, полученнаго Саввой, съ радостной вѣстью объ отмѣнѣ выборныхъ благочинныхъ.

Вообще всѣ Толстовскія реформы возбудили негодованіе въ епархіальныхъ властяхъ, и ловкіе люди воспользовались этимъ въ смыслѣ нѣкоторой наживы, въ виду исключительнаго положенія нашихъ владыкъ, могущихъ безапелляціонно налагать дани на церкви и сбывать имъ всякій литературный и иной хламъ.

Н. В. Елагинъ обратился къ Саввѣ съ просьбой о распространеній своей книги «Бѣлое духовенство и его интересы». «Послѣднія реформы въ церкви», писалъ онъ, «столько надѣлали зла, что настоитъ неотлагательная надобность къ искорененію его. Съ этою цѣлію и издана сія книга; при нынѣшнемъ оберъ-прокурорѣ, кажется, лучшее къ тому время». Преосв. Савва, изъявивъ готовность распространить это твореніе, свое письмо закончилъ увѣренностью, что всякій, кто прочитаетъ эту книжку, воздастъ автору искреннюю благодарность, исключая, разумѣется, «Бѣлюстина и его неразумныхъ почитателей». Книга Елагина была раздѣлана подъ орѣхъ въ «Востокѣ» (№ 80—82 за 1881 г.). И старый Питерскій знакомецъ преосв. Саввы, архим. Симеонъ (впослѣдствіи Минскій преосвященный) объ этой раздѣлкѣ писалъ преосвященному: «Странно, какъ могутъ безнаказанно сходить съ рукъ такія издѣлія нынѣшней прессы, столь оскорбительныя для высшаго духовенства!» Въ этихъ двухъ строкахъ такъ и сказывается вся монашеская злоба и нетерпимость къ малѣйшему проявленію свободнаго слова и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокая мстительность, и мы повторимъ то замѣчаніе, которое было сдѣлано профессору Никольскому: «Вы, кажется, затрогиваете въ своихъ лекціяхъ монашество; будьте осторожны: монахи выше Бога» *).

---

*) Лекціи по гомилетикѣ, читан. проф. В. К. Никольскимъ ст. 61 и 62 курса Спб. Дух. Академіи въ 1903—1904 гг., стр. 151.

На второй годъ своего пребыванія въ Твери, 14-го Марта 1881 года, Савва писалъ въ Ташкентъ преосвященному Александру: «При переводѣ съ Харьковской епархіи на Тверскую, меня изъ Спб. увѣряли, что въ Твери, послѣ такихъ великихъ свѣтилъ, какъ Платонъ, Филаретъ, Григорій, Филоѳей и др., все должно обстоять въ наилучшемъ видѣ, ничего не встрѣтится темнаго и мрачнаго. Между тѣмъ, на первыхъ же порахъ моего здѣсь пребыванія, мнѣ представилась очень мрачная картина. Въ Консисторіи оказалось такое же кривосудіе, лицепріятіе и мздоимство, яко же и вездѣ; по монастырямъ, коихъ здѣсь очень немало, распущенность дошла до убійствъ; нигдѣ между бѣлымъ духовенствомъ не встрѣчалъ я такого пьянства, какъ здѣсь. Но верхъ безобразій и непорядковъ нашелъ я въ здѣшней семинаріи, многолюднѣйшей изъ всѣхъ Русскихъ семинарій (до 800 воспитанниковъ). Въ прошедшемъ году назначено было сюда двѣ ревизіи: одна по учебно-педагогической и административной части, а другая исключительно по экономической. По той и другой ревизіи главнымъ виновникомъ всѣхъ безпорядковъ оказался ректоръ, къ сожалѣнію, мой воспитанникъ по Академіи. Само-собою разумѣется, что онъ удаленъ уже отъ должности. Произведенъ въ прошедшемъ Январѣ выборъ новаго ректора; избранъ свѣтскій инспекторъ Смоленской семинаріи Соколовъ и мною представленъ въ Синодъ, но избранный еще не утвержденъ Синодомъ. При этомъ выборѣ ученая корпорація наша раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, хотя эта взаимная вражда существовала и прежде, и мнѣ поручено Синодомъ умиротворить эту вражду и вообще водворить въ семинаріи порядокъ. Можете послѣ сего судить, каково мое здѣсь положеніе; не лучше Витебскаго!..»

Изъ Владимира викарный Іаковъ 9-го Апрѣля писалъ: «Архіепископъ Филаретъ (Гумилевскій) вызванъ въ Синодъ для присутствованія именно вслѣдствіе Девіеровскаго дѣла. Ему долѣе оставаться въ Харьковѣ нельзя было. Слишкомъ много грязи накидали на него и на монастыри, не исключая и архіерейскаго дома. Синодъ на этотъ разъ очень ловко поступилъ, взявъ его къ себѣ подъ покровъ. И преосв. Филаретъ и я въ одно время пріѣхали въ Москву; но я предупредилъ его визитомъ къ владыкѣ *), который въ то время жилъ въ скиту. Это было въ Іюнѣ. Изъ краткаго моего словеснаго отчета владыка узналъ обстоятельство, насколько неправъ былъ гость, и два дня пробиралъ его. Что̀ за келію было передано, того изъ письменнаго отчета не видно. Успѣшному ходу слѣдствія по доносу помогъ губернаторъ И. Д. Лу-

*) Митрополитъ Филаретъ.

жинъ. Позвавъ къ себѣ Девіера, онъ спросилъ его, кто писалъ ему доносъ, и, узнавъ, что составлялъ пасквиль чиновникъ Наколовъ (Кіевскій уроженецъ), онъ тотчасъ донесъ министру о пасквилянтахъ и получилъ приказаніе Наколова удалить изъ города въ 24 часа, а графу воспретить выѣздъ изъ имѣнія. Я свободно могъ вести слѣдствіе, никѣмъ нестѣсняемый».

Девіеровское дѣло состояло вотъ въ чемъ. Оно возникло въ 1857 году по обоюднымъ жалобамъ Харьковскаго помѣщика графа Девіера и игуменьи Хорошевскаго монастыря Антонины, при чемъ графомъ Девіеромъ на преосв. Филарета было возведено обвиненіе въ подкупѣ. Игуменья Антонина жаловалась Филарету, что графъ Девіеръ съ братьями дѣлали монастырю непріятности: курили сигары, пѣли пѣсни у ограды, пускали фейерверки; затѣмъ графъ Девіеръ сманилъ у монахини Рахили племянницу Татіану, жившую много лѣтъ въ монастырѣ и потомъ привелъ ее къ обѣднѣ «одѣтую неприлично, съ открытою таліею». Когда ихъ стали просить удалиться изъ храма, то они не послушались, стояли неприлично и смѣялись. Кромѣ того Девіеръ дѣлалъ игуменьѣ угрозы и кричалъ, что будетъ стрѣлять въ монастырь изъ ружья. Дѣло по этой жалобѣ перешло въ Губернское Правленіе, которое назначило слѣдствіе. Девіеръ съ своей стороны жаловался на оскорбленіе, нанесенное его женѣ Татіанѣ, на которой онъ женился: будто бы при выходѣ изъ церкви ее нарочно облили помоями. Въ дальнѣйшихъ своихъ просьбахъ Девіеръ заявлялъ, что къ нему приходилъ одинъ извѣстный ему человѣкъ съ предложеніемъ отъ архіеп. Филарета кончить все это дѣло миромъ Но, такъ сказать, вѣнецъ убѣжденія былъ не въ устахъ посредника, а въ 1500 рубляхъ серебромъ, которые онъ и предложилъ отъ имени его высокопреосвященства. Выразивъ свое согласіе на мировую и принявъ предлагаемыя деньги (такъ какъ пріятно воспользоваться ошибкою противника и употребить на что-либо благое), Девіеръ однакоже просилъ Консисторію продолжать начатое дѣло, и оно продолжалось со всевозможными кляузами съ обѣихъ сторонъ. Въ концѣ-концовъ дѣло дошло до высочайшаго усмотрѣнія Императора, который повелѣлъ оное прекратить. Девіеръ былъ высланъ изъ губерніи на три мѣсяца, а игуменьѣ Антонинѣ и казначеѣ Елисаветѣ Синодомъ было предписано, удалясь изъ Хорошевской обители, избрать для жительства другіе монастыри. Самъ Филаретъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ и затѣмъ перемѣщенъ на Черниговскую епархію *).

*) Болѣе подробно это интересное дѣло напечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1888 г., т. XXXIII.

Въ этомъ же письмѣ преосв. Іаковъ сообщаетъ, что по поводу катастрофы 1-го Марта «у насъ привлечены къ слѣдствію три священника. Это очень смутило насъ, особенно владыку *). Двое, кажется, оправдаются, а одинъ уличается свидѣтелями въ говореніи дерзкихъ рѣчей противъ усопшаго Государя». На это сообщеніе Савва отвѣтилъ: «По поводу катастрофы 1-го Марта получилъ и я не одну уже жалобу на нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ, которыхъ и привлекаю, конечно, къ отвѣту. Смутное и тяжелое переживаемъ время».

«6-го Іюля дошли до меня слухи, заноситъ въ свой дневникъ Савва, вѣрныя свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи высокопреосвященнаго Филоѳея, митрополита Кіевскаго. Къ великому прискорбію всѣхъ его чтущихъ, онъ впалъ въ разстройство умственныхъ силъ. Причиною этого печальнаго и ни для кого неожиданнаго состоянія досточтимаго іерарха одни полагаютъ нравственное потрясеніе вслѣдствіе ужаснаго событія 1-го Марта; другіе—крайнее истощеніе организма отъ недостаточнаго питанія и чрезмѣрно усиленныя занятія епархіальными дѣлами и экстренными порученіями отъ Св. Синода; иные приписываютъ душевное разстройство владыки вліянію подметныхъ писемъ отъ соціалистовъ, въ коихъ угрожали взрывомъ Кіево-Печерской лавры; наконецъ, на это разстройство имѣло, говорятъ, вліяніе извѣстное уголовное дѣло о вдовѣ надворнаго совѣтника Булахъ, одной изъ учредительницъ Ржевскаго Училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства. Но очень вѣроятно, что всѣ эти причины въ своей совокупности произвели печальную катастрофу въ состояніи здоровья Кіевскаго святителя».

О болѣзни и послѣднихъ дняхъ Филоѳея въ дневникѣ Саввы есть немало записей. Такъ, будучи въ Петербургѣ, Филоѳей чрезъ оберъ-прокурора подавалъ прошеніе на высочайшее имя, писанное на осьмушкѣ почтовой бумаги, съ явнымъ отсутствіемъ логической послѣдовательности. Въ этомъ прошеніи Филоѳей жаловался, что Синодъ, будто бы, отлучилъ его отъ церкви и проклялъ какъ еретика, вслѣдствіе чего митрополитъ, не ища ничего для себя, предлагалъ Государю нѣкоторые вѣрноподданническіе совѣты. По пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ сдѣлался такимъ раздражительнымъ, что разрывалъ на себѣ одежды и обнаженный бѣгалъ по комнатѣ; его съ трудомъ удерживали, никого не принималъ, даже родственниковъ, пріѣхавшихъ изъ Ярославля. Филоѳей умеръ 30-го Января 1882 года.

---

*) Еп. Ѳеогноста.

Безспорно, что умопомѣшательство и смерть Филоѳея произошли въ ожиданіи печальныхъ послѣдствій отъ сообщничества съ Булахъ, обобравшей несчастную Мазурину, во время бытности его на Тверской епархіи. Это подтверждается и приводимыми у преосв. Саввы письмами. Такъ Т. И. Филипповъ писалъ: «Высокопреосвященный Филоѳей дѣйствительно очень встревоженъ этимъ дѣломъ, которое его приближенными признается за главную причину его умственнаго разстройства. Я все себѣ задавалъ вопросъ, въ какомъ именно видѣ выразилось его участіе въ дѣлѣ о передачѣ капиталовъ Мазуриной, и ничего другого придумать не могъ и не могу, кромѣ слѣдующаго гадательнаго предположенія: когда грабительница *) подстроила поѣздку Мазуриной на Алтай, тогда онѣ обѣ ѣздили въ Тверь, гдѣ и произошла, если не ошибаюсь, передача, такъ не далъ ли на это дѣло неосмотрительный владыка своего благословенія? Одно мѣшаетъ согласиться съ симъ предположеніемъ: владыка никогда не былъ неосмотрительнымъ, напротивъ всегда блюлъ форму самымъ строгимъ образомъ. Не пишу вамъ подробностей, которыя не оставили бы въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что бѣда владыки имѣетъ корень въ Мазуринскомъ дѣлѣ; скажу только, что въ бесѣдѣ со мною 16 Іюля въ Голосѣевѣ онъ не могъ не заговорить о немъ со мною. Тогда она была уже въ тюрьмѣ, но я отъ него это собственно обстоятельство утаилъ. Его же занималъ вопросъ о томъ, прекратилось ли о Булахъ дѣло, или нѣтъ».

Да и самъ преосв. Савва записалъ, что у него былъ въ числѣ гостей судебный слѣдователь Ржевскаго Окружнаго Суда Лагоріо, который производилъ слѣдствіе по дѣлу Булахъ. Онъ передавалъ, что запросъ, сдѣланный по этому дѣлу въ Петербургѣ митрополиту Филоѳею, былъ ближайшею причиною его умственнаго разстройства.

Затѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Т. И. Филиппову преосв. Савва, упоминая о смерти Филоѳея, говоритъ: «Какая странная судьба постигаетъ лицъ, прикосновенныхъ къ извѣстному Ржевскому дѣлу! Владыка Филоѳей разстроился въ умѣ, судебный слѣдователь Барабинъ повѣсился (21-го Ноября), товарищу прокурора Лагоріо, какъ слышно, сдѣлано предостереженіе. Не пришлось бы и мнѣ съ вами потерпѣть что-нибудь недоброе? Да сохранитъ насъ отъ сего Господь! Неизвѣстно ли вамъ, какъ смотрятъ на этотъ процессъ въ Петербургскихъ высшихъ, разумѣется, судебныхъ сферахъ?» Однако, какъ потомъ заноситъ далѣе въ свой дневникъ Савва, по сообщенію Викторова, оказывается, что Барабинъ не самъ удавился, а его удавили, и неудивительно...

*) Разумѣется Н. А. Булахъ († въ ссылкѣ, въ Сибири въ 1891 г.).

Скорбя о свѣтильникѣ церкви Кіевской и Всероссійской, составитель акаѳистовъ, А. Ѳ. Ковалевскій писалъ: «Не скрою предъ вами и скорби моей на газеты, что съ особымъ злорадствомъ разнесли вѣсти о томъ, что высокопреосвященный Филоѳей оставилъ по себѣ 97,000 рублей, воспроизвели подробности описи его имущества гражданскими властями, намекаютъ на иски отъ его наслѣдниковъ. Къ чему все это обнародовать, кому полезно это знать? Если я, знавши лично святителя и его св. жизнь, и то нѣсколько удивился и смутился тѣмъ, что копилъ онъ капиталъ (чего учитель его, Филаретъ Московскій былъ вполнѣ чуждъ): то какія же сужденія могутъ вызвать о немъ и вообще архіереяхъ, въ лицахъ свѣтскихъ, подобныя повѣствованія съ разными комментаріями при нихъ? Горестное время, въ которое все и вся пишутъ и печатаютъ безъ разбора. Отъ души желаю, чтобы всѣ эти повѣсти оказались преувеличены и ложны, и были опровергнуты близкими къ святителю лицами. Я помню, какъ покойный Антоній [1]) возмущался описью наслѣдства митрополита Арсенія [2]) и требованіями его наслѣдниковъ; но тогда хоть въ печать не проникло ничего подобнаго, что̀ видимъ теперь».

Опять виноваты газеты, раскрывшія корыстолюбіе и мздоимство Кіевскаго владыки, котораго почитатели уже готовы были причислить къ лику святыхъ, что̀ видно изъ письма дѣйств. статскаго совѣтника Виноградова: «Въ 17-й день по кончинѣ святителя Филоѳея, мнѣ, къ душевному утѣшенію, довелось быть въ его усыпальницѣ и поклониться избраннику Божіему. При этомъ добрымъ инокомъ приподнята была нѣсколько верхняя часть гроба, наглухо до того закрытая. Святитель покоится какъ бы въ глубокомъ снѣ, и въ воздухѣ, окружающемъ его, едва-едва ощущается мертвенность. Рядомъ съ новопреставившимся святителемъ Филоѳеемъ покоится блаженной памяти митрополитъ Кіевскій Филаретъ [3]), скончавшійся въ Декабрѣ 1857 года. Гробъ цѣлъ, только бархатная обивка онаго нѣсколько потемнѣла, нѣсколько повредилась, также приподнята была нѣсколько верхняя часть гроба. Видимое чудо Божіе: святитель почиваетъ какъ бы въ близкіе дни погребенный. Съ благоговѣніемъ выходя изъ усыпальницы святителей, въ сердцѣ моемъ говорилось: Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ. Я увлекся разсказомъ, но сознаю, что это довѣренно сообщается также святителю Божіему».

Въ святости Филоѳея первое время не сомнѣвался, очевидно, и самъ Савва, что̀ видно изъ письма его къ Горскому, сбиравшемуся въ

---

[1]) Амфитеатровъ, архіеп. Казанскій † 8 Ноября 1879 г.

[2]) Москвина II-го, митр. Кіевскаго † 28 Марта 1876 г.

[3]) Амфитеатровъ.

Кіевъ. «Когда вы будете тамъ, писалъ преосвященный, то поклонитесь и отъ меня гробу свято-почившаго владыки. О неповрежденности его тѣлесныхъ останковъ писали и мнѣ изъ Кіева. Видно, надъ сими останками исполняется слово Писанія: Хранитъ Господь вся кости ихъ, и не едина отъ нихъ сокрушится».

Но вскорѣ послѣ этихъ писаній владыка началъ получать извѣстія другого рода. «На счетъ воспоминаній моихъ, писалъ ему тотъ же Ковалевскій, о почившемъ митроп. Филоѳеѣ, Лаврскій отецъ намѣстникъ какъ-то замялся дать свое разрѣшеніе, почему я и не настаивалъ. Удивила меня вообще перемѣна въ лаврѣ къ Филоѳею: что-то не стали его тамъ долюбливать, и къ кому ни относился съ разговоромъ о немъ, все слышалъ уклончивые, сухіе отзывы, а высокопреосвященный Платонъ такъ и совсѣмъ критически отнесся къ нему и къ собранному имъ для наслѣдниковъ своихъ капиталу. Кажется, это и въ лаврѣ охладило къ нему усердіе многихъ; впрочемъ, это въ порядкѣ вещей: нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествіи своемъ». Оставшаяся послѣ Филоѳея и найденная въ угольникѣ подъ образами такая крупная сумма денегъ волновала не однихъ міряпъ, но и архіереевъ. Предсѣдатель Нижегородскаго Окружного Суда Ринкъ писалъ владыкѣ: «На Страстной недѣлѣ, говѣя, я посѣщалъ крестовую церковь, гдѣ ежедневно отправлялъ служеніе преосв. Макарій. Во Вторникъ, по окончаніи литургіи, подхожу къ преосвященному подъ благословеніе и заявляю, что мнѣ прислано изъ Кіева описаніе погребенія митроп. Филоѳея. Вотъ, отвѣчаетъ владыка, умри вы и окажись у васъ 90,000 сер., начнутъ говорить, награбилъ; а у святителя нашлись 90,000 р., это ничего».

Впрочемъ, и самъ Макарій, переведенный въ 1885 году изъ Нижняго въ Вятку, оставилъ послѣ себя († 1894 г.) немного менѣе Филоѳея. Во время его управленія Нижегородской епархіею сложились цѣлыя легенды и ходило множество злыхъ стихотвореній. Поступающіе на мѣста кандидаты хорошо знали нелюбостяжательность владыки и его присныхъ.

„Продаются мѣста,
Да цѣна ужъ не та:
Меньше ста и мараться не станутъ.
Если дашь пощедрѣй,
Будетъ дѣло скорѣй,
Да и мѣсто „безъ взятья“ достанутъ.
А не хочешь—ступай,
Во дьячки поступай,
Года два поучиться заставятъ.
А потомъ позовутъ
И невѣсту найдутъ,
И бѣднѣйшій приходъ предоставятъ“ и т. д.

Но самую лучшую оцѣнку Филоѳея безспорно сдѣлалъ его сослуживецъ преосвященный Порфирій въ Книгѣ своего бытія, приравнивъ его къ безплодному полуизсохшему древу.

Между тѣмъ дѣло Булахъ и Мазуриной, оставленное Филоѳеемъ въ наслѣдство Саввѣ, все продолжало безпокоить владыку. Еще въ Ноябрѣ 1880 г. онъ писалъ Т. И. Филиппову, что поручилъ соборному протоіерею произвесть изслѣдованіе о своеволіи Булахъ, но до сихъ поръ не имѣетъ свѣдѣній о результатѣ этого изслѣдованія. Владыка очень сожалѣлъ, что ихъ не посѣтилъ оберъ-прокуроръ: при личномъ свиданіи удобнѣе было бы разъяснить не только это вопіющее дѣло, но и много другихъ дѣлъ, которыя безпокоили и озабочивали его еще болѣе, чѣмъ Ржевское.

Т. И. Филипповъ увѣдомлялъ Савву, что онъ начинаетъ дѣло о погребеніи заживо Анны Васильевны Мазуриной въ стѣнахъ Ржевскаго Духовнаго Училища, ибо совѣсть не дастъ ему покоя, если онъ не обнаружитъ этого грандіознаго мошенничества. 9-го Февраля 1881 года Савва пишетъ Т. И. Филиппову, что Булахъ не даетъ ни ему, ни училищному персоналу покою, забросала бумагами и всѣмъ надѣлала множество огорченій и безпокойствъ. «Какъ бы предчувствуя свою бѣду, она излила на насъ всю свою злобу. Ничего не желалъ бы болѣе, какъ удаленія отъ училища Булахъ». Наконецъ началось формальное слѣдствіе. Владыка у себя давалъ объясненіе товарищу прокурора Ржевскаго Окружнаго Суда Лагоріо по дѣлу Булахъ, обвиняемой въ насильственномъ заключеніи и угнетеніи другой учредительницы того же училища, дѣвицы Мазуриной. Это преосвященный и отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 16-го Мая, а 29-го Мая имъ было послано въ Св. Синодъ представленіе объ отмѣнѣ проектовъ устава Ржевскаго училища, по которымъ Булахъ имѣла право пожизненно оставаться въ училищномъ домѣ и вмѣшиваться въ дѣла училищнаго правленія.

Вскорѣ Т. И. Филипповъ писалъ владыкѣ: «7-го Іюля я выѣзжаю изъ Ржева въ Кіевъ и другіе города по дѣламъ службы. Здѣсь всѣ заняты дѣломъ Мазуриной, которую я самъ видѣлъ. Просидѣвъ съ нею въ бесѣдѣ около часу, я вынесъ надежду, что она, можетъ быть, совсѣмъ поправится. Жена, которая видѣла ее еще въ ея тюрьмѣ и которая вывела ее оттуда, радостно удивляется той перемѣнѣ, которая съ той минуты съ нею произошла. Въ минуту освобожденія ея изъ комнаты заключенія она была похожа на испуганнаго звѣрька; теперь же она оболчена и до нѣкоторой степени смыслящa. Она вспоминала со мною многое изъ ея прежней жизни и меня вообще почти совсѣмъ не дичилась. Къ женѣ она тоже питаетъ явное сочувствіе и всегда ра-

дуется ея появленію. Звѣроподобная же Булахъ заточена къ общему ликованію». Только 6-го Февраля 1882 года Савва могъ отвѣтить Т. И. Филиппову, что до его свѣдѣнія было доведено, что «Ржевское полицейское управленіе, вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, признавшаго Мазурину малоумною, потребовало отъ училищнаго правленія выдачи принадлежавшаго ей денежнаго капитала (5000 р.) и вещевого имущества, которое оказалось совершенно ничтожнымъ. Требованіе, конечно, исполнено, и тѣмъ, вѣроятно, окончатся всѣ истязанія членовъ училищнаго правленія. Дай-то Богъ!»

Затѣмъ въ Апрѣлѣ Саввою было получено два прошенія отъ опекунши А. В. Мазуриной Ерофѣевой. Въ одномъ изъ нихъ она спрашиваетъ, кѣмъ положены въ Государственный Банкъ 5000 рублей (сверхъ 95 тысячъ на обезпеченія училища) и кто пользовался по настоящее время процентами съ этой суммы? Въ другомъ она проситъ высылать, за отмѣною преподаванія въ училищѣ Французскаго языка, назначенные на этотъ предметъ 166 рублей, въ пособіе къ содержанію несчастной Мазуриной.

Интересна бесѣда Саввы съ ректоромъ Московской Духовной Академіи Смирновымъ, которую онъ излагаетъ въ своихъ Запискахъ, и свѣдѣнія о митрополитѣ Московскомъ Макаріи. «Сколько онъ расположенъ къ своему второму викарію, епископу Можайскому Алексѣю, столько же далекъ отъ Амвросія будто бы изъ ревности къ его проповѣдническому дару. Между тѣмъ Амвросій, отличаясь даромъ слова, не имѣетъ довольно учености и даже вовсе не любитъ читать книги. Напротивъ, еп. Алексій, не обладая даромъ краснорѣчія, превосходитъ Амвросія ученостію и въ особенности затмѣваетъ его добрыми нравственными качествами, коими привлекаетъ къ себѣ общее расположеніе Москвичей, къ досадѣ и неудовольствію Амвросія».

О намѣстникѣ Троицкой лавры, архимандритѣ Леонидѣ (Кавелинѣ), онъ пишетъ: «Леонидъ избранъ митрополитомъ Иннокентіемъ на мѣсто архимандрита Антонія, вопреки предостереженія митрополита Петербургскаго Исидора. Намѣстничества домогался бывшій Серпуховскій архим. Мелетій и предлагалъ сыну митрополита, протоіерею Гавр. Ив. Веніаминову, значительную сумму, но договоръ почему-то не состоялся».

О бывшемъ епископѣ Смоленскомъ Іоаннѣ (Соколовѣ): «Онъ былъ воспитанникомъ Смирнова по Академіи. Предъ окончаніемъ курса, въ Маѣ 1842 г. во время прогулки съ нимъ въ рощѣ за Сергіевскимъ посадомъ, Іоаннъ поразилъ его неожиданнымъ объявленіемъ мысли о принятіи монашества. При этомъ объяснилъ, что, при постриженіи въ монашество, онъ имѣетъ цѣлію исправленіе ошибокъ въ управленіи Рус-

скою церковію со стороны Синода и парализованіе самовластія оберъ-прокурора, графа Протасова. Таковы были замыслы гордаго, молодого студента! Но этимъ замысламъ не суждено было осуществиться».

Другая бесѣда съ ректоромъ Воронежской семинаріи тоже заслуживаетъ вниманія.

«Бесѣдовали о Воронежѣ, о преосв. Серафимѣ, о его замкнутой для должностныхъ лицъ жизни, объ отношеніяхъ его къ секретарю Консисторіи, котораго онъ не принимаетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, о безусловномъ довѣріи къ одному изъ членовъ Консисторіи, о немирныхъ отношеніяхъ его къ губернатору Богдановичу. Разсказывалъ о. Пѣвницкій о совершившейся съ нимъ самимъ катастрофѣ, угрожавшей ему смертью, т. е. о взрывѣ въ его кабинетѣ, произведенномъ учениками семинаріи; объ угрозахъ смертію со стороны той же мятежной партіи ревизору Ненарокомову» и пр.

Ѳ. И. Буслаевъ, посѣтившій преосв. Савву, также передавалъ Петербургскія новости. Между прочимъ, онъ сообщилъ о томъ, что графъ Строгановъ говорилъ ему въ свое время, что реформы, предпринятыя покойнымъ Государемъ Александромъ II, не пройдутъ для него даромъ, упадутъ на его голову, что̀, къ несчастію и сбылось.

Въ письмѣ Т. И. Филиппова, полученномъ 25 Марта 1882 года, между прочимъ сообщалось. «Въ дѣлахъ правительственныхъ есть нѣчто отрадное: удаленіе барона Николаи спасло дѣло народнаго просвѣщенія отъ прямой гибели; назначеніе Делянова есть залогъ шествія по прямому пути. Дай ему Богъ силу духа, дабы онъ возмогъ противиться въ день лютъ грозному ополченію духовъ злобы поднебесныхъ!»

Печальное событіе 1-го Марта и перемѣна направленія въ высшихъ сферахъ породили множество борцовъ и радѣтелей за незыблемость основъ и Православіе. Одинъ изъ таковыхъ—извѣстный писатель по сельскому хозяйству, составившій прекрасный словарь сельско-хозяйственныхъ растеній,—И. У. Палимпсестовъ сочинилъ брошюру «Голосъ міряніна», которая очень понравилась преосв. Саввѣ. Палимпсестовъ, благодаря Савву за сочувствіе, писалъ ему: «До тяжелыхъ временъ дожили мы; но что́ ожидаетъ насъ, если постараются окончательно принизить, обезличить, ослабить послѣднюю нравственную силу въ Русскомъ народѣ,—силу духовной власти?.. Что̀ посѣютъ, то и пожнутъ! Такъ обыкновенно говаривалъ мой незабвенный другъ и отецъ, почившій святитель Гурій, котораго потерю я не перестаю оплакивать. Но какова будетъ жатва? Не будетъ ли она—жатва крови и желѣза?..

О, Господи! спаси Царя и услыши ны». ЗатѣмъПалимпсестовъ жалуется на неправославное глумленіе газетъ и на «Русскую Рѣчь», помѣстившую въ Январской книжкѣ 1881 г. статью Е. Маркова подъ названіемъ «Религія въ народной школѣ», гдѣ Русское духовенство названо жрецомъ православнаго капища, всею жизнью своею провозглашающимъ одинъ грубый культъ мамоны. Письмо почтеннаго дѣйствительнаго стат. сов. Ивана Устиновича кончается, разумѣется, тѣмъ, чѣмъ всегда оканчиваются письма ревнителей, т. е. готовностью составить сборникъ въ защиту Православія въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ съ тѣмъ, чтобы за деньги *распредѣлять по епархіямъ*.

Изъ Вѣрнаго преосвященный Александръ писалъ: «Желаю облегчить предъ вами свое наболѣвшее сердце, но боюсь, чтобы не сказать въ письмѣ жестокой фразы, такъ какъ нелѣпѣйшее изъ человѣческихъ учрежденій, Консисторія, въ которой секретарь играетъ болѣе преобладающую роль, чѣмъ оберъ-прокуроръ въ Синодѣ, до сихъ поръ не даетъ мнѣ покоя, парализуетъ всѣ мои дѣйствія, ставитъ преграды на всякомъ шагу. На окраинахъ свѣтское правительство признаётъ необходимымъ и полезнымъ усиливать власть мѣстныхъ правителей учрежденіемъ званія генералъ-губернатора, по нашему же вѣдомству чѣмъ отдаленнѣе епархіальный начальникъ отъ центра управленія, тѣмъ онъ безпомощнѣе. Секретарю полное довѣріе, архіерею—никакого. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ моимъ предмѣстникомъ. Онъ неоднократно доносилъ бывшему тогда оберъ-прокурору о разныхъ художествахъ секретаря, о его наклонности къ азартной игрѣ, о дурномъ поведеніи, объ обидахъ и оскорбленіяхъ, словомъ и дѣломъ, на письмѣ и на словахъ, лично и чрезъ своихъ клевретовъ, наносимыхъ ему, 80-тилѣтнему старцу. И что же? Не только не защитили, допустивъ консисторскому сатрапу задушить свою жертву (Софроній, какъ это всѣмъ извѣстно у насъ, умеръ отъ огорченія, причиненнаго ему секретаремъ и его достойнымъ камрадомъ, каѳедральномъ протоіереемъ), но даже меня не предупредили о грядущей опасности. Господи, за что такая неправда? Но довольно объ этомъ... Владыко святый, когда будете засѣдать въ Синодѣ (время это близко), Бога ради, возбудите вопросъ о преобразованіи Консисторіи! Пусть она будетъ помощницей архіерея, а не тормозомъ; пусть секретарь завѣдуетъ канцеляріей и писцами, а не эрархіей; пусть онъ даетъ отчетъ архіерею, который имѣетъ возможность учесть его, а не кому-то тамъ живущему за горами и долами, который, не читавши, бросаетъ эти отвѣты подъ столъ, въ корзинку; наконецъ, пусть прекратится это возмутительное запанибратство секретарей Консисторій съ оберъ-прокуроромъ, въ силу котораго первые, т. е. секретари, имѣ-

отъ право непосредственно и безнаказанно сообщать конфиденціально оберъ-прокурору всякія мерзости, большею частію злостныя и ложныя, объ архіереѣ, духовенствѣ и епархіи. Такого нравственно-растлѣвающаго безобразія нѣтъ ни въ одномъ вѣдомствѣ. Здоровье мое слабо, и, кажется мнѣ, не протяну долго. Не хотѣлось бы умереть слишкомъ далеко отъ родныхъ могилъ. Но мнѣ говорятъ, что самъ я себѣ загородилъ дорогу, взявшись за устройство миссіонерскаго монастыря. Слишкомъ много чести! Устраиваю монастырь не я, а преосв. Амвросій и К. П. П., единственный оберъ - прокуроръ, возлюбившій славу Божію паче славы человѣческой». Этотъ пр. Александръ одинъ изъ самыхъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ архіереевъ, впрочемъ, не долго пробылъ въ Ташкентѣ. Переведенный въ 1883 году въ Кострому, онъ скончался въ 1888 г. и оставилъ по себѣ прекрасную память.

1882 годъ преосв. Савва заканчиваетъ письмомъ, полученнымъ имъ отъ преосв. Алексѣя, епископа Можайскаго, съ скорбнымъ извѣстіемъ о тяжкой болѣзни преосвященнаго Михаила, епископа Курскаго. «Ему угрожаетъ параличный ударъ. Отъ 20-го Декабря мнѣ телеграфировалъ профессоръ Вороновъ, что здоровье преосвященнаго поправляется, но опасность удара еще не миновала. Удивительное дѣло, какъ умножились въ послѣднее время эти удары. Помолитесь о семъ полезнѣйшемъ дѣлателѣ вертограда Христова. Дарованія его велики, и много еще онъ могъ бы сдѣлать для Церкви. Труды его назидаютъ и утѣшаютъ православныхъ христіанъ».

Преосвященный Михаилъ, впрочемъ, жилъ еще болѣе четырехъ лѣтъ и скончался 20-го Марта 1887 года. Знаменательна судьба этого талантливаго духовнаго писателя. На послѣднемъ курсѣ Московской Духовной Академіи Матвѣй Ивановичъ Лузинъ готовилъ себя къ свѣтской научной дѣятельности, но передъ самыми экзаменами совершилъ паденіе, которымъ былъ не безгрѣшенъ и праотецъ нашъ Ной. Паденіе это было осложнено и другими обстоятельствами очень крупнаго свойства, такъ что дѣло грозило окончиться совершеннымъ исключеніемъ Лузина. Оставалось одно: или быть изгнаннымъ или принять монашество. Лузинъ избралъ послѣднее. Оставленный при Академіи, онъ былъ потомъ профессоромъ, инспекторомъ и ректоромъ. Самое лучшее его сочиненіе—докторская диссертація о Евангеліи и Евангельской исторіи по поводу книги Ренана «Жизнь Іисуса». (Москва 1864 г.) Жаль, что до сего времени нѣтъ обстоятельной біографіи этого выдающагося архіерея-писателя.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій. 2 Февраля 1906

ИЗЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Это было давно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда граждане Нижняго Новгорода, а также и купечество другихъ городовъ Россійской имперіи, пріѣзжавшее сюда на ярмарку по своимъ торговымъ дѣламъ, считали своею непремѣнною обязанностію побывать во время архіерейскаго богослуженія въ каѳедральномъ соборѣ, чтобы усладиться тѣмъ, поистинѣ, величественнымъ и благоговѣйнымъ зрѣлищемъ, которое проявлялось въ величайшей красотѣ, выполняемое всѣми участвовавшими тогда въ богослуженіи лицами, начиная съ преосвященнаго Іоанна и кончая послѣднимъ псаломщикомъ. И дѣйствительно: каждый изъ совершавшихъ богослуженіе, строгій и серьезный въ исполненіи своей обязанности, тщательно выхоленный и обряженный какъ невѣста, обладая при этомъ величественною осанкою, соединенною съ спокойною и ровною поступью, разсчитанною какъ будто бы по мѣркѣ, все это взятое вмѣстѣ вполнѣ гармонировало съ хорошими голосами въ стройномъ и пріятномъ пѣніи тогдашнихъ пѣвчихъ. Но особенно хорошъ былъ протодіаконъ Іоасафъ Егорычъ, мужчина полный, съ широкою грудью, роста, можно сказать, высокаго, съ величественною осанкою и походкою какъ пава, а голосъ — голосъ просто чудо! густой, органистый, звучный, какъ колоколъ, и ровный во всѣхъ видахъ, начиная съ октавы и кончая самыми высокими нотами. По отзыву знающихъ лицъ не было ему подобныхъ даже во всей Россіи, исключая, разумѣется, императорскихъ придворныхъ. Да великій же онъ былъ искусникъ и въ служеніи, и въ пѣніи; эктенію говорилъ не стѣсненно, спокойно, ровно и четко такъ, что каждое слово его одинаково внятно слышно было какъ стоящимъ у амвона, такъ и у дверей, даже и на волѣ, если двери въ это время были отворены. Но всего лучше читалъ онъ Евангеліе и говорилъ многолѣтіе: четко, толково и ровно, идя къ верху, какъ по ступенямъ, безъ всякаго волненія и оканчивая самыми высокими нотами, чисто и пріятно, безъ всякаго уханья. А какъ, бывало, скажетъ октавой «вонмемъ», точно крупной дробью разсыплетъ по всему собору. Просто удивленіе! Всего же замѣчательнѣе было, когда онъ выполнялъ Православіе, гдѣ и читалъ, и пѣлъ, можно сказать, неподражаемо, а какъ грянетъ своей могучей грудью «анаѳема», точно громомъ ударитъ по всему собору, даже страшно дѣлалось. Это былъ въ полномъ смыслѣ баловень природы изъ числа являющихся на свѣтъ Божій вѣками, и не даромъ его считали всѣ за великаго артиста. Вотъ даже и на мавзолеѣ его надпись, начертанная однимъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ

и знаменитыхъ въ то время проповѣдниковъ П. Н. Лебедевымъ. «Всѣ дарованія съ жизнію оканчиваются; одна добродѣтель, украшающая человѣка, спокойно препровождаетъ его въ обитель вѣчности».

Іоасафъ Егорычъ и въ буденное время почти не пропускалъ въ соборѣ ни одной службы, и любимымъ его дѣломъ было пѣть на правомъ клиросѣ и притомъ, чтобы одному: онъ не любилъ, чтобы ему мѣшали. Въ то время, впрочемъ, вообще было принято всѣми соборянами, не исключая даже и священниковъ, въ буденное время непремѣнно пѣть на клиросахъ, особенно въ великомъ посту въ преждеосвященныя литургіи. И умилительно же тогда было пѣніе соборянъ, потому что всѣ, какъ наподборъ, были съ хорошими голосами и въ пѣніи большіе искусники; пѣніе же было столповое, т. е. старинное монастырское. Чтó за прелесть бывало, когда Іоасафъ Егорычъ и съ нимъ діаконъ Константинъ Егорычъ, залетный теноръ, да еще человѣка два-три изъ соборянъ, пѣвали въ Страстную Великую Субботу предъ плащаницею «блажени непорочніи», — прочто чудо! Господи Боже мой, говорилъ въ умиленіи сердца регентъ Сергѣй Александрычъ Магницкій, можно ли еще спѣть лучше этого! Самъ же Сергѣй Александрычъ хотя и не изъ капеллы, но, можно сказать, выросъ въ пѣвчихъ и обучался подъ руководствомъ лучшаго въ то время регента, капеллиста Крейсова; поэтому и хоръ свой онъ поставилъ на высоту совершенства такъ, что, во время посѣщенія Н. Новгорода Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, находившійся въ его свитѣ капеллистъ такое высказалъ мнѣніе относительно хора Сергѣя Александрыча, что, посѣтивши семь губерній, лучше здѣшняго пѣнія онъ не встрѣтилъ. Въ свою очередь и Государь высказалъ сожалѣніе о томъ, что протодіаконъ Іоасафъ Егорычъ уже довольно старъ, и поэтому уже не стóитъ его тревожить, чтобы брать въ придворные.

Пѣніе тогда было Бортнянскаго, эфдурное, громкое, и при всемъ этомъ все-таки бывало не услышишь ни фальши какого-либо голоса, ни перебивки и ни того, чтобы одинъ голосъ заглушалъ другой; относительно этого строго слѣдилъ Сергѣй Александрычъ, поэтому въ пѣніи и слышалась только одна прелестная мелодія. Партесное пѣніе въ соборѣ онъ ставилъ не прежде, какъ только убѣдится, что хоръ его выполняетъ извѣстную піесу безъ всякаго, какъ говорится, сучка и задоринки, чтó, разумѣется, считается въ пѣніи уже верхомъ совершенства. И сильно же былъ строгъ Сергѣй Александрычъ къ своимъ пѣвчимъ: у него ни одинъ не смѣлъ на клиросѣ ни переминаться съ ноги на ногу, ни разговаривать, тѣмъ болѣе смѣяться или оборачиваться назадъ, а всѣ должны были стоять спокойно. Онъ и самъ все это строго соблюдалъ; даже въ случаѣ неправильности или фальши въ пѣніи, онъ уже дѣлалъ замѣчанія по приходѣ въ архіерейскій домъ, гдѣ въ то время жили и всѣ пѣвчіе, большіе и мальчики. Ты что, Виноградовъ, актеръ что ли — руки въ карманъ, ногу выставилъ впередъ и голову кверху задралъ? Но спѣлъ хорошо. Это замѣчаніе Сергѣй Александрычъ сдѣлалъ своему первому тенору, который, по случаю

даннаго чрезвычайно высокаго тона для пѣнія «покаянія отверзи ми двери», не надѣялся выполнить высокія ноты въ словѣ «студными», почему и принялъ такую позу.

Какъ ни хорошо было пѣніе во время управленія хоромъ Сергѣя Александрыча, но съ прибытіемъ изъ Императорской Капеллы обучавшагося тамъ два года Виктора Побѣдоносцева *), пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ установилось еще лучше и сдѣлалось, можно сказать, неподражаемымъ. Онъ сразу измѣнилъ методу пѣнія, вмѣсто прежняго эф-дурнаго ввелъ це-дурное знаменитаго композитора и капельмейстера Императорской Капеллы Львова. Эта метода въ настоящее время регентами-самоучками изуродована, можно сказать, до неузнаваемости, несмотря на то, что всему церковному пѣнію есть полный печатный обиходъ, составленный Львовымъ. Помнится даже, что со стороны Св. Синода было вмѣнено въ обязанность епархіальныхъ преосвященныхъ эти обиходы выписать для руководства въ своихъ капеллахъ, и чуть ли не тогда же ли имъ было предписано слѣдить, чтобы пѣніе въ церквахъ производилось пѣвчими не иначе, какъ по печатнымъ нотамъ.

И такъ этотъ регентъ Побѣдоносцевъ, будучи ученикомъ Львова, не только что изучилъ, усвоилъ и понялъ всю его композицію, но, можно сказать, до костей проникся и душою его: вотъ до чего хорошо было его пѣніе. Однакоже надобно сказать, что это пѣніе все-таки никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ императорскимъ придворнымъ, гдѣ голоса и выполненіе еще много лучше. Мнѣ одинъ разъ только привелось быть на царской панихидѣ въ С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ и слушать пѣніе придворныхъ пѣвчихъ, которое такъ очаровало меня, что даже не находится и словъ, которыми можно бы было высказать всю прелесть его. Самъ же Викторъ Побѣдоносцевъ о капеллѣ придворной отзывался такъ: «я былъ два года въ ней и каждый день находился при ея спѣвкахъ, а что́ слышалъ, то желалъ бы слушать весь свой вѣкъ, и никогда бы не соскучился».

По смерти протодіакона Іоасафа Егорыча, хотя нѣкоторое время и держался въ Нижегородскомъ соборѣ прежній порядокъ, какъ относительно красоты служенія, такъ и пѣнія, но потомъ время отъ времени сталъ приходить въ упадокъ, а почему? Богъ вѣсть! Такое ли время наступило, что трудно подыскать и хорошихъ регентовъ и хорошихъ діаконовъ, или денежныхъ средствъ для этого недоставало, или же, наконецъ, всему этому причиной апатичное отношеніе самихъ преосвященныхъ, которые, можетъ быть, считаютъ совсѣмъ второстепеннымъ дѣломъ имѣть при своемъ богослуженіи хорошихъ діаконовъ и хорошихъ пѣвчихъ, — дескать была бы только теплая и усердная

*) Этотъ Викторъ прежде былъ подрегентомъ у Сергѣя Александрыча. Человѣкъ очень даровитый, выказавшій свои способности, бывши еще исполлатчикомъ, а потомъ по распоряженію преосвященнаго Іакова былъ отправленъ для усовершенствованія въ Императорскую Капеллу, гдѣ и пробылъ два года.

молитва къ Богу. Но какая бы причина ни была этому, все-таки надобно сказать, что хорошее пѣніе и торжественное богослуженіе необходимы даже и въ религіозномъ отношеніи. Не даромъ же еще въ древности у Израильтянъ имѣлась въ храмѣ и вокальная и инструментальная музыка; а въ настоящее время въ католической и лютеранской церквахъ тоже имѣются и органы, и пѣвчіе, отъ чего, естественно, болѣе возбуждаются религіозныя чувства молящихся и болѣе располагаются сердца молитвою къ Богу; при этомъ все вниманіе настроено бываетъ къ одному только чистому, святому, и забываются суеты мірскія со всѣми нуждами и печалями, злобою и ненавистію къ ближнимъ. Пріятно ли въ самомъ дѣлѣ слушать діакона съ телячьимъ мычаніемъ, или пѣвца съ козлинымъ блеяніемъ? Но хуже этого еще слушать такихъ пѣвчихъ, которые и простого-то церковнаго пѣнія складно и съ толкомъ выполнить не умѣютъ, а берутся еще за партесное, отъ чего пѣніе уродуютъ уже до безобразія. Или же какой-нибудь регентъ-самоучка, не довольствуясь печатными нотами, старается еще самъ пофантазировать, т. е. или нѣчто убавить, или же что-нибудь измѣнить, вводя при этомъ неумѣстные и черезчуръ грубые свои мотивы, или же мотивъ какой-нибудь одной піесы, хотя и съ печатныхъ нотъ, примѣняетъ къ другой, не обращая при этомъ вниманія на характеръ этой піесы, къ которой вовсе не идетъ избранный имъ мотивъ. Да объ этомъ онъ и не думаетъ; ему нужно только, чтобы былъ трезвонъ, какъ въ Москвѣ на Ивановской колокольнѣ, а затѣмъ все остальное для него пустяки. Извѣстно, что въ Москвѣ на Ивановской колокольнѣ, по нахожденію колоколовъ въ нѣсколькихъ ярусахъ, трезвонъ бываетъ самый нестройный и представляется звономъ въ разныхъ церквахъ. Далѣе еще скажу то, что иногда такіе регенты цѣликомъ выставляютъ свою композицію, дескать знай нашихъ, или берутъ съ нотъ никогда небывшихъ въ цензурѣ, какихъ-нибудь странствующихъ композиторовъ, въ родѣ Суздальскихъ офеней.

После Іоасафа Егорыча нѣкоторые изъ послѣдующихъ протодіаконовъ хотя были и не съ очень сильными голосами, но за то мастерски служили и пѣли. Одинъ только діаконъ съ Калмыцкою физіономіею, прозванный «протодіакономъ мясниковъ», производилъ между ними сильный контрастъ своею нелѣпою методою, такъ какъ пѣлъ онъ почти неумѣло, но ектеніи говорилъ четко и, можно даже сказать, что недурно; но за то при чтеніи Евангелія, Апостола и многолѣтія онъ имѣлъ обыкновеніе забираться уже черезчуръ къ верху. Вотъ напримѣръ при архіерейскомъ служеніи онъ читаетъ Апостолъ: началъ довольно низко, но не октавой (у него ея и не было), а потомъ возвышается все сильнѣе и сильнѣе, отъ чего начинаетъ ухать, а все лѣзетъ выше; при этомъ жилы на шеѣ напрыживаются толще пальца и лицо дѣлается краснымъ, какъ точно сейчасъ вышелъ изъ бани, голову къ верху задралъ и глаза на полвершка расширились, а все лѣзетъ и лѣзетъ къ верху, да наконецъ во всю мочь гаркнетъ такъ, какъ будто бы надутый воловій пузырь лопнулъ; даже отъ этого васъ точно морозомъ по кожѣ подернетъ. А мясники Шмелевъ съ Гавриломъ Ива-

нычемъ и съ другими въ компаніи стоятъ вдали и восторгаются. Эхъ, ребята, голосина-то, говоритъ Шмелевъ, словно пушка! Одинъ не изъ ихъ компаніи вздумалъ было высказать имъ свое мнѣніе и отдать при этомъ преимущество протодіакону, но Гаврила Иванычъ прямо ему отвѣтилъ, что ты ничего не понимаешь,—знай, молись только. А потомъ всѣ и начали судить каждый по своему, перебирая при этомъ всѣхъ голосистыхъ діаконовъ, начиная съ протодіакона. Долго они между собою спорили; видимо никто изъ нихъ не желалъ склониться къ чужому мнѣнію, каждый сознавая свое непогрѣшимымъ, и въ концѣ-концовъ порѣшили тѣмъ, что Костю послѣ обѣдни нужно угостить хорошенько, и пошли всѣ изъ собора вонъ. А въ это время Петръ Васильичъ задалъ уже тонъ своимъ пѣвчимъ для начала херувимской пѣсни. Начали пѣть, но для Петра Васильича показалось неладно: одинъ басъ снизилъ, теноръ въ словахъ «тайно образующе» не выждалъ окончанія такты басовой партіи, альтъ діеза не выполнилъ, а дискантъ, — какъ котенокъ запищалъ. И мечется бѣдный Петръ Васильичъ, какъ угорѣлый, отъ голоса къ голосу, принявъ при этомъ самую недовольную и сердитую физіономію. А вѣдь извѣстно, что при такихъ обстоятельствахъ весь эффектъ теряется въ пѣніи; когда видишь, что регентъ мечется изъ стороны въ сторону, значитъ идетъ пѣніе неладно, хотя самъ даже и не замѣчаешь этого.

Сверстники протодіакона Іоасафа Егорыча разсказывали, что онъ когда былъ молодъ, то во время чтенія имъ Евангелія ухо съ клироса не свѣшивай: оглушитъ! А когда Іоасафъ Егорычъ еще былъ въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчимъ, то голосъ его въ верхнихъ нотахъ былъ весьма грубъ, тяжелъ и съ уханьемъ; поэтому бывшій въ то время преосвященный Моисей, который, говорятъ, самъ былъ большой артистъ и въ музыкѣ, и въ манерахъ, задумалъ голосъ Іоасафа Егорыча, какъ говорится, отполировать и во всемъ вышколить его самого по своему, подготовляя его такимъ образомъ въ протодіаконы. Онъ училъ его и произношенію словъ, діаконскому пѣнію, походкѣ и наконецъ, какъ кадить. А такъ какъ въ архіерейскомъ домѣ неудобно было заставлять его кричать во всю мочь для полировки голоса, то лѣтомъ онъ заставлялъ его уходить раннимъ утромъ на Воробьевы горы за городъ, чтó нынѣ въ концѣ Ковалихи близъ Солдатской слободки, гдѣ онъ и разработывалъ свой голосъ сильнымъ крикомъ, слышнымъ даже, бывало, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города.

В. И. Глоріантовъ.

А. В. СТУПИНЪ И ЕГО УЧЕНИКИ.

(Арзамасская школа живописи).

I.

Исторія Русской живописи, не говоря уже о XVIII вѣкѣ, но даже болѣе поздняго времени, еще чрезвычайно мало изслѣдована. Правда, за послѣднее время появилось нѣсколько спеціальныхъ трудовъ въ области изученія Русскаго искусства, но, не смотря на все многіе, весьма интересные художники совсѣмъ оставлены въ тѣни, и о нихъ почти нигдѣ даже не упоминается.

Къ такимъ забытымъ, но интереснымъ и даже замѣчательнымъ личностямъ, принадлежитъ Александръ Васильевичъ Ступинъ. Съ именемъ Ступина нѣкоторымъ образомъ связаны исторія живописи 1-ой половины XIX вѣка и вся та плодовитая школа учениковъ его, извѣстная подъ наименованіемъ Арзамасской Академіи. Школа эта, появившаяся въ глуши, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ Нижегородской губерніи и образовавшая, помимо Петербургской Академіи Художествъ, большое количество живописцевъ, заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Правда, что часть учениковъ Арзамасской школы, посвятившихъ себя религіозной живописи, осталась совсѣмъ неизвѣстною, но за то отъ другихъ, собственно портретистовъ, дошло до насъ нѣсколько первоклассныхъ произведеній. Къ тому же Арзамасская школа является какъ бы первымъ предвѣстникомъ послѣдующаго движенія въ искусствѣ. Она совершенно самостоятельна, отчасти сходится съ Венеціановцами и открываетъ своимъ появленіемъ цѣлый рядъ художественныхъ школъ, какъ то: Общество поощренія художниковъ, Московскій натурный классъ, Саранскую рисовальную школу и другихъ учрежденій, служившихъ посредниками между художниками и обществомъ.

Къ сожалѣнію, до насъ дошло весьма мало образцовъ ея живописи: такъ много погибло ихъ, благодаря небрежному къ нимъ отношенію. Да и печатныхъ источниковъ объ исторіи школы почти не существуетъ. Часть картинъ, находившихся нѣкогда въ большомъ музеѣ при Ступин-

ской школѣ, сгорѣла въ 1842 г., часть вывезена по смерти Ступина его зятемъ и ученикомъ Н. М. Алексѣевымъ-Сыромяпскимъ, распродана и раздарена въ С.-Петербургѣ по рукамъ, и слѣды ихъ мѣстонахожденія совсѣмъ неизвѣстны. Весной 1902 г., нарочно побывавъ въ Арзамасѣ, я старался найти какіе либо матеріалы для исторіи Ступинской школы. Въ подвалахъ и чердакахъ мнѣ указывали цѣлыя груды буквально сгнившихъ полотенъ, не представляющихъ въ настоящее время никогда художественной цѣнности. Тѣмъ болѣе важно теперь (пока еще хоть кой-гдѣ сохранились слѣды работъ Ступина) собрать воедино весь запасъ свѣдѣній объ этой достопамятной личности.

II.

Александръ Васильевичъ Ступинъ родился 13-го Февраля 1776 г. въ Арзамасѣ. Онъ былъ сыномъ Надежды Никитишны Борисовой (дочери Костромского воеводы), почти вслѣдъ за рожденіемъ усыновленъ Арзамасскимъ мѣщаниномъ Василіемъ Ступинымъ и приписанъ къ мѣщанскому званію. Пріемный отецъ его, скоро сданный въ рекруты, оставилъ маленькаго Ступина на попеченіе жены своей, Анисьи Степановны, женщины доброй, но совершенно простой и безграмотной.

Въ 1782 г. маленькій Ступинъ отданъ былъ въ обученіе сперва къ мѣстной старой учительницѣ, а потомъ къ часовому мастеру, который занимался болѣе своимъ ремесломъ, нежели преподаваніемъ грамоты. Ступинъ уже черезъ годъ закончилъ свое образованіе и вынесъ изъ такой науки врядъ ли особенно много пользы.

Въ 1786 г. пріемные родители помѣстили было Ступина сидѣльцемъ въ лавку; но, видя, что такого рода занятія совсѣмъ не подходятъ къ его живому, любознательному нраву, они черезъ годъ отдали его въ обученіе къ сосѣду-художнику, при чемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщалъ, хотя и недолго, классы народнаго училища.

Въ 1788 г. Ступинъ уже исполняетъ, въ качествѣ помощника своего учителя, иконостасы въ церкви села «Воронцова» у тамошняго помѣщика Полчанинова, а въ 1790 г. вновь работаетъ иконы для церкви въ городѣ «Темниковѣ» Тамбовской губерніи. Въ этомъ первоначальномъ вліяніи на него нашей церковной живописи съ ея условнымъ колоритомъ и кроется, по всей вѣроятности, подчасъ столь непріятная, «иконнаго пошиба» манера почти всѣхъ учениковъ вышедшихъ изъ Ступинской школы.

Проведя такимъ образомъ все свое дѣтство, то въ однообразномъ занятіи сидѣльца лавки, то въ качествѣ подмастерья живописнаго мастера, Ступинъ не вынесъ ни изъ того, или другого какихъ-либо, опредѣленныхъ познаній, но все же, имѣя несомнѣнное влеченіе къ живописи, поступилъ подмастерьемъ къ живописцу-дьякону Зосимовскому. Приблизительно къ 1795 г. слѣдуетъ отнести женитьбу его на дочери мѣщанина Екатеринѣ Ивановнѣ Селивановой. Къ этому же времени относятся первыя его самостоятельныя работы иконостаса въ церкви села Кошелевки, Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, у помѣщика Арцыбашева. Къ сожалѣнію живопись не могла доставить Ступину достаточныхъ средствъ къ существованію, почему онъ вскорѣ перешелъ подканцеляристомъ на службу въ Губернское Правленіе. Впрочемъ пребываніе въ Нижнемъ принесло ему свою долю пользы. Живя здѣсь, онъ близко сошелся съ нѣкоторыми преподавателями Семинаріи и началъ по возможности пополнять свое скудное образованіе. Но казенная однообразная служба день за днемъ не могла долго удержать такого живого человѣка, какъ Ступинъ, и потому, рѣшивъ, не смотря на всѣ препятствія, окончательно посвятить себя живописи, онъ берется за сравнительно-большой заказъ 24-хъ образовъ въ Арзамасскую Всесвятскую церковь. Видя успѣхъ въ своихъ работахъ и скопивъ хотя небольшія деньги, онъ покупаетъ въ Арзамасѣ небольшой домъ и начинаетъ съ 1-го Сентября 1797 г. принимать въ обученіе учениковъ. Въ этомъ же и слѣдующемъ году Ступинъ беретъ за 500 р. крупный подрядъ на 31 образъ въ церкви села «Кеньши» Пензенскаго уѣзда. Понятно, что эти первыя попытки самостоятельныхъ работъ и вообще первыя произведенія Ступинскихъ иконописцевъ не представляютъ ничего хоть сколько нибудь замѣчательнаго, но все же они заслуживаютъ вниманія для дальнѣйшаго изслѣдованія живописи Ступина и его учениковъ.

Будь Ступинъ посредственностью, онъ вѣроятно такъ навсегда и остался бы иконописнымъ мастеромъ Арзамаса, изготовлялъ бы святыхъ и ангеловъ по опредѣленному шаблону и расписывалъ бы всѣ церкви темными образами; но живой характеръ его и страсть къ реальной живописи не давали ему покою.

Около 1800 г. онъ случайно познакомился съ нѣкіимъ Туринымъ, долго жившимъ въ Петербургѣ и, посовѣтовавшись съ нимъ, рѣшилъ ѣхать въ столицу. Выѣхавъ 5-го Марта изъ Арзамаса, онъ 17-го пріѣхалъ въ Петербургъ и тотчасъ же обратился къ смотрителю классовъ Академіи, Фаняеву.

Академія, въ первые годы по воцареніи Александра Павловича, сохраняла еще все свое первоначальное старо-академическое направленіе, весь духъ занесенный къ намъ изъ-за границы, но какъ-то особенно по своему понятый и еще болѣе оформленный и урегулированный какимъ-то чисто-казеннымъ отношеніемъ. Красота, помимо Грековъ, Рафаэля и Болонцевъ, какъ-то совсѣмъ не признавалась и даже не приходила въ голову старымъ профессорамъ, до безконечности заставлявшимъ рисовать своихъ учениковъ академическихъ натурщиковъ для миѳологическихъ композицій. Лосенко уже умеръ, но вліяніе его крѣпко утвердилось въ Академіи. Ничего бы еще, если бы преподаваніе чисто-живописной техники было поставлено въ такія узкія рамки, но къ сожалѣнію даже общее воспитаніе учащихся, часто совсѣмъ еще дѣтей, было и того менѣе удовлетворительно. Старые профессора смотрѣли на своихъ учениковъ какъ на какихъ-то машинъ, снабженныхъ зрительнымъ аппаратомъ и могущихъ по ихъ указаніямъ воспроизводить до безконечности классическихъ «Нимфъ», «Аполлоновъ» и «Геркулесовъ». Индивидуальность каждаго воспитанника, столь важная во всякомъ художественномъ творчествѣ, совсѣмъ не принималась въ расчетъ, и профессора-руководители, часто какъ имъ приходило въ голову, размѣщали учениковъ по категоріямъ живописнаго и скульптурнаго отдѣловъ. Иванъ Теребеневъ, впослѣдствіи столь прославившійся своими интересными карикатурами и рисунками, былъ «по усмотрѣнію начальства» и не смотря на свое явное нежеланіе, отданъ въ скульптурный классъ [1]). Тоже повторилось и позже, именно въ 1819 году, когда даже такой по тому времени гуманный президентъ, какъ Оленинъ, исходя изъ того, что произволъ слѣдуетъ гнать и видя, что никто не желаетъ идти на скульптурное отдѣленіе, насильно размѣстилъ всѣхъ воспитанниковъ по собственнымъ соображеніямъ [2]). Іорданъ въ своихъ Запискахъ упоминаетъ, что ему десять лѣтъ пришлось пробыть въ Академіи, такъ какъ его за «малый ростъ» не хотѣли переводить въ третій возрастъ. Благодаря этому, множество художниковъ, по природѣ своей безспорно талантливыхъ, окончательно сбились съ пути и не дали въ результатѣ ничего, сравнительно съ тѣмъ, чего можно было ожидать отъ ихъ дарованія.

Въ 1800 году, т. е. въ годъ поступленія Ступина въ Академію, ректоромъ ея былъ Иванъ Акимовичъ Акимовъ, человѣкъ заслуживающій вниманія. Ученикъ Лосенко, горячій его поклонникъ и подража-

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1815 г. № 4.

[2]) „Русская Старина“ 1884 г. т. XI, стр. 631.

тель, Акимовъ все же не имѣлъ крупныхъ достоинствъ своего учителя, и его скучныя картины изъ миѳологіи и Русской исторіи мало чѣмъ замѣчательны. Одно что можно замѣтить относительно Акимова, это то, что отъ природы у него въ сущности все же было нѣкоторое дарованіе, что особенно сказывается въ его карандашныхъ наброскахъ, удивительныхъ по рисунку и композиціи. Впрочемъ, къ слову сказать, большинство нашихъ старыхъ академиковъ, въ рисункахъ своихъ, сдѣланныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, несравненно интереснѣе скучныхъ, заслуженныхъ, оффиціальныхъ холстовъ на заданныя темы. Лосенко для Акимова всегда былъ какимъ-то богомъ, и это отношеніе къ своему учителю сказывается во многомъ. «Хотя и остались художники» (послѣ смерти Лосенки) говоритъ Акимовъ, «но всѣ послѣ таковой потери обучавшіеся погружены были въ уныніе и мало кому довѣряли» [1]). Впрочемъ въ описываемое время въ Академіи дѣйствительно безсознательно чувствовалась какая-то ненужность всего направленія, и дисциплинированные ученики, хотя и повторяли старыя истины своихъ руководителей, но какъ-то невольно чувствовали приближеніе новыхъ вѣяній. Что же касается Акимова, то онъ, хотя и посредственный художникъ, какъ преподаватель и отзывчивый человѣкъ былъ искренне любимъ своими учениками. «Акимовъ», говоритъ про него Ступинъ, «бросалъ въ своихъ учениковъ не скорлупами, но ядрами питательными» [2]). Акимовъ завѣщалъ все свое состояніе на вспомоществованіе учениковъ Академіи.

Другой человѣкъ, также игравшій немалую роль въ воспитаніи учениковъ Академіи, былъ далеко не на высотѣ своего положенія. «Николай Никитовичъ Фаняевъ», говоритъ про него одинъ изъ его воспитанниковъ *), «сердитый съ сиплымъ басомъ отъ неумѣреннаго употребленія алкоголя; дерзкій на руку, въ которой онъ держалъ ключъ, и часто, бывало, имъ ранилъ онъ ученика отъ неудовольствія; къ тому же имѣлъ еще выбитый глазъ, отчего и былъ одноглазый. Какъ художникъ и учитель, Фаняевъ былъ совершенная ничтожность; ученики ничего не дѣлали, боялись только его ужаснаго голоса, ключа и его нетрезвости, въ каковомъ положеніи онъ буйствовалъ, ходя по коррридору, усмиряя каждаго своимъ бычачьимъ голосомъ и изрыгая непечатныя ругательства».

---

[1]) „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ Россійскихъ художникахъ" И. Акимова „Сѣверный Вѣстникъ" 1804, кн. I.

[2]) „Современникъ" 1850 г. № 10, стр. 129.

Таково было преподаваніе въ Академіи.

Вскорѣ по вступленіи своемъ, Ступинъ, оказывавшій большіе успѣхи въ рисованіи, былъ переведенъ въ натуральный классъ, а черезъ годъ награжденъ серебряной медалью. Академическое начальство и особенно президентъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, весьма сочувственно относились къ Ступину и, благодаря ходатайству графа Строганова, онъ былъ по высочайшему повелѣнію (1-ое Апрѣля 1802 г.) освобожденъ отъ подушнаго оклада и награжденъ 200 р. для поѣздки въ Арзамасъ. Поводомъ къ этой милости послужила автобіографическая записка, написанная Ступинымъ и переданная имъ Императрицѣ черезъ Акимова, бывшаго въ то время преподавателемъ Государыни.

Уѣзжая на родину, Ступинъ взялъ съ собой нѣсколько картинъ, подаренныхъ ему его покровителями; изъ нихъ Егоровъ особенно сочувственно къ нему относился и имѣлъ на него большое вліяніе, слѣды котораго отразились даже на многихъ работахъ Арзамасской школы.

Первые годы существованія Ступинской школы ничѣмъ не замѣчательны. Ступинъ, въ первые годы своей педагогической дѣятельности, заставлялъ своихъ учениковъ копировать эстампы, рисовать съ гипсовыхъ фигуръ и, совсѣмъ позабывъ натуру, чуть было также не пошелъ по ложному пути своихъ учителей. Однако по пріѣздѣ въ Арзамасъ онъ первымъ дѣломъ занялся внутреннимъ устройствомъ школы.

Въ 1808 г. онъ покупаетъ у нѣкоей г-жи Юрловой за 2800 р. домъ и устраиваетъ его насколько возможно удобнѣе съ цѣлью завести музей и библіотеку и дать своимъ ученикамъ помимо обученія живописи еще общее образованіе. Весьма замѣчательно, что при трудности тогдашнихъ путей сообщенія и сравнительно ничтожныхъ средствахъ Ступинъ устраиваетъ у себя нѣчто въ родѣ маленькой академіи. Въ библіотекѣ при его школѣ находилось болѣе 2000 книгъ и около 6500 картинъ, оригиналовъ и копій, гипсовыхъ бюстовъ и фигуръ [1]). Правда, многія картины были вѣроятно копіями съ разныхъ знаменитыхъ мастеровъ, но все же по дошедшему до насъ, хотя и не полному списку, видно, какія интересныя картины тамъ находились [2]).

---

[1]) См. Архангельскій. „Александръ Васильевичъ Ступинъ" и „Современникъ" 1850 г. т. XXIII № 10 отд. VI смѣсь стр. 123—140.

[2]) Вотъ приблизительный списокъ ихъ: Цилидонія съ отцомъ въ темницѣ, Вирсавія, жена Уріи въ саду, мученіе св. Севастьяна раб. Л. Джіордано, Семирамида съ головой мужа раб. Лазарини, 10 картинъ Французской школы, кухня съ дичью, два голубя, Лотъ

Въ школѣ, кромѣ живописи, преподавались Русскій языкъ, географія и исторія [1]), постоянно устраивались, подъ руководствомъ Рафаила Ступина-сына, любительскіе спектакли. Представленія эти давались періодически, преимущественно въ большіе праздники, и сильно занимали учениковъ-живописцевъ увлекавшихся театромъ. Спектакли прекратились вскорѣ по смерти Рафаила Ступина, страстнаго, увлекавшагося артиста, ведшаго безалаберную жизнь, скоро спившагося и умершаго въ Нижнемъ.

Окончивъ внутреннее устройство школы, Ступинъ, энергичная натура котораго не могла удовлетвориться тихой работой въ глуши, везетъ своихъ учениковъ въ столицу.

Въ 1809 г., снабдившись аттестатами Нижегородскаго начальства и сосѣдей-помѣщиковъ и забравъ лучшихъ учениковъ своихъ: Ивана Горбунова, рѣзчика Михаила Коринѳскаго [2]) и сына Рафаила, онъ отправляется въ Петербургъ и представляетъ Академіи 4 картины и 30 рисунковъ своихъ учениковъ.

Совѣтъ Академіи, разсмотрѣвъ эти работы, постановилъ: наградить медалями Ивана Лебедева [3]), Соколова за его картину «Самсонъ съ Далилой» (копія съ Рубенса) и Ивана Горбунова за портретъ Ступина.

10-го Мая 1809 года Ступинъ, «яко заводитель дѣла еще необыкновеннаго», признанъ академикомъ, и школа его принята подъ покровительство Петербургской Академіи Художествъ [4]).

съ дочерьми, изображеніе художествъ въ видѣ женщины, Астрономія съ принадлежностями, Діана съ любовникомъ, дѣти раб. Ванлоо, несеніе креста (по грудь) раб. Тиціана, Рождество Спасителя (Сублера), поклоненіе волхвовъ (его же), 8 картинъ профессора А. Е. Егорова, а именно: Распятіе, Битва Центавровъ, Иродіада, Мученіе Св. Варѳоломея, автопортретъ и 3 портрета Ступина. юношей, писанные въ бытность его въ Академіи работы К. Брюлова, „старикъ съ книгой", графъ В.; портретъ Корсакова кисти Угрюмова (нынѣ собственность Фролова въ СПБ.), Предтеча Господень, Далила съ Самсономъ, дѣти Іакова приносящіе ему одежду Іосифа; голова съ рукой Василія Блаженнаго раб. Шебуева (нынѣ собственность Фролова), Іоаннъ Предтеча (поясной) раб. Варнека, портретъ Лабзина и его жены, крещеніе св. Ольги раб. Акимова (подаренная еще въ бытность Ступина въ Академіи); 3 портрета раб. Ступина, Семейство за чаемъ, раб. Алексѣева, а также работы: Бѣльскаго, Тихонова (одна изъ нихъ находится у Фролова), Горбунова, Раева и Левицкаго. Подробнѣе см. въ Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1850 г. №№ 22—25.

[1]) Зайцевъ. Записки стараго учителя „Русская Старина" 1887 г. т. 54 стр. 666—669.

[2]) Михаилъ Петровичъ Коринѳскій, ученикъ Воронихина. Награжденъ въ 1811 г. 1-й серебр. медалью и атестатомъ 1-ой степени со шпагой. Съ 1823 г. служилъ архитекторомъ при Казанскомъ университетѣ. Строитель собора въ Арзамасѣ.

[3]) Иванъ Алексѣевичъ Лебедевъ, служившій 25 лѣтъ учителемъ рисованія въ Арзамасѣ.

[4]) Ордеръ И. А. Х. на званіе академика выданъ 19 Авг. 1809 г. опредѣленіемъ Совѣта отъ 14 Авг. 1809 г.

Послѣ этого оффиціальнаго заявленія о заслугахъ Ступинской школы, на него невольно обращается всеобщее вниманіе, и наименованіе «Арзамаса» служитъ даже кличкой столь извѣстному въ 20-хъ годахъ литературному обществу [1]).

Вообще, надо сказать, что отношеніе не только Академіи, но даже всего общества къ Ступину было весьма сочувственное. Правда, замѣчается даже немного смѣшная сторона въ торжественныхъ донесеніяхъ Академіи часто любящаго о себѣ напоминать Ступина и въ высокопарныхъ благодарностяхъ его; но надо помнить, что возникновеніе гдѣ-то въ Арзамазѣ такой большой школы живописцевъ дѣйствительно было явленіемъ до сихъ поръ необыкновеннымъ. Нижегородское начальство также видимо заинтересовалось «Арзамасской Академіей», и вскорѣ по возвращеніи Ступина, 24 Августа 1810 г., Нижегородскій губернаторъ Руновскій, осматривавшій школу, сообщаетъ въ своемъ донесеніи о найденномъ имъ «хорошемъ порядкѣ и устройствѣ въ разсужденіи преподаванія рисовальныхъ художествъ ученикамъ, которыхъ въ школѣ 15 человѣкъ» [2]). Около 1811 г. Ступинъ открываетъ въ своей школѣ классъ гипсовыхъ фигуръ, съ каждымъ годомъ число учениковъ его увеличивается и въ 1812 г. достигаетъ 20. Ступинъ рѣшилъ увеличить музей и зданіе школы. Постройка ея, равно какъ и «картинной и античеекой» галлерей, началась въ 1813 г., когда въ Арзамасъ пріѣхалъ бывшій воспитанникъ Ступина, теперь уже архитекторъ, Коринскій, ученикъ знаменитаго Воронихина и человѣкъ безспорно талантливый. Зданіе школы и «галлерей», по своей оригинальности заслуживаетъ особаго описанія. Оно состояло изъ длиннаго центральнаго корпуса [3]), съ двумя, по бокамъ возвышающимися «античными и художественными» галлереями, въ которыхъ были разставлены статуи и развѣшаны картины. Къ сожалѣнію до насъ не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ этого нѣкогда красиваго зданія, о которомъ даетъ довольно слабое понятіе плохая гравюра на деревѣ, приложенная къ «Иллюстраціи» 1862 г. Нынѣ весь фасадъ окончательно перестроенъ и изуродованъ какими-то отвратительными передѣлками, «галлереи» окончательно уничтожены, садъ вырубленъ, и только фасадъ на Троицкую улицу сохранилъ хоть отчасти первоначальную архитектуру [4]).

---

[1]) См. „Москвитянинъ“ 1854 г. т. I. стр. 189. М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти.

[2]) „Иллюстрація“ 1862 г. № 222.

[3]) Главный фасадъ расположенъ по Троицкой улицѣ (45 саженъ), другой на Прогонную (47 саж.), а садъ на Стрѣльнинскую (10 саж.).

[4]) Теперь въ зданіи помѣщается приходское Троицкое училище.

Внутреннее устройство зданія также окончательно изуродовано, и лишь центральный залъ главнаго корпуса, нѣкогда вѣроятно служившій рисовальнымъ классомъ и освѣщенный верхнимъ свѣтомъ, сохранилъ хоть нѣкоторые признаки прежнихъ украшеній. Весь потолокъ и боковые карнизы его украшены сѣрыми аллегорическими фигурами, каріатидами и очаровательнымъ орнаментомъ «empire», красиво выдѣляющимся на темносинемъ фонѣ. Къ сожалѣнію, варварская рука не пощадила и этихъ восхитительныхъ узоровъ, и грубая, сплошная, чисто-малярная живопись сверху до низу прописала всѣ фрески, что̀ подтверждаетъ и находящаяся на потолкѣ надпись: «Поправлялъ Николай Свѣшниковъ 1891 года 25 часовъ» [1]). Такимъ образомъ, благодаря небрежному отношенію, неумѣлымъ поправкамъ и реставраціямъ, зданіе школы въ настоящее время лишено всякой художественной цѣнности.

Когда зданіе было построено, пріѣхалъ въ Арзамасъ обучавшійся въ Академіи Иванъ Горбуновъ и занялся преподаваніемъ.

Нужно замѣтить, что столь часто повторяемый по адресу школы упрекъ въ томъ, что всѣ ученики занимались исключительно иконописью, далеко неоснователенъ. Правда, у Ступина много писали иконъ [2]), работа, доставлявшая весьма хорошій заработокъ, безъ котораго школа положительно не могла бы существовать; правда, что Ступинъ, желая радѣть Академіи, неоднократно присылалъ въ Петербургъ работы на религіозныя темы, большей частью плохо и скучно написанныя; но ужъ одно то, что въ школѣ было исполнено болѣе 2,000 портретовъ и болѣе 100 портретовъ самого Ступина доказываетъ, что немало вниманія преподавателя удѣлялось на работу съ натуры. Къ тому же, съ 13 Августа 1817 г. открывается при школѣ «перспективный классъ», подъ руководствомъ сына Ступина Рафаила, классъ, изъ котораго вышло столько художниковъ, къ сожалѣнію не оставившихъ намъ даже своихъ

---

[1]) Вѣроятно Николай Ивановичъ Свѣшниковъ, сынъ Ивана Свѣшникова, ученика Ступина, иконописца, долго жившаго въ Арзамасѣ.

[2]) Вотъ нѣкоторыя данныя объ иконописныхъ работахъ школы до 1850 г. Иконостасовъ до этого года исполнено въ церквахъ: Симбирской и Оренбургской 47, образовъ (тамъ же) 887; въ Саратовской, Пензенской и Тамбовской губ.,—иконостасовъ—44, образовъ—737; въ Нижегородской и Казанской губ.:—иконостасовъ 24, образовъ 432; въ Арзамасѣ иконостасовъ 21, образовъ 392. Итого всего иконостасовъ 136, образовъ 2,448 и церквей расписано 10. Наиболѣе значительныя работы исполнены въ соборахъ: Оренбургскомъ, Уральскомъ, Пензенскомъ, Кизлярскомъ, Нижегородскомъ (ярмарочномъ), Цивильскомъ, Томскомъ и Арзамасскомъ и въ пустыняхъ: Саровской и Вышенской; въ монастыряхъ Нижнеломовскомъ и Казанскомъ (женскомъ) и въ частныхъ домахъ: 508 образовъ, картинъ, портретовъ и проч. болѣе 6,000. См. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1850 г. №№ 22, 23, 24 и 25.

именъ. Изъ дошедшихъ же до насъ источниковъ можно упомянуть: Вука Волкова, интересная работа котораго (къ сожалѣнію очень сильно попорченная) находится въ Нижегородскомъ музеѣ, Владимира Щегольков, который «зналъ хорошо перспективу» и наконецъ извѣстнаго Василія Раева, способнаго отъ природы человѣка, но окончательно испорченнаго поѣздкой за границу и вліяніемъ Италіи.

Въ 1823 г. Ступинъ со своими учениками исполняетъ большую работу, по росписи иконостаса ярмарочнаго собора въ Нижнемъ, сохранившагося и понынѣ, но сильно попорченнаго реставраціей, да и вообще мало интереснаго, какъ и большинство религіозныхъ картинъ, исполненныхъ Арзамасской школой. Въ 1825 году Ступинъ вновь ѣдетъ въ С.-Петербургъ съ рапортомъ объ успѣхахъ своей школы и представленіемъ списка учениковъ, бывшихъ у него съ 1809 года. Вотъ этотъ списокъ:

I-ое отдѣленіе:

1) Кузьма Макаровъ [1]) (г. Горихвостова) отпущенъ на волю, 2) Никита Шведовъ (г. Соловцова), 3) Павелъ Снѣтковъ (Горихвостова) 4) Павелъ Калидановъ (изъ вольныхъ хлѣбопашцевъ), 5) Василій Бѣльскій (изъ мѣщанъ), 6) Михайло Морозовъ (г. Болтина, отпущенъ на волю), 7) Иванъ Соколовъ (княгини Оболенской), отпущенъ на волю, 8) Аѳанасій Надеждинъ [2]) (г. Степанова).

II-ое отдѣленіе:

9) Григорій Мельниковъ (г. Гладкаго), 10) Николай Алексѣевъ (г. Колокольцова) отпущенъ на волю, 11) Александръ Сорокинъ (Арзамасскій мѣщанинъ), 12) Епафродитъ Рамейскій (г. Языкова), 13) Иванъ Каширинъ (Ульянова), 14) Александръ Миловановъ (его же), 15) Дмитрій Щегловъ (Павлова), 16) Константинъ Молчановъ (Бетлинга).

III-е отдѣленіе:

17) Дмитрій Ботовъ (г-жи Микулиной), 18) Петръ Мироновъ (г-на Грязовскаго, отпущенъ на волю), 19) Иванъ Кутайсовъ (генерала Котлубицкаго), 20) Василій Раевъ [3]) (г-на Кушелева), 21) Аполлонъ Воскресенскій (г-на Аргамакова) отпущенъ на волю.

---

[1]) Отецъ извѣстнаго Ивана Кузмича Макарова, открывшаго рисовальную школу въ Саранскѣ.

[2]) А. Н. Надеждинъ, основатель художественной школы въ Козловѣ (см. Отчетъ И. А. Х. отъ 1-го Сент. 1860 года по 1861 годъ стр. 16).

[3]) Василій Егоровичъ Раевъ (1807—70) извѣстный религіозный живописецъ и пейзажистъ. Нѣсколько работъ его находится въ Музеѣ Александра III и въ Третьяковской галлереѣ.

IV-е отдѣленіе:

22) Лука Лонгиновъ (Караулова), 23) Василій Карасевъ (Арапова), 24) Владимиръ Щеголковъ [1]) (Арзамасскій мѣщанинъ), 25) Николай Стрюковъ (Турчанинова), 26) Иванъ Зайцевъ [2]) (Зайцева). Вмѣстѣ съ этимъ спискомъ своихъ учениковъ Ступинъ представилъ на судъ Академіи 4 историческія картины и 31 рисунокъ ихъ работы, за которыя Академія и наградила медалями второго достоинства: Аѳанасія Надеждина, Александра Макарова и Ивана Соколова.

Вообще не только Академія, но Общество поощренія художествъ, и отдѣльныя лица какъ графъ Кутайсовъ и Англійскій художникъ-портретистъ Дау, гостившій въ Россіи, особенно сочувственно относились къ работамъ Арзамасской школы и старались содѣйствовать ея успѣхамъ.

Въ 1826 году Ступинъ снова присылаетъ въ Академію работу сына своего Рафаила, картину «Іоаннъ Креститель», за которую Рафаилъ признанъ художникомъ. Съ этого времени начинается непрерывное общеніе Ступина съ Академіей, которая множество разъ выражаетъ ему одобреніе и оказываетъ помощь. Отношеніе общества и печати къ успѣхамъ Арзамасской школы весьма любопытно, какъ соединеніе восторженныхъ восклицаній о задачахъ искусства съ постояннымъ и неустаннымъ угожденіемъ академическому начальству. «Счастливый вниманіемъ Академіи», пишетъ одинъ изъ современниковъ [3]), «Ступинъ продолжаетъ занятія, питаясь сладостною мыслію, что труды его отечеству небезполезны и начальству пріятны».

Впрочемъ не всѣ такъ добродушно относились къ успѣхамъ школы. Такъ въ 1815 году, посѣтившій школу новый Нижегородскій архіерей Іеремія осматривалъ работы учениковъ и «античныя галлереи» и вдругъ возмутился, увидѣвъ гипсовыя статуи: «Зачѣмъ вы имѣете у себя идоловъ!!» и въ негодованіи оставилъ школу [4]). Спустя нѣкоторое время, Ступинъ навсегда отрѣшенъ отъ званія церковнаго старосты.

---

[1]) Владимиръ Щеголевъ—хорошій перспективный живописецъ, долго служившій учителемъ рисованія въ Пермской гимназіи.

[2]) И. К. Зайцевъ (1805—1887), сынъ крѣпостного живописца, помѣщика Ранцева. Родился въ селѣ Архангельскомъ Пензенской губ., Керенскаго уѣзда. Съ 1824—1027 г. г. обучался у Ступина. Въ 1830 г. сталъ посѣщать классы И. Ак. Художествъ. 1-го Мая 1834 г. за автопортретъ награжденъ серебряной медалью. Въ 1836 г. вторично награжденъ медалью и званіемъ свободнаго художника. Съ 1839—1847 г. г. былъ учителемъ рисованія въ 1-омъ Кадетскомъ корпусѣ. Въ 1847 г. переведенъ въ Полтаву. Любопытныя записки его помѣщены въ Русской Старинѣ 1887, т. 54 стр. 663—691.

[3]) „Московскія Вѣдомости“ 1844 г. № 33, стр. 214.

[4]) „Иллюстрація“ 1862 г.

Съ 1834 г., начинается самый блестящій періодъ существованія школы. Въ этомъ году Николай Михайловичъ Алексѣевъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Ступина, женится на его дочери Клавдіи († 1842).

Въ 1835 году, за присланныя въ Академію 4 картины [1]) и 13 рисунковъ работы Алексѣева, постановленіемъ Совѣта отъ 25 Августа рѣшено: разрѣшить переходъ школы въ полное завѣдываніе Алексѣева и признать его «назначеннымъ» на программу: «Ступинъ, окруженный своими учениками, разсматриваетъ гравюры». Этотъ послѣдній портретъ Ступина, исполненный Алексѣевымъ лишь въ 1838 году и находящійся въ Академіи Художествъ, является однимъ изъ блестящихъ образчиковъ работъ Арзамасской школы и по своимъ выдающимся достоинствамъ можетъ считаться на ряду лучшихъ Русскихъ портретовъ 30-хъ годовъ. Къ сожалѣнію, Алексѣевъ, такъ блестяще выказавшій свои дарованія, позже подобно Раеву совсѣмъ сбился съ дороги и, увлекшись моднымъ подражаніемъ Брюллову и Болонцамъ, совсѣмъ посвятивъ себя религіозной живописи, въ концѣ концовъ не исполнилъ ничего, чего можно было бы ожидать отъ его крупнаго дарованія.

Въ 1838 г. Арзамасская школа присылаетъ въ Академію картины: вышеупомянутый портретъ Ступина, автопортретъ съ дѣтьми и старушкой, дочери его сидящей на коврѣ, дѣвушки изъ села Выѣзднова въ Мордовскомъ нарядѣ и еще одинъ портретъ Ступина, и прилагаетъ новый списокъ учениковъ:

I-ое отдѣленіе:

1) Павелъ Рачковъ [2]) (Нижегородскій мѣщанинъ), 2) Василій Бовинъ (Моршанскій мѣщанинъ), 3) Вукъ Волковъ, 4) Иванъ Жуковъ, 5) Павелъ Турчениновъ.

II-ое отдѣленіе:

6) Николай Рачковъ [3]), 7) Иванъ Свѣшниковъ (Арзамасскій мѣщанинъ), 8) Алексѣй Колчинъ (тоже), 9) Василій Нащокинъ (вольноотпущ. Нижег. губ.), 10) Василій Крыловъ (Нижегород. губ.).

---

[1]) 1) Сраженіе, 2) „Мальчикъ съ гитарою“ или „Торбанистъ“, картина бывшая на выставкѣ 1836 г. и пріобрѣтенная императрицей Александрой Ѳеодоровной, 3) Портретъ Ступина и 4) автопортретъ съ женой.

[2]) Павелъ Рачковъ—учитель рисованія въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

[3]) Николай Ефимовичъ Рачковъ (1825—1895), портретный и жанровый живописецъ. Нѣсколько картинъ его находятся въ Третьяковской галлереѣ, въ галлереѣ Солдатенкова въ Москвѣ, у М. П. Фабриціусъ въ Спб. и у П. И. Щукина въ Москвѣ.

III-ое отдѣленіе:

Крѣпостные: 11) Карпъ Виноградовъ (Поповой) Симбирской губ., 12) Памфилъ Незнаевъ (Полтева) Оренбург. губ., 13) Антонъ Кудряшовъ (Карпова) Симбирской губ., 14) Михайло Галкинъ (Янычаровой) Нижегород. губ., 15) Кориилъ Сѣровъ (княгини Мустафиной) Нижегородской губерніи.

Академія, разсмотрѣвъ присланныя работы, постановила, опредѣленіемъ Совѣта отъ 19-го Сентября 1839 г., удостоить «назначеннаго» Н. Алексѣева — званія академика, наградить серебряными медалями 2-й степени Павла Рачкова 1-го и Василія Бовина и высказать «особенную благодарность Панфилу Незнаеву, при чемъ увѣдомить Бовина и Рачкова, что они могутъ просить о званіи свободнаго художника». Къ сожалѣнію, за исключеніемъ портрета «Ступина и его учениковъ», до насъ не сохранилось работъ ни Бовина, ни Павла Рачкова.

Впрочемъ, можно предположить о несовсѣмъ безпристрастной оцѣнкѣ картинъ академическими судьями, такъ какъ по словамъ ученика Ступина, Зайцева, Академія «высылала ученикамъ награды, серебряныя медали, разумѣется только ученикамъ свободнаго званія, а не крѣпостнымъ, хотя крѣпостныхъ-то и было наибольшее число *)». Понятно, при такой своеобразной оцѣнкѣ, очень трудно на основаніи офиціальныхъ опредѣленій Академіи дѣлать хоть какія либо заключенія относительно достоинствъ картинъ, присылаемыхъ изъ Арзамаса.

Черезъ 3 года въ школѣ снова происходитъ серьезная перемѣна. 5-го Ноября 1842 г. сильный пожаръ истребляетъ почти весь домъ, галлереи школы и часть картинъ и предметовъ, тамъ находящихся, и Ступинъ, лишенный всякихъ средствъ, обращается за пособіемъ къ Академіи, которая и выдаетъ ему, по высочайшему повелѣнію, 5,000 руб. и нѣсколько гипсовыхъ бюстовъ и статуй. Въ благодарность за это пособіе въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1844 года (№ 78) появляется чрезвычайно витіеватое письмо «кавалера и академика Ступина», въ которомъ онъ высказываетъ благодарность Академіи и говоритъ, что «по вниманію благодѣтельнаго начальства, школа моя, яко фениксъ, снова возродилась изъ своего пепла». Зданіе было возстановлено, и Ступинъ снова принимается за свою педагогическую дѣятель-

*) Записки стараго учителя „Русская Старина“ 1887, т. 54, стр. 667.

ность, о чемъ свидѣтельствуетъ поданный имъ въ 1845 г. рапортъ *), съ новымъ спискомъ учениковъ:

1) Рачковъ, 2) Иванъ Свѣшниковъ, 3) Андрей Имсенъ (Прусскій подданный), 4) Константинъ Келлеръ (Саратовскій колонистъ), 5) Александръ Лысковцевъ (Арзамасск. мѣщанинъ), 6) Сергѣй Дубровинъ (дворянскій воспитанникъ), 7) Александръ Дмитріевъ (тоже), 8) Василій Нащокинъ (дана свобода), 9) Гавріилъ Малышевъ (обѣщана свобода), 10) Аѳанасьевъ (крѣпостной).

Вообще съ самаго начала 40-хъ годовъ, когда постепенно начинаетъ зарождаться отчужденіе общества отъ интересовъ къ настоящему, безыдейному искусству, превратившемуся въ 60-хъ годахъ въ передвижничество, значеніе Ступинской школы начинаетъ постепенно уменьшаться. Изъ году въ годъ ученики, не видящіе ужъ болѣе интереса въ простыхъ работахъ съ натуры, въ искусствѣ безъ опредѣленной тенденціи, безъ какихъ либо общественныхъ идей, начинаютъ покидать Арзамасскую школу. Помѣщики, переставшіе понимать своихъ собственныхъ крѣпостныхъ живописцевъ, ужъ не посылаютъ ихъ учиться пустому и ненужному искусству рисованія, а употребляютъ ихъ на болѣе утилитарныя цѣли. Паденіе чисто-художественныхъ идеаловъ и искра любви къ искусству, вновь было вспыхнувшая, начинаетъ гаснуть, и съ ней теряется весь смыслъ простой безыдейной живописи.

Вотъ почему школа Ступина, все мельчая и мельчая, прекращаетъ свое существованіе, оставивъ для насъ, лишь какъ память, нѣсколько интересныхъ работъ, случайно приписываемыхъ нѣкоторымъ живописцамъ, большая часть которыхъ навсегда останется для насъ «неизвѣстными», но часто очень интересными и милыми художниками.

III.

О заслугахъ самого Ступина, какъ живописца, судить намъ къ сожалѣнію чрезвычайно трудно. Не говоря уже о маломъ количествѣ картинъ, которыхъ можно было бы навѣрное отнести къ работамъ этого художника, но даже все то, что́, на основаніи какихъ либо данныхъ, можно приписать ему, находится въ такомъ плачевномъ состояніи, что положительно теряется возможность произнести хоть какое-нибудь

*) Понятно, что въ приводимыхъ здѣсь спискахъ далеко не значатся всѣ ученики Ступина, такъ какъ списокъ, обрываясь на 1845 г., не даетъ свѣдѣній объ дальнѣйшихъ успѣхахъ школы. Изъ невошедшихъ въ списокъ художниковъ отмѣтимъ: Ивана Аѳанасьевича Бабилева († 1882 г.), Александра Васильевича Шмидта (1834—86), Льва Свѣшникова, извѣстнаго профессора Кошелева и наконецъ знаменитаго Перова, обучавшагося у Ступина съ 1846 по 1849 гг.

сужденіе. Ясно лишь одно, что Ступинъ все же не былъ такой бездарностью, какимъ выставленъ онъ біографомъ и ученикомъ его Николаемъ Рачковымъ.

О живописныхъ церковныхъ работахъ Ступина лучше вовсе и не говорить. Всѣ эти типично-академическіе святые въ застылыхъ позахъ, съ условными тѣлодвиженіями, не могутъ почитаться самостоятельными работами нашего художника; да и къ тому же они всѣ, безъ исключенія, до того пострадали отъ позднѣйшихъ варварскихъ реставрацій и передѣлокъ, что врядъ ли сохранили на себѣ хоть какіе либо признаки кисти Арзамасскаго академика. Исключеніе составляетъ лишь одна большая фреска въ церкви Св. Духа въ Арзамасѣ. Фреска эта изображаетъ Іисуса Христа, бесѣдующаго съ фарисеемъ, въ удивительно красивомъ длинномъ залѣ «empire», съ колоннами и мраморными вазами. Фигуры Христа и фарисея не болѣе какъ банальны; но оригинальное сочетаніе ихъ съ красивой перспективой залы начала XIX столѣтія, но вкусъ композиціи въ архитектурѣ комнаты и сѣрыя фигуры ангеловъ, равно какъ и синій орнаментъ на темносѣромъ полѣ, выказываютъ небанальное дарованіе.

Что же касается до рисунковъ, находящихся въ собраніи А. О. Карелина въ Нижнемъ и приписываемыхъ Ступину, то къ сожалѣнію они также являются малодостовѣрными его работами. Рисунки эти, почти всѣ исполненные кѣмъ либо изъ учениковъ Арзамасской школы, любопытны тѣмъ, что рядомъ съ ними и на обратной сторонѣ листовъ находятся исправленные наброски, очевидно, исполненные рукой самого руководителя и отличающіеся большимъ вкусомъ и ловкой, прекрасно выработанной техникой. Впрочемъ увѣренно отнести эти рисунки къ работамъ самого Ступина опять невозможно, въ виду того, что они одинаково могли бы быть исполнены кѣмъ либо изъ другихъ руководителей: Н. Алексѣевымъ, Горбуновымъ или даже сыномъ Ступина Рафаиломъ.

Наконецъ, третье указаніе о написанномъ въ 1826 г. Ступинымъ пейзажѣ «Видъ Арзамаса», находившемся въ Таврическомъ дворцѣ и особенно заинтересовавшемъ Нижегородскаго губернатора А. Н. Бахметева [1]), купившаго его для Государя, также ни къ чему не служитъ, такъ какъ мѣстонахожденіе этой картины неизвѣстно [2]).

---

[1]) „Нижегородскія губ. Вѣдомости" 1850 г.

[2]) Тутъ же замѣтимъ, что картина „Мальчики, играющіе въ шашки", находящаяся въ собраніи М. П. Фабриціуса и бывшая на портретной выставкѣ 1902 года, безъ вся-

Такимъ образомъ, главная заслуга Ступина заключается вовсе не въ оставшихся по немъ живописныхъ работахъ, но всецѣло относится къ его художественно-педагогической дѣятельности.

Что же касается до характера этой интересной личности, то, по словамъ современниковъ, Ступинъ былъ чрезвычайно умный и живой человѣкъ, сохранившій бодрость до глубокой старости.

Отличительной чертой его характера была, особенно въ послѣдніе годы его жизни, какая-то невѣроятная скупость, анекдоты о которой до сихъ поръ повторяются людьми его знавшими.

Не чуждый тщеславія, Ступинъ особенно гордился своей извѣстностью, постоянно напоминалъ о себѣ Академіи и заставлялъ чуть не всѣхъ своихъ учениковъ писать съ него портреты. По свидѣтельству современниковъ, такихъ изображеній Ступина было исполнено болѣе ста; до насъ же дошло всего пять портретовъ, писанныхъ его учениками, остальные же Богъ вѣсть куда дѣвались [1]). Изъ этихъ изображеній, особенно интересенъ портретъ работы Ивана Кузьмича Макарова [2]), впослѣдствіи столь извѣстнаго портретиста, находящійся въ Нижегородскомъ музеѣ. На этомъ портретѣ Ступинъ изображенъ уже въ пожиломъ возрастѣ, стоящимъ въ ростъ съ палитрою въ рукѣ, и по выразительному рисунку, энергичной лѣпкѣ и темному, коричневатому, чуть чуть черному тону, портретъ этотъ является одной изъ красивѣйшихъ работъ Русской школы первой половины XIX вѣка. Что же касается до другого [3]), совсѣмъ уже въ другой манерѣ писаннаго портрета Ступина, портрета полнаго старика съ яркими, живыми, немного хитрыми глаза-

---

кихъ основаній приписывалась Ступину, такъ какъ она писана въ 1824 г. по заданной отъ Академіи программѣ, на которую конкурировали ученики: Грязновъ, Петръ Григорьевъ, Ѳ. Солнцевъ и Петръ Ивинъ, имена которыхъ не значатся въ спискахъ учениковъ Ступина. (См. Журналъ Изящныхъ Искусствъ 1825 г. ч. II, а также „Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. Акад. Худ. за 100 лѣтъ существованія“).

[1]) Списокъ портретовъ Ступина приложенъ къ книгѣ П. Ремезова „Александръ Васильевичъ Ступинъ, Арзамасскій мѣщанинъ-иконописецъ“ С.-Пб. 1880 г. Въ словарѣ гравированныхъ портретовъ Ровинскаго также упоминается два портрета Ступина, находившихся въ собраніи Быкова. Одинъ работы Варнека (нынѣ въ Третьяковской галлерѣ), другой—Егорова.

[2]) И. К. Макаровъ (1822—1897). Ученикъ Ступина, а потомъ своего отца, имѣвшаго художественную школу сперва въ Саранскѣ, а позже въ Пензѣ. Съ 1844 г. обучался въ Академіи подъ руководствомъ А. Макарова. Съ 1853—1855 г.г. путешествовалъ за границей. Въ 1855 г. академикъ. Авторъ множества портретовъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Нѣсколько работъ его находится въ Третьяковской галлереѣ.

[3]) Находится въ собраніи А. О. Карелина въ Нижнемъ.

ми, то это прекрасное произведеніе, къ сожалѣнію, не можетъ быть приписано никому изъ извѣстныхъ намъ Ступинскихъ учениковъ, а потому должно быть отнесено къ работамъ одного изъ «неизвѣстныхъ» его школы [1]).

Ступинъ умеръ 85 лѣтъ отъ роду, 31-го Іюля 1861 года и погребенъ въ Арзамасѣ, гдѣ надъ могилой его понынѣ существуетъ маленькій памятникъ.

Вотъ какъ Ступинъ заключаетъ свои Записки [2]): «Никакъ не ожидалъ, что доживу до такихъ лѣтъ; мнѣ скоро исполнится 84 года, и что́ всего удивительнѣе, я не чувствую особенной старческой слабости. Разсудокъ и память не измѣняютъ мнѣ, зрѣніе также еще держится, вотъ только по временамъ дрожатъ руки и поэтому неразборчиво пишу письма. Подивитесь, ко мнѣ въ школу отдаютъ еще ученика: знать, слава школы моей не совсѣмъ погибла».

Баронъ Н. Врангель.

---

[1]) Изъ другихъ изображеній Ступина отмѣтимъ: портретъ раб. Алексѣева, изображающій „Ступина и его учениковъ", приписываемый Алексѣеву портретъ изъ собранія Карелина и маленькій портретъ его, находящійся въ Нижегородскомъ музеѣ, болѣе другихъ приближающійся къ гравюрамъ, приложеннымъ къ Иллюстраціи 1862 г., къ соч. Ивана Ремезова и къ книгѣ о Ступинѣ-Архангельскаго.

[2]) Иллюстрація 1862 г. № 221, стр. 343.

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

Во время Русско-Турецкой войны 1853—1856 гг.

По случаю грозныхъ событій, разыгравшихся на Дальнемъ Востокѣ, тихо и незамѣтно прошла славная и достопамятная годовщина 50-лѣтія обороны Севастополя. Немного уже осталось въ живыхъ его доблестныхъ защитниковъ, и съ каждымъ годомъ все рѣдѣетъ число ихъ. Кровавыми буквами записана оборона Севастополя на скрижаляхъ нашей Исторіи и не смотря на то, что уже цѣлыхъ полстолѣтія отдаляетъ насъ отъ Севастопольской эпопеи, каждый разъ при произнесеніи этого слова сердце истинно Русскаго человѣка невольно переполняется и гордостью, и чувствомъ грусти.

Шесть лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу М. Г. Черняевъ, тоже одинъ изъ бывшихъ защитниковъ Севастополя; но боевое крещеніе Михаила Григорьевича произошло не на Севастопольскихъ бастіонахъ, а на равнинахъ Дунайскихъ княжествъ, въ Молдавіи и Валахіи, во время первой половины Турецкой кампаніи, впослѣдствіи перенесенной на берега Чернаго моря.

14-го Августа 1853 года, М. Г. Черняевъ былъ командированъ въ Мало-Валахскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ генерала Липранди, и назначеніе его въ дѣйствующую армію на Дунаѣ, а именно въ 4-ый корпусъ, состоялось одновременно съ зачисленіемъ въ Генеральный Штабъ. М. Г. Черняевъ былъ посланъ прямо подъ Калафатъ, въ отрядъ генерала Фишбаха и находился у него постоянно съ казаками на аванпостахъ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ свою первую воинскую опытность и убѣдился въ дѣлѣ, насколько теорія войны, преподаваемая въ Академіи Генеральнаго Штаба, далека отъ боевой дѣйствительности.

Вскорѣ послѣ прибытія на мѣсто назначенія, М. Г. Черняеву пришлось участвовать во многихъ дѣлахъ, а незадолго до оставленія нами княжествъ онъ находился при главной квартирѣ, стоявшей въ

Боллацети, громадномъ селѣ въ Малой Валахіи, въ Калафатѣ же расположился большой Турецкій гарнизонъ. Въ концѣ Декабря начались сильные морозы, и войска наши расположились на зимнія квартиры, а для того, чтобы препятствовать Туркамъ фуражировать въ Валахіи, необходимо было стѣснить ихъ. Въ это же самое время, въ 14 верстахъ отъ Калафата, какъ повѣствуетъ М. Г. Черняевъ, въ селеніи Четати расположился Тобольскій полкъ съ 4-мя орудіями и двумя баталіонами гусаръ, подъ командою генер. Баумгартена. Одесскій же полкъ, съ бригаднымъ командиромъ Бельгардомъ, былъ сзади, верстахъ въ 15-ти, въ другомъ селеніи, Модоцей. Главный отрядъ, состоявшій изъ двухъ полковъ подъ начальствомъ ген. Анрепа, стоялъ въ Боялешти, такъ что между этимъ послѣднимъ отрядомъ и Четати было около 30 верстъ перехода.

25 Декабря, на зарѣ, раздался первый выстрѣлъ. День стоялъ морозный, было болѣе 20 градусовъ, выстрѣлы ясно доносились за 30 верстъ. Услышавъ ихъ, Бельгардъ поспѣшилъ двинуться къ Баумгартену на помощь и, опасаясь опоздать, рѣшилъ идти прямо въ тылъ непріятельскому отряду, чтобы отвлечь Турокъ на себя, чѣмъ спасъ весьма стойко державшагося Баумгартена.

Однако и Баумгартенъ, и Бельгардъ понесли оба страшныя потери, потому что Анрепъ, изъ за глубокомысленныхъ стратегическихъ плановъ, не пошелъ имъ на выручку, опасаясь, какъ онъ впослѣдствіи оправдывался, за свою базу. Онъ рѣшился выступить только въ часъ пополудни и пришелъ на мѣсто сраженія уже въ сумерки, заставъ только хвостъ Турокъ. Вскорѣ послѣ этого, когда Анрепъ вышелъ передъ войскомъ послѣ парада, въ рядахъ послѣдняго раздался ропотъ: «нашихъ бьютъ».

Такъ *) обстояли дѣла наши подъ Калафатомъ, когда Австрія, удививъ міръ своей неблагодарностью, потребовала очищенія нами Дунайскихъ княжествъ и объявила за casus belli взятіе нами Силистріи. Мало-Валахскій отрядъ, подъ командою П. П. Липранди (дивизія пѣхоты, бригада артиллеріи, два полка гусаръ и полкъ казаковъ) сталъ медленно отступать отъ Калафата (противъ крѣпости Виддинъ), прикрыва-

*) Приводимое описаніе кавалерійскаго боя подъ Каракаломъ было написано М. Г. Черняевымъ по просьбѣ кн. Николая Петровича Мещерскаго, покойнаго попечителя Московскаго учебнаго округа, пожелавшаго отъ очевидца узнать подробности смерти А. Н. Карамзина, который приходился ему дядей по матери.

ясь притоками Дуная и въ началѣ Мая 1854 г. остановился у города Слатина, за рѣкою Ольтою.

Чтобы слѣдить за отступающимъ отрядомъ, Турки выдвинули съ того берега Дуная всю свою кавалерію, въ числѣ 6—8 тысячъ всадниковъ, подъ начальствомъ какого-то Польскаго графа, возведеннаго въ званіе паши.

При такомъ скопленіи кавалеріи, Турки скоро почувствовали недостатокъ въ фуражѣ и для добыванія его стали высылать своихъ фуражировъ чуть ли не подъ выстрѣлы нашего отряда.

Для противодѣйствія имъ, генералъ Липранди рѣшилъ выслать за рѣку Ольту легкіе кавалерійскіе отряды при орудіяхъ.

При Мало - Валахскомъ отрядѣ въ это время находились два офицера Генеральнаго Штаба: капитанъ Кебеке и штабсъ-капитанъ Черняевъ.

Первый легкій отрядъ, высланный противъ Турецкихъ фуражировъ, былъ составленъ изъ дивизіоновъ Ахтырскаго гусарскаго полка и дивизіона гусарскаго князя Варшавскаго полка (командиромъ послѣдняго былъ А. Н. Карамзинъ), сотни казаковъ при четырехъ орудіяхъ конной артиллеріи подъ общимъ начальствомъ командира Ахтырскаго полка, генералъ-маіора Салькова. Въ его распоряженіи находился капитанъ Кебеке.

На привалѣ было получены отъ жителей свѣдѣнія, что Турецкіе фуражиры грабятъ недалеко селеніе. Полковникъ Карамзинъ настаиваетъ немедленно двинуться противъ нихъ, но капитанъ Кебеке, болѣе осторожный, совѣтовалъ послать предварительно казаковъ на развѣдку. Съ мнѣніемъ послѣдняго согласился начальникъ отряда.

Между тѣмъ Турки, нагрузившись фуражемъ и ограбивъ селеніе, быстро удалились и когда отрядъ пришелъ наконецъ къ мѣсту, то ихъ и слѣдъ простылъ. Ограбленные жители обступили отрядъ съ крикомъ и плачемъ. А. Н. Карамзинъ былъ возмущенъ и всю вину приписывалъ Кебеке.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, былъ высланъ второй летучій отрядъ изъ трехъ дивизіоновъ князя Варшавскаго полка (безсмертные гусары), сотни казаковъ и четырехъ конныхъ орудій подъ начальствомъ полковника Карамзина (за болѣзнью графа Алопеуса, командира этого

полка). На мою долю, повѣствуетъ М. Г. Черняевъ, выпало находиться въ распоряженіи А. Н. Карамзина.

Сборъ отряда былъ впереди, перейдя черезъ рѣку Ольту. Выступленіе назначено въ шесть часовъ утра. Я явился къ А. Н. Карамзину и получилъ отъ него приказаніе, коротко выраженное, слѣдовать съ сотнею казаковъ впереди отряда и обо всемъ замѣченномъ доносить ему.

День былъ невыносимо жаркій. Пройдя нѣсколько верстъ, у первой воды я остановилъ свою сотню и прискакалъ къ начальнику отряда спросить, не прикажетъ ли онъ пріостановить отрядъ. «Зачѣмъ?» спросилъ онъ меня.—Для того, чтобы подтянуть подпруги и дать оправиться людямъ и лошадямъ, какъ обыкновенно это дѣлается при движеніи кавалеріи.—«Я не признаю это нужнымъ», возразилъ Карамзинъ.

Мы пошли безостановочно до рѣки Ольтеца, пройдя 35 верстъ, гдѣ и стали на привалъ передъ мостомъ, не переходя его. Я разставилъ аванпосты и послалъ разъѣзды въ близъ лежащія селенія привести языковъ.

Когда я вернулся къ отряду, то старики дивизіонеры: подполковникъ Дика и маіоръ Бантышъ подошли ко мнѣ, прося доложить начальнику отряда, что дальше идти нельзя, люди и лошади утомлены, отъ главнаго отряда отошли далеко, никакой опоры сзади нѣтъ. Я не рѣшился докладывать и предложилъ имъ самимъ идти къ А. Н. Карамзину, они тоже не пошли.

Здѣсь я долженъ сказать, что Карамзинъ принятъ былъ въ полку не съ распростертыми объятіями. Причиной этому былъ его полковничій чинъ, сбившій всѣ расчеты на производство и сравнительно молодые года его. Сѣдые дивизіонеры и эскадронные командиры не могли охотно подчиняться ему, а солдаты не могли имѣть довѣрія. Если бы онъ прибылъ какъ полковой командиръ, то съ этимъ легче бы примирились, такъ какъ къ назначенію изъ гвардіи молодыхъ полковниковъ въ армію уже привыкли, и это было тогда не рѣдкостью. Надо прибавить къ этому, что въ обоихъ полкахъ бригады большинство офицеровъ были Поляки, а меньшинство Русскіе, и потому общество офицеровъ было раздѣлено на два лагеря *).

Когда съ аванпостовъ привели изъ разныхъ деревень жителей, я, разспросивъ ихъ порознь, пошелъ доложить А. Н. Карамзину. Онъ си-

*) У А. Н. Карамзина былъ пасынокъ, князь П. П. Демидовъ Санъ-Донато, при которомъ наставникомъ прославившійся позднѣе Полякъ Огрызко. П. Б.

дѣлъ съ книгою у походнаго стола, накрытаго для завтрака. Разсказавъ ему, что жители единогласно показываютъ, что Турецкаго отряда они нигдѣ не видѣли, но что впереди, по дорогѣ къ городу Каракалу, верстахъ въ десяти отъ нашего привала, въ селѣ Доброславени, со вчерашняго дня стоитъ 10—15 человѣкъ конныхъ Турокъ.

Карамзинъ былъ не въ духѣ, недоволенъ самимъ собою, какъ бы вынужденный дѣйствовать вопреки всѣмъ. Онъ разсказалъ, какъ бы въ назиданіе, подробно свой набѣгъ подъ начальствомъ генерала Салькова и заключилъ свой разсказъ словами: «но по какимъ-то тонкимъ стратегическимъ соображеніямъ мы медлили и когда прибыли на мѣсто, то и слѣдъ Турокъ простылъ». Едва успѣли мы наскоро позавтракать, какъ Карамзинъ приказалъ трубить подъемъ. Я отправился съ казаками впередъ. Перейдя мостъ и, пройдя съ версту, я оглянулся и увидѣлъ, что весь отрядъ слѣдуетъ, не отставая ни на шагъ, за мною. Чтобы отдѣлиться отъ него, я поднялъ казаковъ рысью, но и отрядъ послѣдовалъ за мною также рысью. Я перешелъ на шагъ, и отрядъ также. Такимъ образомъ мы подошли гуртомъ къ Доброславени. Турецкій пикетъ, завидя насъ, сдѣлалъ сигнальный выстрѣлъ и ускакалъ. Бросившіеся за ними казаки не могли догнать ихъ. Мы продолжали идти впередъ всѣмъ отрядомъ и пройдя пустую деревню (жители разбѣжались) подошли къ болотистому ручью Тузлуй, текущему въ глубокой и широкой долинѣ съ отлогими скатами. Черезъ ручей былъ перекинутъ мостъ. Для того, чтобы перейти его, отрядъ вытянулся длинной вереницей и поднялся на противоположный берегъ.

Передъ нами открылась обширная равнина, окаймленная съ лѣвой стороны рѣкою Ольтою и завершенная передъ нами городомъ Каракаломъ, впереди котораго были выстроены четыре эскадрона Турецкихъ уланъ.

День клонился къ вечеру, мы отошли отъ отряда на 45—47 вер.

Разсыпавъ казаковъ, я вернулся къ отряду и рѣшился доложить Карамзину, что по предъидущимъ опытамъ мнѣ не случалось, чтобы Турки въ меньшемъ числѣ и безъ артиллеріи рѣшались принять нашу атаку, что поэтому я опасаюсь какъ бы за видимыми четырьмя эскадронами у нихъ не были спрятаны бо̀льшія силы.

На этотъ разъ Карамзинъ мнѣ мягко отвѣтилъ: «неудобно намъ, настигнувъ непріятеля, вернуться назадъ безъ положительныхъ объ немъ свѣдѣній. Что̀ я могу доложить теперь генералу Липранди? Поэтому мы

приблизимся къ Туркамъ на пушечный выстрѣлъ, откроемъ огонь и заставимъ ихъ развернуть свои силы».

Мы продолжали двигаться, и наконецъ казачья цѣпь впереди раздвинулась въ обѣ стороны и грянулъ выстрѣлъ. Но не успѣло 4-е орудіе выстрѣлить, какъ изъ-за обоихъ Турецкихъ фланговъ ринулась на насъ на всемъ скаку масса иррегулярной кавалеріи, стараясь, не вступая въ бой, обойти и занять мостъ черезъ Тузлуй, отъ котораго мы выдвинулись впередъ версты на полторы. Дѣло завязалось, и выпутаться изъ него, какъ изъ всякаго кавалерійскаго дѣла, было уже невозможно.

Мы начали отступать, отстрѣливаясь изъ орудій на отвозахъ; но Турецкая конница, состоявшая большею частію изъ Албанцевъ, вооруженныхъ длинными винтовками, наносила громадную убыль нашимъ артиллерійскимъ лошадямъ, такъ что подъ конецъ боя орудія, возившіяся на шести лошадяхъ, очутились на двухъ, на трехъ.

Отстаивая артиллерію и сами защищаясь ею противъ нахлынувшихъ на насъ массъ, мы отступали медленно и дали Туркамъ возможность опередить нашъ лѣвый флангъ.

Пришлось отогнать ихъ саблями. Пущенъ былъ эскадронъ подъ начальствомъ поручика Винка (эскадронный командиръ былъ боленъ лихорадкой и остался въ штабѣ), но онъ былъ убитъ первымъ, и эскадронъ, потерявъ начальника, не доскакалъ до непріятеля.

Повернули два орудія, но пока наши успѣли очистить фронтъ для стрѣльбы, Турки были уже такъ близко, что слышенъ былъ звукъ нашей картечи по тѣламъ ихъ людей. Они не выдержали огня и разсѣялись.

На правомъ нашемъ флангѣ также отбивались саблями.

Я находился при артиллеріи. Дойдя до края оврага, я увидѣлъ вверху большую толпу Турокъ у моста, окружившихъ Карамзина, который въ бѣломъ кителѣ рѣзко выдѣлялся между ними. Гусаръ около него не было видно.

Замѣтивъ во мнѣ офицера, мгновенно изъ толпы отдѣлилось нѣсколько Турокъ и бросилось на меня. Не рѣшаясь перескочить черезъ болотный ручей, чтобы нагнать своихъ, я поскакалъ вдоль его и былъ спасенъ казакомъ, спускавшимся вскачь наперерѣзъ мнѣ и завязнувшимъ въ болотѣ. Турки занялись имъ, и я благополучно перебрался

выше на ту сторону ручья, куда непріятель не рѣшался перейти, предполагая вѣроятно сзади насъ опору.

Мы спокойно дошли до мѣста нашего привала, перешли длинный мостъ черезъ Ольтецъ, и я ускакалъ впередъ, чтобы доложить о постигшей насъ неудачѣ генералу Липранди, но былъ уже предупрежденъ нѣсколькими гусарами и встрѣтилъ отрядъ нашей пѣхоты съ артиллеріей, двигавшейся по дорогѣ къ мѣсту боя.

Въ этомъ бою мы потеряли всѣ бывшія съ нами четыре орудія и всѣ зарядные ящики за исключеніемъ одного, успѣвшаго переѣхать черезъ ручей вбродъ выше моста. Всѣ ѣздовые были изрублены. Командиръ дивизіона штабсъ-капитанъ Малиновскій былъ раненъ. Изъ гусаръ были убиты поручики Винкъ и Грушневскій, юнкеръ князь Голицынъ и баронъ Ганъ, ранены маіоръ Бантышъ и еще три офицера. Изъ нижнихъ чиновъ убито человѣкъ 15—20, а всего съ ранеными выбыло изъ строя 105 человѣкъ.

На другой день, по возвращеніи пѣхотнаго отряда, привезшаго тѣла нашихъ убитыхъ, въ числѣ которыхъ находилось и тѣло А. Н. Карамзина, мы узнали изъ разсказа раненаго гусара, притворившагося убитымъ, слѣдующее: Карамзинъ былъ обезоруженъ и окруженъ около моста. Его вели пѣшаго; но онъ, выхвативъ у одного изъ конвойныхъ саблю, сталъ рубиться и былъ самъ изрубленъ. На тѣлѣ его было семнадцать ранъ. Всѣ тѣла нашихъ убитыхъ были раздѣты и къ приходу отряда сильно разложились. Тѣло Карамзина было узнано его камердинеромъ, слѣдовавшимъ на мѣсто боя съ отрядомъ.

Не смотря на пораженіе, я не услыхалъ во всемъ отрядѣ ни одного слова упрека памяти А. Н. Карамзина, не захотѣвшаго пережить неудачу. Бой подъ Каракаломъ 16-го Мая 1854 года названъ въ донесеніи фельдмаршалу Паскевичу несчастнымъ и остался въ памяти войскъ подъ названіемъ Карамзинскаго.

*

Этимъ заканчивается М. Г. Черняевымъ описаніе кавалерійскаго боя подъ Каракаломъ. Ему, какъ очевидцу и офицеру Генеральнаго Штаба, было поручено составленіе донесенія, которое было послано Государю Николаю Павловичу. «Замѣтить этого молодого офицера», начерталъ на донесеніи Черняева Государь, предугадавъ по талантливо

составленному описанію боя будущаго полководца *). М. Г. Черняевъ съ удовольствіемъ любилъ вспоминать объ этомъ фактѣ и до конца дней своихъ сохранилъ искреннее поклоненіе величавому образу Государя Николая Павловича.

*

По отступленіи въ Бессарабію, повѣствуетъ М. Г. Черняевъ, войска наши расположились было на квартирахъ, какъ вдругъ пришелъ приказъ двинуться къ Севастополю. Князь Горчаковъ приказалъ 4-ому корпусу идти на помощь Меншикову, и для скорѣйшаго прибытія его на мѣсто назначенія его везли на подводахъ день и ночь. Въ продовольствіи недостатка не было, но въ Крыму было уже холодно и чтобы на время защититься отъ вѣтра части рыли ямы и укрывались въ нихъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Крымъ М. Г. Черняеву пришлось участвовать въ Инкерманскомъ сраженіи, гдѣ войска наши, по его выраженію, попались въ мѣшокъ и едва едва спаслись изъ своего безвыходнаго положенія.

Противъ насъ были Англійскія полевыя укрѣпленія, и мы шли подъ картечью. Спускаясь въ крутой оврагъ, колонны наши представлялись непріятелю совершенно въ планѣ; огонь былъ убійственный, прицѣльные выстрѣлы были для насъ навѣсными. Потомъ пришлось подыматься наверхъ. Шелъ дождь, было страшно скользко, и мы хватались руками за кустарникъ, чтобы не валиться внизъ. Всѣ наши батальоны перемѣшались, образовалась толпа; однако Англійское укрѣпленіе съ двумя орудіями было нами взято. Вдругъ видимъ: два батальона Венсенскихъ стрѣлковъ и два батальона Зуавовъ бѣгутъ на насъ въ штыки. Мы закричали ура и бросились имъ навстрѣчу. Другого средства не оставалось, такъ какъ мы были прижаты къ крутымъ оврагамъ.

Атака наша была удачна, и они отступили, но въ Охотскомъ полку изъ 3.000 человѣкъ осталось всего 600. Потомъ насъ отвели на Бельбекъ, а меня вытребовали въ Севастополь къ адмиралу Истомину. Состоя при немъ, я имѣлъ случай ближе познакомиться съ Тотлебеномъ, хотя зналъ я его еще раньше, во время блокады Калафата, куда онъ былъ присланъ княземъ Горчаковымъ для участія въ овладѣніи этимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, доступъ къ которому обстрѣливался съ противоположнаго берега Дуная, первоклассною крѣпостью Виддинъ. Но Липранди благоразумно отклонилъ намѣреніе главнокомандующаго.

*) Это донесеніе хранится въ архивѣ Генеральнаго Штаба.

Адмиралъ Истоминъ послалъ меня къ Тотлебену по слѣдующему дѣлу. Впереди Малахова кургана была высота, которую мы съ Истоминымъ ходили осматривать и на которой рѣшили строить редутъ; но Тотлебенъ съ нами не согласился. Впослѣдствіи, когда Французы приблизились, явилась необходимость занять эту высоту, что̀ стоило намъ около 6.000 человѣкъ. Бойня на Малаховомъ курганѣ была страшная. Однажды во время обѣда шальная бомба упала посреди насъ и разнесла всѣ деревянныя переборки въ башнѣ. Однако я былъ очень счастливъ, такъ какъ за все время осады отдѣлался легкой контузіей камнемъ отъ разрыва бомбы *). Малаховъ курганъ занималъ довольно большое пространство и былъ весь въ траверзахъ, за коими только и можно было скрыться отъ огня непріятеля. Здѣсь былъ убитъ Нахимовъ. Онъ ходитъ, бывало, на Малаховъ курганъ, взойдетъ на самый валъ и долго смотритъ въ подзорную трубу. Во время этихъ наблюденій его и убили, и намъ каждый разъ, когда онъ проходилъ, казалось, что онъ искалъ смерти.

Пробывъ на Малаховомъ курганѣ 8 мѣсяцевъ, я получилъ Владимира 4-ой степени и золотую саблю. Когда началась бомбардировка на св. недѣлѣ, пороху у насъ почти не было, и потому мы не могли отвѣчать непріятелю. Онъ же замѣчательно наловчился попадать въ свою цѣль и послѣ стрѣльбы, бывало, выскочитъ на валъ, чтобы удостовѣриться въ удачѣ своихъ выстрѣловъ. Въ это самое время, т. е. на св. недѣлѣ, пріѣхалъ къ намъ кн. Горчаковъ и мы по случаю праздника выпросили у него 150 выстрѣловъ. Только что онъ успѣлъ сойти съ кургана, какъ у Англичанъ былъ взорванъ пороховой погребъ.

Малаховъ курганъ былъ взятъ въ 11 часовъ утра, когда войска обѣдали. Прискакавъ сюда съ перваго бастіона, куда я былъ посланъ съ приказаніемъ, я засталъ уже генерала Хрулева раненымъ. На Малаховомъ курганѣ мы оставили Французамъ 15 т. снарядовъ. Мины подложены не были, иначе штурмъ могъ бы быть отбитъ, и непріятель погибъ бы въ огромномъ количествѣ. Тотчасъ послѣ занятія кургана, Французы поставили два орудія и давай провожать насъ картечью. Мы думали что всѣ погибнемъ, но Французы насъ выпустили, полагая, что нами были подложены мины, и благодаря этому, мы довольно счастливо переправились черезъ бухту. Войска лѣвой половины оборонительной линіи, чтобы попасть на сѣверную сторону, должны были пройти черезъ пловучій мостъ саженъ 350 длины черезъ южную бухту, потомъ по го-

*) Однако эта контузія сказалась впослѣдствіи, и М. Г. Черняевъ жестоко страдалъ отъ нея.

родскимъ улицамъ и наконецъ черезъ пловучій мостъ, перекинутый черезъ сѣверную бухту, который былъ болѣе версты длины.

На мою долю пришлось ночью отводить войска съ бастіоновъ и траншей. Шепелевъ, присланный къ намъ вмѣсто генерала Хрулева, полковникъ Генеральнаго Штаба Козляниновъ, присланный также кн. Горчаковымъ, и я переправились изъ Севастополя послѣдними, когда уже войскъ тамъ не оставалось ни одного человѣка. Мосты были разобраны, и мы переправлялись на лодкахъ.

*

Въ то время какъ Михаилъ Григорьевичъ, молодымъ офицеромъ Генеральнаго Штаба, отличался беззавѣтной храбростью подъ стѣнами Севастополя, убѣленный сѣдинами отецъ его также принималъ участіе въ военныхъ событіяхъ того времени. Ветеранъ двѣнадцатаго года, участникъ боевъ при Аустерлицѣ, при Смоленскѣ, Маломъ Ярославцѣ, Бородинѣ, онъ былъ при взятіи Русскими войсками Парижа. Въ 1841 году, вызванный изъ отставки кн. Воронцовымъ, устроителемъ Новороссійскаго края, весьма цѣнившимъ Григорія Николаевича Черняева, онъ былъ имъ назначенъ начальникомъ гор. Бердянска. Всѣ жители города по случаю войны его покинули. Г. Н. Черняеву, имѣвшему въ своемъ распоряженіи всего 150 казаковъ и шесть полицейскихъ служителей, было приказано въ случаѣ покушенія непріятеля выйти на берегъ препятствовать ему силою оружія. Исполняя волю главнокомандующаго, семидесятилѣтній старикъ, удрученный ранами, полученными имъ во время войны двѣнадцатаго года, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ опустошенномъ городѣ, подъ огнемъ непріятеля.

Сообщено **А. Ч.**

ДНЕВНИКЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВА.

1858. Походъ въ Кунградъ.

Предисловіе.

Въ 1858 году прошлаго столѣтія, по распоряженію тогдашнаго Оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Катенина (начальника весьма популярнаго въ краѣ, любившаго хорошіе обѣды и лихія солдатскія пѣсни) была снаряжена экспедиція къ г. Кунграду, на судахъ Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана перваго ранга Григорія Ивановича Бутакова. Ко времени этого похода, Михаилу Григорьевичу было около 30 лѣтъ отъ роду. Окончивъ Военную Академію, онъ былъ причисленъ къ образцовому кавалерійскому полку, а затѣмъ, по нежеланію служить въ Генеральномъ Штабѣ, былъ возвращенъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ (гдѣ началъ свою службу послѣ Дворянскаго полка, изъ котораго онъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу) и послѣдовательно прикомандированъ къ пѣшей и конной артиллерійской бригадѣ. Въ 1853 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, состоялось его назначеніе въ Генеральный Штабъ, и едва онъ успѣлъ надѣть мундиръ, какъ былъ посланъ въ чинѣ штабсъ-капитана въ Мало-Валахскій отрядъ, дѣйствовавшій тогда въ Придунайскихъ княжествахъ противъ Турціи. Здѣсь онъ находился съ казаками постоянно на аванпостахъ, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ и едва избѣгъ смерти въ кавалерійскомъ дѣлѣ при гор. Каракалѣ, названномъ по имени начальника отряда Карамзинскимъ, по случаю гибели Карамзина въ этомъ сраженіи. Когда война перенесена была съ береговъ Дуная въ Крымъ, 4-ый корпусъ, въ которомъ находился Михаилъ Григорьевичъ, былъ внезапно вызванъ кн. Горчаковымъ изъ Бессарабіи, (гдѣ онъ расположился было на зимнія квартиры) на помощь къ князю Меньшикову. Едва переступивъ Крымскую границу, Черняевъ принялъ участіе въ Инкерманскомъ сраженіи, а во время осады Севастополя состоялъ сначала въ распоряженіи генерала Хрулева, а потомъ, когда тотъ быль раненъ, находился на Малаховомъ курганѣ, подъ начальствомъ Истомина. За отличіе, храбрость и примѣрное мужество при геройской защитѣ Севастополя (какъ значится въ приказѣ) и за отбитіе штурма 24 Октября 1854 г., онъ былъ награжденъ золотою полусаблею съ надписью „за храбрость“ и произведенъ въ подполковники.

Послѣ войны его назначили начальникомъ дивизіоннаго штаба 3 пѣхотной дивизіи въ Царствѣ Польскомъ. Но эта мирная штабная служба не пришлась по душѣ такому дѣятельному человѣку, только что извѣдавшему потрясающія впечатлѣнія, можно сказать, двухъ войнъ. Онъ чувствовалъ природное влеченіе къ войнѣ и боевой жизни и просилъ перевода въ Оренбургъ, въ то время почти на рубежѣ нашихъ владѣній въ Азіи, въ край столь же отдаленный, загадочный и заманчивый, какимъ былъ Кавказъ, воспѣтый нашими великими поэтами.

Экспедиція въ Кунградъ состоялась вскорѣ послѣ прибытія Черняева въ Оренбургъ.

Для того, чтобы нѣсколько уяснить себѣ положеніе маленькаго отряда, отважно исполнившаго столь необдуманное порученіе, вспомнимъ вкратцѣ исторію нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Въ царствованіе Петра Великаго состоялся первый походъ въ Азіатскія степи подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго. Этому же великому государю запала тогда мысль повернуть Аму-Дарью въ старое русло, впадавшее когда-то въ Каспійское море. Ранней весною 1717 г. двинулся отрядъ Бековича изъ Астрахани въ степь и на разстояніи двухдневнаго пути отъ Хивы поголовно погибъ, вѣроятно истребленный Хивинцами. Такъ закончилась наша первая попытка проникнуть въ далекое, таинственное и заманчивое ханство, стоявшее на пути въ Индію.

Другой путь, который намѣтилъ великій царь въ Среднюю Азію, шелъ съ Сѣвера, изъ Сибири. Одновременно съ Бековичемъ была снаряжена экспедиція капитана Бухгольца, который къ Югу отъ Сибири, на окраинѣ Киргизской степи, заложилъ нынѣшній городъ Омскъ, а вскорѣ затѣмъ была построена Семипалатинская крѣпость.

Въ 1839 г. состоялся печальной памяти походъ графа Перовскаго въ Хиву, со стороны Оренбурга. Предварительныя приготовленія къ этому походу длились два года. На рѣкѣ Эмбѣ, впадающей въ сѣверовосточную часть Каспійскаго моря, въ пятистахъ верстахъ отъ Оренбурга, была выстроена небольшая крѣпостца, и верстъ около двухсотъ далѣе другая, подъ названіемъ Акъ-Булатъ. Изъ желанія обезпечить свои войска въ пустынныхъ степяхъ водою, графъ Перовскій возымѣлъ злополучную мысль предпринять свой походъ зимою, участники несчастной экспедиціи страшно пострадали отъ зимнихъ вьюгъ и холодовъ въ необозримыхъ степяхъ и едва не погибли отъ холода. На разстояніи 800 сотъ верстъ отъ Хивы отрядъ повернулъ обратно, не достигнувъ никакихъ успѣховъ. Однако, не смотря на эту неудачную попытку овладѣть Хивой, постепенное наступленіе Русской силы въ Средней Азіи продолжалось. Около 1845 года были послѣдовательно заложены по теченію Сыръ-Дарьи Казалинетъ и Фортъ № 2, а въ 1853 году Перовскій

взялъ по теченію той же рѣки Кокандскую крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную въ честь побѣдителя въ фортъ Перовскъ.

Ко времени похода въ Кунградъ на судахъ Аральской флотиліи *), фортъ Перовскъ былъ со стороны Оренбурга крайнимъ передовымъ постомъ въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ. Подвластные Оренбургскому генералъ-губернаторству Киргизы, кочевавшіе по степи, постоянно подвергались нападенію независимыхъ народцевъ Средней Азіи, враждовавшихъ между собою, особенно страдая отъ набѣговъ Кокандцевъ и Хивинцевъ. Хива представляла тогда недосягаемое разбойничье гнѣздо, откуда Хивинцы безнаказанно совершали свои набѣги, угоняли на нашихъ пограничныхъ владѣніяхъ скотъ, забирали жителей въ плѣнъ для продажи въ рабство и затрудняли торговыя сношенія, останавливая и грабя караваны. При такихъ-то обстоятельствахъ правитель Кунграда обратился къ Оренбургскому генералъ-губернатору съ просьбою о помощи противъ Хивинцевъ.

Аральская флотилія, выступившая на помощь въ Кунградъ, состояла изъ плоскодоннаго пароходика, одного баркаса и трехъ баржъ, къ которымъ были наскоро прилажены выдвижные кили. Подъ начальствомъ капитана Бутакова было девять офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился М. Г. Черняевъ, командовавшій сухопутнымъ десантомъ, состоявшимъ всего изъ двухсотъ человѣкъ.

Такова была морская и сухопутная сила экспедиціи, отважившейся, очертя голову, углубиться по Аму-Дарьѣ въ неизвѣданные степи Средней Азіи. Переѣхавъ съ трудомъ бурное Аральское море (гдѣ толчея сильнѣе нежели въ Каспійскомъ), суда, не смотря на всѣ усилія, были отнесены далеко въ сторону отъ первоначальнаго мѣста назначенія, и 19 Іюня, въ 7 часовъ утра вошли въ Кичкине-Дарью, одинъ изъ рукавовъ рѣки Аму, впадающей въ видѣ дельты съ многочисленными рукавами въ Аральское море. Съ этого времени и начинается дневникъ Михаила Григорьевича, веденный имъ во все время этого похода, при всѣхъ неудобствахъ походной жизни, въ палящій зной, подъ тучами комаровъ, жестоко преслѣдовавшихъ нашъ отрядъ. Эта, сумасшедшая, по словамъ Михаила Григорьевича, экспедиція чуть не стоила жизни всему отряду, который, только благодаря счастливой случайности, избѣжалъ поголовнаго истребленія.

Прибытіе Русскаго отряда къ мѣсту назначенія заставило Хивинцевъ снять осаду Кунграда; но дальнѣйшее положеніе города, послѣ ухода Русскихъ, этимъ не обезпечивалось.

Послѣдняя аудіенція капитана Бутакова у правителя Кунграда, по разсказу Михаила Григорьевича (часто любившаго вспоминать этотъ эпизодъ

---

*) Назначенный въ 1882 г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, Михаилъ Григорьевичъ поспѣшилъ упразднить безполезную Аральскую флотилію, сократив на 150 тыс. ежегодную затрату государственнаго казначейства.

изъ своей богатой впечатлѣніями жизни) происходилъ слѣдующимъ образомъ. Во избѣжаніе палящей жары, вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, капитанъ Бутаковъ отправился въ сопровожденіи своихъ офицеровъ и одного казака проститься съ Магометомъ-Фаною. Аудіэнцъ-зала во дворцѣ хана представляла большую, пустую квадратную комнату, гдѣ были приготовлены два возвышенія, покрытыя коврами, одно для правителя, другое для капитана Бутакова. Прибывшихъ заставили ждать, чего въ предыдущіе раза не было. Наконецъ явился Магометъ-Фаны въ сопровожденіи свиты и народъ. Лица у большинства отличались выраженіемъ звѣрскимъ, и всѣ были вооружены съ головы до ногъ. Эта картинная, но далеко неуспокоительная обстановка освѣщалась дымящими факелами. Магометъ-Фаны, будучи громаднаго роста, свободно усѣлся на свой тронъ; Бутакова же пришлось лицамъ, его сопровождавшимъ, подсадить. Послѣ торжественныхъ привѣтствій, которыми у Азіатовъ всегда начинаются переговоры, Магометъ-Фаны спросилъ Бутакова о его дальнѣйшихъ планахъ. Когда же переводчикъ передалъ слова начальника нашей экспедиціи, что ни орудія, ни отряда оставить по предписанію изъ Оренбурга онъ не можетъ, все вокругъ загудѣло. Михаилъ Григорьевичъ говорилъ намъ, что во время этой аудіенціи онъ невольно посматривалъ на единственнаго казака, составлявшаго охрану Русскихъ офицеровъ. Однако на этотъ разъ дѣло окончилось благополучно, капитанъ Бутаковъ и его спутники были выпущены невредимые изъ ханскаго дворца и прибыли на мѣсто своей стоянки. Тѣмъ не менѣе въ туже ночь, нѣсколько позднѣе, преданные Русскимъ Киргизы, побывавшіе въ городѣ, донесли, что на базарѣ рѣшено, истребивъ отрядъ, овладѣть его орудіями. Тогда, еще раньше нежели стало свѣтать, наши суда покинули поспѣшно мѣсто своей стоянки у Кунграда, а Михаилъ Григорьевичъ во главѣ своей роты пошелъ берегомъ Аму-Дарьи, прикрывая отступленіе и ежеминутно подвергаясь опасности быть настигнутымъ полчищами Кунградцевъ; но они къ счастію воздержались отъ преслѣдованія.

Этимъ завершилась траги-комическая экспедиція къ городу Кунграду, на судахъ Аральской флотиліи, которая тѣмъ не менѣе для Михаила Григорьевича имѣла значеніе первостепенной важности, давъ ему возможность впервыя проникнуть по великому водному пути по рѣкѣ Аму въ далекія степи Средней Азіи. Здѣсь на практикѣ, по раскрытой передъ нимъ живой книгѣ жизни, внимательно изучилъ онъ мѣста, на которыхъ ему пришлось самостоятельно дѣйствовать въ 1865 г. Такимъ образомъ рѣшеніе судьбы Средней Азіи, взятіе Ташкента и присоединеніе къ Россіи одной изъ прекраснѣйшихъ нашихъ окраинъ, богатства которой еще далеко до сихъ поръ не изслѣдованы, является славнымъ вѣнцомъ внимательнаго и долголѣтняго изученія края во всѣхъ его отношеніяхъ *).

---

*) Въ числѣ минеральныхъ богатствъ Туркестанскаго края находятся: уголь, нефть, мѣдь, свинецъ, глауберова соль, селитра, золото разсыпное, серебро, мышьякъ, графитъ, поваренная соль (озерная и каменная), нашатырь, сѣра, квасцы, бирюза, малахитъ, аме-

Въ предлагаемомъ читателю дневникѣ Михаила Григорьевича видно, какое вниманіе обращено имъ на рѣку Аму. Мысль, запавшая въ геніальную голову Петра Великаго, неотступно занимала Михаила Григорьевича. Поворотъ въ Каспійской море Аму-Дарьи, этой Волги Средней Азіи, онъ считалъ равнозначущимъ прорытію Суецкаго канала и проведенію Сибирской желѣзной дороги, тѣмъ болѣе, что благіе результаты этого великаго предпріятія проявились бы тотчасъ по его осуществленіи. Назначенный въ 1882 г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, Михаилъ Григорьевичъ приступилъ было къ дѣлу. Генералъ-лейтенантъ Глуховской производилъ топографическое изслѣдованіе стараго русла древняго Оксуса, а Михаилъ Григорьевичъ внимательно слѣдилъ за ходомъ работъ. Но Англичане, всегда ревниво слѣдящіе за всѣмъ, что̀ дѣлается на границѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній, не могли долго допускать близости Михаила Григорьевича къ своимъ владѣніямъ въ Индіи. Подстрекнувъ Авганцевъ напасть на полуподвластныхъ намъ Бухарцевъ, они создали на границѣ конфликтъ, изъ за котораго произошло разногласіе Михаила Григорьевича съ тогдашнимъ военнымъ министромъ. Придуманный Англичанами искусный шахматный ходъ вполнѣ удался; въ Петербургѣ они нашли благопріятную для себя почву, вслѣдствіе чего Михаилъ Григорьевичъ былъ отозванъ изъ Туркестана, и грандіозный замыселъ поворота Аму-Дарьи остался до сихъ поръ неосуществленнымъ. При отъѣздѣ Михаила Григорьевича изъ Ташкента одинъ изъ присутствовавшихъ на прощальномъ обѣдѣ (Н. Грязновъ) обратился къ нему со слѣдующимъ стихотвореніемъ.

Прощайте, генералъ! Съ глубокою тоскою
Вдаль провожая васъ, мы думаемъ одно:
Что годъ еще пройдетъ*), съ великою рѣкою
Великое, увы, не будетъ свершено.
Лишь, ты герой Славянъ, энергіею полный
Могъ съ Западомъ Востокъ соединить
И царственной Дарьи бушующія волны
Въ объятья Каспія сѣдого возвратить.
Пускай волнуются народные витіи,
Пусть выгоды свои теряетъ Альбіонъ,
Тебѣ ли, славному сподвижнику Россіи,
Онъ можетъ предписать законъ?
У власть имѣвшихъ лицъ ты не просилъ совѣта,
Когда, одушевленъ идеею святой,
Ты грозно поднялъ мечъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ
Повелъ Славянъ въ кровавый, грозный бой.
Глубоко вѣримъ мы, что посланъ Провидѣньемъ
Ты въ покоренную тобою же страну,
Чтобъ наконецъ извлечь изъ заточенья
Тобой любимую, великую Дарью.

тисты, гранаты, всевозможные строительные матерьялы, превосходные мраморы, гипсъ, огнеупорная глина, сланецъ, дающій отличный цементъ и другія т. п. (смотри замѣтку горнаго инженера Мышенкова).

*) Сказано было на прощальномъ обѣдѣ, когда М. Г. уѣзжалъ въ Петербургъ, и никто не думалъ, что онъ больше въ Ташкентъ не возвратится.

Дневникъ М. Г. Черняева. Походъ въ Кунградъ.

19-го Іюня (1858). Въ 7 часовъ утра снялись мы съ якоря и вошли въ Кичкине-Дарью, поднимаясь по рѣкѣ со скоростью 2 верстъ въ часъ. Въ тѣхъ же изгибахъ, гдѣ вѣтеръ позволялъ подымать паруса на баркахъ, лотъ показывалъ 4½ узла; но при этомъ нужно вычесть быстроту теченія, которое полагаютъ здѣсь два узла.

Въ ¼ 12-го мы подошли къ Улькунъ-Дарьѣ, гдѣ насъ силою теченія снесло къ правому берегу; но мы тотчасъ же поправились и, поднявъ паруса, на всѣхъ судахъ двинулись со скоростью 4 миль (исключивъ быстроту теченія). При отдѣленіи Кичкине-Дарьи изъ Улькунъ-Дарьи построена Каракалпаками крѣпостца изъ дерна, имѣющая въ квадратѣ до 150 саж.; вышина бруствера, почти отвѣснаго, около 1 саж. Внутренность крѣпостцы густо занята кибитками, равно ближайшія мѣста вокругъ. Вообще на всемъ пространствѣ отъ устья Кичи-Дарьи до Улькуна разбросаны во множествѣ кибитки Каракалпаковъ, занимающихся здѣсь хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ. У Каракалпаковъ есть множество лодокъ, построенныхъ изъ небольшихъ кусковъ дерева, скрѣпленныхъ желѣзомъ; управляютъ они въ неглубокихъ мѣстахъ шестами, а весла замѣняютъ лопатами. Употребленія парусовъ они не знаютъ. Нѣкоторыя лодки имѣютъ въ серединѣ укрѣпленную палку въ саж. выш., за которою укрѣпляютъ бичеву. Берега Дарьи здѣсь низменны и представляютъ совершенно горизонтальную поверхность на 7½ арш. выше поверхности воды въ рѣкѣ, во время разлива.

Во время нашего слѣдованія полудикіе обитатели этихъ мѣстъ выбѣгали къ берегу смотрѣть на столь необыкновенное для нихъ зрѣлище. Женщины держались поодаль, вѣроятно опасаясь, дабы не привлечь насъ своими прелестями, которыя выказывались изъ подъ рубищъ.

Положеніе Каракалпаковъ весьма бѣдственное, что̀ можно заключить по ихъ одеждѣ, состоящей буквально изъ однихъ рубищъ, а нѣкоторые не имѣютъ даже чѣмъ прикрыть верхней части тѣла отъ палящихъ лучей. Дѣти почти всѣ нагія. Нѣсколько человѣкъ, бывшихъ у насъ на судахъ, сами подтвердили намъ, что опредѣленной подати у нихъ нѣтъ, но что Хивинцы берутъ съ нихъ все, что̀ только могутъ. Кромѣ того они подвержены нападенію Туркменъ, и для защиты себя противу нихъ и построена крѣпостца. Число кибитокъ, которое мы видѣли съ парохода, простирается не менѣе 10 т.

Пройдя по Улькунъ-Дарьѣ вверхъ, мы встрѣтили еще крѣпостцу на подобіе первой. Кочующіе въ ней и вблизи оной Киргизы и Каракалпаки, въ числѣ около 1000 кибитокъ, выбѣжали всѣ на берегъ смотрѣть на насъ. За этой крѣпостцой вскорѣ прекратились кочевья, и мы вступили въ камыши, залитые въ настоящее время водою. Въ ¼ 9 часа бросили мы якорь и остались ночевать. Ночлегъ нашъ былъ очень безпокоенъ: милліарды комаровъ искусали насъ такъ, что кожа была какъ бы послѣ крапивной лихорадки. Въ 3½ часа мы тронулись далѣе по тѣмъ же камышамъ.

20 Іюня. Улькунъ-Дарья́ повидимому составляетъ главное русло; глубина ея во многихъ мѣстахъ на значительномъ протяженіи доходила до 6½ сажень, а наименьшая глубина 3 сажени, средняя глубина 4 сажени. Хотя въ настоящее время вода на прибыли, но едва ли можно предполагать, чтобы она поднялась болѣе 1½ саж. Вода здѣсь не такъ мутна, какъ въ Сыръ-Дарьѣ. Кажется, это происходитъ отъ того, что, выступивъ изъ береговъ своихъ, она очищается камышами и снова вливается въ русло. По мѣрѣ приближенія нашего къ Кунграду глубина и ширина рѣки начала уменьшаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина была менѣе 100 саж., а глубина доходила до 1 саж. Берега представляютъ необозримые камыши, замѣтные въ настоящее время фута на два надъ водою, а мѣстами изъ рѣки вода вытекаетъ протоками, образующими озера. Два Киргиза, перекочевавшіе въ наши предѣлы прошлаго года, взялись провести наши суда этими озерами въ Аму-Дарью выше Кунграда; но такъ какъ рѣка имѣла достаточно глубины, то мы не рѣшились слѣдовать по неизвѣстному намъ пути. Вообще съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прекратились кочевья Каракалпаковъ до самой горы, берега́ не представляютъ никакихъ удобствъ для осѣдлой жизни, но мѣста эти весьма удобны для зимнихъ кочевьевъ. Здѣсь не видно ауловъ; только изрѣдка виднѣются отдѣльныя глиняныя строенія съ плоскими кровлями, въ настоящее время пустыя. При домахъ этихъ, обитаемыхъ вѣроятно только тогда, когда спадетъ вода, есть сады, состоящіе изъ ивъ и тополей.

Въ 9-ть часовъ утра мы встрѣтили лодку Каракалпаковъ, отъ которыхъ узнали, что Хивинскій ханъ расположился съ войскомъ на островѣ, образуемомъ Аму-Дарьей и протокомъ Кульдень, чрезъ который намъ предстоитъ путь. Въ прошломъ году протокъ этотъ былъ мелокъ для нашихъ судовъ, съ которыхъ должны были выгрузить тяжести на берегъ, чтобы перейти черезъ мели. Шириною онъ отъ 30—40 саж. Въ 8 часовъ мы стали на якорь, и тотчасъ же отпущена бы-

ла команда на шлюпкѣ для ловли рыбы. Въ самое короткое время бреднемъ было наловлено множество сазановъ.

21 Іюня. Въ 4 часа снялись мы съ якоря. У песчаной горы пароходъ въ первый разъ по переходѣ черезъ баръ сѣлъ на мель, но вскорѣ стащились. Выше горы въ правой рукѣ виднѣлось кладбище: памятники въ видѣ двухъ-этажныхъ домовъ съ глухими окнами безъ крышъ. Пройдя еще версты двѣ, мы увидѣли на песчаномъ высокомъ холмѣ небольшую толпу всадниковъ. Приближаясь къ горѣ, одинъ изъ нихъ выѣхалъ къ берегу и требовалъ отъ имени хана, чтобы мы не шли дальше. Не отвѣчая ему, мы продолжали нашъ путь. Пройдя еще немного, мы поровнялись съ многочисленными толпами всадниковъ, обступившими берегъ съ нашей правой стороны, и съ горы, находящейся въ верстахъ трехъ, неслись къ берегу новыя толпы.

Еще нѣсколько человѣкъ кричали намъ, чтобы мы остановились. Мы не отвѣчали и двигались впередъ. Тогда изъ толпы отдѣлился одинъ человѣкъ, слѣзъ съ лошади и, подойдя къ самой водѣ, закричалъ: «Я Мухла-Мамутъ, старшина Каракалпаковъ, остановитесь и скажите, кто вы, враги или друзья. Отвѣта не послѣдовало, но въ это время мы сѣли на мель въ виду всего Хивинскаго воинства, простиравшагося до 6 тысячъ и болѣе. Тутъ я успѣлъ разсмотрѣть составъ этой разнородной толпы. Въ составѣ этого скопища было около 200 человѣкъ пѣхоты, вооруженной ружьями и саблями. Полурегулярная кавалерія въ числѣ около 2 т. вооружена пиками, шашками и ружьями. Иррегулярныя скопища на половину только имѣли ружья съ шашками, остальныя вооружены, кто пикой и шашкой, а кто одной пикой. Увидѣвъ, что мы остановились, Хивинцы начали насыпать валикъ, чтобы защитить свои орудія, которыя прикрывали пѣхотою и регулярною конницею. Орудія были въ числѣ десяти; изъ нихъ, кажется, 4 мортиры. Всѣ они везлись на лошадяхъ, а заряды на парѣ воловъ, запряженныхъ гусемъ. Пока мы сидѣли на мели, чтобы стащиться съ нея, всѣ люди, за исключеніемъ артиллерійской прислуги, были посланы въ воду. Обѣ барки притянулись къ пароходу и закрыли одна другую такъ, что было время, когда одно только орудіе могло дѣйствовать по Хивинцамъ. Ханъ съ своими приближенными находился на Кюбе-Тау Въ это время Хивинцы, желая во чтобы-то ни стало вступить съ нами въ переговоры, закричали, что изъ Оренбурга есть почта, и въ тоже время одинъ человѣкъ, поспѣшно раздѣвшись, бросился плыть къ пароходу. Султанъ Сейдаменъ узналъ въ немъ посланнаго отъ султана-правителя, и потому онъ былъ взятъ на пароходъ. Киргизъ этотъ объ-

явилъ, что онъ имѣлъ три письма, что его перехватили, отобрали письма, все имущество, лошадь и деньги, что держали его подъ арестомъ безъ пищи и когда онъ попросилъ напиться, то дали ему горьковатую воду, отъ которой у него сдѣлались судороги въ желудкѣ. Когда онъ сказалъ объ этомъ Азбергеню, то послѣднiй далъ ему противоядiе. Докторъ нашъ по освидѣтельствованiи нашелъ, что онъ былъ отравленъ. Киргизъ этотъ объявилъ намъ, что Хивинскiй ханъ не рѣшилъ еще, какъ принять насъ, что Азбергенъ находится съ своими приверженцами въ его войскѣ. Капитанъ Бутаковъ отправилъ Утайса на берегъ съ тѣмъ, чтобы ему возвратили письма и его имущество.

Въ это время мы увидѣли около ста лодокъ различной величины, поспѣшно спускавшихся съ верховой стороны, мимо нашихъ судовъ. Лодки эти совершенно сходны съ описанными уже лодками, но нѣкоторыя изъ нихъ были довольно значительныхъ размѣровъ. Самая большая, принадлежавшая Хивинскому хану, могла поднять отъ 50—75 человѣкъ и имѣла навѣсъ на подобiе балдахина. На лодкѣ этой, какъ мы узнали послѣ, находился Мехтеръ съ ханскою казною. Когда лодки прошли, то вскорѣ орудiя, находившiяся уже за сдѣланнымъ прикрытiемъ, потянулись въ обходъ къ Кюбе-Тау, а вслѣдъ за ними потянулись и толпы всадниковъ. Послѣдними прошли регулярная конница около 1 т. человѣкъ и пѣхота въ красныхъ кафтанахъ, прошли тихо по самому берегу, вѣроятно съ цѣлью показать могущество хана.

Киргизъ Утобли былъ перевезенъ къ намъ на пароходъ съ платьемъ, но безъ писемъ, въ лодкѣ двумя Хивинцами, которые требовали его возвращенiя, что̀ конечно не было исполнено; и они удалились. Хивинцы эти требовали также, чтобы мы дали письменный отвѣтъ хану, куда мы идемъ и зачѣмъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ на словахъ, что мы идемъ не противъ нихъ, а въ Бухару. Когда Хивинцы начали удаляться, то и мы успѣли стащиться съ мели и тронулись далѣе.

Пройдя еще версту, мы дошли до протока, который страннымъ образомъ раздѣляетъ воды свои на двѣ противоположныя стороны: одна часть водъ поворачиваетъ на право и образуетъ начало Улькунъ-Дарьи, а другая на лѣво, протокъ Кульденъ. Поднявшись по Кульденю версты три, мы остановились за мелководiемъ на ночлегъ.

Шлюпка, посланная для промѣровъ впередъ, нашла впереди глубину всего $2\frac{1}{2}$ фута, а пароходъ Перовскiй сидѣлъ въ водѣ $4\frac{1}{4}$ ф. Вечеромъ для обезпеченiя себя отъ нечаянной тревоги или нападенiя

нужно было выставить два секрета: одинъ со стороны Хивинцевъ, другой со стороны Кунграда. Поставивъ одинъ секретъ и возвращаясь къ пароходу, я пораженъ былъ сильнымъ запахомъ гніющаго животнаго. Предполагая, что этотъ запахъ происходъ отъ упавшей скотины, я не обратилъ на это никакого вниманія. На другой день смѣнившійся съ секрета І. О. доносилъ, что шагахъ въ 20 отъ берега лежитъ трупъ человѣка. Мы пошли посмотрѣть и увидѣли обезглавленный трупъ, у котораго отъ локтей и колѣнъ снята была кожа. Это былъ образчикъ мести хана Хивинцевъ надъ попавшимся въ его руки возмутившимся подданнымъ.

22-го Іюня. Рано утромъ 22-го Іюня человѣкъ 30 Туркменъ подъѣхали къ пароходу и послѣ привѣтствія объявили, что они отправляются въ погоню за Хивинцами. Цѣль ихъ была захватить кого-либо изъ отставшихъ и за голову получить вознагражденіе.

Часовъ въ 7 утра пріѣхалъ на пароходъ отъ правителя Кунграда Шахъ-Ніязъ, пріѣзжавшій въ Оренбургъ съ просьбою о помощи. Находящаяся впереди мель препятствовала судамъ идти далѣе безъ выгрузки.

Капитанъ Бутаковъ отправилъ меня, шт.-кап. Стаховскаго и подпоручика султана Сейдалина въ Кунградъ выбрать мѣсто для стоянки и вмѣстѣ поздравить правителя Магометъ-Фану съ избавленіемъ отъ осады; при чемъ мнѣ поручено было также просить о присылкѣ лодокъ, чтобы выгрузить съ судовъ наши тяжести.

Мы поѣхали на Туркменскихъ лошадяхъ, и я въ первый разъ испыталъ достоинство этихъ лошадей. Канавы, черезъ которыя перескакивали эти лошади, были такихъ размѣровъ, что чрезъ нихъ на нашихъ лошадяхъ самый смѣлый всадникъ никогда бы не рѣшился прыгнуть; между тѣмъ Туркменская лошадь преодолѣваетъ эти препятствія необыкновенно плавно, почти безъ напряженія.

Кунградъ отъ того мѣста, гдѣ остановились суда наши, находился верстахъ въ 5-ти. Все это пространство изрѣзано по всѣмъ направленіямъ канавами, большею частію усаженными пирамидальными тополями. Верхушки всѣхъ деревьевъ были слѣва срублены, и мы не могли догадаться о причинѣ этого, пока не подъѣхали къ высокой насыпи, окопанной валомъ, на самомъ берегу рѣки. Съ насыпи Хивинцы стрѣляли изъ орудій во внутрь города, а потому высота ея равнялась высотѣ городской стѣны. Валъ, окружающій насыпь, служилъ укрѣпленіемъ

для караула. Для этой насыпи Хивинцы срубали верхушки деревьевъ, пересыпая ихъ землею.

По мѣрѣ приближенія нашего къ берегу Талдыка, на противоположной сторонѣ котораго лежитъ Кунградъ, встрѣчали насъ Туркмены, выказывая свою радость стрѣльбой и джигитовкой. У берега мы нашли нѣсколько лодокъ. На лучшую изъ нихъ мы сѣли сами, а на другую поставили лошадей. Лодки эти построены по одному образцу съ Каракалпакскими. Составлены онѣ изъ кусковъ, скованныхъ желѣзомъ, незаконопаченыя, онѣ пропускаютъ много воды, которую все время переѣзда вычерпываютъ. Чтобы не замочить ногъ, на дно ея набрасываютъ травы или хвороста.

На противоположномъ берегу, въ который упираются стѣны Кунграда, насъ ожидало все народонаселеніе города. Изъ толпы часто слышались выстрѣлы въ честь нашу. Выходя на берегъ, я далъ лодочникамъ по 1 руб. сер. Это крайне удивило всѣхъ присутствующихъ и возбудило еще бо̀льшій восторгъ. Намъ подали снова лошадей, которыхъ вели подъ уздцы въ знакъ уваженія. Нѣсколько человѣкъ разгоняли народъ, хлопая нагайками куда ни попало, въ надеждѣ обратить на себя наше вниманіе и еще больше увеличить торжественность выѣзда. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, мы въѣхали въ ворота.

Здѣсь я остановлюсь, чтобы сдѣлать описаніе самаго Кунграда.

Кунградъ представляетъ пространство, огражденное глиняною стѣною съ зубцами, служащими для защиты отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Высота стѣны 3 сажени, толщина ея у основанія 2 саж., а вверху 1 футъ. Съ наружной стороны треугольный ровъ шириною въ 2 сажени, со внутренней стороны у самой подошвы стѣны есть также ровъ, образовавшійся при возведеніи стѣны отъ выемки земли. Съ внутренней стороны выходъ на стѣну возможенъ только въ немногихъ мѣстахъ и то крайне затруднителенъ, хотя банкетъ около 1 арш. ширины вездѣ существуетъ. Словомъ, съ внутренней стороны также трудно попасть на стѣну, какъ и съ наружной.

Этотъ способъ укрѣпленій указываетъ и на способъ атаки и обороны. Воинскія скопища здѣшнихъ народовъ состоятъ исключительно изъ одной конницы. Хотя у Хивинскаго хана и наберется до 300—400 человѣкъ пѣхоты (сарбазовъ), но они въ такомъ жалкомъ видѣ, что ихъ въ соображеніе принимать не стоитъ. Артиллерія въ самомъ жалкомъ состояніи имѣется только у Хивинцевъ. Поэтому осаж-

дающій, обложивъ крѣпость, ставитъ на высотѣ внѣ ружейнаго выстрѣла свои орудія, или если нѣтъ такой высоты, то дѣлаетъ искусственную насыпь выше городскихъ стѣнъ и стрѣляетъ во внутрь города. Съ своей стороны осажденный сосредоточиваетъ всѣ средства обороны у воротъ. Въ такомъ положеніи остаются враждующія стороны, пока голодъ или измѣна не отдадутъ крѣпости въ руки побѣдителя, который ознаменовываетъ свое торжество казнями. Въ этомъ случаѣ, чтобы умилостивить побѣдителя, ему подносятъ вмѣсто ключей головы главныхъ начальниковъ. Часто случается также, что осаждающіе, истощивъ всѣ средства продовольствія, расходятся по домамъ. Штурмъ рѣдко предпринимается. Обвалы въ стѣнахъ при отчаянномъ состояніи артиллеріи малаго калибра и отсутствіи разрывныхъ снарядовъ сдѣлать почти невозможно. Крѣпости Хивинскія не вооружены пушками, за исключеніемъ Бонте у выхода изъ Аму-Лаудона, гдѣ имѣются три орудія весьма малаго калибра.

Внутренность Кунграда въ настоящее время представляетъ самый печальный видъ. Почти всѣ дома представляютъ однѣ голыя стѣны безъ крышъ. Только домъ бывшаго эсаула-баши Кутлу-Мурата, занимаемый нынѣ правителемъ Кунграда, уцѣлѣлъ и еще нѣсколько ближайшихъ къ нему мазанокъ, въ которыхъ помѣщаются пустыя лавки. Остальное пространство занято кибитками густо поставленными, въ которыхъ помѣщаются жители, вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь Туркменами. Вездѣ страшная грязь и нечистота. При въѣздѣ нашемъ въ городъ повторилась сцена бывшая на берегу. Оборванная толпа провожала насъ до самаго дома Магометъ-Фаны.

Въ воротахъ дома лошадей нашихъ снова взяли подъ уздцы и отвели чрезъ дворъ между двумя шеренгами Туркменъ и Узбековъ, изъ коихъ многіе вооружены были двухствольными охотничьими ружьями. Воинство это было поставлено съ цѣлью показать могущество избраннаго хана. Сойдя съ лошадей, мы вошли чрезъ темный коридоръ подъ навѣсъ, гдѣ находился Магометъ-Фаны со своими приближенными. Тронный залъ Магомета-Фаны составляетъ небольшой дворикъ до половины покрытый (другая половина не имѣетъ крыши для освѣженія воздуха и для того, чтобы по вечерамъ можно было отъ комаровъ раскладывать курево). Направо отъ дверей находились подмостки вышиною $1\frac{1}{4}$ аршина, весьма дурно сколоченные и даже не окрашенные. На подмосткахъ разостланъ былъ коверъ. Это возвышеніе составляло тронъ избраннаго Кунградцами хана. При входѣ нашемъ онъ сидѣлъ на своемъ тронѣ; самые приближенные его на разныхъ коврахъ на полу по обѣ-

имъ сторонамъ его, остальные въ числѣ около 50 человѣкъ стояли и сидѣли поодаль. Магометъ-Фаны, лѣтъ сорока, высокаго роста, атлетическаго сложенія; густая черная борода отѣняетъ лицо его, которое можно бы назвать красивымъ, если бы въ немъ было болѣе выраженія. Вглядываясь въ черты лица его, какъ-то не вѣрится, что этотъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ успѣлъ сдѣлать переворотъ, объявить себя независимымъ отъ Хивинскаго хана и 9 мѣсяцевъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Кажется, что онъ былъ только предлогомъ для безпокойныхъ и жадныхъ къ добычѣ Туркменъ, въ рукахъ которыхъ онъ теперь совершенно находится. Перевороту этому много способствовало также несправедливое и жестокое управленіе его предшественника, Хивинскаго эсаулъ-баши Кутлу-Мурата.

На сдѣланное мною привѣтствіе отъ имени начальника экспедиціи капитана Бутакова и на поздравленіе съ освобожденіемъ Кунграда отъ осады Хивинцами, которые, узнавъ о нашемъ прибытіи, поспѣшно удалились, Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ давно насъ ожидалъ, что мы его избавители и что онъ самъ, весь народъ, все имущество, жены и дочери принадлежатъ намъ и что онъ въ точности будетъ исполнять всѣ наши требованія. Когда я ему передалъ, что суда наши за мелководьемъ не могутъ прямо прибыть къ Кунграду и что начальникъ экспедиціи проситъ его содѣйствія на наемъ лодокъ для скорѣйшей перегрузки, то онъ отвѣчалъ, что сейчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ лодки прибыли къ намъ безплатно. Я поблагодарилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что лодочникамъ будетъ заплачено, потому что мы ничего безплатно брать не станемъ. Отвѣтъ мой возбудилъ ропотъ удовольствія въ присутствующихъ, привыкшихъ къ насиліямъ своихъ союзниковъ Туркменъ.

Насъ пригласили сѣсть и подали намъ чурекъ (лепешки), маленькую голову сахару и корзину абрикосовъ. Мы оставили въ сторонѣ чурекъ и сахаръ и обратили свое вниманіе на абрикосы. Когда мы приступили къ прощанью, то одинъ изъ прислужниковъ хана сталъ разносить абрикосы, въ томъ числѣ поднесъ и казаку бывшему съ нами. Казакъ спросилъ позволенія у меня взять ихъ, что̀ привело въ неописанное недоумѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, не имѣющихъ никакого понятія о дисциплинѣ вообще и о нашей въ особенности.

Я спросилъ хана, много ли вреда нанесли имъ Хивинцы во время осады. Онъ отвѣчалъ, что всѣ сады и пашни на противоположномъ берегу уничтожены и прибавилъ къ тому, что съ тѣхъ поръ какъ милосердый Богъ помогъ ему умертвить Кутлу-Мурата со всѣми привер-

женцами прошло уже 9 мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ и весь народъ разорились на содержаніе союзниковъ своихъ Туркменъ; что у него въ настоящее время кромѣ сабли, которую онъ поднялъ, ничего не осталось и что онъ возлагаетъ всю свою надежду на насъ. Помѣнявшись еще нѣсколькими фразами, я простился съ нимъ и просилъ дать мнѣ провожатыхъ, чтобы выбрать мѣста для отряда. Онъ тотчасъ же исполнилъ мою просьбу, прибавивъ, что въ нашей волѣ остановиться гдѣ намъ угодно, въ самой ли крѣпости, внѣ оной или въ одномъ изъ садовъ его.

Взобравшись съ трудомъ на городскую стѣну, мы могли обозрѣть весь городъ и ближайшія окрестности и избрали для первоначальной стоянки мѣсто на берегу у юговосточнаго угла крѣпости, внѣ оной, чтобы быть вблизи судовъ своихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, болѣе изъ любопытства уже, мы поѣхали осматривать ханскій садъ. Садъ этотъ принадлежалъ бывшему правителю Кунграда Кутлу-Мурату, по умерщвленіи котораго перешелъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ къ Магомету-Фаны. Садъ этотъ, или лучше сказать загородный домъ, находится въ верстѣ отъ городскихъ стѣнъ и въ верстѣ отъ берега. Онъ обведенъ глиняною стѣною съ зубцами на подобіе описанной нами уже Кунградской стѣны, но въ меньшихъ размѣрахъ. Къ одной части стѣны пристроенъ домъ. Внутренность дома, довольно обширнаго, состоитъ изъ множества темныхъ корридоровъ и комнатъ. Оконъ нигдѣ нѣтъ, свѣтъ проходитъ въ двери и въ нѣкоторыхъ чрезъ отверстія въ плоской кровлѣ. Запоровъ въ дверяхъ нигдѣ нѣтъ, за исключеніемъ главныхъ воротъ снаружи. Нѣкоторыя комнаты расписаны изразцами. Въ саду растутъ тополи, абрикосовыя и грушевыя деревья и яблони. Вокругъ стѣны расположены гряды съ дынями, арбузами и засѣянныя поля. Садъ, составляя совершенно отдѣльную крѣпостцу, былъ бы очень удобенъ для помѣщенія нашего маленькаго отряда, еслибы былъ ближе къ берегу. Съ другой стороны удаленіе его отъ города могло уменьшить наше вліяніе на необузданныхъ Туркменъ, распоряжавшихся тамъ съ безграничнымъ произволомъ.

Возвратившись къ берегу, мы сѣли въ лодки и спустились внизъ по Талдыку до протока Кульдена, а отсюда потянулись бичевой до мѣста стоянки судовъ нашихъ. Во все время осмотра мѣстности сопутствовали намъ малолѣтній сынъ и племянникъ Магомета-Фаны. Они очень привязались къ намъ, въ особенности къ Султану Сейдамену.

По прибытіи на пароходъ мы застали тамъ Туркменскихъ старшинъ. Они пріѣхали подъ предлогомъ поздравить насъ съ пріѣздомъ, но

въ сущности для того, чтобы сосчитать насъ и въ надеждѣ получить подарки, о чемъ и передали черезъ своего писаря. На это имъ отвѣчали, что мы пришли по вашей же просьбѣ и для вашего же спасенія, а потому не видимъ никакой причины одаривать прежде, чѣмъ они не заслужатъ этого. Старшины просили, чтобъ имъ дали одну пушку и десять человѣкъ Русскихъ для преслѣдованія Хивинцевъ и отбитія у нихъ всего, что ими забрано, въ особенности же, чтобы отнять плѣнныхъ и захваченныя лодки. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что для преслѣдованія Хивинцевъ они недостаточно сильны и что на это онъ не имѣетъ разрѣшенія генералъ - губернатора. Тогда они просили дать желаемую пушку для того, чтобы прикрыть землепашцевъ отъ Хивинцевъ во время наступающей уборки хлѣба. Капитанъ Бутаковъ согласился для этой цѣли дать имъ 50 человѣкъ съ ракетнымъ станкомъ, но съ тѣмъ чтобы тѣ, которые къ намъ присоединятся, были въ полномъ подчиненіи Русскаго офицера. Они замолчали. Словомъ, ясно было видно, что желаніе ихъ было воспользоваться нами для грабежа.

Во время поѣздки нашей въ Кунградъ, Туркмены, подъѣзжавшіе рано утромъ къ пароходу и отправившіеся на добычу за Хивинцами, возвратились, отбивъ восемь человѣкъ плѣнныхъ своихъ и поднесли капитану Бутакову голову, говоря, что Магометъ-Фаны платитъ имъ за голову 40 рублей сер., а они слышали, что Русскіе платятъ вдвое дороже. Голову эту они сняли со старухи и чтобы сдѣлать ее похожею на мужскую бритую, повыдергали волосы. Имъ отвѣчали, что Русскіе за головы ничего не даютъ. Они съ неудовольствіемъ отправились за платой къ Магомету-Фаны.

Посланная для промѣра шлюпка возвратилась вечеромъ съ извѣстіемъ, что въ протокѣ во многихъ мѣстахъ только два фута глубины, слѣдовательно пароходъ не могъ идти къ Кунграду, куда могли пройти съ большимъ трудомъ однѣ баржи, сгрузивъ предварительно всю тяжесть на берегъ. Весь день 23 числа прошелъ въ перегрузкѣ, а къ вечеру мы вошли въ Талдыкъ.

По желанію начальника экспедиціи въ тотъ же вечеръ правитель Кунграда долженъ былъ собрать своихъ приближенныхъ и принять насъ для выслушанія воли генералъ-губернатора. Съ капитаномъ Бутаковымъ отправились и всѣ офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, за исключеніемъ Полякова. Мы сѣли въ шлюпки въ 9 часовъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло; высадившись на берегъ, сѣли на лошадей, проѣхавъ около $1^1/_2$ версты вдоль городской стѣны по тропинкѣ, перевы-

ваемой безпрестанно глубокими канавами, подъѣхали къ воротамъ, гдѣ находился небольшой караулъ, расположившійся уже спать. Шитые мундиры наши имѣли слой пыли на палецъ. Жители уже всѣ спали, а потому на улицахъ было пусто и мы на этотъ разъ не были обезпокоены толпою.

Когда мы подъѣхали къ воротамъ ханскаго дома, насъ остановили и продержали около $1/4$ часа. Потомъ мы въѣхали на дворъ, слѣзли тамъ съ лошадей и уже пѣшкомъ вошли подъ навѣсъ, гдѣ въ первый разъ мы въѣзжали на лошадяхъ.

Войдя въ описанную уже нами аудіенцъ залу или тронную, освѣщенную костромъ и наполненную народомъ, мы Магомета-Фаны не застали тамъ. Для капитана Бутакова приготовлено было точно такое же возвышеніе, какъ описанное уже мною выше. Для остальныхъ поставлены были низенькіе табуреты, покрытые весьма старымъ ковромъ. Когда мы усѣлись, намъ принесли прежнее угощеніе.

Чрезъ нѣсколько времени довѣренное лицо хана Шахъ-Ніязъ сказалъ капитану Бутакову, что ханъ только что вернулся съ прогулки и проситъ отложить аудіенцію до утра, по случаю поздняго времени. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что такъ какъ мы уже пріѣхали, то откладывать нельзя. Чрезъ $1/4$ часа явился наконецъ Магометъ-Фаны. Впереди его шли два человѣка, держа въ рукахъ сальные огарки. Присутствовавшіе привѣтствовали его салямомъ.

Когда онъ взлѣзъ на свое мѣсто, мы подошли къ нему, а послѣ пожатія рукъ, капитанъ Бутаковъ объяснилъ ему цѣль нашего прибытія и предложенныя генералъ-губернаторомъ условія, заключавшіяся въ слѣдующемъ.

1) Примириться съ нашими Киргизами, 2) защищать Бухарскіе караваны, слѣдующіе въ Россію по правому берегу Амў, равнымъ образомъ не препятствовать Хивинскимъ караванамъ привозить въ наши предѣлы свой товаръ и 3) содѣйствовать къ заготовленію топлива для нашихъ судовъ и снабженія нашего отряда продовольствіемъ, разумѣется за деньги.

Имъ объявлено было также, что по ихъ просьбѣ, чтобы облегчить торговыя ихъ сношенія съ Россіей, посылается команда для осмотра береговъ Каспійскаго моря и избранія пункта къ открытію ярмарки и что они равнымъ образомъ должны содѣйствовать исполненію всѣхъ требованій начальствующихъ надъ этой командой. Имъ сказано при

этомъ, что отрядъ нашъ, избавивъ уже ихъ отъ осады Хивинцами, не можетъ оставаться на зиму въ Кунградѣ, за недостаткомъ помѣщенія и продовольствія.

По объявленіи этихъ условій Магометъ-Фаны и его приближенные отвѣчали:

Защищать Бухарскіе караваны они не могутъ, не зная гдѣ и когда будутъ проходить они, тѣмъ болѣе, что почти всѣ Бухарскіе караваны проходятъ вдалекѣ отъ Кунграда. Что же касается до пропуска Хивинскихъ каравановъ, то видно было, что это совершенно не совмѣстимо съ ихъ понятіями. Они говорили, что Хивинцы истребили ихъ пашни, сады, захватили большую часть лодокъ и увели болѣе 40 человѣкъ въ неволю, что все это требуетъ возмездія, если имъ за это не заплатятъ.

Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ, что Русское правительство настаиваетъ на этомъ потому, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны выгоды Русскихъ, тогда они отвѣчали слѣдующее: хорошо, мы будемъ пропускать караваны въ Россію и грабить ихъ, на возвратномъ ихъ пути въ Хиву. Магометъ-Фаны сказалъ при этомъ, что если вы сами не можете остаться на зиму, то вѣроятно оставите для защиты Кунграда противу Хивинцевъ хоть 200 человѣкъ съ орудіями. Онъ при этомъ повторилъ фразу, сказанную мнѣ при первомъ свиданіи, что въ эти 9 мѣсяцевъ онъ самъ и народъ Кунградцы совершенно разорились на защиту себя противу Хивинцевъ и что у него кромѣ сабли ничего не осталось. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что генералъ-губернаторъ приказалъ помочь ему по возможности.

Магометъ-Фаны сталъ просить дать ему вооруженную помощь, чтобы идти противу Хивинцевъ и отобрать у нихъ плѣнниковъ и добычу, захваченную ими въ окрестностяхъ Кунграда. Когда ему и въ этомъ было отказано, то онъ просилъ помощи для подчиненія своей власти Каракалпаковъ. Но и на это капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ ему отрицательно, говоря, что мы присланы защищать ихъ, а не дѣлать для нихъ завоеванія. Въ заключеніе Магометъ-Фаны спросилъ, признаетъ ли Русское правительство его ханомъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что мы присланы къ нему какъ къ правителю Кунграда. Вообще по этой аудіенціи можно было вывести заключеніе, что Магометъ-Фаны ожидалъ присылки къ нему отряда постояннаго и болѣе значительнаго, а тоже и денежнаго пособія: въ такомъ случаѣ только онъ могъ отдѣлаться отъ своихъ безпокойныхъ союзниковъ Туркменъ, въ рукахъ которыхъ

совершенно находится, и содѣйствовать видамъ нашего правительства. Съ уходомъ нашей экспедиціи, онъ снова былъ предоставленъ въ руки Туркменъ, и потому весьма понятно, что онъ долженъ былъ подчиняться ихъ вліянію, а не нашему.

Туркмены, Яумуды ничѣмъ не обнаружили и малѣйшаго желанія принять Русское подданство. Народъ этотъ, привыкшій добывать себѣ хлѣбъ грабежомъ и войною, болѣе всего дорожитъ необузданной свободой и не промѣняетъ ее ни на какія блага, если съ ними связаны порядокъ и благоустройство. Менѣе чѣмъ гдѣ-либо они подготовлены къ принятію какого-либо гражданскаго устройства. Безплодныя, безводныя мѣста, ими занимаемыя, мало способствуютъ земледѣлію и скотоводству, а потому они существуютъ почти исключительно однимъ грабежомъ и торгомъ невольниками. Смуты, раздирающія Хивинское ханство, даютъ имъ возможность наниматься или у Хивинскаго хана для усмиренія его подданныхъ, или помогать послѣднимъ въ возмущеніяхъ противу хана; словомъ, это кондотьеры новыхъ временъ. Обѣщаніямъ и клятвамъ ихъ нельзя нисколько вѣрить. Они до тѣхъ поръ держатъ свое слово, пока надъ ними гроза или пока имъ это выгодно. У нихъ есть поговорка: Туркменъ на лошади не знаетъ отца и матери, характеризующая ихъ вполнѣ. Въ числѣ старшинъ помогающихъ Магомету-Фаны есть двое, Салакъ-Кычкара и Ижереле Адазмамберъ, которые поклялись Хивинскому хану доставить ему голову Магометъ-Фаны, получили за нее половину договорной платы впередъ, и первый изъ нихъ оставилъ даже своего сына заложникомъ. Они не признаютъ никакихъ властей, старшины ихъ имѣютъ очень мало вліянія, а Атамурадъ-ханъ еще меньше. Изъ всего этого видно, что депутація, присланная въ прошломъ году къ генералъ-губернатору и повторенная этой зимой, никакъ не можетъ служить выраженіемъ общаго желанія племени Яумудъ на принятіе Русскаго подданства. Депутація эта снаряжена была Атамуратомъ и небольшимъ числомъ его приверженцевъ, желающихъ посредствомъ насъ увеличить и упрочить свое вліяніе надъ соплеменниками. Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ однажды старшинамъ, что Туркмены просили генералъ-губернатора о принятіи ихъ въ Русское подданство, то они отвѣчали: да, нѣкоторые этого хотѣли.

Самыя понятія ихъ о подданствѣ не сходны съ нашими. Подъ подданствомъ они разумѣютъ службу за опредѣленную плату, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и распри. Эти понятія ясно выразили старшины ихъ во время сбора для примиренія съ Киргизами. Старшины сказали: когда мы служили Хивинскому хану, то получали

отъ него поденную плату и кромѣ того за подносимыя головы тоже самое давалъ намъ Магометъ-Фаны. Теперь у него ничего нѣтъ. Если Русское правительство будетъ платить намъ за то, чтобы мы защищали Кунградъ, то мы останемся, а въ противномъ случаѣ мы должны искать себѣ другой службы, потому что Туркменъ не сѣетъ и не жнетъ: чѣмъ же онъ будетъ существовать?

Узбеки и Каракалпаки составляли главную часть населенія, за исключеніемъ небольшого числа связанныхъ личными интересами съ Магометомъ-Фаны, и нисколько ему не сочувствуютъ. Есть даже поводъ думать, что они втайнѣ желаютъ возвращенія Хивинскаго владычества, чтобы избавиться отъ Туркменъ, которые безпощадно ихъ грабятъ.

Киргизы, кочующіе въ окрестностяхъ, въ открытой враждѣ съ Кунградцами и Туркменами. При осадѣ Кунграда Хивинцами, Киргизы съ своимъ предводителемъ Азбергенемъ и султаномъ Эстлау находились въ Хивинскомъ войскѣ. Прежде еще Ата-Мурадъ-ханъ осаждалъ Азбергеня съ 800 человѣкъ, но не имѣлъ успѣха.

Изъ этого обзора видно, въ какомъ шаткомъ положеніи находится правитель Кунграда и что ему нельзя придавать никакого значенія.

На другой день, 24 Іюня, мы поднялись на двухъ баржахъ бичевой и остановились у юго-восточнаго угла Кунградской стѣны. Когда мы снимались съ якоря, на баржу пріѣхалъ Шахъ-Ніязъ съ объявленіемъ, что Магометъ-Фаны прислалъ его, чтобы указать намъ мѣсто, гдѣ остановиться и чрезъ какіе ворота имѣть сообщенія съ городомъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ ему, что онъ крайне удивленъ этимъ, тѣмъ болѣе, что Магометъ-Фаны не далѣе какъ вчера еще сказалъ, что въ нашей волѣ остановиться гдѣ намъ угодно, и потому мы и изберемъ себѣ мѣсто тамъ, гдѣ для насъ это удобнѣе.

Такъ какъ намъ не было извѣстно, долго ли мы здѣсь пробудемъ, то мѣсто это у Кунградской стѣны представляло наиболѣе выгодъ, потому что часть старой городской стѣны составляла для насъ нѣкоторую защиту, а возвышеніе у самаго берега представляло весьма удобное помѣщеніе для орудій, которыя въ случаѣ нужды могли дѣйствовать по городу.

Мы стали на якорь въ 8 часовъ утра. Отрядъ былъ высаженъ на берегъ, гдѣ и устроилъ себѣ навѣсъ отъ палящихъ лучей солнца изъ парусовъ. Для офицеровъ разбита была кибитка. На возвышеніи водру-

женъ былъ флагъ и поставлены два горныхъ орудія жерлами къ сторонѣ Хивы. Подлѣ флага стояла дежурная часть. Едва успѣли мы высадиться на берегъ, какъ толпы зѣвакъ окружили наши суда и отрядъ такъ, что мы вынуждены были разогнать любопытныхъ посѣтителей и поставить ихъ извнѣ, около лагеря, предоставивъ имъ право любоваться нами издали. Съ приходомъ нашимъ къ Кунграду многіе изъ Туркменъ начали удаляться въ свои кочевья, опасаясь, чтобы Кунградцы чрезъ насъ не отобрали у нихъ награбленнаго имущества, своихъ женъ и дочерей.

Нѣсколько старшинъ пріѣхали къ капитану Бутакову, который угостилъ ихъ чаемъ. Они пьютъ его не такъ охотно, но за то съ большимъ наслажденіемъ грызутъ сахаръ. Странно было смотрѣть на этихъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ звѣрскими лицами, грызущими сахаръ съ жадностью ребенка. На вопросъ объ Ата-Мурадъ-ханѣ, присылавшемъ два раза депутатовъ къ генералъ-губернатору съ изъявленіемъ желанія принять Русское подданство, они отвѣчали уклончиво, что онъ находится въ двухъ дняхъ пути отъ Кунграда и вѣроятно пріѣдетъ повидаться съ нами. Когда же капитанъ Бутаковъ сказалъ имъ, что Туркмены просили принять ихъ въ Русское подданство, то они отвѣчали: да, нѣкоторые этого желали.

На другой день нѣсколько Каракалпаковъ приходили просить нашей защиты противъ своеволія Туркменъ, которые отобрали у нихъ женъ и дочерей и увозятъ ихъ въ Туркменію. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ, что онъ во внутреннія дѣла ихъ не вмѣшивается и чтобы они обращались съ жалобами къ Магомету-Фаны.

Для осмотра и съемки окрестностей Кунграда намъ необходимо было достать лошадей. Сначала мы обратились къ Магомету-Фаны, прося его содѣйствія въ наемѣ 30 лошадей. Онъ отказалъ. Тогда капитанъ Бутаковъ отправилъ къ нему подпоручика Султана Сейдамена спросить, считаетъ ли онъ его врагомъ или другомъ. Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ потому запретилъ давать лошадей, что не надѣется на Туркменъ, которые могутъ что-либо предпринять противъ нашей съемочной партіи и тогда отвѣтственность будетъ лежать на немъ. Когда же Сейдаменъ сказалъ ему, что Туркмены будутъ отвѣчать сами за себя, тогда Магометъ-Фаны приказалъ объявить на базарѣ, что всякій, кто желаетъ, можетъ отдавать намъ въ наймы лошадей своихъ.

Туркменскій старшина Кычкара, еще до разрѣшенія хана пріѣзжавшій къ намъ въ лагерь, спрашивалъ Султана-Сейдамена, чѣмъ онъ

можетъ заслужить у Русскихъ; Сейдаменъ посовѣтовалъ ему на первый разъ дать лошадей. Цѣна объявлена 1 р. сер. за лошадь въ день, а потому Туркмены наперерывъ предлагали намъ свои услуги. Цѣна эта назначена была капитаномъ Бутаковымъ съ цѣлью привлечь Туркменъ къ исполненію нашихъ требованій. Такъ какъ охотниковъ нашлось слишкомъ много, то старшинамъ сказано было соблюдать между собою очередь. Вмѣстѣ съ тѣмъ для отвращенія всякихъ попытокъ со стороны Туркменъ противу нашей съемочной партіи старшины обязались сопровождать съемку. На другой день съ разсвѣтомъ приказано было привести 30 лошадей.

Вечеромъ того же дня мы узнали чрезъ Киргизъ, взятыхъ нами изъ Форта № 1, что у Магомета-Фаны было совѣщаніе съ Туркменами, которые предлагали напасть на насъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть нашими орудіями. Они говорили, что Русскихъ всего 200 человѣкъ и что мы очень довѣрчивы и что на насъ можно было напасть врасплохъ и перерѣзать. Магометъ-Фаны противорѣчилъ имъ, говоря, что онъ обязанъ намъ своимъ спасеніемъ отъ Хивинцевъ и что если бы нападеніе и удалось, то впослѣдствіи они за это дорого поплатятся. Слухи эти подтвердилъ Персидскій невольникъ, выкупившійся на волю и просившій насъ, чтобы мы взяли его съ собой въ Оренбургъ, откуда онъ надѣялся пробраться на родину (онъ схваченъ былъ Туркменами, проданъ сначала въ Бухару, а оттуда ѣздилъ съ своимъ хозяиномъ въ Оренбургъ, Казань и Москву. Потомъ перепроданъ былъ въ Хиву и изъ Хивы попалъ въ Кунградъ).

Слухи эти могутъ показаться неправдоподобными для человѣка не знакомаго съ характеромъ Азіатцевъ вообще и Туркменами въ особенности. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствуютъ по первому впечатлѣнію, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ.

Слухи эти заставили насъ усиливать на ночь караулъ, обрыть возвышенія, на которыхъ стояли орудія, чтобы къ нимъ нельзя было вскочить на лошади и вырыть небольшую траншею для стрѣлковъ. Наше положеніе было тѣмъ затруднительно, что толпы вооруженныхъ Туркменъ ежедневно пріѣзжали къ намъ и мы не могли бы знать, когда они рѣшились привести свои намѣренія въ исполненіе. Запретить же имъ пріѣзжать къ намъ въ лагерь тоже было неудобно въ томъ отношеніи, что мы показали бы имъ недовѣріе.

Въ 8 часовъ утра топографъ Журавлевъ отправился на съемку подъ прикрытіемъ 25 штуцерныхъ, вооруженныхъ револьверами. Съ

съемкой отправился также старшина отдѣленія Кычкара̀, названный Туркменами Клычогру, т. е. воровская сабля. Клычогру пріобрѣлъ вліяніе на соплеменниковъ удальствомъ въ набѣгахъ. Ему отъ 45 до 50 лѣтъ, росту высокаго, большая борода съ просѣдью оттѣняетъ лицо его, выражающее умъ и коварство. Нанявшись у Магометъ-Фаны защищать Кунградъ, онъ прежде далъ клятву Хивинскому хану доставить ему голову перваго, взялъ даже въ задатокъ половину условленной платы и оставилъ заложникомъ своего сына *). Вотъ образчикъ характера Туркменъ.

Часъ спустя я отправился вслѣдъ за съемочнымъ отрядомъ и нагналъ его версты за двѣ отъ нашего лагеря. Въ этотъ разъ снята была инструментально полоса на лѣвомъ берегу рѣки, вокругъ Кунграда шириною въ 3 версты. Все это пространство обработано и изрыто по всѣмъ направленіямъ ирригаціонными канавами. Двѣ изъ нихъ подъ названіемъ ханскихъ похожи на маленькія рѣки. Смотря на эти канавы, нельзя не удивляться трудолюбію жителей. Между полями разсѣяны фруктовые сады, контуры которыхъ ясно обозначаются пирамидальными тополями.

Старшина Клычогру, сопровождавшій съемку съ двумя своими товарищами, держалъ себя поодаль. Когда мы принялись завтракать, то онъ подошелъ къ намъ. Я пригласилъ его. Онъ отказался отъ сардинокъ и ростбифа и принялся за баранки и сахаръ. Чтобы закончить съемку этого дня, намъ нужно было дойти до батареи, построенной Хивинцами во время осады на самомъ берегу рѣки, противъ протока Кульденъ. Такъ какъ мѣстность изрыта была вся канавами, то я приказалъ казаку переводчику разспросить у работавшихъ вблизи Каракалпаковъ, какъ лучше проѣхать. Клычогру, узнавъ отъ переводчика въ чемъ было дѣло, самъ поѣхалъ къ Каракалпакамъ и требовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ провелъ насъ. Но Каракалпакъ не хотѣлъ исполнить его требованія. Тогда онъ выхватилъ шашку и бросился на несчастнаго; но я закричалъ на него, тогда онъ вложилъ шашку въ ножны и взялъ нагайку. Каракалпакъ успѣлъ между тѣмъ отбѣжать довольно далеко. Въ безсильной злобѣ Клычогру уѣхалъ впередъ и долго ворчалъ про себя.

Часу въ восьмомъ вечера мы возвратились въ лагерь.

На другой день снята была такой же ширины полоса на лѣвомъ берегу, а на слѣдующій день перешли мы на правую сторону рѣки и

*) Свѣдѣнія эти переданы Султану-Сейдамеву братомъ Магомета-Фаны.

сняли всю обработанную половину по этой сторонѣ рѣки. Возвращаясь въ лагерь, я увидѣлъ не вдалекѣ отъ мѣста расположенія Хивинцевъ человѣческій скелетъ, съ котораго хищныя птицы не успѣли еще снять все мясо. Голова этого скелета была въ сторонѣ отъ туловища.

По возвращеніи въ лагерь я узналъ, что отъ Киргизскаго батыря Азбергеня прибылъ посланный съ увѣдомленіемъ о томъ, что онъ самъ прибудетъ вечеромъ съ 40 человѣками своихъ приверженцевъ.

Для помѣщенія Азбергеня Магометъ-Фаны прислалъ нѣсколько кибитокъ. Едва успѣли разбить эти кибитки вблизи нашего лагеря, какъ явился отъ Магометъ-Фаны посланный, чтобы ихъ снять и разбить у воротъ крѣпости отдѣльно отъ насъ. Капитанъ Бутаковъ приказалъ посланному сказать, что Магометъ-Фаны можетъ взять свои кибитки, но что Азбергень пріѣхалъ къ Русскимъ съ повинной за сдѣланныя имъ преступленія, а не къ нему, а потому онъ долженъ остановиться среди насъ. Посланный болѣе не возвращался.

Часу въ шестомъ вечера къ противоположному берегу подъѣхало человѣкъ сорокъ всадниковъ. Къ нимъ выслали наши шлюпки, на которыя они сѣли сами, а лошадей переправили вплавь.

На другой день утромъ начальникъ экспедиціи потребовалъ Азбергеня и объявилъ ему прощеніе и позволеніе возвратиться въ Русскіе предѣлы. Тутъ же ему объявлено было, что онъ долженъ примириться съ Туркменами и Кунградцами. Вмѣстѣ съ Азбергенемъ прибылъ также и султанъ Эстлау *), принадлежащій къ бѣлой кости. Азбергень изъявилъ желаніе возвратиться на прежнія кочевья и просилъ начальника экспедиціи прикрыть перекочеваніе его отъ Туркменъ, на искренность которыхъ онъ не полагался. На другой день съемочный отрядъ отправился, но вслѣдствіе слуховъ о коварныхъ замыслахъ Туркменъ противъ Азбергеня былъ возвращенъ.

Слухи эти были весьма правдоподобны. Азбергень былъ въ союзѣ съ Кунградцами и Туркменами; но грабежъ и насилія послѣднихъ надъ Киргизами заставили его удалиться въ крѣпостцу, въ 25 верстъ разстоянія отъ Кунграда. Ата-Мурадъ-ханъ съ 800 всадниками обложилъ его, но не имѣлъ успѣха и удалился самъ въ свои кочевья. Азбергень, не будучи въ силахъ бороться долѣе съ Кунградцами и Туркменами,

---

*) Цвѣтъ аристократіи Киргизской причисляетъ себя къ бѣлой кости, остальные принадлежатъ къ черной кости. Султанъ Эстлау прозванъ у насъ слоновой костью.

помирился съ Хивинскимъ ханомъ и когда тотъ осаждалъ Кунградъ находился съ своими приверженцами уже въ его войскѣ. Туркмены были озлоблены на Азбергеня за понесенную ими неудачу и опасались, чтобы онъ посредствомъ насъ не вытребовалъ захваченныхъ ими Киргизъ. Поэтому Азбергень объявилъ капитану Бутакову, что онъ готовъ примириться съ Туркменами, но что на искренность этого примиренія не полагается.

Съ прибытіемъ Азбергеня Туркмены были постоянно въ сборѣ, выжидая случая схватить его съ его приверженцами.

Въ 6 часовъ вечера начальникъ экспедиціи приказалъ собраться старшинамъ Туркменскимъ, Узбекскимъ и Каракалпакскимъ для примиренія съ Киргизами. Къ назначенному времени прибыли всѣ за исключеніемъ Ата-Мурада и Андами-хана, брата Ата-Мурада, сказавшихся больными. Старшинамъ приказано было, оставивъ лошадей своихъ, придти въ лагерь пѣшкомъ. Не явившимся старшинамъ послано было сказать, что если они не прибудутъ, то это принято будетъ за недоброжелательство къ Русскимъ. Прибывшіе старшины обидѣлись тѣмъ, что ихъ заставляютъ ожидать Андами-хана, говоря, что и безъ него обойтись можно, что они всѣ равны между собою и что если семь старшинъ присутствуютъ, то одного нечего и спрашивать.

Шалашъ изъ парусовъ, въ которомъ помѣщался дессантъ, былъ устланъ коврами. У входа въ него былъ поставленъ караулъ. Въ 7 часовъ мѣстные старшины сошлись съ Киргизами и въ знакъ искренности примиренія обнялись. Съ прибытіемъ капитана Бутакова всѣ усѣлись и начали разсуждать объ устраненіи поводовъ къ неудовольствіямъ. Со стороны Туркменъ говорили за всѣхъ знакомецъ нашъ Клычогру и сѣдой старикъ Ауазманбетъ, со стороны Киргизъ Азбергень.

Объ управленіи Киргизскою ордою. (Писано ранѣе покоренія Туркестанскаго края).

1.

Для водворенія прочнаго спокойствія внутри орды и для обезпеченія пограничныхъ Киргизъ отъ вторженія грабительскихъ шаекъ изъ Средне-Азіатскихъ владѣній необходимо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія по внутреннему управленію степью и придать болѣе самостоятельности Сыръ-Дарьинской линіи. Съ устройствомъ Оренбургскаго и Уральскаго

укрѣпленій въ восточной и средней частяхъ орды спокойствіе совершенно водворено, и всѣ правительственныя распоряженія приводятся безпрепятственно въ исполненіе. Въ Западной же части часто образуются мятежныя шайки, возбуждающія Киргизъ къ неповиновенію и грабежу тѣхъ, которые остаются намъ покорными. Кромѣ того купцы, кочующіе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, много терпятъ отъ набѣговъ Туркменъ Хивинскихъ, и само Хивинское правительство нерѣдко посылаетъ собрать съ нихъ зякетъ, грозя въ случаѣ неповиновенія разграбленіемъ.

Не имѣя далеко позади себя никакой защиты, за которую могли бы они укрыться, Киргизы вынуждены бываютъ удовлетворять насильственнымъ требованіямъ и оказывать неповиновеніе, на которое сами никогда бы не отважились.

Для отвращенія по возможности безпорядковъ этихъ необходимо.

1) Устроить въ центрѣ Западной части орды третье укрѣпленіе, снабдивъ его гарнизономъ по примѣру Оренбургскаго и Уральскаго. Мѣсто для этого укрѣпленія предполагается у южныхъ скатовъ Мугоджарскихъ горъ, при урочищѣ Тасъ-Булакъ.

2) Султана-правителя Западной части орды, перемѣстить изъ окрестностей станицы Затонной къ устью Эмбы для ближайшаго надзора за подвѣдомственными ему Киргизами. Это урочье у устья Эмбы удобно для хлѣбопашества и можетъ служить впослѣдствіи для водворенія населенія.

3) Надъ Киргизами, кочующими между Каспійскимъ и Аральскимъ морями поставить особаго султана-правителя, присвоивъ ему названіе султана-правителя 4-й части орды и назначить ему мѣсто пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

4) Съ устройствомъ рыбнаго промысла на Красноводскомъ заливѣ, необходимо имѣть тамъ укрѣпленіе, которое будетъ удовлетворять тремъ условіямъ: а) послужитъ защитою для промышленниковъ, б) предотвратитъ по возможности набѣги Туркменъ на подвластныхъ намъ Киргизовъ; в) находясь въ разстояніи десяти дней караваннаго хода отъ Хивы, будетъ служить передовымъ постомъ нашимъ для наблюденія за нею и доставитъ возможность утвердить наше законное вліяніе надъ Туркменами.

Для огражденія же границъ нашихъ на лѣвомъ флангѣ со стороны Кокана необходимо, выше, придать бо̀льшую самостоятельность Сыръ-Дарьинской линіи, чего можно достигнуть занятіемъ Туркестана и продолженіемъ линіи до Ала-Таускихъ горъ на соединеніе съ Сибирской границей и водвореніемъ по Сыру военныхъ поселеній.

2.

Колонизація Сыръ-Дарьинской линіи обусловливается: безопасностью и систематическимъ орошеніемъ почвы. Для безопасности Акъ-Мечетскаго острова, способнаго къ воздѣлыванію, необходимо имѣть укрѣпленія близъ Длулека, а для устройства систематическаго орошенія нужно сдѣлать предварительную нивелировку бассейна Сыра.

По неимѣнію положительныхъ данныхъ трудно въ настоящее время опредѣлить, въ какомъ размѣрѣ можетъ быть здѣсь развито хлѣбопашество *); а потому поселенцевъ надо водворять постепенно въ небольшомъ числѣ, чтобы они не остались на рукахъ правительства.

При поверхностномъ обозрѣніи средствъ края, можно приблизительно заключить, что пространство понынѣ занятое на Сыръ-Дарьѣ можетъ прокормить негустое населеніе и обезпечить продовольствіе малочисленнаго отряда.

Заселеніе Сыръ-Дарьинскаго края можетъ принести важную пользу въ такомъ только случаѣ, если правительство предполагаетъ занять страну по Сыру вверхъ до Ала-Тау для соединенія Оренбургской съ Сибирской границей. Въ противномъ случаѣ самая Сыръ-Дарьинская линія кромѣ убытка казнѣ ничего не обѣщаетъ.

Съ устройствомъ дороги, которая, связавъ между собою форты, будетъ въ тоже время служить для защиты переселенцевъ, можно приступить къ постепенному заселенію всей Сыръ-Дарьинской линіи отъ оз. Катышимъ-Бащъ до Акъ-Мечетскаго острова, употребляя для этой цѣли женатыхъ солдатъ, обязанныхъ срочною службою на Сыръ-Дарьинской линіи, преимущественно изъ желающихъ. Если бы попытка оказалась неудачною, то, присоединивъ посланныхъ солдатъ къ своимъ частямъ, не нужно будетъ напрасно кормить ихъ, а препровождать изъ Оренбурга на линію и обратно.

Цѣль заселенія можетъ быть троякая: 1) Упроченіе завоеванія водвореніемъ Русскаго элемента; 2) Оборона края; 3) Доставленіе войскамъ средствъ къ заготовленію снабженія на мѣстѣ.

Къ исполненію предложеннаго заселенія можно приступить въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Близъ фортовъ и пикетовъ устраивать небольшія поселенія отъ 10 до 15 семей.

---

*) Киргизы производятъ просо, ячмень и огородныя овощи. Обработка земли сопряжена съ большими трудами и производится въ малыхъ размѣрахъ на земляхъ. удобряемыхъ иломъ рѣки послѣ ея разливовъ.

2) Поселеннымъ солдатамъ предоставить право пользоваться всѣми правами на отставку, безсрочный отпускъ, возвращеніе на Оренбургскую линію наравнѣ съ прочими.

3) Освободить ихъ отъ всякой служебной обязанности, но обязать обработывать извѣстный участокъ земли и огорода.

4) Предоставить имъ пользоваться полнымъ содержаніемъ и обмундированіемъ въ продолженіе всего времени нахожденія на службѣ. Въ первое двухлѣтіе отпускать полную дачу провіанта, во второе половинную дачу, въ послѣднее четырехлѣтіе вовсе не отпускать провіанта.

5) Произведенія земли и огорода предоставить имъ въ полную собственность.

6) По выслугѣ срока солдатъ, если пожелаетъ возвратиться на постоянное мѣсто жительства, то записывать его со всѣмъ потомствомъ въ Сыръ-Дарьинское казачье сословіе.

7) Убѣдясь въ возможности дальнѣйшаго распространенія земледѣлія и заблаговременно приготовивъ все для водворенія поселенцевъ, дозволить переселяться изъ Россіи.

8) По мѣрѣ увеличенія числа переселенцевъ изъ Россіи прекратить заселеніе края служащими солдатами, но дозволить селиться выслужившимъ сроки.

9) Соображаясь съ числомъ станичнаго населенія возложить уже на мѣстныхъ казаковъ охраненіе своихъ станицъ, занятіе карауловъ на ближайшихъ пикетахъ, содержаніе почтовой гоньбы. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, освобождать Уральскихъ казаковъ отъ кордонной службы.

3.

Земляныя укрѣпленія, получившія громкую извѣстность во время и послѣ осады Севастополя въ примѣненіи ихъ къ Сыръ-Дарьинской линіи весьма неудобны.

Чтобы доказать справедливость сказаннаго, необходимо бросить взглядъ на вооруженіе и образъ дѣйствій противниковъ могущихъ у насъ быть и на свойства мѣстности.

Сыръ-Дарьинская линія можетъ имѣть столкновеніе съ четырьмя противниками: Киргизами, Хивинцами, Бухарцами и Коканцами. Киргизы могутъ имѣть значеніе противника только по своей многочисленности и отдаленію Сыръ-Дарьинской линіи отъ Оренбурга, откуда войска здѣшнія получаютъ все до послѣдней мелочи.

Огнестрѣльное оружіе ихъ состоитъ изъ длиннаго ружья съ придѣланными къ нему сошками. Огонь сообщается заряду посредствомъ фитиля. Хотя Киргизы дѣйствуютъ изъ мушкетовъ своихъ на значи-

тельное разстояніе и довольно мѣтко, но они такъ мало распространены между ними, что существеннаго вреда огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ нанести не могутъ. Холодное оружіе наиболѣе распространено между Киргизами. Оно состоитъ изъ длинной пики и изъ шашки и могло бы быть для насъ болѣе страшно, если бы скопища эти обладали моральными силами, столь необходимыми для рукопашнаго боя.

Собравшись въ значительныя скопища, они могутъ дѣйствовать только непродолжительное время; за неимѣніемъ съ собою запасовъ продовольствія они такъ же скоро расходятся какъ и собираются. Киргизы сѣютъ очень мало и продовольствуются почти однимъ скотомъ. По этому многочисленныя толпы ихъ могутъ дѣйствовать только налетомъ, а затѣмъ дѣйствія ихъ будутъ ограничиваться прекращеніемъ сообщенія между фортами и съ Оренбургомъ, поджогами сѣна, составляющаго жизненный вопросъ для казаковъ нашихъ, и такъ далѣе.

(Сообщено Антониною Михайловной Черняевой).

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ ВЪ МОСКВѢ. 1876.

Современная запись.

Я сегодня была свидѣтельницей въ высшей степени знаменательной и трогательной сцены, краснорѣчиво указывающей, какъ сильно принимаетъ къ сердцу Русскій народъ дѣло освобожденія Христіанъ и какою полнотою любви своей окружаетъ онъ подвижниковъ этого дѣла. На молебствіи, по случаю полной побѣды Черногорцевъ надъ Турками, множество народа наполняло Казанскій соборъ. Войдя въ церковь, я увидѣла И. С. Аксакова, нѣсколько членовъ Славянскаго Общества и М. Г. Черняева. Прочли акаѳистъ. Акаѳистъ кончился. Черняевъ подошелъ ко кресту, и священникъ сказалъ ему: «Желаю вамъ счастливаго пути, Михаилъ Григорьевичъ, и славныхъ подвиговъ; Господь да сохранитъ васъ». Какъ только услышано было имя Черняева, по церкви пошелъ шепотъ: «Черняевъ, Черняевъ!» Тогда крестьянинъ лѣтъ сорока, протѣснившись, поцѣловалъ руку Михаила Григорьевича. «Ты доброволецъ?» спросилъ Черняевъ.—Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Дайте поцѣловать дорогую намъ руку.—Масса народа бросилась цѣловать руки Михаила Григорьевича и обнимать его. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Я стояла близко и видѣла, какъ одинъ старикъ припалъ къ его плечу и, заплакавъ, сказалъ: «Ты, батюшка, второй Мининъ». Въ народѣ слышались возгласы: «Заступникъ за православныхъ христіанъ,

храни тебя Господь!» Этой сцены нельзя было видѣть безъ умиленія. Черняевъ былъ тронутъ до слезъ, и хотя спѣшилъ уйти, но съ трудомъ могъ высвободиться изъ толпы и быстро удалился въ алтарь боковой дверью. По окончаніи богослуженія, народъ восторженно проводилъ его на паперть церкви, передъ которою встрѣтила его цѣлая масса народа криками *ура*, продолжавшимися до тѣхъ поръ, пока не скрылась изъ глазъ коляска, въ которой онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ.

*

Отецъ М. Г. Черняева, Григорій Никитичъ, владѣлецъ 200 душъ крестьянъ подъ Могилевомъ на Днѣпрѣ, въ 1814 году былъ комендантомъ города Валансьена въ сѣверовосточой Франціи и женился на дочери тамошняго мера (écuyer). По матери своей, М. Г. Черняевъ былъ въ родствѣ съ Буланжѐ. Князь М. С. Воронцовъ поручалъ Г. Н. Черняеву вызывать бѣглыхъ изъ Турціи, а потомъ строить городъ Бердянскъ. П. Б.

*

Черняеву.

Едва побѣдный кликъ враговъ
Раздался надъ вождемъ печальнымъ,
И легіонъ клеветниковъ
Врагамъ ужъ вторитъ эхомъ дальнимъ:
Не понимая торжества
Тобой прославленной идеи,
Вокругъ израненаго льва
Шипятъ озлобленныя змѣи...

О, тотъ герой, кто въ морѣ бѣдъ
Держалъ такъ твердо знамя наше...
Иной уронъ славнѣй побѣдъ,
Иныя раны лавровъ краше!
И вѣрь—другой есть легіонъ;
Онъ заглушитъ слова пустыя,
Въ тебя, какъ прежде, вѣритъ онъ,
И легіонъ тотъ—вся Россія!..

А.

Октябрь. Петербургъ.

ДОМИКЪ, ГДѢ ЖИЛЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

Многолюдное Московское посольство въ Голландію, въ которомъ ѣхалъ подъ чужимъ именемъ Петръ учиться морскому дѣлу, двигалось медленно, съ соблюденіемъ разнаго рода околичностей, до которыхъ молодой царь вовсе не былъ охотникомъ. По своей нетерпѣливости и чтобы не тратить понапрасну времени, Петръ отдѣлился отъ него и, поѣхавъ впередъ, нѣсколько дней прожилъ въ Саандамѣ, гдѣ и дожидался прибытія посольства въ Амстердамъ. Его плотническія занятія въ этомъ городѣ разгласились повсюду, многократно описаны и воспѣты какъ нѣчто безпримѣрное. Впослѣдствіи, когда нашимъ посланникомъ въ Голландіи былъ графъ А. И. Морковъ, владѣлецъ домика предлагалъ нашему правительству купить домикъ; но Екатерина нашла это излишнимъ. При Александрѣ Николаевичѣ домикъ былъ купленъ, и содержаніе его теперь стоитъ денегъ, тогда какъ прежде сохранность его обезпечивалась выгодою владѣльца, получавшаго деньги за его осмотръ отъ путешественниковъ. Приводимъ любопытную статью объ этомъ домикѣ изъ статьи „Чрезъ Сербію въ Голландію", напечатанной въ „Новомъ Времени" отъ 20 Февраля 1906 г. П. Б.

Саардама нѣтъ, а есть Саандамъ, тотъ городокъ, куда Петръ пріѣхалъ раньше всего въ Голландіи и гдѣ сохранился его знаменитый домикъ. О пребываніи въ немъ Петра у насъ тоже имѣютъ совершенно превратныя понятія, вбитыя намъ въ голову нашими плохими историческими учебниками и анекдотическими лѣтописцами жизни Петра. Преобразователю Россіи было 25 лѣтъ отъ роду, когда впервыя онъ отправился за границу. Въ Нѣмецкой Слободѣ и въ Воронежѣ, отъ Голландскихъ плотниковъ, случайно уроженцевъ Саандама, онъ наслышался объ этомъ городкѣ (всякій куликъ естественно хвалитъ свое болото). Петръ былъ такъ еще мало освоенъ съ Европейскою жизнью и ея культурою, что онъ не дѣлалъ различія между плохимъ и хорошимъ, между важнымъ и неважнымъ, чего уже не было при вторичномъ его посѣщеніи Европы и Голландіи, спустя 20 лѣтъ, въ 1717 году. Судостроительная дѣятельность въ Саандамѣ тогда была, разумѣется, нѣсколько больше, чѣмъ теперь, когда она ничтожна, благодаря водоизмѣщенію теперешнихъ судовъ. Но и тогда, во времена Петра, настоящія

морскія верфи были именно въ Амстердамѣ, гдѣ находилась и знаменитая верфь Остъ-Индской компаніи. На ней потомъ Петръ и работалъ слишкомъ 4 мѣсяца. Въ Саандамъ какъ и въ домикъ кузнеца Киста, котораго онъ зналъ еще по Москвѣ, онъ попалъ по недоразумѣнію, что̀ совершенно ясно видно изъ всѣхъ обстоятельствъ его появленія въ этомъ городкѣ. Не столько онъ работалъ въ Саандамѣ, сколько катался на буэрахъ по заливу и по каналамъ, или по крайней мѣрѣ посвящалъ рѣчнымъ прогулкамъ и работѣ на верфи одинаковое время. Еще важнѣе то, что̀ всегда упускаютъ изъ вида: кратковременность его пребыванія въ Саандамѣ. Онъ оставался тутъ всего недѣлю, съ 8 по 15 Августа 1697 года. Въ недѣлю много не наработаешь при всемъ желаніи. Поэтому совершенно нелѣпы стихи Вяземскаго и еще болѣе нелѣпы стихи Жуковскаго, посвященные Саандамскому домику («Надъ бѣдною хижиною сей» и т. д.). Вовсе не въ Саандамскомъ домикѣ «колыбель Имперіи» и не здѣсь «родилась великая Россія». Колыбель Русской Имперіи все-таки въ Москвѣ, въ Преображенскомъ, гдѣ у Петра явилась мысль и желаніе ознакомиться съ Европою. А если уже надо отмѣчать въ нашей памяти первое мѣсто ученія Петра кораблестроенію и мореходству, то это долженъ быть Амстердамъ, гдѣ онъ работалъ на верфяхъ Остъ-Индской компаніи. Да и то, собственно говоря, настоящій теоретическій курсъ кораблестроенія имъ пройденъ уже въ Англіи, на верфяхъ Дептфорда, куда онъ отправился изъ Амстердама въ концѣ Января 1698 года и откуда вернулся черезъ три мѣсяца, въ концѣ Апрѣля.

Свое пребываніе въ Англіи и пользу, извлеченную имъ тамъ, онъ цѣнилъ всего болѣе, что̀ и выразилъ ясно въ словахъ, сказанныхъ имъ по возвращеніи въ Амстердамъ: «Навсегда остался бы я плотникомъ, если бы не побывалъ въ Англіи». Эти слова именно показываютъ разницу въ сознаніи Петра между только практическими знаніями тогдашнихъ Голландцевъ по судостроенію и теоретическими основами Англичанъ. Этого забывать не слѣдуетъ.

О значеніи Саандама въ жизни Петра, по моему, не стоитъ разговаривать. Мало ли въ какихъ мѣстахъ Россіи, напримѣръ, не останавливался Петръ для своихъ работъ. Только жилищъ его мы не умѣемъ охранять: въ Архангельскѣ, наприм., одинъ изъ моихъ пріятелей видѣлъ въ прошломъ году домикъ Петра заколоченнымъ, съ разбитыми стеклами и съ кучами навоза вокругъ. На Западѣ люди внимательнѣе къ прошлому даже чужихъ великихъ людей: Саандамскій домикъ сохранился, можетъ быть, и по случайности. До конца XVIII-го вѣка онъ

былъ еще въ рукахъ потомковъ Киста, но память о немъ стала исчезать. Въ 1782 году его разыскалъ великій князь Павелъ Петровичъ. Это посѣщеніе послужило толчкомъ тому, что какой-то аферистъ, нѣкто Бульзингъ, купилъ домикъ за 200 флориновъ у нуждавшагося его собственника. Голландскій король Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ [1]) способствовалъ сохраненію домика и даже собирался было поставить обелискъ въ Саандамѣ въ память пребыванія Петра. Александръ I послѣ 1814 года посѣтилъ домикъ, но его посѣщеніе осталось безрезультатнымъ, кромѣ появленія въ сущности довольно тщеславной для Александра надписи на мраморной доскѣ (очень небольшой): «Petro Magno Alexander I».

Судьба историческаго домика была обезпечена только съ 1817 года, когда новый Голландскій король Вильгельмъ I купилъ его уже за 20 тысячъ гульденовъ и подарилъ своей невѣсткѣ, будущей королевѣ Нидерландской, Аннѣ Павловнѣ. Въ настоящее время домикъ принадлежитъ Государю Императору Николаю II, приказавшему принять всѣ мѣры, чтобы охранить его какъ слѣдуетъ. Домъ поднятъ на каменный фундаментъ, обведенъ каменною стѣною вокругъ, покрытъ стекляннымъ навѣсомъ, сдѣлана рѣшетка вокругъ всего мѣста, принадлежащаго къ домику, построено особое помѣщеніе для сторожа и устроенъ маленькій садикъ во дворѣ, выходящемъ на другой каналъ. Получилось хоть что-то въ родѣ открытаго вида на небольшое поле, прилегающее сюда.

Саандамъ и теперь не великъ. При Петрѣ онъ долженъ былъ быть еще незначительнѣе. Кистъ, бѣдный купецъ, имѣлъ домишко на окраинѣ города, оставшейся и теперь окраиною. Домикъ, построенный въ 1632 году, находится на берегу какой-то узкой и грязной канавы. Если представить себѣ задворки Новой Деревни [2]), съ ея грязною рѣченкою и сидящими одна на другой избами, то получишь совершенно вѣрное понятіе и о мѣстѣ, гдѣ находится домикъ Петра, и даже о внѣшнемъ видѣ всего этого закоулка, за исключеніемъ конечно разницы между Голландскою и нашею архитектурою. Домикъ во время Киста былъ иной; теперь сохранена только задняя его половина, гдѣ жилъ Петръ. О прежнемъ домикѣ можно имѣть понятіе только по старымъ гравюрамъ, гдѣ онъ изображенъ въ цѣлости. Петръ помѣщался въ двухъ очень небольшихъ комнатахъ; чтобы взойти въ дверь или переходить въ другую комнату, онъ, при его ростѣ, долженъ былъ нагибаться. Какъ онъ укладывался въ альковѣ, понять трудно. Небогатые Голланд-

---

[1]) Дружившій съ супругою нашего посланника, княгинею Долгорукою. П. Б.

[2]) Подъ Петербургомъ. П. Б.

цы, да и вообще весь бѣдный людъ Европы того времени, спали въ шкафахъ, либо въ крошечныхъ чуланчикахъ, выгороженныхъ въ горницѣ особою перегородкою. Такой же чуланчикъ-альковъ (или шкафъ, если хотите) былъ и у Киста, и въ немъ спалъ великій преобразователь Россіи. Здѣсь же въ комнатѣ каминъ съ очагомъ для стряпанья и нѣсколько треножныхъ стульевъ. Сторожиха предложила намъ посидѣть на этихъ стульяхъ; мы конечно отказались.

Вообще домикъ—типичный домикъ бѣдняка XVII-го вѣка. Тутъ можно представить себѣ ярко бытъ того времени.

Первая комната, освѣщаемая только дверями, достаточно покосилась и вѣроятно бы свалилась, не имѣй она каменныхъ подпоръ и устоевъ. Вторая комната держится крѣпко. Въ ней находятся портреты Петра во весь ростъ (въ костюмѣ рабочаго) и поясной (въ военныхъ доспѣхахъ). Здѣсь же портретъ Екатерины, подаренный вѣроятно во время второго посѣщенія Петромъ Голландіи, когда онъ тамъ былъ уже съ женою и когда онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ съ нею въ Саандамъ. Екатерина, по словамъ современниковъ, поражала Саандамцевъ своими бриліантами и любезностью, чѣмъ отличалась отъ своего знаменитаго супруга.

Тутъ же виситъ небольшая картина, подаренная въ 1856 году А. Демидовымъ, изображающая Петра съ топоромъ въ рукахъ (напыщенная фигура), диктующаго Меншикову какія-то вычисленія. Картина фальшивая и неестественная. Стѣны домика сплошь исписаны именами и фамиліями посѣтителей, при чемъ преобладаютъ иностранныя.

Разочаровавшись въ Саандамѣ, Петръ перебрался въ Амстердамъ, гдѣ уже объ incognito не было и рѣчи, хотя продолжалъ оставаться подъ принятою имъ фамиліею Михайлова. А фактомъ нельзя считать увѣреніе очень длиннаго стихотворенія на Голландскомъ языкѣ, которое цитировали намъ въ одномъ Голландскомъ семействѣ. Это стихотвореніе увѣряетъ, будто бы Петръ цѣлую жизнь жалѣлъ о томъ, что не женился на красивой, стройной Саандамочкѣ.

М.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ БЕЗПОПОВЩИНЫ.

Къ концу второй половины XVII вѣка безпоповщинская секта распалась на двѣ части, Русскую и Польскую. Русскіе безпоповцы по преимуществу гнѣздились въ Поморьѣ, по р. Выгу, Польскіе—за сѣверозападной Польской границей, вблизи которой вскорѣ образовались знаменитые Вѣтковскіе и Стародубскіе скиты или монастыри, изъ которыхъ два были безпоповщинскаго толка.

Въ Поморьѣ, по рѣкѣ Выгу, образованію раскольническихъ поселеній немало способствовали Соловецкіе выходцы, какъ то краснорѣчивый дьяконъ Игнатій, инокъ Германъ, инокъ Іосифъ и Повенецкій выходецъ Петръ Прокофьевъ. Четыремъ ученикамъ этихъ выходцевъ принадлежитъ основаніе въ суровыхъ краяхъ Петрозаводской губерніи раскольническихъ скитовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Выгорѣцкихъ, мужскаго и женскаго, общежитій. Таковыми основателями были дьячекъ одного погоста Данила Викуловъ, эклесіархъ Петръ Прокофьевъ и особенно братья Андрей и Семенъ Денисовы съ своей сестрой Соломоніей, изъ рода князей Мышецкихъ; старшій братъ Андрей, былъ ученикомъ и слушателемъ пламенныхъ рѣчей дьякона Игнатія, называемаго также то Соловецкимъ, то Палеостровскимъ старцемъ, даже иногда священникомъ.

За сѣверозападной границей Польши у безпоповцевъ также образовались двѣ общины: одна мужская, другая женская. Во главѣ ихъ, какъ основатель и руководитель, видавшій виды и въ Твери, и въ Новгородѣ, и въ Поморьи, былъ дьячекъ Крестецкаго яма Ѳеодосій Васильевъ, происходившій изъ рода бояръ Урусовыхъ.

Раскольники Выгорѣцкихъ общежитій по имени своего основателя Даніила стали называться Даниловцами, а толкъ ихъ даниловщиной, по мѣстожительству же—Поморцами и Выговцами. Въ отличіе отъ нихъ раскольники жившіе за Польской границей стали именоваться по жительству Польскими, Рижскими, а по основателю—Ѳедосѣевцами. Впослѣдствіи въ Москвѣ также образовалась Ѳедосѣевская община на Рогожскомъ кладбищѣ, которая впрочемъ не особенно дружила съ заграничными. Формальное основаніе Поморской общины исторія относитъ къ

1694 г., а раздѣленіе ея на мужскую и женскую къ 1706 г., въ томъ же году сформировался вполнѣ и Ѳедосѣевскій толкъ. И Даниловцы и Ѳедосѣевцы въ настоящемъ 1906 году могутъ отпраздновать свои двухсотлѣтніе юбилеи.

Поморскіе Даниловцы и Польскіе Ѳедосѣевцы сначала жили между собою дружно: какъ единомышленники по вѣрѣ, тѣ и другіе проповѣдывали ученіе о духовномъ воцареніи съ 1666 г. Антихриста, который де потребилъ древнее православіе, осквернилъ таинства, далъ богопротивное направленіе духовнымъ и гражданскимъ властямъ. Тѣ и другіе чтили крестъ осмиконечный, а не четвероконечный, называя послѣдній Латинскимъ крыжемъ, троеперстіе называли щепотью, которою берутъ табакъ, и печатью Антихриста. Въ имени Господнемъ писали одно І (Ісусъ), такъ какъ Онъ Единородный, а въ начертаніи Іисусъ видѣли почему-то поклоненіе сыну погибели, а не Сыну Божію. Этого погибельнаго сына, т. е. Антихриста, раскольники сначала видѣли царемъ на престолѣ ветхаго Рима, затѣмъ на престолѣ въ Константинополѣ и наконецъ усмотрѣли его на престолѣ въ Москвѣ (въ третьемъ Римѣ). Такое ученіе особенно усилилось подъ вліяніемъ нововведеній Петра І. Принятый имъ титулъ Императора они писали Іператоръ и, переводя литеры этого слова на ихъ ариѳметическое значеніе, находили въ Іператорѣ апокалипсическое звѣриное число 666, означающее имя Антихриста. Въ народной записи раскольниковъ въ двойной подушный окладъ раскольники видѣли присоединеніе ихъ къ Антихристову стаду, и потому многіе бѣжали за границу или сожигали сами себя. Чаю безпоповцы не пили, чтобы не впасть въ отчаяніе; кофею тоже, чтобы не впасть въ ковы лукаваго; картофель не ѣли, считая его срамными удами Антихриста, похотью. Съ воцареніемъ Антихриста въ третьемъ Римѣ, т. е. въ Москвѣ, раскольники отвергли царскую власть, церковную іерархію и самую церковь назвали «еретическою, Латынскою». «Нынѣшняя церковь, говорятъ они, нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писаніе лестное, ученіе неправедное и вся скверна и не благочестна. Въ нынѣшнее, послѣднее время овца овцу паси, сама себя паси!»

Безпоповцы такъ и дѣлаютъ: пасутъ сами себя безъ пастырей (церковное самоуправленіе). Всѣхъ поступающихъ въ ихъ толкъ перекрещиваютъ, даже поповъ. Отвергая православную церковь и ея іерархію, безпоповцы перенесли свой протестъ и на царскую власть, на законы, судъ и всѣ правительственныя учрежденія; на всемъ-де лежитъ печать Антихриста, все государство опутано сѣтями богоборнаго духа, кромѣ ихъ самихъ, а потому они за предержащую власть не молились

и побѣды благовѣрному императору на сопротивныя (въ томъ числѣ на себя) не просили, словомъ, жили какъ анархисты. Но, какъ фанатичные деисты, они молились Богу и молились ревностно даже не по разуму. Часовенныя службы и христіанскія требы исправляли сами міряне не только мужчины, но и женщины безъ поповъ, «за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ», какъ они начинаютъ всякую общественную службу. Самодѣльные ихъ заправилы, отцы, наставники, старцы благословлялись на служеніе такими же молодцами, т. е., какъ они выражаются, не простецами, а отцами, получившими якобы преемственно благословеніе отъ Павла епископа Коломенскаго, бывшаго въ ссылкѣ на Онежскомъ озерѣ. Такимъ образомъ безпоповцы въ описываемое время были полные самоуправцы, самосуды и въ нѣкоторой степени республиканцы, отражавшіе отъ себя всякое давленіе «слугъ Антихриста» военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ съ оружіемъ въ рукахъ (Соловецкій мятежъ). Когда безпоповцы не могли выдержать осады, то они, чтобы не отдаться слугамъ Антихриста или скрывались за границу, или на глазахъ своихъ преслѣдователей массами сожигали себя.

Однако, не смотря на принадлежность Поморцевъ и Польскихъ раскольниковъ къ одной безпоповщинской сектѣ, вскорѣ между тѣми и другими обнаружились значительныя разногласія касательно брака, покупаемой на рынкахъ пищи, иноковъ Великороссійской церкви, молитвы за царя и наконецъ титла на крестѣ.

1) Поморцы иногда принимали въ свой толкъ лицъ, повѣнчавшихся въ православной церкви, въ видѣ исключенія, но впослѣдствіи эти исключенія вошли въ правило; Ѳедосѣевцы, напротивъ, проповѣдуя дѣвство, допускаютъ браки въ своемъ толкѣ, и то чрезвычайно рѣдко, какъ неизбѣжное зло, и потому за рожденіе дѣтей староженами, т. е. повѣнчавшимися по православному до перекрещиванія въ ихъ толкъ, супруги наказывались отлученіемъ отъ общенія съ прочими, за рожденіе перваго ребенка на полгода, за второго на годъ, за третьяго на два года. А новожены, т. е. вступившіе въ брачное житіе по своемъ перекрещиваніи въ толкъ, наказывались наставниками еще строже: и отъ общаго моленія, и отъ житья въ одной храминѣ, даже отъ общей трапезы, отъ бани, отъ покаянія передъ смертью, отъ крещенія своихъ дѣтей и наконецъ отъ помощи при мукахъ рожденія.

2) Поморцы пищу покупаемую на торгу не считали оскверненной Антихристовой прелестью и ѣли безъ очищенія ея молитвою; Ѳедосѣевцы же все съѣстное съ базара считали нечистымъ и ѣли только по освященіи молитвою.

3) Поморцы иноковъ православной церкви по перекрещиваніи ихъ въ свой толкъ признавали попрежнему за иноковъ и предоставляли

имъ право быть наставниками и совершителями требъ и службъ; Өедосѣевцы же приходящихъ иноковъ по принятіи чрезъ перекрещиваніе въ свой толкъ лишали иноческаго чина и всякихъ правъ на совершеніе требъ и моленій.

4) Касательно молитвы за царя Поморцы были непостоянны: вообще они не молились, но когда за это угрожала имъ бѣда, то начинали молиться, а по миновaніи опасности снова бросали. Такъ напримѣръ было во время комиссіи Самарина. Они тогда прибѣгли къ хитрости; написавъ тропарь «Спаси Господи люди Твоя» въ нѣсколькихъ экземплярахъ, разложили ихъ по всѣмъ окнамъ моленныхъ и своихъ келій, за что и получили отъ другихъ толковъ прозвище: тропарщики. Өедосѣевцы между тѣмъ измѣны своему понятію о томъ, что царь находящійся въ Антихристовой прелести не заслуживаетъ молитвы, никогда не допускали и не молились.

5) Наконецъ, касательно титла на крестѣ дѣло обстояло и обстоитъ въ слѣдующемъ. Поморцы учили, что на крестахъ не должно дѣлать титлы І. Н. Ц. І. (Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій) и такимъ крестамъ не молились, говоря, что титла въ четыре литеры Латинская ересь, Никономъ нововведенная; надписывати же подобаетъ кресты сице: Ц. С. І. Х. С. Б. (Царь Славы Іисусъ Христосъ Сынъ Божій) или въ родѣ того: Царь Славы Іс. Хс. Ника, какъ писали во время благочестія въ древнемъ Новгородѣ до патріарха Никона. Өедосѣевцы же согласно Евангелію употребляли кресты съ четырехлитерною титлою и возставали противъ титлы принятой Поморцами.

Это разногласіе о титлѣ служило гвоздемъ раздора. Чтобы примирить враждующія стороны, дьячекъ Өеодосій съ шестью товарищами отправился къ Поморцамъ на Выгъ; но здѣсь вмѣсто мира произошелъ раздоръ. Поморскіе наставники въ пылу спора сказали Өедосѣевцамъ: «Намъ вашъ Назарянинъ не надобенъ!» Оскорбленные Өедосѣевцы отвѣтили наставникамъ: «Вы Поморцы-Іудеи и Христоборцы!» Дѣло кончилось тѣмъ, что Өедосѣевцы при выходѣ изъ Поморскаго скита отрясли прахъ отъ ногъ своихъ и сказали Поморцамъ: «Не буди намъ съ вами имѣти общеніе ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ!» Съ того времени началась между ними открытая вражда и нескончаемые споры, въ которыхъ Поморцы, какъ болѣе начитанные и просвѣщенные своею «Четверицею Богосочетанною» (Дан. Викуловъ, П. Прокофьевъ, Анд. и Сем. Денисовы) всегда одерживали верхъ, и если не присоединяли къ своему толку, то колебали мнѣніе Өедосѣевцевъ.

Вслѣдствіе этого, спустя со времени разрыва сорокъ пять лѣтъ, т. е. въ 1751 году, одинъ Өедосѣевскій монахъ по имени Титъ, убѣдившись доводами Поморцевъ о четырехбуквенной титлѣ, что она хотя

и Евангельская, но не древне-русская, что появилась на крыжахъ отъ папы Римскаго со времени патріарха Никона, самъ отвергъ титлу и присоединилъ къ себѣ многихъ Ѳедосѣевцевъ. А такъ какъ онъ Титъ кромѣ титлы расходился съ Поморскими Даниловцами и во многихъ другихъ предметахъ ученія, то и образовалъ свой толкъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Титловщины.

Однако на этомъ дѣло не остановилось. Теперь Поморяне-Даниловцы и послѣдователи Титловщины дѣйствовали противъ Ѳедосѣевцевъ за одно и при каждомъ удобномъ случаѣ продолжали вести на собраніяхъ нескончаемые споры о томъ, какая титла иста и какая не иста, «гаждая» притомъ другъ-друга и особенно Ѳедосѣевца Соловецкаго выходца старца Игнатія «нестерпимыми хулами». Одинъ изъ такихъ споровъ сохранился въ раскольнической рукописи и пріобрѣтенъ мною въ г. Казани у букиниста. Рукопись эта въ 16 долю листа писана церковными буквами на старинной грубой бумагѣ синяго цвѣта.

Согласно съ евангельскимъ повѣствованіемъ титла на крестѣ съ изображеніемъ распятія Господа Нашего Іисуса Христа должна состоять изъ монограммъ І. Н. Ц. І. Между тѣмъ на нашихъ древнихъ крестахъ она обыкновенно встрѣчается состоящею изъ словъ Іс. Хс. или Царь Славы Іс. Хс. и съ дополненіемъ къ нимъ: НИКА. Что касается до сокращенной титлы: І. Н. Ц. І., то она на древнихъ Новгородскихъ крестахъ нигдѣ не встрѣчается, кромѣ крестовъ XVII и XVIII вѣка.

Отъ XII в. остался въ Хутынскомъ монастырѣ мѣдной литой крестъ преп. Варлаама Хутынскаго († въ 1193 г.), на крестѣ надпись: Цр҃ь Сл҃вы Іс҃ъ Хс. Нк҃а, а внизу надъ Голгоѳою лобъ. Въ Клопскомъ монастырѣ на мѣдномъ посеребренномъ крестѣ 1587 г. кромѣ надписи Іс҃. Хс҃. внизу находятся сокращенныя слова: М. Л. Р. Б., означающія по объясненію однихъ: мѣсто лобное—рай бысть, а по другимъ «распятъ бысть».

Кромѣ описанныхъ древнихъ крестовъ много такихъ же и въ другихъ соборахъ и монастыряхъ, наприм. въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, устроенномъ при Алексіи митрополитѣ Московскомъ, освященномъ въ 1354 г., и деревянный крестъ въ Сковородскомъ монастырѣ (съ нимъ былъ погребенъ святитель Моисей въ 1362 г.). Что въ древности не употреблялась титла изъ буквъ І. Н. Ц. І. или І. N. R. I., а употреблялась изъ словъ Іс҃. Хс҃ Царь Славы НиКа, видно также въ изображеніи крестовъ на ризахъ, панагіяхъ и антиминсахъ; титла же съ Латинскими литерами I. N. R. I. находится только на крестахъ, сдѣланныхъ западными мастерами, и при томъ не древнихъ.

Александръ Можаровскій.

вольно содѣйствовалъ и Панинъ (уроженецъ города Пернова) и умышленно его супруги. Не могла же Екатерина не противодѣйствовать его увлеченію Прусскимъ дворомъ. Пора прекратить толки о томъ, будто Павла обижали и тѣснили. Гатчина, Павловскъ, содержаніе собственнаго войска (слишкомъ въ 2 т. человѣкъ) наглядно свидѣтельствуютъ, какъ много предоставляли ему денежныхъ средствъ; но ихъ все было мало для отсылки роднымъ за границу. Точно также, не могла Екатерина, говорившая про себя, что она не „изъ числа змѣй, вскормленныхъ за пазухой", допустить, чтобы внуки ея не умѣли говорить по-русски, что̀ воспослѣдовало бы, оставайся они жить съ своею матерью, которая до конца дней не выучилась Русскому языку и говорила на немъ такъ, что, по свидѣтельству Жуковскаго, нельзя было понять ее, въ первую ея съ нимъ бесѣду.

Большая часть біографій составлена превосходно; въ числѣ ихъ немало совершенно новыхъ, какъ напр. княгини Багратіонъ, Обольяниновыхъ (мужа и жены), матери Аракчеева, графини Коновницыной, И. А. Нарышкина, князя Б. В. Голицына. Другія написаны съ сообщеніемъ подробностей неизвѣстныхъ въ печати, даже напр. Державина, графа Литты, графа Н. П. Панина (котораго непривлекательныя свойства изображены и въ письмахъ князя А. Б. Куракина, въ „Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина"), великой княгини Екатерины Павловны, баронессы Крюднеръ, и пр. и пр. Очевидно, что составители пользовались бумагами и записками доселѣ неизданными. Честь имъ и слава! П. Б.

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА.

Словарь всѣхъ тѣхъ или лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Сочиненіе князя Ивана Михаиловича Долгорукова. Новое *полное* изданіе. Москва. 1890. 8-ка, 403 стр.

Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 рубль.

ПОПРАВКА.

На стр. 313-й, въ строкѣ 7-й, не нужны слова: *имѣлъ успѣхъ*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы **1890 — 1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р;. годы **1898—1905** по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ.— Четвергъ; отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ четвертый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906

4.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1906.

Записныя книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ.

Документы XVIII—XIX в.в. бывшаго Архива Оружейной Палаты. Описалъ архиваріусъ Московскаго отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора **Александръ Успенскій.** Въ концѣ изданія помѣщены алфавитные указатели А. Е. Викторова къ его «Описанію записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ». Изданіе Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора. М. 1906. 8-ка, 247, CLXIV и 2 нен. стр.

Книга драгоцѣнная для исторіи нашихъ древностей преимущественно XVIII вѣка. Этимъ превосходнымъ трудомъ А. И. Успенскій ставитъ себя рядомъ съ такими антикваріями, какъ Строевъ, Востоковъ, Горскій, Невоструевъ, Ундольскій.

*

Шведская война.

1808—1809 г. г.

Составлена военно-историческимъ отдѣломъ Шведскаго Генеральнаго Штаба. Переводъ группы офицеровъ Финляндскаго военнаго округа подъ общею редакціею Генеральнаго Штаба полковника **А. М. Алексѣева.**

Часть I (и приложенія). Переводъ полковника А. Алексѣева, подполковника **Э. Берга** и капитана **А. Ранко**.

Изданіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. С.-Пб. 1906. 8-ка, XI и 359 стр.

Первыя 70 стр. полны общаго историческаго значенія; остальное относится до военныхъ подробностей.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Сочиненіе А. Н. Радищева. Изданіе пятое. С.-Пб. изданіе А. С. Суворина. 1906. Малая 8-ка, 4 нен. и 299 стр.

Точная перепечатка перваго изданія (1790), за которое сочинитель подвергся ссылкѣ въ Сибирь и которое, по своей запретности, продолжаетъ соблазнять легковѣрныхъ читателей, тогда какъ въ сущности книга не стоитъ своей славы. Нынѣ уяснилась исторія того времени, и стало извѣстно, что за человѣкъ былъ сенатскій чиновникъ, коллежскій совѣтникъ и Владимирскій кавалеръ Радищевъ. О книгѣ его много писано, но до сихъ поръ она не разобрана какъ слѣдуетъ. Живи Пушкинъ въ наше время, онъ въ статьѣ о ней совсѣмъ иначе отнесся бы къ политическому бреду Радищева и къ его проповѣди цареубійства (13-я строфа въ стихотвореніи о вольности). Радищевъ печаталъ свою книгу въ 1790 году, за три года до казни Людовика XVI-го. Тогда Россія, на южной и сѣверной окраинахъ своихъ вела неудачныя войны, которыя окончились благополучно только благодаря твердости самодержавной власти: въ Зимнемъ дворцѣ дрожали стекла отъ Шведскихъ пушечныхъ выстрѣловъ, но въ Петербургѣ немедленно образовались народныя дружины на оборону правительства.

Снисхожденіе Екатерины Великой къ Радищеву, осужденному Сенатомъ на смертную казнь, безпримѣрно. Ссылка его и поселеніе въ Сибири окружены были всяческою пощадою. Онъ поѣхалъ

РУСЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЗА ГРАНИЦЕЮ [1]).

Посольство князя Б. И. Куракина въ Лондонъ. 1710—1711.

Сношенія Россіи съ Англіей въ царствованіе Петра I-го составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ Русской исторіи. Всегда ревниво охраняя свои морскіе интересы, Англія и въ эпоху Петра чрезвычайно чутко относилась къ намѣренію царя утвердиться на Балтійскомъ морѣ и употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы выходъ новой державы на океанскія воды не нарушалъ ея господства на нихъ. Съ другой стороны при Петрѣ закладывались тѣ отношенія между Англіей и Россіей, какія характерны и въ наши дни.

Въ существѣ дѣла отношеніе Англіи къ Сѣверной войнѣ было враждебное, переходя, смотря по обстоятельствамъ, въ двусмысленное. Точнѣе говоря, оно двигалось по линіи отъ враждебнаго къ примирительному, но почти никогда не было благожелательнымъ. Самымъ начатіемъ Сѣверной войны были недовольны Англичане. Еще въ 1700 г., когда война только что открылась, А. А. Матвѣевъ писалъ изъ Голландіи, что ему Англійскій посланникъ, именемъ своего короля Вильгельма III, объявилъ, чтобы «царь учинилъ нѣкоторый армистиціумъ въ войнѣ Шведской; а онъ, король, принимаетъ на себя роль посредника, вмѣстѣ съ Голландіей» [2]). Послѣ Нарвскаго пораженія, Англія съ несказанною радостію привѣтствовала успѣхи Шведовъ. Но съ другой стороны, сближеніе Шведскаго короля съ враждебной Англіи Франціею уменьшало восторги Англичанъ и побуждало ихъ примирительно относиться къ Россіи, тѣмъ болѣе, что такое же сближеніе съ Франціею могло быть и у Россіи, усиливая въ обоихъ случаяхъ первую въ ущербъ Англійскимъ интересамъ. Вотъ почему мы наблюдаемъ особенную двойственность въ отношеніяхъ Англіи къ Россіи. Въ Іюлѣ 1701 г. Вильгельмъ въ Гагѣ говорилъ Матвѣеву, что онъ, король, обѣщаетъ «всѣ способы прилагать къ благопостоянству дружбы съ царемъ», но

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1904 года, тетрадь 6-ю и 1905 года, тетрадь 3-ю.

[2]) Соловьевъ XV, 53.

на дѣлѣ, по словамъ Матвѣева, «король былъ добрый и надежный пріятель Шведу». Въ 1704 г. Англія отправила нарочитаго посла въ Москву, Витворта [1]), прекрасно понимавшаго истинный духъ Англійской политики [2]), человѣка средняго шляхетства и неважнаго положенія при дворѣ [3]). Витворту поручалось заявить царю о желаніи Англіи вступить съ нимъ въ тѣсный дружественный союзъ въ виду обоюдныхъ торговыхъ и промышленныхъ выгодъ, а равно узнать, какія сношенія поддерживаются царемъ, каковы его финансы, военныя силы и вообще все способное интересовать Англію и имѣть вліяніе на ея дѣла [4]). Въ тоже время Витвортъ долженъ былъ уладить разнаго рода споры Англійскихъ купцовъ съ Русскимъ правительствомъ изъ за нарушенія торговыхъ условій. Въ Февралѣ 1705 г. Витвортъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ торжественно былъ встрѣченъ, имѣлъ аудіенцію у царя и сначала пользовался его отмѣннымъ расположеніемъ. Въ Россіи пріѣздомъ Витворта воспользовалась для того, чтобы выяснить, какъ Англія смотритъ на Шведскую войну и на пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. На первомъ же совѣщаніи съ Головинымъ Витвортъ узналъ, что Русскіе желали бы завести торгъ съ Англіей чрезъ Балтійское море, а не Архангельскъ, какъ было доселѣ, и желали бы воспользоваться посредничествомъ королевы Анны въ Шведской войнѣ. Изъ обширныхъ донесеній Витворта своему правительству [5]), мы видимъ, что не онъ сначала предлагалъ посредничество Англіи, какъ думалъ историкъ Соловьевъ [6]), а сами Русскіе его домогались [7]). Какъ по вопросу о Балтійскомъ морѣ, такъ и по вопросу о посредничествѣ, Витвортъ высказывался неопредѣленно; болѣе всего онъ заботился объ интересахъ Англійскихъ купцовъ, ведшихъ торговлю съ Россіей, добиваясь для нихъ всевозможныхъ привиллегій. Собственно торговля чрезъ Петербургъ казалась выгодною и для Витворта, который доносилъ своему правительству, что, при страстномъ желаніи Петра установить эту торговлю, онъ посланникъ могъ бы выговорить обширныя льготы Англичанамъ въ ущербъ другимъ націямъ, преимущественно Датчанамъ, конкурренціи которыхъ опасалась Англія: «стоило бы подумать, писалъ Витвортъ, объ измѣненіи такого положенія дѣлъ» [8]). Но иначе высказывался Витвортъ оф-

---

[1]) Ранѣе этого изъ Англіи въ Россію были посольства - Флетчера при королевѣ Елисаветѣ и Марвайля, ѣздившаго въ Москву съ лордомъ Карлейлемъ при Карлѣ II.

[2]) Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества т. 39, стр. 132.

[3]) О положеніи Витворта отзывался кн. Б. Ив. Куракинъ (IV, 220).

[4]) Сборникъ 39, 1—7.

[5]) Опубликована въ 39, 50 и 61 т., Сборника Импер. Р. И. Общества.

[6]) Соловьевъ XV, 211—212.

[7]) Сборникъ 39, 39—42.

[8]) Тамъ-же, стр. 83—84, 208.

фиціально въ Россіи. Головину онъ говорилъ, что торговлю чрезъ Петербургъ установить нельзя за блокадою Шведовъ, не раздѣлялъ увѣреній Русскаго правительства въ томъ, что Петръ не стремится къ развитію флота на Балтійскомъ морѣ, и ссылался на то, что у него нѣтъ инструкцій для рѣшенія столь важнаго дѣла. Англія въ это время не только противилась установленію торга на Балтійскомъ морѣ, но даже не дозволяла Англичанамъ поступать на службу къ царю, отзывала изъ России своихъ подданныхъ, ранѣе пріѣхавшихъ служить Россіи, объ устраненіи чего сильно настаивало Русское правительство предъ Англійскимъ. Англичане были встревожены, когда узнали, что одинъ Русскій корабль, нагруженный пенькой и досками, хотѣлъ отплыть въ Англію; ея консулъ сильно отклонялъ хозяина судна отъ предположеннаго плаванія [1]). Въ общихъ отвѣтахъ Витворта о торгѣ Петръ видѣлъ только средство отсрочить рѣшеніе вопроса, пока исходъ войны опредѣлится, о чемъ открыто и заявлялъ посланнику [2]). Что̀ до посредничества, то Витвортъ прямо заявлялъ о нежеланіи Англіи преждевременно вмѣшиваться въ это дѣло. «Когда всѣ стороны и дѣла̀ примутъ положеніе болѣе располагающее къ соглашенію, чѣмъ теперь, говорилъ Витвартъ, то я не сомнѣваюсь, что ея величество изъявитъ согласіе оказать свое доброе содѣйствіе къ счастливому исходу соглашенія» [3]).

Эти заявленія Англійскаго посланника принимались пока къ свѣдѣнію Русскимъ правительствомъ [4]). Но Англія не отказывалась безусловно отъ посредничества; кабинетъ прямо говорилъ, что «ради чести и выгодъ королевы, Англія не желаетъ допустить посредничества между воюющими державами Сѣвера помимо участія ея величества; что всякій миръ, заключенный царемъ съ Швеціей, какъ бы онъ ни былъ выгоденъ для Россіи, будетъ не проченъ, если онъ заключится безъ посредничества или гарантіи со стороны союзниковъ», т. е. Запада [5]). Согласно этому и Витвортъ, въ перепискѣ съ дворомъ, думалъ о пользѣ Англійскаго посредничества. Въ обширномъ донесеніи статсъ-секретарю Гарлею, отъ 23 Января 1706 г., онъ писалъ, что Прусскій король уже пытался предложить свои услуги Россіи о посредничествѣ на условіяхъ, чтобы царь отказался отъ завоеваній на Балтійскомъ морѣ, за исключеніемъ Петербурга, за который дано было бы Шведамъ вознагражденіе; но на эти условія не согласился царь, а Шведскій король и

---

[1]) Тамъ же, стр. 322.
[2]) Тамъ же, стр. 177.
[3]) Тамъ же, стр. 70—71.
[4]) Тамъ же, стр. 165.
[5]) Тамъ же, стр. 198, 370.

думать не хотѣлъ о какой нибудь уступкѣ. На вопросы царя, не досадуетъ-ли Англія, видя, что Россія укрѣпляется на Балтійскомъ морѣ, Витвортъ избѣгалъ отвѣтовъ, полагая, что при настоящемъ положеніи дѣлъ не удобно высказываться въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, отзывался посланникъ Гарлею, что Англія и Голландія могли бы положить конецъ войнѣ на Сѣверѣ въ своихъ интересахъ, если бы захотѣли; что всего удобнѣе вмѣшаться въ это дѣло Прусскому королю, владѣнія котораго раскинуты по берегамъ Балтійскаго моря на большое разстояніе, и которому не выгодно было допускать укрѣпленія какой-нибудь могущественной новой державы на морѣ; что Россію могла бы поддерживать одна только Данія съ цѣлію нарушить невыгодное для нея и оберегаемое Англіею и Голландіей равновѣсіе державъ на Балтійскомъ морѣ; что для Англіи не выгодно, когда лучшій кораблестроительный матеріалъ находится въ рукахъ одного монарха (смола, деготь, пенька, лѣсъ); что въ случаѣ, если успѣхъ войны склонится на сторону Россіи, можетъ оказаться необходимость въ чемъ нибудь большемъ, чѣмъ простое посредничество. Въ заключеніе Витвортъ спрашивалъ Гарлея, не удобнѣе ли теперь Англіи предложить посредничество, пока успѣхъ въ войнѣ не склонился на сторону Россіи и пока она не возгордилась своими побѣдами? [1]) Послѣ пораженія Саксонской арміи Реншильдомъ, Ватвортъ сообщалъ своему правительству, что министры царскаго двора болѣе, чѣмъ когда нибудь употребляютъ усилія къ вызову ея величества на посредничество, которое теперь было бы принято Россіей какъ вѣскій знакъ дружбы Англіи. И это тѣмъ болѣе, что Пруссія, на которую разсчитывалъ царь въ дѣлѣ своего примиренія съ Швеціей, приняла какъ бы ея сторону и прямо заявила Петру, чтобы онъ немедленно отказался отъ своихъ завоеваній на Балтійскомъ морѣ, чѣмъ возбудила недовѣріе къ себѣ и желаніе Русскаго правительства искать сближенія съ Англіей [2]).

Какъ по вопросу о пріобрѣтеніи Петромъ Балтійскаго моря, такъ и по вопросу о посредничествѣ Англія и ея посланникъ высказывались болѣе неопредѣленно, чѣмъ рѣшительно и прямо и, какъ откровенно говорилъ и самъ Витвортъ, «во всѣхъ дѣлахъ давали оборотъ возможно принаровленный къ точкѣ зрѣнія Шведовъ» [3]).

Въ виду такой неопредѣленности и желанія уяснить точнѣе взгляды Англійской политики, Петръ счелъ за лучшее отправить своего посла въ Лондонъ, именно А. А. Матвѣева. Уяснить намѣренія Англіи тѣмъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 215—227.
[2]) Стр. 306.
[3]) Стр. 205.

болѣе представлялось необходимымъ, что въ то время, какъ въ Москвѣ Витвортъ заявлялъ о расположеніи королевы и ея готовности поддерживать интересы Россіи, Англія въ видѣ подарковъ ссужала Шведскаго короля деньгами, признала Польскимъ королемъ Станислава, чего не сдѣлала ея союзница Голландія, хлопотала о томъ, чтобы отлучить Польшу и Данію отъ союза съ Россіею, которую и хотѣла помирить съ Швеціей въ выгодахъ послѣдней [1]). Все это было слишкомъ въ ущербъ Петру, который сознавалъ, что Англія «мѣсто принципальное въ мочи у всего аліирта». «И въ этой отдаленной странѣ, писалъ Витвортъ Гарлею въ Февралѣ 1706 г., сознають, что ея величество глава и душа всего союза, который направляется туда, куда королевѣ угодно его направить» [2]). Матвѣевъ долженъ былъ выяснить мнѣніе королевы о посредничествѣ, заключить торговый трактатъ и убѣдиться, какъ Англія смотритъ на пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря [3]). При этомъ Петръ объявлялъ, что въ случаѣ согласія Швеціи на миръ, онъ ставитъ условіемъ его— оставить только за собою добытое оружіемъ «отеческое достояніе» на Балтійскомъ морѣ, обѣщаясь, къ успокоенію Англіи, не имѣть на немъ великихъ флотовъ. За услуги Англіи въ дѣлѣ посредничестна царь обѣщалъ вступить въ «великую аліанцію». Но Витвортъ не поддерживалъ въ Русскомъ правительствѣ надежды на успѣхъ въ дѣлѣ посольства Матвѣева; мало того, онъ доносилъ своему правительству, подготовляя его къ посольству, даже о его странности. «Я никогда, писалъ онъ Гарлею отъ 26 Ноября 1706 г., не поддерживалъ въ Русскомъ правительствѣ надежды на успѣхъ въ дѣлѣ вступленія Россіи въ великую аліанцію, а, напротивъ, старательно развивалъ ему, какія причины побуждаютъ союзниковъ не раздражать короля Шведскаго, а тѣмъ болѣе не вступать съ нимъ въ распрю при настоящихъ обстоятельствахъ безъ крайней необходимости. Этимъ путемъ я думалъ приготовить царя къ отказу на случай, если бы надежды его были обмануты. Что до торговаго договора, то я откровенно заявлялъ Шафирову, что всякая отдѣльная конвенція по поводу Ингріи возбудитъ въ королѣ Карлѣ справедливое неудовольствіе или, по крайней мѣрѣ, недовѣріе къ посредничеству даже въ случаѣ, если бы для него наступило благопріятное время... «Вы встрѣтите въ Московскомъ уполномоченномъ большую настойчивость въ данномъ вопросѣ, да можете ожидать отъ него и другихъ не менѣе странныхъ переговоровъ». Позднѣе (10 Марта 1707 г.)

---

[1]) Витвортъ поддерживалъ Прусскаго посла, отклонявшаго Россію отъ Балтійскаго моря. Сборникъ т. 50, стр. 220.

[2]) Сборникъ, т. 39, стр. 244.

[3]) Тамъ же, стр. 164—165, 189—190, 197, 264, 357. Инструкція Матвѣеву 332 и слѣд.

Витвортъ писалъ, что на предложеніе царя вступить въ великую аліацію «я всегда смотрѣлъ, какъ на неудобную затѣю, невыгодную и невыполнимую при настоящихъ обстоятельствахъ, плохо обдуманную самимъ правительствомъ, которое, подобно утопающему, не въ состояніи оглядѣться хорошенько и жадно хватается за все, чтò кажется пригоднымъ для спасенія». Домогательства Россіи оставить за собою Петербургскій портъ Витвортъ находилъ мало основательными [1]).

Въ началѣ Мая 1707 г. Матвѣевъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ его встрѣтили сначала доброжелательно; но затѣмъ стали тянуть время, ограничиваясь обѣщаніями. Такъ прошло почти четыре мѣсяца, и только въ Сентябрѣ Матвѣеву было объявлено, что королева желаетъ вступить въ союзъ съ царемъ, но только съ согласія Голландіи; когда оное получится, то королева укажетъ, на какихъ условіяхъ этотъ союзъ долженъ быть заключенъ; при этомъ королева высказывала желаніе заключить особый торговый договоръ для пользы обоихъ государствъ, и это дѣло поручила особо составленному Кабинету изъ лордовъ Совѣта [2]). Послѣ этого стали ждать согласія отъ Голландскихъ штатовъ, которыхъ уговаривалъ пристать къ союзу (едва ли искренне) герцогъ Мальборо. Въ Ноябрѣ онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и объявилъ Матвѣеву, что Голландія согласна; теперь надо только привлечь къ дѣлу союза другихъ западныхъ союзниковъ. Но уже въ Февралѣ 1708 г. Мальборо, «этотъ мужъ, по словамъ Матвѣева, неописанныхъ хитростей и политики исполненный», прямо сказалъ Русскому посланнику, что Англія не можетъ немедленно вступить въ союзъ съ Россіей, опасаясь Швеціи; а изъ другихъ источниковъ Матвѣевъ узналъ, что Пруссія и Ганноверскій дворъ всячески разрушаютъ дѣло союза, указывая на то, что возвышеніе Москвы грозитъ въ будущемъ всей Европѣ, что слѣдуетъ ограничить ея распространеніе, которое сдерживаютъ Шведы. Причину своего неуспѣха Матвѣевъ объяснялъ и внутреннимъ строемъ Англіи, ея парламентомъ. Въ Англіи двѣ факціи: тори и виги. Одни держатъ сторону королевы, а другіе наслѣдника престола, Ганноверскаго принца, сторонника Швеціи. Королева и ея мужъ, принцъ Датскій, желали всякаго добра царскому величеству, но они «отъ своихъ сильныхъ вельможъ какъ бы позорища видимыя, или больше за мертвыхъ вмѣняются» [3]).

Обо всемъ этомъ Матвѣевъ доносилъ Петру, который, на основаніи его доношеній, видѣлъ теперь истинный смыслъ Англійской поли-

---

[1]) Тамъ же. стр. 459—460.
[2]) О Кабинетѣ, стр. 349—350.
[3]) Соловьевъ XV, 214, 359.

тики, что отразилось и на перемѣнѣ отношеній его къ Витворту: Петръ началъ обходиться съ нимъ сухо и холодно. Такъ, въ Январѣ 1708 г. на аудіенціи въ Преображенскомъ дворцѣ, царь на жалобы Витворта, что Англійскіе купцы терпятъ убытки въ торговлѣ съ Россіей, вслѣдствіе ея неупорядоченности, отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все возможное для королевы, но множество заботъ не дозволяетъ ему входить во все, что Господь возложилъ на царей въ 20 разъ болѣе дѣлъ, чѣмъ на всякое другое лицо, но въ тоже время не далъ имъ въ 20 разъ болѣе силъ и способностей для выполненія этихъ дѣлъ. На дальнѣйшія представленія Витворта въ пользу Англійскихъ купцовъ царь отвѣчалъ, что конечно обязанность посланника говорить за своихъ соотечественниковъ, но и онъ царь обязанъ заботиться о своихъ интересахъ, и тотчасъ же, сказавъ это, повернулся и ушелъ въ другую комнату, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Витворта. Тотъ чрезвычайно обидѣлся такимъ невниманіемъ и послѣ того сталъ просить о своемъ отзывѣ изъ Москвы [1]).

Съ другой стороны и пребываніе Матвѣева въ Англіи было безполезно. Его посольство, по словамъ Петра, принесло только «одни разговоры и стыдъ». Проживъ въ этихъ разговорахъ цѣлый годъ, Матвѣевъ получилъ указъ выѣхать изъ Лондона. Выѣздъ, однако, какъ извѣстно, былъ неблагополученъ. Наканунѣ отъѣзда, Матвѣевъ, по сознанію самихъ же Англичанъ, державшійся въ Лондонѣ, съ большою осмотрительностію [2]), подвергся (а въ лицѣ его и новая Россія) тяжкому оскорбленію. 21 Іюля, вечеромъ [3]) Матвѣевъ отправился въ Соммерсетъ-гаузъ для свиданія съ иностранными министрами. Дорогою на него напали три человѣка; два изъ нихъ вломились въ карету, стали бить, изодрали на посланникѣ платье, отняли шпагу, трость и шляпу; а третій, усѣвшись на козлы съ кучеромъ, велѣлъ ему гнать лошадей. Избитаго посла привезли въ долговую тюрьму и посадили подъ арестъ по обвиненію въ неплатежѣ 50 фунтовъ двумъ купцамъ—угольщику и кружевнику. Матвѣевъ, однако, далъ знать о нанесенномъ ему оскорбленіи другимъ посламъ, которые немедленно донесли о случившемся статсъ-секретарю. Сей послѣдній прислалъ въ тюрьму своего секретаря Вальполя, который описалъ дѣло и обѣщалъ, что его разслѣдуетъ завтра самъ статсъ-секретарь. Но Матвѣевъ не сталъ дожидаться завтрашняго дня: купецъ Ѳ. Стельсъ, ведшій торгъ съ Россіею, поручился за Русскаго посла, и онъ былъ выпущенъ на свободу. На слѣдующій день всѣ иностранные министры, узнавъ о попранномъ народномъ правѣ,

[1]) Сборникъ 39, 449, 475.
[2]) Тамъ же, стр. 349.
[3]) По письму ст. секретаря Бойля Витворту—„ночью". Сборникъ 50. 32.

навѣстили Матвѣева; былъ и статсъ-секретарь, который обѣщалъ ему именемъ королевы дать полное удовлетвореніе, какого никому изъ чужестранныхъ пословъ не бывало. Послѣ того Матвѣевъ выѣхалъ въ Гагу, на мѣсто своего прежняго посланничества, вынеся изъ своей поѣздки убѣжденіе, что отъ «христененавистнаго и канальскаго злочестія исполненнаго Англійскаго народа» нельзя ожидать царскому величеству какой либо пріязни.

Этотъ отзывъ А. А. Матвѣева объ Англіи сами Англичане скорѣе готовы были объяснить расположеніемъ его къ Франціи, гдѣ супруга Матвѣева считалась молодой и красивой и гдѣ онъ получалъ много подарковъ [1]), чѣмъ сознаніемъ своей вины въ нарушеніи международнаго права и раздраженіемъ, вызваннымъ въ Матвѣевѣ ихъ двуличной политикой. Нельзя отрицать, что со стороны Матвѣева, въ его задолженности, объясняемой, быть можетъ, скудостью ассигновокъ Русскаго правительства, былъ поводъ къ нанесенному ему оскорбленію [2]); но, разумѣется, оскорбленіе было неизмѣримо шире оффиціальнаго повода къ нему и скорѣе должно быть объясняемо враждебнымъ чувствомъ націи къ Русскому народу, чѣмъ безтактностію Русскаго посла. Изъ донесеній Витворта своему правительству, мы видимъ, что Англичане смотрѣли на Русскихъ, какъ на народъ варварскій. Витвортъ прямо заявлялъ, что оскорбленіе Матвѣева, какъ дѣло чести націи, Русскіе плохо понимаютъ, такъ какъ чужды Европейскихъ воззрѣній [3]); съ Русскими не стóитъ много церемониться: излишняя готовность Англіи дать удовлетвореніе можетъ вызвать лишнія притязанія со стороны Русскаго правительства [4]). Международное право мало знакомо и мало соблюдается въ Россіи [5]). Система управленія и преимущественно судебная практика въ Россіи отличаются отъ системы и практики Великобританіи болѣе, чѣмъ Московскій суровый климатъ отъ мягкости воздуха въ Англіи; потому немудрено, что въ Москвѣ ихъ понимають плохо. Доводы Русскаго правительства и система его мышленія слабы [6]). Русская нація невѣжественная [7]). Русскіе говорятъ правду только тогда, когда пьяны [8]); чувствуя за собою успѣхъ и силу, они легко становятся докучливыми и способны на самыя дикія предположенія [9]). Вит-

[1]) Тамъ же, стр. 456—457.
[2]) Матвѣевъ долженъ б. Стельсу 1500 фунтовъ и мн. другимъ. Сборникъ т. 50, 151.
[3]) Сборникъ т. 50, стр. 47.
[4]) Стр. 89.
[5]) Стр. 139.
[6]) Стр. 153.
[7]) Стр. 163.
[8]) Стр. 190.
[9]) Стр. 231.

ворть просилъ освободить его отъ суровости Московскаго климата, отъ мѣстопребыванія, въ которомъ, за недостаткомъ подходящаго общества и обмѣна мыслей, онъ проводилъ часы отдыха безъ удовольствія, а часы труда безъ самоусовершенствованія, гдѣ онъ терялъ знаніе иностранныхъ языковъ, придворной жизни, людей, дѣлъ, гдѣ ухудшилось его здоровье и уходили лучшіе годы, не принося замѣтныхъ пріобрѣтеній ни его имуществу, ни его личному развитію [1]). Иностранцевъ, находившихся на Русской службѣ, хотя они и недостаточно знали Россію и ея положеніе среди другихъ державъ, тѣмъ не менѣе Русскіе охотно слушали, вслѣдствіе небольшихъ познаній ихъ въ текущихъ дѣлахъ и вставляемыхъ ими въ свои рѣчи общихъ мѣстъ, которыя доморощеннымъ Московскимъ министрамъ казались откровеніями [2]). Въ Россіи ничего нельзя добиться иначе, какъ только запугиваніемъ и угрозами. Великодушіе, честь и прочія добрыя качества еще неизвѣстны Русскимъ; напротивъ, практикуемыя со стороны другихъ, эти качества вызываютъ только новыя оскорбленія [3]). Русскіе, народъ лукавый и готовый на уловки [4]); Русское правительство не умѣетъ поступать великодушно [5]). Русскіе хвастливы; среди нихъ страхъ могущественнѣе чувства справедливости и благодарности [6]). Нужно замѣтить, что, такъ нелестно отзывавшійся о Русскомъ народѣ Витвортъ самъ былъ человѣкъ сомнительныхъ качествъ. Куракинъ писалъ о немъ Матвѣеву: «Чаю, своего жилья въ Москвѣ не промѣняетъ съ здѣшнимъ Лондонскимъ; тамъ въ первыхъ, а здѣсь изъ послѣднихъ въ среднихъ». Отъ тори Витвортъ спокойно переходилъ къ вигамъ, чтобы не потерять кредита [7]).

Понятно, что при такихъ взглядахъ Англіи на Россію, поскольку выразителемъ ихъ являлся Витвортъ, на почвѣ національнаго нерасположенія естественно могъ возникнуть и случай съ Матвѣевымъ, который Англійское правительство не безъ намѣренія старалось всячески умалить. Изъ письма Петра къ королевѣ Аннѣ видно, что при нападеніи били и слугъ Матвѣева, что Англійскіе власти распорядились отводомъ посла въ тюрьму, гдѣ съ нимъ дурно обходились и куда запрещали входъ постороннимъ лицамъ, кромѣ секретаря Вальполя [8]). Но Англій-

---

[1]) Стр. 280, ср. Сборникъ т. 39, 475.
[2]) Относится къ Урбиху, Сборникъ т. 50, стр. 304.
[3]) Стр. 372.
[4]) Стр. 376.
[5]) Стр. 420.
[6]) Стр. 477, ср. 39, стр. 315.
[7]) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина IV, 221.
[8]) Сборникъ 34; 49—50.

ское правительство заявляло, что Матвѣевъ преувеличилъ описаніе случая въ донесеніи царю, и что онъ недостаточно правдивъ и честенъ [1]). Если оно и готово было извиниться предъ Государемъ, то болѣе потому, что опасалось за судьбу своихъ подданныхъ въ Россіи [2]). Петръ сначала очень разгнѣвался на Англію [3]); онъ требовалъ казни оскорбителей, чего нельзя было сдѣлать въ Англіи, за неимѣніемъ подходящаго закона. Царь успокоился только тогда, когда узналъ, что, благодаря дѣлу Матвѣева, чрезъ парламентъ прошелъ законъ объ охранѣ въ Англіи привиллегій иностранныхъ пословъ на будущее время [4]). Послѣ того Анна написала Петру извинительное письмо, исключила лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи, изъ акта помилованія, парламентъ провозгласилъ ихъ безчестными, а Витвортъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, въ торжественной аудіенціи принесъ царю публичное извиненіе. Вообще изъ донесеній Витворта видно, что Англійское правительство не особенно охотно желало уладить дѣло Матвѣева согласно представленіямъ Россіи. Витвортъ считалъ безразсуднымъ требованіе Россіи прислать чрезвычайнаго посла съ извиненіемъ [5]); ставилъ въ великое одолженіе для Русскихъ, что королева низошла до извинительнаго письма и удивлялся что Россія этимъ не удовлетворялась въ силу своихъ необычайныхъ воззрѣній на честь [6]). И только неожиданная для Европы и «поразительная [7])» для Англичанъ Полтавская побѣда заставила ихъ поспѣшить съ извиненіемъ предъ Русскимъ правительствомъ и согласиться, что необычайныя воззрѣнія Русскаго народа на честь не относятся къ числу дикихъ понятій.

Эта-же побѣда побуждала теперь Англійское правительство домогаться участія въ посредничествѣ между Россіею и Швеціею въ дѣлахъ ихъ примиренія. Вскорѣ-же послѣ побѣды Витвортъ доносилъ изъ Москвы ст. секретарю Бойлю, что въ первое время по пріѣздѣ царь серьезно искалъ посредничества ея величества; «я позволилъ себѣ, пи-

---

[1]) Сборникъ 50; 84, 89; ср. 102—103.

[2]) Тамъ-же, стр., 32, 33, 34, 46, 95, 98, 130.

[3]) Тамъ-же, стр. 116 и слѣд.

[4]) Тамъ-же, стр. 136—137; 172.

[5]) Тамъ-же, стр. 149. Ср. „Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина" II, 17—21, гдѣ помѣщена грамота королевы Анны.

[6]) Тамъ-же, стр. 189.

[7]) Поразительная—по донесеніямъ Витворта. Впрочемъ, и другія государства были не менѣе поражены побѣдою. Въ Гановерѣ кн. Б. И. Куракинъ слышалъ, что Венеціане хотѣли отправить, послѣ побѣды, посла въ Россію, „потому что у нея всѣ турбуленціи, опасныя ко всѣмъ странамъ, счастливо окончились; посему для предбудущаго времени себя каждому предостерегать должно, чего для, уже слышно, не въ правдивомъ циркулѣ луны звѣздою себя содержатъ" (т. е. Русскіе). „Архивъ Кн. Ѳ. А. Куракина" IV, 198.

салъ Витвортъ, выразить тогда мнѣніе, что полезно было бы предложить это посредничество, предоставивъ его осуществленіе времени и обстоятельствамъ. Такимъ образомъ дѣло во всякое время находилось бы въ рукахъ ея величества; но въ ту пору мнѣніе мое не нашло одобренія; теперь-же посредничество здѣсь врядъ ли примутъ, или по крайней мѣрѣ, царь приметъ его съ неудовольствіемъ; оно, во всякомъ случаѣ, не будетъ имѣть надлежащаго значенія, развѣ Русскій дворъ снова первый заговоритъ о немъ [1])». Тѣмъ не менѣе, лордъ Сундерлэндъ отвѣчалъ Витворту, что, по слухамъ изъ Берлина и другихъ мѣстъ, царь не прочь вступить въ великій союзъ; поэтому ея величество поручаетъ вамъ приглядѣться къ этому вопросу съ возможною осторожностію и въ возможно непродолжительномъ времени. Русскій дворъ, конечно, вспомнитъ о холодности, съ которою предложеніе царя о вступленіи въ союзъ было принято королевою и Штатами два года тому назадъ, когда оно предлагалось чрезъ Матвѣева; но на это можно отвѣтить прямо, что холодный пріемъ вызванъ былъ не недостаткомъ уваженія къ такому великому монарху, какъ царь, а единственно соображеніемъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ: тогда вступленіе Россіи въ союзъ могло имѣть послѣдствіемъ только немедленное вторженіе короля Шведскаго во владѣнія императора (Австрійскаго), что̀ въ дѣйствительности разрушило бы самый союзъ [2]). Теперь о посредничествѣ хлопотали въ Голландіи и въ союзѣ съ нею лордъ Мальборо и Англійскій посланникъ при Штатахъ милордъ Тоузенъ, прямо предлагавшій (въ Маѣ 1610 г.) Матвѣеву о желаніи королевы принять на себя посредничество. Матвѣевъ, снесясь съ дворомъ, отвѣчалъ, что царь мира съ Швеціей не отрицается, но только подъ самыми честными, прибыльными и впредь своему государству безопасными кондиціями; что если эти кондиціи извѣстны Англичанамъ, какъ предложенныя Шведскимъ правительствомъ, то пусть бы ихъ объявили; тогда царь, снесясь съ своими союзниками, объявитъ и свое конечное мнѣніе [3]). Изъ всего этого видно, что два года назадъ Англичане не ожидали Полтавы; теперь же, при измѣнившихся обстоятельствахъ, они не прочь были ограничить слѣдствія великой побѣды.

Таковы были отношенія Англіи къ Россіи въ первый періодъ Сѣверной войны, до Полтавской побѣды; мало онѣ измѣнились къ лучшему и послѣ нея. При себялюбивомъ стремленіи Англичанъ удержать во чтобы то ни стало господство на морѣ, при сочувствіи ихъ Швеціи и

---

[1]) Сборникъ 50, 220.
[2]) Тамъ-же, стр. 264—265.
[3]) „Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина“, кн. II, стр. 269—270.

при чувствѣ національнаго нерасположенія къ Россіи трудно было устроить эти отношенія доброжелательно. Цѣнную и не безъуспѣшную попытку въ этомъ направленіи совершилъ князь Б. И. Куракинъ.

Еще ранѣе отправленія въ Ганноверъ, въ Маріенвердерѣ (23 Октября 1709 г.), Куракинъ получилъ наказъ, по окончаніи Ганноверскихъ дѣлъ, ѣхать въ Англію къ королевину величеству. А пріѣхавъ въ Лондонъ—объявить о себѣ первому посольскихъ дѣлъ министру, что присланъ онъ отъ царя къ королевѣ Аннѣ инкогнито для нѣкоторыхъ дѣлъ, имѣетъ передать ей собственноручное письмо Государя и просить у нея приватной аудіенціи. Когда получитъ оную, то объявить королевѣ поздравленіе отъ царя, а равно обнадежить ее заявленіемъ пріязни и непремѣнной склонности Государя, который желаетъ ее непремѣнно всегда содержать и умножать, въ знакъ чего и посланъ Куракинъ къ королевѣ для пространнѣйшаго засвидѣтельствованія этой склонности, особенно необходимой «при нынѣшнихъ конъюнкторахъ». Помимо этого, на аудіенціи князь долженъ былъ заявить королевѣ, что при ея дворѣ царь поручилъ ему быть до своего указу; а о данныхъ князю дѣлахъ просить королеву, чтобы она повелѣла выслушать ихъ своему министру. На конференціи съ послѣднимъ Куракинъ долженъ былъ прежде всего заявить, что хотя чрезъ учинившійся афронтъ Матвѣеву и прервана была на нѣкоторое время корреспонденція между дворами Англійскимъ и Русскимъ, тѣмъ не менѣе царь, для дружбы своей къ ея королевину величеству, доволенъ принесеннымъ ему чрезъ нарочитаго посла извиненіемъ, почему и повелѣлъ ему, Куракину, ѣхать къ королевѣ, чтобы засвидѣтельствовать о своей совершеннѣйшей дружбѣ. Затѣмъ, на конференціяхъ Куракинъ долженъ былъ разъяснить министрамъ, что извѣстія, шедшія со стороны Шведовъ, о томъ, что царь и его союзники намѣрены враждебно дѣйствовать по отношенію къ западному союзу, ложны: «Его царское величество отнюдь не намѣренъ ничего чинить, еже бы къ предосужденію ея королевину величеству и высокосоюзнымъ быть могло»; отъ этого онъ намѣренъ остерегать и своихъ союзниковъ. Желанія царя и его союзниковъ состоятъ не въ томъ, чтобы уничтожить Шведскую державу, а въ томъ, чтобы силу, и гордость Шведа, вредительную не только его сосѣдямъ, но и иностраннымъ державамъ, особенно воюющимъ съ Французской короной, укротить и привести къ правымъ терминамъ; по этому царь думаетъ, что это его намѣреніе не противно будетъ королевѣ и что она, во все время предолженія войны на Сѣверѣ, будетъ нейтральна. Если бы Англійскіе министры заявили Куракину, что расширеніе войны на Сѣверѣ грозитъ упадкомъ Швеціи, а это можетъ быть предосудительно и опасно; или—если бы, хотя и скрытно, выразили мнѣніе, что завоеваніе

царемъ Лифляндіи и Риги для нихъ непріятно, то Куракинъ долженъ былъ разъяснить, что цѣль всѣхъ этихъ завоеваній Петра только въ томъ, чтобы принудить Шведскаго короля къ доброму миру; Лифляндія, если бы и была завоевана, то, по обязательствамъ царя съ Польскимъ королемъ, была бы отдана послѣднему. Если, равнымъ образомъ, министры стали бы спрашивать Куракина о Финляндіи, то Куракинъ долженъ былъ заявить, что царь не имѣетъ намѣренія ее завоевать, кромѣ полученія себѣ съ той стороны безопаснаго ограниченія для Ингріи. Вообще князь всячески долженъ былъ трудиться отвращать все, что̀ Англичане предприняли бы противъ царя; да не только противъ него, но и союзнаго ему короля Датскаго. Оберегая интересы послѣдняго, Куракинъ, если бы узналъ, что Англичане намѣреваются послать флотъ противъ Даніи, то долженъ былъ заявить, что царь всѣ такія противности Лондона приметъ, какъ посягательство на него самого. Далѣе, если князь увидитъ, что война за Испанское наслѣдство прекращается, Англія и ея союзники хотятъ учинить генеральный миръ, то при заключеніи его всячески предостерегать, чтобы ничего противнаго царю и его союзнымъ не было постановлено и они бы въ Сѣверной войнѣ были бы предоставлены самимъ себѣ. Но вопроса посредничества Куракинъ долженъ былъ всячески уклоняться и въ крайнемъ случаѣ дѣйствовать въ высшей степени осторожно: самъ онъ отнюдь не долженъ былъ предлагать медіаціи; но когда бы зашла о ней рѣчь, то по нуждѣ объявить, что онъ, князь, думаетъ, что царь не отречется принять посредничество, какъ не отрекался отъ него и сначала Сѣверной войны, хотя Шведъ о ней и слышать не хотѣлъ; теперь, однако, интересно знать, на какомъ основаніи Петръ могъ бы вступить въ союзъ со Шведами, какія условія союза надѣются Англичане исходатайствовать въ пользу царя согласно желаніямъ Шведскаго правительства. Въ случаѣ, если эти условія министры дадутъ Куракину, то объ этомъ писать Государю и ждать его резолюціи. По вопросу о флотѣ на Балтійскомъ морѣ Куракину предписывалось съ своей стороны рѣчей не заводить; но если бы министры заявили, что усиленіе морскихъ силъ Петра для нихъ подозрительно, то князь долженъ былъ разсѣять это подозрѣніе заявленіемъ, что царь не намѣренъ заводить на Балтійскомъ морѣ сильнаго военнаго флота, кромѣ нѣсколькихъ кораблей для своей безопасности. Равнымъ образомъ и о морской торговлѣ въ портахъ Балтійскаго моря Куракинъ долженъ былъ заявить, что эта торговля останется на прежнихъ основаніяхъ, и какъ прежде Англичане свободно отправляли торговлю въ областяхъ Россіи, такъ будетъ и впредъ. Еслибы Англійскіе министры завели съ Куракинымъ рѣчь о торговомъ трактатѣ, то объ этомъ, равно какъ и обо всѣхъ другихъ вопросахъ,

непредусмотрѣнныхъ наказомъ,—Куракинъ долженъ былъ сноситься съ дворомъ. Князь посылался «безъ характера»; но если бы по требованію нужды, въ особенности въ дѣлѣ примиренія обоихъ правительствъ по случаю оскорбленія Матвѣева, Куракину нужно было объявить себя политическимъ министромъ, то въ запасъ давалась ему пленипотенція. «А безъ крайней нужды ему той грамоты не объявлять». Князь долженъ былъ имѣть доброе согласіе съ министрами Датскимъ и Польскимъ, равно и съ другими союзными, если таковые нашлись бы: имъ помогать и отъ нихъ желать себѣ помощи—въ чемъ потребно [1]). Помимо всего этого, частно Куракину поручалось изыскивать средства и способы, чтобы отозванъ былъ отъ Прусскаго двора Англійскій министръ Реби (Raby), весьма вредившій Русскимъ интересамъ и благопріятствовавшій Шведамъ, принадлежавшій къ факціи виговъ, противной уже въ то время королевѣ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ злодѣйствъ этого Реби, Куракину и поручалось, по прибытіи въ Лондонъ, развѣдать и разсмотрѣть, какъ можно было отозвать посла [2]). Наконецъ, одною изъ задачъ посольства князя было - побудить Англію «къ немедленному маршу труповъ нейтральства» противъ корпуса генерала Красова, дѣйствовавшаго въ Помераніи; Англія обязана была это сдѣлать по деклараціи державъ «о содержаніи покоя въ Германіи» (имперіи), въ силу которой формировался нейтральный корпусъ.

Разбирая этотъ наказъ Куракину и сравнивая его съ инструкціей Матвѣеву, мы видимъ, что Куракину поручалось трактовать почти о тѣхъ же предметахъ, о какихъ велъ рѣчи и Андрей Артамоновичъ, съ тою только разницею, что теперь послѣ Полтавы, не Русское правительство заискивало въ Лондонѣ, но Англійское ставилось въ положеніе, въ какомъ находилось Русское при Матвѣевѣ. Куракинъ «при настоящемъ благополучіи его царскаго величества высокихъ проходовъ» долженъ былъ только прислушиваться къ вопросамъ о посредничествѣ, Балтійскомъ морѣ и торговлѣ на немъ, но самъ отнюдь этихъ вопросовъ не подымать; главная цѣль посольства состояла въ томъ, чтобы путемъ разъясненій истинныхъ намѣреній Петра склонить Англійское правительство къ невмѣшательству въ Сѣверную войну. Этого, какъ мы видѣли, домогалось Русское правительство и въ Ганноверѣ, гдѣ посольство Куракина увѣнчалось бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ ожидали: установленіемъ не только нейтралитета, но и оборонительнаго союза.

---

[1]) Архивъ Кн. Ѳ. А. Куракина II, 26—29; ср. 36 и 273. Полной „пленипотенціи", однако не было дано; князь получилъ ее позднѣе, уже находясь въ Лондонѣ, и то по особому ходатайству.

[2]) Архивъ Кн. Ѳ. А. Куракина IV, 202.

Теперь, когда болѣе или менѣе разъяснились для Русскаго правительства взгляды Англіи на Сѣверную войну, важно было искать въ ней несочувствія къ интересамъ Россіи, но по крайней мѣрѣ сдержанности въ дѣлѣ помощи Шведу, нейтральнаго къ нему отношенія. Задачи, предлагавшіяся Куракину, были, такимъ образомъ, отчасти тожественны съ Ганноверскою ею миссіею, чѣмъ объясняется какъ то, что къ обоимъ дворамъ, Лондону и Ганноверу, Петръ послалъ одно и тоже лицо, такъ и связь обоихъ посольствъ Куракина, естественная и въ виду родственно-близкихъ отношеній Англіи къ Ганноверу [1]). Задачи эти были не изъ легкихъ. У морского, «принципальнаго въ мочи у всего аліирта», Англійскаго правительства труднѣе было оглядѣться и провести идеи Петра объ утвержденіи Россіи на морѣ, чѣмъ въ Германскомъ Ганноверѣ, который и самъ болѣе былъ заинтересованъ въ ограниченіи Шведскаго могущества, чѣмъ Лондонъ; трудное, особенно и въ виду недавняго афронта Матвѣеву и вообще Русской политикѣ въ Англіи. Куракину приходилось поэтому дѣйствовать съ особенною осмотрительностью, тактомъ и дальнозоркостію, чтобы утвердить достоинство и значеніе Россіи въ Англіи въ мѣру желаній царя. Но личность князя и опытъ, вынесенный имъ изъ предшествовавшей дипломатической школы, до нѣкоторой степени обезпечивали успѣхъ посольства. Недаромъ назначеніемъ Куракина были довольны и Англичане. Витвортъ отзывался о князѣ, какъ о членѣ старинной Русской фамиліи, человѣкѣ, вполнѣ благовоспитанномъ, общительномъ, наклонности и характеръ котораго не сходны съ наклонностями и характеромъ Матвѣева, доброжелательномъ къ Англіи, не гнушавшемся, однако, пріемами Московской политики, осуждаемой въ другихъ государствахъ [2]).

Въ Ганноверѣ князь жилъ до конца Іюля 1710 г.. Заключивъ союзный трактатъ съ курфирстомъ и получивъ отъ него подарки— 14 большихъ, да два малыхъ, всѣ «портреты его дому», а всего на сумму 1480 р. [3]), Б. И. Куракинъ отъѣхалъ въ Вольфенбютель; затѣмъ побывалъ въ Лейпцигѣ [4]) и 1-го Сентября былъ въ Утрехтѣ, откуда писалъ Головкину, что живетъ въ Голландіи и ищетъ денегъ, чтобы отъѣхать въ Лондонъ. Но помимо денежной нужды, Куракинъ

---

[1]) Сборникъ 50, 346.

[2]) Сборникъ т. 39, 382; 50 224, 305; 61, 73, 102. Отзывъ Витворта о Куракинѣ, какъ человѣкѣ, не гнушавшемся пріемами Московской политики, сдѣланъ былъ Англійскимъ дипломатомъ позднѣе и подъ вліяніемъ недостаточно провѣренныхъ слуховъ. Ср. 61, 107.

[3]) Кіевская Старина 1884 г. стр. 636. См. Рус. Архивъ 1905 г. кн. 3.

[4]) Архивъ Кн. Ѳ. А. Куракина II, 316, 337, какъ видно изъ даты на письмѣ Головкина, полученномъ въ Лейпцигѣ, и на письмѣ Куракина къ Шафирову отъ 12 Августа.

заѣхалъ въ Голландію и затѣмъ, чтобы повидаться съ Матвѣевымъ, жившимъ въ Гагѣ, и посовѣтоваться съ нимъ объ Англійскихъ дѣлахъ, что князь долженъ былъ сдѣлать и по порученію Головкина [1]). По пріѣздѣ въ Гагу, 9 Октября [2]), Куракинъ немедленно посѣтилъ Матвѣева; а на слѣдующій день, вмѣстѣ съ нимъ, сдѣлалъ визиты—ратпенсіонарію, Англійскому послу—милорду Тоузену и Польскому, графу Вертену. На слѣдующій день, т.-е. 11 Октября Куракинъ посѣтилъ Ганноверскаго посла, барона Ботмара и въ этотъ же день принялъ визиты отъ министровъ Пармскаго, Флорентійскаго, Ганноверскаго, Англійскаго, Мекленбургскаго, Польскаго и Прусскаго. Чрезъ два дня князь отдалъ визиты навѣстившимъ его посламъ; 16 Октября обѣдалъ у Англійскаго—Тоузена и въ этотъ день получилъ отвѣтный визитъ Французскаго посла; на слѣдующій день обѣдалъ у барона Шметова, посланника Пруссіи, и принялъ визиты министровъ Лотарингскаго, Савойскаго и Датскаго. По поводу всѣхъ этихъ визитацій и вообще своего пребыванія въ Голландіи Куракинъ замѣтилъ: «Въ ту свою бытность, хотя я министрамъ чужестраннымъ и не обсылалъ, но видѣлъ отъ всѣхъ себѣ великое почтеніе, что кои сами мнѣ первые отдали визиты. Такъ же, бывъ въ конференціи съ ратпенсіонаріусомъ, отъ него видѣлъ пріязнь, такъ же и отъ многихъ былъ трактованъ обѣдами». Болѣе всего Куракинъ нуждался, конечно, въ Англійскомъ посланникѣ, милордѣ Тоузенѣ; по пріѣздѣ въ Гагу, онъ совѣтовался съ нимъ о способѣ переѣзда въ Англію на особой яхтѣ отъ Лондонскаго двора, которой, впрочемъ, князь не дождался, и вообще видѣлъ себѣ отъ Тоузена особое почтеніе [3]). Помимо общенія съ посланниками, въ Гагѣ Куракинъ убирался съ экипажемъ, тщательно обдумывалъ каждую мелочь своей поѣздки, чтобы въ Лондонѣ, этомъ публичномъ во всей Европѣ мѣстѣ,—явить изъ себя «знатную фигуру». На сборы въ Англію онъ своихъ властныхъ денегъ истратилъ болѣе 4000 ефимковъ. Большую помощь въ дѣлѣ снаряженія своими совѣтами оказалъ Куракину опытный А. А. Матвѣевъ, знакомый съ обычаями Англіи, ея дѣятелями, ихъ симпатіями и направленіемъ Англійской политики. Свѣдѣнія, сообщенныя Матвѣевымъ Куракину, очень характерны и имѣютъ значеніе для исторіи Англійскаго двора начала XVIII в. [4]). При отъѣздѣ изъ

---

[1]) Архивъ Кн. Ѳ. А. Куракина IV, 202.

[2]) По другому извѣстію 1-го (Архивъ IV, 200); но 1-го Куракинъ былъ въ Амстердамѣ, какъ видно изъ письма къ Шафирову. Архивъ II, 339.

[3]) Архивъ Кн. Ѳ. А. Куракина II, 301; ср. 257.

[4]) Арх. К. Куракина III, 262—275. Документъ, здѣсь опубликованный, мы приписываемъ обоюдному произведенію Куракина и Матвѣева; первый предлагалъ вопросы, а вто-

Гаги, говорилъ Матвѣевъ, надо взять паспортъ у Англійскаго посла; если будетъ прислана яхта, то можно обойтись и безъ паспорта. Капитану яхты и на все его товарищество надо будетъ дать 30—40 гиней, а конвою ничего. По пріѣздѣ въ Лондонъ надо будетъ первоначально остановиться на постояломъ дворѣ и жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока указомъ королевы не отведена будетъ квартира. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстить о себѣ церемоніймейстера Катереля и его помощника Енглиша «мужа, всякаго добра исполненнаго и знающаго Итальянскій языкъ». Потомъ чрезъ этихъ лицъ надо будетъ обослаться съ ст. секретаремъ сѣверныхъ дѣлъ, герцогомъ Квинсберри, и дать имъ для представленія ему списокъ съ вѣрющей грамоты. Это необходимо сдѣлать для того, чтобы вещи князя были пропущены безпошлинно, за исключеніемъ винъ, за которыя платитъ пошлины сама королева. Потомъ, по заведенному порядку, прежде аудіенціи у королевы, слѣдуетъ сдѣлать визитъ ст.-секретарю «въ оффиціи», а не въ его домѣ, ждать отъ него контръ-визита и письменно просить о назначеніи времени аудіенціи у королевы. Визиты, далѣе, слѣдуетъ сдѣлать всѣмъ чужестраннымъ министрамъ отъ чрезвычайнаго посла до простого резидента: посламъ прежде всего и непремѣнно. Что до посланниковъ, то, извѣстивъ ихъ о своемъ пріѣздѣ, ожидать отъ нихъ визита; отдавать въ порядкѣ, кто первый пріѣхалъ. Герцогамъ и милордамъ визитовъ не дѣлать, за исключеніемъ случаевъ, когда они первые будутъ визитировать: «тогда весьма надо контрвизитами учтить». Такіе же визиты непремѣнно «по одномъ днѣ» отдать церемоніймейстеру и его ассистенту. По визитѣ ст.-секретарю непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать визитъ королевину шамбеляну Роцбури, потому что онъ убираетъ дворъ королевы, отъ него зависитъ раздача подарковъ, и онъ же министровъ въ публикѣ принимаетъ и къ королевѣ вводитъ. Всѣ эти визиты надо дѣлать по обсылкѣ, узнавъ предварительно время пріема, въ которое и ѣхать. Обсылаться надлежитъ только съ тѣмъ ст.-секретаремъ, у котораго «дѣла тѣ въ аппартаментѣ или участкѣ»; что до другихъ ст.-секретарей, то съ ними вступать въ общеніе слѣдуетъ только по мѣрѣ знакомства и пріязни. Къ купцамъ министры визитовъ никогда не дѣлаютъ; изрѣдка только бываютъ у нихъ по ихъ зовамъ и по денежной нуждѣ: иначе «не есть сходно съ честію». Архіепископамъ и епископамъ, равно и другимъ духовнымъ особамъ визитовъ не дѣлать, за исключеніемъ тѣхъ, въ ко-

---

рой отвѣчалъ на нихъ. Что отвѣты давалъ Матвѣевъ, видно какъ изъ содержанія ихъ, свидѣтельствующаго о посланническомъ характерѣ лица, такъ и изъ собственнаго заявленія Матвѣева, который говорилъ, что давалъ Куракину свѣдѣнія относительно Англійской политики. Архивъ IV, 217.

торыхъ есть нужда по дѣламъ. Непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать визитъ герцогу Мальборо; обославшись съ нимъ, просить у него для визита часу по обѣдѣ, а не утромъ, «чтобы въ антикаморѣ его не мотатца». При своемъ обѣдѣ онъ даетъ руку, а при общихъ визитахъ принимаетъ стоя и никого не сажаетъ. Его обыкновенный титулъ: милордъ дукъ; бо́льшимъ титуломъ въ Англіи его никто не величаетъ. Къ почетнымъ дамамъ двора королевы визиты рѣдко дѣлаются; только впослѣдствіи, поосмотрясь, увидя ихъ поведеніе склонное къ себѣ и развѣдавъ подлинно объ ихъ репутаціи, можно будетъ визитировать; и во всякомъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ спѣшить съ визитами къ дамамъ. При отдачѣ визитовъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы герцогамъ и лордамъ въ своемъ домѣ давать правую руку; провожать ихъ надо до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ они провожали и встрѣчали въ своемъ домѣ: «на встрѣчи не такъ смотрятъ, какъ на проводы». Церемоніймейстера при визитѣ слѣдуетъ встрѣтить въ антикаморѣ, а проводить до сѣней лѣстницы, а не до кареты. Время для визитовъ къ прямымъ друзьямъ до обѣда и непосредственно послѣ обѣда, къ остальнымъ послѣ обѣда и въ дни, отъ нихъ установленные.

Матвѣевъ познакомилъ князя и съ другими особенностями Англійской свѣтскости. Онъ подробно сообщилъ ему о королевскихъ аудіенціяхъ. Послѣднія, по словамъ Матвѣева, выпрашивались письменно чрезъ ст. секретаря, при чемъ, если онъ былъ герцогъ, то его слѣдовало титуловать милордъ дукъ «безъ алтесы», а если лордъ, то безъ эксцеленціи. Аудіенціи у королевы бываютъ публичныя и приватныя. На обоихъ королева принимаетъ пословъ стоя. Публичная совершается для нихъ великимъ чиномъ. Въ антикаморѣ встрѣчаетъ пословъ шамбелянъ съ церемоніймейстеромъ; они провожаютъ ихъ до комнаты королевы, идя по бокамъ съ правой и лѣвой стороны. Посланниковъ принимаетъ королева сидя и въ удобное для себя время. На приватной, кромѣ королевы и посланника, бываетъ еще ст.-секретарь. Если аудіенція назначается публичная, то надо одѣться къ ней въ свое самое лучшее, посольское платье и имѣть лучшій экипажъ; на приватной, кромѣ чистаго платья, никакого другого убора не спрашиваютъ; пріѣзжаютъ на нее въ обыкновенной наемной каретѣ, а люди въ простой ливреѣ. Войдя въ комнату королевы, послы и министры должны сдѣлать три чрезвычайныхъ поклона; потомъ, приблизясь къ королевѣ шага на два, сказать ей краткую рѣчь, только «изряднымъ изображеніемъ словъ». Если дѣло «великаго послѣдованія», то на аудіенціи о немъ кратко предлагается и испрашивается его немедленное рѣшеніе; о всѣхъ другихъ дѣлахъ предлагается ст.-секретарю или тайному совѣту въ оффиціи двора королевы. На первой аудіенціи не принято

упоминать ни о какихъ дѣлахъ, равно испрашивать конференціи; все это слѣдуетъ дѣлать по времени и въ часъ, какой угодно назначить ст.-секретарю. На аудіенцію къ королевѣ всѣ министры ходятъ со шпагами; при публичной послы на одинъ моментъ надѣваютъ шляпу; перчатокъ не надѣваютъ, развѣ иногда одну. Руки королевы не цѣлуютъ: объ этомъ и не спрашиваютъ; это дѣлаютъ иногда властные подданные королевы. Къ аудіенціи ходятъ не по рангамъ, но по назначенному времени, которое сообразуется съ просьбами пословъ; и въ такомъ порядкѣ никто предосужденія себѣ не находитъ. Чужестранный министръ, если онъ безъ характера, не можетъ по народному праву Англіи требовать себѣ публичной аудіенціи. По отправленіи рѣчи министръ подаетъ королевѣ вѣрющую грамоту, и только ей. Отпускная грамота присылается, какъ это принято въ Англіи, на квартиру министра за государственною печатью; при ней посылается копія для свѣдѣнія министру, написанная въ королевской канцеляріи, безъ всякой подписи ст.-секретаря. Для образца Матвѣевъ далъ Куракину списокъ съ своей отпускной грамоты, подписанной королевой. До отпуску отвѣтной на вѣрющую просить отнюдь не слѣдуетъ; это дѣлается только въ крайнихъ случаяхъ. Послѣ первой аудіенціи, въ этотъ же день, надо подчивать церемоніймейстеровъ, своихъ друзей, а изъ иностранныхъ министровъ тѣхъ, которые оказали себя дружественно и фамиліарно.

Матвѣевъ познакомилъ Куракина и съ другими пріемами при дворѣ королевы. Иначе она принимала въ Лондонѣ, иначе въ загородныхъ дворцахъ. Въ Лондонѣ послы, посланники, герцоги и милорды подъѣзжали къ воротамъ дворца; здѣсь ихъ высаживали изъ каретъ и несли до воротъ, а пословъ и герцоговъ даже до крыльца королевы въ сежахъ *). Но въ загородныхъ дворцахъ, Кингстонѣ и Виндзорѣ, знатныя особы подъѣзжали къ дворцамъ свободно. При этомъ и вообще относительно убранства каретъ и сбруи въ Лондонѣ не наблюдалось особеннаго этикета; все зависѣло отъ произвола и достатка; употреблялись больше всего полукареты и сежи.

Въ Виндзорѣ всѣмъ чужестраннымъ министрамъ назначался особый день въ недѣлѣ для свиданія съ королевой по дѣламъ. Когда королева выходила изъ своихъ палатъ въ кабинетъ или капеллу, то министры, «усмотря часъ и укромное мѣсто», говорили въ это время съ королевою свободно; при этомъ какъ здѣсь, такъ и въ антикаморѣ ея, не соблюдалось никакихъ ранговъ и мѣстъ. Кто находилъ себѣ мѣсто, на томъ, сидя или стоя, и ждалъ беззаботно королеву; такъ поступали и герцоги

*) Т. е. креслахъ.

и властные лорды Англіи. «Предвозвышенія въ мѣстахъ» не было и въ капеллѣ; тѣмъ не менѣе здѣсь никогда не присутствовали чужестранные министры, потому что въ капеллѣ отведены были особыя для герцоговъ и лордовъ лавки по ихъ рангамъ; могла бы приключиться нѣкоторая рознь и недовольство въ случаѣ неуступки этихъ мѣстъ посламъ и посланникамъ. Кромѣ обыкновенныхъ поѣздокъ ко двору королевы, обычаемъ было установлено, чтобы чужестранные министры пріѣзжали ко двору королевы и въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Таковы были случаи, когда былъ драерумъ (Drawing-room) или публичный выходъ королевы, или когда она давала публичную аудіенцію, или когда принимала адресъ отъ своихъ подданныхъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ иностранные министры «безъ всякаго предосужденія» свободно дожидались королевы въ ея антикаморѣ. Но вообще же, говорилъ Матвѣевъ, торжественныхъ случаевъ или публичныхъ оказій при Англійскомъ дворѣ мало бываетъ. На нихъ держатъ себя свободно. При столѣ королевы въ Виндзорѣ и Лондонѣ, «которые аппартаменты по-англійски гринкланъ называются [1]), министры садятся безъ осмотрѣнія мѣстъ и ранговъ, а подчиваются «чрезвычайными политическими офицерами королевина двора», за что имъ при отъѣздѣ министры, по росписи, даютъ подарки. Въ эти аппартаменты ходить къ королевѣ «безъ позыва не есть честно». Въ день рожденія королевы, Февраля 6-го, равно въ Новый годъ министры бываютъ при дворѣ, но «сумѣсице» безъ ранговъ, и поздравляютъ ея величество въ краткихъ словахъ. Что касается викторій, то если «прочіе нейтралы поздравляютъ королеву, то не надобно уклоняться и умолчать, чтобы не быть въ подозрѣніи; ради этого же не нужно «ни первымъ, ни послѣднимъ» явиться для поздравленія. Если викторія будетъ праздноваться торжественно, и нейтральные министры поѣдутъ приватно поздравлять королеву, то надо слѣдовать за ними, чтобы «не оставить себя въ противномъ словѣ и ненависти у королевы и народа». Въ одномъ только случаѣ Матвѣевъ указалъ Куракину на необходимость уклончивости и то не по отношенію къ королевѣ, но къ лорду-меру, именно когда онъ приглашалъ на оффиціальный обѣдъ; это потому, что лордъ не давалъ правой руки министрамъ и сажалъ ихъ послѣ лордовъ [2]).

Другія сообщенія Матвѣева касались порядковъ на конференціяхъ. Онѣ всегда отправлялись въ Лондонѣ въ старомъ королевскомъ дворцѣ

[1]) Не банкетная ли зала въ Виндзорѣ, для торжественныхъ случаевъ, съ портретами Британскихъ королей?

[2]) Позднѣе Куракинъ по этому поводу замѣтилъ: „не звалъ, чаю и не позоветъ". (IV, 234).

Витгалѣ, съ ст.-секретаремъ, въ канцеляріи. Если дѣло было великое государственное, то съѣзжались всѣ тайные совѣтники Кабинета королевы. На конференціяхъ посламъ давали мѣсто въ срединѣ, а другимъ между ст.-секретарей. О времени конференціи сообщалось заинтересованнымъ сторонамъ краткими письмами, при чемъ ни встрѣчъ, ни проводовъ не бывало. О докладѣ дѣла и указѣ королевы на имя ст.-секретаря слѣдовало писать меморіалъ «какъ бы совѣтнымъ видомъ». Матвѣевъ находилъ страннымъ обычай, существовавшій при Англійскомъ дворѣ, равно при Цезарскомъ и нѣкоторыхъ другихъ Европейскихъ, что на имя государей чиновно меморіалы не подаются. Для руководства въ писаніи меморіаловъ Матвѣевъ сообщилъ Куракину двѣ копіи съ посольскихъ писемъ ст. секретаря; изъ нихъ князь могъ видѣть и то, какія слѣдуетъ употреблять титла въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, что въ Англіи было установлено особымъ парламентскимъ актомъ «ради будущей безопасности честей публичныхъ министровъ». Цѣль акта заключалась въ томъ, чтобы наблюдать равенство для всѣхъ потентатовъ; при этомъ коронованнымъ главамъ всегда давался титулъ величества и грамоты къ нимъ посылались за государственною печатью. Русскому государю, еще со временъ Вильгельма III, съ парламентскаго согласія данъ былъ титулъ императора; этого порядка, говорилъ Матвѣевъ, слѣдовало держаться и на будущее время въ дѣловыхъ письмахъ.

Изъ другихъ указаній Матвѣева Куракинъ отмѣтилъ сообщеніе его о подаркахъ, какіе слѣдовало раздавать въ Лондонѣ чужестранному министру. По пріѣздѣ, говорилъ Матвѣевъ, никакихъ подарковъ никому не дается, только на отпускѣ. Когда церемоніймейстеръ привезетъ подарокъ на отпускѣ, то послы даютъ ему по 40 гиней, его товарищу по 30, а посланники по 20.

Въ заключеніе Куракинъ, хотя и имѣлъ понятіе о парламентскихъ партіяхъ (тори и виги), но просилъ Матвѣева о нихъ «хотя малое, что дать знать». Матвѣевъ отвѣчалъ: «двѣ тѣ партіи отъ злыхъ начальниковъ имени того свой приняли оригиналъ. И въ томъ сіе безсоюзство всегда зависитъ (т. е. существованіе и цѣль партій), чтобы корону и ея склонныхъ къ суврейству и къ перелому правъ и вольности королевства не допускать». Безспорно, что Матвѣевъ передавалъ слышанное имъ въ Англіи; значитъ, въ началѣ XVIII в. и Англичане объясняли происхожденіе названій партій отъ именъ предводителей *).

---

*) Извѣстно, что въ 70-хъ годахъ XVII в., при Карлѣ II, въ эпоху образованія партій подъ вигами (whigs) разумѣли Шотландскихъ пуританъ, а въ парламентѣ сторонниковъ главы оппозиціи—лорда Шефтсбери; подъ тори (tories)—Ирландскихъ фанатиковъ (католиковъ).

Въ своихъ совѣщаніяхъ съ Матвѣевымъ Куракинъ, конечно, болѣе всего интересовался политикою Англіи, ея внутренними секретами, и именно по отношенію къ Россіи, поскольку она была извѣстна Матвѣеву. Эти сообщенія Куракинъ записалъ въ формѣ инструкціи *). Матвѣевъ говорилъ, что дворъ Англійскій усердно склоненъ къ Шведскому королю и поэтому внушалъ Куракину всячески, «по остатней силѣ» наблюдать отношенія Англіи къ Швеціи и предостерегать интересы Россіи, а пуще всего «при начинаніи миру генеральнаго (т. е. при окончаніи войны за Испанское наслѣдство), отнюдь не укрочаяся (не сдаваясь) на сладостныя увѣщанія и увѣты Англійскихъ министровъ», выставляя имъ на видъ, въ такихъ случахъ, признаніе Англіею Станислава Лещинскаго Польскимъ королемъ. А чтобы знать эту секретную политику Англіи, Матвѣевъ совѣтовалъ Куракину проникать въ нее чрезъ иностранныхъ министровъ Лондона и ихъ канцелярію. Особенно Куракинъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы Шведъ отъ Англіи тайно, подъ рукою, не былъ вспоможенъ субсидіями. О такомъ вспоможеніи извѣстно было по вѣдомостямъ изъ Константинополя; оно дѣлалось чрезъ купцовъ и особенно чрезъ Англійскаго посла въ Стокгольмѣ Джонсона, который «нашему кредиту, говорилъ Матвѣевъ, клятвеннымъ злодѣемъ и прежде былъ и нынѣ есть». Кромѣ Джонсона, Матвѣевъ совѣтовалъ Куракину опасаться въ Лондонѣ мистера Робинса, бывшаго посланника въ Швеціи, ея сторонника, всѣми способами внушавшаго королевѣ склонность къ Стокгольму; этотъ Робинсъ тоже былъ и есть «клятвеннымъ супостатомъ». Онъ былъ виновникомъ того, что герцогъ Мальборо ѣздилъ въ Саксонію и дѣйствовалъ въ интересъ Шведамъ; онъ же былъ «точною причиною» признанія Англіею Станислава. Пре-

---

*) Такъ мы объясняемъ происхожденіе инструкціи Б. И. Куракину, опубликованной въ IV т. Архива на стр. 167. Что эта инструкція составляетъ тайныя внушенія Матвѣева—видно какъ изъ ея частностей, которыя могли быть извѣстны только лицу не задолго предъ тѣмъ бывшему въ Англіи и наблюдавшему ея политическую жизнь, такъ и изъ отдѣльныхъ выраженій. Такъ, въ 6 пунктѣ инструкціи говорится, чтобы Куракинъ еженедѣльно сносился съ лицомъ давшимъ инструкцію, а въ важныхъ дѣлахъ и дважды въ недѣлю, такъ какъ пакетботы ходятъ дважды въ недѣлю (т. е. изъ Англіи въ Голландію), что „и съ моей стороны, замѣчаетъ авторъ инструкціи, охотно же услужится“. При этомъ авторъ указываетъ и на то, что съ обѣихъ сторонъ (т. е. изъ Англіи и Голландіи) повседневныя Французскія газеты пересылаются съ тѣми же почтами. О принадлежности инструкціи Матвѣеву свидѣтельствуетъ и то, что Б. И. Куракинъ, вообще точно отмѣчавшій всѣ сообщенія отъ двора, не записалъ ее, какъ полученную отъ правительства. Это былъ частный дружескій совѣтъ одного посла, болѣе опытнаго, другому, отправлявшемуся на его мѣсто. Въ IV, 215 Куракинъ прямо говоритъ, что Головкинъ поручалъ ему совѣтоваться съ Матвѣевымъ и чтобы Куракинъ имѣлъ съ нимъ сообщеніе во всѣхъ дѣлахъ (ср. стр. 233). Цѣлыя сотни опубликованныхъ документовъ подтверждаютъ эту близость Куракина съ Матвѣевымъ и даютъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики обоихъ пословъ. (Ср. IV, 232—235).

достерегалъ Матвѣевъ Куракина и отъ лорда Реби, Англійскаго посла въ Пруссіи; это былъ «великій нашимъ интересамъ врагъ и посмѣятель при прежнихъ злополучіяхъ, а нынѣ вѣрный другъ Шведовъ». О его письмахъ въ Лондонъ Матвѣевъ просилъ по преимуществу увѣдомлять его. Таковъ же былъ и Савойскій министръ, «ушникъ герцога Мальборо». Особенно предостерегалъ Матвѣевъ князя отъ злыхъ козней Ганноверскаго министра барона Ботмара, вѣрнаго друга Шведа, герцога Мальборо и Станислава. Этотъ Ботмаръ, говорилъ Матвѣевъ, нашимъ интересамъ предосудителенъ и впредь; тонкая хитрость его кредита въ томъ заключается, чтобы расторгнувъ нашъ договоръ съ Ганноверомъ и лишившись по оному неустойки, чрезъ тайные наговоры въ Англіи помочь Шведу, а паче всего при заключеніи генеральнаго мира, на который Ботмаръ назначался полномочнымъ посломъ. Тѣмъ болѣе былъ опасенъ этотъ представитель Ганновера, что очень хорошо зналъ всѣ интересы государствъ. Иначе совѣтовалъ Матвѣевъ относиться къ посламъ Польскому и Датскому, съ которыми слѣдовало вести дружбу и по союзу; а болѣе всего рекомендовалъ вниманію князя посла Флорентійскаго, человѣка великаго искусства, склоннаго къ Россіи, глубоко знавшаго тайныя дѣла Англіи, вслѣдствіе долгаго своего въ ней пребыванія: онъ всегда и надежно могъ предостеречь Куракина и посвятить его въ секреты Англійской политики. Съ остальными министрами Матвѣевъ совѣтовалъ обходиться «политичною ласковостію», отнюдь не входя съ ними въ обнаженную политику и не обнаруживая своихъ секретовъ; особенно же рекомендовалъ какъ можно менѣе разсуждать о «внутреннихъ дѣлахъ» Россіи съ Голландіей и имѣть ихъ «въ великомъ опасеніи». Кромѣ этого, всѣми способами Куракинъ долженъ былъ «унимать» подозрѣнія въ Лондонѣ о нашемъ флотѣ на Балтійскомъ морѣ и о его распространеніи впредь; это дѣло очень безпокоило морскія державы. Въ отвѣтъ на эти откровенныя сообщенія Матвѣева Куракинъ долженъ былъ въ свою очередь, увѣдомлять его о силѣ при дворѣ герцога Мальборо и его жены, или о его упадкѣ; объ отпускѣ Витворта, тогда находившагося въ Англіи и снова собиравшагося ѣхать въ Россію, о его посольскомъ характерѣ и комиссіяхъ, ему порученныхъ, что̀ особенно должно было интересовать Матвѣева, имя котораго такъ тѣсно сцѣплялось тогда съ отношеніями обоихъ государствъ; просилъ доносить о письмахъ въ Лондонъ Англійскаго посла въ Голландіи (Тоузена) и своевременно сообщить о конечномъ своемъ отъѣздѣ изъ Лондона. Письма просилъ Матвѣевъ Куракина пересылать какъ можно чаще; о простыхъ вещахъ писать вольно, а о «великихъ секретахъ—азбукою, между насъ расположенною». Съ своей стороны Матвѣевъ обѣщалъ «исправлять равнымъ видомъ». Несом-

ненно, что оба посла условились въ письмахъ употреблять символы, только имъ понятные, напр., о лицахъ—вертопрахъ, пустынникъ и под. Куракинъ, кромѣ того, уже изъ Лондона просилъ Матвѣева, чтобы онъ все подчеркнутое имъ о разговорахъ съ послами не объявлялъ другимъ, прося и Матвѣева дѣлать тоже (IV, 215, 220).

Мы думаемъ, что не безъ участія Матвѣева Куракинъ выработалъ въ Голландіи и «проекты своего хозяйственнаго, домовнаго устройства» въ Лондонѣ. Какъ опытный человѣкъ, Матвѣевъ могъ сообщить Куракину свѣдѣнія о расходахъ, какіе и самъ онъ велъ въ Англіи [1]). На основаніи этихъ свѣдѣній Куракинъ могъ составить приблизительную смѣту расходовъ, къ чему его побуждали какъ недостаточность получаемаго посольскаго содержанія (при чемъ приходилось взвѣшивать каждую копѣйку), такъ и бывшій недавно афронтъ съ Матвѣевымъ, требовавшій внимательнаго отношенія къ денежнымъ средствамъ и ихъ расходованію въ цѣляхъ предупрежденія всякой задолженности. Проекты Куракина на этотъ предметъ не безъинтересны: они рисуютъ передъ нами внутреннюю сторону его жизни, его личную обстановку, примѣнительно къ занимаемому имъ положенію. А если не безосновательно наше предположеніе, что проекты составлены подъ вліяніемъ Матвѣева, то, на основаніи ихъ мы можемъ судить и вообще о хозяйственномъ положеніи Русскихъ пословъ въ царствованіе Петра Великаго.

Посланнику надо было имѣть въ Лондонѣ, по полученнымъ Куракинымъ свѣдѣніямъ, *лакея*, которому слѣдовало платить въ недѣлю по умѣренной цѣнѣ, безъ квартиры и ѣды, 12 шиллинговъ Англійскихъ или 24 Голландскихъ; итого 6 гульденовъ, 12 штиверовъ; въ мѣсяцъ—26 гульденовъ, 8 штиверовъ, а въ годъ 343 гульд., 4 штивера, что̀ при переводѣ на Русскія деньги равнялось 110—120 р. [2]). Если на-

---

[1]) Архивъ Князя Куракина III, 203. Эти „замѣтки о расходахъ“ кн. Куракина въ Англіи и Голландіи слѣдовало бы иначе озаглавить. Это не дѣйствительные расходы, а проекты предполагавшихся, составленные на основаніи показаній другого лица. Такимъ лицомъ могъ быть Матвѣевъ, какъ бывшій посолъ въ Англіи; а проекты составлены примѣнительно къ содержанію посла. Самыя замѣтки естественно раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ одна описываетъ какъ бы дѣйствительные расходы въ Лондонѣ, уже бывшіе, а другая рисуетъ—приспособительно къ нимъ—смѣту годового расхода посланника.

[2]) Очень трудно точно установить отношеніе Голландскихъ денегъ къ Русскимъ по расчетамъ Куракина. Такъ (I, 130) онъ говоритъ, что въ Амстердамѣ, въ 1705 г. 25 Октября, онъ заплатилъ въ гостинницѣ за столъ 60 штиверовъ, „а Московскихъ будетъ полтина“, т. е. 25 коп. или 50 денегъ; „а съ людей, съ персоны по 20 штиверовъ, Московскихъ будетъ 4 алтына; съ каморы (т. е. за комнату) 4 алтына, и всего въ день будетъ пол-рубля“, т. е. 50 коп. Отсюда видно, что въ штиверѣ князь считалъ 0,6 коп., или 1,2 деньги (двѣ деньги равнялись одной копѣйкѣ), въ 10 штиверахъ 12 коп., въ 60 шти-

нять лакея безъ квартиры и харчей, то и въ такомъ случаѣ ему приходилось платить только за одну работу 8 фунтовъ или 88 Голландскихъ гульденовъ въ годъ, т. е. 27—30 р. Другіе платили по 12 ф. или по 132 гульдена. Содержаніе пищею и квартирою обходилось, такимъ образомъ, въ 255 гульд. (343—88=255) или въ 71—75 р. Кромѣ лакея надо было содержать «*дѣвку* на поварнѣ» съ платою въ годъ 143 гульд., или 45—50 р., ***малаго*** (кухоннаго парня) въ поварнѣ, который долженъ былъ служить изъ за харчей, безъ всякой платы; ***горничную*** (дѣвку для чистоты дома и перестиланія постелей) съ платою 66 гульд. въ годъ, или 21—25 р., ***скорохода***, для посылки на почту за 46 гульд., 15—16 р. въ годъ; ***камердинера***, которому въ мѣсяцъ за работу, кромѣ пищи, 23 гульд., 15 штив., а въ годъ 285 гульд., или

верахъ 36 коп., а въ 100—60 коп., что̀ составитъ не полрубля, а будетъ болѣе его на 10 коп. Въ другомъ мѣстѣ (1, 138) князь говоритъ, что въ Амстердамѣ по векселю онъ взялъ 80 ф. стерлинговъ. Одинъ фунтъ стерлинговъ стоилъ 10 гульденовъ, 15 штиверовъ; всего, такимъ образокъ, на вексель князь взялъ 860 гульденовъ Голландскихъ, что̀ на Московскія деньги составитъ 176 р., а на талеры—344 талера. Отсюда видно, что въ гульденѣ было 20 штиверовъ; въ 80 ф. стерлингахъ будетъ 17,200 штиверовъ или 860 гульд., они равнялись 176 р. Значитъ въ штиверѣ будетъ $1\frac{1}{43}$ коп., а въ гульденѣ около $20\frac{1}{2}$ к., ($20\frac{20}{43}$ к.); въ рублѣ же около 5 гульденовъ (4 гульд., 18 штив.), или почти 100 штиверовъ ($97\frac{1}{3}$). Въ талерѣ, по этому расчету, будетъ $2\frac{1}{2}$ гульдена или 51 коп., съ небольшимъ (ср. I, 158). Въ третьемъ мѣстѣ Куракинъ говоритъ (I, 145), что онъ сдѣлалъ своимъ двумъ лакеямъ кафтаны и камзолы за 150 гульденовъ; „итакъ, замѣчаетъ онъ, придетъ на человѣка по 75 гульденовъ, а нашихъ денегъ будетъ рублевъ по 24 или 25, а все въ 50 руб.“. Если мы возьмемъ какъ за данное 25 р., то тогда будетъ въ гульденѣ 22 к., а въ штиверѣ $1\frac{3}{5}$ коп., или немногимъ болѣе 3 денегъ. Кажется этотъ счетъ и надо принять, какъ наиболѣе вѣрный, для опредѣленія отношенія Голландскихъ гульденовъ и штиверовъ къ Московскимъ деньгамъ. Въ одномъ мѣстѣ князь говоритъ, что къ нему пріѣхалъ въ Амстердамъ изъ Москвы слуга Филька Губастовъ, который издержалъ на дорогу 50 ефимковъ, на наши деньги 40 р., или чѣмъ малымъ больше (I, 144). Значитъ въ ефимкѣ было 80 к. съ небольшимъ. „Здѣшніе (т. е. Голландскіе), говоритъ князь (I, 146). ефимокъ полтретья гульдена, что̀ будетъ 50 штиверей“; а въ штиверѣ $1\frac{3}{5}$ коп., значитъ въ 50 будетъ 80 к., и на Москвѣ по векселю ефимокъ учитывался въ 80—87 к. Въ 50 штиверахъ будетъ $2\frac{1}{2}$ гульдена; значитъ Голландскій гульденъ равнялся 32 к. Это подтверждается отчасти и тѣмъ, что князь въ Англійской гинеѣ насчитывалъ. какъ самъ указываетъ (I, 146 ср. 149 стр.), 3 р. 33 алт. и одну деньгу, т. е. 4 р. безъ одной деньги, а въ гинеѣ было 11 гульденовъ, 14—16 штив. (ср. I, 138); гульденъ Голландскій равнялся 20 штив., „а на наши деньги придетъ 11 алтынъ, 2 деньги, чуть не 12 алтынъ безъ копѣйки“, т. е. гульденъ былъ равенъ около 35 к. На основаніи всего сказаннаго примемъ для учета: Голландскій ефимокъ—80 к., по Московскимъ цѣнамъ 87 к., гульденъ 32—35 к., штиверъ $1\frac{1}{2}$—$1\frac{3}{5}$ к., Англійская гинея 3 р. 62 к.—4 р., полгинеи 1 р. 80 к.—2 р., Русскій червонецъ равнялся Англійской полгинеѣ или 1 р. 80—2 р., фунтъ стерлинговъ—10 гульденовъ, 15 штив. Голландскихъ или 3 р. 40 к., шиллингъ Голландскій равнялся 6 штиверамъ (I, 138) или $9\frac{3}{5}$—10 к. Чтобы перевести эти расчеты на современныя деньги, слѣдуетъ знать, что Московскій рубль времени 1701—1705 г., равнялся, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, нынѣшнимъ 9 руб. См. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ 1884 г. кн. I, стр. 72.

около 100 р. Обязанности камердинера состояли въ томъ, что онъ долженъ былъ состоять «писцомъ, поваромъ, сахарникомъ, купчиною, надсмотрителемъ и сводникомъ»; послѣднее—въ смыслѣ сообщенія всякаго рода секретовъ. Далѣе приходилось содержать двухъ лошадей, что̀ стоило 11 гульд., 11 штив. въ недѣлю, а въ годъ 600 гульденовъ, 15 штив., или 200 р. А если бы имѣть трехъ лошадей, то за содержаніе ихъ пришлось бы платить 90 гульденъ или 300 р. Наемъ кареты обходился дороже; за карету съ двумя лошадьми платили въ Лондонѣ въ мѣсяцъ 10 ф. или 110 гульд., а въ годъ 1320 гульд., или 420—450 р. За карету для ѣзды въ Виндзоръ въ 6 лошадей слѣдовало платить 72 шиллинга, или 7 р. Содержаніе кучера обходилось въ 128 гульд. или въ 40—45 р.

Если бы князь нанялъ для себя *квартиру* въ 8 комнатъ и съ кухнею, то за нее пришлось бы заплатить въ недѣлю 32 шил. Англ. или 64 Голланд., а въ годъ 915 гульд. 4 шт. или 300 р.

Столъ на 2 персоны изъ 9 блюдъ, съ фруктами, остатками которой питались 6 персонъ служащихъ, становился (вѣроятно Матвѣеву) по 4 гульд. 8 штив. или по 1 р. 40—1 р. 60 к. въ день. Кромѣ того на хлѣбъ, пиво, дрова и свѣчи приходилось издерживать по гульдену въ день, а на вино 3 гульдена, всего 7 гульд. или 2 р. 25 к.—2 р. 50 к., а со всѣмъ въ день на Русскія деньги 3 р. 60 к.—4 р., а въ годъ 1300—1400 р. Если столъ изъ 9 блюдъ держать круглый годъ на 6 персонъ, то приходилось бы расходовать 6042 гульд. 8 штив. или 1935—2120 р. въ годъ. Если такой столъ имѣть въ недѣлю по 3 дня (156 дней въ годъ), а въ остальные дни (209) обыкновенный, то и тогда пришлось бы расходовать 4972 гульд. 4 штив., или 1580—1740 р.; если 4 дня въ недѣлю (208), а въ остальные дни—обыкновенный (157), то пришлось бы тратить 5241 гульд. или 1677—1834 р. Если бы въ мѣсяцъ по одному разу устраивать столъ на 12 персонъ, то на каждую и съ виномъ приходилось бы расходовать 6 гульд., а въ день 72; въ годъ 864 гульд. или 266—302 р.; если бы разъ въ двѣ недѣли пришлось устраивать такой столъ, то слѣдовало расходовать вдвое больше 532—604 р. Словомъ, предполагалъ князь, если въ Лондонѣ держать столъ «*меньшей статьи*», т. е. три раза въ недѣлю на 6 персонъ, то такой обошелся бы въ 2589 гульд. 12 шт. или въ 828 р.—906 р., средній—т. е. въ остальные дни обыкновенный, въ 2382 гульд. или 762—833 р., съ прибавкою экстраординарнаго въ 864 гульд. или 266—302 р., а всего въ годъ такой столъ обошелся бы въ 5836 гульд. 4 штив. или въ 1867—2042 р. *). Если же, говоритъ князь, держать

*) Въ III т. стр., 205 ошибочно поставлено: вмѣсто 5836—5856 и вмѣсто 6758—6778.

столъ *«среднею статьею»*, т. е. въ недѣлю по 4 дня, то тогда этотъ столъ обошелся бы ординарный въ 1789 гульд. 16 шт. или въ 573—627 р., средній въ 3452 гульд., или 805—908 р., съ прибавкою экстреннаго въ 1728 гульд. или 532—604 р., а всего въ 6969 гульд. или въ 2230—2439 р.

Кромѣ этого, Куракинъ предполагалъ имѣть особые трактаменты, т. е. устраивать особыя торжества по разнымъ случаямъ, четыре раза въ годъ. Такіе трактаменты предполагались устраивать: а) въ честь герцога Мальборо и партіи виговъ; б) въ честь противоположной партіи—тори; в) въ честь министровъ и г) въ честь царскихъ имянинъ, въ Петровъ день. Каждый разъ предполагалось устраивать обѣдъ на 24 персоны, расходуя на каждую по дупіи. Дупія равнялась 9 гульд. 12 штив. Такимъ образомъ, каждый такой трактаментъ обходился бы въ 288 гульд., а въ годъ въ 922 гульд. или 295—323 р. На пищу такимъ образомъ, со всѣми экстраординарными расходами князь предполагалъ тратить: меньшею мѣрою 6778 гульд. 4 шт. или ефимками 2711 и 14 шт., а рублями 2370; большою мѣрою 7891 г., ефимками 3156, а рублями 2760.

Соотвѣтственно этимъ даннымъ, Куракинъ составилъ слѣдующую смѣту своихъ расходовъ въ Англіи.

1. Домовные служители: а) губернаторъ—250 гульд.—87 р.

б) Камердинеръ—200 гульд., 70 р. Такого князь нашелъ въ Голландіи; онъ назывался Винченти и обязался служить за 36 червонцевъ въ годъ (70 р.) на своихъ хлѣбахъ.

в) Пажъ—120 гульд. 42 р.

г) 4 лакея—352 гульд.,—120 р. Двухъ изъ нихъ князь нашелъ въ Голландіи, съ платою по 10 шиллин. въ недѣлю, около 1 р.

д) Скороходъ—30 гульд., 11 р. Эти деньги давались ему на мытье и башмаки.

е) Бутелеръ (буфетчикъ) и цукорникъ (кондитеръ) 70 гульд., 20—22 р.

ж) Поваръ—200 гульд., 70 р., а если свой, т. е. Московскій, то 30 гульд.

з) Малый поваренокъ 30 гульд., 11 р. на рубашки и башмаки.

и) Два кучера 138 гульд., 48 р.

і) Горничная 80 гульд., 28 р.

к) Дѣвка въ поварню для чистки судковъ 50 гульд., 17 р. 50 к.

Итого 1520 гульд., 525 р. *).

*) „А ефимками“, замѣчаетъ князь, 680 (III 505), что не вѣрно, вслѣдствіе пропуска въ рукописи цифръ ефимковъ; слѣдовало 605 еф. Если 680, то считая, каждый по 87 к., получимъ 551 р. 60 к.

II. Другіе расходы: а) Карета 500 еф., 435 р.
б) Ливрея 300 еф., 261 р.
в) Дрова въ палаты 200 еф., 175 р.
г) Почта 200 еф., 175 р. Вмѣстѣ съ доставкою газетъ изъ Голландіи, за что Куракинъ платилъ 58 гульд.
д) Провозъ Московскій 200 еф., 175 р., [1]).
е) На секретъ 200 еф., 175 р., т. е. за сообщеніе тайныхъ извѣстій. За секретъ дѣлъ изъ Парламента Куракинъ платилъ 28 гиней, т. е. болѣе 100 р.
ж) На мытье 200 еф., 175 р.
з) На манжу [2]), или праздничные на чай, 300 еф., 261 р.
Итого 2100 еф. или 1832 р.

III. На платье: а) 6 паръ платья 600 еф. 522 р.
б) 2 парика 100 еф., 87 р.
в) Башмаки, чулки, рукавицы (перчатки) 100 еф., 87 р.
г) На пудру, чернила, водку, лѣкарства 200 еф., 174 рубля.
А всего 1000 еф. или 870 р.

IV. На столъ—3156 еф., 2760 р. Въ этой суммѣ князь разсчитывалъ содержать столъ, «среднею статьею».

V. Квартира—1000 еф., 870 р.

Такимъ образомъ, общій итогъ предполагавшагося княземъ содержанія въ Лондонѣ равнялся 7861 еф. или 6839 р. Этотъ расчетъ казался Куракину преувеличеннымъ. Хотя на самомъ дѣлѣ онъ прожилъ въ Лондонѣ не около 8000 еф., а вдвое болѣе—16 т., именно: 6 т. государевыхъ и 10 т. своихъ [3]), тѣмъ не менѣе въ проектѣ и сумму въ 8000 онъ находилъ очень большою. Это видно изъ того, что въ общую цифру 8000 еф., князь клалъ обученіе сына, наемъ ему камердинера, содержаніе метрессы и расходы на подарки въ Москвѣ. Сумма въ 8000 еф. или почти въ 7000 р., по тогдашнему времени была весьма значительная: она равнялась нынѣшнимъ 63000 р. Своихъ денегъ Куракинъ имѣлъ около 2000 р. Это былъ доходъ съ его вотчинъ. Такъ, по крайней мѣрѣ онъ показывалъ Государю въ 1714 г. [4]), при чемъ

[1]) Статья расхода—непонятная. Вѣроятно Куракинъ разумѣлъ или доставку къ нему изъ Москвы какихъ-либо вещей, или пріѣздъ къ нему лицъ служащихъ и знакомыхъ по его частнымъ дѣламъ.

[2]) Manger.

[3]) Архивъ III, 302. Въ Англіи, по словамъ князя, цѣны были на все тройныя. IV, 386.

[4]) Тамъ же, стр. 224. Казеннаго жалованья Куракинъ получалъ въ Лондонѣ 6000 ефимковъ. Матвѣевъ получалъ на 10 тыс. гульденовъ больше и, кромѣ того, казенную квартиру. Архивъ II, 340.

заявлялъ, что въ случаѣ невѣрности своего показанія, если бы такая была обнаружена, онъ, князь, готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ вотчинъ въ пользу Государя.

Собравъ въ Голландіи всякаго рода свѣдѣнія политическія, экономическія и служебныя для руководства въ Лондонѣ, заручившись деньгами, полученными въ кредитъ (такъ какъ своихъ у князя не было, а изъ Россіи не высылали) и «взявъ абшидъ» у всѣхъ, въ особенности у Англійскаго посла милорда Тоузена, Куракинъ 20 Октября [1]), утромъ, отправился изъ Гаги въ Ротердамъ «каретою, а экипажъ трехшкугомъ». «Пообѣдавъ здѣсь, разсказываетъ князь, я отправился яхтою по рѣкѣ Мозелю до пристани Бриля, гдѣ и заночевалъ. 21-го поутру ѣхалъ сухимъ путемъ до пристани, гдѣ останавливался пакетботъ, отъѣзжавшій въ Англію, на которомъ въ 10 часовъ утра и отправился въ море». Это было въ Субботу. Во Вторникъ, 24 Октября, вечеромъ, Куракинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и остановился на постояломъ дворѣ [2]). На слѣдующій день князь переѣхалъ въ партикулярный домъ, на улицѣ Пельмель, близъ «дома королевина, возлѣ дома герцога Шомбурга [3]). 27-го князь объявилъ о своемъ пріѣздѣ церемонійместеру Катерицу (Catheriz) и его товарищу Енглишу, которые въ этотъ же день и побывали у Куракина. Затѣмъ онъ, согласно инструкціямъ Матвѣева, обсылался съ чужестранными министрами, послами: Прусскимъ (баронъ Spanheim), Венеціанскимъ (Grimani), императорскимъ (Германскимъ, графъ Galasch); посланниками Датскимъ (Rosenkranz), Португальскимъ (D'Aconoha), Голландскимъ (Forgbergen), Марокскимъ (Bonoventuro), Тосканскимъ (Geraldi), Савойскимъ (графъ Mathei); резидентами императора (Hofmann), Прусскимъ (Bonnet), Польскимъ (D'hormil), Палатинскимъ (Pengius); секретарями Шведскимъ (Guillenberg), Венеціанскимъ (Bianfi); консуломъ Женевы (Viccetti) и агентомъ Голландіи (d'Hermitage). Посланники и резиденты Датскій, Савойскій, Тосканскій, Польскій, Прусскій, Гановерскій, Венеціанскій и Голландскій сами визитировали Куракину 28 Октября; но другіе прислали только поздравить съ пріѣздомъ князя лицъ изъ своихъ посольскихъ свитъ; именно посолъ Прусскій конюшаго, Венеціанскій жентильома, Цезарскій, Португальскій и Голландскій своихъ секретарей. По сему случаю Куракинъ замѣчаетъ: «и посланники, которые обсылались, тѣмъ мнѣ афронтъ учинили для

---

[1]) А не 4-го, какъ помѣчено IV, 469.

[2]) А не 25-го, какъ писалъ кн. Шафирову IV, 211. Въ III, 302 пріѣздъ помѣченъ 27 Октября, что не вѣрно. Записки Куракинъ писалъ позднѣе и могъ позабыть точное число своего пріѣзда. Это подтверждается и тѣмъ, что объ отъѣздѣ князь говоритъ: „Іюня 24 или 22 число"; т. е. о времени отъѣзда Куракинъ и самъ точно не помнилъ.

[3]) Архивъ IV, 215.

того, что не хотѣли ко мнѣ быть». Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ учинившихъ афронтъ исправили свое поведеніе, именно посланникъ и резидентъ императора (Галашъ и Гофманъ), Голландскій (Форгбергенъ), «человѣкъ ума великаго», по словамъ Куракина, «умомъ всѣхъ превзошедшій». Болѣе неисправными оказались посланникъ Португальскій (Аконога), да резидентъ Палатинскій (Пенгіусъ). Первый посѣтилъ князя только 10 Ноября [1]), а послѣдній едва ли и былъ. Самъ Куракинъ прежде всѣхъ навѣстилъ ст.-секретаря Сѣверныхъ дѣлъ, герцога Квинсберри, а потомъ отдалъ визитъ посланнику Датскому Розенкранцу (послѣднему 29 Октября), а затѣмъ 1 Ноября посылалъ просить часу у посла Прусскаго (Спангейма); но онъ за болѣзнію отказалъ. Этого же числа Куракинъ отдалъ визитъ Венеціанскому и Енглишу, котораго однако не засталъ дома. Гофману, Галашу и Форгбергену князь отдалъ визиты только на третій день. Вскорѣ по пріѣздѣ Куракина въ Лондонъ навѣстилъ его бывшій посолъ въ Москвѣ Витвортъ; «но я, замѣчаетъ князь, былъ у него спустя немалое время, дней шесть». Герцогъ Квинсберри отдалъ Куракину визитъ 1 Ноября. Князь принялъ его недостаточно почетно: въ антикаморѣ заставилъ ждать нѣкоторое время; но проводилъ съ бо́льшимъ радушіемъ, сопровождая герцога на низъ квартиры со всѣхъ лѣстницъ. Изъ этихъ визитацій видно, что не всѣ представители Европейскихъ державъ въ Лондонѣ встрѣчали Русскаго съ одинаковымъ почетомъ. Причина этого заключалась въ отсутствіи посольскаго характера Куракина; 10 Ноября онъ записалъ: «Торрисову партію объявилъ къ себѣ склоннѣе; однакожъ отъ всѣхъ еще холодная пріемность для того, что желаютъ съ характеромъ посла [2])». А Головкину отъ 10 Ноября князь писалъ, что причина холоднаго пріема непорядочный случай съ Матвѣевымъ. Холодность Куракинъ увидалъ въ словахъ церемоніймейстера Кансереля, который, принявъ отъ князя списокъ съ вѣрющей грамоты, сказалъ, что Англійскій дворъ не знаетъ, въ какомъ качествѣ принять князя по той вѣрющей. И говорилъ «какъ бы смѣхомъ», что они давно уже слышали о назначеніи Куракина, но ожидали и надѣялись, что онъ будетъ съ полнымъ посольскимъ характеромъ, какъ и Витвортъ былъ посланъ и какъ то обыкновенно бываетъ между всѣми дворами. Куракинъ отвѣчалъ на эти рѣчи тѣмъ, что полный посольскій характеръ онъ можетъ объявить въ будущемъ времени [3]). По указу отъ двора онъ долженъ былъ «добрымъ способомъ» объявить свой характеръ;

---

[1]) Архивъ IV, 214.
[2]) Архивъ III, 207.
[3]) Архивъ II, 342.

онъ его не объявилъ, а только сообщилъ копію съ вѣрющей за своимъ подписомъ [1]).

Ноября 6-го князь получилъ приватную аудіенцію у королевы. Въ этотъ день, послѣ полудня королева пріѣхала въ Лондонъ изъ Кенсингтона. Въ шестомъ часу вечера Куракинъ, въ присланной отъ Анны каретѣ, вмѣстѣ съ церемоніймейстеромъ, отправился во дворецъ. По пріѣздѣ сюда, церемоніймейстеръ тайною лѣстницею проводилъ князя въ особую антикамору, гдѣ онъ увидалъ президента Совѣта, милорда Ротчестера, великаго шамбеляна, ст.-серкетаря милорда Гарлея, президента и комисара отъ трезоровъ [2]), maestro di cosa milorda duca (начальника дворца) и мн. другихъ. Въ антикаморѣ Куракинъ ждалъ четверть часа, пока отправлялась молитва. Потомъ пришелъ къ нему герцогъ Квинсберри, который, проведя князя чрезъ особую комнату, въ которой находилось шесть почетныхъ дамъ, ввелъ его въ кабинетъ королевы. Она приняла Куракина стоя, «какъ посла». Учинивъ три раза реверенцію (поклоны) и подступя близко къ государынѣ, Куракинъ сказалъ по-французски: «Моя государыня! Такъ какъ его царское величество, мой всемилостивѣйшій Государь имѣетъ всякое почтеніе къ дружбѣ, которую ваше величество во всѣхъ случаяхъ ему показали, то онъ съ своей стороны взаимно ваше величество обнадеживаетъ объ особенномъ попеченіи помянутую дружбу и доброе согласіе, раньше этого съ обѣихъ сторонъ возстановленныя, не только сохранять, но и всѣми возможными способами умножать. Въ явный знакъ этого согласія царь за благо изобрѣлъ прислать меня къ вашему величеству, дабы я о всемъ этомъ пространнѣе изустно могъ засвидѣтельствовать, а особенно сообщить доброжелательныя намѣренія, которыя его царское величество, мой государь, имѣетъ объявить вашему величеству при настоящихъ обстоятельствахъ. Всепокорно прошу ваше величество повелѣть выслушать меня своимъ министрамъ». Сказавъ эту рѣчь, Куракинъ, подступя близко

[1]) Архивъ IV, 232.

[2]) Казначей. Полный составъ министерства въ то время въ Англіи состоялъ изъ слѣд. лицъ: а) Примаса, архіеп. Кентерберійскаго, б) президента Ротчестера, родного дяди королевы, склоннаго къ Русскимъ интересамъ, в) герцога Шрозбури великаго шамбеляна, г) великаго конюшаго, герцога Сомерсета; д) герцога Квинсберри, е) милорда Дормута ст.-секретаря Франціи, Испаніи и Италіи; ж) С. Джона ст.-секретаря имперіи (перваго въ политическихъ дѣлахъ, по словамъ Куракина), з) герцога Букингама дворецкаго, и) милорда Паулета казеннаго президента, і) Гарли товарища президента, о которомъ князь замѣтилъ, „первый въ милости королевиной, который нынѣшнюю партію произвелъ", к) герцога Дормунта вице-короля Ирландіи и полковника отъ гвардіи, л) герцога Мальборо генералъ-капитана и военнаго президента. Къ этимъ одиннадцати лицамъ министерства Куракинъ причислилъ и госпожу Массу, „которая вступила въ достоинство дукеши Мальбурга (смѣнила значеніе герцогини Мальборо при Аннѣ) и въ великій фаворъ при королевѣ. Архивъ II, стр. 347.

къ Аннѣ и вынувъ изъ кармана свою кредитивную грамоту, подалъ ей. Королева, взявъ грамоту, кратко сказала: «мы принимаемъ за знакъ дружбы его царскаго величества присланіе такой особы, какъ вы. Съ своей стороны и мы всегда хотитъ содержать добрую дружбу и корреспонденцію». Послѣ этого князь рекомендовалъ себя въ милость ея величества во все время своего пребыванія при ея дворѣ; потомъ, сдѣлавъ три поклона, ретировался до антикаморы, прошелъ ее, не останавливаясь, и вышелъ изъ дворца, сопровождаемый церемоніймейстерами до кареты.

Характерно доносилъ Куракинъ объ этой аудіенціи послу въ Даніи, В. Л. Долгорукову. «По пріѣздѣ своемъ ко двору, писалъ князь, я объявилъ себя министромъ пленипотенціаріемъ (что́ было не совсѣмъ точно), и по томъ объявленіи ея королевино величество учинила дистинкцію (отличіе) въ респектъ (уваженіе) его царскому величеству въ принятіи на аудіенціи, равно какъ амбассадора (посла), но и съ нѣкоторою отмѣною; потому, хотя посолъ Венетскій и прежде моего за недѣлю пріѣхалъ, но токмо мнѣ прежде аудіенція дана». На другой день такимъ же образомъ, какъ и Куракину, дана была аудіенція и Венеціанскому послу, который сдѣлалъ публичный въѣздъ въ Лондонъ. «Но я, сообщалъ князь, не имѣлъ публично въѣзда, потому что хотя и имѣлъ въ запасъ посольскую грамоту, но, не видя необходимой причины, ея не объявлялъ; при томъ же и интрата (публичный въѣздъ) стоитъ дорого [1])».

Милость королевы къ князю оказалась и въ томъ, что въ концѣ Генваря 1711 года онъ получилъ для жительства дворъ, которымъ, однако, не воспользовался, неизвѣстно почему. Въ концѣ Февраля Куракинъ замѣтилъ, что «указомъ королевы ему данъ вольной квартеръ» [2]). Вѣроятно, князь жилъ все время своего пребыванія въ Лондонѣ въ томъ партикулярномъ домѣ, въ который онъ переѣхалъ съ постоялаго двора. Въ его черновыхъ записяхъ мы находимъ извѣстія, рисующія хозяйственныя распоряженія князя и его домашнюю обстановку, культурные взгляды, степень сознанія имъ своего положенія и отчасти то, на сколько онъ въ Лондонѣ выполнилъ свои Голландскія предположенія, устроившись въ занятомъ имъ помѣщеніи. Въ указѣ «надсмотрителю дома» и въ «ординаціи домовной» Куракинъ приказывалъ, чтобы надсмотритель всѣхъ домовныхъ служителей имѣлъ подъ своимъ правленіемъ: безъ позволенія его никто не долженъ былъ ничего дѣлать. Всего же паче онъ обязанъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ домовные, а пуще всего лакеи были во всякой учтивости къ приходящимъ и не только къ выс-

---

[1]) Архивъ IV, 259—260, ср. III, 259—260.
[2]) Архивъ III, 291—292. За домъ Куракинъ заплатилъ 900 ефимковъ. Архивъ II, 340

шимъ персонамъ, но и низшимъ. Въ особенности къ учтивости приглашался портье: онъ долженъ былъ всѣхъ принимать съ респектомъ, какъ пріѣзжавшихъ въ каретахъ, такъ и приходившихъ пѣшкомъ. Персонъ шляхетства онъ долженъ былъ вводить въ верхніе апартаменты, а купцовъ и артизановъ (ремесленниковъ) въ нижнія комнаты. Исключеніе дѣлалось только для купца Стельса, ведшаго обширный привиллегированный торгъ съ Россіею, лично извѣстнаго Петру и ссужавшаго за границей Русскихъ подданныхъ. Если у Куракина не было гостей, то онъ приказывалъ принимать Стельса запросто и вводить прямо въ свой кабинетъ. Такою, впрочемъ, привиллегіею пользовались и нѣкоторыя другія особы, о которыхъ портье имѣлъ тайныя инструкціи и о которыхъ князь выражался: «Яко тотъ Весq и Майстродилингва» *). Когда приходилъ какой-либо купецъ или человѣкъ другого чина и говорилъ портье, что онъ пришелъ за долгомъ, такого повелѣвалось задерживать и тотчасъ же сказать о немъ князю. Къ другимъ обязанностямъ портье относилось—смотрѣть, чтобы изъ дома никто ничего неповелѣннаго не выносилъ, дабы не было великихъ пропажей; онъ долженъ былъ записывать получаемыя письма, время ихъ пріема, заплаченныя за нихъ деньги; о послѣднихъ извѣщать князя въ день полученія письмà; портье долженъ былъ слѣдить, чтобы ночью, внизу, всегда горѣла зажженная лампада до утра; чтобы ворота дома по ночамъ были всегда на крѣпкомъ запорѣ, а нижнія, входныя двери дома, и днемъ; отпирать ихъ дозволялось только по самой крайней нуждѣ, когда, напр., требовалось снести что нибудь въ погребъ, ключи отъ котораго находились у Московскаго повара, привезеннаго Куракинымъ съ собою.

Наблюдая за портье, смотритель дома обязанъ былъ слѣдить и за другими служащими. Никто безъ его дозволенія не имѣлъ права сходить со двора; только лакеи и другіе «домовные» служители должны были спрашиваться у камердинеровъ. Въ день публичнаго съѣзда у князя, всѣ должны были находиться на лицо; въ остальные дни—лакеи, кромѣ дневальнаго (дежурнаго), могли пользоваться свободою. Дежурный въ свой день обязывался исполнять все ему порученное, а именно: сидѣть у дверей спальни «для позванія»; а когда чужіе бываютъ, то у дверей долженъ былъ стоять камердинеръ. Дневальный лакей обязанъ былъ чистить платье и башмаки. Сами лакеи должны были всегда имѣть чистыя ливреи; съ утра до обѣда носить синія, а послѣ обѣда палевыя.

*) Думаемъ, что въ данномъ случаѣ князь разумѣлъ Роберта Бека, Нѣмца, бывшаго тайнымъ агентомъ Матвѣева, а потомъ Куракина. Онъ былъ „усерднымъ и вѣрнымъ шпіономъ“ и хлопоталъ о томъ, чтобы быть резидентомъ въ Лондонѣ. Архивъ IV, 271, 331, 350, 355, 424, 426—430, 437—439, II, 343. Майстродилингва—учитель языка; очевидно, Куракинъ бралъ уроки Англійскаго языка.

Въ комнату аудіенціи или кабинетъ князя лакеи никогда не смѣли входить; исключеніе дѣлалось только въ случаѣ крайней нужды, когда не было камердинера; тогда лакеи, а равно и скороходъ могли, входить, но предварительно постучась въ дверь. Въ случаѣ, если надо было выдавать серебро къ столу, то поручалось выдавать его на руки только одного лакея и отъ него одного требовать возврата. Управляющему домомъ вмѣнялось смотрѣть, чтобы между лакеями и другими служителями никакого «дизордину» (ссоръ и безпорядка) не было.

Другія правила «ординаціи» касались наблюденія за домомъ. Князь приказывалъ содержать его во всякой чистотѣ и убирать въ опредѣленные дни. Такъ, трубы должно было чистить одинъ разъ въ два мѣсяца, какъ это было принято въ Лондонѣ; окончины (подоконники) очищать. Камердинеры и лакеи должны были перемѣнять простыни разъ въ недѣлю, а по нуждѣ—разъ въ двѣ недѣли. Двумъ служащимъ бабамъ поручалось перестилать постели, чистить судно, мыть комнаты, по утрамъ отворять, а вечеромъ затворять окна. Стулья и зеркала чистить всякій день, а разъ въ недѣлю—мыть; мыть повседневныя скатерти какъ со стола князя, такъ и со стола служащихъ, за исключеніемъ лучшихъ княжескихъ, которыя, вмѣстѣ съ салфетками, поручалось мыть съ бѣльемъ Куракина и крахмалить; остальныя вещи, какъ-то расхожія простыни, рубахи пòвара и скорохода, занавѣски, колпачки, галстуки и бостроги *) поручалось стирать со всѣмъ бѣльемъ. Особой женщинѣ въ поварнѣ поручалось стряпать съ поваромъ и мыть посуду. На серебряныхъ сосудахъ запрещалось ѣсть служащимъ; имъ полагались оловянныя. Чай пили тогда не въ опредѣленное время, а случайно; поэтому князь замѣтилъ: «когда чужіе попросятъ чаю, тогда ставить серебряную посуду; а ежели свои, то давать старую».

Особенно князь остерегался воровъ и огня. Окна на ночь приказывалъ онъ запирать, «чего для за умноженіемъ воровъ не могло бы сдѣлаться злаго въ домѣ». Никто въ домѣ не долженъ былъ курить: табачнаго духу чтобы отнюдь не было (самъ князь курилъ). Днемъ и ночью слѣдовало наблюдать особенную осторожность отъ огня; со свѣчами ходить бережно. Во всѣхъ комнатахъ, гдѣ были печи, именно въ столовой, спальнѣ, у Веселовскаго (секретаря), въ сѣняхъ топить углемъ; но въ комнатѣ аудіенціи и въ среднемъ апартаментѣ топить дровами.

Относительно внѣшняго положенія дòма, лицъ, приходящихъ во дворъ, конюшень и пр., князь приказывалъ, чтобы предъ домомъ наблюдалась постоянная чистота «для пріѣзда каретъ», чѣмъ завѣдывалъ особо нанятой человѣкъ. Безъ чужихъ людей по большому парадному

*) Поддёвки.

крыльцу служащіе ходить не имѣли права. Особое лицо, ворðтникъ или дворникъ, обязанъ былъ отъ «газетёра» принимать газеты, трижды въ недѣлю, и записывать ихъ; счётъ деньгамъ, истраченнымъ на газеты, однажды въ мѣсяцъ подавать князю. Ворðтникъ долженъ былъ слѣдить и затѣмъ, чтобы ни отъ кого не принимать (напр., купцовъ) какихъ либо вещей; въ случаѣ приноса онъ обязанъ былъ заявлять объ этомъ кому должно и безъ повелѣнія не дозволять ихъ оставлять. Кучеръ обязанъ былъ смотрѣть за лошадьми, чтобы они были сыты, и за каретою, чтобы она всегда стояла подъ кровлею, была въ исправности и вымазана; если въ ней случались поврежденія, то о нихъ доносить управляющему; а этотъ, осмотря, долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о починкѣ и заплатѣ. Такъ какъ у кареты для прочности подкладывались къ осямъ желѣзныя полосы, которыя часто перемѣнялись, то слѣдовало наблюдать, чтобы ихъ было достаточно и вести имъ счетъ. Безъ вѣдома управляющаго кучеръ не имѣлъ права производить никакой починки, потому что всякая такая починка ставилась въ счетъ съ большими процентами.

Случай афронта съ Матвѣевымъ такъ былъ впечатлителенъ, что Куракинъ вынуждался давать особыя наставленія относительно кредиторовъ. Управляющій долженъ былъ наблюдать, чтобы лакеи и другіе доместики не ходили по лавкамъ и ничего не брали въ долгъ, кромѣ хлѣбника, пивовара, мясника и свѣчника. О всякой покупкѣ надлежало имѣть «отписи за руками (счета)». Каждую недѣлю слѣдовало производить расплату за мясо и хлѣбъ, но за свѣчи и пиво чрезъ четыре недѣли. Каждую недѣлю, утромъ въ Четвергъ, слѣдовало представлять счетà расходовъ по столу князю; а если случался расходъ необыкновенный, то о немъ доносить на другой день поутру. Такъ должно было поступать и съ расходами, затраченными на «трактаменты», большой или средній. Для веденія правильнаго счетоводства по дому князь опредѣлилъ особыя расходныя книги, въ которыхъ въ особыхъ графахъ писались предметы покупокъ и цѣны на нихъ. Князь строго запрещалъ вести расходы кромѣ опредѣленныхъ на повседневный столъ. Приказывалось объявлять купцамъ и ремесленникамъ, какъ то сапожникамъ, портнымъ и др., чтобы они ничего не давали и не дѣлали въ долгъ лицамъ, приходящимъ изъ дома князя; въ противномъ случаѣ князь отказывался отъ платы. «Отъ такого филюрства [1]), говорилъ Куракинъ, весьма надо быть осторожну, чтобы никто не выманивалъ, отчего многія злости бываютъ» [2]). Если, не смотря на это распоряженіе князя,

[1]) Мошенничества; Франц.-filouterie.—[2]) Важное свидѣтельство въ пользу Матвѣева. Вѣроятно онъ скорѣе былъ жертвою эксплоатаціи, чѣмъ злостнаго банкротства.

всетаки стали бы приходить въ домъ какіе либо кредиторы съ исками на его доместиковъ, то объ этомъ слѣдовало немедленно ему доносить. Управляющій домомъ обязанъ былъ въ нанятомъ помѣщеніи все принять по описи, пересмотрѣть, а копію описи хранить у себя. Если что въ домѣ ломалось или пропадало, то записывать; «а будетъ что износится», то объ этомъ докладывать князю.

Вѣроятно домоуправляющимъ у князя Куракина былъ никто другой, какъ уже извѣстный намъ Ѳ. Огарковъ, называвшійся за границей Фредерикомъ. Такъ мы думаемъ потому, что хотя князь и давалъ ему особую инструкцію, но она въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ сходна была съ наказомъ надсмотрителю дома. Въ этой особой инструкціи Фредерику поручалось: все бѣлье князя держать у себя; каждую субботу перемѣнять на его постели простыни; къ столу выдавать особой прислугѣ «дюжину и двѣ» скатертей, которая будетъ въ поварнѣ и которая обязывалась столовое бѣлье перечищать и укладывать. При мытьѣ княжескаго бѣлья Фредерикъ долженъ былъ наблюдать, чтобы его мыли чисто, рубашекъ не перемѣняли, а кружевъ не портили. Онъ же долженъ былъ хранить княжеское серебро, вести ему строгій счетъ, а хрустальные сосуды запирать въ поставецъ, находившійся въ столовой [1]). На отчетности Фредерика было вино, которое онъ долженъ былъ держать въ пескѣ, согласно Лондонскимъ обычаямъ, и хранить подъ особымъ замкомъ; къ столу же долженъ былъ выдавать столько и такого качества, сколько и какого будетъ приказано, а выдачи записывать въ особую тетрадь. Вино для князя, которое онъ пилъ, когда обѣдалъ одинъ или съ Московскими знакомыми, Фредерикъ долженъ былъ брать малыми полубутылками [2]). Онъ обязанъ былъ держать у себя чай, сахаръ и шоколадъ. Особенно тщательно онъ обязанъ былъ наблюдать за сохранностію свѣчъ. Каждый день, послѣ обѣда, онъ долженъ былъ выдавать свѣчи особому лакею, съ приказаніемъ убрать ихъ въ шандалы. А расходовать свѣчи такъ: двѣ большихъ восковыхъ при чужихъ людяхъ зажигать въ комнатѣ аудіенціи; а когда не было посѣтителей, то въ среднемъ штокѣ зажигать только одну сальную. Въ другой парадной комнатѣ поручалось ставить два серебряныхъ шандала съ малыми восковыми свѣчами. Остальныя свѣчи приказывалось выдавать: двѣ сальныхъ въ спальную комнату князя, которыя и зажигать въ фонарѣ, одну Веселовскому, одну камердинеру, одну въ поварнѣ, одну дѣвкамъ «съ чѣмъ имъ ходить», одну въ фонарь верхній,

---

[1]) Серебро высылалось Куракину изъ Москвы: ларецъ, лохань, судки черненые и др. Архивъ Курак., IV, 241.

[2]) Самъ Куракинъ пилъ рейнвейнъ; однажды онъ получилъ изъ Голландіи отъ Бранта весь перемѣшанный, хотя онъ и назывался добрымъ. IV, 346.

другую въ средній, третью въ нижній; при гостяхъ—четыре свѣчи зажигать въ большой фонарь, а одну давать лакеямъ. Если у князя былъ парадный ужинъ съ гостями, то въ комнатѣ, гдѣ ужинали, приказывалось зажигать 20 малыхъ восковыхъ свѣчей, часть въ шандалахъ по стѣнамъ и часть на столѣ, а въ проходахъ зажигать сальныя. Огарки отъ всѣхъ свѣчей поручалось собирать горничной. Наконецъ Фредерикъ обязанъ былъ слѣдить за чистотой и тепломъ спальной комнаты князя, чтобы въ ней всегда поддерживался огонь, а полы были подметены.

Такія инструкціи домовнымъ служителямъ слѣдовало дать потому, что соотвѣтственно своему положенію князь въ Лондонѣ имѣлъ значительный штатъ прислуги, которая, естественно, должна была подчиняться извѣстному порядку. Въ составъ ея входило одиннадцать лицъ, кромѣ секретаря Веселовскаго (gentilhomme) и священника (prêtre) m-r Maximilien'a; именно — письмоводитель П. Роговъ, метрдотель, Jean Altenhoven, Фр. Агарковъ (hôte de chambre завѣдующій домомъ), Jean Fortier главный поваръ, Артемій Исаевъ его помощникъ, François Jbon портье, George Kerz, Jeames Kenedy, George Collens, Antoine Mesetin—лакеи, Jacob Seilblone—курьеръ. Кромѣ этихъ лицъ были и другія; напр., упоминается въ числѣ бывшихъ слугъ князя нѣкто Керидке. Къ свитѣ князя принадлежалъ и Б. В. Оладьинъ, стольникъ, сопутствовавшій князю почти во всѣхъ его поѣздкахъ за границу, котораго Куракинъ выдавалъ за дворянина (жентильома), и который исполнялъ разнообразныя порученія князя. Въ домѣ князя Оладьинъ, вѣроятно, не жилъ, потому что въ документахъ онъ не упоминается въ числѣ домашнихъ лицъ князя [1]).

Согласно своимъ Голландскимъ планамъ, князь составилъ и особое росписаніе кушаній для своего Лондонскаго стола, когда съ нимъ обѣдали 6 или 7 персонъ. Вѣроятно этого росписанія держался поваръ, который въ разные дни и долженъ былъ готовить разныя перемѣны. Всѣхъ такихъ перемѣнъ было пять; каждая изъ нихъ, въ свою очередь, состояла изъ двухъ или трехъ перемѣнъ, какъ это было въ обычаѣ Лондона [2]). Эти перемѣны были слѣдующія.

---

[1]) Архивъ IV, 22—23, 29, 123, 430—432, 439, 441 и слѣд., почти такой же штатъ служащихъ имѣли и другіе послы въ Лондонѣ; Архивъ IV, 260.

[2]) Архивъ III, 220—222. Составленіе росписанія отнесено къ 1711 г. Возможно, что князь держался его и позднѣе, во время жизни въ Голландіи. Мы думаемъ, что оно практиковалось въ Лондонѣ, во-1-хъ, потому, что князь предполагалъ имѣть здѣсь столъ „среднею статьею", что̀ и соотвѣтствуетъ росписанію, составлявшемуся на 6—7 персонъ. 2) Росписаніе обѣдовъ (menu) съ перемѣнами, при чемъ въ каждую входило по нѣскольку блюдъ, согласуется съ Лондонскими обычаями. Таковы, напр., были перемѣны королевскаго обѣда по случаю празднованія Генрихомъ IV его брака съ Жанной Наварской въ

Сперва ставился на большомъ блюдѣ раковый супъ, а въ немъ штука телятины; по краямъ разставлялись порцелиновыя блюда съ сырыми устрицами. И потомъ I) *первая перемѣна* изъ 8 блюдъ: 1) часть говядины, 2) рагу—нашпигованная телятина, 3) пирогъ съ мясомъ и голубями изъ Французскаго тѣста, 4) кишки, начиненныя мясомъ и яйцами и поджаренныя на бумагѣ; другая перемѣна: 5) жареный фазанъ и съ нимъ три рябца, 6) индѣйка жаркая, а кругомъ ея маленькія пичужки, 7) часть телятины, зажаренной подъ соусомъ съ остреги (устрицами) или съ карпомъ, 8) блюдо грушъ, вареныхъ съ масломъ, подъ сахаромъ, пирамиды съ конфектами. При этомъ четыре блюдца: два съ яблоками, одно съ каштанами, одно съ коронцами. Потомъ третья перемѣна: одна пирамида большая, двѣ малыя, а по сторонамъ четыре блюдечка, супъ съ травами и катышками, а въ немъ курица; два блюда порцелиновыхъ съ устрицами.

II) *Первая перемѣна*: 1) часть говядины, 2) фрекассея *) изъ телятины или баранины, 3) высокій пирогъ, что̀ въ печи пекутъ, а въ немъ нашпигованная телятина или маленькія пичужки, а соусъ въ немъ черный, 4) ноги бараньи или телячьи, какъ дѣлаются на бумагѣ; другая перемѣна: 5) жаркая курица и три ряби на одномъ блюдѣ, 6) жаркая утка, облита соусомъ, съ поджаренною рѣпою или со стружками, сборный супъ: курица, телятины кусъ, рябецъ, 7) вареная телячья голова, обложенная кругомъ маленькими пирожками, 8) Французскія оладьи и потомъ—конфиктуръ такой же (т.-е., что̀ и въ предыдущихъ перемѣнахъ).

III) *Первая перемѣна*: 1) часть зажареной говядины, подъ соусомъ, съ устрицами и съ карпами, 2) фрекассея изъ голубей, начиненныхъ мясомъ, со всякою сдобою, а по краямъ блюда—запеченое мясо, 3) капуста, начиненная мясомъ съ яйцами, 4) высокій пирогъ, а въ немъ телятина, нашпигованная ломтями, а соусъ черный съ устрицами; другая перемѣна: 5) жаркой заяцъ, а кругомъ маленькія пичужки, 6) три рябя, два кулика да курица Русская, 7) миндальная драчена съ яйцами и сахаромъ, 8) бараньи или телячьи котлеты, ребра съ соусомъ, фрукты, красный супъ, утка съ мелко искрошенною и поджаренною рѣпою, и устрицы.

IV) *Первая перемѣна*: 1) часть говядины, 2) фрекассея изъ телячьихъ молоковъ, 3) пирогъ съ трескою и яйцами, 4) жареная телятина съ соусомъ изъ устрицъ; другая перемѣна: 5) фазанъ, курица, два ребя — все на одно блюдо, 6) часть баранины, 7) пирогъ сладкій съ травами, 8) блюдо салата, обложенное поджаренными колбасами и потомъ фрукты; утка въ грибахъ по-московски, вмѣсто супу; къ этому два блюдечка порцелиновыхъ съ устрицами.

1403 г.; таковы-же, напр., были перемѣны, практиковавшіяся частными лицами въ Англіи во время уже ближайшее къ Куракину, во второй половинѣ XVII в., при чемъ замѣчается и сходство въ кушаніяхъ, равно и въ ихъ подачѣ на столъ. Общественная жизнь Англіи, изд. Трайля, переводъ съ Англ., Москва 1897 г., т. II, стр. 363—367; т. IV, стр. 420 и. слѣд.

*) Fricassée—мясо изрѣзанное и вареное въ кострюлѣ.

V) *Первая перемѣна*: 1) часть говядины, 2) фрекассея изъ вареныхъ устрицъ, 3) пирогъ съ корицею и устрицами, 4) свиныя ноги, съ перцемъ и базилиномъ, а къ нимъ соусъ изъ устрицъ; другая перемѣна: 5) жаркое—заяцъ, два рябя, два сулика на одно блюдо, 6) будынъ—развареный, крошеный калачъ съ молокомъ, съ яйцами, сахаромъ и изюмомъ, 7) яблоки вареныя, разрѣзанныя пополамъ, съ коринкою; жареный поросенокъ.

Для перемѣнъ кушаній въ постные дни или «рыбные» поваръ долженъ былъ руководствоваться слѣдующими названіями: супъ изъ травъ, съ яйцами, фрекассея изъ устрицъ или изъ щуки, яичница, жареная рыба, вареныя яблоки, пирогъ съ яблоками, молочная каша изъ сарачинскаго пшена съ корицею и сахаромъ, жидкій молочный супъ съ пшеномъ, фрекассея изъ бобовъ, вареная рыба, яичница на молокѣ съ сахаромъ, салатъ, три пирожка съ большими вареными яблоками, которыя можно было купить. А потомъ перемѣнять: постные супы иные дѣлать съ рѣпою, иные съ лукомъ; фрекассею иногда дѣлать изъ трески; изъ нея же и пирогъ съ яйцами или буданъ съ яйцами изъ тертаго калача.

Разумѣется, князь не всегда такъ обѣдалъ, какъ обозначалось въ росписаніи. Обыкновенный его столъ—первый на три персоны (вѣроятно для него самого, Веселовскаго и управляющаго) и второй—на пять лицъ служащихъ, всего на 8 человѣкъ, обходился въ 15 гульденовъ и 18 штив., въ день (не болѣе 5 р.). Однако, какъ ни разнообразенъ былъ столъ Куракина и какъ ни богато былъ устроенъ его домъ, но, повидимому, князь на чужбинѣ тосковалъ о Русскихъ удобствахъ. Архангельскому губернатору, князю П. А. Голицыну (съ которымъ, нѣкогда, Куракинъ вмѣстѣ учился мореходному искусству въ Венеціи въ 1698 г.) онъ писалъ: «въ цѣломъ надѣяніи вашего жалованія прошу... купить двѣ бочки пуншаку добраго и, назвавъ Астраханскимъ виномъ, ко мнѣ прислать; также, хотя бездѣлица, токмо здѣсь нужда, чтобы прислать 20 сажень дровъ березовыхъ и три копченыхъ семги» [1]). А въ началѣ Декабря 1710 г. Куракинъ писалъ Матвѣеву въ Гагу: «воистинну прiѣдчиво здѣшнее пированье; ей, промѣнялъ бы на капитанство: и скучно, и волокитно, и опасно, къ тому жъ холодно и голодно, а паче всего безденежно, или просто сказать—бѣдно» [2]). Тѣмъ не менѣе эти отзывы князя о его Лондонской жизни мы должны понимать не въ смыслѣ хотя бы только относительной бѣдности ея, но въ смыслѣ общей тягости его положенія и того дѣла, которое онъ велъ: для представительства въ Лондонѣ требовалось тратить много силъ, труда, разума, здоровья и богатства. Все описанное нами его «домовное» устрой-

---

[1]) Архивъ IV, 242.
[2] IV, 246.

ство свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Англіи князь жилъ, какъ и хотѣлъ, со всею «магнифиценціею». Онъ самъ говорилъ позднѣе, что «нигдѣ такъ регольно и пространно домомъ своимъ не жилъ», какъ въ Лондонѣ [1]). А трактаменты князя даже славились въ Голландіи. «Здѣсь о вашемъ банкетѣ, учиненномъ чужестраннымъ министрамъ и вельможамъ того двора, писалъ Куракину Матвѣевъ, и о изрядномъ вашемъ экипажѣ зѣло хвально отозвалось. И мнѣ оное благоповеденіе ваше воистинну многое порадованіе принесло» [2]). Положеніе—обязывало.

Съ другой стороны, по всему видно, что, основательно устраиваясь въ Лондонѣ, князь въ тоже время не ожидалъ и скораго возвращенія въ Россію. При тогдашнемъ недовѣрчивомъ отношеніи къ намъ Англіи, всегда сообразовавшей и сообразующей свою политику съ выгодными для себя обстоятельствами и не только прошедшими, но и имѣющими быть, князю трудно было разсчитывать на быстрое и успѣшное окончаніе своей миссіи. И дѣйствительно, какъ въ Ганноверѣ, такъ и въ Англіи, Куракину пришлось встрѣтиться съ многими проволочками и оттяжками, съ тѣми всѣми неудобствами, которыя и вообще сопровождали шаги молодой Русской дипломатіи въ Европѣ во времена Петра, и въ частности особенно въ Англіи, гдѣ люди «на резолюцію были продолжительны». «Истинно трудно, писалъ Куракинъ Матвѣеву, здѣсь во всемъ скорую резолюцію имѣть, и часа насилу можешь сыскать съ министрами говорить». А Матвѣевъ отвѣчалъ, что Англійскій дворъ «косенъ отвѣтомъ и пожеланнымъ удовольствомъ на наши требованія». «Здѣсь всѣхъ такъ презираютъ, какъ не видалъ ни при одномъ дворѣ и не чаю быть», писалъ Куракинъ Головкину, просилъ его не «поставить ему въ пренебрежительство мѣшкоту дѣлъ» и сообщалъ, что «образомъ худымъ здѣсь чужестранныхъ министровъ трактуютъ [3])». Въ виду такого состоянія Англійской политики, Куракинъ, всюду и всегда наблюдая свой респектъ, свободное время своей Лондонской жизни посвящалъ изученію ея, а равно и лицъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, исполнялъ всякаго рода порученія частнаго характера, заботился о воспитаніи своего сына и устройствѣ другихъ лицъ, занимаясь въ тоже время неустанно и политическими дѣлами.

Въ Англійской жизни вниманіе князя прежде всего приковывали къ себѣ придворныя событія, что́ было и естественно въ положеніи посланника. Среди такихъ событій Куракинъ отмѣтилъ празднество рожденія королевы, справлявшееся 6 Февраля 1711 г. Какихъ либо осо-

---

[1]) III, 302.
[2]) IV, 262.
[3]) Архивъ IV, 213, 215, 217, 258, III, 295.

быхъ церемоній, требовавшихъ особаго этикета, въ этотъ день при Англійскомъ дворѣ не было. Князь замѣтилъ только необычайное собраніе герцоговъ, милордовъ, генераловъ, чужестранныхъ министровъ и шляхетства и «въ такомъ богатомъ шитомъ платьѣ», какого не видалъ ни при какомъ другомъ дворѣ; только въ либеріи и каретахъ не было великой магнифиценціи, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Чужестранные министры, въ ожиданіи выхода королевы, вмѣстѣ съ остальными лицами, стояли запросто, въ одной линіи. Королеву поздравляли въ краткихъ словахъ, безъ всякаго выдѣленія одного предъ другимъ. Когда королеву несли на носилкахъ въ церковь мимо Куракина, то онъ сказалъ ей: «желаю вашему величеству въ начинаніи сего дня вашего рожденія многихъ лѣтъ». Королева, какъ князю, такъ и другимъ отвѣчала «доброю миною». По окончаніи богослуженія королеву проводили въ большую залу, гдѣ данъ былъ съ великою музыкою концертъ, при участіи Итальянцевъ, славнаго Николини, басистаго Езопа и трехъ дамъ. Исполняли композиціи славнаго Саксонца, находившагося на службѣ у курфирста Ганноверскаго, въ качествѣ капельмейстера, Генделя, и такъ хорошо на трубахъ, что Куракинъ такой музыки не слыхалъ даже въ Италіи. По окончаніи концерта королева возвратилась въ свои апартаменты. На этомъ торжествѣ Куракинъ отмѣтилъ необычайное собраніе герцогинь, миледей и др. дамъ въ такихъ изящныхъ и дорогихъ костюмахъ, какихъ онъ не видалъ даже въ роскошной Вѣнѣ. Самъ князь одѣтъ былъ въ дорогое, новое, шитое платье, какъ и другіе министры.

Послѣ того князь отправился на обѣдъ къ герцогу Букингаму, на который званъ былъ еще за десять дней. Въ этотъ же день онъ получилъ приглашеніе и на другой обѣдъ, къ великому шамбеляну, герцогу Шлосбури, но такъ какъ былъ отозванъ раньше, то отказался. У герцога Букингама за столомъ было 12 персонъ, въ числѣ которыхъ находились милордъ Рочестеръ и герцогъ Квинсберри. Столъ былъ убранъ богато; сервизъ былъ золоченый; такого богатства Куракинъ ни у кого раньше не видѣлъ. Домъ герцога, находившійся противъ парка, занималъ красивое мѣстоположеніе. Послѣ обѣда, въ седьмомъ часу вечера, Куракинъ пріѣхалъ на балъ во дворецъ. Балъ происходилъ въ двухъ залахъ; сама королева играла въ карты; молодые герцоги и милорды, записавшись предварительно у шамбеляна, принимали участіе въ танцахъ. На этомъ балѣ Куракинъ видѣлъ особливое расположеніе королевы къ Цезарскому посланнику графу Галашу и Датскому Розенкранцу; обоихъ, «по волѣ королевиной, звали танцовать предъ нею, токмо на то время ихъ не случилося». Доводилось и Куракину пользоваться иногда вниманіемъ ея величества; въ Маѣ 1711 г., уже предъ

отъѣздомъ въ Россію, королева пригласила его играть съ собою въ карты; но «за неполною мошною, князь учтиво отговорился». Балъ 6 Февраля окончился въ 2 часа пополуночи. Князь въ забавахъ на немъ «пробавлялся ажъ до полуночи».

8 Марта Куракинъ участвовалъ на торжествѣ восшествія на престолъ Анны, по смерти Вильгельма III. Дворъ весь былъ въ блестящемъ собраніи (gairly); но королева въ церковь не выходила, потому что, какъ сказали князю, ночью у нея были колики. Куракинъ былъ въ томъ же костюмѣ, какъ и въ день рожденія королевы; хотя предъ этимъ онъ носилъ трауръ по герцогѣ Курляндскомъ, но въ виду запрещенія являться во дворецъ въ день восшествія въ черномъ платьѣ, на одинъ день трауръ отмѣнилъ. Послѣ двора Куракинъ поѣхалъ на обѣдъ къ герцогу д'Ормонду, главнокомандующему Англійскихъ войскъ въ Испаніи и члену Тайнаго совѣта. Обѣдъ состоялся безъ хозяина, котораго внезапно вызвали въ экстренное засѣданіе Тайнаго Совѣта. Причина этого, какъ и отсутствія королевы на выходѣ, была та, что по окончаніи церемоній при дворѣ, нѣкто маркизъ де-Гишкаръ, католикъ Французской націи, человѣкъ, по словамъ Куракина, злорадный, придворный интриганъ и ушникъ среди чужестранныхъ министровъ, занимавшій, однако, въ Англіи должность генералъ-лейтенанта, былъ арестованъ и приведенъ въ Тайный Совѣтъ для разспроса. Во время разспроса Гишкаръ бросился съ ножомъ на стат. министра Гарлея, нанесъ ему рану въ грудь такъ остро, что ножъ переломился; тоже хотѣлъ сдѣлать и съ ст.-секретаремъ С. Джономъ. Но послѣдній, вмѣстѣ съ герцогомъ д'Ормондомъ, вынувъ шпаги, нанесли Гишкару четыре тягостныя раны. Поэтому и дворъ находился «въ великомъ замѣшаніи». Говорили, что въ Генварѣ Гишкаръ вызывалъ на дуэль герцога Мальборо, но тотъ уклонился, что́ «Мальбурху не безъ зазрѣнія отъ другихъ принято»; говорили, что 8 Марта, въ день выхода королевы, Гишкаръ хотѣлъ ее убить, что не задолго предъ этимъ онъ съ этою же цѣлью добивался приватной аудіенціи у королевы. Чрезъ нѣсколько времени Гишкаръ умеръ, и его измѣнническое дѣло безхлопотно окончилось *). Указанныя обстоятельства и были причиною несостоявшагося праздника 8 Марта.

25 Ноября 1710 г. Куракинъ присутствовалъ на торжествѣ «отворенія новаго парламента». Королева была въ своемъ царскомъ одѣяніи съ короною. Герцоги и перы въ особыхъ платьяхъ, надѣвавшихся чрезъ одно плечо, сдѣланныхъ изъ краснаго шерстяного штофа, подбитаго горностаями: у герцоговъ въ четыре ряда, у милордовъ въ три

*) Архивъ II, 353—354; ср. IV; 18, 19, 375; 381.

и такъ далѣе, по рангамъ. Кавалеры, съ знаками отличія, въ золотыхъ цѣпяхъ. Великій канцлеръ былъ въ черномъ бархатномъ платьѣ, партикулярной моды, съ мѣшкомъ въ рукахъ, въ которомъ хранилась государственная печать. Предъ королевою внизу, «въ дву банкахъ», сидѣли государственныя судьи, въ красномъ платьѣ, обложенномъ горностаями, съ золотыми цѣпями, «а на порукахъ, на самомъ темени, имѣли по тафтяной черной заплаткѣ, въ знакъ авториты, что предъ королевою всегда покрыты». При самой королевѣ по правую руку стоялъ герцогъ Букингамъ, съ багетомъ или хлыстомъ, а по лѣвую великій шамбелянъ съ багетомъ; онъ докладывалъ королевѣ о позваніи нижняго парламента. Члены верхняго имѣли право сидѣть предъ королевою. Внизу трона стояли четыре человѣка, которые на особыхъ палкахъ держали четыре серебряныя короны королевствъ: Шотландскаго, Ирландскаго, Французскаго и Англійскаго. «Отвореніе парламента» было въ Субботу. Призвавъ чиновъ нижней палаты, королева объявила имъ, что по универсаламъ—парламентъ открытъ; свое предложеніе она объявитъ ему въ Понедѣльникъ. Въ этотъ день, королева при той же обстановкѣ, говорила рѣчь, въ которой, объявивъ созывъ парламента, какъ актъ своей пріязни къ подданнымъ, заявила о необходимости продолженія войны за Испанское наслѣдство ради чести и блага Англіи и ради установленія честнаго и прибыльнаго мира, о необходимости субсидій на военное дѣло, о большихъ долгахъ казеннаго и морскаго вѣдомствъ, о твердомъ своемъ намѣреніи содержать права Англійскаго народа, Англиканскую церковь и протестантское наслѣдство въ Ганноверскомъ домѣ и призывала своихъ подданныхъ къ единогласію въ резолюціяхъ и къ поступкамъ, достойнымъ парламента Великобританскаго. По поводу этой рѣчи въ письмѣ къ Матвѣеву Куракинъ замѣтилъ: «Разсужденіе нѣкоторыхъ политиковъ, что о прогрессахъ нынѣшней кампаніи во Фляндрахъ (Нидерландахъ) въ рѣчи королевы, какъ обыкновенно во всѣхъ то было, ниже что упомянулось. Сей знакъ Демокриту (такъ себя называлъ Куракинъ) не во благо» *).

19 Апрѣля 1711 г. Куракинъ поѣхалъ на воды горячія въ Бадъ (Bath) для лѣченія. Курортъ находился въ 80 верстахъ отъ Лондона. Старая болѣзнь князя, скорбутика, какъ онъ ее называлъ, заставила его въ Лондонѣ обратиться къ доктору Гарту, который посовѣтовалъ ему пить

---

*) Архивъ IV, 240. Наше мнѣніе, что подъ Демокритомъ слѣдуетъ разумѣть самого Куракина, подтверждается сопоставленіемъ этого мѣста съ упоминаніемъ о Демокритѣ на стр. 246. Не „во благо“ потому, что продолженіе войны за Испанское наслѣдство выгодно было Россіи. Кого далѣе разумѣетъ Куракинъ подъ иниціаломъ R. и словомъ „прошлецъ“—понять трудно.

виперные бульоны, какъ это дѣлалъ Куракинъ въ Италіи. Но въ Англіи это лѣченіе не помогло: доктора нашли, что Англійскій воздухъ препятствуетъ дѣйствію лѣченія, почему князь и рѣшился воспользоваться горячими водами. Вмѣстѣ съ путешествіемъ Куракинъ пробылъ на водахъ три недѣли. Свою поѣздку онъ скрылъ отъ Русскаго правительства; въ перечнѣ отосланныхъ ко двору писемъ онъ замѣтилъ: «Прописано. А писано, будто послано для того, что будто терялося. А я то время былъ въ банѣ». Другими словами, отсутствіе регулярной корреспонденціи ко двору за время лѣченія князь объяснялъ неисправностію почты, какая и дѣйствительно существовала: письма то терялись пьяными почтальонами, то бросались въ море съ пакетботовъ при приближеніи непріятельскихъ судовъ *). Отъѣзжая безъ дозволенія Русскаго правительства, князь тѣмъ не менѣе отпросился у королевы. Князь поѣхалъ въ компаніи съ Веселовскимъ и Оладьинымъ, взявъ съ собою камердинера, повара, скорохода и лакея. Любознательный князь, совершая поѣздку, посѣщалъ замѣчательныя окрестности Лондона, которыя и описалъ. Въ трехъ верстахъ съ небольшимъ отъ города князь осмотрѣлъ дворецъ Кезингтонъ, расположенный на концѣ Гайдпарка, въ которомъ курсируютъ кареты. «Тотъ домъ комодъ (удобенъ), замѣчаетъ Куракинъ, только не магнификъ». Въ залѣ аудіенціи князь увидѣлъ въ рамѣ портретъ Петра, во весь ростъ; царь былъ такъ хорошо изображенъ, что Куракинъ нигдѣ подобнаго портрета не видалъ. О картинной галлереѣ князь замѣтилъ, что она «со многими квадры (рамами) и негнусно убрана». Надъ каминомъ князь увидалъ машину, «которая ворочаетъ»—указаніе вѣтровъ. Садъ при дворцѣ былъ не великъ, но хорошо прибранъ и содержанъ. Въ 12 миляхъ отъ Лондона князь осмотрѣлъ дворецъ герцога д'Ормонда, расположенный при самой рѣкѣ, на берегу. По словамъ Куракина дворецъ былъ хотя и малъ, но удобенъ и хорошо прибранъ. Герцогъ держалъ при дворцѣ 18 верховыхъ лошадей, а для охоты нѣсколько собакъ и соколовъ. На конюшнѣ князь видѣлъ буланую лошадь, настоящей Англійской породы, съ черными хвостомъ и гривою, которая такъ была статна, что какъ будто была выкована изъ мѣди. Куракинъ удивлялся, что цѣны на коней были слишкомъ высоки: трехлѣтній конь цѣнился въ 400 гиней или въ 1200 руб. Московскихъ. При дворцѣ герцога князь залюбовался натуральнымъ паркомъ и птичникомъ, или «по нашему—лебяжьимъ дворомъ», раздѣленнымъ на отдѣлы, въ которыхъ помѣщались птицы различныхъ породъ: голуби, утки,

*) Архивъ III, 294; ср. IV, 402, Матвѣевъ писалъ, что однажды почтальонъ, напившись пьянъ, въ проѣздъ изъ Риги въ Петербургъ, потерялъ сумку съ пакетами, въ чемъ Матвѣевъ видѣлъ нѣкоторую „прозябь коварствъ непріятельскихъ". IV, 270.

Русскія куры, фазаны. Особенно князю понравился индѣйскій пѣтухъ, который такъ былъ хорошъ, что подобнаго Куракинъ нигдѣ не видывалъ.

Въ 20 миляхъ отъ Лондона князь посѣтилъ Виндзоръ, расположенный на гористомъ берегу Темзы и окруженный со всѣхъ сторонъ равнинами; съ горы открывается великолѣпный видъ на окрестности, миль на 20 въ ширину; въ ясный солнечный день можно видѣть и самый Лондонъ. Огромныя палаты Виндзора старинной постройки. Рядомъ съ дворцомъ, на пригоркѣ, помѣщался костелъ, гдѣ прибрана была нѣкоторая часть ружей и пушекъ. Въ самомъ дворцѣ Куракинъ побывалъ въ апартаментахъ короля и королевы, но экстраординарнаго ничего не замѣтилъ, кромѣ двухъ залъ, украшенныхъ арматурами «добраго ордена», старинныхъ великолѣпныхъ обоевъ, тканыхъ съ золотомъ, кровати, покрытой тканями, «шитыми по осиновому сукну и гораздо богатой», комнаты, украшенной шитыми золотомъ обоями, съ цвѣтами, работы Французовъ рефужей (réfugié, выходцевъ). Въ картиной галлереи князь залюбовался таблицами письменъ различныхъ иностранцевъ и удивительнаго мастерства портретомъ одной, сидящей при свѣчѣ, женщины, изображенной въ натуральной обстановкѣ. Осмотрѣвъ дворецъ, Куракинъ пришелъ въ великую залу, которая при церкви Св. Георгія. Какъ зала, такъ и церковь росписаны были «ин-фрешка», т. е. стѣнной живописью, одного Итальянскаго искуснаго мастера. Въ концѣ залы помѣщался рундукъ, а надъ нимъ портретъ короля Вильгельма, нарисованный такъ «дивнѣ въ перспективѣ», что издали ступени къ портрету трудно было отличить отъ самой картины: казалось, что и они были нарисованы. Упомянувъ о назначеніи церкви, какъ мѣста, гдѣ присягали кавалеры ордена Св. Георгія и Подвязки, князь замѣтилъ, что въ залѣ, въ день посвященія новаго кавалера, обѣдали король на рундукѣ и кавалеры, съ орденскими отличіями, справляя свои торжества. Кругомъ горы Виндзора, въ равнинѣ, князь видѣлъ огороженный каменною стѣною паркъ, въ которомъ находилось довольно дикихъ козъ, оленей, зайцевъ, фазановъ и перничей. Въ паркѣ находился садъ, а въ немъ небольшія палаты, въ которыхъ всегда ночевала королева, по совѣту докторовъ, которые говорили, что спать королевѣ на верху горы, во дворцѣ, вслѣдствіе разряженнаго воздуха, опасно и по возвращеніи въ Лондонъ королева могла бы захворать; «для неотмѣнъ густаго воздуха», она и построила себѣ палаты въ равнинѣ. Хотя онѣ были и не велики, но внутри очень богаты.

Около Виндзора князь видѣлъ «коллежіе немалое», гдѣ учатся честныхъ людей (милордовъ и дуковъ) дѣти Латинскому, Греческому и Французскому языкамъ, и «литеральнымъ наукамъ». Въ трехъ Англій-

скихъ миляхъ отъ Виндзора князь видѣлъ домъ герцога Сентъ-Альбана, «натуральнаго сына короля Карла», и герцога Мальборо, дорога къ которому постепенно поднималась въ гору отъ Виндзора. Ничего завиднаго не было въ домѣ герцога; князя поразилъ только большой паркъ, населенный оленями, козами, зайцами, фазанами и пердріями (perdrix—куропатка). Домъ этотъ находился въ пожизненномъ владѣніи Мальборо, благодаря близости его супруги къ королевѣ Аннѣ. По дорогѣ въ Бадъ Куракинъ видѣлъ небольшой городокъ Мальборо, «не гораздо великъ», а въ немъ вновь строившійся дворецъ герцога Соммерсетъ, и «одинъ курганъ насыпной и на него входъ вавилономъ, а въ немъ палаты».

Въ знаменитыхъ Англійскихъ Бадахъ Куракинъ пробылъ не долго. По положенію, слѣдовало пить воду шесть недѣль, по 4 стакана въ день, и нѣсколько дней принимать горячія ванны; но князь пилъ воду только одинъ день, «а въ банѣ сидѣлъ 8». Воды, по его словамъ, не такъ дѣйствовали, какъ въ Ахенѣ и Карлсбадѣ, «потому что дохтуры, (судя) по натурѣ (больного) пускаютъ дѣйствовать разными видами: человѣку единому пургою (слабительно), а другому мочею и транспираціею пóтовъ». Вода была безъ запаха и ничего противнаго въ себѣ не заключала, какъ въ Ахенѣ. Князя удивилъ обычай—сидѣть въ баняхъ вмѣстѣ съ дамами въ холщевыхъ изъ толстой желтой холстины рубахахъ. Такъ какъ бани были непокрыты, то всѣ свободно видѣли другъ друга. Первый разъ больной сидѣлъ полчаса, второй часъ, а третій—полтора; больше двухъ никто не сидѣлъ; въ одиннадцать часовъ воду спускали ежедневно. Во время лѣченія, послѣ обѣда слѣдовало пить одну рюмку, чего князь прежде нигдѣ не видалъ. Короткое время своего лѣченія Куракинъ провелъ, повидимому, весело, потому что въ бадахъ «жить было не безъ забавы»; всегда находилась добрая компанія, гдѣ князь и познакомился со многими герцогами, лордами и дамами. Въ недѣлю по два раза устраивались балы, на что пріѣзжіе тратили по гинеѣ, а другую отдавали музыкантамъ. Многія славныя дамы заходили въ кофейни и, какъ это было и въ другихъ мѣстахъ Англіи, играли «косткою». Въ честь пріѣзда знатнаго человѣка въ Бадъ, въ городѣ раздавался великій звонъ. Одно князю не понравилось: «все дорого, паче Лондона»; за четыре комнаты помѣщенія и за поварню Куракинъ платилъ по 50 шиллинговъ въ недѣлю.

Изъ Бада князь отправился въ Лондонъ на Оксонію (Оксфордъ), чтобы осмотрѣть знаменитый Университетъ. Въ 6 миляхъ отъ Оксфорда видѣлъ вновь строившійся парламентомъ дворецъ герцога Мальборо «за его службы»; дворецъ строился изъ бѣлаго камня, ординарной архитектуры; хороши было только одна зала и мостъ. Садъ, хотя и заводился, но средній; а статуи въ немъ такъ были худы, что лучше бы

ихъ и не ставить. Тѣмъ не менѣе постройка, по слухамъ, цѣнилась въ одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ.

Оксфордъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ; князь думалъ, что воздухъ въ немъ худой, «чего для есть при болотахъ». Князя поразили величина домовъ 17 Оксфордскихъ коллегій и ихъ добрый порядокъ. Многія коллегіи въ платьѣ имѣть раздѣленіе: поверхъ Французскаго обыкновеннаго платья надѣваютъ изъ шерстяной черной матеріи—робы (плащи), а на парики скуфейки, «на которыхъ приложены квадратами и циркулями черныя суконныя таблички». Въ этой славной академіи, по словамъ Русскаго наблюдателя, бывало по 3000 и болѣе студентовъ. Иностранцу учиться однако невозможно, за слабою пронунціею (произношеніемъ) Латинскаго языка, такъ что многое и понять невозможно. Каждая коллегія имѣетъ настоятеля-профессора, который во всѣхъ процессіяхъ репрезентуетъ персону, сопровождаемую великими служителями. Въ коллегіяхъ изучаются «докторскія славныя науки»; въ нихъ находятся химики, юристы, теологи, философы и математики. Литеральныя науки и языки изучаются, какъ нигдѣ, а паче оріентальныя. Князя изумила громадная библіотека Оксфорда, несравнимая даже съ Римской. Куракинъ видѣлъ множество антикитъ (древностей), разныхъ медалей, древнихъ монетъ и особенно заинтересовался эмблемою Греческой республики: «сова на одномъ суку, толкуется премудрость». Здѣсь князь видѣлъ печать царя Б. Ѳ. Годунова, золотую и на золотомъ шнуркѣ, съ слѣдующею кругомъ ея Славянскою надписью: «Божіею милостію, великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, всея Россіи самодержецъ и иныхъ многихъ государь и обладатель». А въ срединѣ орла, гдѣ бываетъ Георгій на лошади, поставленъ единорогъ; «то, думаю, замѣтилъ Куракинъ, гербъ Годуновыхъ». Изображеніе Георгія помѣщалось на обратной сторонѣ. Кромѣ библіотеки князь видѣлъ въ Оксфордѣ большой театръ, въ которомъ короновали учениковъ, а въ залѣ анатоміи дубину Московскую (канатъ) и чучелы съ мужика, «который старыхъ лѣтъ повѣшенъ» и бабы, «которая 17 живыхъ мужей разомъ имѣла». Болѣе любопытныхъ князь отсылалъ къ печатной книгѣ объ Оксфордѣ.

Пробывъ въ путешествіи 18 дней, 8 Мая князь возвратился въ Лондонъ.

И въ силу своего положенія, и вслѣдствіе своей общительности, князь Б. И. Куракинъ, живя въ Лондонѣ и путешествуя по его окрестностямъ, естественно, долженъ былъ входить въ соприкосновеніе съ первенствующими лицами Англіи начала XVIII в., что́ и сказалось въ его отзывахъ о нихъ, иногда чрезвычайно характерныхъ. Въ то время самымъ выдающимся лицомъ въ политической жизни Англіи былъ герцогъ Мальборо.

Въ Генварѣ 1711 г. онъ пріѣхалъ изъ Голландіи въ Лондонъ и здѣсь видѣлся нѣсколько разъ съ Куракинымъ, котораго нерѣдко навѣщалъ. По наблюденіямъ князя герцогъ былъ на сторонѣ Швеціи и Турціи. Хотя онъ былъ вигъ, но когда увидалъ свое паденіе, то прислалъ королевѣ письмо изъ Голландіи, въ которомъ говорилъ, что внутренно всегда былъ тори. Эта партія или, какъ Куракинъ ее называлъ «нынѣшняя шайка», намѣрена была принять герцога къ себѣ въ сообщеніе, только «съ отнятіемъ прежней ауториты». Однако, когда Мальборо пріѣхалъ въ Англію, то, хотя отъ своей партіи и «принятъ былъ совсякимъ аппдаузомъ» (рукоплесканіями), но пріѣзжаго гостя въ консиліи (думалъ князь) «мало станутъ принимать»; это потому, что ему трудно было дружить съ тори. Но потомъ Куракинъ замѣтилъ, что «Мальборо, хотя и таетъ, но не минуютъ его къ предбудущей кампаніи (снова назначить главнокомандующимъ); и уже во всѣ совѣты онъ позванъ и всегда есть отъ всѣхъ съ ожиданіемъ»; причина этого лежала въ томъ, что на сторонѣ герцога были войско и принцъ Евгеній Савойскій. Герцогъ былъ тонкій политикъ; однажды, находясь у Куракина, онъ разсуждалъ о признаніи Франціей Станислава Польскимъ королемъ, при чемъ упоминалъ и о королѣ Августѣ, но «называлъ его Августомъ безъ Польши». Все это вызвало во мнѣ большое сомнѣніе, замѣчаетъ Куракинъ, «не хочетъ-ли Вирсавіи (Франціи) послѣдствовать»? Въ Февралѣ Мальборо снова хотѣлъ уѣхать въ Голландію, потому, что «Французскія заворошки и здѣшніе клопы ему не давали покоя», какъ онъ говорилъ Куракину. О его паденіи князь сообщалъ Матвѣеву, что герцогъ, «взявъ ключъ у своей супруги на видъ всѣхъ ея саржей (должностей), имѣющихъ при дворѣ, и отнесши до королевы, возблагодаря, отъ нея презентовалъ». Въ политическихъ бесѣдахъ съ Куракинымъ онъ былъ всегда остороженъ, уклончивъ, ограничивался «генеральными терминами», потому что былъ внутреннимъ другомъ Швеціи. Не даромъ Матвѣевъ, по поводу одной изъ такихъ бесѣдъ, въ которой Мальборо прикровенно шелъ противъ Россіи, замѣтилъ въ письмѣ къ Куракину: «сей дукъ при своемъ паденіи еще скорпіоновымъ хвостомъ въ той своей фебрѣ не минулъ насъ язвить *)». Всѣ эти отзывы какъ нельзя болѣе согласны съ тѣмъ представленіемъ объ умной, но нравственно шаткой личности Мальборо, какъ она выяснилась въ историческомъ пониманіи.

Болѣе симпатичные отзывы Куракинъ даетъ о другихъ государственныхъ дѣятеляхъ Англіи начала XVIII в. Такъ первый фаворитъ Гарлей, съ которымъ князь имѣлъ доброе обхожденіе, былъ человѣкъ

*) Архивъ IV, 283, 288, 302, 322, 385; II, 343—344 и др.

ума великаго; Куракину казалось, что этотъ изрядный мужъ умомъ всѣхъ превзошелъ. Особенно тепло отзывался Куракинъ о ст.-секретарѣ С. Джонѣ, знаменитомъ впослѣдствіи министрѣ иностранныхъ дѣлъ Болинброкѣ, заключившемъ Утрехтскій миръ. По словамъ князя, онъ имѣлъ наибольшій повоеръ (власть) во всѣхъ дѣлахъ. Это старый пріятель Датскаго посланника Розенкранца къ Россіи относился особенно благосклонно и не только въ генеральныхъ терминахъ, но и партикулярныхъ. Куракинъ большею частію получалъ отъ него прямые отвѣты, даже секретнаго характера, какіе по своему положенію завѣдывавшаго дѣлами «имперіи» и члена Тайнаго Консилія Болинброкъ могъ бы и не давать. Въ письмѣ къ Матвѣеву Куракинъ называлъ его Св. Иваномъ [1]). Съ похвалою отзывался князь и о Розенкранцѣ, какъ человѣкѣ, всегда готовомъ на услуги въ общемъ дѣлѣ; для князя это былъ хорошій другъ; его отъѣздъ изъ Лондона вызвалъ въ Куракинѣ сожалѣніе, но съ другой стороны и надежду, что въ Копенгагенѣ Розенкранцъ, хорошо освѣдомленный въ Сѣверныхъ дѣлахъ, можетъ быть полезенъ для Сѣвернаго Союза. Какъ на сторонниковъ Шведской партіи, среди вліятельныхъ лицъ Лондона, Куракинъ указывалъ на епископа Робинсона, бывшаго Англійскаго посла въ Швеціи, и на герцога Шросбури, оберъ-камергера королевы Анны [2]).

Согласно инструкціи и совѣтамъ Матвѣева князь особенно долженъ былъ слѣдить за Витвортомъ, который въ бытность Куракина въ Лондонѣ жилъ въ Англіи и дожидался новыхъ инструкцій для дѣлъ въ Россіи. Но всѣ старанія Куракина завязать сношенія съ Витвортомъ въ первое время пребыванія въ Лондонѣ были напрасны: Витвортъ таился отъ него и обманывалъ его; недаромъ Куракинъ называлъ его лазутчикомъ [3]). Въ письмѣ къ Матвѣеву Димостикенъ, какъ скрытно называлъ себя самъ князь, совѣтовалъ и Витворта отлучить (какъ Прусскаго посланника Реби) отъ двора; только всему этому воспрещала довѣренность къ Витворту въ Старомъ Ерусалимѣ (Москвѣ) многихъ друзей, чего для князь хотѣлъ ожидать соотвѣтствованія отъ «шатра» (Русскаго двора»). Матвѣевъ соглашался съ Куракинымъ и совѣтовалъ ему подробно доносить о Витвортѣ ко двору, чтобы у насъ своевременно приняты были мѣры противъ посланника. Вскорѣ по пріѣздѣ Куракина въ Лондонъ, носились слухи, что Витвортъ отъѣзжаетъ въ Россію; но уже въ Генварѣ князь сообщилъ Матвѣеву, что посылка Витворта загасла; «и я чаю, сообщалъ Куракинъ, что, не видѣвъ еще новой начатой Азіат-

[1]) Архивъ IV, 213, 214, 288, 239, 332.
[2]) Архивъ IV, 367; III, 294.
[3]) Архивъ IV, 239.

ской комедіи (начавшейся войны Россіи съ Турціей) тотъ вскорѣ не посунется». Едва ли не главною причиною такихъ отзывовъ князя о Витвортѣ, помимо наблюденій надъ его уклончивымъ характеромъ, было сочувствіе Витворта къ Шведамъ, которое до начала Турецкой войны Куракинъ замѣтилъ и вообще въ Англіи въ первыя недѣли своей Лондонской жизни. Съ открытіемъ войны это настроеніе отчасти измѣнилось, или вѣрнѣе понизилось; тогда и Витвортъ началъ прямѣе и искреннѣе относиться къ Куракину. Въ 20 числахъ Февраля князь писалъ Головкину, что Витвортъ отъѣзжалъ въ Россію съ «пленипотенціею», что онъ человѣкъ знающій толкъ въ Сѣверныхъ дѣлахъ, что въ Англіи прилагалъ труды къ интересамъ царя, раздѣляя мнѣніе о необходимости скорѣйшей посылки части Англійскихъ войскъ въ Германію для обезпеченія ея покоя; что онъ отъѣзжалъ также, какъ и другіе послы, безъ всякой отмѣны, въ великой магнифиценціи, съ богатымъ экипажемъ и вещами на счетъ казны королевы (одинъ серебряный сервизъ, данный ему королевою, съ ея гербомъ, стоилъ на Московскія деньги 16 тысячъ рублей). Куракинъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что «при остатнихъ разговорахъ Витвортъ явилъ себя склоннымъ къ нашимъ интересамъ *)».

Наблюдая государственныхъ дѣятелей Англіи, князь, естественно, долженъ былъ остановить свое вниманіе на выдающемся явленіи ея политической жизни — парламентскихъ партіяхъ. Въ письмѣ въ Данію къ кн. В. Л. Долгорукову Куракинъ писалъ: «Здѣшняго государства всѣ три королевства, какъ дуки, перы, лорды и шляхетство, и весь простой народъ раздѣляются на двѣ партіи, названіемъ тори и виги, то-есть вышней и нижней церкви; тори—вышняя, а вигъ—нижняя. Вышняя церковь многіе чины церковные содержитъ, одни и тѣже съ католицкими и имѣетъ арцибискуповъ и епископовъ; а нижняя не имѣетъ вышнихъ духовныхъ, токмо министровъ,—это Кальвинская простая церковь. И отъ начала того раздѣленія интересуются (партіями) при дворѣ. И которая партія осилѣетъ, той даютъ перевѣсъ во всѣхъ саржѣхъ (должностяхъ), какъ придворныхъ, такъ военныхъ и другихъ публичныхъ». До прибытія Куракина въ Лондонъ главную роль играла партія виговъ и ея представители: герцогъ Мальборо, милордъ Годольфинъ (казначей) и ст.-секретарь Бойль, которые «деспотично управляли, почему дворъ, видя ихъ самовольство, былъ малконтенъ (недоволенъ); этимъ недовольствомъ воспользовались вожди тори—милордъ Ротчестеръ и Гарлей, возстановившіе значеніе своей партіи, которая отъ времени до времени стала приходить въ народный кредитъ и бо̀льшую силу. Куракинъ замѣтилъ, что между партіями въ Парламентѣ

*) Архивъ IV, 239, 223, 237, 302, 393, 233, II, 351, 353.

происходили «большія конфузіи»; однако несогласіе партій не препятствовало единодушію Англичанъ въ дѣлѣ веденія войны съ внѣшнимъ врагомъ—Французами. По наблюденіямъ князя, партія тори не могла имѣть большой силы за недостаткомъ въ ней богатыхъ людей, которые могли бы содержать «банки». А царю впослѣдствіи Куракинъ докладывалъ, что «нынѣ владѣтельствованная партія тори», хотя себя и утвердила, но слаба, потому что главы этой партіи не умные люди, за исключеніемъ милорда Оксфорда и С. Джона» *). Примѣняясь къ такому политическому состоянію Англіи и вѣрно его оцѣнивая, по крайней мѣрѣ по стольку, по скольку оно за изучаемый нами періодъ выяснено въ исторической наукѣ, Куракинъ сумѣлъ довольно искусно, какъ увидимъ ниже, выполнить возложенныя на него задачи.

Не безучастнымъ наблюдателемъ былъ князь Борисъ Ивановичъ, живучи въ Лондонѣ и тѣхъ великихъ событій, которыя сопровождали войну за Испанское наслѣдство. Зорко присматриваясь къ нимъ, онъ старался отмѣтить все выдающееся, при чемъ нерѣдко высказывалъ оригинальныя сужденія. По наблюденіямъ князя, война велась мѣшкотно; это потому, что хотя и «многое мнѣніе» было о «многоденежствѣ» Англіи, однако страна съ трудомъ могла предбудущую кампанію (1711 года) отправить. Нижній Парламентъ на Испанію и Португалію едва могъ ассигновать полтора милліона фунтовъ стерлинговъ. Англичане сожалѣли, что не заключили мира съ Франціею лѣтомъ 1710 г.; они могли послать не болѣе 4.000 войска въ Испанію. Внутреннія несогласія партій и вражда противъ Мальборо усиливали «конфузію» и настолько, что даже въ Брабантѣ (Испанскихъ Нидерландахъ), гдѣ происходили главныя операціи противъ Франціи, Англичане думали вести войну «дефенсиво, а не офенсиво» (оборонительно). Опасались и того, какъ бы Португалія не отпала отъ великаго аліанса и не вступила въ трактатъ съ Франціею. Союзъ съ Португаліей въ существѣ дѣла былъ безполезенъ для Англіи: «токмо по полумилліона беретъ, а профита ничего». Король Португальскій не былъ склоненъ къ войнѣ; нація болѣе сочувствовала Франціи, чѣмъ Англіи, съ которой она была союзна только страха ради; наконецъ, Португальцы отъ природы не воинственны, край ихъ имѣетъ недостатокъ въ провіантѣ и лошадяхъ; въ немъ великіе жары, «а паче самая ихъ незнаемость не допускаетъ учинить великихъ прогрессовъ». А если бы отпала Португалія, то и Савоя за ней бы послѣдовала. Характерно писалъ Куракинъ Матвѣеву: «Гишпанія такъ перемѣнила здѣсь дѣла, что зе-

*) Архивъ IV, 261, 325, 345, 422 и др.

мецъ конечно намѣренъ искать случая дѣвицу учинить съ роскошникомъ. И уже въ великомъ есть опасеніи отъ заброды и отъ барышника, чтобы при нынѣшнихъ конжюнктурахъ не оставили великій аліансъ» [1]).

О мирѣ съ Франціей сильно заговорили въ Англіи, когда въ Апрѣлѣ узнали о смерти цезаря (Іосифа I). Надо было рѣшить вопросъ о наслѣдствѣ «монархіи Гишпанской», такъ какъ претендентъ Карлъ, за котораго воевала Англія, наслѣдовалъ цезарство. Англичане, по словамъ Куракина, на первыхъ порахъ стали на сторону герцога Савойскаго, хотя этому и мѣшали 1) тотъ пунктъ трактата великаго аліанса, въ силу котораго герцогъ Савойскій наслѣдовалъ Испанскую корону только по пресѣченіи не только мужской, но и женской линіи Австрійскаго дома Габсбурговъ, 2) соображеніе, что Савоя, соединивъ въ своихъ рукахъ Испанію, Ломбардію и Неаполитанское королевство, будетъ черезчуръ сильна, что́ нарушитъ политическое равновѣсіе на Югѣ Европы въ противность интересамъ папы, Венеціи, принцевъ Итальянскихъ, отчасти и имперіи. Къ тому же «не самопріятно» всѣмъ было видѣть въ Испаніи принца, хорошо знавшаго статскія, военныя и экономическія дѣла, какимъ былъ герцогъ Савои [2]). Тѣмъ не менѣе и отлучить герцога отъ наслѣдства было трудно изъ опасенія, что онъ станетъ на сторону Франціи. Вотъ почему Англичане придумывали исходъ—женить принца Савойскаго на архидукессѣ Австрійскаго дома, чтобы такимъ образомъ соблюсти и условія трактата, и успокоить имперію. Въ этомъ смыслѣ Англичане совѣтовали поступать и Голландцамъ: «но господа Голландцы, по словамъ Матвѣева, были больше охотниками сами въ Гишпанскія деньги играть, нежели Итальянской музыки слушать». При измѣнившихся обстоятельствахъ, за смертію Іосифа I, Англичанамъ не было особенной выгоды тянуть войну съ Франціею, тѣмъ болѣе, что эта держава и сама искала мира. Мѣсяца за два до описываемыхъ событій, въ Лондонѣ появился отъ герцога Лоренскаго баронъ Форшнетъ, который подъ видомъ посланника отъ своего принципала, а на самомъ дѣлѣ отъ Франціи, предлагалъ Англіи миръ и, получивъ секретныя условія, выѣхалъ изъ Англіи. Уѣзжая въ Іюнѣ 1711 г. изъ Лондона, Куракинъ былъ убѣжденъ, что «миръ Англіи съ Франціей близится и Гишпанія останется въ рукахъ Филиппа» (претендента Франціи).

---

[1]) Т. е. земецъ, Англія, намѣрена искать случая миръ (дѣвицу) заключить съ прибылью (роскошникомъ); она опасалась шалостей Португаліи (заброды) и барышника (Савои), которая пользовалась войной для своихъ барышей.

[2]) Викторъ-Амедей II, извѣстный своей изворотливой политикой.

Любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ князь и о ходившихъ тогда въ Англіи слухахъ по поводу внутреннихъ дѣлъ Франціи. Въ началѣ Апрѣля умеръ отъ апоплексіи дофинъ, сынъ короля Людовика XIV; ему долженъ былъ наслѣдовать внукъ, старшій сынъ умершаго, герцогъ Беррійскій. «Сего дука, пишетъ Куракинъ, описуютъ портретъ, что онъ есть умору (настроенія) меланхоличнаго, злодѣйственнаго, набожнаго, сердитаго; онъ будетъ содержателемъ правъ своего народа, несклоннаго къ войнѣ, скупымъ и добрымъ экономомъ, несогласнымъ съ своею женою и братьями». Супругѣ герцога за шассію (chasse) грозила опасность монастырскаго заключенія. Брата своего Филиппа онъ не станетъ поддерживать въ Испаніи; ради него не будетъ разорять Францію; герцогъ былъ человѣкомъ настоящаго, умѣлъ «смотрѣть больше кругомъ себя», чѣмъ заботиться о будущемъ. Въ Лондонѣ разсуждали, что такое наслѣдство будетъ не въ пользу Франціи, которая честь, славу и богатство пріобрѣтала путемъ войны, военнымъ искуствомъ, славными генералами превосходила всѣ націи. Съ воцареніемъ «добраго эконома», при наступленіи мирнаго порядка, Французы ниспадутъ такъ, какъ высоко стояли; понеся большія тягости во время войны, станутъ безъ прилежанія относиться ко всему, что́ ихъ прославляло, наблюдая покой, забавы и добрую экономію. Соображая все это, морскія потенціи не были печальны, когда узнали о смерти дофина, Какъ извѣстно, послѣдующая исторія Франціи доказала справедливость сообщаемыхъ Куракинымъ свѣдѣній, за исключеніемъ предсказанія объ экономіи Французовъ *).

Наблюдая окружавшихъ людей и текущія событія въ Лондонѣ, князь въ тоже время часть своего досуга посвящалъ исполненію частныхъ порученій. Въ «угодность» Матвѣеву, онъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ. заказалъ табакерку, лучшую изъ всѣхъ имъ видѣнныхъ, цѣною отъ 9—12 гиней, которую онъ потомъ и отправилъ къ Матвѣеву съ милордомъ Пигербургомъ, отъѣзжавшимъ въ Савойю. Съ Витвортомъ, когда онъ въ Апрѣлѣ уѣхалъ въ Россію, Куракинъ отправилъ Матвѣеву часы за 17 фунтовъ стерлинговъ, собачку за 1½ гинеи, сидру шесть дюжинъ полубутылокъ (яблочнаго вина) и секъ - кенарія (сухого вина съ Канарскихъ острововъ) шесть дюжинъ и пять полубутылокъ. Кромѣ того обѣщался послать золотую коробочку; а о винѣ просилъ отписать, что если оно угодно будетъ Матвѣеву, то и на будущее время онъ, князь, будетъ брать его у «того же мужика». Когда Петръ задумалъ ввести законъ о единонаслѣдіи, то поручилъ чрезъ Головкина

*) Архивъ IV, 27, 231, 277, 280—281, 300, 344, 382, 403, 414, 421; II, 354.

Куракину собрать всѣ существовавшіе въ Англіи законы о правахъ наслѣдства и раздѣлахъ его, какъ «знатнѣйшихъ княжескихъ, графскихъ, шляхетскихъ, такъ и купеческихъ фамилій». Куракинъ собралъ столько книгъ, что ихъ за тяжестію не приняли на почтѣ, такъ что пришлось отправить тюки товаромъ чрезъ Архангельскъ на корабляхъ. По порученію царицы Шафировъ просилъ князя найти въ Англіи такого мастера, который бы сдѣлалъ четыре портрета царя на финифтѣ, похожіе на тѣ, которые Стельсъ переслалъ въ Россію брату своему Андрею. «Персоны» надо было сдѣлать спѣшно и отправить въ Россію. Кромѣ того, просилъ Шафировъ, прислать ему часы «солнечные, круглые, безъ компаса, въ образъ кольца, добраго мастерства», чтό все и исполнилъ Куракинъ [1]).

Съ Шафировымъ князь находился не столько въ оффиціальныхъ, сколько въ дружескихъ отношеніяхъ, чтò видно и изъ переписки его по дѣлу объ устройствѣ воспитанія князя Александра Борисовича, которому шелъ уже 14-й годъ. Попытка Куракина помѣстить сына въ Вольфенбютельской Академіи, о чемъ князь хлопоталъ, какъ мы видѣли, въ бытность свою въ Ганноверѣ [2]), не удалась главнымъ образомъ потому, что княжича Александра задерживали родные въ Москвѣ. Уже вскорѣ, по пріѣздѣ въ Англію, князь писалъ А. Ѳ. Лопухину, чтобы онъ немедленно отправилъ сына въ Англію чрезъ Польшу; «а мѣшкать до кораблей (письмо писалось 30 Ноября) не слѣдъ. За великую себѣ болѣзнь то приму, если задержите отправку, писалъ князь, и его весьма отлучу своего благословенія; чего для симъ упреждаю, храня себя отъ большихъ бѣдъ, чтобы не молвлено было, что держитъ на Москвѣ» (т. е., чтобы не было подозрѣній со стороны Петра). Однако плохо слушали князя въ его собственномъ домѣ; 8 Декабря онъ вынужденъ былъ писать Шафирову, чтобы онъ своимъ указомъ въ домъ князя на Москвѣ приказалъ отправить Александра «безъ мочтанія» за границу чрезъ Польшу. Иного способа «въ преслушаніи своихъ домовныхъ» Куракинъ не находилъ, какъ только просить Шафирова. Чрезъ Польшу князь находилъ поѣздку зимой болѣе безопасною, чѣмъ чрезъ другія мѣста, въ виду послѣдствовавшей моровой язвы. 22 Декабря Куракинъ повторительно просилъ Шафирова, чтобы онъ указомъ чрезъ секретаря изъ посольской канцеляріи приказалъ сыну ѣхать въ Англію; «со стыдомъ сознать, писалъ князь, что мои домовные сына моего ко мнѣ не отправили и не отправляютъ» [3]). Эти настойчивыя требованія князя,

---

[1]) Архивъ II, 355; IV, 223, 303, 396, 416 и др.

[2]) Русскій Архивъ 1905, кн. 3, стр. 418.

[3]) На сколько домовные князя слабо исполняли его волю, видно и изъ того, что управляющій Куракина, Ф. Губастовъ не присылалъ ему никакихъ извѣстій о домѣ. Князь писалъ ему, требуя извѣстій, сухо и гнѣвно. Архивъ IV, 241, 243.

кажется, возымѣли свое дѣйствіе: въ половинѣ Февраля и началѣ Марта 1711 г. Куракинъ писалъ князю И. Б. Львову, наблюдавшему за Русскими навигаторами въ Голландіи, что если сынъ при немъ пріѣдетъ, то онъ привезъ бы его въ Англію или самъ, или отправилъ чрезъ пакетботъ съ дядькою и Татариномъ и чтобы отправилъ инкогнито, «чего для, писалъ князь, мнѣ отъ убытковъ, кромѣ него, тошно». При этомъ Куракинъ просилъ Львова, чтобы въ ожиданіи пакетбота, онъ держалъ сына въ Ротердамѣ, а не въ Гагѣ или Амстердамѣ; въ Гагѣ онъ приказывалъ навѣстить только Матвѣева.

Въ концѣ Марта 1711 г. князь писалъ Матвѣеву, что Александръ уже пріѣхалъ въ Силезію и чрезъ нѣсколько дней прибудетъ въ Голландію. Куракинъ просилъ Матвѣева отправить его сына въ Англію, подъ именемъ Луки Панова, и спрашивалъ совѣта, какъ поступить въ дѣлѣ воспитанія. Въ Англіи, говорилъ князь, «между такою націею, нельзя держать сына; мое намѣреніе то, чтобы возвратить его въ Голландію, поселить въ Антверпенѣ, дабы среди благочестивой націи быть уединенну. Я бы желалъ изъ Нѣмецкой націи найти добраго человѣка, который былъ бы гофмейстеромъ и учителемъ сыну, а не филя, зналъ Нѣмецкій и Латинскій языки; жалованья ему могу обѣщать отъ 150—250 ефимковъ въ годъ, а пить и ѣсть съ сыномъ. Другое мое намѣреніе то, чтобы помѣстить сына въ Лейденѣ, у добраго Нѣмца, на полномъ содержаніи, какъ жили князья Троекуровы (дѣти князя Ив. Борисовича); если бы такой случай нашелся, то такое устройство было бы самымъ лучшимъ для практики въ языкахъ». Матвѣевъ совѣтовалъ и раньше помѣстить сына въ Утрехтѣ; на это Куракинъ отвѣчалъ, что никогда не посадитъ его тамъ, за множествомъ земцевъ *). Правда, соглашался князь, Утрехтъ мѣсто изрядное, «но только вся Голландія мнѣ противна». Въ виду этого, позднѣе, князь думалъ помѣстить сына или въ Брабантѣ, или въ Имперіи.

Изъ Силезіи Александръ ѣхалъ съ двоpяниномъ Войновскимъ; по этому въ Апрѣлѣ князь просилъ Матвѣева, что если бы нашелся въ Голландіи гофмейстеръ, то его отправить особо въ Англію и съ уговоромъ, если понравится князю, а Войновскому и вида не подавать, что пріискивается сыну особый педагогъ. Позднѣе Куракинъ болѣе точнымъ образомъ опредѣлилъ свои взгляды на воспитаніе сына за границей. Въ концѣ Мая онъ писалъ, вѣроятно, Матвѣеву, что намѣренъ держать Александра въ Лейденѣ до Октября, а потомъ «для лучшаго акцента» перевести его въ Саксонію и помѣстить въ Галѣ, чему препятствовало весною моровое повѣтріе. А во время пребыванія въ

*) Такъ Куракинъ называлъ сторонниковъ совѣщательныхъ формъ правленія.

Лейденѣ молодой князь долженъ былъ изучать языки Нѣмецкій и Латинскій, въ нѣкоторые дни недѣли танцовальное мастерство, дабы научился кланяться, прямо держать корпусъ и ходить, и зналъ хотя «одинъ менуветъ». Помѣстивъ его въ семью добраго Нѣмца, князь желалъ, чтобы сынъ съ опредѣленнаго мѣста никуда не ѣздилъ, чтобы въ пищѣ ему было нѣкоторое деликатство, чтобы «призиратель, у кого въ домѣ будетъ поставленъ, не рыбою его по-голландски кормилъ». Гофмейстеру теперь князь обѣщалъ плату отъ 200—800 ефимковъ. Куракинъ желалъ, чтобы въ Лейденѣ сына его хотя изрѣдка навѣщалъ состоявшій при посольствѣ Матвѣева, Люд. Ланчинскій.

Когда въ Іюнѣ Куракинъ уѣхалъ въ Россію, то наблюденіе за прибывшимъ въ Голландію сыномъ поручилъ своему, «вѣчно облигованному слугѣ», Б. В. Оладьину. Сей послѣдній писалъ Куракину въ Іюлѣ мѣсяцѣ, что молодой князь живетъ въ Лейденѣ, находится въ добромъ здоровьи, хорошо учится, прилеженъ. «По отъѣздѣ вашемъ, сообщалъ Оладьинъ, я былъ у него трижды и всегда находилъ въ ученьи. Нанялъ ему человѣка-Нѣмчина и съ языкомъ Латинскимъ; ему ряжено въ годъ 50 гульденовъ, да кормовыхъ на каждую недѣлю 3½ гульдена; платье все его; кажется, служитъ хорошо». Куракинъ приказывалъ Оладьину при отъѣздѣ, чтобы онъ нанялъ квартиру для княжича возможно дешевую и съ дешевою пищею; Оладьинъ отвѣчалъ, что дешевую пищу можно найти только въ ординаріи (гостинницѣ). «Хозяину, сообщалъ Оладьинъ, я сказалъ, чтобы экстры безъ денегъ ничего не давалъ, что того не будетъ плачено; а за прежнюю экстру заплатилъ 13 гульденовъ 5 штиверовъ. Портомоя подряжена по 4 гульдена на четверть года». Оладьинъ замѣтилъ, что молодой князь изучалъ географію, которую всѣ студенты знаютъ; для этого предмета не было надобности нанимать особаго учителя. Равнымъ образомъ Оладьинъ не совѣтовалъ нанимать и особаго танцмейстера, «чтобы онъ не убавилъ прилежности къ ученью. А ежели для забавы, то, кажется, по сіе время, наукою и житьемъ своимъ не скучаетъ». Оладьинъ сообщилъ, что вообще А-ръ Борисовичъ «въ ученьи имѣетъ профитъ немалый, что онъ не зѣло скучалъ и все при себѣ имѣлъ прибрано».

Добрый Нѣмчинъ, нанятый Оладьинымъ за 50 гульденовъ, конечно, не могъ отвѣчать намѣреніямъ князя, желавшаго дать сыну возможно широкое Европейское образованіе. Въ проѣздъ свой изъ Лондона въ Россію чрезъ Голландію, Куракинъ видѣлся съ гувернеромъ дѣтей князя Троекурова, Французомъ д'Ормонсономъ (вѣроятно Гугенотомъ, бѣжавшимъ изъ Франціи за протестъ противъ религіи и короля). Такъ какъ князья Троекуровы отправлялись въ море для изученія навигаціи и Ормонсонъ оставался безъ дѣла, то его и рекомендовали вниманію

Куракина въ качествѣ гувернера. Князь поручилъ собрать о немъ справки Ѳ. Веселовскому, находившемуся тогда въ Утрехтѣ, и Оладьину. Оба они доносили Куракину, что Ормонсонъ, «человѣкъ зѣло искусный, умный, ученый и достоинъ губернаторства вашего сына»; но при этомъ Оладьинъ добавлялъ, что если бы молодому княжичу пришлось жить во Франціи (куда предназначался въ качествѣ посла Куракинъ-отецъ) то Ормонсонъ согласенъ былъ съ нимъ ѣхать, только съ Московскимъ паспортомъ. «Это подаетъ мнѣ сумнѣніе» писалъ Оладьинъ Куракину; обыкновенно такіе ученые, объявляя свой умъ въ сочиненіяхъ противъ короля и религіи и злобствуя на изгнателя, бываютъ подозрительны. Поэтому Оладьинъ опасался, какъ бы д'Ормонсонъ во Франціи не былъ арестованъ. Самъ Ормонсонъ уже въ Августѣ льстиво писалъ Куракину изъ Утрехта, что отправка въ море любезныхъ князей Троекуровыхъ лишила его возможности закончить ихъ воспитаніе сообразно ихъ происхожденію; «но я льщу себя надеждою, что Божественный Промыселъ хочетъ меня утѣшить въ этой чувствительной потерѣ самымъ благопріятнымъ образомъ, приведя ко мнѣ его свѣтлость вашего сына въ обществѣ его сіятельства графа Головкина (молодого), желавшаго почтить своимъ посѣщеніемъ моихъ князей. Въ продолженіе тѣхъ сутокъ, которыя я имѣлъ счастіе провести съ ними, я имѣлъ счастіе замѣтить въ князѣ, вашемъ сынѣ, богатые задатки къ усвоенію блестящаго воспитанія, и въ тоже время я узналъ, что ваша свѣтлость поручили нѣсколькимъ своимъ друзьямъ пріискать гувернера, способнаго развить такія счастливыя способности. Я льщу себя надеждой, что ваши друзья охотно присоединятъ свою рекомендацію къ той смѣлости, съ какой я предлагаю вамъ свои всенижайшія услуги для этого столь почетнаго и благороднаго занятія, которому я желаю посвятить себя со всѣмъ постоянствомъ, доступнымъ моему усердію и способностямъ. При этомъ я не имѣю въ виду другой награды, какъ заслужить своимъ трудомъ вашу благосклонность и вліятельное покровительство въ Москвѣ, гдѣ я имѣю намѣреніе докончить свои дни». Далѣе д'Ормонсонъ сообщалъ Куракину, что онъ, по вопросу о расходахъ, потребныхъ на воспитаніе молодого князя, на основаніи личнаго опыта, пріобрѣтеннаго во время путешествій по Франціи, Италіи, Германіи и Англіи, точно бы ихъ могъ опредѣлить, если бы зналъ, гдѣ собственно князь хотѣлъ воспитывать своего сына. Англія, по мнѣнію Ормонсона, была страна весьма неблагопріятная для полученія хорошаго воспитанія; въ Парижѣ пришлось бы много тратиться; не менѣе 300 дукатовъ слѣдовало бы издержать на содержаніе воспитанника. Дешево и удобно можно было бы устроиться въ Блуа, Турѣ и Сомюрѣ, самыхъ просвѣщенныхъ и нравственныхъ городахъ Франціи, «если исключить мѣстопребываніе двора»;

въ нихъ можно найти хорошихъ учителей. «Что же касается языковъ Латинскаго и Французскаго, древней и новой географіи, исторіи и тѣхъ христіанскихъ вопросовъ философіи, которые наиболѣе всего приличны знатному лицу, а также морали, политики и прочихъ наукъ, то все это, писалъ Ормонсонъ, было бы цѣлью моихъ личныхъ постоянныхъ занятій. Преподаваніе было бы притомъ самымъ легкимъ и занятнымъ, такъ что сынъ вашъ выучился бы всему этому, какъ бы шутя. Я бы могъ также обучить его стрѣлять, охотиться и управлять лошадью, за исключеніемъ тонкостей манежной ѣзды». Языкамъ Ормонсонъ обѣщалъ учить князя по легкой и сокращенной методѣ, употреблявшейся при обученіи принцевъ королевскаго Французскаго дома; все образованіе закончить путешествіемъ въ Италію для изученія языка этой страны. Что до личнаго вознагражденія, то Ормонсонъ говорилъ князю, что онъ не корыстолюбивъ; что онъ желалъ бы только получить 400 флориновъ на путешествія. Что̀ до содержанія своей семьи, жены и двухъ маленькихъ дѣтей, которыхъ Ормонсонъ хотѣлъ переправить въ Москву, то все это поручалось опредѣлить щедрости князя Куракина. Это письмо д'Ормонсона было характерно въ томъ отношеніи, что имъ намѣчалось уже въ Петровскую эпоху то направленіе, какое было господствующимъ въ воспитаніи молодыхъ Русскихъ дворянъ въ послѣдующее время.

Указанными заботами и ограничилось участіе Куракина въ воспитаніи сына въ період пребыванія въ Англіи. Хотя молодого князя и пришлось помѣстить въ «противной Голландіи», но для отца важно было уже и то, что сынъ жилъ и учился за границей, былъ оторванъ отъ Москвы и готовился къ жизни и дѣятельности въ обновляемой Петромъ Россіи.

Помимо сына, князь принималъ участіе въ судьбѣ и другихъ лицъ, обращавшихся къ нему за покровительствомъ и содѣйствіемъ. Былъ въ то время въ Римѣ М. В. Волковъ, впослѣдствіи президентъ Коллегіи - Экономіи. Во время своего посольства къ папѣ Клименту XI, Куракинъ отыскалъ Волкова въ Римѣ и пристроилъ его къ занятіямъ науками. Онъ изучалъ философію на Латинскомъ языкѣ и др. предметы. Когда князь находился въ Лондонѣ, то Волкову оставалось еще жить въ Римѣ и заниматься науками пять лѣтъ. Перспектива такой продолжительной жизни на чужбинѣ не нравилась Русскому ученику, и онъ просилъ теперь Куракина походатайствовать за него предъ государемъ о возвращеніи на родину, выставляя предлогомъ сообщить царю «нѣкія надлежащія для него вещи». Но Волковъ не зналъ, говорилъ ли раньше о немъ Петру Куракинъ; поэтому и просилъ князя, «простираяся до его княжихъ и благороднѣйшихъ ножекъ», сообщить ему, можетъ ли онъ послать царю именную сказку о томъ, какой онъ

человѣкъ, гдѣ пребываетъ, и для чего. Между покровителемъ-княземъ и его кліентомъ была настолько тѣсная связь, что Волковъ не осмѣливался ничего предпринять безъ воли перваго и его указа.

Особое покровительство оказывалъ князь своему секретарю, Ө. Веселовскому, который тяготился своимъ пребываніемъ въ Англіи. Веселовскій поѣхалъ изъ Москвы за тѣмъ, чтобы ему, «бывъ въ Европѣ, съ плодомъ поворотиться и быть при такомъ мѣстѣ, гдѣ бы могъ, по своему намѣренію, всему въ придворныхъ и политическихъ дѣлахъ научиться». Въ Англіи Веселовскій этого сдѣлать не могъ «за оскудѣніемъ дѣлъ и за многими другими случаями», поэтому и просился къ Урбиху, въ Вѣну. Рекомендуя по этому случаю своего секретаря Шафирову, Куракинъ отзывался о немъ съ великою похвалою и говорилъ, что Веселовскій за свое умное поведеніе достоинъ «всякаго блага и удовольствованія». При этомъ князь говорилъ Шафирову, что хлопоты его о Веселовскомъ исключительно объясняются желаніемъ сдѣлать ему добро, а не недоразумѣніями какими-либо, какъ бы могъ подумать Шафировъ. Позднѣе и Веселовскій, проживая въ Утрехтѣ и дожидаясь Урбиха въ Голландіи, куда онъ переводился изъ Вѣны *), писалъ Куракину, что онъ не достоинъ его милостей, что всюду, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ будетъ охранять интересы князя и свидѣтельствовать о его достоинствѣ, для прославленія его имени, славы и чести, и что это не «ласкательныя» только слова въ устахъ Веселовскаго: князь самъ зналъ, что лесть противна его натурѣ, а выраженіе истинныхъ чувствъ благодарности и уваженія къ князю, о достоинствахъ котораго свидѣтельствуютъ и другіе умные люди. Кажется, на мѣсто Веселовскаго, въ проѣздъ свой чрезъ Голландію, Куракинъ приглашалъ Ланчинскаго, который съ великою радостію принималъ его протекцію, опасаясь только того, что онъ никогда «досточестно», своею службою, не оправдаетъ выраженнаго къ нему довѣрія со стороны князя.

Изученіе жизни Англіи, ознакомленіе съ ея выдающимися представителями, сношенія по частнымъ дѣламъ, хлопоты объ устройствѣ сына и другихъ лицъ — всё это было второстепеннымъ занятіемъ Куракина въ Лондонѣ; главнѣйшимъ дѣломъ—было дѣло политики. Хотя князь и писалъ Шафирову въ рекомендательномъ письмѣ о Веселовскомъ, что въ Англіи было оскудѣніе политическихъ дѣлъ, но это скорѣе можно отнести не къ дѣйствительному положенію вещей, а къ тому не-

---

*) Къ великому неудовольствію Голландцевъ и союзныхъ министровъ, которые „нѣкогда были отъ него озлоблены“, какъ писалъ Оладьинъ Куракину. Архивъ IV, 430. Въ IV томѣ находятся и свѣдѣнія объ А. Борисовичѣ, Волковѣ и Веселовскомъ и, кромѣ того, т. II, 356.

довѣрію, съ которымъ относилось министерство иностранныхъ дѣлъ Англіи къ чужестраннымъ министрамъ, по возможности оберегая отъ нихъ свои секреты, или къ тому, что производствомъ большей части дѣлъ занимался самъ князь, а не его секретарь. Дѣйствительно Куракину приходилось много работать для предостереганія интересовъ Россіи въ странѣ, самой важной по своему политическому значенію, и работать не безъ препятствій. Мы не говоримъ о тѣхъ, которыя вытекали изъ недовѣрчиваго къ Россіи отношенія Англіи, поддерживавшей Швецію, изъ новости положенія князя и под.; ихъ Куракинъ зналъ, съ тѣмъ и ѣхалъ, чтобы съ ними бороться. Мы разумѣемъ тѣ, съ которыми встрѣтился князь уже по пріѣздѣ въ Лондонъ и которыя не были предусмотрѣны его инструкціями и наказами. Прежде всего, когда князь пріѣхалъ въ Англію, то оказалось, что кредитивъ его былъ не полонъ: князь былъ только посланникъ, а не посолъ; у него не было пленипотенціи [1]). Поэтому, хотя во внѣшнихъ сношеніяхъ съ Куракинымъ ему и отдавали почтеніе сравнительно съ другими посланниками, но въ дѣлахъ не считались съ нимъ, какъ съ значительною величиною и съ его представленіями. Вотъ почему князь вскорѣ, по пріѣздѣ въ Лондонъ (24 Ноября), писалъ Головкину, чтобы прислана была ему полномочная «для большей ауториты», опираясь на которую, онъ могъ бы не упускать нужныхъ случаевъ, когда не будетъ времени описываться ко двору; при такой полномочной, писалъ Куракинъ, мои протестаціи и меморіалы были бы дѣйствительны, какъ и отъ министровъ съ характеромъ. При этомъ князь заявлялъ Головкину, что безъ крайней нужды онъ не будетъ показывать новой полномочной Англійскому двору, равно, опираясь на нее, безъ сношенія съ дворомъ никакихъ трактатовъ заключать не будетъ. Иначе, говорилъ князь, на мои предложенія въ Парламентѣ могутъ и не дать письменнаго отвѣта. Новая полномочная прислана была въ Генварѣ, но Куракинъ подалъ ее только предъ отъѣздомъ въ Россію по дѣлу о содержаніи Англіею обязательствъ нейтральства въ Германіи [2]).

---

[1]) Въ кредитивѣ Куракина было сказано: „яко нашего публичнаго министра“, но не прибавлено—„полномочнаго“, IV, 229.

[2]) Куракинъ жаловался и вообще на невнимательное отношеніе къ себѣ Иностранной Коллегіи. Онъ просилъ Головкина не задерживать указовъ по Англійскимъ дѣламъ, такъ какъ и пріѣхалъ въ Англію за тѣмъ, чтобы предостерегать интересы Россіи и чтобы въ отлученіи отъ дѣлъ не быть внѣ кредита. IV, 230. На „президу“ Головкина жаловался и Матвѣевъ, который писалъ Куракину, что, напр., Карловицкаго договора и другихъ ему не сообщали, такъ что онъ самъ принужденъ былъ ихъ списывать. IV, 329. О недовольствѣ Куракина Головкинымъ говоритъ и то, что первый въ письмахъ къ Матвѣеву называлъ канцлера (отличившагося нерашливостію) иронически „красавцемъ“. 215. О полномочной см. II, 36.

Отсутствіе полномочной дѣлало то, что, напр., Квинсберри, ст.-секретарь Сѣверныхъ дѣлъ, отписывался съ Куракинымъ какъ бы «властнымъ указомъ» и такъ его трактовалъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось Россіи, но и въ спеціально Англійскихъ дѣлахъ. Такъ случилось, когда въ Лондонѣ разбиралось дѣло объ оскорбленіи на Москвѣ посольскихъ слугъ Витворта. Это событіе, до нѣкоторой степени охлаждавшее отношеніе Англійскаго двора къ Куракину, какъ представителю Россіи, заключалось въ слѣдующемъ. 24 Сентября 1710 г. Московскій губернаторъ, князь Гагаринъ поручилъ майору Протасову въ Новонѣмецкой слободѣ и на Чистыхъ прудахъ слѣдить за тѣмъ, чтобы плѣнные Шведы не приходили къ иноземцамъ. Въ то время, когда Протасовъ былъ на Чистыхъ прудахъ, по его порученію, урядникъ Лачугинъ отправился въ Нѣмецкую слободу, гдѣ перехватывалъ Шведовъ и отправлялъ ихъ на съѣзжій дворъ. Въ это время онъ увидалъ, что къ Лютеранскому костелу ѣхали два иноземца. Одинъ изъ нихъ назвался просто иностранцемъ, а другой, поворотя, поскакалъ къ Москвѣ; перваго задержали и взяли съ лошадью на Съѣзжій дворъ. Это былъ парикмахеръ Джонъ Морицъ, не то Французъ, не то Англичанинъ по рожденію [1]), пять лѣтъ жившій въ Лондонѣ и затѣмъ пріѣхавшій въ Россію, дабы «услуговать Англійской націи». Бывшій на Съѣзжемъ дворѣ капралъ Кипріановъ, по просьбѣ Морица, ходилъ съ нимъ къ его хозяину, а когда они возвратились, то на съѣзжій дворъ пріѣхали два иноземца, которые хотѣли отбить у караульнаго солдата лошадь Морица, били солдата и, вынувъ шпагу, хотѣли заколоть. Тогда Лачугинъ приказалъ ихъ задержать до пріѣзда майора. Послѣдній, когда пріѣхалъ, приказалъ отвести иноземцевъ, согласно инструкціи, въ Сибирскій Приказъ, откуда они были выпущены въ тотъ же день. Выпущенные, дойдя до воротъ, поворотили назадъ, сняли съ себя шпаги и бросили ихъ на земь.

Такъ объясняли дѣло Русскіе. Но иначе освѣтилъ его секретарь Англійскаго посольства, Вейсбродъ. По его словамъ, солдаты вообще нападали на иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, подъ предлогомъ, что они Шведы, и съ желаніемъ выманить у нихъ деньги. На Морица у Лютеранской кирки [2]) напало 12 человѣкъ. Когда онъ съ лошадью приведенъ былъ въ съѣзжій домъ, то майоръ называлъ его Шведомъ, шпіономъ и мошенникомъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Протасовъ пошелъ обѣдать, парикмахеръ уговорилъ, чрезъ посулъ, одного солдата

---

[1]) По словамъ Англичанъ—Французъ, по указу Петра—Англичанинъ. IV, 352.

[2]) По словамъ Витворта въ меморіалѣ Куракину, на дворѣ посольства, что невѣрно. Архивъ III, 279, IV, 307.

проводить его до дома Англійскаго посла, гдѣ Морицъ хотѣлъ найти свидѣтелей того, что онъ не Шведъ. Ему удалось уговорить двухъ лицъ изъ людей посла, изъ коихъ одинъ былъ кузнецъ. Когда они возвратились на съѣзжій дворъ, то здѣсь Русскіе начали ихъ ругать ворами и мошенниками, а Морица стали бить шпажными ефесами досиня. Но за него вступился кузнецъ, за что его, въ свою очередь, такъ исколотили шпагами по лицу, что оно распухло. Обороняясь, кузнецъ положилъ руку на ефесъ своей шпаги, грозя вынуть ее для защиты. Въ это время пришелъ майоръ, который ругалъ служителей посольства мошенниками... сынами и другими скаредными словами. Когда же кузнецъ замѣтилъ ему, что Великобританскій посолъ не держитъ у себя мошенниковъ и что онъ оскорбляетъ ливрею, то майоръ, плюнувъ, отвѣтилъ: «Я-де не смотрю ни на посла, ни на его ливрею»,—а кузнецу грозилъ вѣсилицею. Послѣ того всѣхъ иностранцевъ отвели въ Сибирскій Приказъ, гдѣ ихъ снова ругалъ подъячій Жихаревъ. Когда Вейсбродъ узналъ обо всемъ этомъ дѣлѣ, то отправился къ майору спросить, на какомъ основаніи арестовалъ онъ его служителей; на что Протасовъ ложно и фальшиво отвѣтилъ, что кузнецъ вынималъ шпагу и ранилъ нѣкоторыхъ изъ его солдатъ. Когда же Вейсбродъ потребовалъ освобожденія арестованныхъ, то майоръ не согласился на это, сказавъ, что непристойно ихъ освобождать. И только на слѣдующее утро, и то по настоянію Англійскаго консула въ Москвѣ—Гудфелло, арестованные были отпущены на свободу. Обо всемъ этомъ дѣлѣ Вейсбродъ донесъ герцогу Квинсберри, написалъ Витворту, Шафирову, а въ Москвѣ князю Гагарину, который, однако, старался затормозить дѣло, такъ какъ былъ предубѣжденъ лживыми донесеніями майора. Въ виду того, что майоръ и солдаты его «чрезъ дерзновенное арестованіе Великобританскаго посла служителей и безчестное лаю и злое трактованіе оныхъ боемъ» не только всенародное право завѣдомо переломили, но, унижая характеръ посла, оскорбили королеву и дружбу обоихъ государствъ хотѣли разорвать, Вейсбродъ потребовалъ сатисфакціи, которая должна была состоять въ томъ, чтобы 1) майоръ и его солдаты были арестованы, 2) майоръ былъ казненъ, 3) солдаты прогнаны чрезъ шпитруценты и подвергнуты вѣчной ссылкѣ на галеры, 4) подъячій Жихаревъ былъ примѣрно наказанъ. Кромѣ того, въ виду постоянныхъ ссылокъ Русскихъ на незнаніе международныхъ правъ, 5) распубликованія Петромъ закона, предупреждавшаго подобные случаи. Свои требованія Вейсбродъ основывалъ на притязаніяхъ Русскаго посла въ Копенгагенѣ, который предъявлялъ Датскому правительству такія же условія сатисфакціи, когда служителя его свиты оскорблены были матросами. Выставляя свои условія, Вейсбродъ сознавался, что они чрезвы-

чайны, «но лица, знающіе Русскіе нравы, говорилъ онъ, не осудятъ меня: безъ извѣстнаго рода публичнаго удовлетворенія здѣсь житья не будетъ» *). Впрочемъ Вейсбродъ, подавъ Русскому правительству свои заявленія въ особой меморіи, согласился, по просьбѣ Гагарина, взять ее обратно до полученія инструкцій отъ двора и чтобы не доводить дѣла до царя; при этомъ соглашался и на смягченіе участи обвиняемыхъ, согласно предложеннымъ отъ Русскихъ условіямъ, которыя состояли въ томъ, чтобы майора лишить должности; капрала, взявшаго деньги, сослать на каторгу; солдатъ, бившихъ кузнеца, заковать въ кандалы, а писаря, бить батогами. Принявъ эти условія ad referendum, Вейсбродъ, все-таки, за невыполненіемъ Русскими нѣкоторыхъ формальностей и за оттяжками дѣла, довелъ его до свѣдѣнія царя и своего правительства.

Когда въ Лондонѣ узнали обо всемъ этомъ дѣлѣ, то Квинсберри увѣдомилъ Куракина, что оно принято къ сердцу Великобританскимъ правительствомъ и что князю вмѣняется въ обязанность нà крѣпко домогаться о скорой и довольной сатисфакціи, сходной съ учиненнымъ афронтомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Куракинъ имѣлъ въ Лондонѣ конференцію съ Витвортомъ, которому говорилъ: «Вчера (19 Декабря) я получилъ отъ милорда Квинсберри меморіалъ вашего секретаря изъ Москвы съ приложеніями отъ герцога; но въ приложенномъ нахожу себѣ немалую противность: во 1-хъ, молвлено «министръ» безъ имени, 2-е, приложеніе герцога написано «повелительно». Я былъ при многихъ дворахъ, исполняя порученія царскаго величества, но такихъ отношеній не видалъ. Хотя я и воздержался отъ суроваго взаимнаго отвѣта, тѣмъ не менѣе, въ будущемъ, если отношенія не измѣнятся, съ своей стороны возьму мѣры къ взаимному трактованію». Витвортъ отвѣчалъ, отклонивъ заявленіе князя:—«Когда я получилъ извѣстіе отъ Вейсброда, то намѣренъ былъ не доводить о дѣлѣ до Тайнаго Совѣта, а только объявить вамъ, чтобы, согласясь взаимно, принять мѣры къ удовлетворенію; но секретарь меня предупредилъ, донеся о случившемся герцогу Квинсберри. Такъ какъ дѣло огласилось и принято къ сердцу, какъ немалое зло, то герцогъ, опять же по моей просьбѣ, прислалъ меня къ вамъ, чтобы мы согласились объ условіяхъ сатисфакціи». При этомъ Витвортъ говорилъ, что князь Гагаринъ оттягивалъ дѣло, нарушая обѣщанія; что въ Москвѣ часто оскорбляютъ иностранцевъ: однажды, когда самъ Витвортъ ѣхалъ изъ Преображенскаго, солдаты взяли предъ его лицомъ отъ его кареты служителя, какое дѣло было улажено безъ огласки,

*) Сборникъ, т. 50, стр. 268—269; 371—377; 384—385; 408; 417—419; Архивъ IV, 204, 255—259; III, 279 и слѣд.

частнымъ образомъ; что недавно онъ получилъ отъ своего корреспондента изъ Архангельска извѣстіе, что его багажъ четырежды и притомъ грубо былъ осмотрѣнъ, включительно до писемъ. Правда, и здѣсь министерскія вещи осматриваютъ, но не такъ, какъ другихъ лицъ: посмотрятъ сверху, и дѣлу конецъ. «Обо всемъ этомъ, заявлялъ Витвортъ Куракину, я говорю не съ тѣмъ, чтобы вы донесли ко двору, а между нами». Куракинъ съ своей стороны заявлялъ, что ни по какимъ народнымъ правамъ нельзя удовлетворить претензіи, чтобы офицера и солдатъ наказать смертію; что сами Англичане виноваты, прорвавшись чрезъ караулъ на съѣзжій дворъ, что, въ концѣ концовъ, рѣшеніе дѣла будетъ зависѣть отъ царскаго величества. На этомъ «дишкурсѣ» обоихъ пословъ и кончился; они постановили ожидать резолюцій отъ Петербургскаго двора. Хотя Витвортъ впослѣдствіи и говорилъ, что по пріѣздѣ въ Москву онъ не вступитъ ни въ какія сношенія съ Русскимъ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ должнаго удовлетворенія, тѣмъ не менѣе твердыя рѣчи Куракина, кажется, не остались безъ послѣдствій. На конференціи 15 Декабря, т. е. на другой же день послѣ совѣщанія Куракина съ Витвортомъ, Квинсберри заявилъ князю, что королева дѣло объ оскорбленіи служителей къ предосужденію не приметъ, что она попрежнему будетъ содержать любовь и продолжать корреспонденцію. Въ Россіи 27 Февраля состоялся указъ Петра, по которому Протасовъ лишался чина, капралъ ссылался на каторгу въ Азовъ, солдаты прогонялись чрезъ строй, а подъячій наказывался батогами. Съ своей стороны и Куракинъ письменно заявилъ въ Лондонѣ, что Русское правительство требуетъ сатисфакціи за нарушеніе Англичанами дисциплины на караулѣ и нападенія на его солдатъ. Какой послѣдовалъ отвѣтъ на это заявленіе Куракина, неизвѣстно; предъ отъѣздомъ его изъ Англіи на словахъ ему было сказано, что дворъ доволенъ наказаніемъ, наложеннымъ на Русскихъ, и только *).

Несмотря на указанныя препятствія, Куракинъ небезуспѣшно выполнилъ нѣкоторыя изъ возложенныхъ на него задачъ политики. Спустя четыре дня, послѣ аудіенціи у королевы, начались съ 10 Ноября частыя совѣщанія князя съ Англійскими министрами, на которыхъ онъ стойко и умѣло отстаивалъ Русскіе интересы. Рядъ дѣлъ, обсуждавшихся на этихъ совѣщаніяхъ, былъ слѣдующій.

По письму Головкина, Куракину было поручено, чтобы онъ взялъ отъ «пустынника» (Матвѣева) совѣтъ, какимъ бы образомъ можно удалить отъ Прусскаго «шатра» «вертопраха», т. е. Англійскаго посланника Реби. По этому случаю князь сносился съ секретаремъ Берлинскаго

*) Архивъ II, 444; 286—287, 288; IV, 343, 387, 235.

посла Лита, Исаакомъ Веселовскимъ (роднымъ братомъ Өеодора), желая подробно знать, что̀ такое былъ Ре́би. Веселовскій отвѣчалъ Куракину, что Ре́би посылалъ въ Англію мерзкія письма и пасквили о Русскомъ войскѣ и о прочемъ; что при Прусскомъ дворѣ онъ не имѣлъ друзей среди министровъ кромѣ оберъ-камергера, чрезъ котораго и дѣйствовалъ на короля; что Литу онъ никакого партикулярнаго зла не учинилъ, но съ Голландскими министрами нѣсколько лѣтъ уже не говорилъ, также и съ бывшимъ Датскимъ посломъ Ранцау находился «въ зѣло великой скорби и перебранкѣ»; что онъ мѣшался въ дѣло ливрайса (livrer), т. е. доставки Датскому правительству лошадей изъ Пруссіи и остановилъ ее, дѣйствуя въ явный интересъ Шведовъ. На основаніи этихъ извѣстій и свѣдѣній, сообщенныхъ Матвѣевымъ, Куракинъ и настаивалъ объ удаленіи Ре́би изъ Пруссіи, слѣдствіемъ чего явился переводъ его въ Гагу, на мѣсто Тоузена, у котораго, по словамъ Матвѣева, онъ однако не достоинъ былъ развязать ремень сапогъ его. Переѣхавъ въ Гагу, Ре́би помѣстился въ великолѣпномъ нанятомъ имъ домѣ, по «чиновному обыкновенію» извѣстилъ другихъ министровъ, но не объяснился съ Матвѣевымъ, потому что—«искони нашъ дворъ ничтожилъ». Матвѣевъ писалъ по этому случаю Куракину, что въ Гагѣ Ре́би «больше дискурсы имѣетъ о живыхъ падалищахъ и объ удалыхъ Англійскихъ собакахъ, не поятенъ нимало къ дѣйствительному изслѣдованію посольской практики и къ любовному обхожденію со всѣми людьми, который, хотя въ Оде́ловѣ домѣ живетъ, зѣло великомъ, только запахъ его Неглинной рѣчки духомъ уже всѣмъ смердитъ». Куракинъ отвѣчалъ Матвѣеву, что о неучтивости Ре́би онъ будетъ кричать въ Лондонѣ безъ зазрѣнія, что Ре́би не отъ себя склоненъ къ Шведамъ, а по указу отъ двора, что онъ недолго пробудетъ въ Голландіи «ради своихъ великихъ амбицій и несклонности къ людямъ». Кричать князю, однако, не пришлось: Ре́би загладилъ свою неучивость къ Матвѣеву визитомъ, хотя и позднимъ. Въ Гагу онъ назначенъ былъ потому, что, какъ думалъ Куракинъ, былъ внутреннимъ торрисомъ здѣшней партіи, а впослѣдствіи получилъ даже титулъ графа Страффорда и былъ сдѣланъ однимъ изъ членовъ королевскаго тайнаго совѣта *).

Небезуспѣшно выполнилъ Куракинъ и другое дѣло: объ ослабленіи гарантіи Травендальскаго договора между Даніей и Швеціей, по которому морскія державы обязывались защищать Швецію въ случаѣ нарушенія договора со стороны Даніи. Договоръ былъ нарушенъ вторичнымъ вмѣшательствомъ Даніи въ Сѣверную войну послѣ Полтавской

*) Архивъ IV, 251—252; 391, 405; II, 354 и др.

побѣды. Поэтому Шведскій министръ въ Лондонѣ много трудился надъ тѣмъ, чтобы морскія потенціи, по своему обѣщанію, содержали гарантіи трактата и принудили Данію къ союзу съ Швеціей; въ особомъ меморіалѣ, поданномъ въ Англійское министерство, Шведскій министръ просилъ письменнаго отвѣта на свои представленія. Вліяніемъ Куракина, который дѣйствовалъ въ союзѣ съ Польскимъ и Датскимъ посланниками, домогательства Шведскаго представителя были отстранены; ему письменно отвѣтили, что во время заключенія трактата было иное положеніе вещей, чѣмъ теперь; что Шведы съ своей стороны не сохранили обѣщаній, обязавшись, напр., помогать союзникамъ противъ Франціи посылкою 6,000 корпуса, чего однако не сдѣлали; что содержать гарантію нельзя и вслѣдствіе пребыванія Датскихъ и Польскихъ (Саксонскихъ) полковъ въ службѣ «аліатской». Эти полки, въ случаѣ дѣйствительнаго соблюденія гарантіи, были бы отозваны своими правительствами отъ союзническихъ войскъ *). Хотя это дѣло объ ослабленіи Травендальскаго договора и не представляло особыхъ трудностей, по словамъ князя, потому что Карлъ XII своею декларацією о нежеланіи соблюдать покой въ Германіи (въ силу акта нейтральства, заключеннаго 16 Марта 1710 г. въ Гагѣ) самъ же препятствовалъ тому, чтобы Данію принудить къ выходу изъ Сѣвернаго Союза и соблюденію нейтралитета: тѣмъ не менѣе Куракину и поддерживавшимъ его союзнымъ министрамъ стоило немалыхъ усилій сломить традиціонную политику Англіи по отношенію къ Даніи. По словамъ князя, Шведскій кредитъ въ Англіи установилъ Вильгельмъ III, хлопотавшій о томъ, чтобы усиливать Швецію, а не ослаблять. Для Англіи было опасно, чтобы Данія, которая всегда была внутреннимъ другомъ Голландіи, усилилась. Если бы возникла война между Англіей и Голландіей, то послѣднюю стала бы поддерживать Данія; а ее предудержать могла бы только Швеція, если бы она была въ силѣ. Безсиліе Швеціи оставило бы Англію безъ союзника, и ей одной пришлось бы воевать съ двумя державами. Франція радостно стала бы смотрѣть на эту игру; Имперія захотѣла бы нейтральной остаться, такъ какъ для нея выгодно было ослабленіе Голландской коммерціи и то, что у многихъ имперскихъ принцевъ Голландцы взяли бы на свою службу войска за плату. Англія была бы, такимъ образомъ, отъ всѣхъ отставлена.

Въ силу этой же традиціонной политики Англіи Куракину трудно было отстаивать въ Лондонѣ Русскіе интересы о флотѣ и коммерціи на Балтійскомъ морѣ, съ которыми связаны были главнѣйшія заботы Петра. Уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, Куракинъ узналъ, что

*) IV, 423; III, 297.

Шведскій партизанъ, много лѣтъ жившій въ Англіи и бывшій членомъ Нижней Палаты, Жакобъ Бейнисъ, въ союзѣ съ Шведскимъ министромъ, образовалъ въ Парламентѣ значительную партію и доказывалъ, что Англія обязана содержать трактаты съ Швеціей (Травендальскій и др.), утишить войну на Сѣверѣ и привести въ покой Данію, дабы отъ распространенія огня не было нарушенія главнымъ интересамъ Англійской коммерціи. О Русскомъ флотѣ Бейнисъ всюду, гдѣ могъ, разглашалъ, что онъ умножается и теперь уже «немалаго нумеру». И Матвѣевъ въ 20-хъ числахъ Ноября сообщалъ князю, что Шведы всѣми способами внушаютъ Англіи и Голландіи, что царь въ ужасную силу приходитъ въ Ливоніи и по завоеваніи ея запретитъ вывозить лѣсные корабельные матеріалы, отъ чего Русскій флотъ усилится, а морскихъ потенцій сойдетъ на нѣтъ. Сообщая объ этомъ Куракину, Матвѣевъ писалъ, что въ Голландіи онъ всѣ мѣры принималъ къ разсѣянію Шведскихъ навѣтовъ и просилъ князя зорко слѣдить за Англичанами, дабы они «по природной зависти и по склонности къ Шведскому королю» не взяли въ Парламентѣ мѣръ противныхъ Россіи *). Насколько подозрительно относились Англичане къ усиленію Русскаго флота видно изъ того, что когда Куракинъ былъ въ Бадѣ, то Квинсберри заявлялъ Польскому министру въ Лондонѣ Де-Лорму о захватѣ Русскими двухъ Шведскихъ торговыхъ кораблей, шедшихъ изъ Помераніи въ Швецію и нагруженныхъ солью и др. товарами. Въ этихъ товарахъ была, по словамъ герцога, часть принадлежавшая подданнымъ королевы. Корабли препровождены были въ Копенгагенъ, гдѣ Долгорукій и продалъ ихъ вмѣстѣ съ товарами. Недовольный этимъ, Квинсберри настаивалъ, чтобы Де-Лормъ былъ протекторомъ у царя по дѣлу о возвращеніи товаровъ Англичанамъ и при этомъ сказалъ: «Смотри, Московскій флотъ еще не усилился, но уже какія обиды дѣлаетъ!» Выслушавъ заявленіе герцога, Де-Лормъ потребовалъ письменнаго матеріала о дѣлѣ, чтобы, опираясь на него, могъ «въ то дѣло вступить и писать къ своему двору». Но Польскому министру никакого письма̀ не дали, а когда Куракинъ возвратился въ Лондонъ, то ему и вида не показали, что интересуются дѣломъ захвата кораблей, «для того, что съ Датскимъ дворомъ имѣли многія подобныя тому ссоры, которыя Датскимъ обидны». «Я съ своей стороны, замѣчаетъ Куракинъ, все-таки написалъ ко двору въ генеральныхъ терминахъ, чтобы по этому дѣлу не давали никакой сатисфакціи Англичанамъ».

*) И не одни только Англичане подозрительно смотрѣли на дѣятельность Петра въ Ливоніи. Когда въ Ригу назначенъ былъ для управленія экономическими и гражданскими дѣлами фонъ-Левенвольдъ, то это назначеніе, по словамъ Лита, вселяло подозрѣніе въ сосѣднихъ державахъ. IV, 244.

Какъ Матвѣевъ въ Голландіи, такъ въ Англіи Куракинъ при дворѣ, въ Парламентѣ, въ бесѣдахъ съ министрами старался разсѣять Шведскіе навѣты всевозможными способами. Головкина онъ просилъ сообщать ему всѣ распоряженія Петра о Ливоніи и вообще о Балтійскихъ дѣлахъ, чтобы, опираясь на нихъ, успѣшнѣе могъ отстранять Англійскія подозрѣнія. Гдѣ слѣдуетъ онъ говорилъ, что навѣты Шведовъ фальшивые, что если флотъ и усиливается, то исключительно для защиты отъ непріятеля. Въ тоже время Куракинъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Англичане не посылали кораблей въ Балтійское море и тайными субсидіями не поддерживали усиленія Швеціи на морѣ. Рѣчи объ усиленіи Русскаго флота въ Лондонѣ затихли, по словамъ Куракина, только тогда, когда началась Турецкая война, отвлекшая вниманіе Англичанъ отъ Сѣвера и успокоившая ихъ подозрительность. Стараніями князя остановлена была посылка Англійскаго флота въ Балтійское море.

Одновременно съ заботами о флотѣ князь хлопоталъ и о начатіи морской торговли Англіи съ Россіей. Самъ Куракинъ смотрѣлъ на торговлю Англичанъ въ Балтійскомъ морѣ, какъ на очень выгодную для Англіи. Въ прежнее время, до Сѣверной войны, говорилъ онъ, порты въ Ливоніи, Рига, Ревель, Перновъ и Нарва давали Англичанамъ большой прибытокъ; но въ Сѣверную войну эта торговля прекратилась. Интересъ Англійскаго народа требовалъ ея возобновленія, и это тѣмъ болѣе, что Датскіе порты, за недостаткомъ товаровъ изъ Польши по случаю военнаго времени, не могли умножить свою торговлю сравнительно съ прежнимъ временемъ. Вотъ почему князь всѣми мѣрами старался побудить и Англійскихъ купцовъ, и Парламентъ, и министерство къ возобновленію торговли въ портахъ Ливоніи. Уже въ Декабрѣ мѣсяцѣ Московская торговая компанія, ведшая торгъ чрезъ Архангельскъ, подала комиссарамъ коммерціи особый меморіалъ, въ которомъ заявляла, что надобно Англійскихъ купцовъ изъ Архангельска побуждать къ торговлѣ съ Нарвою и Петербургомъ; а для этого, по мнѣнію компаніи, было необходимо 1) умѣрить торговыя пошлины и платить ихъ мѣстными деньгами, а не Англійскими, 2) предоставить купцамъ туже свободу вольнаго торга со всѣми подданными царя, какою купцы пользовались въ Архангельскѣ, не возобновляя Шведскихъ законовъ, стѣснявшихъ торгъ въ Балтійскомъ краѣ и въ 3) чтобы установлены были тѣже правила о публичномъ бракѣ пенькй и др. товаровъ, какія дѣйствовали въ Нарвѣ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ таже компанія, за подписью 29 лицъ, подала новый меморіалъ, въ которомъ вся она выражала желаніе вести торгъ съ Петербургомъ, Ревелемъ, Нарвою и Ригою, но только на «добрыхъ кондиціяхъ». Въ это же время и о томъ же просила г.г. комиссаровъ купечества и Эстляндская компанія, подавшая имъ мемо-

ріалъ за подписью 24 лицъ. Комиссары отвѣтили, что «всемѣрно» нужно начать торговлю съ вышеупомянутыми портами, потому что 1) она будетъ выгодна для перевоза корабельныхъ муницій, перевозимыхъ пока только въ Архангельскъ и 2) она болѣе удобна, безопасна и менѣе убыточна, чѣмъ Архангельская; а сверхъ этого и корреспонденція будетъ регулярнѣе. Объ этой торговлѣ комиссары купечества доложили королевѣ и Тайному Совѣту. Въ этомъ же мѣсяцѣ у Куракина былъ купецъ Куяжъ, рекомендованный князю Англійскимъ посланникомъ въ Голландіи, графомъ Страффордомъ и принадлежавшій къ Эстляндской компаніи. Куяжъ говорилъ князю, что онъ съ товарищами намѣренъ былъ отправить по веснѣ, на свой страхъ, корабли въ Ригу; только онъ желалъ знать отъ князя, позволено ли будетъ продавать табакъ, соль и оружіе во владѣніяхъ царя, а равно просилъ Куракина ходатайствовать объ отмѣнѣ откупа на пеньку, поташъ и смольчугъ, чѣмъ стѣснялась торговля. Ѳома Стельсъ, братъ Московскаго Андрея, принадлежавшій къ Московской компаніи и нѣсколько лѣтъ ведшій торгъ съ Россіею чрезъ Архангельскъ, жаловался князю на то, что торговля съ Архангельскомъ портилась отъ того, что не было правилъ, устанавливавшихъ справедливый и засвидѣтельствованный бракъ. Этотъ же Стельсъ жаловался князю и на то, что въ Англіи онъ тратилъ большія деньги на Русскія нужды *), между тѣмъ выплату ихъ въ Москвѣ или задерживали или выплачивали Московскою монетою брату Андрею. Стельсъ просилъ Куракина, чтобы всѣ его расходы по Англіи зачитались въ Архангельскѣ въ ефимочную плату (въ пошлину), но съ тѣмъ, чтобы такая его просьба не повредила торговлѣ.

Меморіалы компаній подавались по совѣту Куракина. Онъ же хлопоталъ и объ исполненіи просьбъ, какъ компаній, такъ и отдѣльныхъ купцовъ. Думая, что слѣдовало бы въ Ливонскихъ портахъ дозволить нѣкоторое расширеніе правъ «въ пошлинахъ и другихъ трактаментахъ купечества», Куракинъ настаивалъ на этомъ предъ Русскимъ правительствомъ и Англійскимъ. Благодаря его настоянію, въ концѣ Ноября, королева приказала изслѣдовать Торговому Совѣту (комиссарамъ купечества) дѣло о вольной коммерціи въ Ригу и другія мѣста. Затѣмъ Куракинъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Парламентъ не принималъ мѣръ ограничивавшихъ Балтійскую торговлю. Когда въ Декабрѣ Парламентъ затребовалъ трактаты и счета коммерціи въ Балтійскомъ морѣ, то князь насторо-

---

*) Стельсъ покупалъ корабли въ Англіи для Россіи. Въ бытность Куракина въ Англіи онъ купилъ корабль въ 50 пушекъ за 7000 ф., а другой приторговалъ, но не купилъ, потому что не съ кѣмъ его было отправить до Риги. Князь въ это дѣло не вмѣшивался, такъ какъ не имѣлъ порученій отъ двора. IV, 421.

жился и успокоился только тогда, когда узналъ, что требованіе имѣло цѣлію учесть государственные доходы. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Парламентъ не наложилъ пошлинъ на Балтійскихъ купцовъ и такъ энергично, что даже Головкинъ счелъ за нужное предостеречь князя, дабы онъ своею настойчивостію не повредилъ торгу. Въ нижней палатѣ по случаю войны, въ цѣляхъ увеличенія дохода, было внесено предложеніе наложить пошлины на всѣ кожи и Русскую юфть по 2 к. съ фунта; «законъ дважды былъ чтенъ». Несмотря на это, Куракинъ, въ особой конференціи съ Квинсберри, предлагалъ, чтобы пошлинъ не накладывать, чтобы въ Балтійскомъ морѣ дано было «потѣшеніе», а не тягость; иначе, заявлялъ князь, и царь на Англійскіе товары будетъ накладывать пошлины; и стараніями князя пошлины были воспрещены. Но вообще дѣло о торговлѣ въ Ливоніи туго подвигалось; Англичане опасались и себя обидѣть и Шведовъ. Князю не удалось заключить торговаго трактата съ Англіей, на что, впрочемъ, онъ и не былъ уполномоченъ; всѣ его хлопоты въ этомъ отношеніи ограничились только поощреніемъ компаній къ начатію торга и предстательствомъ за нихъ предъ Англіей и Россіей, что̀, однако, было небезуспѣшно. Совѣты Куракина торговымъ компаніямъ отчасти вошли потомъ въ составъ инструкціи Витворту, которому поручалось заключить торговый договоръ съ Россіей на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы Англійскимъ купцамъ даны были вольныя привиллегіи, какъ въ Архангельскѣ, 2) чтобы они не подчинялись суду и законамъ тѣхъ городовъ, съ которыми вели торгъ, какъ это было въ Балтійскомъ морѣ со Шведами, 3) чтобы пошлину платить туземною монетою, 4) отмѣнить откупы, 5) всѣмъ купцамъ съ обѣихъ сторонъ производить вольный торгъ, 6) браковку товаровъ производить чрезъ вѣрное засвидѣтельствованіе, 7) иностраннымъ купцамъ производить торгъ лично, а не черезъ другихъ, 8) свободно отправлять свою религію. Желая оградить торговлю отъ Шведскихъ нападеній, Куракинъ просилъ Англійское правительство объ установленіи безопаснаго хода кораблей. При отъѣздѣ князя, дѣйствительно, Квинсберри сказалъ ему, что королева и Штаты согласились учинить Швеціи декларацію о томъ, что Англія и Голландія устанавливаютъ вольный торгъ на Балтійскомъ морѣ; если бы Швеція стала противиться, то морскія потенціи съ своей стороны приняли бы взаимныя мѣры къ огражденію своихъ кораблей. Выслушавъ эти рѣчи, Куракинъ попросилъ письменнаго обнадеживанія; но Квинсберри отвѣтилъ, что, не знавъ намѣреній Швеціи, письменнаго засвидѣтельствованія своихъ рѣчей онъ сдѣлать не можетъ. Декларація была объявлена; но Шведы, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтили отказомъ. Тогда Англійское правительство объявило купцамъ, что оно не ручается за безопасность торга и что купцы,

производя его, могутъ понести убытки. Очевидно, подобное объявленіе было во вредъ Россіи; но иного отношенія, при тогдашней общей политикѣ Англіи, едва ли можно было отъ нея и требовать. *).

Такое же отношеніе къ Россіи Англія обнаруживала и въ другихъ вопросахъ. Изъ нихъ главными были о войнѣ Турціи съ Россіей, о посредничествѣ Англіи въ Сѣверной войнѣ и о посылкѣ Англичанами своихъ войскъ въ нейтральный корпусъ для обезпеченія покоя въ Имперіи.

Извѣстно, что еще съ XVI в., со времени Франциска I, исконная политика Франціи по отношенію къ Турціи состояла въ томъ, чтобы возбуждать ее противъ Австрійскихъ Габсбурговъ съ цѣлію ихъ ослабленія со стороны Востока. Эта политика совпадала съ магометанскимъ желаніемъ Турціи подчинить своему вліянію христіанскій міръ Европы чрезъ ближайшія къ Турціи области, изъ которыхъ на Западѣ Венгрія, до нѣкоторой степени и въ силу своего племенного единства съ Турціей, и въ силу своего всегдашняго стремленія къ обособленію отъ Австріи при помощи Турокъ, представляла для нихъ самое удобное мѣсто къ вторженію въ среднюю Европу, а Крымъ въ восточную. Вотъ почему, вскорѣ же послѣ Полтавской побѣды, Французы, поддерживавшіе Шведскаго короля въ Бендерахъ, стали трудиться надъ тѣмъ, чтобы возбудить Турцію прежде всего къ войнѣ съ Россіей, дабы отвлечь ея силы отъ Балтійскихъ береговъ и Германіи, гдѣ склонность Русскихъ къ западнымъ союзникамъ была опасна и для самой Франціи и гдѣ «нейтральство» связывало Шведовъ отъ «развращенія Имперіи». Французскій посолъ въ Константинополѣ, маркизъ Дезалльеръ былъ первымъ организаторомъ этой войны; ему помогали Шведскій министръ Нейбуръ и генералъ Польскій Понятовскій, убѣждая Порту тѣмъ, что если она теперь, при счастливыхъ обстоятельствахъ, не вступитъ въ аліансъ съ Франціей, Венгріей и Швеціей, то, по окончаніи Сѣверной войны, царь въ союзѣ съ Польшей, цезаремъ и Венеціей выгонитъ Турокъ изъ Европы и отниметъ у нихъ «поцессъ» восточной имперіи. Ближайшая цѣль войны состояла въ томъ, какъ писалъ въ Ноябрѣ Толстой Урбиху, чтобы выгнать изъ Польши Августа, посадить Лещинскаго на Польскій престолъ, а потомъ, соединясь съ Польшей, Венгріей и Швеціей, совмѣстно дѣйствовать противъ Россіи и отнять у нея Малороссію; а конечная—пользуясь ослабленіемъ Австріи, подчинить себѣ Польшу и Венгрію. Турки хотѣли, войдя въ Польшу, не допускать соединенія Московскихъ силъ съ Нѣмецкими, если бы послѣднія захотѣли соединиться. Если бы, такимъ образомъ, предполагаемая война пошла успѣшно, то, несомнѣнно, она была бы опасна и для союзниковъ Запада, отвлекая

*) Архивъ IV, 214, 13, 38, 40, 43—44, и др., II, 350, 346; III, 211, 285, 295.

ихъ силы отъ Франціи, которой выгодно было убавить значеніе морскихъ потенцій и о которыхъ Куракинъ говорилъ, что они «яко древніе Римляне всѣми повелительствуютъ». Такъ «злодыхательная адской планеты буря, нечаянно внезапу наступивъ, возбудила народъ Турецкій возжелати войны какъ противъ августѣйшаго, такъ и противъ цезаря», писалъ Толстой Матвѣеву. Въ Декабрѣ Русскаго посланника въ Константинополѣ Толстого Турки схватили, посадили на деревянную кобылу, мучительски, съ великимъ безчестіемъ и укоризною возили по улицамъ, потомъ посадили въ Семибашенный замокъ, а квартиру разграбили.

Несмотря, однако, на эти жестокости, въ самой Турціи война была непопулярна. Урбихъ сообщалъ изъ Вѣны Головкину, что Турки раскаявались въ начатіи войны; о томъ же писалъ и Дезалльеръ своему двору, находя Порту равнодушною къ начинанію войны. Тѣмъ не менѣе для Россіи она была въ высокой степени опасна; поэтому отъ Головкина разослано было представителямъ Россіи за границей увѣдомленіе, чтобы они дипломатическимъ путемъ трудились о ея прекращеніи. Но воюющіе на Западѣ, болѣе всего преслѣдовавшіе «балянцію» (равновѣсіе) въ Европѣ и наблюдавшіе свои выгоды, не только не видѣли для себя особыхъ опасеній отъ столкновенія Турціи съ Россіей, но еще поддерживали его въ интересахъ ослабленія той и другой.

Въ Англіи когда узнали о войнѣ, къ Куракину стали относиться лучше, и «войною, писалъ онъ (Шафирову), всѣ опасности отъ сего двора, которымъ бы чаяли быть въ противность намъ, нынѣ есть отлучены; развѣ что̀ и будетъ—подъ рукою, а не явнымъ образомъ». Другими словами, Лондонъ, со времени объявленія войны, не считалъ Россію опасною для себя; но, съ другой стороны, и не думалъ ей помогать чѣмъ либо. Головкинъ, въ концѣ Декабря, писалъ Куракину, чтобы онъ проводилъ мысль объ опасности Турецкой войны для союзниковъ Запада. Турецкій султанъ, говорилъ онъ, войну вчиняетъ по факціямъ Франціи и Швеціи; вступя въ Польшу, Турція усилится, и тогда «все будетъ чиниться въ пользу и отдохновеніе Франціи, а отъ этого союзнымъ, позднѣе, противное слѣдованіе произойдетъ». Въ сознаніи всей опасности войны для Россіи, Куракинъ, еще до полученія инструкцій отъ Головкина, забилъ тревогу въ Лондонѣ. На конференціи съ Квинсберри, указывая на союзъ Порты съ Швеціей и Франціей, Куракинъ говорилъ, что «надлежитъ сообща принять мѣры противъ непріятеля», что хотя Россія и не въ аліансѣ съ Англіей, но онъ, князь, думаетъ, что царь не будетъ противъ него и если бы королева захотѣла, то онъ готовъ принять пропозиціи аліанса и донести о нихъ двору. Куракинъ просилъ Квинсберри какъ можно скорѣе доложить о его предложеніи королевѣ, чтобы онъ съ первою же почтою могъ о томъ донести

своему двору, «и того жъ дня, 27 Декабря, и на другой день, сообщаетъ Куракинъ, я былъ у министровъ Консилія Габинета дука Шросбури, милорда Ротчестера, дука Бокингама, дука Дормонта, Гарлея, Сен-Жана, милорда Дормута, милорда Полета, всѣхъ оныхъ къ тому склонялъ съ пристойными представленіями». Но трудно было князю сломить наступившее политическое равнодушіе Англіи къ Россіи. На представленія Куракина Квинсберри отвѣтилъ: «Ко всему тому нынѣ въ Консиліи будутъ взяты мѣры». Другіе же даже прямо совѣтовали не впутываться Англичанамъ въ новую войну, потому что Порта обнадежила Цезаря въ своей любви. Сообщали, какъ слухъ, что Австрія, Венеція и Польша учинили гарантію Карловицкаго трактата, по силѣ которой обязывались оборонять другъ друга, если Турція его нарушитъ до урочныхъ лѣтъ. Бывшій посланникъ въ Швеціи, еп. Робинсонъ говорилъ, что Шведскій король не пойдетъ противъ аліатскихъ интересовъ; если онъ и вторгнется въ Саксонію, то только для того, чтобы низложить Августа. Тогда война въ Польшѣ окончится, а Шведскій король будетъ только настаивать у морскихъ державъ на гарантіи установившагося въ Польшѣ порядка, и тогда все успокоится. «Сей противникъ такимъ расположеніемъ словъ многихъ въ слабость привелъ», замѣтилъ Куракинъ въ письмѣ къ Головкину. «Резидующій въ Лондонѣ глухарь [1]) конфидентивно съ нѣкоторыми говорилъ, что не слѣдуетъ аліатамъ остро вступаться въ Турецкую войну»; потому что Порта объявила, что всякаго, кто вступится за Царя и Польшу противъ Шведа она будетъ считать за непріятеля. На этомъ основаніи и Цезарь хотѣлъ держать себя нейтрально. «Сіе помраченіе ума, писалъ Матвѣевъ изъ Голландіи [2]) князю, видится гораздо темное; Франціи въ нашихъ дѣлахъ нѣтъ интереса: она желаетъ, нами начавъ, по тому примѣру вмѣшать себя потомъ въ дѣла цезарскія»; на этомъ основаніи Матвѣевъ совѣтовалъ и Куракину разрушать рефлекціи цезарскаго министра. Сильный тогда своимъ вліяніемъ при дворѣ Мальборо былъ также сторонникомъ Турціи. Чтобы узнать мнѣніе королевы на этотъ предметъ, Куракинъ выпросилъ у нея особую аудіенцію, которая и состоялась 14 Февраля. На аудіенціи князь говорилъ, что Турецкая

---

[1]) Такъ называлъ Куракинъ, по всей вѣроятности, Австрійскаго посла графа Галаша.

[2]) Здѣсь, по словамъ Матвѣева, „великія пакости публично чинилъ Россіи Ганноверскій посланникъ Ботмаръ, который бывшему тогда въ Голландіи Мальборо и статскимъ насѣвалъ, чтобы они нынѣ отъ насъ безопасными были, видя начавшуюся Турецкую войну, и чтобы въ то партикулярное дѣло себя не ввязывали, потому что цезарю войны не объявлено. И Мальборо многія пакости еще не забылъ намъ чинить“. Ботмаръ ѣхалъ въ Англію; по этому случаю Куракинъ писалъ Матвѣеву, что въ Лондонѣ Ботмаръ не будетъ такъ пенетрить (pénétrer), какъ въ Гагѣ, и будетъ за ничто. IV, 268.

война «многими виды дотыкается общимъ интересамъ королевы и ея союзниковъ» и что поэтому Царь надѣется на содѣйствіе Англіи и ея аліатовъ въ дѣлѣ ослабленія войны. Королева обнадежила завѣреніемъ, что она всегда склонна къ интересамъ Царя и поскольку дѣло Турецкой войны будетъ касаться западныхъ союзниковъ, постольку она и приметъ противъ нея мѣры. А на происходившей вслѣдъ за тѣмъ конференціи съ Квинсберри Куракинъ уже формально предлагалъ, чтобы королева съ своими союзниками потрудилась для пользы Царя и его союзниковъ, приняла бы участіе въ примиреніи его какъ съ Швеціею, такъ Портою и не допускала бы ихъ къ расширенію злыхъ дѣлъ. Но всѣ эти предложенія Куракина были безуспѣшны; въ Маѣ онъ писалъ секретно Шафирову, чтобы не надѣялись на медіацію западныхъ въ дѣлѣ примиренія съ Турками: «будутъ скорѣе нарушители миру, нежели согласители» *).

Въ дѣло о предложеніи со стороны Россіи союзнымъ Запада принять участіе въ примиреніи ея не только съ Турціей, но и съ Швеціей Куракинъ вступалъ неохотно, исключительно повинуясь приказаніямъ двора. Мы видѣли, что въ наказѣ князю повелѣвалось отнюдь самому не заводить рѣчей о посредничествѣ, а выжидать предложеній со стороны. Такъ и поступалъ князь въ Лондонѣ. Но иначе велъ дѣло Матвѣевъ, который хотѣлъ поставить Голландцевъ и Англичанъ въ положеніе иниціаторовъ въ вопросѣ о посредничествѣ. 13-го Ноября, въ Гагѣ, бесѣдуя съ великимъ пенсіонаріемъ, Матвѣевъ спросилъ его, что думаютъ сдѣлать Голландцы для Россіи въ интересахъ мира на Сѣверѣ? Пенсіонарій былъ склоненъ къ этому дѣлу, только смущался тѣмъ, что не могъ представить себѣ средствъ добыть кондиціи у Шведовъ. Во всякомъ случаѣ, говорилъ пенсіонарій, союзные Запада скоро будутъ предлагать Царю и Шведамъ «свои добрыя должности безъ именованія еще медіаціи» для того, чтобы по времени, не спѣша, вывѣдать отъ обѣихъ сторонъ условія мира и конечныя ихъ средства. Для этой цѣли Штаты намѣревались отправить въ Петербургъ своего посла Кронебурга; они сообщатъ объ этомъ Цезарю и Англіи, а Шведу о мирѣ будутъ писать и совѣтовать въ острыхъ напоминаніяхъ. О томъ же предлагалъ Матвѣевъ и Тоузену. Сообщая объ этомъ Куракину, Матвѣевъ просилъ его, чтобы онъ, зная его разговоръ съ пенсіонаріемъ, принималъ въ Лондонѣ всѣ «предусмотрѣнія и осторожности» и держалъ сообщенное въ секретѣ. Велико же было удивленіе князя, когда онъ въ газетахъ, 21 Ноября, прочиталъ разглашеніе о предложеніи Матвѣевымъ

*) IV, 211—212; 218—219; 295—296; 336; 8; 375; 292; 277; 280; 272; и др., III, 212, 296.

пенсіонарію секретнаго дѣла. Многихъ въ Англіи это разглашеніе привело въ недоумѣніе, и Куракина спрашивали: если то правда, то почему онъ въ Англіи отрекался отъ предложеній посредничества? А С.-Джонъ даже сказалъ князю, что королева благодаритъ Царя за любезное предложеніе, что съ своей стороны она обѣщаетъ «всякія оффиціи» къ тому показать, о чемъ и дала указъ Тоузену. Въ тоже время въ Гагѣ предложеніе о посредничествѣ пенсіонарій, правда отъ себя (по уговору съ Матвѣевымъ), внесъ въ собраніе Штатовъ, что̀ послѣдними принято было за добро; окончательную резолюцію пенсіонарій обѣщалъ сообщить Матвѣеву. Услыхалъ объ этомъ дѣлѣ и Мальборо, жившій тогда въ Гагѣ; онъ поспѣшилъ навѣстить Матвѣева «съ соблюденіемъ всѣхъ учтивостей» и обѣщалъ оказать услуги Царю, котораго хвалилъ за то, что въ вопросѣ о посредничествѣ, онъ довѣряетъ болѣе западнымъ союзникамъ, чѣмъ Франціи; но Матвѣевъ глубоко въ тѣ дѣла не вступалъ, чтобы не обнаружить остраго желанія къ миру. Если мы припомнимъ, какъ послѣ Полтавской побѣды Англія желала принять участіе въ посредничествѣ, то не удивимся, почему она въ Ноябрѣ мѣсяцѣ до Турецкой войны такъ радостно отнеслась къ предложенію Матвѣева. Недаромъ Тоузенъ поспѣшилъ воспользоваться довѣрчивостію Матвѣева. Куракину сей послѣдній писалъ, что съ ужасомъ узналъ о публикаціи въ газетахъ своего предложенія. Доселѣ онъ многіе годы честно служилъ своему Царю и держалъ секреты; чтобы распутать дѣло, онъ снесся съ пенсіонаріемъ и посломъ. Послѣдній смутился и сослался на плохую «дискрецію» своей канцеляріи, а пенсіонарій отвѣтилъ, что онъ, кромѣ Синцендорфа (посла императорскаго) никакой живущей душѣ въ свѣтѣ не говорилъ о предложеніи Матвѣева и тоже обвинялъ въ разглашеніи тайны канцелярію Тоузена. Прося Куракина выслать газеты, Матвѣевъ совѣтовалъ ему «съ великимъ озирательствомъ выстерегать себя въ такихъ дѣлахъ»; а когда газеты были высланы, то сообщилъ ихъ Тоузену въ обличеніе индискретности его канцеляріи и съ просьбою, чтобы онъ, соблюдая честь общаго характера, обѣлилъ предъ своимъ министерствомъ Русскаго посла. Но, кажется, Матвѣеву не пришлось обѣлить себя. Куракинъ (Демостикенъ), благодаря пустынника (Матвѣева) за совѣты, сообщилъ ему, что онъ съ своей стороны писалъ ко двору остерегательно и что всегда держался этой политики; но въ Лондонѣ предложеніе Матвѣева разсматривалось, какъ предложеніе Русскаго правительства и принимались мѣры къ его исполненію, разумѣется въ пользу Швеціи. 16 Декабря была конференція Куракина съ С.-Джономъ, на которой послѣдній сообщилъ князю, что получено письмо отъ Тоузена съ предложеніемъ Матвѣева. Но изъ письма, говорилъ С.-Джонъ, «трудно видѣть и дико», что̀ Царь разумѣетъ подъ тер-

минами «прибыльнаго и честнаго мира? Мы съ своей стороны будемъ стараться о заключеніи мира и въ часъ генеральный не оставимъ сѣверныхъ особо», т. е. при выработкѣ и установленіи мирнаго трактата по войнѣ за Испанское наслѣдство. Хотя въ Гагѣ пенсіонарій и говорилъ Матвѣеву, что союзники Англіи Голландцы не примутъ на себя такое великое дѣло, чтобы дѣйствовать въ интересъ Швеціи, тѣмъ не менѣе, если это и вѣрно было до нѣкоторой степени по отношенію къ Голландіи, Англія заботилась о прибыляхъ Швеціи. Въ Вѣнѣ Англійскій посланникъ Пальмквистъ, сторонникъ Шведовъ, частно высказывался, что западные союзники всѣми силами будутъ трудиться надъ тѣмъ, чтобы исходатайствовать Шведамъ правыя кондиціи мира. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, Урбихъ, не сомнѣвался въ томъ, что союзные министры въ Гагѣ вели тайные переговоры о мирѣ, хотя и скрывали это отъ Матвѣева; они, союзники, не допускали и мысли, чтобы отторгнутыя отъ Швеціи провинціи остались за Царемъ: «великимъ прогрессамъ Царя они завиствовали». Въ Даніи Англійскій министръ Пультеней предлагалъ медіацію королевы по заключенію партикулярнаго мира Даніи съ Швеціей. Когда объ этомъ узнали Куракинъ, Де-Лормъ и Розенкранцъ, то письменно запросили Квинсберри, правда ли это? Герцогъ отвѣтилъ, что Пультеней дѣйствовалъ самовольно; но послѣдній, желая очистить себя «публичнымъ друкомъ», заявилъ, что онъ первый предложилъ медіацію, но о ней просили его Датскіе королевскіе совѣтники, и въ ихъ числѣ Крагъ, хотя онъ и отказывался отъ взводимыхъ на него обвиненій. «Сіе не безполезно намъ есть, писалъ Матвѣевъ Куракину, что тѣ тайныя скважины за время отворились». Князь съ союзными министрами хлопоталъ въ Лондонѣ объ отозваніи Пультенея (получившаго, между прочимъ, въ послѣдствіи должность министра финансовъ); но трудно было это сдѣлать въ виду сочувственнаго отношенія Англіи къ Швеціи.

Такъ обстояло дѣло о посредничествѣ Англіи, когда началась Турецкая война. Изъ изложеннаго мы видимъ, что Англійское правительство, воспользовавшись дипломатическимъ, если можно такъ сказать, промахомъ Матвѣева, не прочь было принять участіе въ примиреніи Россіи съ Швеціей, но только къ выгодѣ послѣдней. На такой почвѣ, когда началась Турецкая война и послѣдовало формальное предложеніе Англіи со стороны Россіи принять участіе въ посредничествѣ, да еще съ значительными требованіями, нельзя было ожидать счастливыхъ исходовъ. Въ этомъ предложеніи говорилось, что такъ какъ война началась по интригамъ Франціи и во вредъ сѣвернымъ союзникамъ, интересы которыхъ переплетались съ западными, то Царь предлагаетъ послѣднимъ, чтобы они, «усмотря себѣ опасности», позаботились о мирѣ

Россіи съ Турціей и Швеціей, за что обѣщаетъ имъ, по заключеніи мира, дать 30000 войска противъ Франціи. Если западные не смогли бы примирить Царя съ Турками, то примирили бы, по крайней мѣрѣ, съ Шведами, чтобы Царь могъ имѣть свободныя руки для борьбы съ первыми и тѣмъ задержать Турокъ отъ вторженія въ Польшу; тогда бы и западные, безъ умаленія своихъ войскъ (иначе Саксонскія и Датскія могли быть отозваны изъ союзническихъ Запада для защиты Польши), могли бы свободно продолжать войну съ Франціей. Въ благодарность Царь обѣщалъ впослѣдствіи вступить въ великій аліансъ противъ Франціи. При этомъ чрезвычайному посланнику Цезаря въ Россіи, графу Де-Вильчеку предложены были отъ Царя слѣдующія условія мира со Швеціею, сообщенныя за тѣмъ и Куракину: 1) Царь удерживаетъ за собою завоеванныя провинціи Ингрію и Карелію, включительно до Нарвы; а въ вознагражденіе за то, что Швеція незаконно владѣла этими областями въ теченіе вѣка, Царь удерживаетъ за собою Эстляндію съ Ревелемъ и Финляндію до Выборга; 2) помимо этого въ Финляндіи, Царь, въ вознагражденіе за проторы и убытки, понесенныя въ войнѣ, получаетъ область до Гельсингфорса въ полное самодержавство и пять милліоновъ ефимковъ; 3) Лифляндія и Рига должны быть уступлены Августу; 4) Датскому королю должна быть исходатайствована сатисфакція въ его претензіяхъ противъ Шведовъ *). Эти пункты ложились въ основаніе мирнаго трактата.

Получивъ эти пункты, Куракинъ предложилъ ихъ Квинсберри и просилъ сообщить ихъ королевѣ. Квинсберри обѣщалъ исполнить просьбу князя, но сказалъ, что «дѣло сіе деликатное и требуетъ времени». Также отозвался на просьбу князя и С.-Джонъ, заявивъ ему позднѣе, что «при сѣверномъ мирѣ тотъ больше получитъ, кто понесъ большія тягости». Самъ Куракинъ, какъ мы выше замѣтили, неохотно приступалъ къ сообщенію желаній Русскаго правительства. Онъ думалъ, что Швеціи невозможно будетъ уступить требуемыхъ провинцій, а Турки согласятся на миръ «безъ удовольства»: они потребуютъ уступки Азова и Таганрога и уничтоженія Азовскаго флота, который собирался много лѣтъ и стоилъ милліоновъ. Сѣверные аліаты не могутъ отозвать своихъ войскъ изъ корпусовъ западныхъ, хотя бы и для защиты Польши: нечѣмъ будетъ содержать эти войска, а съ отозваніемъ потеряютъ и тѣ суммы, которыя получали за нихъ отъ западныхъ союзниковъ. Этимъ предложеніемъ мы показали слабость и предъ своими и предъ западными аліатами, а Туркамъ и Шведамъ «поддали куражъ». Это дѣло,

*) О нихъ см. Архивъ IV, 91.

думалъ Куракинъ, слѣдовало открыть при добромъ случаѣ, а не въ нынѣшнее время. Западные союзники съ великою трудностью могутъ взять наши войска, а Шведъ не пойдетъ на миръ, пока не состоится генеральный въ Европѣ, потому что Швеція не захочетъ покинуть Франціи. Секретно, «въ надѣяніи великаго жалованья» со стороны Шафирова, Куракинъ писалъ ему, что «дѣло о медіаціи намъ будетъ безъ всякаго плода»; даже больше помѣшаетъ нашимъ интересамъ. «И не чаю, что западные резолютно вступятъ въ это дѣло, какъ уже и прежде были подъ опасностію силы Швецкой съ Турки; но нынѣ и больше будутъ Шведу во всемъ манить, нежели противниками являться. А ежели изволите чаять, чтобы аліатамъ тѣ наши войска были нужны, и хотя бъ желали, только не нашихъ. Къ тому же принцы имперскіе для своего интереса не допустятъ, для того, что, отдаваючи свои войска, съ того живутъ. И ежели бъ морскія потенціи желали, то могли бы то число найти, токмо деньги не допустятъ». Правда, писалъ Куракинъ, дѣла̀ аліатовъ въ Испаніи идутъ не важно; тѣмъ не менѣе неуспѣхъ въ своемъ дѣлѣ не заставитъ ихъ хлопотать объ интересахъ Царя. Нашъ интересъ искать всѣми случаями, чтобы огонь начался въ Имперіи: «тогда бы здѣшніе аліаты, конечно, принуждены были съ нами, хотя и не въ союзъ вступить, токмо въ одномъ интересѣ быть. Того ради надлежитъ себя казать надежнымъ въ сей войнѣ». За столь откровенныя рѣчи Шафировъ поблагодарилъ Куракина. «Прошу, писалъ онъ въ отвѣтъ, имѣть мя въ несумнительной конфиденціи. Пишите и впредь безъ всякаго опасенія, ибо то въ секретѣ содержано будетъ, а объявлено, что̀ надлежитъ». Однако тѣмъ не менѣе, дѣло было сдѣлано, и слабость Россіи была обнаружена. Несмотря на всѣ свои хлопоты по вопросу о посредничествѣ, Куракинъ получалъ всюду двусмысленные отвѣты. Королева отвѣчала, что она медіацію съ удовольствіемъ пріемлетъ, но вступитъ въ нее—усмотря способное время. С.-Джонъ, говорилъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ не причемъ: Сѣверомъ завѣдуетъ Квинсберри. Онъ могъ сообщить только Куракину, что королева просьбу Царя признала за склонность и дала указы своимъ министрамъ въ Вѣну и Гагу, чтобы они всякое попеченіе имѣли къ начатію дѣла о медіаціи. Уже по возвращеніи изъ Бада, въ Маѣ мѣсяцѣ, на конференціи съ Квинсберри, Куракинъ говорилъ ему, что еслибы состоялся миръ Россіи съ Швеціей, то западные свободно могли бы брать свои войска и въ Польшѣ, и въ Россіи, и въ Швеціи и окончить войну съ Франціей въ свой авантажъ. «Пусть бы (говорилъ князь) Витвортъ, задержавшійся въ Берлинѣ и Вѣнѣ, поскорѣе ѣхалъ въ Россію и тамъ окончилъ поднятые вопросы о мирѣ». Квинсберри предложенія Куракина «взялъ на доношеніе» и ограничился любезными обѣщаніями. Въ концѣ концовъ

на предложеніе Россіи о медіаціи Англія съ союзными отвѣчала предложеніемъ армистиціи съ обѣихъ сторонъ, т. е. чтобы Россія и Швеція разоружились. «И сіе сдѣлано, писалъ Куракинъ, не для чего иного, токмо бы подать руку помощи Шведамъ, нежели въ нашъ фаворъ». Поэтому князь писалъ въ Россію, что армистиціи принимать не слѣдуетъ, а наоборотъ, надо усиливать войско. А если будетъ «охотство въ мирѣ съ Турками, то, скрываючи отъ всѣхъ, помириться».

Если таково было отношеніе Англіи къ вопросу о посредничествѣ въ Сѣверной войнѣ, то объ обратномъ, т. е. о посредничествѣ Россіи въ примиреніи западныхъ союзниковъ нельзя было и думать, хотя Куракину и предписывалось обслѣдовать дѣло и въ этомъ отношеніи. По этому вопросу, въ безчисленныхъ замѣткахъ князя, на поляхъ одной его рукописи, мы встрѣчаемъ лаконическое, но характерное выраженіе: «оставить, не въ той мы силѣ». Равнымъ образомъ на многія предложенія Куракина о томъ, чтобы западные приняли Россію въ свой аліансъ, онъ получилъ въ Лондонѣ отказъ: «къ тому ихъ намѣренія отнюдь не было» докладывалъ Куракинъ двору *).

Уклончивая и сочувственная Шведамъ политика Англіи особенно обнаружилась въ сложномъ и запутанномъ вопросѣ о нейтральствѣ въ Имперіи, т. е. о содержаніи въ ней покоя и тишины, согласно союзному акту отъ 16 Марта 1610 года, заключенному въ Гагѣ. По смыслу акта союзники должны были двинуть свои войска на нарушителя покоя, кто бы онъ ни былъ, ближайшимъ образомъ противъ Шведскаго корпуса генерала Красова, находившагося въ Помераніи и угрожавшаго Польшѣ, Саксоніи и Датскимъ провинціямъ. Съ этою цѣлью, еще до пріѣзда Куракина въ Лондонъ, было опредѣлено союзнымъ договоромъ, сколько каждый изъ аліатовъ долженъ былъ отправить баталіоновъ къ содержанію нейтральства. Оставалось опредѣлить время маршрута войскъ или «труповъ», какъ тогда ихъ называли, назначить главнокомандующаго и мѣсто сбора; другими словами, принять дѣйствительныя мѣры, иначе и самый Гаагскій актъ являлся бумажнымъ дѣломъ. Для Россіи и ея союзниковъ дѣйствительное осуществленіе акта имѣло то значеніе, что актъ гарантировалъ безопасность ея союзниковъ и тѣмъ давалъ возможность отвлекать силы сѣверныхъ въ другія мѣста. Куракинъ и долженъ былъ настаивать въ Лондонѣ на скорѣйшемъ осуществленіи акта гарантіи, особенно когда началась Турецкая война.

Западные союзники требовали исполненія нейтральства въ тѣхъ случаяхъ, когда это было для нихъ полезно. Такъ, Датчане не спѣшили

---

*) Переговоры о посредничествѣ преимущественно въ IV т., и кромѣ того III, 289 и II, 352 и слѣд.

посылкою своихъ войскъ въ «корпо» (такъ называли союзный корпусъ) нейтральства, опасаясь, какъ бы этимъ не связать рукъ въ занятіи Шлезвига и Ютландіи, къ чему стремилась Данія. Это занятіе, говорили они, будетъ причтено намъ за разрывъ нейтральства. До 21 Ноября 1710 г. Данія, какъ писалъ Матвѣевъ Куракину, еще ничего не сдѣлала по дѣлу гарантіи Имперіи и даже жаловалась на то, что Россія и Польша, безъ сообщенія Датчанамъ, позволили заключить актъ нейтральства. Датскій король просилъ Петра заступиться за него предъ западными въ томъ, чтобы ему позволили вербовать войска въ своихъ Нѣмецкихъ провинціяхъ, безъ чего онъ не можетъ продолжать Сѣверную войну, и чтобы дозволили ему принять актъ съ изъятіями. Но западные, желая отвлечь Данію отъ союза съ Петромъ, требовали, чтобы она осуществляла актъ цѣльностію; и такъ — требовали невозможнаго. Результатомъ этого явился указъ Царя Куракину и Матвѣеву, чтобы они настаивали при своихъ мѣстахъ о томъ, чтобы Датскій король былъ свободенъ отъ излишнихъ запросовъ союзниковъ, что̀ и исполняли Русскіе министры.

Иное отношеніе было западныхъ къ вопросу о нейтральствѣ, когда оно принимало форму, выгодную для сѣверныхъ. 17 Ноября *) Куракинъ видѣлся въ «оффиціи» съ Квинсберри, которому предлагалъ въ твердыхъ терминахъ, чтобы Англія опредѣлила о своей части «труповъ» и о маршѣ ихъ дала указъ. Герцогъ отвѣчалъ, что донесетъ ея величеству. Такъ какъ до 21 Ноября князь не получилъ отвѣта, то вынужденъ былъ видѣться съ С.-Джономъ, чтобы вывѣдать намѣренія Англіи о посылкѣ «труповъ». Послѣдній откровенно сказалъ Куракину, что онъ не надѣется на посылку войскъ зимой, что, если, какъ говорятъ, Голландія съ своей стороны уже и назначила часть войскъ для службы аліатской, то они Англичане, не видѣвъ нужды, маршировать не будутъ; что, тѣмъ не менѣе, прошлою почтою посланъ былъ указъ королевы Тоузену, чтобы въ Голландіи, въ пріѣздъ Мальборо, все необходимое по этой части было условлено и опредѣлено. Куракинъ думалъ, что медленность Англичанъ объяснялась недостаткомъ денегъ; убавить солдатъ изъ Брабанта не хотѣли, а на наемъ новыхъ не было ассигновокъ отъ Парламента; раньше его созыва нельзя было ожидать благопріятнаго рѣшенія вопроса. Въ тоже время ходилъ слухъ, что прежде посылки «труповъ» въ кабинетѣ королевы было постановлено отправить въ Константинополь къ посланнику указъ, чтобы онъ вывѣдалъ подлинное намѣреніе Карла XII о томъ, какъ онъ хочетъ содержать нейтральство.

*) До этого князь не имѣлъ возможности видѣться съ герцогомъ, дабы переговорить о нейтральствѣ.

25 Ноября Парламентъ былъ открытъ; хотя онъ ассигновалъ лишнихъ 2 милліона фунтовъ на военные расходы, сравнительно съ предыдущими годами, но эти деньги пошли на флотъ, а о «трупахъ» было заявлено, что ихъ безъ нужды посылать не будутъ. Тогда же въ Голландіи, Мальборо и Тоузенъ говорили Матвѣеву, что если нужда позоветъ, то Англичане свободно могутъ послать свой участокъ изъ Фландріи и что на этотъ предметъ уже готовы полныя инструкціи. При этомъ Мальборо говорилъ, что союзники не могутъ твердо опираться на нейтральство, потому что отъ Шведскаго короля не получено на него согласія, хотя и получено отъ Стокгольмскаго Сената, чтó не одно и тоже, и потому еще, что Датскій король сходной деклараціи отъ себя еще донынѣ не подалъ; а сила нейтральства должна быть равна со всѣхъ сторонъ, безъ всякихъ изъятій. Надо побуждать Цезаря, чтобы онъ склонялъ Датскаго короля, какъ члена Имперіи, чтò и будутъ дѣлать Англичане.

Неуспокоенный обѣщаніями Мальборо, Матвѣевъ 4 Декабря, благодаря непрестанному своему домогательству, собралъ конференцію изъ представителей Голландіи, Польши и Англіи, на которой было опредѣлено: нейтральство всемѣрно содержать и отправить въ Силезію 6 полковъ отъ Англіи на соединеніе съ Голландцами; а потомъ, когда корпусъ соберется, употребить его къ дѣлу по согласію съ воюющими на Сѣверѣ. Это дѣло, сказалъ пенсіонарій Матвѣеву, будетъ исправлено безъ всякой отмѣны и оттяжки. При этомъ пенсіонарій сообщилъ, что Прусскій резидентъ въ Польшѣ (въ виду того, что союзники не прилагали старанія къ собранію нейтральнаго корпуса, а корпусъ Красова между тѣмъ усиливался и могъ сдѣлать внезапное вторженіе въ Польшу и цезарство) требовалъ у короннаго подканцлера, не полагаясь на союзниковъ, поступить независимо отъ нихъ въ борьбѣ съ Красовымъ. Сообщая объ этотъ Куракину, Матвѣевъ совѣтовалъ ему не особенно настаивать на посылкѣ части Англійскихъ войскъ, потому что нѣтъ особенной опасности отъ Помераніи или Турціи; слѣдуетъ быть умѣреннымъ, чтобы только «угознуть» отъ подозрѣнія Польскихъ министровъ, которые усердно трудились о нейтральствѣ. Князь поступалъ согласно съ Матвѣевымъ; когда, однако, получилъ извѣстіе о томъ, что, смѣнившій Красова генералъ Гульденштейнъ выдалъ въ провинціяхъ Помераніи, Бремена и Вердена универсалы рекрутировать солдатъ, то поспѣшилъ свидѣться съ С.-Джономъ (16 Декабря), которому заявлялъ, что Шведскій генералъ разрываетъ нейтральство, что Августъ поневолѣ долженъ отозвать свои войска изъ службы западныхъ аліатовъ для защиты Саксоніи и что для предупрежденія опасности—лучше всего взять Шведскій Померанскій корпусъ на

службу аліатскую. С.-Джонъ отвѣчалъ генеральными терминами, что они готовы содержать нейтральство, но о взятіи Саксонскихъ войскъ ничего не сказалъ; «я примѣчаю, говорилъ Куракинъ, что имъ непріятно». С.-Джонъ замялъ и рѣчи князя о Померанскихъ войскахъ. «Изъ этого вижу, что о тѣхъ трупахъ есть у нихъ конечный трактатъ» [1]).

Когда, такимъ образомъ, вопросъ о скорой посылкѣ «труповъ» нѣсколько ослабѣлъ и особой нужды въ этомъ не предвидѣлось, «внезапу», по словамъ Матвѣева, Турки объявили войну Россіи, что̀ измѣняло положеніе дѣлъ. Извѣстіе объ этомъ Куракинъ получилъ 24 Декабря, а 27-го имѣлъ уже конференцію съ Квинсберри, которому предлагалъ, чтобы королева, по Гагскому концерту «безъ мочтанія» послала войско въ Померанію, гдѣ оно, соединясь съ другими, принудило бы «корпо Красово дезармовать». При этомъ Куракинъ отъ себя предлагалъ аліансъ западныхъ съ сѣверными. По обыкновенію, Квинсберри взялъ предложеніе Куракина на доношеніе ко двору и обѣщалъ отвѣтить [2]). Соображенія, которыми руководствовался князь въ бесѣдѣ съ Квинсберри и вообще въ вопросѣ о нейтральствѣ, князь высказалъ въ особомъ «Разсужденіи на разорваніе миру Порты съ его царскимъ величествомъ, съ королемъ Польскимъ и Цезаремъ» [3]), написанномъ, на другой же день (25) по полученіи извѣстія о войнѣ. Куракинъ думалъ, что Порта, усиливъ Шведскаго короля, пошлетъ его въ Польшу, гдѣ онъ соединится съ сторонниками Станислава и Померанскимъ корпусомъ, а сама будетъ воевать съ Россіею. Карлъ XII, низложивъ Августа, соединится съ Франціею на Рейнѣ и, возжегши огонь въ Имперіи, заставитъ западныхъ союзниковъ признать себя, въ угоду Франціи, медіаторомъ въ войнѣ за Испанское наслѣдство, а потомъ, соединясь съ Поляками и Турками, разоритъ Россію. Вотъ почему надо было спѣшить разореніемъ Шведскаго корпуса въ Помераніи чрезъ «корпо аліатское». Но этому препятствовало 1) зимнее время, въ которое трудно было маршировать солдатамъ, 2) трудность установить согласіе о мѣстѣ сбора, 3) отсутствіе на пути готовыхъ магазиновъ для продовольствія войскъ и 4) пререканія, какія шли между союзниками, въ особенности между Прусскимъ и Ганноверскимъ принцами, о выборѣ главнокомандующаго. Но положимъ, соображалъ Куракинъ, нейтральный корпусъ соберется; но что̀ изъ этого? Численность его не

---

[1]) III, 289; документы о собраніи „корпа нейтральства" большею частію помѣщены въ IV т., мы ссылаемся только на тѣ, которые помѣщены въ другихъ томахъ.

[2]) III, 290.

[3]) Тогда, на основаніи донесеній Толстого, думали и Матвѣевъ, и Куракинъ, что война не ограничится одной Россіей.

велика: 10,000. Что̀ они могутъ сдѣлать противъ 18000 Шведовъ? А если Шведскія войска вступятъ въ Польшу, то нейтральный корпусъ за ними едва ли послѣдуетъ за недостаткомъ фуража и моровою язвою. Самое лучшее теперь бы, думалъ князь, заключить наступательный и оборонительный союзъ западныхъ съ сѣверными; но этого скоро сдѣлать нельзя. Остается во что бы то ни стало дезармовать Красова, конфисковать Шведскія провинціи въ Имперіи (Померанію, Бременъ и Верденъ), объявивъ Шведа ея непріятелемъ. Но другіе, по словамъ князя, думали иначе. Чтобы разоружить Красова и воевать со Шведами въ Имперіи, надо имѣть 30000 войска. Но гдѣ ихъ взять? Всего удобнѣе было воевать со Шведами Пруссіи и Ганноверу; но у нихъ тоже не было достаточныхъ силъ. Поэтому лучше не вмѣшиваться въ дѣла сѣверныхъ, аліанса съ ними не заключать, чтобы не дать повода Туркамъ (объявившимъ, что они сочтутъ за непріятеля всѣхъ, кто вступится за Царя и Польшу противъ Шведа или Турціи), разорвать союзъ съ Цезаремъ. Куракинъ, въ концѣ концовъ, думалъ, что западные дадутъ Шведу волю вступить въ Саксонію, лишить Августа Польской короны и отдать ее Станиславу, а затѣмъ воевать съ одной Москвою *).

Возможно, что если бы Турецкая война пошла успѣшно, то событія и оправдали бы предположенія князя. Вотъ почему теперь, во чтобы то ни стало, надо было спѣшить разоруженіемъ Шведскаго корпуса. Точку зрѣнія Куракина раздѣляли и другіе министры: Датскій Розенкранцъ и Польскій Де-Лормъ. Въ Голландіи, Польскій министръ, графъ Вертеръ тогда же сообщилъ пенсіонарію о необходимости немедленной посылки союзнаго корпуса въ Силезію; иначе Польскій и Датскій короли, для защиты себя отъ Шведовъ, принуждены будутъ отозвать свои войска отъ союзническихъ. Сообщая о томъ Куракину, Матвѣевъ говорилъ, что теперь всякое промедленіе въ посылкѣ нейтральныхъ войскъ будетъ служить признакомъ невѣрности даннаго западными союзниками слова, а сѣвернымъ «дастъ безпорочную и важную причину, въ огражденіе своихъ интересовъ, принять свои мѣры противъ Шведовъ, на что аліаты, за своею неисправою, не будутъ имѣть право жаловаться». При этомъ, писалъ Матвѣевъ, пенсіонарій говорилъ ему, что Голландія свою часть корпуса приготовила и посылаетъ указъ Кронебергу (бывшему тогда въ Польшѣ) немедленно ѣхать въ Россію, для согласной выработки единства въ дѣйствіяхъ. На генеральной конференціи, бывшей въ Гагѣ,

---

*) III, 212—215; По всему видно, что документъ написанъ очень спѣшно, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ полученнаго извѣстія о войнѣ. Куракинъ совѣтовалъ и Головкину искать заключенія союза сѣверныхъ съ западными, потому что, если Турецкая война разгорится (какъ многіе тогда думали), то она повліяетъ и на дѣла Запада. IV, 333.

выработанъ былъ и составъ нейтральнаго корпуса: въ него входили 23 баталіона пѣхоты и 21 эскадронъ кавалеріи; причемъ и Мальборо, бывшій на конференціи, сказалъ, что изъ Гента и Брюгге немедленно пойдутъ 6 Англійскихъ баталіоновъ, какъ скоро союзныя войска будутъ готовы. Только за трудностію зимняго времени происходили теперь разногласія у министровъ на предметъ скорой посылки. А Мальборо, хотя и предложилъ свои войска, но Польскому посланнику заявилъ, что Англійскія лучше бы замѣнить Саксонскими, находившимися на службѣ въ Голландіи. Отсюда происходило «замедленіе», которое Матвѣевъ «ясно видѣлъ», и это въ ту пору, когда Литъ изъ Берлина доносилъ, что Померанскій корпусъ на спѣхъ приготовляется потребными воинскими припасами, а въ Голландіи ходили слухи, что Станиславъ Лещинскій соединился съ нимъ и идетъ къ Сендомиру.

Настойчивыя предложенія князя Куракина въ Лондонѣ, повидимому, были успѣшнѣе, чѣмъ Матвѣева въ Голландіи. Квинсберри былъ не противъ представленій князя, а С.-Джонъ и прямо согласенъ, обѣщая въ «консиліи» свой голосъ; при этомъ С.-Джонъ говорилъ Датскому посланнику, что союзъ Франціи съ Портой побуждаетъ къ союзу западныхъ съ сѣверными. Куракинъ привелъ къ согласію и другихъ министровъ, въ числѣ ихъ и цезарскаго графа Галаша. Но 28 Декабря пріѣхалъ въ Лондонъ Мальборо, «первый противникъ интересовъ Царя», и все перевернулъ. Онъ говорилъ, что въ нынѣшнее зимнее время трудно собрать нейтральный корпусъ, что имперскіе принцы неохотно идутъ на это дѣло, что прежде Мая Шведы не выступятъ изъ Помераніи, что 15 т., «корпо аліатскаго» не справятся съ 18 тысячнымъ отрядомъ Шведовъ, а Царь не поможетъ, отвлекаемый Турецкою войною. «Великая сила въ герцогѣ, писалъ Куракинъ Головкину, и конечная нужда есть, чтобы сего господина въ нашъ интересъ привесть»; а Матвѣеву сообщилъ, что «одна надежда: кредитъ герцога падаетъ». 2 Января Мальборо былъ у Куракина, и князь говорилъ ему, что если Англія не хочетъ посылать свои войска, то остальные могли бы послать и безъ нея; но герцогъ отвѣтилъ: если не посылаютъ, то, значитъ, не видятъ въ томъ нужды. А вскорѣ послѣ того, при свиданіи, когда Куракинъ снова сталъ ему докучать о «трупахъ», Мальборо объявилъ: если царь съ Поляками нападутъ на Шведовъ въ Помераніи, то аліаты сквозь пальцы посмотрятъ на это дѣло; хотя и покричатъ, но не вмѣнятъ въ разорваніе нейтральства, а пожалуй еще и поблагодарятъ. Куракинъ на это отвѣтилъ, что если западные аліаты объявятъ Царю свое согласіе, то онъ такъ и сдѣлаетъ; но Мальборо сказалъ, что онъ отъ себя дѣлаетъ это предложеніе, а не отъ двора. Куракинъ на этотъ разъ подумалъ (и совершенно вѣрно), что Англичане не хотѣли дразнить Шведа

и особенно Турка: коммерція возбраняла. Была и другая причина: князь вывѣдалъ, что у Англіи со Шведомъ былъ тайный аліансъ, въ силу котораго Англичане обязывались признать Станислава, сдерживать Саксонцевъ, а Шведы не чинить зла аліатамъ. Объ этомъ прямо заявилъ С.-Джонъ Датскому послу; въ бытность свою въ Саксоніи Мальборо заключилъ этотъ союзъ. Кромѣ Мальборо противъ Россіи шли Ботмаръ, Робинсонъ и др. Ботмаръ прямо говорилъ: «сіе дѣло о трупахъ субтельно, и не надо быть скоро резолютнымъ».

Между тѣмъ приходили извѣстія, что Станиславъ уже издалъ манифестъ въ Польшѣ о своемъ воцареніи, что онъ просилъ у Крымскаго хана конницы, что Шведскій корпусъ усиливается новыми войсками... Матвѣевъ сообщилъ изъ Голландіи, что министры Цезарскій, Польскій, Датскій и Голландскій трудятся во многихъ конференціяхъ, но задерживаетъ Англія: «кромѣ словъ и бумаги, не имѣемъ впредъ ожидать никакой надежды къ изслѣдованію честнаго ихъ обѣщанія и доброй вѣрности». Онъ получилъ извѣстіе, что Шведскій корпусъ усиливается 10—15 т. войскомъ; и хотя Шведскій министръ заявлялъ, что корпусъ пополняетъ только убылыя мѣста, но это было невѣрно; корпусъ пойдетъ безотложно, а не въ Маѣ, какъ говорилъ Мальборо. «Тогда уже никакая цѣльба, писалъ Матвѣевъ, высокихъ союзниковъ къ пользѣ нашей исправиться не можетъ. Токмо мы одни на томъ театрѣ актерами останемся, а они зрительми, погубя репутацію своей доброй вѣрности и намъ даннаго обѣщанія». Находя дѣло о посылкѣ корпуса многотруднымъ и коснымъ, Матвѣевъ и двору донесъ, чтобы много не полагались на то нейтральство, а принимали бы свои мѣры безъ утраты времени. Въ виду такого промедленія, Августъ приказалъ своему послу графу Вертеру потребовать отъ Штатовъ категорическаго объявленія объ ихъ готовности къ исполненію акта гарантіи и съ отвѣтомъ лично явиться въ Дрезденъ. Штаты объявили, что пошлютъ корпусъ въ Февралѣ или началѣ Марта; если Англичане не поспѣютъ изготовиться къ этому времени, то ихъ не ждать: придутъ позднѣе. Штаты такимъ рѣшеніемъ объявили себя противными Шведамъ, и съ ихъ отвѣтомъ 6 Января Вертеръ выѣхалъ въ Дрезденъ. Вскорѣ послѣ того Штаты послали указъ своему генералу Амману о походѣ ихъ участка въ Силезію.

Одновременно съ этимъ и Куракинъ энергично хлопоталъ въ Лондонѣ. Здѣсь, чтобы оттянуть время, придумали послать въ Бендеры къ Карлу XII офицера Чиферса, бывшаго въ Шведской арміи за капитана, плѣненнаго подъ Полтавою и затѣмъ получившаго свободу. Онъ ѣхалъ за тѣмъ, чтобы просить Карла возвратиться въ отечество, чтобы онъ подтвердилъ актъ нейтральства, чтобы высказался относительно мира, предложеннаго Матвѣевымъ въ Голландіи, и чтобы отдалъ Померанскій

корпусъ на службу аліатскую. Но пока бы Чиферсъ доѣхалъ до Бендеръ, Шведы вторгнулись бы въ Саксонію; поэтому Куракинъ снова и снова хлопоталъ о немедленной посылкѣ части Англійскихъ войскъ. Въ срединѣ Генваря онъ обращался съ особымъ письмомъ къ Витворту, въ которомъ, изложивъ исторію заключенія акта въ Гагѣ о нейтральствѣ и мѣры къ его осуществленію, просилъ Витворта обстоятельнѣе доложить королевѣ о необходимости скорѣйшей посылки Англійскихъ баталіоновъ: иначе начнется развращеніе въ Имперіи, и сѣверные союзники принуждены будутъ отозвать свои войска изъ Брабанта [1]). Судя по тому, что позднѣе [2]) Витвортъ высказывался «о холодности и нерѣшительности западныхъ союзниковъ во всѣхъ дѣлахъ Сѣвера и особенно объ ихъ медлительности при формированіи нейтральной арміи и при осуществленіи гарантіи», надо думать, что и онъ поддерживалъ ходатайства Куракина. 15 Генваря князь писалъ Головкину, что Мальборо сообщилъ ему объ указѣ королевы Тоузену, чтобы онъ, по согласію съ союзническими министрами, принималъ всякія мѣры «къ упрежденію чаемыхъ злостей, и того ради, говорилъ Мальборо, нынѣ никто не можетъ молвить, что сіе было удержано отъ Англійскаго двора»; при этомъ королева позволяла только вмѣсто національныхъ Англійскихъ войскъ послать въ тотъ маршъ 6 баталіоновъ Саксонскихъ и 4 Голландскихъ. Не полагаясь на слова Мальборо и «видя ихъ непостоянное обнадеживаніе», Куракинъ 21 Января вынужденъ былъ подать Квинсберри меморіалъ, въ которомъ изложилъ ходъ дѣла и доказывалъ, что Шведы нейтральство нарушили, такъ какъ формировали и усиливали свой корпусъ, а Станиславъ издалъ манифестъ о своемъ соединеніи съ «корпусомъ» и о вторженіи въ Польшу. Въ виду этого и того обстоятельства, что нейтральный корпусъ уже готовъ, а задержка зависитъ только отъ Англіи, Куракинъ и просилъ доложить королевѣ, чтобы она повелѣла безъ промедленія времени 6 баталіоновъ участка отправить въ Февралѣ на соединеніе съ нейтральными, а затѣмъ дать ему князю скорый и конечный отвѣтъ на донесеніе Царю. Почти въ это же время и Розенкранцъ подалъ меморіалъ, въ которомъ поддерживалъ Куракина, сообщивъ послѣднему, что если бы Царь далъ Даніи денегъ, то Датчане отозвали бы свои войска изъ Брабанта, потому что въ Іюнѣ мѣсяцѣ кончается срокъ трактата Даніи съ аліатами. 30 Января Квинсберри отвѣтилъ Куракину, что такъ какъ дѣло о нейтральствѣ пространнѣе трактуется въ Гагѣ, то королева отправила указъ Тоузену принять всѣ мѣры, потребныя со стороны Великобри-

---

[1]) Ш, 376—378.
[2]) Сборникъ, т. 50-й стр. 457 и др.

таніи, а князю сообщить, что будетъ имѣть попеченіе, насколько отъ нея зависитъ, о посылкѣ 6 баталіоновъ.

Мнѣніе королевы о замѣнѣ Англійскихъ войскъ Саксонскими, очевидно, навѣяно было ей Мальборо, который такимъ путемъ хотѣлъ оттянуть дѣло. Это мнѣніе высказывалось и Голландцами. Въ Гагѣ на конференціи было заявлено Польскому посланнику, что Голландскія войска готовы идти въ Силезію въ 1-хъ числахъ Марта, но они не начнутъ военныхъ дѣйствій, пока не увидятъ противнаго со стороны Шведовъ, потому что хотятъ считать себя нейтральными, а не врагами; что лучше было бы замѣнить нейтральныя войска Саксонскими, о чемъ Штаты и просили посланника снестись съ королемъ, чтобы узнать о его согласіи. Куракинъ замѣчалъ по этому поводу, что Саксонскія войска потому хотѣли перепускать, что аліаты боялись вмѣшать себя въ новую войну и опасались Французскихъ хитростей; перепускъ Саксонскихъ «труповъ» давалъ союзникамъ возможность оправдать себя и предъ Шведами, и предъ ихъ непріятелями. Въ Февралѣ получено было извѣстіе, что Августъ согласенъ былъ на перепускъ своихъ войскъ, только съ условіемъ, чтобы ему принадлежала команда; но затѣмъ король отказался отъ своего согласія за неимѣніемъ денегъ, такъ какъ Саксонскія войска въ Брабантѣ содержались на суммы аліатовъ. По этой же причинѣ Августъ не хотѣлъ и вообще отзывать своихъ войскъ изъ аліатской службы, хотя и угрожалъ этимъ отзывомъ западнымъ. «Поляки устами насъ чтутъ, говорилъ Матвѣевъ, сердце же ихъ далече отстоитъ; на иной вѣтръ, преставя свои паруса, опять свой договоръ обновили, чтобы быть Саксонцамъ на аліатской службѣ... На Саксонскую правду, натурально, слѣдуетъ смотрѣть обзирательными очами». За отказомъ Августа, измышлена была новая оттяжка: въ виду того, что 8 баталіоновъ Пфальцскихъ войскъ стояли вблизи Силезіи, возникъ вопросъ, не лучше ли было, вмѣсто нейтральнаго корпуса, отправить эти войска? Пфальцскій курфирстъ обѣщалъ отправить свои войска, но прежде потребовалъ заплаты за баталіоны, которые дѣйствовали отъ него въ Каталоніи. «Время изнурялось къ великой намъ безполезности, писалъ Матвѣевъ, хотя отъ меня и Польскаго министра поистинѣ великія домогательства чинятся, но кромѣ оттяжекъ ничего не выходитъ; для того, окончаю сіе дѣло нашею властною пословицею, что выше лба очи не растутъ».

Въ виду такихъ проволочекъ сѣверные рѣшились дѣйствовать на свой страхъ. Изъ Помераніи шли извѣстія, что «корпусъ» болѣе и болѣе умножается, что Шведы изъ Сканіи перевозятъ успѣшно свои войска въ Германію, что они перепустили свои войска Станиславу, о чемъ сообщалъ и Урбихъ изъ Вѣны. Въ Голландіи сѣверные (Датскій

Альфельдъ и Матвѣевъ) настаивали, чтобы Голландцы, соединясь съ Датчанами, останавливали Шведскіе транспорты и дозволили бы Датчанамъ вступить въ Померанію. Имъ отвѣчали, что нельзя запретить Шведамъ умножать свои войска въ Германскихъ провинціяхъ, что тоже дѣлали и Датчане въ своихъ Нѣмецкихъ областяхъ; что Голландскому флоту впору справиться съ охраною своихъ торговыхъ кораблей на морѣ; а что касается до вступленія Датчанъ въ Померанію, то такъ какъ это будетъ нарушеніемъ нейтральства, надо объ этомъ спросить мнѣнія союзниковъ. Во время этихъ «рацій» съ пенсіонаріемъ Матвѣевъ нашелъ его «гораздо тупа». Чтобы уговорить представителей Штатовъ къ поддержкѣ своего дѣла, Матвѣевъ объѣзжалъ даже Голландскія провинціи и нашелъ Амстердамъ сочувствующимъ Русскимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе, когда получено было извѣстіе, что Датскія войска начали поступать самостоятельно и приближались къ Помераніи, то это вызвало на конференціяхъ въ Гагѣ смущеніе и недовольство: говорили, что это обстоятельство именно и заставило Шведовъ поспѣшить усиленіемъ своего корпуса. Датскому министру «въ жестокихъ терминахъ» объявляли, что король его является нарушителемъ нейтральства, и это въ ту пору, когда Пальмквистъ (Шведскій посланникъ въ Гагѣ) заявилъ протестацію (19 Февраля) своего короля противъ нейтральства, подписанную Карломъ въ Бендерахъ еще 30 Ноября 1710 г.

Обо всѣхъ переговорахъ Куракинъ и Матвѣевъ, дѣйствовавшіе за одно, доносили двору. Головкинъ отвѣчалъ имъ, чтобы они защищали Датчанъ и чтобы разсѣяли мнѣніе, что Русскій корпусъ, стоявшій при Эльбингѣ подъ командою бригадира Яковлева, не будетъ отозванъ въ Турцію, а пойдетъ на соединеніе съ Датчанами въ Померанію. Взять Померанскія войска Шведовъ на службу аліатскую Головкинъ не совѣтовалъ, такъ какъ при заключеніи мира союзники стали бы дѣйствовать въ пользу Шведа*). Далѣе Головкинъ писалъ, чтобы Русскіе послы домогались получить письменное одобреніе самостоятельности Русскихъ дѣйствій въ Помераніи. Если западнымъ трудно дать на этотъ предметъ письменную резолюцію, то пусть бы дали хотя секретную ассекурацію (обезпеченіе) въ томъ, что Англія и союзные не примутъ за нарушеніе нейтральства вступленіе Русскихъ войскъ въ Померанію. По этому поводу, въ концѣ Марта, въ Лондонѣ и Гагѣ, Русскіе представители имѣли конференціи съ Датскими и Польскими министрами, чтобы единогласно настаивать у западныхъ о письменномъ ихъ разрѣшеніи имѣть сѣвернымъ свободныя руки въ Помераніи. На этотъ разъ

*) Сами Шведы не хотѣли перепускать свои войска на службу аліатскую, такъ какъ снабжены были Французскими деньгами.

и среди сѣверныхъ произошло разногласіе. Въ Гагѣ Польскій Герсдорфъ говорилъ, что 1) онъ не имѣетъ указа отъ двора, 2) если объявить требованіе Головкина, то этимъ можно подать поводъ къ остановкѣ въ собраніи нейтральнаго корпуса, 3) осердясь на Августа, Цезарь отниметъ у него Саксонію, 4) мало надежды на Датскія войска: Данія будетъ себя оберегать; для нея выгодно, чтобы Шведы, сосредоточиваясь въ Помераніи для борьбы съ Русскими и Поляками, отвлекали свои силы отъ Даніи. И Датскій отвѣчалъ Матвѣеву, что до полученія согласія отъ Августа не слѣдуетъ рѣшительно настаивать на самостоятельности дѣйствій въ Помераніи. Матвѣеву заявляли, что, кромѣ Шведской протестаціи, другихъ причинъ къ предъявленію требованій со стороны сѣверныхъ не было. Несомнѣнно, что въ этихъ отвѣтахъ Датскаго и Польскаго министровъ слышалось уже въ ту пору начало того сепаратизма, который за тѣмъ обнаружился между сѣверными во вторую половину войны съ Шведами.

Согласно съ Матвѣевымъ дѣйствовалъ и Куракинъ въ Лондонѣ. Поговоривъ съ резидующими союзными, князь не спѣшилъ исполненіемъ предписаній Головкина. Онъ думалъ, что Яковлевъ при Эльбингѣ былъ не силенъ; что такъ какъ союзные, послѣ заявленія Куракина, взяли вопросъ о свободныхъ дѣйствіяхъ на донесеніе къ своимъ дворамъ, то и ему не слѣдовало спѣшить предъявленіемъ указа Англійскимъ министрамъ, и что, наконецъ, такія дѣйствія могли остановить собраніе нейтральнаго корпуса. «И того ради та декларація не учинена» *). Вскорѣ послѣ того князь получилъ отвѣтъ отъ Квинсберри на свои предложенія въ послѣднихъ конференціяхъ; герцогъ сказалъ, что все дѣло о нейтральствѣ передано было въ руки Мальборо, пребывавшаго въ Голландіи.

Но совсѣмъ иначе думали въ Россіи. Медленность западныхъ, объясняемая ихъ сочувствіемъ къ Шведамъ, побудила Петра къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, особенно, когда онъ узналъ о Шведскомъ протестѣ. 12 Апрѣля Головкинъ писалъ Куракину изъ Луцка, чтобы онъ заявилъ Англійскому двору, желаютъ или нѣтъ Англичане немедленно отправить свои войска въ нейтральный корпусъ, такъ какъ Шведскою протестаціею актъ гарантіи нарушенъ Шведами. Куракинъ долженъ былъ настаивать на письменной резолюціи. Если, писалъ Головкинъ, письменнаго отвѣта не дадутъ, то сѣверные, по учиненному союзу, впадутъ въ Померанію. Шведы нарочито держали протестъ до весны, чтобы неожиданно напасть на Польшу; буде же снова послѣдуетъ оттяжка,

*) Ср. III, 293.

то «изволь (писалъ Головкинъ) ясно протестъ объявить, что Царь видитъ къ себѣ непріятство и недоброжелательство, несмотря на всяческое снисхожденіе и дружбу къ западнымъ. Въ опасномъ положеніи западные не только никакой помощи не хотятъ оказать Царю, согласно обѣщанію, но даже запрещаютъ ему и его союзникамъ чинить собственную оборону. А по сему Царь, возложивъ надежду на Бога, принужденъ будетъ самъ заботиться о мѣрахъ къ своей оборонѣ, какія сочтетъ за лучшія». Согласно этому 26 Мая Куракинъ подалъ меморіалъ Квинсберри и просилъ скораго и конечнаго рѣшенія королевы; а затѣмъ, когда получена была грамота Петра съ протестаціею, что́ «дотыкается до нейтральства» (подписанная въ Яворовѣ 29 Апрѣля) то и ее предъявилъ королевѣ 3 Іюля. Въ грамотѣ Царь «зѣло крѣпко требовалъ» немедленнаго марша нейтральнаго корпуса; въ противномъ случаѣ грозилъ самостоятельными распоряженіями, которыя должны были извинить Англичане. Всякое другое дѣйствіе Англичанъ было бы зна̀комъ явнаго ихъ недоброжелательства къ Россіи, какого Царь своими намѣреніями и чистосердечіемъ не заслуживалъ *).

Но и на этотъ разъ трудно было ожидать отъ Англіи рѣшительнаго отвѣта. Въ Голландіи съ Пфальцскими баталіонами произошла заминка: хотя курфирстъ и согласился не требовать заплаты за Каталонскія войска, но задерживалъ свои баталіоны. Причиною было то, что канцлеръ Цезаря Зейлеръ, ненавидя Австрійскаго посла въ Голландіи гр. Цинцендорфа и желая его дѣло уничтожить (предложеніе о Пфальцскихъ шло отъ него), писалъ Пфальцскому курфирсту, чтобы всѣхъ баталіоновъ онъ не давалъ, удерживая часть въ Пфальцѣ на всякій случай. Надѣялись уговорить курфирста, и по сему случаю шли переговоры. И въ Англіи С.-Джонъ говорилъ Куракину, что все медленіе происходитъ теперь отъ Имперіи. Нѣмцы желали, чтобы Англичане послали свои національныя «трупы», желая поссорить Англію со Шведами и сами опасаясь послѣднихъ; «но намъ послать національныхъ по многимъ причинамъ невозможно», говорилъ С.-Джонъ. На дальнѣйшія домогательства Куракина былъ одинъ отвѣтъ: «трупы» собираются, нужно общее согласіе союзниковъ, «трупы» въ походѣ, только... и т. д. Послѣ подачи царской грамоты, Куракинъ снова имѣлъ конференцію съ С.-Джономъ, желая знать намѣренія королевы на заявленный протестъ Царя. С.-Джонъ отвѣтствовалъ въ генеральныхъ терминахъ, что королева хочетъ содержать миръ въ Имперіи, изъ чего князь заключалъ, что дѣло о нейтральствѣ «есть безъ всякаго чаянія». На замѣчанія князя, что

*) Ц, 39 и слѣд.

Англія на протестъ Шведовъ ничѣмъ не отвѣтила, что этимъ она «даетъ парціальный видъ непріятелю, а не тѣмъ, кто предостерегалъ и предостерегаетъ общій интересъ», С.-Джонъ отвѣчалъ, что Шведы хотя и протестовали, но фактически нейтральства не нарушили, что западные всегда болѣе дѣйствовали въ интересѣ Россіи и ея союзниковъ, чѣмъ Швеціи, которой отказано было во многихъ домогательствахъ. Послѣ всего этого князь, какъ и Матвѣевъ, доносилъ двору, чтобы не надѣялись «на здѣшнія резолюціи къ нейтральству и брали мѣры»; «какъ не имѣютъ для коммерціи Турецкой противъ Шведа деклеровать, такъ и для Архангельской противъ насъ; а подъ рукою письмà обнадеженнаго не даютъ и не дадутъ [1])». Въ концѣ концовъ всѣ хлопоты Куракина въ Англіи по вопросу о нейтральствѣ привели его къ грустному убѣжденію, что «всѣ здѣшніе весьма Шведы [2])». И не одинъ князь такъ разсуждалъ. Въ обширной запискѣ, поданной С.-Джону, Польскій посланникъ Де-Лормъ [3]), излагая взглядъ сѣверныхъ на западную войну, основательно доказывалъ необходимость разрушить Померанскій корпусъ. Цѣль войны за Испанское наслѣдство, говорилъ Де-Лормъ, сохранить политическое равновѣсіе и поставить Францію въ такое положеніе, чтобы она не могла предписывать законы Европѣ; а посему надо вести войну до тѣхъ поръ, пока Франція не уступитъ Испанію ея законному государю. Но гдѣ вреднѣе Франція, въ Брабантѣ или въ Помераніи? Несомнѣнно въ послѣдней, гдѣ она разсчитываетъ на Шведскій корпусъ. Когда онъ вступитъ въ Германію, тогда Франція подастъ ему руку помощи, возмутивъ всѣми способами державы Германской имперіи. Эти послѣднія по необходимости вынуждены будутъ отозвать свои войска изъ Нидерландовъ, чѣмъ развяжутъ руки Франціи для дѣйствій въ Германіи. Примѣръ Густава Адольфа подтверждаетъ это мнѣніе объ опасности Шведа въ Германіи. Отсюда и задача западныхъ состоитъ въ томъ, чтобы потушить огонь, тлѣющій въ Помераніи и здѣсь помогать во чтобы то ни стало сѣвернымъ. Лучшимъ средствомъ для этого союзъ Запада съ Востокомъ. Франція все поставила на карту: она возбуждаетъ невѣрныхъ, Венгерцевъ, она поддерживаетъ Швецію. Морскимъ державамъ не трудно отвратить ударъ: стòитъ только разсѣять Померанскій корпусъ. Бояться войны со Шведомъ нельзя; есть много способовъ ея избѣгнуть. Словомъ, Англія и Голландія потеряютъ плоды своихъ трудовъ, если не исправятъ зла, которое Швеція собирается имъ сдѣлать.

---

[1]) III, 298, 296.

[2]) Тоже.

[3]) Неизвѣстно, по чему „Разсужденіе" озаглавлено, какъ принадлежащее Куракину. См. IV, 405, 470, 436 и 275. Самъ редакторъ сомнѣвается въ этой принадлежности.

Но морскія державы думали иначе. Вотъ почему и Царь считалъ дальнѣйшіе переговоры Куракина въ Лондонѣ безполезными. Въ то время при дворѣ Петра находился извѣстный по Венгерскому возстанію противъ Австріи Трансильванскій принцъ Рагоци, убѣждавшій Царя, въ виду безполезности переговоровъ съ «морскими потенціями», взять партію Французскую [1]), результатомъ чего и явилось отозваніе Куракина изъ Лондона.

Въ началѣ Іюня Куракинъ получилъ приказъ Царя съ грамотою немедленно ѣхать въ армію. «А тотъ вашъ отзывъ изъ Англіи того ради, писалъ Головкинъ, что при настоящихъ конжюнктурахъ его царское величество надѣется свой интересъ сыскать лучше при дворѣ Французскомъ, нежели у иныхъ державъ, и для того надѣяся, что вы ему тамъ добрую услугу покажете, посылаетъ васъ туда. Бывшій тамъ резидентъ Крокъ умре. А для наказа о томъ изустнаго и письменнаго повелѣлъ вамъ быть сюда [2]). Поѣзжайте налегкѣ, оставивъ свой багажъ въ Голландіи и отнюдь не разглашая о своемъ назначеніи, дабы не подать тѣмъ Англіи и Голландіи какой суспиціи». Письмо Куракинъ получилъ 12 Іюня и въ этотъ же день объявилъ о своемъ отъѣздѣ Квинсберри, о переводѣ на его мѣсто Берлинскаго Лита [3]), и просилъ отпуска у королевы. Чрезъ два дня послѣ того былъ у Куракина церемоніймейстеръ Енглишъ, который именемъ Квинсберри объявилъ князю, что отвѣтственной на вѣрющую грамоту князю давать не слѣдовало-бы, потому что Царь не прислалъ отзывательной, какъ это обыкновенно водилось; но королева, тѣмъ не менѣе, по склонности къ Куракину и въ уваженіе къ его знатности, рѣшила дать ему эту грамоту и отпускную аудіенцію. Вмѣсто отзывательной князь предъявилъ только указъ Петра о своемъ отъѣздѣ; а отвѣтственную получилъ уже въ дорогѣ, когда ѣхалъ водою къ Варшавѣ, и тотчасъ же отдалъ ее Головкину [4]). Не получилъ князь и отвѣта на предъявленный указъ Петра о нейтральствѣ. Квинсберри при прощаніи сказалъ только Куракину, что отвѣтъ Царю впредъ будетъ учиненъ и пересланъ по почтѣ.

При отъѣздѣ князь поручилъ завѣдываніе дѣлами до прибытія Лита Польскому посланнику Де-Лорму и Р. Беку, тайному агенту при Русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ. Первый писалъ князю въ Іюлѣ, что «нынѣшнее министерство боится великаго государя Петра»: онъ имѣетъ возможность принудить Англію воздать ему должную честь, въ которой она

---

[1]) Архивъ, V, 16.

[2]) Въ Ярославль, откуда Головкинъ писалъ письмо 25 Мая и гдѣ находился Петръ.

[3]) Грамота Петра, I, 37.

[4]) II, 43 ср. IV, 423—424.

до сихъ поръ ему отказывала. Англійскій Совѣтъ министровъ смотрѣлъ на Царя и его союзниковъ, какъ на безсильныхъ, и хотѣлъ позабавиться надъ этими августѣйшими главами; но въ этомъ отношеніи Совѣтъ ошибается... Р. Бекъ, относительно отвѣта королевы на письмо Царя сообщалъ, что, по отъѣздѣ князя, онъ нѣсколько разъ былъ въ секретаріатѣ, чтобы видѣть Квинсберри; но герцогъ заболѣлъ: у него были колики и заволъ кишекъ, такъ что не надѣялись на его выздоровленіе [1]). За смертію герцога завѣдываніе сѣверными дѣлами перешло къ С.-Джону, который, разобравъ документы Квинсберри, доложилъ о письмѣ Царя королевѣ и затѣмъ отправилъ отвѣтъ Куракину, извиняясь предъ нимъ въ томъ, что болѣзнь герцога Квинсберри, его смерть и нѣкоторые безпорядки, неизбѣжные въ подобныхъ случаяхъ, были причиной того, что князь не получилъ его ранѣе, какъ то было обѣщано. Вѣроятно, отвѣтъ былъ написанъ «въ генеральныхъ терминахъ», но въ общемъ успокоительно для Царя [2]).

Отъѣзжая князь купилъ въ подарокъ Царю «якорь съ камнемъ магнитомъ», который и отправилъ къ Архангельску. Стельсу онъ поручилъ отправить своихъ слугъ, а нѣкоему Александру Халепскому свой багажъ. За восемь дней до отъѣзда, предупреждая всякаго рода денежные случаи, князь публиковалъ въ газетахъ, что если кто имѣетъ долги, пусть бы приходили къ нему, потому что онъ скоро уѣдетъ. Еще во время жизни князя въ Лондонѣ находились лица, которыя злоупотребляли его довѣріемъ. Такъ одинъ изъ его служителей, Томасъ Керидке задолжалъ баронету и члену парламента Роберту Кемпе 1000 ф. стерлинговъ, не считая процентовъ. Укрываясь тѣмъ, что, въ силу парламентскаго акта, гарантирующаго привилегіи чужестранныхъ министровъ, Керидке находился въ свитѣ князя, онъ не хотѣлъ платить долга, вслѣдствіе чего Кемпе и пожаловался Квинсберри. Сей послѣдній просилъ Куракина освободить Керидке отъ его протекціи, дабы учинить свободное теченіе законамъ Англійскаго государства, чтò князь

---

[1]) Умеръ 27 Іюня.

[2]) Говоримъ, вѣроятно, потому что отвѣта мы не нашли въ опубликованныхъ документахъ. Судя по тому, чтò С.-Джонъ сообщалъ Витворту отъ 13 Іюля, когда посланъ былъ отвѣтъ, а именно, „что корпусъ отправляется на мѣсто общаго сборища, оставляется на Англійскомъ иждивеніи значительное число Саксонскихъ рекрутъ и, главное, возвращаются три Саксонскихъ баталіона изъ Фландріи, что мѣры, одобренныя въ Гагѣ (вѣроятно о Пфальцскихъ баталіонахъ) ждутъ одобренія королевы (чтò все свидѣтельствуетъ о добромъ поведеніи Англичанъ)“, надо думать, что и отвѣтъ не содержалъ въ себѣ болѣе важнаго матеріала. Въ этомъ же письмѣ С.-Джонъ, опредѣляя направленіе Англійской политики, говоритъ, что лучшій путь—это выжиданіе дальнѣйшихъ событій, что Витвортъ хорошо сдѣлаетъ, если проволочку объяснитъ результатомъ расположенія, и даже (чтò удивительно), особеннаго къ Царю. Сборникъ 50 т. 458—459; 468—469; ср. Архивъ IV, 437.

и сдѣлалъ. Вѣроятно его разумѣетъ Куракинъ, когда говоритъ, что «великій кредитъ учинилъ себѣ тѣмъ, что за своего гофмейстера, плута, заплатилъ съ полтретьи тысячи ефимковъ» [1]). Чрезъ публикацію въ газетахъ Куракинъ получилъ себѣ великую славу въ Лондонскомъ обществѣ. Отъѣзжалъ князь «безъ долгу и со всякимъ отъ всѣхъ почтеніемъ и великою естимою, какъ было объявлено и въ публичныхъ газетахъ». И все это, говорилъ Куракинъ, «я могу приписать въ вѣчную славу моего государя и отечества и къ чести своей фамиліи. Хотя я былъ и безъ характера, но пользовался отъ всѣхъ великимъ уваженіемъ, что̀ зависѣло отъ моей властной особы. Королева, въ проходахъ, всегда относилась ко мнѣ любезно и привѣтливо; этимъ, обыкновенно, она оттѣняла свое расположеніе къ чужестраннымъ посланникамъ, и я никогда не былъ отлученъ этой отмѣны. Получа отвѣтственную, съ великою себѣ похвалою, я отъѣхалъ въ Голландію 22 Іюня 1711 года».

Можно было бы не довѣрять отзывамъ князя о самомъ себѣ, если бы мы не имѣли возможности провѣрить ихъ со стороны. «Отвѣтственная», дѣйствительно, написана была въ самыхъ изысканныхъ и похвальныхъ выраженіяхъ: королева хвалила добродѣтели князя, украшающія изящнѣйшее шляхетство, его ревность, благоразуміе, тщаніе и вѣрность, съ которыми Куракинъ отстаивалъ царскіе интересы. Она пожертвовала въ подарокъ князю 1000 золотыхъ. С.-Джонъ отзывался о князѣ, какъ объ искусномъ министрѣ и любезномъ человѣкѣ, съ которымъ пріятно имѣть дѣло и чрезъ сношеніе съ которымъ удобно поддерживать добрыя отношенія обѣихъ націй. Герцогъ Квинсберри сожалѣлъ, что приходилось разставаться съ Куракинымъ неожиданно, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя въ Лондонѣ прекрасно; врядъ ли, говорилъ онъ, при замѣнѣ можно ожидать чего нибудь лучшаго. Витвортъ, съ своей стороны, искренне сожалѣлъ объ отъѣздѣ князя; въ письмѣ къ герцогу онъ высказывалъ опасеніе, какъ бы преемникъ Куракина, Литъ, не заставилъ его свѣтлость пожалѣть еще болѣе о происшедшей перемѣнѣ. Ничего не зная о причинахъ отъѣзда Куракина, Англійскіе министры высказывали опасеніе, не оскорбили ли они его проволочками по дѣлу о нейтральствѣ. Наконецъ, опытный и безспорно талантливый А. А. Матвѣевъ хвалилъ Куракина за то, что онъ честно и умно работалъ въ Англіи [2]).

Безспорно, Англичане хвалили князя за его умѣнье держать себя въ обществѣ, за его умъ, образованіе, тактъ, вѣжливость, словомъ, за культурныя качества, которыми князь замѣтно выдѣлялся какъ пред-

---

[1]) IV, 22 ср. III, 302.

[2]) III, 302—303; II, 43, IV, 430, 437; Сборникъ т. 50, 447, 454, 459, 463; ср. т. 61, 7—10; Архивъ IV, 367.

ставитель новой Россіи. Дѣло дипломатіи—дѣло сложное, требующее пониманія не только своего интереса, но и чужаго, умѣнья и готовности разнообразіе частностей сводить къ единству, къ гармоніи. И тѣмъ выше это дѣло, чѣмъ крупнѣе сталкивающіеся интересы и лица ихъ отстаивающія. Въ эпоху міровой борьбы, которая разыгрывалась въ Европѣ въ началѣ XVIII в., въ центрѣ ея, среди умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ представителей Запада, Куракинъ не только съумѣлъ сохранить достоинство положенія, но и заслужить одобреніе.

Нельзя сказать, чтобы его поѣздка въ Лондонъ въ положительномъ смыслѣ была особенно успѣшна. То чтò сдѣлано имъ можно свести къ слѣдующему. Куракину удалось ослабить гарантію Травендальскаго договора вопреки Шведскихъ домогательствъ и протестовъ; своимъ вліяніемъ онъ содѣйствовалъ развитію Датскихъ интересовъ, по скольку они совпадали съ интересами сѣверныхъ союзниковъ и огражденію Даніи отъ излишняго давленія на нее со стороны морскихъ державъ. Ему удалось также разсѣять до нѣкоторой степени подозрительность Англичанъ объ увеличеніи Русскаго флота на Балтійскомъ морѣ и широтѣ завоевательныхъ замысловъ Петра: Англія не только не послала флота на море, но даже не протестовала оффиціально противъ захвата Русскими кораблями иностранныхъ. Далѣе, Куракинъ съумѣлъ выяснить и торговымъ компаніямъ, и правительству Англіи всю прибыточность торговли съ Россіей въ Балтійскихъ портахъ, вслѣдствіе чего компаніи ходатайствовали предъ правительствами обоихъ государствъ о начатіи торга и его облегченіи. Мы не ошибемся, если скажемъ, что князь, чрезъ поощреніе компаній и отдѣльныхъ купцовъ къ начатію торга, чрезъ облегченіе его стѣсненій, положилъ доброе начало коммерціи Англіи съ Россіей, которую поручалось оформить Витворту въ смыслѣ взаимныхъ выгодъ обоихъ государствъ. Чрезъ дипломатическое вмѣшательство Куракину не удалось остановить Турецкую войну; въ этомъ отношеніи счастливѣе былъ Матвѣевъ въ Голландіи, убѣдивъ ее дать предписаніе своему послу въ Константинополѣ всѣ мѣры употреблять къ прекращенію войны. Тоже дѣлала и Англія на словахъ, но не на дѣлѣ. Куракину удалось только ослабить прямое вмѣшательство Англіи въ эту войну, добиться возможнаго нейтральнаго отношенія къ ней, съузить область Англійскаго вліянія. Не удалось также князю извлечь изъ холоднаго Англійскаго сердца добрыхъ средствъ къ прекращенію войны на Сѣверѣ въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи; предложенная Англіей армистиція скорѣе выгодна была Швеціи, чѣмъ Русскимъ. Все, чтó въ этомъ отношеніи было сдѣлано Куракинымъ, сводилось къ выясненію несомнѣннаго желанія Англіи принять посредничество, но къ этому посредничеству слѣдовало относиться

осторожно, и политика Англіи въ этомъ дѣлѣ не согласуется со всѣми Русскими интересами. Тоже выяснилось и въ дѣлѣ сформированія нейтральнаго корпуса. Здѣсь, впрочемъ, Куракину удалось добиться положительнаго увѣренія со стороны Англіи, что еслибы нейтральство было нарушено Шведами, то она защитила бы покой Имперіи. Кромѣ того въ этомъ вопросѣ князю удалось выяснить степень равнодушнаго участія Англіи къ охранѣ Германіи, что развязывало отчасти руки Россіи и ея союзникамъ. Въ общемъ, положительный результатъ дѣятельности Куракина въ вопросахъ о посредничествѣ и нейтральствѣ сводился къ устраненію вмѣшательства Англіи въ Сѣверную войну. Аудіенціями, конференціями, визитами, трактаментами и всевозможными дискурсами и раціями Куракинъ достигъ того, что въ горячее и тяжелое время для Царя отстранилъ дѣйствительную поддержку Англіи непріятелямъ Россіи. Недаромъ С.-Джонъ говорилъ, что для Россіи Англія дѣлаетъ больше, чѣмъ для Швеціи и даже жертвуетъ своими дѣйствительными интересами. Кромѣ всего этого, дипломатическая миссія Куракина въ Лондонѣ способствовала разсѣянію Шведскихъ навѣтовъ, выясненію «ситуаціи» войны на Западѣ и тому, что «все непорядочное афронту г. посла Матвѣева было заглажено». Лично для князя она расширила его политическій горизонтъ, на опытѣ познакомила его съ практическимъ характеромъ Англійской политики и являлась хорошею школою для его будущей дѣятельности. Въ свою очередь уравновѣшенная, умная, чуждая узко-національной исключительности, но въ тоже время и стойкая въ защитѣ интересовъ родины личность Куракина способствовала установленію болѣе довѣрчивыхъ отношеній Англіи къ Россіи, чѣмъ какія были раньше. Этотъ моральный результатъ посольства Куракина въ Англію цѣненъ былъ потому, что устанавливалъ кредитъ новой Россіи на Западѣ Европы. Для установленія его князь, пропитанный идеями происхожденія, жертвовалъ своею «властною особою», какъ, напр., въ сношеніяхъ съ герцогомъ Квинсберри по дѣлу объ оскорбленіи на Москвѣ служителей Англійскаго посольства, давая тѣмъ понять заграницей, что и «мы—люди».

С. Кедровъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА ЛЕОНИДА ЯРОСЛАВСКАГО.

1856 г., Іюля 13 дня. 7-го, въ 8 часовъ утра, владыка возвратился въ Москву, тотчасъ же слушалъ обѣдню, читалъ писаніе, принималъ, на другой день служилъ въ Казанскомъ соборѣ, при чемъ посвящалъ игумена Покровскаго въ санъ архимандрита [1]), 11-го ѣздилъ на Перерву и во Влахернское (употребляю это неупотребительное имя, такъ какъ князь Сергѣй Михайловичъ не любитъ, чтобы его село называли Кузьминками). Владыка взялъ было съ собою дѣло для занятій, но оказалось слѣдующее: долго не могли найти ключей отъ архіерейскихъ келлій, въ келліяхъ на полу трава, на мебели пыль, воздухъ сдохлый, не могли собрать умыванье; отворили окна, начался сквозной вѣтеръ. Отслушавъ обѣдню, владыка отправился къ князю Сергѣю Михайловичу, у него обѣдалъ, а въ 6 часовъ уже принималъ докладъ преосвященнаго викарія на Троицкомъ подворьи.

На другой день, въ 6 часовъ утра, совершенно неожиданно посѣтилъ меня о. намѣстникъ Лавры. Онъ пріѣхалъ наканунѣ по вызову владыки на одинъ день и, какъ догадываются, для опрятанія св. мощей. О. Антоній между прочимъ говоритъ: вотъ какія времена! и владыка въ нѣкоторыхъ случаяхъ недоумѣваетъ. Вчера сказалъ онъ: «отъ всѣхъ этихъ церемоній бѣжалъ бы въ лѣсъ». Преосвященному викарію сказалъ тоже владыка: «Желать смерти небезопасно, а право годъ отъ году жить тяжелѣ».

*

Августа 4 дня. Съ прошлой Суботы до сего дня представляемся архіереямъ пріѣзжимъ [2]). Первый прибылъ Полоцкій и Витебскій архіепископъ Василій, 26 Іюля, и остановился въ Андроніевскомъ. Настоятель отправился доложить объ этомъ его высокопреосвященству. Входитъ, принимаетъ благословеніе. Владыка спрашиваетъ: «что̀ скажешь, о. архи-

[1]) Т. е. митрополитъ Московскій Филаретъ. Леонидъ былъ тогда ректоромъ Московской Духовной Семинаріи. П. Б.

[2]) На коронованіе императора Александра II-го.

мандритъ?» Старецъ по обычаю голосомъ грубымъ и срыву отвѣчаетъ: «Полякъ-то пріѣхалъ».—Какой Полякъ? — Ну, Полоцкой-то Василій. —Говорилъ бы яснѣе.—Чего тутъ яснѣе?—Когда?—Тогда-то.—Что еще? —Клячей требуетъ.—Дай! — Чего дать, нечего. — Подѣлись.—Да какъ пару-то дѣлить будешь?—Ну, какъ знаешь.—Чумичка-то у насъ съ нимъ одна будетъ иль нѣтъ?—Какая чумичка?—Ну, какъ по вашему, поваръ, что ли, прахъ его знаетъ.

Но опасенья старца напрасны: поваръ привезенъ, и четверня нанимается по 15 р. на день. Преосвященный 27 выходилъ на молебенъ въ Чудовѣ со владыкою. Въ этотъ день проповѣдь говорилъ протопресвитеръ Новскій. Владычнее слово въ день имянинъ Маріи Александровны замѣчательно между прочимъ и тѣмъ, что владыка въ первый разъ, сколько запомнятъ, говорилъ его безъ тетради (предъ нимъ былъ раскрытый служебникъ) и говорилъ превосходно; лишь въ одномъ мѣстѣ пропущена была мысль, впрочемъ несущественная, которую однакоже онъ вставилъ. Дай Богъ хорошему проповѣднику произнести такъ по тетради, какъ онъ безъ тетради.

Мы представлялись Полоцкому въ Суботу въ 9 час. утра. Онъ множество разъ цѣловалъ насъ, но извинялся отъѣздомъ въ Лавру: ему поданы были лошади.

Былъ я у о. ризничаго и въ три часа возвратился домой, потребовалъ обѣдъ, газеты и располагался отдохнуть отъ утомленія до вечера, но едва вложилъ ключъ въ замокъ кабинета, какъ докладываютъ: «верховой изъ монастыря; сію минуту пріѣхалъ митрополитъ Литовскій». Забывъ и ключъ въ замкѣ, я бросился въ карету, и тѣ же истомленные кони повлекли меня въ Заиконоспасскій.

*

Августа 22 дня. Назначенъ молебенъ наканунѣ коронаціи по всѣмъ церквамъ Москвы въ 4 часа по полудни; но придетъ ли кто въ церкви? Отчего бы не назначить, подобно какъ въ Англіи въ особыхъ случаяхъ, всеобщаго поста на три или хоть на одинъ день, чтобы весь народъ почувствовалъ великость приближающаго совершенія, очистился духовно и былъ содѣйственникомъ въ великомъ священномъ дѣйствіи помазанія на царство? А то въ уединеніи села Останкина Царь и Царица молятся, постятся, говѣютъ, размышляютъ о своей душѣ, о своей судьбѣ и судьбѣ милліоновъ; а въ Москвѣ, кажется, первое собраніе въ новоотдѣланномъ театрѣ, ломка на улицѣ, и вся обширная площадь унизана рядами экипажей. Я едва проѣхалъ по Кузнецкому отъ стѣсненія эки-

пажей; а былъ я въ Донскомъ—благодарить преосвященнаго Ѳеодотія за посѣщеніе Семинаріи. Въ началѣ я боялся посѣщеній, ибо ничто не было готово; но теперь, когда, послѣ неимовѣрныхъ усилій, все приведено въ возможно-порядочный видъ, я тоскую, что никто не жалуетъ. Преосвященный Ѳеодотій сегодня служилъ на Троицкомъ подворьѣ, освящалъ въ свою епархію антиминсы. Оттуда заѣхалъ къ намъ. Ходилъ по Семинаріи, былъ у меня и у инспектора; все изумлялся. «А въ наши времена, бывало, зимой приду изъ-за Дорогомиловскаго моста въ Заиконоспассій продрогши, голодный, а классъ не топленъ, окна разбиты, а морозъ трещитъ». Я замѣтилъ: «то—крайности; но у насъ есть свои: тамъ предосудительные недостатки, а у насъ излишества».

Всѣ преосвященные жалуются на пребываніе въ Москвѣ безъ дѣла, безъ знакомствъ, на чужомъ гнѣздѣ, и только и ждутъ коронаціи, чтобы убраться домой, гдѣ между тѣмъ накопляются дѣла. Это не то, что свѣтскіе гости Государя: тѣ заняты на всякій часъ внимательными хозяевами Россіи. Преосвященный Ѳеодотій стѣсняется и жизнію въ Донскомъ. «Весь домъ къ моимъ услугамъ, а не смѣю пошевелиться; лошади, но нанимаю своихъ; столъ прекрасный, но вредный для желудка: хочу сидѣть, а хозяинъ стоитъ; хочу молчать, а долженъ говорить и наоборотъ. Между тѣмъ мнѣ шестьдесятый годъ».

Вчера, докладывая владыкѣ дѣло, сказалъ я: «не изволите ли при настоящихъ обстоятельствахъ вспомнить нашего церковнаго старосту и медика». Владыка отвѣчалъ: «Карасевскій *) входилъ къ Государю съ двумя представленіями о награжденіи старостъ; первое прошло благополучно, а второе Государь велѣлъ вести обыкновеннымъ путемъ, чрезъ коммиссію».

— Но староста нашъ, возразилъ я, 12 лѣтъ поддерживаетъ церковь, до 800 р. серебромъ ежегодно на нее употребляетъ, и ему ничего отъ насъ, а графу Закревскому поработалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ и получилъ двѣ золотыя медали. Съ глубокимъ вздохомъ владыка отвѣчалъ: «Что жъ дѣлать. Во всемъ такова наша судьба».

*

Сентября 27 дня. Владыка 19-го принялъ гостей въ Лаврѣ, служилъ всенощное, на другой день литургію, сопровождая Царя въ риз-

---

*) Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода, преемникъ графа Протасова. (И самое имя-то постное).

ницу, гдѣ оставались долго, служилъ молебенъ о путешествующихъ, 21 возвратился домой въ Москву къ обѣднѣ, послѣ которой принималъ прошенія, ѣздилъ куда-то, вечеромъ большой докладъ преосвященнаго викарія, въ Суботу былъ у папскаго нунція; въ Понедѣльникъ, въ 8 часовъ служилъ въ соборѣ молебенъ о путешествующихъ (царская фамилія уѣхала 23 въ 11 часовъ вечера) и въ 10 часовъ уѣхалъ опять въ Лавру.

Назначенъ Новгородскимъ преосвященный Григорій, оберъ-прокуроромъ А. П. Толстой. Государь говорилъ, что докладъ поднесли ему въ Москвѣ, но онъ велѣлъ отвезти его въ Лавру, чтобы тамъ, за благословеніемъ преподобнаго, подписать. Дѣти Царя въ Воскресенье совершенно неожиданно посѣтили ризницу и много обнаружили знаній по церковной исторіи.

*

Владыка въ прошедшее Воскресенье, въ часъ пополудни, былъ у Государя по вызову. Въ Понедѣльникъ у него начали утреню въ пять, и нераздѣльно съ нею была обѣдня. Въ Чудовъ на молебенъ владыка пріѣхалъ ранѣе осьми, еще не начался благовѣстъ. Намѣстникъ вошелъ въ церковь при немъ. Владыка спросилъ: «Была въ Чудовѣ царская фамилія?»—«Была, вчера въ 3 часа; потомъ они были въ Успенскомъ соборѣ. Принималъ ихъ Алекс. Антонычъ. Это было предъ самой вечерней».—«Почему же я не извѣщенъ? Коли ты гордъ, то прислалъ бы кого вмѣсто себя». Въ 9 часовъ уже былъ дома и туже минуту, только переодѣвшись, сѣлъ въ дорожный экипажъ. Во 2 часу былъ въ Лаврѣ, въ 3 час. пошелъ къ вечернѣ, служилъ молебенъ съ акаѳистомъ, всенощное съ литіею и величаніемъ, на утро литургію; ходилъ ли въ трапезу, не знаю; 26 служилъ въ трапезной, 28-го въ 11 часовъ утра пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ отправился въ Синодальную Контору. Въ третьемъ слушалъ консисторскій докладъ, въ три принималъ меня, и были еще ожидавшіе. Впрочемъ преосвященнаго съ докладомъ не будетъ: уѣхалъ въ Саввинъ монастырь вчера.

*

Октября 1 дня. У Кашинцова слышалъ анекдотъ. Фридрихъ II отнялъ у Римско-Католическаго епископа свѣтскія владѣнія и давалъ малое содержаніе. Однажды во дворцѣ Фридрихъ говоритъ: «Я надѣюсь, что подъ вашею мантіею, монсиньоръ, и я проникну въ рай».—«Государь! Вы такъ окоротили мою мантію, что подъ ней никакой контра-

банды не пронесешь»... Въ Среду, по приглашенію А. Н. [1]), обѣдалъ у него въ Останкинѣ и много гулялъ. Государь сказалъ владыкѣ, что назначеніемъ графа Тостого въ оберъ-прокуроры онъ желалъ услужить церкви. Владыка назвалъ его человѣкомъ благочестивымъ и благонамѣреннымъ. Жалѣю, что не удалось отклонить А. Н. отъ намѣренія передать владыкѣ слухи о разныхъ архіереяхъ. Объ одномъ говоритъ, будто играетъ въ карты, и хозяйствомъ его завѣдуетъ хорошенькая племянница. Легко обвинить, а оправить трудно. Когда я сказалъ, что въ Англійской иллюстраціи изображены коронаціонныя празднества и Русскіе всѣ, начиная съ Царя, представлены въ куцыхъ мундирахъ, тогда какъ всѣ до одного въ полукафтаньи ходятъ, М. сказалъ: «Итакъ, всѣ наши труды пропали. Это вѣрно въ насмѣшку». Онъ выѣхалъ встрѣтить меня на камергерскомъ сѣдлѣ. Прелесть: бархатъ алый шитъ золотомъ, всѣ ремни на лошади золотые.

*

Въ Суботу былъ у Владимирской на акаѳистѣ, у Муравьева, у владыки, которому отвезъ два билета на полученіе *Русскаго Вѣстника* на нынѣшній и будущій годъ. Это вслѣдствіе его повелѣнія. На дняхъ онъ говоритъ мнѣ: «Читаешь ли ты *Русскій Вѣстникъ*?» [2])—Нѣтъ.—«Каково его направленіе?»—Западное.—«Надо было бы за нимъ послѣдить». И приказалъ записаться. Онъ далъ мнѣ пачку билетовъ и велѣлъ отсчитать. Передъ всенощной опять посѣтилъ Андрея Николаевича.

*

Октября 16 дня. М. К. Цеймернъ пріѣхалъ изъ Петербурга на освященіе церкви его села, но священникъ потерялъ указъ объ освященіи церкви и за новымъ долженъ былъ ѣхать въ Москву. Освященіе назначено было 14, но отложено; а М. К-чу можно остаться лишь до 18. Пишетъ и проситъ меня войти въ дѣло его. Въ рукахъ священника была просьба. Я показалъ ее владыкѣ, объяснилъ дѣло. Владыка далъ на ней же резолюцію: «архимандриту Тихону освятить храмъ», и священникъ возвратился безъ промедленія. Владыка разсказалъ историческій анекдотъ. Императоръ Павелъ въ Гатчинѣ далъ повелѣніе Растопчину написать указъ объ удаленіи въ монастырь императрицы Маріи. Растопчинъ, не противорѣча, удалился. Императоръ, въ нетерпѣніи, неоднократно посылалъ пажа спрашивать: готово ли порученное дѣло, и

---

[1]) Т. е. Андрея Николаевича Муравьева.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“, въ этотъ первый годъ своего изданія, восхвалялъ Англійскую конституцію.

получалъ въ отвѣтъ, что дѣло дѣлается со всевозможною поспѣшностію. Утромъ Растопчинъ входитъ въ кабинетъ Государя и говоритъ ему о невинности Императрицы, о соблазнѣ для народа и прибавляетъ: «я сказалъ все, какъ вѣрноподданный; а теперь дѣлайте со мною, что̀ хотите». Императоръ обнялъ и поцѣловалъ его, а указъ разорвалъ. Такъ съ нимъ всегда поступали, когда онъ былъ не въ себѣ. Если онъ присуждалъ наказаніе, то должно было молчать, щадя несчастнаго: иначе заступленіе подвергло бы его бо̀льшимъ бѣдствіямъ; но можно было на другой день, выбравъ минуту, сказать: «по такой-то причинѣ указъ еще не успѣлъ привестись въ исполненіе; но открылись такія-то новыя обстоятельства, уменьшающія вину подсудимаго». И дѣло бывало выиграно. Владыка говорилъ о превратности либерализма. Довѣріе къ людямъ потеряно нынче. Были министры на Западѣ: Веллюгтонъ, Пиль, Гизо, а теперь все посредственности и пришлецы. «Да, политическія судьбы Европы—говорю я—въ рукахъ пришлеца. Къ подобному подбираются сами собою подобные». Владыка замѣтилъ, что если оправдается слухъ объ ослабленіи его умственныхъ силъ, то министры, изъ своекорыстныхъ цѣлей, станутъ его поддерживать, и можетъ быть надѣлано много худого имъ самимъ и отъ его имени.

*

Октября 18 дня. О. намѣстникъ пріѣхалъ на освященіе домовой церкви княгини Голицыной, что̀ въ родствѣ съ Татьяной Борисовной Потемкиной. Владыка освящалъ самъ. Татьяна Борисовна была здѣсь. Вчера пренепріятно провелъ утро въ разговорахъ о семинарскихъ неурядицахъ. Ѣздилъ съ бумагами къ владыкѣ. Бывшему секретарю велика награда—годовой окладъ. Владыку успѣли согласить, что штаты въ училищахъ не полезны. Убѣждали преосвященный *) и Андрей Николаевичъ.

*

Октября 26 дня. Погребали священника Д. Г. Левитскаго. Говорилъ мнѣ священникъ клиники, гдѣ лѣчился и умеръ о. Димитрій, что ему повредила клиника. Въ ней лежали Севастопольскіе больные. Они оставили слѣдъ. Гной нарывовъ у о. Димитрія пошелъ въ кровь. Можетъ быть, это и не такъ: пересказываю слова священника, который говоритъ, что въ больницахъ перестали дѣлать операціи. Левитскій поѣхалъ на посвященіе, едва не утонулъ на Келарскомъ пруду; готова ему каѳедра философіи—онъ умре. 5 Іюля, въ день пр. Сергія поѣхалъ, на ревизію въ Тулу, гдѣ схватилъ простуду ногъ; 25 Сентября уѣхалъ изъ посада въ клинику и не всталъ. Умеръ въ день рожденія, 39 лѣтъ,

*) Т. е. викарій Алексѣй.

а погребенъ въ день ангела 26. Осталась жена и трое (кажется) дѣтей. Онъ былъ насмѣшливъ и позволялъ и надъ собою смѣяться. Былъ на словахъ вольномысленъ, но, я помню (около 1843 г.) онъ на первую недѣлю затворялся, постился и со слезами принималъ Св. Тайны. Памятникъ его ума и учености книга «О конечныхъ причинахъ».

Преосвященный Григорій дней 6 не переѣзжалъ въ Лавру, предоставивъ дѣло викарію. Государь сказалъ ему 2 Октября, что давно избралъ его, подписалъ указъ только 1 Октября, чтобы Покровъ Божіей Матери почивалъ на немъ и на Россіи. Но владыка Григорій пораженъ назначеніемъ. Оно потрясло его здоровье. Ему 72 года. Когда преосвященный Платонъ и намѣстникъ Лавры пріѣхали поздравить его, онъ сказалъ, заплакавъ: «Ничего столько не боялся, какъ этого мѣста».

*

1856 года Ноября 2 дня. Поутру представлялъ владыкѣ проповѣдь семинарскаго священника на день воспоминанія освященія храма семинарскаго. Владыка велѣлъ придти назавтра священнику, но къ вечеру присылаетъ за мною. Проповѣдь уже прочитана, и надѣлано множество замѣчаній; всѣ основательны, это безъ сомнѣнія, но нѣкоторыя очень остроумны. Встрѣтивъ выраженіе: «Цѣлая толпа», замѣтилъ: «Толпа заключаетъ въ себѣ понятіе неопредѣленнаго множества, какая же въ ней цѣлость?»—«Бѣглое явленіе»—«бѣглое, такъ что жъ оно, безъ паспорта?» «Мигъ»,—«отчего же не сказать мгновеніе? Это слово лучше образовано. Когда я писалъ манифестъ о наслѣдованіи престола и употребилъ выраженіе: «Чтобы ни на одну минуту не оставалось въ сомнѣніи»... Императоръ Александръ написалъ на сторонѣ «ни на одно мгновеніе»; онъ не занимался литературой, а имѣлъ тонкое различеніе приличія и благозвучія». «Употребите, слушатели, остатокъ дней своихъ»—«развѣ будутъ все 60-лѣтніе старики? Смѣшно сказать передъ множествомъ пятнадцатилѣтнихъ: остатокъ дней. Что̀ вы не учите ихъ? У васъ не выучатся и будутъ вѣкъ свой писать и говорить вздоръ». Въ чтеніи пропадаетъ вся соль, а на устахъ этого тонкаго критика эти мимолетныя замѣтки невольно срываютъ съ устъ слушателя улыбку. Конечно онъ на нихъ не останавливается, а остановливается на серьезныхъ пунктахъ. Найдя выраженіе «дни лукави» въ смыслѣ *скоротечны* сказалъ: «Надобно еще знать, что̀ разумѣлъ апостолъ подъ этимъ словомъ. Не употребилъ ли его для выраженія обстоятельствъ его времени».

*

Ноября 4 дня. Владыка пріѣхалъ въ 9½. На немъ было: синій кафтанъ, коричневая ряса, панагія съ бѣлыми и зелеными листами и вмѣсто коронки голубь, осыпанный бриліантами. Владыка былъ свѣжъ и доволенъ. Было два посвященія: діакона въ Архангельскій соборъ и субъ-инспектора Озерова. Давно не чувствовалъ я такъ глубоко силы таинства. Я уговаривалъ Озерова: на мнѣ отвѣтъ. Избави, Господи, отъ осужденія. Народу было много, но не жарко. У меня пробылъ довольно, разговаривая съ С. П. Шиповымъ. Я многихъ, многихъ свѣтскихъ назвалъ, и почти всѣ были. Владыка это жалуетъ. Это хорошо, чтобъ знали Семинарію. За то на экзамены никого изъ мірскихъ не зову. Послѣ вечерни (Николаю Чудотворцу) мы поѣхали ко владыкѣ и долго ждали, пока была у него Хотьковская игуменія. Изъ зала ввели въ долгую комнату. Освѣщеніе подъ колпаками было тускло. Владыка вышелъ. Мы поклонились въ ноги, и я благодарилъ отъ лица Семинаріи. Онъ сказалъ: «Благодарю за порядокъ и угощеніе». Вѣрно былъ доволенъ: ничто не укроется и не скроется безъ замѣчанія. Въ рукахъ его была бумага и Аннинская лента. Онъ велѣлъ обнажить голову и надѣлъ на меня Аннинскій крестъ, сказавъ: «поздравляю съ монаршей милостью». Я поклонился, поцѣловалъ руку и сказалъ: «Мнѣ стыдно по чувству недостоинства носить на себѣ и тѣ знаки вашей милости, которыми доселѣ пользовался».—«Я доволенъ, что могу сдѣлать». Я рѣшился сказать объ окнѣ заложенномъ щитомъ, на которомъ повѣшенъ образъ св. Филарета. Этого окна владыка никакъ не хотѣлъ допустить, даже не взирая на просьбы преосвященнаго Алексія. Онъ едва позволилъ поставить щитъ на пробу, хотѣлъ нарочно пріѣхать, потомъ велѣлъ поставить, чтобы видѣть нынче и смотрѣлъ, говорятъ, внимательно. Я трепеталъ: отказъ обидитъ старосту много трудящагося. «Да гдѣ же тутъ было окно, я не знаю». Я сказалъ гдѣ. «Оставь щитъ». Я сказалъ, что окно не заложено, а только застановлено доскою, закрашенною по бумагѣ. Владыка увидѣлъ возстановившуюся симетрію и потомъ охотно согласился, и я торжествую, Бога благодаря. «Оставь, оставь», были послѣднія слова.

*

Ноября 9 дня. Вечеромъ вчера у владыки. Онъ вчера служилъ дòма по отцѣ, сегодня отказался отъ Архангельскаго. Никого не принимаетъ. Сидитъ передъ книгою Греческой. Весьма благодуменъ. Я между двухъ огней: между Андреемъ Николаевичемъ и преосвященнымъ Харьковскимъ, по поводу «Русскихъ Святыхъ». Вотъ ходъ посѣщенія. Я принесъ переписанное письмо Андрея Николаевича Муравьева, пенсіонныя деньги владыки за треть 143 р. с. и дѣло объ опредѣленіи

учителя на Перерву. Письмо въ конвертѣ за печатью отправилъ съ келлейнымъ. Велѣно звать въ спальню. Увидѣвъ книгу росписную: «Что̀ такое?»—Пенсіонныя деньги.—Когда владыка расписывался въ книгѣ, я развертывалъ депозитки. «Ну, что тутъ считать!» Взявъ письмо: «Садитесь, это любопытно. А. Н. сердится на меня и еще приписываетъ мнѣ возраженія, какихъ я никогда не дѣлалъ ему. Ты не читалъ, что̀ писалъ въ Синодъ?»—Нѣтъ.—«Вотъ читай Синодскій указъ». Въ указѣ прописано донесеніе Харьковскаго, которымъ онъ проситъ разрѣшить ему писать житія Россійскихъ святыхъ и о житіяхъ А. Н. отзывается какъ наполненныхъ ошибками, невѣрностями и несообразностями.—«Читай мой отзывъ». Я читаю про себя. Владыка слѣдитъ за мною взоромъ. Я пропустилъ было нѣсколько строкъ отмѣченныхъ карандашемъ. «Читай все. Что̀ скажешь?»—«Кажется А. Н. не на что гнѣваться. Вы берете его подъ защиту, а архіерею предоставляете отвѣтствовать за себя».—«Ты видишь, что я между двухъ огней. А. Н. напрасно думаетъ, что хотятъ запретить ему писать: пусть пишетъ; пусть позволитъ ему дѣлать замѣчанія и пусть не требуетъ, чтобы вопроса о его трудѣ не подымали. Его трудъ частный, и потому можно быть къ нему снисходительнымъ; но трудъ его подлежитъ духовной цензурѣ: она въ отвѣтѣ за него. Что̀ до преосвященнаго, онъ требуетъ благословенія у Синода на трудъ свой. Слѣдовательно Синодъ будетъ самъ въ отвѣтѣ, при томъ авторъ епископъ: должно требовать точности. Пусть сначала сдѣлаетъ списокъ святыхъ съ указаніями и представитъ. Онъ осуждаетъ сочиненія Муравьева; пусть же докажетъ. Этого Синодъ вправѣ требовать. Нельзя въ форменной бумагѣ говорить бездоказательно. Этимъ онъ налагаетъ нареканіе не только на цензуру, но и на нынѣшняго митрополита Новгородскаго, который просматривалъ его книги». Разговоръ шелъ въ этомъ родѣ. Владыка былъ очень благодушенъ.—«Что еще за бумага?» Подаю. Читаетъ.—«Вѣдь я не безграмотный. Что же ты не скажешь, на какой предметъ опредѣляется учитель?»—«Это было сказано объ увольненіи его предмѣстника».—«Ты бы и пришилъ сюда это дѣло. Съѣзди ты въ Консисторію поучиться порядку. Пригодится когда-нибудь». Я прошу прощенія.—«Да не скажи обо мнѣ, какъ Андрей Николаевичъ». Я поклонился. «Благодарю, что потрудился».

Навѣщали Бенедиктовыхъ. Старушка энтузіастка императорской фамиліи и владыки. «Я видѣла его въ служеніи, приняла его благословеніе; была вполнѣ счастлива: теперь легче будетъ вынесть тяжесть ожидаемой слѣпоты, и умру спокойнѣе». Я заходилъ въ ея комнату,

благословилъ ея одръ, посидѣлъ въ ея креслахъ. Добрая семья въ восторгѣ отъ нашего посѣщенія.

*

Совершенно неожиданно попалъ на Угрѣшу. Давно приглашаетъ меня о. игуменъ Пименъ, давно братъ подзываетъ, уже нѣсколько лѣтъ. Собираюсь и не соберусь. Въ Воскресенье послѣ обѣдни, за чаемъ братъ говоритъ: «Поѣдемъ къ вечернѣ на Угрѣшу, съ тѣмъ, чтобы къ ночи назадъ».—«Да?—Изволь».—За три рубля серебромъ наняли открытыя городскія сани парою въ дышлѣ и отправились: въ два часа выѣхали изъ города, въ 10 въѣхали въ городъ. Игуменъ былъ очень радъ: угостилъ насъ чаемъ до вечерни и ужиномъ послѣ вечерни. Ризница новая и богатѣйшая: облаченій премного прекрасныхъ, на большое соборное служеніе, по три и по четыре пары. Двѣ шитыя золотомъ по малиновому бархату великолѣпны. Есть сосуды и евангелія царей. Чудотворный образъ св. Николая, думаютъ, что уже подновленъ. Обитель основана при Димитріи Донскомъ. Въ 1380 году, вышедъ въ походъ противъ Мамая, онъ расположился станомъ надъ Москвою рѣкой. На другой сторонѣ рѣки надъ сосною увидѣлъ икону святителя. Она сама спустилась на землю. Донской принялъ ее. Это ободрило князя, *согрѣло* сердце его, впослѣдствіи онъ поставилъ тутъ храмъ, устроилъ обитель, и мѣсто прозвалось *Угрѣша*, отъ глагола угрѣвать, согрѣвать. Около 1821 года монастырь былъ въ упадкѣ. Случилось: поднимали кололоъ, колоколъ не пошелъ съ перваго разу, а сѣлъ на землю, подъ нимъ хруснуло что-то. Когда колоколъ подняли, подъ землею открыли плиту, на ней надпись, изъ которой видно было, что тутъ лежитъ подъ камнемъ тѣло епископа Коломенскаго, схимонаха. Мѣсто огородили рѣшеткою. Приходилъ къ нимъ съ Аѳона старецъ; по времени узнаётъ объ этомъ случаѣ и спрашиваетъ: «творите ли память о святителѣ?»—Нѣтъ.—«Надобно бы; можетъ быть по его молитвамъ процвѣтетъ обитель». Послушались, и съ того же года обстоятельства перемѣнились, и теперь это одинъ изъ самыхъ богатыхъ и благоустроенныхъ монастырей. На одно учрежденіе больницы ассигнуетъ игуменъ до 60 тысячъ серебромъ. Обитель цвѣтетъ отъ того, что пустынная, общежительная и не связана Консисторіею. Ея отчеты не идутъ далѣе благочиннаго монастырей. Служба прекрасно отправляется и не продолжительно. Вечерня съ тремя канонами и акаѳистомъ 1½ часа. Пѣніе столповое, но мягкое и очень пріятное. Не зная дороги, мы много путались. Поэтому на возвратномъ пути о. игуменъ самъ провожалъ насъ болѣе нежели до половины дороги.

Во Вторникъ послѣ обѣда былъ у владыки. Владыка, сдавая двѣ книги Записокъ Словеснаго Отдѣленія Академіи Наукъ [1]), упомянулъ, какъ о замѣчательной, о статьѣ, которая доказываетъ подлинность одной части Іакимовской лѣтописи и оправдываетъ нѣкоторыя данныя церковно-историческія.

Научилъ, какъ поступить съ Маркомъ: «Напиши, что онъ монастырю нуженъ, что просился онъ въ Вологду безъ твоего согласія, что впрочемъ воля начальства, противиться не будешь».—Я очень опасался по дѣлу іеродіакона Сергія. Онъ пришелъ и говоритъ: «Я былъ въ Сергіевой пустыни [2]), по желанію преосвященнаго Евгенія поѣхалъ съ нимъ въ Астрахань, преосвященный переведенъ въ Псковъ. Я прошу принять меня».—Предъяви паспортъ. На сколько данъ онъ?—На полгода, но въ Консисторіи отказались прописать, ибо Москва не упомянута, а я проѣздомъ чрезъ Москву въ С.-Петербургъ остановился и прихожу къ вамъ.—Ладно, я устрою. Да и не устроилъ: то забуду, то отложу; суеты, дѣлъ было въ Іюлѣ, Августѣ и въ Сентябрѣ пропасть; казначеи смѣнялись, и новый объ этомъ не зналъ. Наконецъ я подалъ въ Контору просьбу, чтобы они на его испытаніе опредѣлили время и зачислили въ штатъ. Но слова владыки: «онъ былъ въ Сергіевой пустыни; врядъ ли оттуда хорошаго легко отпустятъ», заставили писать къ а. Игнатію. Тотъ отвѣчаетъ: «Остерегайтесь лица, желающаго поступить въ вашу обитель». Я казначея послалъ въ Контору объясниться. Тамъ возвратили просьбу, сказавъ, что діаконъ не долженъ былъ и являться въ Москвѣ. Я передалъ ему опредѣленіе Конторы. Онъ сказалъ, что въ Петербургъ ему нельзя явиться: спросятъ, гдѣ жилъ 4 мѣсяца? и сталъ требовать свидѣтельства. Я зналъ, что дать свидѣтельство нельзя; но зналъ, что останусь не совсѣмъ правъ. Я не зналъ, что дѣлать, а владыкѣ сказать опасался. Поэтому прибѣгъ къ Божьей помощи. Сверхъ чаянія рѣшился сказать и сказалъ все подробно.—«Что же не сказалъ мнѣ, когда въ Консисторіи не прописывали?»—Да забылъ о дѣлѣ этомъ.—«Какъ же быть? Отдай паспортъ, и пусть идетъ. Когда спросятъ, мы будемъ отвѣчать. А онъ виноватъ, что пришелъ въ Москву и не старался достать себѣ видъ». И другія дѣла владыка разрѣшилъ мнѣ. Еще замѣчательность.

Въ 1854 году Синодъ чрезъ Академію поручилъ пр. Кирьякову и свящ. Акимову составить Латинскую Христоматію для училищъ и семинарій, и когда Христоматія составленная уже представлена ими

---

[1]) Эти Записки были доставляемы митрополиту Филарету, какъ академику.

[2]) Подъ Петербургомъ.

начальству, мы получаемъ изъ Петербурга требованіе назначить корректора для надзора за изданіемъ старой Христоматіи, которой опредѣлено напечатать въ числѣ семи тысячъ экземпляровъ. Владыка велѣлъ призвать составителя новой Христоматіи для пересмотра ея, велѣлъ дать ему экземпляръ старой и остановить назначеніе корректора. На другой день часъ цѣлый занимался съ Кирьяковымъ и обѣщалъ писать въ Петербургъ.

*

Декабря 1. Нынче, ради празднованія крещенія великаго князя Николая Николаевича, владыка служилъ въ Чудовѣ. Служба св. Филарету правилась, но молебенъ былъ благодарственный. Преосвященный Евгеній и всѣ архимандриты съѣхались, чтобы имѣть рѣдкій случай поздравить владыку со днемъ ангела. Въ Чудовскихъ келліяхъ онъ принималъ духовныхъ и нѣсколькихъ мірянъ, напримѣръ, обоихъ комендантовъ, гражданскаго губернатора и проч. На подворьѣ же никого до вечера.

Въ Воскресенье служилъ со владыкою у Григорія Богослова на погребеніи Губиной. Мужъ ея богачъ, много дѣлаетъ для церкви. Владыка это знаетъ; онъ пріѣхалъ въ домъ, облачился и немного прошелъ по улицѣ въ мантіи, полуомофорѣ и клобукѣ. Изъ церкви также проводилъ за ограду и отпѣлъ литію.

Матушка готовилась пріобщаться у насъ; но случилось, что пріобщалась на подворьѣ изъ рукъ митрополита. Онъ говѣлъ, служилъ, какъ ему при говѣніи обычно, въ Суботу и всѣхъ пріобщалъ. Кромѣ его домочадцевъ было причастниковъ немало.

*

Декабря 17 дня. Вечеромъ былъ съ докладомъ. Когда подавалъ книжку «Вѣстника» спросилъ: «Въ которой книжкѣ Ноября статья о расколѣ?» Потомъ: «принимался я читать о Карлѣ V, это цѣлая книга; но нѣтъ, она наполнена догадками сочинителя». Тутъ же въ оглавленіи статья о Робертѣ Пилѣ. Владыка поэтому сказалъ: «Читалъ я въ *Сѣверной Пчелѣ* статью о Робертѣ Пилѣ. Приводится тамъ молитва, написанная Пилемъ для себя при избраніи въ министра. Онъ проситъ, чтобы Богъ далъ ему воспользоваться къ благу страны и чужими опытами, чтобы не случилось ему погасить чьего-нибудь дѣла, проситъ исправить его собственныя ошибки. Вотъ какіе были министры; а Пальмерстонъ уже не таковъ, хотя и немного времени прошло». Я рѣ-

шился спросить о будущей участи Пиля, который былъ еретикъ. «Что онъ былъ еретикъ, за это отвѣтятъ Богу Кентерберійскій архіепископъ и епископъ Лондонскій; онъ же не виноватъ, что по ихъ катихизису учился».—Но еретики не имѣютъ таинствъ, кромѣ крещенія; можетъ быть...—«У нихъ есть вѣра. Когда сердце пламенѣетъ вѣрою и любовію, догматика остается въ сторонѣ. Впрочемъ это тайна промысла Божьяго».

*

1857 г. Января 16 дня. Владыка, возвращая князю Голицыну книгу «La Russie sera-t-elle catholique?» пишетъ: Съ какой основательностію принятъ авторомъ католицизмъ, видно изъ того, что онъ написалъ главу «Католицизмъ и Революція» и какъ бы не видитъ, что въ 1848 году революція, охватившая потомъ большую часть Западной Европы, открыла свое жерло у самаго средоточія католицизма, жерло, въ которое упалъ бы и папа, если бы во-время не убѣжалъ, папа, который и теперь на краю этой бездны и не падаетъ въ нее лишь потому, что поддерживаютъ его Французскіе штыки. Если бы онъ лучше зналъ католицизмъ, то не писалъ бы главы «Католицизмъ и Революція»; ибо папа, захвативъ незаконно свѣтскую власть въ свои руки, управлялъ всѣми отраслями государственной власти посредствомъ своихъ священниковъ и монаховъ и не умѣлъ управить, выводитъ людей изъ терпѣнія и вынуждаетъ ихъ къ революціямъ».

*

Былъ у владыки. Онъ читалъ Писаніе. На диванѣ, прислоненная къ боковой стѣнкѣ, лежала передъ нимъ библія Елисаветинскаго изданія. На мой вопросъ, какъ понимать мѵропомазаніе царей, есть ли это повтореніе таинства, онъ отвѣтствовалъ: «Таинствомъ мѵропомазанія сообщается благодать, достаточная на всю жизнь человѣка; но если человѣкъ, вмѣсто того, чтобы возгрѣвать даръ благодати, ругался благодати и, впавъ въ ересь, лишился ея, то таинство при новомъ обращеніи отпадшаго къ Церкви повторяется; такъ и наоборотъ, когда требуется особая благодатная помощь къ высшему служенію, царскому, благодать Св. Духа снова сообщается Царю въ повторенномъ таинствѣ мѵропомазанія».

*

Въ Среду съ преосвященнымъ викаріемъ былъ на отпѣваніи покойной Варвары Шереметевой *) матери графини Анны Сергѣевны. От-

---

*) Варвара Петровна Шереметева, урожденная Алмазова, супруга Сергѣя Васильевича Шереметева.

пѣвали въ бывшемъ Воздвиженскомъ монастырѣ, хоронили въ Новоспасскомъ. Всѣ гости и хозяева обѣдали въ келліяхъ о. архимандрита. Утѣшеніе видѣть такое благочестивое и доброе семейство. Они глубоко поражены потерею: плачутъ и молятся съ горячимъ усердіемъ и радуются о Церкви православной, давшей намъ столько назидательныхъ обрядовъ и утѣшительныя и спасительныя священнодѣйствія. Ихъ трогали обычай кутьи, обычай чаши, и я долженъ былъ объяснить ихъ значеніе.

*

Въ Чудовѣ, въ келліяхъ владыки, нашелъ меня графъ Евѳ. Вас. Путятинъ и сказалъ: «Я хотѣлъ быть у васъ сегодня хоть на минуту, чтобы благодарить за все, что̀ вы сдѣлали для меня въ прошлый мой пріѣздъ». Разговоръ не могъ продолжаться, потому что насъ всѣхъ пригласили въ гостиную, и мы раздѣлились: духовные съ духовными, міряне съ мірянами. При разъѣздѣ онъ спросилъ меня: не заѣду ли я вечеромъ къ графу Александру Петровичу Толстому, у котораго онъ остановился, такъ какъ врядъ ли успѣетъ онъ найти минуту, чтобы пріѣхать ко мнѣ, а въ восемь часовъ вечера отправляется онъ въ путь. Я отвѣчалъ, что отношенія наши съ графомъ Толстымъ измѣнились, и что я къ нему не поѣду.—Я слышалъ, что онъ хотѣлъ просить васъ къ себѣ сегодня вечеромъ.—Это другое дѣло: если онъ пришлетъ, я буду; а не пришлетъ, то не поѣду.—Я ему передамъ.

Едва успѣлъ я пріѣхать домой, какъ мнѣ докладываютъ, что графъ Путятинъ и графъ Толстой просятъ меня къ себѣ въ 6 час. вечера. Едва, едва могъ я рѣшиться ѣхать: такъ худо себя чувствовалъ, но поѣхалъ. Въ большой, еще не вполнѣ освященной, залѣ, къ которой присоединена цвѣточная галерея, сидѣлъ графъ съ женой своей и новымъ чиновникомъ особыхъ порученій, бывшимъ редакторомъ «Бесѣды» Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Они уже отпили чай, только приборъ не былъ еще убранъ. Графъ Толстой говорилъ о физическомъ воспитаніи дѣтей. Этотъ вопросъ постоянно занимаетъ и насъ, да что намъ дѣлать? Говорили еще о классахъ; я подтвердилъ мысль о безполезности и даже вредѣ отъ преподаванія медицины и сельскаго хозяйства, особенно, какъ преподаются теперь эти предметы, а также о вредѣ преподаванія «Прав. Исповѣданія» Петра Могилы, которое сбиваетъ съ толку учениковъ, знающихъ катихизисъ преосвященнаго Филарета. Графа Путятина извѣстили о моемъ пріѣздѣ. Онъ вошелъ. Хозяинъ удалился съ Тертіемъ Ивановичемъ въ другую часть залы, хозяйка ушла. Евѳ. Вас. говорилъ, что по телеграфу вызванъ былъ въ

Петербургъ, собрался въ два дня, дѣла сдалъ лейтенанту Пещурову до возвращенія, на пути заѣзжалъ въ Вильну, куда пріѣхалъ въ полночь, и гдѣ Анастасія*) *заставила* его слушать обѣдню. Назимовы очень довольны своимъ положеніемъ.

На вопросъ, куда онъ ѣдетъ, онъ отвѣчалъ: «Это секретъ, но я вамъ скажу, что ѣду въ Китай. Впрочемъ, секретъ не сохраненъ, и весь Петербургъ объ этомъ зналъ. Теперь тамъ все въ огнѣ, надобно заблаговременно устроить и упрочить наши дѣла. Въ Кяхтѣ буду ожидать курьера, ибо не знаю, пустятъ ли меня въ Пекинъ?».

При этомъ графъ говорилъ, что имѣлъ бесѣду со владыкою о необходимости устроить семинаріи миссіонеровъ. — Если мы не будемъ имѣть въ тѣхъ странахъ правильныхъ миссій, то дѣла наши не получатъ прочности.—Я спросилъ: что же владыка?—Сказалъ, что объ этомъ надобно подумать.—Но вѣдь этого откладывать нельзя.—Правда, что пока мы думаемъ, Католики и Протестанты дѣйствуютъ, и если мы себя не оградимъ, то они, прошедъ Китай и Тибетъ, подойдутъ къ нашимъ границамъ и перейдутъ чрезъ нихъ.—Вы сдѣлаете, графъ, имя себѣ и въ церковной нашей исторіи, какъ сдѣлали въ исторіи войны, флота и дипломатіи. Да поможетъ вамъ Богъ! Мы всѣ утѣшены вашимъ назначеніемъ: знаемъ, что въ дѣлѣ своемъ вы не забудете Христа. Онъ говоритъ, что нужны непремѣнно монахи въ миссіи. Это обновитъ вянущія силы монашества. Лишь бы начало было хорошо, продолженіе само собою будетъ. Я просидѣлъ полтора часа. Оба графа проводили меня съ лѣстницы, при чемъ графъ Толстой говорилъ о недостаткѣ денегъ въ Синодѣ, а я о недостаткѣ денегъ въ Семинаріи. Графъ Толстой уѣхалъ въ Четвергъ, а въ тотъ же день и преосвященный Аѳанасій Казанскій, которому мы представлялись въ Понедѣльникъ на Савинскомъ подворьѣ.

1857 г. Марта 7 дня. Вчера въ 6 часу вечера я былъ у владыки, когда онъ пилъ чай. Во всемъ у него правило: кушаетъ три чашки, первую просто, вторую съ краснымъ виномъ, третью съ малиновымъ вареньемъ, ягоды котораго потомъ съѣдаетъ. Я сидѣлъ долго. Послѣ доклада о дѣлахъ, я сказалъ, что видѣлся съ графомъ Толстымъ и что онъ много говорилъ о тѣлесномъ образованіи, въ которомъ замѣчаетъ недостатокъ въ духовныхъ училищахъ.

Владыка. Онъ, можетъ быть, разумѣетъ то, что наши дѣти слишкомъ много времени употребляютъ на занятія какъ потому, что у насъ

*) Супруга Виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова.

мало учебниковъ и уроки они должны писать, такъ и потому, что предметовъ слишкомъ много.

Я. Оберъ-прокуроръ разумѣлъ также и недостатокъ движенія. Я говорилъ ему, что лѣтомъ ученики почти все свободное время проводятъ въ саду, играютъ въ лапту, въ кегли.

Владыка. Эти игры даютъ хорошее движеніе; есть ли искусные игроки въ кегли, которые могли бы сбивать среднюю кеглю?

Я. Есть. Но что̀ до зимняго времени, то, правда, что у нихъ нѣтъ движенія и, не имѣя въ предметѣ игръ, ученики неохотно выходятъ на прогулки.

Владыка. Да отчего бы и зимою въ кегли не играть? Можно размести довольное пространство, облить его водою для твердости и играть.

Я. До сихъ поръ не приходило на мысль. Испытаемъ.—Еще, высокопреосвященнѣйшій владыка, говорилъ графъ о сокращеніи числа предметовъ въ семинаріяхъ и о безполезности медицины и проч.

Владыка. Объ этомъ говорилъ еще блаженной памяти преосвященный Никаноръ. Но и нынче сдѣлать успѣютъ-ли? Не только Синодъ, но думаю, что и графъ Протасовъ, не имѣли въ виду вводить эти предметы. А введены они по особому случаю. Нѣкто Львовъ, бывшій въ послѣднее время при тюремномъ комитетѣ, долго занимавшійся гомеопатіей, сдѣлалъ предложеніе, которое Государь велѣлъ разсмотрѣть Синоду, предложеніе о томъ, чтобы ввести курсъ гомеопатическаго лѣченія въ семинаріи съ тѣмъ, чтобы въ Лаврѣ было при Академіи центральное училище или классъ, и чтобы потомъ всякаго священника снабжать гомеопатической аптекой. Я на это писалъ, что если ученіе предполагается серьезное, то въ Лаврѣ не мѣсто быть училищу: пріятно ли будетъ для богомольцевъ, пришедшихъ къ пр. Сергію, видѣть или знать, что въ стѣнахъ Лавры производится разсѣченіе труповъ? Также и о томъ, что потребуется очень много денегъ для снабженія аптеками двадцатипяти тысячъ священниковъ. Этотъ проектъ и оставленъ, но потомъ графъ Киселевъ предложилъ, чтобы для образованія священниковъ по его вѣдомству была особая семинарія подъ его начальствомъ. Эта мысль полюбилась Государю. Что̀ было дѣлать Синоду? Зная, что Государь, принявъ благосклонно мысль, старался непремѣнно привести ее въ исполненіе, и опасаясь неблагопріятныхъ послѣдствій отъ этой семинаріи, изъ которой стали бы выходить *кисельные*

попы, Синодъ рѣшился ввести преподаванiе медицины и сельскаго хозяйства въ семинарiи и такимъ образомъ предотвратилъ появленiе Семинарiи Киселевской. Теперешнiй министръ Шереметевъ человѣкъ хорошiй, но онъ въ параличѣ; а кто будетъ, неизвѣстно...

Я. Бесѣдуя съ графомъ Путятинымъ, я слышалъ отъ него такое слово. Дѣла Россiи на Востокѣ до тѣхъ поръ не станутъ на твердую ногу, пока не получатъ освященiя отъ участiя въ нихъ Церкви, пока въ авангардѣ Европейской цивилизацiи нашей не выступитъ священникъ съ крестомъ и проповѣдью; для этого необходимо устроить семинарiю миссiонеровъ, и надобно спѣшить этимъ дѣломъ, иначе католики и протестанты пройдутъ насквозь Китай и Тибетъ до Русскихъ рубежей и даже не остановятся предъ рубежами. Такъ какъ графъ находитъ, что монашество гораздо успѣшнѣе дѣйствуетъ, нежели семейные миссiонеры, то это будетъ элементомъ, который можетъ обновить монашество.

Владыка. Когда покойный архимандритъ Макарiй жилъ у меня зиму, еще какъ отставной ректоръ, мы съ нимъ объ этомъ дѣлѣ думали. Зная, что у нашего правительства нельзя выпросить денегъ, мы придумали просить себѣ какой-нибудь обезпеченный въ средствахъ и по мѣсту удобный монастырь, въ которомъ и устроить бы миссiонерское заведенiе изъ людей обрекающихъ себя монашеству, подъ руководствомъ опытнаго человѣка. Если бы это состоялось, то нѣтъ сомнѣнiя, что архимандритъ Макарiй устроилъ бы это заведенiе такъ, что оно и доселѣ прочно держалось бы. Онъ и безъ всякихъ средствъ устроилъ миссiю Алтайскую такъ, что она и до сихъ поръ существуетъ съ пользою. Ея начальникъ, протоiерей Ландышевъ, былъ взятъ о. Макарiемъ изъ учениковъ Нижегородской Семинарiи, кажется, низшаго отдѣленiя; о. Макарiй образовалъ его при себѣ и умѣлъ возбудить любовь къ дѣлу. Но тогда это предложенiе не понравилось императору, который въ началѣ имѣлъ предубѣжденiе противъ монашества.

Я. Теперь, кажется, не существуетъ этого предубѣжденiя.

Владыка. Трудно найти людей и способы. Если сдѣлать кого изъ ректоровъ или инспекторовъ, онъ и станетъ долбить, что̀ долбилъ въ семинарiи, и дѣло останется безъ души... Впрочемъ, людей можно бы найти. А что время дѣйствовать—это вѣрно. Но мы страшно равнодушны къ дѣлу. Преосвященный Григорiй сказалъ ректору Петербургской Академiи, что хорошо бы профессорамъ академiи помѣщать такiя статьи въ «Христiанскомъ Чтенiи», которыя при положительномъ ха-

рактерѣ служили бы отвѣтомъ на выходки католиковъ, какъ статьи Гагарина и проч. Никто не вызвался, а поручили студентамъ. Въ этомъ видно и неуваженіе къ начальству, и равнодушіе къ дѣлу. Этотъ упадокъ духа замѣтенъ и въ тамошнемъ духовенствѣ. У нихъ какое-то философское христіанство, въ которомъ едва слышится имя Христа Спасителя. О жизни ихъ свидѣтельствуетъ то, что между священниками завелся гастрономъ, къ которому Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ ѣздитъ на обѣды полакомиться, и еще привозитъ гостей. Покойный митрополитъ Никаноръ оставилъ по себѣ пріятную память; но онъ, царство ему небесное! дѣйствовалъ добродушно, и не было сильнаго правленія.

Я. Теперь Петербургское духовенство чувствуетъ пастырскую руку преосвященнаго Григорія. Мнѣ сказывалъ ректоръ Казанской семинаріи, что зашелъ онъ однажды въ Казанскій соборъ во время обѣдни. Въ алтарѣ весь причтъ переконфузился, и ключарь Сидонскій, подошедъ, спросилъ его прямо, не отъ владыки ли онъ присланъ для наблюденія, и увѣрялъ, что они во всемъ стараются соблюсти чинъ.

Владыка. Да вотъ хотя бы ключарь Сидонскій. Знаешь ли, что за человѣкъ? Онъ былъ Петербургской Академіи баккалавръ. На публичномъ испытаніи оберъ-свящ. Кутневичъ, замѣтивъ неправомысліе, вступилъ съ нимъ въ состязаніе. Я на экзаменѣ не присутствовалъ. Мнѣ сказали и представили его уроки. Прочитавъ уроки, я далъ мнѣніе, что лучше его отпустить изъ Академіи. Онъ опредѣлился въ Казанскій соборъ, издалъ свое «Введеніе» и пріобрѣлъ расположеніе свѣтскихъ. Такъ какъ все это передано подробно митрополиту Серафиму, то пока митрополитъ Серафимъ здравствовалъ, Синодскій, по крайней мѣрѣ, не былъ отличаемъ, а вотъ теперь и Синодскій вышелъ въ люди.

О логикѣ Карпова владыка сказалъ, что она писана языкомъ уродливымъ, темно и запутанно; что прежде, вскорѣ по пріѣздѣ изъ Кіева, онъ былъ яснѣе и удовлетворялъ болѣе. Онъ добрый человѣкъ, религіозный, свѣдущій, но составилъ себѣ форму, въ которую хочетъ привести всѣ понятія. Есть это у многихъ людей посредственныхъ. Желая дать познаніямъ своимъ единство, примышляютъ форму, но невпопадъ, и оттого дѣло не пріобрѣтаетъ, а утрачиваетъ.

Вечеромъ въ Понедѣльникъ и во Вторникъ былъ у владыки. Въ Понедѣльникъ вручилъ ему книгу *Русскій Вѣстникъ*, указалъ на разсказъ Пояркова, въ которомъ раскрываются злоупотребленія свѣтскаго начальства, особенно въ дѣлахъ раскола; но предупредилъ, что статья грязная, во всей наготѣ раскрывающая развратъ раскольничьихъ жен-

скихъ скитовъ. Владыка замѣтилъ, что на дняхъ читалъ статью о Пушкинѣ *). Сочинитель рѣшаетъ вопросъ, нужно ли искать пользы въ поэзіи, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что нужно, что поэзія должна имѣть нравственное вліяніе, а потомъ эта мысль затемняется и выходитъ въ статьѣ безъ всякаго духа.

Марта 24 дня. Встрѣтился на подворьѣ и пригласилъ къ себѣ о. архимандрита Гурія, начальника Пекинской миссіи. Видно, хорошо и легко дышать въ Петербургѣ, что человѣкъ ѣдетъ въ Китай какъ на родину. Хорошо же и пользуются у насъ спеціальными людьми. Онъ уже лѣтъ 10 прожилъ въ Китаѣ, много потрудился, сталъ ученымъ искуснымъ синологомъ, возвратился въ Петербургъ. Его сдѣлали начальникомъ духовнаго уѣзднаго училища, и когда онъ изъявилъ согласіе принять начальство надъ Китайской миссіей, то архимандритъ Нектарій и архимандритъ Кириллъ даже усовѣщевали его отложить намѣреніе, укоряли, что оставилъ ученую дорогу; прости имъ, Господи, согрѣшеніе! Магистръ богословія, старшій ихъ по лѣтамъ и по службѣ, замѣчательный спеціалистъ, человѣкъ умный, опытный, энергичный, изволь предпочесть эту грязную яму, именуемую духовнымъ уѣзднымъ училищемъ, чему же? положенію, которое его выравниваетъ со всѣми послами, которое вручаетъ ему всю дипломатію Русскую въ великой имперіи и притомъ въ такую великую эпоху. Онъ просилъ Синодъ и департаментъ, чтобы дали ему духовную инструкцію и не получилъ; только директоръ Азіатскаго Департамента Ковалевскій сказалъ, что онъ благословилъ бы обѣими руками на прозелитизмъ, если бы имѣлъ право благословлять. У него переведена обѣдня на Китайскій языкъ; но служить обѣщалъ по-славянски, по-славянски въ Пекинѣ, для сотни Албазинцевъ, которые не понимаютъ ни одного Славянскаго звука!... «Нынче хоть содержаніе увеличено, а то судили за продажу казенной земли, а не спросили, было ли мнѣ что ѣсть: откармливали утокъ и ихъ продавали, тѣмъ существовала миссія», а нашъ владыка удивляется, что миссія не пользовалась въ Китаѣ уваженіемъ. Время же тамъ опасное. Что̀ выйдетъ? Англичане, можетъ быть, успѣютъ смирить Китайцевъ и помириться съ ними. Они предложили имъ услуги подавить мятежъ. Въ Китаѣ 400 милліоновъ жителей, изъ того числа 200 милліоновъ женщинъ; сто милліоновъ положить на старыхъ, на малыхъ, на больныхъ и дрянныхъ, остается сто милліоновъ бодраго народонаселенія, трудолюбиваго, способнаго, покорнаго. Въ пять лѣтъ изъ нихъ выйдетъ 200 или даже 500 тысячъ стройнаго, грознаго войска...

---

*) М. Н. Каткова.

ПИСЬМО МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ХЕРСОНСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ИННОКЕНТІЮ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, многочтимый братъ о Господѣ.

Простите долгое дреманіе, если неблаговременнымъ найдете пробужденіе. Узналъ я, что вы намѣрены новый градъ вашъ благословить подобіями древней Московской святыни. Ваша благая мысль возбудила меня и теперь пробуждаетъ мое слово.

Предоставивъ Алексѣю Ивановичу [1]) исполнить порученное вами ему, я поручилъ снять въ Лаврѣ подобіе съ древней иконы преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія и, по освященіи новой иконы, съ возложеніемъ на его святыя мощи, укрывъ оную, передалъ Алексѣю Ивановичу, для препровожденія съ прочимъ къ вашему высокопреосвященству. Пріимите, и да пріемлетъ градъ Одесса посѣщеніе и благословеніе преподобнаго Сергія, дѣйственное и пребывательное, какъ испытали грады и вѣка. Да растетъ и благоцвѣтетъ градъ сей истиннымъ благочестіемъ и благимъ жительствомъ христіанскимъ, да къ сему и прочія блага приложатся ему.

Съ истиннымъ почтеніемъ и, еже во Господѣ, съ любовію пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва, Іюля 27, 1849.

Резолюція Московскаго митрополита Филарета.

Предписать по сему окружно. «Богу угодно и человѣку спасительно то воздержаніе, которое человѣкъ налагаетъ на себя и сохраняетъ по благоговѣнію къ Богу и заповѣдямъ Его, по желанію угодить Богу охраненіемъ себя отъ всякой нечистоты духа и тѣла, также по долгу сохранить ненарушимо святость праздничныхъ дней удаленіемъ отъ невоздержанія и пьянства. Когда же кто не пьетъ вина, чтобы не нарушить уговора, сдѣланнаго въ обществѣ, и чтобы не подвергнуться денежной пени, *это еще не есть добродѣтель христіанская, а только благовидность внѣшней жизни, соединенная съ пользою хозяйственною.* Блаженъ, кто сохраняетъ трезвость ради Бога и души своей, *а не по одному соумышленію съ людьми или по страху человѣческаго наказанія*» [2]).

---

[1]) Войцеховичу тогда первому лицу въ синодальномъ управленіи. П. Б.

[2]) Года на нашемъ спискѣ не означено, а только: „10 Августа, № 154“. П. Б.

ПОГИБШІЙ ТАЛАНТЪ.

(Памяти А. К. Саврасова).

На Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ, налѣво отъ воротъ, есть могила... Это могила Алексѣя Кондратьевича Саврасова, написавшаго знаменитый этюдъ „Грачи прилетѣли“ *). Исполнилось 75 лѣтъ со дня рожденія Саврасова, а 27-го Сентября 1907 года минетъ десятилѣтіе, какъ онъ скончался.

А. К. Саврасовъ родился въ 1830-мъ году, въ Москвѣ. У отца его, Кондратія Артемьевича, „богобоязненнаго человѣка“, питавшаго отвращеніе къ табаку и водкѣ, была лавка въ „городѣ“. К. А. Саврасовъ торговалъ глазетомъ, шнурами, кистями и т. п. Жилъ онъ патріархально, любилъ свое торговое дѣло и не только не думалъ самъ ему измѣнять, а и сына Алёшу мѣтилъ „приспособить“. Не видя надобности въ широкомъ образованіи для сына, Саврасовъ-отецъ отдалъ его въ городское трехклассное училище. Думалъ: пройдетъ Алексѣй эту школу и за прилавокъ станетъ, сдѣлается „купцомъ“—чего лучше!

Но Алексѣй, очевидно, не родился быть купцомъ. Онъ родился артистомъ.

Въ школѣ онъ сталъ обнаруживать художественное дарованіе. Должно быть, уже первыя работы выходили у Алёши удачными, если мачиха Татьяна Ивановна стала уговаривать мужа отдать сына учиться живописи.

Кондратій Артемьевичъ хмурился, упирался... „Какая тамъ еще живопись! Баловство это, и больше ничего!“

Но Татьяна Ивановна стояла на своемъ: отдай да отдай Алёшу въ „живописную школу“. Въ концѣ-концовъ мачиха побѣдила: Алёшу отдали въ Училище Живописи, Зодчества и Ваянія. 15-лѣтній Алексѣй Саврасовъ очутился въ стѣнахъ Московской художественной almae matris. Огонекъ самостоятельнаго таланта горѣлъ въ Саврасовѣ. Талантъ былъ замѣченъ, и оттого, можетъ быть, Алексѣй Кондратьевичъ могъ удержаться на пря-

---

*) Находится въ Третьяковской галлереѣ. Эта картина, по мнѣнію знатоковъ, представляетъ собою въ исторіи Русской живописи знаменательный поворотъ къ вдумчивости. П. Б.

момъ пути, не уклоняясь въ сторону царившаго въ то время классицизма и условности. Реализмъ, если можно такъ выразиться, трепеталъ въ юношѣ. И этотъ [трепетъ былъ милъ и дорогъ Саврасову, который хотѣлъ всегда его чувствовать. И кто же, какъ не Саврасовъ, родоначальникъ реалистическаго пейзажа?

Быстро пролетѣли школьные годы. Саврасовъ — признанный художникъ. Онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ великая княгиня Марія Николаевна*) поручила ему работу въ своемъ дворцѣ. Цѣлый годъ отдалъ молодой художникъ этой работѣ, которая понравилась высокой заказчицѣ. Великая княгиня спросила художника, какъ онъ намѣренъ устроиться въ будущемъ? Саврасовъ могъ только отвѣчать, что онъ думаетъ о возвращеніи въ Москву. И какъ онъ раскаивался въ этомъ впослѣдствіи! На закатѣ своей кратковременной славы онъ часто говорилъ: „Большую ошибку я сдѣлалъ, не оставшись тогда въ Петербургѣ“. Великая княгиня, очевидно, имѣла въ виду покровительствовать молодому, свѣжему, недюжинному таланту; но она не захотѣла стѣснять свободы „вольной птицы“, и Саврасовъ возвратился въ Москву. Его звѣзда всходила. 24-хъ лѣтъ онъ получилъ званіе академика за „Видъ въ окрестностяхъ Ораніенбаума“.

Трудно сказать, что именно потянуло Саврасова въ Москву; но возможно, что причиною было и чувство его къ Софьѣ Карловнѣ Герцъ, молодой дѣвушкѣ, сестрѣ извѣстнаго профессора-археолога Карла Карловича и художника Константина Карловича Герцъ, съ которымъ Саврасовъ познакомился въ Школѣ Живописи, Зодчества и Ваянія, гдѣ они вмѣстѣ учились. Еще ученикомъ Саврасовъ бывалъ въ семьѣ Герцъ и познакомился съ Софьей Карловной. Первая встрѣча съ развитою миловидной дѣвушкой не прошла для него безслѣдно: въ сердцѣ Алексѣя Кондратьевича вспыхнуло чувство, и не загасили его ни годы, ни отъѣздъ въ Петербургъ и довольно продолжительное пребываніе въ „Сѣверной Пальмирѣ“. Вѣроятно, тянула Саврасова Москва и потому еще, что съ Бѣлокаменной были связаны воспоминанія дѣтства и другія знакомства. Какъ бы то ни было, Саврасовъ зажилъ „дома“ хорошо. Въ 1857 году школа, возрастившая его, пригласила Алексѣя Кондратьевича преподавателемъ. Ему поручили классъ пейзажа. Саврасовы помѣстились на казенной квартирѣ при школѣ; мастерская А. К. находилась наверху. Саврасовъ 12 лѣтъ оставался во главѣ пейзажнаго класса, и эти годы были лучшими годами его жизни. Невелико было тогдашнее жалованье профессора (около 40 рублей въ мѣсяцъ), тѣсновата была и квартира; но молодость била ключомъ, вспыхивали надежды, молодой академикъ наслаждался семейнымъ счастьемъ, и это все вмѣстѣ давало право называть жизнь „даромъ прекраснымъ“. О Саврасовѣ говорили. Изъ аристократическихъ домовъ, какъ изъ рога изобилія, сыпались предложенія уроковъ. Саврасовъ окунулся въ „свѣтъ“. Впрочемъ, это ему не льстило,

*) Великая княгиня Марія Николаевна, подобно своей прабабкѣ, была женщина высокой души. П. Б.

ибо А. К. не принадлежалъ къ числу честолюбивыхъ. Когда Академія присудила ему званіе академика, онъ не поднялся на ходули.—Что за званія въ искусствѣ! говорилъ онъ: я художникъ, этого съ меня довольно. Чиновъ не цѣню.

Вообще, Саврасовъ отличался привѣтливостью, мягкостью и простотой. Вотъ онъ, въ черномъ сюртукѣ, солидный, сдержанный, появляется въ своей верхней мастерской. Учениковъ 5—6 (въ числѣ которыхъ И. Левитанъ, и Ив. Волковъ) ждутъ учителя. Тихо входитъ онъ и тихо, мягко, скорѣе дружески, чѣмъ наставительно, объясняетъ, какъ надо работать. Онъ любилъ учениковъ, ученики любили его. Создалась та гармонія, которая столь важна и необходима въ учебномъ дѣлѣ. Наступалъ вечеръ; въ уютной квартирѣ Саврасовыхъ собирались „на чашку чая": академикъ живописи Л. Каменевъ, Пукиревъ, Перовъ, скульпторъ Ивановъ, Сорокинъ, Ю. А. Чаевъ, С. А. Юрьевъ; меценаты: А. А. Борисовскій, П. М. Третьяковъ, Боткинъ, Мазуринъ и др., вели оживленныя бесѣды объ искусствѣ, читали литературныя новинки, спорили по вопросамъ, волновавшимъ въ то время Русское общество. Меценаты тутъ же дѣлали заказы Саврасову. Въ особенности усердствовалъ Борисовскій, съ которымъ Саврасовъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Борисовскій устроилъ ему и поѣздку за границу, гдѣ Саврасовъ познакомился съ знаменитымъ Вильгельмомъ Каульбахомъ, совѣтовавшимъ Русскому художнику остаться въ Германіи; но развѣ могъ послѣдовать совѣту автора „Гунновъ" Саврасовъ, этотъ отецъ реализма, для котораго правдивость въ искусствѣ была всего дороже? Поверхностное знакомство съ чужимъ бытомъ и съ чужими нравами, конечно, не придало бы его даже талантливымъ композиціямъ той цѣнности, какая пріобрѣталась отъ проникновеннаго воспроизведенія родныхъ, близкихъ, дорогихъ и слишкомъ знакомыхъ мѣстъ и характеровъ. Что мнѣ тутъ дѣлать? отвѣчалъ Каульбаху Саврасовъ.

Пробывъ двѣнадцать лѣтъ въ составѣ профессоровъ Школы Живописи, Ваянія и Зодчества, Саврасовъ вышелъ въ отставку.

Причина выхода его остается невыясненной, но въ основѣ скрывались недоразумѣнія съ начальствомъ. Прямая, честная натура художника не мирилась ни съ какими компромиссами, а привычка Саврасова говорить правду многимъ, конечно, не нравилась. Во всякомъ случаѣ, онъ умѣлъ быть искреннимъ другомъ, охотно приходилъ на помощь всякому словомъ и дѣломъ, о себѣ же былъ скромнаго мнѣнія. Говорятъ, имъ написаны пейзажи для извѣстныхъ Перовскихъ картинъ: „Привалъ охотниковъ" и „Птицеловы".

Разставшись съ Школой, Саврасовъ уѣхалъ съ семьею въ Ярославль, гдѣ и поселился въ скромной квартирѣ на Дворянской улицѣ. Сбереженій никакихъ. Да и трудно было откладывать „на черный день", если жало-

ваньемъ профессоровъ не баловали, а за картины даже „меценаты“ платили незначительныя суммы. Вѣдь, ни за одну изъ своихъ картинъ Саврасовъ не получилъ даже тысячи рублей. Наконецъ, артистическая натура не роднилась со склонностью „копить“. Рембрандтъ всю жизнь нуждался и умеръ въ нищетѣ, А. А. Ивановъ также. Въ Ярославлѣ Саврасовы прожили около года. Нужда то-и-дѣло стучалась въ дверь. У Саврасовыхъ были уже двѣ дочери. Приходилось искать выхода изъ затруднительнаго положенія. Думали-думали Саврасовы, что̀ предпринять; наконецъ, А. К. рѣшилъ открыть фотографію, которою онъ увлекался еще въ Москвѣ, но что-то помѣшало привести въ исполненіе это рѣшиніе.

— Придется уѣхать изъ Ярославля. — Куда же?—Опять въ Москву. Дѣлать нечего!

Но Ярославль не хотѣлъ отпустить художника безъ того, чтобы у него не осталось о древнемъ городѣ хотя одного свѣтлаго воспоминанія. Была весна. Разъ утромъ Саврасовъ, забравъ палитру, кисти и проч., отправился „на этюды“. Часа четыре спустя, возвращается; Софья Карловна встрѣчаетъ мужа на порогѣ.

— Весна идетъ! воскликнулъ Саврасовъ, входя въ комнату. — Какая весна? не понимая, въ чемъ дѣло, сказала Софья Карловна. — А вотъ посмотри!

И Саврасовъ показалъ ей этюдъ. Это была знаменитая поэмка: „Грачи прилетѣли“. Стасовъ говоритъ: „Саврасовъ всѣхъ поразилъ своею весеннею, необычайно-свѣжею и прелестной картинкой“. Дѣйствительно, поразилъ! Свѣжесть и прелесть въ „Грачахъ“ соединились съ поэзіей и тѣмъ настроеніемъ, которое такъ цѣнится въ настоящее время, а съ этюда брызнуло живою водой. „Грачи прилетѣли“ и произвели шумъ. Слава Саврасова была ими окончательно упрочена. П. М. Третьяковъ поспѣшилъ пріобрѣсти „картинку“ за 500 рублей. По желанію Государыни Императрицы Маріи Александровны Саврасовъ повторилъ этюдъ. „Грачи“ появились на всемірной выставкѣ въ Парижѣ (1878 г.), и тамъ они не остались не замѣченными. Саврасовъ торжествовалъ... Но мать-судьба вскорѣ стала для него мачихою.

Въ Третьяковской галлереѣ хранятся слѣдующія произведенія Саврасова, не считая „Грачей“: „Лѣсная дорога“, „Лосиный Островъ въ Сокольникахъ“, „Проселокъ“, „Къ концу лѣта на Волгѣ“, „Печерскій монастырь въ Н.-Новгородѣ“, „Видъ въ Ораніенбаумѣ“ и „Въ Кунцевѣ“. Всѣ они отмѣчены талантомъ, въ нихъ отразилась живая наблюдательность автора; но всѣ они уступаютъ: „Грачи прилетѣли“. Эта „картинка“ была яркой вспышкой таланта, какія не часто приходится наблюдать. Для „Грачей“ открылся поэтическій родникъ души Саврасова. Художникъ эстетически почувствовалъ весну, вдохновился ею, именно—вдохновился! и далъ, я бы ска-

залъ, Плещеевскій мотивъ вешней бодрости и красоты. Въ три часа, „безъ передышки“, написать такую прелесть художникъ могъ только подъ вліяніемъ вспышки, подъ вліяніемъ слетѣвшаго къ нему бога. Не мудрено, что, наслаждаясь „Грачами“, и публика и критика ждали отъ Саврасова новыхъ шедёвровъ; но, должно-быть, священнаго огня у артиста было только для одного очарованья. Дважды не цвѣтетъ алоэ. Не могъ дважды съ одинаковой силой „вспыхнуть“ и Саврасовъ. Послѣдующія произведенія его не „поражали“ уже никого. Начались толки: „Саврасовъ—перемѣнная звѣзда! Саврасовъ не оправдалъ надеждъ! Саврасовъ на закатѣ!“ Надеждъ не оправдалъ, вѣдь, и Якобій и др.; но они обладали сильною душою, какой не обладалъ Саврасовъ. Холодъ, все болѣе и болѣе вѣявшій отъ критическихъ отзывовъ, смущалъ и обезсиливалъ его. Ге до конца жизни устоялъ передъ девятымъ валомъ критики. Саврасовъ не выдержалъ... и сталъ пить, не высказавшись до конца.

По возвращеніи изъ Ярославля, онъ вновь очутился въ числѣ преподавателей Школы Живописи, Ваянія и Зодчества, но казенной квартиры ему уже не дали. Саврасовы поселились гдѣ-то на Грачевкѣ, откуда потомъ переѣхали на новую квартиру—во дворѣ Школы.

Начался, дѣйствительно, закатъ таланта и человѣка. Съ теченіемъ времени Саврасовъ все опускается и опускается. Семья испытываетъ острую нужду; прислугу не на что нанять. Алексѣй Кондратьевичъ сталъ чаще и чаще появляться въ грязныхъ трактирахъ. Знакомые, пріятели мало-по-малу отвертываются отъ него. Человѣкъ попалъ на линію Любима Торцова. Кому же онъ нуженъ теперь? И вотъ, чтобы добыть на выпивку, авторъ „Грачей“ пишетъ картины одна другой безнадежнѣе. Проблески таланта теперь едва уловимы. Сперва картины идутъ въ продажу по 30—40 рублей, а затѣмъ дешевле, и наконецъ Саврасовъ становится батракомъ одного изъ Московскихъ литографовъ и эстампныхъ торговцевъ третьяго сорта. Общество Любителей Художествъ пробовало сбывать „Саврасова“, болѣе или менѣе „соотвѣтственно“, но спросъ на него все падалъ. Съ преподаваніемъ въ Школѣ Живописи Саврасову пришлось разстаться.

Съ 1883 года начинается послѣдній и самый печальный періодъ жизни Саврасова. Семьи нѣтъ... Друзья покинули, за исключеніемъ одного П. П. Суворова, который старается такъ или иначе поддержать существованіе художника; Суворовъ даже умудряется находить покупателей на слабыя произведенія угасающей звѣзды. Но вскорѣ для Саврасова все становится безразлично: онъ погружается на дно.

Осенній день. Пасмурно. Грязь. По тротуару Московской улицы идетъ рослый человѣкъ, съ большой, усердно-пронизанной сѣдиною бородой. На головѣ — широкополая шляпа, на плечахъ — истасканная разлетайка, одва

нога въ опоркѣ, другая въ калошѣ. Идетъ, пошатывается, самъ съ собою разговариваетъ. Вотъ онъ увидалъ предъ собою кого-то.

— Соблаговолите... рубль... Саврасовъ — авторъ „Грачи прилетѣли". Послушайте, если не можете дать рубль, дайте хоть двугривенный...

Да, это—Саврасовъ. Шагъ за шагомъ добрался онъ до эстампнаго магазина. Входитъ. — Мое почтеніе... — Алексѣю Кондратьевичу! отзывается приказчикъ съ явнымъ неудовольствіемъ. Что скажете?—Картинокъ принесъ. —Не надобно-съ. Въ запасѣ много.—Гм...

Пауза. Саврасовъ хмурится.

— Послушайте... угрюмо начинаетъ онъ: — У меня на этотъ разъ „Море".—Плохія ваши моря, Алексѣй Кондратьевичъ!—Ладно. Хорошо. Дайте мнѣ, Бога ради, рубль!—Безъ хозяина не могу.—Я „Море" оставлю.— Безъ надобности-съ.—Ну, полтинникъ, что ли!—Нѣту, Алексѣй Кондратьевичъ, нѣту-съ. — Господи! Хотя двугривенный одолжите! — И двугривеннаго нѣтъ. Вотъ пристали, право!—Умоляю—пятачокъ!—Ахъ, какой вы, право! Ну, на-те пятачекъ и не задерживайте пожалуйста...

Получивъ пятачекъ, Саврасовъ удаляется.

Только-что изъ двери, сталкивается съ Алексѣемъ Михайловичемъ Колесовымъ *).

— Ба, Колесовъ! — Здравствуйте, Алексѣй Кондратьевичъ! — Выпить, братъ, надо! Денежки есть?

Если нечего было продать, наскоро набрасывались „Грачи" на клочкѣ бумаги и предлагались первому встрѣчному...

Были попытки вернуть погибающаго человѣка на прежній путь. Какая-то домовладѣлица-почитательница устроила было Саврасова „на пансіонъ", но онъ прожилъ мѣсяцъ „въ довольствѣ и добрѣ" и сбѣжалъ, да вдобавокъ еще выбранилъ филантропку.

Осенью 1897 года Саврасова привезли (изъ деревни Фили) въ городскую больницу близъ Нескучнаго сада. У Саврасова серьезно разболѣлась нога. Не больше мѣсяца пролежалъ онъ въ больницѣ и 27 Сентября скончался. Немногіе явились отдать послѣдній долгъ пѣвцу весны: И. И. Левитанъ, декораторъ М. И. Бочаровъ, два-три другихъ художника, да нѣсколько учениковъ школы Живописи, Зодчества и Ваянія. За то стаи грачей, кружась надъ ближайшимъ садомъ, гомонили, словно прощались съ тѣмъ, кто такъ любовно, такъ задушевно изобразилъ ихъ своей кистью. И они собирались тоже улетать, но въ иную сторону, гдѣ благоухаютъ цвѣты, гдѣ ярко солнце и торжествуетъ жизнь.

Павелъ Россіевъ.

---

*) Умеръ въ 1902 году. Извѣстный портретистъ. Между прочимъ, онъ написалъ портретъ Саврасова, хранящійся въ Румянцевскомъ музеѣ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева въ засѣданіи Императорскаго Русскаго историческаго общества.

6-го Апрѣля 1895 года.

Человѣкъ дѣлаетъ исторію; но столь же вѣрно и еще болѣе значительно, что исторія образуетъ человѣка. Человѣкъ можетъ узнать и объяснить себя не иначе какъ всею своею исторіею. Духъ человѣческій, съ первой минуты бытія, неудержимо, непрерывно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущеніе выразить, воплотить въ дѣйствіи, и вся эта энциклопедія событій и дѣйствій составляетъ жизнь человѣческую. Въ этомъ смыслѣ жизнь, составляя сцѣпленіе событій, связанныхъ между собою логическою связью причины и дѣйствія, въ тоже время есть таинство души: есть событія въ жизни, которыя роковымъ, таинственнымъ образомъ дѣйствуютъ на чуткую душу, опредѣляя стремленія, волю, характеръ и всю судьбу человѣка.

Но человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа, кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, сыновъ того же народа, и его психическая природа есть ихъ природа, съ ея отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго исхода. У всякаго народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, есть своя исторія, своя сѣть событій и дѣйствій, въ которыхъ стремится воплотить себя душа народная. Въ исторической наукѣ пытливый умъ, критически изслѣдуя факты, дѣйствія и характеры, желаетъ опредѣлить точную достовѣрность ихъ и уловить взаимную ихъ связь и внутреннее значеніе въ судьбахъ общественной и государственной жизни народа. Съ глубокимъ интересомъ, съ наслажденіемъ, съ удивленіемъ читаемъ мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критическаго ума, искусствомъ художника; по старинному выраженію, исторія учительница народовъ, гражданъ и правителей. Но кому изъ нихъ пошли въ прокъ ея уроки? Кто, закрывая книгу, овладѣвшую всѣмъ его вниманіемъ, не ощущалъ въ душѣ горькаго со-

знанія, что предъ нимъ открывалась старая, какъ міръ, лѣтопись человѣческой гордости, эгоизма, жестокости и невѣжества, свитокъ, въ которомъ написаны «жалость, и рыданіе, и горе»?

Въ иномъ, болѣе глубокомъ, смыслѣ, исторія земли и народа *образуетъ* человѣка, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вноситъ въ исторію свое живое чувство, и тогда всякій фактъ всякій характеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣритъ, что̀ умъ въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи—комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживляется поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи,—то самое получаетъ смыслъ явленія, оправдавшаго себя въ жизни и въ исторіи, становится истинною для духа. Чего бы ни достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимирѣ, о Димитріи, о Сергіи, объ Александрѣ Невскомъ, — для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ на нее лучи свои, совершающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной.

Мнѣ представляется, что такъ образовалась душа почившаго незабвеннаго Государя, котораго память собрались мы нынѣ чествовать въ обществѣ, имъ основанномъ. Душа его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа своей земли и своего народа. Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, можно сказать *въ тѣни его*, питая свою душу дружбою съ нимъ, воспринимая отъ него впечатлѣнія и вкусы его умственнаго и нравственнаго развитія. То были годы безпорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ обществѣ; но близъ Цесаревича стояли люди, которые способны были привлечь его вниманіе къ явленіямъ Русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа, и въ его литературѣ. Таковы были Ѳ. И. Буслаевъ и С. М. Соловьевъ. Подъ вліяніемъ ихъ образовались вкусы обоихъ братьевъ и интересъ ихъ къ Русской старинѣ. Въ поѣздкахъ своихъ по Россіи, изо дня въ день одушевляемый встрѣчавшимъ его повсюду народнымъ движеніемъ, Цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить свой народъ и прослѣдить ходъ его исторіи въ памятникахъ древности; успѣлъ узнать и полюбить природу коренного Русскаго края, столь сродную Русскому духу. Душа его росла и крѣпла на родной почвѣ, въ родной атмосферѣ, и въ письмахъ къ любимому брату онъ передавалъ ему свои ощущенія.

Насталъ 1865 годъ. Онъ принесъ Россіи страшное горе. Богу угодно было отнять у Россіи свѣтлую его надежду. Цесаревичъ Николай Александровичъ скончался и оставилъ грядущія судьбы Россіи въ наслѣдство возлюбленному брату, передавъ ему и всѣ завѣты юной души своей.

Неожиданное, негаданное бремя легло на душу новаго Цесаревича, и онъ принялъ его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на него Провидѣніемъ, принялъ и въ глубинѣ души своей *повѣрилъ Богу* судьбу свою и Россіи. Нынѣ и его, по волѣ Божіей, оплакивая, мы видимъ, чувствуемъ, какъ до конца оправдалась эта вѣра.

Съ этого дня до вступленія на престолъ въ 1881 году, онъ зрѣлъ въ тишинѣ, не думая-не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе его на царство. Эти годы были для него поистинѣ годами воспитанія, и оно совершилось въ духѣ историческихъ завѣтовъ народа Русскаго и Русскаго государства. Еще въ дѣтствѣ любимымъ его чтеніемъ были историческіе романы Загоскина и Лажечникова, и въ немъ, какъ во многихъ Русскихъ дѣтяхъ, это чтеніе возбудило первое движеніе любви къ отечеству и національной гордости. Интересъ къ этому чтенію сохранилъ онъ и въ юности, и въ послѣдующіе годы своей жизни. Бесѣды съ С. М. Соловьевымъ открыли ему внутренній смыслъ Русской исторіи и значеніе борьбы, которую вело собиравшее землю государство съ противогосударственными и противоязычными силами. Ему случалось сходиться съ умными Русскими людьми, и онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о Русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ Русской точки зрѣнія. Такъ росла въ немъ чуткость къ Русскимъ интересамъ, которая въ годы царствованія открылась намъ въ силѣ истинной государственной мудрости.

Памятники Русской старины, которые онъ изучалъ наглядно во время поѣздокъ по Россіи, были всегда для него предметомъ особливаго интереса, и онъ ощущалъ тонко ту своеобразную красоту линій и украшеній, которою отличается типъ нашей старинной церковной архитектуры. Съ тѣхъ поръ требовалъ онъ къ своему разсмотрѣнію всѣ проекты новыхъ церковныхъ сооруженій, и глазъ его съ удивительною вѣрностью различалъ все, чтó въ отдѣльныхъ частяхъ зданія нарушало цѣльную его гармонію или не согласовалось съ основнымъ типомъ. Въ душѣ его отражался лучшими привлекательными чертами тотъ образъ Великорусскаго человѣка, который привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ успѣвшихъ близко съ нимъ ознакомиться. И въ людяхъ, и въ учрежденіяхъ ему было противно все искусственное, на-

пускное и напыщенное; но простой человѣкъ, приближаясь къ нему, чувствовалъ свое душевное сродство съ Русскимъ Государемъ.

И для отдѣльнаго человѣка, и для народа, и для общества—всю цѣну *исторіи* составляетъ *самосознаніе*. И отдѣльный человѣкъ, и народъ, представляемый властью, познаётъ себя въ исторіи. Поучительна исторія развитія этого самосознанія у насъ въ Россіи. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи двѣ эпохи; начало и конецъ текущаго столѣтія, время двухъ Александровъ императоровъ, Александра I и Александра III. Первый Александръ тоже любилъ Россію и народъ свой, но его воспитаніе не дало ему возможности узнать ни исторію страны своей, ни народъ свой. Онъ родился въ такое время, когда простой народъ слылъ подъ общимъ названіемъ *подлыхъ людей*, и сверху мало кто различалъ въ немъ обликъ достоинства; когда западная культура, перенесенная на Русскую почву, выражалась лишь во внѣшнихъ формахъ чуждаго намъ быта; когда на самую Церковь смотрѣли сверху, какъ на учрежденіе необходимое для народа, но уступающее въ достоинствѣ Римскому культу просвѣщеннаго Запада. И умъ, и сердце неудержимо влекли молодого государя къ возвышенной цѣли—править во благо народное, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренить злоупотребленія, разрѣшить стѣснительныя узы рабства и предразсудка; но идеалъ, къ которому примѣнялись его стремленія и планы, былъ не въ Россіи, а *внѣ ея*. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ онъ отвлеченный идеалъ свой, а Русская исторія, Русская дѣйствительность были ему закрыты и представлялись чистымъ полемъ, на которомъ можно строить, что̀ угодно. Окруженный плеядою юныхъ совѣтниковъ, онъ заодно съ ними погружался въ мечтанія; не зная натуры народа и его потребностей, мечталъ о представительномъ правленіи, долженствовавшемъ будто бы водворить разумъ и правду въ правительствѣ; не зная Церкви Православной въ ея народномъ значеніи, мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣроученій; мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что Царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего Русскаго народа.

Съ того времени до вступленія на престолъ императора Александра III протекло слишкомъ полстолѣтія. Въ этотъ періодъ времени трудно исчислить, сколько сдѣлано успѣховъ, какъ выросло Русское историческое самосознаніе, и наиболѣе замѣтный ростъ его относится именно ко времени воспитанія и первой юности Цесаревича Александра Але-

ксандровича. Открыто и обнародовано множество новыхъ памятниковъ, освѣтившихъ исторію народной жизни, явились молодые ученые съ самостоятельными взглядами на учрежденія и событія и характеры, въ литературѣ и обществѣ проснулся живой интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ пѣсняхъ, въ былинахъ, въ музыкѣ, въ архитектурѣ.

Въ Москвѣ образовался кружокъ культурно-образованныхъ людей, одушевленныхъ мыслью о необходимости народнаго самосознанія въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ страны своей и своего народа; они явились въ обществѣ и въ литературѣ съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ Русской жизни и ея потребностямъ, противъ самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что́ касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Это были люди, искавшіе въ прошедшемъ своей родины идеала для устройства будущихъ судебъ ея, и они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь Русской народности съ вѣрой и съ Православною Церковью. Независимо отъ крайностей ученія, слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ Запада тучи космополитизма и либеральнаго доктринёрства. Вотъ почему дѣятельность этого кружка имѣла важное значеніе въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ, рано ознакомившійся съ этимъ направленіемъ чрезъ А. Ѳ. Тютчеву *), не могъ не сочувствовать ему чуткимъ Русскимъ сердцемъ, любящимъ народъ свой и землю, жаждущимъ правды и прямого дѣла для земли своей.

Посреди такихъ явленій и воздѣйствій возрасталъ и образовался будущій Императоръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ выростала и укрѣплялась въ народѣ вѣра въ него, оправдавшаяся въ теченіе всего 13-лѣтняго его царствованія. Для крѣпости правленія нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже вѣры народной въ своего правителя, ибо все держится *на вѣрѣ*. Что́ ни случилось бы, всѣ знали и были увѣрены, на что въ важныхъ случаяхъ государственной жизни дастъ онъ отрицательный и на что положительный отвѣтъ изъ своей Русской души. Всѣ знали, что не уступитъ онъ Русскаго, исторіей завѣщаннаго, интереса ни на Польской, ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранитъ онъ въ душѣ своей одну съ народомъ вѣру и любовь къ Церкви Православной, понимая все ея воспитательное значеніе для народа; наконецъ, что заодно съ народомъ вѣруетъ онъ въ непоколебимое значеніе власти самодержавной въ Россіи, и не допуститъ для нея, въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній.

---

*) Дочь поэта, воспитательницу герцогини Маріи Александровны Кобургской. П. Б.

Когда мы теряемъ ближняго, любимаго человѣка, мы не думаемъ спрашивать: *Что онъ сдѣлалъ?* Мы только ощущаемъ, *чѣмъ онъ былъ*, и для насъ дороже всего, всего ощутительнѣе живой его образъ, со всею окружавшею его нравственною атмосферою, все что̀ отъ него исходило къ намъ и держало въ насъ ту гармонію жизни, которую, съ кончиною его, мы утратили. И кажется въ эту минуту—его нѣтъ— какъ намъ жить безъ него? Такимъ-то чувствомъ дрогнулъ весь народъ Русскій, пораженный вѣстью, что отошелъ отъ насъ царь Александръ III. Душа народная слилась съ его душой и, утративъ его, сама растерялась. Чувство это живо и понынѣ. Кто хочетъ уловить его и слиться съ нимъ, пусть идетъ въ Петропавловскій соборъ и на эту орошенную слезами могилу, и увидитъ, какъ и нынѣ, и завтра наполняетъ его, торжественно, съ утра до вечера, тихою молитвою, безконечная толпа народная, стекающаяся къ этой могилѣ со всѣхъ концовъ Россіи.

*

Глубокоуважаетый Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ дозволилъ намъ возобновить въ печати эту статью и почтилъ „Русскій Архивъ“ сообщеніемъ нижеслѣдующихъ строкъ изъ письма къ нему Государя Императора Александра Александровича (1886). П. Б.

Есть господа, которые думаютъ, что они одни Русскіе, и никто болѣе. Ужъ не воображаютъ ли они, что я Нѣмецъ или Чухонецъ? Легко имъ съ ихъ балаганнымъ патріотизмомъ, когда они ни за что не отвѣчаютъ.

Не я дамъ въ обиду Россію.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ БОГОЛѢПОВЪ*).

Предъ попечительствомъ въ Московскомъ Учебномъ Округѣ.

Около 1893-го года Николай Павловичъ сложилъ съ себя должность ректора. Его мѣсто занялъ бывшій помощникъ ректора, профессоръ математики П. А. Некрасовъ, котораго Николай Павловичъ очень цѣнилъ за его высокія душевныя качества и горячую преданность университету. Къ тому же они сходились во взглядахъ на строй университетской жизни.

По уходѣ Боголѣпова изъ ректорства только на одинъ годъ улеглись университетскія бури. Въ это мирное время Николай Повловичъ занялся подробной разработкой своего учебника и вторичнымъ его изданіемъ. Окончивъ эту работу, онъ мечталъ объ изданіи новаго журнала съ направленіемъ противоположнымъ направленію существовавшаго уже тогда «Юридическаго Вѣстника», но вновь возникшія волненія въ университетѣ не дали осуществиться его мечтѣ. Николай Павловичъ слишкомъ горячо принималъ къ сердцу интересы университета, чтобы оставаться равнодушнымъ зрителемъ событій, грозившихъ постепеннымъ упадкомъ дорогого ему учрежденія. Предшествовавшее спокойствіе, какъ видно, было только кажущимся. На этотъ разъ участниками волненій явились и профессора. До сихъ поръ они никогда еще не выступали явными союзниками студентовъ, учинявшихъ безпорядки. Профессорская и студенческая смута 1894 г. была одна изъ самыхъ крупныхъ предвозвѣстницъ того разложенія университета, которое мы переживаемъ въ настоящее время. Чтобы яснѣе понять характеръ и значеніе описываемаго періода, надо вспомнить одно важное историческое событіе того времени, а именно неожиданную смѣну царствованія, отразившуюся на ходѣ университетской жизни.

Надежды революціонной и либеральной партіи оживились. Въ обществѣ распространилось убѣжденіе, что молодой Царь либерально настроенъ и склоненъ къ нововведеніямъ. Въ университетѣ разбрасывались воззванія, приглашавшія студентовъ подать петицію Царю съ тре-

---

*) См. выше, стр. 376. Попечителемъ былъ графъ Капнистъ. П. Б.

бованіями конституціи *). Единовременно въ университетѣ собирались сходки, на которыхъ революціонно настроенная часть молодежи выражала порицаніе благонамѣреннымъ товарищамъ, возложившимъ вѣнокъ на гробъ почившаго Государя Александра III-го. Къ этому времени Союзный Совѣтъ соединенныхъ студенческихъ землячествъ пріобрѣлъ такую силу, что вступалъ въ открытыя сношенія съ нѣкоторыми профессорами, которые обсуждали съ нимъ университетскія дѣла. Что касается судебной комиссіи, она стала судить профессоровъ, поступки или направленіе которыхъ не нравились студентамъ. Примѣрами такого суда надъ профессорами служатъ приговоры судебной комиссіи по дѣлу профессоровъ Владимирова и Ив. Ив. Янжула (1894 г.) Перваго судебная комиссія судила при его поступленіи приватъ-доцентомъ въ Московскій Университетъ и за его прошедшую предосудительную дѣятельность въ Харьковѣ, а именно—защиту земскаго начальника Протопопова и ростовщика Кривцова, извѣстнаго грабителя, Юга-Россіи (какъ говорится въ протоколѣ судебной комиссіи). Въ первомъ случаѣ судебная комиссія обвиняла въ лицѣ Владимирова защитника безправія и насилія, а во второмъ—негодяя, защищавшаго грабителя изъ-за корыстныхъ цѣлей. Результатомъ подробнаго разслѣдованія дѣла было слѣдующее постановленіе. «Не допускать Владимирова въ Московскій Университетъ». О предосудительной дѣятельности послѣдняго студенты узнали прежде всего отъ профессора Духовского, читавшаго имъ лекцію о земскихъ начальникахъ. Вмѣсто того, чтобы ограничиться объективнымъ очеркомъ, онъ перешелъ въ пламенную филиппику противъ этого учрежденія и особенно подробно разсказалъ о судѣ надъ земскимъ начальникомъ Протопоповымъ, строго осудивъ защиту Владимирова.

---

*) О сильномъ въ то время броженіи студентовъ и объ ихъ политическихъ мечтаніяхъ краснорѣчиво говоритъ протоколъ 7-го засѣданія Союзнаго Совѣта отъ 24-го Октября 1894-го года. Въ протоколѣ предсѣдатель предлагаетъ представителямъ землячествъ передать мнѣніе послѣднихъ о томъ, что надо предпринять въ данный моментъ. Затѣмъ слѣдуютъ краткіе отвѣты землячествъ, изъ которыхъ я приведу самые характерные.

Техники: „Настоящій историческій моментъ удобенъ для подачи отъ учащейся молодежи правительству петиціи, *главнов* содержаніе которой должны составлять требованія *политическія*; общестуденческія требованія должны вытекать изъ первыхъ какъ частность".

Тверское землячество „Петиція съ самыми широкими политическими требованіями должна быть подана единовременно или вслѣдъ за петлиціями земствъ. *Безпорядки* нужны лишь въ случаѣ репрессіи за петицію. Желательно привлечь профессоровъ".

Курское землячество находитъ студенчество достаточно организованнымъ, чтобы взять на себя иниціативу возбуждать общественное движеніе готово поддержать без порядки.

Рязанское землячество. „Петиція с о студенческими требованіями должна быть подана. Въ случаѣ отказа должны быть безпорядки до послѣдней крайности. Это землячество ждетъ практическихъ результатовъ отъ петиціи; нѣкоторые не ждутъ ихъ".

Студенты сильно аплодировали Духовскому, но затѣмъ рѣшили, что если Духовскому они аплодировали, то послѣдовательность требуетъ Владимирова освистать. Остальныя свѣдѣнія о послѣднемъ студенты получили отъ Гольцева, который просилъ Харьковскаго профессора Д... доставить ему подробности этого дѣла для студентовъ. Послѣдствіемъ приговора студенческой судебной комиссіи былъ уходъ профессора Владимирова изъ Московскаго Университета. Онъ испугался наказанія, которое предполагалось осуществить въ слѣдующей послѣдовательности: свистки, брань, побои.

Профессора Янжула судебная комиссія судила за оскорбленіе студентовъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1894-мъ году, наканунѣ 19-го Февраля (день освобожденія крестьянъ) студенты нѣсколько разъ обращались къ профессору Янжулу съ просьбой не читать имъ лекціи на слѣдующій день. Послѣдній всякій разъ отказывался исполнить желаніе студентовъ, находя достойнѣе праздновать освобожденіе крестьянъ прилежными занятіями, нежели проводить его лежа на диванѣ съ сигарой во рту. Профессоръ сравнилъ предлагаемый студентами способъ демонстраціи «съ показываніемъ кукиша въ карманѣ». Возраженіе профессора Янжула привело его слушателей въ негодованіе. Было рѣшено подать жалобу на обидчика въ судебную комиссію. Къ Ив. Ив. Янжулу явились на квартиру члены слѣдственной комиссіи, которые допрашивали его. О пріѣздѣ этихъ самозванныхъ судей предупреждалъ обвиняемаго профессоръ Эрисманъ (что̀ заставляетъ предполагать его сношенія съ Союзнымъ Совѣтомъ). Въ свое оправданіе Янжулъ сказалъ, что не призналъ въ явившихся къ нему 18-го Февраля студентахъ депутатовъ отъ всего курса и ссылался еще на свою глухоту, благодаря которой онъ многія требованія студентовъ не разслышалъ. Приговоръ слѣдственной комиссіи по изложенному дѣлу гласилъ: «Профессоръ не имѣетъ нравственнаго права относиться свысока и презрительно въ аудиторіи къ студентамъ, и поэтому его небрежное оскорбительное поведеніе должно быть предано широкой гласности *)».

Описанныя явленія, настроеніе общества при восшествіи на престолъ молодого Царя, усилившееся вліяніе Союзнаго Совѣта на студентовъ и отношеніе къ нему одной части профессоровъ объясняютъ разъигравшуюся въ университетѣ въ 1894 г. профессорско-студенческую исторію.

---

*) Исторія съ профессоромъ Янжуломъ была описана въ Лондонскомъ журналѣ „Russian free press fund“ (25-го Іюля 1894-го года), который редактируется Степнякомъ, убійцей Мезенцова. Изъ этого видно, что студенческій союзъ имѣлъ связь съ революціонерами.

Въ концѣ Ноября означеннаго года студенты освистали В. О. Ключевскаго; всѣ знали, что свистки были наказаніемъ профессору за то, что онъ осмѣлился хвалить покойнаго Государя въ своей рѣчи, сказанной въ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». Студенты обвиняли Ключевскаго въ лицемѣріи, такъ какъ ранѣе онъ держался, по ихъ мнѣнію, совершенно другихъ взглядовъ на власть. Нѣкоторыхъ свистуновъ судили въ Правленіи и трехъ изъ нихъ исключили изъ университета. Это вызвало на слѣдующій день сходку, собравшуюся въ химической лабораторіи. По обыкновенію сходка не послушалась увѣщаній университетскихъ властей; была призвана полиція, которая переписала неуспѣвшихъ разбѣжаться студентовъ. Небольшая часть записанныхъ была судима въ Правленіи университета и присуждена къ легкимъ наказаніямъ. Между тѣмъ полицейская власть распорядилась высылкою 48 студентовъ, большею частью старшихъ курсовъ. По ея словамъ это были главари землячествъ и всѣ—члены Союзнаго Совѣта. Вслѣдъ за этимъ одна часть профессоровъ собралась у профессора О—ва подъ предсѣдательствомъ В. И. Г... съ цѣлью рѣшить вопросъ, какимъ способомъ заступиться за наказанныхъ студентовъ. В. И. Г... привезъ даже готовыя положенія, которыя должны были послужить основаніемъ петиціи къ великому князю Сергію Александровичу, Московскому генералъ-губернатору. Положенія были слѣдующія: 1) «Просить возвращенія высланныхъ студентовъ». 2) «Просить, чтобы студенты не арестовывались иначе, какъ при депутатахъ отъ университета, т. е. отъ профессоровъ, такъ какъ полиція дѣйствуетъ слишкомъ произвольно». 3) «Просить, чтобы измѣнено было устройство университетскаго суда, въ виду того, что теперешній судъ находится въ рукахъ администраціи, т. е. въ рукахъ лицъ, отвѣчающихъ за спокойствіе университета и имѣющихъ, можетъ статься, непосредственныя столкновенія съ отдѣльными студентами или группами ихъ. Въ такомъ случаѣ судъ университетскаго правленія не могъ быть безпристрастнымъ».

Небольшое число присутствовавшихъ профессоровъ возражало противъ послѣдняго пункта, но ихъ доводы никого не убѣдили. Для выслушанія окончательной редакціи петиціи было рѣшено собраться вторично. Въ промежутокъ между обоими собраніями Николай Павловичъ встрѣтился съ двумя петиціонерами, профессорами Ч... и М... Желая ихъ образумить, Николай Павловичъ намѣренно разсказалъ имъ коечто о томъ, какъ землячества и ихъ Союзный Совѣтъ образовали изъ себя подпольное правительство, дававшее свои предписанія профессорамъ; при этомъ Николай Павловичъ упомянулъ о запрещеніи Владимирову читать лекціи. На второе засѣданіе къ О—ву собрались тѣже тридцать человѣкъ. Въ этотъ разъ профессоръ Булыгинскій основа-

тельно указалъ, что студенты и безъ того не уважаютъ авторитета университетскаго суда, а послѣ проектируемаго заявленія и подавно не станутъ уважать его. Такъ приблизительно высказался и Бобровъ. Еще рѣшительнѣе возражалъ противъ 3-го пункта Чериновъ. Онъ даже покинулъ собраніе, не подписавъ петиціи; но всѣ остальные профессора подписали, даже тѣ, которые возражали противъ просьбы о судѣ. Приведенныя свѣдѣнія о собраніяхъ у О... были переданы Боголѣпову Чериновымъ и двумя петиціонерами. Отъ Ч... Николай Павловичъ узналъ еще, что приватъ-доцентъ Милюковъ (незадолго до этого отставленный отъ должности) служилъ посредникомъ между главою петиціонеровъ Г. и землячествами. По его словамъ Милюковъ ѣздилъ изъ профессорскаго собранія на засѣданія Союзнаго Совѣта, чтобы передать о случившемся. Другой петиціонеръ, ярый протестантъ, не скрываясь говорилъ профессору Алексѣеву, что попечитель округа поручилъ Г. . . . войти въ сношенія съ землячествами и обѣщать имъ, если они будутъ сидѣть тихо, свое содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія высланныхъ студентовъ. Самъ Г. . . . . въ собраніи петиціонеровъ выразился такимъ образомъ: «Я былъ у попечителя, потомъ поѣхалъ въ Союзный Совѣтъ и затѣмъ выработалъ приведенные положенія».

Когда П. А. Некрасовъ и его помощникъ Н. А. Звѣревъ узнали о петиціи, они рѣшили послать министру прошеніе объ отставкѣ, такъ какъ пунктъ о судѣ не только выражалъ недовѣріе къ нимъ значительнаго числа профессоровъ, но и подрывалъ ихъ авторитетъ въ глазахъ студентовъ. Слухъ о томъ, что вся исторія съ петиціей затѣяна самимъ попечителемъ, еще болѣе утвердилъ обоихъ въ ихъ намѣреніи. Профессора, не сочувствовавшіе петиціи, стали на сторонѣ ректора. Кромѣ самой петиціи и въ особенности пункта о судѣ ихъ возмущали еще тайныя сношенія петиціонеровъ съ Союзнымъ Совѣтомъ и ихъ скрытность. То обстоятельство, что защитники студентовъ обратились съ жалобой къ генералъ-губернатору, а не къ министру народнаго просвѣщенія, также раздражало противниковъ петиціи въ виду того, что протестующіе профессора всегда ратовали противъ вмѣшательства администраціи въ университетскія дѣла. Скрытность свою петиціонеры объясняли простой случайностью, и только одинъ Г... сказалъ правду, а именно, что петиціонеры рѣшили пригласить только единомышленниковъ, такъ какъ надо было дѣйствовать быстро, не задерживая ходъ дѣла преніями. Это имъ и удалось. Къ Великому Князю съ петиціей была послана депутація изъ Г... Т... и Э... Профессоръ Ч... долженъ былъ также ѣхать, но этотъ новый Остерманъ заболѣлъ наканунѣ или въ самый день поѣздки. Великій Князь принялъ депутацію,

но сказалъ, что исполнитъ только ту часть петиціи, которая относилась къ его вѣдомству, а именно пересмотръ вопроса о высланныхъ, а все остальное оставитъ безъ послѣдствій. Николай Павловичъ былъ также противъ петиціи и энергично поддерживалъ ректора. Нѣкоторые дружественно расположенные къ нему профессора приходили совѣтоваться съ нимъ, какого образа дѣйствій держаться. Вмѣстѣ съ деканомъ юридическаго факультета они просили Боголѣпова уговорить ректора и его помощника взять свои отставки назадъ; но Николай Павловичъ отказался исполнить ихъ просьбу, потому что находилъ невозможнымъ управлять университетомъ, когда авторитетъ власти подорванъ.

На одномъ изъ засѣданій университетскаго совѣта ректоръ обратился къ профессорамъ съ рѣчью, въ которой описалъ свое затруднительное положеніе. «Съ одной стороны, говорилъ онъ, студенческій Союзный Совѣтъ беретъ на себя роль распорядителя въ университетѣ, съ другой 42 профессора заявляютъ, что ректоръ и правленіе при теперешнемъ строѣ не заслуживаютъ довѣрія. Въ концѣ рѣчи Некрасовъ объявилъ, что не можетъ управлять университетомъ при такомъ положеніи дѣлъ и потому подалъ въ отставку, которая уже принята. Въ своихъ Запискахъ Николай Павловичъ говоритъ, что эта рѣчь была сказана просто, искренно и кротко и производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Въ отвѣтъ на эту рѣчь присутствовавшіе петиціонеры стали увѣрять П. А. Некрасова, что у нихъ не было намѣренія выражать недовѣріе кому-нибудь изъ университетскихъ властей. Сторонники ректора стали также увѣрять, что большинство профессоровъ не участвовало въ составленіи петиціи. Павелъ Алексѣевичъ просилъ прекратить безполезные разговоры и ушелъ. Тогда поднялись крики и споры, стали звать ректора назадъ. Шумъ стоялъ страшный. Николай Павловичъ все время упорно молчалъ, не смотря на просьбы нѣкоторыхъ его товарищей (профессора К. . . . . и С. . . . .) взять на себя предсѣдательство и водворить спокойствіе, чтобы выяснить положеніе дѣла. Но Николай Павловичъ считалъ безполезнымъ говорить при такомъ возбужденіи. Съ этого засѣданія профессора разошлись, ничего не рѣшивъ. Вслѣдъ за этимъ попечитель совершенно неожиданно вызвалъ къ себѣ Николая Павловича и все время говорилъ съ нимъ только о петиціи и порицалъ ее: «Мы идемъ къ страшной университетской катастрофѣ!» заявилъ онъ, «и дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось быть участникомъ въ ней». На вопросъ Боголѣпова, отчего онъ раньше не сказалъ вожакамъ петиціонеровъ прекратить свою агитацію, попечитель сталъ увѣрять, что раньше послѣдняго засѣданія профессоровъ онъ ничего не зналъ о содержаніи петиціи. По его мнѣнію, ректоръ можетъ взять отставку назадъ только въ томъ случаѣ, если петиціонеры на-

пишутъ ему письмо, въ которомъ рѣшительно будутъ порицать запрещенныя студенческія организаціи и обѣщаютъ поддержать Правленіе въ его настоящемъ видѣ. На замѣчаніе Николая Павловича, что такимъ заявленіемъ петиціонеры сами себя высѣкутъ и едва ли послѣ этого письма прекратятъ свою агитацію, попечитель отвѣтилъ: «Тогда я буду ихъ бить на-голову и бить на-смерть».

Между тѣмъ Великій Князь Сергій Александровичъ отослалъ подлинную петицію къ попечителю, который въ свою очередь отправилъ ее въ университетъ. Благонамѣренные профессора, съ ректоромъ во главѣ, рѣшили энергично дѣйствовать противъ пагубныхъ послѣдствій поданной петиціи. Нѣсколько профессоровъ-юристовъ, собравшись у ректора, нашли нужнымъ созвать въ назначенный для этого день всѣхъ профессоровъ, чтобы выяснить положеніе дѣлъ и намѣтить образъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ. Тутъ же ректоръ предложилъ прочесть имѣющимъ собраться профессорамъ всѣ добытые документы, характеризующіе Союзный Совѣтъ; затѣмъ кто нибудь изъ его сторонниковъ долженъ будетъ предложить профессорамъ сдѣлать заявленіе въ томъ смыслѣ, «что они порицаютъ Союзный Совѣтъ, какъ вредный союзъ и признаютъ сношенія съ нимъ профессоровъ противными долгу службы и нравственности». Петиціонеры, получивъ приглашеніе на общее собраніе, стали совѣщаться отдѣльными группами, чтобы рѣшить вопросъ, какъ имъ отнестись къ предложенію ректора о порицаніи Союзнаго Совѣта. На одно изъ такихъ совѣщаній былъ приглашенъ и Николай Павловичъ. Одинъ изъ колеблющихся петиціонеровъ, профессоръ М... пригласитъ его на свой вечеръ въ виду того, что нѣкоторые петиціонеры желаютъ выслушать его взгляды на текущія событія. Одновременно П. Г. В... долженъ былъ собрать у себя профессоровъ-филологовъ, чтобы предложить имъ высказаться въ пользу узаконенія землячествъ. Петиціонеры, собравшіеся у Митропольскаго, также защищали ихъ на разные лады. Николай Павловичъ старался доказать имъ невозможность правильной университетской жизни при существованіи подпольнаго студенческаго правительства, претендующаго управлять не только студентами, но и профессорами. «Къ тому же, говорилъ онъ, къ студенческимъ союзамъ въ Россіи неизбѣжно прививается политиканство, и занятія дѣлами землячествъ, особенно если они поставлены широко, не оставятъ мѣста для главнаго дѣла студентовъ — ученія». Доводы Николая Павловича петиціонеровъ не убѣдили. «Послѣ горячихъ споровъ у М. (пишетъ Боголѣповъ въ своихъ Запискахъ): «у петиціонеровъ крѣпко засѣла мысль о необходимости допустить студентовъ къ активному участію въ управленіи университетскими дѣлами или по крайней мѣрѣ въ веденіи дѣлъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе эконо-

мическаго быта студентовъ. Я еще разъ убѣдился, что у нѣкоторыхъ профессоровъ идеалы относительно устройства студенчества очень неопредѣленны. Они желаютъ для студентовъ какой-то свободы, а въ чемъ она должна выразиться, они и сказать не могутъ. Главное—побольше протестовать, побольше прогрессу».

Въ назначенный день для общаго засѣданія профессоровъ, 29 Декабря 1894, ихъ много собралось. Ректоръ началъ съ представленія пяти документовъ. Одинъ изъ нихъ *) заключалъ въ себѣ описаніе дѣятельности Союзнаго Совѣта, а именно: удовлетвореніе матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ студентовъ и противодѣйствіе неправильнымъ распоряженіямъ начальства и профессоровъ. Во второмъ и третьемъ документахъ излагались приговоры судебной коммисіи надъ профессорами Янжуломъ и Владимировымъ. Четвертый документъ описывалъ административную дѣятельность Союзнаго Совѣта—его распоряженія относительно студенческихъ безпорядковъ (запрещеніе или разрѣшеніе ихъ учинять). Пятый документъ былъ воззваніемъ бывшихъ Московскихъ студентовъ къ обществу. Въ немъ они ругаютъ университетское начальство и въ особенности попечителя, «запятнавшаго себя какъ человѣкъ и какъ администраторъ». Передъ чтеніемъ четвертаго документа профессоръ Г. объяснилъ, что, по просьбѣ студентовъ, его слушателей, онъ ѣздилъ къ попечителю ходатайствовать о возвращеніи высланныхъ ихъ товарищей, а вечеромъ того же дня отправился въ засѣданіе Союзнаго Совѣта, гдѣ засталъ человѣкъ 30, которымъ сообщилъ обѣщаніе попечителя хлопотать о смягченіи участи высланныхъ. Когда всѣ документы были прочитаны, ректоръ предложилъ желающимъ приступить къ возраженіямъ; но всѣ молчали, никто не поднимался. Первый всталъ Боголѣповъ и сказалъ рѣчь содержаніе которой привожу вкратцѣ «Существованіе Союзнаго Совѣта грозитъ подорвать въ корнѣ здоровую университетскую жизнь, потому что студенты присвоиваютъ себѣ право судить профессоровъ и университетское начальство, предписывать имъ образъ дѣйствій и наказывать за неповиновеніе. Передъ нами пропасть, говорилъ онъ, къ которой мы стремимся и упадемъ, если не примемъ своевременно мѣръ. Дѣло не можетъ ограничиться тѣми случаями суда и наказанія, которые были до сихъ поръ. Разъ студенты организовались и почувствовали силу, они начнутъ увеличивать свои требованія и средства принужденія; въ одинъ-два года студенты дойдутъ до такихъ требованій, которыя возмутятъ самаго терпѣливаго профессора и отъ свистковъ легко перейдутъ къ насиліямъ.

*) Отъ Союзнаго Совѣта 43-хъ землячествъ. Москва, 28 Декабря 1894 года.

Тогда профессора завопятъ, и наступитъ реакція, которая отразится всего болѣе на студентахъ, т. е. на тѣхъ, которыхъ теперь мы сами развращаемъ своимъ попустительствомъ. Чтобы предупредить это бѣдствіе, профессора должны прежде всего дѣйствительно проникнуться убѣжденіемъ, что теперешній порядокъ ненормаленъ и не долженъ быть терпимъ. Далѣе пусть профессора громко заявятъ обществу и студентамъ, что они считаютъ Союзный Совѣтъ вреднымъ, несовмѣстимымъ съ правильной университетской жизнью. Наконецъ, въ ежедневной будничной жизни профессора въ своихъ сношеніяхъ съ студентами должны постоянно проводить то правило, что въ университетѣ профессора должны только учить, а студенты только учиться».

Послѣ Боголѣпова В... сказалъ приблизительно слѣдующее:Высказать только порицаніе Союзному Совѣту будетъ одностороннимъ рѣшеніемъ дѣла, такъ какъ его появленіе было вызвано неудовлетворенными нравственными и матеріальными потребностями студентовъ. Поэтому, если выражать порицаніе Союзному Совѣту, надо одновременно выразить желаніе, чтобы землячества были узаконены и организованы.

Въ пользу узаконенія землячествъ говорили еще три профессора, но ихъ доводы были слабы. Профессоръ Чупровъ возражалъ противъ порицанія Союзнаго Совѣта, во-первыхъ, потому, что это отягчило бы участь высланныхъ его членовъ; во-вторыхъ, потому, что происхожденіе документовъ, прочитанныхъ ректоромъ, казалось ему очень сомнительными, также какъ и существованіе самаго Союзнаго Совѣта. (Очевидно Ч... забылъ про высказанное имъ тотчасъ опасеніе за участь членовъ Совѣта и про разсказъ Г. о его поѣздкѣ на засѣданіе этого совѣта).

Послѣ приведенныхъ рѣчей поднялись пренія о томъ, выразить ли только порицаніе Союзному Совѣту или оговориться относительно землячествъ. Профессора долго не могли придти къ соглашенію. Нѣкоторые стали предлагать отсрочить рѣшеніе; но этому воспротивился ректоръ. Тогда Николай Павловичъ предложилъ слѣдующее заявленіе: «Не касаясь вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для цѣлей благотворительныхъ или образовательныхъ, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основу университетской жизни такъ называемый Союзный Совѣтъ землячествъ, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать за неповиновеніе ему». Это заявленіе стали подписывать всѣ профессора. Вожаки-петиціонеры одно время переговаривались и колебались, но и они поодиночкѣ стали подходить къ подписному листу и въ концѣ концовъ подписались. Съ засѣданія Николай Павловичъ воз-

вратился грустный и удрученный. Шедшему съ нимъ профессору Алексѣеву онъ высказалъ тяготившія его сомнѣнія. «Едва ли наше заявленіе расчистить небо. Одни профессора, повидимому, находятъ, что всѣ эти приговоры и т. п. акты Союзнаго Совѣта—мальчишескія выходки; другіе такъ и остались при мысли, что Союзный Совѣтъ есть выраженіе серьезной потребности въ студенческихъ союзахъ.

Вскорѣ послѣ общаго собранія профессоровъ попечитель разослалъ циркулярное письмо съ приложеніемъ копіи краткаго отзыва о петиціи, представленнаго генералъ-губернатору и министру народнаго просвѣщенія. Въ письмѣ разбирается и строго осуждается петиція; въ немъ говорится, что профессора могли просить Великаго Князя только о разсмотрѣніи дѣла сорока семи высланныхъ студентовъ; все остальное содержаніе петиціи должно подорвать авторитетъ университетской власти. Заканчивается отзывъ заявленіемъ, что въ случаѣ будущихъ безпорядковъ профессора, подписавшіе петицію, понесутъ отчасти на себѣ вину за нихъ.

Въ отвѣтъ на этотъ отзывъ петиціонеры написали возраженіе, подъ которымъ подписались тридцать три изъ нихъ. Въ этихъ возраженіяхъ они утверждаютъ, что до 25-го Декабря (день составленія петиціи) они ничего не знали о Союзномъ Совѣтѣ, и стараются доказать, что единственною цѣлью петиціи было испросить помилованіе высланнымъ студентамъ. Всѣ остальныя разсужденія были приведены какъ мотивы къ этому ходатайству.

Какъ только подписанное всѣми профессорами порицаніе Союзному Совѣту стало извѣстно всему университету, члены союзной студенческой организаціи заволновались и забѣгали отъ одного петиціонера къ другому, чтобы узнать причину перемѣны отношенія къ нимъ ихъ друзей. Какъ видно изъ документовъ Союзнаго Совѣта (вышедшихъ послѣ появленія порицанія), петиціонеры оправдывались давленіемъ, оказаннымъ на нихъ враждебной партіей. Должно быть, такое объясненіе спасло ихъ отъ студенческой кары; иначе имъ пришлось бы, можетъ быть, испытать на себѣ непріятное послѣдствіе существованія подпольнаго студенческаго правительства.

Вся эта запутанная исторія съ петиціей кончилась внѣшнимъ образомъ очень просто; но она тѣмъ не менѣе сыграла видную роль въ исторіи университетской жизни и оставила въ ней слѣды. Хотя она и была только звеномъ въ длинной цѣпи профессорскихъ интригъ и студенческихъ волненій, но послужила одною изъ причинъ теперешняго разложенія университета.

Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, узнавъ о петиціи, послалъ ректору и его помощнику официальное письмо, въ которомъ

высказалъ много лестнаго по ихъ адресу. Къ тому же онъ передалъ желаніе Государя, чтобы они остались на своихъ мѣстахъ, при чемъ замѣтилъ, что Его желаніе равносильно приказанію. Одновременно съ письмомъ были присланы двѣ бумаги отъ министра. Въ одной онъ приказывалъ вывѣсить студентамъ слѣдующее объявленіе: «Студенты не должны поддаваться вліянію агитаторовъ, которые приглашаютъ всѣхъ учащихся подписываться подъ ходатайствомъ на высочайшее имя объ измѣненіи дѣйствующихъ уставовъ». Объявленіе говоритъ, что никакія петиціи приняты не будутъ, такъ какъ законы составляются и измѣняются не по соображенію учащейся молодежи, а лишь по указанію верховной власти. При этомъ министръ возлагаетъ надежду на благоразуміе огромнаго большинства студентовъ, несомнѣнно понимающихъ, что они поступили въ высшія учебныя заведенія не для измѣненія его строя, а для ученія и расширенія своихъ знаній. Нѣсколько времени спустя, изъ министерства былъ присланъ выговоръ всѣмъ петиціонерамъ за то, что они обратились въ чужое вѣдомство и возбудили щекотливые вопросы въ такое время, когда и безъ того студенты уже были взволнованы. А четыремъ вожакамъ ихъ (Г., О., Э. и Ч.) было послано предупрежденіе, что въ случаѣ безпорядковъ они будутъ сочтены виновниками ихъ. По слухамъ, министръ предполагалъ уволить ихъ лѣтомъ, а пока этой участи подвергся одинъ приватъ-доцентъ Милюковъ. Попечитель, уѣхавшій въ Петербургъ по дѣлу петиціи, писалъ Некрасову, что университетскія дѣла идутъ удовлетворительно. По тону письма было видно, что министръ и самъ попечитель не хотѣли принимать рѣшительныхъ мѣръ. Николай Павловичъ былъ недоволенъ такими распоряженіями. Мирный ходъ университетскихъ занятій казался ему немыслимъ при существованіи подпольнаго студенческаго правительства и при сношеніяхъ съ нимъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Предательская и вѣчноколеблющаяся политика высшей власти довела университетъ до бѣдственнаго положенія. Профессоръ М., со словъ самихъ студентовъ, передавалъ Боголѣпову, что многіе приватъ-доценты состояли членами Союзнаго Совѣта. Профессору З. разсказывалъ знакомый ему студентъ, что уже тогда въ дѣятельности землячествъ принимали участіе женщины и гимназисты.

Такимъ образомъ революціонное движеніе, охватившее университетскую молодежь, уже тогда грозило перейти въ средне-учебныя заведенія. Своимъ трезвымъ, яснымъ умомъ Боголѣповъ отлично понималъ, что даже во время революціи учащаяся молодежь должна стоять въ сторонѣ отъ нея, чтобы имѣть возможность во-время воспитать и образовать себя. Страна можетъ отдохнуть отъ всякой революціи; но ей трудно возродиться послѣ нея, когда ея молодыя силы

подкошены. Опредѣленность и неподкупность взглядовъ Николая Павловича, его самоотверженныя и энергичныя усилія придти на помощь университету снискали къ нему уваженіе даже лицъ враждебной ему партіи. Такъ одна часть петиціонеровъ пригласила его, какъ мы видѣли выше, на свое собраніе, чтобы ознакомиться съ его взглядами. Точно также попечитель счелъ нужнымъ вызвать его и сообщить ему свою точку зрѣнія на петицію. Даже болѣе ярые его противники прислушивались къ его мнѣніямъ и считались съ ними, потому что чуяли въ немъ силу. Такъ профессоръ В. заходилъ къ Николаю Павловичу, чтобы выслушать (какъ онъ самъ выразился) мнѣніе вліятельнаго члена профессорской коллегіи о признаніи землячествъ. Николай Павловичъ откровенно высказалъ ему свой взглядъ на этотъ вопросъ. В. указывалъ на необходимость образованія землческихъ кружковъ въ виду большой потребности у студентовъ къ образованію. (Въ настоящее время такой взглядъ кажется насмѣшкою). Къ нему обратилось, говорилъ онъ, нѣсколько человѣкъ изъ его слушателей съ просьбой руководить ими въ общемъ образованіи; между тѣмъ, если бы число охотниковъ увеличилось, не было бы возможоости удовлетворить ихъ, потому что тогда это вышло бы за предѣлы обычныхъ отношеній между профессоромъ и его слушателями. Николай Павловичъ отвѣтилъ ему, что если бы вопросъ шелъ только объ образовательныхъ студенческихъ кружкахъ, то ихъ было бы легче разрѣшить, такъ какъ такіе кружки могли бы естественно образовываться изъ семинарскихъ занятій профессоровъ, или даже создаваться вновь подъ ихъ руководствомъ. Задачи такихъ союзовъ родственны университетскимъ цѣлямъ. Гораздо болѣе затрудненій представляетъ общество съ матеріальными цѣлями или съ цѣлями сложными въ родѣ клубовъ; профессора неопытны въ подобныхъ дѣлахъ, да и надзоръ за студентами потребовалъ бы страшной затраты времени. Предоставить же студентамъ полную свободу и право самимъ указывать цѣли своихъ кружковъ было бы очень опасно, такъ какъ надо было бы разрѣшить студенческія сходки; послѣднія неминуемо вели бы къ безпорядкамъ и отвлекали бы молодежь на долгое время отъ научныхъ занятій. В.... не соглашался съ мнѣніемъ Боголѣпова, но поблагодарилъ его за откровенно высказанное мнѣніе. Другой петиціонеръ также приходилъ къ Николая Павловичу, чтобы услышать отъ человѣка честнаго, хотя и противоположныхъ съ нимъ убѣжденій, его мнѣніе о попечительскомъ циркулярѣ *). А. считалъ циркуляръ

*) Подлинныя слова профессора А.

оскорбительнымъ для петиціонеровъ и оправдывался тѣмъ, что цѣлью ихъ петиціи было только испросить помилованіе для высланныхъ студентовъ.

Между прочимъ А. высказалъ мысль, что многіе петиціонеры обижены замѣчаніемъ Николая Павловича, что въ настоящей студенческой исторіи виноваты профессора. Боголѣповъ пояснилъ ему мысль, высказанную имъ въ собраніи университетскаго совѣта 29 Декабря. Профессора, также какъ и значительная часть образованнаго общества, воспитываютъ въ молодомъ поколѣніи революціонный духъ, но не тѣмъ, что они проповѣдуютъ такъ называемыя либеральныя идеи, а тѣмъ, что къ учрежденіямъ, имъ несимпатичнымъ, относятся не съ объективной критикой, а съ раздраженіемъ; они возбуждаютъ въ молодыхъ людяхъ ненависть къ этимъ учрежденіямъ и побуждаютъ ихъ топтать законы, а не стремиться правильнымъ путемъ къ ихъ преобразованію. Въ примѣръ Николай Павловичъ сослался на лекцію профессора Д—аго, возбуждавшую ненависть студентовъ къ учрежденію земскихъ начальниковъ. А.... ушелъ отъ Николая Павловича недовольнымъ.

Послѣ волненія, вызваннаго петиціей, въ университетѣ водворилось на время спокойствіе. Весеннее полугодіе прошло тихо. Союзный Совѣтъ, первое время послѣ разоблаченія своей дѣятельности, боялся ее проявлять. Среди этой тишины и спокойствія у членовъ Союзнаго Совѣта не исчезла однако надежда на узаконеніе землячествъ. Имъ сочувствовала и одна часть профессоровъ. Письмо Союзнаго Совѣта къ обществу (отъ 5-го Янв. 1895 г.) является какъ бы отвѣтомъ на постановленіе профессоровъ, сдѣланное на совѣщаніи сихъ послѣднихъ 29-го Декабря 1894 г. и на рѣчь Боголѣпова, сказанную тамъ же. Въ этомъ письмѣ подробно характеризуется дѣятельность Союзнаго Совѣта, отрицаются политическія цѣли его и претензія судить профессоровъ. Кромѣ этого, письмо хочетъ доказать необходимость существованія союзной организаціи въ виду ея просвѣтительныхъ задачъ, столь плохо исполняемыхъ университетомъ. Часть профессоровъ и самъ попечитель также не переставали высказывать свое сочувствіе этой организаціи. По словамъ попечителя, ему удалось убѣдить министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимости узаконить землячества. Онъ даже предлагалъ ректору собрать профессоровъ для обсужденія этого вопроса; но ректоръ находилъ очень рискованнымъ возбуждать его въ такое время, когда студенты едва успокоились. Совѣщаніе по поводу узаконенія землячествъ могли бы вызвать тотчасъ же студенческіе безпорядки. Ректору однако удалось уговорить попечителя отложить предполагаемое совѣщаніе. Между тѣмъ П. А. Некрасовъ обсуждалъ съ Николаемъ Павловичемъ вопросъ о замѣнѣ предполагаемыхъ союзныхъ организацій студенческими общежитіями. Проектъ ихъ былъ слѣдующій. Студенты должны были

приниматься въ нихъ за очень умѣренную плату, а нѣкоторые и совсѣмъ безъ нея. Средства на общежитіе доставлялись бы мѣстными обществами. Во главѣ этого учрежденія должны стоять образованные люди по возможности съ твердымъ характеромъ, уже испытанные, напр., приватъ-доценты, читавшіе раньше лекціи, а также профессора. Такимъ образомъ общежитія удовлетворяли бы потребностямъ учащейся молодежи въ матеріальной и нравственной помощи, которую теперь надѣялись удовлетворить путемъ узаконенія землячествъ. Но проектъ этотъ не былъ одобренъ попечителемъ и осуществился только черезъ нѣсколько лѣтъ во время попечительства Боголѣпова.

Во всей описанной запутанной профессоро-студенческой исторіи опредѣленно выступаетъ образъ дѣйствій Николая Павловича. Въ проявленіяхъ своей неподкупной энергіи онъ былъ движимъ только благими цѣлями уберечь учащуюся молодежь отъ пагубныхъ для нея увлеченій политикой, указать ей путь къ ея собственному усовершенствованію и научить ее работать и пріобрѣтать знанія. Его взгляды на университетскія дѣла отличались большой трезвостью и вѣрностью. Теперешнее бѣдственное состояніе университета, послѣдствія, къ которымъ привели студенческія организаціи, могутъ служить доказательствомъ основательности его убѣжденій. Пристальнѣе вглядываясь въ отношенія борющихся сторонъ въ описанной борьбѣ двухъ университетскихъ направленій, легко становится объяснить себѣ непріязнь къ человѣку рѣдкой души, всегда готовому жертвовать собою на благо другимъ. Николай Павловичъ напоминалъ студентамъ ихъ скромный долгъ въ то время, когда нѣкоторые его товарищи сочувствовали ихъ усиліямъ принимать участіе въ управленіи университетомъ и въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Но не одно порицаніе студенческихъ увлеченій было причиной враждебныхъ отношеній студентовъ къ Николаю Павловичу, молодежь и другіе недоброжелатели часто обвиняли его въ сухости и формализмѣ. Формалистъ большею частью бываетъ сухимъ; но нужно выяснить себѣ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ словомъ формализмъ.

Часто Русскіе, при извѣстной распущенности и отвращенію къ порядку, называютъ формалистомъ человѣка требующаго точности и порядка. Нѣмцы и Англичане, напротивъ того, высоко цѣнятъ такихъ людей. Сколько дорогого времени сберегаются точностью и порядкомъ! Еще молодымъ человѣкомъ Боголѣпомъ, въ своихъ заграничныхъ запискахъ, сравнивая Русскихъ съ Нѣмцами, пишетъ о своемъ горячемъ желаніи привить Русскимъ любовь Нѣмцевъ къ порядку и точности. Весьма понятно, что, сдѣлавшись руководителемъ Русской молодежи, онъ считалъ своимъ долгомъ осуществить свое давнишнее желаніе. Студенты сильно роптали на Николая Павловича прежде всего за тре-

бованіе аккуратно носить установленную студенческую форму. Многіе студенты приходили въ университетъ съ мундирами на распашку, въ неопрятныхъ красныхъ и разноцвѣтныхъ рубашкахъ на выпускъ. Въ этомъ случаѣ Боголѣповъ своимъ требованіемъ надѣялся пріучить молодежь къ порядку и опрятности, такъ необходимымъ всякому человѣку. Къ тому же онъ находилъ, что безпорядочная одежда выражаетъ неуваженіе студента къ университету и профессорамъ. «Не только всякій человѣкъ живущій въ культурномъ обществѣ, говорилъ онъ, обязанъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ приличія, но и каждый учащійся долженъ повиноваться постановленіямъ учебнаго заведенія, въ которомъ онъ учится». Другою причиной обвиненія Боголѣпова въ формализмѣ было его требованіе приходить въ назначенный день и часъ къ экзамену. Дѣйствительно онъ рѣдко соглашался на отсрочку, главнымъ образомъ потому, что считалъ для студента невозможнымъ пріобрѣсти въ нѣсколько дней столько знаній, сколько онъ долженъ былъ ихъ усвоить за цѣлую зиму. Точно также Николай Павловичъ рѣдко разрѣшалъ отсрочку экзаменовъ на осень, потому что считалъ это поощреніемъ лѣни и неточности. Только удостовѣрившись въ уважительности причинъ, онъ разрѣшалъ отсрочку. Отложенные экзамены часто лишали профессора дорогого ему времени, а студента пріучали не дорожить имъ.

Но, какъ видно изъ предыдущей статьи, Николай Павловичъ имѣлъ и друзей среди занимавшихся серьезныхъ студентовъ. Съ такою же любовью и уваженіемъ относилась къ нему учащаяся молодежь, когда она имѣла дѣло съ нимъ внѣ всякихъ партійныхъ интересовъ. Напримѣръ онъ пользовался большимъ довѣріемъ и сочувствіемъ, когда ему приходилось предсѣдательствовать въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ. Въ особенности въ Кіевѣ студенты высоко цѣнили его доступность, справедливость и участливость. Одинъ изъ нихъ описалъ моей знакомой, г-жѣ Шидловской, свой экзаменъ въ государственной комиссіи въ 1895-мъ году въ Кіевѣ. Этотъ студентъ пишетъ, что онъ убѣжалъ изъ Московскаго Университета въ Кіевскій изъ страха мести со стороны Николая Павловича. Оказывается, что студентъ нагрубилъ ему на экзаменѣ въ бытность свою въ Московскомъ университетѣ. Получивъ пятёрку, молодой человѣкъ сталъ дожидаться товарища, отвѣчавшаго тотчасъ послѣ него. По его словамъ послѣдній до того смутился, что наговорилъ много вздору, не смотря на прилежное приготовленіе къ экзамену. Когда Боголѣповъ поставилъ товарищу плохую отмѣтку, студентъ, авторъ письма, сталъ за него заступаться и увѣрять профессора, что экзаменующійся прекрасно знаетъ свой предметъ. Николай Павловичъ ему отвѣтилъ, что въ этомъ

дѣлѣ экзаминаторъ лучшій судья, чѣмъ экзаменующійся, на что студентъ ему сказалъ большую дерзость. Судьба, повидимому, преслѣдовала бѣглеца. Спасшись въ Кіевъ отъ Боголѣпова, онъ встрѣтилъ тамъ опять своего воображаемаго мстителя. Послѣ сильной внутренней борьбы молодой человѣкъ рѣшился подойти къ экзаменаціонному столу. Боголѣповъ долго всматривался въ него, узналъ его и спросилъ: «Вы такой-то?»—Да, съ трепетомъ отвѣтилъ студентъ, уже увѣренный, что часъ мести насталъ и что предсѣдатель заставитъ профессора поставить своему обидчику плохую отмѣтку. Каково же было его удивленіе, когда Боголѣповъ, узнавъ его, выждалъ время, пока онъ обдумывалъ билетъ, затѣмъ всталъ, чтобы подойти къ другой группѣ экзаменующихся. Авторъ письма наивно удивляется порядочности Николая Павловича. Зная послѣдняго, такой поступокъ кажется совершенно естественнымъ съ его стороны. Характерно то, что Боголѣповъ такъ незлобиво отнесся къ своему обидчику, что никогда не упоминалъ объ этомъ случаѣ. Далѣе, молодой человѣкъ въ своемъ письмѣ пишетъ, какъ Кіевскіе студенты полюбили Николая Павловича за его участливое отношеніе къ нимъ и за его постоянную готовность удѣлять имъ свободные часы своего занятаго дня. Въ концѣ письма авторъ описываетъ проводы Боголѣпова. Молодежь собралась въ большомъ количествѣ на вокзалѣ. На привѣтственные возгласы студентовъ Николай Павловичъ отвѣтилъ рѣчью. Упомянувъ о назначеніи университета готовить ученыхъ, докторовъ, судей и т. д., онъ выразилъ надежду, что каждый изъ присутствующихъ молодыхъ людей, основательно изучивъ свой предметъ, будетъ прежде всего стремиться быть хорошимъ человѣкомъ, не только добросовѣстно, но съ любовью исполняющимъ свои обязанности.

Предсѣдательствомъ въ Кіевѣ Н. П. Боголѣповъ закончилъ свою профессорскую дѣятельность. Вслѣдъ за этимъ онъ получилъ приглашеніе занять мѣсто попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Екатерина Боголѣпова.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПАВЛОВЪ*).

(Некрологическая статья).

Камень да асфальтъ подъ ногами, а кругомъ не просторъ полей и зелень лѣсовъ, но мрачныя каменныя громады домовъ; на сводъ небесный, «горящій славою звѣздной», и посмотрѣть нѣтъ привычки; и слышно не пѣніе птицъ, не «утра шумъ пріятный», но звукъ гудковъ, и грохотъ колесъ, и уличный гамъ, да порою разухабистые звуки трактирнаго органа; воздухъ промозглый, носящій въ себѣ зародыши всякихъ болѣзней. Въ такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ, оторванные отъ сельской жизни, растутъ чахлыя, заморенныя, больныя дѣти городовъ. За то они могутъ пользоваться многими увеселеніями и усладами, и они смотрятъ даже съ презрѣніемъ на здоровую, неуклюжую деревенщину, живущую «безъ понятія». Но дорого приходится платиться за эти понятія: худосочіемъ и преждевременною смертью.

Послѣ того какъ, преобразованіями Петра, Русскіе были «къ обществу политическихъ народовъ присовокуплены», такъ называемые образованные классы окончательно оторвались отъ родной почвы и тѣмъ обрекли себя на уродство и худосочіе; а народъ, лишенный просвѣщеннаго руководительства единовѣрныхъ единомышленниковъ сверху, сталъ обращаться въ простонародье и былъ обреченъ на темноту полусознанія, на немощь и скудость, на убожество и дикость.

Но великъ былъ запасъ силы и мощи Россіи: Елисавета Петровна обуздала и укратила великаго представителя Реформаціи, громомъ побѣдъ наполненъ весь 18-й вѣкъ, и передъ несокрушимостью нашего народа палъ геніальный питомецъ Французской революціи. Отечественная война всколыхнула народную душу, и стало пробуждаться Русское самосознаніе.

---

*) Рѣчь, произнесенная въ Собраніи Союза Русскихъ людей 12 Марта 1906 года въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ.

Пушкинъ и Гоголь съ неподражаемою яркостью показали удивленнымъ современникамъ, что въ могущественнѣйшей державѣ всего міра далеко не все обстоитъ благополучно, что столица порождаетъ Онѣгиныхъ, а областная Россія — Сквозниковъ-Дмухановскихъ, да Ноздревыхъ: все мертвыя души! Но гдѣ же живыя? Гдѣ здоровая натура Русскаго человѣка? или наша родина—колоссъ на глиняныхъ ногахъ, и самое ея существованіе есть какое-то недоразумѣніе?

Чѣмъ сознательнѣе становился Пушкинъ, тѣмъ болѣе любилъ онъ родныя картины.

... песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ,

но въ *Капитанской Дочкѣ* онъ лишь отчасти показалъ намъ, гдѣ таились живые родники непорушеннаго быта народнаго, а Гоголь такъ и сошелъ въ могилу, измученный невозможностію разрѣшить необходимую задачу, которая стояла передъ нимъ ясно и опредѣленно во всей своей многозначительности: *изобразить Русскій міръ и бытъ какъ положительное въ Божьемъ мірѣ явленіе.*

С. Т. Аксаковъ въ *Семейной хроникѣ* и въ *Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука* выполнилъ то, что̀ оказалось не подъ силу такому геніальному писателю какъ Гоголь. Но если здоровая натура и душевное благосостояніе Русскаго человѣка были имъ изображены, то надлежало еще показать, откуда они взялись; надо было объяснить, *чѣмъ Русскіе люди живы*, каковы ихъ идеалы и чаянія, то-есть надобно было написать Русскую исторію съ положительной точки зрѣнія.

Эту задачу блестяще выполнилъ Николай Михайловичъ Павловъ.

Покойный былъ однимъ изъ послѣднихъ живыхъ звеньевъ между нашимъ поколѣніемъ и основоположниками Славянофильства.

Что̀ такое эти Славянофилы? Дѣйствительно ли эти люди желали «повернуть колесо исторіи назадъ?» Правда ли, что они были враги всякихъ преобразованій, мрачные невѣжды, восхваляющіе гнетъ и самовластіе кнута?

Славянофилами въ насмѣшку были прозваны немногіе люди, которые, связанные между собою единствомъ пониманія, взявшіе на себя

великую задачу: научно провѣрить и очистить отъ постороннихъ примѣсей то, чѣмъ живетъ и силенъ Русскій народъ, понять тайники его души, и на этихъ основаніяхъ создать цѣлостное міропониманіе, упорядочить отношенія экономическія, юридическія и иныя, словомъ—устроить весь складъ современной жизни сообразно завѣтнымъ чаяніямъ Русскаго народа. Цѣль, какъ видите, была поставлена величественная, и достичь ея было тѣмъ труднѣе, что никакихъ учебниковъ по этому поводу за границей не было написано: приходилось всю работу вести сначала и самостоятельно.

Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ славянофилы работали больше другихъ. Ихъ учености, нравственной чистоты и добросовѣстности не могутъ отрицать даже ихъ противники. Заслуги передъ Россіей А. С. Хомякова, братьевъ Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Ю. Ѳ. Самарина неизмѣримы, и имена ихъ всегда будутъ служить кормчими звѣздами для всѣхъ *Русскихъ* людей, то-есть для тѣхъ, кто стремится смотрѣть на мимо-текущую дѣйствительность и оцѣнивать ее съ точки зрѣнія православно-Русской.

Крестникъ С. Т. Аксакова, другъ его сыновей и даже духовный питомецъ Константина Сергѣевича, Н. М. Павловъ былъ сыномъ извѣстнаго въ свое время профессора физики Михаила Григорьевича, устроителя Общества Сельскаго Хозяйства въ Москвѣ и славнаго педагога, въ Московскомъ Университетѣ. Воспитаніе онъ получилъ въ Дворянскомъ пансіонѣ и окончилъ курсъ въ университетѣ по математическому факультету.

Покойнаго въ офиціальныхъ отчетахъ называли всегда профессоромъ, но хотя по своимъ многостороннимъ знаніямъ и работамъ онъ превосходилъ многихъ даже заслуженныхъ профессоровъ, никакой ученой степени у него не было, равно какъ не имѣлъ онъ никакого чина и ордена.

Умѣнье схватить суть явленія, разобраться въ литературѣ предмета, на ряду съ необыкновенною отзывчивостію ума и многостороннею образованностью, было отличительною особенностью покойнаго. Какъ глубоко поучительны были его бесѣды съ напыщенными «жрецами науки», когда, умышленно избѣгая всякаго проявленія учености, Николай Михайловичъ доводилъ своего противника путемъ вопросовъ до сознанія, что ученому мужу далеко не все ясно, что надо не только поучиться, но и подумать, даже перерѣшить, пересмотрѣть самыя основанія науки. Въ этихъ бесѣдахъ было нѣчто сократическое, и

сколько людей обязаны ему тѣмъ, что начали свое перевоспитаніе и самостоятельную работу мысли.

Покойный рано началъ писать. Врядъ ли многимъ извѣстно, что нѣкоторыя пѣсенки, сдѣлавшіяся общимъ достояніямъ, принадлежатъ его перу. Романсъ Давыдова *Ангелъ* написанъ Павловымъ Отдѣльное изданіе его стихотвореній представляетъ книжную рѣдкость, такъ какъ было издано въ количествѣ 6 экземпляровъ. Большинство его поэтическихъ произведеній (ихъ цѣлый вȯрохъ) не напечатано. Помню одну его юношескую поэму о Наполеонѣ въ Москвѣ, въ которой гордому властителю полуміра противопоставляется сермяжный Русскій герой, великій своей скромностью и смиреніемъ.

Въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 годъ, за подписью «Бицынъ» впервыя выступилъ онъ въ печати со своими «Воспоминаніями о школьныхъ годахъ». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1860 и 1861 годы появились его повѣсти: «Конецъ впереди» и «Умъ ли это?» Драма изъ современной жизни въ пяти актахъ, какъ бы продолжающая Онѣгина, и большой романъ, также изъ современной жизни, не появились въ печати. Врядъ ли драма можетъ имѣть успѣхъ среди нашей публики, разучившейся слушать и ищущей толь ко занимательнагозрѣлища; она требуетъ большого углубленія и сосредоточенности. Въ «Смутѣ» (1608—1612 г.), Драматическихъ Сценахъ, (напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1867-й годъ) и «Царскомъ Сокольникѣ,» повѣсти изъ временъ Алексѣя Михайловича (напечатаной впервыя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1870 г.), Николай Михайловичъ выступаетъ какъ историкъ и даетъ блестящій образецъ того, какимъ образомъ слѣдуетъ относиться къ родной старинѣ; въ нихъ горизонтъ Русской жизни и быта расширяется и охватываетъ дальнее прошлое. На «Смутѣ» я не буду долго останавливаться, укажу лишь на то, до чего было глубоко у покойнаго проникновеніе въ духъ изображаемыхъ лицъ. Въ «Смутѣ» всѣ герои говорятъ языкомъ тогдашнихъ актовъ и памятниковъ (написать ее могъ лишь человѣкъ глубоко изучившій эпоху); въ одной сценѣ Марина произноситъ слова, выражающія мысль, занесенную ею въ свой дневникъ. Но, какъ мнѣ удалось установить, когда Н. М. писалъ эту сцену, ему еще не былъ извѣстенъ дневникъ Марины, и онъ приписалъ ей эти слова потому, что *она должна была въ данномъ случаѣ* сказать именно такъ. «Царскій Сокольникъ былъ написанъ въ противовѣсъ Костомаровскому «Сыну. Разсказъ Костомарова служитъ примѣромъ того, какъ *не слѣдуетъ* относиться къ исторіи. Костомаровъ свое собственное лазарет ное чувство и ипохондрію перенесъ на время Алексѣя Михайловича и, питая какую-то тупую ненависть къ до-петровской Руси, приподнесъ

читателю въ своемъ разсказѣ какое-то дикое нагроможденіе образчиковъ человѣческой глупости, злости и подлости, подъ видомъ характеристики нравовъ, понятій, обычаевъ и домашнаго быта въ XVII вѣкѣ. Особенность *Сокольника* (онъ переизданъ въ 1904 году) состоитъ въ томъ, то каждая его строчка дышитъ любовью къ изображаемой эпохѣ и проникнута глубокою непосредственностью. Вы чувствуете съ первыхъ страницъ, что вы болѣе дома, чѣмъ при чтеніи современнаго романа, что всѣ въ этомъ разсказѣ: и Царь, и его приближенные, и прочія лица, до мельника и даже пьяныхъ сторожей, члены одной семьи, къ которой и вы принадлежите, что они вамъ родные, и вы для нихъ не чужой. Ихъ недостатки и слабости—нашъ грѣхъ, да и кто передъ Богомъ не грѣшенъ, Царю не виноватъ! но эта грѣховность не возводится въ принципъ. И, чувствуя живо, какъ великъ запасъ внутренней силы въ Русскомъ народѣ, вы начинаете понимать, почемуможно и должно вѣрить въ Русь Святую. Археологическая точность доведена до мелочности, но это не есть пыль вѣковъ, а пепелъ, подъ которымъ тлѣетъ могучая вѣчно-юная жизнь.

Вѣрнымъ чутьемъ своимъ Н. М. понялъ нѣкоторыя подробности, которыя были неясны даже для такого знатока исторія какъ М. П. Погодинъ. Это потому, что Павловъ всегда пользовался правиломъ, преподаннымъ А. С. Хомяковымъ: явленія прошлаго объяснять изъ наличности настоящаго.

Одного этого разсказа было бы достаточно, чтобы доставить его автору самое почетное положеніе среди Русскихъ писателей и послужить образцомъ для подражаній. Но конечно, критика отнеслась къ нему отрицательно и прибѣгла къ излюбленному способу своему—къ замалчиванію.

«Царскій Сокольникъ» заполнилъ пропасть между имперскимъ періодомъ Русской жизни и до-петровскою Русью; въ этомъ его значеніе въ исторіи Русскаго самосознанія.

Но главный подвигъ и незабвенная заслуга Н. М. была его «Русская исторія» отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ. Пять томовъ 1896—1904 гг.

Уже въ 60-хъ годахъ онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія по смутному времени и въ полемикѣ съ Костомаровымъ по поводу перваго Лжедимитрія (появилась въ «Днѣ» за 1864 и 1865 г., вмѣстѣ съ статьями Костомарова и дополненіями напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за

1884 годъ) проявилъ огромную начитанность, тонкое пониманіе эпохи, живость изложенія и чрезвычайный полемическій талантъ. Изученіе историческихъ памятниковъ было любимымъ занятіемъ его съ раннихъ лѣтъ, и И. С. Аксаковъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобы онъ, Павловъ, написалъ Русскую исторію (см. переписку Н. М. Павлова съ И. С. Аксаковымъ: «Русскій Архивъ», 1892 годъ). Это же было завѣтомъ Константина Сергѣевича.

Въ 1892 году Н. М. оставилъ службу въ Обществѣ Взаимнаго Кредита, куда онъ былъ привлеченъ Иваномъ Сергѣевичемъ, и поселился въ деревнѣ. На досугѣ онъ написалъ первый томъ исторіи, доведенный до убіенія Андрея Боголюбскаго, и напечаталъ его въ 1896 году. Первоначально онъ предполагалъ описать лишь первые пять вѣковъ родной старины; но неожиданный успѣхъ, вопреки замалчиванію въ печати, и покровительство Того, Кто своимъ чуткимъ сердцемъ сразу понялъ, какой цѣнный вкладъ вносится въ Русское самосознаніе, дали возможность и побудили покойнаго продолжать свою работу до новѣйшихъ временъ. Пока исторія доведена до Василія Темнаго включительно. Въ нынѣшнемъ году долженъ былъ появиться шестой томъ, обнимающій царствованіе Ивана Третьяго. Въ общихъ чертахъ исторія доведена до Петра, и набросанъ очеркъ до-Николаевскихъ временъ.

Чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ значеніе исторіи Павловъ необходимо показать, какъ писали исторію до него наши «Русскіе иностранцы», — говорю исторію, а не историческія изслѣдованія. Но это требуетъ большого сосредоточенія вниманія и большой подготовленности. Пока скажу коротко, что, благодаря трудамъ Н. М., темнота исторіи прояснилась; кто прочтетъ его исторію, для того прошлое нашей родины не будетъ чужимъ, онъ почувствуетъ біеніе родного сердца въ герояхъ исторіи, увидитъ, что неокончательно порваны связи съ далекимъ прошлымъ, которое не умерло, сознаетъ, что Русь Святая не есть пустое слово, что запросы духа народнаго остались все тѣже, что и препятствія къ осуществленію завѣтныхъ чаяній народа остались чуть ли не тѣже самыя.

Если нельзя было написать Русской исторіи, не понимая современнаго духовнаго склада народнаго (такъ какъ исторія есть раскрытіе самосознанія, обнаруженіе того, что̀ составляетъ предметъ чаяній и стремленій народа) то и обратное справедливо: вы не поймете современности, если не будете ее оцѣнивать съ точки зрѣнія исторической. Вотъ почему трудъ Павлова имѣетъ для всѣхъ насъ такое великое значеніе.

Конечно, исторія Н. М. была замолчана. Она-де не научна, такъ какъ написана безъ ссылокъ и цитатъ. Такъ говорили наши «жрецы исторической науки»; но когда профессоръ Бестужевъ-Рюминъ попробовалъ указать на ошибки, то Н. М. поднялся во всеоружіи учености и неопровержимо доказалъ, и свою правоту, и малую вдумчивость почтеннаго академика, доктора Русской исторіи. (См. «Русскій Архивъ» 1898 г.).

Вы знаете Павловъ какъ общественнаго дѣятеля. Вы помните, съ какимъ юношескимъ жаромъ, невзирая на свои семь десятковъ лѣтъ, принималъ онъ участіе въ нашихъ бесѣдахъ и преніяхъ. Но, можетъ, вамъ неизвѣстно, что на всякій важный вопросъ въ нашей жизни онъ всегда давалъ отвѣты въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ, и всегда его слово было вѣско, своеобразно и почвенно, если можно такъ выразиться. Онъ первый указалъ на фальшь въ самой постановкѣ земскаго дѣла, первый съ необыкновенною глубиной выяснилъ нравственное значеніе того начала, которое тѣсно насъ всѣхъ объединяетъ,—*Самодержавія*. Статьи эти соединены въ сборникѣ (данномъ какъ приложеніе къ «Русскому Архиву») «Наше переходное время». Обращаю ваше вниманіе на его статью. «Въ началѣ XX вѣка»; она приложена была къ «Русскому Дѣлу» за прошлый годъ. Въ ней указано, до какой степени Русскій народъ имѣетъ всѣ данныя, чтобъ удовлетворить всѣмъ справедливымъ запросамъ поставленнымъ западною исторіей.

Тонкій знатокъ Русскаго языка, начетчикъ въ святоотеческихъ твореніяхъ, глубокомысленный толкователь Апокалипсиса, творецъ своеобразной философской системы, авторъ оригинальнаго проекта преобразованія всего строя управленія въ Россіи, Павловъ представлялъ собою здоровую Русскую натуру. Бодрость душевная не покидала его никогда, и онъ совершенно былъ чуждъ общей болѣзни вѣка сего—тоски, которая является конечнымъ плодомъ нашего мнимаго, оторваннаго отъ народной почвы, образованія, съ его вѣчно-безплоднымъ стремленіемъ къ какому-то отвлеченному, гуманитарному и космополитическому прогрессу.

Еще нѣсколько словъ о его любви къ Россіи. Это была какая-то личная, страстная любовь. За послѣдніе два года онъ положительно сгоралъ отъ желанія приносить ей свою посильную пользу. Онъ былъ главнымъ руководителемъ нашего союза; по его мысли образовался Всенародный Союзъ. Уже когда смерть налагала на него свою руку,

онъ все скорбѣлъ о томъ, что самъ не можетъ писать и хлопотать, и горячо настаивалъ, чтобы мы работали не покладая рукъ.

Въ продолженіе всей свое жизни онъ былъ яркимъ свѣтильникомъ и будилъ наше общество отъ умственной спячки. Какъ къ нему примѣнимо стихотвореніе нашего великаго учителя А. С. Хомякова: «Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!»

И вотъ, ты опочилъ послѣ неустаннаго подвига, дорогой, незабвенный другъ-руководитель! Ты подалъ намъ примѣръ, какъ должны мы служить своей родинѣ. Да послужитъ тебѣ утѣшеніемъ то, что начинаютъ пробуждаться Русскіе люди, и «разорвавъ ночныхъ обмановъ сѣти», принимаются за дѣло; что тѣ начала, которымъ ты служилъ и которые выяснялъ всю свою жизнь, начинаютъ переходить въ полное сознаніе народа.

Твердо вѣрю, что пройдетъ ночь, и настанетъ ясный день, что взойдетъ солнце исторической правды. Еще корни нашей жизни не повреждены окончательно, еще много въ нихъ могучихъ силъ. Что̀ это такъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ самъ Николай Михайловичъ.

Вѣчная ему память. А мы, съ Божіею помощью, за работу!

Юрій Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1906 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

Внутри обложекъ: о Русскихъ портретахъ, изданія Великаго Князя Николая Михайловича, объ архимандритѣ Макаріи Глухаревѣ, о воспоминаніяхъ Кони, о Радищевѣ и др.

съ малолѣтними дѣтьми-сиротами и съ ихъ теткою, дѣвицею Рубановскою. На пути губернаторы и мѣстныя власти заботились о немъ. Помѣщенъ онъ былъ въ прекрасно-устроенномъ домѣ, и даны даже пособія для его письменныхъ занятій. Во всякой другой странѣ онъ потерпѣлъ бы болѣе тяжкое наказаніе. Книгу его взялась разобрать сама Государыня, издавна знакомая близко съ тѣми писателями, сочиненія которыхъ помутили слабую голову Радищева. У насъ замалчиваютъ про этотъ умный разборъ, напечатанный вмѣстѣ съ другими Радищевскими бумагами и любопытнѣйшею его «повинною» въ V-й книгѣ «Архива Князя Воронцова». Все это достойно большаго оглашенія и должно содѣйствовать къ справедливому пониманію дѣла. Екатерина, нѣкогда поднявшая вопросъ о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ съ землею, имѣла право сказать Радищеву, что «лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной», тогда какъ Радищевъ, проклятый отцомъ своимъ (богатымъ Саратовскимъ помѣщикомъ) за его отношенія къ свояченицѣ, бѣжавшій изъ Сибири, гдѣ бросилъ своихъ дѣтей, и по приказанію императора Павла водворенный въ имѣніи его подъ Малоярославцемъ, поступалъ круто съ своими, такъ называемыми, рабами. «Скажите сочинителю, писала Екатерина, что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды. Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданій».

Книгу Радищева слѣдуетъ сличить съ Дневникомъ его однокашника по воспитанію въ Лейпцигѣ и по Пажескому корпусу П. И. Челищева, 1791 года: «Путешествіе по Сѣверу Россіи». Этотъ любопытнѣйшій Дневникъ изданъ въ 1886 году графомъ С. Д. Шереметевымъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Челищевъ, человѣкъ тоже весьма образованный, негодуетъ тоже на злоупотребленія властей и тоже полонъ сочувствія къ простонародью; но злобы въ его отзывахъ не слыхать. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что его книга осталась ненапечатанною до нашихъ дней. Говоря о неустройствѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, онъ винитъ «сатраповъ, за чѣмъ они не обращаются съ просьбами къ царскому престолу о вспоможеніи симъ несчастнымъ», хотя знаютъ навѣрно, «что благодѣтельная душа, нами управляющая, отъ сихъ просьбъ никогда не отрекается».

Новымъ изданіемъ книги Радищева напоминается четверостишіе князя Вяземскаго:

Посмотришь, вѣкъ нашъ вѣкъ свободы;
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877, 1879, 1884** и **1886—1889** по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы **1890 — 1892, 1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р;. годы **1898—1905** по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ, отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать по 1 рублю.

Московскіе подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**